

<http://profbeckman.narod.ru/>

**Игорь Н. фон Бекман
(Гелий Радонов)**

Собрание сочинений

Серия: ЗАПИСКИ ДРЯХЛОГО СУПЕРМЕНА

Том 1. ХИМИК В ДЕЙСТВИИ

Сборник рассказов

Москва – Кейптаун – Прага – Рассудово

–2019–

Оглавление

От автора	9
Ампет	10
Байки русского барона	11
ОТЕЦ	12
Герой революции	12
Псовая охота.....	12
Не барское это дело	13
Космополит	13
Юридический рефлекс	14
Излишняя предосторожность	14
Бабий угодник	14
Специалист	14
Надёжная специальность.....	15
Дёшево и сердито.....	15
Оплошность.....	15
Сочтёмся славою	15
Комплимент как искусство.....	15
Богатыри и мы	15
Напутствие	15
Монархизм	15
Как изучать иностранные языки	15
Эффективное лечение	15
Пиши!	16
МАТЬ.....	16
Стыд	16
Немецкие корни.....	16
ЖЕНА.....	16
ДВА ТЕСТЯ	16
ДЕТСТВО.....	19
О! Это Я!	19
Дом и участок.....	20
Счастливое, поруганное войной, детство	21
Рондо.....	25
Пьющая утка	25
Красота фракталов	26
Кузина.....	31
Игрушка (начало детского детектива).....	33
ШКОЛА	39
Отображение реальности.....	39
Выбор профессии.....	39
Справка.....	39
Ты и твоё имя.....	39
С кого брать пример?	41
Мыльный камень	41
Счастливый номер.....	45
Физик и маркиза	48
РАБОЧИЙ	49
Колорит	49
Постмодернизм	54
СТУДЕНТ	58
Плохое поведение	58
Встреча Гагарина	58
УЧИТЕЛЯ	59
Новое научное направление	59
Новое оборудование.....	60
Радиационная разведка	60
Ядерная хронология.....	60
Радоновый источник.....	60
Техника безопасности.....	61
Ответственность	61
Шампанское.....	62

Железный Феликс.....	62
Ты и твоё имя.....	62
Выбор специальности.....	62
Сам себе шеф.....	63
Кто у нас руководитель?.....	63
Уникальный шеф.....	64
Эталон.....	64
Трудолюбивый шеф.....	64
Занимательная литература.....	65
Диетическая тюря.....	65
Изгнанник рая.....	65
УЧЕНИКИ.....	66
Непосредственность.....	66
Ошибки программирования.....	67
Как сдать экзамен?.....	67
Молитва.....	68
Досрочная аспирантура.....	69
Скептик.....	69
Ультиматум.....	70
Химию – в жизнь.....	70
Ушлость и артефакт.....	71
Теоретик, как неудавшийся экспериментатор.....	72
Женский стимул аспиранта.....	72
Физики и химики.....	72
Хочу купаться!.....	73
В Россию с порядком!.....	73
Химик – писатель.....	74
Химик – танкист.....	74
Коварная буква.....	75
Нужное учреждение.....	75
Выбор невесты.....	76
Максимум возможного.....	78
Толковый.....	78
Три дипломника.....	79
Как стать полковником?.....	80
Живое время.....	80
Конформист.....	80
Искусственный человек.....	80
Сам себе враг.....	80
Пьянству – бой.....	81
Дискотека.....	81
Удобное место.....	82
Иудина статистика.....	82
Профессорский климакс.....	82
КОЛЛЕГИ.....	83
Радиационная гигиена.....	83
Кризис жанра.....	83
Суеверие.....	84
Технологическая практика.....	84
СОВМЕСТНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ.....	85
Дирижабль.....	85
Диссертационный риск.....	87
Цена учёной степени.....	87
Нервы.....	87
Вопрос по существу.....	88
Трудолюбие.....	88
Пустота.....	88
Оппонент на подлёте.....	89
Потребности и возможности.....	89
Азбука Морзе.....	90
Начало конгресса.....	90
ИХ НРАВЫ.....	95
Комплекующие.....	95

Темы грантов	95
Ленинская премия	95
Время на патенты	95
Три закона и правило	95
Стипендия	96
Поздравления	96
Наш менталитет	96
На испуг	96
Чистота крови	97
Неестественный отбор	98
Третий закон Ньютона	99
Бардак и порядок	99
Научный подход	101
Вражий стимул	101
Хуже некуда	101
Промышленный шпионаж	101
Сатир (Рассказ завлаба)	102
ХИМИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ	106
Мама! Я химию люблю... ..	106
Химик я	106
Кот Бекмана	114
Эль-Вира	115
Ксеноновый наркоз	124
Благодатный огонь	126
Грибная лысина	128
Террором на террор	131
Банкет	136
На почте	143
Пациентка	143
Косметика	145
Самогон	147
Мина объектная	151
Топлёное масло	153
Кумыс	154
Рейдерский захват	155
Альтернативная энергетика	156
Аспирин	157
Где-то на севере	160
Обратные технологии	161
Озоновая дыра	161
Тайны Мутновского	162
Радоновые ванны	162
Крутые яйца	163
Миллениум (охота за радоном)	166
СУХОПУТНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ	174
ЯКУТИЯ	174
Москва - Якутск	174
Якутск	176
Воспитательница	178
Одеколон Лаванда	179
Баня	179
День победы	182
Пирожок	183
Светский раут	184
Бичи	187
Наука гитик	189
Комплементарность	191
Копсе	192
Троцкист	193
Доцент - ковбой	194
Беспокойные ночи	194
Тщетная предосторожность	195
Забота	195

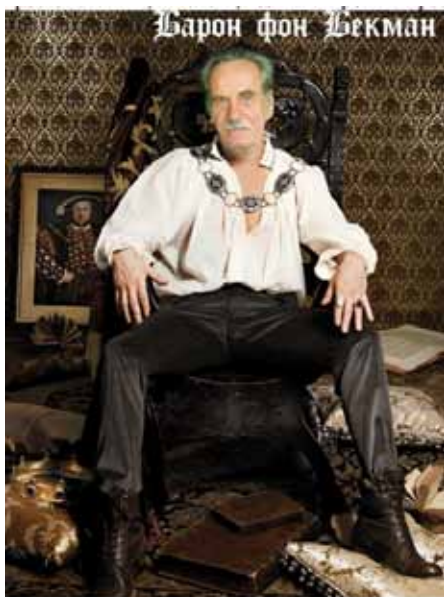
От судьбы не уйдёшь	195
Воспитательница	196
Нервная обстановка	196
Конфликт поколений	196
Цивилизация	197
Стимул	197
За черемшой	198
Тир	199
Марксист-народник	200
Цирк	202
Первая охота	203
Общее дело	204
Муравейник	205
Тест	208
Прииск Кёстёр	208
ГОРНЫЙ АЛТАЙ	212
Супермен	213
Внешность обманчива	213
Без ружья	213
Надёжность	214
Русская печь	214
Советский гарем	214
Перекур	215
Цыганка с картами	215
Аморалка	215
Нервы	220
Халтура второго рода	221
Гостеприимство	222
ТУРУХАНСКИЙ КРАЙ	222
Музыкальный работник	222
Азимут	223
Плато Путорана	223
Синильга – царица гномов	224
КАМЧАТКА	228
Лучше в нас, чем в таз	228
Петропавловские бдения	229
По заслугам и честь	229
Мутновка и Дачное	230
Тесный мир и тонкая прослойка	232
Подручное средство	234
Желчь	234
Камчатский стриптиз	237
Пёс Иуда	238
Английский компас	238
Умные животные	240
МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ	241
Чистое искусство	241
Бассейн	241
Романтик	241
Универсальное судно	241
Сухой закон	241
Должность женщины	242
Наши обязательства	243
Клевета и наговор	243
Трудности роста	244
Дорогие гости	244
Замуровали!	245
Коммерческий детектив	247
Везде евреи	247
Кайф	247
Наши эксперименты	248
Все мели Дона	248
Подводная охота	249

В жизни всегда есть место подвигу.....	249
Штурман	249
Взятка	251
Рачья бухта	251
Кара-Богаз-Гол.....	252
Плавучая буровая	254
Прыжок	255
ПОХОДЫ	259
КАРЕЛИЯ.....	259
Волок.....	259
Карельский порог	261
ГОРНЫЙ АЛТАЙ.....	262
Водопад Большой Шалтан	262
Гроза и шторм.....	265
Спуск по Бие.....	266
Кузенский порог.....	268
Тюнгур	270
Аккемское суженье	271
Озеро Кучерла	272
Горный туризм	272
Аккемское озеро и аккемская стена	277
БРОДЯЧИЙ ПРОФЕССОР	280
АВСТРИЯ	280
Пиковая дама.....	280
АЗЕРБАЙДЖАН.....	281
Команда «Хазар»	281
Возраст любви	282
Банкет в Баку	283
АНГЛИЯ.....	284
Шутки английские.....	284
Сохо	284
АФРИКА	284
Терренкур	284
Подвижник.....	293
Наш бизнес.....	294
Считанные	295
Усы.....	296
Менталитет.....	297
Экология – враг цивилизации.....	298
Партийная борьба.....	298
Хулиганка	298
Опасная профессия	299
Реакция	299
Железный занавес	299
Их нравы	300
Что-то вспомнила	301
Вино Африки (Констанция, Либертас и Пинотаж)	301
Эффективный экзамен	305
Чистота без субботников.....	305
«Вика»	306
Чистая бомба.....	307
Оконечность.....	308
Город - университет.....	315
По алмазному следу	315
Родс, Крюгер и англо-бурская война	321
Деловой	322
Прикладная физика	328
ГЕРМАНИЯ	329
Чужие ритмы	329
Немецкая бюрократия.....	330
Век воли не видать.....	330
Наше преимущество	333
Наши менталитеты	334

Русско-немецкий симбиоз	334
Стриптиз: мечты и реальность	336
ФРАНЦИЯ	337
Добро пожаловать!	337
Борец за справедливость	338
Социализм	338
Севастопольский бульвар	339
Русские в Париже	340
Парижский сувенир	342
Испытанный маршрут	343
ЧЕХИЯ	343
Полиглот	343
Маленький лев	343
Нечто общее	343
Как развестись с чешкой	344
У голой бабы	344
Трудное счастье	345
Традиции	346
Дом, как крепость	346
Пражский концерт духового оркестра немецких полицейских	346
Диксиленд в доме Фауста	347
Уроки русского	348
Предпоследний шанс	349
Чешско-русский словарь	349
Этикет	349
Столкновение	349
Чешские зарисовки	350
Словацкие тосты	351
Всё – в сравнении	352
Эталон	352
Избирательный склероз	352
Кто виноват?	352
За что штрафуете?!	353
Лингвистические казусы	353
РАССКАЗЫ О ХУДОЖНИКАХ	353
Образ	353
Остановись мгновенье!	354
Отображение реальности	354
Миниатюра	355
Ню	356
Картины моей души	357
СМАЛЬТА (этюды на пленере)	359
По мотивам «Ионыча»	359
Спецшкола	360
Завтра лекция	360
Профессор Сизиф	361
Обманула	362
Надёжность	362
Пари	362
Изобретатель поэзии	362
Туфельки	362
Письмо	363
Плохая специальность	363
Постепенные реформы	363
Свободу людоедам!	364
Жил был поп	364
Оскорбление личности (за гуманизм!)	364
Сказать правду?	364
Структурная лингвистика	365
Новые города	365
Куплю печку!	366
Восьмой ребёнок	366
Дурной сон	366

Доверчивость	366
Клинический случай	366
Интеллигент.....	366
Одесса	366
Объективные законы	367
Арык.....	367
Арбуз.....	367
Обсерватория	367
Кладбище Мечты	368
Тяжкий труд теоретика	368
Проблемы систематики.....	369
Секс богов	369
Жертвоприношение	370
Шлягер	370
Обрезание	371
Джордано Бруно	371
Реформация	372
Призрак единенья	373
Холизм.....	374
Защитники России	376
Суть и название	378
Что есть эксперимент?.....	379
Рассказ – чемпион	379
Традиционные тосты	379
Тост 1.....	379
Тост 2.....	380
Тост 4.....	380
Тост 5.....	380
СТИХИ.....	381
НЕМОЩЬ СУПЕРМЕНА.....	392
Обет	392
Амнезия.....	392
Первая смерть.....	392
Договор.....	395
Врачу: исцелися сам.....	397
СКАЗКИ БЕКМАНА	398
Сцены из научной жизни.....	398
Внешняя сила	399
Чешский лев.....	400
Идол	401
Гномы	402
Иконика	406
Мировоззрение кота Юриуса.....	407
Вера, наука и скептецизм.....	411
Вельветовая революция	415

От автора

Истина – в брехне.

Много я написал научных текстов, сложных с математической, физической и химической точек зрения – не менее ста тысяч страниц, наверное. Много прочёл лекций. Скучное дело, доложу я вам. Всё формализовано, отклоняться нельзя. Долго терпишь, но не выдерживаешь, начинаешь отвлекаться на посторонние события, постороннюю информацию. Возникает желание, дать волю словам (хотя бы неформальной лексике), и идеям, описать, что-то далеко отстоящее от обыденности. В идеале – придумать анекдоты. Или хотя бы небольшие рассказы, с сюжетом, а, если удастся – то с юмором.

Хорошо, а кто будет сквозным героем сборника таких рассказов. Вопросы нет. Героем буду я! А кто же ещё?! Кроме себя, я, вроде, никого не знаю. Да и себя – плохо, вывернуть свою душу на всеобщее обозрение не смогу. Но какие-то приключения, со мной приключившиеся, описать смогу. Почему – нет! Для себя, просто, чтобы не забыть прекрасное мгновенье.

Время от времени писал я рассказы. Не всегда – только в тяжёлую минуту жизни: реанимация, больница, глухое одиночество, стресс. Это, конечно, наложило отпечаток. Вспоминал смешное, что развеяться и преодолеть депрессию. В принципе, если кто попросит, я многое могу рассказать: о МГУ (всё же я в нём более 70 лет), о своих учителях, коллегах (учёных, преподавателях, соратниках в путешествиях), об учениках, и вообще об этой неуправляемой организации (человейнике), что растила и душила меня. Конечно, у меня много впечатлений от походов, экспедиций, путешествий по СССР, России и по всему свету. Но всё не расскажешь, ограничусь мелкими зарисовками, сделанные мною в возрасте 30 – 40 лет. Сейчас я так писать уже не могу – стиль поменялся.

Рассказы носят автобиографический характер, но это вовсе не мемуары. Для меня – это художественные произведения с выдумкой, фантазией, преувеличениями и принижениями. На самом деле герой, конечно, тоже не я. Базовый герой – это русский вариант барона Мюнхгаузена – выдумщик и врун. Я вовсе не такой, я – зануда – учёный, ползущий за фактами. Другое дело, что возможно я страдал шизофренией: было раздвоение на рассказчика о себе любимом (тогда тексты в какой-то степени описывают реальные события) и постороннего лица – барона Олега Кирстена по прозвищу Кастыль, который периодически вклинивается в разговор, считая, что дополняет автора по теме. Это он зря – с такими, как Кирстен, я дел не имею. Но избавиться от него не могу, он назойлив и возникает предо мной раз за разом. Проще дать возможность ему высказаться...

Рассказы написались сами собой, я их собрал, частично опубликовал в бумажном виде (сборник «Ампет») и вот теперь повесил на своём старом сайте в Интернете. Сделал это без всякой цели – просто так.

А ты, читатель, возьми и прочти.
Просто так!

Ампет

Суждены нам благие порывы....

Отец мой родился в белорусском имении Яновка, в поместье отца – Бекмана Николая Николаевича, агронома-лесоведа, предводителя местного (могилёвского) дворянства.

Когда он учился в гимназии в Рославле, то зимние каникулы проводил в родных пенатах. Время пролетало быстро, и вот пора возвращаться в гимназию. Вся семья высыпает на крыльцо, из-за угла вылетает тройка. Ямщик стоит в санях во весь рост, далеко откинувшись назад, не в силах сдержать коней.

– Берегись! Разнесу! Скорей!

Гимназист прыгает на ходу, за ним летят чемоданы, шубы, гостинцы. Раз! И тройка рванула в метель. Колокольчик звенит, кони – наметом.

– Неужели так до Смоленска?

– Да ни! То ж ампет. Тильки до гумна.

И точно. Миновали гумно и стоп. Лошади перешли на шаг, потом встали. Удары кнута, мат-перемат.

–Но! Нннооо! Ать!

Без пользы.

Ампет кончился!

—*—*—

Вот так и я: писать начал рьяно, замахнулся на роман многотомный. Но! Ампет кончился! Рассказов набралось лишь на одну книжку...

Ампет – искаженное английское *Impet(us)* – толчок, импульс, стимул

Байки русского барона

Барон хвастает, но никогда не врёт!

Давным-давно на конференции по радиационной химии в Тбилиси меня поселили в одной комнате с двумя старшими коллегами. Мужики в возрасте, к науке относятся спокойно снисходительно, и основное время проводят за травлей анекдотов. Я тоже принял участие, но, так как анекдотов не знал, то пробавлялся исключительно своими байками. Постепенно вошёл во вкус и, однажды рассказал, как был попутчиком одного хорошо нам известного Доцента.

Летели мы в Иркутск на конференцию по применению радионуклидов в органической химии. Помнится, я там делал доклад на тему «Диффузия органических веществ в органических полимерах». В соседнем кресле располагался Доцент. Лететь долго, пан Доцент достал пол литру и бычков в томате. А ножа нет. Забыл! Я одолжил свой и разделил трапезу. Разговорились.

– Понимаешь, Игорь, – сказал он мне. – Трагедия России – засилье бюрократов (с этим тезисом я, в принципе, согласен, странно только слышать его от начальника 1-го отдела факультета, самого большого бюрократа, которого я встречал в своей довольно долгой жизни).

– Ты себе не представляешь, какие идеи режут на корню! Вот в МГУ организовали садовый кооператив. Чем его застраивать? Я предложил – фюзеляжами старых самолетов. Берешь корпус (без крыльев, естественно), сверлишь в земле круглую яму (можно мотобуром). Опускаешь в неё (с помощью вертолета) фюзеляж, хвостом вниз, засыпаешь землей. Готово! Компактный (это важно – участок всего в шесть соток) трехэтажный коттедж. С гидроизолированным погребом и стеклянной терраской наверху (кабина пилота). Материал прочный, коррозионно-стойкий. Красить не надо. Теплоизоляция рассчитана на -60°C. Окна круглые, не бьющиеся. Комнаты просторные. Представляешь, как бы выглядел кооператив: застройка по одному проекту, дома все серебристые, веселенькие. Ни бедных, ни богатых. И что ты думаешь? Архитектор возник: «Трехэтажные дома не положены!» Бюрократ!! А я уже и с вертолётчиками договорился и с аэропортом о покупке ста пятидесяти списанных ТУ-104.

Мой рассказ превысил терпение коллег.

– Это уже из сферы Мюнхгаузена, - сказали они мне, – завтра же проверим!

На следующий день мы втроём шли по коридору. Навстречу – Доцент.

– Тут Бекман байки травит. О застройке кооператива. Говорит, что Вы закупили 150 штук ТУ-104.

– Врёт он всё, – отвечал Доцент, минуя нас. – Вовсе не 150, а 200 и ни какой-то ТУ-104, а Боинг-707!

Так я был официально признан самым правдивым человеком на кафедре, факультете и, может быть, МГУ.

И то правда: никогда я не преувеличиваю, говорю, как есть, и если отклоняюсь от реальности, то преуменьшаю.

Для правдоподобия...

Это время тихой сапой убивает маму с папой
И.Бродский

ОТЕЦ

А был он твёрдым калачом: врал правду
О.Чухонцев

Герой революции

Будучи студентом юридического факультета Московского Императорского Университета, отец, конечно, проходил марксизм, но не придавал ему особого значения. Как и другим предметам, впрочем, так как увлекался он только женщинами. Всегда и везде: в Университете, на германском фронте, в московских казармах, куда его полк попал на переформирование. В 17-м году он был уже поручиком и командовал батареей тяжёлых орудий, базировавшейся на станции Белокаменка (за Сокольниками) московской окружной железной дороги. Любимым делом он, естественно, занимался ночами и рано вставать не любил. Однажды его подняли на заре, когда ворвавшийся в казарму адъютант штаба доложил:

– Какая-то сволочь обстреливает Кремль!

С Воробьевых гор стреляла батарея под командованием Штейнберга Павла Карловича (астронома-большевика, как написано на его могиле на Ваганьковском кладбище). Заработал он потом на этом деле институт своего имени.

– Приказано подавить!

– Дай зеркало!

– К чертям! В Москве революция!!

– Пусть себе, мне побриться.

Одевшись, отец решительно отправился к дверям. Подавить лёгкие полевые пушки теми крепостными орудиями, что он командовал, (дальность стрельбы 25 километров) не представляло труда. Тем более ради такой ценности, как Кремль. Но тут он обнаружил непоправимое: свой револьвер он оставил под подушкой у Ксении. Нечего было и думать показываться солдатам в разобранном виде. Пришлось пешком пробираться через восставший город к Воротниковскому переулку. Забрав револьвер, он отыскал брата, засевшего на Тверской в здании, на месте которого теперь зал Чайковского. Сергей командовал пулеметным взводом, прикрывавшим подступы к Городской Думе.

– Ты красный или белый? – спросил отец, чья эрудиция за утро заметно продвинулась.

– Не знаю, - ответил брат.

– Сходи, узнай!

Сергей спустился вниз и через полчаса сообщил:

– За красных голосовали.

– Ну, тогда и я красным буду, – согласился отец, прикалывая на груди красный бант, который был ему к лицу. Так гражданин Павел Карлович (он же Лунный, он же Эрот) получил возможность разнести в клочья часы на Спасской башне, а революция была спасена.

...В 1920-ом они, преследуя Колчака, бросились в Иртыш. Отец переплыл один.

Псовая охота

До войны отец работал в Госплане (там, где сейчас Дума). В начале тридцатых годов начались гонения на «бывших», его выслали с семьей из Москвы и поселили в Клязьме. Тогда строился канал Москва-Волга, НКВД организовал посёлки, где располагались органы управления, жили вольнонаемные инженеры-строители, охранники, условно освобождённые заключенные и т.п. Туда же, так сказать под надзор полиции, отправляли высланных из Москвы граждан дворянских кровей. Отец работал в местном Исполкоме в должности плановика. Сначала он тихо грустил, но, когда в 37-м всех оставшихся в Госплане расстреляли, понял, что ему крупно повезло, и повеселел.

Жили мы на большой летней даче дореволюционной постройки. Восемь комнат, но зиму семейство (нас было пятеро) проводило в одной маленькой комнатке, ибо только там можно было пережить морозы. Не глупо было бы утеплить всю усадьбу, но отец не мог, да и не хотел вбить гвоздя. Дача располагалась на большом (соток 60-70) участке, сплошь заросшем высокими корабельными соснами. Впрочем, был и сад. Начиная с лета, мы последовательно собирали вишню, сливу, груши и яблоки. Как возникал урожай – понять трудно: садоводством никто не увлекался.

Вы наверно думаете, что, живя в сталинскую эпоху и ещё в вотчине НКВД, отец дрожал мелкой дрожью, не высовывался и изредка лизал чей-то зад, чтобы выжить (к этому времени все остальные члены семьи уже погибли). Ничего подобного! Он был абсолютно свободен. Жил тем,

что его интересовало (женщины, собаки, лошади), а остальным пренебрегал. Какая разница, что творится в стране: коммунизм, фашизм, либерализм, демократия, или научно-техническая революция, чтоб ей пусто было. Его можно было убить (запросто!), но если он жил и думал, то жил и думал так, как он ему нравилось, занимался тем, что нравилось, и игнорировал то, что не нравилось. Положив ... на партию и правительство, на народ, на закон и религию...

Так, с раннего детства понял я, что такое свобода и почему она не зависит от общественно-политического устройства. Многие мои приятели этого не знали, потому в Перестройку подались в демократы-либералы, наивно полагая, что, изменив политический строй, они внесут в общество элемент свободы. Как бы ни так! Свобода она в нас: либо есть, либо нет. И если ты сам не ощущаешь себя свободным, то будешь рабом при любом строе и в любом государстве. Полюбуйся, к примеру, на современных американцев, все как один – рабы.

... Но тогда, в детстве я этого не понимал. Стеснялся друзей и подруг. Ну, сами посудите: послевоенное время, все еле-еле выживают. Кругом страх, люди исчезают ночами. Детки коммунистов и дворян играют в пионеры. А тут распахиваются ворота, и выходит отец. Рост метр девяносто, вес 120 кг, усы как у Гиляровского (помните казака, что пишет письмо турецкому султану?). На груди Георгиевский крест, медаль за оборону Москвы (на реверсе надпись «За нашу советскую родину» и серп и молот) и значок об окончании Московского Императорского Университета (с двуглавым орлом). На плече ружье, поперек груди патронташ. При нём свора собак. Он торжественно следует по Клязьме, раскланиваясь с каждым прохожим. На околице садится верхом на возникшую откуда-то лошадь, спускает собак и гоняет зайцев по окрестным полям (теперь уже колхозным, но что с того?). Я же, завидев приготовления к охоте, бежал к ближайшей сосне, по остаткам сучков забирался на вершину и там, среди шапки веток, прятался от сверстников.

Так и провел первые 16 лет на дереве!

Не барское это дело

Ранняя весна. За толстыми двойными рамами свисают сопливые сосульки. Снег потемнел. На диване полулежит отец. Торс на подушках, ноги на коврах, устилающих всю комнату. Голова опирается в висячую на стене шкуру огромного бурого медведя, убитого им в гражданскую войну на Алтае. На той же стене – ветвистые маральи рога, на них (косым крестом) ружья. Справа, за занавеской – постель домработницы, пухленькой хохотушки Вали. Не видно, но я знаю, что на постели у передней спинки стопка подушек. Они аккуратно сложены в пирамиду: внизу самая большая, вверху – самая маленькая. Они белоснежно белы, по краям – вышивка гладью. Сейчас Вали нет дома, и её постель в распоряжении немецкой овчарки Геры, голова которой покоится на верхней подушке. Из-за занавески на высоте уха человека среднего роста выглядывает её нос.

В сенях топот ног, кто-то отряхивает снег с валенок и входит в комнату. Это местный начальник по хозяйству («наш Швондер»).

– Бекман! – заявляет он, – безобразие! Снег тает, соседи прорыли канавы, а Вы??? Выходите немедленно!

Отец смотрит на него внимательно. Усы у него встают, сам он вытягивается и, забросив руку к рогам, пытается достать ружье. От такой пантомимы завхоз пятится, опасно прижимаясь к настороженной Гере.

– Что? Я, барон фон Бекман, канаву? Гера!

Гера (басом): "Гав!!!"

Начальника нет.

Космополит

Отец мой был коммуникабельным человеком и интернационалистом в истинном, а не большевистском смысле. Этому способствовала чуждая русскому уху фамилия – Бекман (Ключевской, значит, в вольном переводе). Бек – по-шведски и, кажется, по старогермански – ключ, родник, начало реки. На нашем гербе изображен человек, стоящий по пояс в воде: предки были мореходами. Викинги мы...

... Во времена сталинской послевоенной борьбы с космополитизмом из-за фамилии, ему немало пришлось неприятностей как безродному интеллигенту. Но фамилии приносила и пользу. Жили мы постоянно на даче в Клязьме. С одной стороны – улица, с трех сторон – соседи. Соседи слева были евреи. Когда начиналась их пасха, они всегда приносили мацу и говорили:

– Сейчас такое время, что многие объявляют себя русскими. Что делать! Но мы-то знаем, кто вы и по суги (одно «ман» в фамилии чего стоит), и по духу.

Потом начиналась пасха, и уже русские соседи справа приносили куличи и крашеные яйца. Отец со всеми христосовался, особенно с молодыми девицами:

– Христос воскрес, Николай Николаевич!

– Воистину воскрес, – кланялся отец, шестуя по улицам посёлка.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Наконец, наступал татарский праздник. В дом к нам приходила делегация от многочисленной колонии, проживавшей сзади нашего участка.

– Сейчас нельзя раскрывать свою национальность. Нас вот из Крыма выслали. Но мы знаем, что вы – из знатных татар. Ведь Бек – по-татарски князь.

– Возможно, возможно, – отвечал отец, принимая беляши с кониной.

И, заметив мой вопрошающий взгляд:

– Юридический рефлекс, называется.

Юридический рефлекс

Отец окончил юридический факультет Московского университета и иногда объяснял мне правовые понятия. Например, юридический рефлекс – важнейший компонент, сильно облегчающий жизнь при умелом использовании. Иллюстрировал его он так.

– Допустим, ты живешь в коммуналке на улице Горького в Москве. В бывшей гостинице. Коридоры с комнатами. Каждая комната – квартира. Печное отопление, причём одна печь на две комнаты (на вашу и соседа). Топки – с двух сторон. Сосед пришёл раньше тебя домой, (холодно!) сходил за дровами, протопил себе печь. Но и в твоей квартире стало тепло! Тебе можно не трудиться. На следующий день то же самое, и на третий. На четвертый он является к тебе бить морду:

– Почему я все время топлю, расходую дрова, а Вы нет?!

– Не хочешь – не топи, – отвечаете вы, – нет такого закона, чтобы печи топить. Может, я люблю прохладу.

Так и живёте без топливных проблем всю зиму.

Это и есть юридический рефлекс.

Излишняя предосторожность

Одно время отец работал мировым судьей. Он любил приводить пример своей проницательности.

Одна девица подала на приятеля иск в суд: он её изнасиловал. Ход событий она излагала так:

– Дело было весной. Мы гуляли с ним, потом зашли ко мне за конспектами. Тут он неожиданно кинулся на меня, зажал рот, бросил на постель и изнасиловал.

– Как! Прямо в грязных сапогах? На чистую постель?!

– Что вы? Сапоги я сняла!

Мужика оправдали.

Бабий угодник

Когда отцу перевалило за восемьдесят, он коротал дни на диване, в мрачных размышлениях. Болела спина, и он ворчал, придираясь к домашним. Но раздавался звонок и в передней слышался женский голос. Отец вскакивал, как на пружинах, и устремлялся принимать пальто.

– О! Соня! Какая брошка! Настоящий александрит. Вы не меняетесь, *m'amiee*.

– Коля! – отвечала восьмидесятилетняя и восьмипудовая Соня, вливая в комнату, – *Tu es etourdi Nicola!* Всё такой же!

Или:

– Ооо! Какой бант! С каким узлом!

На пороге шестилетняя подружка внучки.

– Ох, смерть мухам, держись мужики.

Подружка гордой поступью красавицы минует нас.

Ну, что мне стоит взять пример с отца и сделать дамам приятное? Ровным счётом ничего. А вот не могу!

Специалист

Однажды отцу попала гонконгская открытка. Смотришь с одного бока – тётка одета, повернешь – раздета. Покрутил он её в задумчивости и изрёк:

– Да, такую грудь в России не встретишь.

И после раздумий:

– Разве что на Южном Урале. Миасс, Златоуст может быть.

Чёрт возьми!

Тридцать лет я отдал диффузии, все про неё знаю. И что? Никогда мне не достигнуть таких глубин и в таком прекрасном предмете, к тому же.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Надёжная специальность

Я получил гуманитарное воспитание и естественнонаучное образование. А получилось это так. Когда я, было, подался в историки, отец прокомментировал:

– Это – правда, сейчас падает интерес к естественным дисциплинам. Все рвутся в гуманитарии. Но возьми меня. Я окончил юридический факультет Московского Императорского Университета в 1916 году. Через год была вычеркнута одна фраза: «Частная собственность священна и неприкосновенна». Всего одна фраза – и я без специальности. Поэтому не советую. Нет! Не советую.

Иди в химию.

Дёшево и сердито

– Вот, купил килограмм семечек: завтра 8-е марта. На фабрике дам много, средств мало. А так – дал горсть, уже уважил. Пока лузгает – помнит.

Оплошность

– Вчера с Бедняжкой пошёл в Большой театр. Иду по фойе, вспоминаю гусарскую молодость. Слышу:

–Гражданин! С Вас юбка упала!

Оборачиваюсь. Мой кухонный фартук лежит на паркете. Сунул в карман, дальше пошёл.

Но кураж пропал.

Сочтёмся славою

– Да, Гера! Хорошая у тебя родословная, – рассуждал отец, рассматривая длинные списки предков и владельцев нашей немецкой овчарки.

– Но у меня длинней.

Комплимент как искусство

Комплимент женщине – тонкое дело. Вот ты хвалишь её волосы, а она знает, что у неё прекрасны глаза. Всё! Пиши, пропало.

Богатыри и мы

*Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!*

Последнее – точно про нас.

Отец в возрасте семидесяти лет добыл в Москве печку. Буржуйка из чугуна, с духовкой и трубами. С такой штукой его в метро не пустили, и он пешком тащился сначала по городу, а потом от станции до дачи.

А я в возрасте двадцати лет её жалкие остатки еле дотянул до помойки.

– Дети войны, что с вас взять?! – говаривала наша учительница начальных классов.

Напутствие

Однажды отец обвел критическим взглядом нашу развалюху, и сказал невпопад:

– Встретишь когда финнов, не трогай их. Это – наш народ, твои подданные.

Я так и сделал: за всю жизнь не обидел ни одного финна. И не столько из-за того, что оказался либеральным потомком генерал-губернатора В.А. Бекмана, сколько потому, что ни разу ни одного финна на жизненном пути не встретил.

Монархизм

Чтобы со мной было, если бы сейчас произошла реставрация монархии с капитализмом?

А было бы, как в лондонском зоопарке: там однажды выпал снег и ударил мороз в десять градусов. Так жирафы и львы остались, а белый медведь сдох.

Как изучать иностранные языки

Однажды собрались у нас недобитые аристократы. Все томно, ногами дрыгать нельзя, на стуле не качаться, локти на стол не класть и т.п. Разговор шёл на французском, с вкраплениями английского и немецкого. Затеялся спор, как лучше учить языки. Во сне, по болгарской системе или по видаку. Отец откашлялся и авторитетно заявил:

- Лично я языки жопой брал!

Эффективное лечение

Тиф – тяжелая болезнь, и в Сибири ее лечат радикальными методами. Так было в гражданскую, так и теперь. Хотя и реже.

Больного вывозят в лес, выбирают высокое дерево (сосну или кедр). Чем оно выше, тем эффективней лечение. Болезный из последних сил лезет на макушку. Ствол пилят. Терапевтический эффект возможен, когда дерево зашаталось, пошло ложиться, а ты соскользнул. Если не успел - с тобой все ясно. Похороним с честью. А если слез до срока, черт с тобой, болей дальше, раз труса празднуешь. Психотерапия!

Так отец вылечился от тифа. Только рано поседел и облысел, почему-то.

Пиши!

Отцы должны давать детям напутствия. Но личный опыт эффективен только в конкретной эпохе. Я жил при царизме, военном коммунизме и развитом социализме. Твое время - иное. Совет простой: не верь, не бойся и пиши!

МАТЬ

Стыд

Однажды мы начали дачный сезон раньше обычного. Я что-то распаковывал у себя в комнате. Потом вышел на терраску. Мать сидела на полу под столом, приложив палец к губам. Я рухнул рядом и спросил шепотом:

– Что случилось?

– Соседка цветы ворует.

Я вытянул шею и посмотрел в сад. Действительно, наша соседка по участку воровала весенние цветы. Она их не срывала, а выкапывала с корнем, чтобы пересадить к себе.

– Ну, а ты зачем на пол уселась?

– Стыдно!

– Тебе?!

– Она не знает, что мы приехали. Если меня увидит, ей будет стыдно.

– То есть тебе стыдно, что ей стыдно?

– Ну да...

– Круто!

Немецкие корни

Моя мать выглядела вполне русской, но и немецкие корни давали знать. Тем более что её родители и более дальние предки были фармацевтами, провизорами и аптекарями, т.е. людьми крайне аккуратными (иначе перетравили бы пол-России, за что россияне им вряд ли спасибо сказали). Проявлялась это, иногда, самым неожиданным образом.

Работаю на кафедре. Монтирую прибор, нужно отрезать шланг, а ножниц нет. Исчезли! Искать – себе дороже. Бегу на третий этаж к старшему лаборанту

– Мам! Дай ножницы!

Мать сует руку в карман халата и вынимает ключ, открывает ящик стола, выдвигает его и извлекает другие ключи. Идёт к сейфу, открывает его, берёт с полки третьи ключи. Направляется к ещё большему сейфу, набирает шифр, открывает дверцу, затем отпирает секретный отдел, вынимает ножницы и даёт мне.

Система громоздка, но ножницы всегда под рукой!

ЖЕНА

Я, жена, дочь и внук стояли на остановке. Погода была московско-мерзопакостная, а автобус не шёл. Жена вынула платок и вытерла нос сначала внуку, потом мне, наконец, себе. И снова стала вглядываться вдаль.

Вопросы: зачем она вытерла нос мне (мне уже за пятьдесят и, вроде, сам справляюсь)? Почему она не вытерла нос дочери??

ДВА ТЕСТЯ

Поговори с любым русским, и он тебе объяснит, что евреи страшные трусы, к военному делу неспособны, несут на себе печать слабости и вырождения. Причём его ничуть не смутит, что практически все чемпионы СССР по тяжёлой атлетике были евреями, и что грузчики, гладильщики, да и одесские бандиты тоже евреи. Не говоря о комиссарах гражданской и отечественной войн. Но в России таков уж имидж этой нации и никакие герои Советского Союза или арабо-израильских конфликтов нам не указ.

Поэтому я всегда воспринимал рассказы тестя (надо сказать – крайне редкие) о второй мировой войне как некоторое исключение из правил, как нечто пересказанное из литературы и кино. Между тем, Мирон Михайлович Гинзбург непрерывно прослужил в армии с 1939 по 1947 год и принял участие во всех битвах, которые затевал СССР в это время. И не в штабах, а на передовой. Он был сапером, и его основной обязанностью было наведение переправ через реки. Начав с

младшего лейтенанта, он кончил майором, дойдя до Берлина (и даже дальше, поскольку дослуживал на каком-то датском острове, нечаянно захваченном советскими войсками). Награжден дюжиной орденов и медалей. При этом он никогда не был ранен (хотя от батальона, бывало, оставалось в живых несколько человек), опровергая тем самым стандартную статистику. Никогда не состоял он в партии (хотя мы знаем, что офицеру в то время положено было быть партийным). Но самое поразительное, он абсолютно не умел плавать, родившись, проведя детство и юность на берегу Днепра. Как можно, не умея плавать, быть спецом по переправам и обеспечивать десант?! Ведь пуль-снарядов не надо, просто оступись в воде, и хана – течение понесло. Мощный ангел-хранитель был у него, видать.

После войны он служил в Германии (куда привез жену с дочкой, как вы поняли – будущей моей женой), потом, как строителя, его мотало по стране. Он строил все шлюзы Волго-Донского канала (руками заключенных, естественно), затем – уже в Москве – Крымский мост, главное здание МГУ, Цирк на Вернадского, павильон на Всемирной выставке в Канаде и много ещё чего. Никаким репрессиям он не подвергался и даже бытовой антисемитизм (а внешность у него была вполне еврейской) его, казалось, не задевал. Был он зам. начальника крупного главка «Мосстальконструкция» (начальником он, как беспартийный еврей, стать не мог), пользовался уважением и тихо умер от инфаркта в старости, так и не выйдя на пенсию. Похоронен он в Донском монастыре рядом с дочерью Пушкина.

Все это я знал, последние годы его жизни проходили на моих глазах, но тем сильнее удивился, когда обнаружил, что Мирон Михайлович мне вовсе не тесть. Он удочерил мою будущую супругу в раннем детстве, поэтому она сама ничего не знала. Настоящим её отцом был совершенно другой человек, звали его Иегуда (т.е. Лев) Миллер. Узнал я это совершенно случайно, когда знакомился со списком наиболее выдающихся выпускников Механико-математического факультета МГУ. Этот список был со мной на очередном семейном мероприятии и один из вернувшихся на какое-то время в Россию американских родственников жены поведал мне историю истинного тестя.

Иегуда Миллер – австрийский еврей, родители которого были довольно активными коммунистами. После Аншлоса, когда вся семья, спасаясь от нацистов, рванула в Америку, его отчим, мать и Иегуда поехали в Россию строить общество светлого будущего. В СССР отчима тут же арестовали и через полгода расстреляли, а мать десять лет провела в поселении на Аральском море, по возвращению из которого сразу умерла. Иегуда же не пропал, а поступил на Механико-математический факультет МГУ.

Тут надо сделать некоторое отступление в сферу мистического. Наша семья довольно плотно связана с Московским университетом. Отец окончил юридический факультет 1916 году, аккуратно, чтобы принять участие вольноопределяющимся (а потом – поручиком) в 1-ой мировой войне. Мать 26 лет проработала на Химфаке, я окончил Химфак и уже более 45 лет здесь преподаю, последние 15 лет – профессором. Химфак окончили жена и дочь, а Физфак – внучатый племянник. Тёща Генриетта окончила Мехмат (и Консерваторию), и вот оказалось, что тесть тоже мехмат окончил. Кто знает, может я оказался в МГУ не сам по себе, а лишь для того, чтобы узнать о существовании Иегуды и написать эту байку?! Не работай я в Университете, как бы я о нём узнал? Но мистичность жизни не только в этом. Н. Винер, основатель кибернетики, приводит в эссе «Я – математик» обнаруженный им эмпирический закон: математические способности передаются не от отца к сыну, а от тестя к зятю. Он привёл обширную статистику, наглядно демонстрирующую, что знаменитые математики были зятьями выдающихся математиков. Так вот, я начинал как химик-экспериментатор, люблю и хорошо понимаю эксперимент. Но, если вы возьмете мои учебники «Математика диффузии», «Нелинейная динамика», то увидите сплошные математические формулы. Дело в том, что я постепенно, постепенно, но стал теоретиком, хуже того – специалистом в области математической химии. Причём, как бы ни по своей воле, как бы подчиняясь воле свыше, постоянно удивляясь происходящему. А теперь чему удивляться? Согласно Винеру так и должно быть – тесть-то математик!

Впрочем, я отвлёкся.

Иегуда был исключительно талантлив, насколько можно судить по его анализу турбулентности – он гений. Свободно владел немецким и английским языками. Сколько бы этот человек мог бы сделать для науки и техники, да и для победы над фашизмом! Ведь его работа – математическая база будущих сверхзвуковых истребителей, ракет, кораблей на воздушных крыльях.

Но судьба распорядилась иначе.

Как отличника и перспективного учёного его должны (и даже обязаны) были оставить в аспирантуре. За него хлопотал Колмогоров и декан Петровский. Бесполезно! Иегуду как австрийца, да ещё сына врага народа, сослали школьным учителем в казахский город Чимкент. Там в январе и родилась моя жена. В конце июня началась война, в октябре его забрали в армию, а в ноябре пришла похоронка из-под Вязьмы: «Умер от ран». Когда же стали разбираться, что, где, когда и как, то оказалось, что ни от каких ран он не умирал. Сразу по прибытии на фронт его (и

<http://profbeckman.narod.ru/>

остальных казахских немцев) расстреляли свои. Просто так – для профилактики. Зачем нам немцы в войсках?!

Вот так у меня оказалось два тестя, еврей и фронтовики, но только один воевал 9 лет, а другой – 9 дней, один прожил 75 лет, а другой – 25, от одного осталось здание МГУ, а от другого – старая тетрадка в клеточку и гены, переданные потомству. А что толку от этих генов? Разве внук что воспримет, да и то – вряд ли.

ДЕТСТВО

О! Это Я!

*Велик был год и страшен год по рождестве
Христовом 1918, от начала же
Революции второй. Был он обилён летом солнцем,
а зимой снегом, и особенно
высоко в небе стояли две звезды: звезда
пастушеская – вечерняя Венера и
красный дрожащий Марс.
Но дни и в мирные и в кровавые годы
летят как стрела...
М.А.Булгаков «Белая гвардия».*

Полагаю, что 1941 год был не менее велик и страшен, чем 1918. Он тоже был вторым – вторым годом Второй мировой войны. Но – первым годом Великой отечественной. Жаркий – летом, холодный – зимой. Не знаю уж, где стояли Венера с Марсом, но дни действительно летели, как стрела. Вот, на вторую неделю со дня перехода немцами речки Прут, я и появился на свет.

Нашёл время и место!

Родился я 7-го июля 1941 года в городе Москве, в районе Арбата (в роддоме Грауэрмана) в понедельник в 11 часов жаркого дня. Змея я, и Рак. Насколько я соображаю в астрологии для Змеи родиться в теплое время года, да близко к полдню – хороший признак. Быть Раком от 7-го июля (дня рождения Иоанна Крестителя по православному календарю) – тоже не плохо, из-за дара предвиденья («Интуиция – на грани ясновидения», прочёл я о себе в каком-то гороскопе и согласился). А вот с языческим днём Ивана Купала повезло меньше – родился бы ночью – мог бы разыскивать клады, а так – только купаться в голом виде, да прыгать через костры. Зато 7-го июля – День Пастуха, важный праздник (для тех, кто понимает).

Если бы меня называл отец, я стал бы Николаем Николаевичем. Но имя мне давала мать, а ей, во-первых, не нравилось, что я буду тринадцатым Николай Николаевичем в роду, а, во-вторых, имя Николай, напоминало об Императоре Николае II – кровавом (ныне – святом), а с царизмом тогда было строго. Взяла и назвала меня Игорем. Среди предков никто с таким именем не числился, так что я оказался первым и последним Игорем Бекманом в нашем тейпе. Ну, Игорь, так Игорь. Могло быть хуже...

С моментом рожденья мне, считай, повезло, чего нельзя сказать об остальном.

Начать с того, что приключилась война. И война не шуточная, не какая-то там национально-освободительная заваруха на краю Империи, а глобальная (или как тогда говорили – мировая). Через две недели после моего рождения состоялся первый массированный налет немецкой авиации на Москву. Немецкий фугас угодил в ресторан «Прага», что расположен впритирку к роддому. Явно в меня целил. Но, во-первых, промахнулся, а во-вторых, я уже оттуда слинял (раньше срока – как чувствовал).

Если верить моим родственникам, то несли меня из роддома человек десять – мать, сестра, тетки, кузины. Как могло это случиться, если все свалили в эвакуацию – не знаю. Всегда кто-то претендует на заслуги. Знающие люди говорят, что нас забирали двое: отец и дядя Костя, муж тети Кати – у него была служебная машина и пропуск на поездки по Москве и области.

Все поразились моей красотой, но особо – пинеткам. Я был обут!

– Ах, эти розовые пинетки, – восхищалась тетя Катя на моем шестидесятилетии, – вязаные тапочки.

Эти розовые пинетки запомнила вся семья, хоть они были голубыми. Я же – мальчик!

Через неделю после выписки из роддома, меня переместили на дачу в поселок Мамонтовка, Московской области, что у г. Пушкина, по Ярославской железной дороге (единственное направление, не перерезанное немцами). Именно по нему впоследствии пришло подкрепление из Сибири, отбросившее фашистов от Москвы.

Появившись в Мамонтовке, я огляделся. Ситуация мне не понравилась. Активно не понравилась. Немцы вышли к водохранилищу, били по Москве прямой наводкой, их разведку поймали в Мытищах! Кругом царил паника. Все мои тётки (бывшие купчихи, в те времена – активные коммунистки, впоследствии – капиталистки), подхватив чад и домочадцев, рванули в эвакуацию (Они были не одиноки – будущая моя жена добралась аж до казахстанского Чимкента, и только там родилась в безопасности). Даже местный поп, призванный окрестить меня в православную веру, и тот драпанул в Сибирь. Так и оставил меня на всю жизнь не крещенным! Не люблю я с тех пор попов...

На железной дороге снимали провода, в организациях жгли бумаги.

Отец – работник райисполкома, как бывший офицер (по возрасту, он не мог быть мобилизован) готовил партизанские базы. Персонально для меня соорудили утепленную люльку на санях, в каковой я должен был либо отступать вместе с фронтом к Волге, либо остаться партизанить в местных лесах. Жизнь в кибитке со стальным сварным каркасом мне не нравилась –

внешне все старомодно, внутри душно и тесно, а снаружи холодно. И то сказать: пусть вас самих перепеленают на морозе – тогда поговорим.

Однако обошлось! Драпанули немцы, а не я.

На берегу реки Уча был вырыт блиндаж-бомбоубежище, где местные жители скрывались от бомбардировок. Немецкие эскадрильи пытались бомбить столицу, их разгоняли и они сбрасывали остатки боезапаса на пригороды, т.е. на нас. Народ высовывался из бомбоубежищ и любовался горящими дачами, рассчитывая, что его собственная уцелеет. Зрелище было столь увлекательным, что мои няньки не заметили, как при очередном взрыве я слетел с полатей, и уперся носом в землю. Конечно, реветь не стал, подождал, пока родители перестанут считать ворон (наблюдать войну бомбардировщика с прожекторами), заметят пропажу, поднимут и водрузят на место.

Ну, и кому понравится такое обращение?!

Короче, посмотрел я вокруг: что за дела?! Бардак!

Пришлось сконцентрировать биополе и направить его на борьбу с фашизмом. И враг не прошёл! Более того – был разбит и бежал. Отец на этом деле заработал медаль «За оборону Москвы».

Мне ж ничего не дали. Даже спасибо не сказали. Пустышку в рот сунули – и всё...

Дом и участок

В 1942 году наше маленькое семейство перебралось в поселок Клязьма. Разместились мы в большом деревянном доме (до войны в нем функционировал детский сад), стоящем в центре обширного, поросшего корабельными соснами участка, недалеко от станции. Дом был оригинальной архитектуры, как, впрочем, многие дачи в Клязьме – поселке, основанном художниками. В основе был сруб-пятистенка, с одного торца – большая терраса (узорчатые рамы, цветные стекла), с другого – сени с лазом на чердак, потом – крытое крыльцо и чулан. Архитектурной особенностью было наличие второго сруба, 3х4 м, пристроенного сбоку, и составлявшего единое целое с главным домом. Так что в плане дом имел форму буквы Г. «Ножка» дома целиком была перекрыта железной крышей, крашенной красным суриком. У пристройки крыша была своя; она круто поднималась вверх и имела вид колпака-кокошника в стиле Ярославского вокзала. Или в виде скалы, если хотите.

Внешне дача была весьма нарядной – вся покрыта декоративной резьбой. Многочисленные наличники, полотенца, кокошники, фронтоны представляли собой резные доски, т.е. имели сквозные прорезы в виде сказочных птиц или затейливых геометрических узоров. Работа пилы и стамески. Резной наряд был всегда покрашен белой краской. Дачи были веселенькими (их в Клязьме было много, чувствовалась одна школа и один мастер, но мне наш дом нравился больше остальных).

Дом, однако, был стар, дореволюционной постройки, ровесник железной дороги. В трухлявые венцы легко втыкался палец, наружная штукатурка обвалилась и свисала клочьями на дранке, крыша текла. Хотя сруб был составлен из больших бревен, это была не зимний дом, летняя дача. Казалось бы: восемь комнат, живи – радуйся, Москва, вон, вся теснится в коммуналках. Но нет! Семья (сначала нас было трое, но потом с фронта явилась беременная сестра Лена и родила дочь Татьяну) из пяти человек, а иногда из шести и даже семи, включая приживалок и домработниц, ютилась зимой в одной комнате – пристройке, одна из стен которой представляла собой печь. Лишь летом мы разбредались в разные стороны.

Участок когда-то представлял собой бывший лес с корабельными соснами. Теперь меж соснами возник сад – неупорядоченное скопление яблонь, груш, слив и вишен. Между ними – кусты крыжовника и смородины, других растений неизвестной породы. По всему периметру – заросли малины, и везде крапива. Под два метра высотой. В саду перед домом имелись грядки клубники, а за домом – огород: картошка, морковь, бобы, фасоль, огурцы, помидоры, и, главное, сладкий горошек. Довольно много цветов, от анютиных глазок до роскошных георгинов. По углам участка колыхались копы сирени – всех цветов радуги и размеров соцветий. Золотые шары цвели выше крыши сарая. Мальвы и красная рябина с боярышником.

В Клязьме – плотная застройка, соседи со всех сторон, но мы их не видели. Зимой близлежащие дачи пустовали, а летом народ не проглядывался – участок имел вид джунглей, а вскоре возвели высокий и плотный забор.

Так что детство у меня прошло в безлюдке.

За усадьбой стоял сарай, плотно со всех сторон окруженный деревьями и кустарниками. В нем я устроил химическую лабораторию. Хорошую лабораторию.

Для полноты пейзажа нужно упомянуть цыплят – кур – петухов, в несчётном количестве живущих под полом, кроликов, вообще-то живущих в клетках, но периодически разбегающихся по участку, кошку в доме и одну-две собаки (одна – в доме, другая – в конуре).

В стране царила советская власть, шла война, а я рос в атмосфере русского дворянского быта. Отец, полулежащий на диване, покрытом шкурой медведя, под развешенным по стенам (по коврам!) оружием, окруженный влюбленными женщинами; собака, с головой у него на коленях;

приживалки в углах; мать с черно-бурой лисой на плечах, суетящиеся вокруг меня няньки, ленивая кошка на подоконнике, свора собак породистых. Вам это ничего не напоминает? Я имею в виду – из классики. Мелкопоместное дворянство – прямо по Бунину.

Зимой к утру в комнатах вода на полу замерзала, иней лез из щелей. Сад-огород требовал ухода. Казалось, есть поле деятельности. Но никто ничего не делал – все рассуждали о чем-то вечном. Можно подумать, что у нас был большой счёт в банке и богатая рента. Увы, не было ни копейки. Разорившееся, но гордое дворянство. Люди чести!

Трудовой люд смотрел на нас и тащился.

Счастливое, поруганное войной, детство

Всё детство я боролся за Свободу.

Я был поздним ребенком. Долгожданным ребенком, рожденным тогда, когда, казалось, шансов нет. Последней надеждой. Причем – сыном. Серьезная проблема, доложу я вам. Одно дело, когда потомок возникает где-то на четвертом курсе, между зачетом и экзаменом, а затем растет как-то сам по себе, и другое дело, когда ты в возрасте, силы уже не те, да и они кончаются. А ребенок – единственный, только из коляски вылезший, а на дворе война...

Короче – меня любили (отец – безумно, с потерей здравого смысла) и обо мне заботились. Жизни у меня, считай, не было – многочисленные тётки гонялись за мной по всему дому с ложкой манной каши и пузырьком рыбьего жира; во двор я выползал в виде кокона – одетый, как капуста, не то, что прыгнуть – нагнуться не мог; об выйти самому на улицу и побегать с друзьями, не могло быть и речи – меня, почти взрослого, катили в коляске! Хуже того, меня одевали как девочку. Меня – моряка, туриста-альпиниста, водолаза в душе!

– Я – не дева, я – мальчик, – объяснял я дурам теткам.

Они не слушали:

– Ах, какие синие глазки! Ах, какие большие синие глазки! Какие беленькие волосики, какие черненькие бровки, какие длинные ресницы! Ах, зачем они тебе, отдай нам.

Тьфу!

Не на того напали, однако. Я довольно быстро научился сбегать от них и прятаться – в кустах, под полом, на чердаке, и, наконец, на вершине корабельной сосны. А потом и удирать на улицу, постепенно все дальше и дальше удаляясь от дома. Предки рыдали, валялись в ногах, повязывали мне шарф, вытирали нос – напрасно, в три года я стал путешественником, а в шесть – химиком.

Да, все началось в три года.

Случилось это в разгар весны. Снег осел, превратился в лёд, в его трещинах бежали ручьи, заполняя канавы. Мать по какому-то срочному делу отбыла в Москву, оставив меня на попечение временной няньки, семилетней Галины. Мы хорошо играли, пускали кораблики. Потом она убежала, наказав идти домой. Я пошёл, посидел на крыльце. В принципе, я любил и ценил одиночество. Но тут – перебор: мать не возвращалась.

– Заболталась с кем-то, - сообразил я, - надо её потянуть за рукав и вернуть домой.

Сказано – сделано.

Я пошёл в Москву. *В Москву!, в Москву!, в Москву!*, – так, кажется, вопили где-то три сестры, а кто им мешал, спрашивается?! Направление выбрал верно – на юг, параллельно железной дороге (ее я, правда, не видел, но как-то чувствовал). Путь оказался трудным: завалы снега, бурные ручьи-канавы, обширные разливы, и даже откуда-то взявшийся старый козел, преграждавший путь. Небо было абсолютно синим, начало припекать. А я был одет в беличью зимнюю шубу, в ватные штаны и в валенки с калошами. Шею и рот закрывал толстый шерстяной шарф. Особо не разбежись. Но я преодолел все трудности (преградивший мне путь козёл помнил обо мне до конца своей беспутной жизни) и, пройдя километра два, вышел к реке Клязьма. Довольно широкой и быстрой по случаю половодья. Надо переплываться. В задумчивости я пошёл вниз по течению. И нашел, что искал: на берегу лежала дверь, на вид довольно толстая и прочная. И вторая удача – рядом лежала лопата. Вот тебе лодка, вот тебе – весло. Стал я спускать судно на воду. Тяжёлое, зараза! Упёрся и...утонул в песке. Одна нога вышла благополучно, а вторая – в голом виде. После долгих усилий извлек мокрый валенок, но галоша так и осталась в зыбучих песках. Побрёл обратно, вверх по реке. Долго ли, коротко ли, но вышел к железной дороге. Взобрался на насыпь и двинул по шпалам через мост. Казалось, цель близка. Увы! Мост охранял часовой, я немедленно был арестован и затащен в будку. Через пять минут меня передали трём десятиклассницам, случившимся поблизости. Трудно передать мое возмущение: меня сбили с пути! Я ревел благим матом, брыкался, кусался, лупил ногами-кулаками по всему, ко мне приближавшемуся. Силы были неравны. Меня скрутили, поволокли по улицам и сдали в милицию. Там меня посадили за решётку (единственный случай в моей жизни). Через некоторое время туда ворвалась мать, она бегала по поселку, спрашивая встречных – не видел ли кто мальчика в беличьей шубке. Ну, ей и сказали про нечто беличье орущее волочённое по земле в милицию. Схватила она меня на руки и понесла домой.

Не люблю я с тех пор десятиклассниц как-то.

В детстве я много болел – часто простужался, что не удивительно при фанатичной борьбе за мое здоровье. Однажды заболел основательно. Летом мне исполнилось 3 года, я вышел из ясельного возраста, и поздней осенью мать решила сдать меня в детский сад, а самой пойти работать. Повели меня в амбулаторию (в Клязьме была поликлиника, но была и амбулатория, на другом конце поселка). Долго ждали врача, тот явился (осматривал дифтерийного больного) и, не помыв руки, залез ко мне в рот. И тут же заразил меня дифтеритом (*За такие вещи морду бьют, между прочим*).

Тут-то я и понял, чем отличается настоящая болезнь от дурной простуды. Я метался в жару-бреду и стал медленно и верно задыхаться. Не берусь передать, что творилось с моими родителями. Наконец, меня решили перепоручить Пушкинской больнице. Упаковали меня и погрузили в ту самую кибитку, в какой я должен был партизанить. Почему меня не отвезли на электричке (две остановки), а повезли на санях, я так и не понял. Отец впрягся спереди, мать толкала сзади, мы поехали. Как ни странно, я ясно помню все путешествие. Контраст между жаром в груди и морозцем снаружи. И садовый пейзаж, враз ставший белым. И причитанья отца, предлагавшего матери покончить жизнь самоубийством, если я умру. Мать молчала и вздыхала.

Меня-таки доставили в больницу, где тут же вкололи новинку – пенициллин. Стал я жить в новой обстановке – на большой кровати, в большой комнате, плотно (почти без проходов) уставленной постелями с детьми – бессильно лежавшими при болезни, и бешено скачущими по ним по выздоровлении. Иногда сквозь ледяной узор просвечивало лицо отца, с расплюснутым о стекло носом (в инфекционное отделение его не пускали), но я не реагировал, смотрел как из аквариума: у него – свой мир, у меня – свой, наши миры уже не пересекались. В целом, я воспринял приключение спокойно, от судьбы не уйдешь! Лишь пища не устраивала меня. Мне, конечно, было больше трёх лет, но дома мать кормила меня грудью. Сосать женскую грудь я любил, даже без молока (и люблю до сих пор, особенно, если грудь большая). Здесь же – ни груди, ни молока! Можно представить мое возмущенье. Главное – высказаться нельзя, ибо к этому времени я ещё не говорил. Но тут заговорил. От возмущенья. Только заговорил, как меня выписали.

Отец стиснул меня в объятьях и долго-долго рыдал. Я не понял, чего это он, другой бы радовался. Я выздоровел, но на всю жизнь у меня осталось осложнение – блокада сердечной мышцы. С учётом этого обстоятельства и того факта, что я с детства страдал выраженным плоскостопьем, родители ожидали, что я всю жизнь проведу рядом с ними и ни в каких походах-путешествиях участвовать не буду. В этом они, однако, ошиблись. Сильно ошиблись.

Я был поздним ребёнком и ребёнком с поздним развитием: ходить стал поздно, говорить – ещё позже, при поступлении в школу не мог ни читать, ни писать. Образованием моим занимался отец. Книг не было (за исключением двух-трёх томов Пушкина в золоченых переплетах, да нескольких номеров журнала «Нива») – нашу библиотеку трудовое крестьянство сожгло ещё в начале Гражданской войны. Вместе с усадьбой. Отец компенсировал отсутствие книжек своими рассказами. Рассказывал он увлекательно – у меня пред глазами вставали живые картинки, без его рассказа я не мог уснуть, мне часто снились кошмары, я не реагировал на окружающее, всё время пребывая в мечтах-фантазиях, безусловно навеянных его байками, в школе из-за этого я не мог учиться – наркотик какой-то.

Из зарисовок помнится мне, как семья высовывалась из бомбоубежища – ямы, вырытой у нас в клязьминском саду, – пытаясь в темноте ночи определить, кто там летит. Вдруг возникла яркая вспышка света и секунду спустя – дикий грохот. Все, не стовариваясь, бросились вниз и вжались носом в землю. Ничего страшного, однако. Это соседка выносила таз с помоями. Руки у неё были заняты, она пнула тугую дверь, что есть силы, ногой. А внутри керосиновая лампа горела...

Со временем я заподозрил, что с достоверностью отцовских баек что-то не так.

Первый конфуз случился в мои шесть лет. Мы с друзьями устроили бурный диспут на тему: откуда берутся дети, и какова роль в этом процессе мужчины и женщины. Мнения разделились, но сошлись, что вряд ли детей находят в капусте. Я молчал - у меня своей точки зрения не было. Пришлось обратиться к отцу. Тот, не моргнув глазом, выдал байку об огурцах. Якобы мужчины едят любые огурцы без каких-либо последствий, а женщины – лишь определенные сорта. Если же на грядке вызревает особый сорт, то когда женщина нечаянно съест его (не сам огурец, а его семечки), то забеременет и у нее родится ребенок. Вооруженный передовой теорией, я вернулся к компании. Меня незамедлительно подняли на смех, рассказав про крантик мальчика и пипиську девочки и о том, что одно вставляется в другое. Как ключ в замок. Про первую часть мне рассказывать было не надо – нас с племянницей Таткой купали в одном корыте, и я знал, что у меня – крантик, а у неё – пиписька, собственно этим мы и отличались друг от друга. Но представить, что мой крантик, в виде веревочки, может быть как-то вставлен в её щелочку было невозможно. Да и любую мою попытку в этом направлении она тут же пресекала. Эксперимент явно противоречил теории. Я снова пошёл к отцу (*«Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха:...»*) и потребовал более реалистичной модели. Отец не стал отпираться и сваливать все на тычинки-пестики (в этом он как раз ничего не смыслил). Пообещав, что у детей всё, что надо, со

временем вырастает до нужных размеров, а у меня в нужный момент затвердеет, он предупредил, что у нас с Татьяной ничего не выйдет, ибо мы близкие родственники. Лучше и не пытаться — я больше и не пытался, кстати. Но когда мы перешли к технике рожденья, он объяснил, что детей рожают женщины, причём ребенок выходит через задний проход. Откуда к нему пришла такая фантазия — не знаю, но меня осмеяли снова. Авторитет мой был подорван, причём надолго. Такие шутки я не люблю, и я начал терять веру в отцовские знания, в его просветительство, в адекватность восприятия им действительности. Опасное дело, доложу я вам: два-три таких случая и авторитет родителя обнулится. Что, в конце концов, и произошло, к сожалению.

Я довольно рано приобщился к физике и технике. Игрушек не было. Практически никаких — по карточкам их не выдавали, а отец делать не умел. Я сидел в высоком плетеном стульчике с небольшим столиком и собирал-разбирал мясорубку, собирал-разбирал, собирал — разбирал. Часами. Меня можно было бросить на полдня; на окружающую действительность я не обращал никакого внимания. Когда стал ходить — добрался до швейной машинки «Зингер» (вот это механизм, доложу я вам, залюбуешься), затем до счётов и уж потом — до арифмометра — железного Феликса. Его ручку можно было вертеть в любую сторону, вперёд и назад, раздавался пулеметный треск и в прорезях мелькали цифры. Любил я возиться с ружьями — щелкать курками, да передергивать затворами. В пять лет стал стрелять по горящим свечам — гасить их. Зажигалась свечка, в двух-трёх метрах от неё ставился стул, на его спинку я укладывал ружьё (тяжёлое всё же, в руках не удержишь), стрелял — свечка гасла. Стрелял я, естественно, не снаряженными зарядами, а латунными гильзами, в которые отец вставлял пистоны. Мощности вполне хватало. Лишь в шесть лет я стал стрелять по-настоящему, да и то — с упора, улетаая назад при отдаче. Стрелял вверх по сосновым сучьям. Тут главное — не подстрелить Татьяну, которая постоянно скакала вокруг меня. И я уже учился в школе, когда меня взяли на охоту.

Кто-то может тут найти противоречие — над ребенком дрожали, сдували пылинки, и тут же разрешали возиться с оружием — холодным и огнестрельным. Никакого противоречия нет — стандартное дворянское воспитание. Отца воспитывали так же...

Так же, но не совсем! Он не был химиком. А я был!

Как стал ходить, так химиком и стал. На ранней стадии я увлекался ртутью, бил термометры (не бытовые градусники, а именно термометры, что хранились у матери еще с довоенных времен), и собирал ртуть. Интересно было наблюдать, как блестящие шарики быстро бегают по коробке (чуть позже — по чашке Петри), то сливаясь в большие капли, то разбиваясь на мелкие осколки. Я часами мог разглядывать пламя спиртовки, стараясь определить его структуру. Вставляя в пламя железную палочку, предварительно натертую какой-нибудь солью, я менял цвет пламени, иногда — кардинально. Самостоятельно наладил производство стеарина. Собирали квадратные железные банки из-под американской тушенки и счищали с ее внешних стенок стеарин, который потом переплавлял в той же консервной банке. Счищали головки спичек, насыпал фосфор в полый ключ, вставлял туда гвоздь. Бежишь, вергишь устройство на верёвочке вокруг головы, потом — хрясть им о чей-то забор — выстрел получается, как настоящий. Большой простор для фантазии давали кино-фото пленки. Свернешь плотно плёнку, завернешь в бумажку, как в фантик, подожжёшь с одного конца и кинешь куда-нибудь в публику. Настоящая дымовая завеса получается. Ну и конечно — карбид. Замечательная вещь!

Основной талант мой развивался на ниве взрывотехники. Сколько себя помню — взрываю всё и вся. И самодельную взрывчатку, изготовленную по собственному (оригинальному!) рецепту, и стандартную, типа толовой шашки, благо в то время её особо искать было не надо (Это в раннем детстве она везде валялась, а потом быстро закрутили гайки, и найти её стало проблемой). Начало этому безобразию положил всё тот же отец. К науке он относился скептически — знал один химический термин — *каликум пермангаликум* — латинское название перманганата калия и стишок: «*Ты возьми, возьми квасцы, ты на них поссы, поссы, вынесешь на мороз и получишь купорос*». (Опять же вранье — сколько я не выносил обоссанные квасцы на мороз — купороса не получалось. До и то сказать — разве я серной кислотой писаю?!). Желая отвлечь меня от охотничьего (чёрного) пороха, он указал на возможную замену селитры на бертолетову соль. Я тут же уговорил няньку купить мне её, она мне и купила прямо в Клязьминской аптеке (там она продавалась, как антисептик и средство для полоскания горла) банку (3 кило!) этой самой бертолетки. В горло мое не попало ни одной молекулы хлората калия, зато все пни в округе повыскакивали из земли. Ценнейшим веществом оказалась эта блестящая, как снег на солнце, соль. Поэтому когда я в честь своего юбилея — семи лет, ради забавы гостей, устроил мощный взрыв, с образованием воронки глубиной в метр, никто особенно не удивился. Сосед сбежал за соломенной шляпой, сбитой взрывной волной, и похвалил:

— Молодец, химик! И почему-то добавил: Профессором станешь!

Так я стал Химиком, а много позже — профессором.

Из событий детства мне запомнилось лишь несколько. Чётко помню, как я предсказал окончание войны с немцами и нашу победу. Было это 7-го мая 1945. Я спустился с крыльца на только что высохшую землю, огляделся и констатировал:

— Война кончилась!

Нянька рассмеялась, она вообще была смешливой, а через день объявили по радио: война, действительно, кончилась.

На салют Победы меня в Москву не повезли, но я всё же что-то видел. Вечером мы с трудом (народу – тьма) взобрались на пешеходный мост через железнодорожные пути станции Клязьма. Со стороны Москвы периодически вспыхивало небо, как при зарницах. Временами можно было различить прожектора, шарящие небо. Иногда, гораздо ближе, взлетали отдельные ракеты – белые и красные. Все радовались, все кругом радовались.

В августе того же года я сидел на письменном столе и крутил фитиль большой керосиновой лампы – летучая мышь называется. Вошла мать и сходу объявила: американцы в Японии взорвали атомную бомбу. Так атом вошёл в наш дом. Взрослые активно обсуждали бомбардировку Хиросимы, доносились слова: уран, радиация, миллионы жертв. Я многое не понял, но запомнил. Атомная тематика прельстила меня, пришлось идти в радиохимики.

Дружил я с окрестными ребятами, в основном с аборигенами нашей улицы. У живших с одной стороны от нас евреев детей не было, а у татар, живших с другой стороны, детей было великое множество, но мы с ними не дружили, не из принципа, а просто в силу разности интересов и особенностей образа жизни. Сестра Лена работала воспитательницей в детском доме. У детей на запястьях были выбиты синие номера. Они были тихими и забытыми, говорили скорее по-немецки, чем по-русски. Развивались медленно – им запрещали шалить. Попадались среди них и бывшие сыны полка, успевшие повоевать – те ещё бандиты. Я часто с ними играл, иногда на их территории, чаще у себя на даче. Мы обменивались информацией по подрывному делу – инструкции, как взорвать мост с минимальными затратами взрывчатки печатали в журнале «Пионер». В детский дом мы обычно ходили смотреть диафильмы и на Новогоднюю елку, иногда – мыться в бане.

В конце моего детсадовского периода состоялось важное событие государственного масштаба – 800-летие Москвы. Нас повезли в Москву, причём – на Красную площадь. Здесь я уже вполне наслаждался праздничным салютом, заодно прикинул, как нечто подобное организовать в Клязьме. Трудно – у меня нет прожекторов (Нынешние организаторы праздничных салютов – халтурщики – не используют прожектора, экономят, а для меня салют без прожекторов и не салют вовсе, сколько бы в нём не было фейерверка).

Детство мое кончилось 3-го сентября 1948-года. Дело было так.

Меня приняли в школу №3 – десятилетку, «новостройку», как её называли, хотя она была построена до войны. Она располагалась в двухэтажном здании из белого кирпича на расстоянии двух километров от нашего дома (если шпарить по дворам, то ближе). В ней я проучился все десять лет всё время с одним классом.

Утром 1-го сентября мы с матерью отправились поступать в первый класс. Предварительно ободрали весь участок, и я был вооружен громадным букетом цветов. Также у меня был новый портфель с пеналом, ручкой, перышками, и тетрадками в косую линейку. Был и тряпичный кулек с чернильницей-непроливайкой полной фиолетовых чернил – ценнейшая вещь в плане выяснения отношений с коллегами. 2-го сентября я шел в школу сам. Не очень удачно, ибо решил сократить путь и рванул напрямки, но шесть заборов, которые пришлось преодолевать, и две собаки, уменьшили скорость передвижения, в школу опоздал и был выгнан.

3-го сентября меня повёл в школу отец. Мы вышли заранее, шли не торопясь, и долго. Беседовали. Неожиданно, отец объяснил, что коммунизм – утопия, он никогда не будет построен, и вообще неприемлем ни как философия, ни как практика, ни как экономика, и тем более – как основа государственного строя. Ленин – самая откровенная личность в истории («*Дерьмо нации, моральный урод*»), а Сталин – нелюдь, о нём и рассуждать нечего – плюнуть и растереть. Говорил он медленно, спокойно и убежденно. Чтобы я мог запомнить надолго. Странно: со мной вообще никто никогда на такие темы не разговаривал. О социализме-коммунизме, отце народов Сталине и добром дедушке Ленине, я слышал по радио, не то, что ежедневно, а каждый час. Диктор буквально захлебывался от восторга, поминая Вождя, как отца всех народов. И было ясно, что в школе мне придется много чего услышать в том же ключе. Я уже твёрдо знал, что по радио (в саду, в школе) говорят одно, дома – другое, на улице третье. Все врут, и все – по-своему. Истины нет ни у кого, она где-то в четвёртом месте. Не верь ни во что, ни в кого, и никому – девиз нашей жизни. Это было так очевидно, что непонятно – зачем объяснять.

Отец, не снижая шаг, сабельным ударом своей палки сбил стрелу репейника, и добавил:

– Помни – коммунизм – не великое ученье, а примитив, ублажающий звериный инстинкт человека к сытой жизни. Ещё Герцен писал: «Коммунизм – это всего лишь преобразованная николаевская казарма». Казарма, хоть и преобразованная...

Да, странно слышать такие речи от красного командира, впрочем, беспартийного.

Отец между тем продолжал. Если хочешь – делай карьеру, но никогда не иди по трупам, никогда ни с кем не борись, никого не топи, не пиши доносов, не выступай на собраниях, не ходи ни на какие выборы, и тем более, не вступай в партию, никогда не вступай в партию, и не занимайся общественной работой, никогда не поддерживай власть имущих, не водись с начальством и никогда ничего ни у кого не проси. Иди себе и иди. Тогда дойдёшь. Если

выполнишь завет, о карьере не волнуйся, тебе помогут. Да, есть советская власть, есть НКВД-КГБ, но есть Масоны. Ребята крутые. Свое слово в истории они скажут, уже сказали: ими принято решение об уничтожении власти коммунистов (что хорошо) и о роспуске СССР (что плохо). Но раз решено, то так и будет. Учти!

Я учёл.

С этими напутствиями я переступил порог школы и стал учиться на строителя коммунизма.

Потом, вспоминая этот разговор, я догадался: шла борьба с космополитизмом, хватали-сажали евреев (не только настоящих, но и подозрительных), папа Бекман ожидал ареста. Вполне реальная перспектива. Он высказал завещание сыну. Маленькому ещё, ну, какому есть...

Его не посадили, и этих тем мы больше никогда не касались.

Я сразу повзрослел и понял: детство кончилось.

Но 3-е сентября ещё продолжалось.

Отец ждал меня после уроков. Оказывается, каждый первоклассник должен принести дерево (любое) и посадить его на школьном участке. По дороге домой мы зашли на рынок и купили 11 саженцев лип. Почти без корней, зато – по дешёвке. Дома, вдоль забора (с нашей стороны) мы вырыли ямки и посадили десять прутьиков – заложили липовую аллею – непременный атрибут русской дворянской усадьбы. Чтоб помнили!

Все липы прижились, выросли. Я их недавно посетил – поразился: огромные деревья, настоящие столетние липы, с толстыми стволами. Неужели я сам сажал их? Или мой дед-прадед?

Эта аллея – черта под моим детством.

P.S. Оставшуюся липу я отнес в школу. Она там погибла...

Рондо

Я родился через неделю после начала Великой Отечественной Войны. Игрушек не было. Целыми днями сидел я, обложенный подушками, в загончике и собирал-разбирал мясорубку. Разбирал и собирал. Собирал и разбирал.

И когда я в пенсионном возрасте разжился старым Вольво, то засел в гараже за сборкой-разборкой. Разбираю её, и опять собираю. Собираю и разбираю.

Рондо!

Пьющая утка

В моём счастливом, поруганном войной, детстве была отрада: пьющая утка. Появилась она в 1944 году, аккуратно, когда мне исполнилось три года, и я заболел дифтеритом. Стояла она на табурете, так что в горячечном бреду, приходя в себя и воспринимая действительность, я видел, как она трудилась, непрерывно наклоняясь вперёд, окуная свой клюв в воду в стакане, потом откидываясь назад, гордо выпрямляясь. Постояв же немного вертикально, снова наклонялась, стремясь к воде. Движения взад-вперёд проходили непрерывно, с постоянной скоростью. Я водил вслед глазами. Она мне снилась до галлюцинаций...

Первый раз я был при смерти, и свидетелем тут была пьющая трудяга-утка. Потом мне ещё пришлось умирать не раз, но уже без свидетелей.

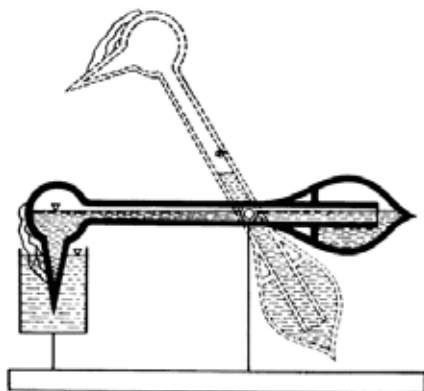
Я выздоровел, пошёл в детский сад, утка трудилась. Я пошёл в школу, и утка (уже на подоконнике) всё также ныряла носом в воду и снова выпрямлялась.

Понятно, я заинтересовался устройством. Никаких моторов, или там проводов не было. Утка двигалась сама-собой, без поглощения энергии. Это был вечный двигатель, настоящий перпетуум-мобиле!

Всё это меня восхищало, но не удивляло. Подумаешь! Не такие дела творились, атомную бомбу вот взорвали, а тут – утка.

Но где-то в восьмом классе я узнал, что вечных двигателей не бывает. К этому времени я был уже опытным химиком, и мне стало интересно, как всё это действует. Я разобрал игрушку.

Туловищем утки служила стеклянная трубочка, верхний конец которой заканчивался шариком в виде утиной головы с клювом. Нижний конец трубочки был погружен в небольшой запаянный сосуд, наполненный эфиром. Эфир нужен потому, что он легко испаряется уже при комнатной температуре, причём с изменением температуры резко меняется давление его насыщенных паров. Для того чтобы «оживить» утку, следовало лишь слегка смочить её головку и поставить игрушку перед стаканом с водой.

Секрет действия этой игрушки можно понять, если посмотреть, как ведут себя пары эфира в двух местах – в трубочке с головкой и в нижнем сосуде. Так, если увлажнить головку утки водой, то вследствие испарения температура головки упадёт ниже температуры окружающего воздуха. Для усиления этого эффекта на головке обычно укрепляется кусочек какого-либо пористого материала, например, ваты,

который хорошо впитывает воду и интенсивно её испаряет. В результате охлаждения головки давление насыщенных эфирных паров в ней падает, и эфир под действием паров в нижней части трубочки поднимается вверх. При этом центр тяжести фигурки перемещается по направлению к голове, и утка постепенно наклоняется вперед. В то же время при горизонтальном положении туловища-трубочки происходят два независимых процесса. Во-первых, утка опускает клюв в воду, так что ватный хохолок на её головке вновь увлажняется. Во-вторых, насыщенные пары из верхней и нижней частей смешиваются, давление их выравнивается, и жидкий эфир под действием собственного веса вновь вытекает в нижний сосуд, в результате чего тело утки опять начинает выпрямляться. Весь цикл качаний этой игрушки будет повторяться до тех пор, пока головка утки будет увлажняться и пока окружающий воздух сам не окажется слишком влажным, с тем чтобы вода из хохолка могла нормально испаряться и охлаждать головку утки.

Понятно, что игрушка – не настоящий вечный двигатель, поскольку постоянные качания утки происходят благодаря тому, что в процессе этих качаний она отбирает тепло из окружающего воздуха.

Короче, как-то я разобрался с этим и успокоился.

Но на этом дело не кончилось!

После школы я начал работать на небольшой фабрике – зарабатывать стаж для ВУЗа. Мода тогда была такая. И там я узнал, что именно здесь один ушлый еврей во время войны организовал выпуск пьющих уток. Назло Гитлеру, и на радость детям. Сильней снаряда штука будет. Интеллекта требует, между прочим.

Но каково было моё удивление, когда в зрелых годах при детальном исследовании одного военно-космического устройства я обнаружил, что оно реализует идею пьющей утки. Более того, именно мне поручили разработать математический аппарат происходящих процессов, составить компьютерные программы, провести математическое моделирование, и всё, что можно, оптимизировать.

Теперь вот тружусь денно и нощно. Как «вечный двигатель» – пьющая утка.

Красота фракталов

Кирстен задумчиво сосал красный карандаш, размышляя, на что бы его применить. Наконец решил и начал штриховать круги на крыльях бабочки, контуры которой чернели на белой странице альбома для раскраски. Работа продвигалась споро, грифель затупился, не царапал бумагу, и краска ложилась однородно. Не каляки-маляки какие-то...

С кругами покончено, нужен другой цвет. Олег слегка задумался, потом посмотрел на стол. Там располагалось целое богатство – два альбома для раскраски, один альбом для рисования и большая коробка цветных карандашей с надписью «Искусство». Карандаши были ещё длинными и недавно профессионально заточенными финкой, вертикально воткнутой в противоположный угол стола. Лишь красный карандаш почти полностью списался, а у белого грифель вообще был отломан и валялся рядом с коробкой. Ну да ладно, не жалко.

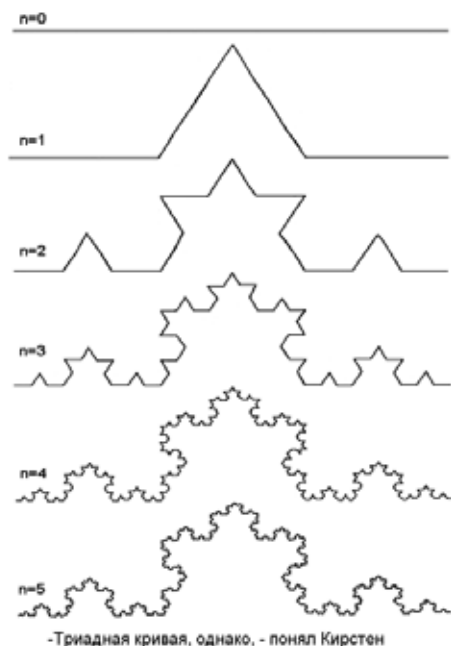
Олег тянул коричневый карандаш, когда гул, постоянно стоящий в воздухе, усилился, раздался взрыв, сначала один, потом второй и, гораздо ближе, третий. Пламя спиртовки взметнулось, поколебалось из стороны в сторону и вновь установилось вертикально. С потолка посыпалось земля. Сверху послышались возгласы, вперемешку – мужские и женские, и опять восстановился равномерный гул далекой канонады.

Спиртовка горела бесцветным, чуть синеватым пламенем. Она не могла осветить всю землянку, точнее блиндаж, но ориентироваться было можно. Слева – двухъярусные нары из круглых палок, с пестрыми одеялами, под потолком – брезент, сквозь который просвечивали бревна наката, мох и глина между ними, справа в козлах – винтовки, точнее ружья с винтовочными затворами – берданки, как звали их взрослые. Далее, в сторону косою и наклонной стены, тьма сначала сгущалась, а затем вновь рассеивалась – влияние печки в форме бочки, дверца которой была слегка приоткрыта, и ещё не остывшие угли давали немного света. Печка топилась, несмотря на воздушный налет. Дозволенное нарушение светомаскировки – не будут же немцы прицельно бомбить их маленький лагерь, расположившийся под сенью густых и высоких ёлок. Им не до того, они штурмуют Москву, их оттуда гонят наши истребители и зенитки, и они для облегчения и увеличения скорости отхода освобождаются от бомб, заваливая ими подмосковные леса, поля, дачи и деревья. На кого Бог пошлёт!

Диссонансом к обычному виду партизанского стана выступали гигантские напольные часы из красного дерева. Четыре золотые гири свисали на витых цепях, огромный маятник медленно раскачивался из стороны в сторону, отбрасывая блики от пламени спиртовки. Часы шли, и шли верно. Каждую четверть часа они отмечали треньканьем, полчаса – ударом малого колокола, а часы – глухими ударами большого и малого колокола, предвзя и заканчивая перезвоном. И это ещё не все, если заранее покрутить ручку, типа патефонной, воткнутую в резной ящик в основании часов, то часы начинали играть музыку - немецко-народную, почему-то. Часы венчала бронзовая статуэтка бегущего оленя.

На полу (если спрессованную глину можно назвать полом) под столом стоял Олегов горшок, на котором он любил проводить время, люблюсь физической картиной текущего времени. Сейчас горшок был прикрыт картонкой. Чтоб не пахло.

Рядом с печкой стоял стол – щит на козлах, на котором в беспорядке располагались кружки и гранёные стаканы, окружая почти пустую четверть с самогоном, приготовленным матерью к Новому Году. Народ уже предварительно отметил праздник и теперь выбрался на мороз подышать свежим воздухом, да полюбоваться уникальным видом налета на Москву.

– Хаос! – сказал вслух Олег, потом уточнил, - Детерминированный хаос.

И действительно, в окружающей среде, среде обитания, царил хаос. Не абсолютный, а упорядоченный. Партизанский бардак.

Олег отложил раскраску и взял альбом для рисования. Скептически оглядев предыдущие творенья, он нашёл чистый лист бумаги и начал рисовать воздушный бой. Сначала появился стеклянный нос Хенкеля, затем фюзеляж с крыльями и посаженными близко к кабине двумя моторами с кругами пропеллеров. Затем – кресты на крыльях и свастика на хвосте. Старый Не-111, немало повоевавший в Испании. Олег собрался добавить Юнкерсов, но вспомнил, что немецкие бомбардировщики всегда плохо прикрыты своими истребителями, почему и несут большие потери, и не стал.

Бомбардировщик избавился от тучи, увидел цель и бросился в пики, чтоб точнее уложить бомбы. Он не заметил истребителя с красными звездами на фюзеляже и хвосте, и тремя направляющими для реактивных снарядов под каждым крылом, круто набирающего высоту. Як-7а, бывший двухместный учебно-тренировочный аэроплан, а ныне фронтовой одноместный истребитель испускал трассирующие пулёмётные очереди. Мотор-пушка ШВАК выпустила снаряд, на него и наткнулся увлекшийся немец. Хенкель задымил, затем вспыхнул и, беспомощно вращаясь, пошёл к земле. Стрелок засуетился, откинул колпак и кубарем скатился с плоскости крыла. В полёте комок дернулся, затем стал степенно спускаться на парашюте навстречу плену. Уставший асс ничего предпринимать не стал – ушёл в штопор с самолетом.

Бомбардировщик избавился от тучи

Як-7а, бывший двухместный учебно-тренировочный самолет

Олег работал быстро, накладывая на лист кадр за кадром, стремясь на плоскости передать трёхмерную картину боя. В конце концов, это удалось, и законченная картина представляла собой

<http://profbeckman.narod.ru/>

набор цветных линий, пятен и пересекающихся полос. Посторонний примет за абстракцию. И ошибётся!

Снова начал усиливаться гул моторов, захлопали далекие зенитки. Оживились человеческие голоса, выделялся радостный смех его довоенной няни, девушки Вали. Понятно! Лучи прожекторов сошлись в небесной точке, и в этой точке затрепыхал крылышками серебристый самолет, поблёскивая в фонтанчиках разрывов.

Все сразу погасло. Настала чёрная ночь, подсвечиваемая далеким заревом Москвы и более близкими огнями пожаров на дачах художников Клязьмы.

Можно заняться изготовлением салфетки для мамы

Сделал себе фрактальную снежинку

И нарисовал три цветных фрактала

Олег решил податься к людям. Он развязал девчачий бант, повязанный ему на шею в честь праздника, потом стал отстегивать деревянную крышку своего прикрепленного к столу стульчика. Хоть он и поздно начал ходить и ещё позднее говорить, но сейчас, в свои неполные 3 года, он вполне мог взломать хитроумное запорное устройство, выбраться из-за стола, накинуть шубку-шапку, подняться по стремянке вверх и выбраться наружу. Вполне мог, но не стал. Идея осенила.

Он открыл чистый лист бумаги, взял простой карандаш и провёл прямую линию, параллельную горизонту. Затем нарисовал треугольный выступ вверх и продолжил снова прямую. Получилась треугольная гора. Немного сомнений – и на каждом отрезке прямой выросла своя гора - треугольник размножился. Дальше дело пошло быстрее и вскоре возник узор краев бабкиной шали.

- Триадная кривая, однако, - понял Олег.

Олег увлекся фрактальными трубами

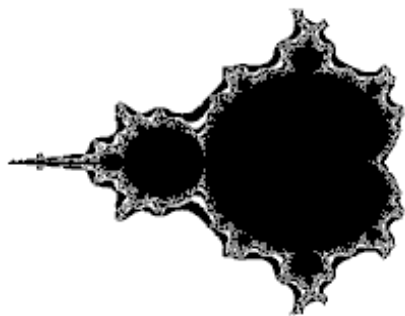
После тренинга, можно было заняться изготовлением салфетки для мамы, сначала, естественно, треугольной, ну – той, что в пределе при бесконечно большом числе поколений имеет фрактальную размерность $D = \ln 3 / \ln 2 = 1,58$. Сначала он простым карандашом набросал контуры, затем стал цветными раскрашивать элементы. Получилось неплохо – и упорядоченно и масштабно инвариантно. Маме – подарок к Новому Году, может она к Рождеству узор крестиком вышьет – салфетку, наволочку, или там еще что – красиво будет. А можно и ковёр сделать, прикрыть вывороченные стены блиндажа. Правда, для ковра – лучше квадратная затравка с коэффициентом подобия $r = 1/3$ и размерностью $D = \ln 8 / \ln 2 = 1,89$. Олег сделал эскиз ковра –

подарок папе, пусть из фанеры лобзиком вырежет. Когда с фронта вернётся, естественно. Себя он тоже не забыл – сделал себе фрактальную снежинку.

Где-то во Вселенной возник пронизывающий свист, он стремительно приближался и перешёл в грохот взрыва. Олега подкинуло и вместе со стульчиком бросило на землю. Поднялась пыль. Спиртовка погасла, но распахнувшаяся топка печи осветила землянку. Странно, но никто не закричал, не возмутился, не вспомнил о нём. Воцарилась тишина.

Олег собрался заплакать и позвать взрослых, но передумал. Сначала надо восстановить статус-кво. Он поднялся, отряхнулся, вернул на место вздыбившийся было столик, присоединил к нему свой стул-кресло, достал свежий лист и нарисовал три цветных фрактала.

Хаосу (как стохастическому, так и детерминированному) был противопоставлен порядок, порядок и в микро- и в макро-смысле. Смотри на картинку в телескоп, поднеси её к носу, разглядывая через лупу, или в микроскоп (хоть электронный) картина в основных чертах останется той же – показатель фрактала постоянен.

и тьма поглотила его

В этом и состоит красота фракталов, красота Порядка.

Раздалось рычанье-хрипенье, затем послышалась прелюдия и, наконец, монотонный бой: Бом! Бом! Бом! – считали часы двенадцать раз. Но никто, почему-то, не пришёл провожать ужасный 1941 год, никто не встретил страшный 1942. Стояла тишина, мёртвая тишина. Угли стыли в буржуйке.

Олег увлекся фрактальными трубами, но кончить не дали.

Снова раздался свист, но теперь, не дожидаясь взрыва, Олег вскочил на стул и прыгнул в чёрную, дыру фрактала. Дыра, изгибаясь в пространстве, поблескивая образующими элементами, увлекла его в космические недра. Притягивающая

красота, манящая пустота...

–А какова тут фрактальная размерность? – успел подумать Кирстен, и тьма поглотила его.

Замечание. По этой сказке возникла письменная полемика между редактором, смотрящим со своей колокольни, и автором. В чем-то она интересней рассказа. Приводим её полностью.

ПИСЬМО РЕДАКТОРА:

Дорогой Автор!

Рассказ мне понравился своей исходной идеей: просветительство через литературный сюжет. Бенуа Мандельброт (*THE FRACTAL GEOMETRY OF NATURE*, Benoit B. Mandelbrot или Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – Москва: Институт компьютерных исследований, 2002, 656 стр.- книга заведена у меня в компьютер) поклонится Вам низким поклоном, а я позавидую хорошей находке.

В Вашем лице фракталы врезаются в мою жизнь третий раз: 1) в 2001, когда еще в Праге, впервые увидел книгу по фракталам на прилавке и позже попытался сам «изобретать» фракталы; 2) в 2004, когда меня скрутил радикулит, и приятель, занимающийся фрактальными антеннами и фрактальными наноструктурами, вылечил меня за 15 минут(!) с помощью фрактального аппликатора фирмы «Айрэс» СПб.С тех пор я не имел ни одного приступа радикулита, а сам же едва не превратился в адепта этой фирмы. (Эту историю и обо всем, что я узнал о прикладной роли конкретного фрактала, запатентованного ф. Айрэс, могу говорить долго, но это не тема письма) 3) наконец, являетесь Вы со своей сказкой, и мне приходится только удивляться, как Тот, кто ведёт бухгалтерский учет наших прегрешений, заставляет меня снова прикасаться к этой теме или может быть толкает «прыгнуть в чёрную дыру фрактала», ибо трехкратное повторение явления не может быть случайным...Сколько же таких, кого «совратил» Мефистофель – Бенуа Мандельброт?

Вернемся к теме.

1) Ваш рассказ не новогодняя сказка: мальчик погибает, а это не рождественский сюжет. В Сочельник таких не рассказывают детям. Вы придумали антисказку, хотя с объективно положительным финалом (Олег открыл для нас фракталы как явление прекрасного). Первооткрыватель платит жизнью за свое открытие – вечная тема, но не для сказки, а для неё анти.... Имеете право. Однако не изменяйте жанру: либо святочные слюни, либо светлые, но горькие слезы.

2) Не вдруг понимаешь, откуда у трёхлетнего малыша прозорливый математический талант и «слово-знание» (логарифмы, размерность, инвариантно и проч.) Потом выстраиваешь версию: от Бога. Мальчик – то не простой! Автор снова нарушает законы жанра: читатель должен знать больше, чем герой. Об исключительности Героя следует ненавязчиво предупредить читателя, например, введя «Пролог на небесах», или «Педсовет у Мандельброта», или «Землетрясение во время зачатия», наконец, «Укол спицей». Цена за ранний талант и вселенскую славу – жизнь!

3) Есть кучка несуразиц по сюжету: а) партизанский блиндаж под Москвой в осень-зиму 1941 г. – фантазия автора, партизан там ни тогда, ни потом не существовало; б) не ясно, что же было у мальчика на столе: «целое богатство - альбомы, карандаши, финка и проч.» или «детерминированный хаос из стаканов, кружек, бутылки самогона, т.е. 20 минут назад здесь была поддача. Какие альбомы...?» в) пространные описания интерьера блиндажа, как и сам блиндаж – выглядят натужными упражнениями автора. Зато есть находка достойная всякого интерьера – напольные часы, которые ни один строитель блиндажей в зимний блиндаж не потащит (дрова нужнее), но которые украсили бы любую другую сцену сюжета. Часы как трансформатор времени и кибитка как трансферт материальных тел можно бы обыграть и покруче... Иначе, откуда у мальчика дары талантов? Кстати, ни разу не выстрелил бант. А лезет в глаза.

4) Мальшцу три года. В отношении таких мальшей употребляют уменьшительные и ласкательные имена: Олежек, Олешка, Олик... да мало ли какие иные, но не строго-метрическое Олег. Раздражает.

5) О рисунках. Фото с бантом – хорошо! (О рисунках напишу позже)

В приложении посылаю вам первую страницу рассказа с моими правками, с целью проиллюстрировать меру моего занудства в требованиях к тексту. Бога ради, не обижайтесь.

ОТВЕТ АВТОРА:

Каждый пишет, как он дышит. Не стараюсь угодить
(Б.Окуджава)

Дорогой Редактор!

Спасибо за замечанья. Всё же стоит объясниться.

Я спокойно отношусь к критике своих научных работ – бурные дискуссии идут непрерывно. Но критику художественных произведений не приемлю. И не из-за завышенного самомнения, а из-за того факта, что рассказ рождается сразу, как целое, и менять что-то в нем нельзя – развалится. «Из песни слов не выкинешь». Какие-то стилистические правки возможны, но – мелкие. При малейшей угрозе переделок – текст снимается с печати. К тому же, художник пишет, как может. При всём своём желании, Врубель не станет Левитаном, а Левитан – Врубелем, и оба не будут Айвазовскими или Кандинскими.

С этим все просто. С содержанием сложнее.

1. Рассказ – не фантазия автора – он списан с натуры. Я вообще, как акын – пою о том, что вижу. Откуда вы взяли, что под Москвой не было партизанских отрядов? Это неверно, причём абсолютно. Я – живой свидетель. В 1941 мой отец, хоть и был беспартийным и достаточно пожилым, но как председатель райисполкома, царский офицер и красный командир, организовывал базы партизанских отрядов в пушкинском и Загорском районах подмосковья. В случае немецкой оккупации (а в её неотвратимости мало кто сомневался), часть актива становилась подпольщиками, часть – партизанами, а часть отходила с войсками. Отец должен был отходить с войсками вместе с семьей, для чего на местном заводе для меня были изготовлены люлька-сани-броневик. Он потом много лет хранился у нас в сарае, так что я имел возможность его хорошо рассмотреть и подивиться чуду инженерной мысли. В случае «котла» планы менялись – отец становился командиром одного из партизанских отрядов. Вот на одну из баз (верховья реки Клязьмы, за каналом Москва-Волга, в зоне подмосковной тайги, до сих пор, кстати, непроходимой) меня и перетащили. Там же укрывались жители дачных поселков – немец бомбил зажигалками, и пригороды выгорали сплошь. Клязьма – поселок в 27 верстах по Ярославской дороге (единственной не перерезанной немцами), основан художниками, застроен богатými, прекрасно украшенными (резными) дачами. Нет ничего удивительного, что обыватели перетащили в близлежащие блиндажи близкие их сердцу вещицы. Более удивительные, чем часы или карандаши-блокноты встречались там предметы. Что касается меня, то при взрыве фугаса я слетел со своего кресла, врезался носом в пол, но молча лежал пока меня не нашли. Те, кто был снаружи, погибли, но тетка Лиза осталась жива, рухнув вниз и сломав большой палец ноги. Случилось это аккурат на Новый Год. Так что (Увы!) никакой фантазии – сплошной реализм. Что видел – о том и написал.

2. Но стиль реализма не адекватен действительности. Олег с детства понимал, что он – актёр театра абсурда. всю жизнь он проведет в бардаке и хаосе. Не смотря на смену экономических формаций. В рассказе он – любимое дитя престарелых родителей – вытаскен из прелестей дачной жизни, перемещен по морозу куда-то в лес, заключен в землянку, забросан бомбами. Это ли не абсурд? Так что удивляться странностям текста? Пред нами абсурдистская проза. Чехову-Ионеску можно, а мне нельзя?!

3. Кирстен не первый раз живёт на свете. В предыдущей жизни он был ученым-поэтом Гёте. Поэтому он сразу – взрослый. Не глядя, Олег сразу определяет, что в небе – Хенкель 111, а не что-то ещё, сразу даёт определение окружающей среды, как детерминированного хаоса, начинает с триадной кривой Коха, переходит к треугольной салфетке Серпинского и заканчивает квадратным ковром его же. Он на листе бумаги противостоит хаосу, как Бог

преодолевают гомеостаз бардака, увеличивая фрактальную размерность с 1,58 до 1,89, т.е. почти до идеального порядка. Он продолжает жить в хаосе, но в хаосе – упорядоченном на свой лад. И порядок сохраняет ему жизнь! В критический момент созданная им же фрактальная структура спасает его. «Черная дыра, как загадочно манящее престарелое влагилице» – цитата из «Голубого сала» здесь к месту. Влагилице не раз спасало мужиков, и никогда не губило... В этом смысле рассказ – вполне святочный.

4. Юмор в том, что речь не об этом! Вопрос: из какого мусора рождаются учиные и профессора (помните ахматовское – из какого сора рождаются стихи?). Посмотрите на этого младенца с невинными синими глазами, одетого под девчонку (вы снабдили предыдущую публикацию моим стариковским портретом – здесь опять я, в нежном возрасте). Пред вами – мастер спорта по альпинизму, профессиональный водолаз, фанат-ученый, профессор, путешественник, писатель. И что? Ведь он – моральный урод! Что он творит?! Налёт на Москву, падают бомбы, идёт воздушный бой, горят дома. А он сидит себе и рисует абстракции. Ничто не отвлечёт его от этого занятия. То, что погибли близкие ему люди, его волнует одну секунду. На вторую он опять занят своей проклятой наукой. Вот из такого нравственного дерьма и вырастают учёные-профессора. Пафос рассказа – заставить ваших авторов и читателей – инженеров-учёных-преподавателей заглянуть в себя, обнаружить притаившихся там Кирстенев, устыдиться, незамедлительно плюнуть на всю науку вместе взятую, бежать домой, к семье, к празднику Нового Года. И хоть на минуту стать человеком...

Впрочем, если столько усилий нужно, чтоб объяснить короткий анекдот (какая-то «Алиса в стране чудес» получается), то не стоит им заниматься. Путь себе висит на Сайте.

Забудем!

Кузина

Олег тихо посапывал, погребенный под двумя одеялами, да ещё телогрейкой сверху. Даже сон какой-то видел. Но досмотреть не дали.

– Ой, как холодно! Ой, какой колотун!

Елизавета прыгнула с пола, ему под бочок. Олег недовольно прорычал что-то, и отодвинулся от ледышки, благо широченная кровать позволяла. Но Лиза догнала, крепко прижалась к нему, огибая длинным и тощим телом его калачик.

– Согрей меня, – потребовала она, – тут у вас околеть можно!

– Всю жизнь мечтал, – подумал Олег, но дальше удирать не стал.

Просыпаясь, Кирстен познавал действительность. Та была так себе...

Зимнее утро слабо просвечивало сквозь покрытое ледяными узорами окно. Родители – на работе, нянька – в отгуле. Он – на попечении кузины Лизы. Не радостная перспектива...

Лиза, хоть и была взрослой – 10 лет, но она всего второй день гостила в Клязьме. Городская жительница, она печь-то видела в первый раз, не говоря о керогазе с керосинкой. Унитаз, небось, всё утро искала, от чего и замерзла. А ведь ей говорили про помойное ведро в сенях. Тут не Москва: нет ни газа, ни радиаторов, тепло отдающих. Электроплитки и той нет. Трудности быта...

А гонора-то! За руку её не бери, за косы не таскай. В «пьяницу» играть не хочет – как же! – третий класс заканчивает, а Олег ещё вообще в школе не был. Барышня – сопляку не пара! Подумаешь! И не надо! Он с Диком во дворе поиграет, а то возьмет санки и рванёт кататься. Так мало ещё, что не водится – с глупостями пристаёт! Вчера руки мыть заставила!!! Прямо, как Мальвина – Буратино. И поленом обзывается!

– Ну, ты – полено! – прочла его мысли Лиза-Мальвина, – Избушка! Избушка! Повернись к лесу задом, а ко мне передом!

Не дожидаясь реакции, она ухватила его за плечи и повернула к себе. Они стукнулись носами и прижались друг к другу животами. Лиза подтянула к шее свою рубашку, расстегнула пижаму Олега и слегка спустила ему штанишки. Тело её было холодным, но быстро стало нагреваться.

– Тепло передается от теплого тела к холодному, – сформулировал Кирстен первый закон термодинамики. То, что тело Лизы нагрелось, а его не только не остыло, но разогрелось сильнее, его смутило, но слегка.

– Поток тепла пропорционален градиенту температуры и некой константе, – продолжал гнуть свое Олег..

Лиза притянула его к себе. Олег привычно нашел сосок (мать его кормила грудью до трех лет, и он знал, как это делается) и стал сосать. Грудь практически не было, так – небольшая припухлость. И сосок маленький-маленький. А молоком вообще не пахло. Сосать смысла нет.

Лиза сначала засунула руки ему под мышки, чуть-чуть нагрела, а затем переместила их между ног, стала массировать крантик и все, что с ним связано. Олегу понравилось, он решил ответить тем же. Просунул руку ей между ног в поиске аналогичного предмета. Его не было! Совсем! Какие-то складки кожи – и всё. Решительно нечем заняться. Олег стал гладить кожу ноги, спускаясь по ней вниз. Между ног было тепло, но ступни – холодные.

– Температура тела по мере удаления от источника тепла падает, – продолжал формировать модель Кирстен.

Лиза тем временем целовала его, смещаясь к пупку.

Это она зря! Лизаться Олег не любил. Он перекатился через кухню и впрыгнул в валенки. Вода в кувшине, стоящем на полу, покрылась льдом. Понятно: Елизавета оставила дверь в сени раскрытой – дурная привычка московской жизни.

Олег закрыл дверь и стал одеваться.

Надо было что-то предпринимать, причём ему. Всё же он мужик, отличен от бабы, как только что он установил экспериментально...

Кирстен сел на свой стульчик и задумался.

Печка, дрова, спички есть. Можно затопить печь, станет тепло.

Это – с одной стороны. С другой стороны, ему печи топить не приходилось, он не очень чётко представлял, как это делается. Более того, ему было строжайше запрещено приближаться к печи и трогать спички. Ну, положим, с последним просто – взрослые бежали, бросив их на произвол судьбы, в комнате, как на дворе, того гляди окоченеешь. Да и завтракать пора, чего-то теплого хочется. Так какое право имеют няня-родители что-то приказывать или там вводить запреты?! Никакого! Спасение утопающих – дело рук самих утопающих... Лиза – в постели, толку – ноль. Так, что берём дело в свои руки.

Хуже другое: Кирстен не владел теорией горения! Он, конечно, знал, что дерево вообще и полено в частности, горит. Почему? Потому, что при окислении древесины выделяется тепло, причём по цепному механизму: чем больше тепла, тем лучше горит; чем лучше горит – тем больше тепла. Огонь сам себя распространяет и пока всё не сожжет, не утихнет. Экзотермическая реакция потому что. Это понятно.

Да, но если реакция идет самопроизвольно, сама себя ускоряет, то почему тогда не горят дрова, сложенные в поленицы. Поленица в печи прекрасно горит, а та же поленица в сарае – нет. Несмотря на свободный доступ кислорода. Почему? Тут есть о чем думать.

Олег сосредоточился, зажал голову руками, и слегка покачался из стороны в сторону. И мысль пришла! При комнатной температуре на воздухе дерево не горит, поскольку реакция горения пороговая! Чтобы она пошла, дереву надо сообщить тепло, его надо нагреть. Причём до определенной температуры: ниже критической температуры горения нет, а выше – полено вспыхнет и понеслось...

Сразу стало легче: теория есть, можно переходить к практике.

Олег открыл дверцу топки и положил внутрь полено. Достал спичку и провел ею по торцу коробки. Никакого эффекта: головка осыпалась, на коробке появлялась жирная черта, но не более того. Попытка за попыткой, меняя темп. Наконец чиркнулось удачно, и спичка загорелась. Олег поднес ее к полену. Дерево отнеслось к его действиям индифферентно, чуть-чуть закоптилось и все. Даже не обуглилось. Спичку же пришлось бросить, чтоб не обжечься. Пару раз он повторил действия, эффект тот же.

Пришлось думать дальше и вспоминать опыт предков. Помогло!

Олег содрал кору с березы, сунул её в комок газеты, сверху накидал щепы-веточек, и накрыл всё поленьями: сначала мелкие, а потом – крупнее и крупнее. Поднес к бумаге горячую спичку – вспыхнул огонь. Первый порог был пройден. Кора, палочки, веточки занялись, языки пламени стали лизать полено. Но полено было фригидно, казалось, оно не замечает ласок огня. Лишь спустя какое-то время по полену стали бегать синенькие огоньки: пробежит – исчезнет, снова пробежит – и снова исчезнет. Кончили бегать и они. На какой-то момент полено осталось целым и невредимым. И тут же вспыхнуло ясным огнем. Сразу со всех концов! Печь загудела, включилась тяга, дым пошел в трубу, пламя охватило все дрова. Пахнуло теплом.

– Зона неустойчивого горения, – прокомментировал Кирстен, – полено прогрелось, охлаждение превышало нагрев. Работала (окислялась) лишь поверхность. Потом объём прогрелся, порог реакции был преодолён, нагрев превысил охлаждение, пошёл цепной процесс. Древесина на поверхности обуглилась, слой угля растёт, и кинетика горения определяется скоростью диффузии кислорода к границе контакта дерево-уголь. Сама же граница двинулась внутрь.

– Кинетика стягивающегося цилиндра, – с удовольствием констатировал юный профессор.

Услышав гул печи, и почувствовав тепло, Елизавета, покинула постель. Она стащила Олега со стульчика, бросила на ковер, улеглась сверху, и, переплетя ноги, стала его целовать.

Кирстен остался доволен теорией, теперь её можно приложить ко многим объектам: тут тебе окисление металлов, горение толковой шашки, полиморфные превращения, горение твёрдого ракетного топлива и много, много ещё чего.

Понятно, почему ему самому теперь всё теплей и теплей.

Как тому горящему полену.

А Лиза все целовала и целовала его.

Сдурела баба....

Игрушка (начало детского детектива)

Электричка, виляя всем телом, гроыхая на стыках, пронзительно завывая на пролетаемых без остановок платформах, второй час несётся вдаль. Все двери распахнуты, и из них выпирает сплоченная масса людей. Пробкой служит амбал, распростерший руки в изображении ремней безопасности. Держась за поручни и оттопырив зад, он держит толпу. Из встречного поезда выпирают такие же горбы. Ждешь, что они срежут друг друга. Но нет, пронесло!

Всем надо ехать. И все едут.

В вагоне – плотнейшая упаковка. Спать можно стоя. Духота.

Севастополь! Пока сердце бьётся

И сжимает рука автомат.

Севастополь! Моряк не сдаётся.

Мы клянемся: ни шагу назад!

Мощный голос ворвался откуда-то снизу, воспарил и, отразившись сначала от потолка, потом от стен, заполнил вагон. Олег Кирстен завозился у отца на коленях, протер глаза и выглянул наружу. При посадке им удалось занять царское место у окна, но, расположившись, он сразу заснул. Теперь за окном мелькали деревья. Хмурые бесконечные леса. Преодолевая сопротивление не по сезону теплой беличьей шубки с капюшоном (довоенное мамино пальто), он высунул лопухий локатор. Песня приближалась. Это чувствовалось не столько по усилению звука, сколько по шурушанью заколыхавшейся толпы. Вот подались ближние ряды, задвигались чемоданы, покатались рюкзаки, и в проходе возник длинный тощий парень в чёрных очках. Лицо его сводила судорога, он кривлялся, резко западая то в одну, то в другую сторону. Слепой – контуженый. С медалькой на груди. Парень не падал, так как держался за плечо огромного мужика, срезанного снизу и посаженного в таз на подшипниках. Голова полностью обрита, мощный торс облегалась чёрно-белая тельняшка, а на залатанном бушлате блестели и звенели ордена. Он сильно отталкивался от пола деревяшками.

Отец вынул рубль. Олег сунул его в сумку длинного.

– Спасибо, девочка, – кивнул матрос.

– Я не девочка, я – мальчик! – хотел привычно ответить Олег, но не успел. Дуэт исчез в толпе. Удалялась уже новая песня:

Я калекой стал

Чтоб цвела земля,

Но как жить хотел,

Так теперь нельзя.

А как можно жить,

Так не хочется...

Олег снова сжался и целиком спрятался в шубку, как улитка в раковине. Мир исчез. Можно помедитировать. Но не тут-то было!

Раздался негромкий, но твердый голос:

Ужель твой ум не примечает,

Насколь твой замысел нелеп?

Голос как бы слегка издевался.

Олег приоткрыл глаз. На скамье напротив сидел мужчина в кожаном пальто, удерживающий подвижную обезьянку. На первый взгляд. На второй обезьянка оказалась девочкой, пребывающей в постоянном движении. Сейчас она пыталась достигнуть багажной полки, карабкаясь по отцу, как по дереву.

Мы заполнили всю сцену, остается влезть на стену.

– Инга! Не порть шляпу. Слезай!

Инга не реагировала, а упорно пыталась взгромоздиться на его кепку. Цель очевидна: на полке лежал на боку конь с чёрной гривой. Колеса, слишком крупные и слишком крепкие для игрушки, вызывающе торчали и требовали их крутануть. Олег замысел оценил. Он прикинул, что его отец, хоть гораздо старше соседа, но зато намного длиннее, а сам Олег, хоть и моложе девочки, но все же мальчик. Он какое-то время привыкал к мысли, потом резко выскользнул из манти, подтянулся за крюк с какими-то сумками, схватился одной рукой за полку, подтянулся и крутанул ближайшее колесо. Затем вновь упал и исчез в беличьем коконе.

Колесо активно вертелось.

Девочка удивленно переводила взгляд с колеса на Олега и обратно. Уж не померещилось ли?! Колесо вертелось, а двигатель спал. Как-то все неправильно. Такого нападения на свою вещь она не ожидала. И от кого? От малоподвижного субъекта, то ли девочки, то ли мальчика, не разберешь. Пару секунд она соображала – не зареветь ли? Наконец, решила...

Но за окном лес расступился, появились овраги с речками, затем холм и на нем – белая крепость. Мощная крепостная стена с башнями, совсем не похожими на Кремлевские, без куполов и звёзд, опоясывала холм. За ней виднелись разноцветные головки церквей и тощая длинная колокольня, торчащая, как спица в торте.

– Лавра, – сказал кто-то.

Электричка стала тормозить, дала гудок и остановилась у платформы с надписью Загорск.
– Вставай, Лежебока, – сказал отец, – приехали.

Народ засуетился, задвигался, начал собираться-одеваться. Олег вдвинул ноги в валенки с калошами, просунул руки в рукава и сразу попал в тёплые варежки, висевшие на резинках. Девочка некоторое время настороженно рассматривала его. Огромные чёрные глаза на бледном лице опасно блестели. Она что-то хотела сказать, но передумала. Соскользнула на пол и с независимым видом последовала за отцом. Шла она с трудом. Ноги у неё как бы вдруг ломались, и она приседала, будто собиралась пойти в пляс. Длинные распущенные чёрные волосы взлетали вверх и падали вниз ниже пояса, вновь взлетали и вновь падали. Но продвигалась она быстро и вскоре элегантно драповое пальто, изящные сапожки на каблуках, да белые перчатки исчезли.

Отец с Олегом вышли в город. Погода была прекрасной. Казалось, они прибыли в какую-то другую страну. Было утро, но солнце уже ярко светило. Под ногами, однако, лежал плотный, как лёд, слежавшийся снег. Можно было кататься на коньках, прохожие шли зигзагом, скользили и падали. Лед пересекали глубокие трещины-ущелья, с урчащей водой. Улица круто спускалась вниз, ручейки собирались в речки и неслись вдоль неё, образуя перекаты, пороги и водопады. Олег был бы не прочь спустить на воду какую-нибудь щепку-дощечку и посмотреть, что будет. Но отец увлекал его за собой.

– Давай перекусим, – сказал он, – здесь где-то базар.

Они свернули в проулок и вошли в ворота. Открылся новый мир.

На небольшой площади за воротами располагалось несколько грузовиков. Студебеккеры! Колеса – почти с Олега. В другое время он бы, конечно, занялся осмотром американской техники, но сейчас его привлекло другое чудо. Лошади! Они стояли между машинами в свободном доступе. То, что это были именно лошади, Олег не сомневался. Он уже видел однажды нечто подобное. Конный милиционер вынырнул из-за Колонного зала и не торопясь поцокал в сторону Большого театра. Тогда Олег хорошо рассмотрел коня и решил, что все они – коричневые. Но теперь понял, что ошибался. Лошади оказались разной масти: серые в яблоках, белые с золотой гривой, рыжие. Настоящие живые лошади. Их было много. Одни задумчиво разглядывали асфальт, другие непрерывно жевали железку, зачем-то вставленную им в рот, третьи встряхивали головой и махали хвостами, отбиваясь от взявшихся откуда-то мух. Они стояли меж палок, торчащих из саней. Сани были устланы сеном, а кое-где и коврами. Одна лошадь, над головой которой шла расписная дуга с колокольчиком, была запряжена в нечто похожее на автомобиль. У этого нечто тоже было четыре колеса и кабина. Но кабина прикрывала сиденье только сзади и сверху. Спереди и, отчасти, с боков она была открыта. Ни мотора, ни руля видно не было.

– Бричка, – пояснил отец.

Они прошли к торговым рядам. Располагавшиеся под навесом прилавки чем-то напоминали магазин, но не слишком. Они были длинными, деревянными, обитыми сверху железом. Толпа, меся грязь со льдом, брела вдоль прилавка. С другой его стороны, стояли продавцы, но они не были сердитыми, как в Москве. Наоборот, они смеялись, шутили, весело расхваливали товар, приглашая его купить, или что-нибудь попробовать на вкус. Народ отчаянно торговался, что показалось Олегу особо диким. Дома, в магазине, куда мама затаскивала его ранним утром, практически ночью, где ему записывали химическим карандашом номер на руке и где в очереди он проводил весь день, никто не торговался. Каждый молча хватал свой пакет с мукой и исчезал.

– Карточки только отменили, а смотри, как всё оживилось!

– А что, теперь можно взять, сколько хочешь?

– Да, были бы деньги

– Только здесь, или в Москве тоже?

– Везде!

Олег задумался над открывшимися перспективами.

Они прошли весь овощной ряд, но ничего не купили. На торце прилавка лотошник продавал белый хлеб. Французская булка! С твёрдым рубцом вдоль неё. Отец купил одну.

– Жизнь, однако, налаживается. Ещё в прошлом году я от голода в обморок падал. Картофельную ботву варили и ели. А вот и булкой побаловались. Война кончилась...

Жуя булку, двинулись дальше. Рядами стояли бабы в белых халатах, натянутых на телогрейки. Алюминиевые кружки на длинных ручках они погружали глубоко в бидоны, вынимали их полными, наливали в чашки с цветочками и расставляли их вокруг себя. У прилавка, заставленного глиняными крынками, отец остановился.

– Попробуй топленого молока.

Он поднял Олега и посадил на край прилавка. Баба наполнила стакан. Молоко было светло-коричневым и имело неземной вкус. Но главное – это корочка. На поверхности молока располагалась пенка. Как коричневый пряник. Олег, вообще-то, не любил пенку и скептически сморщился. Но, попробовав, забыл обо всем.

Профессор Кастыль проживет длинную жизнь, много чего в ней будет, в том числе – пищи и питья экзотического. Но солнечное утро в Загорске с топленным молоком и булкой он запомнит на всю жизнь.

Олег ещё пил и жевал, когда с высоты своего наблюдательного пункта увидел девочку из вагона. Она сидела в седле лошади на колесах. Мужчина тащил импровизированную коляску за кожаный ремень. Всадница, подобрав складки пальто одной рукой, другой жестикулировала, активно вертась, наклоняясь во все стороны, заглядывая то на прилавки, под прилавки. Было на что посмотреть: её везли сквозь строй игрушек.

Олег спрыгнул с прилавка и повлек за собой отца. Игрушек было видимо-невидимо. Большинство из дерева с яркой раскраской. Тут были коляски для кукол, машины, корабли, самолеты, мотоциклы, дирижабли и какие-то подвижные устройства неясного назначения. Они были не заводные, но если их потянуть за веревочку, то с ними начинали происходить удивительные вещи: поднимались и опускались мачты, махали крылья, распускались и закрывались цветы, крутятся при этом вокруг оси. Куклы были разборными: краснощекая красotka вдруг разделялась на уровне пояса, раскладывалась на две части, а внутри ее оказывалась такая же поменьше, внутри той, опять красotka, еще меньше. И так до самой малой, величиной с горошину! Деревяшки лежали, как связки дощечек, но если двинуть одну, то вдруг появлялись медведи пилящие бревно, или кузнецы, с остервенением колотящими молотами по деревянной наковальне. На палочках вертелись с диким треском колесики с бантиками да цветками. При дуновении ветра треск переходил в визг сирены.

– Загорск – город игрушек, – пояснил отец, – здесь старинный промысел. Есть даже музей игрушек. Единственный в Союзе. Рано освобожусь – зайдем, посмотрим. Чего там только нет! Пианино само собой играет, соловей поёт, кукла ходит и говорит, маленькие дома, как настоящие, с мебелью, людьми и собаками. Игрушки дворянских детей. После революции всё отобрали и в музей передали.

– Купи! – сказал Олег, – показывая пальцем на большую пожарную машину, изнутри которой медленно поднималась, удлиняясь, лестница.

– Не могу! Денег нет. Если дадут сегодня, вернёмся и что-нибудь купим. Такую машину вряд ли, но может ещё что.

– Купи! – сказал Олег. Голос его дрогнул, а большие глаза стали синими, как небо. Отец смущенно потоптался, снял с плеча немецкий планшет, переложил из него бумаги в портфель и пошёл на переговоры. Олег издали смотрел за перемещениями отца от одного продавца к другому. Наконец он вернулся с наганом и свистком.

– Я как Папа Карло, – смеялся отец.

– Какой Папа-Карло?

– Тот, что обменял куртку на азбуку для Буратино. Напомни – расскажу сказку про золотой ключик.

Подарки понравились Олегу. Наган, был хоть и деревянным, но чёрным. Барабан у него вертелся, а при нажатии на собачку громко щёлкал курок. Свисток тоже был хорош: если дунуть, то раздавался громкий переливистый свист. Нервные прохожие вздрагивали и вертели головой в поисках милиционера.

Они дошли до конца ряда и повернули направо. Вновь Олег увидел впереди девочку-обезьянку. Она по-прежнему ехала верхом на коне. Но теперь она прижимала рукой к груди большую куклу с голубыми волосами и бантом. Рука девочки заголилась, и стал виден выжженный на запястье номер. Тоже голубой. Как на белье в детском саду.

– Смотри, какая барыня! Все время катается!

– Она не барыня, а больная. Немцы в концлагере повредили ей ноги. Теперь не может ходить. Но и в инвалидной коляске ездить не хочет. Ей специальную лошадь сделали. Она старше тебя – ей шесть лет. Скоро в школу. Ингой зовут.

– Откуда ты знаешь?

– Её отец рассказал в электричке, пока ты спал. Дорога-то длинная.

– А зачем она из Москвы уехала?

– Здесь – лечебная вода, святая. От всех болезней помогает, может и её вылечит.

Олег хотел было спросить, что такое концлагерь и святая вода, но не успел: догнали попутчиков.

– Что, Семён Яковлевич, до водных процедур Сергию поклонитесь?

Тот не ответил – что-то жевал. Задвигал челюстями быстрее, потом произнёс:

– Когда я ем, я глух и нем, хитер и быстр, и дьявольски умён!

– Пардон, – сказал Николай Николаевич и отошёл.

Некоторое время шли молча вдоль скобяного ряда.

– Станный человек, этот Семен Яковлевич. Очень странный!

– Почему?

– Говорит стихами

... – Как это?

- Складно так, в рифму. Ну, типа пол – стол, кошка – окошко.
- В детском саду так говорят.
- Но воспитательницы учат вас читать стихи. А этот говорит ими.
- Он их сам придумывает?
- В том то и дело, что нет! Стихи – чужие.
- Ну и что?
- Странно это, очень странно. Он воевал, офицер, теперь чиновник. Зачем ему...
... Олег не понял. Но спрашивать не стал. Вокруг было интересней.

Они приближались к задним воротам рынка. Тут, видимо, была база нищих. Скопление навесов, сараев, амбаров, сеновалов, сортиров, помоек давало им приют. Слепые, хромые, безногие – мужики и бабы – бродили, сидели, лежали. Многие в разноцветных отрепьях. Все пьяные, но пьяные разные: одни спали, другие играли в карты, третьи дрались. Были старики и дети, но были и мужчины в расцвете лет, все изувеченные – из-под одежды торчали голые обрубки рук и ног. Они посинели от холода, но никто не прятал уродство, а наоборот, привычно выставлял напоказ, хотя здесь смотреть на них было некому. Олег заметил моряка с поезда. Моряк смотрел вверх под юбку крепкой бабенки, стоявшей над ним широко расставив ноги. Она была пьяна и смеялась. Где-то играла гармошка.

Калеки выстроились в ряд.
Один играет на гитаре.
Ноги обрубков, брат утрат,
Его кормилец на базаре.
А на обрубке том костыль,
Как деревянная бутылка.
А третий, закрутив усы,
Глядит воинственным героем.
Над ним в базарные часы
Мясные мухи вьются роем.
Он в банке едет на колесах,
Во рту запрятан крепкий руль,
В могилке где-то руки сохнут,
В какой-то речке ноги спят.

Киртены обернулись. За ними, держа под уздцы лошадь с Ингой, стоял Семен Яковлевич. Он слегка раскачивался, задавая ритм рукой. Было не ясно: он ужасается или смеется.

– Пошли, – сказал Николай Николаевич и потащил сына с рынка.

Некоторое время они почти бежали. Потом перешли на шаг.

– Это уже не странно, а плохо, очень плохо.

– Почему?

– Это стихи Николая Заболоцкого. Никто их знать не может – поэт в тюрьме.

Олег опять не понял и опять не стал спрашивать. Он уже знал, что у взрослых есть свои тайны, которые они никогда внятно разъяснить не могут.

Он шёл и смотрел по сторонам.

Город был старый. Когда-то он назывался Сергиев посад, в честь святого Сергия и Троице-Сергиевского монастыря, но теперь – Загорск. Можно подумать, что так его назвали как поселенье за городом или за горами. Но нет, он был назван так в честь какого-то большевика, убитого в Москве. Назван не столько в память о Загорском, сколько чтоб на карте было меньше ассоциаций с прошлым. Тем более – с религиозным прошлым.

Дома были старыми, основательными, кое-где уже вросшими в землю. У многих низ были каменным, а верх – деревянным, рубленным из крупных бревен и неоштукатуренным. Внизу располагались магазины, или просто гигантские, сплошь обитые железом, двери-ворота. Дома украшали резные наличники, кокошники, полотенца и т.п. Над коньками крыш сидели деревянные петухи, медведи, лошади. На деревьях или просто на шестах белели скворечники. Многие дома опутывали проволочные радиоантенны. На некоторых столбах чернели громкоговорители. На площадях они оживали и изрыгали громкую музыку и последние известия. Раньше это были вести с фронтов, а теперь – с полей. Чтоб прохожий знал, сколько яровых засеяли на Кубани.

Кривые улочки то падали вниз, то взбирались вверх, как будто город стоял на холмах, а не на плоскости в лесной чащобе. Кроссворд оврагов с ручейками-речками пересекал округу. Улицы местами были абсолютно сухи, местами покрыты снегом–льдом, а местами полностью залиты водой. Такие участки люди преодолевали по заборам палисадников, двигаясь по жердям, вставляя ноги в разрывы между штакетинами. Грузовики, поднимающие валы грязной воды, наводили страх и трепет.

Святой купеческий город. Где-то на окраине шла стройка секретных заводов по производству ракетного топлива. Но тогда Олег об этом не знал. Следов бомбежек и пожаров нигде не было видно. Война сюда не дошла.

Кирстены слегка поплутали и вышли в район, более похожий на Москву. Здесь были современные кирпичные трёхэтажные дома. Но одна старая изба ещё существовала, хотя и сильно покосилась. Стены – на подпорках, одно окно – на уровне земли. Но другое окно – на обычном месте. Его, видимо, только что открыли – зимняя рама стояла рядом, на подоконнике еще белела вата, посыпанная имитирующим снег нафталином, и краснели восковые розы на проволоке. Женщина в белом платке мыла стекло. Она была радостно возбуждена. Лицо буквально светилась. Чему можно радоваться в этом обреченном на снос доме, более похожем на хлев, было не ясно. Может, просто хороший день?

– Она готовится к празднику 1-го мая?

–Нет! Скоро Пасха, Воскресение Христово.

– Воскресение Христа?

– Да, Бога-сына.

– Но Бога нет!

– Это неизвестно. Для нее есть!

Олег снова не понял, и снова не спросил. Он знал, что раздражает всех своими «Почему». Пора начать самому разбираться...

Они подошли к новому дому с надписью на доске: БАТУБ. Что такое БАТУБ, Олег не знал ни тогда, ни потом. Но это было что-то важное, что-то начальственное, что-то контролирующее отца и определяющее: дать ли ему денег или нет. А теперь, когда карточек не стало, деньги – штука важная. И для детей тоже.

Они поднялись по лестнице и открыли обитую дерматином дверь. Поднялся переполох. «Николай Николаевич пришел!» Двери комнат вдоль длинного коридора начали распахиваться, из них выкатывались женщины всех возрастов, мастей и нарядов. Кто-то сразу бросился целовать НН, подпрыгивая, или становясь на цыпочки, другие здоровались за руки, некоторые застенчиво кивали издали. К отдельным Николай Николаевич делал шаг навстречу и, шаркнув ножкой, галантно целовал руку. Шум и гам. Шутки – анекдоты. В руках у отца появились кульки, из которых он раздал конфеты «подушечки» или насыпал семечки. Откуда они взялись? В поезде их не было. Олег, конечно, знал, что отец любит женское общество, любит смешить дам и целоваться с ними. Такое случалось в Москве. Но здесь ажиотаж принимал глобальные размеры. Он начал отступать в одну из комнат. Там в ряды стояли столы с бумагами, пишущими машинками, арифмометрами. Олег собрался уже взобраться на стул и ознакомиться с техникой, оставленной хозяйками по причине «мужчина пришёл», когда вспомнили и о нём. В комнату ворвались молодые женщины, Олег немедленно взлетел под потолок: раз, ещё раз и еще раз. Потом его поставили на стол и стали вращать вокруг оси для всеобщего обозрения.

– Какой большой!

– Да, – смеялся отец, – все удивляются, что у Николая Николаевича уже взрослый сын.

Тётки же мяли и крутили Олега. Как куклу, или ещё хуже – как девочку. Олег слегка оторопел от такого приёма. Про свои длинные ресницы, брови черные и голубые глаза он уже знал. Но он знал, вернее чувствовал, что быть ему по жизни Кастылем. А Кастылю не нужны такие достоинства. Если его и будет кто за что ценить, то не за это. А детская красота так и сгинет за ненадобностью. Дамам от неё - ни тепло, ни холодно. Да и не будет Кастыль особо ценить этих дам-то. По стопам отца не пойдёт. Хотя и роста будет высокого и с усами. Но боевые подруги будут при нём.

А тётки продолжали тискать и тормошить его, перенеся восхищение на беличью шубку. Постепенно Олег освободился от верхней одежды, включая варежки. В какой-то момент, он соскользнул со своего стола, пробежал на четвереньках под другим, выскочил в коридор, скатился по лестнице и оказался на улице. В БАТУБЕ продолжался ажиотаж по поводу явления НН. Никто исчезновения его сына не заметил. А так восхищались, так восхищались...

На пороге он огляделся. День по-прежнему был прекрасен: на безоблачном небе светило солнце. Улица претерпевала зигзаг и довольно круто шла вниз. Она хорошо прогрелась и была практически сухой. Лишь по краям, у тротуара журчала вода. Из-за поворота показался большой грузовик. Он мчался вниз, грохоча по брусчатке. Олег бросился ему наперерез. Он проскочил перед самым капотом, заметил краем глаза побелевшее лицо шофера и оказался на противоположном тротуаре. Машина пронеслась мимо. Олег немного потоптался, соображая, что бы предпринять ещё. Тут появился автобус снизу. Кирстен подождал его приближения и вновь перебежал дорогу. Но на этот раз железяка двигалась медленно, бегущий Олег был от неё далеко. Мог бы и не спешить. Не интересно!

Олег стал прогуливаться взад-вперед по тротуару, ожидая чего-то более подходящего. Легковые он пропускал. Наконец, улица задрожала, и из-за поворота появился армейский грузовик под тентом с прицепом. Олег подождал его приближения и бросился наперерез. Сначала грузовик удивленно библикнул, потом раздался визг тормозов. Машина свернула влево, стукнулась передними колесами о тротуар и встала. Прицеп занесло, он снес мусорный бак. Из машины выскочил шофер и, ругаясь, кинулся за Кирстеном. Тот бросился наутек. Шубки не было и ничего не мешало. Он перепрыгнул кучу хвороста, проскочил сквозь кусты и сходу нырнул в счастливо

подвернувшуюся щель, зачем-то пробитую в фундаменте. Свалившись в подвал, он залег за бочку с карбидом.

Шофер подбежал к дому и попытался достать беглеца. Не тут-то было, даже голова в щель плохо пролезала, не говоря об остальном. Поругавшись от души и всячески обозвав Кирстена, он удалился. Олег осторожно выглянул из укрытия. Из подвала выхода не было, спасительная щель светилась высоко вверху. Ему пришлось проявить сообразительность и сноровку. Сначала приволок пустой ящик и поставил его на попа. Этого оказалось мало. Пришлось на ящик, один за другим положить четыре кирпича, а уж на них – перевернутую кастрюлю. Цепляясь за стену, он взгромоздился на сооружение. Его роста хватило. Он подтянулся и выполз наружу. Вдалеке, солдаты, потирая ушибы и собирая что-то рассыпанное, залезали в кузов под тент. Прошло немного времени, машина зарычала и уехала.

Кирстен вернулся в БАТУБ и опять прошелся мимо него взад-вперед. Вскоре вновь послышался звук мотора. Машины он не видел, но по звуку понял – вещь стоящая. Подождав, он опять бросился наперерез. Но едва ли успел преодолеть треть пути, как был вознесен в воздух. Запыхавшийся отец догнал его и сгреб в охапку.

– Что ты делаешь?! Что ты делаешь? Как ты можешь? Ты ж у нас один!

– Я – мальчик, а не девочка! – отвечал Олег.

– Мальчик, конечно, мальчик! Ты будешь мужчиной, а разве мужчины бегают пред машинами?! Они их водят!

Игорь на руках был возвращен в женское общество. Там его снова тщательно запаковали в шубку и вернули родителю. Сын взял отца за большой палец, и они пошли в монастырь.

Шли недолго. Резкий поворот, и пред ними возникла большая башня. И крепостная стена.

(Продолжение следует)

ШКОЛА

Отображение реальности

Где-то на второй день первого класса, учительница спросила нас, как кричат младенцы – Ау! – отвечал класс. Я не возражал, поскольку никогда не слышал, что и как они кричат. – А как перекликаются в лесу? Я подождал ответа. – Ау! – прокричал класс. Я опять не спорил, поскольку никогда в лесу не был и не перекликался. В метро же Ау! не кричат. – А как лает собачка? Вот это я знал точно и сразу поднял руку. Но девочка с соседней парты меня опередила. – Ам! – сказала она. Это было враньем. Собаки так не лают. Я продолжал тянуть руку, в надежде, что меня спросят, и я залаю на весь класс. Профессионально! И за дога, и за таксу. Но, к моему удивлению, учительница с девочкой согласилась. У меня буквально опустились руки. Я испытал редкое по силе разочарование. Это надо же, как реальная действительность отлична от её формального описания!

Выбор профессии

Наше будущее заложено в детстве. Если бы мне в первом классе подарили футбольный мяч, стал бы знаменитым футболистом. А если бы толстую тетрадь – писателем. Но за школой громоздились лишь бочки с карбидом. Пришлось стать химиком.

Справка

Как-то Олег Кирстен отдыхал в пионерском лагере под Москвой. Лето было тревожным – среди диких животных распространялось бешенство. Болели лисы, волки и ежи. И вот однажды ёж укусил за палец повариху. Та побежала к доктору. Доктор задумался: если ёж – бешеный, повариху надо опарывать в город, но тогда лагерь останется без еды. Он велел поварихе посадить ежа в клетку, хорошо кормить, чтоб не сдох, и следить за его поведением (не течёт ли у него слюна, например). Три дня прошли спокойно, ёж отъелся и стал невероятных размеров (при ближайшем рассмотрении он оказался ежихой). Врач взял Олега в качестве носильщика, и они поехали к ветеринару. Тот глянул: «ёжик, как ёжик, выпускайте!». Но всё же выдал справку. Графа «выдана кому»: Ёжику. Резюме: практически здоров. Привезли ежиху в лес и выпустили. Все были довольны.

Ты и твоё имя

Хоть горшком назови... Уже в раннем детстве меня занимал философский вопрос: меняется ли суть вещи от её названия? Зависит ли судьба человека от того, на каком языке значима записанная в паспорте фамилия? Возьмем пары: Кузнецов-Шмит, Сапожников-Шумахер, Ключевской-Бекман. И так далее... Ну, а теперь паре близнецов присваиваем одну и ту же фамилию, только первому - значимую на одном языке, второму - на другом. И выпускаем жить в Россию. Будет ли отличаться их судьба и, если будет, то чем?

Вопрос, может, для кого и философский, а для меня так вполне конкретный. Сам я на него ответить не мог, но ответила жизнь.

Уже в детском саду стал я понимать (точнее мне объяснили), что я не такой как все. Да! По внешнему виду и по прыгучести – вполне обычен, и имя (Игорь) традиционно, - и всё же – не как все. Ибо у гражданина есть фамилия, а она, оказывается, у всех кончается на – «ов» или – «ин», а у тебя – на «ман». Казалось бы: ну и что?!

Очень даже «что», ребята, особенно если живешь то во времена Отечественной Войны, то в эру борьбы с космополитизмом, то в СССР, то в современной России.

Так или иначе, но уже в раннем возрасте окружающая среда противопоставила себя мне, а мне пришлось противопоставить себя ей.

В детском саду я грустил в одиночку, но в первом классе у меня появился напарник – Сашка Гельфенбейн. Собственно я знал его давно – наши дома-дачи располагались на одной улице. Но тогда он был Карпов (по-матери), и мы не дружили. В школе же он оказался Гельфенбейном, сыном русского немца, репрессированного в начале войны и сосланного куда-то в Сибирь. Зачем мать поменяла ему фамилию - не знаю. Пыталась ли она сохранить память о любимом друге, как говорили одни, или просто обеспечила себе алименты, как говорили другие, не знаю. Судьбу сына она, однако, поломала.

С Сашкой в школе мы сразу скорешились и уселись на одну парту, образовав узел сопротивления. Он был похож на немца (точнее на немца в представлении русских): высокий, тощий, рыжеватый, с обильно посыпанным веснушками лицом и руками. С ним все ясно – типичный Фриц. У меня же была неопределенность. Хотя фамилия у меня была немецкая (я знал, что был русский немец Леонид Бекман – автор музыки к российскому шлягеру всех времен «*В лесу родилась елочка*»), что жил где-то художник Макс Бекман, тоже немец-перец), но сам я на немцев не был похож, принадлежа ко всяким разным шведам! Объяснить же клязьминской шпане, кто такие шведы и откуда они тут взялись – дело неподъемное.

Так окружающая среда создала из двух русских пацанов немецкое землячество.

Сидели мы на одной парте, и в школьном журнале наши фамилии стояли рядом. Каждая учительница зачитывала список класса: Бирюков, Бураков, Бекман, Гельфенбейн (любопытный взгляд на нас), Громов, Громова... Интересно было отслеживать оттенки интонаций. Учились мы с ним плохо. Но не из принципа, а так, из-за лени. Жили рядом, в школу ходили вместе. Путь не близкий и опасный, особенно ночью (одно время учились во вторую смену), и особенно в период веселого разбоя – послесталинской амнистии. Опасность и дальняя дорога объединяли нас.

Были знакомы и наши родители. Его мать и моя сестра работали воспитателями-преподавателями в местном Детском доме. Отец при встрече именовал её не иначе как фрау фон Гельфенбейн, а она его – херр фон Бекман. Местная публика тащилась...

Объединяла нас любовь к оружию. Только я изготавливал взрывчатку, а он – заточки из напильников. В средних классах я всё время проводил в своем сарае-лаборатории и Сашка мне ассистировал, исполняя роль техника-лаборанта, а также начальника испытательного полигона. Одно время мы работали дружно, но потом пути разошлись. Где-то в седьмом классе мне удалось создать присадку, превращающую нитрат аммония (мирное удобрение, его завозили на наши дачные участки) в мощную и легко инициируемую взрывчатку. Она годилась и для мин, и для ракет, и для патронов. Но, если я свой арсенал использовал в мирных целях (выкорчевывал пни на участке, направленным взрывом создал сточную канаву вдоль улицы, устроил фейерверк в школе), то Сашка толкнул взрывчатку уркам, которые подорвали ею стену клуба и похитили радиолу. Мне это не нравилось. Тем более, что мы с подругой Валеёй ходили туда на уроки танцев. Дама была недовольна исчезновением музыки, а я танцевать так и не научился. Пришлось объяснить Александру, что он не прав.

Конфликт интересов ширился. Дело в том, что ещё в начальной школе я изобрел специальные чернила. Внешне они были похожи на обычные, их можно было наливать в чернильницы-непроливайки. Но была одна особенность, если исписанную ими бумагу встряхнуть, то чернила ссыпались с неё в виде мелкого порошка, и бумага становилась девственно чистой! Мы подменили чернильницу на учительском столе, и двойки в наших дневниках и в учительском талмуде исчезли автоматически. Так что родители к нам с глупостями не приставали. Но жизнь прекрасна и удивительна! В девятом классе я ни с того ни с сего стал круглым отличником, и пошёл на медаль. Естественно, нужда в спецчернилах у меня отпала, они даже стали вредны. Производство я прекратил, чем вызвал Сашкино недовольство. Он попытался сам наладить выпуск чернил (он организовал их подпольный сбыт, поскольку у некоторых товарищей была (и есть) потребность в исчезновении собственной подписи на важном документе). Но у него ничего не вышло (петушиное слово знать надо!).

В какой-то момент мы помирились. Поводом послужило знаменательное событие – в школе перестроили сортир для учителей – были введены унитазы с водным бачком. Праздники надо отмечать! Какой-нибудь неопит прибежал бы к металлическому натрию, но это – примитив. К тому же – опасен в смысле увечий. А зачем нам увечья в радостный день?! Эффект красивый нужен. Я выдал реактивы, Гельфенбейн насыпал в фаянсовую вазу порошок иодида натрия, а в бачок налил раствор перекиси водорода. Испытательную миссию взял на себя директор, химик по совместительству. Всегда величественный и важный, а сейчас – особенно, он исчез за дверью. Некоторое время было тихо – шёл процесс. Затем дверь распахнулась, с поспешностью, которую от него трудно было ожидать, и из сортира вылетел директор, со спущенными штанами. За ним медленно шурша, выползала белая пена. Она рождалась в чаше унитаза, и неукротимо, как квашня, выползала из него, заполняя пространство кабинки. Её и так было много, но она прибывала. Высота слоя достигла метра, пена вторглась в коридор, захватывая новое пространство. Красномордый директор, пятясь, отступал от неё, учителя млели от ужаса, а школьники прыгали и купались в пене.

Удачно получилось!

Окончательно наши пути разошлись в десятом классе. К этому времени мне удалось создать мощную взрывчатку в виде бумаги. Из этой бумаги я изготовил записную книжку – блокнот и только приладил в корешок взрыватель, как Сашка её у меня увёл. Просто украл! Мало того, он её подорвал «Победу» нашего военрука (вместе с самим военруком, кстати). Военрук, конечно, сволочь, и нас преследовал, как представителей чуждого элемента. Ну, так у нас вся страна – ксенофобы, что ж нам теперь? Изводить все население?! Никакой взрывчатки не хватит.

После этого теракта я с Сашкой больше не водился. Тем более, что я лишился лаборатории. Перед экзаменами на Аттестат зрелости работал я над созданием вакуумной бомбы. Тогда меня интересовала динамика объёмного атмосферного взрыва. Игрался с пылью безобидных веществ (канифоль и сахар), а она взяла и рванула. Интересно, что в сарае исчез кислород, создавался вакуум, стены и крыша были втянуты внутрь, а меня выкинуло наружу! Отделался легким испугом...

Теперь я Сашке стал не нужен, и мы рванули в разные стороны.

Он организовал большую и активную банду, славившуюся своей жестокостью. Со стороны казалось, что ребята не столько хотят разбогатеть, сколько кому-то за что-то отомстить. И кому-то что-то доказать. Интересно, что было бы, живи Гельфенбейн в другой стране и в другое время. Нашел бы он иной способ самовыражения. Не знаю!

Его не поймали и не судили. Все проще. У него с коллегами вышла разборка, и его на полном ходу выкинули из электрички. Он остался жив, но лишился обеих ног. Довольно долго он служил нищим на клязьминском рынке, пока окончательно не спился и замерз у стены склада. Того самого, с которого мы когда-то тырили карбид.

А я пошел в МГУ, в теоретики. Ибо эксперимент – опасен и вреден...

Теперь вопрос: оставь ему мать фамилию Карпов, кем бы он стал? То-то и оно!

О Гельфенбейнах, как таковых, я никогда особо не задумывался, как-то казалось, что Сашка у нас один такой уникал. Однако, прогуливаясь по фойе Энергетического института, я наткнулся на стенд, в котором были представлены отцы-основатели. Среди них был доцент Александр Александрович Гельфенбейн. Совпали и имя и фамилия (отчества моего Сашки я не знал). Может это его отец? Навел справки, оказалось – нет. Александр Александрович, во-первых, русский, а, во-вторых, расстрелян в 38-ом году, тогда как Сашка родился в 41-ом. Жаль, хорошая история могла бы получиться.

А Гельфенбейнов в России было много. И сейчас есть. Но скоро они (равно как Бекманы) отсюда исчезнут. Уедут, или вымрут, как динозавры.

Может оно и к лучшему...

С кого брать пример?

В детстве я постоянно слышал о подвиге Павлика Морозова. Репродуктор, пионервожатая, «Мурзилка» и «Пионер» - все прославляли его смелые действия по разоблачению отца и его приятелей. Те выступили против Линии, Павлик узнал, донёс и всех посадил. За что был убит. Родственниками. На этом примере нас учили, что нужно выступать против отцов и изводить их. А вот отцам убивать своих потомков никак не годится.

Однако параллельно и независимо мы проходили «Тараса Бульбу». Там императив был обратный: «Я тебя породил, я тебя и убью». И убил, чем заслужил полное одобрение нашей учительницы. Илья Муромец боролся с сыном и после долгих битв отправил на тот свет потомка. Народ это одобрил.

Дела! Дети дерутся с отцами, отцы – с сыновьями, а нам кому сочувствовать? На чьей стороне правда? Отец объяснил мне, что в законодательстве многих стран предусмотрено двойное наказание за любые действия против родителя, т.е. то за что обычный гражданин получит пять лет тюрьмы, сынок огребет все десять. Но! Отец – лицо заинтересованное. Хорошо бы другую сторону послушать

... Как ни странно, такая возможность представилась.

Однажды в Артек привезли мать Павлика Морозова. Собрали нас послушать её воспоминания. Было интересно, как она рассудит своих.

Но ничего понять не удалось. Как только бойкий мужичок начал просвещать нас о Павлике, она заплакала и тихо всхлипывала все собрание. Когда ее вывели на сцену, она хотела что-то сказать, но лишь разрыдалась. Пришлось мужику самому досказывать. Но это было не интересно – мы шептались, толкались, смеялись. А слепая старушка все плакала, плакала и плакала...

Мыльный камень

Олег Кирстен как раз начал учиться во втором классе, когда его отправили в Анапу. В туберкулезный санаторий. Нет, он был вполне здоров. По крайней мере, в туберкулезном смысле. Хилват, конечно, как все дети войны, но не настолько, чтобы на юге лечиться. Просто у отца возник блат, им и воспользовались.

Олег впервые отправился в дальний путь без родителей. Впервые ехал в поезде дальнего следования, впервые забирался на верхнюю полку, впервые заботился о себе сам. Ехали долго – двое суток. Паровозы сменяли друг друга: то КВ, то ФД, то сам ИС. Каждый проявлял свой нрав. КВ дергал с места, так что пацаны летели вниз, набивая шишки, ФД семенял ножками, пытаясь тронуться с места, а ИС выпускал клубы пара, скрывая в них весь состав.

За окном мелькали берёзки и жёлтые поля. На остановках можно было гулять, поезд стоял долго. У кого была посуда, запасались кипятком. Станции Орел, Курск, Белгород, да и Харьков

были полностью разбиты. На чёрных останках стен вокзала Курска проступали красные звезды. Но жизнь кипела – вода лилась в паровоз, тётки бойко торговали вареной картошкой с малосольными огурцами. На базарчиках рябило от яблок.

Другой мир – не аскетичная Москва.

Выгрузились на Туннельной. Темно, юга не видно, но дурманящие запахи обещают многое. Рассвет встретили в автобусе. Открылся горный пейзаж: южные склоны – голые и каменистые, зато северные – зелёные, лесистые. Свечками торчали пирамидальные тополя. Встречались растения, похожие на столетник, но с полукруглыми толстыми листьями, снабженными по краям иголками. И виноградники. Олег лишь однажды видел и ел виноград. Тут же его было много. Яблоки валялись на дороге. Мальчишки швырялись помидорами.

С горы катились в рай!

С раем, впрочем, не сложилось. Из-за буйной растительности выглядывали руины. Поселки лежали в развалинах, как после землетрясения. В Анапе не было ни одного целого дома. Даже проехать затруднительно – обвалившиеся стены перекрыли часть улиц. На перекрестках бетонные ДЗОТы мешали движению. Изредка попадались таблички: Минировано!

Но впереди сияло море. Синее, как на картинке. Глубокая бухта, широкий песчаный пляж, отдельные ребятишки, стоящие по пояс в воде, далеко от берега. А ещё дальше – застывшие на рейде корабли. Пахло тиной и тухлой рыбой.

Автобус покинул бухту и стал взбираться в гору. На краю огромного и страшного обрыва он остановился и выгрузил детей. Прямо перед санаторным корпусом – единственно целым зданием Анапы. Это и был детский костнотуберкулезный санаторий, он же – пионерский лагерь. По аллеям возили на колясках пацанов и девчонок, которые не могли ходить. Но Олег мог, как, впрочем, и другие ребята в его отряде. И это было даром Судьбы.

Потянулись размеренные дни лагерной жизни – утром физзарядка, завтрак, грязевые ванны, на обед – огромные плоские рыбины – камбалы, которых привозили почему-то на телеге (плоские блины с обоими глазами на одной стороне), и лакомство – тонкие ломти арбуза. И камбалу, и арбуз Олег ел впервые, и ему понравилось. Давали и виноград – довольно мелкий и кислый. Уроков никаких не было, зато регулярно водили на медосмотр. Первое время ездили в бухту купаться, но потом наступил октябрь, похолодало, и ограничились ваннами.

Ванна была с морской водой, но забава была не в ней. Забава была в мыле. Каждому выдавали кусок камня (глинистый сланец). Он прекрасно мылился в морской воде, выдавая пену чёрного цвета. Намыленные сланцем мальчишки выглядели сущими чертенятами, таковыми себя и ощущали, прыгали из ванн, носились друг за другом, скользили и шлепались на кафель. Жаль, девочек купали в другое время, а то славно бы их попутали.

Мыльный камень широко водился в окрестностях Анапы, много его было и на территории санатория. У пионеров-октябрят он пользовался большим спросом. Особенно – плоский, размером с блюдце. Он легко резался, и на нем можно было изобразить любой барельеф-горельеф. Инструмент изготавливали из кроватей. Вытягивали из сетки скобки, загнутые с обоих концов. Один конец расправляли, расплющивали камнями, камнем и затачивали. Получалось нечто вроде отвертки – вполне пригодный инструмент для резьбы по сланцу. Тематика простая – пятиконечная звезда, серп и молот, якорь с цепью или Спасская башня.

Кирстену же пригрезился другой сюжет. Горит колокольня, вся в дыму и в огне, но сквозь языки пламени виднеется рука, крепко сжимающая язык колокола и бьющая в набат. Храм горит, звонарь бьет тревогу, где-то бегут люди, а кто-то молится во спасение. Каждый на посту и делает то, что должно.

Нужно воплотить.

Однако подходящего камня не было. И не могло быть. Крупные образцы изведены предыдущими поколениями. Но даже, если бы Олег такой нашел, то его у него немедленно бы отобрали. Все же он был самым маленьким, хилым и миролюбивым. Легкая добыча подрастающих без отцов бандитов. Да и, честно говоря, уже тогда он был ленив. Всё свободное время валялся на койке, то с книжкой, то глаза на потолок. В салках-прятках не замечен. За что и был прозван Лежебокой.

Сюжет не давал покоя. Даже по ночам снился. Камень бы достать.

... Впрочем, Кирстен знал, где можно такой взять – на обрыве. Из бухты было видно, как стену стометрового обрыва пересекают полосы – выходы сланца. Там его никто не добывал и, надо полагать, кусок с тарелку отковырять будет не трудно.

Забор вокруг санатория до высоты глаз был сложен из бута, слегка скрепленного цементом. Выше шла решётка из переплетенных железных прутьев. Ребята держались за нее, когда была охота поглазеть на море. Олег обошел забор. В некоторых местах камни были вынуты – кто-то пытался пробить ход на волю. Но сквозных отверстий не было, ни говоря уже о лазе. Он выбрал подходящий задел, тот, который был загорожен от посторонних глаз густыми зарослями чего-то колючего и задней стеной сортира. Вооружившись двумя отрезками труб, он взялся за дело: начал методично раскачивать камни и вытаскивать их. О приближении посторонних он знал заранее – по треску кустов и ахам-охам пришельца. Поэтому всегда успевал задвинуть пару камней

обратно, и взять в руки «Родную речь». Через три дня дыра в заборе была готова, т.е. никакой дыры не было, при беглом осмотре стена выглядела целой, но в нужном месте камни вынимались, и открывался вполне приличный проход.

Вечером, после отбоя, Кирстен покинул палату и полез в тайник под домом. Там у него хранился мешок от угля и фомочка, заблаговременно снятая с пожарного стенда. Захватив припасы, он отправился к лазу, скользнул в дыру и вынырнул на кромке обрыва.

Простор, свобода и воля захлестнули его. Неведомое ранее чувство. Собственно именно оно превратило Кирстена в Кастыля. Но это будет потом.

... Сейчас же Олег просто удивился пейзажу. Он был где-то высоко-высоко, и море с небом сходились вдаль. Мелкая Анапа лежала глубоко внизу справа. Может быть, если бы он вырос в высотном доме, он бы особо не удивился. Но он жил на утепленной даче под Москвой, и даже на крышу его не пускали. Его вообще никуда не пускали. Престарелые родители тряслись над ребёнком, и он вёл жизнь маменькина сынка на руках домработниц. А теперь он, как в самолете, парил в вышине. Правда, падать отсюда и падать. Хорошо покувыркаешься, пока морской глади достигнешь.

Между тем темнело. Слева зажегся маяк. Луч медленно вращался, последовательно освещая округу. Олег побрёл вдоль кромки. Обрыв только издали казался гладким. Вблизи же он был вполне рельефен, складки глубоко врезались в берег, имели вид желобов для спуска воды, а порой напоминали ущелья. По одной из таких трещин шла еле заметная тропка, её он и выбрал для спуска.

Настала ночь. Остатки света, однако, позволяли что-то видеть. Тропа крутилась в щели – можно было держаться за стенки руками. Петляя, она круто вела вниз. Олег сначала бежал по ней, потом перешел на шаг, затем встал на четвереньки, потом развернулся попой вперед и стал пятиться, постепенно теряя высоту. Тропа кончилась небольшой площадкой. Во все стороны шли пещерки. Видимо, здесь было нечто вроде каменоломни, место добычи мыльного камня. Осколков было много, попадались и довольно большие – мечта детей санаторных, но для Замысла не годились. Мелковаты.

Олег перегнулся через край площадки. Большой балкон, глубоко выдвинутый в море. Сорвешься – придется долго плыть к берегу. Плавать он, впрочем, не умел. И вряд ли останется жив, ударившись о воду после полета с такой высоты. Так что об этом можно не думать.

Он лег на живот и повис в пустоте. Дрыгая ногами, стал опускаться. Сначала одна нащупала опору, потом другая. Можно ползти. Сланец исчез, твёрдые породы составляли скалу. Они были шершавы и достаточно крепко удерживали тело. Даже на больших углах наклона. Олег не торопился. Все равно настала ночь, и ничего не видно. Он надолго замирал, прижавшись к камню, и ждал, пока придет луч маяка. Тогда весь склон вспыхивал ярким огнем, и можно было разглядеть дальнейший путь. Этого было достаточно. Спуск продолжался.

Луны ещё не было. Да и толку от неё мало. Погода портилась. Ветер, налетавший порывами, стал постоянным. Усилился грохот прибоя. Волны били о стену. Изредка стена вздрагивала, и дрожь пробегала по всей высоте, достигая Олега. Похолодало. Уставшие руки с трудом держались за выступы скал. Он ни о чём не думал, просто полз и полз, протирая рубашку, майку, живот. Камень стал скользким, и Кирстен сорвался. Распростав руки он отправился в свободный полет. Парашютист без парашюта. Ему и раньше случалось так падать, но только – во сне. Ёкнуло сердце, он закричал. Но мешок за что-то зацепился и полёт прекратился. Дерево! Как оно могло здесь вырасти – непонятно. Но оно росло, и было довольно большим, с густой кроной. В неё-то и влетел Олег. Он спустился по стволу и удобно уселся меж корней. Корни переплетались и уходили глубоко в камни. Сланец! Мощная слоистая жила. Корни впивались в неё, распухали и вскрывали слой за слоем. Олег легко отковырнул один пласт – роскошный поделочный камень, размером со стол. Перебор, однако. Он не мог его даже оторвать от земли, не то, что поднимать в гору. Пришлось искать другие – запасы неограниченны. Мешала темнота и налетавший изредка мелкий дождь. Но маяк облегчал работу. Постепенно удалось отобрать четыре камня, разного размера: начиная с подноса и кончая тарелкой. Положил их в мешок. Было тяжело и неудобно – одна рука занята. Но терпимо, тащить можно.

Пора домой. Олег посмотрел вверх – обратно дороги не было. Был не просто обрыв, а обрыв с отрицательным уклоном. Гора нависала над ним. Попасть на балкон, с которого он спикировал на дерево, было нельзя. Долго всматривался он в темноту, ища спасенье. Наконец, решился и полез вверх. Но скоро пришлось остановиться. От дождя камень стал мокрым и скользким. Он поднимался и тут же соскальзывал вниз. Тогда он достал из мешка фомку и воткнул над головой. Подтянулся, перевалился и встал на неё. Расклинил тело, вынул фомку, снова воткнул её в расщелину над головой. Ну, и т.д.

Он продвинулся довольно далеко, когда уперся в очередной карниз. Дальше пути не было. Вновь он потратил много времени, чтобы сориентироваться и решить куда двинуться. Совсем было решил заночевать и выбираться с рассветом, но заметил вертикально стоящий автомобиль. Это была душегубка. Немцы сажали в закрытый кузов людей и везли их в какой-нибудь ров. Поскольку выхлопная труба шла прямо в кузов, люди угорали и прибывали на место в виде

трупов. Кто-то спихнул душегубку с обрыва, но она наскочила на выступ скалы и зависла. Сейчас она находилась несколько выше Олега, но сильно в стороне. Пробраться к ней оказалось возможным, и он, в конце концов, достиг машины. Держась за выступающие детали, поднялся вверх. Дальше стало легче: какой-то механик польстился на детали и, видимо, регулярно спускался, постепенно разкурочил двигатель. Он протоптал тропу, а где-то соорудил ступени.

Ночь шла к утру, когда Олег выбрался на плоскость. Он сунул мешок с камнями в тайник, вернул фомку на стенд, юркнул в постель и заснул.

Следующие два дня он жил как все, тщательно скрывая синяки и царапины. Нужно было придти в себя: летать наяву оказалось страшней, чем во сне. В последующей жизни он больше так никогда не делал: всегда забивал костыли (и даже был прозван Кастылем за это) и хорошо крепил страховочные верёвки. К тому же стал теоретиком Безопасности и Риска.

Пора было переходить ко второй фазе операции. Олег слазил под дом и внимательно осмотрел добычу. Самый большой камень ему не понравился. Он был не однороден и имел мелкие трещины, обещающие большие неприятности в конце обработки. Второй был то, что надо: размером с большую тарелку, он был достаточно тонок (около 2 см) и совершенно плосок. Два других были поменьше. Самый большой, но некондиционный, Кирстен подарил своему приятелю – Витьке Пухову. Тот был постарше и уже пару раз защитил его. Свой камень Олег отнес себе в постель, а оставшиеся спрятал. Утром он позвонил Сергею Гвоздеву, своего врага.

– Я знаю, где спрятаны большие камни.

– Где? – загорелся Серега.

– Полезай под дом, там найдешь за досками.

Сергей засомневался (он уже устраивал обыск под домом), но полез. Вскоре появился чрезвычайно довольный.

– Молодец, Лежебока! Нюх у тебя знатный. Беру под защиту. Делай, что хочешь – никто не тронет.

Камни ему самому не были нужны, он никакими талантами не отличался, и ничего резать не собирался. Но Слава и Власть его волновали. И слава пришла, появление Серёги с поделочными камнями стало лагерной сенсацией. Авторитет его неизмеримо вырос.

Олег же спокойно приступил к творческому процессу. Никто ему не мешал.

Пришлось-таки повозиться – шлифовать рабочую поверхность, размечать рисунок, проводить пробные зачистки. Композицию он не менял, она сложилась сразу. Кирстен обладал удивительной способностью – держал в зрительной памяти трёхмерные образы. Просто видел их в виде яркой картинки. Он, как в диапроекторе, направлял картинку на камень и обводил силуэт стамеской. Абрис готов. Но резьба по камню – дело тонкое. Нужно точно размерять силу и направление нажима. Одно неверное движение – и брак; тогда сошлифовывай всю поверхность, т.е. начинай сначала. Поэтому работа шла трудно. Хорошо ещё, что Олег оказался приспособленным к кропотливой работе. Теперь без понуканий вожатых он вообще не выходил из горизонтального положения. И резал, резал.

Через две недели горельеф был почти готов. Но чем ближе к концу подходила работа, тем меньше нравилось Кирстену то, что получалось. Во-первых, сказывался недостаток мастерства. Из-за этого многие детали воплотить не удалось. Во-вторых, пока он возился, в голове возникли новые сюжеты, гораздо интересней воплощенного. Много раз хотелось забросить этот камень, взять новый и приняться за другую картину. Но он всё же кончил эту.

Он показал свое произведение искусства Витьке. Тот пришёл в восторг. Но Олегу показалось этого мало, Витькиному вкусу он не доверял. Поэтому после завтрака он позвонил

Нелю Кошкину (девочку, с которой у него начали складываться отношения, в том смысле, что она сама пару раз обратилась к нему с какими-то вопросами, так что он вполне мог рассчитывать на сочувствие и поддержку) и, слегка волнуясь, показал ей горельеф. Та долго его рассматривала, вертела в разные стороны, любясь игрой теней. Затем побежала к начальнику лагеря.

– Лежебока вырезал свастику! – кричала она ещё издали. – Настоящую фашистскую свастику! Он – фашист!

– Где? Какой Лежебока!

– Олег Кирстен! Смотрите, он изобразил её в виде языков огня!

Начальник повертел камень. Никакой свастики не было. Это с одной стороны. С другой, кто их, октябрат приклатнённых, знает. Может он так хитро свою пакость замаскировал, что с первого раза не разглядишь, а Органы так быстро найдут. Опять же Кирстен фамилия. Сейчас, в разгар борьбы с космополитизмом, только этого не хватало! Такое начнётся, что ни Олегу, ни его родителям, ни Начальнику, ни самой девочке, такой искренней в своем энтузиазме, мало не покажется.

– Ты ошибаешься, Нэла. Никакой свастики здесь нет! Да и картины тоже нет.

С этими словами, он резко ударил пластиной сланца об угол стола. Камень разлетелся на кусочки. Начальник собрал крупные осколки и раздал детям:

– Идите на ванны! А ты, Кирстен, не плачь. В Москве твори. Пока не останоят...

Но Кастыль не думал плакать.

Молча взял свой осколок и пошёл мыться.

Счастливый номер

В 1946 году бывший ефрейтор Сергей Горшков попал в третий Клязьминский детдом. Целый день он устраивался: мылся в бане, получал гражданскую одежду, знакомился с аборигенами и даже успел подраться. Собственно не подрался, а так – дал по морде какому-то сопляку, усевшемуся на его койку. Пусть знают, с кем дело имеют. Вечером посмотрел диафильм "Пушкин в Гурзуфе". В Гурзуфе он бывал – его возили туда после освобождения Севастополя. Весь десант тогда наградили поездкой. Море, кипарисы, Даллары, бывший лагерь Артек, от которого, правда, ничего не осталось. Он хотел было рассказать это ребятам, но не стал – чего хвастать?

В целом, детдом ему понравился. Конечно, перспектива стать семиклассником в шестнадцать лет не из блестящих, но он не один такой. Хуже другое: его окружали бывшие узники немецких концлагерей – и мальчики и девочки имели выжженный номер на запястье. Во попал! Вместо простых и смелых людей, с которыми он ходил в разведку, иметь дело с забытыми и истощенными детьми, душу из которых уже вынули. Ведь они не поднимали восстаний в лагерях, терпели издевательства, ждали добренького дяденьку – освободителя. А некоторые вообще не хотели в Россию возвращаться – поднахватались немецких порядков. Среди них – и шпионы, и предатели, бендеровцы недорезанные. Вообще непонятно, как их держат здесь под Москвой. Сибирь – вот их законное место.

Да они и по-русски говорить разучились!

Ещё хуже было то, что чуть ли не половина состава, во всяком случае все девочки, были евреями. Ну, может не совсем евреями – всех чистых немцы уничтожили – но всё же чёрненькие какие-то. Сергей был неплохим парнем, но, как и все русские, с молоком матери впитал антисемитизм.

Горшков имел три боевых медали, он повел на фронте два года и ровным счётом ничего не боялся, кроме одного – ночей. И в этот раз пошли кошмары – будто гонится он за кем-то, ловит и бьёт, бьёт, то кулаком, то прикладом, то ножом. Причём, добро бы он бил немцев, фрицев он ненавидел всей душой – его и из армии уволили за то, что он, психанув, бросился на колонну пленных и, пока отгаскивали, одного ранил. Он их ни видеть, ни слышать не мог. Даже трофейные фильмы никогда не смотрел. Но нет, во сне он воевал с кем-нибудь из своих, кого знал и с кем дружил днём. Он просыпался, стонал, снова засыпал – всё начиналось сначала. После таких ночей весь день болела голова.

Утром их построили в колонну, и повели в школу. Следующие параллельными курсами вольные ученики дразнили детдомовцев, но дистанцию на всякий случай сохраняли. Лермонтовская школа располагалась в бывшем комплексе церковных зданий. В самой школе с высокой колокольней, выложенной изразцами как минарет (и подчеркнуто имеющей сходство с эректированным членом – модернистский дизайн начала века мамонтовской группы художников) жили учителя, а в остальных домах шли занятия. В классе со сводчатым потолком свободно помещались четыре ряда парт, и ещё оставалось место для круглых, обитых жестью печей, трубы которых выходили в окна. Паперть служила учительским столом.

Отряд детдомовцев с ревом ворвался в класс. Сергей метнулся к задней парте в крайнем ряду. Его опередила девчонка, косу которой он заметил ещё вчера. Без рассуждений он перебросил её портфель на другой стол.

– *Dumkorf!* (Дурак!) – произнесла девица и, поведя плечами, чинно последовала за портфелем.

— *Nirren! (Дура!)* — удачно среагировал ей в спину Сергей.

Шум и гвалт усилились. Играли в гоп-доп, салочки, пускали голубей. Кто-то уже наладил рогатку на пальцах и методично обстреливал портрет вождя жеваными промокашками. Кто-то тихо вырезал на парте неприличное слово. Запахло карбидом в чернилах.

Школьный день начался.

Einverstemded! (Идем!) — раздалось на атаке.

Зазвенела тишина. В класс быстрым шагом вошла учительница, уже довольно пожилая, сутулая и немножко кривая на бок. Смотрела она прямо перед собой, твёрдо и сухо.

— *Guten Tag, Kinder! Nehmen Sie Platz! (Добрый день, дети! Садитесь!)*

Разом хлопнули крышки парт.

— *Wer haben Dienst heute? (Кто дежурный сегодня?)*

— *Ich! (Я!)* — встала девочка, с которой Сергей уже беседовал сегодня.

— *So, Marta, wer abwesen heute? (Так, Марта, кто отсутствует сегодня?)*

— *Zwei schulleren: Nikonov und Isaev. (Два ученика: Никонов и Исаев).*

— *Gut! Setzen Sie Sich! (Хорошо! Садись!)*

— *Oh! Neuling! Gehen zu Schultafel! (О! Новенький! Иди к доске!)*

Ноль внимания, фунт презрения.

— *Gorschhoff! Sprechen Sie Deutsche? (Горшков! Вы говорите по-немецки?)*

— Не шпрехаю!

Класс засмеялся.

— *Still! (Тихо!)* Ты не знаешь немецкого?

— Нет!

— Но хоть отдельные слова?

— *Halt! Hende hoch! Verhor, Erschiessung, Glied... (Стой! Руки вверх! Допрос, расстрел, член)*

— Хватит! Ты не в казарме. Здесь ты будешь учить литературный немецкий. Язык философов и поэтов.

— Не буду!

— То есть, как? — учительница нервно прошлась вдоль доски.

— А вот как буду, только наоборот.

— Но почему? Многие русские интеллигентные люди...

— *Mit der Dummheit kimpfen Getter selbst vergebens! (Дуракам закон не писан).*

Народ лёг.

— Вон! — сказала училка сначала тихо, а затем подскочила, — Вон! Вон из класса!

— Сама — вон! — копируя её акцент, передразнил Сергей.

— Хорошо! Но я вернусь! — вся красная, вылетела она из класса.

— Фашистка! — крикнул вслед Горшков.

Все повскакали с мест. Марта подлетела первая.

— Ты! Ты — не прав! Она коммунистка! Переводчицей на фронте была.

— Ну да! Слушай больше — она расскажет, прервал какой-то толстяк, — небось, нашим и вашим служила. Кровь-то немецкая, недаром Бринкен фамилия.

Вокруг толпились и шумели. Кто-то снова начал обстрел. Сергей, растолкав ребят, вышел из класса.

— Достанется сейчас тебе на орехи. Ты не ходи на Комитет...

В коридоре немка и директриса неслись в атаку. Горшков бросился обратно, вскочил на паперть, одним движением скинул штаны и трусы и, выставив голую задницу к двери, запел:

Я немецкий не учу,

Потому, что не хочу,

И зачем в стране советской

Изучать язык немецкий??

Парни смеялись. Девочки визжали, закрывались рукой и отворачивались. Только Марта смотрела не мигая: серьёзно и грустно.

Вошедшая немка побелела, и начала медленно оседать вдоль стены. Директриса запустила палкой. Сергей сделал финт и вылетел вон.

Во дворе он погулял вдоль линейки с мачтой и красным флагом, покрутился немного на турнике, поиграл с опоздавшими в расшибалку и, выиграв два рубля, удовлетворенно залез на крышу церкви. Там, среди проросших сквозь жёсть берез и заснул. Осеннее солнце пригревало, сновидений не было.

Его разбудил грохот дверей — первая смена валила домой. Сергей слез с крыши и, не торопясь, пошел в детдом.

— Эй! Рубашку хоть заправь, — окликнули с другой стороны улицы.

Он остановился и послушно начал оправляться. Марта подошла ближе.

возьмут — они нас бояться..., — она тщательно выговаривала слова, каждое в отдельности.

— Ладно! Без сопливых разберёмся. Видали таких!

Он, насвистывая, пошел вперед.

Комитет комсомола собрался в 16 часов. В повестке был один вопрос: о дисциплине новенького. Горшков смело толкнул дверь. Сейчас он кое-кого научит свободу любить. Обстановка комнаты слегка удивила его – никакой мебели не было. Две двери, окон нет. Под самым потолком защищённая решёткой горела тусклая электрическая лампочка. Состав комитета был необычен – одни мужики. Шесть человек. Тут был комсорг класса, директор детдома, партбюро представлял учитель физкультуры. Они обступили Сергея и молча рассматривали его коренастую фигуру. Наконец, комсорг спросил:

– Будешь заниматься немецким?

– Нет! Фаши...

Резкий удар в челюсть отбросил его назад. И сразу второй согнул пополам. Кто-то схватил его за волосы, резко опустил и встретил снизу ударом колена в лицо. Из носа брызнула кровь. Он ударил сам, но попал в воздух. Ответ – в ухо. Он начал летать по комнате, ища пятый угол. «Только не упасть, – думал он, прикрывая лицо, – только не упасть». Но все же упал. Некоторое время его били ногами. Комсорг наступил на горло и начал давить:

– Будешь заниматься немецким?

Сергей молчал. Дышать было нечем.

– Будешь заниматься немецким?

– Да! – прохрипел он, почти теряя сознание.

Его сразу отпустили, поставили на ноги, подвели к наружной двери и, не говоря худого слова, ударом ноги вышвырнули в сад. Сергей, как слепой, рванулся вперед. Продравшись сквозь кусты, выскочил на берег Клязьмы.

– Гестапо! Гестапо! – горькая обида застилала глаза. – Дурак! Он хотел учиться. Но теперь все – побег!

Он бежал, проваливаясь в песок. Обрывистый берег Клязьмы зарос огромными корабельными соснами, их корни вились со всех сторон, образуя беседки и гроты. Казалось, деревья питались воздухом. Споткнувшись, упал. Приподняв голову, он увидел пещеру, забитую опавшей хвоей. Рухнув на неё, он заплакал, первый раз после расстрела матери.

– Фашисты! Гестапо! – твердил он, – я верил...

Вдруг чья-то легкая рука легла ему на плечо. Он вздрогнул. Рядом сидела Марта.

– Серёжа! Ну, что ты Сережа. Брось!

– Уйди! – он грубо оттолкнул её.

– Меня-то за что? Подожди! – она прижалась к нему, – Посмотри: ты весь в крови.

Достав платок, она обмакнула его в воду и начала вытирать ему лицо. Он не сопротивлялся и даже послушно высморкался.

– Подожди! Ну, что ты? Господи, какие звери! Приложи холодненького – синяк будет. Зуб вышибли, сволочи.

– Не! Я им покажу! Спалю к черту, – он сделал движение, чтобы вскочить; она резко дернула, и он упал на неё. Уткнувшись в грудь, вдруг снова заплакал.

– Не дури! Брось! Больше не повторится, я тебе обещаю. Потерпи год. Кончишь школу, уедешь отсюда, поступишь в мореходку, станешь штурманом, потом капитаном, будешь плавать по синим морям – в Африку, Америку, Зеландию. Хочешь к людоедам? Тепло там. На юбилей приедешь – весь детдом с зависти подохнет. Ты веришь мне?

Она обеими ладонями повернула его лицо к себе. Рука обнажилась, и он увидел на ней клеймо, 131131

– Счастливым номер, – сказал он.

– Да! Суммы равны и две пятерки – быть мне отличницей. Да вот только два раза тринадцать – чёртовы дюжины. Таково мое счастье. Все умерли, а я живу, ждал меня крематорий – не дождался. Били – не добились. Даже девушкой осталась – одна в классе. А теперь жить буду. Буду!

Она гладила его по голове. Он невольно начал отвечать, даже сам погладил её. Потом все мышцы свела судорога, он дернулся снова вскочить.

– Нет! Не надо! – крикнула она, – не надо!

Расстегнув ворот платья, она положила его руку себе на грудь. Он осторожно пожал её. Таинственные токи потекли по телу. Начали проступать затаённые силы.

Он стал активнее, полетели пуговицы.

– Твои руки добрее тебя. Ласковые! – прошептала она.

Он методично раздел её, даже расплел косу. Она покорно уступала. Серей попытался овладеть ею, но ничего не вышло.

– Подожди! Не торопись!

Она помогла ему, и он достиг цели.

Мир исчез. Они воспарили вдвоем.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Физик и маркиза

Одним духом она проскочила ворота, мощный бульжником двор, где ей подмигнул веселый по случаю субботы Бог и кивнул Клязьминский придурок Игнат, школьный подъезд, сумрачный коридор и, открыв дверь класса, провозгласила:

– Я – Инесса Оливье, маркиза де Морильо, де Гранада Сольвадор! На колени!

Тут в шкафу что-то зашуршало, треснуло, шваркнуло и вывалилось. Раздался глухой стук, блеснула лысина. Пред ней, пав ниц, распростерся учитель физики.

– Ой! – пискнула Ленка, – я не Вам!

РАБОЧИЙ

Колорит

Изредка родители мои вспоминали о важной роли живописи в воспитании подрастающего поколения вообще и их потомка, в частности. Тогда они подхватывались и тащили меня в Третьяковскую галерею, Музей изящных искусств, или на ещё какую выставку. Я бродил по анфиладам комнат, рассматривал картины, то вблизи, вода носом по полотну, то издали – прищурившись и сквозь кулак. Забавно, не более того. Три шедевра запомнились – купанье красного коня, последний день Помпеи, да Пан Врубеля. А так... Диваны удобные – на них хорошо сидеть, болтая ногами.

Самого к живописи не тянуло.

Рисовал я конечно часто, но так – каляки- маляки, да и то – мелом на заборе.

И вдруг стал художником, причём – профессионалом, так что на титульном листе моей трудовой книжки, в графе специальность, так и записано – художник. А уже где-то внутри её, сразу и не найдешь, – химик.

Судьба есть судьба, рок есть рок. Кому быть повешенным, тот не утонет...

История страны сделала очередной зигзаг, и я взялся за кисть.

Хрущев, оттепель, реформы, волонтаризм... «Нам нужны русские мальчишки из рабочих семей...». Короче, требовался стаж, желательно рабочий. Иначе в ВУЗ не брали. Точнее брали, но с трудом.

Что ж, нам к гримасам судьбы не привыкать. Предки мои, баронами были, а ничего – на войне ползали в грязи, куртины возводили, окопы копали, пушки на себе пёрли, лошадей драили за милую душу. Особо не капризничали.

Не стал капризничать и я. Поступил рабочим на Жостовскую фабрику. От Клязьмы это не то, чтобы близко – километров восемь по азимуту – но ближе ничего не попало. До артели без особых проблем можно было добраться на велосипеде или на лыжах. Пешком, естественно, тоже. Но – не просто. Грязь, темень, леса-перелески, картофельные поля, заколоченные дачи, кладбище, да пьяные аборигены – гнусное Подмосковье.

Поступил я на должность штамповщика подносов, ибо, если кто не знает, Жостово – известный русский народный художественный промысел, направленный на производство этих самых подносов. При ближайшем рассмотрении, правда, оказалось, что производство здесь не русское, не народное, да и не особо художественное. Хотя некий налет чего-то похожего есть, но именно – налет. (Много позже я посетил чешские стекольные заводы. Хрусталь – чешско-народное ремесло? Как бы ни так! На заводе 2–3 чеха, и триста – вьетнамцев! Так что, когда дарите подруге резную вазу, вспомните тех, кто трудился в реальности).

Местный промысел основал отнюдь не «народ», а купцы Коробов с Лукутиным, которые в конце 18-го века в Троицкой волости Подмосковья раскидали по деревням (Жостово, Федоскино, Осташково, Хлебниково, Троицкое и др.) мастерские по изготовлению расписных лакированных изделий из папье-маше, т.е. бумаги. В немецком (бюргерском) стиле. Табакерки, портсигары, кошельки, коробочки разных форм и размеров, а с 1830-х годов – подносы: овальные или круглые, орнаментированные лишь золотыми бордюрами. В конце XIX века Осип Вишняков стал делать подносы из железа. Близость столицы обеспечила рынок сбыта.

А как возник этот «народный» стиль, почему вдруг, в местах традиционного земледелия, занялись декоративной живописью, причем на железе, а не скажем, на дереве. Вырезали бы себе из липы ложки и толкали на московском базаре. Раз уж озаботились побочным доходом. Откуда этот взрыв талантов народных?

Поинтересовался я и выяснил, что промысел возник вовсе не здесь, а на Урале. Именно там, в 18-том веке, на металлургических заводах промышленника Демидова было создано производство подносов, а уж потом начата (живописная идея шла по линии Германия-Питер-Урал) их роспись. Так что под Москвой ничего самобытного не возникало – внедрено извне. Вопрос другой: почему промысел прижился в Жостове, а не, скажем, в Подольске, Люберцах, Наре? Ответ простой. Жостово лежит на пути к богатейшему монастырю – Троице-Сергиевой лавре. Здесь всегда было полно иконописцев, художников-богомасов. Именно они и стали расписывать сначала «бумажные» шкатулки-табакерки, а когда, после войны 1812, были налажены поставки с Урала листового железа, перешли на роспись металлических подносов. На Руси, с её культом чаепития, самовар и поднос – вещи нужные. Причем поднос из бумаги долго не служит. Есть и другая причина. Вдоль дороги в монастырь всегда располагались кузницы, и не только дляковки лошадей. Кузнецы Жостова трудились при монастырях, изготавливая утварь – свечильники, лампы, оклады для икон, ворота. Поэтому они легко освоили производство подносов из листового металла. Так что уральский опыт лёг на нужную почву, на ней и выросло прикладное искусство, обрусев и изрядно утратив немецкий мещанский дух.

В начале 20-го века этот промысел заглох – не до того было. Но советская власть ратовала за подъём народного искусства, артели и возродились. В 1928 они объединились в одну –

«Металлоподнос». Она пережила войну. Я имею ввиду – вторую мировую. Что довольно странно, потому что внутри коллектива шла борьба, жестокая борьба между пришлыми профессиональными художниками – сторонниками современности и реализма, поддерживаемыми властями, и местными «народными» художниками (тоже, впрочем, профессионалами) – апологетами консерватизма. Традиция победила.

Итак, я начал как кузнец-штамповщик. Громоздкий ручной пресс стоял во дворе на свежем воздухе под навесом. Стараясь не обрезать, я выдергивал из кучи тонкий лист железа, совал его в паз пресс-формы, бросался животом на длинный рычаг и, нажимая на него всем телом, болтая в воздухе ногами, плавно опускался на землю. Поднос принимал нужную форму, но для придания жесткости его края завальцовывали, а поверхность выравнивали. Но это уже – не моя забота.

Внешне я вполне соответствовал стандарту типичного интеллигента, маменькиного сынка, спортом не тронутого. Но это – снаружи. На самом деле интеллигентом я никогда не был и, надеюсь, не буду. Я был (и есть) аристократ, и тринадцать поколений спецотбора сделали своё дело – я был молод, силен, сухопар и вынослив. Не хуже английского лорда в Индии. Норму я выполнял за первую треть смены, за вторую – перевыполнял, а затем, не дождавшись конца рабочего дня, сваливал в Москву в кружок при МГУ, или просто домой химичить.

Работа шла хорошо, но не долго. Сначала возникла нормировщица и повысила расценки. Теперь, чтобы выполнить норму, я должен был работать в два раза больше, и смываться не удавалось. Затем пришли коллеги-сменщики и пообещали удавить меня прямо на месте. Как победителя соцсоревнования. Популярно объяснили: перекрывать норму можно, но только чуть-чуть. А неуёмным стахановцам морду бьют. И, наконец, в артель явилась комиссия, которая немедленно обнаружила несовершеннолетнего, нещадно эксплуатируемого непосильным и опасным трудом на открытом пространстве. Часто – в ночную смену. Начальству дали по шапке, а меня погнали прочь. Но не далеко. Перевели в основной цех (роспись подносов), т.е. направили на худ. промысел.

Ну, худ. промысел, так худ промысел, декор. живопись, так декор. живопись. Нам что водка, что пулемет – лишь бы с ног валило! Если для поступления в МГУ нужен мазок, будет вам мазок, причём упругий, и энергичный. Как доктор прописал.

Нет проблем: «художник» – он же от слова «худо»...

Вошёл я цех – сознания нет, в глазах у меня помутилось. На меня воззрилось сто дам! (Со страху мне показалось, что их двести, без малого – батальон). Воззрились с интересом. В наличии все возраста – от 15 до 80, все масти – от пепельных блондинок до вороного крыла, включая, естественно рыжих, всех комплекций, с размерами груди от 0 до 10, от тощих узников Освенцима до одесских торговек рыбой, всех национальностей, от мордвы до евреев и от греков до эвенков. Сразу понятно: жостовская роспись – русское искусство. Как потом выяснилось, присутствовали представители всех сословий (кроме крестьян), в том числе – представители экзотических профессий типа оперных певиц и хирургов. Но одеты все одинаково – в грязные, замазанные красками-лаками халаты.

Я сходу почувствовал себя садовником в женском монастыре (привет Декамерону). Женщин я люблю, но без перебора... Мужики, впрочем, тоже встречались: начальник цеха и главный художник. Ну, и я. Третьим буду!

Посадили меня рядом с костлявой тёткой в пенсне – бывшим начальником 1-го отдела НИИ – сосланной сюда на Водоканал за какой-то перебор. И сказали: «Трудись! Народом будешь».

Поставили меня на простейшую операцию – грунтовку и шпаклевку. Берёшь поднос, драишь его поверхность шкурками разной зернистости и покрываешь лаком. Обычно чёрным, но бывает и цветным: красным, жёлтым и синим. Все же самый распространенный, «классический» – чёрный. Понятное дело, красился не только поднос. Поначалу я покрыл толстым слоем лака казённый халат, а уж затем – рубашку, майку, трусы, носки, волосы и тело, включая крайнюю плоть. Жаль подруги у меня тогда не было, вот бы она восхитилась буйству красок! Никогда я не был так декорирован!

Так о чём это я? Да!

Покрасил поднос – ставь в печь на просушку при 90°C (информация для тех, кто хочет сам попробовать). Посушил – снова покрывай лаком, снова в печь. И так три раза. Поверхность приобретает блеск. По мне, так вообще ничего расписывать не надо: для переноса чашек с места на место и так сойдёт.

Работа простая, монотонная, как раз для меня. Я тут же отключился от среды обитания – стал думать химическое. Дома атомная бомба уже вырисовывалась – пора отделять ^{232}U от ^{232}Th . Достать где трибутилфосфат, или самому синтезнуть? Вот вопрос...

Но действительность дала о себе знать. Она проникла в меня в буквальном смысле. Атмосфера спёртая, как в лаборатории спецоргсинтеза. Под потолком клубились облака лаков и растворителей, краски воняли нестерпимо. Вертелись лопасти вентиляторов, не ясно – зачем. Прока не было. Задача стояла не столько о сохранении внешней среды обитания, сколько внутренней. В конце-концов, она важнее. Час трудов праведных и я стрелой вылетел на свежий воздух – подышать, покурить. Потом, правда, привык. Выходил только в туалет, благо – у нас свободно, а у дам – длинная очередь.

Был и другой фактор, отвлекавший от научных дум. Женский разговор! О! Это что-то. В литературе не описанное – гений пера ещё не родился. Много чего я тогда о жизни узнал, много чему подивился. С тех пор владею я чудесным свойством пропускать дамскую информацию мимо ушей. Мужик скажет – я откликаюсь, женщина говорит – ноль эффекта. Даже обидно, а иногда и опасно: по шее получить можно. Защита организма, иначе б не выжил...

Проработал я здесь тоже не долго – меня повысили, перевели к разрисовщицам. Ну и хорошо, надоела мне соседка-кадровичка с её классовой борьбой и неиссякаемой ненавистью ко всему сущему. Да и рассказы её, когда, кого и за что она посадила однообразны.

Сел я к свету у окна и погрузился в мир искусства. Как ни странно – настоящего искусства. Без дураков.

И постиг я истину, банальную истину. (Почему истина, если она действительно истина, то обязательно банальна? То есть очевидна для всех. Без специальных доказательств. Но если она очевидна любому, то почему истиной владеют лишь избранные?! Я, к примеру...).

Истина в том, что художником (равно как учёным, композитором, поэтом, педагогом) надо родиться. Стать невозможно. Учёный появляется на свет с вопросами к природе. Он не заснёт, пока не поймёт, почему железо притягивается магнитом, а медь – нет. В половом акте он думает о феномене шаровой молнии. О природе запаха или фракталах...

Художник же – человек, обуреваемый идеей выразить свои мысли и чувства, своё мировосприятие на плоскости. Не важно на какой – хоть на подносе.

Поначалу я хотел отделаться малой кровью. Как при штамповке. Тем более – с краской я уже был на ты. Ибо когда-то создавал шедевры. Сразу после войны в наших краях существовал кочевой промысел – трафаретных картин рисование. Прямо на дому. Бралась простынь, на нее накладывался ватман с дырками, он прокрашивался одной краской, холст высушивался, потом накладывался второй трафарет и прокрашивался другой краской, затем третий. Трафарет снимали, и свершалось чудо: Алёнушка у пруда, три богатыря, мишки в лесу, замки с лебедями... Красота неописуемая! Вот и я однажды расписал скатерть полтавской битвой.

Думал и здесь подобным займусь. Но нет!

Тут вам не валиком по дырявому ватману водить. Тут мастером кисти быть надо.

Жостовский поднос – ручная работа, автоматов нет. Расписывается он тобой лично, причём сходу – без прорисовок и трафаретов. Масляными красками. А их ещё грамотно приготовить надо, разбавить, смешать в нужной пропорции. Вначале идёт подмалевок, затем тени, пропись светлых мест, а потом уж задаёшь связь крупных цветов с мелкими элементами – травами, стеблями и т.п. Рисовать надо букеты (именно букеты: букет – жостовская визитная карточка) крупных цветов, гирлянды, натюрморты. Самое главное – большой цветок должен иметь розовый отблеск – это традиция. Сохнут краски медленно, поэтому приходится работать одновременно над несколькими подносами с одинаковым сюжетом.

Да, но энергичный мазок сам в руки не даётся – его отработать надо. Стал я учиться и перепортил множество изделий. Хорошо хоть поднос – не скульптура, мрамора бы в стране не осталось. Спасибо растворителям – нарисовал что-то непотребное, тряпочкой протёр – твори снова. Тем более – краска казённая. Заработок упал до нуля – комсомольские взносы платить стало нечем. Много потов сошло, пока роза стала розой, ромашка – ромашкой, а пион не кокосом. И кистевой мазок стал получаться.

Ещё одна истина, ребята. В искусстве, как и в науке, нужны упражнения, постоянный тренинг. Как при игре на скрипке. Вот и тренировал я руку. И натренировал! Ибо усидчив я без меры...

Как ни странно, но дело пошло. Глянул я как-то на своё творенье и удивился. Чёрная плоскость преобразилась. Возник объём! Цветы и листья не лежали уже на поверхности, а вырастали из глубины фона. Постепенно, постепенно переходил я от тёмных тонов к светлым. И заснувшие (мёртвые?) цветы оживали. Это не были свежесорванные цветы в вазе. Они жили на клубне своей естественной жизнью. Но теперь – уже вечно.

Я увлёкся, даже химия отошла на второй план.

Стал я врубаться в жостовское искусство. Подносы ведь многие изготавливают, почему же любой обыватель отличает наши подносы от остальных? Это как с грибами. Да поганку можно принять за опёнок, но опёнок за поганку не примешь. Никогда не спутаешь. Опёнок – это опёнок, гриб ценный. И жостовский поднос – это поднос, а остальное – халтура.

Начну с тематики. Классика – это цветы, точнее букет цветов на чёрном фоне. В нём чередуются крупные садовые и мелкие полевые цветы. Но возможна и фоновая роспись, т.е. букет на цветном фоне. Менее распространён сюжет в виде сочетания веток и ягод рябины, ещё реже – роспись фруктами. Обычно в центре располагают крупные цветы, написанные яркими красками. Мелкие рисуют по краям подноса, они делаются слегка затемненными и плавно сливаются с фоном. В результате и цветы, и листья выступают из глубины. Борт подноса покрыт лёгким «золотым» орнаментом.

Кажется, что жостовской росписи царствует реализм – нарисованный цветок должен максимально приближаться к реальному. Как иллюстрацию к учебнику ботаники можно использовать. Но это только кажется. Реализм подавляется искусной (можно сказать – великолепной) декоративностью. Цветовое решение – красочно. Искусственно декоративно красочно. И сказочно.

Теперь о технике. Поднос покрывают несколькими слоями грунтовки и масляного лака (как я уже говорил, обычно чёрного). Расписывают металл в несколько последовательных приёмов мягкой кистью и масляными красками. Завершённая роспись покрывается тремя слоями светлого лака и полируется до зеркального блеска.

Интересно другое.

Жостовское искусство – традиционно. Сюжеты определены, причём определены жёстко. Именно по ним идёт идентификация. Любое отклонение – и как ты поймёшь, что это Жостово?! Поэтому изо дня в день, из года в год художник рисует одно и то же. Казалось бы. В том-то и парадокс, что он никогда ничего не повторяет. Точный повтор рисунка исключён и исключён категорически. Много в мире есть жостовских подносов, но нет ни одного одинакового!

Копия возможна, но лишь приближительная. Беглым взглядом обыватель должен сразу определять, что перед ним жостовский поднос, а специалист – что автор Иванов, Петров, Шварцман... Ну, и как вы прикажете это совместить? Как совместить вековую традицию с моей индивидуальностью? Как совместить тоталитарную несвободу со свободой личности?

Вопрос, конечно, интересный.

Решил на него ответить и увлёкся. Стал творить.

Анютины глазки, календула, мальва, золотые шары и репейник – вошли в моё творчество. Долгим путём брёл я на работу поздней осенью и собирал всё цветочное. А потом рисовал, рисовал, рисовал. В разных ракурсах, при разном свете. Но ничего не получалось. Ценного не получалось, фигня всякая. Не нравилось мне это...

К зиме я понял бесперспективность усилий и свернул в сторону. Нужен стандартный сюжет – пусть будет стандартный сюжет. Хотите незабудку – будет вам незабудка, георгин – вот вам георгин. Буду как все, что не страшно – индивидуальность моя всегда прорвётся автоматом. Понятно, что рисовать, как Марья Ивановна, я не могу. Мой тюльпан будет моим тюльпаном. Никто другой не нарисует его так, как я. Лучше, хуже, но не так! Поэтому, если в плане сюжета я был консерватором, то новатором стал в колорите.

К весне я был уже спецом в жостовской живописи. Я понял силу символизма, не символизма начала 20-го века, кипящего в умах тогдашних художников, поэтов и критиков, а народного символизма.

По настоящему я такой символизм познал позже – в путешествиях по Чукотке, Якутии, Алтаю и Африке. Он – в орнаменте. Смотришь – набор линий. Пожмёшь плечами и пройдёшь мимо. А друг твой тунгус падёт на колени и начнёт молиться. Оказывается, это не просто орнамент, а атрибут богов, вернее – конкретного бога. Или возьми орнамент на юрте – он ведь несёт

мощнейший информационный заряд. Пожелание долгой счастливой жизни, многих детей, защита от болезней, врагов и сглаза. Каюр наш Афонас одевал куртку и сходу получал в глаз от соплеменников. И то правда – орнамент на куртке был для них оскорбителен. Нам не понять, но народу смысл ясен. У символизма древние корни.

Так вот, тут тоже имел место символизм. Подносы наши не были абстракцией, натюрмортом класса искусство для искусства. Нет! Они несли смысловую нагрузку, понятную и художникам и окрестным покупателям. Этот поднос – для свадьбы, этот – к крестинам, тот – больному. Для меня – цветы и цветы, а для них – руководство к действию. (Сейчас символизм букетов утрачен. Недавно наблюдал, как в московском универсаме тётка себе на день рожденья купила поднос для похорон).

Сначала я думал, что символизм сидит во флоре. Типа бессмертник к Рождеству, подснежник – к Пасхе. Но нет, дело в другом.

Народ ориентировался по колориту!

Цвета подноса имели значение. Цвет символичен. Не для ума – для психики. Возьмите живопись. Белый, красный, зеленый, чёрный и голубой – цвета религиозного западноевропейского искусства. Католик знает: белый цвет – чистота и непорочность, красный – кровь святого, зелёный – надежда на бессмертие души, голубой – печаль. Тут академий кончать не надо. В русской иконописи цвет золота отражает идеи рая, он – символ истины и славы, непорочности и нетленности – несёт идею очищения души. Красный цвет – кровь Иисуса Христа, истинно радеющего о спасении рода человеческого, символ пламенности, огня и жизни. Пурпур в Византии – императорская власть. Голубой – созерцательность – цвет неба и горнего мира. Зелёный – надежда, обновление, юность и райский сад. Белый цвет у славян символизировал причастность к божественному свету. Различные цвета означают радость и горе, жизнь и смерть.

Но и это не главное. Главное – сочетание цветов.

Цветовая гармония – ключ к познанию, к упорядочению хаоса, к взаимосвязи разного в целом. Согласуй цвета между собой, найди пропорциональность площадей цветов, уравнивай их, найди созвучия оттенкам – возникнет красота, и красота со смыслом. Помните картину «Ночное кафе» Ван Гога? Столкновение контрастов нежно-розового с кроваво-красным и винно-красным, нежно-зеленого и веронеза с желто-зеленым и жестким сине-зеленым, создало атмосферу адского пекла. Цвет бледной серы отразил демоническую мощь кабака - западни. Здесь люди гибнут, сходят с ума, идут на преступление.

Именно организация цветового пространства подноса определяет настроение его владельца, толкает к целевому использованию бытового предмета. Для чаепития, естественно. Но для чаепития в честь чего? Рождения ли, тризны ли...

Итак, я сосредоточился на формализме, т.е. на цвете и колорите. Дело пошло. Мне нравилось самому и нравилось другим. Подносы мои уже не браковали, а принимали к продаже и просили ещё. Но пора было поступать в МГУ, да и женщины занимали меня всё больше и больше, отвлекая и от науки и от искусства.

Вокруг меня было много девушек, очень много. При дефиците мужчин. Казалось бы – выбирай любую, и вперёд. Как бы ни так! Пока я размышлял о судьбах науки и искусства, да рассеянно озирался вокруг, потенциальный гарем сгруппировался, всё обсудил (кое-кто даже подрался) и выдвинул кандидатку – хохлушку еврейских кровей, Татьяну Хорошенко. Она мной и занялась. В том смысле, что мы стали ходить на танцы в Дом культуры, имени Карла Маркса (в просторечье – в Карлушу). Маленькая, пухленькая, смешливая Татьяна была в моём вкусе, я с удовольствием обучался азам любви.

Но глаз мой, однако, косил налево.

Привлекла меня Ольга, своей длинноногой породистостью, строгой принципиальностью и низким голосом под баянный распев. Увы, меня она не замечала. Ей нравился местный дебошир и пьяница Герман Ким. Нравился – не то слово, она была в него влюблена. До потери пульса! Он вроде отвечал взаимностью, по крайней мере, при большом желании так можно было трактовать его выкрутасы. Дело медленно, кружным путём, но двигалось к свадьбе. И, вдруг, оказалось, что женится он на шалаве Светке, подмалёвщицы из нашего цеха. Ольга была убита. Её не стало. Придя в цех, она клала голову на заготовку подноса, и пребывала так всю смену.

Я не сразу врубился, но когда дошло, решил помочь несчастной влюблённой (себе во вред, кстати). Собрался, поднапрягся и начал писать спец. поднос – махровую сирень. Трудился долго, рисовал, стирал, подрисовывал и дорисовывал.

...На смотринах (или помолвке, не знаю, как это называется) Светке дали яблоко на подносе. Яблоко каталось кругами, потом спирально двинулось к центру. И по его следу всё ярче и ярче выступала роспись с мрачным лилово-фиолетовым колоритом. Из подноса пошла испаренья, кисть сирени перешла в гниющий череп, глазницы испустили тьму...

Светка отбросила поднос и выскочила из дома. Больше её никто не видел.

А я с живописью завязал.

Не нужна мне дьявольская сила, ни химическая, ни живописная.

Постмодернизм

«Надо мне, или не надо, но раз в год я хожу в баню» - так, кажется, начинается рассказ Зощенко. Аналогично, надо мне или не надо, но раз в год я хожу в Консерваторию. Точнее меня ведут. Подруги – ветераны достают бесплатные билеты, и мы идём. Задача моя - важно отдать контролёрше билеты – мол эти со мной. Что делать? Надо отдуваться за всех мужиков до преклонных лет не доживших...

Конечно, весь репертуар можно скачать в Интернете, а потом дома без хлопот прослушать. Но живая музыка есть живая музыка. Опять же тётки просят.

Отчего не посидеть в мягком кресле в зале с акустикой? Можно и посидеть, уравнение какое в уме решить, заодно и музыку послушать. По принципу: пойдём в баню, заодно и помоемся.

Я удобно расположился на полупустом ряду, вытянул ноги и стал слушать, как пианист с оркестром перебираются. Программа была шлягерная: первое отделение – четвёртый концерт Бетховена для фортепьяно с оркестром. Музыка красивая и легендарная. Сам композитор писал о ней что-то вроде: «Из пламени энтузиазма вырывается мелодия, задыхаясь, я преследую её. Мне удаётся догнать, но она снова улетает. Она исчезает, она погружается в глубокую пропасть, где бушуют страсти. Я снова настигаю её. Я схватываю её с наслаждением, сжимаю в своих объятиях, и ничто больше не может разлучить меня с ней. Я умножаю её разнообразными превращениями, и вот я торжествую победу». Странно, как такую вещь мог написать абсолютно глухой человек. А, может, только глухой и мог? Не о физической ли немощи человека печально жалуется в *Andante* солирующий рояль? Жалуется без отклика – суровые, сумрачного тембра реплики струнных обрывают сей ропот. Удивительно, что в среде музыкантов этот концерт считается дамским.

Пианист играл раскованно, тонко, наполнено и одухотворённо. Решая сложные технические задачи, он дал волю свободе и импровизации. Его педализация оправляла Бетховена к импрессионистам. Оркестр был не только ритмически точен, но и драматургически выразителен. Мне нравится интеллектуализм, т.е. целостный взгляд на сложносочинённое творенье, нравится, когда есть чувство ритма – рельефного и пластичного. Хорошо когда ритм музыки созвучен нашей речи, тогда он подчёркивает контрастную динамику, для бетховенской музыки весьма характерную.

Слушая концерт, я размышлял, стоит ли соглашаться с известным определением композиторских стилей: Моцарт – сад; Шуберт – лес; Бетховен – горный хребет. Решил, что стоит.

Музыка продолжалась, и чем дольше она продолжалась, тем яснее мне становилась, что я её где-то слышал. Конечно, четвёртый концерт я знал, так что, не в этом дело. Дело в том, что я его слышал где-то при каких-то странных обстоятельствах. Можно сказать – при особых обстоятельствах. Но где, когда?!

Я обвёл взглядом зал, что делал неоднократно. Ряд портретов композиторов слева и ряд портретов справа. Нарисованы на щитах. Тут что-то щёлкнуло в голове, эти медальоны и музыка соединились, и я вспомнил! Вспомнил то, что должен помнить вечно: поднос в полёте.

...Дело было давно, очень давно, аккуратно, пятьдесят лет тому назад. Работал я тогда в артели «Металлоподнос» в Жостове. Сначала был разрисовщиком, т.е. расписывал подносы по эталонам, а потом стал художником, т.е. рисовал свои сюжеты. Кое-кому они нравились.

Кое-кто, т.е. Татьяна Хорошенко, тоже художница, любила творить, сидя у меня на колене, предусмотрительно отставленным в сторону. Нас объединяло многое, мы только что закончили школу, собирались поступать в МГУ (я – на химический, а она – филологический факультет) и обожали обниматься. Одну руку я просовывал ей под свитер, сдвигал бюстгальтер, обнимал грудь (всегда левую) и играл с соском. Она не замечала, не реагировала и все вокруг. Я имею в виду коллег по цеху – т.е. батальон тёток.

Рисуя, мы болтали. Обсуждали прочитанное, события в стране, управляемой волюнтаристом Хрущёвым, сочиняли частушки для самодеятельности, иногда спорили о живописи. Но особенно нам нравилась игра в каламбуры. В плане: «Пусть всё будет калом бурым, лишь бы было каламбуром». Понятно, что начинали мы со слова «поднос», в смысле «сунь поднос». Потом пошли дальше. Ре-сто-ран заменили на до-двести-увечий, до-сви-Дания, на до-сви-Нью-Фаундленд. Зачем «рисковать», т.е. «рис ковать»? Не лучше ли его сварить и съесть? Когда кто-то сказал: «Я скотом торговал», мы удивились: «Как ты был не один? Ты торговал с приятелем Котом?». Ну и классика, конечно. «На балконе ходят? Ходят. Как, разве кони ходят на бал?!». Мы этим сильно увлекались, но окружающие сердились.

Итак, одной рукой сжимая тонкий (ну, не совсем тонкий, дама была пухленькой) стан, другой я расписывал поднос. Нам его приносили уже сформированным, с завальцованными краями и трижды покрытым лаком. Начинать обычно я. Тут тонкий момент. С одной стороны нужно было неукоснительно следовать традиции. Жостовская живопись должна быть именно жостовской живописью и ничем иным. Требуется букет, большой цветок в обрамлении мелких, рисунок объёмный, вырастающего из чёрного фона. С другой стороны, не должно было быть никаких копий, никаких повторений. Нужно выбрать конкретный вариант из бесконечного моря мотивов и образов.

Начинал я, естественно, с замалёвки. Разбелёнными красками намечал общий силуэт композиции, расположение основных цветовых пятен. Затем отправлял поднос на сушку в печь. Это было время творческого отдохновения. Рука моя непринуждённо падала вниз, пробиралась под юбку, целясь на клитор (о существовании его я тогда ещё правда не знал). Попытки мои всегда пресекались, и рука возвращалась на грудь. Поднос мне возвращали, и я переходил к тенёжке — на просохший замалёвок лессировочными красками накладывал тени. Букет погружался в глубину тона. Далее шло основное — прокладка — плотное корпусное письмо. Плотные краски уточняли и высвечивали формы букета.

Затем я передавал поднос Татьяне. Она была мастером бликовки. Накладывая блики, она выявляла объём и свет, завершала лепку форм. В ходе чертёжки она быстро и легко очерчивала лепестки, листья, семена и другие мелкие детали. Завершала письмо привязка — тонкие травки и усики объединяли букет в единый образ. По борту подноса золотой краской наносили орнамент. Узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов, нес важную декоративную, смысловую, и даже мистическую нагрузку. Для тех, кто понимает, естественно. Татьяна обожала симметричное «геральдическое» построение узора, объединяя элементы волнистой линией или побегими растений.

Обычно мы работали сами по себе, никому не подчиняясь и ни к чему не приспособляясь. Свободны, как птицы. Но иногда поступали заказы. Однажды сделали партию для Туркмении, где не было никаких цветов, а повтор (раппорт) чередующихся элементов орнамента задавал сплошное «ковровое» развитие рисунка. Другой заказ был северным, кажется из Эвенкии. Пришлось нам учесть, что искусство не только способ самовыражения, но и способ адаптации, обеспечивающей выживание в трудных условиях. Для северян опасно применение ненапряженных неярких цветовых сочетаний, царствующих в европейском искусстве. Блёклые тона не соответствуют тому жизненному тону повышенной энергии, который должен поддерживать в условиях Севера и которому соответствуют цвета яркие, контрастные. Мы и рисовали яркие и контрастные цветы. Не знаю уж, как они понравились эвенкам, но мы старались.

Работая на другие народы, чуждые нам по духу и культуре, мы начали с Таней дискуссии о символизме. Начали мы её между собой, но она увлекла нашу бригаду, потом цех, а потом всю артель. И кончилась трагически.

К чему может привести мирный разговор об электричестве?

Уже орнамент, при всей его декоративной стилизации, несёт смысловое, магическое значение. Это было известно ещё первобытным людям — символы и эмблемы присутствуют в наскальных росписях. Что ж говорить о цветах-букетах? В них магии, поди, побольше будет. Здесь, как и в любом символизме, посредством символа выражаются интуитивно постигаемые сущности и идеи. И не только смутные, изощренные чувства и видения в духе Шопенгауэра, Ницше, Вагнера, Врубеля и кого-то там ещё, но и простых чувств простого человека. Причём в символизме связь между смыслом и образом идёт не по сходству, типа лев — сила-власть, как в аллегории, а по цвету, колориту. «Чёрная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви».

Символ придаёт осмысленность картинке, несёт в мир некую идею. Чем и опасен. Но ещё опасней — магическая сила колорита. Колорит прямо нацелен на глубины сознания человека. Он не нуждается в посреднике типа разума. И действие его эффективно — от цветовых бликов можно сойти с ума. Что случалось неоднократно. Сирень, к примеру, свела с ума художника Врубеля и поэта Эдуарда Багрицкого.

Сразу возникает вопрос: символизм понятный русскому и, в каком-то смысле безопасный ему, будет ли понятен эскимосу, индусу, арабу? И будет ли он безопасен для них? Не будет ли он воспринят ими как инфекция с пандемией душевных болезней? Не войдёт ли в конфликт магическая сила христианского орнамента с мощью мусульманского? И если войдёт, то кто победит?

Татьяна вертелась у меня на колене, размахивая кистью и поливая всю округу краской. Если мы выходим со своими подносами на международный уровень, то может и цветы, и орнамент, и колорит сделать усреднено интернациональным (космополитическим)? Или оставить его как он есть — русско-народным с немецкими корнями?

Вопрос!

Занимавшие нас двоих искры абстрактных идей неожиданно упали на сено-солому. Побежал огонёк и сарай вспыхнул.

Дело в том, что в артели шла застарелая борьба, то затухавшая, то вновь разгоравшаяся. Боролись две армии художников. Одна представляла местное, классическое направление. Они создали и художественно оформили жостовский бренд. Именно этим художникам своей славой обязаны наши подносы. Им противостояла армия новаторов, пришлых московских художников. Чего только они не предлагали. И жанровые сценки, типа любовники на лавочке, или семья за самоваром, причём и в духе передвижников, и в духе примитивистов, и пейзажи, в том числе индустриальные, и советскую символику, включая звезды-серпы-молоты. Даже абстракции и сюрреализм пытались внедрить. Ничего не вышло, победили консерваторы. Цветы остались.

Но эта застарелая тяжба касалась тематики росписи. Теперь, благодаря нам с Татьяной, борьба пошла по линии цвет–колорит. По линии символизм, мистика, магическая сила.

Вот тут-то и активизировался Иван. В принципе, он был пришлым художником, но жил здесь давно, и числился у нас главой худсовета. На первых порах именно он пытался внедрить новую тематику. Его отшили, он затих. Единственным его достижением были подносы, прибитые на двери туалетов. На женском – пролом в скале с дальним пейзажем, пересекаемый вертикальной молнией, на мужском – таран на шарах-колёсах с крылышками. Символы его были понятны всем, даже детям. Туалеты никто не путал.

Ходили слухи, что он толи масон, толи скрытый фашист, толи просто постмодернист. Последнее было вернее. Он считал, что стилистическое развитие искусства окончилось. Живое и мёртвое равны (стилистически, естественно). «Бог умер», – прочёл он у Ницше, и поверил. «Сумерки кумиров» ведут к сумеркам цветов. Страх смерти требует воскрешения. Всеобщего физического воскрешения ранее живых, теперь, однако, мёртвых. Именно на это должна быть направлена деятельность пока ещё живых. Интересы мертвецов надо защитить, пусть даже в ущерб живым. Эта философия уничтожения жизни прямо вырастала из его боязни смерти. Человек утратил Бога и теперь хочет заградиться от страха – ракетами, цифрами, словами, рисунком. Базовая идея, несомненно фашистская (не в плане нацизма, или там национал-социализма, а от «*fascio*» – пучок, связка, соединение; т. е. «собор», «солидарность») призывала к единению мёртвых и живых. Не знаю, читал ли он «Философию общего дела» Николая Фёдорова, слышал ли он о семантической утопии Хлебникова или космической утопии Циолковского, но «аналитическое искусство» Филонова – с его собором «коровьих морд» – он обожал.

Не ясно, как эта философия совмещалась с его членством в коммунистической партии (большевиков), но как-то видимо совмещалась. Может это и есть единение, единение глубоких идей.

Но переносить живопись Филонова на поднос он не собирался, искал своё. Не простое дело, попробуй выразить цветиками-лютиками идею солидарности, тем более фашистскую идею единения мёртвых и живых, перед лицом страха смерти, к тому же. Будь вы трижды модернистом, или даже постмодернистом...

Иван был активен, он пробовал сам, приобщал к своим идеям сообщников, крестя их в свою веру. Круг его соумышленников ширился. Особо успешным было привлечение Ильи Крестовского, самого талантливого из нас. Если кто и способен был, внедрить постмодернизм в жостовское искусство, то именно он.

Однако одновременно возник рокот протеста. Художественный люд, в целом, был недоволен. Отходить от привычных канонов никому не хотелось. Тем более что парторг наш Иван, начав с идейной дискуссии, перешёл на личности. Он стал регулярно собирать партбюро (из 130 работников нашей артели, партийными были восемь, а в партбюро входило четверо) и «прорабатывал» одного за другим, кого – за лень, кого – за пьянку, кого – за блуд. Боясь увольнений, многие каялись. В реальных грехах и мнимых. Обещали нести искусство в массы чистыми руками и с чистым сердцем.

Коллектив начал делиться на прошедших партийную чистку и добровольно покаявшихся постмодернистов, и мучеников – староверов.

Не ясно, к чему бы это привело, появились ли бы у нас подносы с фашистским (в плане солидарности живого с мёртвым) букетом, но Иван перешёл от народа к начальству. Он призвал к покаянию Антипова, главу нашей артели. Этот Антипов, имея жену Арефьеву (между прочим, дочь главы Мытищинского райисполкома), увлёкся Ириной – женой своего брата. Такого безобразия Иван потерпеть не мог. Тем более что сами братья, их общая дама, и дочь жены Серафима работали у нас. Он обличал Антипова и на профсобраниях и на партсобраниях. Потом организовал народный суд. Начальник терпел – Иван был талантлив, зараза. Народ был обязан ему заработком и в обиду б не дал. Но Арефьевой всё это не нравилось. Сильно не нравилось.

Тут случился праздник – столетие артели. Собрание, концерт худ. самодеятельности, банкет с выпивомом, танцы-манцы. Всё, как у людей.

Каждый выделялся, как мог, но особенно выделялась Серафима – в танцах она превзошла всех. Антипов расчувствовался, пустил даже слезу.

– Проси, что хочешь, – неосторожно предложил он.

Сара рванула к матери, узнать, что ей желать надо.

– Пусть уберёт Ивана, – сказала товарищ Арефьева.

– Убери Ивана, – сказала Серафима Антипову.

...Через день, 11-го сентября у нас случилась авария. Мы трудились, как обычно. Сплетни утихли – слушали музыку: по радио передавали четвёртый концерт Бетховена для фортепьяно с оркестром. Заслушались, и не заметили, как полировальный круг раскрутился до аномально больших скоростей, поднос с него сорвался и пронёсся над нашими головами. Визжа, как осколок снаряда, он вонзился в горло Ивана. Голова его отделилась от тела и оказалась на подносе, вбитом в стену, как полка. Мы онемели. Первой опомнилась девушка Сара. Она подбежала к Ивану, выдернула поднос из стены и понесла голову на блюде в контору, к матери. Ирина вскрикнула от

<http://profbeckman.narod.ru/>

радости и ужаса, но приняла поднос с подарком. Иван стоял на своём – продолжал изобличать распутницу. Ирина схватила булавку и воткнула её в злобный язык. Иван умолк.

Голова его успокоилась на подносе, разлившаяся кровь образовала узор.

Постмодернистский колорит предвосхитил всеобщее воскрешенье.

СТУДЕНТ

Из нас во век, не сделать тех, кем мы могли бы стать!

Плохое поведение

На первом курсе наша группа радиохимиков состояла из 27 человек, из которых девочек было 2 (болгарки), остальные – мальчики (если можно так выразиться, т.к. многие были после армии). Отменным поведением они не отличались, а я был старостой и как-то за них отвечал.

Небольшой пример для иллюстрации ситуации.

Идёт комсомольское собрание курса. Один вопрос – плохое поведение студентов-радиохимиков.

– Мальчики! Зачем вы это сделали?! – вопрошала тощая длинная девица – комсорг курса.

Шесть человек сидят на отдельной скамье. Все – потупившись, и все молча. Они не знают – зачем.

– Вы были пьяными?

– Нет!

– Она вам мешала?

– Нет!

– Тогда зачем?!!

– Сами удивляемся!

Шли они по Кузнецкому мосту (в Государственную политехническую библиотеку, между прочим). Смотрят – стоит Запорожец. Приподняли его и закатали по маршевой лестнице на площадку третьего этажа. Тут хозяйка вышла, и очень удивилась. Так удивилась, что жалобу написала. А, может, обиделась, что ребята вниз катить не стали, а пошли работать над курсовыми.

А что тут удивляться? Если сила есть, её куда-то деть надо? Надо! Вот и применили...

Дамам не понять: скучные они.

Встреча Гагарина

Весной 1961 года мы учились на втором курсе. Утром 12 апреля сидели в практикуме корпуса радиохимии вокруг стола и Калерии Борисовны (КБ) Заборенко. Шумно сдавали какой-то проходной зачёт. Тут влетела лаборантка с воплем:

– Мы запустили человека!

– Ха! – невозмутимо сказала КБ, – меня сегодня уже два раза разыграли, странно, ведь 1-е апреля прошло.

И продолжала дискутировать о преимуществах ионизационной камеры.

Тем не менее, весть оказалась правдой. Включили радиотрансляцию по корпусу, и диктор торжественно зачитал обращение, в котором сообщалось, что майор Юрий Гагарин был запущен в космос и один раз обогнул земной шар.

Все пришли в восторг, с занятиями завязали, группа выкатилась во двор, где стала играть в футбол консервной банкой.

Я же пошёл делать ракету.

Дело в том, что космические пуски в то время СССР осуществлял довольно регулярно: то одну собаку запустит, то две. В МГУ наступало бурное веселье. Из окон главного здания летели горящие бумаги, было красиво, пожарные машины подлетали с диким воем, что тоже занимательно.

Мы же отмечали такие события запуском ракеты. Мы – это я и Леха Строганов. Иногда нам помогали Мишка Анашкин и Володя Комаров, но в основном я и Лёха – старые пиротехники.

Вообще-то мы с Лёхой друзьями не были, но знакомы давно. В девятом классе, где-то в октябре, я приступил к занятиям в школьном кружке при МГУ (неорганическая химия). Сдав куртку в цоколе, подошёл к лифту, чтобы культурно подняться на 5 этаж в практикум. У лифта хлопотал какой-то пацан, отвинчивая номерком от пальто кнопку лифта. Это и был Лёха Строганов. Химиком он был способным, в кружке считался лидером, мы с ним участвовали во всесоюзных олимпиадах школьников по химии, занимали обычно первые места (т.е. он – первое, а я – второе). Преодолев большой конкурс, поступили на химфак, где наши пути разошлись – он выбрал группу физхимиков (теоретиков), а я – радиохимиков. Он – выходец из старой интеллигентной семьи, аристократ духа, пижон-москвич всегда вёл себя как прибалтнённый лимитчик: пил, играл в карты, мелко хулиганил, но, главное, матерился – всегда и везде. После МГУ, став преподавателем, он исключительно на мате объяснял солидным тёткам-вечерницам особенности структуры высокомолекулярных соединений. Тётки не понимали.

Мне такие шутки не нравятся, поэтому мы не дружили. Связывали нас исключительно деловые отношения, а именно, производство и запуск ракет. В принципе, опыт в этом деле был у нас разный, но было много общего, что позволяло осуществлять производство. При этом полигон для запуска предоставлял я, так как жил в ГЗ в зоне Ж, на седьмом этаже, окна блока выходили на парадную сторону МГУ, на фонтаны и реку вдали. Где вы найдёте лучшее место для пуска ракет?! То-то же...

Первым делом я осмотрел помойный ящик позади кафедры, достал старое ФЭУ, оболочка которого – готовый корпус ракеты. Не поленился, сходил на свалку химфака, нашёл все необходимые детали и уже у себя в мастерской скрепил их точечной сваркой. Лёха же пошёл добывать пороховой заряд.

14-го апреля мы встречали Гагарина. День был прекрасный, повезло с погодой. Настроение было праздничным и духоподъёмным, как никогда ни раньше, ни потом. Пением (тогда это было модно) и размахиванием чем кто мог, встретили мы у нашего законного столба на Ленинском проспекте машины с Гагариным и Хрущёвым. Погуляли с дамами. Они были к нам благосклонны. Потом отправились в ГЗ, смотреть в аудитории 01 фильм "Акваланги на дне". Фильм серьёзный о борьбе наших водолазов с ихними шпионами. Хотели весь фильм, особенно, когда главный шпион снял с ноги модный ботинок, отодвинул в сторону каблук и стал передавать азбукой Морзе обстановку на пляже. Мы легли (Во! 50 лет прошло, а помню). Пожилые дяди и тётки смотрели на нас осуждающе. Чуть было не вывели из зала.

Вечером намечались танцы, дамы пошли переодеваться, а мы с Лёхой – монтировать ракету. Обычно двигатель собирал я. Дело тонкое – твёрдотельное топливо укладывается слоями, разделёнными прослойками с дырочкам, расположенными с определённым расчётом, так, чтобы после выгорания одной ступени через нужное время включалась другая. Иначе у вас весь порох сразу взорвётся, ракета никуда не полетит, а вы останетесь без глаза. Я всегда предпочитал дымный порох, причём за десятилетний опыт его применения наладил производство множества его сортов, так что хорошо представлял, что надо делать, чтобы ракета поднялась выше шпиля. Но сейчас мы торопились, порох самим делать времени не было, Лёха просто смотался в охотничий магазин, где купил стандартную упаковку 1 кг бездымного пороха. По своим тактико-техническим показателям, бездымный порох существенно отличается от дымного. Я им, конечно, заряжал патроны для охоты на рябчиков, но в ракетах не использовал. Думаю, что и Лёха не очень в этом разбирался, но за монтаж взялся.

Монтировали ракету мы в моём блоке на 7-ом этаже. Подоконники в здании МГУ изготовлены из гранита, но внешняя сторона покрыта ещё и железом. Это покрытие слегка наклонено наружу, так что стоящая ракета нацелена вверх и в сторону от здания. Идеальное место для старта.

В блоке нас было трое: был ещё стажёр – слушатель курсов по повышению квалификации работников ядерной индустрии, что в то время функционировали на кафедре радиохимии. Моего соседа по блоку как раз выгнали из МГУ и вместо него временно поселили стажёра – пожилого мужичка лет тридцати, уже начавшего активно лысеть. Мы с Лёхой вытянувшись в струнку, встали по бокам проёма окна, а стажёр – от греха подальше – прижался спиной к стене, противоположно окну.

Я поднёс зажигалку к фитилю, в железяку ударила струя огня, и ракета нехотя стала подниматься. Было плохо видно, но процесс мне не понравился. Огонь шёл не из всего сопла, а бил тонкой струйкой слегка вбок. Поэтому ракета не стала лететь, куда велено. Она поднялась вверх, пошла было от здания, но по мере подъёма стала всё сильнее отклоняться в нашу сторону. Ракета начала описывать плавную дугу, явно норовя влететь к нам в комнату. Понятно, что мимо нас она проследует благополучно, но взорвётся в двери, которую мужественно защищал всем телом стажёр. А 1 кг бездымного пороха в оболочке – не шутка. Возможны последствия, скорее всего – неприятные...

Я посмотрел на стажёра: душераздирающее зрелище. Сначала глаза стали квадратными, затем красноватое его лицо бледнеть, белая полоса, как хроматограмма, расширилась и, наконец, стажёр принял вид законченного мертвеца.

Ракета летела к нам в высокое окно, но, перебрав с радиусом дуги, ударилась в балку перекрытия. Отскочив от стены, она стала разрушаться, камнем просвистела мимо нас и взорвалась где-то в районе второго этажа. Раздался звон разлетевшихся стёкол.

Стажёр рванул в туалет, а мы с Лёхой – на танцы.

УЧИТЕЛЯ

*Всякий портрет, написанный с любовью, - это, в сущности, портрет самого художника, а не того, кто ему позировал. Не его, а самого себя раскрывает на полотне художник.
О. Уальд, «Портрет Дориана Грея»*

Новое научное направление

Я застал ещё радиохимиков – основателей. Было интересно, как всё создавалось. И вообще, как возникают новые направления науки.

Конкретный пример.

Кафедра неорганической химии когда-то располагалась в старом здании МГУ на Моховой. Однажды с огромным трудом удалось достать 150 миллиграмм радия. Большое богатство даже по нынешним временам. А тогда все изотопы были под контролем первого отдела и НКВД. За

каждый акт распада отчитывались. Наш профессор (тогда – аспирант) взялся с ним работать. Для начала обмыл ампулу. Та выскользнула из рук, упала в раковину и разбилась. Весь радий утёк в канализацию.

Подсудное дело, десять лет, если не вышка. Причём не только ему, но и другим. Что делать?

Коллектив лаборатории дружно взялся за дело. Спасло то, что канализация в старом здании была не проточной, а замкнутой. Все говно МГУ накапливалось в одном месте и вывозилось раз в квартал. Вот за этот срок и надо было уложиться. Ну, создали методики экстракции, наладили радиометрическую аппаратуру и понеслось. Двадцать тонн продукта переработали, выделили 0,130 г радия. Неплохой результат.

На базе этого коллектива и была потом создана кафедра радиохимии, аспирант защитил кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Но главное – возникло новое направление науки – экстракция радионуклидов.

А если бы канализация была проточной?!

Новое оборудование

Когда 132-ой лаборатории пришла пора переезжать из старого здания в новый корпус, обязанности зав. кафедры радиохимии исполнял Доцент. Мужик хозяйственный, до скопидомства. Где-то что-то добывал и всё тащил в норку. А времена были благодатные – оборудование нового здания МГУ – не шутка. Сидит он, однажды, на совещании, а там говорят: удалось достать ТР-2. Одну штуку.

– Кто будет брать?

– Корпус радиохимии, – встрепенулся Доцент, – ядерный проект, первый приоритет.

Никто не рискнул возражать. Записали за кафедрой.

Прошло время. Однажды в кабинете зав. кафедры раздался звонок:

– Вы ТР-2 заказывали?

– Ну да! – отвечал новый начальник, которого этими трансми давно заколебали.

– Сами заберёте?

– Ну да.

В трубке возникло недоуменное молчание.

– А что, линия у вас прямо к корпусу подходит?

– Какая линия?! – проснулся начальник.

– Да троллейбусная. ТР-2 – это ж троллейбус!

Радиационная разведка

Доцент – племянник видного члена сталинского политбюро. Были времена, когда это что-то значило. До кафедры он был майором КГБ, а потом (десятилетия) – начальником первого отдела. Не шутка, если кто понимает. Тогда все готовились к ядерной войне. На кафедре был организован взвод радиационной разведки. А на чём в неё ходить? Доцент лично разработал конструкцию автомобиля-амфибии. Чтоб по суше и по воде. С двигателем от мотоцикла. В наших мастерских это чудо изготовили. В подвале факультета (в бомбоубежище) соорудили спецгараж.

И Доцент иногда выезжал на амфибии охотиться.

P.S. Если кто заинтересовался, так эта амфибия до сих пор у нас на складе. Забирайте!

Ядерная хронология

Кафедре рекомендовали новую тематику – определение возраста археологических находок. Радиоуглеродное датирование называется. Нужна низкофоновая аппаратура. Ее можно изготовить только из стали, выплавленной до начала испытаний ядерного оружия, т.е. во времена, когда радионуклиды ещё не летали, где попало. Идеал – сталь от старых броненосцев. Доцент нажал на все связи и заказал.

Наконец, радостная весть: Забирайте! Как можно скорей, а то уплатите неустойку.

Побежали мы смотреть. На железнодорожных путях позади МГУ стояли в ряд пять грузовых платформ. Во всю их совокупную длину – корпус броненосца. Сплошная сталь, толщиной 90 см. Долго ходили мы вокруг, пытаясь отколушнуть хоть кусочек на домик для счётчика. Куда там! Пришлось отказаться.

Вот почему на кафедре никто не занимается возрастом!

Радоновый источник

На первом курсе «Неорганическую химию» нам читал академик Вик.И.Спицын. Сам он был важный и противный, но лекции были интересными. Главную роль играли опыты, которые демонстрировались на каждом занятии. Особо эффектными были взрывы, возникающие в самый неожиданный момент, и раскатами грома прокатывающиеся по большой химической аудитории, вмещавшей 300 человек. Подруги нервно вздрагивали и скидывали наши руки с коленок.

Опыты были эффектными благодаря ассистенту по прозвищу Бихромат. Комок ярко рыжих волос постоянно мелькал вокруг Спицына, периодически исчезая под тягой, откуда сразу же начинало смердеть. Облако вонючки обволакивало первые ряды, и сидящие на них немцы с китайцами начинали активно кашлять и чихать.

С некоторой опаской перешли к изучению радиоактивных элементов – уж не устроят ли доблестные лектора Хиросиму с Нагасаки?! Накануне лекции Бихромат пришёл в хранилище изотопов, и взял эксикатор с запаянным в ампулу раствором радия. Дело было ранней весной – оттепель, гололед. Огибая корпус кафедры радиохимии, Бихромат поскользнулся и грохнулся на землю, причём так удачно, что разбил и эксикатор, и ампулу с радием. Это – не просто беда, а тюрьма. Сотрудники кафедры бросились на подмогу. Сначала собрали весь снег, в радиусе трёх метров вокруг отпечатка тела Бихромата. Растопили, пропустили через ионно-обменную колонку и сконцентрировали радий. Но этого оказалось мало. Пришлось вскрыть асфальт. Затем изготовили из нержавеющей стали бочку, заполнили её кусками асфальта, да приварили трубу с вентилем.

Вот уже сорок лет я пользуюсь этой бомбой. Из радия образуется газ радон, он выделяется из асфальта и собирается в камере. Я откачиваю бочку и извлекаю радон. Приключение Бихромата сильно выручило нас в Перестройку. Когда всё лопнуло, не стало денег на изотопы, да и выпуск их прекратился, я раз в месяц доил бочку и всегда был при радоне.

Но что интересно, из бочки радон добывать можно будет ещё 10 тысяч лет. То-то ученые будут удивляться, зачем в древности радий замуровывали в асфальт? А вспомнит ли кто из них Бихромата добрым словом?! Бог весть!

Техника безопасности

В 132-ой лаборатории (так раньше именовали лабораторию радиохимии) в старом здании МГУ очень строго относились к охране труда и технике безопасности. Был создан дозиметрический отдел, сотрудники которого постоянно дежурили на этажах, перед практикумом, хранилищем изотопов и около других стратегически важных мест. Они мерили активность одежды каждого проходящего. Пока сходишь в сортир – пару раз проверишься.

В те времена на праздники на каждой кафедре должны были дежурить сотрудники. На случай проникновения американских шпионов и диверсантов. Вот на 7-е ноября выпало дежурить дозиметристу Антону. Погода была мерзопакостная, корпус не топили, с женой поругался, а все же праздник – решил он. Пора и взбодриться. Зашёл в лабораторию органиков-радиохимиков и стал методично открывать все склянки-колбы, сначала нюхая, а затем и пробуя их содержимое на вкус. Довольно быстро нашёл то, что нужно: написано C_2H_5OH , знаков радиоактивности нет, только номер какой-то. Всё, что было, он и выпил. Хорошо пошла! Завалился спать в кабинет завлаба на кожаный диван.

После праздников дозиметрист вышел на работу и приступил к своим обязанностям. Ходит по лабораториям – везде грязно! Счётчик верещит, Антон составляет акты. После его ухода сотрудники бросаются всё мыть и чистить. Через несколько часов он идёт проверять обстановку. Снова везде грязно! Снова моют раковины, столы и полы. На третий раз сотрудники стали задумываться: моют – моют, а чище не становится и вообще не понятно – откуда изотопы. Взались за собственные дозиметры. Чисто!! Пошли проверять дозиметр Антона. Нормально! Тогда взялись за него самого. Когда поднесли к нему дозиметр, тот зашкалил. Сняли спектр – цезий! Он выпил спиртовой раствор радиоактивного хлористого цезия. Вызвали скорую, отправили в больницу. Дозиметрист излучал так сильно, что врачи опасались к нему приближаться. Его поместили в отдельную палату, давали еду и питье через окошко. Щелочной металл – через неделю вымыли.

Но, когда он вернулся в МГУ, его оштрафовали на стоимость изотопа. Не глотай, гад, драгметаллы!

Ответственность

После окончания университета, меня оставили на кафедре в должности ассистента. Достались мне шесть групп дневного и одна – вечернего отделения. На вечернем учились почти одни дамы, все солидные и все старше меня. Захожу в аудиторию. Студентки в казенных халатах сидят за партами. Начинаю занятие, зачитываю инструкцию по технике безопасности. Тут поднимается рука и девушка спрашивает:

– А мне можно работать с изотопами?

– Всем можно, – ответил я легкомысленно, глядя поверх голов.

Тут она встала. Мама! Как троллейбус! Что делать?

– Вы тут минутку посидите, – сказал я группе, – а мы – к Доценту уточнять детали.

Выходим на лестничную площадку. Смотрю: нужный товарищ идёт по коридору. Руки за спину, в глубокой задумчивости. Ещё два шага и исчезнет. Я реагирую:

– Ловите! Уйдёт!

Дама с неожиданной проворностью скатывается с лестницы и возникает пред Доцентом:

– Я – беременна!

<http://profbeckman.narod.ru/>

Зав. практикумом отлетает к стене. На лице – ни кровинки. Поднимает руки, сдаваясь и дрожащим голосом:

– А я тут причём?!!

Шампанское

Возвращались мы с конференции, прибыли на ночь глядя в Аэропорт, а рейс отменили. Тоска!

Доцент оглядел компанию и отобрал почему-то меня. Отвёл в сторону и предложил:

– Скинемся?

Я достал последний рубль. Он добавил десятку и поспешил в ресторан. С чёрного входа. Прямо нельзя – полночь, всё закрыто. Через некоторое время появился.

– Водки нет, достал шампанское. Ты – первый.

– Нет, Вы, – отвечал я, не имея привычки поперед бабки лезть в пекло.

Доцент поднял бутылку в чёрную ночь, выбил пробку и раскрыл рот. В момент всё исчезло в густой пене. Казалось, ударил огнетушитель. Отплеываясь и чихая, возникла довольная физиономия:

– А вовнутрь всё же попадает, – сказал он, протягивая мне оставшуюся половину.

Железный Феликс

Летели мы на какую-то конференцию. Цвет кафедры – профессора, завлабы, партийцы. Ну и я тоже. В аэропорту проходим через магнитные ворота. Идёт Доцент (он же – начальник 1-го отдела факультета). Раздается громкий звон. Сбегается милиция. Доцент невозмутимо выкладывает бумажник, штопор, снимает часы. Снова идет. Опять звон. Доцент начинает раздеваться: снимает пиджак, подтяжки, пояс, и, поддерживая обеими руками спадающие брюки, снова идёт на контроль. Звонит! Доцент смотрит на милицию, милиция – на Доцента. Все в глубокой задумчивости. Мы затаились – неужто до трусов разденут?! Доцент приходит в себя первым:

–Я делал операцию, укреплял штырями суставы.

–Стальная грудь чекиста! – пояснил кто-то из нас.

Пропустили.

Ты и твоё имя

Все же имя, данное при рождении, многое определяет. Можно сказать – всё.

Если тебя назвали Итэн (Индустриализация, Техника, Электрификация, Наука – сейчас так фирмы называют), то разве ты станешь актером или художником? Нет! Так и будешь всю жизнь болтаться между наукой и техникой. Не попадая точно ни в то, ни в другое.

Выбор специальности

Когда я поступил в школу, мать пошла на работу. Тогда на кафедре неорганической химии МГУ была создана секретная 132 лаборатория, призванная готовить радиохимиков для ядерной промышленности. Она располагалась сзади корпуса химфака на Моховой. Когда я в семилетнем возрасте по специальной лестнице поднялся на третий этаж, то меня встретила улыбающаяся женщина, приветствовавшая меня как будущего радиохимика. Я уже знал про атомную бомбу и Хиросиму-Нагасаки, но и в мыслях не держал, что такие бомбы делают такие тётки. Тётка же, непрерывно что-то говоря, потащила меня по кабинетам, лабораториям и практикумам. Звали её Калерия Борисовна (К.Б.) а иногда - «*Наша Мария Кюри*», т.к. она много рассказывала о Склодовской, увлекалась французским языком и даже бывала в Париже, что в те времена было большой редкостью. Сотрудники и студенты все были в белых халатах, как врачи, которых я с детства не любил. Но, тут халаты были к месту, тем более что на них болтались дозиметры, привлекая мое особое внимание. Студенты – сплошь мужчины (это важно – учёным может быть только мужик) были в тапочках и шапочках. Химическая аппаратура – колбы, насосы, пробирки – не вызвала у меня интереса. Я, конечно, тогда был молод, но моя лаборатория в сарае не сильно отличалась от здешней. И микроскоп у меня был. Хозяйским глазом окинул трещащие и мигающие пересчётки, прикидывая, не прихватить ли. Решил – громоздко.

Зашли в комнату радиоинженеров. Там я впервые увидел телевизор. Действующий! На длинном, обитом пластиком химическом столе, стояли в ряд штативы, в лапки которых были зажаты не какие-нибудь колбы-реторты, а лампы и длинная электронная трубка с раздутым концом, на торце которого бегала картинка. Показывали рисованный мультфильм про спящую царевну. О существовании мультфильмов я не подозревал и решил, что обычное кино, если его демонстрировать на круглом дне колбы, начнет дергаться, как ненормальное. Вот этот образ телевидения, как нечто расплывчатое на три метра и зажатое в лапках, я донес до клязьминской шпаны. Авторитет мой поднялся, ведь я был первым человеком, видевшим телевизор. Продержался он до лета. А летом приехали богатые дачники и привезли продажный телевизор.

Им оказался чёрный ящик, похожий на радиоприемник, только с окном. Причём прямоугольным! И изображение стало похожим на кино. Авторитет мой резко упал. «Врет он все, этот барон Мюнхгаузен», – сказали про меня.

Показав всё, КБ спросила:

– Хочешь посмотреть, как надо заниматься наукой?

Потом поправилась:

– Как не надо заниматься наукой.

Мы зашли в комнату-библиотеку. В креслах сидели три молодых аспиранта (будущих профессоров и даже академиков), положив ноги на инкрустированную полированную крышку круглого дубового стола. Они читали, курили и обменивались репликами.

– Будешь радиохимиком? – спросила меня К.Б.

– Нет! – искренне ответил я, не обнаружив милых сердцу монокристаллов.

...Противопожарный стенд я увидел уже на выходе. Это было нечто замечательное! Чего только нет: золотая каска, топоры особой формы на красной ручке, багры, ведра, огнетушители. Все сверкало и переливалось. Тут я понял: стану радиохимиком.

И стал им!

Сам себе шеф

Шефья бывают разными! Одни – большие учёные, сами что-то делают и достигают каких-то высот, но на тебя никакого внимания не обращают. Ты для них – лаборант-секретарь. Шестёрка. Обучать тебя им некогда. Какие ученики могли быть у Ломоносова или Ньютона? Их у них и не было.

Другие, наоборот, шагу не дадут ступить без опеки и назиданий.

– Так, – говорит такой шеф, увидев тебя утром в лаборатории, – сегодня мы синтезируем нитробензол. Бери колбу, налей бензол. Осторожно! Лей по стеночке. Поддерживай снизу свободной рукой. Кто так работает с вакуумными кранами?! Корпус надо прочно удерживать левой рукой, а правой плавно поворачивать...

Проще удавиться, чем с таким делом иметь...

Третьи – менеджеры – на больших скоростях изредка залетают в лабораторию, делают несколько оборотов вокруг себя, раздадут пару команд и исчезают. «Шеф, не снимающий болонью» – называется. Но деньги – ставки – оборудование всегда есть. Есть настроение работать – дерзай. Стадион арендовал? Арендовал? Барьеры поставил? Поставил. Бегай-прыгай вволю, но чтобы через год был мастером спорта, а через три – чемпионом мира.

Когда пришла пора выбирать руководителя дипломной работы, я без колебаний пошел к К.Б. Она была ярким представителем четвёртого стиля: с утра пропадала на занятиях, а затем – на общественных мероприятиях. В своем кабинете она изредка появлялась, а в лабораториях – никогда. От таких шефьев не дождешься учёбы, руководящих указаний или каких-то финансовых благ. Но они дают нечто неизмеримо более ценное – Свободу! Делай, что хочешь. Хочешь стать Нобелевским лауреатом – становись, нет – твои проблемы.

Перед дипломом я был на стажировке в Институте физической химии и на кафедре решил продолжить тему – «Влияние ионизирующей радиации на физико-химические свойства сульфида свинца». Написал план диплома и с налёта подмахнул у К.Б. Это было в сентябре. К ноябрю я в теме разочаровался и решил заняться эманационно-термическим анализом облученного полиэтилена. Вновь написал план и вновь подписал у К.Б. (Получилось удачно: я бежал с третьего этажа на первый, она – с первого на третий. В районе второго этажа мы встретились). Ну, тружусь, я тружусь, работу сделал, уже заканчивал текст диплома, когда после майских праздников неожиданно заболел желтухой и угодил в инфекционную больницу. Минимальный срок – 21 день, причём посетителей не пускают. Когда до защиты осталась одна неделя, КБ дозвонилась каким-то образом до больницы.

– Как здоровье? Как сульфиды?

Настала пауза.

– Какие сульфиды? – осведомился я осторожно.

– Да сульфиды свинца. Вы их облучили?

– Калерия Борисовна! Я давно занят полиэтиленом!

Тут опять настала пауза. Все же сульфиды свинца от полиэтилена чем-то отличаются...

– Да?! Хорошо! Хорошо! Не забудь про защиту!

Я не забыл, и на защите диплома искренне поблагодарил КБ за предоставленную мне самостоятельность.

Кто у нас руководитель?

По весне мне, как члену ГЭКа, приходилось высидывать на всех защитах дипломов кафедры. Однажды выходит молодой и несёт что-то несуразное. Когда он кончил, мы долго крутили головами в недоумении. Первой опомнилась КБ. Она встала:

<http://profbeckman.narod.ru/>

Вы говорили 30 минут и ничего не сказали! Чем Вы собственно занимались и что сделали? Доклад безобразен! Тема не актуальна! Как Вас вообще допустили к защите?! Кто Ваш руководитель?

- В том же духе выступил оппонент. Тогда Председатель забеспокоился.
- Давайте послушаем научного руководителя. Кто у нас руководитель?
- Он углубился в изучение бумаг-протоколов.
- Руководитель – Калерия Борисовна!
- Я?!... Ах, да!

Уникальный шеф

Как-то мы с женой путешествовали на байдарке по Карелии. В конце маршрута заплыли на Кижы (Тогда это был редко посещаемый остров). Заплыть-то заплыли, а обратно – никак. Озеро разбушевалось. Даже пассажирские пароходы не ходили. На дебаркадере, где мы ночевали, чтобы не пропустить шальное судно, набилось множество народу. Мы лежали в спальниках на каком-то киоске.

- А ведь и Калерия Борисовна собиралась в этом сезоне посетить Кижы, – сказал я жене.
- Калерия Борисовна была здесь и уже два дня, как отбыла домой, – раздался голос из мрака.
- Какая Калерия Борисовна?
- В Советском Союзе, – сказал назидательно голос, – Калерия Борисовна только одна!

Эталон

КБ возилась с иностранными аспирантами не только потому, что партбюро поручило, но и по душевной склонности. Тянуло её к незнакомому, заграничному. Вот и к чеху Зденеку она относилась вполне дружелюбно и сквозь пальцы смотрела на его шутки с дамами, на гастроли по СССР с ансамблем классического танца, на статьи в молодежных газетах, которые он плодил во множестве. Научными подвигами он себя особо не утруждал, но всё же изредка забегал на кафедру, и что-то делал с установкой. Так продолжалось лет пять, дело катилось к защите.

И тут настал 1968 год. Дубчек, сам от себя не ожидая, стал реформатором и чуть не увел чехов в НАТО. Терпеть было нельзя, танки взяли Прагу. Идеологические бои докатились до Москвы. КБ насторожилась. Надзор над Зденеком был усилен. И тут выяснились страшные вещи: Зарова и Ширанова из Химфизики опубликовали статьи по эманационно-термическому анализу катализаторов. Но не так была страшна тематика, как то, что они измерили абсолютную эманационную способность. А вот этого они сделать никак не могли. Для этого нужен эталон. Эталон на торон в России – один, хранится у нас – личная гордость КБ. Кислый раствор радиотория в кварцевом барботере, изготовленный собственноручно Хлопиным, что подтверждал его автограф на этикетке.

Что ж такое получается: враги коммунизма прям среди нас? И ещё эталоны воруют? И не просто воруют, а конкурентов плодят, среди шизоидных любовниц?

КБ взлетела над стулом и рванула в эманационную, где не была лет тридцать. На миг задержалась, открыла дверь, и как в воду...

Не было её минуты три. Выскочила вся красная, судорожно глотая воздух. Она долго и шумно дышала, думали – помрёт от удушья. Опасаясь радона (нам было смешно – мы в нём купались ежедневно), она в ходе следствия не дышала, а операций много: поднять тягу, открыть сейф, извлечь эталон, запутанный в трубках, измерить уровень жидкости, потом – всё обратно. Работа трудоёмкая, не грохнуть бы самой эталон...

Чуть не погибла в борьбе за коммунизм и науку.

Трудолюбивый шеф

Сам себе шефом не будешь, никто не будет. Эту истину я усвоил с детства. А друг Петя полагал иначе. Он думал, что научный руководитель, как груша: тряси, что-нибудь упадёт! Поэтому он пошёл в аспиранты к профессору Вассербергу. Хороший объект тряски. Звал и меня, но я предпочел КБ.

Первый год Петя катался, как сыр в масле. Пока я из шнурков и консервной банки монтировал установку, он сидел в «Тайване» и попивал пиво. Вассерберг, вооружившись ручной паяльной горелкой, варил из стекла нечто грандиозное – аппаратуру для сорбционных экспериментов. Чего там только не было: и ловушки для паров азота в виде коаксиальных сфер (пять сфер уменьшающихся размеров, одна внутри другой!), кварцевые спирали различных диаметров, дефлегматоры немислимых конструкций, шлифы, ртутные насосы на сверхвысокий вакуум и краны, краны, краны. Чистое искусство! На втором году Вассерберг доводил до ума конструкцию. Он никого к ней не подпускал, испытывал отдельные узлы, разбирал их и паял снова. Что говорить – стеклодувом он был уникальным. Первые признаки беспокойства Петя стал испытывать на третьем (последнем) году аспирантуры. Какое-то время шеф продолжал

лакировать установку, потом интерес стал угасать. Где-то за квартал до окончания срока аспирантуры, он сказал Петру: «Всё! Делай с ней, что хочешь!» и удалился. А что делать-то? Петя попытался выяснить это у Вассерберга, но тот уже батрачил на нового аспиранта. От Пети он отмахнулся, как от назойливой мухи.

Тут аспирантура кончилась.

Занимательная литература

На первом курсе я постоянно торчал в библиотеке химфака. С умным видом читал научные журналы. Самые разнообразные и на разных языках – разгадывал их как ребусы. Тогда мне казалось, что именно это занятие делает человека учёным. И это находило экспериментальное подтверждение. В читальном зале занимались не только студенты-аспиранты, но кандидаты наук, доктора и даже академики. У некоторых было постоянное место, обозначаемое большими стопками толстых тетрадей и папок-скоросшивателей.

Однажды, оторвавшись от какого-то нуднейшего текста, я обвел взглядом зал, но ничего привлекательного не обнаружил. Редкие посетители сидели, уткнувшись в книги, освещаемые настольными лампами с плоскими зелеными абажурами. Тут мое внимание привлек профессор Татевский. Он читал что-то необычайно интересное, причём прочитанное отражалось непосредственно на лице. У профессора то расширялись глаза от ужаса, то в презрительной гримасе кривился рот, то складывались в гармошку морщины лба. Он явно не знал: плакать ему, или смеяться.

– Что значит опыт! – подумал я, – оказывается в библиотеке не только научная мудрость хранится. Тут, видимо, есть и юмор, и приключения, и фантастика. Не вредно поучиться у старших товарищей. Мне тоже попереживать охота.

Некоторое время Татевский продолжал своё занятие, приглушенно охая, ахая и всплескивая руками. Наконец, он вышел. Я с независимым видом двинул к его столу. Там лежал раскрытым толстенный фолиант в кожаном переплете. Я пригляделся: на обеих, доступных взору страницах, располагалось по четыре столбца цифр – все шестизначные. Полистал книгу. На всех страницах были только колонки цифр. И больше ничего! Я перевернул книгу, и прочёл название «Таблицы спектральных линий». Справочник.

Диетическая тюря

В конце Хрущевской эпохи жрать стало как-то нечего. Иногда, возвращаясь домой, я не мог купить хлеба – кончился. Чтоб достать молоко-кефир для народившейся дочки, приходилось вставать в шесть утра и два-три часа стоять в очереди. Возможно, поэтому в Университете обедали все. Столовых было много, но народу – ещё больше. В Диетичке обед стоил дорого, студенты туда не ходили, что облегчало процесс. Но всё равно, очередь – как в Мавзолей, только несколькими рядами. Общались мы много – часами стояла вся кафедра. Вызвано это было тем, что нам за вредность давали обеденные талоны. На один такой талон полагался салат, сметана, суп, два вторых и компот. Так что мы не голодали. Долго томилась в ожидании, зато кушали не торопясь.

Но! В свободном обществе, всегда все равны, но кто-то – равнее.

Преподаватели формально шли без очереди. Формально, т.к. их было всё же немало, и они образовывали толпу своих, но, естественно, поменьше, чем у остальных. Был и отдельный стол с табличкой «Для профессоров». Но и там была своя очередь, пусть и короткая. Я с завистью поглядывал в тот угол: «Эх! – думал я, – стать бы профессором...»

Среди профессоров, однако, тоже была иерархия. Первым приоритетом обладал некий старичок – божий одуванчик – академик К, знаменитый на весь мир математик. Одних именных теорем у него четыре штуки. Просто посмотреть на него – большая честь. Когда он (в полном одиночестве) подтаскивался к столу, его тут же сажали, и появлялась официантка. Она всегда приносила одно и то же – глубокую тарелку с водой, в которой плавали куски чёрного хлеба. Академик брал большую мельхиоровую ложку и начинал хлебать тюрю, задумчиво глядя в даль.

Мы на соседних столах, борясь с подошвой ромштекса (ножей в университетских столовых отродясь не было) дивились простоте профессорского рациона.

– Может он йог? (Тогда многие увлекались йогой, а она предусматривала обильное потребление воды).

– Да нет, – пояснил мне однажды один эрудит, – в тарелке у него не вода, а водка!

Изгнанник рая

Преддипломную практику я проходил в Институте физической химии Академии Наук СССР. Занимался изучением влияния больших доз ионизирующей радиации на термодинамику и кинетику изотопного обмена. Облучение образцов проводили на линейном ускорителе электронов типа Ван-дер-Граафа. Этим ускорителем управлял я сам, чем очень гордился. Это было циклопическое сооружение. Располагалось оно в прямоугольном зале, в котором при случае мог бы разместиться шестиэтажный дом. Все блестело металлом и стеклом. Окружено проводами и

вакуумными шлангами. При этом чувствовалось, что основная часть машины нам недоступна. И действительно, мишень располагалась глубоко под землей. Но главной достопримечательностью были большие металлические шары, блестящие, как зеркало, высоко под потолком. Иногда между ними со страшным грохотом пролетали длинные молнии. Ну, прямо – фильм «Весна».

В центре зала был прямоугольный бассейн (без воды!) неизвестного назначения. Когда вы шли по залу, то с одной стороны от вас уходила высоко вверх стена, а с другой – шёл обрыв в бассейн. Вот на этом самом проходе однажды был устроен стол. Если смотреть сверху, то он выглядел, как прямоугольная рама. Вокруг стола располагались скамейки, так что одни сидели, прижавшись спиной к стене, а другие, – нависали над бассейном. Так осуществлялся банкет.

Возглавлял это дело Академик. Важный мужик с вельможными манерами. В Институте, естественно, царил культ его личности. Причём подобострастие достигало неприличных размеров. Выпить он любил, и на банкетах перед ним всегда ставили две бутылки «Столичной», которые он и уговаривал самостоятельно за вечер.

Соседом моим оказался Профессор. Поскольку авторами первого учебника по радиохимии на русском языке были Академик и он, и поскольку мы по нему учились, то я представлял, кто такой Профессор, хотя раньше никогда не встречал. В мое время учебник был уже старым, поэтому я удивился, что автор жив и вот, пожалуйста! – сидит рядом со мной и со мной же беседует. Он действительно, несмотря на огромную разницу в годах, разговаривал совершенно непринужденно. Рассказывал анекдоты из научной жизни, я ему – байки про целину. Так мы сидели и пили, пили и беседовали. Вечер был в разгаре, когда он встал и в наступившей тишине вместо тоста с чувством прочёл:

Печальный Демон, дух изгнания

Летал над грешною землей...

При словах:

И над вершинами Кавказа

Изгнанник рая пролетал,

Пред ним Казбек, как грань алмаза,

Снегами вечными сиял.

он выбрался из-за стола, развернулся, решительно сделал два шага вперёд и, отведя руки назад, вниз головой нырнул в бассейн. Через какой-то момент раздался глухой удар тела о бетон. Я пошевелиться не успел, не то, что удержать.

Он не погиб. Но теперь на банкетах я пристально слежу за соседом.

УЧЕНИКИ

Непосредственность

Игорь поступал в МГУ без паспорта – не было шестнадцати. Большой и розовощекий. А я как раз стал куратором (спецгруппа радиохимиков набиралась прямо с первого курса и училась по особой программе; к каждой группе от кафедры прикреплялся куратор, который переходил с курса на курс, пока остаток группы не выскакивал с высшим образованием). Провожу вводную беседу. Рассказываю полезные вещи, где библиотека, где сортир, где учебная часть. Закончил.

– Вопросы есть? Ну, что тебе, мальчик?

– Скажите, пожалуйста, – говорит Игорь (он всегда был безукоризненно вежлив), – что надо сделать, чтобы стать заведующим кафедрой?

– Учиться хорошо! – отвечал я без особой уверенности.

Через неделю он подошел ко мне и попросил отвести в группу, где занимаются синтезом 105-го элемента.

– Почему 105-го? – удивился я такой избирательности.

- 101-ый синтезирован, 102 – будет получен в следующем году, 103 – на третьем курсе, 105-ый как раз придется на диплом!

– Знаешь, что, – сказал я ему, – иди-ка ты работать ко мне. Я вообще никаким синтезом не занимаюсь. Ни ядерным, ни химическим. Но иди ко мне. Иначе с такой прыгучестью пропадёшь.

Критиканство Игорька проявилось с первых шагов. Он всем был недоволен, особенно – преподавателями и практиком. Стоит он посреди коридора и в компании коллег ругательски ругает доцента С. Мимо идет наш зав. кафедрой. Пожилой член-корр. Академии Наук.

– Игорь, – говорит он, – Как Вам не стыдно? Вы ещё первую сессию не сдали, а уже доцентов судите!

– А Вы, Андрей Николаевич, – вежливо отвечал Игорек, – вообще двух слов связать не можете!

Развернулся и пошёл.

Ошибки программирования

На втором курсе Игорь так удачно раскритиковал комсорга группы, что его выбрали самым. Стал он комиссарить. Так активно, что его чуть не исключили из комсомола.

К этому времени у него появилось новое увлечение – компьютер. Тогда как раз назрела вычислительная революция. В МГУ был организован вычислительный центр на базе ЭВМ БЭСМ-6. На всех факультетах открыли вычислительные классы и установили в них терминалы. Кафедры создали специальные группы. Я возглавил такую от радиохимии и запустил Игорька. Как щуку в пруд с карасями.

Работа пошла, посыпались результаты. Я перестал куда-либо ходить, засел за анализ. Хорошо!

Проходит месяц, другой. Возникает послание от начальника класса: не прекратите свои шутки, лишим доступа на месяц. Какие шутки?! Послал аспиранта разобраться. Тот доложил:

– Всё в порядке, шеф. Не берите в голову – происки завистников!

Ладно! Поработали ещё пару месяцев. Приходит официальная бумага: лишаем вас доступа к компьютеру на год. Ни хрена себе!

Пошёл разбираться лично.

Начальник подтвердил свои намерения, но потом, помявшись, заключил:

– Я должен незамедлительно прекратить Ваши безобразия, но всё прощу, если скажите, как вы это делаете.

Осталось выяснить, что именно.

Заловил Игоря. Допросил его и свидетелей.

Ситуация такова. Университет выделяет факультету время счёта и бумагу. На неделю. В понедельник считать можно, но ко вторнику ресурсы кончаются. Все сидят и тренируются, играют в «Цивилизацию» или пишут друг другу матерные письма (Интернета и порнухи тогда ещё не было). В четверг класс пустеет и появляется Игорь. Спокойно садится за терминал, что-то набирает, на следующий день забирает распечатку и удаляется. А распечатка – шесть метров длиной. (Иной раз на этих шести метрах – шесть колонок шестизначных цифр. Все нули. Но это так – издержки производства). Народу, естественно, завидно. Как так? Времени и бумаги ни у кого нет. А тут такие расходы?

Надо сказать, что компьютерному делу тогда не учили. Игорь сам разбирался с техникой. И разобрался. Лучше операторов на машине. Он учёл, что на БЭСМ-6 двенадцать каналов, работающих параллельно (Кого не спросишь, никто не знает, почему именно 12. А ответ прост. Машина создавалась никак не для МГУ, а для крейсеров. На судне 12 служб (локаторы, артиллерия, торпеды и т.п. вот и у БЭСМ 12 каналов. Что тут такого?) Важна система приоритетов. Задача, требующая шесть секунд счёта, считается вне очереди. Первый приоритет у мехмата, второй – у физиков и т.д. Игорь врубился и написал специальную программу. Она входила в ЭВМ как задача химфака, превращалась в задачу мехмата, считалась 6 сек на одном канале, перекидывалась на 2-ой, 9-тый, 11-ый и так осциллировала между каналами 4 часа. Затем, превращалась обратно в задачу химфака, распечатывалась и подписывалась моей фамилией. Удивительно вот что: все времена счёта и затраты бумаги обычно строго фиксируются. А здесь в соответствующих пунктах стояли прочерки. Машина не замечала, что наработала. Очень удобно. Для нас.

Этот скандал мы погасили. Но возникли новые. Из-за побочных эффектов.

При освоении системы Игорь подпортил синус. Тот, как известно, считается в виде ряда. Ну, Игорек и стёр часть его. Нечаянно. При этом при малых углах синус считался правильно, а при больших – нет. Несколько дней все ученые МГУ считали ряды Фурье и дивились результату. Пока не спохватились. Что было! Но и этот скандал замяли.

Однажды, утром на работе меня уже ждал майор КГБ. Оказалось, что Игорь для внедрения своих наработок в жизнь, взломал все коды, в том числе – совершенно секретных баз данных. Посетил эти базы и наследил. Вот меня и поймали. А его приговорили к отчислению. Но как отчислишь, если он – круглый отличник. Ни одной четвёртки за все годы. Повздыхали, но оставили. Нервы ж мне, однако, подпортили.

Сижу, ругаюсь. А в лаборатории – представители оборонки.

– На кого, – говорят, – и за что сердиты?

Рассказал, ища поддержки.

Они думали недолго.

– Когда он кончает? Берём и квартиру даём.

Такие люди нам нужны!

Как сдать экзамен?

На старших курсах Игорь перестал ходить на практикумы. Целыми днями и ночами игрался с БЭСМ-ой. Так перетрудился, что попал в больницу Кашенко, правда, в санаторное отделение.

Кончается семестр, 28-е декабря. Профессор поставил всем желающим зачёты по физической химии. Достал горные лыжи и купил билеты на Домбай. Не тут-то было!

Появляется Игорь и заявляет:

- Я согласен!
- Что согласен?
- Сделать ваш практикум.
- Ууу!

В январе встречает меня Профессор и горестно рассказывает эту историю.

- Но на экзамене я отыграюсь. Влеплю ему тройку. Пусть знает...

Приходит Игорь с экзамена.

- Сдал?
- Сдал!
- Кому?
- Профессору.
- Сколько получил?
- Отлично!

Потом Профессор жаловался мне второй раз.

Понимаешь, уже через пять минут после начала ответа Игоря, я забыл, о чём его спрашивал. Через десять минут он уже мне объяснял детали термодинамики. Закончил он удивлением низкому уровню подготовки профессоров в МГУ. Пришлось поставить отлично. Ну его!

Аналогичная история приключилась с практикумом по полимерам. С той лишь разницей, что его возглавляла дама – главстерва факультета. Первое занятие Игорь пропустил, пришёл на второе (большой подвиг с его стороны). Тётя доцент ужасно возмутилась (ещё не знала, с кем имеет дело) и послала его за допуском в учебную часть.

- Ну, я ещё посмотрю, стоит ли ваш практикум делать? – заявил Игорь.

И удалился. До конца семестра.

Надо ли говорить, что дело кончилось пятеркой?

Но когда Игорь попытался проделать этот фокус с практикумом по коллоидной химии, терпение зам. декана истощилось. Он вызвал Игоря к себе для воспитания. Тот не шёл, и мне пришлось отправлять его на randevу с конвоем. Только я вернулся в лабораторию – звонок. Лично зам. декана. Дословно текст приводить неудобно (неправильно поймут), но воспитательное мероприятие выглядело так. Распахивается тяжёлая дубовая дверь кабинета. Влетает Игорь. Начальник раскрывает рот для нотации, но студент стремительно приближается к нему, излагая:

– Я приехал в Москву из Тулы. Я думал – МГУ ведущий ВУЗ СССР. А что здесь творится? Я днями и ночами изучаю компьютер. Никто не помогает. Лишь мешают. Вы что хотите? Чтоб я сделал ваш дурной практикум? Так я его сделаю!

Дверь за ним хлопнула. Зам. декана закрыл рот.

Попало, как всегда, мне.

За недостатки в воспитательной работе.

Молитва

Долгое время мы считали на ЭВМ БЭСМ-6. Она стояла далеко от химфака, бегать туда затруднительно, и я мечтал о компьютере в койке, или хотя бы в лаборатории. Печатать курсовые, дипломы и диссертации где-то надо?!. Однажды случайно разбогатев, купили мы ОРГТЕКСТ – здоровый железный стол с электрической пишущей машинкой на нём. Машинка помнила набранный текст и могла напечатать любое число экземпляров. Без копирки! Игорю, впрочем, она быстро надоела, и он решил обучить её распечатке результатов счёта. Считала же настольная машина «Электроника». Для соединения «Электроники» с ОРГТЕКСТом нужно было перепаять разъёмы. А это – несколько сот проводов. Причём ни один нельзя перепутать. Игорь мужественно взялся за дело и, потрудившись квартал, заставил-таки систему печатать диплом. Все четыре экземпляра. Тогда это казалось чудом. Диплом напечатан, настал день защиты, все были в хлопотах, а Игорь запустил ОРГТЕКСТ. В какой-то момент мы покинули лабораторию, зато туда пришла наша шефиня и обомлела: машина молилась!

Из каретки один за другим появлялись листы бумаги и падали на пол. КБ подняла один и прочла:

«Отче наш, иже еси на небеси; да святится Имя Твое, да придет царствие Твое; да будет воля Твоя яко на небесах, так и на земле. Хлеб наш насущный...» – «Отче наш», с начала и до конца. Причём заголовки и начальные слова строк печатались красным пролетарским цветом.

КБ подняла второй листок

«Верую во единого Бога Отца, Вседержателя, Творца небу и земли, видимым же всех и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, сына Божия, иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света» – молитва Символ Веры.

Тут КБ вспомнила, что она партийный секретарь кафедры и побежала жаловаться заведующему. Но Андрей Николаевич был беспартийным и парткому не подчинялся. Он подивился очередной выходке Игорька и посоветовал ей все забыть. Как дурной сон.

– Сегодня защита, завтра мы с ним расстаёмся.

Тем временем, я, ничего не подозревая, вернулся в лабораторию и тоже недоуменно уставился на молящуюся машину.

– Хочешь в последний день из Университета вылететь? – поинтересовался я у возникшего Игоря, – или только из комсомола?

– Да что Вы! Никакого криминала! Я работаю над серьезной проблемой: как заставить эту дуру ставить точку с запятой. Приходится печатать двоеточие, потом возвращать каретку назад и ставить запятую. Попробуйте сами написать программу! А текст я выбрал из-за наличия точек с запятой.

– Господи! Игорь! – взмолился уже я, – ты бы меня попросил, я бы тебе сотню текстов принес с ;;;; в каждой фразе. Религиозную пропаганду в день защиты разводишь?!

Но Игорь лишь отмахнулся. Вставил широкую диаграммную ленту и отправился на защиту. Он пошел, а ОРГТЕКСТ выдавал, то черным, то красным, то голубым цветом:

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь; и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим. Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Аминь».

А затем:

«Распятого же за ны при Понтии тем Пилате, и страдавша и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писаниям. И возшедшего на небеса и сидяще одесную Отца... Исповедую едино крещение во оставление грехов...»

Так, пока Игорь защищался, машина молилась и молилась. И за него, и за меня, и за КБ – за всех. Молилась истово, в точках пробивая насквозь бумагу. Ну, а АМИНЬ! был уже потом.

«Чаю воскресения мертвых, и жизни будащаго века»

Досрочная аспирантура

Игорь окончил МГУ с красным дипломом. Но за всю совокупность подвигов его в аспирантуре не оставили, хотя кафедра и дала рекомендации. Отправили домой в Тулу, во ВНИПИМ (институт полимеров и мономеров) на перевоспитание. Там он попал в вычислительный центр. Понаблюдав за работой своего начальника, Игорь заключил:

– Всяких я видал программистов, но совсем уж идиота – первый раз. Вам надо незамедлительно уволиться. Центр возглавлю я, что, несомненно, пойдет на пользу дела!

...Я сидел в лаборатории, когда в неё вошёл Игорь в сопровождении двух лиц в штатском.

– Ваш бывший студент Игорь проявил себя в ВНИПИМе как хороший программист. Мы думаем направить его в аспирантуру МГУ.

– Но ведь по закону, он свободен лишь после трёх лет стажа. Если отработал два года, то приём – по направлению-рекомендации Института.

– Мы рекомендуем! Рекомендуем! – вскричали дуэтом штатские – Только заберите!!

Игорь поступил в аспирантуру и через три года окончил её. Пришло время возвращаться в Институт.

– Послушай, Игорь, – сказал я ему на прощанье, – Ты подумай и через несколько лет поступай к нам в докторантуру.

– Меня не отпустят.

– Отпустят, – заверил я его – ещё как отпустят!

Скептик

После чаепития мы с братьями Серебряными разговорились о гномах. Я рассказывал об их привычках, об отношениях с Синильгой, об их научных достижениях, решении проблемы бессмертия и т.п. Шла активная дискуссия. Тут вошёл Игорь, и некоторое время с недоумением прислушивался к нашей беседе.

– О чём это они? – поинтересовался он, наконец, у Ирины Михайловны, сидевшей в сторонке за компьютером.

– О гномах!

– Нет, серьёзно, о чем они?

– Да о гномах же, о полётах на тучах.

Игорь некоторое время потоптался, потом махнул рукой и вышел.

Козерог интересовался реальными вещами. То, что нельзя сейчас пощупать, его не волновало.

А зря! Мог бы сам гномом стать...

Ультиматум

Игорь успешно работал в Туле, когда пришло приглашение из Южной Кореи. Звали годик поработать.

— Условия? – запросил Игорь.

— Проживание в городском отеле, двадцать минут автобусом до Университета, работа – в вычислительном центре.

— Проживание на территории университета!

— Согласны! Проживание в кампусе на территории Университета, пять минут пешком до ВЦ.

— Компьютер – в койку.

— Согласны!

— Встречайте!

Взрывчатка и яды

Дима появился у нас, когда ещё учился на первом курсе. В зимние каникулы меня вызвали из дома: студент пришёл! Приезжаю. Сидит невысокий худой парнишка.

Начинаю выяснять, кто он и откуда. Москвич, любит химию.

– Вы школу с химическим уклоном оканчивали?

– Нет – языковую. Английский.

– А что вы любите в химии?

– Я занимаюсь коллекционированием взрывчатых веществ и ядов.

– Похвально! С этого места подробнее, пожалуйста.

– Я, например, синтезировал нитроглицерин.

– Много?

– Кубиков четыреста.

– Полагаете, для подрыва корпуса кафедры хватит?

– Думаю, можно взорвать весь химфак.

– Как же вы насинтезировали такое большое количество нитроглицерина.

– А я в каждом синтезе получал по одному кубику.

«Так! – оценил я – мальчик трудолюбив».

– А где храним? – поинтересовался я, вспомнив фильм «Плата за страх» и некоторый личный опыт (нитроглицерин детонирует от любого толчка) – дома, под кроватью?

– Да нет, на даче.

– А везли как?

– На такси...

Я тихо порадовался за счастливую участь таксиста.

– Ну, а яды?

– Я выращиваю на даче ядовитые растения, экстрагирую активное начало и кристаллизую его.

– Все цветут и пахнут?

– Не все! В средней полосе хорошо растёт цикута. Ну, помните, её ядом по приговору суда отравился Сократ? Наперстянка произрастает, она же – дигиталис. Экстракт из неё вызывает остановку сердца. Хорошая вещь – яд аконитин – из аконита. Он с трудом поддается медицинской экспертизе. Возможность поймать отравителя крайне мала.

– Хорошо, а зачем Вы пошли на кафедру радиохимии?

– А я хочу пометить ядовитые вещества радиоактивными изотопами и потом изучать их миграцию по организму.

Этот разговор с возрастающим вниманием слушал начинающий аспирант Игорь. На последних словах, он подлетел к Диме и со словами:

– К органикам тебя, к органикам! – потащил из лаборатории. Некоторое время они отсутствовали, затем оба вернулись: органического начальника не оказалось на месте. Так Дима у нас и остался.

И это было только начало.

Химию – в жизнь

Во время учебы в МГУ Дима время зря не терял. Для начала он придумал заряд, позволяющий с расстояния в 1 метр прожигать дырку в железнодорожном рельсе. В полевых условиях – прямо на шпалах. Затем он взорвал на даче колодец: опустил электроды в воду и подал ток. К его удивлению сруб целиком вылетел из колодца, который затем обвалился. Нитроглицерину тоже нашел применение. Он заложил его под пень, тот взлетел в воздух, перелетел через два участка и свалился (прямо с неба, как подарок) на грядку с клубникой. Аккурат перед хозяйкой, обрезавшей устики.

Но расцвет его деятельности пришелся на аспирантуру. Тут случилась перестройка. Все двинули в бизнес. Начал он с производства баллончиков со слезоточивым газом. Для защиты женщин от насильников. Брал килограмм лука, настаивал на хлороформе и заполнял этой смесью аэрозольные баллончики. Эффект: лук режет глаза, а хлороформ усыпляет бандита. Продавал он их по рублю, но бизнес не пошёл. Рабочее вещество оказалось нестойким, т.е. даме нужно было в течение четырех дней найти бандита, которому прыснуть в морду содержимым. Если подходящего не найдёшь, то баллончик зря пропадёт (и затраченные деньги тоже). Невыгодно, когда в округе бандитов мало, да и пристают они слабо.

Затем он организовал синтез дурно пахнущих веществ. Достаточно было попасть на врага одной каплей этой гадости, чтобы он месяц устойчиво и сильно благоухал говном. (Кстати, синтезировал он таких веществ больше литра. Они и сейчас стоят у меня под тягой. Если кому надо – берите!). Параллельно он стал подрабатывать на Арбате, в магазине по продаже картин. Зазывал иностранцев и по-английски рассказывал им о художнике, стиле, колорите и т.п. Естественно, появились рэкетеры. Пока они беседовали с владельцами, Дима взял капилляр с запаиваемой капелькой боевого вещества и бросил в окно машины. Где капилляр и разбился. Следующие две недели машина стояла на том же месте, но уже с широко открытыми дверями. Проветривалась. Сестра в Мерседес не представлялось возможным. Ребята оказались понятливыми и, узнав, что среди художников затесался химик, тихо слиняли и больше не появлялись.

Наибольшим же достижением следует признать изобретение нового типа пороха, на 30% сильнее обычного. Порох имел вид ваты, т.е. вполне безобидный. Пошёл Дима продавать его знакомым бандитам. На кухне насыпал немножко в железную миску. Раздался мощный взрыв. С потолка посыпались дохлые тараканы. Хозяйка явочной квартиры схватила веник, совок и набрала полведра тараканов. Все тихо радовались. Но тараканы начали оживать! Оказалось, они были в шоке. Пришлось ведро выкидывать из квартиры. Окрылённый успехом нового противотараканьего средства, Дима побежал к себе в лабораторию. Как раз накануне завлаб жаловался, что у него тараканы все компьютеры сожрали. Учёный сначала одобрил новое средство, но, ознакомившись с принципом действия, эксперимент запретил. Он просто вспомнил, что в лаборатории стоят бутылки с эфиром, ацетоном и другими горючими жидкостями. Что-то ему подсказало, что Диминым средством тараканы будут уничтожены вместе с Институтом. Тогда аспирант наладил изготовление специальной мастики. Если такой пластилин с фитилем запихнуть в замочную скважину и поджечь – ни один запор не выдержит. Дело пошло: множество железных дверей и ворот удалось отпереть таким способом.

Очередное испытание боевых свойств новой взрывчатки было проведено в МГУ. Как, по-вашему, должен поступить аспирант третьего года, без пяти минут кандидат наук, еже ли он получил новое вещество. Правильно! Он извлекает из радиохимического бокса перчатку, надувает её водородом, так что она представляет собой как бы руку, но ростом примерно с изобретателя, прикрепляет на веревочке коробочку с новым порохом, вставляет фитиль и выносит полученный аэростат к зданию МГУ. Ну, вы знаете это место: памятник Ломоносову, за ним главное здание, с одного бока – химфак, с другого – физфак. Подходит он к памятнику, запускает воздушный шар. Тот взлетает и успешно взрывается.

– И что интересно, – докладывал он мне, – возникла мощная взрывная волна: химфак – физфак, физфак – химфак. Так и ходила. Туда-сюда, туда-сюда. Шестнадцать раз!

Правильно говорят, что если у тебя ума – палата, то это надолго.

Сейчас он – профессор в ЮАР, директор института. Стоит безрельсовое метро с подземным транспортом на водородном двигателе.

Им довольны.

Ушлость и артефакт

Немцы – народ аккуратный: вовремя приходят на работу и не менее вовремя её покидают. Вот и Рихард, работая в Стелленбошском университете (Южно-африканская республика), соорудил себе установку по изучению действия ультрафиолета на полимеры. Весь рабочий день он наблюдал за её работой, а ночью сидел в пивной – аппаратура работала в автоматическом режиме. Круглосуточные эксперименты принесли плоды. Графики приобрели осмысленный вид – можно создавать теорию, публиковаться и защищаться. Всё шло, как надо. Но к лету, вдруг, начались странности. Зависимости пошли в разнос. Нужно было срочно искать причины. Рихард засел в библиотеке.

Несчастный немец не учёл, что рядом работает русский. И не просто русский, а Дима. Дима приехал в Африку, полный творческих планов. Но не финансирования, ни оборудования на месте не оказалось. С трудом нашёл какой-то грант. А как его выполнять прикажете?? Довольно просто! Дима поставил недалеко от установки Рихарда стойку, на которую разместил кое-какие приборы. Ночью он являлся в лабораторию, разбирали немецкую установку, переносил к себе на стойку всё, что нужно, и монтировал аппаратуру. Затем до утра проводил необходимые эксперименты. Утром он всё своё демонтировал, собирал исходный вариант и включал ультрафиолет. Рихард пришёл – всё работает, как работало. Только результаты странноваты.

А что тут удивительного?! На то ты и ученый, чтобы отвечать на вопросы Природы! Ищи причину!

Теоретик, как неудавшийся экспериментатор

Андрей появился у нас в конце второго курса. Первым делом я поручил ему разобрать металлический вакуумный пост. Поручил, а сам удалился. Час – его нет, второй..., пошёл выяснять, в чем дело. Смотрю, Андрияша обычными плоскогубцами крутит большие гайки, которые мы затягивали вдвоём. Причём закручивает их огромным ключом с рычагом длиной в метр. Он, оказывается, не знал, в какую сторону в России гайки крутятся. Все фаски стесал, и мы потом месяц трудились, чтобы снять фланец.

Когда появился первокурсник, Андрей взялся им руководить. Учить уму – разуму.

– Сейчас мы будем паять, – заявил он молодому.

Включил паяльник и спустя какое-то время схватился за жало. Так что первокурсник на всю жизнь усвоил – ручка у паяльника там, где провод торчит.

Пришлось сделать из него теоретика.

Он был рьяным фанатом «Спартака» и не пропускал ни одной игры с участием этой команды. Хотя я вполне равнодушен к футболу, я тоже стал интересоваться результатом встречи. Нужно было знать, увижу ли я на следующий день Андрея в лаборатории и, если увижу, то, в каком виде? Одно дело пить в радости от победы, совсем – другое – с горя поражения. А то, что выпито будет немало, я как-то не сомневался.

Женский стимул аспиранта.

Как все «рыбы», Андрияша любил женщин, и женщины любили его. А эксперимент он не любил, и это было взаимно. Когда я предлагал ему что-то сделать, он никогда не отказывался. Наоборот – охотно соглашался.

– Андрей, нужна дистиллированная вода. Сходи завтра на факультет и принеси.

– Будет сделано!

Через неделю:

– Андрей, ты принес воду?

– Завтра принесу!

Через месяц:

– Андрей, где вода?

– Что Вы мне все время напоминаете?! Я знаю, что она мне нужна. Добуду я ее.

Можете быть уверены – вода так и не появилась.

Однако диссертацию делать надо, и он ваял установку. Дал я ему в помощь дипломницу. Наташа оказалась девушкой простой. Она приходила в лабораторию, доставала детектив и читала его до тех пор, пока не приходил Андрей с докладом, что аппаратура дышит – можно мерить. То, что дело пошло я понял, когда при подходе к кафедре увидел Наташу, бодро идущую к нам. Она пред собой кого-то конвоировала. Пригляделся – Андрей, согнувшись в три погибели, тащил десятилитровую бутылку с дистиллированной водой.

– Во! – подумал я ехидно, – это тебе не шефу мозги пудрить. Тут разговор короткий.

Так или иначе, но он заматерел, женился и взялся за ум. Стал почти трезвенником. Но эксцессы бывали.

Физики и химики

Однажды морская экспедиция выдалась на большом корабле. «Фаддей Беллинсгаузен» называется. Нужно было набрать отряд в 50 человек, я прихватил Андрияшу. На борту судна оказались две группы: химики, во главе со мной, и физики, возглавляемые старшим преподавателем Еленой Дмитриевной. Эта Елена Дмитриевна своих держала в строгости и всячески оберегала. Особенно от дружбы с химиками. Они ей казались исчадиями ада.

– У них у всех спирт, – говорила она, – они хлещут его без меры.

Понятно её возмущение поведением Андрияши, который принялся ухаживать за физичками (за несколькими сразу).

– Своих ему мало... Вон их сколько бродит по пароходу! Скажите ему...

Я только посмеивался, но мер не принимал.

Надо признать, что в своих взглядах на химиков она была в чем-то права. Когда она подошла к Ирине Михайловне, даме, внушавшей доверие, и поинтересовалась, что надо посмотреть в Одессе, та не задумываясь, посоветовала:

– Только что открылась пивная «Гамбринус», приятно посидеть.

– Что Вы!! – возмутилась физичка, – мы пиво не пьём!

– Так не пейте. Интерьер посмотрите. Очень забавно.

Елена Дмитриевна отошла, разочарованная в лучших чувствах.

Но окончательно убедил её разговор с нашим доцентом, пожилой дамой, которую все называли Мадам.

– Мария Сергеевна, – обратилась к ней Елена Дмитриевна – у наших девочек проблемы с желудком. Нет ли у Вас чего-нибудь дезинфицирующего?

–Только спирт!

Кончилась её борьба с пьянством так. В нижних каютах с закрытыми иллюминаторами спать было душно и многие, в том числе Елена Дмитриевна, ночевали в спальниках прямо на палубе. И вот на рассвете члены команды ходят мимо и посмеиваются: Елена Дмитриевна мирно почивала в обнимку с опустошенной пол-литрой. Кто-то пошутил, но соответствующая фотография ещё долго гуляла по физфаку.

Итак, полночь. Нам надо покидать причал и уходить в море (деньги на стоянку кончились), а Андрюша (он тогда был аспирантом) ушёл в город и не вернулся. Более того, он прихватил с собой студента-физика. То, чего больше всего боялась Елена Дмитриевна, то и случилось. Ждали мы, ждали – нет никого. Пришлось отменить выход в море, за что мне крепко попало от кэпа. Наутро являются. Молодой сразу лёг, а старшего повели к ответу.

– Шеф! – сказал Андрей – в Одессе ночью транспорт не ходит. Пришлось пробираться пешком через весь город.

– Не пешком, а ползком, – уточнил я, оглядев путешественника.

Действительно, чтобы достигнуть подобного вида, нужно по-пластунски проползти весь город, прибрежные кустарники и лиман с Куяльником.

Бедняжка! «*К дому тропку не нашла*», как утверждается в известной песне «*Шумел камыш, деревья гнулись*», произвольно всплывшей в памяти.

Хочу купаться!

Окончив аспирантуру, Андрей за короткое время сменил несколько мест работы: был старшим научным сотрудников в Академии Наук, начальником вычислительного центра и т.п. Но всё его не устраивало, и он уехал в Германию на хорошую должность. Работал химиком в мембранном центре. Стал солидным человеком. Через три года он позвонил и радостно сообщил, что он в России, в Москве, на Ленинском проспекте в Институте нефтехимического синтеза и направляется к нам на кафедру.

Прекрасно! Мы сбегали за пирожными и сели ждать. Никого! Ехать от Калужской заставы до химфака – 20 минут, ну, полчаса ждать сто одиннадцатого. Прошло несколько часов, стемнело, мы разошлись по домам. Андрей исчез.

Через год раздаётся телефонный звонок, почему-то с физфака. Говорят, к ним пришел *E-mail*, в котором некий Андрей просит сообщить телефон профессора Бекмана с химфака. Я несколько удивился (Андрей работает у меня с первого курса + аспирантура + последующее сотрудничество, все адреса у него есть), но телефон сообщил. Через некоторое время Андрюша позвонил из Германии и рассказал о своей одиссее.

Тогда в ИНХСе он встретил друзей и они, естественно, выпили за встречу. Было жарко. Пошли в Нескучный Сад в Москва-реке купаться (клоака, конечно, но что делать?). Поскольку купался он в полном костюме, то кошелек и записная книжка – уплыли. Остался только паспорт, но сильно подмок. Так что в этот день в МГУ попасть не удалось.

Вскоре надо было уезжать. В аэропорту пограничники не хотели его выпускать, мотивируя тем, что с таким документом немцы точно не впустят его в страну.

– Вы выпустите меня отсюда, а с немцами я разберусь.

Выпустили. С замириением сердца подлетал он к Гамбургу. Пошел сдаваться. Полицейский долго недоуменно рассматривал его размытый паспорт.

– Понимаете, – объяснял Андрей, – в Москве часто идут дожди, кругом лужи. Я наклонился, документ выпал и – прямо в воду. Ну, немного подмок, естественно.

– Да у вас президенты в мешках с моста в реку падают, мокнут и ничего! Это в русском стиле. Добро пожаловать!

В Россию с порядком!

Андрей у нас появился перед Новым Годом. Важный такой, весь из себя бизнесмен. Приехал организовывать международную фирму. Программисты у нас хорошие и дешевые, но жить не умеют. Да и порядка не приемлют. «Россия таровата, порядка только нет». Вот Андрей и возложил на себя миссию просветительства. Сам он окончил годовые компьютерные курсы в Германии и теперь работает в фирме СИМЕНС. Причем, как! В понедельник у дома его ждет такси, которое отвозит в аэропорт. Он летит в Бонн (все это – за счет фирмы), где работает до пятницы. В пятницу – домой. Во устроился! Из моих учеников, пожалуй, самый крутой.

Ну, помогай ему Бог.

Одно не понятно, откуда у меня сомненья в его будущем бюргерском благополучии?!

А на счёт порядка в России я спокоен: как не было, так и не будет.

Химик – писатель

Олег – весь взъерошенный, с буйными рыжими волосами появился у нас по наводке брата Андрея, да так и прижился. Он допоздна торчал в лаборатории, дожидаясь пока освобожусь от студентов и аспирантов. Тогда он усаживался напротив меня, и, широко раскрыв голубые глаза, начинал слушать разные байки. Я выдавал по две-три штуки, потом расходились по домам.

Сам он увлекался писательством. Узнали мы это так. Ирина Михайловна считала на своём компьютере, а на другом трудился Олег. Что-то не ладилось.

– Ирина Михайловна, как пишется правильно: навалил или наволил?

– Кто навалил? – удивилась Ирина Михайловна, пытаюсь сообразить, где в FORTRANе такой термин. – Что это за команда??

– Да нет, я рассказ пишу. Снег он навалил или наволил?

Рассказы у него были фантастические, впоследствии они трансформировались в сценарии компьютерных игр. Меня сильно раздражало стремление писать на незнакомые ему темы. Так, у него матросы располагались в ярко освещенной рубке. Ситуация абсолютно невозможная. На пароходе рубка – самое тёмное место. Фосфоресцирует лишь картушка компаса да карта штурмана. Если ночью в рубке включить свет, то, что увидит рулевой? Ничего! С целью воспитания пришлось его взять в экспедицию. Но он поменял тематику и снова писал о том, чего не знает.

Поражала его неграмотность. У русских всегда с грамотностью плохо, но чтобы великий русский писатель вообще не знал, ни синтаксиса, ни грамматики, это, согласитесь, нонсенс. “Есть же корректоры”, – успокаивал он меня. Но даже курсовые он исхитрился писать так, что было абсолютно непонятно, кто к кому приливался: щелочь к кислоте, или наоборот, и воду испаряли, или она сама испарялась. Корректор бессилён. Я имел занятие – исправлять тексты его статей, перевода с русского на русский.

После окончания аспирантуры, он пошел устраиваться на работу. И в заявлении с просьбой о зачислении на должность старшего научного сотрудника исхитрился сделать восемь ошибок, причём три – в одном слове. Не приняли! Вернулся в Конаково, поступил в компьютерный отдел на тепловой электростанции, стал инспектором рыбнадзора, купил моторку и браконьерничает понемногу. Нашёл себя.

Химик – танкист

Пётр в армии был танкистом. Поступив в МГУ, он менталитет сохранил и в ходе диплома широко применял армейские навыки. В отличие от своих сверстников, чахнувших за компьютером, он все умел делать. И жизнь знал хорошо. К примеру, когда на четвертом курсе у него родился сын, он недели на две исчез:

– Где пропадал?

– Учил жену кормить грудью!

– Научил?

– Да!

Он имел специальность механика, поэтому сам точил на станке детали для установки. Однако мешала рассеянность. Точа гайку, он брал на плюс, а точа болт – на минус. В результате гайка свободно надевалась на болт. Нужды в резьбе не было вовсе.

Как-то я вел занятия на третьем этаже и в перерыв спустился его проведать. Тот прилаживал к мощному прессу какой-то хилый редуктор.

– Не пойдёт! – сказал я, – тебе нужно типа такого.

Я показал на только что купленный микротом, в котором тоже был редуктор. О сказанном я пожалел, еще не преодолев второй этаж. Немедленно спустился, но было поздно: толстенная (сантиметра два в диаметре) из нержавеющей стали ось нового прибора была практически перепилена.

– А если бы я сказал, что тебе нужен кардан, то перепилил бы его у моей Вольвы?! – возопил я, и по реакции понял, конечно, перепилил бы. А что тут такого?

Пётр был очень любознательным. Особенно его занимали свойства жидкого азота. Он брал любые гибкие предметы (например, резиновые шланги), совал их в сосуд Дьюара с азотом, вынимал и изучал звучание и хрупкость. Кончилось это мощным взрывом: в порядке эксперимента Петя положил горящую сигарету на порог и плеснул на нее жидким азотом. При этом колба Дьюара вылетела из держателя и со страшным грохотом взорвалась (как телевизионная трубка). Перевязывая ему израненную осколками стекла руку, я утешил его страшным рассказом о мужике, который, стремясь избавиться от бактерий, сунул член в жидкий азот, затем неосторожно задел за угол стола, и член разлетелся вдребезги.

Игры с азотом на некоторое время прекратились.

Пётр был весьма трудолюбив. Однажды он обнаружил большой плоский деревянный ящик, разделенный внутри на множество ячеек. В ячейках располагались болты и гайки всех

типов и размеров. В полном беспорядке. Петр приостановил выполнение диплома, и месяц разбирали болты-гайки по ячейкам. Разобрал и водрузил ящик обратно на стеллаж.

...Я мирно беседовал со студентами, когда в соседней лаборатории раздался страшный грохот. Прибежав на помощь, мы увидели Петю сидящим на полу. На голову его пилоткой был одет ящик. Весь пол – усеян болтами и гайками. Полный хаос! Как оказалось, он встал на крутящуюся табуретку, высоко поднял руки над головой, потянул ящик, забыв, что на стеллаже полок, как таковых, нет. Есть только направляющие уголки. Тяжёлый ящик полетел вниз, попал акkurat в голову ишиб болезного с табуретки. Но главное не в этом. Бог с ними – с болтами, они отродясь в порядке не хранились. Самое страшное, что дипломник в ящике, пролетая над новой высокотемпературной печью, снес платиновую термопару. Теперь она, разбитая в клочья, валялась рядом. И что ужасно: печь принадлежала Таисии Ивановне.

Пётр пошёл сдаваться. Мы притаились за углом, ожидая его возвращения с синяком под глазом. Но обошлось! Тая была сурова, но справедлива. Простила трудолюбца.

Но дела с керамикой с тех пор у нас не заладились.

Коварная буква

Однажды студентов-радиохимиков отправили на картошку. И меня вместе с ними, как куратора второго курса. Для облагораживания, к нам присоединили отряд девиц с аналитики. Весь сентябрь месили мы грязь в окрестностях Бородинского поля. Шли дожди, ребята уставали, но отношения постепенно налаживались. Однажды, в учительскую, где я ночевал, постучали. Явились студентки с претензией:

– Женя матом ругается...

«Возможно!» – подумал я, поскольку давно на мат не реагирую и новаций в лексике не замечаю. Надо проверить.

Пару дней я прислушивался к его речи. Действительно – мат через слово, причём абсолютное предпочтение отдается существительному из трёх букв. Не хорошо!

Вызвал его к себе:

Девочки жалуются на твое сквернословье. Но, должен сказать, берёшься ты не за свое дело. Совершенно ругаться не можешь, мат не знаешь, а лезешь. Стыдно быть дилетантом!

– Это я матом ругаться не умею? – удивился Евгений.

– Ты, естественно! Договариваемся так: ты мне сдаешь зачёт, и ругаешься, сколько хочешь. А если нет, то нет.

– Давайте!

– Первый вопрос. Известно, что на каждую букву русского алфавита можно подобрать три матерных слова (как минимум!). Первой у нас идет буква А. Заданье: назови три матерных слова на А.

Женя открыл было рот, но захлопал глазами, поскреб затылок и тихо удалился. Жалобы прекратились.

Прошло три года, в лаборатории возник Евгений и записался на диплом. На банкете после защиты он страдальчески посмотрел на меня и сказал:

– Шеф! Приношу покаяние. Вовсе не так сильно люблю я радиохимию, как Вам могло показаться. Не из-за неё пришёл на кафедру. Другое меня заботит. Помните историю с матом на картошке. Все годы учебы я мучительно искал три заветных матерных слова на букву А. Чего только не перепробовал: альфонс, антихрист, анафема, авантюрист, акрида, алкаш, амбал, амеба, аспид. Всё не то! Мат же не для детей и женщин. А эти слова при них употребимы. Даже научно-блатное: *Ангидрит твою мать!*

Полный абзац!

– Матерные заботы пошли тебе на пользу – МГУ окончил, диплом защитил. Сделаешь кандидатскую – скажу слова волшебные.

А про себя подумал: всё-то ты знаешь и всё – не точно. Привык по верхам скользить. А то бы начал с основ – открыл словарь Даля и узнал, что никаких русских слов на букву «А» не существует (кроме Ах! и Ау!). Нет, стало быть, и мата.

Только зря на радиохимию жизнь тратишь!

Нужное учреждение

Живу я на улице Лестева. К метро бегу мимо большого бетонного забора с надписью на воротах: Челюстно-лицевой госпиталь. Долго я не реагировал на этот культурный центр, пока не обнаружил огромную популярность его у студентов МГУ.

Алик внешне не отличался особым здоровьем, хотя уже тогда был известным водолазом. Химией он не интересовался, учился не по любви, а по обязанности. Но пострадал как раз за учёбу. Неизвестно почему, но однажды возникла у него идея подготовиться к зачёту. В комнату общежития он вошёл полный решимости открыть, наконец, учебник. А в блоке – дым

коромыслом: кто выпивает, кто закусывает, а остальные смотрят хоккей. Телевизор орёт во всю мощь. Алик решительно подошел к нему и выключил.

– В морду хочешь? – осведомился болельщик.

–Хочу! – отвечал Алик.

Болельщик, не вставая, врезал ему и снова включил телевизор. А Алика положили в госпиталь на Лестева. Поближе к шефу.

Дима был каратистом. Заниматься этим делом он начал ещё в школе и активно продолжил в МГУ. У него уже был коричневый пояс, когда со второго курса его забрали в армию. Два года он спокойно прослужил, давая уроки комсоставу. Возвращался домой, стоял на платформе, в ожидании электрички. Тут его поманил пальцем какой-то пьяный мужик. Дима подошёл. Мужик сжал кулак, описал им окружность (чуть не задев за землю) и вдарил Диме в челюсть. (Недаром я к карате относился всегда скептически. В драке всё решает настрой. Да и не годится японская премудрость к российской действительности). Отвезли его, естественно, на Лестева. То же к шефу отправили. Навещать учеников удобно.

Потом я неоднократно убеждался в широкой известности нашей неприметной улицы в рядах выпускников МГУ. Полезное учреждение, однако.

Выбор невесты

Алик так занимательно рассказывал о подводном спорте, что я не выдержал и поехал на Белое море. Дело было в январе. В Москве морозы стояли страшные (рекорд столетия). С троллейбусов краска осыпалась. В поезде тоже было холодно: двери вагонов не запирались, дуло и угольных печек не хватало. Я сидел по уши завернутый в спальник и смотрел в окно. Мелькали занесенные снегом станции без каких-либо признаков жизни. Но кто-то там всё же существовал. Вдоль каждой платформы, во всю её длину, шла свежевыврытая в снеге тропинка, вернее – траншея с вертикальными боками, глубиной по пояс человека и шириной 40 см. От края платформы со стороны рельсов она отстояла метра на полтора. Нетронутая поверхность разделительной полосы свидетельствовала, что никто из вагона не десантировался. А жаль, интересно было посмотреть на маневры приездего. Желающих не было. Никаких следов. Только траншея на платформе.

Белое безмолвие...

Темнело, мы пили чай–водку и беседовали. Офицеры травили байки про службу, горнолыжники обсуждали новую трассу в Кандалакше. Я помалкивал.

– А Вы зачем на Севера? – спросили меня, наконец.

– Купаться! – ответил я машинально.

И только в наступившей тишине, пахнувшей безумием, понял странность своих намерений. Вроде ничто не располагает к купанью: ни мороз, ни вьюга, ни налетающая полярная ночь. Но раз чего решил...

Купаться хотели и некоторые другие пассажиры, их я слегка знал, парни-студенты с биофака МГУ, и одна девушка – Вера – сотрудник ДОСААФа. Всех их пригласил Алик на зимние погружения. Выгрузившись в Кандалакше, мы составили московский отряд. День провели в отладке оборудования: клеили гидры, чинили клапана, забивали акваланги. Утром (хотел сказать – на рассвете, но стояла чёрная ночь) надели валенок на винт снегохода и с десятой попытки завели его. Экспедиция торжественно тронулась в путь. Мы шли на лыжах, а груз ехал на снегоходе. Но не долго. Сани задела торос, и мотор заглох. Пришлось одним изображать упряжку, другим – вьючных лошадей. Надел я акваланг (24 кг, между прочим), рюкзак с вещами и побрёл вперёд. Мела поземка, мороз выше 30, но среди снегов попадались обширные разводья морской воды. После прохождения таких участков лыжи обволакивались снегом и тормозили. Не менее противными были трещины во льдах, куда так и тянуло нырнуть. Торосы – не подарок. У кое-кого стали ломаться лыжи. Шли мы, как Седовцы, с усов и бровей свисали сосульки. Изредка Алик останавливался, доставал метровой длины подзорную трубу и вглядывался вдаль. Что уж он видел в кромешной ночи, не знаю, но через некоторое время отряд возобновлял движение. На пятый час пути выбились из сил. Оставили двоих сторожить сани, скинули им акваланги, а сами, менее груженные, пошли дальше. Казалось, ледовой пустыне не будет конца. Но вот в проблесках слегка приподнявшегося над снежной поверхностью солнца, увидели скалистый островок с домиком на нём. Зимник!

Пару раз, смотавшись взад-вперед, мы перетасили весь груз к острову. Затопили буржуйку и стали греться. Кстати, зимник оказался вовсе не зимником, а дощатым летним домиком для зрителей птичьего заповедника. Но мы были счастливы. Трещал мороз, шуршало огромное, во всё небо – Северное Сиянье. Стало светло, как днём.

На следующий день принялись за полярную. Непростое это дело: толщина льда – около метра, да ещё снег. Пробуравили дырку (ударил фонтан воды), просунули пилу для продольной пилки брёвен и начали пилить. Вот пропилили по всему периметру. А дальше что? Вырезанная льдина весит не один десяток тонн, не вынешь. Созвали народ и начали по команде всем отрядом прыгать на неё. В конце концов, один край льдины затонул, его подсунули под лед, и образовалась

дыра, доступная для купанья. Мы и сами накупались, одежда превратилась в панцирь, пришлось в зимнике оттаивать.

На следующий день надели тёплое белье (хотел натянуть телогрейку, но не дали) и приступили к облачению в гидрокостюмы. О! Это целый ритуал. Двое берутся за края гидры и, встряхивая, закидывают тебя в резиновый мешок. Потом закатывают манжеты, застегивают пояс со свинцовым грузом, надевают акваланг, маску, ласты, суют в зубы трубку и шлепают по задку: Пошёл! Попробуйте в таком виде спуститься со скалы и добраться до полыньи. Я на вас посмотрю! В сильный мороз, к тому же. У одного из водолазов от холода лопнула трубка на акваланге. А в баллоне 250 –атмосфер. Бедолага превратился в ракету и заскользил по льду. Еле поймали.

Но вот я стою на краю полыньи. Меня привязывают к концу, напоминают сколько раз дернуть, когда соберусь обратно, и сталкивают спиной в воду. Пучина затягивает. Через секунду оказываюсь в другом мире, в другой цивилизации. В метре надо мной – снег и пурга, а здесь довольно тепло (-20°C – всё не -35°C). В школе учили, что вода не может охлаждаться до температур ниже +4°C, но там речь шла о пресной воде, а солёная, так вполне может. Главное, в море – бурная жизнь: плывёшь в тропическом лесу из водорослей всех видов и размеров, на камнях – огромные красные звезды, ракушки, морские ежи. Все это шевелится, занято делом и не подозревает о холоде-морозе, из которого ты явился. Рыбы, то в одиночку, то стайкой подплывают на свет фонаря. Некоторые замирают и пялятся мне в маску. Медуза – вся из длинных фиолетовых волос, как русалка, зовет в пучину. Среди скал проблескивают друзья аметистов. Растут целые сады цветов. Вот рыбка нырнула в один из них, лепестки тут же замкнулись и сжевали болезную. Не цветок это вовсе, а Актиния, хищник известный.

Красота, ребята, неопишная! Недаром Садко из моря-океана не хотел возвращаться.

Смотрел я на чудеса, раскрыв рот. А зря! Загубник выскользнул, я выдохнул воздух и стремительно полетел вниз вдоль обрыва. Фонарь немедленно погас. Темно! Акваланг я надел впервые, но инструкцию читал. Там сказано, что с аквалангом можно погибнуть в собственной ванне. Тот самый случай! Только здесь до дна сто метров. Это, впрочем, не важно, с аквалангом запрещено нырять глубже 20. Я продолжал падать, уши заложил, где-то в носу появилась резкая боль. Организм требовал кислорода, но вдохнуть я не мог.

Я бросил фонарь и стал обеими руками шарить по себе. Наконец, нашёл где-то за спиной шланг и попытался засунуть его в рот. Это долго не удавалось, но жить захочешь – засунешь. Власть наглотаившись рассола, я вдохнул воздух и задышал. Жизнь стала возвращаться. Я почувствовал своё тело и обнаружил его в дискомфорте. Гидра протекла, причём с разных сторон. Холодная вода проникла под шерстяное белье и начала растекаться по телу. Так себе удовольствие. Купаться сразу расхотелось. Пора возвращаться домой.

Попытка узнать опускаюсь ли я или всплываю, успехом не увенчалась. Состояние полной невесомости: я мог лежать, стоять на голове, кувыркаться – на организме это не отражалось. А внешнего мира не было. Как вы думаете: что видно в полярную ночь подо льдом на глубине с десяток метров. Ничего! Уверяю вас. Лучше плавать с закрытыми глазами, чтоб не отвлекаться.

Я вдохнул полную грудь воздуха (7000 кубиков лёгких, не зря год работал стеклодувом) и полетел вверх. То, что это именно так, понял, когда с размаху треснулся головой об лёд. Всплыл! И что? Отлив далеко отнёс меня от полыньи. Где же выход? Куда нам плыть? Неизвестно! Я попытался выбрать канат, чтобы натянуть его, узнать направление домой и подтянуться. Но канат свободно болтался. Видимо наверху страхующий увлёкся чем-то более интересным, чем моя судьба. На аварийные сигналы тоже никто не реагировал. Я не знал, насколько хватает воздуха в акваланге, но время шло, запасы явно шли к концу. Отчаянно затряс канат. Тот, наконец, проснулся, натянулся и потащил вперёд. Бац! Тело мое вцепилось в льдину нашей полыньи. Она была наклонена, вот в зазор между льдами я и влетел. Канат, привязанный к поясу, заклинивал центральную часть тела в щель между льдами. И чем сильнее мужики тащили канат, тем сильнее я заклинивался. Дело осложнялось тем, что я на правую руку намотал конец, и теперь она была далеко от туловища. Пользы от нее не ожидалось. Пришлось левой рукой добираться до ножа, висевшего на правом бедре. Каким-то чудом я вывернул нож (он крепится на резьбе) и перерезал канат. Очень рискованное мероприятие, категорически запрещённое в водолажном деле. Если кончик выскочит из рук, страхующие наверху могут только помянуть тебя за упокой души. Но не сидеть же в щели вечно. Я освободил от давления пояничную часть, перехватил канат другой рукой, обполз льдину и вынырнул.

Мое купание снимали на кино. Потом в Москве я его видел. Сцена такая: полынья, воды не видно, поверхность моря успела вновь покрыться льдом. Я ломаю этот лёд и вылетаю на поверхность. Морда вся в крови (порезался о льдинки), сопли текут. Алик наклоняется с криком:

– Шеф, правда, здорово!

– Да! – подтверждаю я, поднимая большой палец и исчезая в воде. Но тут меня уже выдергивают, как сома.

Теперь настало время нырять Вере. Ей, как положено, надели свинцовый пояс из восьми грузов и скинули в воду. А она не тонет. Гидра надулась, как дирижабль, и дрейфует по полынье.

– Обжимайся, обжимайся! – кричат болельщики. Вера вроде отжимается, но толку – ноль.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Вытащили её наверх, надели второй пояс и снова скинули. Эффект тот же – не тонет, хоть плачь.

Третий пояс. Тут Вера, наконец, удачно обжалась и занырнула. Все так увлеклись процессом топления дамы, что забыли про канат. Бухта начала резво разворачиваться. Хорошо в последний момент ухватили за кончик, а то – прощай подруга. Сразу начали выбирать канат и поднимать Веру: с такой скоростью погружаться нельзя. И правильно, когда даму выудили, у неё из уха шла кровь – порвалась барабанная перепонка.

Веру отнесли в зимник и слегка обсушили. К нашему удивлению, она быстро оклемалась, протерла ухо спиртом, и, морщась от боли, вновь направилась к польньё. На этот раз на неё сразу надели три пояса, она легко обжалась и снова камнем пошла на дно. Вновь страшущий упустил этот момент, и снова аврал по выборке конца. У Веры кровь шла уже из второго уха. За день порвали девушке обе перепонки. Серьезная травма водолаза – брак начальника.

Пришлось Алику на ней жениться.

Максимум возможного

Перед Новым Годом Люся – куратор первого курса – привела к нам в лабораторию небольшого кареглазого парнишку с высоким лбом и сугубо не славянской фамилией. Я предложил ему на выбор несколько тем, но он отказался. Ему хотелось заниматься квантовой химией. Такого у меня не было, и мы разошлись.

Через некоторое время случился договор, в котором был квантово-механический раздел. Я вспомнил о студенте и пошел к Люсе.

– Могу дать курсовую Рабиновичу. Найдите его, пожалуйста.

Люся впала в глубокую задумчивость, затем сказала:

– Максимум, что у нас есть, это Абрамович...

– О! Годится!

Толковый

Однажды пришлось принимать зачёт по курсу: «Метод радиоактивных индикаторов в химии» у незнакомой группы. Я их не знал, они – меня. Возможно поэтому, молодой человек, протягивая билет и зачётку, представился:

– Студент Попов. Я – толковый!

– Очень приятно! Учту!

Начали с задачи. Посмотрел листочки – до решения далеко. Попросил изложить суть.

– Можно я буду рассуждать логически?

– Можно! – слиберальничал я.

– Рассуждая логически, вероятность рассеяния электрона на протоне равна девятнадцати.

– Это – вряд ли, – отвечал я, не задумываясь. – Вероятность больше единицы не бывает.

– Не может быть! – удивился он, – ведь формальная логика говорит...

– У Вас, видимо, своя формальная логика. К действительности она имеет косвенное отношение. Переходите к первому вопросу.

– Принцип работы счётчика Гейгера-Мюллера.

– Валяйте!

Дело пошло, но туго. Сказав фразу, он намертво замолчал и молчал, пока я не задавал наводящего вопроса. Выглядело это так:

– Студент (эпически). Летит гамма-квант.

– Экзаменатор. Ну и что?

– Встречает стенку счётчика.

– Ну и что?

– Выбивает электрон.

– Ну и что?

– Электрон ионизирует газ в счётчике.

– Ну и что?

– Возникшие электроны движутся к аноду, а ионы – к катоду.

– Ну и что?

– Электрон достигает нити счётчика.

– Ну и что?

Тут Толковый впал в глубокую задумчивость. Действительно, одно дело лететь в газе, другое – встретить препятствие в виде металла. Металл же твёрдый.

– Электрон прилипает!

– К кому?

– К нити.

– Хорошо, – у меня уже появился интерес, – ну а остальные электроны, их же много?

– А они прилипают друг другу. Представляете, как гроздь винограда. Так и свисают с проволоки, гроздь за гроздью.

Мужик, конечно, обладал художественным мышлением, и логика у него была неординарная. Но с зачёта пришлось выгнать. Что делать? Электрон к электрону не липнет.

На пересдаче ему попался вопрос о строении атома. С трудом мы выяснили, что атом в основном – пустой (Диаметр ядра измеряется ферми (10^{-13} см), а диаметр атома ангстремами (10^{-8} см). Электроны крутятся на расстоянии на пять порядков больше, чем диаметр ядра.

– А что находится между электронами и ядром? – поинтересовался я.

– Как что?! Воздух!

Три дипломника

Шефом я стал довольно рано – на четвертом курсе. Уже тогда со мной работали студенты младших курсов, выполняя курсовые. Поэтому, когда на второй год после окончания Университета у меня появилась великолепная тройка дипломников, я был старым и умудренным опытом руководителем.

Тройка была странной. Молодой, длинный и здоровый, всегда скалящийся в улыбке зубы Александр, москвич, поступивший в МГУ прямо со школьной скамьи, ярый целинник-строитель; маленький, крепкий флегматичный Валера, из Брянска, успевший пару лет поработать до поступления в МГУ; и Нора – крупная полная дама, с вечернего отделения, на три года старше меня.

Несмотря на смешанный состав, работали мы дружно. По принципу – вы мне диссертацию, я вам – диплом. Валера хорошо и охотно рассказывал байки. Он обожал афоризмы. Мог резко тормознуть разговор и, подняв палец, назидательно сказать: *«Великий сказал: умей жить в пути»*. Он написал на диаграммной ленте тезисы и развесил их по стенам лаборатории. Там было что-то типа: *«Ни дня без эксперимента века!»* или *«Нас трое было, но настроя не было»* и т.п. Они гармонировали с высказываниями на кафедре (КБ: *«Работать надо тогда, когда не работать уже невозможно»* и я: *«У меня тоже есть мнение и я, иногда, к нему прислушиваюсь»*). Он занимался автордиографией, т.е. кропотливым делом, связанным с большой аккуратностью и дотошностью. Причём самым трудоёмким вариантом – толстослойной автордиографией требующей собственноручного изготовления фотослоя, но не на стекле, а непосредственно на меченном радионуклидом образце. Но главная трудность была не в самой фотографии, а в начальнике лаборатории Иване Ивановиче – зануде и педанте. У него даже гвоздь, на который вешается ключ от комнаты, и то был покрыт специальной трубочкой, чтоб не пораниться. Поражало наличие трёх типов половых тряпок, каждая из которых висела на собственном гвозде. И не дай Бог перепутать их назначение. Я уж не говорю о ванночках с проявителем и фиксажем: спутаешь – иди увольняться. Просроченную фотобумагу он никогда не выкидывал, а аккуратно нарезал на тонкие полоски. Для записок. *«Приходишь к другу, а его нет. Оставляешь в двери записку»*, – поучал он меня. *«Зачем же я к нему попрусь, ежели его дома нет?!»* – искренне удивлялся я. Короче, автордиографию я всегда считал полезным методом (глазом видишь, что происходит), но работать с ИИ не мог. Пришлось послать Валеру. И хорошо получилось.

Саня был экспериментатором. Экспериментировал он с помощью своего дяди, который заведовал механическими мастерскими в каком-то крупном ящике. В результате удалось изготовить в металле первую установку по изучению диффузии и проницаемости радиоактивных газов сквозь плёнки и мембраны. (Не случайно он потом стал главой фирмы по производству мембранных модулей для аппаратов «горного воздуха»). Установка была полностью автоматизирована, что в те времена было редкостью. Включив её, Саня удалялся на факультет. Спустившись из практикума, я часто обнаруживал полный отказ автоматики и дым из аппаратуры. Тогда отправлялся на поиски дипломника. Обычно он сидел на ступеньках боковой лестницы химфака (курилка), где, собрав молодежь, хвастался преимуществами автоматизации.

Нора была флегматичной дамой, но склонной к истерике. Разозлившись, она хлопала дверцей самописца, и тогда пред ней начинала колебаться бутылочка с валерьянкой, заранее повешенная на ключ заботливым ВН.

...Идёт Нора по коридору и громко плачет. Навстречу ей КБ.

– Нора! Что случилось? Плохо с мамой?

Нора отрицательно качает головой, заливаясь в три ручья.

– Вас ограбили?

– Нет! Андрей Ефимович дырку не сверлит..., - доносилось сквозь рыдания.

Это начальник мастерской отказался просверлить дырку в диффузионной ячейке. Приходилось наливать четвертинку спирта (токарю, а не Норе) и улаживать конфликт.

Итог такой: всего дипломников у меня 43 штуки, а дама одна – Нора.

Как стать полковником?

Миша был маленьким, шушлым, подвижным. В очках с большими диоптриями, так что когда рассматривал образцы, казалось что что-то вынюхивает. Отличался непосредственностью и непосредственностью. Как-то жена моя случайно услышала наш разговор:

– Шеф! Вечно вы чушь городите! – объяснял он мне.

И устроила мне за это большую выволочку (она тоже преподавала в ВУЗе и имела представление, как обращаться со студентами) за панибратство.

Он обожал нестандартные эксперименты. Помнится, мы долго отлавливали таракана, омедняли его, а потом серебрили. Тема такая – отжиг дефектов в металле. Слегка увлеклся теорией. Причём, ничего не читая, регулярно изобретал велосипеды. Так, однажды он предложил способ решения дифференциального уравнения, который при ближайшем рассмотрении оказался доморощенной версией операционного исчисления. Жаль, что Лаплас предложил свое преобразование 150 лет назад, а то схлопотал бы студент Нобелевку.

Вечером, уходя домой, он наставлял меня:

– Дома переведите статьи по ксенону в меди, сделайте реферат и предложите теорию по механизму диффузии.

Утром влетал в лабораторию, и ещё не видя меня, но, ощущая мое присутствие, начинал:

– Вы вывели формулу?

– Да, методом функций Грина....

– Так выкиньте всё вон в ту коробочку. Мусорное ведро называется.

– Но Эйнштейн...

– Ха! Вы бы ещё Архимеда вспомнили!

Авторитетов для него не существовало.

Может быть поэтому он сам стал авторитетом. Нет! Не уголовным и не научным. Он стал полковником.

При редких встречах отдаю честь.

Живое время

В курсовой по теме «Категории пространства и времени в физике» читаю: «Время – живое, потому что бежит!»

Конформист

Вова ныне солидный профессор. Но на первом курсе он был весьма подвижен – прямо ртуть какая-то. Играл на саксофоне, фанатично занимался баскетболом, был хроническим комиссаром стройотрядов. И пробивался по жизни, ибо, если ты из Сыктывкара (*Сыктывкар ? – Это где-то в Сибири - сказала моя подруга*), то рассчитывать приходится лишь на себя. Довольно быстро он достиг карьерных высот, причем, уважая меня, как шефа, периодически акцентировал свое превосходство. Так, он вступил в партию и сразу стал качественнее меня. После перестройки он поинтересовался крещенный ли я:

– Нет! – отвечал я.

– А я – крещённый, с гордостью сказал он. Недавно был на конференции в Смоленске, там, в монастыре и крестился.

Вот и получается: он партийный крещенный, а я беспартийный некрещенный. Человек второго сорта.

Искусственный человек

Мы вернулись в лабораторию после обеда.

– Шеф! Записка от молодого, – объявила Ирина Михайловна.

– Ну!

– Изобрёл искусственного человека. Тчк. Мир содрогнется! Воскл. зн.

– Уже содрогнулся?

– Пока, вроде, нет.

– Тогда время ещё есть...

Пришлось разбираться с созданием на мембранной основе человека. Идеи были перспективными, но человек так и не получился. Зато удалось переработать говно в конфетку. Поскольку говно – человечье, то изобретенье приобрело явно гуманитарную окраску.

Сам себе враг

Одно время в МГУ был большой конкурс. Нужно было как-то отсеивать претендентов. Экзаменаторы чего только не придумывали: каверзные вопросы, ловушки, запугиванья и т.п. Одно: «Чему равен угол в квадрате?» чего стоит! А я обходился без выкрутасов. Помолчи – и абитуриент сам себя потопит.

Делается это так.

Абитуриент, достает билет и начинает отвечать на первый вопрос. Рассказывает, рассказывает. Наконец, останавливается и смотрит на мою реакцию. Реакции никакой, одно лишь ожидание чего-то нового. Абитуриент начинает второй заход на том же поле. Чувствуя, что им недовольны (иначе бы сочувственно кивали, потом остановили и предложили перейти к следующему вопросу), он забирает шире и глубже, пытаясь вспомнить напутствия репетитора. Молча слушаю. Вот, наконец, абитуриент сделал ошибку. Причем не просто ошибку, а ошибку в школьной программе, в основном материале. Я просыпаюсь и уточняю:

– Вы так считаете? Напишите это, пожалуйста, на своём листе.

Тот записывает свое утверждение. Я достаю толстый красный карандаш, трижды подчеркиваю написанное, и на полях в скобках ставлю жирный минус.

– Продолжайте, – говорю я, как ни в чём не бывало.

Абитуриент продолжает, но «минус» его волнует. Чтобы реабилитировать себя, он берёт еще шире и еще глубже. Школьная программа осталась в стороне, мы давно уже в зоне вузовских учебников. Я слушаю, не перебивая и не задавая никаких вопросов (Не только каких-то сложных, призванных срезать бедолагу, вообще никаких. Зачем?! Любой вопрос – повод к апелляции. Причём, если вопрос не по программе, то апелляция будет удовлетворена. Мне это надо?). Я просто молчу и слушаю. Вот он заврался и опять демонстрирует незнание базовых вещей. Я снова прошу его записать, снова беру красный карандаш, снова подчеркиваю и ставлю минус. Довольно скоро минусов становится четыре штуки. Можно прекратить экзамен.

Я беру листы и рассматриваю их с абитуриентом. Он сам понимает глубину провала. Каждый минус – снижение оценки на балл. Результат – кол. Но поскольку такой оценки нет, то – твёрдый неуд. Впрочем, я человек не злой, ни себе, ни ему неприятностей не хочу. Поэтому, ставлю удовлетворительно!

Ожидавший худшего, абитуриент подскакивает от радости, благодарит и исчезает. О жалобе в комиссию не может быть и речи: ознакомившись с его творчеством, любая комиссия тут же сменит тройку на двойку. Он доволен, что может ещё продолжать сдавать и гостить в Москве, и я доволен: без всяких хлопот, каверз и скандалов-разборок не допустил слабого претендента в МГУ (при большом конкурсе с тройкой ему не пройти).

Да и зачем нам слабонервные?!

Пьянству – бой

Раньше вступительный экзамен на все факультеты МГУ по химии был устным. На парте сидят трое. В центре – абитуриент, по краям – экзаменаторы. С одним парнем с кафедры ВМС, тоже ассистентом, мы организовали экзаменационный тандем и переходили с факультета на факультет. Добрались до химфака. Села к нам девушка и с места в карьер что-то затараторила. Я, естественно, не слушаю – думаю о своем. Наконец она кончила и вопросительно посмотрела на нас. Я взял билет, покрутил его и говорю:

– Здесь просят рассказать о физических и химических свойствах спирта. Вы же ограничились химическими. А что вы можете сказать о его физических свойствах?

– Спирт – тяжёлая жидкость, без цвета, запаха и вкуса.

Мы с напарником слетели с парты. Поднимаясь из прохода, я медленно приходил в себя.

– Ну, насчёт тяжёлой – это Вы загнули. Конечно, когда тащишь с факультета в корпус радиохимии бутылку с десятью литрами спирта, то это тяжело. Но все же спирт – жидкость не тяжёлая. Это Вы зря. Спирт – не ртуть! А вот насчёт бесцветной – это Вы в самую точку. Действительно – спирт жидкость бесцветная. Тут не поспоришь. Самое ценное в Вашем ответе – это запах. Совершенно верно, чистый концентрированный спирт почти не пахнет. В отличие от растворов, например, водочных. Но скажите, пожалуйста, почему же спирт без вкуса?!

– Не знаю, мне так кажется.

– А вы пробовали сами когда-нибудь спирт, хотя бы в виде водки?

Тут она оглядела нас покровительственно, подняла руку и торжественно поклялась:

– В моём доме никогда не было, нет, и никогда не будет водки!

Мы пришли в восторг, схватились за ручки, подтянули ведомость и записали «отлично». Такие люди нам нужны! С подобным мировоззрением на всём химфаке, пожалуй, ни одного не встретишь. Редкий экземпляр. Нужно брать. Для генетики и улучшения химической породы.

Потом я случайно узнал, что она не попала в МГУ: срезалась на сочинении.

Жаль! Очень жаль!

Дискотека

За что только не выгоняли из комсомола!

Однажды отправили студентов МГУ убирать урожай винограда в Гудауту. Днями трудились, загорали и жрали виноград, а вечерами лечили понос и ходили на дискотеку. Поди, плохо?! Но скучновато все же...

Юный натуралист, Петя, нашел ужа, принес в общежитие, напоил молоком. Вечером засунул его под рубаху и пошёл на танцы.

Ну, ночь, луна, тепло, цикады поют. Обнял Петя даму и растворился в танго. Тут, змея выползает из-за уха и целует подругу в губы. Та глазки раскрыла – и в обморок. Упала, ударилась об асфальт, сотрясение мозга!

Уже в Москве собрали Бюро, выгнали его из комсомола, а затем из университета.

А за что? Что это за биологиня, ежели змей боится. Да и вообще ужа от гадюки отличить не в силах. Из-за каждой слабонервной вылетать из вуза?

Он, конечно, виноват: даму раздобыл, так держи, чудак, её крепко! Что она у тебя головой об пол бьётся?!

Но с другой стороны: он что, нарушил устав коммунистического союза молодежи, или не сдал зачёта по марксизму?! Причём здесь моральный облик строителя коммунизма? Где он, этот коммунизм? А Россия, может, знаменитого математика лишилась.

Теперь-то капитализм настал... Хотя весь змеями обвесься – слова никто не скажет.

Но по морде дать могут.

Удобное место

Была у нас на курсе студентка Вероника. Эффектная девушка – обычно открывала смотры художественной самодеятельности. Все знали, что она – племянница декана, поэтому с глупостями особо не приставали. С преподавателями она вела себя нагло, на лекции не ходила, учебников не читала, а практикум списывала у нас. На экзаменах она появлялась, сияя действительной невинностью, чистая, как доска. Смотрела на экзаменатора широко раскрытыми (и немного косящими на восточный манер) глазами и хлопала длинными ресницами. В результате ей все сходило с рук – три балла гарантированы.

Декан иногда вызывал её к себе и орал за закрытыми дверями – позоришь, мол, фамилию. Но и это не помогло.

Так продолжалось до третьего курса, когда нам начали читать курс квантовой механики. Читал его профессор Волькенштейн. Он же принимал экзамен. Надо сказать, что слава о нём шла, как о мужике крайне суровом: требовательным, строгим и ехидном (с чувством юмора, то есть). Выгонял с экзамена полкурса, так что многие пересдавали по три раза. Жалобы в учебную часть не помогали – был он независим и плевал на всё начальство вместе взятое. (Казалось бы, в эпоху борьбы с космополитизмом нужно быть покладистей, и если не лизать жопу начальству, то хотя бы не залупляться, так нет – лезет на рожон. Может это у евреев от того, что у них никогда не было крепостного права? В отличие от русских...).

Вероника, однако, в ситуацию не врубилась. Она протянула профессору небрежно надписанные листы и стала играть локонами.

— Знаете, Вероника! У Вас прекрасная головка! На ней удобно носить трусики!

Захлопнул зачётку и вернул ей. А в ведомость поставил «неуд».

Чем дело кончилось? Её отчислили.

Иудина статистика

Харкнул в суп, чтоб скрыть досаду

Я с ним рядом срать не сяду.

И.Бродский

– Шеф! – сказал мне однажды дотошный студент. – Любите Вы байки травить о своих учениках-последователях. Об апостолах, так сказать. Но не о всех. Вот, например, Щ. или Ш. Вы с ними работали десятилетиями. Неужели нечего вспомнить?!

– Вспомнить о шипящих как раз есть что, но смысла нет. Даже у Бога-сына из двенадцати учеников один оказался Иудой. Что ж говорить о простых смертных! У меня, например, 32 дипломника и иудина статистика очевидна: среди первых 24 – 2 Иуды. Один на дюжину. Сейчас набирается третья дюжина, третий и на подходе. Впрочем, на Иуд нельзя обижаться – именно Иуда сделал Иисуса Христом, мессией. Должен же был кто-то отправить его на казнь для доказательства жизни вечной. Кроме апостола и некому...

Но что касается рассказов о них, извини:

Вверх таких не берут

И тут

О таких не поют.

Аминь!

Профессорский климакс

Мы идеализируем объекты своей любви. Особенно – женщин. Это известно. Ещё Лукреций Кар писал в поэме «О природе вещей»: Чёрная кажется им «медуницей», грязнуха – «простушкой». Коль сероглаза она, то «Паллада сама», а худая – «козочка». Карлица – то

«грациозная кошечка», «искра». Дылду они называют «величавой», «достоинства полной». «Мило щебечет» заика для них, а немая «стыдлива». Та, что несносно трещит беспрестанно, - «огонь настоящий». «Неги изящной полна» тщедушная или больная. Самая «сладость» для них, что кашляет в смертной чахотке. Туша грудастая им – «Церрера, кормящая Вакха». Если курноса – «Силена», губаста – «лобзания сладость».

Казанова пошёл ещё дальше – он любил всех женщин без исключения. Ни рост, ни вес, ни фигура, ни цвет волос, ни интеллект, ни возраст, ни положение в обществе, ни национальность – не играли для него никакой роли. Все прекрасны! Счастливым человеком был, еже ли разобраться.

Возможно, и женщины идеализируют мужчин. В конце концов, чем рассматривать лысину, как уродство, лучше видеть в ней расширенное место для поцелуя!

Мне, однако, не повезло. Женщин я никогда не идеализировал, а наоборот, относился скептически, особенно к коллегам.

Но и у меня были объекты идеализации – студенты. В каждом первокурснике я видел талант или даже гениальность. Будущего нобелевского лауреата – спасителя человечества. В каждом находил нечто уникально-занимательное и старался это развить. Вел сквозь курсовые, дипломы, кандидатские, выводя на стратегический простор. У моих учеников недостатков не было!

Так продолжалось сорок лет. Апостолы выросли, разбрелись по свету, заматерели. Глянул я как-то на дело рук своих. Мама родная! И раскрылись у меня глаза. Прямо, как у Адама, обнаружившего Еву голой. Это что же выросло под моим чутким руководством?! Тихий ужас!

И как отрезало. Больше я со студентами не вожусь

Профессорский климакс настал.

КОЛЛЕГИ

Радиационная гигиена

Павла по окончании МГУ зачислили на должность начальника дозиметрической службы. И так случилось, что буквально на третий день работы дипломник Боря по собственной инициативе вскрыл только что пришедший с реактора контейнер и радостно притащил алюминиевые блочки на стол шефу. Тот мгновенно врубился, всё отослал назад, но было поздно. Весь Борин маршрут оказался заражен радионуклидами. Считали ручки дверей, перила лестницы, общественный телефон, всё – к чему прикоснулась Борова рука. Началась суматоха. Пока Павел всё мерил и организовывал дезактивацию, студент исчез. Слинял домой. Это было грубым промахом со стороны дозиметриста, прежде всего, полагалось измерить и отмыть виновника происшествия. Вдобавок ко всему, проведенные Павлом расчёты показали, что студент получил, как минимум, три смертельных дозы.

– В метро помрёт! – ахнули мы.

Что делать? Куда студент подевался – неизвестно, дома у него телефона нет. И корпус надо дезактивировать, пока все сотрудники не перепачкались. Павел уже собрался в погоню, но тут старшие товарищи рассчитали поглощенную дозу точнее: оказалась – мелочь. Ошибка на четыре порядка.

Боря появился спустя неделю. Как ни в чём не бывало. Павел поднес к его рукам дозиметр. Тот зашкалил. Немедленно поволокли несчастного в душевую и тщательно отмыли. Что интересно: активность с рук легко смылась. Так он что? За неделю ни разу их не мыл?! Но тут возникла другая проблема. Боря женат, активность легко сходит на всё, к чему он прикасается, так получается, что жену тоже измерять надо? И какое же у неё место считает?? Павел колебался между долгом и приличием. В конце концов, достал карманный дозиметр, вручил его Боре и велел произвести замеры любимого объекта. И еще порекомендовал отправить жену в баню.

Кризис жанра

Юра – широко известный в нашем узком кругу ученый. В те времена, когда весь МГУ считал на БЭСМ-6, он занимал все основное время факультета. Так длилось долго, и на конференции в Пушкине я специально пошёл послушать его доклад. Хотелось понять, что дало столь интенсивное использование компьютера. Тем более что Юра был председателем секции и вообще ведущим специалистом в области метода усредненного ядерного поля.

Конференция началась. Идут доклады. Юра – на председательском месте.

Чуть ли не каждый докладчик считал своим долгом во введении или в заключение доклада отметить значение метода усредненного поля для ядерного магнитного резонанса и персональный вклад в развитие этого метода Юры.

– Как показал в своей замечательной работе (следует ссылка) Юрий Семенович (кивок в сторону председателя), метод усредненного поля обеспечивает возможность получения уникальной информации о химическом строении вещества...

И далее – в том же духе.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Наконец, начинает доклад сам Юра. Ему явно не хорошо после вчерашнего, но он пытается сосредоточиться.

– Да, – говорит он, – мы много работали по развитию метода УЯП и применили его к различным системам. Но! (Задумчивая пауза) Фигня всё это! Ничего он не даёт, практически. Вот разве что в описании конденсированных высокомолекулярных сред.

Юра бросился к седьмому плакату и начал с жаром объяснять, что означают кривые и цифры.

– Впрочем, – он горестно махнул рукой, – здесь метод себя не оправдал.

Тяжело вздохнул и сел.

Следующим докладчиком был солидный лысоватый мужчина. Он долго, основательно устраивался на трибуне, потом начал по складам читать заготовленный заранее текст.

– Как наглядно продемонстрировал нам только что в своем блестящем докладе Юрий Семенович, метод усредненного ядерного поля в настоящее время является основной надеждой ядерного магнитного резонанса.

И далее по тексту.

После заседания мы слегка посмеялись над ситуацией. А зря. Через год Юра всё бросил: метод УЯП, ЯМР, МГУ, жену, квартиру, Москву и уехал работать на Камчатку в Институт вулканологии. Занялся полевой микрогеохимией.

Сейчас он – ведущий вулканолог Мексики.

Суеверие

По молодости лет, я любил аппаратуру из стекла. Она прозрачна, и хорошо видно, что в ней происходит. Но после происшествия, случившего с моим приятелем Валерием, предпочитаю нержавеющую сталь.

А дело было так.

Валерий задумал изготовить ускоритель ионов трития. Сказано – сделано, взял он в помощь двух хороших стеклодувов и принялся за дело. Трудились они где-то лет семь. Под тягой выросло грандиозное сооружение из стекла высотой метра два. Внешне оно представляло собой какое-то немислимое переплетение стеклянных труб и колб. Совершенно непонятно было, как они там оказались. Но гордостью конструкции был сепаратор ионов по энергиям. Он представлял собой изогнутый в виде полукруга сегмент, поперечное сечение которого имело вид прямоугольника. Изготовить такую вещь практически невозможно. Перепортили вагон стекла, пока сделали. Но сделали!

Смонтировав установку, Валерий приступил к её испытаниям и калибровке.

В тот злополучный день на траверсе химфака ему дорогу перебежала чёрная кошка. Он развернулся, и пошёл было домой, но внутренняя дисциплина пересилила, и он прибыл на работу. При попытке повернуть вакуумный кран тот сам собой сломался, потом отвинтилась и потерялась большая гайка. Но Валера продолжал преодолевать трудности. Он начал испытывать электромагнит. Нужно было его периодически включать и выключать. При первом же выключении, потерянная гайка, нашлась. Оказалось, что её утанул и прижал к себе этот самый магнит. Когда его выключили, магнит отпустил гайку, и она полетела вниз. При своем движении, она перебила множество патрубков и, в конце концов, вдребезги разнесла уникальный сегмент!

Валерий не выдержал удара. Он ударился в бега, затем уволился с кафедры, тихо запил и вскоре умер.

Мораль: примета – дело верное! Встретил бабу с пустыми ведрами, чёрную кошку или попа – бросай всё к чёртовой матери и иди гулять!

Или делай аппаратуру из нержавеющей стали...

Технологическая практика

После четвертого курса, летом, студенты проходили производственную практику на крупнейших химических комбинатах СССР. Преподаватели разных кафедр поочередно возглавляли группы студентов. Я ездил на Чернореченский химкомбинат в г. Дзержинск – на Оке, недалеко от Нижнего Новгорода и на огромный нефтеперерабатывающий завод (производство пластмасс) в Сумгаите, недалеко от Баку. В Сумгаите и произошла моя встреча с футбольной командой «Хазар».

В Сумгаит мы привезли довольно большую группу студентов, поэтому руководителей было двое: я и Анастасия Дмитриевна, доцент с органики, дама, намного старше меня. С ней возникли непредвиденные проблемы: одна она не могла идти ужинать в ресторан (не пускали вахтеры!), но и со мной это удавалось с трудом. В ресторан там ходят практически исключительно мужчины. А у меня, кстати, и денег не было для регулярных ресторанных посиделок. Поэтому ужинали мы дома, причем в мои обязанности входило обеспечение питьем – минеральной водой, да соками.

Вредные производства находятся довольно далеко от города. Они вытянулись вдоль берега Каспийского моря (оно плескалось где-то вдаль, так как в ту эпоху мелело и далеко отступало от

берега). Транспортная связь одна – трамвай, линия которого шла вдоль моря. Общежитие гостиничного типа находилось где-то посередине между городом и заводом. В тот день жара стояла страшная, где-то под сорок в тени. Я купил трехлитровую банку виноградного сока и поехал домой. Никакой сумки у меня не было, поэтому я заботливо обнимал одной рукой банку, а другой цеплялся за ручку трамвая, одновременно отпихиваясь от него ногой. Трамвай был набит битком, влезь в него не было никакой возможности, так что я сорок минут висел на жаре с соком под мышкой, в абсолютно некомфортных условиях.

Жили мы в трёхкомнатной квартире, одну маленькую комнату занимала Анастасия Дмитриевна, другую я, а в большой аккурат в тот день поселилась футбольная команда «Хозар» (точнее русская её часть). Придя домой, я засунул банку с соком в холодильник, принял душ, и решил погладить брюки. Утюг был электрическим, но давно перегоревшим. Поэтому я грел его на газовой плите, циркулируя между комнатой и кухней. И вот в один из циклов, решил я побаловаться сочком. Открываю холодильник, а там пустая банка. Абсолютно пустая! Я жил в общежитиях, и знаю, что многие продукты считаются как бы общими. Особенно, если душа болит. Но чтобы ничего не оставить хозяину?! Такого еще не бывало.

Я поднял глаза и увидел в дверях нечто горилообразное. Ему было смешно. Он нагло хохотал, вытирая рот. Так что вариантов не было. Я выхватил из газового пламени утюг, и всей силой, на которую был способен, треснул им обидчика по морде. К моему удивлению, он, как подкошенный, рухнул вниз. Но через него бросились двое. В дверях их заклинило, что позволило мне применить чугунную сковороду с котлетами. Не знаю почему, но сковорода была доверху заполнена кипящим маслом. Довольно эффективное оружие, доложу я вам, готов продать идею в Голливуд. Враг не прошёл. Он даже не был отброшен, а просто лёг поперёк порога и извивался в судорогах. Холодильник, не дававший двери полностью открыться, завал полутрупов, холодное (или всё же горячее?) оружие в обеих руках, и сравнительно высокий рост обеспечили мне тактическое преимущество. Команда была велика (ради справедливости, надо отметить, что азербайджанцы в драке участия не принимали, дрались только русскоязычные), у входа в кухню скопилось ополчение. Сзади, подпрыгивая как мячик, скакала Анастасия Дмитриевна и кричала, пытаясь меня вразумить:

– Игорь Николаевич, Игорь Николаевич! Вы же кандидат! Вы же кандидат химических наук!!

Можно подумать, что учёная степень мешает огреть кого надо при случае сковородой, или там утюгом, почти электрическим. Дамская логика, нам не понять... А мне, кстати, что больше делать нечего, как изводить футболистов дружественного Дагестана?!

Прибежали тренера, и разогнали команду.

На следующий день показывали футбольный матч с их участием. Больно было смотреть.

Оператору особо нравилось показывать крупным планом вратаря гостей. Душераздирающее зрелище. Сказать, что у того был синяк, значит – ничего не сказать. Третью лица было сине-фиолетовой, левый глаз не смотрел вовсе, а поперек щеки шёл волдырь в форме корабельного носа. Короче, проиграли со счётом 6:0!

Ну, что можно сказать? Хазары, как были, так и остались неразумными...

СОВМЕСТНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Дирижабль

У некоторых, на первый взгляд весьма плодотворных идей, бывает печальная судьба. Возьмите, к примеру, дирижаблестроение. Такая естественная идея – летать на том, что легче воздуха. В самолетах есть что-то патологическое, всё равно, как в летящем утюге. Нет ничего удивительного в том, что они падают и разбиваются. То ли дело – дирижабль. Легче воздуха, поэтому сам на землю падать не станет, надо ещё постараться, чтобы его приземлить. Плывет себе по небу куда надо (недаром говорят – воздухоплавание). Двигатели тянут, преодолевая встречные воздушные потоки. Расход топлива мизерный, шума мало, грузоподъемность огромная, габариты груза – любые. Зависнуть может над любой точкой, и неподвижно торчать там, хоть вечность. Никаких аэродромов не нужно. Незаменимая вещь для геологии, сельского хозяйства, скорой помощи, перевозок в отдаленные районы. Да мало ли для чего еще! Многосекционный заполненный гелием дирижабль совершенно взрывобезопасен, он не упадет даже пронзенный пулеметной очередью. Гелий дорог? Делаем вакуумный дирижабль с дюралевым корпусом. Наполнитель вообще на балансе не числится.

Сколько сил было потрачено на развитие воздухоплаванья за столетнюю историю! Сколько денег в идею ухлопано! Помните фундаментальные кирпичные здания рынка в Риге, чинно стоящие в ряд? Это – ангары для дирижаблей. Кто-то же их построил, и кто-то на этом разорился. Где же дирижабли? Вы на них катались? Нет! Как отрезало. А почему?

А потому, ребята, что ветер дует!

...Участвовал я однажды в демонстрации на Красной Площади. Всего один раз, хотя нас принуждали к этому постоянно. Я, однако, был принципиальным противником подобного мероприятия. Но в жизни все испытать надо. Один раз можно. Тем более, что тогда профоргом кафедры был радиоинженер, починивший мне накануне пересчётку. Услуга – за услугу. Я и пошёл

Дело было в ноябре. Колонна МГУ на рассвете собралась в каком-то переулке у улицы Димитрова, построилась и пошла через Каменный мост. Погода – хуже некуда: то дождь, то снег, порывы ветра. Искусственный алый цветок неизвестной этимологии на длинной проволочной ножке, которым меня наградили (лозунги несли только партийцы), завял и осыпался. Пришлось его выбросить. Тогда меня приставили к группе товарищей, конвоирующих воздушный шар. Это была гордость химфака. Черный резиновый шар диаметром шесть метров был наполнен водородом, благодаря чему он обладал повышенной подъемной способностью. Надули мы его хорошо, и при щелчке он гудел, как футбольный мяч. Упакован он был в сетку-авоську, за переплетения которой держался десяток мужчин, не давая шару взлететь раньше времени. Снизу к нему был прикреплен алый стяг, а к авоське – длинный канат. Мы предвкушали, как на Красной Площади отпустим шар, и он высоко поднимется в полной красе. Тогда-то все и увидят, на что способны химики в мирной жизни. Вон физики-филологи идут с детскими шариками, как первоклашки. А мы....

Колонна втянулась в проезд между Никольской башней и Историческим музеем. Впереди показалась Красная площадь и плотные колонны идущих по ней людей. Разделявшие колонны люди в штатском выкрикивали лозунги и здравицы, народ отвечал громким ура! Шедший рядом Вассерберг тоже провозгласил своим поставленным профессорским голосом:

- Да здравствует советский народ – вечный строитель коммунизма!

- Ура! – отвечал народ с удвоенной энергией, - Ура!

Мы были на выходе из проезда, когда раздалась команда:

- Отпускай!

Первый десяток химиков отскочил от авоськи, второй начал травить канат. Шар зашевелился и, вращаясь, масляно поблескивая, начал величественно подниматься. Перед ним, чуть ниже развернулось красное знамя. Публика уже не обращала внимания на членов ЦК, мерзнувших на трибуне, а зачарованно следила за шаром. Тот поднимался вертикально вверх, все выше и выше. Вот он достиг высоты пятидесяти метров и остановился. Полный триумф!

И тут сзади, с манежной площади, случился порыв ветра. Проезд, видать, исполнял обязанности аэродинамической трубы. Шар пошел вниз по дуге окружности. Туго натянутый канат исполнял роль радиуса. Шар отклонился влево к ГУМУ и где-то там, на расстоянии 50 метров, прямо напротив Мавзолея ударился о брусчатку. Удар был страшный, последствия – тоже. С высоты своего роста, я увидел, как по Красной площади покатались сбитые с ног ткачихи, задирая юбки и дрыгая ножками. Колонна была смята, все бросились врассыпную. Даже солдаты и люди в штатском.

Шар тем временем отскочил от земли, как теннисный мячик, и начал снова набирать высоту. Теперь в его движении было что-то угрожающее.

- Выбирай, канат, - крикнул, я, принимая командование.

Мы остервенело начали тянуть канат. Шар сопротивлялся, ему вновь удалось набрать высоту. Пусть не такую, как в первой попытке, но все же. Новый порыв ветра, отклонил шар вправо, на трибуну. К счастью, до Мавзолея он не доставал, но до трибун с почетными гостями – запросто. Удар! С лавок посыпались представители дружественных компартий. На этот раз шар не стал сразу взмывать ввысь, он двинулся вдоль трибун, сметая все лишнее. Мы выбирали канат. Наконец, шар пошел к нам. Он тянулся, руша охрану и загородки. На кромке трибун он удалил с поверхности Земли телевизионщиков с их треногами и аппаратурой. Мат, визги, бой стекла.

Шар в третий раз начал набирать высоту. На этот раз мы не дали ему разгуляться, он завис на высоте какого-то трехэтажного дома. Опять порыв! Шар пошел вертикально вниз. Прямо на нас. Никогда бы не подумал, что уважающее себя тело легче воздуха способно падать с таким ускорением. Больше, чем у утюга, подброшенного вверх! Я отскочил в сторону, роняя экономисток. Шар ударился о землю и я, как лев, бросился на него, крепко вцепившись в переплет авоськи. Шар оторвал меня от земли. Свершилось! Я стал воздухоплателем. Я уже живо представил, как в низких облаках проношусь мимо Ивана Великого, когда друзья-радиохимики последовали моему примеру и кинулись на шар. Шар обладал большой грузоподъемностью, но тонны ему не поднять. Он покорился.

Мы выправили ряды и, скромно, держась за понурого бегемота (будто и не химики мы вовсе), пошли вперед, держа равнение на Мавзолей. Миновали Брежнева, когда я обратил внимание на повреждения оболочки. Не иначе, как какой-нибудь кинокорреспондент порезал шар осколками своей дурной камеры. Водород начал выходить.

- Да, похоже, мы проявим себя больше, чем надо, - думал я огорченно. - Войдём в историю. Мы же – в облаке гремучего газа! Не дай Бог, кто закурит, взлетим на воздух. Фейерверк будет знатным. Кто жив останется, сядет на всю жизнь. За терроризм!

Вот там, сидя на ступенях Балчуга и аккуратно складывая оболочку, я понял: дирижабль – замечательная вещь. Он найдет широчайшее применение.

Если ветра не будет!

Диссертационный риск

Защита диссертации – дело серьёзное. К ней готовятся долго. Мало того, что нужно написать большой талмуд, надо заставить его прочитать трёх-четырёх товарищей, называющихся оппонентами. Но главное – сама защита. Это спектакль, идущий с листа. Сыграешь, как по нотам, – иди со спокойной душой на банкет. А нет, так нет.

Процесс защиты отполирован множеством соискателей, но бывают накладки.

Завлаб Ролев внял, наконец, уговорам молодых сотрудников и декана и решил на старости лет защитить докторскую. В научном мире он был человек известный, на защиту подтянулись люди солидные: профессора, пара академиков, представитель ВАКа, ну и партком в полном составе. Совет, кряхтя, рассаживается; в аудитории суeta – молодежь вешает плакаты. Их много – соискатель провёл в науке жизнь долгую. Для экономии места они склеены по три и представляют собой длинные полотнища. Вешают под потолок, нижняя часть почти касается пола. А потолки высокие. Попытка построить пирамиду из парт не удалась. Тогда активный мнс Серега, сделав пару оборотов по факультету, раздобыл стремянку. Поставил её и, несмотря на тучность и вес, полез вверх. Достигнув плафонов, он перегнулся вниз, принимая плакат. В этот момент лестница отделилась от стены, и как стрелка часов, пошла делать оборот. Острием стрелки и был Серега. Стрелка описала окружность и Серега, сохраняя гордую осанку, аккуратно попал глазом по краю парты. Ну, ахи–охи, приложили мокрое полотенце, все расселись, и защита началась.

Шла она долго: известно, что учёные поговорить любят. Наконец, пошла свободная дискуссия. Выступают солидные люди: и говорят, говорят. Сереге что-то не понравилось в их речах. Он вскочил. Бросился к доске. Стал писать формулы, разясняя идею шефа.

– Во! – думали собравшиеся – Старик, видать в маразме, сам объяснить не может – молокососа выставил.

В этот момент Серега обернулся и посмотрел в зал.

Перед изумленной аудиторией предстал бандит с большой дороги. Сам взъерошен, галстук в сторону, глаз подбит. Редкая – сине-зелёно-фиолетово-чёрная – гамма. Левый глаз, широко открытый, радостно сиял, правый – в виде щелки, тихо слезился.

– На левшу нарвался!

Сначала прыснули смешливые аспирантки, потом все остальные. Серёга пытался перекрыть хохот серьёзными речами, но куда там. Наконец, председатель утер слезы и сказал:

– Все, защита закончена, переходим к голосованию.

Сергею влетело по первое число, причём – на всех инстанциях.

Устроить цирк на защите Шефа, превратить в фарс важнейшее дело – вещь недопустимая.

На банкете все пили от радости, один Серёга – с горя: глаз подбили, да ещё отругали.

А за что?! За инициативу!

Цена учёной степени

– Ну, как прошла защита?

– Хорошо, но дорого!

После банкета диссертант с криком: "Ухи хочу!" залез в фонтан. Вытащили, заплатили двадцать долларов и долго сушили. В метро попали под самое закрытие, и пришлось ждать на платформе. Наконец, Вася завопил: "Поездов не будет!" Спрыгнул на рельсы и пошёл домой. Поймали – уже пятьдесят.

Нервы

Осечки на защитах бывают не только у провинциалов, но и потомственных учёных, интеллигентов в десятом поколении, с детством в садах МГУ. Прокол произошёл, например, с Анатолием. Защиты докторских тогда проходили на объединённом Совете, перед лицом всего факультета. В большую химическую набилось человек триста. Интересно посмотреть, как защищают докторские в тридцать два года. Тут были близкие Толи, отец – Зам. Министра химической промышленности, мама – доцент нашего факультета, подруги, невеста. Ну, и куча друзей, естественно.

Анатолий в строгом чёрном костюме делал доклад, стоя перед длинным столом с тягой. Часть материалов у него была на плакатах, а часть – на модных тогда голубых слайдах. Он сам их показывал, вставляя по одному в небольшой проектор. Неожиданно слайд выскочил у него из рук и куда-то улетел. Толя полез под стол, сжимая в руке микрофон. В зале царил полумрак, стол длинный, а слайд маленький. Тут в наступившей тишине раздалось во всю мощь динамиков:

– Еб@ный в рот, куда ты, на х@й, подевался?!

Ну, что можно сказать? Нервы!

Вопрос по существу

Соискателя Васю мы долго тренировали. Спиной с аудитории не становись, перед плакатами не бегай, указкой не маши. Если спросят, почему что-то не сделал или какой-то метод не применил, отвечай: «нас это не интересовало», или, лучше – «это не входило в задачи работы». На вопрос, почему что-то не доделали, отвечай: «это предмет дальнейшего исследования». Если зададут серьезный вопрос, опасный с точки зрения защиты, то радостно вопи: «Спасибо за вопрос! Я только что хотел об этом рассказать!» После чего уходи в сторону. Задавший вопрос и так доволен, что его похвалили, ответ его не интересует. К цифрам в таблицах допиши плюс-минус столько-то. Будет видно, что ты человек солидный, печешься о достоверности результатов. Ошибочка быть должна, как же без ошибки! Перед председателем положи пару экземпляров диссера. Никому не надо, но чтоб было! Поскольку члены Совета – люди в возрасте и не слушают (может уже и не слышат), что ты несешь, то не удивляйся, если зададут вопрос, на который ты только что ответил. Не нервничай! Спокойно повторяй дословно то, что уже не раз говорил. В конце доклада громко скажи: «спасибо за внимание». Для пробуждения учёных. Благодарить начинай не с шефа, и не с начальства и девочек, которые тебе все померили и нарисовали, ни с Ивана Моисеича, который всё объяснил, а с оппонентов и членов Учёного Совета.

Вроде всё предусмотрели. Вася защищается. Стоит на месте как столб, лицом к народу, а когда надо что показать, тыкает, не оборачиваясь, длинной указкой себе за спину. И что удивительно – точно попадает на нужную кривую. Как фокусник. Совет следит, затаив дыхание. Интересно! Зачитав выводы, Вася гаркнул во всё горло:

– Я кончил!

Председатель подпрыгнул, поправил очки и спросил:

– Какие будут вопросы?

Профессор Костин встал во весь свой гигантский рост и строго посмотрел на диссертанта.

Последовала томительная пауза. Наконец профессор грозно спросил:

– Вы оксид прогревали в инерте, на воздухе или в вакууме?

– На воздухе, – почему-то застенчившись, ответил соискатель.

– А воздух где брали?

Вася начал тихо пятиться к доске. Лицо его сначала побледнело, потом покраснело, потом посерело. На нём отразилась гигантская работа мысли.

Когда он отвечал, голос дрожал:

– Из атмосферы...

– Спасибо! – сказал Костин.

И сел.

Трудолюбие

Попал я как-то на защиту геологической диссертации. Мужик изучал влияние циклов замораживание/оттаивание почвы на её теплопроводность. Защита шла успешно: трудолюбивый товарищ делал сто измерений на образец. Циклы оказывали какое-то влияние; на уровне ошибки, но всё же... Тут я его спрашиваю:

– А вы почву откуда брали?

Он ответил:

– Да из района вечной мерзлоты.

– А там она, случайно, не миллионам циклам подвергалась?

– Ну да!

Он, конечно, защитился. Но с перевесом в один голос. Уж больно народ расстроился.

Пустота

В этот день на Совете было две защиты. Первая – диффузия газов в каких-то там полимерах. Диссертант не слезал с механизма диффузии по элементам свободного объёма, но называл их не дефекты, вакансии, или там микропоры и т.п., как принято, а – полости. Естественно, я попросил его дать определение новому термину. Оказалось, что он имеет в виду микрополости, возникающие между макромолекулами в процессе их флюктуаций. Размеры их – нанометр в одну сторону и до ста – в другую. Ну, ладно...

Вторым соискателем был майор из Академии Химзащиты. Он бодро доложил. Последовали вопросы. «Вопрос понял! Отвечаю!» – оповещал он нас после каждого вопроса. Несколько робея (всё же я – капитан запаса и никогда мне не стать майором) я осторожно поинтересовался, что он понимает под несплошностями, новым и не ясным термином.

– Дефекты! – отвечал он.

– Какие? Анионные или катионные вакансии? Или может быть – это наноразмерные полости, как в предыдущем докладе? Пустоты в материале?

– Какая пустота?! Мы из своего полимера делаем тент. Представьте: джунгли Вьетнама, дожди тропические. Танки укрывать надо? Надо! Тент натягивают, а ствол-то торчит! Ну, тент рвётся, возникают несплошности, в них и проникают молекулы воды...

– Однако! – подумали ученые.
Вопросов больше не было.

Оппонент на подлёте

Ирина была уже директором института, когда решила защитить докторскую диссертацию. Мне, как её руководителю, надо было прибыть на заседание Ученого Совета. Но не просто прибыть, а доставить первого оппонента, профессора Сан Саныча. Нетривиальная задача, если задуматься.

В Москву Профессор прибыл из Санкт-Петербурга рано утром и сразу направился навещать друзей в Институт Физхимии. Поэтому, он был уже в радостном состоянии, когда к вечеру появился у меня на квартире. Не виделись мы давно, так что, не мешкая, раздавили бутылку коньяка и отправились в Аэропорт, где началась череда его арестов.

В Шереметьеве мы сразу ломанулись к стойке регистрации. Меня оформили, а Сан Саныча повязали – нашли наркотики! У него в дипломате лежали ампулы с лекарством для сына алма-тинского коллеги. Обвинили в подделке этикетки. Я попытался встрять, но меня тут же выкинули на нейтральную полосу. Покачиваясь, Профессор долго и нудно объяснял таможеннице и прибывшему позднее высокому начальству разницу между детским лекарством и наркотиками. В конце концов, убедил, и ему разрешили полёт.

Полёт, однако, не состоялся. Из-за неприбытия самолета. Сказали – может, в шесть утра что-то будет. Была полночь, и мы побрели в буфет. Там взяли пива, достали свою поллитру и обсудили грядущую защиту. Просидев пару часов – пошли искать, где бы соснуть. Не тут-то было! Все места заняты. Я шёл впереди, в надежде найти, хоть что-то. Оборачиваюсь: нет коллеги. Лишь вдаль милиционеры волокли кого-то под руки. С воплем «Профессора взяли!» – бросился на выручку. Оказалось, в компьютер аэропорта недавно сброшена объективка на известного киллера – однофамильца. Сан Саныч в сбившейся набор вязаной шапочке, с расстегнутым тулупом, из которого, несмотря на сильный мороз, выглядывала волосатая грудь, заплетающимся языком объяснял ментам разницу между гангстером и профессором. Те не понимали. Пришлось предъявить бумагу о членстве в Педагогической академии наук.

Получив свободу, вновь засели в буфете. Взятое пиво обеспечило право поспать, уложив морды на стол. Утром нас разбудили, и мы направились в полёт. В Алма-Ату прибыли утомлёнными. Я проходил границу первым:

– Рубли есть? – спросил меня таможник.
– Нет! – отвечал я чистосердечно.
– Покажи кошелёк.

Я полез в карман и показал кошелёк, в котором брэнчала какая-то мелочь (Остальные деньги, естественно, были хорошо спрятаны на теле).

– Проходи!

Я пошёл в Казахстан. Александр Александрович брёл сзади и последнее, что я видел – трёх милиционеров, бросившихся его арестовывать.

– Оппонента повязали! – доложил я встречавшей нас Ирине, – в третий раз – теперь уж ваши погранцы.

Ирина осуждающе посмотрела на меня: специально ведь просила довести целым и невредимым, но тут Сан Саныч вышел к нам сам.

Такие люди, да на свободе!

У него диалог был похож:

– Рубли есть? – спросил таможник.
– Нет! – отвечал он.
– Покажи кошелек.

Сан Саныч достал бумажник с шестью сотнями рублей. У таможника глаза радостно загорелись: незадекларированная валюта подлежит конфискации.

– Есть на что нам вечером погулять, – заявил таможенник.

– Ну, не на все! – нашелся профессор.

Отслюнявив три бумажки, он протянул их таможеннику и гордо пошёл в город.

Все были довольны.

Потребности и возможности

Международная конференция в Мюнхене была химической, но один физик всё же затесался. Им оказалась Инна. Приехала и исчезла. Стенд висит, а самой нет. На четвёртый день смотрим: спускается в конференц-зал.

– Привет, – говорю, – Как работалось?

<http://profbeckman.narod.ru/>

- Нормально! Весь Конгресс перетрахала!
- Ну! Нас же триста человек, из них мужиков человек двести.
- Да какие вы мужики? Одни импотенты. За три дня управилась. Пойду на банкет.

Азбука Морзе

В ходе одной весьма закрытой конференции в фойе была развернута выставка достижений местного комбината. Устроителям экспонаты казались настолько ценными, что они выставляли их только днём, а на ночь прятали в высокие несгораемые шкафы, стоящие вдоль стен. Утром мы с Павлом на заседание не пошли, осмотрели экспонаты, и вышли в коридор покурить.

Курим, беседуем. Вдруг в фойе раздался грохот. Мы бросились туда.

Железный шкаф отделился от стены и упал, разнеся в щепки паркет. Мы подивились и уселись на его ржавый зад докуривать сигареты.

Опять курим, беседуем.

И тут мы услышали какие-то звуки, исходящие из шкафа. Кто-то выдавал четкий ритм. Я прислушался, и сильно забытое стало всплывать в мозгу. Три точки, три тире, три точки. Пауза. Три точки, три тире, три точки. Пауза.

Сигнал SOS!

Мы вскочили и попытались приподнять шкаф. Куда там!

Павел побежал за комендантом. Появились люди, верёвки, автомобильные домкраты. Общими усилиями поставили сейф вертикально и открыли дверцы. Оттуда выскочил юркий мужичок. Я глянул – точно, мой знакомый. Бывший студент МГУ. Помнится, я однажды выпнул его с зачёта. Теперь он работает на местном комбинате и готовит экспозицию. Какая-то деталь затерялась, он подпрыгнул, ухватился за верхнюю полку и слегка подтянулся, пытаясь выяснить, не завалилось ли на ней что. Вроде бы надёжный шкаф, неожиданно легко отделился от стены и рухнул прямо на него. К счастью, при падении дверцы шкафа на мгновение распахнулись, он скомпоновался, прыгнул во внутрь, и упал уже в сейфе.

Так, прошлая спортивная тренировка и служба во флоте спасли ему жизнь.

Одно слово – Толковый!

Начало конгресса

Ежели твоя фамилия сугубо не славянская, ты беспартийный и к тому же (несмотря на это!) у тебя высокая форма секретности, то в советские времена в дальнюю (настоящую!) за границу ты попасть никак не мог. Так, Болгария–Польша–Чехословакия, ну, может быть – Югославия. Не дальше!

Все, однако, течёт и всё меняется. Грянула как-то Перестройка с Ускорением («Ускоренье – мощный фактор, но – не выдержал реактор. И теперь наш мирный атом вся Европа кроет матом»). Желание повидать Европу стало невыносимым, да и Европе стало интересно на нас посмотреть. Хотя бы затем, чтоб мы её ненароком не взорвали или каким иным способом не загадили. Англия решила не отставать от моды и пообещала дать деньги на совместные проекты. Устроила конференцию-семинар и разослала персональные приглашения. С оплатой всех расходов. А на халяву кто ж не поедет?!

Собрался и я.

К этому моменту Перестройка (или Перетряска?) продвинулась далеко, но не слишком. На поездки чёрте-кого за границу смотрели сквозь пальцы, но формальности ещё соблюдались. Зная, что предстоит долгий путь по линии: лаборатория – кафедра (треугольник) – партбюро – профбюро – деканат – иностранный отдел (Это только на факультете! Ректорат, Министерство, Посольство – отдельные песни), я написал черновики бумаг, и отправился на разведку в партбюро. Там за выезд за границу отвечал парень, с которым мы одно время учились на одном курсе. С одной стороны – партфункционер, а с другой – почти приятель. Я его по-дружески попросил проверить заготовки. Он просмотрел и обещал заверить. Окрыленный, я начал сбор подписей и через какие-то две недели все их имел. Пришел к Владимиру, говорю: ты бумаги все видел, теперь – подписывай. Тот опешил:

– Причём здесь я? Я – демократ, гайдаровец. Не только не вхожу в состав партбюро, но и не состою в Коммунистической партии. Беспартийный я!

Подивился я неожиданному пополнению наших рядов (Жена потом мне пеняла: вы оба с одного курса, оба – беспартийные, а он – давно завкафедрой, а ты – дохлый профессор. Не думала она, что вскоре Владимир в порядке демократического призыва Ельцина станет академиком и деканом нашего факультета. Никто так и не узнал – в чем его заслуга пред наукой. Но это и неважно – главное, что демократ он беспартийный (С 25 годами коммунистического стажа, да что об этом поминать?!)).

Ну, а я пошёл опять две недели собирать подписи.

Наконец, документы передали в Ректорат и можно пройти Райком (Далеко ходить не надо – всё тут же, в ГЗ на десятом этаже). Отправился готовиться в библиотеку, прочёл статью об

Англии (Одни забастовки-митинги и безработица, как живут в своём империализме непонятно), заглянул в толстый атлас и даже пролистнул «Сагу о Форсайтах». Так, на всякий случай. Собеседование – как экзамен. Берёшь билет, готовишься, идёшь отвечать. Обстановка серьёзная. Вот девушка едет в качестве жены мужа. В Бурунди. Довольно бойко рассказывает о стране. Особенно хорошо даётся пересчёт курсов валют. Но тут задают коварный вопрос: «А где находится Бурунди?». «В Центральной Америке», – говорит та, особо не сомневаясь. «В Восточной Африке», – зашептал я ей. Но было поздно. Выгнали! Я же отделался лёгким испугом. Уже через три минуты у нас с экзаменатором возник бурный спор: чем заправлялись немецкие танки во время второй мировой войны. Я утверждал – бензином, он – соляной кислотой. Вызвали Председателя. Тот рассудил в мою пользу, меня немедленно признали годным.

Но русская бюрократия – это ещё не всё. Существует и английская! Пошёл сдаваться в Английское посольство на Софийской набережной. Не просто это, три раза брал анкеты, три раза заполнял – всё неверно. Наконец, допустили до собеседования. Разговор шёл по-английски (другого языка дядька не знал). А откуда мне знать разговорный английский, если я ещё на втором курсе дал подписку, что никогда в своей жизни не встречу живого иностранца, а если встречу – буду молчать, как рыба. Зачем мне было изучать этот дурной язык и с кем на нём потом разговаривать? С попугаем?! Так он у меня русофил... Поговорили, однако, хорошо – он, что-то по-своему, я – что-то по-своему, и разошлись, довольные друг другом.

Добрался я до аэропорта Шереметьево. А там! Цыганский табор: народу – плотнейшая упаковка. Яблоку упасть негде. Мужики с тюками-чемоданами, женами, детьми и собаками валяются на полу или стоят в очередях. Весь Союз рванул на Запад. Кто куда, но скорей, скорей, скорей. Пока капкан не захлопнулся. Рвут когти навечно. И только я – на десять дней. Но вот, декларации заполнены, я обыскан, дипломат осмотрен, сказали – валяй, и я – в салоне самолета. Смотрю – где наши? Никого! (Как потом оказалось, я успел проехать вовремя, вскоре на Ленинградском шоссе образовалась гигантская пробка. Коллеги опоздали на рейс. А путешествовать в одиночку в чужой стране радости мало. Вспомнил повесть Короленко «Без языка». И взгрустнул.

Боинг оказался тесным и неудобным: ноги девать было решительно некуда. Но зато на стенке крутили мультики Диснея. И тележку со снедью быстро подкатили:

– Мит ор фиш?

– Миит, – протянул я, – энд ред вайн.

Знание языков окупилось – получил куриную ногу и бутылочку красного вина. Все же за граница – есть за граница! Культурно... Не Аэрофлот...

Прилетели. В Хитроу снова контроль. Мужик закатил длинную фразу. Я понял только, что ему хочется что-то у меня узнать.

– Саентифик конгресс! – гордо заявил я. Забрал паспорт и пошёл.

Выйдя из здания, вступил на мостовую и прочёл выложенную камешками в асфальте надпись «*Birds do not feed!*». Перевёл без словаря "Птиц не кормить!" Сразу ободрился. Всё же в английском я далеко продвинут. Однако же и расстроился. И тут ограничения! И здесь запреты. А ещё свободная страна! Может, я специально прибыл в Англию, чтобы птиц на мостовой кормить. Задумался над мировой несправедливостью и едва не был сбит такси допотопного вида, которое налетело на меня справа. Ба! Да здесь же левостороннее движение! – вспомнил главку энциклопедии, выбираясь из-под колес.

Огляделся и перехватил тётку с сумками. По виду местную.

– *Please tell me where the bus station*, – спросил я на чистом английском языке.

Тётка немедленно ответила. Я не только не понял, что она сказала, я даже не понял на каком языке. Честно говоря, вообще ни звука не понял.

– Тётка! Ты рукою покажи.

Тётка сделала рукой зигзаг и ткнула куда-то.

Не прошло и часа, как я нашёл расположенный в 100 метрах от аэропорта в каких-то закоулках междугородний Автовокзал.

– Бат, ретэнд тикет, – сказал я в окошко, получил билет, сел в автобус, и мы покатали по Англии в сторону Бристольского залива («*Когда воротимся мы в Портленд?*»).

Несмотря на ватное небо, типа «больничный халат, застиранный» и позднюю осень, кругом было зелено. Зелёные поля, зелёные холмы, зелёные лужайки пред домами. Всё как доктор прописал! Даже игроки в гольф, в кепи и с клюшками, изредка возникали в пейзаже. Иногда всадники и всадницы галопировали по опушке леса. Живые изгороди окружали дома. Но на этом оправданные ожидания оканчивались. Ни замков на холмах, ни соборов. Не было и прекрасных вилл, оригинальной архитектуры. Хотя бы, как в Чехии. Куда там! Сплошное убожество. Селения застроены домами одинаковой конструкции, цвета и размера. Причём – примитивней некуда. Владелец дома делал всё, чтобы его жилище ничем не отличалось от остальных. Главное – не выделяться! И не проявлять архитектурного легкомыслия. Не вызывать зависти соседей, а быть как все. Где же те усадьбы, в которых резали и травили друг друга герои Агаты Кристи? Они вроде были поживее... В городах ещё хуже. Здания какого-то серого цвета (да и красили ли их когда-

либо?), все в каких-то чёрных подтёках. Мрачные оконные проёмы, с рамами фабричных времён. Без форточек. Крыши дымят, как броненосцы.

Жить в этой милой стране как-то сразу расхотелось.

Тем радостнее было появление славного города Бата.

Городок (потом он оказался довольно большим) раскинулся по холмам. Запруженная речка с притоками и эффектным водопадом пересекала его. В старинной части виднелись хорошо сохранившиеся развалины римских бань (в честь них город и получил название), кокетливые современные водолечебницы модного курорта (воду тут не пьют – в ней купаются), средневековые здания, виллы, нечто вроде замка и величественный костёл, видимый отовсюду. В парках посреди лужаек росли гигантские одинокие старые деревья. Кусочки парка неожиданно перекрывали столбики с верёвкой и надписью «Частная собственность». Просто так не погуляешь, тут не Москва. Зато, если в Москве просто так на траве не поваляешься, тем более – в трезвом виде, то здесь народ лежал прямо на подстриженных газонах (но вне зон с частной собственностью). Табличек типа «по траве не ходить» не было, а были пабы, пабы, пабы. И полицейские в шлемах.

Скользнув по городу, мы выкатились из него и понеслись по узкому шоссе, со всех сторон закрытому подстриженными зарослями. Зелёные блоки имели высоту до трёх метров, идеально прямоугольную форму, и, насколько можно судить, были совершенно непроницаемые для злоумышленников. Из-за них виднелись лишь крыши вилл. Вот бы нам такой забор на дачу. Покруче сетки-рабицы будет!

Слегка повиляв, тормознули у низкого, но длинного (лежащий на боку небоскреба) здания. Это и был Университет Бата. Новый английский университет. Амбициозный, активный, задиристый. Стекло и бетон, ничего выщегося по стенам. Большой, но хилый фруктовый сад из тоненьких яблонек – будущее изобилие. По краям сада – старые раскидистые деревья, подсвеченные снизу. Ручейки журчат, водопадики шумят, золотые рыбки (караси?) плавают. Вокруг основного здания – особняки, и чем дальше от центра, тем меньше. Можно жить и работать. Не хуже, чем в МГУ!

По границе территории Университета – речка. Явно не Москва-река, так метра 3-4 ширины, но зато и такой же глубины. Речка судоходная, вся в воротах и шлюзах. Маленьких, но настоящих. Вот плывёт длинный катер с надстройкой, жена отдыхает на палубе, мужик тормозит перед воротами, вылезает, идёт по берегу, достаёт ключ, отпирает амбарный замок и тянет какой-то рычаг. Уровни воды выравниваются, ворота открываются. Мужик бредёт на катер, берётся за штурвал и проплывает ворота. Все спокойно, без суеты, без участия посторонних. Плывут они так много недель, преодолевая просторы англоязычной Родины.

Зарегистрировался, поселился в кампусе, бросил в келье вещи, и сразу отправился на банкет. А как же?! Первое дело!

Рассадили нас по роскошным авто и отвезли в Бат. В римские купальни. Вблизи они выглядели вовсе не такими развалинами. Видать, недавно отреставрированы. Низкие сводчатые переходы, освещаемые горящими факелами, колонны ионического ордера в два ряда вокруг бассейна, точнее прямоугольной формы водоёма, выложенного по берегам в художественном беспорядке камнями (а-ля природное озеро). Довольно скользкими, кстати. Вода тёплая, пахнет сероводородом и тиной. Вверх поднимаются испарения, сверху льёт дождь.

Участники Конгресса выстроились под крытой колоннадой. Появился мер. Девушки в римских тогах надели на нашего Главного венки из сухофруктов. Мер толкнул речь. Изредка народ вежливо смеялся и хлопал в ладоши. Наш Академик поговорил длиннее. Мы похлопали.

Нас пригласили к столу. Из темноты и влажной духоты римской купальни попали в ярко освещённый зал в стиле барокко. Золото и завитушки, портреты и зеркала. Столы покрыты белоснежными скатертями и уставлены посудой, снедью, бутылками. Стулья в виде кресел с прямыми спинками. Перед каждым – пирамидка тарелок, окруженных приборами неясного назначения. Очень хотелось ломануться и приступить. Но удержались, вели себя чинно. Дело шло по накатанной: пара тостов за науку вообще, за мембранную технологию в частности, за англо-российскую дружбу. Глотнули шампанского, потом сухенького. Об официозе забыли, начали общаться и дружить.

Обстановка, как на диссертационном банкете. Но здесь всё не просто. Тут у каждого есть цель. И вовсе не получение финансирования, как вы подумали. В то, что Англия выделит деньги России, из наших не верил никто. Да если, что и выделят, то всё одно до труда науки ничего не дойдёт: вон какие стервятники слетелись, одних академиков штуки три. Калоши на лету глотают, как крокодилы, а тут деньги! Хозяева смотрелись оптимистичней, да и они не особо надеялись. На что надеяться при встрече нищих с нищими?! Так, пришли на Азиопу поглядеть. Впрочем, а вдруг?!

Деньги – дело десятое (жили без них, и ещё проживём). Здесь другое. Здесь – Театр. Надеты маски, роли отрепетированы, теперь – спектакль. Проверка на вшивость сценаристов, режиссёров, актёров, статистов.

Завлаб Иван Иванович, оглядел сцену, и мрачно задумался.

...Да, у меня было трудное провинциальное детство, но я зубрил, зубрил, зубрил. Вовремя подался в Москву и поступил в престижный Вуз. Учился и работал, сторожил детские сады, разгружал вагоны, баржи с арбузами, поднимал целину и т.д. и т.п. Поглощал знания, но главное – участвовал в общественной работе. Был комсоргом группы, комиссаром стройотряда, комсоргом курса, с трудом, но пробрался в партию. А там ответственность: что ни так, кубарем скатишься вниз. И чем только не приходилось заниматься: бригадмилом был, по раменским оврагам ночами шастал, спортивные сборы организовывал и в каких-то эстафетах бегал, самодеятельностью правил, номера объявлял, в стройотрядах комиссарил, коровники глиной мазал. Парней из женского общежития вытаскивал. Но самое противное – персональные дела. Скольких корил за супружескую неверность и беспробудное пьянство на работе, за прогулы занятий, скольким выговора давал, скольких выгнал из комсомола да из партии – не счесть. Поломал-таки некоторые судьбы. Многие руки не подают. Удачно женился на москвичке (А как иначе получить прописку в Москве и кем ты станешь, если из столицы выпрут?!), долго и тщательно выбирал шефа со связями (Тот еще долбоёб был, царство ему небесное, но помог в карьере, объяснил, что почём и где тут тропы, броды, да туннели).

Но всё было бы напрасно, если бы не смог преодолеть унижений (а сколько их было, Господи, на каждом шагу), если бы хоть раз возмутился, если бы хоть раз восстал, и не нагрубил, а просто сказал, что думаю. Нет! Всё время в роли: в меру послушный, но принимающий самостоятельные (почему-то всегда совпадающие с ожиданиями начальства) решения. В чём-то даже крутой, особенно с подчиненными. Интуиция, дипломатия, соглашательство. Но главное – лизанье жопы, многих жоп, не всех, конечно, а нужных. Много чего для успеха надо, но это – главное. Смирять себя и при к цели. Тогда будет тебе и Академия, и завлабство, и заграница. А нет, так нет.

Это я такой взаправду. А внешне – учёный, термодинамик, на любой конференции выступить могу, хоть вот и на этой, английской. Главное – понять, о чём спрашивают, и ответить солидно, весомо, непонятно. Сойдёт, ещё приглашать будут, в обойму вошёл, теперь – надолго. Бдительность, однако, терять не стоит. Проверять маску надо: не просвечивает ли и плотно ли сидит. Ведь термодинамикой этой я, считай, не владею вовсе. Так, нахватался верхов. Предисловий начитался. А, вдруг, приспичит кому-то что-то посчитать? Непотребство будет. Но это – вряд ли. В хорошем обществе с конкретикой не пристают. Опаснее пацаны с соседнего отдела, эти вон кругами ходят, знают мои места слабые, заезаешься – пырнут ножичком в печёночку и абзац! Да и это – фигня, салаги со мной тягаться не могут. Не в том беда, не в том проблема! Реальность в том, что напыюсь я сейчас, враги-приятели, до поросычьего визга, до полного непотребства, и разнесу этот клоповник римский к чёртовой матери...

Тут Иван Иванович начал тихо скисать.

Старший научный сотрудник и учёный секретарь института, Мария Соломоновна с трудом выгатила юбку из-под соседского стула. Сегодня как-то не везёт. Не приехали спеццы по диффузионной кинетике. Не с кем будет вступить в дискуссию и блеснуть лишним раз интеллектом. Зато прибыл Васька, бывший любовник. И не то, что она опасалась эксцессов (таких, как он, у неё был миллион, она умела держать их в узде). Просто лишним раз вспомнилась юность, ненасытность тела, сплошное траханье. Совмещение удовольствия с карьерой. Вон и Академик, боров седой, когда был моложе, приглашал аспиранток домой для секса (утверждение темы, называлось), так она не только прошла испытание, но и неоднократно повторяла его. Так и стала учёным секретарем с малолетства. Всех знаю: в одетом и раздетом виде. А теперь стара, при муже обретаюсь. Так зачем прошлое маячит гнусной Васькиной рожей? Прозвала его на родине оставить. Кстати, а Петю молодого чего не прихватила? Опять на свободу потянуло, дуру старую? Влюбиться что ль в кого напоследок, или так истерику закатить...?

...Академик пытался управлять банкетом. Улыбаясь, раскланиваясь, он предоставлял слово для тоста, то одному, то другому. Рассыпался соловьем, блистая произношением. Одновременно, ставил на место своих, с привычным хамством падишаха, обрывая чужую речь на полуслове. Контролировал прихваченный гаремчик, из лиц всех возрастов, должностей и научных званий. Правила игры он знал и, по желанию, то играл по ним, то передергивал, отслеживая, нет ли вблизи шулера повыше классом. Ибо хоть и числился он известным ученым, действительным членом академии наук, директором института, но был типичным шулером. Только не в картах там, или рулетке, а в науке. Это хорошо знает отец (тоже академик, без родителя в Академию проникнуть трудно, туда ведь не выбирают, как чернь полагает, а назначают), об этом знает жена, ещё два-три человека, но они молчать будут. Пыхтел во всю мощь, самозабвенно исполняя роль примы. Но простата о себе напоминала, и чем больше пил, тем сильнее. Не было радости ни от чего, хотелось домой, в качалку. И чтоб плед, да сигаретка с лёгкой дурью...

Я смотрел на это сборище с привычным высокомерием аристократа. Аристократа не только духа, конечно, но и просто аристократа, аристократа по происхождению. Папа у меня не был ни рабочим, ни академиком. Он просто был бароном, и дед его был бароном, и прадед. И я барон, стало быть. В тринадцатом поколении. Мне не нужно, как интеллигенту, постоянно держать кукиш в кармане, не нужно рваться из шкуры, как мещанину-разночинцу. Мир принадлежит мне

по праву, по рождению, всё даётся само. Я – демократ по определению, все люди для меня равны (так, лилипуты могут состязаться друг с другом в росте, но для человека нормального сложения все они – мелочь пузатая). Я свободен. В истинном смысле этого слова. Мне ничего ни от кого не надо: ни от академика, ни тем более от англичан. Беззаботно предаюсь чревоугодию.

Я, как яйца, никуда не вступаю, но участвую!

Боже мой, с кем же я тут? Кто эти русскоязычные, временно выпущенные из Союза? Отребье нации какое-то. Понятно, что в науке, как и в любой другой сфере действует Всемирный Корневой Закон. Если в группе 4 человека, то работают два (50%), если в группе 16 человек, то работают 4 (25%) и т.д. Здесь нас около 100, значит, ученых должно быть 10, т.е. порядка 10%. Ну, и где они?! Два-три человека, способных поставить свой эксперимент, выдвинуть теорию, изобрести что-то, может быть, и есть. А остальные?! Сплошные Имитаторы. Все изображают из себя учёных, не разбираясь в науке не ухом, ни рылом. Прорвались сюда окольными путями. Имитируют умных, играют спектакль, а зритель аплодирует. Чванливые задаваки в России (Как же? Выездные. Как же? Трещим по-английски), на самом деле – люди, которых много и долго унижали. На всех уровнях. И, несмотря на браваду, униженья – их форма жизни. Привычная и естественная. Сквозь пощечины – к звездам!

Неужели действительно Россия – заброшенный пустырь, варварская страна европейской цивилизации, где живёт простой народ, пьющий и ворующий, ублюдок, беспородная дворняга, не монгол, не германец – так, кривоногая помесь. На том пустыре живёт интеллигенция – «дерьмо нации». И учёные-имитаторы, выпущенные за границу как цвет (пустоцвет?) нации. Хочешь – не хочешь, а Гоголя вспомнишь с его свинными рылами. Чаадаев вон не умел любить родину с закрытыми глазами. А с открытыми умел? Да и что значит: любить родину? Я вот Россию люблю, никогда её не покину. Но русских не терплю (здесь я, кажется, не одинок, какой-то правитель Франции обожал страну, но ненавидел французов). Заселить бы Россию шведами, было бы дело. Возникла бы действительно великая страна. Всем на радость. Русские явились из диких степей, выгнали нас, викинг-норманов, захватили страну, поработили угро-финнов, правят по нахалке. Не пора ли сдать награбленное?! И вновь говорить на букву «о»...

Так думал я, медленно и мрачно пьянея. Мысли не распутывались, но бросить рассуждать не позволяла гордость. Профессор химфака МГУ превращался в ЗеКа Кастыля.

Банкет между тем шёл своим путём. Суетились с подносами официанты в опереточных livreaх. Блюдо сменяло блюдо. Народ путался в ложках-вилках. Русские следили за Яковом Львовичем, непоколебимым авторитетом в области этикета. Тот торил путь: с маленькой ложки постепенно переходя всё к большей и большей. Но тут подали фарфоровые кувшинчики с узким горлом. Из них вкусно пахло. Толпа схватилась за оставшиеся ложки, а они – большие и в кувшинчик не лезут. Возникло замешательство. Пришлось официантам вновь раздать россиянам малые ложки, а то англичане своё уже умяли. Академик погрозил Якову Львовичу кулаком. Тот расстроился.

Но что на самом деле начало беспокоить хозяев, это эмоциональное состояние гостей. Говорили, что русские могут выпить много. Здесь же было только сухое вино, да и то вмиг исчезло. Осталась минеральная вода. Вот от нее-то русские и пьянели. Англичане пили – и ничего. Может, у русских нет фермента – расщепителя Кока-Колы? Тупым учёным было невдомек, что каждый русский прихватил с собой плоскую бутылку из-под коньяка, удобно покоившуюся во внутреннем кармане пиджака. Заветная бутылка наполнена спиртом (не возить же Аэрофлотом воду?). И теперь одни пили разбавленный на глазок до водочной концентрации спирт, а эстеты – чистый спирт, запивая его газировкой. И только Яков Михайлович действительно пил минералку.

Градус крепчал, крепчал и веселье. На англичан уже никто не обращал внимания, и те потянулись домой.

– Знаю я вас, чукчей, – говорил рязанец адыгейцу. Это сейчас вас огненной водой одолели. А раньше воинственной племени на всём Севере не было. Те же чеченцы. Много вы на Колыме и на Анадыре наших сел повырезали. Помнишь русско-чукотское побоище на озере между Колымой и Индигиркой? В семнадцатом веке?

– Не, не помню!

– Не хочешь помнить, ибо русские победили. Заманили вас на лёд и утопили.

– Как на Чудском озере?

– Точно!

– Не, не помню. Не чукча я!

– Ты зачем новый член в параболическое уравнение вставил? – доносилось с другого стола, – в чем его пафос?

– *Qui veut peut*, кто хочет, может. Это с французского, тебе не понять. Захотел и вставил!

– Великий сказал: «Не следует насильствовать природу, следует повиноваться ей, необходимые желания исполняя, а также естественные, если они не вредят, а вредные сурово подавляя».

– Мудак, твой великий.

Кирстен встал, внимательно осмотрел себя в зеркалах. Критериальным признаком служил красно-сизый нос. Пошёл к бассейну Цезаря (или Клеопатры?). Меж колон исполнялись мечты.

Повиснув на Васькиной шее, билась в истерике Мария Соломоновна. Шатаясь, брел Иван Иванович. Пред женой Академика он тормознул, рухнул на колени, тщась поцеловать даме ручку. Но стёртые за тысячелетия камни сыграли дурную шутку. Он поскользнулся, и как был – в праздничной тройке – рухнул в водоём, окатив всех лечебной водой из помойки. Принял ванны. И даже вовнутрь немного. Олег ухватился одной рукой за флагшток, а другой за шиворот ловеласа и вытащил его на берег.

– Был Вечный Жид, а я вечный спаситель врачей-общественников, – усмехнулся про себя Олег Кирстен, – пора линять.

Он вышел из руин. Там ещё одна комсомолка-спортсменка Инга, упиралась лбом в платан. Кирстен обнял её и увлёк за собой.

Они отлично провели время.

ИХ НРАВЫ

Комплектующие

Говорят: ты теоретик, теоретик. Жизнь – малина: карандаш да записная книжка, впрочем, и без них при случае обойдёшься.

Как бы ни так!

Теоретик нуждается в экспериментальных данных. А без установок ты их, где возьмешь?! Нужна аппаратура. Порой в три этажа высотой. Ну и приходится...

Возвращаюсь я как-то в Москву после конференции в Алма-Ате. Во, говорят, как удачно. Ты и захватишь комплектующие. В аэропорту вручили мне вьючный ящик с металлическими уголками для прочности и с амбарным замком сверху. Взвесили: 120 кг, на ручную кладь не тянет. Пришлось сдать в багаж. А тогда была мода, каждое место обертывать бумагой, как коробку конфет. Без этого не принимали. И специальная служба была – народ деньги зарабатывал. Ловко так мужик сумки пеленал. Схватил нашу – хрен-то! Паковали впятером. Наконец, вручили мне сверточек. Ни ручек, ни тележек, тащи, как хочешь. Ну, допер до багажа волоком. Сдал, лечу.

Прилетел в Домодедово, иду получать.

Транспортер из преисподней выдаёт на-гора вещи. Сумки, чемоданы. Они взлетают вверх, а потом падают на другую ленту и ползут к потребителю. Народ берёт своё и линяет. Жду. Тут раздался гул, треск. Транспортер затрясся и пошёл в расход. На вершине показалась моя собственность. Ну и видок! Потёртые зелёные бока просвечивают через разорванную в клочья бумагу. Хищно блестят металлические уголки. Проходит вьючник вершину и падает вниз. А там задержалась изящная дамская сумочка, пухленькая такая. С косметикой, вероятно. Комплектующие летят аккуратно на неё. Та всмятку! Тихий писк и девица тащит остаток за ручку, т.е. забрать хочет. Куда там...

Мигом врубившись, я подлетел к вьючнику, схватил его и, независимо помахивая, как авоськой, кинулся к выходу. До такси долетел на одном дыхании – девице не догнать.

Ты спрашиваешь, почему я теперь хромой? Потому что теоретик!

Темы грантов

Новые научные направления:

- Гомеостаз бардака
- Хаос, упорядоченный на свой лад
- Чёрная дыра, как загадочно манящее престарелое влагилице

Ленинская премия

После МГУ меня послали на стажировку в Дубну. Жил в гостинице. Примечательность – бассейн с фонтаном. Вокруг него ходит швейцар. В золотой ливрее, борода лопатой.

– Учёные! – шлёп, шлёп пара шагов, – Акадэмики! – шлёп, шлёп, – Всех карасей живьём сожрали!!

У них накануне был банкет по случаю присуждения Ленинской премии за 104 элемент.

Время на патенты

- Галочка, ты скоро?
- Выходим, Юрочка, только причешусь.
- А! Ну, я успею сделать изобретение.

Три закона и правило

Диффузионные законы Бекмана.

- 1) Есть дырочка – есть диффузия, нет дырочки – нет диффузии.
- 2) Смотря какая дырочка!
- 3) Не тряси решётку – зонд улизнёт.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Эмпирическое правило Бунцевой:
Диффузия никогда ни от чего не зависит.

Стипендия

- Ты работаешь на что?
- На то!
- Правильно! На НАТО!

Поздравления

Заведующий кафедрой ходил под Новый Год по лабораториям и лично поздравлял каждого сотрудника с наступающим праздником. Пожимая руку и улыбаясь, он между делом ухитрился сказать какую-то гадость. В результате "поздравленный" впадал в прострацию. А некоторые ночью вздрагивали, случайно вспомнив.

Наш менталитет

Когда Академик появился в МГУ, одной кафедре ему показалось мало. Он возглавил конгломерат из двух кафедр: радиохимии и химической технологии. Сокращенно РАХИТ. Заседания кафедры пользовались большой популярностью. Вот и 10.03.85 в аудиторию набилось множество народа (на кафедре числилось порядка 150 человек, все, конечно, не пришли, но всё равно нас было больше сотни). Сидели втроем на парте, на всех подоконниках, а молодые стояли вдоль стен. Шла жаркая дискуссия. Обсуждался актуальный вопрос: давать ли матстатистику уже на втором занятии, или всё же на пятом?! Наконец, исчерпались. Вот тут-то Академик и объявил, что накануне был на совещании в ЦК, которое провёл новый генсек Горбачёв. Совещание было необычайно интересным, но рассказать о нём он может только членам партии. Поэтому просит всех выйти, а членам партии остаться. Ну, мы встали и вышли. У Академика глаза полезли на лоб. В аудитории остался он, парторг, один завлаб. И еще двое.

- Вы кто? – спросил он одного.
  - Мастер-стеклодув.
  - А Вы? – спросил другого.
  - Радиотехник.
  - А почему ушли остальные?
  - Кафедральная партиячка состоит из шести человек, но Манькина беременна, а Ванькин в творческом отпуске (*В запое, значит*).
  - Однако! – сказал академик, – верно говорят: МГУ – не Главатом. То-то я смотрю...
- Возвращайте коллектив назад, буду всем рассказывать.

И рассказал о наступающей перестройке и ускорении. Горбачёв призвал подумать о реформе социализма. Он даже пошутил: «Может нам у капиталистов что позаимствовать?»

Вслед за Легасовым мы от души посмеялись вельможной шутке.
Кабы знали, что будет!

На испуг

Как-то осенью Кастьль бодро топал от Сокола к ВИНТИ. Было ему 33 года, был он бодр, здоров и беспечен. В отличие от Христа, его никто не распял, и даже не напугал, ни волки, ни бандиты, ни жена. Если не считать одной старухи, что вылезла однажды в голом виде из печи зимника на Алтае.

Не знал он, что через пару часов, испугается ещё раз. Второй раз за всю 75-летнюю жизнь. И последний.

Пока же он шёл привычным путём, размышляя стоит ли вставлять свободный член в уравнение, или погодить.

В ВИНТИ он отдал рефераты Ольге-редактору, пообщался с сотрудницами, попил чайку и отправился домой. В гардеробе накинул плащ, подал пальто солидной даме, Марии Николаевне, с которой познакомился час назад. У дамы была тяжёлая сумка, полная отгисков и журналов, Кастьль взял её и они пошли к метро. Разговорились на актуальные темы – кто чего прочёл в Самиздате (на папирозной бумаге после пятой копирки). Проехали до Пушкинской, галантный Кастьль проводил по бульвару даму до дома. Дом – солидное здание дореволюционной постройки. В подъезде ему пообещали чай и "Собачье сердце", книгу, которую никто не видел, но каждый должен был знать близко к тексту. Если он интеллигент, естественно.

Поднялись на лифте на 7-ой этаж. Квартира большая, коридоры, комнаты, книги, картины, люстры хрустальная, мебель немецкая. Кирстен, МН, её мать, дочь в 10-м классе пили чай с вареньем. Тихо и уютно.

Кастьль расслабился на диване. Хозяева вышли, МН пошла за Булгаковым.

Дверь открылась, вошла МИ абсолютно нагая, но с книгой. Читать её она явно не собиралась. Ей было нужно что-то другое.

И тут Кастыль испугался. Не понятно с чего, но сильно. Душа ушла в пятки, потом рванула из тела и устремилось к окну. Хорошо было Подколесину у Гоголя прыгать с 1-го этажа. А здесь – седьмой! Душа удирать раздумала и вернулась в тело. Дрожь в коленках прошла. Член, в испуге запрятавшийся было между ног, всё же встал.

Дама осталась довольна.
Конечно, Кастыль не трус.
Но зачем пугать!

Чистота крови

После окончания приёмных экзаменов Бекман шёл к метро вместе с Доцентом.

– Тяжёлый выдался денёк, – сказал Игорь.
– Да, – подтвердил Доцент, – работа тяжёлая, и сволочная к тому же.
– Решаем судьбы!
– Ещё как!

– Меня давно занимает вопрос, – проговорил Бекман, – как это в МГУ борются с поступлением евреев и некоторых других инородцев. Многие жалуются на несправедливость, приводят убедительные доводы. И действительно, антисемитизмом пронизан университет. Даже победителей всемирных олимпиад по математике на мехмат не берут. На химфаке фашизма меньше, но всё же... Непонятно, как это делается. Ведь я сам каждый год принимаю вступительные экзамены. Более двадцати лет. И ни разу, ни разу, ко мне не обратились с просьбой – требованием, чтобы я кого-то завалил, а кого-то пропустил. Ну, инструктирует нас Главный перед началом экзаменов, что МГУ нужны русские мальчики из рабочих семей, так я это тихо игнорирую. Откуда я знаю, из каких они семей? Я прихожу на нужный факультет (а химию мы принимаем на шести разных факультетах), никого там не знаю и никому не подчиняюсь. Мне говорят, с кем я сегодня в паре, и в какой аудитории тружусь. Я иду, слушаю всякую ахинею, ставлю оценки (согласуя их только с напарником) и ухожу. А где же давление? Рассказывают о каких-то пометках в ведомостях. Но, во-первых, я их сам никогда не видел, хотя настороженно искал, а, во-вторых, я ставлю оценки в зачётку, записываю к себе в книжку, а уж в конце рабочего дня – заполняю ведомость. Как же система работает?

Доцент остановился как вкопанный и захохотал. Смеялся он долго и заразительно. Несколько раз пытался что-то объяснить, но не мог произнести членораздельного слова. Долго ему пришлось присесть, обнимать себя руками и вертеть головой в изумлении.

– Ну, Игорек, ты даёшь! Как ребенок. В резервации живешь, хорошо сохранился. Счастливый ты человек, Бекман. Можно только позавидовать. С такой фамилией тебе ничего не грозит. Тебя, конечно, не пустят в партию, но зато никогда не вызовут на идеологическую комиссию парткома и не станут прорабатывать, никогда не призовут в Органы, и тебе не придётся изыскивать способы отказа от дружбы с ними, тебе никогда не придётся участвовать в мероприятиях типа защиты Родины от инородцев. Тебе не доверяют. Ты счастливый человек. Цени!

– Ценю, но как же действует Система?

– Элементарно, Ватсон! Три друга Иванов, Петров и Рабинович приходят в приёмную комиссию. Задача: Иванова принять, Петрова пустить на самотек (поступит, не поступит – его проблемы), а Рабиновича утопить. Решается просто. Иванову в листок пишут – группа 7, Петрову – группа 11, Рабиновичу – группа 18. Есть в этом что-то подозрительное или противозаконное? Нет! Абитуриентов несколько тысяч и их следует распределить по группам. Дело естественное. Но мало кто знает, что большинство групп – обычные, а группы 7 и 18 – особенные. Группа 7 – привилегированная, т. е. для блатных: экзаменаторы туда пойдут отборные партийцы, которым объяснят, что к чему. Туда же попадут благодушно-либеральные преподаватели, что в жизни не то что двойки, тройки никому не поставили. Группа 18 – убойная, туда направляют проштрафившихся партийцев, с обещанием, что если представитель ненужной национальности получит оценку выше нуля, то партбилет у экзаменатора отберут незамедлительно (за другие дела, естественно). В эту же группу направляют ни о чём таком не подозревающих преподавателей (отноюдь не антисемитов, кстати), которые, если им и случалось кому поставить удовлетворительно, то потом ночь спать не могли от огорчения. Двойки – их страсть. Ибо по природе своей – они садисты. А остальные группы – для простых смертных, и экзаменаторы там простые, вроде тебя. Оценки ты ставишь в широком интервале, на цвет волос и форму носа не реагируешь, мужским шовинизмом не страдаешь, беспартийный, но квалифицированный. Пожалуйста, принимай экзамены и ставь, что хочешь. Кого это волнует?! В спецгруппы попадают и простые смертные. Кому как повезет! И по итоговому среднему баллу ты спецгруппы никогда не вычислишь. А на всякий случай, старшие по аудитории – свои люди. Всегда подстрахуют. И не все блатные пройдут, и не всех евреев утопят. Зачем? Химия – экзамен не единственный, а система зачисления балльная. Да и на полупроходном балле играть удобно.

<http://profbeckman.narod.ru/>

– То есть я сижу в центре действующей Системы, сам – её деталь и даже не знаю, что она есть?

– Ну, да! Я и говорю – счастливый человек...

Неестественный отбор

В 1958 году физики впервые поехали на целину как строители, причём летом. До этого студенты ездили на уборку урожая и, естественно, осенью. Против этого резко возражала военная кафедра. Пошли на компромисс: Даёшь целину, но летом. А летом урожая ещё нет. Тогда пусть строят. Так порешили, и в 1969 году уже все факультеты МГУ отправились на целину строить.

Как будто кто-то из нас умел это делать!

В этом первом стройотряде химфака был и я, тогда – студент первого курса. Ехали долго, много пели и много пили. Сплошь молодежь (в смысле – студенты младших курсов), но попадались «старики» с третьего-четвертого курсов и даже аспиранты – будущие начальники отрядов. В вагоне оказался даже Преподаватель-органик. Ходили легенды, что он любит студентов, прост в обращении, но аномально строг в экзаменационных оценках. Сначала мы решили, что он – начальник. Но нет. По прибытии на место Препад работал, как простой студент. В вагоне же поезда, он, по-свойски, подсаживался к группкам, пел песни, играл в очко на компот из сухофруктов и объяснял правила записи пульки. Многим это нравилось, мне – нет. Все это подозрительно. Распределили нас затем в разные совхозы, и я его потерял из виду.

Много лет спустя, я, как куратор очередного первого курса, пригласил Преподавателя на встречу со студентами. Препад принес целинные газеты за первые годы. Оказалось, что он ездил туда регулярно. Были и за 1959 год, с химиками, много позже ставшими, кто певцом-бардом, кто кинорежиссером, а кто и редактором «Спокойной ночи малыши». Это были наши газеты, что меня удивило, так как Препад никогда не был в совхозе Советском. Ещё больше меня удивило, когда в конце вечера баек, он вдруг показал на меня и сказал:

– Ну, что я вам всё рассказываю. Ваш куратор сам был в первом химическом отряде, командовал бригадой плотников и награжден за это Почетной грамотой ЦК компартии Казахстана. Вы лучше у него спросите.

Я, естественно, засмутился. По свойственной мне скромности я ничего не рассказывал студентам. А про себя подумал: «Вот это память, вот это информированность. Надо учесть».

Вспомнил об этом на приёме вступительных экзаменов у абитуриентов Биофака.

В тот день экзамены проходили в Большой биологической аудитории, куда набились соискатели, члены комиссии и экзаменаторы. Аудитория шла амфитеатром, а я в паре с доцентом по прозвищу Троллейбус сидел где-то в двадцатом ряду, причём у стены. Школьную химию я давно позабыл, поэтому прилагал мощные усилия, чтобы не натворить каких глупостей. Сосредоточенно решал в уме сложные и громоздкие в смысле вычислений задачки, выискивая ошибки. Был занят и ни на что остальное не обращал внимания.

– Это что же он делает! – возопил вдруг Троллейбус, – Ну, что за сволочь!

– В чём дело?

– Да борьба за чистоту расы в разгаре!!

Я посмотрел вниз в поисках фашизма. Всё было тихо. На огромном столе разложены зачётки абитуриентов, лежащие в очереди. Между столом и доской бодро шагает надзиратель, в котором я легко узнал постаревшего Препода.

– Хочешь фокус? – спросил меня напарник.

– Хочу!

Троллейбус встал и так же, как делал это неоднократно до этого, громко произнес:

– Кто готов? Вы? Прошу вас!

Парень еврейского вида встал со своего места, спустился вниз, и протянул руку за зачёткой. Преподаватель вынул её из ряда, машинально отдал её абитуриенту, но тут прочёл фамилию.

– Нет, Вы не готовы. Подождите!

– Я – готов!

– Нет, не Ваша очередь. Пояркова, – крикнул он, выхватывая другую зачётку.

– Я!

– Идите сдавать!

– Я не готова, – заныла девица.

– Ваше время истекло, идите!

Девица, причитая на ходу, пошла к нам, а парень сел на место. Через некоторое время его вызвала другая пара преподавателей. Даме мы поставили «хор», оценив её посредственные знания. Через некоторое время выпустили и того парня. Троллейбус не поленился узнать, что ему поставили. Мы не слишком удивились, что два балла.

Интересно, что брат Препода погиб в борьбе с фашизмом, о чем Препад ежегодно провозглашал на митинге перед памятной стелой. Он дорожил братом. Но, видимо, старший брат погиб всё же в борьбе с немцами, а не с фашистами, и младший мог со спокойной душой насаждать нацизм в России вообще и в МГУ, в частности.

Третий закон Ньютона

Долгое время лица некоторых национальностей не могли поступить на некоторые факультеты МГУ. Прежде все это касалось факультетов математической направленности. Туда не брали даже победителей Всесоюзных или Мировых олимпиад школьников. Но! На каждый яд есть противоядие. Да и интеллект на дороге не валяется. Поэтому сначала на химфаке создали специализацию (с зачислением прямо со дня поступления) «Физическая химия». Конкурс туда был большой, принимали только отличников. Как-то так само собой получалось, что ими оказывались в основном евреи. «Теоретиков» готовили по специальности квантовая химия. Математика была поставлена на хорошем уровне, поэтому туда и шли абитуриенты с математическими способностями. А сдать какой-то дурной экзамен по химии (на Химфаке, кстати, ничего не решающий – нам всё равно учить бывших школьников химии надо заново, так уж лучше с нуля).

Впоследствии система была расширена, и студенты других факультетов включились в матподготовку. Человек поступал на какой-либо факультет, где конкурс был меньше, а национальные порядки либеральнее, и начинал там учиться. Одновременно он занимался в математическом кружке. Занятия в нём проводили сотрудники мехмата и по полной программе мехмата. Предусмотрены были экзамены по всем курсам. В результате, все, кто хотел (не только евреи) кончали одновременно два факультета: свой, о чём свидетельствовал диплом, и мехмат, о чем диплома не давали, но знания в выпускнике сидели крепко. В конце концов, не это ли главное?!

Так в недрах МГУ родился ЖНУ – Жидовский Народный Университет (Народные университеты в те времена были модны). Проработал он лет десять, пока не разогнали, а кое-кого и посадили. Выпускников было много, все они были талантливы и работоспособны (попробуйте хорошо учиться сразу на двух факультетах!). Получались высоко образованные спецы, люто ненавидящие большевизм. В первые годы Перестройки они все покинули СССР.

Повысили научный и культурный потенциал США.

Что делать?

Третий закон Ньютона: «Противодействие равно действию».

Бардак и порядок

С профессором Бекманом мы как-то оказались в одном купе. Дорога длинная, языки у нас тоже. Беседа лениво перекачивалась с темы на тему. Затронули и роль фамилии в карьерных делах.

– Многие жалуются на антисемитизм и ксенофобию в России, и по этой причине бегут на Запад. Насколько это на самом деле серьезно? Ощущали ли Вы какое-то давление с этой стороны? Я, например, ничего особенного не чувствую. Знаю людей, которые, наоборот, искренно уверены в засилье инородцев...

– То, что вы ничего такого не ощущаете не удивительного. Один репортер в Америке уже однажды это наглядно продемонстрировал. В начале века он утверждал, что в Нью-Йорке нет никакой расовой сегрегации. Для экспериментальной проверки гипотезы, он переоделся негром и вышел в город. Согласно пари он должен был продержаться неделю. Но уже на второй день он сидел в ванне и поспешно смывал краску. Расизм оказался вполне ощутимым. Так и тут, исправьте себе паспорт на фамилию Рабинович и начинайте жить снова. Что будет, увидите сами. И довольно быстро.

– Давайте упростим задачу и разделим национальность и фамилию. Вот, например, по паспорту Вы – русский, по мироощущению – тоже, предки, насколько, можно реально проследить – русские аборигены, внешне вы типично русский. Зовут Вас Игорь Николаевич. Из нерусского – только фамилия. Как быть в этом случае?

– Сначала уточню по внешнему виду. Согласно обывательским представлениям русский – голубоглазый человек высокого роста со светло-русыми волосами. В этом стиле Васнецов рисовал своих русских богатырей, Эйзенштейн – Александра Невского, скульптор – Юрия Долгорукого. Другой русский герой – Ванька Дурак, рыжеват (вплоть до блондина) и говорит на «а». Все это абсолютно не соответствует действительности. Посмотрите на настоящих славян: словаков, словенцев или болгар. Чёрные они, как галки. Моя подруга, болгарка Вика, всегда ужасно возмущалась, когда её на рынке принимали за еврейку. «Странные москвичи! Посмотри, у меня чёрные волосы и карие глаза. Евреи рыжие и голубоглазые. Как можно перепутать?!» Русские понимают под евреем что-то хилое, слегка вырожденное, кареглазое и брюнетистое. Между тем, мало того, что евреи голубоглазые и рыжие, они крупные и физически сильные люди. Недаром почти все тяжёлоатлеты в СССР были евреями, одесский порт славился еврейскими грузчиками-биндюжниками, не говоря уже о бандитах. Евреи активно и храбро воевали во вторую мировую войну. Героев Советского Союза среди них почти столько же, сколько среди русских. Чистокровный еврей в Москве будет принят скорее за араба, чем за еврея. Наоборот, Черкасов

играет Александра Невского, как варяга, викинга, норманна. Славянства в нём нет и следа. Возьмите любой исторический труд: русский невысок ростом, широкоплеч и коренаст, волосы тёмно-русые, говорит на «о» (как во Владимире). Русские захватили угро-финские земли, ассимилировались с местным населением и переняли как сам их внешний облик, так и идеальное представление о нём. Уж не говоря о манере разговора на «а». Поскольку я голубоглаз, высок ростом и светло-рус, то нигде в мире меня не принимают за русского (швед или прибалт). Нигде, кроме Москвы и её окрестностей. И это хорошо, потому как живу я тут. Русский я в наших палестинах.

– Понятно, бьют не по паспорту, а по роже. В России в этом плане у Вас всё в порядке. Но, ведь много делается по документам. Тут уж роль фамилии решающая.

– Не столько решающая, сколько важная. Во-первых, в России всегда были специальности, которые, по мнению обывателя и чиновника, могли и даже должны занимать инородцы. Это – учёные, врачи, юристы, аптекари, банкиры, учителя русского языка, юмористы. Сюда же можно отнести торговлю. Можно сколько угодно раз передавать управление Даниловского рынка казакам, он гарантированно разорится. Торговля в России всегда будет делом евреев, армян, азербайджанцев и ещё неизвестно кого. Трудно сказать, почему это так. Но это так! Человек по фамилии Бекман может сделать карьеру не только на химфаке МГУ, но даже на антисемитском мехмате. Но! Он скорее станет профессором, чем завлабом, и академиком, чем деканом. Путь в администраторы ему заблокирован. Поэтому надо грамотно выбирать дорогу. Во-вторых, насколько можно судить, в России нет русских (также, как на Украине – украинцев). Простой пример. Раньше на химфаке на первом курсе отбирали студентов в спецгруппу. Естественно – одних русских. Проверяли предков до третьего, а то и до четвёртого колена. Я просматривал эти анкеты (их накопилось порядка 500) – ни в одном случае (ну хоть одно бы исключение, для смеха) не было, чтобы сам студент, его мама с папой, и дедушки с бабушками носили все русские имена и фамилии, и по документам числились все русскими. Так что объективной базы для национал – коммунизма нет даже в русской среде, не говоря уж о паре сотен других народностей, населяющих Россию. Россия огромный котёл, и русский – не элемент, а сплав. Это касается не только классов различий (интеллигентов) и мещан, но и аристократии. Согласно русским династическим правилам, царь мог жениться только на иностранной принцессе. Дворянство этому подражало и тоже лихо смешивалось с инородцами. Последствия мы имеем до сих пор. В-третьих, Россия была, есть и, надеюсь, будет бардачной. Здесь не Германия, слава Богу, и никакое указание сверху никогда последовательно реализовать не удастся. Чтоб далеко не ходить, возьмем меня и родную спецкафедру. Как я уже сказал, туда отбирали русских, но я туда попал, причём отнюдь не по моей просьбе, и отнюдь не по моим желаниям. Уже на втором курсе мне присвоили форму секретности, которая у меня до сих пор. Существенно, что среди научных сотрудников кафедры (80 человек) Форму имеет только пятеро, а столь высокая, как у меня, лишь у троих. Как такое могло произойти в стране официального антисемитизма при борьбе с космополитизмом? Умом Россию не понять?

– Другой поэт уже откликнулся: *«Давно пора, ебена мать, умом Россию понимать!»*

– Пора-то, пора. Но не получается. Доходило до смешного. Иван Иванович Иванов, русский по паспорту, да и по сути, был старшим научным сотрудником, но Формы-допуска не имел. Когда в 1-ый отдел приходила ему на отзыв закрытая диссертация (для служебного пользования, дсп), он обращался ко мне, я шёл на факультет, изучал содержание, запоминал (выносить записи из кабинета было запрещено, и рассказывал ему, про что работа. Тот писал отзыв, который я уже в отделе перепечатывал от своего имени. В Институт физической химии попустить еврея на работу было невозможно. Специальные церберы стояли на страже. Пропуска проверяли при входе и выходе. Но глянь на физиономии членов ученого совета: хорошо, если двух-трёх примешь за русских. А остальные – немцы, да евреи. А посмотрите на портреты создателей русского атомного и термоядерного оружия. Слов нет, одни чувства.

И что, Вас с вашей Формой везде пускали?

Да, без исключений. За всё время возникло одно недоразумение и то на родном факультете. Упросили меня съездить в командировку в Снежинск. Пошёл в первый отдел за допуском-предписанием. Начальник заболел, и его замещала новая тётка. «Я, И.Н.Бекман, должен посетить спецкомбинат, выдайте, пожалуйста, Форму.» «У Вас Формы нет», – отвечает та уверенно, даже не шевельнувшись. Я тихо вышел. Спускаюсь и соображаю. Раз Формы нет, то, наконец, можно попроситься за границу. Это хорошо. Но есть ещё отчёты по закрытым договорам. Это не хорошо. Пошёл обратно: «Посмотрите внимательно моё дело. Какого числа с меня сняли Форму?» Та оторвала зад от стула и стала рыться в картотеке. Глаза у неё полезли на лоб. «Пардон! У Вас есть Форма. Высокая!» Сделала мне выписку, причитая: «Ну, МГУ, даёт прикурить». Я гордо вышел, оставив даму в полном смятении чувств.

– А коллеги в Ученых Советах? Ведь они решают судьбы при аттестации.

– По моим оценкам, на факультете один активный националист из десяти. Он всегда будет голосовать против, не вникая, кто я такой, чем и как занимаюсь. Важно также, что всегда есть люди чем-то недовольные жизнью. Они протестуют, не глядя на национальность. Их другие проблемы волнуют. Таких – один из дюжины. Они тоже голосуют против, из вредности. Поэтому,

если Совет состоит из 24 человек, то Иванов получит 2 голоса против, а Бекман – 4. Только и всего. Вот если ты склочник и в ходе основной жизни успел переругаться с половиной членов, тогда результат будет другой.

– А карьера?

– У меня было несколько недостатков, мешавших делать карьеру. Я – беспартийный и в никакие игры, типа политбесед или выборов не играл. Свой антикоммунизм не афишировал, но особо и не скрывал. Был пассивным диссидентом. Фамилия – сугубо не славянская. Я никогда не дрался за должности и не шёл по трупам. За сорок лет не написал ни одной докладной записки или жалобы. И в довершение всего не только никогда не лизал задницу начальству, но вообще к нему не приближался. Вряд ли я хоть раз в жизни обратился к кому-то вышестоящему с какой-либо просьбой. Всё начальство я глубоко презирал, и оно это знало. Поэтому двигать меня куда-то ни у кого особого желания не было. Двигали без желанья, наступая на горло своей песни. А что делать?

Работать кому-то надо!

Научный подход

Перестройка способствовала падению дисциплины – в радиохимической лаборатории стали пить по вечерам чай. Следствием было появление мышей. Ирину Михайловну это сильно волновало. Мышей она боялась. Их надо было извести. Но как?! О возне с мышеловками не могло быть и речи, а кошки не терпят радиации. Но она не даром была кандидатом наук – выход нашла. Мышей можно было извести посредством другого учёного – Таисии Ивановны.

Таисия Ивановна была женщиной суровой. Донская казачка! На кафедре её боялись все: от студента до профессора. Тот, кто приказал бы ей перебить мышей, незамедлительно сам лишился жизни.

Ирина Михайловна поступила проще. Она слова не сказала. Просто, уходя с работы, бросила в мусорное ведро, точнее в лабораторный мусорный бак (тот, что с вертикальными стенками и вечно плохо прикрыт крышкой) кусочек колбасы. Мышь польстилась, прыгнула в бак, а выбраться не смогла. Утром, как всегда, первой в лабораторию пришла Таисия Ивановна. Мышь активно шуршала среди бумаг. Таисия схватила ведро, помчалась с ним на помойку, прибила мышь и выкинула её. Когда собрались сотрудники, Тая хвасталась, какая она умелая охотница.

Вечером Ирина Михайловна снова положила кусочек сала в ведро, и снова утром Таисия Ивановна поймала мышь. Так продолжалось до полного извода мышиною племени.

Вот это и есть – ловля мышей по научному!

Вражий стимул

Война в Югославии, натовские бомбардировки очень способствуют умственной деятельности. Сижу у телевизора, а там показывают, как американцы фольгой вырубили все энергетические линии и телефонную связь. Ну, срываюсь, бегу писать грант. На создание линий связи из оптического волокна. Им уж точно фольга до лампочки. В это время жена говорит по телефону с подругой. "А что твой муж сейчас делает?" – спрашивает. "Понимаешь, – отвечает та, – сидел в кресле, смотрел телевизор, потом сорвался и бросился грант писать". Во! Вся страна вдохновлялась бомбежками НАТО. Жаль – не было сухопутной операции. Мы б озолотились.

Хуже некуда

Как-то на банкете профессор МГУ Игорь Николаевич Бекман познакомился с профессором – тезкой. Игорь Николаевич то же был профессором и заведующим кафедрой в одном Институте. Случайно речь зашла о трудной судьбе носителей подозрительных фамилий в России.

– Ерунда, – сказал кто-то – "Вот Бекман стал же профессором МГУ с высокой формой секретности.

– Со мной покруче вышло, – заметил другой русский профессор.

– Куда уж круче?! – удивились мы.

– Я – профессор секретного Вуза, заведующий кафедрой ядерных реакторов, да и форма секретности у меня куда выше, чем у Бекмана.

– Ну и что?!

– А то, что фамилия моя – Борман!

Промышленный шпионаж

О Щёлкове и окрестностях я слышал ещё в школе. Знал, что Лесной институт в Строителе на задворках Мытищ готовит отнюдь не лесников-лесорубов, а компьютерщиков, и не каких-то там программистов, а конструкторов-производителей. Знал, что дремучие леса на севере Москвы усеяны заводами-институтами космической направленности. Но бывать там не приходилось.

Однажды повод нашёлся. Понадобился манипулятор для перемещения образцов в сверхвысоком вакууме. Разведка донесла – есть такой во Фрязино. Прямого пути туда нет, пошли

обходным. Владимир Павлович, тогда мой аспирант из Алма-Аты, сходил на дружественный Кировский Завод, взял направление во Фрязино, и меня прихватил.

Не буду описывать, как я оформлял допуск-предписание и проходил все кордоны. Второй раз на такой подвиг уже не решишься.

Но вот мы сидим в кабинете начальника, пьем чай и ведём окольные разговоры. Задача не проста: чертежи надо получить просто так, за здорово живёшь. МГУ никогда никому не платит, ибо нечем. Впрочем, на меня никто внимания не обращал (серьёзных людей университет не волнует, кому нужны, эти гуманитарии?!). Разговор идёт вокруг Завода. Нет, Боже упаси! Ни его продукция, ни какие-то агрегаты, или там детали не упоминаются даже намёком. Не принято это у спецов, да и Органы разговор прослушивают. Просто вспоминают знакомых, как здоровье, как настроение. Как-то сама собой зашла речь о Штерне, конструкторе масс-спектрометров. Сосланный в Алма-Ату когда-то, как поволжский немец, он там и остался. Статей не публиковал, патентов не брал, но все удачные разработки были его. Мир в целом его не знал, но заинтересованные лица знали, и, видать, хорошо.

– Ну, как там Александр Вильгельмович, – спросил ненароком хозяин кабинета, – по-прежнему в сферические зеркала смотрится?

– Нет! – ответил ВП, – он любит цилиндрические.

Настала пауза. Мужик открыл рот, хотел что-то сказать, но бросился к телефону.

– Васильева ко мне!

Возник Васильев.

– На изделие какие зеркала ставите?

– Сферические, Вы же знаете.

– Штерн ставит цилиндрические!!

Васильев давно живёт на этом свете, и давно ничему не удивляется. Но тут у него глаза лезут на лоб.

– Цилиндрические?!

– Цилиндрические.

Теперь уже Васильев бросился к телефону.

– Маркин, сколько человек у нас занимается сферическими зеркалами? Триста? Немедленно всё свернуть! Переходим на цилиндрические. Конструкторов ко мне, через полчаса – совещание.

И он пулей вылетел из кабинета.

– Ну, ребята, Вас Бог послал. Просите, что хотите!

Мы скромно взяли, что хотели, и удалились.

Я крутил головой: сферические, цилиндрические... Какая разница? Главное, никто не поинтересовался, что за зеркала, какие у них размеры, из чего изготовлены, куда их ставить. А как всполошились! И решения крутые сходу приняли. Одного слова хватило, чтоб сменить технологию.

Да, ребята, спецы – большая сила. Особенно – ценящие чужой интеллект. Им никаких фотоснимков чертежей или записных книжек не надо, и даже документов для них красть не стоит. Намека хватит...

Теперь в кругу спецов, я молчу, как рыба.

И вам советую.

Сатир (Рассказ завлаба)

Жизнь моя, в сущности, не удалась: ни семьи, ни любовника. Невольно о причинах задумаешься. Хотя, что тут, собственно, думать – причина одна – старый профессор – божий одуванчик – согрешивший со мной в моей ранней юности.

Родилась я на Волге, где и угораздило меня увлечься химией. Учительница у нас была заводилой. Классная руководительница организовала кружок, где фокусы показывала очень занимательно. Я и увлеклась. Пошла по олимпиадам: районные, областные, республиканские и последняя – всесоюзная. Она проходила в новом здании МГУ на Ленинских горах. Два этапа: теоретический и экспериментальный. Я синтезировала ацетилсалициловую кислоту, аспирин, как вы понимаете. Довольно удачно – заняла призовое место, получила приглашение поступать в МГУ. В те времена массового наплыва в химию (реакция на лозунг: социализм есть советская власть, плюс химизация всей страны) конкурс составлял 18 человек на место, все больше мальчишки накачанные репетиторами. И я – девочка-провинциалка. Но мне хотелось в МГУ, и вообще – в Москву. В Саратове будущего для меня нет, это я уже тогда понимала. Обложила учебниками (Глинка, Некрасов, Хомченко, кто там ещё – забыла), пыхтела, пыхтела – и поступила, всем и себе на удивленье. С первой попытки!

Стала я учиться на химфаке, а жить – в красных домах, пять остановок от ГЗ.

Семестр пролетел быстро, без особых проблем. А вот на первой сессии проблемы возникли, да еще какие! Лекции по всем предметам читали профессора-академики. Старички-мухоморы. Спицына, например, на инвалидной коляске прикатывали. Математику же читал профессор

Сумаркин, та ещё старая перечница. Маленький, лысый, пузатый и суетливый. Лекции он читал практически молча, исписывая формулами всю доску. Какие-то выражения от оставлял без внимания, какие-то подчеркивал одной чертой, какие-то – двойной, иногда – волнистой. И всё. Никакими шпаргалками он не пользовался, но если вы брали конспект прошлогодних лекций, или лекций, прочитанных 10, 20 и даже 50 лет назад, то в них всё совпадало, т.е. вообще всё – и цифры, и буквы, и нумерация уравнений. Вплоть до знаков препинания. Очень удобно, на лекции можно не ходить: достал где конспект и просвещайся. Я и не ходила.

Кончилось это печально. На экзамене профессор спросил двоих, поставил пятерки и удалился. А остальные достались молодым веселым ассистентам с мехмата. Те, видать, вообще не знали, чему нас учили, ну и вкатили 21 двойку, одну – мне. Достала она меня крепко – на пересдаче я заработала столько же. Сдала с четвертого подхода к снаряду, где-то в середине следующего семестра. Утомилась страшно. А тут ещё личная жизнь началась: на Новый Год меня классно оттрахали прямо на кухонном столе. Потом много времени ушло на свиданья, прогулки по Ленгорам, танцы-манцы, распевание песен на лестнице, не говоря уж о просмотре дефицитных фильмов в аудитории 01. Не удивительно, что в очередную сессию я получила неуды уже и по физике, и по химии. Оставалось два экзамена, оба по математике: матанализ да аналитическая геометрия. С учётом прошлого опыта стало ясно: мне их не сдать. А это означало автоматическое исключение из МГУ и возвращение в уже забытый Саратов.

Пришлось задуматься.

Тут я вспомнила забавную сценку. Ехала я как-то домой в переполненном автобусе. Впереди сидел Сумаркин, к нему прижало девушку с третьего курса. По случаю весны и новой моды, она была в мине юбке. Рука профессора слегка погладила ногу девушки, затем поползла вверх и исчезла под юбкой. К моему удивлению, девушка не подняла крик, не дала по морде, не отстранилась и не бросилась вон из автобуса. Она только преступила с ноги на ногу, облегчая агрессию.

– Однако, – подумала я.

И забыла.

А теперь вспомнила. Хоть профессор, а козел; хоть старый козел, а профессор – вершитель судеб.

Шанс возник. Что я, в конце концов, теряю? Девственности лишилась еще в 9-ом классе, нельзя сказать, что сексом много занималась, но эпизодов 20 было, с дюжиной разных мальчиков. Так что в этой сфере я ничего особо не боялась, даже беременности. Конечно плохо, что старый, но профессора в МГУ молодыми не бывают. Плохо, что козёл, но все мужики – козлы: одним больше, одним меньше...

Я решила и дня через два вошла в его квартиру в доме Преподавателя, что на углу Ломоносовского проспекта и проспекта Вернадского. Квартира оправдала ожидания: большая прихожая, длинный и широкий коридор, большая кухня, аномально высокие потолки, небольшой балкон с видом на строящийся цирк и МГУ. И книги, книги, книги – с пола до потолка. Стол и пол усыпаны рукописями. Все, как надо, как я и ожидала. Жилище аскета-профессора. А вот спальня оказалась полным контрастом – обитель Казановы или Дон Жуана, точно не знаю. Вся в коврах и шкурах, широченная кровать с белоснежным бельём, огромные зеркала на стенах и даже на потолке, канделябры в виде бронзовых обнаженных барышень с толстыми свечами. Хрустальные люстры, звенящие при малейшем движении воздуха. В художественном беспорядке разбросаны ошейники, кандальи, плети-нагайки, фалло-имитаторы, вибраторы. И порно-журналы, естественно. То ли будуар французской куртизанки, то ли уголок гарема турецкого султана. Да же страшно стало: уж не маньяк ли.

Он сварил кофе, угостил очень вкусным ликером. Потом – французским шампанским. Голова у меня закружилась, но слегка, без потери контроля над ситуацией. Думала – отдамся побыстрому, с закрытыми глазами, чтоб не видеть старичка безобразного, и пойду себе в общежитие. Не тут-то было.

Он медленно раздел меня, положил на шкуру и начал массировать. Тело впитало какие-то масла, для каждого участка тела разные. Люстры погашены, мерцают свечи, трещат и дымятся ароматические палочки. Мышцы расслабляются, клитор подозрительно чешется. Стала я впадать в приятную дремоту. Тут же я была поднята на руки (откуда у старичка такая сила) и отнесена в ванну. Из полумрака – на яркий свет. Я зажмурилась, но успела заметить, что все стены ванны – сплошные зеркала, так что десяток обнаженных дам рабы погружали в заполненную пеной ванну. Меня кто-то мыл мягкой варежкой, чесал спинку, натирал промежность. Я никак не отвечала, пребывала в полной расслабке. Но было приятно, очень приятно. Так приятно, как никогда не было. Испытала, наконец, что такое – истома. Особенно впечатляли запахи, никогда не думала, что такие запахи существуют на свете и что они окажут на меня столь благотворное влияние. Я захотела мужчину, причём немедленно.

Меня вынули, вытерли и отнесли на постель. Там уложили животом вниз, ноги на коврах, и резко и сильно отшлепали. Я не успела возмутиться, как попа моя запылала жаром. Тут меня стали целовать, лизать и сосать, вращая, открывая и закрывая моё тело, придавая ему разные

позы, в том числе – экзотические. Скоро не осталось ни одного нецелованного места, твёрдый язык проник во влагалище и стал шуровать там, потом он переместился в задний проход и там потрудился. Кто-то пощипывал-сосал малые и большие половые губы, а потом стал сосать-покусывать клитор, который, как мне показалось, стал расти и твердеть. Рука, похоже, вся кисть, проникла во влагалище, палец нажал какую-то точку внутри, меня ударило током, дрожь сотрясла всё тело, из меня потели соки, я буквально описалась. Что-то большое, крепкое поползло по животу вверх, затем стало с трудом пробиваться сквозь сжатые с боков груди. Я раскрыла глаза и закрыла снова. На меня надвигалось нечто лохматое и косматое. Только что без рогов. Сатир – определила я, а я стало быть – нимфа. Из этого комка шерсти выступал как копые член невиданных размеров и красоты. Диаметр сантиметров 7 и длиной чуть не в четверть метра. Казалось, он изготовлен из какого-то благородного дерева, самшита, тиса – я не разбираюсь. Переплетенный жилами, кровеносными сосудами, мышцами он имел вид грозного оружия, казалось, повесь на него ведро с водой, он выдержит. Откуда такой член у божьего одуванчика? Игра природы!

Я снова струхнула – не разорвет ли.

Член постучался и вошел в рот. Я распахнула его шире, попыталась проглотить прищельца, а после неудачи стала сосать его, сильно сосать, прямо в каком-то неистовстве. Раньше я никогда не делала минета, не стала бы его делать ни за что на свете, даже за отлично по матану. Но сейчас ничего разумного во мне не осталось, проснулись какие-то древние инстинкты и я сосала и сосала. Наконец, он вышел из меня и отправился путешествовать вниз. Нетерпенье мое достигло апогея, я бы жизнь отдала, лишь бы он вошёл в меня. Вновь открыла глаза. Вид прекрасный: нижний бюст мой высоко поднят, благодаря твёрдому валику, подложенному мне под попу, ноги максимально разведены в сторону и коленями прижаты к грудям. Мощное орудие начало проникновение. Но, по настоящему, поразило другое, трудно поверить – мое собственное тело. Клитор, обычно являвший собой еле уловимую кнопку, вырос, превратился в маленький членник с розовой головкой, длиной в пару сантиметров. Чудеса твои, Господи!

Член заполнил меня всю, проникнув глубоко, прямо под горло. Вёл он себя активно, не просто двигаясь туда-сюда, но и вращаясь во всех плоскостях. Тело мое тоже вращалось во всех плоскостях, то взлетая вверх, то падая вниз. Я то оказывалась под партнером, то над ним, то рядом на боку, то лицом к нему, то спиной, то с сжатыми ногами, то на шпагате. Не удивительно, что я испытала оргазм, несравнимый по силе ни с одним, бывшим раньше. Мне было позволено немного отдохнуть без потери контакта. И мы начали снова, уже вместе и с удвоенной энергией. Снова началась смена позиций, куда там Камасутре, мы испробовали первую сотню, пошли на вторую, когда меня сотряс второй оргазм и какой! Я не только ничего подобного не испытывала, но даже не представляла, что такое возможно. Воспаленное моё влагалище сжалось, пошли волны, одна за другой. Я дико закричала и даже, кажется, зарычала. И потеряла (или почти потеряла) сознание. Но, боясь что-то упустить, быстро пришла в себя. Член ещё был во мне. Обмякший, но был. Я ужасно испугалась, что он меня покинет. Стала его массировать, закрутила задом. Помогло. Мы продолжили наши игры, сначала медленно и лениво, затем быстрее и интенсивней. Теперь инициатива была за мной, я делала, что хочу. Делала от всей души. На этот раз мы кончили одновременно, внутри меня забился вулкан, струя спермы ударила в матку. В третий раз я испытала оргазм, не такой сильный, как первые два, но зато долгий, очень долгий.

Без сил мы рухнули на подушки и проспали часа два. Потом я встала, подмылась, выкурила длинную сигарету с мундштуком и ушла.

Ту сессию я сдала, равно как все остальные. Математика у нас кончилась и Сумаркина я больше не видела, вообще ни разу не встречала. Скоро он умер.

Я же окончила МГУ, потом аспирантуру, вышла замуж, родила двоих детей, защитила кандидатскую диссертацию, потом – докторскую. Теперь вот веду лабораторией, небольшой, но всё же. И что я имею? Ничего! Я прожила длинную жизнь, а жила только полчаса, лишь полчаса у Профессора.

Этот старичок-доходяга разбудил меня, как спящую красавицу. После того случае я всегда хотела секса и без проблем его получала. Но что это был за секс? Убожество, просто убожество. Пацан бросал меня на кровать, начинал трахать, через три минуты кончал, отворачивался к стене и засыпал. Я ничего не успевала почувствовать. Кроме боли и общего неудобства. Пришлось прибегнуть к более солидным партнерам, потом – пробовать всех подряд: старых, зрелых, молодых, толстых и худых, высоких и низких, брюнетов и блондинов, всех национальностей и темпераментов, с членами всех размеров и объёмов. Когда работала в Черноголовке, перетрахала весь посёлок. Четыре раза была замужем, девять раз беременела, два раза рожала. Народ решил, что у меня бешенство матки. Какое бешенство, если я не испытываю оргазма? Не то, что сильного, вообще никакого. Никто меня не мог удовлетворить, хотя бы чуть-чуть. Пробовала игрушки разные, вибраторы всех типов, садомазохизм и немного лесбоса. Никакого эффекта – тело, как бревно.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Пришлось бросить это дело. Живу одна и даже не мастурбирую. А как хочется, как хочется хоть раз еще испытать сексуальную разность, испытать оргазм, забиться, закричать. Бывает смотрю на луну и вою, просто вою:

Профессор! Профессор! Где мой профессор?!
Настоящий Профессор.

<http://profbeckman.narod.ru/>

ХИМИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Мама! Я химию люблю...

Когда твой возраст приближается в восьмидесяти годам, садись и пиши мемуары. В назидание потомкам. Предпринял несколько попыток на этом направлении, но серьёзно за дело так и не взялся.

Однажды, когда я был председателем научно-методического совета Детской ядерной академии мне предложили написать какие-либо тексты, способные увлечь школьников химией. Я особенно заморачиваться не стал - вспомнил детство - отрочество - юность (период 10-лет, с 6 до 25) и изобразил нечто в виде фантастических рассказов, мемуаров барон Мюнхгаузена (ты барон - и я барон, оба мы бароны) правда на реальной основе. Автобиографическая проза называется. Набралось несколько рассказов с химической, радиохимической и, отчасти, физической основой. Тексты для любознательных. Всесилие химии демонстрируют. Не поленился, проверил материал экспериментально. Составил детальные прописи: какие брать пропорции, как смешивать, кипятить, перегонять, кристаллизовать... Вроде всё получилось. Написал в виде практических регламентов изготовления взрывчатки, самогонки, атомной бомбы, губной помады, ракетного топлива, невидимых чернил, детекторов нитратов в арбузе, наркотиков, ядов, оригинальных счётчиков радиоактивности, лекарств и т.п. Потом удалил всю конкретику, оставил только внешнюю канву. Так что по рассказам ничего (ни полезного, ни вредного) изготовить нельзя, но понять, что химия - наука интересная, а химики - люди полезные, хотя могут быть и опасными, можно.

Представил тексты заказчикам. Их забраковали, под смехотворным предлогом: пособие террористам, сказали. Это, ребята, вы зря. Огонь тоже не подарок, но это не значит, что если вы его прославляете, то стимулируете поджигателей деревни и окрестных лесов. Наше дело - освоить науки, развить их, изобрести что-то новое, а куда их кто применит - нас не касается. Огнём можно в холод согреться, а можно диссидента какого на костре сжечь. А рассказы, они рассказы и есть, по их сюжетам каши не сварить.

Но нет, не поверили. Вешать на сайт и тем более печатать запретили.

Так что я один в двух лицах: сам написал, сам и прочёл.

Оба мы довольны.

Химик я

*Мы все спецы - так песенка поёт,
Но мы споём её наоборот:
Дурак - любой, кто верит в пьяный бред,
Что гамма-квант приносит бред.
Пусть Ящик ждёт нас - это не беда,
Ведь в нас течёт не хилая вода,
А кровь и спирт с добавкой D₂O
И больше, вроде, ничего.*

Надо представится, а то неправильно поймут.

Родился я 7.07.41 в Москве, но был немедленно перемещён на 27 км в дачный посёлок Клязьма (теперь, считай, Москва, но тогда - благоустроенный лес). Там я обнаружил несколько важных обстоятельств: идёт война, враг у порога, у меня фамилия Бекман (то ли немецкая, то ли еврейская, то и другое весьма некстати; а то, что она шведская никому объяснить нельзя), я потомственный дворянин, аккурат в тринадцатом поколении (что не очень полезно в коммунистической стране), потомок баронов-разбойников, но, главное, - потомственный химик.

Война пройдёт, а с остальным мне жить. Надо как-то реагировать.

Химия не только интересна сама по себе, но и полезна в плане защиты личности.

Никому не советую с химиком связываться. Да и в мирное время за ним нужен глаз да глаз.

Химией я увлекаюсь с детства. Причины не знаю. Вряд ли тут сыграли роль рассуждения о полезности этой науки и целесообразности её освоения.

Началось с того, что в поиске уединения, я нашёл на чердаке нашего дома гору старых книг по химии, физике и биологии. Откуда они взялись - непонятно. До войны здесь был детский сад. Издания замечательны: огромные, пыльные, в тяжёлых переплётах, с великолепными иллюстрациями - гравюрами. Читать я не умел, но часами разглядывал картины: все химические (и алхимические) аксессуары представляли, как живые, даже лучше реальных. Казалось, от них шёл химический запах, типа вони горячей серы, с которым я был знаком. Так и тянуло из свинца сделать золото, создать эликсир молодости, всеобщий растворитель, запустить в общество Голема, найти философский камень, наконец.

Не долго я предавался созерцанию. Во мне проснулся экспериментатор. Активный экспериментатор.

Начинал я, правда, с физики и техники: часами разбирал-собирал мясорубку, неоднократно пытался демонтировать швейную машинку Зингер и керогаз, игрался со счётками,

крутил ручку арифмометра, добывал магнит из репродуктора, а фольгу из конденсатора. Естественно много возился с оружием, особенно с двустволкой, хотя один курок приходилось взводить двумя руками, а ружьё опираться на спинку стула. Стрелял пистонами по горячей свечке. При точном попадании она гасла. Лишь в шесть лет я перешёл на настоящие патроны, героически борясь с отдачей. Однако на охоту за кабаном я попал уже почти взрослым, где-то в четвёртом классе. Сначала пришлось учиться скакать верхом, разбираться с гончими и борзыми.

Сейчас, вспоминая детство, мне кажется, что как стал ходить, так химиком и стал. На ранней стадии я увлеклся ртутью, бил термометры (не бытовые градусники, а именно термометры, что хранились у матери ещё с довоенных времен), и собирал ртуть. Интересно было наблюдать, как блестящие шарики быстро бегают по коробке (чуть позже – по чашке Петри), то сливаясь в большие капли, то разбиваясь на мелкие осколки. Я часами мог разглядывать пламя спиртовки, стараясь определить его структуру. Вставляя в пламя железную палочку, предварительно натёртую какой-нибудь солью, я менял цвет пламени, иногда – кардинально. Самостоятельно наладил производство стеарина. Собирал квадратные железные банки из-под американской тушёнки и счищал с её внешних стенок стеарин, который потом переплавлял в той же консервной банке. Сам делал свечи, заливая воск или стеарин внутрь стеклянных ёлочных игрушек, отчего они принимали фантастические формы. Свечи по мере горения меняли цвет пламени: красный - фиолетовый - жёлтый - зелёный - синий. Труднее всего было добиться синего цвета (надо знать химию и знать очень хорошо).

Из головок спичек добывал фосфор, насыпал его в полый ключ, вставлял туда гвоздь. Бежишь, вертишь устройство на верёвочке вокруг головы, потом – хрясть им о чей-то забор – выстрел получается, как настоящий. Большой простор для фантазии давали кино-фото пленки. Свернешь плотно плёнку, завернёшь в бумажку, как в фантик, подожжёшь с одного конца и кинешь куда-нибудь в публику. Настоящая дымовая завеса получается. Ну и конечно – карбид. Ценное вещество! Девочек на пляже Клязьмы-реки пугать можно, ну и много ещё чего с ним предпринять. Ацетилен - полупродукт лекарств, наркотиков и других полезных продуктов типа ядов. Довольно рано начал изготавливать бенгальские огни, небольшие ракеты и нечто в виде фейерверка.

Основной талант мой развивался на ниве взрывотехники. Сколько себя помню – взрываю всё и вся. И самодельную взрывчатку, изготовленную по собственному (оригинальному!) рецепту, и стандартную, типа толовой шашки, благо в то время её особо искать было не надо (Это в раннем детстве она везде валялась, а потом быстро закрутили гайки, и найти её стало проблемой). Начало этому безобразию положил отец - гуманитарий (юрист). К науке он относился скептически - знал один химический термин – *каликум пермангаликум* – латинское название перманганата калия и стишок: «*Ты возьми, возьми квасцы, ты на них поссы, поссы, вынесешь на мороз и получишь купорос*». (Враньё! Сколько не выносил обоссанные квасцы на мороз – купороса не получалось. До и то сказать – разве я серной кислотой писаю?!). Желая отвлечь меня от охотничьего (чёрного) пороха, он указал на возможную замену селитры на бертолетову соль. Я тут же уговорил нянюку купить мне её. Она спорить не стала и приобрела прямо в Клязьминской аптеке (там она продавалась, как антисептик и средство для полоскания горла) банку (3 кило!) этой самой бертолетки. В горло моё не попало ни одной молекулы хлората калия, зато все пни в округе повыскакивали из земли. Ценнейшим веществом оказалась эта блестящая, как снег на солнце, соль. Поэтому когда я в честь своего юбилея – семи лет, ради забавы гостей, устроил мощный взрыв, с образованием воронки глубиной в метр, никто особенно не удивился. Пень взлетел в воздух, пролетел два участка и упал на грядку прямо перед убиравшей клубнику бабкой. Та долго крестилась и смотрела в небо. Не могла понять: это дар или наказание.

Приятель отца по Гражданской войне, бывший комиссар всей Сибири, догнал свою соломенную шляпу, сбитую взрывной волной, и похвалил меня:

– Молодец, химик! И почему-то добавил: Профессором станешь!

Пожелание хорошее, только что ему стоило сказать - академиком станешь? Стал бы я академиком, а так - лишь профессором химического факультета МГУ. Впрочем, тоже неплохо, если разобраться.

В августе 1945 года я сидел на письменном столе в своей маленькой комнатке (я всегда жил один, что для москвичей, очумевших в коммуналках было непонятно) и крутил фитиль большой керосиновой лампы – летучая мышь называется. Из Москвы вернулась мать и сходу объявила: американцы в Японии взорвали атомную бомбу. Так атом вошёл в наш дом. Взрослые активно обсуждали бомбардировку Хиросимы, доносились слова: уран, радиация, миллионы жертв. Я многое не понял, но запомнил. Атомная тематика прельстила меня, пришлось идти в радиохимики.

Первого сентября мать отвела меня в школу, а сама стала работать старшим лаборантом в недавно организованной секретной 132-й лаборатории радиохимии на химическом факультете МГУ. В середине сентября 1948 года я вошёл в старое здание МГУ, куда хожу до сих пор (правда, давно уже в новое).

<http://profbeckman.narod.ru/>

Много чего могу рассказать об университетской жизни. Тем и опасен. Но не буду. Лишь несколько замечаний по теме.

Посещал я старое здание МГУ отнюдь не каждый день, но довольно часто. Ждал, пока мать освободится.

В 132 лаборатории я бывал, но долго там находиться не мог. Во-первых моё присутствие не приветствовалось, а во-вторых сесть было некуда - студенты проходили практику. Однажды я всё же дорвался до изотопов (короткоживущие бета-излучатели - ^{32}P и ^{35}S), но весь перемазался в активности, можно даже сказать - искупался в ней. Меня долго мыли и чуть было не конфисковали школьную форму. Одежду-то зачем стирать? Всё само распадётся, прямо на мне.

После этого путь в практикум был мне закрыт.

Если погода была хорошей, то сидел на лавочке перед памятником Ломоносову. Тут ко мне подсаживался кто-то из сотрудников (видать, большой учёный), исповедовался и учил меня жить. Я осваивал альтернативный подход к жизни. К нему я был готов: дома один подход к оценке марксизма-ленинизма, за порогом - другой. О Ломоносове, Суворове, Кутузове, Сусанине, Курчатове, Берии... по радио говорили одно, а подсевшие ко мне собеседники - другое. Крайне отрицательное. По еврейскому вопросу, который в начале 50-х всех занимал, тоже поступала противоречивая информация. Одна полностью противоречила другой. Освоение альтернативного подхода привело к тому, что я всю остальную жизнь никогда, никому и ничему не верил. Даже в потепление климата и в холодный ядерный синтез.

Для последующей жизни в МГУ важными оказались разъяснения что такое эдипов комплекс (ученик катит бочку на шефа (как на отца)) и иудин комплекс (ученик (или ученица) предают учителя. Есть разница между этими комплексами. Большая разница! Потом убедился в этом экспериментально.

Были советы, как делать карьеру. Предупреждали, чтобы не вздумал стать стахановцем и не начал перевыполнять норму. Если у зав.кафедры выходит 3 статьи в год, то у тебя должна выйти одна. Если ни одной - выгонят за лень, если 5 - вылетишь с треском за превышение полномочий. Не беги впереди паровоза, и не лезь перед батькой в пекло! Намылившись издать монографию, учебник или получить патент - бери в соавторы всё начальство: зав.лаба, зав.кафедрой, декана. И будет тебе счастье! А нет - так пеняй на себя. Я печатал статьи умеренно (сейчас у меня 330 публикаций), в соавторы никого не брал. В конце жизни опубликовал сразу 7 учебников и сразу стал врагом народа в лице начальства (противопоставил себя коллективу). Меня сразу убрали из учебного процесса и двинули к дверям на выход.

Надо вступать в партию и активно заниматься общественной работой. Станешь секретарём, войдёшь в тройку начальства, будешь судьбы решать, и сам начнёшь подниматься по ступенькам. Но! Избегай входить в персональные комиссии. Сейчас ты чихвостишь молодого, жене изменившего, выговор ему залепил с занесением, а он подрос, стал ректором и дал тебе под зад. К тому же, кто даст гарантию, что наш социализм вечен? Вернётся капитализм, компартию запретят, будет люстрация, и всех членов партии выгонят с работы. Дожил я и до таких перемен, не слишком кардинальных как в Чехии, но всё же... Этот путь не для меня, уже на второй день учёнья в школе я знал, что в партию никогда не вступлю.

Важный совет: найди, кому лизать жопу и лежи активно, подлаживайся под сюзерена, раз уж ты вассал. Найди майора и стань денщиком, чисти сапоги, таскай чемоданы; майор станет полковником - ты - адъютантом, пиши уставы, речи ему на банкеты; глядишь - он генерал, а ты полковник. Но! Пока он жив, генералом ты не станешь. Знаем мы таких выскочек, станет начальником, а меня, своего благодетеля на пенсию отправит. С молодёжью надо держать остро, буду умирать, тогда да, тогда, может, и поспособствую, а пока - нет. Решительно нет! Этот путь кажется оптимальным, но и здесь риск. Пример. Сколько людей кучковалось вокруг председателя Реввоенсовета СССР, сколько искало дружбы, сколько заискивало, но Председателю проломили голову ледорубом, а его клеветы - троцкисты, кто немедленно отправился на тот свет, а кто 20 лет колол уголь в Воркуте. Так что сегодня ты друг декана, а завтра его попёрли, выгнали его команду, выкинут и тебя. Осторожным надо быть, осторожным.

Известно: у рыцаря на распутье, есть пять степеней свободы: прямо, направо, налево, назад, заночевать на месте (самое разумное решение, обычно я так и поступал), все рискованные, следует выбирать не самый безопасный, а самый для тебя интересный. В Университете четыре вида сотрудников: преподаватели, учёные, инженеры и администраторы. К крупной административной должности Бекмана в России никогда не допустят, ни при какой власти, и ни при каком строе. Посмотри список сотрудников МГУ, много среди завлабов, завкафедр, деканов лиц, фамилии которых оканчивается на ман? Их не просто мало, их вообще нет. Для тебя этот путь закрыт, станешь руководителем группы из двух человек, и хватит с тебя. Инженером ты быть не сможешь - какой ты инженер? Ты что, тяги проект осуществить можешь? Нет! Забудь об этом.

Опять же ты не студентка-аспирантка, влюбить в себя старого шефа, развести его со старухой (её желательно отправить на тот свет под благовидным предлогом), выйти за него замуж и стать доцентом, не сможешь. Пол у тебя не тот...

Твой путь - преподаватель (в первую очередь, ибо работаешь в ВУЗе) и учёный (ибо свою тему иметь надо, иначе как ты диссертации защищать будешь, свои и учеников). С такой фамилией ты всегда белой вороной будешь. Но это не ужасно. Много таких ворон быть не может, а одна - да, почему нет, даже оригинально. Говорите, доцентом в МГУ может стать только член партии? Вовсе нет. Вон на радиохимии Бекман беспартийный, а доцент. Говорите на факультете ксенофобия, антисемитизм, а вон на радиохимии Бекман профессор и по званию и по должности, к тому же заслуженный профессор МГУ. Так что с толерантностью у нас всё в порядке. Отвали!

И помни: Университет с внешней точки зрения - царство знаний и высоколобых, но с внутренней - клоповник, серпентарий, гадючник, застойной болото. Царство хищников. Сожрут не моргнув глазом.

В каком-то смысле я внял напутствиям и пожеланиям. Не всем. Если я знаю, что красный свет означает запрет на движение, то отсюда вовсе не следует, что не побегу через улицу когда хочу и как хочу. Будет настрой - побегу. Я человек свободный и законы мне не писаны. Но знать, что означает красный сигнал светофора, а что зелёный нужно и полезно. С точки зрения оптимизации риска.

Если погода была плохой, то я располагался на широком подоконнике в курилке перед туалетом. Там я слушал споры-разговоры и изучал жизнь. Времена были суровыми, некоторые участники дискуссий бесследно исчезали. Как кино, наблюдал я развитие комсомольского бунта на физфаке в 1953 году. Молодежь тогда была активной - многие воевали и потому мало чего боялись. Хотели учиться, стремились стать хорошими специалистами. Радиохимики назывались спецами, были они в основном мужчинами, и арийцами, получали высокую стипендию и обеденные талоны. После учёбы их отправляли в ящики в дальние уголки страны. Выбраться оттуда было нереально.

Но не будем о грустном.

Конечно, я не постоянно пребывал неподвижном состоянии. Чаще меня куда-то несли черти.

Прежде всего я изучил подвалы и чердаки зданий Университета. Их несколько. В здании, где размещался химфак (и ещё несколько факультетов, разделились они сравнительно недавно и территориально не очень чётко) пройти было трудно - требовался пропуск и меня вахтёры отгоняли. Ещё труднее было попасть в Радиохимию, поскольку она располагалась в задней части здания и требовался второй пропуск. Радиохимики имели два пропуска. У меня - ни одного. Не справедливо, но факт. Спасало, как всегда то, что мы живём в свободной стране, а не в удушливой Германии, к примеру. Довольно быстро я обнаружил, лаз, с некоторым подобием лифта, по которому на факультет подавали реактивы, растворители, кислоты, посуду, изотопы и много ещё чего. Лаз никак не охранялся и я входил и выходил в здание, когда хотел, постепенно изучив все особенности корпуса, включая туннели с подземными коммуникациями.

Постепенно расширил изучаемое пространство. Сначала обследовал все здания МГУ, включая деревянный домик во дворе - светёлку - где в плотном облаке сероводорода работал и жил небольшой мужичёк. Студенты больше часа не выдерживали, быстро проведя осаждение сульфидов тяжёлых металлов (аналитическая химия) они вылетали на свежий воздух подышать и покурить. А мужичёк обеспечивал науку и учебный процесс круглые сутки в атмосфере ядовитого газа. И ничего! Когда же аналитику перевели в новое здание МГУ, и сероводород отменили, он незамедлительно умер.

Вторым интересным местом был палеонтологический музей. В высоких залах были смонтированы скелеты разных динозавров, мамонтов, гигантских носорогов и просто чудищ. Внутрь музея я попадал редко, экспонаты рассматривал через окна. Но в подвал я проникал, а там были развалы костей, всех размеров и типов. Валялись они и во дворе. Бери - не хочу. Мне не нужно, я проходил мимо. Лишь однажды заметил гигантские рога какого-то гигантского (надо полагать - доисторического) оленя. Дома бы они хорошо смотрелись. Только в метро и в электричку меня бы не пустили, да и не пролезли бы они ни в одну дверь. К тому же у меня не хватило сил оторвать их от земли.

Третье место - морг. Роскошный морг. Он уже не принадлежал МГУ (в 1930 году медицинский факультет был выведен из состава МГУ и преобразован в самостоятельный 1-ый Московский медицинский институт), но трупы сюда везли исправно, почему-то на телеге, которую тянула рыжая лошадка. Кажется, здесь царствовала судебная медицина. Порхали студентки в халатах. Заходили и солидные мужики - их манил источник медицинского спирта, да и тихо здесь было, трупы никому не мешали и не на кого не стучали. В морг я никогда не заходил (боюсь покойников), собирал полезные вещи вокруг корпуса.

Постепенно сфера путешествий расширилась. Сейчас трудно представить себе сколько в старой Москве было подвалов (и бомбоубежищ, но не о них речь). Все помещения в центре отапливались печами, в основном - дровами. К каждой квартире был прикреплен кусок погреба, запёртый (не всегда) на замок. Там хранился кой-какой скарб и дрова в виде не слишком толстых и не слишком длинных брёвен. Имелась двуручная пила и козлы. Дрова нужно было пилить, колоть и таскать к печам. Зимой - активно. Я часто этим занимался.

Важно, что подвалы составляли густую сеть, так что при известной ловкости можно было от Манежа пройти к улице Горького (к Моссовету), на улицу Герцена (к Консерватории) или даже на Садовое кольцо, нигде не выходя на улицу. Единственно, что нужно было огибать американское посольство - там не пролезешь, а могут и посадить.

Сейчас не буду рассказывать о приключениях в подвалах и канализациях. Хотя повесть бы получилась занятной.

Для обсуждаемой темы важно другое. Я у себя на даче в сарае и находящимся под ним бомбоубежищем организовывал химическую лабораторию. Проводил комплектацию её оборудованием и реактивами. Конечно, я мог попросить мать принести что-то с работы, или сам добыть в лаборатории. Но мы никогда ничего из МГУ не выносили. Не знаю почему. Не выносили и всё...

Всё необходимое я добывал на помойках и свалках: МГУ, близлежащие институты и даже МИФИ, который тогда располагался на Кировской, напротив Главного почтамта. Тогда он назывался Московский механический институт (а до этого *Московский механический институт боеприпасов*). Чего только не было на этих свалках! Перед праздниками народ наводил марафет и выкидывал из лабораторий всё сломанное, а часто и не сломанное, но не нужное, просроченное и давно списанное. Я обзавёлся аналитическими весами, прекрасным микроскопом (Цейсовским!), дозиметром и даже рентгеновской установкой (без защиты она сильно меня облучала). Колбы, реторты, пробирки, дефлегматоры, эксикаторы, бюксы - любых форм и размеров. Перегонный аппарат, вакуумные насосы, печи и сушильные шкафы. Всего не перечислишь. Реактивы, растворители, кислоты, щелочи - в ассортименте. О чистых металлах, оксидах, солях, полимерах уж не говорю. Добыть можно всё. Но при большом трудолюбии. Требуется постоянное посещение всех помоек с перетряской всего и вся.

Однажды мне повезло: нашёл ампулу с четырёххлористым титаном. Большую ампулу: 40 см длиной и 8 см толщиной. Не поленился, оттащил её в школу, в туалете открыл кран, с силой бросил ампулу в раковину и удалился с независимым видом. Встала дымовая завеса. Не чёрный, а белый дым, однако густой - чистая соляная кислота. Дым проник во все уголки и вынудил всех покинуть помещения. О проведении контрольных не могло быть и речи. Многие удивились, с чего такой катаклизм случился. На меня никто не подумал - я был тихим мальчиком. Потом, когда обо мне по всей округе пошла слава химика-террориста, на меня стали валить все безобразия, творящиеся в школе и её окрестностях. Но я всегда доказывал алиби.

Собранное богатство я сортировал, переупаковывал, очищал, ремонтировал и приспособлял к делу: к синтезу и анализу. Некоторые примеры - в рассказах.

Был у меня и дополнительные источники оборудования - сначала свалка броневилок в Мытищах, а позже - гигантская свалка самолётов у Внуковского аэропорта. Летом я обитал в Катуарах (теперь Лесной городок). Оттуда к аэропорту ходила кукушка. Так что отовариваться было удобно.

Где-то к четырнадцати годам у меня была хорошо (лучше, чем сейчас) оборудованная химическая (и радиохимическая) лаборатория.

Занимался я природной радиоактивностью, благо калия-40, урана, радия, тория, равно как изотопов радона и продуктов их распада вокруг сколько хочешь. Нужно только желанный радионуклид обнаружить, выделить, сконцентрировать и очистить. Ну, да это дело техники. Хуже было с детекторами. Дозиметр был груб (на уровне бытового), а гейгеровский счётчик работал неустойчиво, к тому же он принципиально не мерит энергию, а без этого идентификацию радионуклида провести трудно (лишь по периоду полураспада и то лишь коротышей). Приходилось использовать фотоматериалы. Иногда везло - находил картонные коробки с просроченными ядерными стеклянными фотопластинками. Они были слегка засвечены космическим излучением, на изображение накладывалась некоторая вуаль, но мне капризничать не приходилось. Такие тонкослойные пластинки обладают высоким разрешением, их используют для макроавтордиографии на мягких бета-излучателях. Однако для микро (трековой) автордиографии они решительно не годились. Приходилось изготавливать толстые слои эмульсии (желатин с бромидом серебра), расплавлять её, поливать на стеклянную подложку, слой за слоем, сушить и т.п. Всё это в полной темноте. Потом экспонировать на такой пластинке шлиф интересного камня, а затем уж проявлять фотоматериал. Проявитель плохо диффундирует в толстый слой и много брака. С рентгеновским и гамма-излучением было много проще. Тут в ход шли медицинские рентгеновские плёнки на полимерной основе. Они - двухслойные (полимер покрыт фотоэмульсией и обеих сторон), что повышает чувствительность и надёжность регистрации. Много конвертов с такими плёнками было разбросано вокруг морга (зачем проводить рентген трупов как не понимал тогда, так и не понимаю до сих пор), чем, собственно, он и был для меня ценен. Так что, проблема качественного и количественного анализа в первом приближении была решена.

Но с нейтронами, особенно с тепловыми, была беда. Регистрировать их нечем, а надо. Опять помогли рентгеновские медицинские плёнки. Я их вымачивал в растворах солей некоторых металлов. Ионы входили в фотоэмульсию и впоследствии участвовали в ядерных реакциях с

нейтронами с образованием альфа-частиц или протонов, которые чётко фиксировались фотоплёнкой. Пример: реакция $\text{Li}(n,\alpha)\text{T}$. Подбирая допирующий элемент, я стимулировал ядерную реакцию для определённой энергетической группы нейтронов. Так у меня оказались детекторы на тепловые, медленные и быстрые нейтроны. Я не только мог измерять интенсивность потоков нейтронов, но и их энергию, т.е. проводить качественный анализ и осуществлять дозиметрию. Детектор был компактен и удобен для пользования, ибо представлял собой небольшой конвертик с пятак величиной. Его всегда можно незаметно в интересное место положить (например, в щель дома), через сутки вернуться и забрать. Так я, к примеру, составил радиационную карту Москвы. Исключительно для себя: посмотрел, просветился и уничтожил. Никогда ни с кем не делился своими изысканиями, всю информацию унесу в могилу.

Пытался я обернуть бета-распад и зарегистрировать антинейтрино. Но ничего не вышло. Потоки не те.

В школьные годы я много химичил. Учиться было решительно некогда. Однако в конце школы я поступил в химический кружок в МГУ (уже в новом здании), куда регулярно ездил. Прозанимался я в таких кружках два года (один - в неорганическом, другой - в органическом, несколько раз принимал участие во Всесоюзных олимпиадах школьников, занимал призовые места, однажды даже второе место. Наградили грамотами, книгами химиков классиков и приглашением поступать на химфак.

Я так и сделал.

В 1958 году окончил школу и попытался поступить на химфак МГУ. Не тут-то было. Была хрущёвская реформа, брали в основном со стажем и после армии. На школьников была выделена очень небольшая квота. Я получил 3 балла по сочинению, 4 за английский, пятёрки по химии, физике и математике, и не прошёл. С набранными баллами мог бы поступить в любой другой химический ВУЗ Москвы, но не стал. Ещё в начальной школе я знал, что должен защитить докторскую диссертацию, получить должность и звание профессора, причём именно МГУ, именно химфака и именно кафедры радиохимии. Опасное решение - грозила армия, а это 3, а то и 4 года. Забудешь всё, что знал.

В принципе, я мог бы устроиться лаборантом на химфак. Но ездить далеко и долго (метро Университет тогда не было), времени бы на всё не хватило. Стал я рабочим на небольшой фабрике Металлопластмасс, что в Мамонтовке в 7 км от дома. Если идти по азимуту через дачи, леса, поля и кладбище. Работал штамповщиком, стеклодувом, потом художником-разрисовщиком. Химичил, но умеренно. Занимался с репетиторами русского и английского языков. Вечерами регулярно посещал кружок на химфаке. Лагеря на территории МГУ уже не было, но колючая проволока ещё оставалась, железная дорога проходила в 100 м от факультетов. За химфаком, рядом с биофаком, был вырыт котлован по строительству корпуса радиохимии и хранилище изотопов. Многочисленные подземные в будущем переходы строились открытым способом. Я не преминул по ним побродить и однажды проник в альтернативное (сталинское) метро. Там были рельсы под током, а сверху - деревянный настил, так что мог идти, как поезд метро, так и автомобиль. Из меня бы хороший диггер получился. Но - не судьба.

Снова подал документы на химфак (в процессе познакомился с будущей женой). Хорошо сдал экзамены и был зачислен в недавно созданную группу радиохимиков. Кафедры радиохимии ещё не было, она была создана в конце первого семестра. Открылся новый трёхэтажный корпус радиохимии, в котором мы и приступили к занятиям.

В университетский пропуск нам сделали вкладыш, ибо в корпус радиохимии посторонние, всякие химики-физики к нам пройти не могли. Толстые тетради были прошнурованы и опечатаны, мы ими пользовались на занятиях, потом сдавали. Выносить ничего было нельзя. Каждый ответственный за комнату имел печать, которой на праздники опечатывал дверь и тягу с изотопами. Коридор разделен на две части стойками с канатами, пол (литая пластмасса в виде кюветы) окрашен в разный цвет. По одному путиходишь - по другому выходишь. На выходе высокая стойка с дозиметрами - измерение загрязнения рук, ног и некоторых других органов. В подвале - душ, удобно сексом заниматься, жаль мало женщин.

Корпус хорошо оборудован: переменное напряжение было 127 и 220 вольт, трёхфазный ток 230/400 вольт, постоянное напряжение, газ, сжатый воздух и вакуум (такого больше нигде не встречал). Круглые крутящиеся табуретки из морёного дуба. Несмотря на постоянные издевательства, они справно служат уже 60 лет, хотя новую мебель приходится менять раз в три года. В корпусе располагались механические мастерские с комплектом станков, стеклодувка с двумя мастерами высокой квалификацией, грузовой лифт, фотолаборатория с фотографом, аккумуляторная, комната электриков и комната радиоинженеров, налаживающих аппаратуру. Сейчас, естественно, ничего этого нет. Есть 220 вольт, но это всё! Практикумы и лаборантские ещё есть, есть лаборатории, тяги поубавились, с изотопами почти никто не работает: промышленность их не выпускает и стоят они бешенные деньги.

В хранилище изотопов (тяжёлые металлические двери, лабиринты, сейфы, сухие и мокрые хранилища изотопов и сами изотопы в свинцовых контейнерах, мощные тяги с манипуляторами (из хранилища идёт труба высотой в пятиэтажный дом), можно было работать с высокой

активностью по второму классу (с радием и радиоторием). Там же располагался мощный полоний-бериллиевый источник нейтронов, на котором нарабатывали короткоживущие радионуклиды, в частности ^{56}Mn для практикума; студенты измеряли кривую распада, рассчитывали период полураспада (2,6 часа) и знакомились с химией горячих атомов. Сейчас ничего этого нет, живут лабораторные крысы и те перманентнодохнут.

Счётное оборудование было самым современным: счётчики на все виды излучений, одноканальные, а потом и многоканальные спектрометры. Всё светило и мигало, трещали механические счётчики, крутились секундомеры, хлопали свинцовые крышки. Аппаратура была шифрована (чтобы враг не догадался): "Тис", "Тюльпан", "Яблоня" .... Дозиметристы отравляли жизнь.

Стипендии были обычными, но выдавали обеденные талоны, правда студентам они не полагались. Но если студент работал по договору на пол-ставки, то он получал свои законные 13 штук по 80 коп каждый. Сумма значительная: обычный обед в студенческой столовой стоил 35 коп, а усиленный - 45. Иногда на один талон мы обедали вдвоём с подружкой.

Учились мы по особой программе: существенно больше физики и несколько больше математики. Шесть лет (остальные химики - пять). Все годы я был старостой группы. Учёба была трудной. Зачислили 27 человек (одних мальчиков), окончили 6, химией продолжили заниматься 3, а радиохимией - я один. КПД не слишком высокий. Один год я жил в ГЗ МГУ самостоятельно, потом ещё один год, но уже с женой. Активно участвовал в самодеятельности. Тогда все цели, причём хором. Химики:

*Мы отравим весь мир меркаптаном,
Будут трупами морги полны,
Мрачный запах пойдёт к марсианам,
К обитателям холодной луны....*

или

*Мы рождены, чтобы пролить, что может литься,
Рассыпать то, чего нельзя пролить.
Наш факультет химическим зовётся –
Мы вечно будем химию зубрить....*

или

*Раскинулось поле по модулю пять,
В углу интегралы стояли,
Студент не сумел производную взять,
Ему в деканате сказали:...*

и много чего ещё в том же духе.

Участвовал в бригадмиле, патрулировал ночные Раменки, где лимита была склонна к грабежам. Но основная общественная нагрузка - организация и проведение научно-студенческих конференций. Выступал сам с докладами, в конце учёбы уже участвовал во взрослых конференциях, к диплому имел две опубликованные статьи, одну из них - в Докладах Академии наук.

В каком-то смысле занимался спортом. В секции горного туризма. Там опытные товарищи на примере группы Дятлова, погибшей на Северном Урале в простом походе (элементарная тройка для начинающих), группы Мачигина из МГУ, погибшей зимой в довольно сложном (пятая категория) походе по Горному Алтаю, а так же на примере других туристских групп ежегодно десятилетиями гибнущих на просторах СССР, объясняли необходимость обязательного следования правилам техники безопасности и внедряли простые законы: 1. Пить надо меньше, надо меньше пить. 2. Пить медицинский спирт, а не денатурат и не антифриз. 3. Изолировать буйных пьяных. 4. Не драться, а если драться, то не бить сразу начальника (хотя хочется как раз его). 5. Не брать женщин (дама опасна не сама по себе, хотя эта граната, с сорванной чекой, а опасны мужики в её присутствии). 6. По возможности не заниматься сексом в походе, тем более - коллективным.

Я освоил правила и всегда их придерживался. Теперь, после того, как стал мастером спорта СССР, после более сорока походов и 21 одной экспедиции (в 18 был одновременно организатором, начальником и научным руководителем), после работы профессиональным водолазом в портах и взрывником на рудных приисках, с учётом того, что всё ещё жив, пишу эти строки с целью выразить благодарность своим учителям. Ребята! Поход - не повод к выпивке и выяснению отношений. Не пейте, и спасательным отрядам не придётся придумывать разные экзотические причины вашей гибели (снежный человек, пришельцы, местные шаманы, испытание оружия (желательно - ядерного) и т.п. Хотя, конечно, здесь фантазии есть, где разгуляться.

Научной работой я стал заниматься с первого дня первого курса. В ущерб занятий: приятней было что-то изобретать и монтировать в лаборатории, чем протирать штаны на лекциях. На втором курсе некоторым студентам было присвоена третья форма секретности. По каким признакам отбирались эти некоторые и почему среди них оказался некто Бекман (фамилия весьма и весьма подозрительная), тогда как Петровы и Симоновы были проигнорированы, осталось

загадкой. Был ли это глубоко продуманный шаг или обычная российская безалаберность? Спросить некого.

Дале это безобразие продолжалось. Всю жизнь имел я официальный доступ к закрытой информации (на кафедре 85 человек, доступ имеют 4, три начальника и я). И когда отправлялся в командировку брал доступ и предписание в родном первом отделе, и когда проходил в какой-то секретный завод, то ответственные лица удивлённо пожимали плечами, но пропускали. Удивлялся и я. Кто додумался в социалистической стране допускать к закрытым работам не рабочего-крестьянина, а потомственного дворянина, у которого прапрапрадед возглавлял посольства в Англию, где сватал королеву Елизавету за Ивана Грозного, предки включают несколько адмиралов, генерал-губернаторов (один - глава Финляндии), не говоря уж об авторе песни "В лесу родилась ёлочка", единственной песни, которую знают почти все русские, причём многие - три куплета! Что, кто-то полагал, что потомок баронов будет большевиком, вступит в партию? Как я мог?! У меня бы все предки из гробов повыскакивали. Что-то странное творилось в наших Органах.

На четвёртом курсе нас настигла очередная хрущёвская реформа - мы стали днём работать (на полных ставках и в штате) в разных институтах, а учиться вечером. Странно: большинство попало в нечто типа производства красителей, а я оказался в секретном радиохимическом отделе Института Физической химии РАН. Опять у меня было два пропуска: один в Институт (предъявлялся при входе и при выходе), другой - в отдел. Изучал действие больших доз радиации на физико-химические процессы: ионный обмен, растворение твёрдых тел, катализ. Облучался я знатно: ночью на ускорителе (многоэтажный линейный Ван де Грааф), а днём - в лаборатории. Впервые стал читать лекции, причём не студентам, а сотрудникам.

Во время стажировки случалось аварийное событие. В Институте был мощный источник гамма-излучения (^{60}Co), который использовали для целей радиационной химии. Однажды секретарь нашей комсомольской организации, аспирантка, вошла в помещение и увидела, что источник поднят (когда меняют образцы он находится в шахте с водой, которая красиво светится синими лучами Черенкова-Вавилова). Она сразу вышла, но получила по разным оценкам от 3 до 5 смертельных доз. Долго болела, ей несколько раз пересаживали костный мозг. Но оклемалась, до 80-ти лет дотянула. Я лишний раз убедился, что радиацией человека убить сложно, практически невозможно. Привык он к ней.

После первого курса (в 1960) я был на целине, довольно активно способствовал развитию студенческого движения, а после третьего курса каждым летом стал работать коллектором в экспедициях геофизической направленности: Якутия (Верхоянский край), Алтай, Камчатка, Туруханский край и др. Прав на измерение радиоактивности у меня не было, но со мной были пакетики с плёнками, так что какое-то представление о радиационной обстановке имел. Всегда привозил интересные камни, мерил их на кафедральных спектрометрах, разрезал алмазным диском, прикладывал к фотопластинкам с ядерной фотоэмульсией и смотрел, что получится. Иногда было интересно, но я ни с кем не делился, на конференциях не выступал и ничего не публиковал.

Тут я должен сказать, что любые измерения радиоактивности в нашей стране, как раньше, так и теперь запрещены. Семь лет тюрьмы, если без последствий. По серьёзной статье - шпионаж. Я иду на пароходе по Белому Морю, у меня два детектора: один под килём, другой - на макушке мачты непрерывно пишут активность. Вдруг одна кривая пошла круто вверх и что? Я должен звать народ и кричать "Аномалия! Аномалия!""? Потом радостно публиковать открытие? А там атомная подлодка третий год лежит в засаде. Будем вопить на весь мир? За такие шутки не 7 лет, а пожизненное схлопотать можно. У меня сундуки набиты диаграммными лентами. Ни одной цифры не опубликовал. Потому и лежу сейчас на диване и этот текст печатаю на ноутбуке.

Мерить может только лицо имеющее сертификат с многочисленными печатями, и только в определённых районах, каждый раз согласовывая их со спец. отделом. Мерить сам. Если намерит, например, его студент, и где-то трепанёт результаты, то сядет не он, а тот, кто дал детектор и куда-то послал. Лично я не знаю ни одного случая, чтобы кто-то подучил студента мерить радиоактивность в среде обитания или в дикой природе.

Для этого есть профессионалы. Их у нас достаточно. Туристов не надо.

После окончания Университета меня оставили на кафедре, причём сразу в преподавательской должности (редкий случай, обычно оставляли стажерами) и то одного в пять лет. Ещё студентом, а потом всю жизнь с изотопами наивысшей (группа А) токсичности - радий-радон и продукты распада. В экспедициях посетил множество радоновых источников (некоторые очень сильные - за час купания в источнике получаешь несколько годовых предельнодопустимых доз профессионала). Гулял я и по штрекам урановых рудников, 17 лет вёл радиохимический практикум уворачиваясь от студентов, разбрызгивающих радионуклиды во все стороны. Облучался я знатно, дыша радиоактивными газами и купаясь в радиоактивных растворах. Когда мне надо проверить детектор я подношу к нему свой большой палец и если счётчик считает, значит исправен. И что? А ничего! Жив я и здоров (в некотором смысле, конечно). Тьфу! Тьфу! Не сглазить!

Трудно было бы ожидать чего-то другого. Радиация - для человека привычный токсин. Когда шла эволюция обезьяны в человека радиации было много и всё, что способно мутировать под облучением, давно отмутировалось. Теперь человеку явно не хватает радиации. Конечно, он компенсирует недостаток рентгеном грудной клетки и челюсти, флюорографией, компьютерной томографией, позитронной томографией и т.п., проживанием в домах с высокой радиоактивностью (Прага, Лермонтов) и т.п., отдыхом на радоновых курортах (Карловы Вары, Яхимов (лечение женского бесплодия мощными дозами облучения), Хоста, Цхалтубо, Белокураха на Алтае и т.п.), но этого явно не достаточно.

Радиация способствует здоровью и долголетию. Мне за примерами далеко ходить не надо. Моя мать 26 лет проработала в радиохимической лаборатории, умерла она в возрасте 91 год, неудачно упав в ванной. Моя шефиня Заборенко Калерия Борисовна, которая проработала с активностью практически без защиты 60 лет умерла почти в 97, а 95 играла в футбол с прапраправнуками. Один из основателей нашей кафедры строитель корпуса радиохимии Голубцов И.В. жив, ему 90 лет, бывшему нашему зав. кафедры Федосееву В.М. за 86 перевалило. Ефим Славский - руководитель советской атомной промышленности, министр средмаша, своими руками однажды разобравший работающий ядерный реактор, умер на 94-том году жизни, Гленн Сибор, первооткрыватель плутония и десятка трансуранидов, исследователь их свойств, один из создателей американской атомной бомбы, прожил 87 лет.

Радиация никогда не бывает во вред, она всегда только на пользу (под пучок попадать не стоит, да и то...).

Вопрос: почему я рахитичный, недоедавший ребёнок военных лет дожил до 77, а многие сверстники рано поумирали. Ответ: потому, что они не облучались, а я облучался всю жизнь, снаружи и изнутри.

Чего и вам желаю.

По химии и радиохимии я написал довольно много рассказов. Представляю некоторые из них. Может быть не самые удачные, но другие публиковать нельзя - посадят.

Кот Бекмана

В ранние школьные годы я химичил в основном в Клязьме, в своём сарае-лаборатории.

Но летом меня отправляли на дачу к тётке в Катуары (сейчас - Лесной Городок). Это было целое путешествие. Расстояние от Москвы до Клязьмы примерно одинаковое, но если по Ярославской дороге электрички шастали туда-сюда, то Киевская дорога не была электрифицирована, поезд тащил паровоз, вагоны - дальнего следования. Знатное путешествие и знакомство с паровым двигателем в действии.

На тёткиной даче мои химические возможности были сильно ограничены. Что-то, конечно, делать можно, но сильно не разбежишься. Всё же затеяли мы производство пистолетов старинного вида. Из дерева вырезали основу из дерева, прикрепляли к ней закрытую с одной стороны трубку с прорезью. Трубку набивали порохом (если есть что-то, что я могу всегда изготовить в пространстве-времени, так это чёрный порох), затем пыж из войлока и пуля - обломок напильника. В прорезь насыпали серу со спичек и поджигали. Толстую доску пробивало.

Однако в местной деревне не было подходящих трубок!

Ситуация казалась безвыходной, когда местный мой приятель Ланя (Руслан) сообщил важную информацию: недалеко от Катуар находится Внуковский аэродром, а там есть всё!

Я тут же организовал туда экспедицию. Ланя был человеком свободным, а мне приходилось уворачиваться от нянек, гонявшихся за мной, защищая от стрессов. Увернулся. Мы пошли полем с овсом (довольно далеко, шли почти час), пришли на станцию, там дождались Кукушки - паровоза с вагоном, погрузились (естественно, без билета) и куда-то поехали. Довольно скоро добрались до аэропорта. Отошли немного в сторону и попали на свалку самолётов. Огромную свалку. Она была огорожена, стояла охрана. Но в сводной стране всегда несколько дорог. Если одни заблокированы, иди по другим. Свобода- пространство доступных альтернатив. Нашли и мы доступную альтернативу. Попали туда, куда стремились. Чего тут только не было. Самолёты целиком, разбитые и разобранные. Всевозможные железяки, и не только железяки валялись по всей округе. Глаза разбегались. Конечно подобрать трубки нужной кондиции было не трудно. Но как их отодрать? Ни пилы, ни напильника у нас не было. Проблема! Решал её Ланя. Я же лазил по кабинам, вынимал и осматривал приборы (высотомер и т.п.). Цифры на них светились: радий с люминофором. Я активно счищал надписи, насыпая порошок в полиэтиленовый мешочек. Набралось довольно много. Ланя тем временем как-то наломал трубок.

Мы прихватили полевую рацию. Конечно, она была бесполезна - включать некуда, но трубка находилась в чемоданчике, изнутри обитом бархатом, и торчала ручка, которую можно было крутить. Потом мы, а затем младшее поколение, долго играли в войну. Прихватили мы магнето. Если кому-то предложить взять в руку голый провод и крутануть ручку, то человек подпрыгивал от удара током. Лане это нравилось, мне - нет. Я использовал магнето для подрыва

зарядов, поскольку бикфордов шнур труден к изготовлению и ненадёжен (сказывается кустарное производство).

Всё богатство мы благополучно доставили на теткину дачу. Изготовили несколько пистолетов и испытали их. Почти все показали хорошие боевые качества. Но один разорвался: казавшийся прочным металл оказался весьма хрупким. Хорошо, что в целях безопасности я держал его далеко от себя. Так что особо не пострадал.

Нашлось применение и радиоактивному люминофору.

К нам прибились огромный чёрный кот. Абсолютно чёрный! Я приготовил лак из люминофора и покрасил им кота, обвёл глаза, провёл по спине полосы, покрасил уши. Получилось чудовище боевого раскраса. Светился он постоянно (период полураспада радия - 1600 лет, кот столько не проживёт), холодным светом Смерти. Дух захватывало! Особенно ночью. Соседка описалась, увидев чёрта, внезапно возникшего на заборе. От него кошки шарахались, не то что крысы. А что? В Англии - собака Баскервилей, в России - кот Бекмана.

Оригинально? Оригинально!

Эль-Вира

На второй год войны наше семейство поселилось в дачном поселке Клязьма, что по Ярославской дороге, в 27 км от Москвы. Жили мы недалеко от станции в большом доме на обширном участке, покрытом соснами, фруктовыми деревьями, кустами неизвестной природы и крапивой. Дом дореволюционной постройки был мало приспособлен для существования, особенно зимой. Но у него было важное преимущество – число комнат вдвое превышало число обитателей. Важное дело, когда вся Москва теснилась в коммуналках. У нас же не только в доме, но и в округе соседей, считай, не было. Зимой близлежащие дачи пустовали, а летом народа не видно: участок большой, к тому же густо заросший по краям боярышником, сиренью, малиной, рябиной, шиповником да крыжовником. И вековыми соснами.

Так что детство у меня прошло в безлюдке.

За усадьбой стоял сарай, хитрой конструкции. В плане он имел форму буквы Г. «Ножка» располагалась на нашем участке, а «верхняя планка» – почему-то на чужом. Эта часть сарая была плотно окружена строениями, принадлежащими трём соседям. Сарай, туалеты, души, крольчатники, курятники и гаражи лепились друг другу, образуя некий кластер фантастической структуры. В этом хаосе, обнаружить ответвление нашего сарая было невозможно даже глядя с крыши дома. Тем более, что кластер густо пророс деревьями и кустарниками всех видов. Даже осенью, когда видимость улучшалась, выступал только торец сарая, да и тот наполовину прикрыт туалетом.

Сарай внутри имел не стандартную планировку, включавшую тайную комнату, обнаружить которую было можно, но трудно. Прямо напротив входа располагался бункер с каменным углем, направо – чулан с садовым инвентарем, а налево – бревна, козлы, поленицы дров. Преобладающие в свободном беспорядке доски, слезы, дранка, метлы-веники, корзины, тазы, велосипеды, мешки с цементом и паклей образовывали лабиринт, по которому можно было перемещаться лишь с серьезным риском для жизни. Только чётко зная маршрут, удавалось приблизиться к дощатой стене, которая была вовсе не стеной, а входом в тайную комнату. Шит из трёх досок, при нажатии на нужный край поворачивался вокруг оси, и открывал довольно свободный проход в моё царство.

Я подробно описываю диспозицию, чтобы объяснить, почему не только гости нашего дома, но практически все домочадцы не знали о существовании данного помещения, а если и знали, то никогда в нём не бывали. Так что в случае нужды, я мгновенно и бесследно исчезал из поля зрения нянек, друзей и врагов, не покидая при этом участок. И так же неожиданно возникал, пугая дам.

В этом тайном отсеке сарая и помещалась моя лаборатория. Полноценная химическая лаборатория. Даже с тягой – роль которой выполняла печь-камин. При желании её можно было топить, хотя основное её назначение – проветривание комнаты и удаление вредных испарений, часто сопровождавших мою экспериментальную активность. В аварийных ситуациях дополнительное проветривание велось с помощью двух узких, но высоких окон. Лаборатория позволяла химичить практически весь год. Лишь в сильные морозы в ней становилась холодно, так что замерзала вода и некоторые растворы.

В комнате много химической посуды: стаканы, колбы круглые, конические всех размеров из жаропрочного стекла, реторты, дефлегматоры, тигли из керамики, графита (один – платиновый), оборудование для тонкой перегонки (на шлифах!), пипетки-бюретки для титрования, бюксы, барботеры, эксикаторы скальпели-шпатели, две электрических печи, включая муфель на 1300°C, термометры (обычные и контактные), ящики с пробками (корковыми и резиновыми), весы (технические и аналитические), термостат, немецкий микроскоп с хорошим увеличением – много чего, всего не перечислить. Мог я гордиться и своим набором реактивов: кислоты-щелочи, многочисленные соли, чистые металлы, полимеры располагались вдоль стен на стеллажах. Конечно, мать моя была химиком, и предки, насколько они мне известны, – химики-алхимики. Но они лабораторию не оснащали. Всё, что я имел, я добыл сам!

Вы себе не представляете, какие в Москве существуют свалки-помойки при институтах химической (и околохимической) направленности. Не то что лабораторию в сарае – завод построить можно, навечно обеспечив его сырьем. При упорстве, хитрости и смекалке, естественно.

В тайной лаборатории была своя тайна (тайна второго уровня). В углу были зарыты три большие железные бочки из-под бензина. Корпуса их были закопаны в землю, снаружи видны только крышки. В них хранились те реактивы, которые требовались в больших количествах (поваренная соль и сода, к примеру). Хитрость в том, что только две бочки были настоящими, а третья – нет. Т.е. внешне всё обычно – бочка, как бочка. Крышка стандартная, если её поднять открывался вид на реактивы. Однако эти реактивы залегали до глубины 30 см. И располагались они в большой кастрюле. Кастрюля с реактивами легко вынималась и становилось очевидно, что данная бочка вовсе не бочка, а железная труба, ведущая в таинственную темноту.

По железным скобам, а затем – по приставной лестнице можно спуститься вниз. Вы окажетесь в подземной комнате, тех же размеров, что и наверху (примерно 18 м²). Стены помещения уже не деревянные – они выполнены из литого бетона (равно, как пол и потолок). Никаких швов-зазоров, полная герметичность. В углу размещалась печь-камин с прямым дымоходом, по которому при желании и известной ловкости можно было выбраться на крышу сарая. Труба нижней печи объединялась в один короб с верхней, так что снаружи торчала одна каменная труба. Печь играла важную роль, как тяга и как источник тепла. В нижней лаборатории можно было трудиться весь год, морозы – не помеха.

О существовании этой сверхсекретной лаборатории, кроме меня, знали всего двое: Эльвира и Саша. Эльвира только знала, но никогда в ней не бывала, а Сашка Гельфенбейн, исполнявший роль техника-лаборанта, изредка спускался, помогая в срочных экспериментах, результаты которых могли быть неверно истолкованы правоохранительными органами.

Но это ещё не всё! Была и тайна третьего уровня.

Сбоку камина была дверца, если её открыть – обычная духовка. Такие духовки имелись почти в любой голландке. Странность была в её сравнительно больших размерах: внутрь без проблем мог пролезть взрослый мужчина. И не грелась она никогда, ни при какой интенсивности топки. Ну, да мало ли...

Как вы, возможно, догадались, это была вовсе не духовка. А лаз в очередное помещение, прикрытый дверцей, имитирующей торец духовки. Довольно длинный – метра полтора. Преодолев это расстояние, вы оказывались в третьей комнате, по объёму примерно равной первым двум, но выполненной в виде прямоугольного бака. Стены, пол, потолок были сделаны из стали, причём броневой, толщиной около сантиметра. Попытки просверлить отверстие в стене не увенчались успехом – сверло стиралось до основания. Именно в этой комнате я испытывал новую взрывчатку и изготовленные на её основе взрывные устройства. Взрывать можно было, что угодно. Снаружи ничего не было слышно. Даже земля не слишком тряслась. Здесь я держал аппаратуру для количественного измерения как эффективности взрыва, так его термодинамических и кинетических параметров. Существенным недостатком этой третьей суперсекретной лаборатории было отсутствие вентиляции – долго в ней находиться было нельзя, даже при работе бытового вентилятора. Впрочем, и не надо...

О взрывном полигоне не знала ни одна живая душа в мире.

Кто, когда и зачем построил этот выдающийся инженерный комплекс – сарай-бункер-цистерна – не знаю. Как бомбоубежище его никогда не использовали.

Обнаружил и полностью исследовал свой будущий лабораторный корпус я уже в конце третьего класса. К пятому классу все три лаборатории были полностью оборудованы, и я интенсивно вёл научно-экспериментальную работу. Продукцию в «полупромышленном» масштабе начал выдавать в шестом классе.

Жил я с отцом, матерью, старшей сестрой Леной и её дочерью Таней. Племянница моя была на 2,5 года моложе меня, и именно она играла роль сестры. Была ещё собака Гера – немецкая овчарка голубых кровей, две кошки, пять кур и три кролика. Родители целыми днями пропадали на работе, и я оставался на попечении домработницы. Домработницами обычно служили пухленькие хохотушки – слабость отца, но попадались и бывшие учительницы, недобитые аристократки и даже одна поэтесса. Во времена, относящиеся к данному рассказу, домработницей была Маруся. Рослая, довольно полная, крепкая женщина лет сорока. Она приехала к нам из брянской деревни, сожженной фашистами. Муж её был председателем колхоза, так что она принадлежала когда-то к сельской элите, чем гордилась. Муж, однако, погиб на фронте. Она появилась в Москве, спасаясь от голода, и лелея кое-какие честолюбивые планы.

Жила у нас и её дочь Эльвира. Она была на 2 года моложе меня, но училась на 4 класса ниже – отстала из-за войны и оккупации. Застенчивая девочка, ни с кем из сверстниц не дружила, училась довольно плохо, но была крайне самостоятельной в быту. Мы с ней практически не общались. Живёт себе, и пусть живет....

Однако, в один прекрасный день я обнаружил её у себя в лаборатории. Эльвира стояла у стены, около двери, ни к чему не прислоняясь и ни на что не опираясь. Спина была абсолютно

прямой и держалась параллельно дверному косяку. Она молчала и пристально следила за мной почти немигающим взглядом.

Она настолько мало интересовала меня, что я нисколько не возбудился: не обрадовался и не огорчился. Пришла, так пришла. Стоит – пусть стоит. Смотрит – пусть смотрит. Её проблемы...

Я тут же забыл про неё и начал химичить.

На другой день, она явилась снова и снова молча встала у стены. С тех пор она практически не пропускала моего лабораторного дня (точнее вечера, поскольку я попадал сюда после школы). Шли дни, недели, даже годы – картина была та же – у дверей стояла неподвижная статуя с нереальной осанкой, одетая в школьную форму, с аккуратным красным галстуком. Она не только никогда не задавала вопросов, типа: что ты сейчас делаешь, зачем? Что есть химия? В лаборатории она не произносила ни слова. Она не реагировала на аварии – взрывы, выбросы паров, падение посуды. Она не бросалась собирать осколки стекла, не удирала, не бросалась на пол, как Сашка-трус при взрыве автоклава с водородом, не закрывала рот платком, борясь с душком. Её ничего не пугало, не волновало, не восхищало, она не подходила к столам, не трогала реактивы, не заглядывала в микроскоп. Статуя, как статуя. Что всё же удивительно, поскольку в других точках пространства она была обыкновенной девчонкой, без аномалий и закидонов. И без прямой спины, кстати, тоже.

Зачем она приходила?

Сначала этот вопрос меня никак не волновал. Потом я задумался. Нравился ли я ей сам, так что она хотела побыть со мной наедине? Интересовала её обстановка научной лаборатории, оборудование, сами опыты, цвет и запах? Может её привлекал комплекс: я и наука? Или ей самой хотелось химичить?

Одно время я пытался ответить на эти вопросы экспериментально.

Изредка, я отвлекался от основной работы, и невзначай производил эффектный опыт. Из серии «Занимательная химия». Я наливал стакан воды, переливал в пустой и вода превращалась в вино, переливал в другой стакан – снова вода, поджигал – вода загоралась; капал воду на соль – вспыхивало пламя; расправлял газету, прикасался в некоторой точке тлеющей лучиной и по газете начинал распространяться чёрный след, описывая фигуру зайца, волка, гнома; ставил свечи, одна из которых горела жёлтым цветом, другая зелёным, третья – красным, четвёртая – малиновым, а пятая – синим. Иногда я разнообразил фокус: ставил свечу, пламя которой было сначала окрашено в один цвет, потом в другой, затем – в третий. Погорев разными цветами, свеча вдруг начинала фонтанировать бенгальскими огнями. Насыпав в кювету холмик из красного песка, я заливал в его макушку изопропиловый спирт и поджигал. Холм превращался в вулкан: огненные бомбы разлетались во все стороны, пепел застилал окрестности. Гора увеличивалась в десятки раз – у неё даже кратер образовывался! Из другой кучки вдруг возникала змея, она свертывала кольцо за кольцом, распухала и шипела. Однажды я возник из-под земли с грохотом, в огне и дыму. Как Мефистофель...

Никакого впечатления. С таким же успехом я мог вязать спицами носок, сидя в кресле-качалке.

Фокусы я делал всё реже, а потом прекратил за ненадобностью.

Кстати, некоторые продукты моей деятельности (монокристаллы, имитирующие рубины, изумруды, сапфиры; звезды на ёлку, усыпанные красными или зелёными камнями; диадема, украшенная бриллиантами; шутихи на базе бенгальского огня; хлопушки с конфетти и небольшие фейерверки; подковки на сапожки, из которых при беге по асфальту вылетали снопы золотистых искр и многое другое), что ей дарил на Новый год, Эльвира принимала. Причём с удовольствием: рассматривала, играла, демонстрировала на школьных праздниках. Но принимала, как куклу и ленту, т.е. как нечто, купленное в магазине. Хотя знала, что это я сделал сам, и прекрасно видела все стадии производства. Нет, чтобы поблагодарить за сообразительность и умение. Ни боже мой...

Вся окрестность – от Тарасовки до Пушкина знала меня по кличке Химик, и я старался оправдать доверие. Ко мне обращались за реактивами, в основном – за карбидом кальция. Народ простой – фантазии нет. Дальше идеи насыпать карбид в чернильницу училки, или пуганья девчонок, во время купанья в реке, внезапно вылетающими со дна бутылками, дело не шло. Но я просьбы удовлетворял, хотя педагогический коллектив местных школ и участковый милиционер были слегка в курсе, и время от времени пытались привлечь меня к ответственности. А за что?! Прометей дал людям огонь, а уж куда они его применяют: будут ли греться у костра или сжигать города – не его проблема. И не моя...

Знай местный люд, что я произвожу самогонку из любого продукта – картофельной ботвы, берёзового полена или из бузины – цены бы мне не было. Но я не останавливал производство на стадии водки, а продолжал до получения спирта – ректификата (химически чистого и даже чистого для анализа). Изредка синтезировал и абсолютный спирт. Алкоголь я сам не употребляю и спирт мне нужен исключительно для дела. Свои же достижения в области самогонварения не афишировал, и этом смысле жил спокойно.

Помогал я погорельцам с остатками икон. Особо крупный заказ был от попа местной церкви, когда она сгорела, мне доставили переплавленный иконостас. Через месяц я выдал слитки

чистых металлов: золото, серебро, медь и почему-то никель. (Откуда в окладах икон никель?) Разделил сплав на компоненты. Клязьминскому фотографу помог переработать многие литры отработанного фиксажа в чистое серебро. Получилось довольно много. Потом у него были неприятности, когда он попытался толкнуть его на нашем базаре. На местной свалке поставил методику переработки выброшенных приёмников и телевизоров на серебро-золото и другие драгметаллы.

Меня благодарили власти, жал руку прокурор...

Иногда меня просили пробить дыру в рельсе, переплавить какую-нибудь тугоплавкую сталюгу, сварить какой-нибудь сплав. Я не отказывал – термита мне не жалко.

Домашних я пользовал стандартными лекарствами собственного производства: аспирин, стрептоцид, анальгин, да йодная настойка. Иногда по спецзаказу изготавливал и нестандартные. Одно время производил боржомы – от настоящего не отличишь. Организовывал радоновые ванны (при желании – с сероводородом). На курорт ехать не надо. Постоянно снабжал отца восстановителем – благодаря нему седых волос становилось меньше, усы чёрными, а сам он – отставным гусаром.

Так я контактировал со взрослой аудиторией. Между тем сам я был отроком и общался в основном с лицами переходного возраста. И не зрелого ума...

Если говорить о мелком хулиганстве, то изготавливал я йодистый азид – уж больно громко он взрывался. С резким, как выстрел пистолета, звуком. Приятно невзначай рассыпать его по полу школьного коридора в виде мелкой пыли, а потом в компании коллег смотреть, как высоко подпрыгивают школьники и школьницы, учителя, уборщицы, директор, и даже военрук, взрываясь на каждом шаге. Забавно, кина не надо! Удобно кошку или собаку пустить по следу порошка. Большая часть пути у них идёт в свободном паренье. Визг, лай, мяуканье и трагический хор за сценой. Доколе!!!

С этим йодистым азидом у меня вышло приключение. Обычно я синтезировал его в небольших количествах – пару граммов, не больше. А тут зачем-то наработал кучу с мужской кулак. Качаюсь себе на табурете, положив ноги на стол. Все делаю по методике. А в прописи какой-то мудака написал – промыть эфиром. Я беру эфир и первая же капля взрывает всё добро. Взрыв получился знатный – грохот и клубы фиолетового дыма из токсичных паров. Я полетел с табуретки вверх ногами и распластался на полу. Эльвира чихнула и недовольно наморщила носик.

Большой простор для хулиганства даёт металлический натрий. Ну, да вы сами знаете...

С детства меня интересовала тайнопись. Не столько в плане сложных шифров, сколько в чисто химическом смысле. Конечно, можно пойти по пути подпольщиков и использовать молоко. Однако, написанное молоком вовсе не так невидимо, как гласит молва – на чистом листе бумаги жирный след выдаёт секрет. Кроме того, для проявления текста нужен горячий утюг, что грубо. После проглажки надпись возникает необратимо, что нехорошо. Я довольно быстро подобрал составы, не оставляющие никаких следов на любой бумаге, но видимых при освещении ультрафиолетовой лампой. Такие чернила хороши для обывателей, но спецслужбы о них прекрасно осведомлены и для них тут тайны нет. Изготовил я радиоактивные чернила. Они тоже не видны, а выявляются только при контакте с фотобумагой (после её проявления). В качестве изотопа я использовал тритий (мягкий бета-излучатель), такую радиоактивность никакими дозиметрами-радиометрами не обнаружишь. Тайнопись довольно надёжная. Этими чернилами я вёл дневник, и записывал изобретения, а также некоторые методики, которые хотел утаить от общественности (в лице единственного лаборанта – Сашки). Но для школьной практики подобные чернила не годились. Пришлось изобрести нечто новое. Мои симпатические чернила становились видимыми, если на них подышать. Важно, что спустя 2-3 мин надпись исчезала. Если на неё снова подышать – опять появлялась, а потом снова исчезала. И так – многократно. Для шпаргалок – очень удобно. Мы с Сашкой приносили на контрольные чистые листы бумаги, содержащие тем не менее заранее написанное (и проверенное продвинутыми подругами) сочинение, перевод на английский какого-то текста, математические или физические формулы. Достаточно подышать в нужном месте на бумагу и обвести появившуюся надпись обычными чернилами. Тайнопись сама собой исчезала, а новый текст оставался. Можно сдавать работу. По просьбе Сашки делал я и видимые чернила. Они были вполне обычными, но с одной особенностью. Если исписанную ими бумагу (спустя примерно час после написания) встряхнуть, то чернила сыпались с неё в виде мелкого порошка и бумага становилась девственно чистой!

Много внимания пришлось уделить отработке системы стирания всевозможных текстов. Важно, чтобы написанное полностью исчезало (и по-возможности быстро), а бумага оставалась неповреждённой – никаких подчисток. И соседний текст (или там печать) никак не повреждался. Проблема тут в создании универсального средства – чернила-то разные, сорта бумаги разные, да и манера письма у людей разная – некоторые так жмут на перо, что даже после удаления чернил, надпись читается в виде царапин. Трудное дело! Я продвинулся довольно далеко, но все же универсального средства не нашёл. Единственно, что получалось эффективно – это удаление печатей и штампов. А текст надёжно удалить получалось не всегда. В таких случаях поверх стертого текста лучше писать новый. Тогда подделка документа становится незаметной. Попутно я

разработал методику переноса текста с одного документа на другой. Берешь промокашку, пропитанную особым раствором, прикладываешь к печати, поставленной на каком-то документе, а затем прикладываешь к своему. Прогладил утюжком – и у тебя появилась официальная бумага со всеми «подлинными» подписями и печатями. Важно, что оригинальный документ остался неизменным – печать несколько тускнела, и всё.

С такими документами удобно доставать химреактивы, изотопы и оборудование. Да и пропуски в разные закрытые предприятия вещь немаловажная, я уж не говорю о билетах в кино.

Это было, конечно, баловство. Возможно, за такое баловство кое-кто отвалил бы мне кучу денег. Но собственный каприз мне как-то ближе. Я – человек свободный, что хочу – то и делаю, а чего не хочу – того не делаю. И никто мне – не указ. Даже ООН... А за деньги я вообще не продаюсь.

Я не всё время предавался хулиганству. Были у меня и серьезные дела – изобретение и производство новых видов ядов, наркотиков и взрывчатки.

Естественно, что яды типа синильной кислоты, цианистого калия, солей мышьяка, ртути, таллия, бериллия мне производить нужды не было – расфасованные в банки они стояли на полках нижней лаборатории в полном ассортименте. Их количества вполне достаточно чтобы отправить на тот свет не только жителей нашего посёлка, но и все население Подмосковья. Так что набирать новые запасы смысла не было. Лучше придумать новые (или воссоздать старые, созданные по старинным, надежным рецептам).

В первую очередь меня интересовали яды мгновенного действия. Скажем, бросается на тебя в тёмном переулке бандюга, ты его уколол (можно иголкой в ногу, можно зонтиком, можно – метко брошенным дротиком) и путь свободен. Или надоела тебе какая дама, послал ей букет цветов или флакон духов, та понюхала – и нету дамы. Аналогичный эффект дают мази, кремы, помады. Можно даже телефонную трубку ядом помазать – товарищ её из рук не выпустит, так с ней на тот свет и перекинется. Потребность в таких ядах большая, поэтому я произвел обширную номенклатуру. Там были природные яды, для чего пришлось построить небольшую оранжерею и выращивать нужные растения. Впрочем, многие травы росли прямо на грядках меж кустиков клубники. Все видели, но никто не догадывался зачем они здесь, и сколь они опасны для здоровья (после соответствующей обработки, естественно). Но в основном синтезировал искусственно – возни меньше, а эффективность выше. Рецептуру брал из секретных отчётов, которые читал в секретной библиотеке НКВД-КГБ (Я уже, кажется, упоминал, что мог изготовить любой пропуск куда угодно и любое разрешение на что угодно).

Не менее интересна другая группа ядов – действующих медленно и приводящих к смерти вовсе не от отравления, а от какой-либо известной болезни: воспаления лёгких, рака, инфаркта-инсульта. Человек год болеет, лечится в Кремлёвке, у него диагноз, поставленный по всем правилам консилиумом профессоров. Врачи старались, но Увы! Они не всесильны. Бог дал – Бог взял. В крови никакого яда нет, да и отравитель с болезным год не виделся. Кто на него подумает? Медленно, конечно. А куда спешить?

Изготовил я набор и таких ядов. Наловил мышей под домом, попробовал на них, всё нормально, быстрые яды действуют мгновенно, медленные разрушаются сразу и выводятся из организма, но вызывают болезни – смертельные болезни. Так что эта часть работы получилась удачной.

С наркотиками дело подвигалось вяло. Я, естественно, выделил из природных объектов (конопли, мака, грибов) всё, что надо и хорошо очистил. Произвёл и все известные синтетические наркотики. Оказалось, что синтез очень простой, любая домохозяйка может удовлетворить потребности всего Союза. Не интересно! Но в конце-концов наткнулся на жилу. Удалось получить принципиально новый и сильный наркотик. Сашка давал его друзьям на пробу – отзывы были положительными. Весьма и весьма положительными. Главное – он вызывал галлюцинации, но не давал никакого привыкания. Наркотик будущего.

Но эта моя деятельность привлекла внимание каких-то тёмных личностей, так что однажды я нашёл, что всё в моём сарае перевернуто вверх дном. Искали наркотики, но не нашли (они были в нижней лаборатории). Так что с наркотой я завязал, а по улицам ходил с палочкой, стреляющей иголками с ядом, да и ещё с кое-каким оружием ближнего боя. Милиции я не боялся, оружие мое имело невинный вид и ничем не напоминало традиционное оружие нашей эпохи. Так что при обыске никто ничего не обнаружил бы незаконного. Оружие же мое было химическим (гуманитарном по своей направленности, животные не страдали) и, следовательно, гораздо эффективнее традиционного. Поэтому нападений-похищений я не боялся. Я бы сильно удивился, если бы кто из нападавших немедленно не отправился на тот свет. Даже если бы на меня напал взвод, вооруженный автоматами Калашникова и гранатомётом.

Главным моим делом долго было изготовление взрывчатки. Начал я с того, что отработал методики превращения сельскохозяйственных удобрений (нитрат аммония, нитрат калия и др.) в мощную взрывчатку. Пришлось придумать несколько присадок. Легко иницируемая взрывчатка годилась для многих целей: для мин, ракет, патронов, фейерверков. Ею удобно выкорчёвывать пни. Развивая идею, я создал новую мощную взрывчатку, в виде тонкого листа бумаги. Несёшь

себе в портфеле записную книжку и с удовольствием сознаёшь, что эта книжка способно поднять танк в воздух или совершить какую иную полезную работу. И никакой контроль в аэропорту её не обнаружит! Бумага – она бумага и есть...

О толе, тринитротолуоле, дымным и бездымном порохе, нитроглицерине, пироксилине, гремучей ртути, я здесь даже не поминаю. Зачем предаваться банальностям? Другое дело – напалм. Хотя и не взрывчатка, а вещь полезная – сжигает всё, что встретит. Хорошая штука – пластит. Внешне вроде пластилин, а в замок двери напихаешь – и нет замка, дверь открыта – заходи. А есть такая экзотика, как соединения инертных газов. Вот эта взрывчатка – всем взрывчаткам взрывчатка. Много с ней я возился, чуть бронированную цистерну не уничтожил. Но получилось хорошо. Если бы продолжил изыскания, то эта взрывчатку можно было бы использовать вместо атомной бомбы для инициирования водородной.

Но последовавшие события отвлекли меня от этой затеи.

Надо сказать, что присутствие Эльвиры уже не было для меня безразличным. Она исключительно положительно влияла на мою активность. Я часто разговаривал сам с собою вслух, часто сам с собою дискутировал. Но теперь я обращался с сомнениями к Эльвире, как к суду высшей инстанции. Она по-прежнему не отвечала, вообще не произносила ни слова. Лишь иногда её глаза загорались, как у кошки. Тогда я понимал, что высказал правильную идею. И это тут же подтверждалось экспериментально. Присутствие Эльвиры стало необходимым, без неё почему-то всё валилось из рук. Она стала моей Музой, а может она была всеобщей богиней химии, Эль-Вирой, посланной мне то ли Богом, то ли Дьяволом с очевидной целью: я должен овладеть всеми премудростями химии, а затем – и миром. Вот зачем она приходила!

И я действительно овладел химией, действительно сосредоточил в своих руках производство алкоголя, ядов, лекарств, наркотиков, взрывчатки, удобрений, материалов. Продуктов 21-го века. Мир нуждается в них, и их же боится. Мне есть, чем пригрозить современной цивилизации. Пора кое-что от неё потребовать. Раз уж я Демон, добро творящий.

И тут Эльвира исчезла.

На окраине Клязьмы был военный городок – учебный аэродром и ШУКС – школа усовершенствования командного состава. Со всей страны туда стекались офицеры поучиться, Москву посмотреть, да жен поменять, если удастся. В военном клубе показывали кино, устраивались танцы, смотры художественной самодеятельности. Так что раздражитель в среде клязьминских обитательниц был мощным, особенно – в среде домработниц. Зачастила туда и Маруся, мать Эльвиры. И не зря, скоро она вышла замуж за полковника и слиняла с ним в Монголию. Эльвира ей мешала: куда прикажете её деть? После отбытия за рубеж мамыши, Эльвира продолжала жить у нас. Мы особо не возражали, усадьба была большой, жили мы не богато, но хватало. Новая домработница, правда, ворчала, что много работы. Никто особо на это не реагировал. Но у Маруси были свои планы. Она продала Эльвиру воякам (не столько за деньги, сколько просто услугу оказала), над ней надругались, и Эльвира покончила с собой. Там её без шума и похоронили.

Никто плохого не заподозрил. У нас думали, что Маруся забрала её с собой. Но я узнал, что случилось. Давно уже выправил я себе пропуска в Часть и ШУРС. После пропажи Эльвиры несколько раз ходил туда, много чего наслушался. Тот ещё клоповник...

Безнаказанно это нельзя было оставить. Нужно уничтожить и их самих, и место их обитания. Прихлопнуть зловерный теремок.

Конечно, я могу в шесть секунд всех вояк перетравить, а строения спалить. Но это – как-то по обывательски, мелкая месть какая-то. Эльвира хоть и не была моей дамой сердца, но заслуживала большего. Салют в её память должен быть знатным...

Сразу же обнаружилось важное обстоятельство. Химический талант мой потускнел, развилась депрессия, всё валилось из рук. Химичить стало опасно – того и гляди сам на тот свет отправишься, или семейство туда делегируешь.

Нельзя без Музы творить, оказывается.

Пришлось обратиться к физике. Физика по сравнению с химией наука травоядная, но все же... Есть и у неё в арсенале кое-что, атомная бомба, к примеру. Штука серьезная – десять лет тому назад Хиросиму и Нагасаки эффективно обнулили. Перебор, конечно. Здесь можно меньшим зарядом обойтись.

Делать нечего, пришлось мне заняться производством атомной бомбы.

Как без особых хлопот изготовить атомный заряд у себя на кухне?

Официальных путей два. Достаете урановую руду, разделяете изотопы: уран-235 направо, уран-238 – налево (полностью делить не обязательно: достаточно, чтобы в уране 95% приходилось на уран-235). Изготавливаете два куска, помещаете их в стальную трубу и стреляете ими навстречу друг другу. Поскольку суммарная масса выше критической, то развивается цепная реакция деления, происходит атомный взрыв. Легко и просто, именно по описанной «пушечной схеме» работала бомба «Мальш», сброшенная американцами на Хиросиму. Однако, есть подводный камень. Изотопы урана разделить очень трудно (массы сравнимы). Нужно перевести уран в газообразное соединение UF₆, что уже – не подарок, а потом использовать методы разделения:

диффузию через пористые перегородки, центрифугирование, масс-сепараторы, лазеры и т.п. Методов много – толку мало. Каскады весьма громоздки – завод по разделению изотопов в поперечнике составляет 15 км. Так что территории Клязьмы наверняка не хватит. Да и кто мне позволит превратить дачный посёлок в предприятие ядерной индустрии?! Так что этот подход не годился.

Второй путь вроде легче. Берете природный уран, облучаете его в реакторе, уран-238 переходит в плутоний-239 – делящийся радионуклид, причём делящийся охотнее урана. Делить изотопы не надо, достаточно разделить элементы, химику – раз плюнуть: растворил облученный уран в кислоте, долил керосина с трибутилфталатом, потряс и дал постоять. Слои分离лись – в органике плутоний, в воде – уран. Реэкстрагировал плутоний, перевёл его в водную фазу, воду упарил – вот тебе и ядерное горючие. Но просто так его не взорвешь – пушечная схема с плутонием не проходит. Плутоний взрывают по импловивной схеме: кусок плутония помещают в центр шара, шар заполняют взрывчаткой, взрыв идёт внутрь (импловия и есть взрыв внутрь), плутоний сжимается, в нём достигается критическая масса, происходит цепная реакция деления, и – мощный взрыв. По импловивной схеме работала бомба «Толстяк», сброшенная американцами на Нагасаки. Увы, мне и эта схема не годилась. Во-первых, у меня не было под рукой достаточно больших запасов урана. Я, конечно, при желании мог его раздобыть, но не хотелось привлекать внимание к этому стратегическому материалу, на котором в ту пору Органы буквально помещались. Во-вторых, меня никто не пустит на ядерный реактор с собственным ураном, да я и сам не полез: делящиеся материалы в ректор бесконтрольно совать нельзя – он в разгон пойдёт. В третьих, импловию очень трудно верно рассчитать и оптимизировать. Малейшая ошибка – и бомба только чихнет. Фейерверка не получится.

Пришлось искать собственный путь.

Нашёл я его довольно быстро. Вспомнил об ещё одном изотопе – уране-233. В природе его нет, но он образуется при облучении природного тория-232 нейтронами. Уран-233 – делящийся нуклид: делится он несколько хуже плутония, но заметно лучше урана-235. Тория в природе больше, чем урана, и внимание Органов он привлекает слабо, ибо атомных бомб из него никто не делает. Имело смысл попробовать.

Где взять ториевую руду я знал. Далеко ходить не надо. Недавно на берегу нашей великой реки Клязьма открыли карьер. В основном там добывали обычный желтый речной песок, но с одного края песок почему-то был чёрным, с металлическим блеском. Мужиков это не волновало, они грузили в самосвалы всё, что попало. Но я-то знал, что желтый песок – это SiO₂, а чёрный песок – это минерал монацит, т.е. фосфат тория, нужное мне сырьё. Я подвалил к прорабу, и по сходной цене (обменял на кое-что фармацевтически-химическое) приобрёл несколько машин чёрного песка. Дома объяснил, что хочу под усадьбой залить ленточный фундамент. Никто не возражал.

Не сразу, но довольно быстро, я переработал фосфат в оксид тория (спёк песок с содой, растворил в воде и осадил, делов-то!). А вот с нейтронным источником пришлось повозиться. Принцип понятен – смешал радий с бериллием, вот тебе и источник нейтронов, 15 тыс лет действовать будет.

Чтобы иметь рагу из зайца, нужна по крайней мере кошка!

Как минимум, нужен радий-226. Конечно, он везде вокруг нас, в любой глине, к примеру. Но уж больно в малых концентрациях, замаешься выделять. К счастью он присутствует во многих промышленных изделях. Например, в часах. Видели часы с чёрными циферблатами (классика – швейцарские) и постоянно светящимися стрелками и цифрами? Они светятся, поскольку покрыты краской, состоящей из радия (источника радиации) и фосфора, свящегося под действием альфа-частиц, испускаемых радием. Беда в том, что радия мне нужно много – часов не напасешься. Но выход простой – гигантская свалка самолетов (военных и гражданских) на территории аэропорта Внуково. Повезло, что у моей тётки была дача в Катухах по Киевской дороге. От станции к Аэропорту была проложена одноколейка и время от времени по ней ходил рабочий поезд. Довозил точно до свалки. Этим я и воспользовался – каждый день отправлялся за добычей. Как вы знаете, панель управления в самолете вся состоит из приборов, а те включают множество стрелок и циферблатов. И все светятся постоянно (ночью-то тоже летать надо). Без всяких радиометров ясно, что они покрыты светосоставом с радием. Специально приготовленным растворителем смывал я краситель в бидончик – уменьшал радиоактивность авиационных отходов, полезное дело делал, кстати. Никто не оценил. Я же трудился, как пчёлка. Не знаю, сколько бы это продолжалось, если бы не счастливый случай. Разбирая с какими-то бичами очередной завал, мы оттянули в сторону кабины-крылья и открыли передвижную ремонтную лабораторию, а в ней контейнер, а в нём – ампула с радием, и с радием не для фосфоров, а для промышленной гамма-диагностики. А это уже совсем другие активности. Совсем другие.

Проблема радия была решена. Отвёз я находки в Клязьму и переработал их в хлорид радия. Источник получился мощным, даже прикрываясь железобетонной стеной с ним можно было работать только минуты.

Проблему бериллия (замедлитель, при распаде урана образуются быстрые нейтроны, а нужны быстрые, Ферми и Курчатов возились с углеродом, дураки немцы - с тяжёлой водой, реакторы у них получались громоздкими, если вообще получались; взялись бы за бериллий - дела бы пошли быстрее) я решил ещё проще. Казалось бы - редкий элемент, где его взять, тем более – школьнику? Тупому – негде, а сообразительному – везде.

Далеко идти не пришлось. Пара улиц, три квартала, и я – у ворот бывшей артели, а теперь фабрики «Кристалл». Фабрика перерабатывает уральские самоцветы и драгоценными камнями не брезгует. Что такое эти изумруды, как не бериллиевые минералы? Самое то для развития ядерной индустрии в домашних условиях...

Любое производство даёт отходы. Горы пыли с булыжниками заполняли фабричные дворы и проходы. Необычайно токсичные, кстати: бериллий – сильнейший яд. Администрации это известно и директор буквально расцеловала меня, когда узнала, что я готов вывезти с фабрики пару машин этого дерьма. Причём бесплатно! Подогнал я самосвал с двумя местными пьяницами, загрузили его, директриса работягам налила и вот оно: бериллиевая руда у меня на дворе. Через месяц я имел нужное количество опилок металлического бериллия.

Смешал порошок бериллия с солью радия, заключил смесь в стеклянную ампулу – во все стороны ударил поток нейтронов. Работать с таким источником неудобно, да и нужны мне не любые нейтроны, а тепловые. Пришлось городить установку. В супертайной комнате установил бочки (одну – для источника и две – для химии), а все пространство вокруг них залил бетоном. В центре одной бочки укрепил вертикальную трубу по которой вверх-вниз свободно ходила ампула с радий-бериллиевой смесью. Нижнюю часть бочки залил парафином – замедлителем и отражателем нейтронов. В верхней части установил тонкостенные алюминиевые трубки (добытые на той же самолетной свалке во Внукове, дай Бог ей здоровья), которые заполнил порошком диоксида тория, в который я переработал «чёрные» (монацитовые) пески. Вылез в «духовку», потянул веревочку, ампула поднялась и мощный поток нейтронов обрушился на два десятка трубок с торием. Ядерная реакция превращения тория-232 в уран-233 началась.

Я удовольствием начал ходить в школу – пора было её оканчивать и поступать в МГУ. Через полгода, в зимние каникулы, навестил я своё производство. Заглянуть в комнату уже не было никакой возможности – радиация убивала всё живое. Но это я предусмотрел: из смежной комнаты потянул тросы, ампула источника поползла вниз, в своё убежище, а облученные трубки слегка поднялись вверх, затем переместились в сторону и опустились в бочку, наполовину заполненную кислотой. Оболочки и содержимое довольно быстро растворились. Я открыл кран, в бочку пошёл раствор трибутилфосфата в керосине. Довел Ph до нужной величины и дал постоять. Жидкости разделились на две части: внизу водная, сверху – органическая. Открыл кран, слил раствор органики, т.е. поимел весь уран, без посторонних примесей. Раствор упарил, осадок прокалил и получил смешанный диоксид урана. Атомный заряд был готов. И никакого вам разделения изотопов урана, никаких центрифуг и прочих громоздких глупостей, никакого плутония, и следовательно, никакой имплозии. Просто и со вкусом. А рванет – мало не покажется.

Получилось чуть больше трёх килограмм. Казалось бы мало, по моим оценкам, критическая масса урана-233 никак не меньше 9 кг. Кто-то подумает: цепная реакция деления и атомный взрыв у меня никогда не получиться. Получится ребята, ещё как получится! Хитрый я, потому что...

Лето на носу – пора бомбу делать, кончать с этой жизнью и начинать новую.

Пошёл осматривать место боевых действий. Тут меня ждало разочарование, редкое по силе: воинская часть и аэродром были ликвидированы. Совсем! Даже следов не осталось. Всё было перестроено, внутри копошились юные спортсмены. Гимнасты и гимнастки готовились к очередному параду на Красной площади.

И кого прикажете подвергать атомной бомбардировке?!

Обидчикам Эльвиры я, конечно, отомстил. Списки-то у меня были. Их раскидало по стране, но найти было не трудно. Разделил я их на три категории: непосредственные участники насилия (9 человек) отправились на тот свет, не сразу, но повалившись месяц в болях-муках в госпиталях, 14 человек получили цирроз печени и мучились с ним всю жизнь, а 17 стали просто импотентами. Не буду описывать, как я это сделал. Для химика-профессионала - процесс элементарный. Ребята знали, за что на них наслана эта напасть, а врачам знать не обязательно. Болезни обычные, миллионы ими болеют, так чему удивляться... Зачем искать какие-то внешние причины, или там злой умысел? Если бы в крови обнаружили какие яды – другое дело, а так...

Ну, а с бомбой-то что делать? Трудился я много, да и вещь полезная. Жаль выкидывать.

Кое-кто, начитавшись дурных детективов или насмотревшись не менее дурных голливудских фильмов, решит, что я начну шантажировать мир атомным оружием, разошлю письма всем правительствам и потребую пару миллиардов долларов, или господство над всем и над всеми.

На фиг мне это надо!

Мир – сам по себе, а я – сам по себе. Нам не по пути. Я химичить хочу, тихо и одиноко, в своё удовольствие. Ибо – алхимик я, философский камень ищу. Мне вполне достаточно

осознавать, что в любой момент могу уничтожить всё живое на этой планете, а могу осчастливить человечество новыми веществами, материалами, процессами, к открытию которых им еще идти и идти, лет 150, а то и 200.

Могу, но не буду.

Бомбу всё же куда-то надо определить. Не может же она вечно валяться в сарае.

Вспомнил я, что семейство наше, столетиями петляя по России и миру в целом, неизменно каким-то образом оказывалось на Алтае. Когда-то мой предок был Томским генерал-губернатором, а до этого – горным инженером, открывшим и обустроившим множество рудников на Западном Алтае. Отец мой полгражданской войны провёл в тех местах (с Колчаком боролся). Не глупо и мне туда податься.

Но сначала надо было поступить на химфак МГУ. Экзамены сдал, но готового спеца учиться не взяли. Хотя я в химии разбираюсь лучше всех профессоров вместе взятых. Вкатили тройку по сочинению, и все – гуляй Вася. Тройку по литературе писателю Земли Русской?! Ну, ребята, вы даёте...

Нет худа без добра – я стал свободен и мог без помех решать проблему мирного использования ядерного оружия.

Устроился коллектором в экспедицию и отправился на Горный Алтай. Три месяца лазил по горкам, спускался в рудники, которые оказались практически все выработанными и в той или иной степени заброшенными, посетил Рахмановские Ключи, померил там радон, залез даже на вершину гору Белухи – наивысшей точки Сибири и спустился на плоту по Бухтарме к Иртышу. Но главное – ознакомился с отчётами прошлых экспедиций. Нашёл перспективное месторождение изумрудов. Собственно его уже однажды открыли, стали разрабатывать, но пошли немного в сторону, чиркнули по краю рудного тела, да и бросили. Но штольни кое-где пробили, местами довольно глубоко. Имело смысл здесь рвануть и в одночасье вырыть карьер, создать рудник по добычи хорошего драгоценного камня.

Сказано – сделано.

Потребовалось доставить в экспедицию кое-какое оборудование из Москвы. Вызвался я. Слетал и вместе с казенным оборудованием привёз свою бомбу. В разобранном состоянии, естественно. Перетащил всё в шахту, а потом – в дальний штрек. Вход туда был перекрыт железной решеткой. Но что мне решетка? Прошел её без проблем. Проблема была, как взорвать ядерный заряд, массой значительно меньшей критической. В принципе, сделать это можно. Критическую массу не обязательно увеличивать добавлением вещества. Проще заряд сжать, ибо критичность зависит от плотности вещества. Сжать можно взрывом окружающей заряд взрывчатки (имплозия – взрыв внутрь), можно – интенсивной рентгеновской радиацией. Критическая масса существенно уменьшается при наличии замедлителей нейтронов и их эффективных отражателей. Например, растворение делящегося вещества в воде уменьшает его критическую массу на порядок. В какой-то мере я использовал все эти факторы. Но основное внимание уделил веществам – размножителям нейтронов. Таким считается элемент, ядро которого поглотив один нейтрон, возбуждается и переходя затем в стабильное состояние, испускает несколько нейтронов. Таким образом нейтроны размножаются, поток их резко возрастает, возрастает и скорость деления ядер урана – возникает цепная реакция деления. Классическим элементом является все тот же бериллий, который поглотив нейтрон, выпускает два. Но я нашёл другой элемент – размножитель нейтронов, намного эффективней бериллия. Захватив один нейтрон, он, после небольшой паузы, выдаёт 11! Важно, что элемент широко распространен в природе, я выделил нужное его количество прямо на месте взрыва. (Вам я его не назову, а то начнете массовое производство атомных бомб, а это – баловство. Атомные бомбы уже не модны).

Устройство моей атомной бомбы было простым – стальная труба, заглушенная с двух сторон. В каждом торце – обычная взрывчатка, затем пыж, вместо пули – уран. Два ружья, стреляющие навстречу друг другу (несколько модернизированная «пушечная схема»). Куски урана встречаются в центре трубы, начинается ядерная реакция, она резко ускоряется за счёт размножителей и отражателей нейтронов, расположенных в месте встречи урановых снарядов. Происходит взрыв.

Я надежно замуровал свою трубу в скалу, вывел бикфордовы шнуры к общему взрывателю. Взрыватель был прост – капсуль, на который нацелен ударник, приводимый в движение сжатой пружиной. Пружина замурована в мыло. Налил я в сосуд с мылом воду и пошёл себе. Поработал ещё немного в экспедиции и вернулся в Клязьму, где начал тихо работать в артели «Металлопластмасс» рабочим-стеклодувом. Через квартал, вода растворила мыло, пружина разжалась, ударник разбил капсуль, огонек побежал по бикфордову шнуру, рванула сначала взрывчатка, а затем и сама бомба.

Взрыв вышел знатным. В Семипалатинске зарегистрировали землетрясение в 6 баллов. Событие рутинное, удивительно только, что в эпицентре землетрясения образовался карьер, полный ювелирных изумрудов, а Бухтарму и Иртыш перекрыли плотины. Образовалось обширное

Бухтарминское водохранилище – море, можно сказать. (Взрыв получился всё же мощнее, чем я рассчитывал).

Мужики подивились. Не только карттеру и плотинам, но и наведённой радиации. Откуда она взялась при землетрясении? Да и состав радионуклидов какой-то странный, излучатели и не природные, но и не техногенные, по крайней мере на взрыв какой-либо традиционной атомной бомбы не похоже: нет ни урана-235, ни плутония-239, ни их продуктов деления. Почесали затылки ученые мужи, да и махнули рукой. («Бывает!», – сказал учёный). Только территорию Семипалатинского ядерного полигона расширили, чтобы народ по месту взрыва не ползал, не облучался и изумруды не тырил.

На этом моё отрочество кончилось, началась юность.

Изготовил я вакуумную бомбу и взорвал её в подвале сарая. Лаборатория была уничтожена без следа. Образовался было небольшой овраг, но и он быстро затёк окружающей глиной. А семейство перебралось в Люберцы.

Через год я поступил на химфак, сделал вид, что учусь. В химии научить меня чему-то не могли, но высшая математика хорошо пошла. Экспериментом больше никогда не занимался. Откроешь ещё что-то необычное, отвечай потом, как Прометей за огонь. Но и не шёл этот эксперимент что-то. Привык работать под присмотром молчаливой девушки с прямой спиной.

Без Музы хода нет...

Стал я теоретиком, занялся математической химии, а море на Алтае, да карьер изумрудов остались памятниками Эль-Вире.

Ксеноновый наркоз

В Клязьме рядом со станцией находился конгломерат очень важных заведений: рынок, с лавками, киосками, магазинами; кафе-ресторан (в натуре - пивная с водочным уклоном); магазин канцелярских товаров, где всегда можно было приобрести тетради, ручки, пёрышки, чернильницы-непроливайки, чернила для них, рейсфедеры и даже цветную тушь; кинотеатр, клуб и библиотека. В эти заведения народ стекался со всего района.

Клуб - большой деревянный дом с многочисленными пристройками стоял по среди участка, огороженным невысоким забором. Парадный вход с фасада вёл в зал, где проводились собрания общественности, суды над местными уголовниками, выборы, встречи со знаменитостями (мать Зои Космодемьянской, Маресьев и др.). Были и небольшие помещения для кружков, в частности, кружок кройки и шитья, который посещала наша домработница Валя, пухленькая хохотушка. Сзади дома располагалась библиотека, в которую я ходил, как на работу: как для взятия книг: Всадник без головы, Васёк Трубочёв и его товарищи, Четвёртая высота, Улица младшего сына, Джура, Корттик, Два капитана и др. (было тогда что почитать, не то что сейчас), так и для чтения журналов: Техника молодёжи, Знание - сила, Юный техник, Юный натуралист - оторваться нельзя.

На я сейчас о другом.

Перед клубом, тесно примыкая к нему, располагался помост, высотой примерно метр, покрытый половыми досками. Его окружала стена высотой в метра три с крест-накрест прибитыми неширокими планками с зазорами в 10 см. Благодаря наличию дыр, хоть и с трудом, но можно было с улицы наблюдать, что происходит внутри. А происходило там нечто важное: танцы. Настоящие танцы! Для взрослых! И не какой-то там под-испанец - хорошенький танец или невероятный пасодобль, как в школе, а танго, фокстрот, а в конце сессии - вальс. Радиола заливалась на всю округу.

С конца весны до начала осени танцы проводились регулярно. Сначала я на них не обращал внимания - шёл себе в библиотеку, но в седьмом классе стало интересно и я иногда останавливался посмотреть, кто и как выламывается и выпендривается. Тогда уже появились стилиаги, у нас их было немного, но всё же были. И мальчики и девочки. Клязьминских мало - прикид дорогой, но бывали и из Москвы - чистые попугаи, но в заграничных шмотках с немислимыми причёсками. Меня это не трогало, одежде я никогда значения не придавал (хорош, как есть), перед штатами не приклонялся, русский язык не коверкал и не дёргался, как гальванизированная лягушка.

В восьмом классе (события разворачиваются в 1956 году) интерес к танцам возрос, ибо появились девочки, надо была как-то кадриться, и, как минимум, научиться танцевать, чтобы безнаказанно взять даму в охапку. Интерес проявил не только я. Заинтересовался и мой приятель-одноклассник Витька Пухов. Это был прибалтнённый пацан, маленького роста, но ловкий как обезьяна. Он обожал подухариться, неоднократно был за это бит, но не унимался. Или притягивал опасность, или сам её создавал. (Он плохо кончил. Стоял на платформе Заветы Ильича, шёл товарник с лесом, одно бревно вывернулось и прочесало всю платформу, на которой стояло довольно много народу - ждали электричку. Однако погиб он один).

В этот вечер мы с Витькой решили ознакомиться с танцами детальней. Внутри мы не пошли: наши одноклассницы тогда ещё на официальные танцы не ходили да и денег на билеты у нас, естественно, не было. Мы по стене, по стене забрались на полупрозрачный забор,

огораживающий помост, уселись на столбах, свесили ноги и с высоты своего положения стали изучать жизнь. А она была ключом. Народа - как сельди в бочках. Повернуться негде. Танцоры топчутся на месте, толкаются, наступают партнёру и соседям на ноги. Но что-то в этом есть. Желающих много. Парни - учащиеся техникумов, начинающие рабочие, стареющая шпана, молодые уголовники - всех, кого не успели забрать в армию, девушки - учащиеся техникумов, продавщицы, домработницы и няни - все желающие замуж.

Сидеть на столбе трудно, через полчаса нам надоело. Первому - Витьке. Он сполз с забора внутрь обезьянника, потянул за руку толстуху, что подпирала стены. Та удивилась претензиям мелкого и кого-то позвала. Появившийся Горилла положил тяжёлую руку на Витькино плечо и слегка потряс его. Это он зря. Витька держал в руке зрелый камыш, как палочку с эскимо. Не долго думая, он треснул Гориллу этим камышом по лбу. Возник венчик пуха. Горилла опешил, но всё же размахнулся и двинул кулаком. Витька присел и кулак попал точно в челюсть Неандертальца, тот отлетел и завалил Кроманьонца вместе с его тощей и длинной дамой. Возник эффект домино. Однако скоро Неандерталец пришёл в себя и от души врезал Горилле по почкам.

Возникло кино: дерутся все! Под фокстрот и визг дам ...

Мы с Витькой сидели на столбах и смотрели представление.

Два милиционера бросились к воротам и плотно закрыли их. Разнимать драку никому не пришло в голову. Зачем?! Пусть дерутся. Кому больнее - тот первым кончит.

Тут надо сказать, что согласно неформальному Кодексу, ни местные бандиты и прочая активная публика огнестрельное оружие (наганы, пистолеты, а так же гранаты), на танцы не брали. Вооружены все (в том числе и Витька) были заточками. По Клязьме бродили скупщики трепья и разного хлама, стекольщики и точильщики. Вот эти точильщики за небольшую плату быстро превращали напильник на деревянной ручке в треугольное шило. Использовалось оно как стилет, но ударять приходилось в область сердца, что трудно осуществить практически - от удара сверху легко защититься простым инстинктивным движением руки. Некоторые счастливчики (впрочем, их было не так уж мало) имели финки. Настоящие финки! С наборными ручками и лезвиями с финскими (иногда - немецкими) надписями. Сталь замечательная! Почти не корродирует, можно использовать неоднократно. Оружие эффективное: в ближнем бою от удара в живот трудно защититься. Однако, согласно тому же Кодексу приносить оружие на танцы можно (Как ты без оружия будешь ходить ночью по Клязьме и ездить в электричке? Так и камеры хранения в клубе не было - всё своё носи с собой.), но применять в обезьяннике нельзя. Дерись руками-ногами сколько хочешь, но холодное оружие - ни - ни. Дурной тон!

Иное дело - вне танцев. Пожалуйста, если кто тебя достал, тащи его в кусты, и прирежь там, а то, глядишь, и он тебя прирежет. Всё развлечение.

Милиция это знала, потому никого не выпускала. И правильно. Через 10 минут интенсивность драки стала спадать, ещё через двадцать минут все успокоились и снова принялись за танцы.

Нам стало скучно и мы сползли со столбов на улицу. Прямо в руки милиции.

С бандитами связываться им запахло, а школьники - то, что надо.

Нас захихнули в милицейский газик (ГАЗ-69, на борту которого почему-то выбито УАЗ, жёлтый, с виной полосой, на боку на которой белой краской написано "Милиция"; грузо-пассажирский, вмещает 8 человек, включая водителя, крыша металлическая - не выпрыгнешь, задняя часть отгорожена перегородкой - глухой, металлической, с зарешеченным окошком, сзади просторно, на откидных лавках можно разместить шестерых, третья дверь - сзади, через неё запихивают арестованных). Один милиционер сел с шофёром, другой - у задней двери, которую запер на шеколду. Мы поехали по Крыловской, надо полагать в Пушкинскую милицию, составлять протокол.

Всё это не входило в мои планы. Ни Пушкино, ни милиция, ни протокол.

Ситуацию нужно было коренным образом переломить.

Никакого оружия у меня не было. Зачем? Я же химик.

Я сунул руку в карман куртки и повернул вентиль баллончика с ксеноном.

Не зря я долго облучал диоксид урана (добытый из белой краски, что красят корабли в Южном Порту Москвы) нейтронами на собственном источнике в сарае-лаборатории (изотопы ксенон - важные продукты деления урана тепловыми нейтронами). Потом выделял газообразные продукты деления урана, извлекал мембранами ксенон из газовой смеси. Затем дожидался распада его радиоактивных изотопов. Ксенон у меня в основном стабильный изотоп, но остаточная радиоактивность есть. Ну, да от радионуклидов пока ещё никто в мире не погиб. Глядишь, и наша милиция не вымрет.

Дома смешал смесь ксенона с кислородом (чтобы пациент не задохнулся) в нужной пропорции, сжал смесь и заправил её в газовый баллончик. Чувствовал - пригодится. И вот, применил по делу. Правда я его нарабатывал для других целей - создание взрывчатки на инертных газах. Она намного сильнее гексогена, не имеет запаха (собаки не чувствуют) и не ловится ни каким современными методами поиска взрывчатки.

Сунул себе в рот сигарету, которая вовсе не сигарета, а трубочка с активированным углём, пропитанная специальной органикой (описывать её не буду - сами прекрасно знаете). Это для того, чтобы ненароком самому не вдохнуть газовый наркотик.

Ксенон начал распространяться по машине, у обитателей случился ксеноновый наркоз. Намного более эффективный, чем на эфире, хлороформе или закиси азота. Отключки немедленная, полчаса гарантии, приход в себя быстрый, без всяких последствий (тошноты, рвоты или ещё чего не менее противного). Сердечникам рекомендуется, и всем, кому обычный наркоз противопоказан. Дорогой, конечно, но за не привод в милицию приходится платить.

Интуитивно я представлял, что активное общение с милицией угрожает моему будущему. Хотя тогда, в милицёрском газике, я и представить не мог, что всего через полгода, моя подруга, вся из себя отличница, идущая на золотую медаль, окажется совершенно бездарной в физике (потом она стала детским врачом), так что мне пришлось врубиться сначала в этот предмет, потом в математику и во что-то ещё сугубо школьное, решать ей задачи. Короче - самому стать отличником. Сейчас тройки-двойки (и даже кол по русскому языку, что мне теперь, как писателю земли русской, стыдно вспомнить), а скоро станут одни пятёрки (даже ни одной четвёрки для разнообразия не случится).

Неисповедимы дела твои, Господи...

Между тем ксенон начал распространяться по машине. Сначала заснул Витька, потом милиционер у нашей двери, затем - милиционер у шофёра. Дольше всех продержался шофёр. Молодец! Чувствуя, что засыпает, он выключил мотор, свернул с дороги в кювет и нажал тормоз. Машина въехала в канаву, сильно накренилась на бок, но не упала. Удачно получилось!

Я открыл дверь, вытащил Витьку, положил на травку у машины. На свежем воздухе он быстро очнётся и смоется, а милиционеры пусть поспят. Ксенон тяжёлый ($M=131,3$), в 5 раз легче воздуха ($M=28$), так что он будет вытекать из нижних щелей. Это займёт часа три, а там - глубокая ночь, можно просто так до утра выспаться. Ещё спасибо скажут.

Закрыв двери и удалился.

Важно, что милиция подвезла меня почти до дома.

Через 7 минут я был к кругу семьи, став пай-мальчиком.

Временно!

Благодатный огонь

В последние годы учёбы в школе жил я в Клязьме. И была у нас собака Гера — породистая немецкая (с учётом российской ментальности — восточно-европейская) овчарка. С ней я и ходил в лыжные походы по близлежащим лесам и перелескам. У неё была специальная упряжь из лошадиных вожжей, так что собака на начальном участке бодро тащила меня по накатанной кем-то лыжне. Потом она уставала, да и лыжня кончалась. Тогда я её отпускал и она радостно скакала по сугробам и валялась в снегу.

Однажды мы развлекались, развлекались, за временем не следили и оказались впотьмах в сумеречном лесу. При полной потере ориентации.

Некоторое время брели куда глаза глядят, без особых перспектив.

К счастью, где-то собаки почувствовали Геру, залаяли, Гера ответила и поволокла к жилью.

Затащила она меня в какую-то деревню, возможно даже село, поскольку в центре возвышалась церковь. И в ней был народ (в отличие от остального подмосковного пространства). Местные собаки встретили нас бурно, но, приглядевшись, нападать не стали. Страсти - страстями, а риск надо оценивать реально.

На шум, вышел кто-то из служителей, отогнал собак и пригласил в церковь. Но, как оказалось, не в саму церковь, а в трапезную. Там за столом сидело несколько человек — вечеряли после вечерни.

Меня приняли душевно, покормили. Особо не расспрашивали, я сидел тихо, отогревался.

За столом шёл спор о благодатном огне. Спор яростный. Батюшка рассказывал о благодатном огне, который сходит в храме Гроба Господнем в Иерусалиме на пасху, причём именно на православную пасху, что говорит об особой благосклонности Бога к православным. Огонь холодный! Можно брать в руки — не обожжёшься. Хоть купайся в нём!

Прямое доказательство, что Бог есть.

Оппонентом выступал тощий интеллигент, по виду учитель. Для начала он объявил, что в жизни не поверит в холодный огонь, пока сам не увидит. Потом, что всё это — поповские хитрости, обычная химия. Каждый может.

Естественно, ему тут же предложили это продемонстрировать, или хотя бы объяснить принцип действия.

Увы! Объяснить он не мог, так как преподаёт немецкий язык и химию позабыл (мне показалось, что никогда и не знал).

Я вышел вроде как по нужде. На выходе справа оказался каменный предел, расписанный в церковном стиле. Достал я набор "юный химик", который всегда ношу с собой (костер зажечь, себя согреть, врага какого истребить, мало ли...). Смешал в нужной пропорции (вы её знаете, приводить

не буду) серную, соляную и борную кислоты, да спирт обыкновенный, и облил ею в нескольких местах стену. Позвал пирующих:

– Вы тут об Иерусалиме спорите, а у вас у самих чудо чудное. В честь престольного праздника, святой Татьяны.

Народ подвалил, я незаметно прикоснулся сигаретой к нужной точке стены.

Эффект превзошёл все ожидания!

По стенам метнулся огонь, сначала он полыхнул на одной, потом на другой, на третьей стене. Народ было отпрянул, но я стал хватать руками огонь, кидаться им, как снежками.

– Огонь холодный! – выдохнули присутствующие.

Они тоже стали окуна́ть руки в огонь, умываться им. Чудо! Все были счастливы.

Огонь быстро погас.

Батюшка торжествовал: есть, есть божественный холодный огонь, и не просто есть, он в престольный праздник посетил наш храм. Завтра все село сбежится, паломники будут...

Я отвёл учителя в сторону, показал смесь, продемонстрировал её в действии, объяснил физико-химические процессы, здесь происходящие. Он тоже был счастлив: бог не причём - чистая химия.

Так я между делом удовлетворил одновременно клерикала и атеиста.

Экспериментально убедил каждого в его собственной правоте.

Сам, вроде, не участвовал.

Чудо, есть чудо...

Акташ

Будучи профессором МГУ, я разъясняю студентам официальную точку зрения на безопасность радиоактивных изотопов и прочих токсинов. Правила работы с радионуклидами регламентируются такими понятиями как предельно допустимая концентрация, предельно допустимая доза (за год или за квартал; для профессионалов или для всего населения), предельно допустимый выброс какой-то заразы промышленным предприятием и др. Недостаток такого подхода связан с тем, что параметры безопасности определены на основе опытов над крысами и ни как не связаны с составом и свойствами конкретной экосистемы. В частности, не учитывается иммунный статус населения. Да и человек, вроде, не крыса...

В ограниченности подобного подхода я убедился на примере из реальной жизни.

На Алтае есть известное месторождение ртути Акташ. Довольно странное для этого места название (белый камень) ибо все окрестные скалы - красного цвета (известно, киноварь гексагональной структуры окрашена в красный цвет). Раньше здесь были ртутные озера, теперь - шахты, в которых разрабатывается киноварь (сульфид ртути, HgS). В штреке жарко, сульфид разлагается, и на стенках блестят капельки металлической ртути, а под ногами - мелкие озёрки серебристого металла. Как в такой атмосфере могут работать шахтеры? Ведь известно, что ртуть легко переходит в пар и пары его необычайно токсичны (сама ртуть довольно безвредна). Пары ртути, попадая в организм, легко сорбируются белковыми молекулами, защитная роль которых при этом уничтожается. В детстве, когда разбивался (при моем активном участии, естественно) ртутный термометр, паника охватывала дом. Ползая, мы собирали с пола все мельчайшие капельки, а швы заливали сероуглеродом. А здесь вовсе не капелька! Хорошо известна печальная участь вакуумщиков, в пятидесятые годы работавших с ртутными насосами: их нет уже.

Я снимал комнату у женщины, которая проработала на руднике более тридцати лет (во время войны шахтерами здесь были дамы). У неё я и поинтересовался, как она смогла выжить в таких условиях. В ответ услышал «антинаучную» теорию. По мнению моей хозяйки, человечество делится на две неравные части: большая часть людей необычайно чувствительна к парам ртути, и при контакте с ней мгновенно заболевает, другая (гораздо меньшая часть) вообще не чувствительна к ртути и может дышать ею вволю. (Говоря научным языком, шахтерка утверждала, что люди обладают различным иммунитетом по отношению к парам ртути. Для нас важно неприятие концепции пороговой дозы). Стратегия подбора шахтеров (управление риском) была гениально простой. Кандидат неделю работал в шахте. Если у него начинали выпадать волосы и чернеть зубы, его высылали. Если же нет - он оставался и работал десятилетиями.

Как ни странно, недавние научные исследования под подтвердили «антинаучную» теорию шахтерки. Каждый человек имеет собственный иммунный статус, причем многие аномально чувствительны к действию определенных факторов окружающей среды (например, к цветению тополе), а некоторые совершенно нечувствительны ко многим токсинам или полям. Поэтому: 1) При применении понятия предельно допустимой дозы к конкретному человеку следует учитывать состояние его иммунной системы. 2) При диспансеризации лиц повышенного риска следует проводить иммунный мониторинг. 3) Ослабленный иммунный статус надо улучшать с использованием иммуномодуляторов.

Наш врач - радон

На Алтае есть два примечательных места: Акташ и Белокуриха. Во все времена шаманы категорически запрещали даже приближаться к Акташу. И правильно, ртутные пары вредны для здоровья. (Эти места описаны в рассказе Ефремова «Озеро горных духов»). А вот Белокуриху с ее самыми высокорadioактивными в мире водами те же шаманы всегда рекомендовали как курортное место. Там лечились воины Чингисхана. Верьте шаманам - не подведут.

Как то зимой мы совершали лыжный переход через хребет, отделяющий Горный Алтай от Саян. Открылась картина: озерцо с открытой водой и клубами пара. Вокруг глубокий снег. В озере отмокает мужик.

– Ты чего туда залез? – спрашиваем.

Оказалось, что его прихватил радикулит. До полного паралича. Привезли его недвижимого на лошади и бросили в озеро (температура воды +40°C). В воде он второй месяц, никуда не вылезает, кормят его с берега. Так вот, его туда привезли, а ушел он сам. Вполне здоровый. Вот вам и радон, вот вам и радиация (Наивысшая, группа А токсичности, кстати)!

Грибная лысина

*Синее, синее поднималось, поднималось и падало.
Острое, тонкое свистело и втыкалось, но не протыкало.
Во всех углах загремело.
Густокоричневое повисло будто на все времена.
Будто. Будто.
Шире расставь руки.
Шире. Шире.
И лицо твое прикрой красным платком.
Художник Кандинский*

Как-то меня пригласил на дачу художник Овсеенко. Дача располагалась в Мамонтовке на улице Ленточка. Большой дом, большой участок, холодная Уча, лес в запретной зоне водохранилищ, обеспечивающих Москву питьевой водой, всё располагало к ленивому отдыху. Дом постоянно был полон художниками, в основном наезжающими на выходные, но были и постоянные: Максим Чертов и Вадим Гельман. Вместе с Овсеенко они творили в хорошо оборудованной мастерской.

Числился я химиком, никто о моих подвигах на ниве декоративной росписи в бытность работы на фабрике Металлопластмасс не знал не знал, ну и не надо! Тем более, что в конце восьмидесятых я ощущал себя скорее политиком – идеологом-создателем новой партии (или, если хотите, движения) монархо-анархизм. Хотелось мне режима абсолютной наследственной монархии (без царя Россия существовать не может) при абсолютной духовной свободе граждан, живущих в режиме анархии). Нам нужен строгий, заботливый отец (с одной стороны) и волявольная (с другой). Как это совместить вне неравенства Гейзенберга? Мне тогда казалось, что можно, ведь совместил же я когда-то диктаторский бренд жостовской живописи со свободным полётом колорита. Но о своих политических взглядах я молчал. Гулял себе по окрестностям Мамонтовки, заходя то на плотину в Акуловке, то в старинную церковь на Ярославском шоссе, а то – в подмосковную тайгу, что покрыла истоки великой реки Клязьма.

Был я химиком, доцентом МГУ. Оно и хорошо.

В деятельность художников я не вмешивался, и уж тем более не критиковал их творенья. Упаси Бог! Картина, как ребёнок: что родилось, то родилось. Девочку в мальчика не переделаешь. Советуй, не советуй...

Овсеенко, как обычно, писал урбанистские пейзажи, то Парижа, то Пекина, не знаю уж, по памяти, или по фото каким. Максим ударился в сюрреализм, т.е. в мире аллюзий игрался с парадоксальным сочетанием форм в попытке совместить сон и реальность. А Вадим был абстракционистом. Различали друзей не стили и даже не годы (Овсеенко был пенсионером, Вадим – аспирантом, а Максим – приближался в возрасту Христа). Их различал авторитет в мире художников. Овсеенко – признанный мэтр, его картины покупала изредка Третьяковка, да и на международные выставки приглашали. Максима ругали, но картины покупали. А Вадима никто не ругал, и не хвалил. Его картины не замечали! Будто такого художника нет вовсе.

Вадим переживал. Типа: мне 26 лет, а я никто!!! В компании удачливых коллег он чувствовал себя неуютно.

Он, конечно, в своей Академии обучался теории живописи. Знал основы, но не врубился. Он искренне не понимал, как зритель воспринимает цвет, не знал воздействия цвета на психику человека. Он слышал об эстетических свойствах цвета, но закономерности создания цветового строя, колорита картины, приёмы использования контрастов, соотношение цвета с другими компонентами формы, типа линия, пластика, светотень, странным образом ему не давались. Не понимал он роли цвета в композиции. Не понимал, хоть застрелись. Хотя много об этом рассуждал, стремясь к абстракции, т.е. к живописи, где кроме цвета и нет ничего.

Он не понял, не прочувствовал простую истину: законы искусства, в том числе законы колорита, строже и обязательней научных законов. Вспомни закон Ома. Выполняется ли он в природе? Конечно, да. Можно ли найти системы, где он несправедлив? Запросто! Возьми промокашку, пропитай её раствором соли – и не будет у тебя никакого закона Ома, Фарадей один.

А в живописи? При смешении красок, к ультрамариновому вы должны добавлять лимонно-желтый цвет, причём только его! К карминно-красному – голубовато-зелёный (цвет изумрудной зелени). Вы можете рисовать васильки в поле, Ленина на трибуне, круги-квадраты не к лимонно-желтому дополнительным будет ультрамариновый. И ничего другого! При смешении жёлтого с красным получится оранжевый, а при смешении жёлтого с зелёным – синий. Мелкие точки, штрихи, полоски различных цветов, нанесённые на поверхность, с определенного расстояния будут выглядеть однотонными, а различные цвета сливаться в один цвет. Светлое пятно на тёмном фоне кажется светлее, а тёмное на светлом темнее, чем оно есть на самом деле. Светлое пятно на тёмном фоне кажется большим, а тёмное пятно на светлом фоне – малым. До определенного расстояния контраст увеличивается пропорционально расстоянию, затем исчезает вовсе. При сопоставлении холодных цветов возникает более сильный контраст, чем при сопоставлении теплых. Жёлтый цвет на границе соприкосновения с красным приобретает зеленоватый оттенок. Если перевести взгляд с ярко-красного предмета на серую поверхность, то возникает зеленоватый оттенок серого цвета. Если на одинаковом расстоянии от человека расположить красный и синий прямоугольники, то первый к вам будет ближе, а второй – дальше. Ну, и так далее и тому подобное.

Законы колорита неумолимы, и любое изобретательство здесь обречено на провал. Вадим зря старается что-то здесь опровергнуть, и что-то внедрить своё. Мечты понятны, но одно дело – плыть против течения, другое – писать против ветра...

Понаблюдав всё это, я решил помочь молодому. Поставить химию-биологию на службу искусству. Мне ничего не стоит – ему приятно!

Можно было синтезировать какой полезный препарат. Но зачем? Природа о нас позаботилась. Вон сколько галлюциногенных грибов вокруг произрастает. Собирай – не хочу.

Вы, конечно, решили, что я имею в виду мухомор. Да, на севере есть умельцы, употребляющие сушёные кубики мухомора вместо водки и действительно получающие заряд бодрости и дурмана наркотического. Но дело это опасное – рецепт знает только колдун (шаман), да и используются эти кубики в основном для инициации молодёжи, чтоб из них мужчин сделать. И не любой мухомор прыгучесть даёт – нужно искать Пантерный (*Amanita pantherina*). Этот вид много чего полезного содержит: витамины А, В1, В2, В3, В5, В6, С, D, E, PP, биотин, фолиевую кислоту. В его состав входят мускарин, иботеновая кислота и мусцимол, холин, мускофлавин, мускаруфин и стизолобиковая кислота. Содержит он и органические кислоты: винную, яблочную, лимонную, а также антиоксиданты, антибиотики. За галлюциногенное действие пантерного мухомора ответственны мусцимол и иботеновая кислота.

Гриб знаменитый. Доисторические изображения (наскальные рисунки) ритуалов с участием психоактивных грибов есть в Африке, и возраст их 9000 лет. В южной Индии обнаружены мегалитические изображения в виде грибов, имеющие возраст 3000 лет. Древние знали, что, принявшие напиток из мухоморов, сохраняют здоровье, продлевают жизнь, сливаются с божеством. Ещё древние Майя рассматривали мухомор как священный гриб. Галлюциногенные свойства мухомора используют в магических ритуалах шаманы Таймыра, Камчатки и Колымы. Для вызова состояния эйфории и галлюцинаций подбирали старые грибы, тогда как охотникам для повышения их выносливости скармливали шляпки молодых. Воины перед боем пили настой мухомора, приводя в агрессивное состояние и умножая мышечные силы.

Овощ (или фрукт?) полезный, но ядовитый зараза!

Для моих целей мухомор вряд ли подходит – мускарин, в мухоморах содержащийся, действительно имеет некое одуряюще-опьяняющее действие. Но не того типа, что сейчас нужен. Мухомор – он для оккультизма хорош. Шаманы принимают красные мухоморы для впадения в транс. Причём сами не едят (ещё отравись!), а пьют мочу принявшего их человека: и эффект куда сильнее и безопасней. Я могу, конечно, наестся мухоморов, но будет ли Вадим пить мою мочу? Это вопрос...

Можно, конечно, найти оленя, кормить его мухоморами, а потом изготовить из него шашлык. Но где взять оленя северного, и сколько его кормить прикажете? И не сдохнет ли он, часом, от мухоморной диеты?! Или Вадим от передозировки.

Второй известный вариант – бледная поганка. По-гречески звучит красиво и непонятно *Amanita phalloides* по научному – хуже, но понятней половому члену подобный, а по-русско-народному совсем безобразно. Редкая по силе зараза – самый ядовитый гриб, отравления им смертельны (смертельная доза токсинов (полипептидов) 0,02-0,03 г.). Но лаборатория знатная: сотни веществ выделить можно. Только аминокислот 18 как в белках животных. Много в ней и азотистых оснований гуанина, цитозина, аденина и тимина. Есть в поганке и витамины С, В1, В2, В3, В6, В12, PP (никотиновая кислота), причём в больших количествах. Увы! Из множества вариантов превращения аминокислот в организме природа выбрала тот, что приводит к

образованию страшного яда – аманитотоксина. Вещество устойчивое: удалить яд из гриба при любой обработке, будь то сушка, варка, соление, маринование или даже жарка, невозможно. Говорят, от холеры помогает, но у Вадима холеры пока нет.

Нужно было думать и искать что-то ещё. То и другое было лень.

Отправился искать поганку. Как средство ментального очищения. В фазу убывающей луны, под мелким дождём пошёл в лес, нашёл поганку, маскирующуюся под сыроежку, и пристально её рассмотрел. Затем мысленно послал в неё свою лень. Громко сказал: «ДРАСТА», с силой наступил на гриб и трижды плюнул через левое плечо. Ушёл не оглядываясь, дома зажёл белую свечу. Помогло, лень как рукой сняло.

Вспомнил я, что галлюциногенные грибы бывают трёх типов: Чернильные грибы (*Coprinaceae*), Чешуйчатые грибы (*Strophariaceae*), Поганки бледные (*Amanitaceae*). Двенадцать наиболее часто встречающихся на наших широтах психоактивных видов грибов можно разделить на две группы по биологически активным веществам, производным триптамина: псилоцибин и псилоцин. Как все соединения индола, они схожи с ЛСД. Бледную поганку мы обсудили (и осудили). Займёмся другими.

Конечно это *Psilocybe coprophilia*, *Psilocybe merdaria*, *Psilocybe coprophilia* и *Panaeolus campanulatus*. О сила латыни! Звучит так красиво, не хочется переходить на русский: какашкина лысина, навозная лысина, любящий дерьмо и колокольный засранец, соответственно. Названия говорят сами за себя.

Есть и другие: *Hyphaloma* (серные головы), *Panaeolina* (сенные навозники) *Panaeolus campanulatus* (колокольчатый навозник), *Psilocybe semilanceata* (Острая коническая лысина) и т.п. Бывают и благородные: *Amanita pantherina* (леопардовый гриб), к примеру.

Бродил я, бродил, по лесам-перелескам. Грибов навалом, поганок не счесть, да ничего подходящего. Уж было отчаялся, но зашёл за сарай и на тебе: то, что надо. На орошаемой, удобренной конским навозом почве, росли грибы. *Psilocybe semilanceata*. То, что надо! Бежевые шляпки с оливковым оттенком диаметром 10 – 20 мм, форма остроконическая, на конце ниппель, как на женской груди, край свернут трубкой. Ножки равномерно толстые с уплотнением в основании. Спороносный слой кремового цвета, края беловатые. Отломил я шляпку, скол посинел. Годится!

Нарезал я грибов и полез на чердак сушить их на воздухе. Положил на газету, плотно, но чтоб не касались друг друга. Сушил двое суток. Когда высушил, растёр их в порошок. Надо выделять псилоцибин и псилоцин – вещества сравнительно не ядовитые, но всё же. Сделать это просто, никаких спец.реактивов не требуется. Методику приводить не буду: химику она очевидна, а обывателю ни к чему.

Смешал я экстракт с вином, и дал Вадиму вместо аперитива. Он погрузился в царство Плутона – грибов покровителя. Планета эта связует два мира, реальный и подсознательный, мир грёз и желаний. Плутон, как вы знаете, помогает осуществлять самые смелые мысли, реализовывать самые потаённые планы и чувствовать себя целостной личностью, возрождающейся после жизненных дрязг и невзгод.

Эффект начался через 20 мин. Лёгкая эйфория, краски стали ярче и сочнее, и оптическое и акустическое восприятие поменялись. Действие росло 3 часа, начались сильные слуховые и зрительные галлюцинации, изображение стало сетчатым. Чувство сильной эйфории и захватывающее религиозное ощущение слияния с абсолютом охватило его. Потом эффект стал слабеть и через семь часов всё кончилось.

С первого момента, он бросился к холсту и стал писать, писать, писать. Написал! Краски ещё не высохли, как мы поняли: вышел шедевр. Без дураков.

Конечно – пятна, что же ещё?! Но пятна с цветными штрихами оживили цвет. Краски приобрели свежесть, свободу и невесомость. Контраст тонов шёл по насыщенности, акцентируя чистоту и звучность ведущего цвета. Возникла пространственная вибрация и эффект объёмности. Шло противопоставление теплых и холодных цветов. Теплая гамма создавала радость. Радость активности (уж не от начала ли Горбачёвских перемен?), но на фоне драматизма (уж не от конечных ли итогов демократической революции?). Зелёного цвета не было, но был трагический аккорд красного и синего. Короче, состоялась цветовая гармония – согласованность цветов между собой из-за найденной пропорциональности площадей цветов, их равновесия и созвучия. Был найден неповторимый оттенок каждого цвета. Между различными цветами установилась взаимосвязь, каждый цвет уравновешивал и выявлял другой. И два цвета вместе изменили третий.

Вокруг картины воздух зазвучал!

Абстракция Гельмана «Перестройка» стала знаменитой, её таскали с одной выставки на другую. Автор получил множество премий, и перебрался жить в Штаты. Но ничего похожего больше не создал. И то правда – где в этой тухлой Америке найдёшь грибную лысину, острую и коническую?! С ниппелем на вершине...

Террором на террор

И по специальности и по душевной склонности я – радиохимик. Но, если я об этом объявляю членам очередной экспедиции, те радостно провозглашают:

– А! Вот и будешь у нас радистом! Там – радио, тут – радио, какая разница?!

Объяснять ребятам, где здесь разница надоело. Поэтому на Камчатке я без лишних разговоров пошёл на склад, получил рацию и взялся за её освоение. Пара суток – я вышел в эфир.

Теперь, обосновавшись на метеостанции в безымянной бухте Тихого океана, я периодически связываюсь с базой, выслушиваю благоглупости начальства и передаю их своим. Связь – дело полезное. Всегда знаешь, где какая погода, где тайга горит, куда вертолёт подался, как ловится рыба, и идут стрельбы на военной базе. Ну и, конечно, сплетни. Скучно же по сопкам молча лазить, а тут можно новости узнать и обсудить их.

Есть и постоянные темы. Одна из них – медведи. Эта тема популярна на всём пространстве СССР, но на Камчатке – особо. Здесь самые крупные бурые медведи и самые агрессивные. Но и охотники на них – агрессивные. Некоторые ходят на хищников с автоматом и винтовкой с оптическим прицелом, зато снобы (профессор Таганов, к примеру) – с одним ножом (он шёл бы с рогатиной, но секрет её изготовления утерян). Эфир полон советами, как свежевать мишку, как дубить шкуру, извлекать желчь, сушить её и т.п. Делить шкуру убитого медведя – наше любимое дело. Не убитого, потому что отстрел медведя здесь категорически запрещён. Можно схлопотать срок, причем серьёзный. Поэтому проблема не в том, как защитить медведя от человека, а наоборот, как защитить человека от медведя.

В последние годы медведи расплодились и обнаглели. Понятно, чем самому охотиться, ловить рыбу и собирать малину, куда лучше напасть на какой-нибудь беспризорный лагерь геологов, да полакомится тушёнкой, стученкой, сахаром, наконец. Тем более, безнаказанность гарантирована. В целом, ущерб человеку существенен: помимо порчи имущества, уничтожения скудных съестных запасов, психологических травм, были и жертвы – раненые и убитые. Стрелять запрещено, народ пускает сигнальные ракеты, зажигает фальшфейеры, швыряется головешками, свистит, как судья на поле – толку нет.

Вот типичный обмен радиограммами:

Экспедиция: Обнаглевший медведь, проник в лагерь, разворотил 2 рюкзака, 3 ящика с тушенкой, сожрал окорок марала.

База: составьте акт на списание.

Э. Ночью медведь проник на склад, разобрал крышу, разорвал мешки и повредил оборудование.

Б. Перенесите склады на деревья.

Э. Во время ужина, медведь ворвался в лагерь, всех разогнал. Сидим на деревьях.

Б. Свистите в свистки, стучите палкой по стволу

Э. Раненый медведь взбесился, порвал двух собак, поцарапал геодезиста. Мы ушли в тайгу.

Б. Какая сволочь стреляла в медведя? Прокуратура открывает дело.

И такое – регулярно. Мы слушали и тащились. У нас медведей не было

Но однажды эфир огласился воплями и бабьим матом. Знакомый медведь проник в деревню и устроил погром. Причём обещал придти ещё. Тётки просили помощи. Посмотрел на карту – деревня не далеко – километров сорок по прямой. Взял я фельдшерский чемоданчик с аптечкой (хорошая аптечка, Тамаркой-санитаркой собрана), оседлал Лауру и поехал спасать мирное население.

Тропа набита слабо, но все же читается чётко, и мы с Лаурой её не теряли. Перевал в одном месте довольно крут, но и его преодолели. Деревня Нюркино когда-то была большой, но сейчас, естественно, умирала. Жили практически одни старушки преклонного возраста. Было два мужика, но они как начали пить в детстве, так не смогли остановиться. В расчёт их никто не брал.

Сначала я осмотрел окрестности. Сразу за околицей начиналось овсяное поле – мечта медведя. Судя по следам, там пасса целый коллектив, некоторые вполне крупные. Почему одному тесно стало в овсяном рае, и он подался в разбой – не ясно.

В деревне бабы захлеб делились впечатлениями о вчерашнем налёте. Разоренье было не малое, особенно – на пасеке. Но главное – страха натерпелись, когда по плетням скакали, уходя от медведя. Один мужик по гладкому стволу берёзы взлетел на вершину, где три часа дрожал, пока зверюга сдирал когтями кору. Но главное – обида. Этого мишку они, оказывается, знали давно, ещё с нежного возраста медвежонка. Проказливый был, но забавный. Бабки смеялись над его выходками и подкармливали. Даже мамаша его была недовольна и изредка награждала сына мощной оплеухой. Так продолжалось, и когда стал пестуном, здоровым медведем, без царя в голове, правда. Любил он, повалявшись в овсах, зайти в деревню и полакомиться чем (или кем) Бог послал. Однако сильно не наглел. Но личная жизнь его, видать, не задалась, и стал он пить. С

годами превратился в алкоголика. Теперь он повадился в деревню целенаправленно – в поисках чего выпить. Чутье его – уникально, как не прячь самогонку и бражку, всё одно – найдёт и выпьет. А потом валяется на околице. Прямо, как человек.

Между тем в Нюркине спирт.завода нет и магазина тоже. Все продукты завозятся вертолетом, а в этом году он один раз прилетел, бюллетени привез, выборы в Верховный Совет провёл, и всё – нет его. Так что не только вина-водки, здесь ни сахара, ни дрожжей два года не видели, так что население в целом и даже алкаши стали трезвенниками. Мишке это не нравилось, он не был закодирован. Вот и устроил налёт со смертельными последствиями для козла, свиньи и нескольких кур. Причём курятник он разорил без всякой пользы, так – из чистого куража.

Провёл я опрос населения на предмет оружия. Ружья были практически у всех, но боезапас кончился. Принесли мне несколько патронов, но латунные гильзы были настолько зелёные, изъеденные коррозией и деформированные, что я даже прикасаться к ним не стал. Обошел деревню, порылся на старом складе удобрений и фунгицидов, набрал ведро калийной селитры. Порылся ещё и откопал запасы аммиачной селитры. Это уже было кое-что.

Отнёс два ведра удобрений в баню – это теперь мой антитеррористический штаб и лаборатория. Туда же доставил канистру с бензином, стеклянные бутылки, банки из-под компота и несколько пустых консервных банок. А аптечка – всегда со мной. Кто знает? Может срочно бронепоезд взрывать придётся... Баня была большой: – парная с пузатой печью и встроенным в неё баком с водой, и предбанник с обычной буржуйкой. Всё – что надо для полноценной химлаборатории террориста.

Была у меня такая в детстве-отрочестве. Много чего я в ней полезного наработал. Слава обо мне шла по всей Клязьме и даже шире. Правда, не как о террористе, а как о диверсанте-подпольщике. Жаль немцы до нас не дошли, мало б им не показалось....

Сел я на лавку и стал думать. Взрывчатку я, естественно, могу изготовить из любой табуретки, или, скажем, – полена. Но это возня. Да и ни к чему – у меня куча реактивов. Серную кислоту добыл из старого аккумулятора, элементарную серу наломал в кальдерах местных вулканов, древесный уголь вытащил из печи, вату – из аптечки (там ещё были кой-какие лекарства, при умелом обращении, способные поднять на воздух всю деревню). Есть бензин-солярка, два ведра удобрений. Да и лабораторное оборудование классно – самогонный аппарат. Конструкция отработана веками, но пришлось модернизировать – заменить кастрюлю на глиняный горшок, а то, пожалуй, растворится в кислотах.

Что ещё террористу надо? Проблема в другом: в этот раз задача – гуманна. Нужно отучить мишку (его приятелей и близких родственников) приставать к людям. Вот, если бы было разрешено его замочить или покалечить, нет проблем, а так придётся повозиться. Использовать интеллект (свой, а не медведя).

Бы, конечно, решили, что я взялся за изготовление коктейля Молотова. А вот и нет! Конечно, со времен 2-ой мировой войны этот коктейль любим террористами всего мира. Он крайне прост в изготовлении и может дать страшные результаты. Взяв любую легковоспламеняющуюся жидкость – бензин, дизельное топливо, керосин, спирт, горючее для зажигалок, ацетон, скипидар и др. и налив в стеклянную бутылку, кто угодно может сделать зажигательную бомбу. Бутылка плотно затыкается свернутой тряпкой, пропитанной горючим, конец тряпки оборачивается вокруг горлышка бутылки и привязывается. Не забудь оставить свободно свисающий фитиль длиной 10 см. Поджигай фитиль и бросай. При условии, что ткань не погаснет и бутылка разобьётся от удара, её содержимое вышлеснется и вспыхнет. Смесь бензина со смолой или вязким маслом прилипает к пораженной поверхности или человеку, создавая трудности в тушении и поджигая даже трудно воспламеняющиеся объекты.

Штука, конечно полезная. Но – ненадежная, и опасная для самого террориста. Главное ведь что? Чтоб бутылка разбилась. Шлепнете её о танк – проблем нет. Но мишка – не танк, он мягкий! Кроме того, запал должен работать устойчиво. А где гарантия, что ваша тряпица будет вообще гореть в полёте, или, что хуже, не взорвёт бутылку у вас в руках? Помню в детстве знакомый пацан в броске поднял руку слишком высоко, пробка выскочила, бензин полился, так что парень вспыхнул весь и незамедлительно сгорел. Нам это надо? Да и сжигать живьем медведя неэкологично.

В детстве-отрочестве я работал над развитием идеи коктейля Молотова. Пытался создать бутылки с химическим воспламенением. Просто добавлял в бензин триэтилалюминий, самовозгорающийся на воздухе. Трудность в том, что закупоривать бутылки нужно в бескислородной атмосфере – дома сложно. Пробовал я использовать два компонента – внутри и снаружи бутылки – воспламеняющиеся при контакте друг с другом. В ход шёл хлорат калия, сахар да серная кислота. Но я бы не сказал, что результат был хорош. Ну его, этот коктейль Молотова!

Для нас с вами он слишком прост. Уж – химичить, так химичить...

Впрочем, сначала нужно обеспечить себя реактивами.

Серную кислоту я добыл из автомобильного аккумулятора. Но её концентрация для моих целей мала – пришлось сконцентрировать упариванием воды. Кислота, конечно, загрязнена свинцом – её нельзя применять для синтеза пикриновой кислоты. Если б мне пришла в голову

идея производства пистонов-взрывателей, трудности я бы всё равно преодолел – перегнал бы в сухую железный купорос (его на колхозном складе навалом – боролись когда-то с болезнями растений) и дело с концом. Но таких идей не было. Для меня аккумуляторная кислота вполне годится. Другое дело, что концентрированная серная кислота гигроскопична, то есть активно поглощает из воздуха водяные пары. И опять разбавляется, зараза. Пришлось залить её в стеклянную банку из-под вишневого компота и плотно закрыть пластмассовой крышкой.

Для изготовления основных взрывчаток требуется концентрированная азотная кислота. Тут всё просто: налил в горшок от самогонного аппарата серной кислоты, осторожно присыпал калиевую селитру (нитрат калия, для неучей). Приёмник охлаждался ледяной водой из ручья. Медленно нагрел и подождал, пока конденсат потечёт в приёмник. Это и есть азотная кислота. Тут важно не перегреть, а то начнут выделяться ядовитые газы бурого цвета. Станешь чихать и кашлять, придётся убраться из бани, пока не проветрится. Но я – профессионал – ничего пакостного не случилось. Слил концентрат в банку из-под персикового компота и плотно закупорил. Не перепутать бы потом компоты! Основные реактивы есть – готовь взрывчатку. Вопрос: какую?!

Вы можете сказать, что мне ничего делать не надо – нитрат аммония (аммиачная селитра) есть – чего же боле? Тут тебе и ценное удобрение (много азота), тут тебе и мощная (и надежная!) взрывчатка. Не торопитесь! Да, это вещество способно взрываться с огромным выделением энергии. Но его ещё надо подорвать! Требуется очень сильная ударная волна (например, от промежуточного заряда, скажем, тринитротолуола или гексогена), чтобы нитрат аммония сдетонировал. Конечно, чувствительность можно повысить, например, добавив алюминиевую пудру. Но вот её-то как раз под рукой не оказалось (в детстве я эту пудру добывал в больших количествах в тракторной мастерской, где из неё делали краску-серебрянку для колес). Здесь, увы, МТС не было.

Знаю, что вы скажете! На базе нитрата аммония можно создать разные типы взрывчаток с повышенной мощностью, чувствительностью и влагоустойчивостью. Добавь немного вазелина, моторного масла, на худой конец – керосина и получишь игданит, смешай 70% нитрата аммония, 26% алюминиевой пудры и 4% угольной пыли – вот тебе и аммонал – взрывавай скалы. Смешивая 10..80% нитрата аммония с 90..20% расплавленного тола (тринитротолуола) получишь продукты с широким диапазоном чувствительности и высокой мощностью. Не учите! Ученого учить – только портить! Дома я вам всё это приготовлю, а здесь – увольте. Баню жалко...

Одно из опаснейших взрывчатых веществ – нитроглицерин. В аптечке у меня он был в виде 1% спиртового раствора – Тамарка запасла для сердечников, но где они здесь, эти сердечники? Это лекарство – взрывобезопасно, поверьте на слово. Но если оставить его в открытом стакане при комнатной температуре, спирт испарится, а нитроглицерин останется на дне посуды. А это уже взрывчатка, да ещё какая! Помните фильм «Плата за страх», с Ив Монтаном? Как там грузовики с нитроглицерином взлетали один за другим на воздух? Взрывается от любого неосторожного движения. Я сам однажды едва не остался без глаз, а соседу по тяге три пальца оторвало.

Нитроглицерин - одно из опаснейших и нестабильных взрывчатых веществ, если не самое опасное. Изготовить его, не рискуя жизнью, невозможно. Множество анархистов было убито или тяжело ранено при попытках "сварить" нитроглицерин. Когда его синтезировали на фабриках Нобеля, большое количество рабочих пострадало при частых взрывах. Тем не менее, он широко используется при изготовлении взрывчатки. Для этого сразу после изготовления его преобразуют в более безопасное вещество - динамит. Кстати, если бы я взялся готовить динамит, то делал бы, естественно, не из медицинского нитроглицерина, а просто – из глицерина. У меня было несколько пузырьков (моя аптечка – мечта террориста, низкий поклон Тамаре) – для косметических целей. Получение элементарно: концентрированные серная и азотная кислоты, сода, глицерин, дождевая вода (вместо дистиллированной). Добавляй одно к другому, мешай и охлаждай. Когда нитроглицерин осядет на дно стакана, раствор кислот над ним осторожно слей. Маленькая хитрость: чистым шприцем из аптечки осторожно перенеси нитроглицерин в стакан с раствором соды. Этот раствор удалит остатки кислоты, что сделает нитроглицерин более стабильным и менее склонным к беспричинному взрыву. Вот и всё – нитроглицерин и динамит считай у тебя в кармане.

Мощнейшая взрывчатка, которую Нобель называл «гремучий студень» может изготавливаться путем добавки в нитроглицерин 5% нитрата аммония. Он тоже склонен к самопроизвольному взрыву. Лучше сделать динамит. Опилки, мел (зубной порошок), селитра – многие другие вещества (идеал – известковый порошок для полировки машин) пропитываем нитроглицерином. То, что получится, Нобель (основатель Нобелевской премии) назвал динамитом. У динамита резко снижена чувствительность к механическим воздействиям.

Сейчас в моде гексоген. Понятно – мощная военная взрывчатка: в 1,5 раза мощнее тринитротолуола (тола). Однако, гексоген – чувствительное вещество, может в руках рвануть, поэтому его редко используют самостоятельно, чаще – как промежуточный заряд для подрыва тринитротолуола или нитрата аммония. Могу я получить гексоген в бане деревни Нюркино?

Странный вопрос, конечно – да! Лезем в ту же аптечку (хорошо у нас никто не болел и аптечка в полной сохранности) – и достаем мочегонное (оно же антимикробное) средство «уротропин». Нет аптечки – бери сухой спирт (у любого туриста-альпиниста есть). А что такое уротропин по своей химической сути. Это – гексаметилентетрамин, короче – гексамин. Теперь понятно? Берешь 50 г гексамина и 550 мл концентрированной азотной кислоты. Кислоту - в стакан, сыпь туда же лекарство, да помешивай. Только помни – температура начнет подниматься, её непременно нужно удерживать ниже 20°C во избежание ужасных последствий. Нагреется до 30° – не будет ни тебя, ни бани. Так что охлаждай – не ленись. Храни гексоген во влажном состоянии – суши перед использованием. Можешь пойти дальше – изготовить известную армейскую взрывчатку С-1 (пластит): смешай в полиэтиленовом мешке гексоген (88%) с вазелином (11%) и казеиновым клеем (1%). Полезная вещь получится.

Читатель, надеюсь, понял: химия – страшная сила: слад минеральных удобрений и аптечка обеспечат противостояние целой армии. Или массовый террор. Жаль, здесь – ни немцев, ни американцев, ни чеченцев нет. Не перед кем блеснуть мастерством...

А ведь мы рассмотрели только одну группу взрывчатых веществ – бризантные ВВ, т.е. способные детонировать. Есть и другие группы ВВ. Например, пороха, способные сгорать без доступа воздуха. Праймеры, отличающиеся высокой чувствительностью и используемые для инициации взрыва. Есть горючие жидкости – много чего есть. Кое-что я и изготовил.

Детонирующие (бризантные) взрывчатые вещества инициируются ударной волной при взрыве детонатора. Для моих целей, пожалуй, лучше пороха. Порох (любой!) отличается тем, что ни при каких условиях не детонирует. Поэтому его и используют в оружейных патронах.

Детонация метательного заряда разрушила бы ствол оружия и взорвала бы заряд, заключенный в снаряде. В отличие от бризантных ВВ распространение реакции в заряде пороха происходит не с ударной волной, а путем теплопередачи. Порох инициируется воспламенителем, что устроит проще, чем взрыв детонатора. И надежней...

Поэтому мудрить не стал - изготовил и черный и бездымный пороха.

Классический рецепт черного пороха каждый помнит наизусть: 75% калиевой селитры, 10% серы, остальное – уголь. В деревянной миске деревянной же ложкой измельчил каждый компонент в отдельности в тонкий порошок. Затем поместил серу и уголь в отдельные бумажные пакеты, а селитру высыпал в стеклянную банку. Налил в банку кипящей воды. Немного, только чтобы смочить всю селитру. Добавил серу и уголь и тщательно размешал до получения однородной черной массы. Поставил банку на край буржуйки, и подождал, пока высохнет содержимое. Выскреб порошок из банки и сложил в бумажный пакет. Тут всё просто.

Как вы знаете, скорость сгорания пороха определяет эффективность бомбы. Чем быстрее сгорает порох, тем сильнее будет взрыв, а скорость сгорания обратно пропорциональна размеру зёрен (увеличивается при измельчении). Поэтому используемый в самой бомбе порох должен быть мелко измельчен. Занятие это небезопасно – он легко воспламеняется статическим электричеством. Проскочит невидимая искра – всё поднимется в воздух. Чтобы безопасно размолоть готовый порох, нужно использовать посуду и ложку из дерева. У меня все это было, и я стал размалывать порох небольшими порциями, круговыми движениями, не надавливая слишком сильно и не ударяя по пороху. Тонкость помола - как у муки. Но я собирался использовать порох не только для снаряда, но и для средства его доставки, т.е. ракеты. Пушки-то нет! Ракета моя работает на твёрдотопливном двигателе. Поэтому часть пороха пришлось склеить в монолитный блок.

Следующее вещество, которое я изготовил, был бездымный порох, т.е. пироксилин. Бездымный порох – это просто нитроцеллюлоза. В детстве у меня с ней не было проблем: нитроцеллюлоза, пригодная в качестве взрывчатки, под названием "коллоксилин" в больших количествах использовалась на лакокрасочных заводах. В родной Клязьме располагалась артель по производству нитроокраски - с её помойки я и тащил нитроцеллюлозу домой. Кругом сновали агенты КГБ, но, похоже, никто из них не знал, что полупродукт для эмали – это бездымный порох. По крайней мере, мне никто не мешал. Теперь же мне пришлось всё получать с самого начала – нитровать вату (вата – это целлюлоза, если кто не знает) азотной кислотой. Делается это просто – смешиваешь в стакане равные объемы концентрированных серной и азотной кислот и кладешь туда что-нибудь из хлопка. Сейчас это была вата из аптечки, а в детстве – промокашка, тоже хорошо получалось. Подождал три минуты, вынул вату (вид её не изменился) из первого стакана и положил во второй. Промыл дождевой водой и высушил. Готово!

Чёрный и бездымный пороха – это уже задел. Но в антитерроре нужна гарантия. Поэтому в качестве ударного вещества я выбрал напалм. Напалм – запрещённое оружие, но мы - потихоньку, никто не узнает. Основной компонент напалма у меня хранился во все той же аптечке в секции слабительное. Препарат назывался бертолетова соль, он же – хлорат калия. Хорошо от запора помогает. Мы, однако, применим его для других целей...Осторожно и медленно, деревянной ложкой в деревянной миске, растер слабительное (т.е. окислитель) в тонкий порошок. Пересыпал его в полиэтиленовый пакет, добавил детский вазелин и помешал. Если сюда прилить загущенный бензин (я его получил просто, слил осторожно основную часть бензина из канистры, то, что осталось, и было загущенным бензином).

Ну, вот и всё. Изготовь бикфордов шнур, и приступай к ракете.

Бикфордов шнур – старейшая система инициирования - обеспечивает практически гарантированное воспламенение. Берёшь пластиковую трубку и набиваешь зернами черного пороха (в школе мы набивали спичечными головками). 10 см такого «шнура» горит секунд 8 – успеешь отбежать. Не надо только забывать, что 2 см шнура всегда должно быть внутри заряда. Взял бумажные спички и аккуратно отделил спички от обложки. Отдельные спички отрывать не стал, они остались прикрепленными к картонной основе. Обернул спички вокруг шнура, причем головки их поместил на самом краю трубки. Надежно примотал их лентой, оставив открытыми головки. Обернул обложку спичек вокруг шнура, следя, чтобы фосфорная обмазка располагалась выше по шнуру и ни в коем случае не касалась головок спичек. Обмотал её лентой, чтобы она плотно охватывала спички и не соскальзывала. Теперь, если потянуть за обмотанную лентой обложку, она снимется, причём обмазка с трением пройдет по спичечным головкам, воспламеняя их, они подожгут шнур и т.д. Наши маленькие хитрости. Безопасность – первое дело! Не поджигайте бикфордов шнур зажигалкой, ребята...

Химкомпоненты готовы, приступаем к ракете. Идеология понятна: бикфордов шнур воспламеняет монолитный чёрный порох, тот – порошкообразный чёрный порох, тот – бездымный порох, и в конце детонирует бертолетова соль с вазелином и вспыхивает напалм. Просто и логично.

Твёрдотопливный ракетный двигатель изготавливается без проблем: взял первую попавшуюся металлическую трубу и намотал на нее несколько десятков слоев бумаги, проклеивая каждый слой. Подождал, пока клей высохнет, бумажный патрон снял с трубки, наполнил монолитным черным порохом и со стороны сопла воткнул бикфордов шнур. Двигатель готов. Верхнюю часть ракеты заполнил ватой бездымного пороха, в которой сделал углубление. В углубление вставил чехол от киндер-сюрприза (тогда они как раз входили в моду – носил с собой как сувенир московский) – удобная штука для террориста, кстати. В корпусе проковырял отверстие. Залил в объём сгущённый бензин, а в дырку вставил полиэтиленовый пакет со смесью бертолетовой соли с вазелином внутри. Все изделие оклеил плотной бумагой, в районе сопла прикрепил картонные стабилизаторы.

Ракета стояла вертикально и смотрела в небо. Хотя сейчас в космос. Работа моя, однако, на этом не закончилась. Мишку ждал сюрприз – йодистый азот – мечта школьного хулигана. Забавная вещь – кристаллы йодистого азота взрываются, если на него сядет муха. Медведь тоже годится...

Первая стадия у меня отлажена – залез в аптечку, извлек йодную спиртовую настойку и нашатырный спирт, т.е. раствор аммиака. Раствор йода нагрел и вылил в холодную воду. Воду слил, кристаллы извлек и растёр в ступке. Затем взял столовую ложку кристаллов йода и пересыпал в стеклянную банку, куда добавил аммиак (надеюсь, в отряде никто в обморок падать не будет, а то я весь нашатырь на медведя извёл), так, чтобы он полностью покрыл кристаллы.

Закрыв банку крышкой и поставил в холодную воду. Через 20 минут, вылил на фильтр (бывшую промокашку). Вода пусть себе вытекает. Собрал ложечкой красноватые кристаллы с фильтра, завернул в салфетку и понёс (пока не просохли) на место действия.

Место действия – старый сарай (хлев?) в конце деревни. Ещё недавно там жил козёл, но медведь залез на крышу, прорыл дыру, свалился вниз и загрыз старика. Потом зарыл труп прямо в сарае, все описал, выломал дверь и удалился. Надо полагать, сегодня вернётся ужинать тухлятинкой. Гурман!

Дверь в сарай была в торце, обращенном к дому бабы Насти - месту засады. К двери я приближаться не стал, а обошел сарай и подошел к другому торцу, смотрящему на овсяное поле и лес за ним. Аккуратно посыпал йодистым азотом следы медведя, ведущие на крышу.

В доме Насти я залез на чердак, а с него – на крышу терраски. Крыша была покрыта железом и слегка наклонена в сторону сарая. Идеальное место! Установил ракету, поправил запал и улегся рядом ждать. Темнело, наступали сумерки.

Не прошло и часа, появился сам. Алкоголик нечесаный. Морда побита, набок скособошена, шерсть торчит клочьями, задняя лапа не гнётся. Походка приклатненного матроса, только, что в зубах сигареты нет. Дороги не выбирает, прёт по кустам. Хозяин тайги в самоволке. По старому пути не пошёл, обошел сарай и, как хозяин, прямо в дверь, им же оторванную. Обернулся, осмотрел окрестности и скрылся во тьме.

Тут я дернул за ленту, пакет спичек заверещал и вспыхнул. Огонь побежал по трубке к ракете, а я – в противоположную сторону, где залег за коньком. Ракета задрожала, снизу повалил дым, за клубилось пламя. Она оторвалась от крыши и замерла на мгновение, как Баба Яга на помеле, затем стремительно пошла в высь. Описав баллистическую траекторию, она упала на крышу сарая, прямо за дверь. Раздался взрыв – сработал бездымный порох, затем второй взрыв и яркая вспышка пламени. Напалм! Сарай вспыхнул незамедлительно. А что вы хотите? Сталь горит, не то, что солома. Температура-то под три тысячи градусов. Несколько секунд слышан был только треск горящего дерева, затем крыша над входом обвалилась. Выход был отрезан. Тут раздался дикий (в буквальном смысле) рёв. Но сначала из дыры в крыше выскочил горноста. Он

не потерял присутствия духа: ловко развернулся в воздухе спрыгнул в бок и исчез в кустах. И только потом из того же отверстия вылетел медведь. Широко распластав лапы, он воспарил, как змей-Горыныч. Шерсть на нем тлела. Летел он не долго – шлепнулся пузом на землю. Я уж подумал, его хватил инфаркт на нервной почве. Но нет, оклемался и рванул к лесу. Бешеный носорог какой-то.

Вот тут-то и сработал сюрприз. Миша бежал по своим следам, т.е. по йодистому азоту. А он уже высох. Как только зверь ступал на лапу, раздавался громкий резкий звук, напоминающий пистолетный выстрел. Одновременно вылетало облако пурпурных паров йода. Едко вониючих, между прочим. Медведь мчал аллюром, и за ним шла пулеметная очередь. И чем он чаще семенял, тем гуще стреляли. Бедняга обосрался – медвежья болезнь, обычное дело.

Медведь приближался к овсам, когда из огня вылетел хорек. Он совершил ошибку, рванув за медведем. Теперь уже пистолетная стрельба велась по нему. Хорек мчался так, что догнал и перегнал мишку. Рекорд Гиннеса! Кристаллы йодистого азота, видать, попали хищникам в лапы, долго ещё из леса доносились хлопки и взрывы. Ну, ничего, запомнят надолго, как на людей и домашних животных покушаться. Сами запомнят и потомкам передадут.

В деревне началось шевеление. В пылу охоты, я как-то забыл о зрителях. Однако они были здесь, от мала до велика, смотрели каждый из своего укрытия. Челюсти у них отвисли, глаза стали квадратными. Понятно, раньше им не приходилось участвовать регулярной контртеррористической операции...

А я шёл по центральной (единственной) улице деревни Нюркино, держал под уздцы Лауру и купался в невидимых лучах Славы и в видимом пламени пожара.

Нахимичил!

Банкет

*Не хорошо быть человеку одному.
Начало Библии*

В юности я хорошо поколесил по Туруханскому краю, тогда же простился с ним, но в эпоху моей поздней зрелости судьба снова привела сюда. В факторию Кербо явился я на маленьком самолете, доисторической конструкции. Остатки красной краски на морде свидетельствовали, что в советские времена он служил в полярной авиации. А где они, эти времена советские? То-то и оно...

Тем не менее, он меня не выронил в пути и довольно бережно опустил на гальку стрелки Таймуры и Ороя, прямо у тропы, карабкающейся по крутому склону к домам. Когда-то фактория была большим поселком, нанесенным на все карты. В нём было четыре дома! Теперь жилой дом остался один, правда, большой – с двумя отдельными входами. В нём жили две семьи, враждующие и мирящиеся. Остальные зимники были разобраны на дрова: фактория старая, тайга вокруг изведена полвека назад. Стоял пока склад, радиорубка, метеостанция и баня, но чувствовалось – скоро и им конец.

Сейчас женщины-дети отсутствовали – свалили на лето на материк. Так что аборигенами служили два мужика – метеоролог Виктор и радист Андрей. За долгие годы службы надоели они друг другу предельно, так что считай два года, как друг с другом не разговаривали. Но встреча есть встреча – не каждый день бывает, тем более я привез 10-ти литровую канистру спирта питьевого. Впятером (добавившись два летчика – пацаны лет по 17-ти) мы его и употребили. Не сразу – три дня гуляли. Последствия были: один летчик впал в кому, его без сознания отнесли в самолет, Виктора прохватило цирроз печени – его отнесли туда же, а Андрей заявил, что хочет лакернуть сухеньким, сам взобрался на борт с целью прогулки по Туре – столице Эвенкийского края. Я посадил в кабину оставшегося пилота, убрал приставную лесенку, крутанул винт – и они улетели, качая крыльями и ныряя на американских (или все же русских?) горках.

А я остался один. Это если считать людей. А если расширить фауну, то в наличии был мерин Ко-Ко и собака Витим. Нам предстояла работа, летчики обещали вернуться за мной через месяц. Если я и/или они доживут, естественно....

Поблевав, поспав, снова поблевав, стал я собираться в путь. Головка, однако, бо-бо. Сильно бо-бо. И опохмелиться нечем – выпили всё до последней капли. А рассола здесь не держат. Бродил, как в тумане. Но до радиорубки добрался, рацию образца 1945 года включил, отбил начальству телеграмму, дескать все в порядке, экспедиция началась. С азбукой Морзе у меня и раньше были проблемы, сейчас тем более ключом стучал с перебойями, но справился - дядя Федя на базе меня как-то понял. Я же продолжал страдать. Даже ночью...

Зато дам своих, что из Москвы меня выперли, слегка подзабыл. Утром встал, заседлал Ко-Ко, слегка его навьючив, свистнул Витима и мы тронулись в путь. Уныло тронулись...

Встав спиной к речке полезли из долины. Долина широкая – до перевала далеко, хорошо хоть не круто. Дорога, если оттаявшую мерзлоту, скопление грязи и луж, можно назвать этим гордым именем, шла по степи. То есть степи в этих краях не водятся, но человек – животное дурное – вырубил все леса в округе, а что не вырубил – спалил. Так что простор широкий, точно

как в степи, или в тундре, что ещё точнее. Солнце светило ярко, а что ему ещё делать? Оно на этих широтах в это время, считай, не заходит. Светит себе и светит, жару предрекая. Туруханскую жару.

Думаете, ехидничаю, сейчас скажу - +3°C. Сибирь-то – страна холодная. А +33° не хотите?! Ну, может не столько, но под тридцать днём будет, не меньше. Вполне жарко, доложу я вам. Раздеться бы... Но об раздеться не может быть и речи – тучи, тучи комаров (и мошки) вьются вокруг нас. На мне – сапоги, двое штанов, рубашка, энцефалитка и штормовка сверху. Все завязано-застегнуто. На голове – кепка и сетка Павловского, репудином пропитанная. В одной руке камча, для вразумления мерина, а в другой – веник багульника для рассеяния mosquito-нечисти. Ко-Ко и Витим интенсивно машут хвостами вокруг задов, а я веником – вокруг морды (своей). Все мы серы – масти не различишь.

Потеет и чешемся. И блевать тянет. Меня и Витима. Тот еще алкоголик, нажрался вчера, как свинья. А ещё лайка! Знатным охотником был когда-то, а теперь, вон, еле трусит сзади. Туняедец! Ко-Ко ж ничего, вполне бодр. И он выпить не дурак, но ему не дали – забыли! А не пасись вдалеке, когда гость прилетает! Хочешь выпить – приходи, раздели компанию. А не хочешь – не приходи, но тогда и не дуйся и не матерись на свою жизнь океанную. Спасибо скажи, что без похмельного синдрома обошёлся. Нам бы так!

Дорога пошла в гору и начала сужаться, превращаясь в тропу. Появились деревья, обещающая восстановить прежнюю тайгу. Что ж лет через 200 тут снова будут леса, если человек отсюда уберётся, естественно. Ехал я шагом, торопиться некуда, да трудности пса-алкоголика учесть надо. Часа через два взобрались мы на водораздел и стали спускаться в очередную долину. Тропа петляла уже по тайге, настоящей тайге. Тонкие столетние лиственницы стояли плотно прижавшись друг к другу, закрывая вид на окрестности. Неважно, дорогу я знал, не в первый раз еду.

Гадкая пара жара-комары донимала нещадно. Но мы не останавливались, продолжали движение. Ещё через пару часов вышли к речке – 3-ей Безымянной, если верить карте. Мы с Витимом бросились утолять жажду. Ко-Ко тоже хотел, но я посадил его на аркан вдали от воды – ему нельзя, пусть остынет. Поостыли, попили, помедитировали, пора в путь, однако. Увы! Моста нет, ещё не построили как-то. Речка может для кого и не широкая, но метров сто будет, течение быстрое, а вода – холодная. Как не крути, а препятствие. Мерин с псом, может, и переплывут, а я?! Лодки-то нет!

От судьбы не уйдешь – начнём переправу.

Поплыву в одежде, чтоб не замерзнуть. Снял сапоги – считай разделся. Радиометр, фотоаппарат, патроны, спички засунул в спальник, а спальник у меня в резиновом мешке, не промокает, к тому же к седлу довольно высоко приторочен. Взял в руки ружье и вошёл в воду.

Покрутил над головой палкой, привлекая внимание пса, и кинул её далеко в реку. Витим посмотрел на меня, как на идиота, нервно зевнул, дыхнул перегаром и отвернулся. Тогда пригласил купаться Ко-Ко. Но тоже не на дурака напал. Коняга упирался и как я не тянул его за уздечку, он пятился, скакал вдоль берега, к воде не приближаясь. Пришлось вылезти, вскочить в седло и скакать галопом вдоль берега. В какой-то момент я сжал Ко-Ко ногами, круто повернул его поперек тропы, кренил на бок. Мы свалились с небольшого обрыва, и поплыли на тот берег. Ледяная вода стала проникать под одежду, впрочем, постепенно согреваясь. Руки у меня были заняты, одной рукой я держался за седло, а другой высоко в небо вздымал ружье. Не хватало ещё его замочить. Самостоятельно я плыть не мог, лишь дрыгал ногами. Для поддержания осанки. Лежа на боку, мерин отчаянно колотил копытами, я держался от него вверх по течению, а то заденет – убьёт. По берегу взад-вперед с печальным лаем носился Витим, ни купаться, ни тем более выгребать самому ему не хотелось. Но куда ты, сачок, денешься?! Пес взвыл благим матом, и – была – не была – сиганул за нами. Шёл он классно – кролем, все же лайка солидная, не удобно как-то по-собачьи, не дама чай на сочинском взморье.

Течение сносило нас сильно, но мы продвигались вперед. Одежда постепенно набухла, стесняла движение, тянула на дно. Руки устали, особенно та, что с ружьем. На каком-то повороте мы вылетели на порог, довольно крутая волна накрыла нас с головой, мы нырнули. Опасное дело, вода в уши коня попадет – утонет. Я выпустил седло, схватился за гриву и выдернул голову Ко-Ко на поверхность. Тот активно замолотил ногами. На очередном повороте нас вынесло на дресву. Переплыли! Мимо нас пронесло Витима. Через километр он тоже выбрался на берег и с лаем (теперь – весёлым) присоединился к нам. Мы встали в кружок и активно затряслись, сбрасывая воду.

Глянул я на своих спутников и обомлел: мы приобрели масть! Я из серого немецкого солдата превратился во французского гренадера: седые волосы, зелёная штормовка, синие брюки и чёрные сапоги. Витим из серого волка превратился в пса с выставки служебного собаководства. Порода – восточно-сибирская лайка (если кто скажет, что такой нет, что в каждом посёлке – своя порода, не верьте – есть, причём с общим стандартом) – сухой крепкий тип конституции, жестокий и мощный корпус. Рост – выше среднего (где-то 60 см), вес – килограмм 20. То, что надо: ниже – мелковат для медвежатника, выше – уставать будет, да и не прокормить его в тайге, пожалуй. Когда-то Витим олицетворял собой крепость, силу и неутомимость. Теперь поистаскался малость,

да и спои гады. Окрас пегий - темно-коричневый, почти бурый с белыми отметинами. Шерсть длинная, бархатистая, волос жёсткий, грубый и густой, подшерсток плотный и мягкий. Постиранный, пес выглядел пышно одетым царедворцем, с воротником (муфтой) и баками. Хвост – спираль в два оборота, загнут на спину и обильно опушен прямым жестким волосом. Хорошо развитая мускулатура. Не маламут, конечно, но все же...

Большое дело - помыться и опохмелиться! Что-то в Витиме напоминало волка. Особенно уши - стоячие, высокопоставленные, подвижные, в форме вытянутого треугольника. Хороший признак – «остроухие» собаки способны выжить в любых условиях. Миндалевидные карие глаза, с резко косым разрезом век. Белые, крупные хорошо развитые зубы. Конечно лайка – не волк, у того хвост – поленом. Ну, так известно, что при одомашнивании животных хвосты у них начинают закручиваться. Пример – лисицы. Достаточно нескольких поколений, живущих рядом с человеком, чтобы уши повисли, хвосты начали закручиваться, а потом хвост свернулся в два оборота.

Ко-Ко тоже выглядел молодцом, помытый он предстал классическим образцом якутской породы. К зиме готов? Всегда готов! Шерсть длиной сантиметров 15, да пуховой подшерсток. Поди плохо! Лошадь хоть и низкоросла (140 см), но вынослива, за день проходит 100 км при грузе 100 кг на спине. Из осла он стал совраской, можно даже сказать – кауркой, ибо блеклый оттенок его корпуса и головы отдавал рыжиной. Украшал его тёмный ремень по хребту.

Умываться чаще надо, ребята!

Увы! На долго нас не хватило. Налетела туча комаров-мошки и мы снова окрасились в мышинные тона.

Переправа нас, однако, взбодрила. Ко-Ко часто переходил с шага на рысь, и однажды даже прошелся легким галопом. Витим шел стандартным рабочим ходом - широкой ускоренной рысью, перемежающейся с галопом.

Пес явно проголодался и, не рассчитывая на меня (и правильно - каюры собак не кормят: собака животное умное, сама себе найдёт пропитание), охотился на всё, что бегаёт, летает и ползает. Охотничий инстинкт мощный, ориентация прекрасна – он всегда знал, где находится сам, где - караван и где этот караван будет через какое-то время (чтобы самому оказаться в той же точке пространства, в тот же момент).

У разных пород собак разное отношение к охоте. Для легавой охота – страсть, сильнейшее желанье, когда забываешь всё, рискуешь всем, даже своей жизнью. Но страсть не длится долго. Для лайки охота – вся жизнь, других интересов у неё нет. К процессу она относится спокойно-рассудительно, но не прерывает его нигде и никогда (даже на улицах Москвы). Поиск и преследование она ведёт сама, полагаясь лишь на себя, не оглядываясь на хозяина и не чувствуя себя потерянной. Сейчас, после нескольких часов самостоятельной жизни, Витим понимал, что он идёт с караваном, а это - не лучшее время для охоты. Но и о пище телесной никак нельзя забыть. Поэтому он реализовывал две тактики: для себя и для общества. По единоличной нужде он молча преследовал и молча ловил все, что сгодится в пищу – мышей, сусликов, евражек, бурундуков, зазевавшихся белок и даже птичек. Так что себя он вполне удовлетворял, но и о хозяине не забывал (и о собственном ужине с вареной дичью, тоже). В общественном варианте, он разыскивал что-то стоящее и ему трудно доступное, например, тетерева на дереве, облаивал его, всячески привлекая внимание к себе и одновременно сигнализируя мне. Так он держал добычу до моего прибытия, я появлялся и ружьем ставил точку в охоте. Если же добыча ускользала, Витим молча преследовал её и, обнаружив и задержав, снова облаивал мечту. Собственно из-за такого стиля работы лайку лайкой и прозвали. Конечно для пса дичь – второстепенная добыча, зверовой след увлекал его сильнее, но он понимал, что сейчас хозяин вряд ли рванет за медведем, лосем или кабаном. Поэтому шёл по дичи. Вполне успешно: Ко-Ко с боков обвешан гусями, рябчиками и купалухами - везет наш ужин.

Была почти полночь, когда мы достигли зимника, что расположился на небольшом обрыве старицы 4-го Безымянного. Тут мы и стали жить.

Утром встретились снова. Вроде всё хорошо, все сыты, работать только мне, да и то – померить радиоактивность местных ключей – плёвое дело. Погода хорошая – считай курорт. Но чего-то не хватало. Своим хвостом мне пытался передать идею Витим, Ко-Ко вторил ему, монотонно кивая головой: вверх-вниз, вверх-вниз. Я прислушался к ним, прислушался к себе и понял: пора гнать самогонку! Душа горит, душа болит...

Тут гарем мой, меня сюда забросивший, опять привиделся и тётки все злые какие-то. Эгоистки! Чего злиться? Шеф (равно как режиссер или тренер) – достояние общественное. Он всем принадлежит, все могут им пользоваться, в том числе и новая аспирантка. Тем более – умная и симпатичная. Нет! В штыки приняли, свару затеяли, на людей бросаются?! Пришлось мне за Можай деру дать. Да пошли вы... Сидите дома, а я здесь погуляю. Дуры набитые!

Чтобы выпить, нужен спирт. Или спиртосодержащая жидкость, как минимум... Вы скажете: нет проблем! Любая бабка может гнать. Три класса школы ей не помеха. А у тебя - верхнее химическое образование. Ты ведь свойства спиртов проходил, возможно – мимо, тогда другое дело. Химию я знаю, но! Химия – в Москве, а проблема здесь. Вопрос: из чего народ гонит

самогон? Ответ: из картофеля, зерна, свеклы, сахара. Вопрос: кто главный компонент бражки? Ответ: солод (проросшие зерна ячменя) и дрожжи. Последний вопрос: а у меня есть что-то из перечисленного? Ответ: нет, у меня ничего! С кедрача дрожжи не падают. Так что подумать надо.

Я предался размышленьям. Собственно дрожжи – агент среднерусской равнины, Кавказ как-то обходился (и обходится) без них. Равно как и без солода. Чача, небось, пару тысяч лет известна. Правда, у них там чернослив с виноградом, у нас здесь они не растут почему-то. Но ягоды-то есть и не сказать, что мало видов: морошка, черника-голубика, черная смородина, жимолость, даже малина. Сахар в них есть? Есть! Стало быть бродить могут, особенно - на солнышке.

Пошли мы с Витимом собирать ягоду-малину. Я сидел на корточках, он – охранял. Собирал в основном голубику да прошлогоднюю морошку. Иногда попадались кусты чёрной смородины, прекрасной чёрной смородины, с ягодами, крупней, чем у садовой. Параллельно мы охотились на гусей, которые в изобилии плавали в старице. Они линяли и почти не летали, мы подстрелили пару покушать. Ну и наукой я занимался, естественно: положу на глину радиометр, включу его и ухожу, статистика набирается часа два, так что время есть. Трудился я самозабвенно, и через 3 дня у меня уже было 8 вёдер ягод разного вида. Можно было начинать, но я решил увеличить запас.

Для гарантии.

Мирно, как крестьянская девушка, собирал я ягоды, каждую третью отправляя в рот – витамины ведь, а то цингу схватишь, когда вдали раздался залиvistый лай. Я собрал манатки и пошёл выяснять обстановку, хотя уже по ярости завываний уяснил – Витим нашёл, что искал – медведя. А на фига он нам? Мы ж делом заняты.

Я вышел на прогалину и застал классическую картину – лайка и медведь. Делокализованный пес носился вокруг медведя, как электрон вокруг ядра, не забывая переходить с орбиты на орбиту и вертеться вокруг собственной

оси (спин называется). Картина была трёхмерной – в отдельные моменты Витим витал в воздухе. Как орёл! Медведь, стоя на четырех лапах, рычал, противопоставляя пасти пасть. Он не пытался встать на задние лапы, или сесть на них, чтоб освободить передние, просто, не торопясь, поворачивался в сторону собаки, демонстрируя клыки. Он был зрелым зверем и одиночной лайки не боялся. Свора – да, свора опасна, за всеми не уследишь, а одна... Он ждал, пока Витим сделает ошибку – приблизится ближе, на расстояние нокаутирующего удара, тогда – хук правой и дело с концом. Или устанет надираться, плюнет и уйдёт. Но Витим сдаваться не собирался, к медведям он испытывал особую злобу, и особо – к старым знакомым.

С первого взгляда я определил, что это знаменитый в нашей округе медведь Моня – правое ухо свисало ключьями – память о контакте с цивилизацией. Сам я с ним не встречался, но слышал. Мне о нём рассказывал Андрей. Сидели они как-то с Витимом в радиорубке и выпивали. Под окном паслись лошади. Вдруг в проходе между рубкой и складом появился Моня и стал осторожно подкрадываться к коням. Те почуяли его, громко заржали и пустились в бегство. Медведь последовал за ними могучими прыжками, быстро настиг одну, ударил её правой лапой по затылку, левой схватил за морду, повалил на землю и растерзал ей грудь. Увидав, что вторая лошадь хромает, он, бросив первую, побежал за ней, догнал и убил точно так же. Андрей открыл дверь и, забыв, что ружье дома, бросился на выручку. Витим за ним, они свалились с крыльца и устроили кучу-малу – оба были в стельку пьяны. Не то что с медведем драться – на ногах стоять не могли. На шум прибежал Виктор, он тоже был пьян и тоже – в стельку. Пил он с Ко-Ко. (Мужики давно не водились друг с другом и пили врозь, а одному пить нельзя – алкоголиком станешь. Вот они и нашли выход – Андрей пил с собакой, а Виктор – с лошадей. Поэтому Кербо – фактория алкоголиков. Хорошо, прибежали другие собаки – отогнали мишку. Но Витим сильно переживал – в кои веки раз случилась облава, а он – не форме. Не хорошо, перед псами стыдно. А Ко-Ко тогда повезло – и водки нажрался и жив остался.

Сейчас Витим старался наверстать упущенное, оправдать себя в собственных глазах. Хотя чувствовалось, пьянство подорвало здоровье. Сильно подорвало. Выносливость пропала. Ни злобой, ни опытом не компенсируешь. В затяжной битве, пожалуй, проиграет. Пора кончать.

Я приблизился ближе, перезарядил ружье жаканами, и стал целиться. Убивать я его не собирался, мародерство с лошадьми меня не касалось, а шкура его мне не нужна, линяет ведь по случаю жары. Я просто себя обозначил. Моня глянул и всё понял. Резко развернувшись, он с удивительной прытью сиганул через бурелом и исчез. Витим было бросился за ним, но я требовательным свистом вернул его обратно. Первая битва закончилась вничью.

Пес весь дрожал:

- Зря ты его спугнул, я б его разорвал.

Я потрепал его по шее

– Ладно, кончай, в другой раз считаешься.

Как в воду глядел.

Некоторые ягоды – самые сладкие и спелые - я использовал для получения «диких дрожжей». Отобранные ягоды (мыть их нельзя, так как можно смыть дрожжи, находящиеся на поверхности) размял, поместил в пол-литровку, засыпал сахаром (на 2 стакана размятых ягод затратил полстакана сахарного песка, считай – весь запас сахара, что у меня был), и залил стаканом воды. Смесь взболтал, закрыл ватной пробкой и поставил в тёмное место на 3 дня. Затем сок профильтровал через случившуюся под рукой тряпку, отделив продукт от мезги. Вот вам и дрожжи – не хуже селекционных, между прочим. Было у меня с собой немного томатной пасты, я ее тоже употребил, как дрожжи, но это так, для гарантии.

Раздавил я основной запас ягод в тряпичном мешке ударами подходящего полена, засыпал в бочку, добавил сусло (на 10 литров браги - 300 г закваски) и залил водой. Бочка была из-под солянки, но ее уже давно использовали для сбора дождевой воды, так что, считай, она уже отмылась. Установил водяной затвор, зазоры обвязал все той же тряпкой, чтоб мухи-осы со всей округи не слетались, а над всем сооружением возвёл палатку – днём она нагревалась вполне прилично, может и не так, как на Кавказе, но почти. Процесс пошёл, а у нас потянулись долгие дни ожидания.

Брожение - основной этап производства самогона. Оттого, как происходит сбраживание, зависит и выход готового продукта, и его качество. Брожение - сложная химическая реакция, требующая строгого температурного режима и определенной концентрации компонентов.

Напомню любознательным:

Сахар → этиловый спирт + вода + углекислый газ. $C_{12}H_{22}O_{11} \rightarrow C_2H_5OH + H_2O + CO_2$. Очень важна температура – она должна быть не менее 18°C и не выше 24°C. Ну, в палатке она примерно такой и была. Важнейшим элементом процесса сбраживания являются дрожжи – вещество из микроскопических грибов, которые и вызывают брожение, так что возделенный спирт и есть продукт жизнедеятельности дрожжей.

Это я так – для общего развития...

Пока суть да дело, решил наладить самогонный аппарат. Канистра у меня была. Пробку с отводом изготовил из первой попавшей деревяшки, дыру в виде буквы Г прожег в ней раскаленным гвоздем. Холодильник изготовил из лыжной палки – обрезал с двух концов, вышла трубка. Она помешалась в длинной колоде, выдолбленной из бревна. Если колоду – некий вариант корыта – залить холодной водой – будет холодильник. Наклони трубку немного, поставь ведро – закапает самогон.

Силы воли ждать нам хватило на неделю. По моим оценкам достаточно. Брага уже приобрела специфический, слегка горьковатый привкус, образование пены и выделение газа в ней практически прекратилось, хотя при тряске бочки пузырьки газа со дна всё ещё поднимались. Запах также заметно изменился и из резкого стал кисло-сладким. Как я уже упоминал, спирт является продуктом жизнедеятельности дрожжей, но, он же для грибов – смертельный яд. Поэтому, когда крепость браги достигает 15°, дрожжи погибают, независимо от наличия в браге еще не перебродившего сахара. Так что долго ждать нельзя.

Тут важно помнить, что при брожении, помимо реакции получения этилового спирта, одновременно происходит окисление спирта, в результате чего образуются вредные продукты: уксусный альдегид (CH₃COH), этанол (CH₃-CH₂-OH), метанол (CH₃-OH) и уксусная кислота (CH₃-CO-OH). Содержание токсинов можно значительно снизить путем ограничения доступа воздуха во время брожения. Поэтому я и установил водяной затвор на бочку.

Совсем было собрался перейти к очередному этапу – перегонке, но тут случилась заваруха - на нас напал Моня. Произошла битва титанов – новый Аустерлиц, только там сражались три императора (битва трёх цезарей, как называют чехи битву при своём Славкове). А у нас – битва четырёх. Больше похоже на драку в Бременских музыкантах.

Моня ударил из засады.

Он залег в углублении, прикрылся ельником, и хворостом. И мечтал: сейчас коняга пройдет мимо, он выскочит, бросится на него, сильным ударом по спине свалит с ног и одолеет, вонзая острые и длинные когти передних лап глубоко в тело, отрывая вместе с кожей куски мяса и в финале убьёт, прокусив ему горло.

Мечты, мечты...

Мишке не повезло – я послал Витима вернуть Ко-Ко, удалившегося куда-то вдаль. Когда лошадь приблизилась к засаде, медведь атаковал цель, но прыжок получился неудачным, помешал валежник, в котором он так удачно маскировался. Вдобавок трусивший сзади пёс почувствовал зверя, зарычал и залаял. Мерин успел подготовиться. Он уперся передними лапами в землю, сжался, как пружина, соединил задние ноги и одновременно двумя коваными копытами встретил Моню в воздухе ударом в челюсть. Если не нокаут, то нокаун точно – мишка потерял ориентацию во времени и пространстве. Он неловко повернулся и завалился набок. Точно на Витима. Оказавшись под мышкой, пёс эту самую подмышку и тяпнул. Моня взвыл:

- Всех порву, суки!!!

Он двинул лапой, Витим взмыл в небо и по крутой траектории пошёл к земле. Старик не первый раз парил в воздухе, он сгруппировался и мягко, как кошка, приземлился на все четыре лапы, не забыв злобно обляять врага. Ко-Ко покинул поле боя, но на нём появился я. Запахавшись, я пытался взять мишку на мушку. Это оказалось не просто – предо мной кружил комок зверей – можно своих перестрелять. Пока я менял позицию-диспозицию, Моня каким-то чудесным образом оказался рядом. Мощнейший удар – и я полетел в одну сторону, ружье – в другую. Дроб врезался в ствол листовенницы, причем дуло отделилось от приклада, ибо приклад разлетелся в щепки. Я лишился главного аргумента в споре, ибо зубы мои и ногти слабее мишинных. И шкура без волос.

Мы с Витимом гордо отступили на заранее подготовленные позиции. Птицей влетел я в зимник, медведь - за мной. Но не успел, лайка вцепилась ему в заднюю лапу. Моня завертелся волчком. Я схватил «якутскую пальму» - нож, насаженный на жердь, на всякий такой случай всегда стоящую в углу зимника, выскочил наружу и со всей силы всадил её в зверя. Целился я в точно сердце (достала меня эта скотина бурая), но почему-то попал в задницу, прямо под хвост. Такого никто не ожидал – раненый медведь – страшное дело, но Моня знал жизнь, били его не раз, он понял – перебор. Обосрался, и рванул в тайгу. Никто его не преследовал.

Мы залечили (зализали) раны и продолжили свои игры. На следующий день, утром я приступил к перегонке браги. Перебродившую брагу надо нагреть до температуры кипения этилового спирта (78°C), спирт в виде паров выделится из раствора, затем их нужно охладить, а образовавшуюся жидкость собрать. В школьные годы я поступал просто: брал два таза, в нижний заливал брагу, накрывал верхним, в центре нижнего таза (выше поверхности жидкости) устанавливал блюдце. Всё устройство ставил на горячую плиту печи. Час томленья и в блюдце - спирт.

Сейчас я мог поступить также, какие-то тазы вокруг зимника валялись, но производительность мала и управлять трудно. Поэтому я использовал собственный самогонный аппарат с трубчатым водоохлаждаемым холодильником. Водрузил аппарат на буржуйку и стал топить печку. Процесс пошел. Немного теории, скучно, конечно, но окажетесь в тундре, выпить захочется – пригодится. Так что читайте внимательно, а то сами отравитесь и всю округу потравите. Химики недоделанные. Есть три критических точки:

1. Температура кипения легких примесей, содержащихся в браге, 65-68°C.
2. Температура кипения этилового спирта (78°C).
3. Температура 85°C, выше которой начинается интенсивное выделение тяжелых фракций – сивушных масел.

До температуры первой критической точки следует греть быстро - чем выше скорость нагрева, тем эффективнее работа самогонного аппарата. При достижении температуры 65° начинается интенсивное выделение легких примесей, среди них очень вредный (можно ослепнуть) метиловый спирт. Самогон, полученный при температурах в интервале 65 – 78°C народ называет «первач» - самый ядовитый. Его стараются не употреблять даже для наружных целей (лосьонов, компрессоров и др.). Я его собрал в отдельную банку, специально для Витима, этот извращенец как раз первач обожает.

Подобные рекомендации хорошо выполнять в химической лаборатории, когда у тебя колба из жаропрочного стекла, дефлегматор с термометром, охлаждаемый проточной водой холодильник, поворачивающийся паучок с приёмными колбочками для разных фракций. И все на шпифах. В зимнике условия не те.

В принципе, у меня был в запасе термометр, на метеостанции позаимствованный. Но – имущество казенное, может повредиться, отвечай потом, да и установка усложнится. Решил без него обойтись – визуальная диагностика проще. То, что я достиг критической точки 1, я легко определил по появлению легкого спиртового запаха (природа предусмотрительно снабдила меня самого набором детекторов, не хуже деланных). На выходе из холодильника появился парок. Вот и первая капля шлепнулась в приёмную банку. Момент перехода процесса от т. 1 до т. 2 является самым ответственным, надо не зевать и резко уменьшить скорость нагрева, причём в относительно малом температурном диапазоне. Иначе у вас выбросит всю брагу. Я следил внимательно, и как только послышалось бурление и аппарат трянуло, передвинул его в более холодное место.

Критическая точка 2 достигнута, теперь все силы – не на нагрев, а на поддержание постоянной температуры. Я сменил приёмную банку, новая фракция – уже моя и приступил к основному процессу перегонки. Тут следует учесть, что во время перегонки концентрация спирта в смеси постоянно снижается, температура кипения браги повышается, а условия перегонки ухудшаются. Я двигал канистру с брагой взад-вперед, следя, чтоб капало равномерно.

Со временем капать стало реже, мы приблизились к критической точке 3 – минимальному содержанию этилового спирта в браге. Чтобы извлечь эти остатки, пришлось повысить температуру браги, что привело к интенсивному выделению тяжёлых фракций - сивушных масел, значительно ухудшающих качество самогона. Я снова поменял приёмную банку, третья фракция пойдет Ко-Ко, гурман любит изоамиловые спирты.

Весь процесс я строго контролировал, смачивал бумажку продуктом перегонки и поджигал. Намоченная бумажка вспыхивала радующим сердце синим огнем. Но вот очередная бумажка не загорелась. Пора подумать о прекращении процесса. Я поставил новую склянку, повысил температуру, некоторое время собирал продукт (перегоню со следующей порцией), потом кончил. Убрал канистру с печи – пусть остынет. Налил в банку из-под шпрот свою фракцию и поджег. Жидкость загорелась ровным синим пламенем. Есть продукт! Витим облизнулся и даже подвыл, в ожидании прекрасного будущего. Ко-Ко за стеной ударил копытом и заржал. Трудился я как пчелка и за четыре захода все запасы браги перегнал. Хотел было перегнать свою фракцию ещё раз, но поленился. Решил, что простой очистки хватит.

Понятно, что самогон помимо самого этилового спирта и воды содержит ещё и вредные примеси, которые необходимо удалить. Конечно, если бы у меня было молоко, то добавил бы в продукт и перегнал. Тогда бы самогон был хрустальной чистоты. Но молока у меня нет. Другой способ – использование березовых углей, но и их нет по причине отсутствия самих берез. Предвидя эти трудности, я заранее наготовил активированный уголь. Уголь с повышенной поглотительной способностью. Нарубил лиственницы (старался брать старые деревья, старше 50-ти лет, что не трудно определить по кольцам), освободил чурки от коры, вырезал все сучки и даже сердцевину. Дальше всё это надо прокалить без доступа воздуха до полного разложения древесины. Дать такую рекомендацию просто, да осуществить сложно – воздух-то везде, трудно от него избавиться. Пришлось соорудить специальную установку. Установка представляла собой две консервных банки, вложенных одна в другую, доньшками наружу. Между стенками банок был небольшой зазор для выхода продуктов термоллиза. Положил внутрь полено и сунул в топку. Когда все прогорело, вскрыл установку, обугленное полено вынул и растолок. Вот тебе и активированный уголь. В 10-литровую канистру с самогоном высыпал пол-литровую банку угля, перемешал, и оставил настаиваться до полного осаждения угля. Затем продукт аккуратно слил и разбавил водой в соотношении 2: 1 (одна часть - вода).

Не самогон – слеза комсомолки не надо. Хорошо бы добавить изюма и снова перегнать. Но изюма у меня не было. К банкету все готово. Собрались мы на берегу 4-го Безымянного притока великой реки Таймуры. Каждый со своей посудой: я – с кружкой и канистрой второй фракции, Витим – с тазиком 1-ой фракции, и Ко-Ко с бочкой третьей фракции

- Ну, будем здоровы!

Мы выпили, вздрогнули и загудели. Чуть отдохнули – между первой и второй, перерывчик небольшой - и повторили. Дальше пили без команды, каждый в удобном ему темпе. Мир стал преобразаться. И солнце стало светить ярче, и лес стал зеленее. Комары-мошка куда-то делись, спились наверно. Зазвучала музыка небесных сфер.

Мы образовали кружок, стали водить хоровод, в одну сторону, потом – в другую. А потом пустились в пляс.

Раздалось печальное мычанье, и из тайги вышел Моня. Вид у него был виновато-просительный, даже морда утратила хулиганский блеск.

- Мужики, не будем драться, дайте выпить, - сказал он, - душа горит.

Я плесканул ему в колоду – бывший холодильник - остатки бражки. Он начал лакать и вскоре присоединился к нам.

Мы пустились в пляс. Где-то бабы живут на свете... И пусть себе живут, мы им мешать не будем. Мы будем жить тут, жить весело и дружно. Экологично! Дрожи земля - мишка, пёс, мерин и я гуляют банкет! За мир во всем мире, за единство человека с дикой и не дикой природой, за нашу и вашу Свободу...

Мы водили хоровод, расходились и сходились к центру, вертелись вокруг оси, катались по траве, прыгали и обнимались. Мы пели, свистели, ржали, рычали, выли и лаяли.

Мы пили и плясали, плясали и пили. Плясали, плясали, плясали.

Пока не упали замертво.

В 1961 году работал я коллектором в маленькой Яно-Адычанской экспедиции от ИМГРЭ (Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов) в бассейне рек Яна, Адыча и Туастах, по Верхоянскому хребту и горной стране Черского. Всё это - в Северо-Восточном углу Якутии. Сначала нас было трое: начальница – Анастасия Семёновна, 48 лет, древняя старуха по моим тогдашним ощущениям, рабочий Анатолий 37 лет – старик просто (по паспорту он был Герман, но так себя никогда не называл, учитывая недавнюю войну с немцами) и я – 19-ти летний студент (в экспедиции стукнуло 20) химфака МГУ, перешедший на четвёртый курс. На месте к нам присоединился кают с 8 лошаадьми и двумя собаками - Афонас Николаевич Мордовских, лет 60, когда-то комсомольский секретарь, потом 12 лет отсидевший в лагерях, как троцкист. База была в Батагае - столице Верхоянского края, где располагалась обогатительная фабрика, перерабатывающая оловянную руду приисков Эгехая и Кёстёр. Маршрут пролегал по разрушенным лагерям и оловянным рудникам, по тайге, тундре, лесотундре, горам и болотам. Познакомился с местной флорой и фауной, с аборигенами, с ссыльными и геологами, местными чиновниками, ссыльными цеховиками, попами и бандитами. В меру химичил. Приведу несколько примеров.

На почте

*Честь и слава почтальонам,
Утомлённым, запыхлённым,
Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!*

Из Батагая дозвониться в Москву оказалось невозможно. Родители, небось, переживают: в тайгу маменькиного сынка отправили. Кто ему хлеб маслом намажет? Да и есть ли этот хлеб, ни говоря уж о масле?

Да и с друзьями-подругами пообщаться бы не мешало. Хоть как-то.

Написал я открытку родным: до места добрался, жив-здоров, чего и вам желаю; вторую – Валере Муравьёву, он на Таймыр собирался, да сессию завалил. Интересно, чем дело кончилось. Где он сейчас?

Отправились мы всем отрядом на почту. Получать до востребования. Такой системы я раньше не знал. Почта оказалась маленькой комнатой, битком набитой народом. Тут тебе и получение писем, и отправка телеграмм, получение-отправка посылок. Культурные люди получали газеты, журналы, а некоторые даже дефицитные подписки на книги – собрания сочинений Мопассана, Чехова, Бальзака – приложения к журналу «Огонёк». Будет, что почитать в долгую полярную ночь.

Встали в длинную очередь, которая сначала бодро двигалась, но потом застопорилась. Какой-то парень требовал письмо, но письма не было. Он просил ещё и ещё раз проверить. Оно должно быть, обязательно быть. Почта потеряла! Девушка раз за разом проверяла пачку писем на нужную букву, потом пересмотрела все письма на все буквы алфавита. Письма не было, очередь выдавила из себя парня и он ушёл страдать.

Дошла очередь и до нашего Анатолия. Его всегда так называли, так же мы обращались к нему пока стояли в очереди и девушка это слышала. Он протянул паспорт, девушка искала письмо, нашла его и хотела отдать, но не отдала. «Письмо не вам, тут А., а вы – Герман, т.е. Г, по паспорту», – сказала она и вернула письмо в ящик. Мы втроём начали объяснять ситуацию, рассказали, что автор письма его знал, как Анатолия, даже вызвали заведующую. Ничего не помогло, письмо не отдали. Когда ж теперь получишь весточку, мы ж в тайгу уходим.

Посмотрел я на это дело и решил помочь. Не зря же мы затарились в Олёкме спиртом питьевым. Валюта мощная. Взял я у Анатолия-Германа одну пол-литру и отнёс Анархисту. Тот по своим каналам раздобыл чистые бланки для паспорта. Я быстро заполнил его женским подчерком и принялся ставить печати.

Вы, конечно, думаете, что я прибег к варёному яйцу, поскольку этот способ даже дети знают. Варишь куриное яйцо в крутую (кипятить 10 мин), слегка ополаскиваешь его холодной водой, чтобы скорлупа легче отделялась. Само яйцо должно оставаться горячим. Открываешь нужную страницу старого паспорта и аккуратно прокатываешь по оттиску печати горячим яйцом. Потом нужное место в новом паспорте прокатываешь модифицированным яйцом. Печать поставлена.

Хорошая методика, но не пойдёт.

Печатей и штампов в паспорте довольно много. На каждую требуется новое яйцо. А где его взять? Где я вам тут за Полярным Кругом найду куриное яйцо?!! Тут не то, что куриц-петухов, куропатки и той нет. Или вы полагаете, что я эти яйца из Москвы вёз?

Нет! Мы пойдём другим путём.

Порылся я у своей сумке санитаря, достал обрезки засвеченной фотобумаги и пузырёк уксусной эссенции (70%). Взял ватный тампон, пропитал уксусом и смазал им всю поверхность фотослоя. Затем плотно прижал к оттиску. Вынул, посушил немного и поставил печать на новый паспорт. Немного расплылось, но в целом – годится. Некоторые надписи в старом паспорте были плохо видны. Пришлось заточить перо и обвести смутные места чернилами. Получилось лучше. Затем состарил паспорт, чтобы оба паспорта выглядели одинаково.

Теперь у Анатолия было два паспорта: на Германа (старый) и Анатолия (новый).

Он пошел на почту и получил-таки письмо. Оно его и обрадовало и огорчило.

Я же, поскольку отработал методику, организовал письмо из Москвы, обязывающего Органы всячески мне помогать, поскольку выполняю важное госзадание. Мандат себе выправил.

Первым делом я пошел с ним в архив и ознакомился со списками узников местных лагерей. Узнал много интересного. Об этом – потом.

Пациентка

Вы, конечно, безгрешны, ну а я без стыда.

Сижу я как-то на крыльчке, размышляю о смысле жизни. Возникает Анархист, нашедший для меня полезное занятие. Стать врачом! Оказывается Варя, с которой я имел честь общаться на Светском рауте, обожглась. Йодом!

На вопрос: а я тут причём? Анархист отвечал, что йод – вещество химическое, следовательно, с ним может справиться только химик в образе врача. Тебя знают как студента, а по какой специальности нет. Будешь врачом – фармацевтом.

– Таких не бывает!

– Но будет! Место обожгла она интимное, придётся ей раздеться. Перед химиком неудобно, а перед врачом – запросто. Так что будешь врачом-терапевтом с химическим уклоном.

Что ж, дело интересное.

Это у Чехова, кажется, один ушлый мужик прикинулся врачом-гинекологом и занялся осмотром чужой жены. Будем внедрять литературу в жизнь.

В принципе, ко мне обратились по адресу. В школьные годы я много возился с этим элементом. Упаривал его спиртовые растворы, выделял кристаллический йод, возгонял его. Это вещество в больших количествах требуется для приготовления йодистого азота – эффективной, но безопасной взрывчатки. Бывало синтезёшь его, польёшь его раствором кусок пола в коридоре от учительской до класса. Раствор высыхает и продукт взрывается от прикосновения пёрышка. Тем более – от туфли или ботинка А взрывается он необычайно громко. Так что училка подпрыгивает на пол-метра и скачет по коридору, и чем дальше скачет, тем больше грохота. От хохота мы лежали...

Случалось и мне подрывать на этом боеприпасе, однажды очень сильно. Потом сам боролся с собственным йодным поражением.

Потом помогал другим. В походах, на картошке, в лагере или ещё где, крепко спавшим ленивцам йодной настойкой писали на лбу что-то краткое, типа лох, чмо или ещё что, не менее умное. Я помогал страдальцам избавиться от порочащих их надписей. К матери моей по поводу йодных ожогов неоднократно обращались соседи. Ожоги получали борцы с прыщами и угрями, с простудными заболеваниями, с пузырьками вокруг века, с заусеницами, с болезнями костей ног, с татуировками, с шишками на ногах. Лечились по заветам бабушек.

Но были и новации.

Одна мазохистка лезвием бритвы написала на руке имя мальчика, а чтобы родители не увидели замазала всё йодом. Последствия не заставили себя ждать, ожог, красные следы, шрамы. Да и мальчик теперь другой. Ещё одна прижигала йодом прыщи и пошутила: нарисовала себе йодом ещё носик и усы, как у кошки. Как ни странно, прыщи прошли, а кошкий носик и усы остались, в коричневом, а затем и в красном виде. Месяц пришлось в школу ходить в таком виде. Реакция публики предсказуема. Однако бывали и парни – выдумщики. Один смазал йодом порез на пальце и не удержался – написал пальцем йодом на своём лбу краткое слово \$уй. Поскольку он был наголо стрижен, то надпись выглядела впечатляюще, особенно для пассажиров электрички, на которой он добирался до своего техникума.

Народ применял йод для разных целей, но не рассчитывал дозу: либо сплошь мазал кожу, либо наносил сетку, не понимая, что линии ни в коем случае не должны пересекаться. Иначе – ожоги.

Имея богатый опыт, я бодро отправился выручать даму.

Анархист постучался и, не дожидаясь ответа, со словами: "К вам врач" впихнул меня во внутрь и удалился. Комната была небольшой и светлой. Половину её занимала трёхспальная кровать, на подушках которой возлежала пышная красавица, широко раздвинув ноги. Я успел заметить, что между них у нее всё тщательно выбрито. Так близко и так чётко наблюдать женские гениталии живьём мне ещё не приходилось. Член мой стал медленно подниматься, но я приказал ему вести себя тихо. Я ведь врач, а не клиент в публичном доме.

– Ах! – воскликнула она и слегка прикрыла срам кончиком одеяла. Всё остальное осталось обнажённым. А тут было на что посмотреть. Варенька весила на пуд больше меня при росте ниже сантиметров на 25. Большие груди с хорошим арбуз каждая свисали в стороны, топорщась стоячими сосками. У тёток груди под номерами; не знаю, какой он здесь, но где-то под десять. Удивлял цвет молочных желёз (будем выражаться культурно): они были буро-коричневыми, местами с сизым оттенком, а по окрестности – красными. Понятно: йодный ожог.

– Как Вы так?

– Сетку делала, переборщила.

– А зачем?

– Грудь увеличивала.

Тут я удивился. Чем мала грудь размером с футбольный мяч? По мне так самый раз. Грудь размером с ведро уже, пожалуй, перебор. Зачем такую красоту портить?! Эту мысль я попытался озвучить. Совершенно искренне, без лести.

– Ах, доктор, Вы не понимаете. Размер ещё туда-сюда, но форма не та, и отвисает, зараза.

Варенька села и груди опустились ей на живот.

Действительно, проблема есть.

– У нас в райкоме новый инструктор. Завтра вечер, танцы. Я хотела всех, его особенно, поразить новым платьём. Два года шила! Для декольте с глубоким вырезом нужна пышная грудь, с большим размером и формой красивой. В вечернем платье с такой грудью буду стройной, линии

тела станут изогнутыми и привлекательными. И для мужчин и для женщин. Известно, что сетка йодная усиливает приток крови к мышцам, вот грудь и растёт, как на дрожжах, причём чем сетка гуще, тем эффект больше. Мне за два дня новую грудь создать надо! – у Вареньки навернулись слёзы – А теперь что, как пред ним раздеваться? Вид-то какой!

Варенька приподняла груди, поглядела на них и зарыдала.

Я понял – здесь трагедия. Из серии: заставь кое-кого богу молиться, тот себе лоб расшибёт.

Но почему-то сначала озабочился судьбой инструктора партии.

Дело прошлое, но однажды Варенька с мужем несколько перепили, поругались и подрались. Муж попытался отрезать ей голову. Широкий волнистый шрам и сейчас опоясывал её горло. Но она не растерялась, тем же ножом зарезала мужа. Ну и загремела сюда. Так может партийному инструктору повезло, что Варя обожглась?

Я отогнал неправильные мысли. Есть больной, его надо лечить. Клятва Гиппократа...

Методик много. Но я стеснен в средствах. Аптеки здесь нет, придётся лечить тем, что под рукой, но это что-то надо ещё найти.

Конечно йод, нанесённый на кожу, уже частично испарился, но остальная часть всосалась в кровь. В принципе, это полезно, йод для организма нужен, особенно для щитовидки. Дело тут в дозе. При высокой локальной концентрации он продолжает своё разрушающее действие, соски особенно пострадать могут. Йод надо незамедлительно извлечь из организма. Однако сделать это не просто.

Базовых средств: барсучьего жира, облепихового, розового и даже пихтового масла тут нет; мёд может у кого и есть, но по всему посёлку искать надо. Если бы она спохватилась сразу, то можно было бы поместить груди в таз с горячей водой, сидеть так пол-часа, потом всё смазать вазелином и посыпать молотым кофе. Но никакого кофе нет, да и время упущено – ночь прошла. Можно всё обработать взбитым яйцом, или приложить компресс из натёртого на мелкой тёрке сырого картофеля. Но ни того, ни другого у нас нет. Ожог полагается обработать спиртом. Его нет, но самогон есть. Я как раз начал его набирать в полупромышленных масштабах. Была у меня одна канистра с крепким (под 70°) самогоном, с сивушными маслами и метиловым спиртом. Пить его нельзя, но для таких целей – самое то. Намочил я платок спиртовым раствором и начал его прикладывать к грудям Вареньки. Затем перешёл к массажу каждой двумя руками, кругами против часовой стрелки. Варенька сначала морщилась от щипающего спирта, затем прогнула спину, выпятила груди и двигалась корпусом в такт. Лечение ей нравилось. Стал я активно сосать соски: мне йод полезен от простуды. Потом промыл всю кожу слабым раствором марганцовки, затем мыльным раствором и, наконец, всё присыпал зубным порошком. Велел обмотаться теплой шалью и так пока оставить. В качестве рецепта прописал заваренную кипятком геркулесову кашу (овсянку) как маску проблемной зоны и промывание 20% раствором сахара, который не поленился сам и изготовить. Посоветовал также сметану, если её удастся достать.

Вымыл руки, вытер их вафельным полотенцем с петухами и удалился с сознанием выполненного долга, хотя мне показалось, что Варенька ждала большего.

Лечение моё было успешным. Варя в бальном платье с глубоким декольте, открывавшим пышную, загорелую, даже слегка красноватую грудь, на вечеринке имела успех. Инструктора горкома удалось затащить в постель, а обо мне по Батагаю поползла слава эскулапа.

Косметика

*Упрекал меня милой,
Что намазалась золой,
Что за преступление,
Ведь это удобрение.*

Я уже совсем собрался выйти в поле, как предо мной предстала делегация дам во главе с Варей. Не знаю, как они скорешились, вроде друг друга терпеть не могут. Объединила их одна проблема – отсутствие косметики. Жизнь у них прекрасная, всего вдоволь, а вот косметики нет. Никакой. Поэтому и красоты нет – мужики с глупостями не пристаю. То есть пристаю, но не те.

– Так у меня тоже ничего такого нет.

– Нет, так сделай! Химик ты или кто?!

Если я чем и не интересовался в этом мире, так это женской косметикой. Плохо был образован в этой сфере. Гуталин я ещё бы мог произвести, но губную помаду, тушь для ресниц, карандаш для бровей, пудру, краску для волос, тени... Что-то вы от меня много хотите.

Но слово женщины для меня закон. Все знают.

Что главное в косметике? Главное – цвет, вернее цвета: помада должна быть красной, тушь чёрной, тени, пудра цветными. Следовательно. нужны красители, пигменты яркие, стойкие и не токсичные, чай не керамику красить. А где их взять? Об органических красителях не может быть и речи. Конечно, при заводском производстве помады используют кармин. Замечательный красный краситель получают из карминовой кислоты, производимой самками насекомых кошенили. Увы! У меня не только самок, вообще кошенили нет, я даже не представляю что это такое. Из насекомых у меня только комары, ресурс неограниченный, но для наших целей бесполезный. Хна тут почему-

то не растёт, так что листьев её нет, кожуры незрелых грецких орехов (источник жёлтой краски) нет. Цветы зверобоя продырявленного (тёмно-фиолетовый и темно-красный пигмент) может где поблизости есть, но я их пока не нашёл. Жаль, конечно, они ведь ведьм отгоняют. Были бы кстати. Тут у нас, что ни дама – то демоническая женщина (ведьма одним словом). Короче, на природные органические красители рассчитывать не приходится, а на искусственную органику тем более: затеваться с многостадийным синтезом нет ни времени, ни аппаратуры.

Остаются неорганические красители, синтез их проще, но главное – они есть в природе, причём искать их не надо, здесь на складе Геологического Центра скопилось огромное количество образцов пород со всей округи. Наверняка есть и нужные.

Идея ценная.

Пошёл я на склад, вручил сторожу фляжку с самогоном, и принялся перетряхивать мешки и мешочки. Два часа интенсивного труда, и я – счастливый обладатель минералов: ильминит, анатаз, рутил – источники диоксида титана, TiO_2 , т.е. титановых белил; бурый железняк, с повышенным содержанием желтой охры (гидрат оксида железа, $2Fe_2O_3 \cdot 3H_2O$) – источник жёлтого красителя; гематит (железный сурик, безводный оксид железа, Fe_2O_3) – красный пигмент; минералы эсколаит и магнохромит (оксид хрома, Cr_2O_3) – зелёный краситель, не знаю зачем, но может где пригодится; лазурит ($Na_6Ca_2(AlSiO_4)_6(SO_4, S, Cl)_2$), который можно переработать в ультрамарин (алюмосиликат натрия с включением полисульфидов натрия) и получить краситель с синими, розовыми и фиолетовыми оттенками; стибнит (антимонит, сурьмяный блеск, сульфид сурьмы, Sb_2S_3) – источник красивого свинцово-серого цвета с сильным металлическим блеском чёрного цвета. Были ещё другие очень красивые минералы, но они на базе кадмия, свинца, ртути, мышьяка, урана (урановых слюдок тут много). Брать их не стал – ещё отравлю подруг. Прихватил тальк, слюду, несколько цветных глин, и удалился.

С чёрным цветом особенно не озаботился: измельчил древесный и костяной (слоновой кости не оказалось, пришлось жечь мамонтовую) уголь – считай краска для век готова.

Всё же руды-минералы в косметику прямо не засунешь, перерабатывать надо. Нужны кислоты, щёлочи, высокая температура. Здесь – порядок, у меня всё есть. Конечно, имея серную кислоту, а её тут навалом – отработанные автомобильные аккумуляторы валяются прямо во дворе, можно получить любую (я так и делал в некоторых забытых богом уголках нашей страны), но здесь в этом нет необходимости. Прямо в доме, где я живу, находится геохимическая лаборатория, изучающая качество руд, и поэтому имеющая щёлочи и кислоты в ассортименте. Попросил – налили. А печь в конторе Анархиста мощная, температура высокая, если что прокалить – всегда пожалуйста.

Начал с губной помады. Естественно, с красителя. Природный безводный оксид трёхвалентного железа у меня был и даже довольно красивый, но ведь это только один цвет, а у красного много оттенков, следовательно и помад должно быть несколько. Иначе у всех батагайских дам губы будут одинаковыми, а это ни к чему. Решил синтезнуть свой оксид железа. Конечно, можно достать железяку и жечь её до превращения в порошок. Только этого ждать, не дождёшься. Можно прокалить железный купорос с кальцинированной содой, где-то у строителей эти полупродукты я видел, но где не запомнил. Чтобы получить пигмент разных оттенков использовал две методики: 1) растворение железа в азотной кислоте, нейтрализация гидроксидом калия, фильтрование и прокаливание; 2) растворение железа в соляной кислоте с добавкой перекиси водорода, H_2O_2 , нейтрализация КОН, фильтрование и прокаливание. В результате имел три красных красителя трёх оттенков. Старательный я.

Дальше всё просто. Парафин от свечки, масло касторовое (в детском саду глистов гонят, тётки чаще в туалет бегать будут, но – не беда), краситель мелко истолчённый, немного витамина А (экстракт из моркови) и витамина Е (из подсолнечного масла) – противовоспалительные средства. Всё перемешал, расплавил, залил в патроны от папирос. Готова помада!

Под действием сурьмы мой глаз стал таким. Ну, почти таким.

Тени для век вообще не проблема: жир (кажется – свиной), парафин да краситель. Красители у меня всех цветов: серые, чёрные, красные, синие и зелёные. Выбирай подруга! Можно в виде пасты, а можно – карандаша. Заодно подобрал глину для маски лица: разглаживания морщин, снижения жирности кожи, лечения угревой сыпи. Ну, у кого что есть. Растёр в пыль антимонит – можно им контуры глаз обвести. Каждый знает, что сурьмяная обводка, защищает глаза от воспалений. С пудрой тоже просто: размолот тальк и каолин (белая глина), немного масла, чуть-чуть одеколора, и пудры носик подруга.

Не прошло и суток, как я стал обладателем приличного косметического набора. Надо было испытать. Намазал губы кошки помадой, припудрил морду собаки. Никто не подох. Начал испытывать продукцию на себе. Художественно оформил один глаз, написал на лбу звезду Давида, усы покрасил в сизо чёрный цвет, верхнюю губу – в кораллово красный, нижнюю – в сиреневый, бороду (только правую сторону) в ярко рыжий цвет. Посмотрел на себя в зеркало. Замечательно! Жаль цветного фото тогда не было, вы бы насладились. И никаких признаков отравленья!

Сидел, смотрел, не мог оторваться. Химия – большая сила. Да и я силён. В другое время, в другом месте миллионером бы стал.

Однако пора было смывать красоту. Постучал в стену, попросил Ньюру принести тазик с теплой водой. Она вошла, глянула, тихо села, опрокинув таз. Вода потекла мне под ноги. Уж не Кондратий ли её хватил? Обошлось, нашу киллершу красотой и водой не замочишь. Подарил ей немного пудры.

Долго мылся, тер морду портянками, но краска оказалась стойкой, так что я ещё долго ходил, как клоун. На радость публике.

Варенька забрала всё себе, другим не досталось, они обиделись. Она же меня отблагодарила, я утонул в ней, как в перине. Правда, с пружинами.

Самогон

Н₂O девиз не наш, наш C₂H₅OH

В один не очень прекрасный день в Геологический центр явились два свирепых товарища и довольно бесцеремонно выволокли меня из-под бильярда. Небрежно поигрывая ножами-лисичками, они предложили последовать за ними.

Я последовал.

Мы прогулялись по переулкам вверх по склону, слегка поплутали и подошли к бараку, прижатому к склону холма. Это что – хата или малина для хевры?

Хевра – (ив. хевра – компания) криминальная общность, банда; группа воров (2-3 чел.), во время кражи помогающие друг другу

Малина (ив. малон – гостиница, приют, место ночлега) - воровская квартира, помещение, где скрываются воров.

Барак как барак, только окна в решётках, и входная дверь обита железном и заперта на многочисленные замки. (Большая ошибка, кстати, вспыхнет где что, не выскочишь).

Условный стук, лязг запоров. Меня грубо проволокли по коридору и втокнули в сумрачную комнату, обитую и покрытую мехами, правда низкосортными – оленьими. На стенах – рога с холодным оружием и винтовкой. За столом на лавке из грубых досок – блатной начальник, бугор.

Сидел он развалившись, положив одну ногу в сапоге на стол. При разговоре папираса перелетала из одного угла его беззубого рта в другой. При моем появлении он не потрудился встать, поприветствовать меня, или хотя бы поменять позу. Даже сесть не предложил.

Пренебрежительно, глядя куда-то в сторону, Авторитет поставил задачу: срочно организовать производство самогона в Батагае. До нового завоза далеко, братва изголодалась и дохнет от одеколона, зубного порошка и политуры. Даже клей БФ и тот кончился. Спорадические покупки спирта у лётчиков ситуацию не спасают.

Не успел я рта открыть, как был удалён из помещения и ударом под зад выброшен с крыльца.

А вот это, ребята, вы зря. Совсем зря. Я, конечно, начинающий химик, до высшего образования далеко, но всё же я химик. Человек кому-то полезный, а кому-то опасный. Возможно, для вас, в чём вы, надеюсь, скоро убедитесь лично.

Прямой дорогой, без всяких чистилищ отправитесь в Ад.

Бугор принял меня за ИИ – испуганного интеллигента. Ошибка! Я не испуганный, и тем более не интеллигент. Интеллигентом с кукишем в кармане я никогда не был и никогда не буду. Я дворянин, аристократ. Тринадцатый барон-разбойник в роду. Знаю себе цену. И комплекса неполноценности, таких как у этого зажавшегося "вожачка" у меня нет.

И это он скоро поймёт. Если выживет. А если нет – поймут другие.

Отвели меня в местную пекарню и приказали: "Твори!"

В моём распоряжении оказалась пром.площадка, инженерно-технический персонал и охрана. Последняя состояла из заслуженного, сильно потрёпанного жизнью уголовника по кличке дядя Паша и молодого зам. секретаря местного комитета комсомола Василия. Обычно они сидели на крыльце и играли в шахматы. Иногда нас проверял кто-то из Райкома, Исполкома, КГБ и милиции. Но они не придирались, предлагали помощь, которая иногда действительно требовалась. Интересовались делами и урки.

Важность самогона понимали все.

Кстати, меня первое время удивлял сплав местной элиты: партийные вожди, чиновники, силовики, директора, профессиональные уголовники и непонятные частники. Эвтектика какая-то. Казалось, чисто местное явление, смешение ссыльных (уголовников, политических и военных

преступников) с вольными местными (старыми и недавно прибывшими). Какой-то анахронизм, уводящий в прошлое.

Однако, оказалось – наше будущее. Элита России 21-го века.

Когда демократия с либерализмом в стране победят.

Настанет наша свобода - всё воровать.

Инженерный персонал, переданный мне в управление, включал директора пекарни Валентины, бывшего московского доцента-филолога, специалиста по Байрону, и филолога-недоучки, немца, бывшего Вервольфовца Дитера, увлечённого Оскаром Уайльдом. Валентина оказалась пекарем от бога, а Дитер как был недоучкой, так им и остался. Думаю, что и обратном он был халтурным: в волка так и не превратился. В литературоведческих дискуссиях Валентина полностью подавляла Дитера, впрочем, не только в дискуссиях.

Однажды я наблюдал, как Валентина метала мешки с мукой, Дитер не успел отцепиться и улетел на полку вместе с мешком. Однако в другой раз Валентина пришла в синяках и с подбитым глазом: немец научил её свободу любить, крепко выпоров для науки. Как это ему удалось, не понял.

Дитер – находка для охраны. Каждый день, при его приближении, вохровцы-добровольцы направляли ему в грудь винтовки и командовали:

– *Halt! Hände hoch! Passwort!*

– *Hitlers kaput!*

Все смеялись.

И так каждый день.

Иногда было остроумнее:

Гутен морген хрясь по морде

Поскольку рядом со мной возник настоящий немец, удалось прояснить давнее недоумение.

– Дитер! Что означает *das Gespenst*?

– Приведение.

– То есть первую фразу в Коммунистическом манифесте Карла Маркса "*Ein Gespenst geht um in Europa – das Gespenst des Kommunismus*" следует переводить как "Приведение бродит по Европе..."? Коммунизм – это приведение? Но приведение – это призрак прошлого, какая-то утопленница или сэр какой с башкой отрубленной. Зачем новое направление мысли, будущее светлое общество – от каждого по возможности, каждому по потребности – назвать приведением. Чтоб пугать обывателя? Тогда понятно почему Европа от такой перспективы прочь рванула.

– Да не слушай ты его, – вмешалась Валентина – он немецкий забыл, а русский так и не выучил. Не приведение, а призрак! "Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма". Хорошо звучит, хлёстко. Настоящий революционный лозунг, как "вставай проклятьем заклеянный". А вот по-английски, действительно, не очень "*A spectre is haunting Europe, the spectre of communism*".

Растянуто, вяло, без энергетика. И спектр какой-то...

– По-русски, да и по-немецки звучит хорошо. Призрак лучше приведения, но термин не тот. Сразу креститься хочется. Пусть бы бродил фантом, мираж, идея, мечта... Почему Маркс свой Манифест начал таким спорным термином?

Собеседники пожали плечами, а я почему-то вспомнил:

У моей малышки в жопе

Обломилась клизма.

Призрак бродит по Европе –

Призрак коммунизма

Естественно, я прежде всего ознакомился с основным производством. До этого не то что хлеб, как блины пекут и то не знал. Кормила меня ими домработница, но откуда она их берёт мне не интересно. Может на дереве растут – с них станется.

Производство хлеба оказалось делом интересным: и технология и искусство. Особенно на Северах, где на вечной мерзлоте ничего злакового не растёт. Например, настоящая якутская лепёшка состоит лишь из рыбы. Муки в ней нет.

Зерно, мука – всё привозное, а привоз – дело не устойчивое: чего-то в избытке, а чего-то нет. Поэтому в разные времена хлеб в Батагае выпускают разный: белый, серый, чёрный, пшеничный, ржаной, ячменный, с кукурузой или без, на дрожжах или без. Технология должна быть гибкой, перестраиваемой. Пекарь-универсал нужен. Валентина таким и оказалась. К её большому удивлению. Пропал бы её талант в московско-доцентской жизни, а здесь проявился. За что её ценили и в уголовном мире и в коммунистическом. Начальство постоянно продлеvalo ей ссылку, до студентов-филологов не допуская. Но, если судить объективно, здесь она была полезней.

Хлеб – пищевой продукт, получаемый путём выпечки, паровой обработки или жарки теста, состоящего, как минимум, из муки и воды. В большинстве случаев добавляется соль, а также используется разрыхлитель, такой как дрожжи. Для приготовления хлеба употребляют пшеничную и ржаную муку, реже – кукурузную и ячменную.

Где-то есть белый хлеб, пшеничный (даже хала, хлеб еврейский, едят в шабад) и есть чёрный, ржаной (даже бородинский), но в данный момент здесь выпускался серый, смесь пшеницы, ржи, ячменя и его чего-то ещё (состав – от текущего завоза). Выпускался он не всегда, а только если было из чего. Состав не важен: работающая пекарня – праздник аборигена. Бывают времена, когда она не работает. Тогда грустно...

Сейчас мука, вода, соль и сахар были в наличии. Месили тесто в тазах, оно набухало и его периодически осаждали. Как специалиста по спиртам, меня интересовали солод и дрожжи. Нельзя ли тут ими разжиться? Оказалось нельзя. Ячменя как зерна не было вовсе, так что проращивать на солод нечего (ячка и перловка проращать отказываются, а только гниют). Дрожжей просто нет – кончились ещё в ноябре. Так что с бражкой возможны проблемы и довольно большие. Понятно, почему батагайцы не гонят самогонку.

Но как пекарня производит хлеб, если дрожжей нет? Пресный хлеб известен – это маца, но её в ближайших окрестностях не видно, почему-то никто не отмечает выход евреев из Египта.

Оказалось, спасает ржаная мука, её немного, но она тут есть. Это – один компонент, а второй (дрожжи) вовсе не обязательно завозить с материка. Нужные бактерии в любой атмосфере есть, тем более – в воздухе пекарни. Оставь тесто на открытом воздухе на 3–5 дня и дрожжи в нём заведутся сами собой (как мыши в зерне по мнению Лысенко), получишь хлебную закваску – источник брожения. Пекарям закваска (насыщение теста углекислым газом) нужна, чтобы хлеб был лёгким и хорошо жевался. А нам, самогонщикам, для бражки. Воняет только эта закваска противно.

Мой независимый эксперт – урка неопределённой специализации, дядя Паша – рассказывал, как готовят брагу в тюрьме. "У нас пацан один бодяжил брагу на прелом хлебе. Разбирался в плесени не хуже профессора. Он установил, что она бывает нескольких видов: розовая, белая, зеленая, серая и даже чёрная. Чёрная – враг процесса, её он вырезал и выкидывал, так как даёт метанол, тогда как розовая и белая придают бражке крепость до 15°. Серая ускоряет процесс до 15-ти часов. Срезал верхушку буханки чёрного недопечёного тюремного хлеба, мякиш выскабывал из буханки, мял его пополам с сахаром, и вновь забивал им буханку. Затем возвращал на место срезанный с буханки скальп и он так стоял, пока плесень не прорастёт всё тело. Делалось это, чтобы дубаки во время шмона хаты недодыбали заготовку для браги. Можно в принципе и в целлофане мутить. Затем он ставил на ентом продукте брагу. Я пил и не поносил. Бля буду".

В другом СИЗО делали иначе. Брели буханки чёрного хлеба, резали их на маленькие кубики, потом складывали их на простыню и разравнивали, брызгали сверху сладкой водой, закрывали такой же простыней и скручивали в толстый рулон, который помещали в теплое место. Через четыре дня от «закладки» начинает исходить «бражный» запах. Если заткнуть нос, то сняв простыню можно увидеть белесые наросты, в которых и содержатся нужные дрожжи. Далее берём большой и плотный пакет для мусора и в него складываем заплесневелый хлеб, а потом заливаем его супер-сладкой тёплой водой. После чего крепким узлом завязываем края пакета, предварительно вставив в узел тонкую трубочку (от авторучки). Трубочка необходима для отвода газов. И этот мешок крепим в подвешенном состоянии где-то возле батареи. На два-три дня. **Однажды в СИЗО забыли в пакет с брагой вставить трубочку. На третий день рвануло, как килограмм протила. Вся камера, включая потолок, в браге. Вонь нереальная. Вертухаи на проделе попадали на пол, думая, что теракт. На второй день брага начинает громко бурлить и булькать, распространяя спиртовой запах. Не пугайтесь. Она бродит и доходит до нужного состояния. Где-то на третий, максимум, четвёртый день бульканье прекратится. Все! Брага готова. Можно гнать или пить.**

Незнаю откуда в СИЗО столько сахара. У нас кусковой сахар был, но его мало. На самогон тратить грех. К тому же мы не в тюрьме. Нам торопиться некуда, и скрываться не надо. Бактерии и дрожжи возьмём из воздуха. И без сахара обойдёмся. В хлебе его достаточно.

Самогонный аппарат (двухтазовый, автоматический).

Займёмся опарой. Интересный термин, никогда такого не встречал, есть в нём что-то таинственное, как в слове "спилловер". Тем более говорят: поставить опару, Почему тесто надо месить понятно, а почему опару ставить? Она, часом, не упадёт? Особого секрета не оказалось. Опара – забродившее тесто с закваской, замешанное на тёплой воде и пребывающее в тёплом месте (~30°), где она за 4 часа обязана увеличиться в 3 раза и сильно пузыриться. Несколько раз её нужно осадить, с каждым разом она поднимается быстрее.

Опарой занимался Дитер – он её регулярно (раз в 2 дня) подкармливал. Она имела вид постоянно пузырящейся сметаны. Казалось, живёт вечно.

Дальнейшая технология хлеба меня не интересовала: много суеты, труда и жара.

Закваски мне было достаточно.

Зерна-сахара-фруктов-картофеля нет – будем гнать из хлеба. Не из муки, конечно, и не из хлеба на продажу, а из брака горелого, непропечённого, с дефектами. Такого скопилось довольно много – знакомая свинья Валентины столько съесть не могла.

Методика изготовления самогона из хлеба особо не отличается от классической, так что описывать не буду.

Для начала размочил в кипятке десять некондиционных буханок хлеба, добавил закваски и оставил чан с сусликом на неделю в теплом месте. Брожение – самый важный этап, требует строго температурного режима и определённой концентрации компонентов. С концентрациями всё было более-менее, я их знал наизусть (опыт, чай, большой), отмерял гранеными стаканами, так что точность достаточна, а с температурой хуже – термометров нет. Пришлось делать на глаз. Вроде все три стадии брожения (начальное, главное и дображивание) прошли благополучно. Каждые 6 часов Дитер поднимал тряпку и помешивал суслик. Оно начало пузыриться, покрылось пеной, из него пошёл газ. Надо полагать – CO₂. Вкус бражки стал кисло-горьким.

Пора перегонять. А как?!

Технология есть технология. Это вам не в колбе спирт синтезировать. Тут много чего надо. Сел за чертежи. Прорисовал все детали (разрез, размеры, вид спереди-сбоку-сверху, всё как доктор прописал) установки. Составил список комплектующих: термометры, спиртометры, ареометр для определения примесей и т.п. Всё в двух экземплярах: один в райком-исполком (не знаю, кто у них там этим делом займётся), другой – бандитам. Для гарантии: сразу не поймешь, кто деловой.

Но брага не ждёт, пришлось организовывать самогонование старым дедовским способом, т.е. смонтировать самогонный аппарат типа двухтазовый. На плите печи разместил самый большой бак, имеющийся в наличии, на дно его поставил на ребро два кирпича, и на них – малый таз для готового продукта. В бак залил бражку, закрыл бак большим тазом, нижняя часть которого смотрела точно на центр малого таза. Налил в верхний таз ледяную воду, залепил щели между верхним тазом и баком тестом, и уселся ждать.

Как известно, в этом деле важно правильно выбрать соотношения объёмов перегоняемой жидкости и холодной воды в большом тазу; если всё оптимально, то в процессе перегонки воду можно не менять. Эти соотношения я, в принципе, знал: в Клязьме спирты (не только этиловый) получал неоднократно. Но здесь возникла проблема масштабирования. Ранее мои установки были миниатюрными и продукт шёл на развитие науки, а не пьянства. Теперь масштабы выросли. Можно, конечно, создать математическую модель динамики процесса и найти оптимальный режим. Но некогда – народ озабочен. Пришлось экспериментировать. Два-три приближения и процесс пошёл.

После заправки и сборки аппарата почти половина его объёма занята воздухом при температуре ~20°C. При нагревании бражки и в первые минуты кипения воздух прогревается до температуры ~85°C, а его объём увеличивается на четверть. Из-за отсутствия абсолютной герметичности этот «лишний» воздух вытесняется из самогонного аппарата вместе с первыми легкокипящими фракциями (метиловый спирт и т.п.), которые обильно наполняют производственный цех специфичным ароматом, сообщая всем заинтересованным лицам, что процесс пошёл.

В чём главная опасность самогонования? Она вовсе не в том, что что-то взорвётся (верхний таз улетит к потолку), ты обваришься или тебя посадят за нелегальное производство. Это возможно. Но гораздо опасней состав готового продукта, особенно, если ты его перегоняешь не контролируя температуру, без отбора и анализа лёгкой (кипящей при низкой температуре), средней и тяжёлой (кипящей при высокой температуре) фракций. Дело в том, что нам нужен этиловый спирт, причём только этиловый. Он должен быть чистым и не содержать посторонней органики. А при брожении образуется целый набор от лёгкого метилового (сильный яд) до высокомолекулярных спиртов (сивуха). Все они в той или иной степени летучи, все возгоняются и попадают в готовый продукт. Оно нам надо?!

Почему же в дедовском способе обычно получается нормальный самогон, а продажные самогонные аппараты, в которых, кажется, всё учтено часто дают продукт, опасный для здоровья? А потому, что двухтазовый метод обладает свойством самоочищения. Таких свойств у продажной установки нет; в ней очищение проводят в ручную, отбирая при разных температурах разные фракции, а это не каждый сможет.

При нагреве первыми начинают испаряться лёгкие, кипящие при низких температурах спирты (температура кипения метилового спирта, T_{кип}=65°C). Вот эти пары нужно собирать и выбрасывать. Однако, в двухтазовом устройстве об этом можно не заботиться: не заделывая тщательно щель между холодильником и баком и пары метанола будут покидать систему. Конденсируются они плохо и в продукте СН₃ОН оказывается мало. С₂Н₅ОН (T_{кип}=78,5 °C) гонится при температурах на 13° выше, вот этот этанол вы и должны собрать как можно полнее. Далее температура бражки начинает повышаться (легко летучие фракции удалились и остались плохо летучие спирты). Начинается отгонка изоамилового (132°), изобутилового (108°) пропилового (97°)

спиртов, а также прочих сивушных да эфирных масел. Тяжёлую фракцию нужно собирать отдельно и выбрасывать.

Контроль качества я проводил на метиловый спирт. Раскалял медную проволоку и опускал её в пробу самогона. Если появлялся резкий и противный запах формальдегида (НСОН, альдегид муравьиной кислоты), то значит есть метанол, а если пахло гнилыми яблоками, значит – этанол.

Некоторую информацию о качестве продукта даёт ареометр. Определённую проблему здесь составлял тот факт, что у меня его не было. Пришлось самому изготовить некое подобие. Закон Архимеда все мы знаем, а если его изобрела тётка-философ Гипатия (надеюсь, не за это её пришили (Александрия, 415 год) братья по вере - христиане, в церкви, черепками расчленив на части), то и я как-нибудь справлюсь. Взял пробирку, заполнил её дробью, так, чтобы она плавала в спиртовом растворе, наклеил шкалы, которую прокалибровал по системе вода-спирт различной концентрации. Плотность довольно надёжно позволяла определить содержание сивушных масел в продукте.

В двухтазиковом методе частичная обрубка голов и хвостов происходит автоматически (выделение лёгкой фракции мешает конденсации тяжёлой), но следить надо. По крайней мере следует использовать миску для самогона максимально большого диаметра. Но главное – вовремя прекратить нагрев, так чтобы не занизить крепость продукта и не допустить неприемлемого попадания в него метанола и сивухи. Для гарантии качества, полученный из бражки продукт перегнал ещё раз – не хватало ещё кого-то отравить.

Я ничего не выбрасывал, поэтому в результате у меня образовались три десятилитровых бутылки, заполненных пока не полностью, так ведь и процесс только начат. Закрыты они были белыми тряпочками, на одной (с метанолом) чернилами нарисовал семиконечный могильный крест, на другой (с этанолом – продуктом второй перегонки) болгарский крест, а на третьей (с высшими спиртами) – крест простой. Это, чтобы самому не попутать. Выливать не стоит – все продукты ценные и полезные. В природе отходов не бывает, всё вовлечено в круговорот веществ; в химической технологии их тоже не должно быть. Отходы – полезные вещества, оказавшиеся в непопулярном месте и употреблённые для дурных целей. Бутылки стояли на одной полке и ждали своего применения. Была у меня ещё канистра, в которой хранился продукт первой перегонки бражки – полупродукт кондиционного продукта.

Всё шло по плану, но немного наспех.

Перегонка браги – процесс длительный и скучный. Мы (я и оба наших охранника) сидели вокруг печи и слушали перебранку Валентины и Дитера. Спорили они о том, чем пансексуальность отличается от бисексуальности. Тема для меня незнакомая и тогда не интересная. Я знал, что пидорас – обидная кличка, но что за этим стоит не понимал. Наши же пекари спорили интенсивно на примере поэта Байрона, от которого неожиданно ушла любящая жена и который путешествовал с пажом, и на примере драматурга Уальда, которого вообще за гомосексуализм посадили в каторжную тюрьму.

Дитер красочно расписывал надгробный памятник Уайльду на парижском кладбище Пер-Лашез, в виде крылатого сфинкса, покрытого поцелуями посетителей (известно, что поцеловавший сфинкса найдёт любовь и никогда её не потеряет) в такой степени, что стал уже разрушаться. Тут тщедушный дядя Паша не выдержал пытки парами, сорвался с места и бросился к полке с бутылками. Василий поймал его сзади и опрокинул на пол. Однако его голова отделилась от тела и покатила куда-то в угол. Дядя Паша откинул финку в сторону, вскочил на ноги, схватил в обнимку первую бутылку, вышиб ногой дверь и исчез.

Немая сцена. Как в Ревизоре.

Вскоре прибежали представители бандгруппы и парткома, тело Васи убрали, реквизировали кондиционную продукцию.

Мне спасибо никто не сказал.

Вскоре узнал, что дядя Паша отравился моим метанолом и умер, а ещё несколько человек ослепли.

А ты не воруй!

Мина объектная

Мсть – лучшее лекарство от простуды.

Этот день был полон хлопот по сборке в поле, а мне ещё надо разобраться с господами бандитами, обидевших меня самогоном. Эти уголовнички думают, что если они в татуировках, с мышцами накаченными, с наглостью в глазах, то они – сила. Нет, ребята, сила – в интеллекте, в знаниях, да умениях. А от химика вообще держись подальше, не обижай его. Ибо дело это опасное, порой – смертельно.

Химик, он и в Африке химик.

Не схимник, а химик

Решает задачу.

Не схема, а тема

Разит дураков.

Короче, вылез я из спальника и быстро произвёл напалм. Собственно, что его готовить? Напалм – бензин с загустителем. Бензин слишком быстро вспыхивает и сгорает, пожар в большом доме устроить трудно: сам погаснет или его потушат. А напалм горит устойчиво, при очень высокой температуре: не то что дерево, металл не устоит.

Конечно, я мог, особо не утруждаясь, налить в кастрюлю солярку, и нагреть её на медленном огне, добавляя хозяйственное мыло и помешивая. Мыла у меня много. Но такой продукт неустойчив, пару дней постоит и расслоится на отдельные фракции. Будь у меня больше времени, я бы взял пенопласт, раскрыл его, поместил в банку, залил туда ацетона (пенопласта должно быть в 30 раз больше растворителя), плотно закрыл крышкой и сильно потряс. Пенопласт растворится, получится густой однородный кисель. Добавил бензин в отношении 1:1 и готово. Пенопласт у меня был – оптику упаковывали. Но за ацетоном надо куда-то бежать, а времени нет. Пришлось задействовать то, что есть: смесь солярки, гудрона и бензина в отношении 4:1:1. Взял кастрюлю, налил туда солярку, поставил на медленный огонь и начал постепенно добавлять гудрон, размешивая металлической ложкой. После того, как гудрон и солярка превратились в густую массу, снял с печи и немного остудил, затем постепенно, на забывая размешивать, добавил бензин; получил однородную смесь.

Преимущество такого напалма в том, что он стабилен и прилипает к любым поверхностям, даже к вертикальным и влажным. Температура горения 800°, что не плохо, но для моих целей маловато. Хорошо бы добавить в него сплав щелочных металлов, но опять же его нужно готовить и кроме того на снегу он самовозгорается. Это, в принципе, хорошо, взрывателя не надо, но мне нужно, чтобы загорелось вовремя, ночью, и когда меня в Батагае не будет. Поэтому добавил магний, который у меня был. Хотел фейерверк для школьников на праздник какой устроить. Но мало. Пришлось спешно наработать. Как Плюшкин собрал я на свалке возле аэродрома кучу магниевых деталей: крючки с вешалок, точилки карандашей, стартер и улитку с бензопилы "Дружба" (жаль не попала бензопила "Урал", в ней и улитка, и корпус состоят из магниевой сплава), аноды для бойлеров, детали "Запорожца" (блоки цилиндров, поддон, крыльчатка генератора, корпус маслососа, картер коробки передач), и даже диск с шасси самолета. Взял рашпиль с крупной насечкой и напил магниевых опилок. Такой напалм горит при 1600° и его нельзя тушить водой – загорится с удвоенной силой.

Изготовил я напалм двух видов: в виде киселя, который залил в канистру, и в виде студня (холодца), которым забил котелок.

Однако мне нужен взрыватель. Вы думаете, что я взял будильник, снабдил батарейкой с контактами, завел и пошёл? Нет! Будильник тикает, внимание к себе привлекает.

Нужен тихий химический взрыватель. Делаются он просто: стальная пружина сжимается, и удерживается с таком состоянии держателем, когда держатель разрушается, пружина распрямляется, боёк на её конце ударяет о пистон, тот подрывает пороховой заряд, и дело пошло... Если подпружинный ударник удерживает тонкая проволока, то её можно растворить, залив её раствором хлорида двухвалентной меди или кислоты. Такие взрыватели устанавливаются на сравнительно короткое время 1–5 часов, мне же нужно на пару суток. Поэтому я закатал сжатую пружину в хозяйственное мыло (хорошая вещь, это мыло, сколько из него полезного можно изготовить!), поместил в пластмассовую трубку (чтобы не забыла сгореть вместе с баракком) и залил водой; процесс пошёл: мыло начало растворяться. Установил напротив выхода бойка патрон с пистоном и порохом, но без дроби. Готово! Тут важно подобрать толщину мыла, чтобы взрыватель сработал ночью. Когда все дома. Ну, так опыт, есть опыт. Не в первый раз...

Когда все улеглись, надел болотные сапоги и пошёл на дело. Улица Батага в это время в связи с наплывом талых вод, паводком и началом таянья мерзлоты представляла собой большую лужу, точнее длинное озеро неизвестной (и переменной) глубины. Так что иногда и болотные сапоги не помогали – проваливался по пояс, а порой и по грудь. Газики и те опасались пускаться в путь.

Грязь сегодня ещё непролазней,

С неба мразь, словно бог без штанов

Мразь падала с неба несколько дней, но как только я вступил на военную тропу, тучи ушли, светло, как днём, солнце сияет (весьма не к стати, в темноте диверсанту удобней).

Какое небо голубое,

Мы не сторонники разбоя:

На дурака не нужен нож....

Лап то бу ди дубудай, лап то бу ди дубудай...

Лай лай лай лалалалалала...

Аборигенами условно принято, что сейчас ночь. Прохожих нет, никого не встретил. Собаки лаяли, но умеренно и абстрактно. На меня конкретно никто не напал.

Если движешься в том направлении, в котором растёт твой страх, значит, ты на правильном пути.

Подошёл я к баракку-крепости, обогнул её, пролез сквозь обрывки колючей проволоки и добрался до задней стены. Окон здесь практически нет, только фрамуги из уборных и кухни. Вдоль

завалинки шёл удобный карниз, я обложил его сверху и снизу студнем. Затем подобрался к вводу электрических проводов, они шли в дом через довольно большое отверстие. В отверстие я пропустил резиновый шланг, и через воронку залил туда кисель, этим же киселем полил углы здания. (Кто был инструктором Зои Космодемьянской? Это каким надо было быть кретином, чтобы послать дурную бабу поджигать сруб бутылкой керосина? Трудно было загуститель добавить и напалм сделать? Не того повесили, надо бы – инструктора; хотя его, кажется, в конце-концов расстреляли свои). Положил я трубку с взрывателем на завалинку и пошёл прочь от этой тюрьмы добровольной.

Кто роет яму, сам упадёт в неё, и кто ставит сеть, сам будет уловлен ею.

Мы на своей полуторке отъехали уже довольно далеко и уже почти забрались на перевал, кода до нас донёлся отдалённый звук взрыва и над Батагаем поднял столб густого чёрного дыма.

Мастерство не пропёшь!

Топлёное масло

*Идёт Медвежонок Лохматый,
Несёт Бочонок Пузатый,
Топлёное масло в нём
Горит янтарным огнём.*

Мысль, что не плохо бы в поле иметь масло, хотя бы на первое время, посетила нас ещё в Батагае. Мы там даже провели пробные эксперименты, но основное производство развернули в Бетёнкёсе. Решили изготовить русское (почему русское? его тысячу лет в южной Азии делают) оно же топлёное масло. Хранится долго, а делается просто: растопил сливочное масло и готово. Но, как известно, чтобы иметь рагу из зайца, нужна хотя бы кошка.

Венчик: видел у мамы, но не знал, что эта штука так называется.

Сливочное масло у нас есть? Нет! Из Москвы мы его не привезли. В магазине есть? Нет. Здесь на мерзлоте травы особо не растут, сенокосов что-то не видно, коров мало. Лошади в основном. Не уж-то они из кобыльего молока масло делают? Никогда о таком не слушал и, естественно, не ел.

Оказалось, из кобыльего молока масло обычно не делают – жирности мало, правда у якутских лошадей жирность молока существенно выше, чем у других пород, так что если желание есть можешь попробовать. Особого желания у меня не было. Но коровье молоко достать всё же можно, небольшое стадо коров есть. Пришлось нам пожертвовать ещё одной бутылкой спирта

питьевого и нам скинули два бидона молока. 18 литров. Но масло, сказали, делайте сами.

Тут все посмотрели на библиотечкару, т.е. на меня.

Я скромно потупился.

Пришлось заняться производством сливочного масла. Чтобы получить масло, нужна сметана. Сметана есть? Нет! Её делают из сливок. Они есть? Нет! Тогда начинаем с производства сливок. Хорошо бы иметь центрифугу или хотя бы сепаратор. Но в Бетенкёсе центрифуги точно нет, а сепаратор может где и есть, но лень по посёлку бегать. Молоко свежее – обойдёмся и так. Разлил молоко в широкие миски, которые собрал в ближайшей округе, и поставил в прохладное место (оно у нас везде). Через сутки

поднявшийся вверх жир образовал сливки. Аккуратно слил их в отдельную ёмкость, первый полупродукт готов.

Средневековые маслобойки – наши технологии.

Теперь оставляем сливки киснуть. Поскольку невтерпеж, то для ускорения кинул в ёмкость корочку чёрного хлеба, благо я им запасся во времена батагайского самогонварения. Сливки скисли, вот тебе и сметана – второй полупродукт (правда, часть его я тут же употребил – сметана моя слабость; опять же надо качество проверить?).

Теперь делаем сливочное масло. Вроде дело простое – любая тётка может. Но технологию нужно отладить. Первым попал под руку венчик (у матери такая штукovina была, только я не знал, что эта пружина на деревяшке так красиво называется). Налил сметану в кастрюльку и стал

неистово колотить. Часа два неустанных трудов привели к маленькому комочку масла. Этак я всю экспедицию масло делать буду. Нужна маслобойка. Электрической тут точно нет, а с ручным приводом что-то подобное нашлось у нашей хозяйки. Не в рабочем состоянии, пришлось починить. Образовалось целых две установки: одна в виде высокой и длинной бочки, в которую наливают сметану и взбивают её шестом на конце которого круглая доска с дырками. На эту установку был брошен Анатолий, который монотонно водил шестом вверх-вниз. Я же на установке №2 (тип – бетономешалка) вращал вокруг центра тяжести бочонок со сметаной. Не прошло и двое суток, как мы переработали всё молоко и получили третий полупродукт – сливочное масло.

Четвёртая стадия технологического процесса – получение топлёного масла. Поместил масло в кастрюльку (говорят, надо в эмалированную, ну уж какая есть), а её – на водяную баню (вторая кастрюля большего диаметра с водой, первая размещается в ней и держится на ручках). Всё устройство поставил на печь. Нагрев умеренный. Масло не кипит, а томится. Монотонно мешал его, пока оно не распустилось. На поверхности начала образовываться пена, а на дно оседать что-то тяжёлое (белки). Пена приобрела вид белой шапки, собрал её и выбросил. Осадок трогать не стал. Подождал полчаса. Масло стало прозрачным, а на дне появились жидкость и осадок. Кастрюлю слегка охладил, а масло медленно и аккуратно процедил через накомарник. Тут важно, чтобы осадок не попал в готовый продукт. Перелил в пластмассовый бидон. Масло застыло, приобрело вид густого мёда, красивый жёлтый цвет и приятный сливочный аромат.

Вот он конечный продукт – янтарное топлёное масло.

Посолил мелкой солью, залил крепко солёной водой и закрыл бидон крышкой. Говорят, такое масло хранится четыре года. Не знаю, у нас оно кончилось через месяц. Но всё же весь месяц мы пекли на нём вкусные якутские лепёшки. Масло идеально для жарки – и не дымится и не пенится.

Остатками масла вымазал всего себя: руки, морду, ноги – всё пострадавшее от комаров и гнуса.

Слегка полегло.

Кумыс

*Комара муха любила и кумысом напоила.
Пьян!*

По посёлку и его окрестностях бродили кобылы с жеребятами. У них было молоко, которое хорошо бы куда-то приспособить. На завтрак я выпивал пол-литра, но это банально. Как я понял, из такого молока сметана и масло не получают, но изготавливают сыр. Говорят, он похож на итальянскую моцареллу. Не знаю, никогда такой не ел, к тому же он изготавливается из молока буйволиц, а не кобылиц.

В воздухе повисла идея кумыса.

Нельзя сказать, чтобы в доении я был полным дилетантом. Во-первых, я один раз видел, как доят корову, во-вторых, перед кинофильмом показывали "Новости дня", а там дойка была регулярна, правда, в основном электрической. Тут же она была ручная, и не коровы, а лошади. А к ней просто так не подойдёшь: она лягается и кусается.

Кобыла доится каждый час, так как вымя у неё маленькое и дойка даёт 1 л молока, за день собирается 5 л. При дойке подводится жеребёнок, который начинает сосать вымя, иначе кобыла не даст доить, затем он отводится и дальше доит доярка. Кобылу для доения ставят так, чтобы она опиралась на левую заднюю ногу, а правая задняя нога отставлена назад без нагрузки. Это препятствует возможности нанесению левой ногой удара доярке, что притулилась у левого бока лошади. Доярка правым коленом опирается на землю, а на другом полусогнутом у неё стоит ведро, подвешенное на левой руке. Доят кобылу обеими руками, энергично и быстро, затрачивая на одно доение 1 минуту.

Кумыс готовят путём заквашивания кобыльего молока специальной закваской. Обычно это продукт крепкого зрелого кумыса, который соскребают со старых бочек с кумысом. Смесь молока и закваски переливают в сбивалку (ту же, что для масла) и регулярно взбалтывают. Полупродукт разливают, закупоривают в бутылки и оставляют в теплом помещении: начинается процесс созревания и аэрации. В зависимости от времени созревания, кумыс делят на 3 категории: слабый (с момента закваски прошло 6 часов); средний (тот, что созрел 1 дн); крепкий (бродил 3 дн). Слабый кумыс содержит 1% спирта, средний – 1,75%, трехсуточный кумыс – 5%.

Замечание. Я описываю свою методику, а якуты мудрее: они сливают кобылье молоко в кожаный мешок, подвешенный к потолку. Добавляют закваску и в течение нескольких дней помешивают мутовкой. Каждый, кто входил в юрту, несколько раз крутит её. Удобно!

Получается шипучий пенящийся напиток беловатого цвета со спиртовым привкусом и запахом. Что-то среднее между квасом, кефиром, и вином. На вкус довольно приятный, освежающий, кисловато-сладкий, щиплет язык. Меня кумыс никак не опьянял (всё же чистый спирт позабористей будет), но якуты приходили в возбуждённо-хмельное состояние. Местное население лечит им туберкулёз и спасается от цинги. Я же просто утолял им жажду.

Рейдерский захват

*Враг, отпор от нас – получит!
Не видать ему земли
Нашей. Он её не купит,
Ему лучше отойти.*

В Бетенкёсе мы ночевали в классе, в том самом, где накануне были танцы.

Утром в соседнем классе я застал Васю-стилягу. Морда помята, прикид поблѣк. Сидел весь расслабленный, курил небрежно и буржуазно. Стильно, то есть. Раскладывал пасьянс картами с голыми девицами;

– Хай! – приветствовал меня Арнольд (так просил называть себя Васька).

– *Gutten morgen* – отвечивал я мрачно.

– Слушай, чувак, кинем брэк по Броду с чувихами?

– Я не чувак, не Человек Уважающий Высокую Американскую Культуру, не такая уж она высокая и не слишком американская, кстати, гимн Америки и то сибирский еврей написал. Да и динамо по местным Бродвеям не ездят.

– *Ich bin beschäftigt. Auf Wiedersehen!*

– Бай!

Появились неразлучные студентки-якутки Таптал и Феклана, принялись кудахтать вокруг общипанного павлина.

– О женщины, вам имя – вероломство!, – ещё Гамлет допѣр.

Впрочем, видно было, что дамы – любительницы крутить динамо:

Наш девиз непобедим: возбудим и не дадим!

Натянул я болотные сапоги и похилил по Броду, т.е. буквально в брод.

На всю округу орал громкоговоритель. Прямо как на целине. Похоже он трудится круглые сутки. Пока шѣл, Русланова успела спеть "Валенки", "Когда б имел золотые горы и реки полные вина" и что-то ещё. Бывала ли она в здешних краях не знаю, но нрав она имела буйный, её переводили из одного лагеря в другой. Так что и Верхоянск могла посетить.

Преодолев грязевое пространство, осел на маслобойне. Дел много – масло-кумыс-самогон. Трясти и ждать, что будет. Уселся писать Ольге – надо же в последний раз послать весточку.

Не дали.

Явился посланник, Иван Гундарович, слегка знакомый мне агроном местного колхоза, вежливо, но настойчиво предложил посетить председателя. Газик за мной подан. Сели, поехали. Его историю я знал. Во время войны он был довольно высоким чиновником, занимался снабжением военных заводов. Однажды, комбинату по производству авиационных масел задержали поставку татарской нефти. Чтоб не срывать производство он распорядился использовать нефть с Эмбы. А то в голову не взял, что эта нефть содержит много серы. Сера же снижает температуру загущения масла. Короче, одним зимним утром все самолеты под Сталинградом не взлетели – моторы не завелись на морозе. Без авиационной поддержки погибло пол-армии, немцы прорвали фронт. Вредительство? Вредительство! Приговорили к расстрелу. Спасло то, что самих следователей-судей признали врагами народа и пустил в расход. А ему дали 20 лет, из которых просидел 12.

Прибыли мы в контору феодала – владельца окрестностей и местного населения. Крепостник – председатель колхоза – оказался якутом, парнем моего возраста (20 лет). В гимнастерке, на которой четыре значка: ГТО, стрелок, парашютист и кто-то ещё. Андрей отслужил в армии и как человек образованный, опытный (из местных аборигенов единственный, кто видел шестиэтажные дома и даже троллейбус) и представитель титульной нации был избран (назначен райкомом) председателем колхоза, т.е. коронован на царство.

Для большего представительства и эффективности мозгового штурма пригласили бухгалтера колхоза Александра Ивановича (по паспорту Авеля Израилевича) – финансового гения. Это был знаменитый вор-карманник международного уровня (марвихер), известный по всей Украине, Центральной России и Сибири (а ранее – в Австро-Венгрии и Румынии).

Марвихер (ид. *марвиах – зарабатывает*) – вор высокой квалификации, зарабатывающий деньги.

Долго он никогда не сидел, но зато попадал в тюрьмы-лагеря неоднократно – 6 ходок. Человек уважаемый. В лагерях он работал художником и сейчас по маленькой фотокарточке писал маслом портрет пионерки – дочка какого-то чина в Москве. Заказ первостепенной важности.

Не знаю, говорил ли он по-якутски, но по-русски это было что-то ужасное, какой-то гротесковый еврейский акцент, ни один артист-антисемит скопировать бы не смог. Видимо, думал он на идише, а потом переводил. Но если бы только еврейский! Родился и вырос он на Западной Украине, в польском селении. И это чувствовалось. Да ещё как!

Уселись мы вчетвером думать.

Покусились на территориальную целостность нашего колхоза! Соседний бай, решил расширить свои владения и присвоить пойму внутри одной крутой петли извилистой Адычи. А это трава, пастбище лошадей и даже коров, которым и так есть нечего. Урон ожидался мощным. Этот

бай вообще активен, и поддержку в Батыгае имеет сильную. Так что собрался сократить нашу латифундию. Уже Андрея вызвали подписывать бумагу.

– Надо как-то продержаться, – объяснили мне, – мы подключим Якутск, есть там кое-какие связи, этого не допустят. Но на это нужно время.

– Что предлагаете?

– Мы знаем, что ты химик, что ты сделал подруге невидимые чернила (так, уже стукнула), изготовь нам такие чернила, что бы подпись сначала была, а потом исчезла.

– Не проблема, да только нужны реактивы.

– Загляни в мой сарай, – сказал Александр Иванович, – там много чего есть.

Пошли в сарай. По дороге он отдал мне всё, что вытащил на совещании у меня из карманов: носовой платок, сигареты, ножик перочинный, и остальное богатство. Даже паспорт, хотя он был в кармане рубашки, застёгнутом на две пуговицы, а сверху у меня водолазный свитер, плотно обвивающий горло и спускающийся чуть ли не до колен. Да и не контактировали мы с ним вовсе – сидели на разных концах длинного стола.

Талант есть талант.

Ну, да и мы не лаптем щи хлебаем.

Рылся я в сарае не долго. Для классического варианта исчезающих чернил ничего особо не надо. Берёшь из первой попавшейся аптечки спиртовой раствор йода, отмеряешь 50 мл, смешиваешь с чайной ложкой декстрина, фильтруешь, чистый раствор – вот и чернила. Пиши, рисуй, что хочешь, надпись через пару дней исчезнет – йод испарится и никакими силами ты текст не восстановишь. Йод был в нужных количествах, а о декстрине надо позаботиться. С ним мы на ты. Что только я из него не изготавливал в клязьминской лаборатории: и клей, и прочные, твёрдые звёздочки для фейерверка, цветные огни, гранулированный порошок и много чего ещё полезного. Важнейшее вещество для пиротехники: прилипает к любым предметам, принимает нужную форму. Декстрин участвует в горении; изменяя его пропорции в составе можно добиться разной скорости горения. С его помощью можно уменьшить реактивность взрывчаточной смеси, если вам нужно, чтобы она не взрывалась, а просто горела в изделии. Готовил я его просто: порошкообразный картофельный крахмал смешивал с концентрированной соляной кислотой, выдерживал в полиэтиленовом пакете, сушил в горячей духовке. Нужно, чтобы он стал жёлтым, иначе растворяться не будет. А есть ли где поблизости крахмал? Или придётся из непропечённого хлеба декстрин добывать? Да и дымящуюся солянку искать где-то надо. И само производство полдня займёт. Но оказалось у запасливого Александра Ивановича есть декстрин в виде тёмно-коричневого клейстера. Он его использует для получения клеевых красок. Годится! Быстро изготовил чернила и заполнил ими перьевую авторучку. На всякий случай, произвёл и чёрные чернила. Взял плиту на которой наш вор-художник растирал свои краски, наломал ветки ивы, мелко истолок и растёр с водой на этой самой плите. Надпись, сделанная такими чернилами исчезнет примерно через неделю. Заправил этими чернилами другую авторучку. Спросил, не нужны ли красные исчезающие чернила, надпись которыми при желании можно восстановить. Сказали: нет. Ладно, была бы честь предложена.

Отдал всё Александру Ивановичу. Провожая меня, он как-то между делом спросил:

– А наркотики из местных продуктов приготовить можешь?

– Я всё могу, – сказал я.

И удалился.

Довольный, как сто китайцев.

Альтернативная энергетика

Источник электроэнергии у нас на метеостанции Кёстер, что в предгорьях Верхоянского хребта, был экологически чистым. В том смысле, что не требовал ни бензина, ни солярки. Когда приходила пора включать рацию и передавать на материк данные о температуре, давлении, скорости ветра, влажности атмосферы в наших краях, Васька-дебил взбирался в велосипедное седло и начинал бешено крутить педали. Цепь передавала усилие на динамо-машину, с неё – в аккумулятор. Не проходило и получаса, как лампочка на панели радиостанции загоралась, и я начинал стучать ключом, как дятел.

Но этот источник энергии был капризным и затратным (работал на спирту), он был ненадёжен (в критический момент впадал в запой и был недвижим). Важно, также, что при ближайшем знакомстве он оказался экологически не чистым. Васька никогда не мылся (вонял козлом), от безделья был толст, страшно потел и громко пердел, крутя педали и матерясь. Из рта шёл перегар в виде изоамиловой сивухи, плохо переработанной махорки и чеснока. Короче, к концу связи в атмосфере радиорубки можно было вешать топор – кислорода в ней не было.

Пора было задуматься об охране труда: метеоролог – часть природы, а биоразнообразие надо беречь. Решил я биологический источник энергии удалить, заменив его на что-то другое – вечное, не капризное, не пьющее и не воняющее...

Ветер! Нас спасёт свежий ветер!

...Ветер, ветер, ты – могуч, ты гоняешь стаи туч...

Сказано – сделано. Прилетел к нам волшебник и привёз ветряк.

Месяц мы монтировали его на скале-утёсе, что торчал над нашим балком.

И вот настал миг торжества. Ветряк завертелся, гирлянда новогодних лампочек засветилась, в бараке стало светло, как днём, Васька лёг спать, а я включил рацию.

Но только я установил связь, как всё погасло. Настал штиль! Полный штиль. Т.е. ещё вчера ветер сбил меня с ног и утащил выстиранную рубашку, а сегодня он дуть перестал. Сачок! И не дул шесть дней и шесть ночей. Пришлось опять вернуться к источнику биоэнергии, заправить его стаканом водки, и водрузить на велосипед. Поехали!

На седьмой день иллюминация вспыхнула вновь. Да так, что половина лампочек сходу сгорела. Но главное – вибрация и звук. Дикая визг оглашал окрестности, что, впрочем, можно было терпеть. Однако тональность менялась, возник инфра-звук. Вот это, скажу я вам, нечто. Наши тела начали вибрировать, резонировали все пустоты в башке. Сильнейшее беспокойство охватило нас. В панике мы выскочили из спальников и бросились вон из балка. Правильно сделали!

Дул ветер, сильный и порывистый, с резкой сменой направлений. Ветряк наш крутился, как бешеный, крутился не только пропеллер, но и его хвост, так что избушка поворачивалась к нам, то передом, то задом. Мачта раскачивалась во все стороны, тросы трещали. Мощнейшие потоки воздуха обрушились на скалу. За миллионы лет скала повидала многое, но раньше на ней не было ветряка. Теперь она не выдержала. Раздался скрежет и треск. Скала треснула. Верхняя часть её отделилась, слегка воспарила, и всей массой, усиленной мачтой, тросами, движком, генератором, рухнула на наш несчастный балок.

На этом освоение дармовой энергии ветра нами закончилось. Вернулись к естественному источнику энергии, в конце концов, стакан самогонки – это не так много. А генераторную мы отделили от радиорубки, построив Ваське отдельный барак. Теперь он – в своей атмосфере. Экологически ему комфортной.

Там русский дух, там Русью пахнет....

Аспирин

*Много замыслов в сердце человека,
но состоит только определенное Господом.
(Притч. 19: 21).*

Покувыркались мы в этой горной стране Черского влать и с помятыми боками, сломанной аппаратурой, без продуктов, но с пробами гранитов снова вышли на берег Адычи. Надо переправиться на левый берег, добраться до Бетенкёса (он выше нас километров на 20), а от туда по дороге - до Батагая. Там груз скинуть, малость отдохнуть и снова в горы. На этот раз - на Верхоянский хребет.

Адычу эту мы уже один раз форсировали. И без особых проблем. Думали и сейчас обойдётся. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Адыча разлилась! Такой пакости не ждали. Весной понятно, пожалуйста, организуй наводнение, имеешь право. Но в начале августа... - это перебор, это неправильно.

Якутская жара в конце концов сказала. Снег в горах начал активно таять, и вот последствия. Ядыча разлилась и поймела ширину в 7 км (местами). При мощном потоке воды. Переправить груз на лодке-веточке с человеческим двигателем и то не просто. При одной переправе снесёт километров на 10, тащи лодку на аркане обратно. Хорошо если в пять переплав туда-сюда уложимся. Но лошади! Лошади такой заплыв не по зубам. Слабо ей. Пришлось осесть и ждать спада воды.

На правом берегу Адычи посёлков не обнаружено, но небольшое поселение (будем считать его деревней) нашлось. Называется то ли Энгя, то ли Сайылыга, то ли Энгя-Сайылыга вместе. На слух не разобрал. Десяток юрт, несколько пустых. В одной мы поселились. Довольно большое - 4 полатей в два этажа, печь-яранга, стол с лавкой. Жить можно, только кушать нечего. Что с собой было всё съели и всё выпили. Магазины нет, а продукты с неба не подадут. Рация побита, батареи давно сели, вертолёт не вызовешь.

Деревня окружена водой: с одной стороны петля Адычи, а с другого бока озёра: большое Кумах и поменьше Ойбон-Кюеле. Леса вокруг нет - все на дрова извели. Ни охоты ни, ни грибов, ни ягод, ни полезных трав. Рыбная ловля (на реке или озере) и отстрел уток на озере. Но нужны патроны. Это как минимум! А где их взять? Все запасы пороха и дроби отдали каюру. У него винчестер столетней давности, 28-калибра. Он в глаз белки одной дробиной попадает, а я своим 12-тым калибром весь боезапас за 3-4 выстрела изведу. И ещё неизвестно сколько дичи добуду. Может вообще ничего. За это коллектив меня осудит. Охотился лишь каюру, время от времени возвращаясь с селезнем, а то и с гусём. Оставалась рыбная ловля и помощь населения.

Благотворители готовы были оказать нам спонсорскую поддержку. Но были бедны. На беглый взгляд у них у самих ничего не было. Наоборот, им самим хотелось получить что полезное от белого человека.

В первый же вечер к нам явились два мужика преклонного возраста с традиционным вопросом:

- Испиир баар?

- Суох! - отвечали мы хором.

И всем нам было грустно.

Сколько ждать спада воды было не ясно.

Каждое утро мы интересовались:

- Уулар баар?

- Баар! Баар! - отвечали нам.

Полный бардак, значит.

Вместо того, чтобы утекать, вода прибывала. Мы в основном отсыпались, я приступил к третьему тому Саги о Форсайтах. Иногда химичил, но так, без особого энтузиазма. По просьбе Анастасии Семёновны сварил два куска мыла. Попытался начать производство самогона. Но здесь трудно. Ни сахара, ни ягод, ни картошки, ни хлеба, ни пшеницы. И ни солода, ни дрожжей. Это что? Из елового полена спирт гнать что ли? Можно, но вреден он. Нашёл небольшие залежи овса, что для подкормки лошадей местный кулак заготовил. Весь прелый и гнилой. Даже мой мерин его есть отказался. Как гнать самогон из овса я не знал, пришлось изобретать методику по ходу дела. Получалось не очень. Выход небольшой и неизвестно чего. Термометров нет, смесь грамотно не разгонишь, состав продукта контролировать нечем. Судя по косвенным данным (по запаху и вкусу) есть и метиловый спирт и сивушные масла. Ещё перетравишь всех. Всё же наработал до стадии горючей жидкости. Но для внутреннего потребления никому не дал, только для наружного. Оказалось в таком продукте потребность тоже есть.

Однако валюты из него не вышло.

Большим успехом пользовался мой фотоаппарат "Зенит" с большим объективом - портретником. Солидная вещь. Аборигены знали её назначение. Встретив меня, они показывали на фотоаппарат и просили себя щёлкнуть. Фотографироваться любило всё население нашей деревни: два упомянутых выше старичка и четыре женщины. Нескольких мужчин не было - где-то что-то пасли. Зато детей много - дюжины две наверно. Всех возрастов и размеров. Фотографироваться тоже любили. Только я доставал фотоаппарат, все бросались на завалинку и принимали позу. Интересно, что когда я делал массовый снимок, они требовали, чтобы я нажимал спуск столько раз, сколько попало в объектив. Ведь фотография нужна каждому.

Юмор в том, что плёнки у меня не было. Я успел сделать снимок всего населения и потом даже прислал фото, но это всё! Плёнки кончились. Но народ обижать нельзя - я работал фотоаппаратом.

Нечто подобное я уже видел. У отца был старинный приятель, ещё по гимназии. Антон Антонович. Он приезжал к нам на дачу, доставал огромный фотоаппарат с иностранным названием и звал всех на съёмки. Он делал коллективные фото и индивидуальные портреты, и в доме, и в саду, а меня - на дереве или с собакой. Это дело нравилось дамам, они долго прихорашивались, красились, причёсывались, непрерывно переодевались. Одна моя кузина вообще полностью разделась: портрет в стиле ню!

Отец, наблюдая эту вакханалию, однажды спросил

- Пластинки дорогие, расход их у тебя большой, может как-то скомпенсировать затраты.

- Нет, Коля, - отвечал Антон Антонович. Никаких расходов нет. Аппарат у меня не заряжен. Мне ничего не стоит, а всем приятно.

И действительно, всем было приятно. А что никаких карточек нет так что?! Дело трудное, не всегда получается.

Вот так и я доставлял обществу удовольствие.

Благодарное общество откликалось. Не так конечно, что я щёлкнул, а оно мне рыбку. Просто общались и старались помочь друг другу. Мы показывали сколы разных камней, объясняли их пользу, демонстрировали личные вещи, например, перочинный ножик с несколькими лезвиями, штопором, шилом, отвёрткой и ножницами, давали полистать книжку с картинками (была у нас одна такая). В ответ нам приносили мясо (в основном конину, но бывали и бараньи рёбрышки), кобылье молоко, айран, а иногда даже сыр. Рыбу мы ловили сами, используя вместо мушки гриву лошади или собственные волосы. В общем, не голодали.

Местные дали нам немного соли, частично я её добывал из золы. Сахара не было вообще, я было начал его производство, но бросил. Не рентабельно! Табака нет, но аборигены чем-то нас снабдили. Я не курю, свойства местной махорки не знаю. Но если судить по дыму и воням, выходящих из трубок, без мухоморов тут не обошлось.

Мне не хватало чая. Всё же завтрак по-якутски, это лепёшка и чай. Лепёшки нет давно, а теперь и чая нет! Мы что? Уже не в Якутии?!

Обычно на Северах для заварки используют, листья смородины, голубики, костяники, курильского чая, плоды облепихи, клюквы и т.п. Но тут ничего этого нет. Зато оказалось есть ивовый чай. Здесь я его попробовал впервые.

Ивы по берегам Адычи много, сплошные заросли. От нашей она отличается. Может быть это и есть ива полярная, не знаю. Отрывали листья, заливали кипятком, отстаивали, иногда, фильтровали через марлю накомарников, и пили. Вкус довольно приятный. Однако много не выпьешь - живот болеть начинает и тошнит. Анастасия Семёновна уверяла, что этот чай помогает ей от головной боли. Странно не то, что что-то от чего-то помогает, а то, что вообще голова болеть может. Как она может болеть?! Это же кость!

Так мы и жили. Вода в реке стала спадать, скоро в путь.

И тут на нас напала эпидемия. Какой-то странный грипп. Откуда он взялся в нашем экологически чистом поселении? Однако взялся. И свалил поголовно всех: младенцев и пенсионеров, женщин и мужчин, аборигенов и экспедицию. Градусников - термометров у нас не было, но и так понятно: температура под сорок, всё горит, глаза не смотрят, сопли, кашель - жить не хочется, не то что Адычу форсировать, а вообще юрту покидать. Надо лечиться. А как? С материка никто не придёт, шаманов извели, лекарств нет. Никаких!

Анастасия Семёновна бессонно ворочалась подо мной и, наконец, изрекла:

- Игорь, так дело пойдёт - мы все передохнем. Собирай силы, слезай и изготвь лекарства. Из чего хочешь и как хочешь. Хотя бы аспирин...

Однако! Я, конечно, в каком-то смысле потомственный аптекарь. Дед, бабка и мать моя были дипломированными провизорами-фармацевтами. Всю жизнь изготавливали лекарства, торговали и лечили ими. Дело ответственное, чуть в синтезе напортачишь - всю округу на тот свет отправишь. Я бы в аптекари никогда не пошёл. Самогонка - мой предел.

Но обстоятельства обязывают. Одна женщина уже без сознания, считай не дышит, к утру покинет нас. Да и мне в 19 лет умирать стрёмно. Что-то надо предпринять.

Про аспирин Анастасия Семёновна вспомнила вовремя. Вспомнил и я: все мы учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь.

Если есть ивовый чай, значит есть и ива, а раз есть ива, значит есть салициловая кислота и будет аспирин, раз уж он ацетилсалициловая кислота. По латыни у ивы и салицина один корень, салициловую кислоту потому так и называли, что её впервые из ивовой коры выделили. И сейчас иногда иву называют природным аспирином. Это, конечно, неверно, но что-то в этом есть. С древнейших времён и повсеместно кора ивы применялась для снятия головной боли, снижения повышенной температуры тела, при заболеваниях пищеварительной системы, а также при цинготных воспалениях и дизентерии. Антисептик это.

Чувствовал я себя паршиво, но вооружившись топором и ножом, вылез на свет божий и поплёлся к Адыче, которая уже близко подошла к нашей деревне, грозясь её затопить. Нужна кора, тёмно-серая, грубо-продольно трещиноватая. Под Москвой её сколько хочешь, а здесь нет. Ива здесь не дерево, а куст. Толстых стволов практически нет. Долго продирался по кустарнику, пока нашёл более-менее подходящее. Нужна внутренняя кора дерева. Приходилось глубоко протыкать ножом и вырезать полосу за полосой. На некоторых образцах были розоватые прожилки - самый ценный материал.

Если бы я изготавливал ивовый чай, добывал салициловую кислоту, как лекарство от слабых недугов, то избавился бы от внешней коры, завернул оставшееся в марлю и перенёс в котелок с кипящей водой. Закипело, кипятит несколько минут красно-коричневую жидкость, охлади и дай пить больному. Ему же полезно жевать ивовую кору. С так и делал, испытывая снадобье на себе. Но дела у нас были плохие, мягкого обезболивающего недостаточно, нужно было более эффективное лекарство, т.е. аспирин.

Вероятно вы и так всё знаете, но на всякий случай напомним, что салициловая кислота это 2-гидроксibenзойная или фенольная кислота, $C_6H_4(OH)COOH$; бесцветные кристаллы, хорошо растворима в спирте, но плохо в воде. Для нас это важно. Воды сколько хочешь, но она не годится, спирт годится, но его мало и качество его сомнительно, состав его неизвестен.

Тем не менее аспирин изготовить надо.

Сначала нужно наработать как можно больше салициловой кислоты. Призвал всех, кто ещё может двигаться, отправиться в заросли ивы и содрать кору. Молодые веточки и почки тоже сгодятся. Народ откликнулся, тем более, что одна женщина уже умерла, а вторая отключилась. Через некоторое время появился мешок с ивовым добром, началась его переработка (всем работникам было предложено жевать кору) и вскоре производство ивового чая было поставлено в полупромышленном масштабе.

Но нужен второй продукт - уксусный альдегид. Свойства этого соединения я конечно знал. Это важное исходное вещество в производстве героина и других наркотиков опиоидной группы, полезен он и при синтезе гексогена. Поэтому к описанию методик его получения надо подходить осторожно, а то посадят. В магазинах его не продают. Если нужен - сам синтезируй.

Уксусный альдегид можно выделить из прокисшего вина или молока. Вина в этой местности отродясь не было, а прокисание молока дело долгое, к тому же приводящее к уксусной кислоте, а не альдегиду. Методов получения альдегида много, но они требуют катализаторов, давления, или всякой экзотики типа раствора серы в броме, кетена, фосгена, трихлорида фосфора и т.п. Ничего такого у меня не было. Можно было бы начать с использованием карбида кальция

(т.е. вести синтез из ацетилена, из него любую органику получить можно). На подмосковной даче с этим проблем нет - вся сварка труб, в том числе - водопровода) сопровождается бочками с карбидом.

Походил, поискал по деревне - карбида нет. Решил производить альдегид из этилового спирта. Собрал все запасы зерна деревни (всех видов и состояний), запустил в вёдрах бражку, изготовил перегонный аппарат (двухтазовый метод, детально отработанный в Батагае) и наметил масштабное производство. Качество самогонки уже не важно, реакция сама найдёт нужный компонент, а от остального целевой продукт очистим. В принципе, окислить этиловый спирт до уксусного альдегида довольно просто. Достаточно смешать этиловый спирт с перманганатом калия и добавить немного концентрированной серной кислоты. Имеет смысл слегка нагреть. Розовый раствор обесцвечивается, выпадают бурые хлопья. Бесцветный раствор перегоняют (двухмисковый метод), выделяя альдегид.

Способ реальный, но трудоёмкий. Серной кислотой у меня проблем не было. В СССР по всей стране каждый уважающий себя холм был украшен триангуляционной вышкой, с фонарём, светящимся во тьме. Как они появлялись в безлюдной тайге не знаю, но они были везде. А раз есть фонарь, значит при нём есть аккумулятор, а в нём - серная кислота. Можно было отправить на ближайший холм экспедиции в лице каюра. и серной кислоты будет хоть залейся. Свежие аккумуляторы привозят, а старые не забирают. Однако такая экспедиция не потребовалась. На окраине обнаружил сенокосилку с нечто похожим на трактор. В нём нашёлся свинцовый аккумулятор с запасом серной кислоты, достаточным для наработки нужного количества аспирина.

Однако, марганцовки было мало. При выходе в экспедицию её было более, чем достаточно, но истратили на очистку болотной воды, на разжигание огня без спичек и на иные нужды. Запасы иссякли. Методику надо менять.

Попробуем окисление спирта кислородом воздухом с использованием оксида меди как катализатора. Нужна бутылка с пробкой с двумя трубками: длинной (подача воздуха) и короткой (отвод продукта). Изготовить нетрудно, но у меня есть стандартный барботёр для измерения радона в природных водах - типа "промывалка". Вполне годится. Налил самогонку (спирт неясного состава), позаимствовал кусок провода от антенны рации, снял оплётку, изготовил спираль, раскалил её (покрыл медь оксидом меди) и сунул в бутылку. Начал пробовать через спирт воздух (приспособил ножной насос-лягушку от надувной лодки). Реакция пошла. Пары спирта стали окисляться на проволоке, оксид меди - восстанавливаться до меди. Реакция с выделением тепла, так что спираль раскаляется, подогревать не надо. Пары альдегида по короткой трубке перегонялись в соседнюю бутылку с тем же самогоном. Так был получен раствор уксусного альдегида в спирте, т.е. второй полупродукт в синтезе аспирина. Вонял он знатно. Этот запах я знал. Продукт легко узнаваем. Собаку звать не надо.

Теперь можно было приступить к синтезу самой ацетилсалициловой кислоты. В котелке слил два спиртовых раствора: салициловая кислота и уксусный ангидрид), добавил немного концентрированной серной кислоты (обезвоживающее). Нагрел немного (градусов до шестидесяти, термометра нет), потом температуру повысил почти до кипения, грел час. Реакция эстерификации благополучно завершилась. Реакционную смесь охладил при помешивании. Закристаллизовавшийся продукт отфильтровал через промокашку, промыл ледяной водой, отжал. Получил бесцветные игольчатые кристаллы. Будем считать их аспирином.

Долго ли - коротко, но аспирина наработали достаточно. Всем порошки раздали. Вторая якутка умерла не дождавшись лекарства. Ситуация, конечно, суровая: на оставшихся двух женщин приходится 23 ребёнка. Но, надеюсь, справятся. Остальные подошпытные выздоровели, уж не знаю, от моего ли лечения или волею судьбы. Немного аспирина осталось - от головной боли и от похмелья подмога. Осталась и салициловая кислота (салициловый спирт - поскольку спиртовой раствор). Подарил двум старшеклассницам, прибывшим сюда на каникулы. Наружное применение - борьба с прыщами.

Пока боролись с гриппом, вода в Адыче спала и мы начали переправу.

Где-то на севере

Наш караван медленно втягивался в поселок. Я ехал верхом с включенным счетчиком Гейгера. Вдруг дозиметр заверещал, и стрелка поползла куда-то вправо. Заинтересовавшись, подъехал к дому. Первого диапазона не хватило, перешел на второй, но и там зашкалило. Пошел в дом, там считало сильнее и только на последнем (четвертом) диапазоне стрелка успокоилась. Первые же оценки показали, что мощность дозы гамма-излучения, если и не приведет к смерти немедленно, то за год жизни в подобном поле - точно. Поспешно покинув помещение, я поинтересовался у мывшей крыльцо хозяйки: откуда такая радость и как они с детьми выживают в подобных условиях. В ответ я услышал в те времена - антинаучную, а в нынешние так и вполне научную теорию.

Во время войны в поселке добывали радий. Делалось это просто. Вырывался колодец, в него опускали корзины с собранным в окружающей тундре ягелем. Ягель адсорбирова-

растворенный в воде радий. Корзину вытаскивали, ягель сжигали и золу с радием отправляли на Материк для переработки. Пришедшие в негодность корзины использовали для изготовления завалинок, утепляющих жилища. Поскольку корзины пропитаны радием, а он долгоживущий радионуклид (период полураспада ^{226}Ra 1600 лет), образующий при распаде целое радиоактивное семейство, продукты которого являются альфа, бета и гамма - излучателями, то понятно возникновение мощного радиационного поля в хижинах. Постоянные жители (в том числе - женщины и дети) к облучению равнодушны. Приезжие часто чувствуют себя неудобно и тогда уезжают (если успеют!). Но многие остаются и живут, особо не жалуясь.

Вот вам – сила иммунитета.

Я участвовал в двух экспедициях по Камчатке: в 1986 и 1992 годах. В основном - в районе вулкана Мутновский и строительства Мутновской геотермальной станции. Основное направление работ - радоновая съёмка Камчатки. Но были и другие задачи.

Обратные технологии

С началом Перестройки стало ясно, что денег на науку государство не даст. Сами ищите источники финансирования. Поскольку я в это время руководил радоновой съёмкой Камчатки, то решил обратиться к местным властям за поддержкой. Собрали мы совещание с участием губернатора Камчатки и мэра Петропавловска. Просьба: назовите основные проблемы региона, за решение которых вы готовы платить. Назвали три. 1) Авачинская бухта - база ядерного военно-морского флота России на Тихом океане. Естественно, что вода залива загрязнена радионуклидами. Нужно её очистить. 2) В годы холодной войны полуостров Камчатка был непотопляемым авианосцем. На него завезено огромное количество боеприпасов. Снаряды и бомбы всех видов и систем хранятся на складах длиной в несколько десятков километров. Склады разрушаются, корпуса снарядов корродируют, срок годности их истёк. К этим запасам даже приближаться страшно. Но и хранить нельзя - возможен спонтанный взрыв. Переработайте их во что-то безопасное и полезное. 3) Над Петропавловском расположен большой гражданский и военный аэродромы. За время эксплуатации многочисленные протечки привели к тому, что вся почва на глубину двадцать метров пропитана авиационным бензином. Новое месторождение горюче- и взрывоопасного вещества нависло над городом, расположенном к тому же на склонах вулканов. Представьте, что произойдёт в случае крупного землетрясения. Организуйте добычу бензина и очистите от него почву и грунт под аэропортами.

Видит Бог, нам очень хотелось получить деньги и, казалось, мы были готовы на всё. Но от предложенной работы пришлось отказаться.

Озоновая дыра

В конце XX-го века в научных и журналистских кругах возникла паника: озоновая дыра расширяется. Скоро вымерем.

Известно, что жизнь на Земле поддерживается излучениями, поступающими от нашей родной звезды – Солнца. Но не все лучи нам полезны. Природа предусмотрительно обеспечила необходимую фильтрацию света. В верхних слоях атмосферы имеется слой озона, который предотвращает попадание на поверхность Земли излишнего ультрафиолетового излучения.

Ясно, что если озоновый экран станет тоньше, то облучение растений и всего живого превысит норму, и начнутся неконтролируемые последствия. Поэтому за состоянием озонового слоя постоянно наблюдают. В конце века обнаружили, что над полюсами планеты возникли озоновые дыры, постепенно увеличившиеся в размерах. Ученые опубликовали данные, журналисты вдарили в колокола и началось: спасайся, кто может! Хоть улетай на другую планету. Пока не поздно...

Возник классический вопрос: кто виноват? Фирмы, пытающиеся выбросить на рынок не содержащие фтор аэрозоли (дорогие и малоэффективные, они не пользовались спросом), первыми сообразили, что пришел их час и можно озолотиться. Как кто виноват? Разумеется фтор- или хлорсодержащие хладоны - фреоны. Галогены ведь реагируют с озоном, разрушая его. Ну, значит они и виноваты в истощении озонового слоя. Нужно не только сократить производство применение в быту фторсодержащих веществ, но и вообще прекратить. Средства массовой информации с энтузиазмом подхватили идею. Тем более, им хорошо заплатили.

Теперь вернемся на вулкан Мутновский. В Петропавловске, когда грузили вертолет, я обратил внимание на листы стекла, завернутые в рогожу. Зачем их тащить в горы? Все перебьем и сами порежемся. Когда прибыли на Дачное, я понял, в чем дело. По склонам горы лепятся вагончики. По виду - это цистерны, но в них устроены комнатки со стеклами. Стекла были абсолютно матовыми, сквозь них не то что пейзажа, света божьего не видать. Вставили новые. Так вот, когда я через месяц уезжал, и они стали матовыми.

Как известно, стекло разъедает фтористый водород. Какова же должна быть концентрация фторидов в атмосфере долины (дышать на Дачном, кстати, нечем), чтобы достигнуть такого эффективного травления? Оценки показывают, что только вулкан Мутновский выделяет в

атмосферу Земли фторидов, в десять миллионов раз больше, чем человечество наработало фтора (да и других галогенов) за всю свою историю. А сколько таких вулканов?

Очевидно, что техногенные фреоны (аэрозоли, хладагенты и др.) никакого отношения к истощению озонового слоя не имеют. Все галогенсодержащие вещества невинновы. Слой атмосферного озона миллионы лет флюктуируют как по толщине, так и по сплошности, завися от изменений общего состояния атмосферы. Наблюдения за озоном только начались. Подождите, все само собой восстановится.

Это история поучительна, как демонстрация активного вранья, циркулирующего в научной и ненаучной прессе. Причем не только в виде искренних заблуждений из-за веры в ученое слово. Целенаправленная ложь, стимулированная заинтересованными фирмами, уже влияет на развитие науки и техники.

Это и опасно.

Тайны Мутновского

Для радиохимика Дачное, что расположилось на одном из склонов вулкана Мутновский, - настоящий рай - местные болотца и лужи парят. Одни - горячие, и вода там кипит (можно сварить яйцо, если оно у тебя есть), другие - не очень, но вода и там кипит, как будто на дне лежат проколотые баллоны с газом. Набрал я пол-литра газа и запустил в ионизационную камеру. Счетчик показал 300000 имп/мин. И это при фоне 0.5 имп/мин и при 12% эффективности счета. Не слабо! Вот где не будешь за каждым импульсом гоняться. Следи, чтоб не зашкаливало. Можете себе представить активность окружающей местности. Недаром вокруг такая богатая растительность. И такая сочная. Но ни мутаций, ни гигантизма! А вот теперь о чуде первом.

Нет ли тут активности какой?

Известно, что радон - дочерний продукт распада радия. Период полураспада радона-222 - 3.8 дня. От материнского радия он далеко убежать не может - на сантиметры в породе, да и то - пористой, на метр - в воде, и на десяток метров воздухе. Только на такие расстояния хватает времени его жизни. У материнского радия-226 - период полураспада 6400 лет. Между радием и радоном существует вековое радиоактивное равновесие, т.е. активность радона равна активности радия. Нарушить это равновесие достаточно трудно, но, как оказывается, можно. Когда Геолог впервые обнаружил выходы высокоактивного радона, он немедленно "застолбил" участок, подав заявку на месторождение радия (радон без радия не бывает!). И получил свидетельство. Через некоторое время решили оценить запасы радия. Стали бурить по всей долине. Радон есть, радия нет!! Т.е. радий имеется, но его активность не идет ни в какое сравнение с активностью радона. Я осмотрел керн длиной два километра (с такой глубины его и вынули). Часто скорость счета поднималась до 500 имп/мин (в 1000 раз выше фона), иногда достигала нескольких тысяч, но где требуемая сотня тысяч импульсов? Ее не было. Есть над чем призадуматься. Радиохимик, так вообще свихнется.

Другое чудо связано с изотопным составом радона. Известно, что в природе можно встретить три его изотопа (радон-222, торон (радон-220) и актинон (радон-219). Так вот, судя по кривым распада активного налета в сцинтилляционной камере, торона нет, но есть коротыш, с периодом полураспада, близким к 1 секунде. Возможно - актинон. Но это означает, что внутри вулкана много актиноурана, U-235, а это - изотоп, способный к самопроизвольному делению. Так может - источник энергии Мутновского вулкана - цепная ядерная реакция. И мы сидим на действующем природном ядерном реакторе! До сих пор на Земле известны только два природных реактора, да и те давно остыли.

Есть и третье чудо. Собрали мы пробы газов и отвезли в Москву на масс-спектрометрический анализ. Оказалось много гелия-3. Откуда??? В вулканических газах всегда много гелия, но это - исключительно гелий-4 (бывшие альфа-частицы, постоянно испускаемые при распаде радионуклидов в земной коре). А других изотопов быть не может: Земля образовалась из пылевого облака. В сверхвысоком вакууме частицы пыли давно отдегазировались. Поэтому, никаких гелиев, которые, может быть, и образовались при ядерных процессах рождения Вселенной, сейчас в Земле быть не может. Известно, что гелий-3 образуется при бета-распаде трития. Да, но тритию в земной коре откуда взяться? Период полураспада трития - около 13 лет: за время существования Земли он давно распался. Правда тритий может образовываться при термоядерной реакции. Так может, в центре Земли идут термоядерные процессы с образованием трития и гелия-3? Этого еще не хватало! Начал, было, я изучать эти чудеса. Глядишь и нобелевка бы обломилась. Но тут случилась Перестройка.

Радоновые ванны

С одной стороны в долину Дачного обрушивается водопад. Точнее - каскад из четырех последовательных водопадов. Вода кипит, вся - в клубах пара. Водопад падает в небольшое озеро, из озера вода вновь падает водопадом, снова озеро и снова водопад. На разных высотах располагаются три небольших озера с проточной водой. Сверху льется крутой кипяток, в первом

водоеме температура 85°C, во втором 55°C, а в третьем 30°C. По бокам распадка снег лежит даже летом. Температура воздуха где-то +5°. Озера эти насыщены радоном и высокорadioактивны. Даже не знаю, в какой степени: дозиметр зашкалил.

Коллектив экспедиции пришел в возбуждение. Раздевшись догола, мы стали скакать по скалам на маршруте вода - снег. Наиболее смелые Иван-царевичи прыгали в верхнее озеро и, ошпаренные (в буквальном, а отнюдь не в переносном смысле), летели вниз в более комфортные воды. Я быстро утомился, и залег в среднем озере, разместив на выставленном над водой колене мыльницу с остатками хозяйственного мыла.

Radioактивность дикая - лечи радикулит, да нервы. Тепло, хорошо, радиация пощипывает кожу... Постепенно овладела страшная лень, размягчение всех мышц и костей. Я заснул. Через час проснулся, встал и пошел, но медленно-медленно. Во всем теле чувствовалась усталость. Огромная усталость. Как будто не ванну принимал, а весь день камни ворочал. Кости лишились привычной твердости, казалось, что они гнутся, как резиновые. Но боли в спине и ниже прошли! Кто бы, что не говорил, а радиация - это здорово! Рекомендую!

Крутые яйца

Недавно наша большая страна была удивлена и обрадована. Впервые россиянка победила на конкурсе красоты, стала Мисс Вселенная. Не уж-то у нас могут родиться такие красавицы? Могут, при определенных условиях, однако.

Расскажу, как это делается. С новой «миской» я знаком, причем – до ее рождения.

...Экспедиционная жизнь разнообразна. То месяцами бродишь по тайге в полном одиночестве, так что начинаешь сам с собой вслух разговаривать, то ходишь с отрядом, общаешься (собачишься) с коллегами, но ночуешь в отдельной палатке, а то вдруг вся экспедиция собирается в одном помещении.

Так получилось в Паратуньке. (Вообще-то Паратунька – это река и довольно длинная, но я говорю о пос.Паратунька, что не далеко от г.Приморска, что на Камчатке). Тогда еще только осваивали Нижне-Паратуньское месторождение геотермальных вод (а Средне- и Верхнее-Паратуньские источники вообще были дикими), но природная теплая вода уже обогревала дома, и купальни в виде сельского пруда были организованы. Место уже было культурное, но денег за купанье еще никто не брал. Известно было, что горячие воды весьма полезны для здоровья (не понятно только чем конкретно). Лично я там снимал усталость. Но больше получаса в них не просидишь – тухлыми яйцами воняет (сероводородом, значит). Кто задерживался – потом долго блевали, бедолаги.

Мы заняли школу, состоявшую, увы, из одной комнаты. Ночью стелили на полу кошмы, распаковывали спальники, залезали в них и почивали. Народу много, причем разнообразного. Мужчины и женщины, старшее и младшее поколения, из Москвы и Азии, научные сотрудники, шофера, бурильщики... Все спасались от проливных дождей и тайфунов. Спали вповалку. Впрочем, до ситуации романа «Как закалялась сталь», где трудяги поворачивались по команде, дело не дошло - нам удавалось дистанцироваться друг от друга, но – на сантиметров 10 - 20, не больше. Так что ночью по нужде выбраться было непросто, кто-то на кого-то периодически наступал.

Мы укладывались и гасили свет. Но заснуть сразу не удавалось, шли локальные разговоры, которые иногда превращались в общие. Кто-нибудь, невидимый в темноте, а потому смелый и откровенный, рассказывал случай из жизни, недавно прочитанный роман, или новое кино. Остальные тихо засыпали. Но иногда возникали споры, превращающиеся в диспуты.

Так и случилось в тот судьбоносный вечер.

Разговор начала Венера, наша начитанная повариха. Она читала все подряд, в первую очередь «Московский Комсомолец», и делилась познаниям. Сейчас она шепотом обратилась к Ольге.

-Оля, в газете пишут об интересном способе предохранения. Перед сексом мужчина погружает свою мошонку в ванну с очень горячей водой и держит, сколько может. Сперма в яйцках сворачивается - ведь это тот же белок, что в куриных яйцах, и становится неопасной. Можно заниматься сексом, не предохраняясь. Это так? Ты со своим не пробовала?

- Нет, а зачем горячие ванны делать, если можно просто яйца в кастрюльку опустить? Мне нагреть несложно, а мой парень - ручной, я с ним и его хозяйством могу делать что хочу.

Дамам казалось, что они беседуют тихо, но их слышали все. И немедленно откликнулись:

- Не киса не так, лучше если мужик сует все свое хозяйство в микроволновку - 2 минуты разморозка - и со спермой проблем уже не будет - все на хрен свернется.

- Зато сразу крутым станешь. Мля, я просто в шоке... Предложила бы использовать тостер ещё! Как раз там две щели - по количеству яиц.

- А если не считаешь – будут яйца «в мешочек». Может потом их сразу под холодную воду, чтобы чистить легче было.

- Этот способ давно известен в Японии. Ну не кипятком конечно. Противно слушать...

- В Японии? А ты видел, какие после этого японцы получаются?! Из тех сперматозоидов, что изрядно пострадали, но выжили?!

- Венера права. Есть такой способ. Мужчине надо три недели ежедневно принимать ванну определенной температуры. Потом в течение одного-полутора месяцев он стерилен. Затем жизнь берет свое. Только важно этот способ применять точно по методике. Нужно температуру знать и время.

- А кто-нибудь это знает ?!

- Дети! Вы, блин, анатомию уже проходили или нет? Сперма, которая пойдет в женщину сегодня или завтра, она не в яйцах. Она уже в семенных пузырьках рядом с простатой! Если кто не знает - это внутри мужика, глубоко. Ванна не возьмет. А кастрюлькой вы свернете ту сперму, которая пойдет в дело завтра или через 3 дня.

- Девки! Прочь руки от яиц! Вещь нежная, не игрушка. Кроме спермы, там гормоны образуются... Не погибнет ли что - иди знай.

- Представляю себе, рожу парня и садисткое лицо девки, с кастрюлькой кипятка. Парни! Не давайте себя привязывать к кроватям и не играйте в Садо-Мазо... а то вдруг девушка захочет яйца в кипяточек окунуть. После таких процедур уже никакого секса не захочется, даже с любимой девушкой!

- Не, Венера, ты не права, нельзя так с парнем...

- Пусть сама участие примет. Рот кипяточком прополощет, а потом погрееет ему шары...

- Оля, а зачем тебе парень ручной нужен? Фаллоимитатор купи! Так надежней, 100% не залетишь.

- Лучшее противозачаточное средство – спи один!

- Неее.....Надо Киске в определенное место из шприца кипяточком! И все... можно не волноваться. Извращения, блин.

- Ой, ну как мужики за свои яйца боятся - прямо извизжались все. Шутки всё это, расслабьтесь!

- Яйца - это наше все! Ну да, просыпается чел с утречка после процедуры. Простите уважаемые, а где же яйца? Да я их пахавала чтоб не испортились, чего добру пропадать...м да... Жестоко. Способов много, но варка - это улёт... Неееееее-е-е-е. ну бабы и дуры..... Ты свою пи...у на сковороде жарить будешь? Тоже помогает....

- Не умею выражаться, но некоторые, готовы всех женщин под одну гребенку расчесать. Вероятно, им просто не дают... Да таким дашь - а потом дети ползут. У них же яйца не варёные.

- Товарищи! Есть гуманные способы предохранения. Так издеваться над мужчинами (а любая операция над половыми органами - это удар по глубокой психологии, по инстинкту сохранения рода, который, как известно самый сильный!), лично я бы - не стала.

- Может, дамы будут, цемент заклад в свои пи...ды, чтобы сперма в матку не проходила?

- Вскочил у Кешки ячмень на глазу - страдает парень, а тут один и говорит, что от болезни яйца варёные помогают. Сказал и ушел. Наутро приходит, и спрашивает как там больной, а ему говорят да помер дескать Кешка. Отчего удивляется лекарь - да говорят пока яйца варили терпел, а как стали к глазу тянуть до пупка выдержал только и помер.

- Еще кому-то смешно! Что за мир? Сплошные садисты, т.е. садистки. ... О времена, о нравы...

- В поисках ответа на вопрос: «...следует ли варить мужские гениталии перед употреблением...», обратитесь к классике. В «Коньке Горбунке» злодеи хотят сбросить горбатого ослика со скалы в котел с кипящей водой, потом выловить его оттуда и сбросить его же в котел с кипящим оливковым маслом, а затем переместить его в котел с остуженным бетоном. В ответ на эти поползновения Конек им сказал: «...Шпарят только поросят, да индюшек, да цыплят. Я же, вишь, не поросенок, не индюшка, не цыпленок...». Уже в те стародавние времена, особи мужского пола были категорически против проведения над собой подобных экспериментов.

- Не знаю, что там у Конька-Горбунка, но есть такое традиционное морское развлечение. Которое, кстати, так и называется: Паратунька. В несколько железных контейнеров наливается вода: теплая, горячая, очень горячая - почти кипятком и ледяная из-за борта. Если по порядку побывать во всех контейнерах впадешь в эйфорию. Правда, лично я в контейнере с кипятком отключился. Заборной водой отливали.

- Не понял! Сварите яйца, сперма свернется... а как же она потом то выходить оттуда будет? Или пусть тухнет до конца дней? А может лучше сразу отрезать яйца к чёртовой матери? И кто только такое придумывает....Послушал вас, аж что то заныло между ног.... так жалобно...

- Милые дамы, мужчины- создания легко ранимые и морально и физически. Мы на все пойдём ради вас, но, не до такой степени.

- Лучше не мужиков стерилизовать, а таких дур конченных, как ты! Засунь себе паяльник в вульву и подожди минут эдак тридцать. Твои трубы усохнут и тебе будет по барабану, кто и что будет тебе совать! Или кислотой серной обрабатывай внутренности... Кислая среда препятствует зачатию... Выбор за тобой! Только не забудь, что тебе нужно прежде голову вылечить!!! Бляха! Есть же такие ДУРЫ! Жуть..... полная, и это 20 век....

- Способ «яйца в кастрюле» не очень надежен, гораздо надежнее вливать кипяток во влагалище - чтобы обезвредить яйцеклетку. А вообще - до такого идиотизма, пожалуй, только избранные женщины могли додуматься. Может всем мужикам сразу после полового созревания идти в банк спермы - сдавать пару порций - а потом на хрен отрезать себе яйца совсем???

- Знаете, почему крокодил плачет? А вы попробуйте свои яйца в горячий песок положить

- Насколько я помню биологию, сперматозоиды образуются прямо «в процессе» так что их не сварить. Ну, разве что посреди акта.

- Идиотизм. Лучше сразу молотком по ним.

- Милые мужчины никто ничего у вас варить не собирается.

- Махонький совет по предохранению: стерилизация лечит все! А что она не долечит - кастрация поможет

- Да, встретишься с такой единственной и неповторимой, она тебе и сожжет все единственное и неповторимое...

- Лучший способ контрацепции - вызвать семяизвержение у мужчины в течение 2-3 суток 15-20 раз, лучше в верхнюю часть тела. После этого точно залететь невозможно, но есть вероятность на некоторое время потерять партнера от передозировки.

- Самое надёжное предохранение от нежелательных детей - желанный ребёнок.

- А почему яйца у мужиков - в мошонке? Да потому что там всегда постоянная температура - и в жару, и в холод мужик готов к оплодотворению! Наши древним предкам было известно много способов предохранения от нежелательной беременности и один из них - баня. Но лучше применяйте прерванный половой акт, высчитывайте «безопасные» дни. Если же судьба определила зачать ребёнка именно сейчас - ничто не спасёт.

- Да я бы такую деваху за свои яйца, заставил бы в рот воды набрать и посадил задницей на конфорку, пока вода не закипит.

- Думаю, что лучше все-таки обжарить в кипящем масле, обмазать майонезом и посыпать укропом. Специи по вкусу. Приятного аппетита!

- К сведению непросвещенных: сперма - не белок, а углевод. Очень интересно, как вы его (углевод) сворачивать будете.

- Сперма состоит из белков и углеводов. Белки – это сперматозоиды, а углеводы – сахара, которые питают сперматозоиды в их трудном пути. Так что протеин немного разбавлен.

- Мда... Теперь у мужчин новые проблемы: как бы потрахаться так, чтобы тебе яйца не отчекрыжили!

- По-моему, самый верный способ - это просто много раз трахаться... Где то на четвертый-пятый оргазм в «одну ночную сессию» сперма теряет свои качества, и можно спокойно трахаться без презерватива, если останутся силы...

- Господи! Я даже спать перехотел: метод от триппера хорош. Гусары лечились таким способом. Простывали сильно и с высокой температурой лежали, где-то под 40. Сутки или двое достаточно. Потом уже лечили простуду. И про горячую воду верно - температура должна быть немного повыше температуры тела здорового человека, думаю 40 градусов подойдет. А лучше в ванну булькнуть вдвоем и побаловаться там. И про много раз тоже верно.

- Венера, спроси у своей мамы, варила ли она папины яйца?

- А может быть для поднятия температуры яиц их лучше скипидаром растереть? Можно феном обдувать! Или мощной кварцевой лампой греть. И загар, и микробам капут, и для пользы дела!

- Киса, самый надежный способ - крышка от заварочного чайника, да по-глубже! Или разбирая лампочка на всю глубину. Ошалела баба! После такой процедуры как ты предлагаешь можно и конец смело в унитаз выбрасывать. За ненадобностью. По-моему простая кастрация гуманнее выглядит.... Не дай бог мне моя подруга такое предложит! Убью как собаку! Бешеную!

- А вот ещё способ, приводите гордость своего парня в боевую готовность, и просто перетягиваете у основания его же причендал верёвкой! Стояк обеспечен будет сколько угодно! Главное не более 3 часов, потом надо будет всё же отвязать его орудие. Лично я пробовала!!! Классно!!!! Часа 1,5 прокувыркалась! Главное безопасно. Но есть один минус - парня надо сначала связать

- Поручик Ржевский: а вам когда-нибудь по яйцам сковородкой били?

- Эй, вы чего такой вой подняли? Никто ваши яйца варить не собирается! Горячий душ принимали? Это и есть контрацепция! Но гарантий нет.

- Во, парни переср*лись за свои драгоцененькие яйца! Значит, боятся все-таки. Какая же в нас сила сокрыта, девушки! Но варить чьи-то яйца - ужасно. Как и любые другие части тела кого бы то ни было.

На том и порешили. Диспут закончился, кто-то тихо засопел, а кто-то занялся более интересным делом.

Наташе не спалось. Странно, но разговор её заинтересовал.

Когда она собиралась в поле, то думала о многом, о методах отбора проб, их измерениях, о жаре-дожде-холоде, о горной тайге, активных вулканах, медведях, личной гигиене... А о сексе забыла! Невероятно, но факт. Пустила на самотек.

Муж же Петька отнесся к подготовке похода легкомысленно, презервативы достал (тогда их купить в любой аптеке было нельзя, нужно было именно достать), но мало, быстро кончились. А в лесу, где их взять?! Да и качество у них... рвутся гады, она уже несколько абортотделов сделала по милости завода резиновых изделий. И удовольствие с ними – так себе... Казалось бы есть простой выход – потерпи три месяца без секса, не велика проблема. Однако Петька-гад был редким по силе бабником, готовым трахать все, что движется. Ему откажешь, вся экспедиция на уши встанет. А это обидно и опасно – кончится венерической болезнью. И не одной.

Но это – трудности технические. Были и морально-этические. Наташа воспринимала секс, как сутобо интимное дело. На площади этим вредно заниматься – советами замучают. Ее сильно раздражало, когда пол в классе начинал ходить ходуном, а по углам шли комментарии разбуженных слушателей. Были и личные проблемы: секс она любила, особо подбивать ее на это дело не надо. Сама, кого хочешь, подбьет. Но! Оргазм у нее был бурным, она сильно кричала. Поэтому здесь в коллективе, в самый интересный момент ей затыкали рот, шапкой, шарфом, платком – всем, что под руку подвернется. Так себе удовольствие...

Вот и пришлось молиться Деве Марии, зачавшей без греха, как согрешить без зачатия?!

Подумав немного, она шепнула Петьке, что все ему даст, если он воспользуется советом и хорошенько пропарит свое хозяйство в местных минеральных источниках. Петр тут же согласился. Все же когда тебя игнорирует собственная жена, обычно вполне активная, это – неприятно...

Сказано – сделано. Мы ежедневно купались в местных курортных лужах, но просто так, без всякой задней мысли. По принципу: пойдём в баню, заодно и помоемся. Петька же, бросив нас, отправился на **Верхне-Паратунские источники, что на склоне сопки Горячей**. Там десятка два грифонов с температурой от еле теплой до 70°C. Он прыгал с грифона на грифон, выбирая места по горячее и сидел в них часами (в эти воды ногами нельзя ступить, не то что сидеть). За то красивыми видами на окрестности любовался. Беда только, что в атмосфере сероводорода и радона больше получаса пребывать не рекомендуется. Вернувшись с процедур, он требовал свое. Наташа отказывала – хотела гарантий. Пришлось вновь переться вверх по речке. Так длилось почти неделю. Наконец, свершилось. Да так, что ружье с гвоздя соскочило и набило синяк Валерию Николаевичу.

...Ровно через 9 месяцев я узнал, что Наташа родила девочку. Вот вам и яйца в кастрюльку! Девочка выросла, поехала на конкурс в Венесуэлу, победила всех красавиц и стала Мисс Вселенная.

А вы о сперматозоидах волнуетесь, белок у вас сворачивается...

Нет, все же горячая минералка, с радоном, мышьяком и сероводородом – великая сила!

В Южно-африканской республике я бывал неоднократно. Преподавал в местных университетах, сначала в Стелленбошском (недалеко от Кейптауна), потом в Северо-Западном (недалеко от Претории). По мотивам этих путешествий написал несколько рассказов с химическим уклоном. Приведу один из них.

Миллениум (охота за радоном)

Дроля мой! Ах, дроля мой!

Где же ты шатаешься?!

Приближался конец 20-го века, века – волкодава. Ну, и конец второго тысячелетия от Рождества Христова, заодно. Такое состояние, как оказалось, миллениумом называется. СМИ на него конец света назначили, по крайней мере, в компьютерном смысле. Ну, и мне это дело отметить как-то надо. Когда тебе под шестьдесят это вроде не трудно. Как сказать! Ни елки, ни снега, ни игрушек. Жара под 40°C и пальмы с кактусами. Ибо нахожусь я на юге Африке, в разгар лета, на горизонте – Кейптаун, за ним мыс Доброй Надежды, а там – два океана: Индийский и Атлантический. Более ничего. Новый Год – Рождество - Крещение на носу, а где радость?!

Сидел я на вилле под Стелленбошем, меня никто не трогал, и я никого не трогал. Пребывал в гармонии с окружающей средой. Но зачесалась у меня левая бровь. Чёткая примета. Известно: правая бровь чешется к радости, левая – на потных коней смотреть. Пахнуло странствием. Подождал я немного – не зачесается ли и правая, чтоб путешествие было в радость, но нет, чесалась одна - левая. Пора в путь – дорогу к избе не приставишь! И то правда, прокачусь-ка я по Африке, радон поищу, изобретенье своё кому толкану. Глядишь, просвещусь, благодетельствую аборигенов и сам обогащусь... А может где праздник справлю, и катастрофу века пережду.

Интернет подтвердил: здесь есть, где развернуться. Надо понимать, что ЮАР занимает первое место в мире по добыче золота, платины, хромитов, марганцовой руды, сурьмы и алмазов. Процветает добыча урана, железной и медной руды, каменного угля, асбеста и много еще чего, нам полезного. А что такое горнорудная промышленность? Это - пыль, аэрозоли с адсорбированными на них тяжелыми металлами, газы – взрывчатые, токсичные и радиоактивные. Среди них –

вездесущий радон. Причем еще вопрос, где его больше - на урановых или угольных шахтах. Большой вопрос!

А у меня – собственные методики мониторинга радона: простые, оперативные, надежные. Думаете – на уровне мировых стандартов?! Нет! Намного лучше: мировым стандартам еще пахать и пахать до моих достижений. Лет пятьдесят, как минимум...

Интересно испытать их в новых реальных условиях? Интересно! Можно заработать на буржуях? Можно и нужно! Надо предупредить шахтеров, население и туристов об опасности бытового и техногенного радона? Надо! Будут они за это носить меня на руках? Должны!

Сколотил было инициативную группу, но возникли преграды. Основные урановые рудники расположены на территории Намибии, а республика Намибия в 1990 году сбросила иго ЮАР и стала независимой. Хотя она и входит в Содружество, но радости мало – виза нужна. А кто нам даст?! Облом! Но, как пел Высоцкий: «Если я чего решил, так выпью обязательно, хотя я к этим шуткам отношусь крайне отрицательно». Пограницы что стерегут? Правильно - главное шоссе. Так мы по проселкам прорвемся. А что касается законопослушания, то я ведь не немец-перец какой, я – русский!

Вор никогда не станет прачкой!

Ребята, струхнув, отказались, а я начал подготовку к охоте на радон. Арендовал лендровер. Зверь-машина, доложу я вам, – сарай вездеходный. Погрузил канистры с бензином, водой и вином, галеты, мешки с сублимированным мясом, примус, чайник, заварку, спальник, палатку, фотоаппарат – всё, как доктор прописал: от плавок до ватника. Ну, и детекторы изотопов радона (радона-222, торона и актинона), да мембранные аппараты селективной очистки жидкостей и газов, естественно, тоже. Сунул в бардачок словарь, карты, и поехал.

Великий сказал: «Умей жить в пути!»

Трудности начались уже в Стелленбоше. Я, конечно, знал, что в ЮАР левостороннее движение, как и в любой другой стране с англосакскими привычками. Знал, но не придавал значения. Да и зачем: обитаю в университетском городке, транспорта нет, так что кроме как от велосипедистов да роллеров уворачиваться не от кого. А тут взглянешь: Мама! По правой стороне дороге прямо в лоб мчится машина. Сердце падает и возвращается на место, когда она пронесется мимо, и до тебя дойдет, что сам ты на левой полосе находишься. На перекрестке загорается зеленый свет, и ты бьешься рукой о правую дверцу – рукоятку переключателя скоростей ищешь. Забавно, если учесть, что в тачке автомат стоит, с которым, кстати, я тоже никогда не встречался.

В Москве автолюбители выставляют лозунг: ПУТАЮ ПЕДАЛИ. Тот самый случай!

Понятно, что первую часть пути мне было не до любованья окрестностями. Машина шла на не типичной для моих привычек скорости в 160 км/час, но меня постоянно кто-то обгонял, причем - справа. Все законно, но я каждый раз удивлялся. Дорога описывала виражи, круто забираясь по отвесному обрыву на столовую гору Большого Уступа. Что это за уступ, относится он к Драконовым горам или просто к Капским – установить не удалось. Не до того было! Субтропические (муссонные) леса и жестколистные вечнозеленые кустарники, по-видимому, менялись на опустыненную саванну, степь, кустарниковую полупустыню и просто пустыню. Ничего этого я не заметил, врать не буду. Только пролетев сотню миль по плоскогорью, я, наконец, овладел машиной и правилами дорожного движения, что обеспечило возможность глянуть на окружающую действительность. Тем более, что на широком шоссе я был совершенно один и мог безнаказанно выписывать кренделя. Дорога, хоть кубарем ступай!

Эх, даешь простор степной, без реакции цепной!

Действительность оказалась так себе. Одно слово: саванна. Ну, а раз саванна, значит, имеет место четкая смена сухого и дождливого сезонов. И южно-африканская депрессия, кстати. Область на редкость сильно пониженного давления. Аномально низкое давление – радость на любителя. Я к таким не отношусь. Признаков каких-либо сельхоз работ не наблюдалось. Мелькали клочья слоновой травы (без слонов), одиночные деревья (без плодов-шишек), да кучка кустов – зонтиковых акаций. Бензозаправки – в тени огромных баобабов. Опять же врать не хочу, но один имел ствол, окружность которого составляла метров тридцать. Не меньше!

Довольно скоро я добрался до пустыни Калахари. Бо-о-льшой пустыни. Обширная область в пределах Ботсваны, ЮАР, Намибии, Замбии, Зимбабве и Анголы. Шесть границ государств, а где они? Даже дорогу спросить не у кого. Пустыня какая-то не типичная, не похожая на те, по которым гулялось в нашей Азии. Высота прилична – 1000 м над уровнем моря, а впечатление не горы, а впадины с задранными краями. Явно область внутреннего стока. Поверхность отнюдь не плоская. Ветер потрудились не мало, кругом дюны-барханы – (золотые формы рельефа, кажется). Но не песок, а плотная, плотная глина – результат накопления перенесенных ветром частиц. В целом, впечатление удручающее. Особенно, если вспомнишь, что в двадцатом веке многие летчики потерпели аварию и приземлились в Калахари, но никто из неё не вышел – все погибли от жажды. Колодцев нет и быть не может. Тем не менее, Калахари заселена людьми – кочуют себе по ней как-то. Говорят, пучки сухой травы кидают в ямки на ночь, на траве конденсируется влага, аборигены ее сосут и им хватает. Может быть, может быть...

...Когда-нибудь расскажу, как колесил по Калахарским просторам, обходя воображаемые армейские посты, как ночевал под открытым небом в сдуваемой ветром палатке, как менял вино на кимберлит. (При случае, напомните о Национальном парке «Берег Скелетов», там вместо скелетов оказались толстые тетки. Забавная вышла история - еле ноги унес). Сейчас же не хочу отвлекаться от любимой темы – радона.

А в одиночку шляться по опустыненным саванам не советую. Ох! Не советую...

Путник едет в чистом поле

Путник стонет

Страшно, страшно поневоле.

В гордом одиночестве летел я по ослепительно сиявшей автостраде, прорезавшей раскаленную сковородку, уповая на надежность кондиционера. Было зябко...

Долго ли, коротко, но достиг я конца плоскогорья. Там, с очередного уступа, обрывающегося с высоты 2600 м, увидел Атлантический океан и прибрежную пустыню Намиб. «Море!» – возопил я, как матрос Колумба: «Земля!». Быстро, быстро скатился вниз и искупался. Климат там оказался тропическим, но сухим. Как это может быть – не понимаю, но это так! Форсировал реку Оранжевую (Апельсиновую, если кто не владеет английским). Большая река, кстати, - длина 2000 км, недаром по ней идет граница ЮАР. Сейчас она была особенно широка – последствия недавнего гигантского наводнения, можно сказать – потопа. Катит свои бурные воды в Атлантический океан. Говорят, она при малой воде порожиста, вот бы на байдарке спуститься! Или золото помыть! Но не сейчас. Сейчас нельзя – последствия дурного колдовства еще не преодолели.

...На юге Африки настала жестокая засуха. Стали молиться. Колдун ударил в барабаны, тётки, задрав зады, поползли на четвереньках. Помогло! Через день начался дождь и шел четыре месяца. Замбию смыло. Вот уж, действительно, заставь дурака Богу молиться...

Досталось и ЮАР. Реки Оранжевая и, особенно, Лимпопо разлились и затопили огромные территории. Но главное - разрушили фермы. И теперь грустные «скотоводы», бродят по окрестностям и разыскивают своих сбжавших питомцев: львов, крокодилов, бегемотов, питонов. Хищники домой не спешат, а входят во вкус дикой жизни, лакомясь гомосапиенсами.

Пересек я границу нелегально и рванул прямо в столицу Намибии - славный город Виндхук. (Слышали о таком? То-то же!). Не хуже других, кстати, резиденций много, есть президент, парламент, правительство. Жителей где-то 150 тысяч, международный аэропорт, но главное – торговый центр. (Опять же хочется изобразить в красках, что это за торговый центр, но – некогда). Скажу лишь, что если в ЮАР сквозь английские одежды просвечивает голландско-бурско-французское исподнее, то в Намибии от английского снобизма несет немецко-бюргерским меццанством. Ощущаешь, что в 1884 - 1915 эта территория была Германским протекторатом, и лишь в 1915 она оккупирована ЮАР. В 1990 – Намибия получила независимость. Зачем – сама не знает.

Виндхук населяют разные национальности: овамбо, кованго, гереро и т.п. Но как их различать, не знаю. (В ЮАР я тоже не чётко отличал бушменов, готентотов, бату, хотя знатоки говорят, что между ними нет ничего общего. Ну, так на то они и знатоки.)

Просквозив столицу, я попал в морской порт Людериц и припарковался у дверей головной конторы фирмы, эксплуатирующей урановые рудники. Приняли меня хорошо, все ж – таки я белый (после Калахари белой у меня была лишь кожа под плавками, да и ту я не демонстрировал), почти родственник. Осмотрели мои детекторы, документацию и восхитились. Но покупать отказались: незачем!

– Вы хотите сказать, что урановые руды не выделяют радон? – поинтересовался я.

– Выделяют и немало. Но мы знаем об этом, знаем и боимся. И так работяги обвиняют радон во всех бедах и требуют компенсаций. Но мы видим опасность и принимаем все меры для ее устранения: руду покрываем специальным лаком, блокирующим миграцию радона, отработанные пласты герметически закрываем, а штольни непрерывно и сильно проветриваем. Так что рабочие вдыхают радона меньше, чем мы с вами в этом кабинете. А детекторы ваши – нам даром не нужны. Весь мониторинг – на японской аппаратуре, полностью автоматической, а главное – сертифицированной. Что заложено в наши ГОСТы, тем мы и мерим. А за вашу технику будущего кто ответит?!

Грустно согласился с ними, заглянул в Уолфиш-Бей и отправился восвояси. Вновь нелегально пересек границу (на этот раз нахально по трассе), но двинул не на юг к Кейптауну, а на северо-восток в Преторию.

Петляющий мой путь привел к Крюгер-парку - крупнейшему национальному заповеднику ЮАР. Обойти его нельзя – он граничит с Мозамбиком и занимает огромную территорию (2 миллиона гектаров), сравнимую с территорией среднего европейского государства (больше Израйля, кстати), причем протянулся с севера на юг на 350 км. Из плаката на входе узнал, что основан он в 1898, и что здесь живет более 250000 животных 147 видов, включая представителей «большой пятёрки» (300 чёрных носорогов, 2500 белых носорогов, 8000 слонов, 900 леопардов, 15000 буйволов и 2000 львов). Здесь обитают 507 разновидностей птиц, 49 видов рыб и 148

рептилий. Не слабо! Да и растительный мир вполне разнообразен. Саванна, естественно, но зато – парковая саванна! Река Лимпопо (Лимпопо! Лимпопо! Лимпопо! Не ходите, дети, в Африку гулять! И далее по тексту: В Африке опасно, в Африке ужасно!) мирно катила свои воды в океан, теперь уже Индийский. Речка длинная – 1600 км. Я несколько раз пересек её в верховьях, где она, кстати, называется Крокодиловой, полностью оправдывая имя.

Денег за вход платить не хотелось. Поэтому некоторое время двигался вдоль границы парка, нашёл дыру в заборе, и рванул по прямой. Слоны-львы-носороги мало волновали: день, жара – дрыхнут, небось, где-то в тенёчке (по крайней мере, я бы так на их месте поступил). Так что кроме стада каких-то копытных, бросившихся врассыпную от моего мотосарая, никого не встретил. Зато увязались полицейские (или егеря-охранники – не знаю, как назвать эту публику). Пришлось устроить ралли, так что проскочил парк на одном дыхании.

Преодолев на выходе валы колючей проволоки, тут же тормознул, разбил палатку на берегу ручья и раскочегарил примус. Нельзя жить на одном вине, чайком разбавлять надо. Вода тут, кстати, грязная и заразная, так что пришлось добывать дистиллят по каплям из моего мембранного аппарата. Настала ночь. Чёрная ночь, без луны, но со звездами. Чужими звездами: никаких тебе Кассиопей с Орионами, но Южный Крест (Сгух – по латыни) имелся. Всё-таки Бог – предусмотрительный творец, учёл потребности людей, особенно землепроходцев и мореплавателей. В Северном полушарии он разместил на небе Большую Медведицу и Полярную звезду, чтобы зафиксировать Северный полюс. В Южном же полушарии он организовал созвездие Южный Крест, более длинная перекладина которого почти точно указывает на Южный полюс мира. Прекрасный пример сочетания эстетики и пользы.

Пора ночевать. Растянулся я в палатке и задремал под гул цикад. Тут-то и возник Он. ХОР АФРИКИ! Я читал о нем, мечтал послушать и даже сокрушался, что вот давно по Африке шляюсь, а экзотикой обойден. Осуществляются мечты! Кто-то на невысказанных частотах, срываясь в ультразвук, выводил рулады, кто-то предпочитал гнусавить в низком диапазоне, стремясь к инфразвуку. Кто-то истерически рыдал и хохотал. Кто-то кого-то звал, шлёпая хвостом по воде. Вой, рёв, лай, треск, хрип, шипенье. И пенье птиц. Самовыражалась окружающая среда. Густо заселённый мир заявлял о себе. Каждый исполнял соло, получался хор.

Соблюдайте мою тишину, ребята.

Жизнь была всюду – в том числе – в палатке. Грозно шипела кобра (а, может, какой другой аспид), заползая ко мне в спальник, тент вздрагивал от крыльев летучих мышей, заполонивших пространство, хихикающие обезьяны рвали стропы, лев грыз сапог...

Впал в забытья и проснулся от грозного гула. Мухи Цеце (каждая длиной в 2 см) роились под коньком палатки. Некоторые с разгона ударялись в марлевое окно и падали мне на физиономию.

Как тут не вспомнить модного ныне Блеза Паскаля: «Могущество мух: они выигрывают сражения, отупляют наши души, терзают тела». Не то слово! «Не удивляйтесь, что он рассуждает плохо: муха жужжит над его ухом; этого довольно, чтобы сделать его неспособным к правильному решению». Хорошо было Паскалю катить бочку на одну муху! А тут вон их сколько, и не навозных, а Це-це! Вспомнив о сонной болезни (сам я поспать люблю, но исключительно добровольно, заражать меня этим не надо), быстро покинул помещенье.

Было довольно светло, хотя солнце отсутствовало. От праздничного концерта местной филармонии болела голова. Завтракать не стал, просто хватанул полкружки рома и сел за руль. Но гоняться за радомом как-то расхотелось, а захотелось вернуться в Парк и рассмотреть солистов. Хотя бы основных. Здесь к животным «большой пятерки» относят льва, слона, белого носорога, леопарда и буйвола баффало. Список составлен с точки зрения охотника – это пять самых опасных в охоте животных, а баффало (чёрный буйвол) отличаются особой непредсказуемостью. Чёрный гигант под тонну весом, с сатанинским взглядом. Как выразился один спец: «баффало глядит на тебя так, как будто ты ему должен кучу денег». Баффало в отличие от всех остальных зверей, нападает не для того, чтобы отогнать врага или напугать, а чтобы уничтожить. Поэтому от него не убежать. От чёрных буйволов больше погибло охотников, чем от львов. Даже на старого одинокого буйвола (его молодые быки выгоняют из стада) львы нападают только впятером. И не все из них доживают до ужина...

Организуем день открытых дверей в зоопарке (Свободу без культуры знаете?). У меня хоть машина закрытая. А вот туристов возят на кабриолетах. Симпатичная девушка, рейнджер и одновременно – гид публично проверяет и заряжает винтовку, закрепленную над приборной панелью машины. С места трогается несколько открытых лендроверов и рассыпаются в долгом поиске. В ходе сафари гиды совещаются по радио, уточняя район поиска. Машины кружат по холмам, вновь и вновь проезжая по одним и тем же дорогам. Наконец, Ура! Львы на горизонте! Туристы вытаскивают фото-киноаппараты и прочие видеокамеры и начинают снимать, снимать, снимать. Слепой охотник стреляет наугад. Будет, что потом показать чадам и домочадцам.

Космической привязки у меня не было. Я был нелегалом, свободным охотником, в свободном поиске. На битой дороге трава не растёт, ехать можно

Первый увиденный мною зверь не требовал пулемёта или хотя бы винчестера – это была небольшая антилопа импала. Их называют Макдональдсами - за черную полоску на хвосте и ляжках в виде буквы М, и за то, что их везде много. И прочих антилоп много, среди них попадаются антилопы гну (Как тут «Золотого телёнка» не вспомнить!). Каждый раз я медленно подъезжал к подозрительно шевелившимся кустам, и постепенно вид очередной импалы стал меня раздражать. Равно как и мой вид – антилоп. Одной антилопёй паре мое появление испортило интимный момент – дама застеснялась фотоаппарата. Несколько раз мои поиски вознаградились: встретил семейство жирафов, попадались зебры и надменного вида страусы. Выскочил на смотровую площадку (кстати, ничем не оборудованную в смысле заборов, просто место с хорошим обзором, чтобы лев не подкрался незаметно) на верхушке холма и заметил нескольких белых носорогов. Совсем близко. Не знаю, почему их называют белыми, они серые, причем темно серые. Среди них один – настоящий гигант. С перепуту, я решил, что танк из кустов ломится. Высота скотины 2 м (немного ниже слона), длина 4. Весит где-то 5 тонн. Два рога, один короче, другой длиннее. Оценить длину трудно, но тот, что длиннее имел длину этак метра полтора. Хорошее кино будет, если такая махина пойдет на таран моего сарая. К счастью, они со мной связываться не стали, скрылись от греха.

Однако львов не было. Наконец, я нырнул в кусты и тормознул рядом с парой огромных кошек, сибаритствующих в тени деревьев. Спешился, достал монтировку (а какое ещё оружие может быть у русского шоферюги?!) и пошёл разбираться. Хотелось кое с кем посчитаться за ночной концерт. Хищники были сыты и одарили меня типично кошачьими презрительно-ленивым взглядом. Жарко, а тут еще двуногий недоносок с железяками шляется. Жратвы что ли мало?! Вали отсюда! Одна из львиц оскалилась и зарычала, другая стала к ней ласкаться. Если в тебе 200 кг, то это не просто. Самцов видно не было. Появилась машина с туристами, пришлось покинуть лесбиянок.

Не знаю, кого львы прельщают, а мне так больше бабочки нравятся. Если кто и представлен здесь в изобилии, так это они. Симпатична мне бабочка длиннохвостая смоковница с ярко-синими узорами на красных крыльях. На них бы и устроить охоту! Экстаза больше. Невольно Набокова вспомнишь.

Очень хотелось увидеть слонов. В этих краях их много – почти десять тысяч. Но дело не в количестве. Среди них выделяется несколько экземпляров – необыкновенного роста (высотой до 5 м) и старости (под 150 лет). Каждый из них имеет свое имя. Интересно, что художники рисуют их портреты. На аукционе такая картина продается не под обезличенным названием типа «Слон в африканской саванне», а «Портрет Мхумбо» (по смыслу – то же, что портрет Генриха 4-го, короля Франции). Вот бы посмотреть одного такого на воле в пампасах.

Но мной опять занялись полицейские, пришлось смыться. Радон зовет!

Бог пути кажет.

Вокруг Парка было множество этнических африканских деревень – их я проигнорировал. Но каньоном (Блайд Ривер Каньон, кажется), одним из самых крупных в мире, поинтересовался. Впечатляет, но думаю каньон Чулышмана на Горном Алтае, на котором я пролил столько пота, круче будет. Провинция Мпумаланга, «место восходящего солнца», заполнена грядой Драконовых гор с массой водопадов, ущелий и плато, утесов и пещер, и других казусов природы. Тормознул и через «Окно Бога» поглядел с птичьего полёта на расстилающиеся равнины, озёра, горную страну, ну и на знаменитое ущелье. Опять почувствовал себя песчинкой мироздания.

К этому времени я уже вполне овладел традиционным стилем южноафриканского вождения - на мчащейся тачке подъезжал вплотную к машине, идущей впереди с более низкой скоростью, ожидая, что меня пропустят, съехав на обочину. Обычно так и происходило, ибо трудно представить, что кто-то способен выдержать психическую атаку в виде несущегося сзади вездеходного сарая. Правда, тормоза моего лендровера вели себя странно, т.е. срабатывали не каждый раз. Но все-таки часто срабатывали.

Не проблема: тормоза придумал трус!

Дорога начала спуск в каньон с большой рекой и пошла серпантинном. Скорость упала. Как назло, впереди попался тяжело нагруженный самосвал, ползущий вниз на цыпочках. Обогнать его хотелось, но ни черта не было видно впереди за дождем и поворотами дороги. Неожиданно сзади показались и быстро приблизились огни - ехал огромный грузовик с прицепом, судя по всему, налегке. Водитель явно был джигитом и пошел на обгон и меня и самосвала, даже не снижая скорости. Я тут же пристроился к нему и дальше ехал с ветерком. Грузовик обгонял всех и вся по встречной полосе, а я плотно сидел у него на хвосте, надеясь, что если кто попадет на встречу, его снесут раньше.

Смерть дорогу сыщет.

Проскочил туннель *J.G. Strijdom*, перевал *Abel Erasmus* и влетел в Преторию. Раньше мне в столице ЮАР бывать не приходилось. Слышал, что она названа в честь Преториуса, который в начале 19-го века руководил колонизацией бурами земель к северу от реки Вааль (притоку Оранжевой, кстати). Думал, что Претория – маленький городок, где кроме правительства ничего нет (парламент – в Кейптауне), но он оказался большим с развитой металлургией. Очень

динамичный город – спокойно поесть негде. Везде забегаловки: схватил, что дали, и беги, жуя на ходу.

Утром, не вылезая из лендровера осмотрел грандиозный памятник (Monument), сооруженный в честь Великого Трека. Кто такой этот Трек?! Изобретатель велотрека?! Нет! Памятник воздвигнут в честь переселения в середине 19 века белого населения Южной Африки на север. Великое переселение народов местного масштаба. Дело было так.

В 1488 португалец Б. Диас обогнул Африку. Через 70 лет не далеко от мыса Доброй Надежды был построен форт Капстад (сейчас известный нам как город Кейптаун). Колонизация Юга Африки началась именно оттуда. Первопроходцами были отнюдь не португальцы (те рванули в Бразилию), а голландцы, затем их поддержали французы (гугеноты-кальвинисты). Они хорошо обосновались на Кейпе. Но начались наполеоновские войны. Пользуясь своим прекрасным флотом, Англия теснила Францию во всем мире. Тем более она не могла пройти мимо базы снабжения на полпути из Англии в Индию. Англичане начали борьбу за Кейптаун и в 1806 захватили его окончательно. Но это еще было полбеде. В 1820-х годах англичане поперли туда толпами и оттеснили голландских колонистов.

Захватив всю Капскую колонию, Великобритания установила свои порядки. Первым делом отменила рабство. Такую наглость буры снести не могли. Погрузив скарб в большие фургоны, африканеры двинули на север. Путь был долгий и трудный: неизведанные края, враждебные племена, суровая природа, неизвестные звери. Надо было перебираться через хребты, скалы, горные стремнины. В один фургон запрягали до 24 пар волов. Внутри фургонов делали из шкур что-то вроде русских полатей, чтобы могли спать женщины и дети. Впереди колонны и по бокам – хорошо вооруженные всадники, на случай непредвиденных опасностей. Колонны передвигались медленно. Выбирали места для остановки на несколько месяцев, чтобы посеять и собрать урожай, запастись провизией для дальнейшего пути.

Это и есть «Великий трек» – «Великое переселение». Героический поход. Именно тогда буры стали охотниками-следопытами, что так ярко проявилось в англо-бурской войне. Великий трек начался в 1830-х годах и завершился в 1850-х созданием свободных республик Трансвааль (столица Претория) и Оранжевой. Перебрались буры в новые места, населенные агрессивными местными племенами. Африканцы, на чьи земли переселялись буры, почему-то сочли это грабительским нашествием. Пришлось бурам (коренным плантаторам-рабовладельцам) приступить к уничтожению аборигенов. Негры в долгу не остались. Так они и мутузили друг друга, живя бедно и трудно. Пока не оказалось, что под ногами зарыты сокровища: алмазы и золото. Немереные сокровища!

Слух о богатстве пронесся по Земле. Сюда ринулись проходимцы всех мастей, оттолкнув буров от кормушки. Те сопротивлялись и даже успешно, но англичане их в очередной раз победили. Так и пришлось жить в английской колонии. Правда, с большими правами....

Но я отвлекся.

Проскочил правительственный ансамбль с ухоженными садами, кинул взгляд на зеленый оазис, включающий искусственные горы, тропические леса, озера и водные аттракционы, великолепные отели. Наконец, попал в дом легендарного президента Поля Крюгера (Паулс Крюгер (1825-1904), первый президент бурской республики Трансвааль, в его честь назван тот самый парк, из которого я только что смылся). По национальности - бур, руководитель сопротивления английским войскам в период англо-бурской войны. Первым на англичан напал, кстати. Сначала послал ультиматум, потом двинул войска. (После чего именно англичан мир заклеймил как агрессоров-захватчиков). С неграми он также воевал не мало. Активный товарищ – под 80 было, а все сражался). Кстати, писатель К. Паустовский в воспоминаниях «Далекие годы» рассказал, как его дядя сопровождал по России президента Крюгера. Казус в том, что тот в России никогда не был. Соврал классик. Бывает!

Пора вспомнить о каменном угле. На этот раз я решил не связываться с частными фирмами, а направился прямо в Угольное министерство. Чиновник выслушал меня, недоумевая и пожимая плечами. Такого животного не бывает! Я настаивал, и он пригласил спецов. Все смотрели на меня, как на чудо природы:

– Какой радий, какой радон? Вы что-то путаете! У нас не уран в шахте, а уголь. Понимаете? Уголь!

– Уголь произошел из папоротника, - объяснял я терпеливо, - а он – мощный комплексообразователь, высасывал из почвы тяжелые металлы, в том числе – радиоактивные, накапливая их в тканях. А после гибели растений, радий оказался в каменном угле. Да и во вмещающих породах урана много, а где уран-радий – там радон. Его полно в шахтных газах.

– Кто-нибудь видел этот радон у нас? - строго спросил начальник у подчиненных.

– Нет! – отвечали те. - Мы регулярно измеряем состав воздуха в штреках, там кроме метана и углекислого газа ничего нет.

– Но своими методами Вы, в принципе, не можете зарегистрировать радиацию, тем более – альфа-излучение. Нужны специальные детекторы.

– А зачем нам мерить радиацию?! Мы не на АЭС работаем. ГОСТы – ОСТы такого не требуют. Зачем нам лишняя головная боль! Да и нет такого газа – радона.

Через час дискуссии мне и самому стало казаться, что радон – плод моей больной фантазии. Перегрелся я на солнце Африки, вот мне и мерещится мнимая опасность. Радона нет, и Дорна-Резерфорда-Кюри, его открывших не было, и вредоносных папоротников нет. А есть прекрасно оснащенные шахты и персонал, денно и нощно стоящий на страже здоровья трудящихся. Нечего морочить голову занятым людям. Поблагодарил за внимание и удалился.

Йоханнесбург произвел впечатление огромного и грязного промышленного города. Финансовый центр страны. То, что доходам здесь уделяют много внимания, я понял, когда на светофоре в окно просунулась горилла с пистолетом и предложением сдать лендровер и кошелек. Однако, незамедлительно получив монтировкой промеж ушей, горилла сочла переговоры оконченными и улеглась на асфальт отдыхать.

Шоссе пересекало центр Трансвааля – горную область – Витватерсранд (Гребень живой воды в переводе), сокращенно ранд – крупнейший в мире золотоураносодержащий бассейн. (Понятно теперь, почему валюта ЮАР называется рандом, т.е. гребнем?). Недаром за провинции Трансвааль и Оранжевая случилась первая война 20-го века – англо-бурская. Ох, не зря! Здесь добывают руду, из которой извлекают золото и уран. Разрабатывается 10 горизонтов, некоторые из которых – на глубине четырёх километров!

Проехал исторический городок Отдых Странника (Pilgrims Rest) – самое богатое месторождение россыпного золота в Южной Африке и прибыл в Крюгерсдорп (дался северянам этот Крюгер в самом деле! Идол – не хуже Родса для южан) – центр добычи золота и урана (заодно, и центр чёрной металлургии). Не поленился, подъехал к конторе и поговорил по телефону с каким-то менеджером. Тот признал проблему: и радон есть, и контролируется он плохо, и шахтеры болеют. Но с русскими он дел иметь не желает! Национал-шовинист недорезанный.

Ну что ж, рванем к Индийскому океану. С дорогой особых проблем не было, но были проблемы с провинцией Транскей, которая вообще-то лежала в стороне и меня никак не трогала, тем более – с точки зрения радона. Но ведь любопытно же! Эта провинция – вотчина южно-африканцев. В годы апартеида она была одним из бантустанов – марионеточных государств, созданных для коренного населения. Местные белые ее боятся, объезжают стороной (иногда делая крюк буквально в тысячу верст) и уж тем более не суются туда ночью. Я же сунулся, и именно ночью. Ну, и получил по заслугам.

Добрый путь, да к нам больше не будь!

Кто ищет приключения на свою задницу, обязательно найдет.

Вывод: пофигизм и монтировка – недостаточное оружие для одиночного путешествия по негритянским вотчинам. Нужен автомат Калашникова, с приствольным гранатометом, естественно.

На берег Индийского океана выскочил в районе курортного городка Кентона. Побродил по дюнам и песчаному пляжу, украшенному множеством скал, источенных волнами в причудливые арки и скульптуры.

Мы здесь одни,

Мы здесь одни

Мы дети дюн и ветра

С моря дул бриз (это по-морскому, вам не понять), а гребни далеких волн светились в темноте, подсвеченные изнутри мерцанием планктона. Вот бы где понырять всласть, да акваланга нет. Зато был паб под типично британским названием «Свинья и свисток». Пошел дождь, неожиданно холодный. Хорошо в дорожке пирожок с горошком, особо если вместо пирожка – кружка пива, а ноги – в камине.

И при поиске радона можно поймать кайф...

По дороге в Грэмстаун, проскочил в поселок Лусикисики и попал в деревню Дудуду, где позавтракал в рыбном ресторане устрицами и осмотрел достопримечательность – Столпы Найсны – две огромные скалы из песчаника, ограждающие узкий канал, через который морская вода попадает в широкую лагуну в устье реки. Уже затем чёрт занес меня в лес Найсны, местами весьма густой и труднопроходимый.

Вот тут-то я и нашёл, что искал. В лесных зарослях расположены заброшенные Милвудские золотоносные рудники. В нескольких небольших сарайчиках собраны реликвии технологий: вагонетки, паровые машины, и шахтовые агрегаты. Залез в одну из неглубоких шахт и прошёл пару десятков метров под землей. Шахта – дыра в земле, с перилами в сложных местах. Спустились мы с какой-то туристкой парой. Но я все ж не турист, поэтому пополз вглубь штрека, где нашёл золотоносные слои. Они были частично затоплены. Но не золото привлекало меня. Я включил дозиметр! Мама родная! Считало так, как никогда в жизни. Бедный счётчик захлебнулся. Да! Вот это радон, так радон – все три изотопа! Такого, пожалуй, нигде не сыщешь. Сколько же старателей погибло от лучевой болезни? Есть ли такая статистика?

Положил я на камушек дозиметр – пусть статистику набирает. Посмотрел на часы: Во! Пять минут до Нового Года, до начала нового столетия, нового тысячелетия, до катастрофы,

наконец, а я – ни в одном глазу! Раскрыл рюкзак, достал что-то зелёно-колючее (не знаю, как называется этот представитель местной флоры), сунул в расщелину - ёлкой будешь. Зажег свечку, наполнил кружку бренди, плесканул и туристам-немцам. Сдвинули мы кружки, и точно в полночь, выпили за мир во всем мире, за наше счастливое будущее.

А что делать прикажете? Ну, бомбил их дед меня в новогоднюю ночь 1942-го, так мы ж его сбили! Считай – квиты. Перекур до следующего мордобоя.

Интересно, знают эти сытые, богатые и наглые туристы, что сидя тут со мной, не в блиндаже - в пещере, вдали от пикирующих бомбардировщиков, подвергаются страшной опасности? Облучение-то идёт зверское! Понимают ли, что сидят в радиационном поле, интенсивность которого не в разы, и не в десятки, а в сотни и может быть в тысячу раз превышает интенсивность подобного поля в центре г. Припять? Осознают, что уже схватили дозу, сравнимую с дозой, получаемой профессионалом за всю его жизнь?

Нет! Не знают, не понимают, не сознают!

Что посоветуете? Поднять тревогу, подсунуть детектор под нос буржуя и напугать его до смерти?! Зачем? Пусть турист оплывает самодовольством. То-то потом в туманном Гамбурге, на склоне лет, врачи будут удивляться, откуда у него признаки лучевого поражения. Сейчас ему все нипочем: сам молод, а спутница – ещё моложе. Что портить людям настроение?

Думаете надо ударить в колокола, просветить власть имущих и владельцев рудника? Так им проще немедля удавить меня, чем наладить радиационный контроль, или, не дай Бог, закрыть прииск для туристов, доходов лишиться.

Да и что такое радон? Подумаешь радон! Радиация, она только на пользу...

Возвращался я по "Garden Route" («Садовый Путь»), т.е. вдоль побережья Индийского океана. Садов нет, холмы покрыты настоящим лесом, что после опустыненных саван кажется удивительным. Мало мест в мире, где горные вечнозеленые тропические леса спускаются прямо к прибрежной полосе, с их золотистыми дюнами и белоснежными пляжами.

Бесславно окончился мой поход на африканский радон. Ни грантов, ни уважения. Народ тратит на свои удовольствия дикие деньги! Лишь бы куда-то прокатиться, на что-то посмотреть, да сувенирами удивить чад и домочадцев. Но на экологию, на безопасность, на собственное здоровье, наконец, гроша ломанного не даст. Удавится, не даст. Тем более – на радон. Несмотря на врождённую радиофобию.

Одни профи знают о радоне и без меня с ним справляются, другие – не знают и знать не хотят. Третьи дают Кассандр прямо на месте.

Зря старался!

Зато по стране прокатился, приключений схлопотал, Новый Год (Миллениум!) встретил, причём опять с немцами. Как когда-то в 41-ом...

Не даром левая бровь чесалась, а правая – нет.

СУХОПУТНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Я принимал участие во многих экспедициях, походах, командировках и частных путешествиях. При воспоминании о некоторых из них возникли рассказы, которые в каком-то смысле можно отнести к художественным произведениям и поместить в публикуемый сборник. Реальные события они отражают слабо, в них много выдумки. Ну, так они не отчёты и не мемуары.

Все тексты привести невозможно. Пришлось себя ограничить.

ЯКУТИЯ

Моей первой экспедицией была Яно-Адычанская экспедиция от ИМГРЭ (Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов) осуществлялась с 30.04.1961 по 10.09.1961. Экспедиция включала трёх москвичей: начальница в возрасте (Анастасия Семёновна, в тексте АС), техник средних лет и я -тогда студент Химического факультета МГУ, перешедший на третий курс, 19 лет (20 исполнилось в разгар экспедиции), на месте к нам присоединился пожилой каюр (якут – Афонас Николаевич). Восемь лошадей, 2 собаки и лодка. Цель экспедиции - отбор проб гранитов и определение содержания в них редких и рассеянных элементов. Район экспедиции: северо-восточный угол Якутии, бассейн рек Яна (*Яна – река очень большая (якут.)*), её приток Адыча, и приток Адычи Туастах, Горная страна Черского, составляющие их хребты, верховья реки Индигирки, одинокая гора Кёстёр, Верхоянский хребет, посёлки Батагай, Бетенкёс, Депутатский, оловянные рудники и обогатительные комбинаты, месторождения олова, полиметаллов и золота. Маршруты по разрушенным лагерям и брошенным посёлкам, по тайге, тундре, лесотундре, горам и болотам. Охота и рыбалка. Знакомство с местной флорой и фауной, с аборигенами (русскими и якутами), с ссыльными и геологами, начальниками всех мастей и бандитами.

Москва - Якутск

Великий сказал: умей жить в пути

В девятнадцать лет, после третьего курса Химфака МГУ отправился я в экспедицию на север Якутии, погулять по Верхоянскому краю. Путь мой начался в Шереметьевском аэропорту.

Раньше я не летал, самолёт видел только в небе. Пустое! Опыт – дело наживное.

На регистрацию выстроились две очереди. Кто-то мне объяснил, что большинство людей - правши и интуитивно принимают правую сторону. Поэтому встал в левую. Теория подтвердилась экспериментом: в левой очереди народу было меньше и она прошла быстрее.

Ил-18 оказался большим самолётом, на сотню пассажиров. Четыре двигателя с длинными лопастями. Тяжёлая на вид штука, явно тяжелее воздуха. Утюг! А как утюг может летать?! Не может он летать. Однако летает. Чудеса...

В самолёте места у членов экспедиции оказались разными, пораскидало по салону. Надо сказать плотно набитым народом. Так что с трудностями справлялся сам.

Пассажиры плащи-куртки снимали, забросили их и сумки-авоськи-баулы на полки. Я свой рюкзак засунул под кресло. На всякий случай, чтоб под рукой был. Там всё же кастет и палка с гирей на цепочке (оружие гуситов). Начнётся драка какая, будет чем отмахиваться. Мог бы пистолет прихватить, но его заранее отправили багажом. Да стрелять тут опасно – дырку в корпусе пробьёшь, воздух выйдет, чем дышать будем? Геологический молоток прислонил к стенке (оружие ближнего боя).

Место мне досталось прекрасное – у окна: можно наблюдать жизнь снаружи (погрузка багажа) и внутри. В спинке кресла размещался проспект «Летайте аэрофлотом». Интересно, а чем ещё у нас летать? И пакет из плотной бумаги не ясного предназначения (потом выяснилось – что было куда блевать). Поиграл с раздвижным столиком, не сразу, но освоил. Над головой – разные кнопки (трогать не стал, последствия не ясны) и трубочка, из которой сильно дуло, сначала направил её на соседку, потом подкрутил, дуть перестало. Интерес к окружающей среде, как у Почемучки. Был такой мальчик Алёша Почемучка в рассказах Бориса Жидкова. У него были свои приключения, а у меня будут свои.

Однако, суетиться не стоит. Сел я на место и затих.

Раздали конфеты-сосалки, и показали, как одевать спас-жилет и грамотно купаться, если сядем на воду. Интересно, как это получится? Немного помечтал. Интересно, наверно. Только где в Сибири такие водные пространства, чтобы самолёту было, где искупаться? А плавать он умеет?

Двигатели взревели, самолёт ускорился, слегка вдавило в кресло, затрясло. Прыжок! И летим! Лес, дачные поселки, речка – всё под нами. Начали пробивать облака, какое-то время шли в сплошном тумане и, вдруг, оказались в синем небе, рядом с огромным, аномально ярким солнцем. Впечатляет!

На табло появилось: отстегнуть ремни, курить и расслабиться. Самолёт шёл плавно, лишь изредка дрожал и проваливался в воздушные ямы. Пакеты мало кому понадобились, хотя страдальцы нашлись. Стюардессы покатали тележку с яствами. Еда обильна: салатик, курочка, пирожное, чай-

кофе. Но главное – апельсин! Каждому раздали по одному большому апельсину. Прямо из Марокко! Я вообще-то уже едал апельсины, но лишь пару раз. На столике всё не помещалось, непрерывно что-то падало и проливалось. В конце концов мой кусок хлеба, обильно смазанный маслом, вывернулся из рук и приземлился на живот сидевшей рядом дамы. Та возмутилась. Однако через три минуты вылила кофе мне на первый раз надетые брюки-энцефалитки. Боевая ничья!

Пока жизнь складывалась удачно.

Попытался заснуть, но ничего не вышло: то ноги девать некуда, то голова отваливается. Полез в рюкзак. Там, помимо орудий для мордобоя, была книга: Голсуорси «Сага о Форсайтов». Четыре тома! Вынул первый («Собственник») и стал его читать, постоянно отвлекаясь. Тягомотина та ещё, словоблудие великого романиста. Зачем я взял это произведение искусства с собой? Меня интересует жизнь английской буржуазии конца 19-го века? Нет! Деяния разбойника, сколотившего состояние, которое теперь транжируют бездарные дети-внуки? Нет! Проблемы мужа, которому не даёт жена? Нет! Проблемы Маньки, что всю жизнь любила Ваньку, а жила с Петром? Нет! Ни содержание, ни форма, ни язык, ничего не привлекает. Но я исправно таскал все четыре тома по тайге-тундре, извлекая из вод болот-рек, куда заносил их мой коняга, читал в палатках-юртах, или просто на валежнике, отбиваясь от комаров. Зачем? Не знаю!

Усталость брала свое, стал засыпать. Какие-то видения возникали и исчезали. То я бродил по дебрям уссурийского края со своим Дерсу Узала, то по земле Императора Николая II (теперь Северная земля) с Ушаковым, Урванцевым и белыми медведями, месторождения олова открывая, то в Центральной Африке был я Ливингстоном, был врачом, миссионером, теологом и топографом, боролся с работорговлей под девизом «Христианство, торговля и цивилизация», открывал озеро Танганьика в Конго (Самое длинное в мире пресноводное озеро и одно из самых глубоких), водопад Виктория на реке Замбези. Именно я подрался со львом и тот откусил мне левую руку, так что стрелять из ружья стало неловко. Ко мне на помощь пришел журналист-авантюрист Стэнли. Не помогло! Умер я от геморроя.

Моторы гудели, напевая какую-то мелодию. Постепенно я стал узнавать. Варшавянка!

Но мы подыдем гордо и смело

Знамя борьбы за рабочее дело,

Знамя великой борьбы всех народов

За лучший мир, за святую свободу.

Потом шла какая-то перебивка, но снова и снова:

На бой кровавый,

Святой и правый

Марш, марш вперед,

Рабочий народ.

На бой, конечно, на бой. Надеюсь, правый. Святым он точно не будет, а кровавым может стать. Но не хотелось бы. Хоть до МГУ я и был рабочим, за рабочее дело бороться не берусь. Да что оно значит это рабочее дело? Мужики боролись за лучший мир - пух и перья летели. И до чего доборолись?! До крепостного права. О всех народах голова у меня тоже не болит, с самим собой бы справиться. А вот свобода мне нужна, не обязательно святая, но свобода - в смысле воля-вольная. Надоело пребывать в рабстве в этой тухлой Москве.

Послушал я эту мелодию дюжину раз и отключился. Приснился мне алмазный король Сисиль Родс (основатель двух Родезий).

Может и мне что основать?! Так, между делом...

Самолёт садился в Омске, Новосибирске и, наконец, в Красноярске. Пересадка! Нас выпустили в дождливую ночь с ветерком холодным. Комфорт кончился. Зал был переполнен народом и душен. Приткнуться негде. Я, пользуясь высоким ростом, залез на буфет, где на высоте двух метров заночевал без всякого удовольствия. Утром буфетчица возмущённо согнала меня с крыши своего рабочего места, но бутербродом с колбасой угостила: я ведь убрался без скандала.

Где-то днём мы погрузились в Ил-14 и, задрвав хвост, рванули в Якутск. Двухмоторный поршневым самолёт, способный летать и на одном двигателе, и садиться на грунтовые аэродромы, имел 14 посадочных места. Мы их и заполнили.

На ИЛ-18 мы до Красноярска 6 часов летели, вроде всю Россию промахнули, казалось бы, пора прибыть в конечный пункт. Но куда там! Натужно гудят моторы, земля плывёт под нами, но не кончается: час, пятый, десятый, день, ночь, снова день, а мы всё летим и летим. Внизу огромные реки, видать и так широкие, но сейчас по случаю половодья и ледяных заторов – особенно. Озёра, тайга и болота, болота, болота. Иногда – горы. И ни огонька. В смысле фонарей. Огонь-то как раз бывает – горит тайга, неизвестно кем подождённая. Позади сотни, тысячи километров ни жилья, ни людей нет!

Да ребята. Не понять немцу-чеху что такое Россия, никогда не понять....

Трясло и потряхивало, но сносно. Спать особо не мешало. Но над реками: Ангара, Тунгуска, Вилюй, Лена видать восходили потоки: нас, то задирали в гору, то кидали вниз. Тут тошнить стало многих, а затем и рвать. Довольно активно – дело заразительное, особенно, когда запашок идёт по

салону. Я ничего такого отрицательного не чувствовал, спутники мои от лёгкого казённого завтрака (очень лёгкого – с ИЛ-18 не сравнишь) отказались, так что покушал за троих. Прогулялся в сортир в хвосте самолёта, а потом в кабине постоял за спиной лётчиков. Вид хороший и интересно, как управляют – один рулит, другой на газ жмёт. По радио конфиденциально пришло важное известие: в Олёкму завезли спирт-питьевой. Продукт ценный и в это время в этих краях редкий. Мне с непривычки было странно, что в магазинах здесь спирт, а не водка. Но мне объяснили – чего в такую даль воду возить? И то - правда...

*Они стоят над Леною-рекой
Охранниками вечного покоя,
Застывшим строем, каменной толпой,
Недвижной монолитностью немою.*

Лётчики возрадовались и мы вошли в пике, хотя никакой Олёкмы в расписании не значилось. Сели, пассажиров выгнали в аэропорт – сарай длинный, обыкновенный – чтобы не возмущались и не стукнули, кому не надо. А ещё говорят, что в СССР нет места частной инициативе, нет места бизнесу. Есть, есть место, и ещё какое!

Полетели дальше, вошли в ночь, я задремал. Не долго. Раздались крики, кто-то толкнул моего соседа, тот меня. Продрал глаза. Со стороны хвоста пролетела тётка и плюхнулась на свое место. За ней последовала полуодетая деваха с мощными телесами, навалилась на тётку и впиалась зубами ей в плечо. Та завизжала. Стюардесса, пара пассажиров и подоспевший из сортира парень не без борьбы, но расцепили дам. Драки, конечно, должны быть. Нельзя без них. Но мужиков, а не фурий!

Как мне объяснили, парень с девахой, пользуясь полумраком, проникли в сортир, где занялись сексом. Тётка их как-то обнаружила и призвала экипаж освободить туалет. Ну, девка и возмутилась. А вы бы нет?! Но только, как они смогли осуществить половой акт технически? Я один в этом карцере еле поместился, хотел рубашку поменять и не смог, места не хватило. А тут вдвоём! Ребята-акробаты, наверно в йоге сильны...

Возвращаясь из сортира, обнаружил в проходе на полу лежащих пассажиров. Не только лётчики обзавелись в Олёкме спиртом питьевым. Кому-то тяжело стало в кресле, пришлось сползти. Переступать через них было сложно, тем более, что некоторые были возбуждены и активны, цепляли прохожего и интересовались уважает ли тот его.

Жизнь на борту бьёт ключом, а мы всё летим и летим. По-над Леной, петляем вместе с рекой. К вечеру на левом её берегу, довольно далеко от русла, увидели огни Якутска. Город большой – под четверть миллиона жителей, треть населения всей Якутии. Кстати местные его зовут Дьокуускай, не знаю, чтобы это значило.

Якутск

Благополучно сели. Дождь – не самое главное. Главное – самолёт встал в центре огромной и глубокой лужи. Как он её нашёл на полностью бетонированной площади, в значительной степени покрытой снегом, – не ясно, но нашёл. Людей спустили в неё по шаткой приставной лестнице, а личные вещи стали выкидывать из люка. Кто поспорившей, утопая по колено в воде, ловил в воздухе свои чемоданы-баулы. Вот из люка вылетел рюкзак. "Мой" – рюкзак Штирлиц. Как Яшин бросился я, вздымая волны, на воздушный перехват: там ведь фотоаппарат, теодолит, оружие и много чего ещё хрупкого, но полезного. И я поймал его! К сожалению, весил он пуда два и успел за время полёта со второго этажа превратить большую часть своей потенциальной энергии в кинетическую. Устоять на ногах не удалось. К счастью, я упал на спину, где у меня был рюкзак малый, и большой почти не промок. Чего нельзя сказать обо мне...

Мокрые, грязные подтащились мы к аэропорту. Там нам открылась местная достопримечательность – туалет общественный. Он стоял на высоких столбах (впрочем, как везде на вечной мерзлоте). В кабинки надо было забираться по лестнице. Прикол в том, что столбы эти когда-то были обиты досками, но теперь куда-то делись. Поэтому внизу наблюдались две кучи дурно пахнущего гавна на которое сверху падали и лились продукты жизнедеятельности посетителей.

«Ничего хорошего из меня не вышло» – это надпись внутри.

На дверях снаружи, чтобы не дай Бог кто не попутал, висели вывески: на одной - *man, mann, messieur*, на другой – *woman, frau, madame*. Русским и якутским языками тут явно никто не владел.

Да и не надо! Тут Международный Аэропорт! По нужде в сортир лишь иностранцы ходят. Нам не обязательно, мы как-нибудь у столба.

Говорят в Якутске -40° – обычное дело. Но не в эту пору. Сейчас днём чуть ниже нуля, к ночи подмораживает. Снегу довольно много, хотя и не везде. С крыш свисают сосульки, но снега на них нет.

Единственная в Якутске гостиница под рабочим названием "Тайга" переполнена, поэтому пошли в дом приезжих для лётчиков. Он был недалеко, но нечто, напомилавшее улицу, сильно петляло, лишая перспективы. Дома на ней были, но в основном имели место пустые пространства,

огороженные заборами, иногда поваленными и разрушенными, но всегда отороченными колючей проволокой. Встречались смотровые вышки, на которых, впрочем, никого не было. Надо полагать тюрьмы-лагеря, или их аналог. Действующие, но без экстремизма. Людей за заборами было довольно много, что-то они строили. В каждой зоне 2-3 человека, сидели на заборе верхом, материли прохожих, громко обсуждали качества дам, не забывая выпрашивать сигареты: Брось закурить, паскуда!

Гостиница оказалась большим деревянным домом, довольно потрёпанным снаружи, но внутри с претензией на роскошь. Ковры, кожаные кресла и люстры присутствовали. Бросил вещи на свободную койку и прошёл в гостиную – кают-компанию, надо полагать. В ней, как в песне, исполненной недавно в МГУ тогда ещё сухопутным Александром Городницким:

Кожаные куртки, брошенные в угол,
Тряпкой занавешенное низкое окно.
Бродит за ангарами северная вьюга,
В маленькой гостинице пусто и темно
Вьюги за окном нет, но что-то там завывает.
Здесь же, как в песне, уютно и тепло.

Титан приглашал к чаю, кружка, правда, на цепи, что неудобно, но надёжно. Подумаешь! У меня есть своя, большая и алюминиевая. Налил кипяточка, отхлебнул, слегка обжёгся. Появились и владельцы кожаных курток, экипаж ЛИ-2, который должен перенести нас в Батагай. С ними – плиточный чай, кусковой сахар. Торшер на золотой ножке склонил меня к продолжению чтения первого тома Саги о Форсайтах. Экипаж (без дам) лениво вёл неспешный разговор. Я ждал рассказов о героических буднях полярных лётчиков, или хотя бы о бабах, но мужики обсуждали геморрой, и способы борьбы с ним. Тема, видать, актуальна. Как я теперь понимаю, дальше бы пошёл разговор о простатите. Но беседу прервали.

Штурман запел. Как положено. Как описал поэт:
Командир со штурманом мотив припомнят старый,
Голову рукою подопрёт второй пилот.
Подтянувши струны старенькой гитары,
Следом бортмеханик им тихо подпоёт.

Чудеса! Но именно так и было. Даже мотив был старым. Я даже знал, кто его приспособил к словам Леонида Трахтенберга, пропавшего без вести в 43-ем:

Ты просишь писать тебе часто и много,
Но редки и коротки письма мои,
К тебе от меня не простая дорога,
И много писать мне мешают бои.
Но враг недалеко. И спим мы недолго.
Нас будит работа родных батарей.
У писем моих непростая дорога,
И ты не проси их ходить поскорей.

Кончить не удалось. С грохотом распахнулась дверь, и возникла слегка пузатая фигура с мордой начальственного вида:

– Всем привет!
– Испортил песню!

(«Эх... испортил песню... дурак!» – сказал Сатин. Мы это так и восприняли, не зря в школе «На дне» проходили).

– Песня – только начало, сейчас испорчу настроение, а может и жизнь. А дамы где? Возникли две молодые худые и высокие женщины, стюардессы.

– Разбор полётов. Давненько не виделись. Сильно вы потрудились? Подвиги какие?

– Да не было, подвигов, слава богу. Летаем, людей возим.

– Людей? А почему салон гавном воняет?

– Это не гавно.

– А что?

– Это – навоз!

– Интересно! А как он попал в салон самолета? Или у вас там конюшня?

– Так лошадей перевозили.

– Ещё интересней. Они по тапу взошли, потом ползли по пластунски? Им ведь в салоне не встать. Пристёгивались? Разрешил кто?

– Начальник алмазной партии просил. Работать надо.

– А броситься головой в колодезь он не просил? Жаль! Я не спрашиваю, кто просил, хочу услышать, кто разрешил. Сначала про навоз давайте.

– Три мерина. Мы их связали, положили на бок, на трап постелили доски, затянули коняг лебёдкой. Так и летели. Обосрались они со страху. Делов-то. Животные ведь. Но мы палубу вымыли.

– Похоже не до конца. Амбре знатный. Командир! Нескромный вопрос: ты устав читал?

- Читал.
- Там сказано, что в пассажирском самолете вместо людей нужно лошадей возить?
- Не помню.
- Так я тебе сообщу: лошадей возить запрещено, равно как верблюдов и слонов. Не придуряйся. Ответишь. Это раз. Теперь два. В Анадырь вы полрейса летели с открытой дверью. Пошто так?
- Пассажир сидел себе, сидел. Тихо и мирно!, – начала объяснять стюардесса – но только оторвались, он как вскочит: «Домой хочу» и распахнул дверь, так что чудом не вылетел, кстати, вместе со мной, я его в воздухе ловила. А дверь мне не закрыть, сопротивление большое, самолет-то летит. Весь экипаж помогал. Еле справились. Никто не пострадал!
- А с Тикси, что вышло?
- С какой такой Тикси?
- Командир, ты ваньку не валяй. Прекрасно знаешь, на тебя много телег счастливые пассажиры накатали. Читаю: «Я, такой-то, такой-то, такого-то числа, находился на борту самолета ЛИ-2, совершавшем рейс Хатанга-Тикси. Так. Далее: Сразу после взлета, экипаж устроил пьянку, опустошив ящик вермута, перевозимого для оленеводов, после чего занялся сексом, причём как со стюардессами, так и с пассажирками. В ходе рейса кабина была пуста и заперта на ключ. Экипаж с подругами находился в хвосте самолёта, за грудой багажа. Аэроплан летел сам собой.
- Ну и что? Автопилот же!
- А то, что в должностной инструкции не сказано, что основное дело экипажа – секс в полёте. Там другие операции прописаны. К тому же вы проскочили Тикси, ушли в Ледовитый океан, потом спохватились, вернулись, а солярка у вас кончилась. Чудом дотянули.
- Ну, затянули, да дотянули.
- Вот за это – вон из партии и под суд!
- Начальник постучал кулачками о стол, оторвался от стула и удалился.
- Во! Испугал ежа голой жопой! А порядка хочешь – на Запад линей, там все – рабы осознанной необходимости. Мы тут – свободные люди, летаем, как хотим, садимся куда хотим и когда хотим, возим, кого хотим. И делаем, что хотим. Никто нам не указ. Свобода – есть Свобода!
- Да, пусть поищет дураков, которые за гроши на гробах летать будут. Может вот завтра в хребтик врежемся, кого распекать будешь?!
- Да, – подумалось мне, – это не геморрой обсуждать, интереснее стало. Только последняя фраза огорчает, лететь-то мне, а мне врезаться в что-то, пусть даже в хребтик, не хочется.
- Пошёл в койку переваривать впечатления. Риск растёт.
- А с сексом у них что-то аномальное. Аборигены этим делом только в воздухе занимаются, или везде?

Расстроенные мужики всю ночь квасили.

Все пропьем, гармонию оставим

Утром почистил зубы пустой щёткой (дома пасту забыл), бриться не стал, потащил свои немалые рюкзаки в аэропорт, готовиться к отлёту.

Начали поиск своего борта на Батагай. Его не было. Исчез! С концами – никто не видел, никто не слышал. Нашли попугачиков, те в грустях бродили по сараю. Пардон! По международному порту. По расписанию – вылет в 11-00, сейчас – полдень, а мы – ни в одном глазу. Руководство не в курсе. Разошлись широким фронтом по лётному полю и нашли! Где-то в сторонке, опираясь на хвост, стоял Ли-2 – бывший Дуглас – прототип его DC-3 каждый знает. Летает он у нас (в полярной авиации) с 1939 года. И там был человек. Живой! Он пояснил, что именно этот борт пойдёт на Батагай, если командир, конечно найдётся. А остальной экипаж есть – сидит в буфете. Главного же нет – может приболел, может напился, а может с бабой какой. Имеет он право на личную жизнь в свободной стране? Имеет! Человек он надёжный, ответственный, если жив – будет тут. Возможно – сегодня. И действительно, часа через четыре командир был на месте. Стали прогревать моторы. Запросили погоду. Её не дали. Экипаж есть, погоды нет.

Как с утра стал туман, так он продолжал закрывать все окрестности.

Снова ночь нелётная, даже для луны.

Днём, стало быть, для солнца.

Прочь тоску гоните вы, выпитые флаги,

Ты, метеослужба, нам счастья нагадай.

Служба гаданием себя не утрудила. После полудня рейс перенесли на завтра, и мы отправились осматривать Якутск. В туман и слякоть.

Воспитательница

*Как добры, внимательны
Наши воспитатели!*

В шестидесятые годы хрущёвской оттепели в кругах интеллигенции Якутска было модно отдавать детей на воспитание в группу, руководимую Зоей Алексеевной. Умела она прививать подрастающему поколению основы нравственности. С каждым отработывала навыки освоения

наук, искусства, культуры. Популярность Зои Алексеевны была велика, и к ней выстраивались очереди. Хотя все знали, что в молодости она служила в одном немецком концлагере, ставила медицинские опыты на детях, пыталась их.

От расстрела её спасла беременность.

Всю жизнь она была равнодушна к детям...

Как говорит якутская пословица: Внутри пёстрое насекомое, а в наружности - божья свеча.

Одеколон Лаванда

В Батагай – столицу Верхоянского края – мы прилетели в начале мая, по местным меркам – зимой. Прилетели пораньше, чтобы до начала сезона арендовать лошадей, продукты, нанять каюров и т.п. Но на это, как вы понимаете, нужны деньги. Деньги - в местном Банке. А там денег нет. Никаких! Кончились!

Хоть песни пой, хоть спать ложись!

Сели мы горевать. День горюем, другой. Что с собой было – выпили, а нового не купишь. Магазины пусты, да у нас и денег нет. В Москву звонили, на банк стучали, в Исполком – Райком обращались – без толку. Нет рублей и всё. Физически нет, в сейфах пусто. Вот настанет лето, по севморпути придёт караван, поднимется пароход по Яне, снабдит магазины спиртом-водкой, их мигом сметут, деньги в банке появятся, мы их вам и выдадим. Делов-то!

Нам светил отдых, причём с длинным постом.

Но недаром говорят: денег нет – перед деньгами; деньги, что навоз: сегодня нет, а завтра - воз.

По зимнику завезли товары в сельпо района и среди них одеколон Лаванда! В больших количествах. Ежам ясно, что душиться им никто не станет – его просто выпьют. Хорошо, если до обеда запасов хватит. Могут и за час расхватать.

Ура! Деньга на горизонте!

Но начальство впало в задумчивость. Одеколон Тройной знаем, напиток известный. От него никто не помирал (если норму знал, естественно). Московский хуже, но тоже проверен. А вот Рижским года три назад несколько десятков человек траванулись, а кое-кто на тот свет отправился. Суд был, парочку администраторов посадили. Нам это надо? Лаванда – парфюром тёмный, не испытанный. Может и ничего, а может – яд какой. Опасно!

Дело серьёзное – собрали райком партии. Лучшие люди района – старые коммунисты с привлечённым комсомольским активом стали судить-рядить, что делать? Беда в том, что никто эту дурную Лаванду в глаза не видел и тем более – не пил. Теперь смотрели: пузырёк, этикетка нормальные, при разбавлении, как положено, образуется эмульсия типа молока, спиртом слегка отдаёт, но запах какой-то не тот!! Кто знает, как лаванда пахнет! Уж не сивуха ли здесь?!

Короче, кто-то должен стать испытуемым, принять на грудь пару-тройку пузырьков, а мы через несколько дней посмотрим эффект. Но кто? Добровольцев много, но кому доверять? У секретаря райкома – и так цирроз печени, ему нельзя. Председателю райисполкома можно, но он – зэк реабилитированный, конь здоровый, ведро серной кислоты выпьет и не поморщится. Не представительная проба. А председатель партячейки Батагай – якут, со ста граммов обыкновенной под стол падает. Тоже – не показатель. Другим же такое дело поручать нельзя, народ безответственный.

Проблема, однако.

Но тут нам опять повезло. На совещание прибежала учётчица, с воплем – ящик Лаванды пропал! Короткое расследование установило, что шоферюги вездехода, чтобы согреться в мороз и пургу, стибрили ящик одеколona и за неделю его угворили. Позвали преступников, осмотрели-опросили. Ничего такого, всё в порядке. Как стёклышки!

Конечно, они – не партайгеносы, и не члены райкома, но всё же люди, и, видать, Лаванда – не цианистый калий. Решили: делать нечего, раз завезли – будем продавать. Но не сразу – а порциями, чтоб на три дня хватило. Район охватили, мы потом во многих юртах встречали пустые пузырьки. Кто был не в курсе – удивлялся: чего это якуты так активно душатся, причём исключительно одеколоном Лаванда. Странные вкусы у нации...

Короче обошлось, одеколон качественным оказался.

А мы отправились фрахтовать лошадей.

Баня

Сделал дело, вымой тело!

«Надо мне или не надо, но раз в год я хожу в баню» – начинает эпически свой рассказ Зощенко. На вторую неделю в Батагае я понял, что мне-таки тоже надо. Может и раз в год, но немедленно. Баня нашлась. Что-то среднее между каменным сараем и тюрьмой. Маленькое замазанное окошко под крышей. Понятно, чтоб не подглядывали. В предбанник набилось много народа. Раздеваясь, толкались задами. Вещи складывали стопкой на лавке, шкафчиков нет. Пара

якутов, остальные – европейского вида. Были работяги, геологи в энцефалитках, военные, но и солидные пузатые мужики в костюмах и галстуках присутствовали.

Люд разный, но делится на две категории: фраеров и блатных. Отличались они не столько одеждой, сколько языком: блатные ботали по фене.

Для любопытных: ботать – (иврит боте – выражаться), феня (ив. офен – способ) – ботать по фене – выражаться особым способом, непонятным для окружающих), фрайер (идиш фрай – свобода) не сидевший в тюрьме, не имеющий тюремного опыта, Блатной (ид. Die Blatte – лист, бумажка, записочка). Тот, кто устраивался по блату, имеющий бумажку от нужного человека. на воровском жаргоне блатной – свой, принадлежащий к уголовному миру. Что говорить! Обогастили евреи русский язык. Ну, и советская лагерная система постаралась.

Запустили нас сразу всех. Блатные раскрыли привычные сидры (ив. седер – порядок) с одинаковыми наборами вещей, фрайера (и я в том числе) – авоськи с завёрнутым в газету бельём и полотенцем. Как по команде, начали мы раздеваться.

Тут меня ждал шок.

Говорят: в бане все равны. Возможно, с точки зрения политических и гражданских прав это так. Но социальный статус был разным и светился на голых телах. Беглый взгляд на голую жопу – понятно, кто пред тобой: урка, фрайер или якут.

Мертвенно белые тела, без малейшего загара (за исключением кистей рук, которые выглядели издали как коричневые перчатки) покрыты татуировками: роскошные портреты, пейзажи, содержательные тексты у лагерных, скромные инициалы подруг у хилых интеллигентов, и узоры-орнаменты у якутов.

Стало ясно, в каком мире я нахожусь. Страннее, чем ожидал. Я ведь родился в войну, жил в подмосковном посёлке. Ванной в доме не было. Мылись мы в общественной бане, в Звягине (до 7 лет с мамой – приятные воспоминания, потом с отцом – неприятные воспоминания, терпеть не могу голых мужиков), и иногда в Москве – в купеческих Центральных, или в Сандунах. Время военное, послевоенное, массовое возвращение из лагерей. Татуировки, конечно, были: моряки с якорями-русалками, десантники с парашютами-крыльями, уголовники с церквами – сколько куполов, столько ходок. Но такого буйства фантазий не встречал. И чтобы все, буквально все участники помывки, и чтобы всё тело – ступни-член-яйца-грудь-горло-лоб (!) были разукрашены, причём исключительно в тюремном стиле. Зонавские татауировки! Много подошв они спалили и иода потратили.

Такого раньше не встречал. Это что-то восточно-сибирское. Эпоха! Одни сидели, другие сторожили. Часто менялись местами.

Нам этот факт Великая Эпоха

Воспеть велела в песнях и стихах,

Хоть лошадь та давным-давно издохла,

А маршала сгноили в Соловках!

Да, не простой народ вокруг меня, не простой. Были когда-то ворами, убийцами, грабителями, насильниками, чиновниками и чекистами, крестьянами-мещанами-интеллигентами а теперь – совслужащие. Но ухо надо держать востро. Ребята не простые. С жизненным опытом. Могут его применить...

Татуировка со свастикой в белом круге. Знак отрицания, не имеет ничего общего с нацизмом. Символ анархизма, жестокости, агрессии на зоне.

Рядом со мной раздевался пожилой дядька с палкой-тростью. На указательном пальце татуировка со свастикой. На мой вопросительный взгляд от ответил: «анархист я». Для наглядности повернулся ко мне спиной. Там изображена буква А - чтобы каждый правильно понимал: анархист он. Интересно! Но отвлекла подвижная точка на его майке. Быстрым движением мужик зажал точку между ногтей и раздавил. «Вошь» – пояснил он мне. Обнаружив, что таких живых точек несколько, он занялся ими детальней, а я пошёл мыться.

Всю спину мужика покрывала наколка в виде стилизованной буквы А в круге.

Как и у всех присутствующих у меня в руках был кусок хозяйственного мыла. Как у всех, поскольку в местном сельпо (с надписью "Мини-супер-маркет") другого не было. Ну что ж! Это ведь марсельское мыло, из растительных жиров делается (во Франции – из оливкового масла, у нас не знаю из чего). Оно однажды спасло Французскую революцию, когда поставки мыла из Англии прекратились, а мыться всё же надо было. Щелочей в нём много (рН 12). И главное – бактерицидными свойствами обладает. А то, что такие свойства мне нужны, я понял незамедлительно.

Ни с того, ни с сего вспомнился дурацкий стих:

Ходит тата по канату,

Поджигателям позор.

А в районной нашей бане

Мальчик мыло проглотил.

Собственно попал я не в баню, а в моечный зал. Никакой печи, парилки, или там веников не было. Стены с местами обвалившейся кафельной плиткой, лежаки, когда-то бетонные, теперь

сильно разрушенные. Пять душевых кабинок открытого типа. Работало четыре, все без леек, так что на голову обрушивалась струя рыжеватой воды. Из стены два набора кранов: один для холодной, другой для горячей воды. Кипяток был знатный, причём основная струя шла вниз, но несколько струй вылетали под прямым углом, так что моющийся отскакивал ошпаренным. Железные шайки с ручками присутствовали в нужных количествах: круглые для тела, продолговатые для ног. Я, было, перепутал, но меня поправили.

Посмотрел я на коллег по помывке и испытал второй шок. Люди были больны. Как я уже говорил, я – дитя войны. Конечно я видел в бане мужиков без ног и без рук, с ранами (иногда, с чудовищными ранами). Так что особо меня не удивит. Здесь всё это присутствовало, но были и отличия. Якут был явно сифилитиком, причём в развитой стадии. Я плохо представляю, что такое сифилис, но диагностировал сразу.

К мудрецу привели слона и спросили, что это такое? Я не знаю, что это такое, – отвечал мудрец, то такое таким и должно быть!

Больны были и русские. Возможно не сифилисом, но многими половыми болезнями – точно. Достаточно было мельком взглянуть на органы. Весь спектр кожных заболеваний: лишай, волдыри, язвы. Уж не говорю о грибах.

Мыться в шайках и тем более лежать, как некоторые, на лежаках я не стал. Постарался ни к чему и ни к кому не прикасаться. Чёрт их знает, может они заразные. Носки, которые я собрался было постирать, снимать не стал. Пошёл в них в душ, так и помылся. Мочалки не было, но я воспользовался авоськой, которая неплохо намылилась.

Однако у меня была и вторая задача – постирушка. Взял я шайку, окатил её крутым кипятком, и начал стирать трусы и майку (рубашку мне постирала сердобольная киллерша Нюра). Рядом пристроился Анархист. Он настругал в тазик хозяйственное мыло, налил воды, замочил бельё и оправился отдыхать в предбанник. Я последовал за ним.

– Вошь мыла боится, – пояснил он мне – в мыльном растворе онадохнет, при замочке рождается новое поколение, которое немедленно гибнет. Так что поживём без них.

Я усомнился, что новое поколение вшей родится так скоро, но спорить со Спецом не стал.

– Кстати хозяйственное мыло – лекарственное средство. Вот ты сейчас крутые каши ешь, рис и т.п., овощи сушённые. Запор будет. Опасное дело – может разорвать. Возьми кусочек мыла, сунь в задний проход, просрётся немедля.

Я поблагодарил за ценный совет, но так ни разу им не воспользовался.

Меня интересовали наколки. Многие я знал: не забуду мать родную, век воли не видать или век смерти не видать и т.п. – известный стандарт. Но были и оригинальные: Ленин – чёрт такой молодой, кровавый Октябрь впереди!; спасибо Родина за счастливое детство; иду я в рай дорогой ада; судьба играет с человеком, но человек с судьбою никогда; рожден для мук, в счастье не нуждаюсь; мочи сук, стукачей, крысятников; тютю на 10 лет и в Воркутью; мочи господ коммунистов; сукой буду, не забуду; с малых лет одни несчастья; не знаешь горя – полюби меня! и т.д. и т.п. Встречались и матерные: кто работал и трудился, тот давно \$издой накрылся; мы работы не боимся, но работать \$уй пойдем!; скажем дружно: "На \$уй нужно!"; \$уй соси, читай газету, - прокурором будешь к лету!; важный - как \$уй бумажный!, и другие – народ у нас изобретательный. Как человек скромный и культурный, приводить все не буду.

Понятны женские имена на пальцах – любимые женщины. Значения многих картинок я тоже знал: пират – разбой, кандалы – один кандал 5 лет заключения, Ленин на левой груди, Сталин на правой – оберег, защита от пули чекиста (чекист же не будет стрелять в изображение вождей; они и не стреляли в него, целили в затылок).

Но многие изображения, знаки, аббревиатуры мне были совершенно не понятны.

Тут же в предбаннике Анархист прочёл мне краткую лекцию.

Жуткий глаз у него на горле в треугольнике с венцом и исходящими лучами света – всевидящее око – символ Святой Нераздельной Троицы, масонский знак. Если бы глаз был на груди, то означал бы другое: ищу сук, а если глаз на жопе, то это плохо – мужик принадлежит к низшей касте заключённых, опущенный (кстати, у женщин глаз на запястье – активная лесбиянка).

Ленин-Сталин это одно, а если Ленин один, совсем другое. Тут он с надписью ВОР и венком из колючей проволоки над головой (и дело не в том вор Ленин или не вор, просто он – Вождь Октябрьской Революции, а вот владелец портрета, как раз вор). Шестиконечная звезда вовсе не признак еврея – она читается: не хочу работать на хозяина, на путь исправления вставить не намерен. И свастика, не признак нациста.

Что касается аббревиатур, то здесь всё довольно просто: **КОТ** – Коренной Обитатель Тюрьмы, **ЗЛО** – Заветы Любимого Отца, **ЗОЛОТО** – Запомни, Однажды Люди Оставят Тебя Одного; **ВОЛК** – Вору Отдышка Легавому Крышка; **ША** – Шали Арестант (но знай меру); **БАРС** – Бей Актив Реж Сук. **МИР** – Меня Исправит Расстрел, **SS** – Сохранил Совесть, **ЖУК** – Жизнь Украсит Коммунисты (Желаю Удачных Краж), **ЛХВС** – Легавым Хуй, **Ворам Свобода** (Люблю Халву, Варенье, Сахар); **БЕРЛИН** – Буду Её Ревновать, Любить и Ненавидеть; **БОГ** – Был Осужден Государством, (Бог Отпустит Грехи, Буду Опять Грабить); **ИРКА-ЕНТР** – И Разлука

Кажется Адом, Если Нет Тебя Рядом; ЯХТ — Я Хочу Тебя, ЛОРД - Легавым Отомстят Родные Дети...

Ну и тому подобное. Фантазия есть. Всего не упомнишь. Толковый словарь нужен. Это вам не физическая химия, что будем мы изучать в следующем семестре.

*Сколько веры и лесу повалено,
Сколь изведено горя и трасс,
А на левой груди - профиль Сталина,
А на правой - Маринка анфас.*

.....
*А потом на карьере ли, в топи ли,
Наглотавшись слезы и сырца,
Ближе к сердцу кололи мы профили
Чтоб он слышал, как рвутся сердца.*

Заинтересовался наколками из чистого любопытства, не думал, что когда-либо понадобится, но понадобилось и скоро.

Анархист обвёл глазами пространство.

– Западные ценности! Демократия-либерализм-анархия... Куда на хер! Не тот народ. Народ не тот – вот трагедия России. Здесь все ненавидят лагерников. И правильно делают. Мы – лагерники со стажем – сами их (т.е. себя) ненавидим. Хорошо, что мелкопакостников со всей страны сюда согнали. Хотя какую пользу принесли. Олово для людей добыли. А теперь небо копят, дармоеды. И болезни в банях распространяют.

Он вернулся в душевую добивать гнид, а я вышел на свежий воздух.

В мире действует куча социологических служб, проводятся социологические опросы, чтобы понять, что за народ в стране, как им воспринимается текущий общественный строй, какие мечты. Всё – пустое.

Хочешь знать, с кем ты живёшь и кто как мир ощущает – иди в баню!

День победы

В Багагае обедали мы в геологической (привилегированной!) столовой. Свежей зелени – никакой, овощи – сушённые, не разгрызёшь, второе – всегда гуляш: либо из конины, либо из оленятины. Сначала, клюнув на экзотику, я налегал на оленятину, но потом твёрдо перешёл на конину – как татарин. В больших количествах потреблял свежий хлеб (где-то исправно работала пекарня), чай – не для гурманов, но горячий.

Когда летел сюда, думал, как буду общаться с местными? Языка-то не знаю. Зря боялся – якутов тут мало, а те, что есть, вполне сносно говорят по-русски.

Первое общественное мероприятие, в котором пришлось участвовать, – похороны. Приехал из Москвы геолог, отправился с приятелем ловить рыбу. Чего-то ему стало жарко, разделся и сиганул с лодки в воду. Вытащили его сразу, но уже в виде трупа. Паралич сердечной мышцы, мгновенная смерть. То, что в Яне вода холодная, я усвоил сразу, даже не вступая в неё. Река недавно вскрылась, но отдельные льдины по ней плыли, по берегам – многочисленные наледи, а в распадках – снег.

Вторым мероприятием был концерт по случаю Дня Победы. Его сначала хотели провести в Доме культуры. Однако, ввиду хорошей погоды (по местным понятиям, естественно) праздник перенесли в парк культуры, в котором что-то росло, но не очень активно. Правда местами зелёная травка уже появилась. На небольшой сцене, закрытой сверху от дождя навесом, располагался духовой оркестр местной пожарной команды. Зрители сидели на лавках под открытым небом, как вокруг сцены, так и вокруг круглого помоста, высотой примерно метр – тащплощадка. Какой-то начальник толкнул речь, оркестр грянул «Варшавянку» последовательно перешедшую в «Взвейтесь кострами синие ночи». Потом аккордеонист исполнил «Турецкий марш», хор бодрых старушек спел жалостливую «Вы жертвую пали» (это они о марксистах-ленинцах, или о себе и прочих жертвах сталинизма?!) и начались танцы.

Первым, естественно, был вальс «Осенний сон» – специально для геологов. Все тихо напевали:

*Ночь распростёрла чёрные крылья,
Месяц плывёт из-за горных вершин.....*

.....
*Больше полжизни проводит геолог,
Там, где людей не ступала нога...*

Ну, вы знаете, повторять не буду. Замечу только, что конечные строки: «Пусть борода отрасли, как у деда, и зарубеет лицо на ветру» я в то время активно реализовывал на практике.

Вальс на такой площадке – дело опасное, одна пара увлеклась и вихрем слетела с помоста. Перешли на фокстрот-танго. Толпа молодых ломанулась на помост, там стало тесно, как в консервной банке. Только у неё стенок не было! Поэтому регулярно кто-то майнался на землю. Но, видать, не в первый раз – падали технично, никто рук-ног не ломал. Удивляло другое – мужчины

все были плотно одеты, кто как, но полностью. Напротив, девушки были оголены. Поскольку я смотрел снизу, а дамы кружились, вздымая юбки, то видно было открытое тело между модными капроновыми чулками и резинками-трусами. Руки открыты, у некоторых – декольте. Ну и что? – спросите вы. А то, что комарик не дремлет! Тучи комаров кружили над помостом. Я, оберегая морду, непрерывно махал перед ней какой-то веткой. Не помогло, рожа заплыла, глаза, как у китайца. Мужики чувствовали дискомфорт, они регулярно бросали дам, и хлопали себя руками по рукам и по лицу. А девочки танцевали, как на балу в Колонном Зале. Комары - не для них. Стойки – мазохистки! А к вечеру вообще холодно стало. Я ради праздника не одел телогрейку, был в двух свитерах и изрядно промёрз.

Отличие от танцев в родной Клязьме было существенным. У нас девочек всегда было больше, чем парней. Им найти партнера трудно, чувствовалась полезная для нас конкуренция. А тут дам было мало, превалировали мужики. Кто-то выделывался в одиночку, а кто-то образовывал пару с таким же бедолагой. Оживление внесла кучка девочек – студенток техникума, прибывших с материка на практику. Но тут же на край помоста встал амбал, в тельняшке, один край распахнутого кителя опускался ниже другого, намекая, что во внутреннем кармане есть что-то тяжёлое. И понимающие танцоры (а они все были понимающими) знали, что это тяжёлое есть пистолет. А вот, что оружие в случае необоснованных претензий на женский пол будет немедленно применено, никто не сомневался. Поэтому никто девиц не приглашал, и они танцевали в своём кругу: шерочка с машерочкой.

*Кишат стареющие дети,
у всех трагедия и драма,
а я гляжу спектакли эти
и одиноко, как хер Адама.*

Подошла и поприветствовала меня тётя Нюра, уборщица в Доме Геолога. Блеснул золотой зуб. Мне, естественно, сразу вспомнилось:

*Была ты с фиксою, тебя я в парке встретил,
Сидела ты под вербой на скверу.
В твоих глазах метался пьяный ветер
И папиросочка дымилась во рту.
Ты подошла ко мне танцующей походкой
И тихо-тихо сказала мне: «Пойдём!»
А поздно вечером поила меня водкой
И завладела моим сердцем и рублём.
Тебя не знал, я не был уркаганом....*

Она хотела мне что-то сказать, но какой-то одноглазый старик пиратского вида, и, как положено, на деревянной ноге, увёл её в кусты.

Я некоторое время подпирал телеграфный столб. Прислонясь к нему же подросток, качаясь под музыку, зарывшись в полиэтиленовый пакет, нюхал клей БФ. Когда он отвалился на вечную мерзлоту, какая-то женщина схватила его за шиворот и куда-то поволокла. На кисти руки мелькнула татуировка: **СЕНТЯБРЬ**, тупым доцентам ясно: Скажи, Если Нужно, То Я Буду Рядом. Мужик милицейского вида обнял её за плечи. Она стряхнула его:

– Я воровка, а не блядь, – пояснила она скорее мне, чем ему.

Подхватила юного наркомана и исчезла.

Откуда-то доносилось:

*Я на Севере была,
Золото копала,
Если б не было пи*ды,
С голоду б пропала.*

Мужики скоро растащили доступных им дам по сторонам. Я же развернулся и пошёл домой. Подумать о чём-то научном.

Нам не нужен секс развратный, корень есть у нас квадратный.

Да и спать пора.

Чем меньше девушек мы любим, тем больше времени на сон.

Пирожок

Батагае обедали мы в городской столовой. Суп из сухой картошки и моркови, два вида гуляша: из конины и оленины (берите из конины, его всё же съесть можно, особенно – с голодухи) и кисель из тундровых ягод. Завтрак же целиком в моей власти (жаль применить её не к чему). Ломоть хлеба (если это изделие местной пекарни можно назвать хлебом) или якутской лепёшки (толстой, пресной и вкусной, если сразу из печи), кусок джема или маргарина. Чай с кусковым сахаром от пуза (заварка – плиточный чай, к чаю как таковому имеющая отдалённое отношение).

Хилогато для растущего организма.

Ситуацию подправила уборщица Дома Геологов, где на бильярде я ночевал. Женщина в солидном возрасте, маленькая и хрупкая, сядила к столу напротив меня и смотрела, как я ем. Мы

вели светскую беседу о погоде, разливе Яны, перспективах завоза по СевМорПути. Она показала мне камень счастья – некий расплав кварца, образующийся при ударе молнии в песок. Обладатель такого камня – человек, наделённый волшебной силой, способный одолеть всё в мире зло. Глядя на неё не скажешь...

Она намазывала мне маргарином лепёшку, пододвигала миску с сахаром, наливала кипяток в алюминиевую кружку, ручку которой она же обмотала изоляцией, что б я не обжёгся. Заботилась. Я несколько подивился такому отношению, но быстро привык, тем более, что с детства вокруг меня хлопотало шесть тёток, и моим делом было свалить от их любви куда подальше.

Звали её Анна, откликалась она на Нюру.

Ну, Нюра, так Нюра.

Однажды она принесла мне пирожок. Настоящий пирожок из слоёного теста и с корочкой. Внутри – переработка сухой картошки, но не надо о грустном. Для зажавшихся москвичей, может не яство, а я так сжевал с большим удовольствием. Нюра внимательно следила за процессом, радовалась моему сибаритству.

– Вы всегда так балуетесь, – спросил я.

Она собрала крошки со стола и кинула себе в рот с золотым зубом.

– Мы так не балуемся. У нас ничего нет. Всё, что было, тебе собрала. На пирожок хватило. Сама я ничего такого, считай год, не ела. Забыла вкус.

Я оценил. Ни до, ни после никто не приносил мне такой жертвы.

Она много курила, в основном короткие сигареты «Дукат». Я ей подарил пачку «Друг». Сказала: спасибо.

Была у неё одна странность. Когда она сидела одна и, по крайней мере она полагала, что никто не видит, она упиралась взглядом в грязную посуду, глаза начинали светиться, но не как прожектора, а как мрачно тлеющие угли. Миски, кружки, ложки мелко тряслись, сначала на месте, затем двигались по столу, достигали края и сваливались в бак с водой, стоящий на полу.

Ещё одной особенностью было пение. Повязавшись платочком, как среднерусская баба, она окидывалась к стене, поднимала носик к потолку и истошно завывала:

Меж высоких хлебов затерялося

Небогатое наше село.

Горе горькое по свету шлялося

И на нас невзначай набрело.

Песня Николая Некрасова о чужом человеке неизвестно зачем застрелившемся именно в нашем селе заполняло весь Геологический Центр.

Будут нивы ему хлебородные

Безгреховные сны навевать.

Становилось грустно.

Светский раут

Вечером Марию Семёновну пригласили на день рождение хирурга, Когана Бориса Борисовича, загремевшего сюда из Москвы по делу врачей-вредителей. Совершенно невинно – его фамилия и инициалы совпали с именем и фамилией известного терапевта, Когана Бориса Борисовича (в девичестве Боруха Берковича) – революционера, партийного деятеля, учёного-медика. Интересно, что сам профессор отделался лёгким испугом – просидел в тюрьме 4 месяца, после чего заведовал кафедрой и в 1960 получил звание Заслуженного деятеля науки. А наш Коган, получил двадцатку, так как успел признаться в своей вредительской деятельности и в связях с международной еврейской буржуазно-националистической организацией "Джойнт". Просидел он, правда, года три, потом оказался в здешних краях на поселении.

Мог бы вернуться в Москву, но местные власти его не отпускают: евреев здесь не боятся, а лечиться всем нужно. Желательно у врачей с образованием. Да он и сам не очень рвётся. Судили его по вздорной теме, но он-то знал, как отправлял на тот свет партийных и советских деятелей. Во-первых, потому, что ненавидел большевиков и советскую власть, а во-вторых, потому что властные органы поручали ему это дело, а он был коммунистом и партийные поручения выполнял аккуратно. Новые начальники могут докопаться. Если захотят. По крайней мере, после смерти Сталина всю верхушку НКВД (Берия, Абакумов, Меркулов, Рюмин (садист, ведший дело врачей) немедленно расстреляли). Так что имело смысл подождать, пока всё устаканится.

Анастасия Семёновна взяла меня с собой. Так, на всякий случай.

Мы долго петляли по крутым склонам, но попали в довольно приличный дом. По крайней мере, он был крыт железом. Одна большая комната и две маленьких. Во всех сверкают люстры (чуть ли не из богемского стекла), по углам – торшеры, в прихожей и кухне – абажуры.

Нас приняла компания человек двенадцать. Местная интеллигенция: учителя, врачи, геологи, кое-кто из районного начальства. Был тут знаменитый московский астроном, устанавливавший в районах работ геологоразведочных партий пункты привязки. В 1937-38 годах он не мог выбраться домой в Москву, ибо каждый год аккуратно перед отъездом проигрывал в двадцать одно все свои сбережения. Тогда это спасло ему жизнь. Теперь он играл исключительно в

преферанс, но денег на курорт у него опять не было. Был тут бывший крестьянин, который в годы войны потерял телёнка и прибыл сюда, китаец-агроном, мои знакомые: Анархист и бывший учёный (теперь кочегар котельной), американец Джон, инженер, прибывший в СССР из Америки во времена Великой Депрессии на заработки, строивший ДнепрогЭС и Челябинский тракторный завод, а теперь, после длительного скитания по тюрьмам-лагерям руководитель реконструкции обогатительной фабрики.

Были и другие личности. С ними я ближе познакомился позднее.

Застолье, еда обильная, в основном мясо, из экзотики - мороженное конское сало. Подали масло с налимьей печенкой, копченую оленину, красную икру с зелёным лучком (Он-то откуда? Из тайных теплиц?). Уплетал я всё, не имея ни малейшего представления о том, что я ем. То, что печёнка была налимя я понял спустя много лет, после длительных путешествий по Сибири.

Хозяин извинился, что настоящего спиртного нет, но есть якутский бальзам домашнего приготовления – настойка водки на сорока травах (пахла она почему-то брусничкой). Она уже поднадоела, но зато полезна. Опять же пьём, что есть. Но мало на такую компанию.

Поэтому присутствующие были приятно удивлены и обрадованы, когда мы поставили в центр стола бутылку с надписью: "Спирт питьевой, 96°" так удачно приобретённую в Олёкме. Народ оживился. Разлили. Я свою порцию разбавил водой примерно до водочного крепости, остальные выпили чистый, сразу запив водой и закусив розовым костным мозгом оленя. Мне показалось, что они посмотрели на меня с некоторым осуждением и пренебрежением: хилый студент, к выпивке реальной не приучен.

Надо было показать, какой я крутой. Продемонстрировать какой-либо свой огненный трюк в индийском стиле. Был бы на улице – выпустил бы из себя огненный факел на высоту 6–7 метров. Но для этого нужно свободное пространство и керосин, а в натуре была довольно небольшая комната и спирт. Впрочем, спирт тоже годится, но для представлений в камерных масштабах.

Я налил в стакан спирт, поджёг его и спокойно выпил пылающую синим пламенем с потрескиванием жидкость. Фокус простой, но требует навыков и тренировок. Когда подносишь горящий стакан ко рту, нужно носом дуть на пламя, так чтобы пламя гасло прямо у губ.

Я посмотрел вокруг, ожидая восторженной реакции, типичной для девочек в студенческом общежитии МГУ. Однако, её не последовало. Народ пожал плечами.

- Не трудись и не порть продукт, – сказали мне, – у нас тут каждый второй такие фокусы показывает.

Недооценил я аудиторию.

Ну, ничего, я при случае такой вам фейерверк устрою - мало не покажется.

Собравшиеся поговорили немного о текущей линии партии, о погоде, о проблемах рудника, плохих учениках и нерадивых чиновниках. Прочитали рассказ из "Нового Мира", кто-то сыграл на пианино, кто-то – на гитаре, включили радиолу, немного потанцевали.

Какой-то задрипанный старикашка прочёл свой перевод Омара Хайяма:

Кто битый жизнью был, тот большего добьётся.

Пуд соли съевший выше ценит мёд.

Кто слёзы лил, тот искренней смеётся.

Кто умирал, тот знает, что живёт.

Ему похлопали: многие отнесли эту поэзию на свой счёт.

Неожиданно возник яростный спор по поводу книжки Ленина "Государство и революция", об отмирании государства, о диктатуре пролетариата, о необходимости во имя прогресса полного и повсеместного уничтожения демократии западного типа, о преимуществах диктаторского строя. Ну, и о полезности репрессий 37-года, которые, уничтожив пятую колонну, своевольных генералов, и внутренних врагов России, вредителей и саботажников, предотвратили офицерский путч (типа антигитлеровского в Германии), и сдачу СССР немцам, обеспечили победу в Отечественной войне. Важный вопрос: можно отнести профессоров к пролетариям, если у профессоров зарплата меньше, чем у пролетария?! А если можно, то как профессор будет осуществлять диктатуру? Аспирантов давить?

Но как возник спор, так и погас.

Я впервые оказался в обществе местной элиты, точнее – культурно-интеллигентной элиты. В партийное, бандитское и диссидентское общества мне ещё предстояло попасть. Естественно, мне всё было интересно, но этот интерес старался не выпячивать, внимания к себе не привлекал, наблюдал незаметно. Типы, конечно, были колоритными. Личности! За каждым – история: личная, страны и времени. Не тривиальная история. Каждый – герой романа мирового уровня, а то и несколько романов. Не простой у него жизненный путь. Никому не пожелаешь. Не всегда сразу видно, но начинаешь общаться и образ проступает.

С некоторыми мужиками я потом встречался и при случае опишу. Если сумею.

Были и женщины (как без них!), но мало. На Северах вообще дефицит дам, а с культурными совсем туго.

Жена ББ, не сутилась и не хлопотала по дому. Она постоянно находилась в кресле, укутанная в шерстяное солдатское одеяло. Бледное лицо временами покрывалось румянцем, она

постоянно покашливала, сильного кашля не было, но было ясно, что она больна. Смертельно больна. Выглядела она намного старше ББ, хотя была на год моложе. Они учились на одном курсе, поженились ещё до получения дипломов. Потом работали вместе, она помогла ему сделать карьеру. Она везде сопровождала его, в каком бы лагере, или в какой бы ссылке он не оказывался, она поселялась рядом, снимала угол в бараке. Лечила начальников тюрьм-лагерей, их чад и домочадцев, давала взятки и тем облегчала участь ББ. На нашу шумную компанию она особого внимания не обращала: реагировала только на мужа. Смотрела и слушала только его. Когда он провозглашал тост или вставлял в разговор удачную реплику она возбуждалась, и глаза её начинали сиять мерцающим огнём.

На этой вечеринке активными были две дамы: читали стихи из толстых журналов, играли на фортепьяно (интересно, кто, когда и как доставил его сюда?), иногда пели что-то типа романсов, словом будоражили и развлекали компанию. Ещё одна довольно корпулентная женщина, которую я скорее бы отнес к мещанкам (без обиды: по-польски мещанин – это горожанин), чем к интеллигенткам, сначала сидела тихо, но потом стала громко, можно сказать – истерично, смеяться, обниматься с соседями и выдавать страдания:

*Прощай, мой сын, в страну чужую
Ты уезжаешь, Бог с тобой!
Оставил мать свою родную
С её злосчастною судьбой.*

-----
*Но мне недолго через силу
Томиться с горечью моей...
Когда вернешься, сын, увидишь
Могилу матери своей.*

Не знаю, с чего её так разобрало, но причины, видать были.

Впрочем, как потом оказалась, Варя – женщина добрая, весёлая, пухленькая и глупенькая. В моём вкусе.

Не сразу, но всё же заметил сидящую у окна женщину лет тридцати. То, что называется "зима" с бледноватой кожей лица, дымчатым макияжем глаз, с ярко-красной помадой на губах, в чёрном обтягивающем платье. Довольно сексуальном, особенно на фоне одежд остальных участников раута. В руке у неё был изящный мундштук с длинной сигаретой. Она изящно выпускала дым и стряхивала пепел в горшок с каким-то чахлым цветком. Всё было стильно, даже ругалась она стильно. Ничего не ела и не пила. Мужчины Лию замечали, всячески старались привлечь к себе внимание. Она не реагировала, просто позволяла любоваться собой. Изредка бросала на кого-то гипнотический взгляд, холодно-недоступный и страстный одновременно. Чувствовалась мощная сила, способная унести в Рай или в Ад. По её капризу.

Роковая женщина. Женщина – вамп.

Боюсь я таких, отсел от неё подальше.

Был вечный день, но часы показывали полночь. Солидные мужики уселись за преферанс, а мы пошли к себе.

Шли мы с местным геологом, пахавшим тут со сталинских времён.

– Как вам наше высшее общество? – спросил меня Панкратов.

– Нормально. В подмосковном Пушкине в доме моего дяди – директора школы – аналогичные посиделки случались. Разговоры у вас, как на московских кухнях.

– Думаю не совсем. В наших палестинах одна особенность – здесь нет никого, кто бы отсидел в тюрьмах и лагерях меньше 20 лет. Представляешь, что это такое? 20 лет! Причём за дело. Они до отсидки были нелюдьё, а после – тем более. Вы сейчас общались с белогвардейцами, власовцами, бандеровцами, следователями ЧК и НКВД, палачами и охранниками, петлюровцами и махновцами, генералами, погубившими тысячи людей своим бездарным командованием, ворами в законе, убийцами, грабителями, насильниками, коррумпированными чиновниками, вредителями вольными и невольными, инженерами, погубившими целые производства, расхитителями и растлителями. Здесь все статьи уголовного кодекса представлены. Невинных тут нет. Это в Москве интеллигенция (по справедливому замечанию Владимира Ильича – гавно нации) пишит что-то о невинно осуждённых. Может на материке такие и есть. К нам их не завозили – нам олово добывать надо, крепкие мужики нужны. Те, с кем мы только что общались точно знают, что сели они вполне, вполне винно. Если б их расстреляли они бы особо не удивились. Приговор им читать не надо – они прекрасно знают, что заслужили, прошли круги ада, Но они сами и создали. Винтовкой и словом. Они боролись за диктатуру, рисковали которые сами и жизнью и свободой ради неё. Её и получили! Заслужили ад: и на земле, и в небесах. Скоро будут жариться на сковородках. Сейчас это крокодилы без зубов, да и необходимости кого-то жевать нет. Доживают тихо.

Но если что, так сразу! С ними не заскучаешь.

Я удивился. Какой-то злобный геолог попался. Наговаривает на людей нормальных. Неудачник небось.

<http://profbeckman.narod.ru/>

- Странно, а мне они понравились. И здесь, и в Доме Геолога, где Нюра обо мне заботится.
- Нюра!
- Панкратов притормозил.
- Нюра – человек страшный. Много душ загубила.
- Да нет, пенсионерка она душевная.
- Душевная! Пенсионерка! Ты парень даёшь! Она с 38-го года.
- Как с тридцать девятого!! Я с 41-го. Ей что – 22 года!!!
- Представь себе. Слушай сюда. Держись от неё подальше. И не вздумай её как-то обидеть.

Ходячка она, прозвище Рысь. Крутая киллерша.

- Не верю!
- Не веришь, прими за сказку.

Дальше я шёл молча. О чём говорить? Бабе Нюре 22 года!

"И было мне совсем немного лет, но дел уже наделал я немало".

Станный, странный мир вокруг меня.

И пирожок!

Ни хрена себе...

Впрочем:

Настоящая женщина должна спилить дерево, разрушить дом и вырастить дочь. Закон Мерфи

Бичи

Говорят, есть усидчивые люди. Не знаю, не встречал. Лично я – улёжливый: любимое занятие – лежать где-нибудь в тепле, читать интересную книгу, рассматривать картинки (иллюстрации обязательны, книг без картинок я в руки не беру) или просто всматриваться в узоры на потолке, предаваясь мечтам, отвлекаясь от суровой и противной реальности. В этом смысле у меня в Доме Геологов был дискомфорт. Днём я чем-то постоянно был занят, куда-то меня посылали, или я в гордом одиночестве бродил по окрестным сопкам. Вечером же стоило мне убраться в спальню под бильярдом и углубиться в очередной том Саги о Форсайтах, как меня извлекали на свет божий, или я сам выползал, ибо находиться под столом было решительно невозможно: проигравшего загоняли ко мне в норку и он кукарекал. У меня над ухом. Так что волей-неволей, а оказывался я в местном обществе.

Местное общество состояло из геологов, молодых офицеров, несущих службу в близлежащих воинских частях (надо полагать – во внутренних войсках, но не обязательно: Америка близко, может её воевать придётся), инженеры с оловянной фабрики и бичи. Никто это общество специально не создавал, тут вам не Лондон с его клубами, оно самоорганизовывалось, система была проточной, кто-то выпадал, кто-то вступал, но тип личностей практически не менялся. Уголовников, военных преступников, "химиков", диссидентов, партийных и советских работников, врачей, торговцев, работников сферы обслуживания, попов и бомжей здесь не было, т.е. в бильярдной представлен был лишь небольшой срез батагайского многообразного общества. Небольшой, но интересный, хотя и без дам.

С некоторым недоумением смотрели они друг на друга и по сторонам. Как получилось, что они оказались здесь, в этом забытом богом месте, в этом доме с великолепным бильярдным столом из дуба с красным деревом, с настоящими шарами из слоновой кости и с киями из граба с узорами; в этом обществе с виртуозами кинематики, ведущими тонкую игру по сложным (и, надо полагать, аристократическим правилам).

Думали ли они, учась в Ленинградской или Московской школе, что окажутся тут. Нет, не думали и не мечтали. Но оказались...

От судьбы не уйдёшь.

Местных тут не было: ни русских, ни якутов, ни тунгусов. Все приезжие, кого-то сюда прислали по распределению, кто-то прибыл сам в погоне за длинным рублём, а кто-то возник здесь таинственным образом, не только нам – сторонним наблюдателям – не понятным, но и самому путешественнику по жизни.

В этом клубе по интересам меня занимали бичи. В принципе, я давно знаком с деятелями такого типа. Просто не знал, что они так называются. Мне немедленно объяснили, что где-то в далёком Альбионе бич есть матрос, списанный с корабля и оказавшийся на мели (по-английски бич – песок, мель), но у нас он – бывший интеллигентный человек, талант, когда-то подававший надежды, из которого, однако ничего не вышло, изобретатель вечного двигателя или его аналога, экстрасенс, смутно предвидящий будущее, противник второго начала термодинамики, задвинутый учёными-консерваторами, представителями каменного века, народоволец, безуспешно приобщающий быдло к западным культурным ценностям. Таких я и в Москве встречал часто, в том числе и среди близких родственников.

Осчастливливал нас своими редкими посещениями известный на всё Верхоянье бич Прокопий. Колоритная личность. Грузный мужчина (корпулентный!): Тарас Бульба - Гиляровский – кошевой атаман с картины Репина "Запорожцы пишут письмо турецкому султану" в старости. Гигантские усы у него, вероятно, имели место, но они терялись в густой поросли щетины и волос,

практически полностью скрывавшей черты лица. Даже носа не было видно. Но маленькие глазки светились весёлым огнём. Он был вечно пьян (где спиртное брал – не понятно). Судя по запаху – никогда не мылся. Дранный свитер под комиссарской кожинкой, тоже никогда не стирался. Где он жил – никто не знал. Но где-то жил. Бомжём он никогда не был.

*Люди сосланы делами,
Люди едут за деньгами,
Убегают от обиды, от тоски...
А я еду, а я еду за туманом,
За мечтами и за запахом тайги.*

В отличие от Кукина, Прокопию ничего этого было не нужно. Ни одна из перечисленных причин не вела его сюда. Тем более - запах. Деньги-мечты-туманы его не интересовали. От обид он не бегал, а от тоски не убежишь – она за тобой везде последует. Никто его сюда не ссылал. Он вообще никаким репрессиям не подвергался. И ни от кого не зависел. Был свободным человеком (без всякой анархии, кстати).

Сюда его направила Судьба. Никакой другой силы задействовано не было.

Кто он был по специальности в первой жизни, он давно забыл. В чём подавал надежды тоже не помнил. Но хобби у него было. Он интересовался якутским фольклором, благо где-то выучился якутскому языку. Знал он и тунгусский, или, как его теперь называют, эвенкийский язык, что, конечно, экзотика: сами тунгусы на нём писать не могут. А он мог. Жаль, но никто не читал им написанное.

Появление его всегда сопровождалось шумом и треском. Он плюхался на один табурет и стучал ладонями по другому, как по бубну, закатывал глаза, завывал дурным голосом, тряся, как шаман, приходя в транс. Так, что мы начинали беспокоиться: уж не эпилептик ли он? Если припадок, то что делать? Но экстаз кончался. Он приходил в себя и уже спокойно рассказывал о мирах в каких побывал и что видел. Сейчас он был в Кремле и наблюдал, как убивали Сталина его соратники. Рассказывал и показывал весьма подробно, так, что мы наслаждались правдивым кино. Потом долго обсуждали эти события, которые от нас так тщательно скрывала официальная пропаганда.

Но Прокопий бывал у нас редко.

Практически каждый вечер катал шары, и надо сказать довольно виртуозно, бомж Иннокентий – нечто длинное и тощее, с волосами до плеч. Потомственный сибиряк, рыбак, с Охотского моря, капитан сейнера бывший. Он – бич в квадрате: и по английским и по русским понятиям. Теперь же он был инженером, не по должности, а по самоопределению. В рамках струйных технологий (никому, кроме него неизвестных) он изобрёл собственный вид транспорта: струйную дорогу, для скоростного межгородского, городского, грузового транспорта. Судите сами: железные дороги устарели, рельсы много стали требуют, шпалы, осыпи, скорости небольшие. На самолетах по Сибири летать неудобно, аэродромов нет, керосина не напасешься, погода хреновая, в основном – нелётная. А тут собираешь транспортный модуль на стальных колёсах, ставишь на струны, протянутые между опорами (получается нечто в виде моста над землёй, только расстояние между опорами большое, порядка 5 км), грузишь его (пассажирские модули будут четырёхместными и двухместными) – и покатили, 100, 200, 500 км/час. Беспилотное управление к тому же. Двигатели особые, внутри колеса размещённые. Поди плохо!

Струйной дороге не страшны наши болота, топи, реки, холмы – она пойдёт выше их, по возможности без спусков и подъёмов, дорога прямая, поворотов нет, горы прошьём туннелями. На земле никому это бесконечный мост мешать не будет: нет препятствий для перемещения зверей, людей, машин и паровозов. Любое жильё под ним строить можно. Транспорт всепогодный: жара, дождь, вьюга, туман его не волнует. Дорога от Лондона до Нью-Йорка через СССР займет не более суток. А можно создать сеть, присоединить Китай, Японию, Индию, Турцию, всю Африку (от Мадрида до Кейптауна), все Америки, от мыса Горн до Канады. Поместился в капсулу, нажал кнопку с пультом назначения и спи себе, машина сама помчится по сети дорог и выгрузит тебя там, куда стремишься.

И что?! Бросили все дела, дали денег, начали стройку?

Как бы ни так! Даже слышать не хотят, сволочи.

Не хочешь, а запьёшь.

Одеколоном от него несло за три версты. Но примешивались и духи Красный мак, ибо Иннокентий был и оставался эстетом.

Тут мне вспомнилось одесское:

Марк Самуилович, кем Вы работаете?

— Испытателем!

— И что Вы испытываете?

— Нужду!

Наука гитик

Конечно, ко мне в парадный зал наведывались не только любители поката́ть шары и бичи. Вечерами заглядывал разнообразный люд, интеллигенция среднего звена, как "химики", так и вольнонаёмные. Приходили себя показать, на других посмотреть. поговорить, поделиться проблемами, вспомнить молодость, обсудить текущую политику и, конкретно, выкрутасы Хрущёва. Мужчины и женщины. Пили чай, пели песни, иногда играли в карты, иногда танцевали, иногда дрались.

Здесь я снова встретил того задрипанного старикашку, что на светском рауте у глав.врача читал свой перевод Омара Хайяма:

*На базаре мудрость продавали
И давали старость к ней в придачу.
Люди проходили, но не брали,
Уходили молча, деньги пряча.
Глупость продавали на базаре,
Молодость давали к ней в придачу!
Люди подходили, покупали,
Убегали, забыв про сдачу...*

Стихов он знал много, память была прекрасной. Особенно он пропагандировал неизвестных мне тогда поэтов Васильева, Герасимова, Карпова и других поэтов тридцатых годов. Он вставал, принимал позу и декламировал что-то из Павла Васильева:

*Тяжёлый мёд расплескан в лете,
И каждый дождь — как с неба весть.
Но хорошо, что горечь есть,
Что есть над чем рыдать на свете.*

Здесь он вовсе не выглядел задрипанным, пользовался успехом у дам.

Когда запевали песни он руководил хором (в основном дамским). Начинал баритоном:

*В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты!- русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.
Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!
Некрасов шёл хорошо.
А ещё он показывал фокусы.*

Раскладывал четыре карты картинками вверх. Сам уходил, попросив кого-то из публики загадать карту, но мысленно, никому не сообщая. Возвращался, убирал эти карты, снова раскладывал четыре картинки. Загаданной карты не было. Исчезла! Народ делал: Ах! Так продолжалось довольно долго, пока кто-то не сообразил, что исчезла не только загаданная карта, но и все четыре: вновь были картинки этой же масти, но другие.

После этого он прекратил показывать этот фокус, перешёл на другие. Коронный: наука умеет много гитик.

Интересно, что я эту фразу знал. Только понимал её неверно. Во-первых, я её произносил, как наука **имеет** много гитик, что, конечно, изврат. Во-вторых, главное слово для меня – наука, которая имеет много аспектов, в том числе – вполне безумных. Всё не так! Фраза смысла не имеет, данное псевдовысказывание – код карточного фокуса, исполняемого точно с 20 игральными картами. Он несёт мнемоническую функцию: Главное – каждая буква повторяется дважды! Есть аналоги: «Смуту ведёт долом слава», «Макар режет ножом нитки», «Крупы, табак берем оптом», «Лирик лемех рахат кутум». Есть и более длинные: «Дрозды смелые вблизи кусков марабу» (для 30 карт), «Выгодны ушедшим князьям портить всплеск разгула» (42 карты). Существуют мнемоники для троек карт (тритики).

Алгоритм здесь такой. Фокусник предлагает зрителю перетасовать колоду и разложить на столе 10 пар карт рубашкой вверх. Просит его выбрать любую пару и запомнить обе карты. После этого собирает по очереди все пары в одну пачку и, не тасуя, раскладывает карты лицевой стороной вверх по следующей схеме:

Н А У К А
У М Е Е Т
М Н О Г О
Г И Т И К

Первые две карты кладутся на место букв «н» (первая буква первого ряда и вторая буква третьего), вторые две — на место букв «а» (вторая и пятая буквы первого ряда) и т. д. Фокусник просит назвать, в каких рядах расположены загаданные карты. Зритель называет номера рядов, после чего фокусник тут же «находит» загаданную пару, используя ключевую фразу. Например, если карты оказались во втором и четвёртом рядах, то это будет последняя карта во втором и третья в четвёртом (у них общая буква «т»).

Забавным мужик оказался.

Стало мне интересно, кем он был в прошлой жизни. В каком цирке работал.

Химией выправил себе пропуск-допуск и пошёл в Органы читать его дело.

Как и ожидалось, цирк назывался НКВД.

Человек он трудной судьбы.

При царизме был на побегушках в магазине, потом дослужился до приказчика. Служил хозяевам, но ненавидел их. В конце гражданской войны пошёл работать в ВЧК, старался, но продвигался по службе медленно. Золотое время настало, когда накрылся НЭП. Многих стали брать. Кого-то он долго допрашивал, пытал и отправлял на расстрел. Но торговцами, финансистами, банкирами он поступал круче – расстреливал сам. Без разговоров. Спрашивал ФИО, род деятельности, и если – торговец, то прямо в кабинете ставил буржуя на колени и стрелял ему в затылок.

Отстаивал интересы пролетариата.

Так он извёл несколько сот капиталистов, в основном – евреев, не потому, что был антисемитом (национальность его не волновала), просто в этой прослойке их было больше. Между делом расправился с владельцами и продавцами магазина, в котором работал. Продолжалась эта деятельность до конца ежовщины. По службе не спеша продвигался. Но в феврале 1940 Николая Ивановича расстреляли, их контору арестовали целиком и особо не парясь всех приговорили к расстрелу. Фокусник не растерялся и предложил себя в качестве палача. Ему доверили и он перестрелял всех коллег и приятелей. Потом уже продолжал это занятие с другими. Было обещано: тебя шлёпнем, когда работа кончится. Но она не кончалась, его регулярно извлекали из камеры и вели на дело. Оно ему нравилось. Жил он не плохо, но начальником тюрьмы оказался его бывший друг и соратник. Когда расстреляли Ягodu, друга арестовали и доставили Фокуснику (задрипанному старикашке по моей терминологии). В ажиотаже допроса тот его изуродовал. При новой власти, друга вернули в НКВД и назначили директором тюрьмы. Теперь уже друг регулярно вызывал Фокусника на допрос и в конце концов превратил его в инвалида. Пришёл бы Фокуснику конец, но началась война.

Его забросили в тыл врага со специальной миссией НКВД. Он перебирался из одной страны в другую, жил и в Германии, и в странах под немцами. Его задача – следить за советскими разведчиками и за антифашистами, поставлявшими важные секретные материалы. Как только разведчик начинал сыпаться и возникала опасность его ареста, Фокусник его немедленно ликвидировал. Так же он поступал с двойными агентами, с колеблющимися, с выходящими из игры. В конце войны поступила команда убрать чекистов и сочувствующих, что много знали. Он хорошо постарался, его вернули в Москву, в Органы. Вскоре ему повезло: летом 1951 года министр государственной безопасности был арестован, а потом и расстрелян. Вместе с ним был арестован и старый приятель Фокусника, бывший начальник тюрьмы. Так что Фокусник мог спокойно и не торопясь пытать его, пока он через месяц не умер. Судьба сделала опять поворот, когда расстреляли Берию, а многих деятелей посадили. Ну и загремел Фокусник в Верхоянский край, хотя довольно быстро вышел и теперь в Батагае отбывал химию.

Дело прошлое...

Но помнились ему стихи Васильева.

Да, был такой поэт Васильев Павел Николаевич (1910–1937) – родоначальник «героического периода» в русской литературе — «эпохи побеждающего в человеческой душе коммунизма». Родился в Зайсане, Семипалатинской области, в прииртышской казачьей станице. В 1921 написал стихотворение к годовщине смерти Ленина, ставшее школьной песней. В поэзии сочетал мотивы старой России с языком революции. Предсказал появление в СССР героического человека будущего – художника и творца, сочетающего в себе идеалы Христа с практическими делами Ленина – гения, способного преодолеть пороки этого мира. Страстно верил, что увековеченное им в стихах прекраснейшее будущее страны будет воплощено в жизнь новыми героями. Его считали не менее талантливым, чем Есенин, и очень многого от него ожидали.

Арестовывали его не раз. В 1932 по делу "Сибирской бригады", приговорен к ссылке в Сибирь на 3 года, но освобождён. В 1934 статья Горького «О литературных забавах» положила начало кампании травли Васильева: его обвиняли в пьянстве, хулиганстве, нарушении паспортного режима, антисемитизме, белогвардейщине и защите кулачества. В 1935 исключён из Союза писателей, арестован и осуждён за «злостное хулиганство»; срок отбывал в Рязанской тюрьме. Освобождён весной 1936. Летом вышел фильм "Партийный билет", в котором Васильев стал прообразом главного антигероя — шпиона, диверсанта и врага народа. В феврале 1937 арестован в третий раз, Расстрелян в Лефортовской тюрьме 16.07.1937.

Допрашивал его наш Фокусник. Сначала с неким сочувствием, слушал его стихи, запоминал. Они ему нравились. Но однажды Павел выдал:

Ныне, о муза, воспой

Джугашвили, сукина сына.

Упорство осла и хитрость лисы

совместил он умело.

Нарезавши тысячи тысяч петель,
насилием к власти пробрался.
Ну что ж ты наделал, куда ты залез,
расскажи мне, *семинарист неразумный!*

Это – перебор, за такое по головке не глядят. Не только того, кто читал, но и того, кто слушал. Пришлось пытаться. Все шесть месяцев. Сигаретами выжег ему его «золотые, распахнутые миру» глаза, позвоночник повредил, в середине июля и расстрелял. Заодно и ещё семь поэтов: Симона Виталина, Ивана Васильева, Михаила Герасимова, Михаила Карпова, Ивана Макарова, Тимофея Мещерякова и Владимира Кириллова. А через месяц до кучи пристрелил и сына Есенина (Юрий Изряднов, 22-летний техник-конструктор Военно-воздушной академии им. Жуковского). Сам не понял за что.

Много воды утекло, всё забылось, но стихи его Фокусник помнил до сих пор.
И часто читал их вслух.

Комплементарность

Просматривая свои заметки о батагайских бдениях вдруг обнаружил, что рассказываю в основном о мужчинах. В принципе, понятно – именно с ними я и общался. Но это вовсе не значит, что в Якутии женщин нет. Без тёток жить нельзя на свете, нет! Были, были женщины, да ещё какие!

К нам в Центр вечерами регулярно являлись две дамы. Всегда вместе. В бильярд они не играли, просто общались, а если играли, то в дурака, в домино или лото. Были они близкими подругами, жили в соседних комнатах в бараке, вели совместное хозяйство, вместе ходили в клуб, в кино и т.п. Непрерывно разговаривали друг с другом, так что сразу вспоминался анекдот, как две дамы просидели 10 лет в одной камере, вышли из тюрьмы, но на пороге так увлеклись беседой, что не смогли расстаться. Всё это не мешало им постоянно (читай – непрерывно) ругаться друг с другом (в плоть до драки). Бабым матом они крыли друг друга только так.

Одну звали Настасья Филипповна Тютчева. Как только она называла себя при знакомстве, как все образованцы вспоминали "Идиот" Достоевского, в купе с Тютчевым – поэтом известным. Видя проснувшийся интерес, она незамедлительно разъясняла, что к поэту отношения никакого не имеет, ни в каких родственных связях с ним не состоит. Просто так вышло... А вот Настасья Филипповна – давняя задумка. Её дед под впечатлением романа Достоевского, назвал сына Филиппом, поручив ему, если родится дочь назвать её Анастасией. Тот так и сделал. Прочтя в школе "Идиота", НФ сделала всё, чтобы никоим образом не походить на свой прообраз.

Одевалась она, как учительница классической гимназии: тёмное платье, белый воротничок в кружевах, небольшой кулон на цепочке. Волосы собраны в пучок. Работала она в Исполкоме, отвечала за пенсионеров, детсадовцев и почему-то за технику безопасности на близлежащих рудниках. Её побаивались. Мужиков, как ухажёров, она игнорировала. Поэтому, сплетничая в своём кругу, мы вывели заключение, что имеем дело с синим чулком (в том смысле, в каком мы его понимали – предмет наших многодневных интенсивных дискуссий). Сухая педантка, лишёна женственности, интересы у неё книжные, хуже того – интеллектуальные; зануда, строга, замкнута, ворчлива и раздражительна; живёт в тоске и одиночестве. Хотя возможно она просто фригидная женщина. Правда, не знаю что это значит – обсудить не успели.

В те времена я ничего не знал о жизни Евгении Гинзбург, матери писателя В.Аксёнова, но, прочтя её "Крутой маршрут", обнаружил, поразительное совпадение их судеб. НФ тоже работала в редакции районной газеты, была партийным работником (в партии с 23 лет), замужем за крупном местным начальником, имела сына. Она не донесла на редактора-троцкиста (сам редактор узнал, что он троцкист только на следствии). Редактора и мужа расстреляли, сына отобрали и отправили в детдом под другой фамилией, а ей впаяли 10 лет, из которых она провела в лагерях восемь. Попала она в наши края не по прошлому делу, а за немодное сейчас прославление Сталина. Была она яркой сталинисткой. Когда Сталин умер, она и так была в лагере доходягой, а тут чуть концы не отдала, от горя рыдала месяц и почти ослепла. Теперь она пользовалась любым случаем, чтобы прославить вождя. Хрущёва она ненавидела до потери пульса. Живодёрами были все члены Политбюро, один из главных (много хуже Берии) – Хрущёв, именно на него приходится максимальное число казнённых, а Сталин ничего об этом не знал. Все достижения страны: расширение территории, сильная армия, атомное оружие, ядерные реакторы, гигантские гидростанции, ликвидация частной собственности, уничтожение буржуев и попов, спутники, ликвидация пятой колонны и врагов народа, не говоря уж о победе в Великой Отечественной войне – результат гения Сталина. Сейчас потомки проедают его наследство, да ещё глумятся над его памятью, вот выкинули его из Мавзолея. Естественно власть имущим такие разговоры не нравились, её двигали на северо-восток. Дальше, правда, уже некуда, разве что в Америку.

Впрочем, в нашем обществе она свои политические взгляды высказывала редко.

Подруга её, Оксана Тарасовна Дорошенко, колоритная украинка (в русском понимании этого термина), шумная и активная, была полной противоположностью своей подруги. Работала она журналистом то ли в редакции местной газете, то ли местного радио. Так и не понял. В лагерь

попала как немецкая подстилка. До войны была освобождённым секретарём в райкоме комсомола. Одновременно выступала в самодеятельности: пела и плясала. Карьере то помогала, то мешала её сексуальная активность. Мало того, что она до войны была два раза замужем, она ещё и изменяла своим суженым направо и налево. Когда пришли немцы, она стала с ними дружить, петь в кинотеатрах, в ресторанах, на вечеринках. Довольно долго подрабатывала проституцией. Шалавой стала, но для врагов.

Шалава – *потаскуха, проститутка. (ив. шилев сочетать (одновременно несколько мужчин)).*

Потом захомутала майора, жила с ним и даже родила ему сына. Подпольщики неоднократно просили её передавать сведения, что выбалтывал офицер, потом вообще предложили ей помочь похитить майора, или попросту убить его. Она тянула и тянула. Наши пришли, немец с сыном слинял. Её, естественно, посадили. Отмотала она полсрока, жила с начальством, и выкарабкалась.

В наших краях она себя вела довольно вольно, каждый мог рассчитывать на её благосклонность, хотя у неё, вроде, был постоянный сожитель.

Как много девушек хороших!

А тянет всё-таки к плохим...

Как и в случае с НФ, у нас возникла дискуссия, как называть ОТ: блядь/шлюха/проститутка/шалава/курва/потаскуха/лярва/куртизанка/прошмандовка. После длительных дебатов консилиум постановил: считать всем этим одновременно.

Сюда её сослали тоже не за прошлые дела, а за длинный язык. Она была диссиденткой, выступала против существующего строя, за истинный социализм. У неё был идеал – академик-математик из МГУ Игорь Шафаревич (мальчик из Житомира, как и она), лауреат Ленинской премии. Особенно её привлекал его антисемитизм. Евреев она терпеть не могла с детства, а тут получила идейную, можно сказать – мировую поддержку. Ведь ещё в начале века француз Огюстен Кошен идею "малого народа": антинациональная элита навязывает "большому народу" свои идеи и теории. Это и причина и движущая сила французской революции. Шифаревич распространил эту идею на Россию: именно феномен "малого народа" определил Великую октябрьскую революцию. А кто у нас малый народ? Естественно – евреи. Уж не корейцы, чукчи или варяги. Она призывала нашего Михаила Семёновича ответить за расстрел царской семьи. Типичное для евреев ритуальное убийство. Шафаревич открыл, что один из убийц царя Белобородов на самом деле Вайсборд, а непосредственно застрелил царя еврей Юровский известный как Яков Михайлович, на самом деле Янкель Хаимов. Напрасно МС возражал, что рабочий Белобородов был 100% русский, что Юровский не мог участвовать в еврейских ритуалах, поскольку был лютеранином, что палили из пистолетов все: и русские (Ермаков, и Медведев), и мадьяры (то же – малый народ?), и расстрел они вели не по собственной инициативе, а решению (приказу) УралСовета, состоящего из русских. ОТ только смеялась над этой чепухой. Так они и перепирались: Михаил Семёнович утверждал, что все деятели, принёсшие миру благо были евреями, а ОТ провозглашала, что евреями были все принесшие этому миру вред (включая Ленина). Эта яростная вражда не мешала им быть любовниками.

Отношения НФ-ОТ и ОТ-МС были интересны как примеры комплементарности. До этого я с таким явлением так плотно не встречался.

Комплементарность – *соответствие, взаимодополняемость, взаимосоответствие, т.е. взаимное соответствие и дополнение частей при образовании целого.*

Примеры комплементарности может привести каждый: замок и ключ, болт и гайка, кинжал и ножны, пестик и ступка, поршень и цилиндр в моторе, спирали молекул ДНК, адсорбат–адсорбент, игры пазл, легио, тетрис и т.п. мужские и женские гениталии, наконец. Болт и гайка внешне не похожи друг на друга, но они могут образовать единую прочную конструкцию. Но могут и не образовать. Для создания крепления болт и гайка должны быть комплементарны, т.е. не только диаметры болта и отверстия совпадать, но и одна резьба точно идти по другой (желательно без смазки).

Противоположности сходятся

Они сошлись. Волна и камень,

Стихи и проза, лёд и пламень

Не столь различны меж собой.

Но не надолго. Ленский с Онегиным месяц прокомплементарились, потом Онегин пристрелил Ленского, хотя Ленский первым возжелал замочить приятеля, только стрелял плохо.

Комплементарность – комплементарностью, но пары НФ-ОТ и ОТ-МС были устойчивы. Они любили и поддерживали друг друга. Потому и выжили.

Копсе

Копсе - бич якутских экспедиций. Идешь караваном. Дождь, мошка, комарик. Навстречу всадник. Кагор издает радостный звук, и вот они спешились, сели на корточки, меж ними костерок с надеждой на чай. Неспешный разговор за жизнь. Копсе!

Хоть песни пой, хоть спать ложись.

Однажды мы долго шастали по горам, оголодали и потому, попав в долину Туастаха, я сразу отправился на охоту. Мерин Сатэра, как танк, таскал меня по плавням. Удалось настрелять полдюжины гусей, благо они в это время не летают - линяют. Одиночество меня не угнетало, заблудиться не боялся. Во-первых, у меня талант в ориентации на незнакомой местности, а, во-вторых, конь мой обладал удивительной способностью возвращаться обратно, причём точно по своим старым (для меня – невидимым) следам. Предложение отойти хотя бы на метр в сторону, он воспринимал как личное оскорбление. Поэтому я рвал штаны в одном и том же месте: сначала при движении вперед, потом - обратно.

Солнце катилось вдоль горизонта, обещая кратковременные сумерки. Пора возвращаться.

От монотонной качки я задремал.

Вдруг из камыша метнулась тень. Сатэра заржал и поднялся на дыбы, оторвав от земли тщедушного якута. Я выхватил нож. Человек отскочил, и мы застыли: один с карабином в руках, другой с кинжалом.

– Здорово, однако, – сказал старик.

– Здравствуйте!?

– Копсе!

Он повернулся ко мне спиной и зашагал вперед. Мы последовали за ним. Двигались достаточно долго, чтобы я смог, не снимая висевшего за спиной ружья, засадить в оба ствола жаканы. Просто, на всякий случай.

Вышли на берег речки, поляна, юрта из вертикально установленных брёвен. Столетняя лиственница толщиной в мою руку. Я спешил, привязал лошадь, поставил ружье у двери, вернее у люка, обитого заячьей шкурой. Полез в юрту. Да чуть не околдовался на месте. Запашок! Много гадости нанюхался я в свой химической жизни, но такой! Переднюю часть юрты занимали деревянные колоды с мочой. В них гнили (дубились) шкуры оленей: кожгалантерейное производство местного масштаба. В этой же части кудахтали какая-то живность. Полутолая баба с трубой в зубах приподняла полог, и я поспешил на чистую половину.

Вот он, гарантированный час спокойного чаепития. Пока гость не накушался, с ним говорить нельзя. Только потом:

– Солнце, однако, высоко!

– Высоко, однако, – отвечал я минут через десять.

– Ещё лето...

– Ну!!

Началось копсе.

Мы болтали не торопясь, и чем он лучше говорил по-русски, тем я хуже. Приходилось лишь удивляться скорости и точности таёжного телеграфа. Можно поклясться: за время нашего путешествия мы никого не встречали, но старик знал о нас всё: где были, что делали, куда идём.

Копсе затягивалось, но выпитое ведро чая тянуло на волю. Я поблагодарил за гостеприимство и от полноты чувства добавил:

– Какая хороша страна –Якутия, и какие хорошие люди – якуты!

Он бросился на меня. Нас разделял низкий столик, и я успел выбить нож. Мы покатались по земле, уминая шелуху кедровых орехов. Не понял! Убить его труда не составляло, но я лишь придушил. Он прохрипел:

– Я – эвенк!

Троцкист

В Яно-адычанской экспедиции я пахал в паре с каюром. Звали его Афонас Николаевич Мордовских – якут с польской кровью. Евразийский гибрид. Хребты между Яной и Индигиркой проходимы мало, и уродовались мы страшно. Ещё и комары с гнусом досаждали. С каюром контактировали плохо: возраст, воспитание, жизненный опыт, язык сильно нас разделяли. В конце лета река Яна и так волне широкая вдруг разлилась на добрый десяток километров, лошади отказались от дальних заплывов, и мы застряли в брошенном зимнике. Топим печь, чай гоняем.

Мы молчали. Чавканье, чмокание и монотонные удары. Каждый, расположив на ладони глыбу сахара, лупил по ней обратной стороной кинжала, пытаясь отбить кусок. Летели искры.

– Жарко, однако! – проворчал каюр.

Я поднял глаза и обомлел. Передо мной предстал абсолютно голый мужик, весь покрытый татуировкой. Весь буквально: даже на члене была краткая надпись. Центральный образ представлял собой портрет обнаженной женщины. Портрет был вписан в тело каюра таким образом, чтобы гениталии соединялись. На остальной части тела располагались фразы, газетные статьи с иллюстрациями, портреты, пейзажи, натюрморты и целые композиции. При малейшем напряжении мышц все приходило в движение. Сталин хмурился и шевелил усами, кочегар бросал в задницу уголь, дама подмигивала и качала бюстом. Тут были собраны лозунги всех партий России, начиная с декабристов. Были тексты из Евангелия, Талмуда и Корана, некоторые почему-то вверх ногами. Были афоризмы, причём на разных языках, в том числе – на санскрите. Пословицы и поговорки, графики и формулы. Стихи известные и доморощенные. Отрывки из

рукописей со следами сильных правок. Бухгалтерские расчёты. Чертежи и карта окрестностей Алдана. Магические знаки. На спине Иван Грозный убивал своего сына.

Блатной еврей!!

???

– Курить люблю, однако, – пояснил каюр и потянулся за моими сигаретами.

– ???!

– Троцкистом был!

– ???!

– Молодым учился. Комсоргом стал. Взяли, троцкистом назвали, и повели с Лены пешком сюда в Эге-Хая касситерит добывать. Сначала 10 лет дали, потом ещё 10, потом пустили – ходи. Вот хожу, вас вожу. Однако с большими людьми общался – шибко умными. Памятью их был, записной книжкой.

Но Троцкого так и не встретил!

Доцент - ковбой

Ковбой входят в нашу жизнь с детства из кинофильмов и книг. Сильные люди! Ну а мы, русские интеллигенты? Думаете, мы хуже? С ковбоями, то и дело, неприятные казусы случаются. Помните, как в романе «Всадник без головы» у одного фраера понесла лошадь, он треснулся башкой о сук и помер?

Так вот, только я стал доцентом, как в густом лесу ночью меня понесла лошадь. Она вынесла меня прямо на горизонтально простирившийся сук. Настоящий шлагбаум! Я принял его головой. И что? Ель вырвалась с корнем, повисла у меня на плечах. Так мы и скакали дальше: Сатэра, ель и я.

Беспокойные ночи

По хребту Черского мы с Анастасией Семеновной бродили вдвоем. Рабочий Герман засадил себе в ногу топор, и его бросили в какой-то юрте. Каюр пас лошадей в долине Яны и сюда к курумникам не поднимался. Я был молод - силен, но выносливости не хватало. Таскать пробы по сорок килограммов было тяжело. В конце рабочего дня (отнюдь не вечером, ибо солнце здесь за горизонт не уходит; отличить день от ночи практически невозможно) я бросал всё и уползал в спальник. Хорошо, если успевал снять кирзовые сапоги. И тут же засыпал, причём крепко.

– Игорь! Игорь!

– Что стряслось? – спросил я спросонок.

– Медведь!

– И что?!

– Пойди прогони его.

«Ночью» меня кто-то начинал, как бревно, катать по палатке.

Тихо матерясь, я расстегивал три ряда пуговиц, развязывал какие-то тесемки, выпутывался из вкладыша, ватного спальника и чехла, долго боролся с марлевым пологом, расстегивал палатку и выбирался наружу. С горы видно хорошо. Никого, естественно, не было. Обойдя палатку, пописав и постреляв для остротки, возвращался в тепло и снова дрех.

– Ох, Игорь, – говорила на утро Анастасия Семеновна, – сегодня не спала ни минуты. Хищников боялась. Но поняла в чем дело: едим горох, вот в животе и урчит!

Справедливости ради надо сказать, что местные медведи любили шалить.

Однажды, вернувшись из похода, мы нашли палатку полностью снесенной. Всё, что можно съесть, было съедено (даже в упаковке). Банки с тушенкой и сгущенкой оказались сплюснутыми и скрученными гигантской силой. А их содержимое высосано. Остался лишь керосин для радиостанции «Урожай». Так что пришлось нам малость поголодать. Но самих медведей мы никогда не встречали. Они себе не враги, чуяли нас на большом расстоянии и всегда уходили.

Другим так не везло. Когда мы вернулись на базу, то узнали, что одного нашего коллегу медведь таки погубил. Геолог отправился в поле с женой (тоже геологом). Поднимались они по двум смежным распадкам. Она шла по левому, он - по правому. Она нашла медведя. Косолапый испугался первым и рванул в горку. Перевалив, столкнулся нос к носу с геологом. Тот шуганул его выстрелом вверх. Медведь бросился обратно и в левом распадке вновь нарвался на геологиню. Та завизжала, как резанная. Медведь обделался и кинулся вправо. Прямо на геолога. Тот принял боевую позу...

Хватит, однако, – подумал Мишка, – гоняют, как зайца. Пора кончать!

Он бросился на геолога и загрыз его насмерть.

Анастасия Семеновна не знала ещё этой истории, но с медведями меня достала крепко.

Как-то мы разбили палатку прямо в зимнике. Она разбудила меня какими-то завываниями. Я приоткрыл один глаз. В раскрытую щель входа в палатку виднелся стол посреди зимника, на нём - кружка Анастасии Семеновны. Оперевшись на край кружки, на задних лапах

стоял горноста́й и нагло хлебал остатки чая. Не вступая в дискуссии, я поднял одной рукой двухстволку, навел её в нужное место и спустил курки. Грохот, чёрный дым.

Когда прояснилось, на столе не было ни горноста́я, ни кружки, ни чайника.

Я заснул снова. Больше не будили.

Тщетная предосторожность

В сталинские времена на северах пребывали не только лагерники с охраной. Работали там и вольнонаемные, в частности, геологи. В районном центре Верхоянского района, городе Батыгай, располагалась горно-обогатительная фабрика по переработке оловянной руды. Ее директором был муж Анастасии Семеновны, а сама она работала в местном Геологическом управлении. Деньги они получали большие, а девать их было некуда. Продукты - по карточкам, одежда - казенная, а в отпуск на материк отпускали один раз в три года, да и тот они игнорировали. Сберкассам не доверяли и хранили деньги дома. Но это было опасным занятием. Зеки, отпущенные на поселение, шалили. Особенно плохо стало во времена ворошиловской амнистии, когда с Черных земель поперли лагерники, грабя все на пути Анастасии Семеновны нашла блестящий выход. Она червонцами оклеивала стены дома, поверх них - газеты, а снаружи - репродукции из «Огонька». Никто не догадывался, что скромное жилище геологов таит в себе миллионные суммы. Они готовились к возвращению в Москву, когда случился пожар и все сгорело.

Вот так и вышло, что они проработали 15 лет на полюсе холода совершенно бесплатно.

Фото плохое, но видно, что рыба у нас была.

Забота

Зимой по Верхоянскому району еще можно путешествовать, но летом... Это песня! Мерзлота оттаивает, и леса превращаются в болота. Лошади проваливаются по брюхо, а то и с головой. Однажды мы форсировали какое-то урочище. Впереди ехал каюр, у него на аркане - четыре вьючных лошади. Все это ухнуло в тину, забилось в истерике, а каюр вообще исчез с поверхности Мирового Болота. Мы с Гномом бросились на помощь. Но тут и мой мерин решил тонуть. Каким-то образом я оказался под ним. Седло с привьючкой съехало и, естественно, на меня. Нырять принудительно неприятно и в прозрачных водах Бискайского залива, а в болотной жиже - без кайфа. Понял я, что без акваланга долго не протяну. Пора было подумать о спасении своей молодой жизни. С трудом добравшись до ножа, я высвободил его из ножен и стал перерезать ремни - веревки, мешавшие всплытию. Запаса воздуха хватило, и я вынырнул на поверхность. На «берегу» восседала на Ко Ко Анастасия Семеновна и близоруко всматривалась в даль. Я снова нырнул и стал перерезать стремяна. Опять вынырнул.

- Олег! Олег!

- Что? - успел спросить я, польщенный заботой, и, как кит, выпустил фонтан.

- У тебя ноги мокрые?

- Да! - отвечал я, - снова опускаясь на дно.

От судьбы не уйдёшь

Никогда не знаешь, где тебя настигнет слава. Кирстена она застала в Верхоянском крае. Боги от него отказались, зато люди стали боготворить.

Каюр с Олегом долго кормили комаров в тайге, когда, наконец, вышли к Туастаху. Лето, в горах таял снег и Туастах имел вид широкой и бурной горной реки. Нужно переправляться. Пошли по берегу. В первый день ничего не нашли, но на второй, каюр шмыгнул в кусты и вылез с узкой длинной лодкой. «Веточкой» называется.

В тот момент, когда каюр начал спускать лодку, зашуршала осока и выскочила утка. Она пробежала пешком по воде и пошла на взлет. Кирстен мгновенно сбросил с плеча ружье и, не целясь, выстрелил. Та дала свечку и упала в воду по центру реки. Течение понесло ее вниз. Олег бросился к лодке, сильно оттолкнул ее от берега и прыгнул вслед. Акробатический этюд! Лодка с незадачливым охотником быстро удалялась от берега, стремясь к каменистому порогу. Веточка была узка и длинна. Изготовлена она из трех досок: одна лежит плоско, а две других стоят вертикально. Вот между ними и заклинилась задница супермена. Но беда не в этом. Проблема - в весле. Длинное, двухлопастное весло (как у байдарки) лежало на дне лодки. Вот на него-то и уселся барон.

Порог приближался. Надо было что-то предпринимать. Кирстен завертелся, как уж на сковородке, пытаясь вытащить из-под себя весло. Веточка для таких маневров не предназначена. С третьей попытки она перевернулась. Олег оказался в воде. Был он в двух штанах, энцефалитке, свитере и телогрейке. За плечами висел запасной карабин, а грудь перепоясывали крест накрест патронташи. Как у матроса Железняка. Гранат на поясе, правда, не было. Но ножи-кинжалы были. Все это мешало плыть, да к тому же стало стремительно намокать и утяжеляться. Возникла реальная перспектива Ермака в Иртыше. Олега, однако, это не смутило, он одной рукой вцепился в лодку, другой - в весло. Развернувшись, он бешено заработал ногами. Сапоги оказались

эффективным двигателем. Катамаран устремился к берегу. Скоро его вынесло на отмель. Кирстен подхватил транспортное средство и пошел обратно к каюру.

Все это время каюр молился своим богам. Якуты, родившись и прожив всю жизнь на берегах рек, плавать не умеют. Да и как тут научишься – вода-то холодная! Поэтому они рассчитывают только на потустороннюю силу. Если человек хороший и богу реки понравился, то тот его возьмет к себе. Ну и хорошо! У богов утопленник не пропадет, будет кайфовать на том свете. Но если человек богу не приглянулся, он выкинет его обратно. Это тоже хорошо, жалеть не надо.

От Кирстена боги отказались, удалили его из реки, но вернули и весло, и лодку, что указывало на их определенное сочувствие.

История эта получила широкую огласку в узких кругах якутского общества Верхоянского края. Долго еще рассказывали, как один голубоглазый схватил под одну мышку лодку, под другую - весло и со всем этим пошел по воде, яко посуху. И когда русский барон Олег фон Киртен через несколько лет опять попал в эти края, его почитали, как святого, передавали от юрты к юрте, от чума к чуму, от яранги к яранге, и везде он закусывал строганиной.

Воспитательница

В шестидесятые годы хрущевской оттепели в кругах интеллигенции Якутска было модно отдавать детей на воспитание в группу Эммы Гансовны. Умела она прививать подрастающему поколению основы нравственности. С каждым отработывала навыки освоения наук, искусства, культуры. Учила немецкому, знакомила с немецкой философской мыслью, с немецкой поэзией. Популярность Эммы Гансовны была велика, и к ней выстраивались очереди. Хотя все знали, что в молодости она служила в ГЕСТАПО, ставила медицинские опыты на детях, пытала их.

От расстрела её спасла беременность.

Всю жизнь она была неравнодушна к детям...

Нервная обстановка

Лагерь на краю Верхоянска был суровым. Высокогорная тундра, камень, поросший мхом и ягелем, тучи комаров и мошки летом и лютый мороз зимой. Работа тоже была тяжелой: оловянный рудник. Все были озлоблены: ЗК мерли, как мухи, охрана голодала и зверела без спирта. Но начальник лагеря Иван Шнайдер был суров и держал дисциплину. Его жену Софию в течение года как-то не было видно (да и была ли она здесь?!). Но летом, как только наступал полярный день, Софья покрывала тело толстым слоем РЕПУДИНА, одевала яркий, откровенно открытый купальник, и начинала бродить по территории лагеря. За ней следовал солдат с кошмой. Она выбирала место и укладывалась на войлок загорать. Действия эти имели мощный общественный резонанс. Особенно у чекистов на вышках. Они уже не озирались по сторонам в поисках бегущих эзков, а заморожено сквозь риски прицела смотрели на роскошные телеса, с боку на бок перекачывающиеся. Как хотелось дать очередь! Особенно, когда дама вставала и начинала обходить лагерь по периметру. Подойди она к колючке ближе, чем на три метра – можно стрелять без предупреждения. Но, несмотря на сложный рельеф местности, она держала дистанцию. Тоскующая вохра иногда даже просила вольнонаемных пихнуть её в трёхметровую зону. Никто не решался.

Когда волнения всех слоев лагерного общества достигало критического уровня, шли с жалобой, и начальник порол жену багульником. Но на утро, скрывшись под солнечным зонтиком, она опять гуляла по лагерю.

Лагерь трясло до первых заморозков.

Конфликт поколений

Пёс Верный плохо спал. Не нравилась ситуация. Тайга – это нормально: всегда знаешь, где находишься, всегда есть, что поесть. Даже на маршруте. А тут в горах, да ещё на хребте Черского, дела хреновые и, надо правде в глаза смотреть, на глазах ухудшающиеся. Сначала кончился лес, а теперь и альпийские луга. Сплошные курумники, нагромождения камней, осыпи – не приведи господь. Вон лапы уже без когтей – все стесались по скалам лазучи. Он, чай, лайка, а не скалолаз. И летать не обучен. Но горные реки – сто крат хуже. Как их переплывать, если поток воды, как ртуть. Глазом не моргнешь – и ты километров на десять ниже по течению. Волна с головой накрывает. А камни, что несет речка? Даст по голове и поминай, как звали. Опять же лед со снегом. Под него затаяет – мало не покажется. И обсохнуть негде. Мужики примус разведут, руки погреют, в себя кипятком вольют. А нам, что толку от того примуса, смотри, как бы шерсть не подпалили. Им-то хорошо, небось, в седле; коняги здоровые, вот и бредут от дресьвы до дресьвы. А что не брести, коли ноги длинные и сил немерено. Ты же должен скакать за ними, да еще на счет пожрать хлопотать. Хозяин наш – якут, а у него закон известный: «Собака – животное умное, сама себе найдет пропитанье». Оно, конечно, так, но ведь не на ледниках-снежниках же, и не на маршруте. И в не моем возрасте, естественно. Староват я, между прочим, кости все ноют; со следа,

бывает, сбиваюсь. На покой пора, а тут экспедиции водить приходится. Ладно бы по тайге, а то вон куда залезли! Брошу все – домой подамся.

Тут ещё молодой достаёт. Недаром его Пиратом кличут. Ему года еще нет, вот кровь и играет. Носится, как ошалелый, лает на каждый куст. Охотник, мать твою! Овчарка недоделанная. Как же, городской!! А прокормить себя не может. Как люди есть сядут – сразу подползает. Хвостом так и бьет, и, аж, повизгивает от вожделенья. Подайте! Подайте! Три дня не жрамши! Попрошайка. Положим, каюр на это – ноль внимания, но молодой русский не выдерживает – от себя отрывает и кидает украдкой. Так этот нахал приспособился спать под палаткой. И за ночь чуть не к центру ее подбирается – дождя боится. Супердог! Со стороны посмотришь – куда там. Экспедиционный волк! Но все это не ужасно, конечно: растущий организм своего требует. Так эта зараза за счет стариков выехать норовит. Бежит впереди каравана, как самый главный. Вроде, дорогу указывает, а сам близко не соображает, где находимся. Утку или рябчика, кто подстрелит – стрелой летит, приносит подранков. Нате, берите, варите, кушайте, но косточки мои. Только заезжайся – все миски вылижет. И рычит еще, сволочь. Не подходи! А вчера вообще полный абзац. Бреду среди выючников, принохиваюсь, все ли наше. Так Верный налетел и как тяпнет в плечо. До крови разодрал, сволочь! Небось подумал, что на тушенку зарюсь. По себе, гад, судит. Да больно надо! О края банки зубы рвать. И без нее не сдохнем, в отличие от некоторых. Хорошо, хозяин рядом случился, протянул камчей нахала. Будет знать, как стариков задевать.

Нет, определенно пора уходить. До дому верст триста, да ничего дорогу найду. Насильно мил не будешь. Не ценят – не надо.

Мимо промчался Пират, прорывав для остратки. Путаются тут под ногами божьи одуванчики. В чем душа держится, а туда же – в маршруты ходить. Пред каюром выделяется, чтоб не пристрелил по старости. Плетется сзади, того и гляди потеряется. Где-то что-то жрет, не поймешь что, а явно сыт. Да что ему надо? Пару евражек перехватил, и ладно. Из-за него вон камчей по спине схлопотал. Впрочем, черт с ним. Мы свое всегда возьмем.

Пират вырвался вперед и спугнул зайца. Тот рванул вдоль по склону. Пес, заливаясь лаем, понесся за ним. Верный тоже поддался охотничьему азарту. Он бежал молча, не спеша и не прямо по следу, а так, придерживаясь общего направления. Пират же летел сломя голову. Он практически настиг косога, но тот прыгнул в сторону. Собака, тормозя четырьмя лапами и иногда кувыркаясь через голову, попыталась остановиться. Это удалось метров через тридцать. В это время заяц был уже далеко. При движении он петлял, сбивая собак со следа. Развернувшись, Пират вновь пустился в погоню и вновь настиг зайца. Тот резко сменил направление, пес пролетал стрелой вперед, закувыркался по склону и слетел с обрыва. Ошалевший заяц описал немислимую дугу, и влетел в пасть Верного. Старик захлопнул челюсти, по-волчьи перекинул тушу за спину и рванул подальше от каравана.

Он шёл привычным экономным наметом. С него хватит! Домой!

– Пусть знают! – думал он, ощущая, как горячей кровью зайца заполняется пасть – Пусть знают!

Цивилизация

Туман и дождь тормознули нас на Черных Землях. Забились в палатки. Сидим день, другой, неделю. Курево-чай кончились. Ну, и сколько будет продолжаться?

- Пошли - якута спросим. Он приметы знает.

Пошли. У чума сидел старик. По классике - лицо в трещинах, в зубах трубка.

- Как думаешь: скоро дождь кончится? Когда туман уйдет?

- Трнзт, - отвечал он.

- Что Трнзт, - не поняли мы.

- Транзтор, - повторил он разборчивее. И для убедительности постучал по батарейному приемнику, висевшему через плечо у одного из нас.

Цивилизация, блин! Дед слушал метеосводки по радио и свято им верил. Первым мы грешили тоже. Но отнюдь не вторым. Знаем мы эту науку – метеорологию, и ее точность. Нам бы лучше народные приметы: радикулит, старые раны, чайки на воде. Оно надежнее...

Стимул

Возвращались в Верхоянск, пересекая долину Туастаха. Осень, лиственницы полыхают из-под снега. Смотрю – трудяги. Один мазохист – по пояс в воде моет лоток. Другой на мерзлоте пялился в микроскоп на камень. Микроскоп уникальный: игральная карта, дурочка от иглы и капля воды на ней.

Поболтали, покурили.

- Как сезон?

- Херово!

- Покажи, не отниму.

- Это точно!

<http://profbeckman.narod.ru/>

Добрейший взгляд без надежды.

Достал мешочек с серо-жёлто-красным порошком. Так себе.

- А доход?

- На порох-чай хватит. Перезимуем.

- Так стоит уродоваться?! Приятель посинел!

- Не стоит, конечно.

И молния:

- А вдруг жила!!!

Теперь на вопрос, стоило ли возиться с такими опасными и трудными экспериментами, ради убожества результатов, я всегда соглашаюсь:

- Не стоило, конечно!

А про себя думаю: “А вдруг жила!”. И глаза загораются.

За черемшой

Во время Батагайского сидения, особенно в период безденежья, я целыми днями бродил по окрестностям посёлка, временами довольно далеко удаляясь от него. Терренкур без ясной цели.

Нюра надоумила.

– Чем просто так шляться – займись делом: собирай витамины, т.е. перезимовавшие под снегом ягоды и черемшу. А то цинга будет. У меня, вот, лишь несколько зубов своих осталось. И у тебя так будет, если на консервах сидеть будешь.

Я внял совету. Однако с ягодами не заладилось, поскольку лес вокруг посёлка был полностью изведён, а ягоды без деревьев расти не желают. А с черемшой дело пошло. Теперь я не по вершинам лазил, а сначала бодро топал вверх по Яне километров 5 (может меньше, кто их мерил?), а затем уже собирал урожай по берегам речки Батагай. Конец весны, черемша бодро росла, но ещё не цвела.

Странно, я много бродил по подмосковным лесам, но черемшу в упор не видел (москвичи те ещё натуралисты) и на вкус не пробовал, может быть потому, что листья черемши очень похожи на листья ландыша. Цветы ландыша мне очень нравились, я их собирал прямо у заборов Клязьминских дач, брошенных вне сезона. Дарил даме сердца. Однако прекрасно знал, что ландыш ядовит и жевать его листья нельзя. Я и не жевал. Видимо, принимая черемшу за ландыш, я и не пробовал её на вкус.

В здешних краях ландышей нет, попутать ничего нельзя, так что я распробовал черемшу во всех видах. Оказалось, что у неё вкус чеснока. Это как раз понятно: гликозид аллиина имеет место. Но, если это – чеснок, то зачем поминать лук, Лук медвежий точнее? На лук она никак не похожа – тот в виде трубочки, а у черемши листья плоские, да и вкус другой. Нюра объяснить, причём здесь лук, не смогла, но про медведя прояснила. Черемша – самый ранний витамин в лесу, проснувшийся после зимней спячки медведь лакомится этой травой и быстро восстанавливает свои силы. Вот и Нюра решила так оздоровиться.

Кстати, черемуха и черемша – однокоренные слова? Есть у них что-то общее? Так и не собрался прояснить этот вопрос.

Однажды карабкаюсь я по крутому склону, и ни кого, доложу я вам, не трогаю, выбираюсь их распадка на плоскость и попадаю на поляну, сплошь покрытую черемшой. Только у меня потекли слюнки в предвкушении уборки урожая, как из воздуха материализовался заяц, который летел на метр над землёй и оскалившись бросился на меня.

– Ебёна мать! – подумал я.

От собак мне приходилось отбиваться, и довольно часто, но от хищных зайцев – пока нет.

Схватился за приклад, но ружьё висело через плечо на спине, и сниматься отказалось. Толстый я в телогрейке.

Заяц стремительно приближался. Но это была ещё не вся компания.

Прямо за зайцем налётом шёл здоровенный волк, а слева и справа обходили фланги ещё два.

Кажется, я попал в разборки местных жителей.

Свобода – пространство доступных альтернатив. В данном случае их было мало.

Двумя ногами оттолкнулся я от земли и устремился с обрыва в свободный полёт. Ласточкой, но вверх ногами. По многочисленным испытаниям я знал, что в какой позе кошку не кинь, она всегда успеет в полёте перевернуться и приземлится на все четыре лапы. Мне тоже хотелось перевернуться, но не удалось. Времени не хватило. Пролетев метров пять, я грохнулся спиной с вздернутыми к небу конечностями на заросли чего-то листового и колючего. Это чего-то спружинило, подкинуло меня, как на батуте, и бросило дальше. Через два метра свободного полёта я окончательно приземлился в густых кустах.

Всё же ружьё – вещь полезная: приняло на себя удар и позвоночник у меня не сломался. Голова тоже уцелела, хотя что с ней станет – это же кость.

Продолжая лежать на приятно пружинящей подстилке, стал размышлять, что делать дальше: пойти перестрелять волков (так, в порядке самообороны) и зайца (себе на обед) или

отсидеться в тылу. Стволов у меня два, патронов – 10. Жаканов и картечи нет. Но есть дробь – нулёвка. В ближнем бою и при точной стрельбе двух волков завалить можно. В остальных патронах – дробь на птичек, но если в пасть хищнику ею стрелнуть, ему мало не покажется. К тому же, вспомнил я, у меня на поясе в ножнах немецкий штык. Грозное оружие для рукопашного боя. Одет я подходяще: толстый ватник, ватные штаны, поверх них – брезентовые, кирзовые сапоги, на горле шерстяной шарф, на голове кепка, накомарник и всё это прикрыто капюшоном штормовки. В один присест меня не съест – ватой подавишься.

Надо идти на охоту.

Выбрался из кустов и вновь полез по обрыву, с которого так удачно ушёл в полёт.

Пора кое с кем разобраться.

На поляне по-прежнему зеленели листья черемши, но какие-либо представители фауны отсутствовали, всё было тихо и спокойно.

Я не просто нарвал черемши, я ещё штыком накопал её с луковицами, вволю пожевал сам и осчастливил Ньюру.

Тир

*Всем полезен добрый киллер,
наш российский Робин Гуд.*

Однажды после обеда я занимался любимым делом – пристреливал ружьё, карабин и мелкашку. Патронов для карабина было мало (жлобы в МГУ зажали), причём за каждый патрон надо было отчитываться (пока я это игнорировал, но долго так продолжаться не могло), патронов для десятизарядной ТОЗовки было больше – коробки занимали вьючник. Но кто знает, сколько их пойдёт на куропаток-рябчиков. Мне ведь надо своим винчестером наводить страх на всё живое в верхоянской тайге. Пришлось экономить. Другое дело – родительский дроб. Пороха у меня было много (да я умею чёрный порох нарабатывать сам их подручных материалов), дробы разных номеров тоже. Пыжи я набивал специальным пробойником из кошмы, на которой спал.

Известно: кто ищет приключения на свою задницу, обязательно найдёт. Нашёл и я.

Организовал я себе полигон-стрельбище сразу за сараем. Бугор с колочей проволокой слева и покосившимся штакетником справа создавали коридор, упирающийся в склон горы (точнее – обрыв). Идеальный тир: никто, кроме ворон, не мог оказаться на линии огня. Я установил фанерные щиты на разных расстояниях от барьера, наклеил на них бумаги с собственноручно нарисованными мишенями и стрелял, то с правой, то с левой руки (правый глаз у меня с детства плохо видит, для стрельбы без очков пришлось тренировать левую руку). То мелкой дробью, то крупной, то картечью (жаканов я жалел). Но гораздо интересней была стрельба по летающим мишеням. Кто-нибудь из зрителей (окрестных пацанов) кидал в воздух бутылку, консервную банку, кепку, а порой шапку-ушанку, а я стрелял.

Издredка, кто-то вздыхал: Мазила.

В тот день молодых не было, а ассистировала безотказная Ньюра. Оружием моим она не интересовалась, в руки не брала, пострелять не просила. Иногда что-то кидала под выстрел, но в основном занималась сменой мишеней.

Вот и сейчас она пошла к мишеням, круглые пули я уже испытал на пробойную способность, теперь нужно – на кучность (за 30 м три попадания не должны выходить за пределы ладони). Зарядил ружьё и ждал. С улицы ко мне подошли двое: дядька и тётка. Полный мужчина с распахнутым зимним пальто шёл прихрамывая и широко улыбаясь. Женщина была в китайской куртке, тощая со строгим, видимо никогда не улыбающимся лицом. Их привлекла моя стрельба.

– Вам помочь или не мешать? – спросили они меня.

Ньюра поправила мишень и возвращалась, глядя себе под ноги. Подойдя к барьеру она посмотрела на незнакомцев.

В детстве была игра "замри". Тот самый случай.

На третьей секунде оцепенение кончилось, старики зашагали прочь, потом попытались бежать. Ньюра резким движением вырвала у меня тулку и открыла огонь. Но как! Это надо видеть. Интервал между двумя выстрелами составил микросекунду. Она целилась не закрывая (как я и остальные охотники в мире) один глаз. У неё один глаз смотрел на одну мишень, другой – на другую. А эти мишени не просто двигались, они разбежались в разные стороны.

Дым рассеялся (патроны на дымном порохе). На земле лежали два трупа. То, что это трупы, сомнений не было. Пули попали в затылки и раскололи их.

Всё же я хорошо снарядил патроны.

Ньюра вернула мне ружьё и пошла к дому.

Наперерез ей бросился мужик, по виду шофёр. На бегу он вытаскивал пистолет. Если бы это был наган, Ньюре было бы плохо. Но это – пистолет. С пистолета надо снять предохранитель, а то и три. Нужно передёрнуть затвор и послать патрон в патронник, взвести курок, прицелиться. Одной рукой не обойдёшься (не зря ковбой стреляют из револьверов, там одной руки хватит). Слишком много действий, тем более на бегу. Да и бежал он слишком быстро. Он столкнулся с Ньюрой, раньше, чем был готов к стрельбе. Ньюра поднырнула под его поднятые с пистолетом руки,

вцепилась в горло болезненного левой рукой и сдавила двумя пальчиками. Лишь двумя! Мужик рухнул на землю и тоже в виде трупа.

Нюра спокойно вошла в дом и исчезла. В Батагае её никто больше не видел. Либо улетела в трубу, либо диссоциировала на молекулы и испарилась.

У меня отвисла челюсть.

На двор стал набираться народ, а я стоял в полном недоумении с ещё дымящимся ружьём перед лицом трёх трупов.

Однако!

То, что именно я порешил их сомнений быть не могло. За это – пожизненное или расстрел.

Но никто на меня внимания не обращал, появился газик с милиционерами, трупы забрали, кровь дворники(в прошлом – доценты философы) посыпали песком, кто-то собрал мой арсенал и отнёс в дом. Ко мне подошёл лейтенант и спросил, что было. Я ему честно сказал, что вот Нюра застрелила двух незнакомцев из моего дроба, а третьего придушила без вспомогательных средств. Милиционер кивнул, ничего записывать не стал и удалился.

Накрылась экспедиция! Сейчас начнётся следствие, допросы, обыски, очные ставки. Сыщики поползут с лупами, начнут снимать отпечатки пальцев. Ружьё арестуют, как вещественное доказательство. Меня посадят как свидетеля, а то и соучастника, предоставившего оружие убийце. Тем более меня предупреждали, что Нюра – киллер.

Ничего это не произошло. Вообще ничего. Никто ко мне больше не подходил, с вопросами не обращался, оружие не осматривал.

Как в болоте: бросил булыжник, пошли волны, ряска разошлась, всё успокоилось, кругом зелёное поле и лягушки квакают.

Вот уж, действительно, их нравы...

Через день мы покинули Батагай.

Марксист-народник

Если не считать каюра, то с настоящими якутами я не общался. Просто они как-то не встречались на моём пути. Но было исключение. В селе Бетенкёс со мной сошёлся дядька средних лет, в хорошем костюме немецкого пошива и при галстукке. Поговорить он любил. По-русски его звали Богумил Леславович Дорт, а как по-якутски никто не знал. Маленького роста, юркий и подвижный он одновременно присутствовал во всех точках пространства. Из-за беззубого рта (цинга?) он шепелявил, так что понять его проповеди (а это были именно проповеди) было трудно.

Но можно.

Был он народником и марксистом. Говорят, таких не бывает. У вас, может, и не бывает, а у нас есть! Бунтарь профессиональный...

Как и у всех встретившихся мне жителей Верхоянского края у него была трудная судьба. Якут во всех поколениях, Дорт по комсомольской путёвке был послан в Ленинград учиться в Институте народов севера. Там он проникся двумя идеями: хождение в народ и марксизм в понимании Маркса и Энгельса. Двинуть это в массы не успел. Началась война, он попал на фронт, потом окружение, плен, лагерь и работа в Германии у богатого фермера. Там он выучил немецкий язык и стал читать классиков марксизма в подлиннике. Где он их взял, и кто позволил ему их читать, история умалчивает. Возненавидел частную собственность. Наши его освободили и тут же посадили, отправив в сибирские лагеря строить коммунизм. Выпустили его почему-то довольно быстро (через 4 года) и отправили на побережье Северного ледовитого океана. Как инструктор райкома партии, он занимался выборами: агитировал за блок коммунистов и беспартийных, развозил урны и бюллетени, раздавал агитматериалы, следил за порядком. Кстати, обеспечивал полную поддержку партии и правительству, поскольку число голосов "за" всегда составляло 100%, так что застенчивый центр корректировал их, снижая до 99%. Регион был большой – от Таймыра до Берингова пролива, поэтому мотался он много, замерзал и тонул не раз, заработал цингу и простатит.

Любимая песня его согревала:

Но мы поднимем гордо и смело

Знамя борьбы за рабочее дело,

Знамя великой борьбы всех народов

За лучший мир, за святую свободу.

Никакой особенной свободы в местных палестинах не наблюдалось, тем более - святой. Лучший мир тоже был где-то вдали. Народы, действительно, были и весьма разнообразны, а вот рабочих среди якутов не было, хоть застрелись. На борьбу за святую свободу пришлось поднимать охотников и оленеводов. Ну, кто тут есть.

На бой кровавый,

Святой и правый,

Марш, марш вперед,

Рабочий народ!

Марш вперед шли энтузиасты.

Он ходил в народ.

Как когда-то русские интеллигенты, он стремился сблизиться с простым человеком, найти свои корни, своё место в мире, пропитаться народной мудростью, народной правдой. Если бы он просто учился нравственности у оленеводов, то это было бы его личным делом, и никто не возражал. Перед народом у нас долг. Нужно отдать долг народу.

Но он шёл в народ не учиться, а учить его. Он боролся с местными неправильными богами и их проповедниками. По его наводке арестовали множество шаманов и шаманок. Их отправили в Иркутск, откуда они не вернулись, поскольку их по прибытию на материк сразу расстреляли. Выявлял и раскулачивал богатеев (в первую очередь – свою семью, поскольку сам был из семьи богатых якутов). Он разяснял, что не хорошо опрашивать свою жену или дочь спать с прибывшим гостем, даже, если его уважаешь, охотникам не стоит оставлять своих жён на сексуальное попечительство остающимся мужчинам, когда уходишь на промысел, нельзя похищать людей из соседних племён и тем более – русских женщин (учительниц, врачей и т.п.) и угонять в тундру на многолетнее рабство. Организовывал школы, артели ремесленников (резьба по кости, вышивка и т.п.) раздавал учебные пособия на местных языках. Довольно быстро убедился, что лучший аргумент против демократии – пятиминутная беседа со средним избирателем. Но это его не смущало.

Был он настоящим народником, разве что к топору не призывал.

Много сил и здоровья отдал он борьбе за народное счастье.

Благодарный народ бил его часто и много, иногда – смертным боем: челюсть у него была сломана, ставшиеся зубы выбиты, несколько ребер не хватало.

Это было ещё полбеды. Настоящие неприятности принесла ему борьба за коммунизм, борьба за идеи Маркса и Энгельса, за диалектический материализм.

Бороться за идеи марксизма в СССР всё равно, что в России требовать соблюдения статей Конституции, или в православии отдавать предпочтение Ветхому завету в ущерб Новому.

Начинал он свои проповеди с проклятий Ленину, взявшемуся строить социализм в отдельно взятой стране, тогда как Маркс справедливо указывал, что Революция должна быть не локальной, а мировой. К тому же Ленин поднял Россию, тогда как Маркс совершенно твёрдо предсказал, что если где и можно двигаться к коммунизму, то только не в этой стране. Маркс требовал посредством трансформации общественных отношений перейти к созданию общества, лишённого любых форм диктата и подавления личности, и формирования подлинного всесторонне развитого человека. И где это всё? Как там с формами диктата в ГУЛАГе? Очень хорошо с этими формами. А всесторонне развитый человек где? Не уж-то секретарь Обкома?! Не верится как то... Классовая борьба может где идёт, то только у нас. Где социальная Революция? Где уничтожение товарного производства и частной собственности? Посмотрите на председателей колхозов – типичные баи, рабовладельцы.

Ленин, Ленин, открой глазки:

Нет ни водки, ни колбаски,

Нет ни мяса, ни вина -

Хрен не встанет ни хрена.

Он собирал в красной яранге охотников, рыболовов, оленеводов и их подруг, жён и коллег. Подвергал жесточайшей критике демократию.

- Вам нужна свобода печати? А свобода собраний? Свобода митингов и демонстраций? – интересовался он.

Слушатели молчали. Такого счастья они не желали. Понятно – народ тёмный (жаль – другого нет).

В принципе, отрицание буржуазной демократии – положительная тенденция. Но они и диктатуру пролетариата не воспринимали.

Внимательно всматривался агитатор в лица трудящихся. Разные они, но точно не протериат. Хоть застрелись. Нет протериев, и диктатуру устанавливать некому. Как быть? Ведь Карл Маркс однозначно предсказал: пролетариат будет играть ведущую роль в мировой революции и после победы над капиталистами установит свою диктатуру. Революция была, диктатура, какая-то, есть, но не пролетариата!! Где пролетариат? Бедняки есть, терять им нечего, кроме своих цепей. Нищие, бичи, больные тоже есть. Это так. Но разве это та сила, на которую рассчитывали марксисты? Да этот народ никакой силой пролетарскую диктатуру строить не заставишь.

Так и не надо!

Ведь согласно марксизму, во время превращения капиталистического государства в бесклассовое коммунистическое общество должен пройти переходный период, когда государство ещё будет существовать, но власть в этом государстве будет принадлежать пролетариату, а формой власти будет диктатура. Так это в переходный период. Он, поди, давно кончился, а Ленин и Сталин хотят диктатуру навечно, причём не пролетарскую, а не пойми какую. Исказили они Маркса, ох, исказили.

А учение о диалектическом материализме? Разве Маркс и Энгельс своё учение так называли? Покажите, где! Термин введён Плехановым и закреплён Лениным как официальное название философского компонента советской системы марксизма-ленинизма.

Богумил убедился: марксизм-ленинизм – ложное направление развития марксизма. Чистая отсебятина, причём дурная.

Всё тот же Маркс писал: человечество диалектически развивается по спирали, и оно должно прийти к тому, с чего начинало: к отсутствию частной собственности на средства производства, как в первобытном обществе, но уже на новом уровне, обусловленном высокой степенью развития производительных сил. А какое общество ближе к первобытному: русское или якутское? Конечно якутское! Вот с него и надо начинать, именно якуты, в пику неспособным русским, смогут поднять мировую революцию и построить коммунизм во всём мире.

Тут его и посадили.

Его сажали, выпускали, снова сажали.

Но он не унимался. Везде, где появлялся, он собирал группу слушателей-якутов и читал им "Капитал", иногда по-немецки. Слушатели тащились.

Агитировал он и меня.

– Ты понимаешь! – объяснял он мне, – при коммунизме исчезнет противоположность умственного и физического труда; труд перестанет быть только средством для жизни, а станет первой потребностью жизни; вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут, и все производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком. Тогда общество напишет на своем знамени: «Каждый по способностям! Каждому по потребностям!»

Я не возражал.

К тоталитаризму бы не скатиться...

Мы долго сидели молча. Народник вынул хомус, прижал его к губам и, меняя тембр артикуляцией рта и дыхания, заиграл странную мелодию, надо полагать – собственного сочинения. Музыка трещоток...

Цирк

Наш небольшой караван вышел на берег реки Туастах почти в полдень. Решили с ходу штурмовать препятствие. Как сами будем перебираться на другой берег и переправлять вещи было понятно. Агонизируй, не агонизируй, а на надувной лодке всё перевезти можно (если на топляк не нарвёшься, и шкуру не пропорешь). С собаками тоже нет проблем, перплывут. Трудности с лошадьми: лодки-веточки нет, за уздечку коня тянуть не станешь (он тебя сам вместе с лодкой потянет, куда захочет), течение быстрое, перекааты, деревья с выдранными корнями сплавляются. Коням следовало плыть самостоятельно. Добровольно, по велению сердца и нам подражая. Но им этого не хотелось, они не любят заплывов по половодью.

Особенно этой перспективой был возмущён лошадиный лидер Брут. А в табуне принцип – пусть думают вожди – основной. Вождь не будет, не будем и мы. Тем более, что сейчас мы с ним согласны.

Пришлось загонять табун в воду насильно.

Каюр и АС бегали пешком, размахивая камчами, а мы с Анатолием – верхом теснили коней к реке. Нам активно помогали собаки, которые мгновенно просекли задачу. Однако табун слабо реагировал на наши усилия. Лошади в рассыпную метались по дресье (довольно крутой берег и собаки не давали им возможность удрать в тайгу, а то мы бы их только видели). Некоторые на полном скаку летели к воде, делая вид что готовы к заплыву, но в последний момент резко поворачивали и скакали обратно. Ажиотаж возрастал: цоканье копыт, ржанье, лай собак, мат–перемат, пыль столбом. Без пользы. Лошади в мыле, мы в поту.

Пригнувшись к шее Сатеры, ударяя пятками ему в бока, гнал я за Брутом. Сатера завёлся и мы активно сближались. До воды оставалась пара метров. Брут готовился к коронному номеру: поворот на 90°.

– Врешь, не уйдёшь!

Сатера шёл намётом. Я высвободился от стремян и во весь рост встал ногами на седло (!!), после чего мощно прыгнул на спину неоседланного Брута (!!!). Такого он не ожидал (никто не ожидал, я – меньше всего). От неожиданности конь присел, передние ноги к нему подогнулись и мы скатились в воду.

В жизни всегда есть место цирку. Бывает вся жизнь – цирк. Раз получилось – надо бы продолжить. Жизнь будет веселей. Увы! Прожил я длинную жизнь, но ни разу не удалось мне повторить этот подвиг. В Москве однажды с дивана на диван прыгнул. И всё!

Увидев, что вождь рванул на другой берег, сначала Сатера, а затем и остальные лошади перестали кочевряжиться, вошли в воду и поплыли за нами. Мы уселись в лодку и стали их догонять.

Крепко сжимал я шею Брута, удерживая её над водой, стараясь, чтобы вода не попала ему в уши и ноздри. Попадёт – пойдём ко дну вместе. Не знаю, как ему, а мне туда точно не надо. Он

молотил копытами, я извивался, чтобы он не попал ими по мне. Ногу однако держал поперёк крупы: побежит на берег вместе со мной. Плыл он сначала по-собачьи, потом вроде как брасом, а потом – баттерфляем (та ещё бабочка!). Постепенно я отпустил шею и держался уже за гриву, причём был выше коня по течению (тот почти лежал на боку и бил копытами в противоположную от меня сторону). Течение сильно прижимало меня к телу лошади (лихие казаки переплывают, не вылезая из седла, но я не казак и седло мы сняли).

Вода ледяная, она быстро подступила под гимнастёрку и сильно меня охледила. Мокрый гидрокостюм реализовался, но плохо. Я оторвался от мерина и отчаянно махая руками и болтая ногами самостоятельно поплыл к правому берегу. Повезло: течение наваливалось именно на этот берег, так что я застрял в зарослях лозняка, тальника или ивняка – не знаю, как это называется. Выбрался на берег. Ниже по течению стоял Брут и судорожно отряхивался от воды. Он призывно заржал, и скоро весь табун собрался вокруг него. Прибыли и собаки.

Я переоделся и принял участие в челночном перевозе шмоток на надувной лодке.

Разбили лагерь, я залез в палатку и с чувством выполненного долга стал читать Сагу о Форсайтах, которую сначала пришлось посушить.

Первая охота

По гороскопу я – рак, и по некоторым признакам – типичный. Много позже я прочитал у какой-то английской тётки описание поведения мужика – рака по гороскопу - на охоте. Как она узнала не знаю, но она очень точно описала мои действия.

Интересно наблюдать за раком, когда он на что-то нацелен. Это удивительное создание никогда прямо не приблизится к возжеланному объекту, а будет делать обходные маневры, не выпуская его из поля зрения. Если вдруг объект, на который он «положил глаз», захочет удрать или кто-то посторонний вознамерится на него покушаться, рак тут же подскочит к взлелеянному предмету и вцепится в него. Поведение Раков аналогично поведению их тезок. Поставив перед собой цель, Рак никогда не пойдет напролом. Он будет кружить, делая вид, будто занят чем-то другим, и внимательно наблюдать. Но стоит ему почувствовать, что кто-то другой может ему помешать, и он молниеносно завершит задуманную комбинацию и оставит соперника с носом.

Малая нужда вынула меня из спальника, полога и палатки. и загнала в тайгу рано утром (сказать на рассвете нельзя – солнце никуда не уходило, оно понимало, что мы за полярным кругом, потому шло по кругу). Брёл я сонный по лесу и услышал истошные крики какой-то птицы. Видимо, для кого-то это была песня. Она состояла из двух повторяющихся колен: первое напоминало пощёлкивание ногтем по коробку спичек – “тэкэ, тэкэ, тэкэ...”, а второе – скрип ножа по точилу – “ди-дзи-дз-дзи-дзие...”. Щелканье длилось несколько минут, точенье – секунды.

– Токовая песня, – рюхнул Штирлиц.

Только кого?

Пошёл на звук. Шёл осторожно, не хуже индейца. Даже лучше. Скользил, как тень.

На поляне, между моховым болотом и зарослями довольно высоких лиственниц, засыпанной мелкими сухими веточками, топталась и голосила большая красивая птица. Мне показалось, что длина её почти метр. Была она окрашена в бурые, чёрные и тёмно-серые тона, с белыми пятнами на брюхе и на нижней стороне крыла. Мощный жёлто-розовый клюв, зоб чёрный, с блестящим зеленоватым отливом; грудь и горло чёрно-бурые. Брюшко тёмное, с белыми пятнами. Спина тёмнобурая; крылья рыже-бурые, светлее, чем спина; хвост чёрный, с белыми пятнами. У оснований крыльев видны белые пятна от выступающих подмышечных перьев. Красные брови над глазами выступают из перьев. Перья подбородка удлинены и напоминают бороду.

Я решил, что это – глухарь. Как потом оказалось – верно.

Глухарь пел самозабвенно, вытянув шею и запрокинув голову. Временами он с негромким шелестом веером развешивал хвост, напряженно подергивал им, и то собирал, то распускал крылья.

Я хоть и городской житель, но много читал об охоте, да и отец у меня охотник. Я знал, что когда глухарь поёт первую часть песни он довольно хорошо слышит, а вот, когда, вторую – не слышит ничего. Можно стрелять, ему без разницы. Но видит он хорошо: и когда поёт и когда молчит. Очень осторожная птица. Когда петух переходил ко второму колену песни (“Ки-чивря, кичивря, кичивря”) я делал шаг вперёд, стараясь не попасть ему на глаза.

Мне удалось подойти довольно близко. Глухарь бегал, как заведённый. По такой подвижной мишени я, пожалуй, промажу. Я снял ружьё с плеча, протёр очки, надел их и постарался прицелиться.

Зря потерял время.

Таких певцов нельзя игнорировать. Старания должны быть вознаграждены.

На поляне из-под земли возникла подруга – купалуха. Не теряя ни секунды, петух насел на неё и они в страстном сексе исчезли в кустах.

Остался я с носом.

Машинально продолжал движение к токовищу. И правильно сделал. С шумом, ломая ветки, в большое дерево врезалась крупная птица. Уже другой глухарь уселся на сук, где-то на половине высоты лиственницы. Сначала он издал глухой, металлический звук <дак> и чутко прислушался, затем начал щелкать чаще и азартнее. Я затаился на месте, как по команде "замри". Сменив щелканье на точение, глухарь вошёл в азарт, пел непрерывно песню за песней. Когда он распелся, я продвинулся на несколько больших шагов.

Но не к глухарю.

Сам того не подозревая, повёл я себя, как типичный рак.

Сначала я пошёл по периметру тока, стараясь выбрать место, с которого глухарь лучше всего виден. По пути вертел головой, как локатор: нет ли где других глухарей, или добычи какой поважнее, и не являюсь ли я для кого сам потенциальной пищей. Выбрал место, стал вспоминать, а дробь-то у меня в стволах какая? Пятый номер. Если стрелять на открытом месте и вблизи, то, конечно, годится. Но если птица за ветками, и довольно далеко, то мелковата. Пришлось перезаряжать на третий номер, думаю, хватит. Ружьё у меня слабовато для такой дичи (20-тый калибр), но зато порох собственного рецепта. Мало не покажется.

Глухарь вдруг замолк, замахал крыльями и пошёл на разбег по ветке. Я вскинул ружьё и почти не целясь выстрелил.

Слепой охотник стреляет наугад.

Из клуба дыма вылетела большая птица и снижаясь потянулась через ток. Я бросился за ней. Пробежал шагов 100 и увидел, как глухарь упал на слегка оттаявшее болото. Пролетел бы дальше, без собаки мне бы его не достать.

Так я стал охотником.

Потом мой винчестер наводил страх на тайгу, тундру и степи Сибири, и джунгли Африки.

Охота – не потеха! Охота – песня души!

Общее дело

Всё же естественнее надобности – бич человечества. Проспав чуть больше обычного, я стрелой вылетел из палатки и устремился в тайгу.

При нужде и хромой заскачет.

Удалившись от лагеря на приличное расстояние я серьёзно занялся процессом опорожнения (в борьбе с тучей комаров), но всё же услышал подозрительно сильный шум струи воды из брандспойта. Интересно!. В метрах двадцати здоровый бурый медведь тоже писал. Мы оценивающе поглядели друг на друга и пришли к соглашению, что у нас общее дело, важное для здоровья. Его нужно закончить, а уж потом переходить к действиям.

Лично я паузу использовал для мыследеятельности, оценивая перспективы нашей встречи. Из оружия у меня перочинный нож (в магазине назван охотничьим) – слабое оружие против горы с толстой шкурой, клыками и когтями. Притвориться мёртвым и сдать на милость победителя? Позорно для барона. Залезть на дерево? А где оно? Заросли есть, но на эти прутьики высоко не влезешь, согнутся и точно в пасть мишки направят.

Миша смотрел на меня во все глаза.

Голубые глаза медведя.

Он тоже соображал. Вот так, проснёшься по весне, худым и голодным, бродишь по лесу, вырываешь с корнями траву, а, если повезёт, то и куст смородины с прошлогодними ягодами. Вегетарианец, а не хищник какой. Никого не трогаешь, а остановишься малую нужду справить, обязательно какая-нибудь сволочь пред тобой возникнет. На этот раз – двуногая. Да ещё, небось, с ружьём. С одной стороны, хорошо бы дать дёру, и забыть о встрече. С другой, повернёшься задом, тут тебе в него и всадят заряд картечи. Замочить двуногого? Нет проблем, а смысл?! Малина, поди, вкуснее. К тому же считанные они все двуногие эти. Обнаружат пропажу, сбегутся, во всей тайге места себе не найдёшь.

Всё же интеллект, есть интеллект. Я сообразил первым.

Схватил висевший у меня на шее милицейский свисток и сильно дунул. Трели разнеслись по всей округе.

– Ну, вот, началось! – подумал медведь. – Пора валить.

Первым на свист откликнулся Барон. Молча, наёмом, взлетая над кустами, бросился он к нам. Не тратя время на пустые переговоры и разведку, он вцепился в заднюю ногу медведя. Тот закружился, как пилигрим. Подоспел и Граф. Кусать медведя он на всякий случай не стал, но зашёлся в громком лае (не так, как лайка, а как солидная овчарка). И начал вертеться перед носом Миши, отвлекая его от борьбы с Бароном.

Подбежал Анатолий с карабином, за ним поспешал с винчестером Афонас, на ходу перезаряжая его. Армейский отряд замыкала Анастасия Семёновна, подпрыгивая на ходу, чтобы лучше видеть: начальнику экспедиции следует всегда быть в гуще событий.

– Во! Все на одного! Справились с животным! Ничего, мы ещё встретимся на узкой дорожке, один на один...

Медведь, скинул с себя Барона, и рванул в тайгу. С удивительной для такой туши скоростью. Долго ещё раздавался треск сучьев и лай собак. Потом всё стихло, собаки вернулись, мы побрали половник, выроненный АС по дороге на сечь.

И позавтракали.
*Хоть охотник я бывалый,
Но медведя всё ж боюсь.
Если вижу я медведя,
То, как зайчика, трясусь!*

Муравейник

Несколько дней перемещались мы по холмистой лесотундре. Наконец, встали лагерем. Я наладил рацион, связался с базой и решил в одиночку прогуляться по окрестностям. Лошадей каюр отправил куда-то питаться и двинулся пешком. По косогорам и каким-то моховым болотам шёл я довольно бодро, раскачиваясь как кавалерист, с ногами в виде арок и со сбитыми седлом ляшками. Неумело натянутые портянки слезали, натирали ноги. Приходилось останавливаться, садиться на поваленное дерево, снимать кирзовые сапоги и по-новой переобуваться. Также неумело.

Ноги постоянно мокрые, даже если в болото не проваливался. Хорошо бы разуться, развалиться на травке, дать ногам отдохнуть и портянки посушить, развесив их по ближайшим кустам. Так я и делал, но были обстоятельства, затруднявшие процесс. Травка маскировала вечную мерзлоту, на которой долго не пролежишь. Туча комаров немедленно впивалась в голые ноги, нарушая кайф. Время от времени налетавший дождь мешал процессу сушки. Зря я с мерина слез.

Сел я на что-то буреломное и предался горестным размышлениям о бренности человека, у которого шкуры надёжной и той нет, не говоря уж о шерсти, рогах и копытах. Босиком по тайгетундре не пойдёшь. Вот и носи сапоги с портянками по кочкам болотным.

Через час философских бдений вдруг обнаружил, что меня кусают. То есть кусали меня непрерывно, но в основном снаружи. К комарам я почти привык, однако теперь по моему телу ползало что-то инородное. Ползало и кусалось. Пришлось обратить внимание на окружающую действительность. Оказалось, что я лежу на муравейнике полном жизни. Странно! До сих пор я такого в здешних краях не встречал. В вечной мерзлоте жить трудно. Но в долине Туостаха климат теплее, чем в округе. Это сказалось. Муравейник большой, и, несмотря на умеренно паршивую погоду, довольно оживленный: аборигены что-то строили и что-то тащили на себе и к себе.

Муравей не велик, а горы копает.

Машинально обрезал веточки, зачистил их и воткнул в кучу. Муравьиной кислоты (метановая кислота, HCOOH, если кто не знает) полизать захотелось. Вспомнил детство-отрочество, Клязьму, и многочисленные муравейники в тамошнем бору. В своё время я много наблюдал за этой параллельной цивилизацией. И даже эксперименты ставил.

Коллективный разум. Нам не понять. У общественных насекомых эволюция на миллионы лет больше, чем у человечества. Человек человек до сих пор не может нормально устроить.

Тысячи существ суегились, полный хаос движений, а из этого хаоса выросло сооружение, сложнее построек человека. Муравьиная община преодолевает пространства, по чёткому плану строит колонии, размножается, перерабатывает почву, уничтожает насекомых – вредителей леса; при этом сами служат пищей для птиц и многих животных, включая наглых медведей.

Присмотрелся к местному муравейнику. Мне показалось, что он ниже среднего подмосковного, с более плоской крышей, и построен не столько из хвои, сколько из крупного песка и мелкого гравия. Муравьи были рыжими, как у нас, но мелкими. Говорят, муравьи любят тащить к себе блестящие частички, зерна магнитных пород и, особенно, золото. Не знаю, такого не видел.

Муравейник – необычайно сложное по своей конструкции сооружение. Чтобы его создать муравьи должны обладать уникальными способностями и знаниями, они должны уметь считать (видимо в уме – вычислительных систем у них вроде нет) и пользоваться результатами счёта. Прикладной математикой должны увлекаться.

Должны. Не знаю только кому.

А нужны ли расчёты, инженерное оборудование, компьютеры и прочие наши приамбасы, для создания такой разумной цивилизации, как муравьиная общность? Нужна для этого математика? Или коллективная общность, распределённый разум ничего подобного не требует. Да и что такое математика сама по себе? Это ведь не наука, а фикция. Может ли хаотическое (случайное) действие привести к созданию упорядоченных структур? Это вопрос! Похоже, я знаю ответ. Чтобы создать гигантские пирамиды, величественные готические соборы, термитники и муравейники, математиком и инженером быть не надо – всё это создаётся само собой, путём ненаправленной деятельности коллективных масс. А математика – штука бесполезная. И здесь и везде.

Ориентироваться надо не на спекуляции, а на факты.

Муравьи постоянно проводят учёт количества особей в колонии. На основе полученных данных определяют, пришло ли время их семье делиться, и создавать новое поселение..., и принимают решение. Они учитывают условия среды обитания, её качество, и, оценив какая по площади территория необходима для прокорма каждой семьи, строят на требуемом расстоянии друг от друга муравейники. Расстояние между ними зависит от вида и состояния кормовой базы урочища, а также от густоты леса и сомкнутости крон деревьев. В одном городище высота куполов, их диаметр, объём кучи, крутизна склонов почти одинакова. А отношение высоты к диаметру подчинено всеобщему закону гармонии природы – золотому сечению, т.е. отношению 1:1,62.

Меня всегда интересовало, как они перемещаются в просторстве, добывают пищу, сообщают коллективу о находках подходящих стройматериалов, пищи или приближающейся опасности, как прокладывают транспортные пути и регулируют перемещение по ним по ним грузовых потоков.

Я строил лабиринт, в центр его помещал муравьев, а потом на некотором расстоянии от них клал приманку (сахар). Очень быстро у приманки оказывался муравей-разведчик, осмотрев находку и оценив её ценность и величину запасов, он немедленно возвращался в гнездо, сообщал о находке своим товарищам, и вскоре к сахару тянулась цепочка рабочих муравьев-фуражиров, начиналась разработка полезного ископаемого и доставка продукции к себе домой. Лабиринт мой состоял из многих поворотов. Приманку я перемещал по лабиринту: сначала муравью надо было преодолеть один поворот, потом второй, третий и т.д. Число поворотов увеличивалось, но муравей сразу шёл к ней по кратчайшему пути, не путаясь в поворотах сложного извилистого хода. Никаких проб и ошибок! Он не тыкается попусту даже после недельного перерыва в эксперименте. Однако наступал предел: 15-ый поворот. Дальше муравей отыскать сахар без пробных «тыков» уже не мог.

А вы сможете? Способны вы запомнить путь в лабиринте из 15 поворотов после первой же попытки? Да нет, куда вам. Интеллект не тот...

Муравьи хорошо ориентируются и на дневной поверхности, и в трёхмерном (объёмном) пространстве, т.е. и глубоко под землей, и на высоких деревьях. Будучи слепыми, они уверенно находят дорогу к пище и воде, к источникам лесных стройматериалов. Большое семейство муравьёв выдвигает из своего коллектива нескольких наиболее опытных и способных разведчиков и наставников, которые потом указывают путь многим тысячам носильщиков и строителей.

Однажды я положил на муравьиной тропе три неравных кусочка пищи. Обнаружив их, муравей-разведчик тщательно изучил добычу и вернулся в муравейник. Немедленно появились три группы, каждая из которых направилась к «своему» объекту. При этом соотношение числа носильщиков в командах точно соответствовало соотношению веса частей добычи. То есть муравей-разведчик не просто рассказал братьям о своей находке, не только объяснил путь к ней, но даже произвел точные расчёты рабочей силы, необходимой для переноса каждого вида груза!

Непрерывным транспортным потоком у муравьев управляют регулировщики дорожного движения. Они наделены особыми правами, способны на большом расстоянии и быстро перерабатывать информацию о возникающих на тропе препятствиях (упало дерево, появилась промоина и т.п.). Тут же они принимают меры для организации нормального двустороннего движения и требуют при этом беспрекословного повиновения себе. В результате быстро ликвидируется возникшая на муравьином проспекте напряженная ситуация. Некоторые муравьи, обеспечивая оптимальную скорость движения транспортного потока, на ходу производят «ямочный» ремонт дорожного полотна. Они не только засыпают неровности, но и выравнивают их своими телами, оставляя неподвижными во время всего рабочего дня. При этом, в зависимости от размера колдобины, в неё ложится один или несколько «ремонтников».

Но как же муравьи выбирают свои пути-дороги? Ориентируются они по запаху, по оставленному разведчиками пахучему следу (пахнут – феромоны). Одного миллиграмма феромона хватит для маркировки тропы протяженностью 120000 км!

Способны муравьи определять направление и по небесным светилам: по Солнцу, Луне и звездам. Причём они видят звезды даже среди бела дня. Насекомые находят на местности нужный им пункт и возвращаются домой. Запоминают они и ориентиры — бугорки и ямки, кустики, приметные вершины деревьев. Но под землей или внутри купола, во тьме им уже не помогают ни небесные светила, ни другие видимые природные ориентиры. Тем не менее даже в самом начале строительства гнезда муравьи передвигаются в таких условиях буквально непроторенными путями. И ведут себя так на протяжении всей последующей жизни гнезда, а оно – трёхмерный лабиринт с весьма сложной топологией и доступностью транспортных путей. Муравьи не только перетаскивают по этим путям огромное количество негабаритного груза, они постоянно строят и перестраивают своё жилище, занимаются его проветриванием, поддерживают в нём повышенную концентрацию углекислого газа.

В муравейнике постоянно идёт оживленная, разноголосая беседа. Человеческое ухо её не воспринимает, но удаётся записать эти звуки и сделать их различимыми для нас. Оказалось, что рабочие муравьи издают одни звуки, охранники другие, а то, что произносит царица, иногда

вводит всю колонию в состояние транса и воодушевляет население на подвиги и даже самопожертвование.

Но всё же: как толпы муравьёв находят оптимальный путь к цели? Мне, как специалисту по диффузии, миграции и массопереносу, т.е. по перемещению чего-то или кого-то из одной точки пространства в другую, знать это интересно и полезно.

Колония муравьёв – многоагентная система, в которой каждый агент (муравей) функционирует автономно по очень простым правилам. Поведение агентов примитивно, но поведение всей системы оказывается разумным. Муравьи относятся к социальным насекомым поскольку образуют коллективы. Коллективная система способна решать сложные динамические задачи по выполнению совместной работы (которую не может выполнить отдельный элемент) без внешнего управления, контроля или координации. Это – роевой интеллект, определяющий способы кооперативного поведения (стратегию выживания). Основу поведения муравьиной колонии составляет самоорганизация, обеспечивающая достижения общих целей колонии на основе низкоуровневого взаимодействия. Колония не имеет централизованного управления; обмен информацией идёт только между отдельными особями (прямой обмен – пища, визуальные и химические контакты) Есть и непрямой обмен – разнесённое во времени взаимодействие, при котором одна особь изменяет некоторую область окружающей среды, а другие используют эту информацию позже, когда в неё попадают. Такое отложенное взаимодействие происходит через феромон. Концентрация феромона на пути определяет предпочтительность движения по нему. При своём движении муравей метит путь феромоном, что используется другими муравьями для выбора маршрута.

Пусть на оптимальном пути неожиданно возникла преграда и надо искать новую дорогу. Дойдя до преграды, муравьи с равной вероятностью будут обходить её справа и слева. Однако, те муравьи, которые случайно выберут кратчайший путь, будут быстрее его проходить, и за несколько передвижений будут сильнее обогащать феромоном (феромон испаряется и если муравей идёт медленно до цели и медленно возвращается, то феромон успеет испариться, идущий по следу муравей по нему не пойдёт); так выбирается самый быстрый путь, а т.к. скорости муравьёв примерно одинаковы, то такой путь – самый короткий, т.е. оптимальный. Поскольку движение муравьёв определяется концентрацией феромона, то следующие будут предпочитать именно этот (хорошо пахнущий) путь, продолжая обогащать его феромоном. Положительная обратная связь быстро приведёт к тому, что кратчайший путь станет единственным маршрутом движения большинства муравьёв. Испарения феромона (отрицательная обратная связь) гарантирует, что найденное локально оптимальное решение не будет единственным – муравьи будут искать и другие пути.

Муравьи слепы: они полагаются только на обоняние и осязание, и, надо сказать, очень удачно. Но не всегда. Муравей может случайно потерять общую тропу и начать идти своей дорогой. А дорога эта описывает круг вокруг дома. Он проходит по ней несколько раз и усиливает запах феромона. Другие муравьи теперь следуют по его пути, усиливая химический сигнал. Муравьям кажется, что они идут по все более четкому следу, в то время как на самом деле они ходят кругами, пока не умирают от истощения. Только немногим особям удастся выйти из круга смерти. Говорят, бывают круги диаметром в 400 м, а муравьи по ним ходят до трёх суток.

Ну, так и люди, хоть они не слепы, бредут за лидером-властелином, укрепляя дорогу. И ходят по кругу, пока кто-то внешний не разорвёт этот круг.

Возлежание на муравьиной куче пошло мне на пользу и даже в какой-то мере определило мою судьбу. Именно здесь у меня родилась идея нового научного направления, которое я назвал «Природные вычисления». Много позже создал я для компьютеров муравьиные алгоритмы (алгоритм слепого муравья, близорукого, дальнорюкого) и начал моделирование на графах поведение муравьёв, связанное с их способностью быстро находить кратчайший путь от муравейника к источнику пищи и адаптироваться к изменяющимся условиям, находя новый кратчайший путь. Эти алгоритмы удалось применить к описанию диффузии в сильно разупорядоченных, дефектных, пористых и наноструктурных материалах, к решению таких сложных комбинаторных задач, как задача коммивояжера, задача оптимизации маршрутов грузовиков, задача раскраски графа, квадратичная задача о назначениях, задача оптимизации сетевых графиков, задача календарного планирования, оптимизация сетей, управление роботами, обработка печатных плат, исследование ДНК, составление маршрута облета местности летательным аппаратом, построения минимального маршрута при условии наличия препятствий и много где ещё.

Но это будет потом.

Сейчас же я встал, отряхнулся, выдернул из муравейника свои палочки, засунул их в рот и стоевым шагом направился неведомо куда.

Никто, никто не может догадаться

Куда идёт примудрый гном,

А гном идёт купаться!

Тест

Глупо просто так бродить по тайге. Желательно кого-нибудь пристрелить. Но никто не попался. Пустой тайга, однако.

Вышел на берег быстрой и довольно широкой речки. Сел на камень и пригорюнился, как Алёнушка. Самое время подумать о смысле жизни. Полчаса упорно думал, но ничего не придумал. Пора домой.

Посмотрел я на реку и понял: "Я могу её переплыть". Мысль интересная, но абстрактная. Отогнал её и встал. Переплывать эту рекуху мне было совершенно ни к чему. И даже вредно. Но тут меня осенило: "А ведь я трус! Испугался! За жизнь уцепился. Нужна она мне, эта жизнь?" Я сел обратно. Дело серьёзное. Зачем я в экспедиции, что меня сюда принесло? Я тут, чтобы проверить трус я или нет. Много раз в Москве пытался ответить на этот вопрос. И не мог. Сомневался как-то. Не было случая проверить экспериментально. Вот теперь он представился, а я – в кусты?! Чтобы всю оставшуюся жизнь в себе сомневаться?

От себя не уйдёшь.

А ну — со смертью будем храбры!

Ведь всё равно возьмёт за жабры.

Снял ружьё и патронташ, быстро разделся до трусов и пошёл. Но остановился. Ноги буквально свело, тело затрясло, прошёл мороз по коже. Организм мой испугался, и куда-либо двигаться отказался.

Всё же я – трус. Жалкий трус. Мещанин во дворянстве.

Залез на высокий камень, можно сказать – на скалу. Её омывал поток воды. Спокойный и мощный, плотный, как ртуть. Потоптавшись немного на граните, я бросился вниз головой. Вода обожгла, перехватило дыхание. При такой температуре 3 минуты и я труп. Сильное течение поволокло куда-то. Я замахал руками, как ветряная мельница в шторм, заколотил ногами. Ни на одной сдаче норм ГТО не развивал я такую мощность. Ширину реки (метров тридцать) преодолел на одном дыхании. Вылетел на берег и распластался на морене. Тело задрожало, но теперь от холода. Показалось, что потерял сознание. Однако, постепенно стал воспринимать действительность. День был ясный, светило солнце и было тепло. Но песок, на котором я лежал, был холодным. Тело моё, покрытое слоем комаров, вибрировало и чесалось.

Встал и отряхнулся. Похоже, пора домой.

А как?! Река, под, длинная, её не обойдёшь. Надо обратно плыть. Об этом раньше не подумал. Лезть в реку не хотелось. Даже смотреть на неё было противно.

Идея с самого начала была дурной.

Чтобы преодолеть трудности, их надо сначала создать!

Принцип идиота.

комары кусались и мёрз я в голом виде. Подохнуть можно...

Прошёлся я немного по берегу, поискал нет ли брода. Нашёл нечто вроде того.

Сунулся в брод, по самый рот.

Быстро зашагал по воде, она дошла до груди, опять меня понесло. Снова замахал я руками, смешивая кроль с батерфляем, но метров через десять нащупал дно и выбежал на берег, как ошпаренный.

Побежал в припрыжку вверх по реке. Нашёл одежду и не вытираясь оделся.

Всё! Тест сдал успешно. Даже два.

Теперь точно знаю, что я смелый, храбрый, мужественный и решительный человек.

И плавать умею.

Прииск Кёстёр

Странствовали мы на севере Якутии, по долинам реки Яны (большая река по якутски) и её полноводного притока Адычи долго, бродили по хребтам горной страны Черского, перевалили в долину Индигирки, затем вернулись в Верхоянск. Экспедиция завершилась. Напоследок решили сделать рейс на прииск Кёстер. Где ещё искать редкие и рассеянные элементы, как ни в этом минералогическом музее на свежем воздухе?

Когда я увидел на карте название Кёстер, то сразу вспомнил Ремарка и одного из трёх товарищей. Может Отто Кестер попал к нам в плен, был сослан сюда и в честь него гору назвали? Интересное было бы продолжение "Трёх товарищей". Но нет кёстер - по-якутски вижу, какой-то якут, что-то увидел. Так и осталось.

Выехали из Батагая – столицы Верхоянского края - налегке. Начальница Анастасия Семёновна (АС), рабочий Анатолий, каюр – якут Афонас Николаевич и я. Одна вьючная лошадь, четыре под седлом + одна запасная. Дорога гравийная, хорошая, говорят, она идеально прямая. Мне так не показалось. Расстояние небольшое (65 км на Юго-Запад от Батагая), но за день не преодолеешь. Лошади не тянут, да и самому болтаться в седле надоест. Остановились в большом доме у дороги. Возможно, здесь была летняя командировка, но теперь от лагеря ничего не осталось. Просто дом и печка-буржуйка из бензиновой бочки. Заночевали. Ночью (а ночи стали

тёмными) резко пробудился от неожиданного приступа страха. Какого-то животного страха. Никогда ничего подобного не испытывал: ни до, ни после, а приключений у меня было много. Все поджилки тряслись. И что странно? Никаких причин не было. Совершенно никаких! Я был в нормальном, можно сказать хорошем настроении. Вполне доволен собой, и окружающей средой. И на тебе! Чудеса! Катарсис какой-то случился.

На следующий день форсировали речку Турогас. Мост был слегка разрушен, а лошади наши и нормальных мостов не терпят. Пересекли реку в брод, достигли холма. Форма у него типична для здешних мест: пирамида со срезанной макушкой. Аэродром называется, хотя я не советую самолётам садиться на него - кочек много. Останцов-кигиляхов нет. Может были когда, да их взорвали. Необычайно крутой склон, курумник, навалы камней, непонятно почему не скатившихся до сих пор в ручей Агатовый. Штурм начали в лоб, с какой стати не знаю, есть ведь дорога, петляющая вокруг сопки. Каюр и АС здесь уже бывали. АС – как геолог, каюр – как заключённый. Им видней. Путь трудней, но короче.

Я никогда не бывал на Луне, но, думаю, пейзаж там похож на здешний. Сплошной камень, ни кустика, ни деревца, ни травы. Даже мха-ягеля не заметно. Это, если говорить о природе. Но слева от нас пейзаж был индустриальным. Железная дорога! Откуда-то сверху сваливались рельсы. Почему-то три линии. Их скрепляли шпалы. Как по такому наклону могла двигаться вагонетка с рудой, и какую скорость она развивала, непонятно. Рельсы были покорежены, они не просто разваливались в стороны, но иногда торчали по прямым углом к склону. Кто это устроил? Зачем? Вот где Тарковскому «Сталкер» снимать надо! В гранитной скале есть ещё идущая зигзагами колея глубиной в полметра. Её выбили колёса тачек, которыми заключённые до строительства рельсовой дороги спускали руду к обогатительной фабрике.

На первый взгляд не никакой тропы нет. Но если приглядеться, то среди беспорядочной осыпи курумника обнаружишь уложенные в определённом порядке камни. Кто-то старался и старался сильно. Тропа шла серпантинном, не покидая, однако, склон; повороты обозначены турами из камней. Туры небольшие, и не всегда их видно, но будь внимателен - не заблудишься. Лошади шли трудно, скользили, копыта повисали в воздухе. Седло мое сильно съехало на круп, оборвётся подпруга - отправлюсь в свободный полёт. Мешал туман, изредка его прогонял ветер. Необычно холодный и сырой.

Мерзопакостное место, доложу я вам.

Штурмовали подъём мы долго. Но поднялись на плато. Там на краю располагались ржавые подъёмники с вагонеткой (надписи на английском, видимо по ленд-лизу из США оборудование прибыло) и стоял домик, весьма экзотичный в своей ободранности. Спешились, вошли в дом (бывший штаб лагеря). Нас приветствовали местные геологи. Оловянная руда в Эге-Хая практически исчерпалась, прииск Кёстер раньше был заброшен, теперь его пытались реанимировать, велись взрывные работы. Мне и АС уступили два лежака в комнате, я бросил на свой спальник и отключился.

Проснулся я от разговора. Кто-то, произнося букву г, как х, а з вообще пропуская с огромной частотой слов разъяснял что есть украинский борщ.

- Бульон - он говяжий, но можно и из свинины, потрохов, птицы любой. Свинина с гусем хорошо идёт. В него - буряк, картошка, капуста (кислая зимой, свежая летом), морковь, баклажаны, морковь, горошек, баклажаны, кабачки, лук, перец, петрушка, укроп. Лавровый лист, естественно.

- А косточки?

- Косточки от задних ног. Ты знаешь, чем мозговая от сахарной отличается. Не слышал, эх деревня! Мозговые — те, которые ниже от сустава (в них виден костный мозг), сахарные — выше. Годятся любые, но лучше мозговые. Намного лучше. Идеал - грудинка плюс голень. Крепкий аромат и вкус дают. Кости перерубить надо, чтобы костный мозг нашёл «выход» и смешался с бульоном. Кипятишь воду с мясом, пенку снимаешь, соли сразу - соль способствует выделению соков. Добавь целую луковицу, прямо в чулке. Потом кидай в бульон овощи. Не жадничай, борщ должен быть густым. Картошечку клади дважды: сначала мелко нарезанную, чтобы она разварилась, дав бульону гущину, а потом покрупнее, чтобы она осталась уже в виде картофелин. Буряк варить будешь - добавь уксуса. Свёклу вари борщёвую, не вздумай винегретную взять. Пассируй овощи в топленом масле: морковь - до оранжево-золотистого цвета, лук — до золотисто-коричневого. Свежие помидоры, обдай кипятком, сними шкурку и пропусти через мясорубку. Свежую капусту разомни скалкой, а квашеную - поддержи пару минут на горячей сковороде, помешивая. Но главное - не это. Главное - сало! Оно должно быть старым (жёлтым) и вонючим. Тухлым должно быть. Не сильно, слегка.

На горе Кёстер нас приютил бывший штаб лагеря.

Я дремал, но при тухлом салe проснулся. Запомнил на всю жизнь: в настоящем украинском борще сало должно быть тухлым. Увы! Такого деликатеса так и не удалось попробовать.

- Не умеете вы ничего готовить в своей кацапии.

- Ну, куда нам до хохлов.

Мужик тяжело вздохнул и вышел.

- Он бы ещё про пампушки вспомнил.

- Знаю! Круглые булочки из дрожжевого теста, облитые чесночной подливкой.

- У борща разные рецепты.

- Главное в борще — не рецепт, а энергетика, душа повара.

- Кто как. а я свежей свёклы, лука, кабачка или тыквы какой лет двадцать не видел. Не говоря уж о свинине и сахарной косточке. Жую вот резину, что сушёным картофелем называется.

Я сел. АС, Анатолий и геолог сидели за столом, и пили чай.

Меня поразило как светло в комнате. Солнце било в окно. День, видимо хороший. На стене, прямо надо мной крест-накрест висел карабин и охотничье ружьё. У окна - радиостанция "Урожай" и обязательная керосиновая лампа при ней - источник энергии. Рядом ламповый приёмник, точнее - радиола. Пластинки есть? Тогда танцы устроим.

Но самым удивительным было яблоко. На стене. Я протёр глаза. Не уж-то настоящее? Подошёл ближе и потрогал пальцем. Оно было нарисовано на побелённой штукатурке. Нарисовано мастерски. Настоящим художником.

Яблоко, тухлое сало, борщ - мечты. Воспоминания о прошлой своей жизни, зависть к нынешней чужой жизни существующей где-то далеко - далеко. Мечты о будущем, которые никогда не осуществляются. Реальный авитаминоз, цинга от которой придётся умереть.

- Достань полотенце, выйди на крыльцо и умойся, - сказала мне АС.

Без её указаний я не соображу, что делать... То же мне Мальвина!

Вышел. На выходе глазок с задвижкой. Интересно, зачем он здесь? Снаружи смотреть, что в комнате делается, или, наоборот, из комнаты смотреть, кто пришёл. Не понял. Помылся в небольшом прудике – каменистой луже.

Посидели, попили чайку. Геолог долго переговаривался по рации с Батагаем.

- Не знаю, за что они сидели, но я бы ещё их на десять лет посадил, а кого-нибудь расстрелял. Опять толовых пашек не прислали! Вредители, враги народа.

Он стукнул кулаком по столу, так что геологический компас свалился на пол.

Мы пошли на экскурсию.

Месторождение Кёстер (первооткрыватель – Елифанов П.П.) известно с 1937 г., интенсивно изучалось в 40-50-х годах и изучается сейчас: с поверхности канавами, глубокими шурфами с рассечками, скважинами. Олово здесь концентрируется в аляскитовых гранитах. Встречаются вкрапления касситерита, но в среднем руда бедная, вряд ли она спасёт фабрику в Батагае. Здесь в 50-х годах располагался филиал ГУ ИТ лагерей Дальстроя (Янлаг, центр - в Эге-Хая, мы там уже были). Строили и расширяли этот рудник, а также пускали обогатительную фабрику. Временами здесь трудилась тысяча заключённых. Они жили не в палатках, а в бараках, в двух лагерях: летний, рядом с карьером, и зимний, с другой стороны горы.

Если смотреть на схему рудника, то увидим нечто вроде внутренностей человека: есть шея, плечи и два лёгких. Это карьеры. В одном голубая вода, в другом - остатки ржавой воды, взрывники вчера воду испарили. Если будут так стараться, то плато превратится в кратер. Воду в горных выработках пить нельзя из-за сульфатно-фосфатной минерализации. Но в болотистых седловинах её много и пить её можно. Есть лужи с талой и дождевой водой – радость стряпухи.

Касситерит (1), бирюза (2), деревянистое олово (3) и флюорит (4).

Кёстерит - минерал, встречающийся лишь на прииске Кёстер.

На камнях валялось много черепов и костей, на первый взгляд - человеческих.

Мы довольно долго бродили по окрестностям, подбирали и рассматривали камни, отбирали образцы. Здесь минералогический рай. Некоторые минералы я определить могу. Касситерит, бирюза, лазурит, флюорит, пирит, рутил, топаз, азурит, друзы кварца, хризолита, самородные висмут и медь. О других слышал (пример, деревянистое олово), но увидел здесь впервые. Показали мне фирменный минерал месторождения – зеленовато-чёрный кёстерит ($\text{Cu}_2\text{ZnSnS}_4$), в котором довольно много серебра (встречается и в Китае и в США, но открыт именно здесь). Изометрические кристаллы длиной в несколько сантиметров. Есть тут и феррокестерит, $\text{Cu}_2(\text{Fe,Zn})\text{SnS}_4$, но нам его не показали. Были и просто красивые камни. Что это такое никто не знал. Понятно, что это фосфатные минералы, но какие именно можно определить только в лаборатории. Различных минералов здесь больше сотни - уникальный случай. Есть редкие, и весьма редкие. Есть жила амблигонита.

Несколько дней мы пытались на глаз определить запасы и качество оловянной руды. Однажды на каком-то сильно холмистом склоне АС позвала меня посмотреть, что издаёт странный звук. Близоруко шурясь, она рассматривала змейку, проползающую меж камней. Я глянул и опознал. Эта змейка - бикфордов шнур, а шипение издаёт бегущий по ней огонёк. Такие шнуры я сам изготавливал и испытывал в своём беспутном отрочестве.

- Сейчас рванёт! – предсказал будущее я.

С несвойственной мне резвостью, прыгнул вверх по склону, и залёг за вовремя подвернувшуюся скалу. К моему удивлению АС издала душераздирающий крик и бросилась вниз по склону. Это делать категорически нельзя. Раздался взрыв. Я отделался лёгким испугом и выглянул из-за скалы. Струя камней взлетела в воздух под прямым углом к склону. Как вода из дачного шланга. Камни пролетели над АС и начали падать вниз. АС изо всех сил бежала под их занавес. Я прикинул, что будем делать с трупом. Однако, ей повезло, она споткнулась и упала. В основном камни перелетели через неё, её слегка побил гравий.

Прибежали взрывники. АС устроила им истерику. А они-то причём? Кроме них двоих тут никого нет. Откуда они знали, что дурные москвичи будут бродить по их региону, разинув рот и считая ворон? Под ноги смотреть надо...

Со взрывниками, Витей и Юрой мы подружились, хотя они были существенно старше меня. Начали готовиться к мощному взрыву. Я помогал, таскал мешки с аммоналом, укладывал их, перемешал их гексогеном (надо осторожно - сильнейший яд) и тротилом. Килограмм 100

набралось. Слегка покритиковал напарников, хотя профессиональным взрывником работал впервые, раньше любителем был.

Подготовили. Наш отряд в полном составе укрылся в сарае. Его передняя стена куда-то делась, что позволяло обозревать окрестности. Раздался взрыв большой мощности. Аж в ушах заложило. Дым и камни выстроились в столб. Пара секунд, и на наш сарай пролился дождь камней. Не ужасно! Сарай покрыт слоем земли. Выдержит. Но надо такому случиться, что здоровый кусок гранита принял форму клина, каким-то образом пробил крышу, пролетел в 10 см мимо головы АС и вонзился в пол буквально в двух сантиметрах от носка сапога. Чудеса! За один день камни два раза на жизнь АС покушались. Теперь будет жить долго.

Как-то вечером вышел по нужде и предо мной предстала картина, преследующая меня до сих пор. На фон фиолетового заката и солнца, сканирующего верхушки окрестных сопков, лежали, сидели и стояли мертвецы. С усами, бородами. Многие с хорошо сохранившимися лицами и телами, но большинство уже тронутые тленом или обгрызенные песцами. Кто в одежде, кто голышом. Гнилые зубы наружу. У некоторых можно определить национальность, и даже степень интеллигентности. К мертвецам вела аллея из голов (где-то из черепов на высоких палках).

Приведения! Я рванул в дом.

Там надо мной посмеялись и успокоили. Никаких душ умерших. Однажды зимой лагерь почти весь вымер: цинга, холод, голод, но и ещё эпидемия какой-то болезни случилась. Пока были силы, взрывами прокладывали траншею, туда складывали трупы, направленным взрывом из покрывали камнем. Последних хоронили уж кое-как. Начальники и охрана тоже вымерли. А, что тела и головы, не черепа и кости, так у нас климат такой. Вечная мерзлота. Мамонт вон миллион лет хранится.

- Взрывы же идут, захоронения вскрываются. Вот взрывники и развлекаются. Шутки у них такие!

- За такие шутки морду бьют!

- Завтра всё соберём и захороним навечно.

Когда окончательно стемнело, собрались все в Штабе. Забили комнату под завязку. Дышать трудно, накурено, ещё и печку растопили, чтобы ужин приготовить и чаёк заварить. Разговаривали. Раздавили пару пузырьков одеколona. Я не стал - запаха лаванды не терплю. Завели радиолу, поставили пластинку, вальс "На сопках Манчжурии". Заунывная музыка. И так настроения нет.

Тихо вокруг.

Сопки покрыты мглой.

Вот из-за туч блеснула луна,

Могилы хранят покой.

Вовек не забыть нам

Этой ужасной картины,

И то, что Россия могла пережить

Беды и позора годовины!

Точно, но тоскливо. Я потянулся поискать другие песни. Повеселее.

Тут один гость (первый раз вижу) вонзил охотничий нож в стол и вскочил:

- Сука я! Жизнь просрал! Свою жизнь просрал! Сам! Я - говно!

Он схватил мирно висевший на стене карабин и вылетел из хижины.

- Застрелится! - сказал Витя.

- Не застрелится! - сказал Юра.

- Спорим! На что?

- На пузырёк.

Геолог разбил им руки

Подождали. Раздался выстрел.

- Застрелится! - радостно вскричал Витя. Он схватил пузырёк тройного, и начал отвинчивать крышку.

Раздались ещё два выстрела.

- Не застрелится! - констатировал Юра. - Салют устроил. Знаю я его - псих ненормальный.

Отобрал у Вити одеколон и вылил его себе к кружку.

Наутро мы начали спуск. Медленно и осторожно.

Хотя хотелось поскорей покинуть это место.

Гору Кёстёр ждёт большое будущее. Лет через двести.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ

В 1964 году, досрочно окончив четвёртый курс Химфака МГУ я устроился коллектором в экспедицию 2-го ГГУ (Гидрогеологическое управление) Формально мы должны были описать истоки основных рек Алтая и ледники, из которых они образуется. Но тогда СССР готовился к войне с Китаем, и активизировались работы на границах. А Алтай как раз граничит и с Монголией и с Китаем. Поэтому неформально, но тщательно, мы характеризовали горные тропы и дороги с

точки зрения проходимости их и мостов через реки для пехоты, кавалерии и танков. Никаких проб мы не отбирали, радиоактивность не мерили, но делали зачистки и шурфы, которые и описывали.

База экспедиции была в пос. Кош-Агач, регионом исследования - Чуйская и Курайская степи, и горные хребты, их окаймляющие (Катунские белки, Северо-чуйский хребет, Курайский хребет), долины рек Чуи, Аргута, Башкауса, и частично Катуня.

Супермен

Кастыля я впервые увидел в славном поселке Кош-Агач. Это - в Чуйской степи, на границе с Монголией. Мы собирались на Катунские белки и все были в сборе. Не хватало только Кастыля с Вaley. Они должны были прибыть сюда лишь завтра, и то к вечеру. Однако когда радостный Пупочек, случившийся на рации, поведал о письмах и гостинцах с материка, Кастыль крикнул, почесал в затылке и пообещал явиться сегодня.

Ну, ну! Где гумно и где именье!

Под вечер, когда солнце заскользило по краю степи с целью бритвой срезать горы, вдали что-то запестрело, замелькало, запрыгало и стало ясно: едут! Караван двигался равномерно, той изматывающей рысью, что вынимает душу из всадника, но гарантирует цель. Даже сейчас, в виду конца пути, лошади не перешли в галоп, а продолжали придерживаться многочасового ритма.

Валя прыгала, как мячик, но не всегда в такт Могола. Капюшон штормовки откинут, и волосы свободно развиваются на ветру. Прямо Жанна Д'Арк. На поводу она держала навьюченного Мышонка, который тщетно пытался попасть в ногу с Моголом. Кастыль сидел в седле, развалился, как в кресле, и медленно поднимался и опускался в такт иноходца. Маркиз увлекал за собой на длинном аркане три вьючных лошади.

Сохраняя порядок в монотонном движенье, караван вступил во двор школы. Я подхватил повод Сатэра и протянул руку Вале. Та прыгнула ласточкой. Кастыль соскочил с седла, одним движением затащил повод Маркиза на стойке загона и двинулся к нам.

Зрачки у Пупочка начали медленно расширяться. Он ойкнул и повалился на землю. Сначала он бился тихо, потом начались всхлипывания: "Не могу! Ой, не могу!" Я надел очки. Да, это надо было видеть!

Кастыль зарос, как панк. Борода начиналась с бровей. Вперед воинственно торчали рыжие усы. Большие ярко синие глаза, выделявшиеся на загорелом лице, смотрели твердо и жестко, отражая волю уставшего, идущего на нервах человека. Голубые глаза медведя. Из-за левого плеча торчала двустволка, в правой руке - боевой карабин с зачем-то примкнутым штыком, в левой - мелкашка, Тозовка. Поперек широкой груди шел патронташ. Сбоку болтался кавказский кинжал в деревянных ножнах, из-за пояса выступала короткая финка. Супермен! Таежный волк!

До пояса. Но ниже...

Ниже он был без штанов. Точнее имелась одна почти целая штанина, сшитая из карманов энцефалитки (Ручная работа!), но вместо другой - лишь черные лохмотья. Обут он был не в привычные для всадника кирзовые сапоги, а в шлепанцы без задников. Голову украшала салатная полупрозрачная дамская шляпка с вуалью. Длинные ноги, изогнутые в дугу, придавали походке грацию рахитичного переростка. Длинная фигура Дон-Кихота раскачивалась на ходу, как мачта дрейфующей в зыби яхты.

- Здорово мужики! - прохрипел Кастыль.

Внешность обманчива

Плохо, когда одного принимают за другого. Вот Кастыль: ленив и добродушен. Займет угол и молчит. И, что важно, никого не трогает. Ну и полагают, что он труслив, слаб и нерешителен. Это, однако, не так. Совсем не так.

Сидим в камералке, травим по малой. Шутки, приколы. Какой-нибудь новичок начинает задираТЬ Кастыля. Тот что-то мямлит, уходит от боя. Новичок надирается. Обидеть норовит. И вот порог преодолен, процесс пошел.

На физиономии Кастыля все еще добродушная улыбка, но глаза теряют синеву, сереют и становятся стальными. Самое время сваливать, причем с максимальной скоростью. Но у новичка реакция слабая, он в глаза не смотрит. Удар! Тело болезного взлетает в воздух, пролетает над столом и вылетает в окно вместе с рамой.

- Мудак ты, Кастыль! Дуть же будет!

Без ружья

Однажды Кастыль с Пупочком вышли из леса и гордо бросили к костру глухаря.

- О! - сказали мы, - кто добыл?

- Пупочек держал, я - стрелял, - отвечал Кастыль.

??

<http://profbeckman.narod.ru/>

– Продираюсь я сквозь ельник. Слышу: Пупочек лает не своим голосом. Что за дела? Пошел навстречу, смотрю: Пупочек высунулся из шурфа, стоит на четвереньках и лает на ель. А сверху на него глядит глухарь: что за животное с длинным носом? Ну, я и стрельнул.

Мы заржали.

– А что? – заворчал Пупочек, – рою себе яму, а тут раз! и на суку – глухарь. И ни ружья, ни рогатки. Я и взвыл с досады.

Надёжность

– Шеф! – ворвался в лабораторию Саня, Уф! Все сделал, завтра принесу...

– Что сделал?

– Все, что просили!

– А результат видел?

– Зачем!! Бросил на счет и сюда.

– А она посчитает?

– Куда денется? Я в систему кое-чего своего добавил. Для гарантии.

И вспомнил я долину Адычи. Шли караваном по кромке лес - плавни. Вдруг – стая уток налетела и в камыш на озеро села.

– Ужин! – воскликнул Пупочек, и мы ринулись в атаку. Первым же дуплетом я уложил двух уток, да потом добил подранка. Вернулся к Сатэре, завалился в седло, как в кресло, сижу, жду.

Казалось, где-то взвод штурмует Гуниб. Дробь сыпалась с неба. Пальба затихла, подождал полчасика, пошел выручать.

Вдали от берегов на кочке балансировал Пупочек. Упасть боялся. Хотя терять было нечего - из ушей торчала осока. Уже купался.

– Утку убил, обрадовал он меня, – запропастилась куда-то.

Мы принялись усердно искать, раздвигая камыши и осоку. В третий раз, нырнув с головой, я поинтересовался:

– Точно убил? Видел, куда падала?

– Точно! Стрельнул и аж повел!

Прям садовник со шлангом.

Плюнул я и пошел вылезать из болота.

Русская печь

Тропа петляла, петляла, но все же вывела на заимку. Большой сруб из кедра, пасека, загон для овец – все, как положено у потомков столыпинских переселенцев. Спешился, зашел в избу. Полдома занимала большая русская печь с лежанкой. Перед ней, уже по алтайскому обычаю, на полу расстелены шкуры и стол на низких ножках. Заглянул в печь. Угли горячие, по краям догорают головешки. Вынул я котел, похлебал борща и развалился на шкурах хозяев ждать.

Вечерело, темнело. Тихо, лишь урчит река.

Задремал и тут!

Железная дверца печи с грохотом упала и в дымке огня появилась старуха. Нагая, с длинными седыми волосами, нос крючком.

Баба Яга!

Вот тут-то волосы у меня и стали дыбом. Сердце обвалилось.

– Здорово, начальник, – сказала она, – спирт есть? Сейчас чайку попьем. Сегодня суббота, вот я и мылась, мылась, завтра отдохну.

Хозяйка выбралась из печи и стала готовить ужин.

Так вот, ребята, у меня за бортом 20 экспедиций, 30 походов. Работал водолазом, взрывником и химиком. Мастер спорта по альпинизму. Взрывался на всем, что можно и нельзя. Попадал во все виды аварий. Охотился и дрался.

Но страх испытал лишь однажды.

Советский гарем

К гарему я всегда относился положительно. Одна жена – это все же мало. То она больна, то устала, то рано вставать, то сериал по телику и вообще – ты плохо себя ведешь. Секс ущербный, без фантазии.

А в гареме? Оставил туфли у нужной двери, и ночью она у тебя. Конкурентный отбор придает ей прыгучесть: удача не повторится.

Умеют жить на Востоке.

Однако!

Однажды я с Виктором, каюром-алтайцем, гнал табун лошадей по Чуйской степи - каменистой высокогорной пустыне. Безрадостный вид утомлял. Сделали крюк к Катунскому хребту, где кочевала его семья.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Юрта, собаки, овцы, айран. Дамский квартет на седьмом небе: барана зарезали, шашлык, чай с лепешками. Степенные разговоры. Кайф!

Ночь настала – пора спать. Улеглись на шкурах по периметру юрты. В центре костер, радио играет, светло, тепло и мухи не кусают. Расслаблены все члены. Дремота.

Тут и началось.

Сначала жены лишь глухо переговаривались. Потом вскочили и, в чем мать родила, бросились на Виктора. Тот не возражает, но ведь с кого-то надо начать. А тетки дерутся: волосы трещат, немые задницы мелькают, визг, писк. Мамаша советы дает.

Я прошел сквозь стену. Продрал кошку и в коконе спальника выкатился в степь. Там, положив голову на камень, и заночевал.

Утром на Виктора больно было смотреть. Без завтрака отправились в путь. Карабин уже не торчал над плечом – одна из жен его разрубила. Понял я, почему он с экспедициями ходит. Гарем по-советски – тяжело.

Бардак и никакого порядка!

Перекур

Ходим, ходим отрядом в экспедиции. Надо отдохнуть. Но нужно обоснование. Вот оно: команда ПЕРЕКУР. Ура! Рюкзаки скинули, легли, кайфуем. Дамы достали сигареты, дымят. Из десяти мужиков не курит ни один. Перекурили (не мы), встали, пошли дальше.

Цыганка с картами

Мы с Торопынко, долговязым и тощим сыном министра сельского хозяйства СССР (тогда он кончал десятый класс), сидели на Катунских Белках и пасли лошадей. Сидели, сидели, все припасы съели, а приказа нет. О нас забыли. Начальник запил и отпал. Решили пробираться к базе самостоятельно. А Горный Алтай - не Варшавское шоссе. Тропы узкие, пропасти глубокие, перевалы высокие. Да и далеко - километров 150. А у нас ни карт, ни компаса. Куда идти? Как идти? Лошадей одиннадцать, все дикие, нас двое, а перевалов восемь (это если идти правильно). Арканов нет, скотина разбегается по лесистым склонам (Лови, как знаешь), шарахаются от любого лоскутка на дороге, дерутся друг с другом, как свора собак. Тихий ужас! Измаялись мы с ними изрядно, и обрадовались, когда вышли на некий шлях, текущий в сторону Чуйского тракта.

Едем мы себе, едем. Догоняем цыганский табор. Самый стоящий, с кибитками, детьми, лошадьми. И большим стадом овец в придачу. На одной телеге, вся в цветных юбках, лежит молодая цыганка:

– Ребята, закурить дайте!

Торопынко шарахнул нагайкой по мерину и рванул вперед. Он с незнакомками не водится. А я вынул последнюю пачку Беломора и отдал ей.

– Спасибо! Какой добрый! Я тебе судьбу предскажу...

Потасовала карты, раскинула, пошептала и говорит:

– Жалко мне тебя! Умрешь скоро. Очень скоро. До сегодняшней ночи не доживешь!

Ну, и каково такое слушать?! Тут и так еле жив, а тебе гадкие прогнозы лепят. Да за мою доброту, к тому же. Конечно, я окончил четвертый курс МГУ, т.е. уже человек образованный, к суевериям не склонный. Но все же! Едешь и оглядываешься: откуда смерть придёт...

С тех пор прошло сорок лет. Я жив пока (Тьфу, тьфу, тьфу!).

Но терпеть не могу дилетантов!

Аморалка

Плевал туман на полдень, он и не думал рассеиваться. Мы не витали в облаках - парили в тучах. Дождило, ржавели кости. Где-то вокруг громоздились хребты, простиралось вздыбленное плато, пряталось в засаде озеро. Но, увы!

Ни хрена не было видно.

Изредка впереди вырастал завернутый во вьюки круп Ко-Ко. Тогда Сатэра возмущенно фыркал и щелкал зубами. Резкий и точный удар двух копыт отбрасывал нас назад. Балансирующая в качестве привьючки Валя летела вперед. Заминка. Женский мат. И:

Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала

Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала

Шёл один ишак

Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала

Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала

Шёл другой ишак

Наш караван, два человека и три лошади, перемещался во времени и пространстве.

Три дня лезли в небо навстречу падающим потокам воды. Можете поверить: мы заслужили засуху. Но нет! Плато, на которое мы в конце концов влезли, представляло собой сплошное болото.

Вода и не думала скатываться вниз, хотя любой флюид на ее месте так бы и сделал. Все же 4000 м над уровнем моря - не шутка.

Каравану положено шагать мерно. Мы же прыгали с кочки на кочку, как блохи. Изредка лошадь промахивалась мимо тверди и проваливалась. То по колено, то - по брюхо. Полежав в воде секунду-другую и дождавшись пока мои сапоги полностью заполнятся водой, она вскидывала задом, и с оглушительным пердеием прыгала вперед. Иногда у Ко-ко рвалась подпруга, и съехавшие вьюки вынуждали его делать стойку на бровях. Валя катапультировалась в воду и плескалась, как в лягушатнике. Я подходил к ним, сбрасывал вьючники и спальники в болото. Полузадушенный Ко-Ко отчаянно матерился в душе. Вновь восстанавливали вьючную пирамиду, на вершину которой я забрасывал Валю. Теперь можно: Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала...

Ан нет!

Сатэра с Гномом время зря не теряли и надежно запутались в связывающем их аркане, образовав кучу-малу с деревьями. Пробраться между бьющимися копытами, развязать узлы разбухших веревок, развести осатаневших мерингов, вновь построить караван, вот тогда действительно:

Джим бала, бала, бала, Джим бала, бала

После этих маневров мы созрели на роль леших, водяных, кикимор и прочей нежити. Можно было смешить детей, но шел дождь, и мы скучали.

Караван, несомненно, куда-то двигался и где-то находился. Не ясно было, куда и где.

Начали спускаться. Никаких признаков тому не было, но я знал точно. Ехали мы, как всегда, молча, окруженные молочной тишиной: ни пения птиц, ни писка комаров. И это прекрасно! Это я люблю. Потому я и хожу в маршруты с Валею, что она молчалива. Молчит всю дорогу, не мешает думать великие думы. От других дам голова болит - трещат, как сороки. Именно поэтому наша пара (единственная во всей партии) уходит в маршруты на 7-10 дней. Остальные - больше двух дней не выдерживают. Главное, что Валя за мной, как за каменной стеной. И она сама, и начальство это знают. Старый я и опытный. В свои В свои 21 год я хлебнул жизни, и рабочий был, и на целине строил, и по Якутии четыре месяца шастал, пять байдарочных походов, да и здесь на Алтае уже третий месяц. Учусь на 4-ом курсе химфака МГУ. Все умею делать. Все, что мне надо, во всяком случае.

В экспедициях открылись мои таланты. Я, например: прекрасно ориентируюсь на незнакомой местности. Вон я здесь никогда не был, ни хрена из-за тумана не вижу, карты нет, компаса нет, но уверяю вас - часа через три мы будем в ущелье Башкауса, и еще через час - на зимнике (какового я, кстати, ранее в глаза не видел). И тишину нарушаю, чтобы Вале крикнуть, когда вправо, а когда влево сворачивать. Начальница моя, даром, что с геофака, а в трех соснах заблудиться готова. Вот я и команду. Она - не возражает. Непонятно, зачем такой талант химику даден? Чтобы найти дорогу от лабораторного стола до тяги? Так спросить можно...

Другой талант у меня - умение вьючить лошадей. Бывает, в одиночку на всю партию лошадей вьючу. И как! Иди хоть галопом, хоть рысью - ничего не отвалится. Верхом хорошо езжу, костер с одной спички разжигаю, палатку один ставить могу. Да мало ли. Шурфы копаю, как крот, прилично стреляю и рыбу ловлю. Вынослив и неприхотлив. Можно сказать - идеальный путешественник.

Но есть и третий талант, из-за которого нас и отпускают спокойно вдвоем в длинные маршруты.

С бабами умею обращаться!

С ними просто: хочешь вниманья моего - сразу отдавайся. А нет, так нет. Не хочешь сразу, так я на пушечный выстрел к тебе не подойду. По принципу: «Положи мне в постель королеву, я пошлю ее на...». Валя на меня не реагирует. Прекрасно! Таким манером она не то что неделю, год со мной в одной палатке прожить сможет. И невинность сохранит, если она у нее еще осталась, конечно. Я - импотент из принципа. Стар я для шалостей, наука скорей доведет до оргазма. Но, а если сразу отдалась, так на последствия особенно не рассчитывай: я тебе не бык-производитель. В двадцатом веке можно и без последствий обойтись, ежели ты дама культурная. Сама должна об этом беспокоиться, коли в поле намылилась.

Но дуры они редкостные. Да и воспитанье у них неандертальское. Где не надо, они бойки без меры, а где надо, так тушуются. Тоже мне - эмансипация! Эмансипация - эмансипацией, а кавалер даму приглашает, а не наоборот. Та стоит у стенки мается, ждет, пока пригласят. Это ж пытка нечеловеческая. Я, например, как белый танец, так сразу в туалет сбегаю, чтоб судьбу не испытывать. Никто не пригласит, так и буду колонну подпирать? Положим, я ее и все равно весь вечер подпирю. Но я свободен! Когда захочу, тогда и приглашу, а не приглашаю, так значит - не желаю. Дама ждет атаки со стороны мужчины. И зря: так в девках и останется... Эмансипация, это когда женщина приходит и говорит, так и так, я тебя хочу, давай жить вместе. Серьезно и просто. Потом уж - мое слово. Главное - вовремя и умело отдаться! Вот чему нужно учить девочек с детства, а не каким-то там химиям-геологиям.

Болото стало суше, но появилась карликовая березка. Коняги засуетились, пытаясь найти хоть какую-то тропку, но куда там. Поперли напролом к некоей щели в горах, которой не было видно, но которая, как я наверняка знал, вот-вот должна была предстать перед нами.

Лошади давно были недовольны судьбой. Пятый день брели они по горам, и это не доставляло им ни малейшего удовольствия. Не пригодны они к таким прогулкам. Низкорослые степные некованные монголки. Впереди (чтобы не потерялся вместе с начальством) двигался Ко-Ко. Пижон редкостный. Лишенный способностей, он, тем не менее, вечно выпендривался перед людьми и кобылами. Ужасно любил галоп, скачки, преследования и т.п. Тайно мечтал сняться в ковбойском фильме. Его любимой хохмой было встать на полном ходу, с поворотом на 90 градусов. Редкий кавалерист оставался при этом в седле. Правда, с женщинами он был благороден и сейчас унижительно навьюченный четырьмя экспедиционными спальниками поверх кавалерийского седла и имея в качестве привьючки Валю, он двигался аккуратно и серьезно. Дело есть дело. Шутить не надо.

Мой Сатэра в душе матерился ужасно, но не выкобенивался. Хотя он и был впервые в горах, но пер, как танк. Я сидел в ленивой позе, хотя ноги волочились почти по земле, сшибая изредка камни. Коняга самолюбив был до крайности. Как же - иноходец! Вечно замкнут в себе, вечно одинок. Он глубоко страдал от кастрации, глухо презирая товарищей по несчастью. Те платили ему тем же, и в табуне он был изгоем. Если я утром находил табун на одном склоне горы, то знал: Сатэра - на противоположном. Стоит в высокой траве, ушами шевелит и надеется: авось не найдут. Горы ему не нравились, но он трудился, демонстрируя молодость и силу. Имел вид князя Волконского на рудниках.

Но кто на самом деле был обижен на судьбу, так это бредущий у меня на поводу Гном. Старый кавалерийский конь шел под вьюком! Такого унижения он не испытал ни разу в жизни. Довольно бурной жизни. По утрам он устраивал нам настоящие истерики, кусался, брыкался, валялся по земле, не давая седлать. Ну, а кто виноват, что у него сбита спина, и он может идти только под вьючным седлом?! Старость - не радость! Впрочем, коняга опытный, он не был врагом себе и в караване четко держал строй: вперед не забегал и не останавливался.

Так в нашем отряде установилась рабочая атмосфера.

По каньону просто так не пройдёшь.

Спуск стал круче, внизу зашумела река. Мы втягивались в заветную щель. Появилась тропка, сканирующая пропасть. Изредка одно, а то и два копыта Кокоти соскакивали с тропы, и он выбирался на передних. Мешали водопадики, пересекавшие путь. Однажды Сатэра, решив, что он на конкуре, прыгнул через один такой. Я больно ударился яйцами о передний выступ седла. Какой идиот изобрел казацкое седло? То ли дело – кавалерийское, плавно нисходящее спереди на нет. Как велосипедное, только больше. А в казацком – вертикальный выступ, в самом непотребном месте. Хорошо дамам - им ударять нечего. Вот кто может скакать часами! Непонятно, правда, почему раньше они ездили в седле бочком? Из-за длинных юбок что ли?

Дело шло к вечеру. Туман, наконец, начал рассеиваться, готовясь к закату. Тропа стала шире, речка - ближе. Впереди внизу замаячили снежные вершины. Стало понятно, что наш каньон рано или поздно вольется в широкую долину. Будем надеяться, что Башкауса. Там слезем со стенки и загуляем на просторе. На воле!

Интересно, кстати, почему в русском языке два термина для обозначения примерно одного и того же понятия: воля и свобода? Или это - совершенно разные вещи? Нас учат, что свобода - осознанная необходимость. Сказанул же Спиноза! Как в воду перднул! Свобода, ребята, это пространство доступных альтернатив! Одно дело – конь на горной тропе, другое – в степи, одно дело – трамвай, другое – птица. Свобода - возможность действовать по своей воле ("Главное, чтобы бы воля была к победе") или хотя бы не делать того, чего не хочешь. Для меня - это возможность не действовать вообще. Понятно: свобода – возможность осуществить свою волю и одновременно возможность выбора.

И сразу получим парадоксы свободы.

Свобода складывается из двух условий: внутреннего (воля) и внешнего (возможность ее осуществить). Кто-то ограничен выбором в среде существующих возможностей (пространстве доступных альтернатив), кто-то сам способен создать новые возможности (проложить автостраду по здешним горкам). Обе составляющие связаны неразсторжимо: воля не может осуществляться и даже исчезает, если существует только одна возможность (как сейчас - одна тропа) или нет ни одной; наоборот, если нет воли (потребности), возможности размываются. (Какое мне дело до ваших доступных путей, если я вообще не хочу слезать с дивана?!)

Для определенности, связь между желаниями и возможностями назовем ценностью.

Легко различить пять уровней ценностей: элементарный (радость, удовольствие), жизненный (здоровье и жизнеспособность; сюда с одной стороны входит выносливость и сила, с другой - порода и изысканность), психосоциальный (мужество, характер, честь, достоинство, привлекательность), духовный (правда, добро, справедливость, красота) и уровень смысла. Ценности дают смысл всему, что мы встречаем в нашей жизни, и всем нашим действиям. Но только тогда, когда у самих ценностей есть смысл. Поэтому смысл - высшая ценность. Сами

ценности часто теряют смысл. Например, наслаждение бессмысленно, если ухудшает нашу жизнеспособность («курить - здоровью вредить»), Сила бессмысленна, если уничтожает жизнь («сила есть - ума не надо»); честь бессмысленна, если отрицает справедливость.

Ценности и возможности их осуществления заставляют нас что-то хотеть, к чему-то стремиться; определяют содержание воли, способы действий, их смысл. Существование ценностей - основное условие свободы. Вот вам и парадокс. Любая из ценностей несет в себе ограничение гипотетических возможностей. Например, если надо мной властвует ценность правды, я не могу врать; если признаю ценность брака - не могу бегать по бабам, конкретно, - приставать с глупостями к Вале. Получается, что основной компонент свободы сам в себе несет ее ограничение!! Но разве свобода не есть отсутствие каких-либо ограничений?! Ситуация напоминает процесс зарождения организма, в котором уже заложена его будущая смерть...

– Зимник! - закричала Валя, как матрос с клотика каравеллы Колумба при виде суши.

Я выпрямился в седле, как телескопическая башня. Действительно. Объявилась, наконец, долина Башкауса. На какой-то момент на склоне, высоко над рекой, как чешский замок, показался сруб с плоской крышей, накатом из бревен и трубой. Тропа спустилась к воде и исчезла. Намек понял, надо переправляться. Кокотя заметался, делая вид, что страшно боится кипящей воды и камней. Я развернулся и что есть силы, огрел камчей выставленный зад (По Вале бы не попасть - неправильно поймет). Это вернуло ему ясность мысли и ощущение реальности. Ко-ко взял барьер, поскользнулся и растянулся посреди потока, изображая порог. Валя натянула поводья, задрал голову коняги в небо. Тот устремился в высь, раз прыжок, два и на три - он на берегу. Столб брызг от трясущегося, как собака, Ко-ко ознаменовал успешную переправу ценнейшего груза.

Двинув всем корпусом, я направил Сатэра в воду. Пижон, он и в Африке пижон. Сатэра вошел по колено в воду, не обращая никакого внимания на грохот потока, и остановился попить. Выпив пару ведер и пописав туда же, он легко перешел на другой берег, не забыв заполнить мои сапоги водой. Гном потоптался, потоптался, но, перекрестясь, двинул за нами. Переправа совершена без потерь.

Тропа пошла круче, обогнула бом, и мы снова увидели зимник. Увы! Он был занят! К дому привязаны лошади, суетился народ. Вот так всегда: твоя свобода наталкивается на свободу другого. И тут уж право первого захвата. Радости мало - в тайге лучше с тиграми встретиться, чем с людьми. Сейчас начнется: в легком варианте - пристаивания с вопросами, выпрашивание спирта, курева, тушенки и т.п., в худшем - потуги на насилие над дамой и мордобой. Придется изобразить броневик с круговым обстрелом. Хорошо хоть у меня шесть стволов (в сумме) и два ножа. Но ведь я, кажется, упоминал, что настоящая свобода - это когда ничего делать не надо. В том числе - убивать себе подобных.

– Наши! – завопила Валя, которую занимали схожие мысли. - Начальник с отрядом!

Действительно, кто-то бежал нам навстречу, размахивая руками, как мельница. По мере приближения стало ясно, что это – сам Пупочек. Его распирали информация:

– Боря Золотарев марала завалил, – радостно оповестил он нас.

Жизнь снова повернула в сторону свободы. Число доступных альтернатив возросло. Времена сейчас хрущевские, голодные. Выглядели мы дистрофиками, ибо полагалась одна банка стуженки и одна тушенки на день на двоих. Ну и чай – неограниченно. А это для растущего организма мало. Тем более – на свежем воздухе и при работе. И альтернатива в виде свежего мяса – вполне доступная альтернатива.

Как сказал верблюд: «То, что я могу не есть две недели, еще не значит, что меня не надо кормить ежедневно».

Спешившись, я включился в работу. Шкуру уже сняли, но дел много: разделить, рассортировать, что сразу кушать (мозги, печенка, требуха), что потом, что коптить про запас, отделить желчный пузырь, не раздавив его и т.д. и т.п. И рубить, рубить, рубить. Было уже темно, когда с маралом покончили, разбили в зимнике палатки (превратив залу в кооператив индивидуальных коттеджей) и уселись вокруг растопленной печи вечерять.

– Гинеколог копает шурф, – рассказывал возбужденный Золотарев, – я сижу, образцы рассматриваю. Вдруг краем глаза чувствую – движенье: маралы. Семья - три штуки. Самец вылетел было из кустов, рогами повел и обратно. Людей почуял, смылся. А самка пошла по склону, уводя нас от теленка. Ну, я в шурф скатился, карабин схватил, об бруствер хорошо уперся и раз! по ней. Та дернулась и исчезла. Пошли искать – должно в Башкаус свалилась. Искали, искали. Исчезла! «Промазал», – говорит Жэка. Но я же видел, как дернулась. Так и ходили по берегу: пять километров вниз, пять – вверх. И по новой. Совсем отчаялись. Но нашли! Далеко вниз унесло и под завал затащило. Еле извлекли. Представляет: пуля вошла в зад, прошла насквозь все тело и застряла в голове. Хороший карабин. Тут я о зимнике вспомнил. Подались сюда, тем более что Кастыль с Валею здесь проходить должны. Вот теперь пару дней отдохнем, мясо покоптим, в радиальные маршруты сходим.

Фортуна повернулась к нам нужным боком.

В печи трещали поленья, по стенам и потолку плясали наши тени от свечек. Всем раздали тазы, для мытья шлихов предназначенные. Сейчас тазы дымились от груд мяса. Нежные мозги

соседей с мослами. Кости с мясом напоминали дубины. Пир немецких баронов. Раздали и мисочки с голубикой, политой сгущенкой. Раздали толстые пресные лепешки, испеченные в золе. И, наконец, - кружки со спиртом.

Что еще нужно простому быдлу!

Нэлла взяла первые аккорды, из которых человек знающий понял: «Дымится разведенный спирт в химическом стекле!»

Ну, это у кого разведенный, а у кого и нет.

– Для начала, – начал Борис, – я предлагаю выпить за дерево, стоящее в воде и умирающее от жажды. Мы – нищие в богатой стране. Сейчас решается судьба Катуньской ГЭС, судьба Алтая. Наши судьбы переплетены. Сделаем, что должно, и пусть будет, что будет!

Мы сдвинули кружки, дружно выпили, крикнули и закусили. Раздалось громкое чавканье. Не скоро удалось перевести дух.

– У меня тоже тост! - заявил Женя Бергер, он же врач-общественник, наш гинеколог муз:

О тропы Горного Алтая,
О юность страстная моя,
Меня томит печаль пустая

Вас скоро не увижу я.

О реки, рвущие каньоны,
О зелень трав среди долин,
О снеговые батальоны
Неописуемых вершин!

Там бродят робкие маралы,
Там кизяки для топки жгут,
Там на крутые перевалы

Овец и сарлыков ведут.

Там жизнь на юный взгляд простая,
Над юртой дымная струя.
О тропы Горного Алтая,
О юность страстная моя.

Выпили по второй. За Алтай выпить не грех. После третьей («За тех, кто в поле», не чокаясь) разговор стал общий, травили анекдоты, вспоминали недавние происшествия, обсуждали баб. По мере роста выпитого от женщин перешли к производственной тематике. Нэлла окончательно насытилась, взяла гитару фундаментально, и мы запели. И про сырую тяжесть в сапогах и про перекаты, и про дым костра, создающий уют. Потом взялись за за блатные, типа "Была ты с фиксою, тебя я в парке встретил..." и, естественно:

Свечерело, солнце село Да! ветерок слегка

Прогуляться девка вышла - все равно война.

Пели долго, глотки луженные. От выпитого и съеденного слипались глаза.

– Спутник!

Мы выкатились из избы.

Черная ночь. Ни облачка. Ярко блестели звезды. Одна из них двигалась. Уж пять лет, как первый спутник запустили, казалось, и насмотрелись и привыкли, а все же интересно. Может, кто живой там сидит, о доме мечтает.

Спутник, спутник, ты летаешь

Ты летаешь до небес!

И навеки прославляешь,

Мать твою, - КПСС.

Народ долго еще топтался на крыльце, а я полез в свою палатку, разбитую в дальнем углу зимника. Гинеколога где-то черти носили, но оно и хорошо. Растянулся на спальнике. Тепло и сухо! Пузцо сытое горой торчит вверх. Истома пошла по всем членам, все же наломался сегодня не слабо. А уж крепко выпить и хорошо покушать, вообще два раза в сезон удастся. Отличный денек!

Философы предлагают разные способы разрешения первого парадокса свободы. Одни вообще отрицают понятие свободы. Какая может быть свобода, если все под Богом ходим? Что запланировано в небесной канцелярии, то и будет. И воля, если надо, возникнет, и пути появятся. А нет, так нет. Другие, во имя свободы, ослабляют понятие ценности. Скрытый корень этого проглядывает уже у Гегеля, но проявляется у двух его главных наследников: Ницше и Маркса. Неслучайно, что два движения, использующие некоторые их идеи для своих идеологий - нацизм и коммунизм - дошли до полного унижения свободы. А все потому, что высшая ценность у каждого из них примитивна: у Ницше - воля к власти, у Маркса - интересы одного класса.

В соседней палатке началась и усилилась возня. Сплошной поток слов, сначала тихо, потом – громче.

– Господи, какое счастье с женщиной общаться, – доносился голос Вали, – два месяца одна с мужиками. Ни раздеться, ни подмыться, ни полечиться. Даже говорить не с кем. Олег Кирстен, тот, что Кастыль – ты знаешь – набычится и молчит весь день. На хромой козе не подъедешь. Да и

о чем с ним разговаривать? Попа моя вся сбита, а ляжки! Смотри – красные и синие. Раздеться стыдно. Посадил меня сверху на вьюки, сижу на шпагате. Потри спиртом. Ой, ой, ой, как щиплет. Давай я лучше его выпью.

– Да! Мужики – народ тупой, – отвечала Нэлла, – Повезло с маралом и отдыхом. Завтра же баньку организуем. Всласть помоемся!

– Дело не в том... Мне двадцать лет и что? Ничего! Вроде учусь в мужском вузе, с мужиками вон месяцами вповалку сплю. И хоть бы что! Хоть бы кто-нибудь обратил внимание, хоть бы кто на что покусился. Нет! Моя кузина Машка, на год младше меня, а уже замуж вышла. Как такое быть может? Я что – уродина или дура какая набитая? Все вроде при мне. Может сглаз какой? Посоветуй, у тебя мужиков много.

– Э, Валя! Ты в первый раз в поле, а я уж со счета сбилась. Лично я сплю со всеми, кто хочет, но по порядку. Без драк. Секс – единственное удовольствие в нашей гнусной жизни. Почему не доставить его себе и другим?! Но ты на меня не смотри: у тебя своя судьба.

– Вот Кастыль, парень сильный, здоровый, видный, опытный. Если начинать, то почему не с него? Но он же молчит! Ну, никакого внимания ко мне. Ведь женщина под боком. И за сто километров никого вокруг. Патология какая-то.

– Твой Кастыль – соплик. И трус к тому же. Знает, что ничего не знает, вот и боится. Последствий.

– Ой, Нэлла, и правда! Не уверен он в себе – самонадеян. Эмоционально туп. Строит из себя черт знает что. А сам пальцем сморкается. Барон хренов! Оружия повесил – ну супермен. Зачем ему ружья-наганы, он ведь слепой. Очки-то в первый день раздавил. Посмотри на него, когда верхом. Дон-Кихот! Но не на Россинанте, а на осле Санчо-Пансы. Он же ноги узлом под брюхом лошади завязывает. Я ему подыгрываю: инициативу отдала, так мы сколько раз плутали? Еле выбрались. Дома мама ему до сих пор хлеб маслом мажет. Своей подруге московской в рот смотрит, своего мнения нет. Слабое «я» прячет, а сильное, наглое, противное – выпячивает. А сам гладкую жизнь порушить боится. Так головой и вертит: как бы чего не вышло, и кто бы что за ним не подсмотрел. А нашкодит – к маменьке под защиту.

Недостойн он меня, недостойн!

Есть и второй парадокс свободы... Впрочем, хрен с ней, со свободой! Вроде меня обидели? Или это я обидел? Денек сегодня выдался какой-то такой... Аморальный! Сначала Золотарев совершил а-маральный поступок, завалив марала без лицензии, тем более – маралиху, потом я совершил высоко моральный поступок (сохранив даме честь), оказавшийся аморальным. Обидел женщину. До слез довёл. Как-то туго у меня с состраданьем.

Нервы

Обычно в радиальные маршруты я ходил с Валею. Иногда дней на десять. Стар я (недавно 23 года стукнуло) и опытен: алтайская - моя третья экспедиция. К тому же я добрался до четвертого курса. А Валя-салага пока на третьем. Но поскольку она - с геофака, а я – с химфака, то начальник - она, а рабочий – я. Она была в моем вкусе – пухленькая хохотушка. Вечерами я ее развлекал страшными рассказами о медведях и других таежных хищниках. Пугал, значит. Но Валя не боялась, а только весело смеялась над чужими страхами.

Мы перевалили Орой и бродили по долине Аргута. Нас двое, три лошади и собака Ром. Продирались сквозь густую тайгу. Часто приходилось топором прорубать проходы. Зато спать было мягко: землю устилал густой слой хвои. Вечером поставил я палатку, мы с Валею чинно улеглись, почитали при свечке и заснули под монотонный шум дождя.

Проснулся я от страшного визга. Это не был какой-то вскрик истеричной женщины, а именно вой от ужаса и страха. Такого еще не слышал. Кричала Валя. В абсолютной темноте, я разодрал дверь палатки и вылетел наружу. Бросился к седлам, выхватил из подсумки электрический фонарь, засветил его и прыгнул назад. Валя сидела на спальнике, трясясь и рыдая.

– Ты чего это? – удивился я.

Стуча зубами от страха она показала куда-то себе под бок. Я приподнял спальник ожидая увидеть там крокодила, или хотя бы змею, но ничего не было. Чистый брезент. Ром вилял хвостом и помалкивал. Я обошел палатку сбоку и осветил под нее. В хвое была глубокая яма, уходящая прямо под нас. Ситуация прояснилась.

Когда мы легли спать, Ром, как всегда, лег снаружи, привалившись боком к палатке и укрываясь от дождя небольшим козырьком. Гроза, однако, разыгралась не на шутку, дождь лил косой стеной. Собака стала зарываться в хвою, постепенно подкапываясь под палатку. В один прекрасный момент, Валя перевернулась на живот и легла на нее. Той, естественно, это не понравилось, она заворчала, зашевелилась и попыталась скинуть хозяйку с себя.

Что уж подумала Валя, обнаружив под собой что-то теплое, шевелящееся и мохнатое, что она себе вообразила – не знаю. Но мужество её покинуло.

Нервы, господа!

Халтура второго рода

Валя – наш научный лидер – всё мерила сама, настойчиво и дотошно. С риском для жизни ползла она по одинокому стволу кедра, переброшенному через каньон над бурной речкой, тщательно промеряя длину «временной переправы».

– Двадцать шесть метров, – оповещал ее я, не покидая седла.

Но Валя презирала халтуру. Вооружившись двухметровым прутом ивы, с нарезанными по коре делениями, она прикладывала лозу к стволу кедра и подсчитывала в слух результаты. Изредка она слетала с переправы, зависала вниз головой над пропастью, но всегда возвращалась обратно. Поскольку в результате кульбитов все цифры из ее головки испарялись, приходилось все начинать сначала.

– Двадцать четыре метра пятьдесят четыре сантиметра, – с удовлетворением записывала она в полевой дневник после часа интенсивного и опасного труда, – переправа проходима для легко вооруженной пехоты.

– В пределах ошибки эксперимента, – ехидно добавлял я про себя.

Действительно, кедр имел весьма кривую и разветвленную форму, отягощенную торчащими во все стороны ветками, и насколько его истинная длина соответствовала ширине каньона – большой вопрос. Кроме того, лоза с делениями нанесенными мною ножом довольно произвольно, была круто изогнута. Как могла быть обеспечена уникальная точность измерения косо кривым, для меня оставалось загадкой.

Еще больше впечатляли измерения расходов воды. Аппаратурой служили полулитровая кружка и секундная стрелка на моих часах. Валя усаживалась перед струйкой, вытекающей из какого-нибудь снежника, дожидалась, когда секундная стрелка достигнет 12-ти, резко совала кружку под каплю и измеряла время заполнения сосуда. Потом пересчитывала в кубометры/час. Дело было чрезвычайно важным: СССР готовился к войне с Китаем, и мы были призваны определить потенциальную водообеспеченность Катуньских белков для наших войск.

Проблема усложнилась, когда перешли к измерению расхода воды в ручьях и водопадах. Я спешивался, укладывался на подседельную кошму, накрывался телогрейкой и засыпал. Проснувшись и протерев глаза, недоуменно разглядывал сугроб-сосульку, в который превращалась за время моей сестры Валя. Температура была минусовая, шел мелкий снег, порывистый ветер нес брызги, которые, застывая, покрывали энцефалитку коркой льда. Валя замирала под водопадом и совала в его поток кружку. Беда была в том, что кружка заполнялась за сантиметра, – с удовлетворением записывала она в полевой дневник после часа интенсивного и опасного труда, – переправа проходима для легко вооруженной пехоты.

– В пределах ошибки эксперимента, – ехидно добавлял я про себя.

Действительно, кедр имел весьма кривую и разветвленную форму, отягощенную торчащими во все стороны ветками, и насколько его истинная длина соответствовала ширине каньона – большой вопрос. Кроме того, лоза с делениями нанесенными мною ножом довольно произвольно, была круто изогнута. Как могла быть обеспечена уникальная точность измерения косо кривым, для меня оставалось загадкой.

Еще больше впечатляли измерения расходов воды. Аппаратурой служили полулитровая кружка и секундная стрелка на моих часах. Валя усаживалась перед струйкой, вытекающей из какого-нибудь снежника, дожидалась, когда секундная стрелка достигнет 12-ти, резко совала кружку под каплю и измеряла время заполнения сосуда. Потом пересчитывала в кубометры/час. Дело было чрезвычайно важным: СССР готовился к войне с Китаем, и мы были призваны определить потенциальную водообеспеченность Катуньских белков для наших войск.

Проблема усложнилась, когда перешли к измерению расхода воды в ручьях и водопадах. Я спешивался, укладывался на подседельную кошму, накрывался телогрейкой и засыпал. Проснувшись и протерев глаза, недоуменно разглядывал сугроб-сосульку, в который превращалась за время моей сестры Валя. Температура была минусовая, шел мелкий снег, порывистый ветер нес брызги, которые, застывая, покрывали энцефалитку коркой льда. Валя замирала под водопадом и совала в его поток кружку. Беда была в том, что кружка заполнялась за доли секунды, причем основная часть воды проливалась мимо. Вот и приходилось, посинея от холода, раз за разом подставлять кружку.

Так, на далеком Алтае, впервые столкнулся я с явлением, которое потом преследовало меня всю жизнь: *халтурой второго рода*. С халтурой первого рода все ясно: мужику лень работать, да и не умеет он ничего делать. В гору он не лезет, прямо в палатке описывая мелкозернистые граниты на вершине. А какой они зернистости, и есть ли они там вообще – не важно. Такие личности легко выявляются, их все знают и им никогда не поручают важное дело. Другое дело халтурщик второго рода! Он необычайно трудолюбив, сутками сидит в лаборатории, снимает кривую за кривой, добиваясь воспроизводимости, проводя эксперименты с образцами, которые долго и тщательно готовили. Но! Аппаратура неисправна и дает систематическую ошибку. Методика в принципе нечувствительна к изучаемым процессам, модель, с помощью которой проводят обработку, не учитывает самые характерные черты явления, и т.д. и т.п. В результате ни результатам, ни интерпретации верить нельзя. Опять халтура получилась! Вот спецов, постоянно работающих в

таком стиле, я и называю халтурщиками второго рода. И считаю куда опаснее халтурщиков первого рода. Хотя искренне им сочувствую.

Как Вале, которую лично отогревал.

Гостеприимство

На Горном Алтае русские-староверы встречали нас довольно кисло. Конечно, если попросишь попить, поднесут кружку. Но тут же потом ее и выбросят, как безнадежно оскверненную. Поэтому обедать мы не напрашивались, чтобы не вводить братьев в расход: на всех бродяг посуды не напасешься...

Однако другие русские, жившие на заимках – крепких (кулацких?) хозяйствах – радовались нашему приходу.

– О, гости дорогие! – кидается к нам хозяйка, – в залу проходите. Угощайтесь, чем Бог послал. Хотите буженинки или сальца солененького?

– Пожалуй, – отвечаем мы скромно.

– Только нет у нас ни буженинки, ни сальца. Может баранинки пожарить?

– Можно и баранинки, – соглашаемся мы.

– Только и баранинки нема. Может яичницу с колбаской?

– Хорошо бы!

– Только колбаски мы, пожалуй, лет десять не видали. Может, просто яичницу?

– Давай бабка!

Хозяйка радостно кидается к печке, жарит яичницу из десяти яиц, мы достаем спирт. Пир идет горой.

ТУРУХАНСКИЙ КРАЙ

Летом 1968 года в качестве рабочего я отправился в экспедицию Географического факультета МГУ, занимающуюся четвертичной съёмкой бассейнов Нижней Тунгуски (Угрюм река) и её левого притока – реки Таймура. База экспедиции располагалась в фактории Кербо.

Музыкальный работник

В Кежму (тогда это было большое селение на Ангаре, теперь оно всё на дне водохранилища) прилетели вечером. Гостиницы нет, пошли в город искать ночлег. Не тут-то было. На единственной улице вдоль Нижней Тунгуски сплошные заборы недостижимой высоты. Дома – крепости. На улицы окна не выходят, все постройки (и дом, и сарай, и скотный двор) – под одной крышей. Земли нет – дощатые полы. Огромные ворота, в которых маленькая калитка. Толстые бревна, не видно, не слышно. Мы систематически стучались дом за домом – ноль внимания. Ясно: режь кого на пороге, никто не выглянет. На улице пусто – рычанье и лай волкодавов.

Услышали музыку, и пошли на нее. Детский сад. На лавочках под грибочками малыши, панамы комаров гоняют. В центре – баянист попури из мультфильмов наяривает. Изредка чья-то душа не выдерживает и пускается в пляс.

Заметив нас, баянист, здоровый мужик лет под пятьдесят, встал во весь гигантский рост и, раздвинув выводок, пошел навстречу.

– Здорово, москвичи! – определил он сразу по нашему угро-финскому аканью, – Ночевать негде? Айда ко мне: в тесноте, да не в обиде.

Мы последовали за музыкальным работником. Улица тянулась несколько километров. На отшибе стоял скособоченный домик без забора. Оттуда выскочил трехлетний пацан. Тут же он взлетел в воздух. Потом еще и еще. Обоим было весело.

– Счастье – это свобода!

На пороге встречала жена, лет двадцати. Нам она обрадовалась и по дому заметалась толстая коса с бантиком. Достали спирт, сели вечерять. Хозяин не пьет.

– Что мозги туманить, жизнь и так хороша. Смотрите – все ваше и наше, – он распростер руки, обнимая мир, – летать можно!

Мы, конечно, прикончили бутылку за его здоровье, и пошли спать: день был тяжелый, однако. Я лежал на полу (воняло помойное ведро в головах, монотонно капал умывальник), и думал:

– За что ж одним все: музыка, молодуха, сын. А другим ничего. Переночевать негде. Лишь перспектива мошку кормить.

Когда мы встали, Николай уже ушел на работу. Светлана накрывала завтрак и вся светилась затаенной радостью.

– Хороший у вас муж!

– Ой, мне так повезло! Он добрый и сильный. Меня взял не девушкой. Я поступать в Иркутск ездила, провалилась, загуляла, все отвернулись. А он взял и женился. Любит меня, уважает. Сын у нас. Жить только негде. Это мы временно здесь барствуем, а зимой – в овине, вместе с овцами. Кежма сурова, нас не принимает. Николай ведь четырех убил: брата в драке, в

лагере двоих и одного уже здесь. Ну, за этого оправдали. А так тридцать лет по лагерям и тюрьмам, считай - вся жизнь. Нервный он – даст кулаком, неси хоронить. Теперь детишек воспитывает. Музыка учит.

А счастлив! Будто сейчас родился...

Азимут

На геологическом факультете студентов учат, как ходить по тайге. Взял по компасу нужный угол (азимут), и иди по нему. При этом считай шаги (шаг должен быть заранее прокалиброван в метрах, где-нибудь на асфальте). Отсчитал нужное расстояние, нанес точку на карту, снова бери угол. Взял? Ну и шагай себе, считая шаги.

Как-то мы долго шатались по лесам-болотам с мотобуром. Устали и сели перекурить на краю большой поляны. Тут из леса выходят две наши подруги. Нас они не видят. Не до того! У них один компас на двоих. Глядят на него, не отрываясь, и дуэтом считают шаги. До нас доносится: девятьсот тридцать один, девятьсот тридцать два, девятьсот тридцать три... А поляна, надо сказать вся сырая, вся в здоровенных кочках, заросших к тому же кедрачом. Поэтому один шаг - и дамы высоко на кочке, другой - и они по груди в воде. Длина шага также меняется. С трудом веришь калибровке...

В одном месте поляны собрались три густые елки. И, видать, компас показал прямо на них. Дамы вошли в контакт и исчезли. Раздавался треск сучьев. Наконец, удалось прорваться. И продолжалось: девятьсот сорок пять, девятьсот сорок шесть...

Не так ли и мы бродим по просторам науки?

Плато Путорана

*От веянья чудес земля сойдет с ума,
И будут многие распяты
В.Набоков.*

Своя рука - владыка, Кирстен выбрал старый У-2 - им можно управлять с закрытыми глазами - и вылетел прогуляться. Внизу тянулось унылое редколесье и болота, болота, болота, ртуть озер, разводья рек - весь ассортимент сибирского Севера. Холодная сырьость вечной мерзлоты. Постепенно набрал высоту, пересек Обь и пошел над недостроенной трассой Салехард - Дудинка. Вот уж где косточки русские и нерусские, что там дорога Петербург-Москва, товарищ Некрасов. Погулял бы ты по здешнему кладбищу! Земля вон не принимает, раздулась, выпихивает из себя инородное - рельсы, шпалы, скелеты и недурно сохранившиеся трупы.

Бесплодная страна с замороженной душой.

Да, но здесь - огромные запасы нефти, газа, драг- металлов, алмазов и много чего еще. Сейчас, считай, здесь людей нет. Но придут с Запада. Начнут, урча, вгрызаться в мерзлоту. ЗэКа будут гнить во имя светлого будущего и проклянут первооткрывателя - меня.

Олег взял круче к северу. Вдали за пеленой тумана проступал демонический пейзаж плато Путорана. Завораживающая картина первобытной красоты неприступных базальтовых обрывов. Полная изоляция от мира. Рыжеватая отвесная горная стена высотой в километр тянулась до горизонта, лишь в некоторых местах расступаясь, чтобы поместить в своей утробе большое озеро или выпустить на равнину могучий полноводный речной поток. Ущелья, каньоны, водопады. Тут десять тысяч озер, некоторые – глубиной до 500 метров. Узкие, как фиорды, в безлесных столовых горах. Самолет прошел над гигантским водопадом, высотой больше ста метров, окруженный сейчас ледяными стенами фантастического дизайна. Кое-где виднелись гнезда черного журавля. В небе парили кречеты и орланы – белохвосты. В других местах их уж не встретишь.

Самолет шел над долиной Иркинда, когда машину повело влево, и она стала падать. Кирстен даванул на газ - ноль эффекта, перекрыл бензин - то же. Мотор работал ровно и на его действия не реагировал. Забавно! Самолет падал. Кто-то включил таинственный автопилот, запрограммированный на катастрофу. Прошли облака. Появилась земля и начала плавно приближаться.

Самолет падал.

Стало грустно. Всегда так: только стал мастером своего дела, только на что-то решился, как вмешивается потусторонняя сила и абзац! Бодливой корове Бог рог не дает.

По крутой траектории шли мы вниз. Кастыль машинально отмечал места, удобные для посадки. Они пролетали мимо. Мелькнули верховья Сольвы, Берува, Домадана и каких-то других речек, бегущих к устью Оби. А вот и развалы скал, с возвышающейся над ними горой Камень Большого Пояса. На большой скорости они врезались в ее северный склон.

ВСЕ!

...Тьма постепенно рассеивалась, сознание, не торопясь, возвращалось. Вылезти из кресла не удалось - нижнюю часть тела парализовало. Кастыль поднял голову. Отовсюду на него смотрели страшные морды языческих богов. Примитивные рожи, искренние в своей тупой свирепости. Скалящиеся лосиные головы, меж зубов которых торчат настороженные самострелы.

И тут он увидел ее.

Погруженная в легкую задумчивость, склонив голову и улыбаясь застенчивой улыбкой невинного дитя, придерживая рукой струящиеся вдоль обнаженного тела тяжелые волосы, она скользила над землей, едва прикасаясь к ней. Тонкое одухотворенное лицо полно затаенной печали. Созданная для радости, она горела каким-то болезненным внутренним огнем, надломленностью. Сияние любви покоряло неуютный мир холодной жестокости и тем спасало его.

Вот она - Сорни Эква, Золотая Баба - древнее божество вогулов. Угры похитили ее из горячего Рима в 410 году и привезли к себе на Север. Вот уже тысячелетие поклоняются ей манси. Сначала она гордо стояла на горе каменных идолов Маньпупнер, затем, спасая от православных проповедников, ее перевезли на Двину, создав капище Юмалы, изнутри и снаружи выложенное золотом и алмазами. В конце концов, волхвы спрятали ее здесь, на правом берегу Оби, а, схоронив, убили себя.

Многие пытались познать ее: и бандит Ермак, и викинг Торир Хунд, и святой Стефан Великопермский, и комсомольские активисты - никому не далась.

Мессия любви - сильнее Христа.

Теплое ее тело манило. Хотелось прильнуть к нему и забыться в море добра и утешения. Для такой женщины можно сделать все.

Она и отвечала за все: за прошлое, настоящее, будущее. В ее утробе был ясно виден мальчик - ее сын, в нем - еще мальчик - ее внук, в нем - девочка и т.д. и т.п. Уменьшающиеся люди парили друг в друге. Все разные: мальчики и девочки, белые и черные, умные и глупые - весь генофонд Земли, готовый к действию.

Гигантская матрешка - ты бессмертна!

Олег протянул руку, чтобы погреться в золотых лучах и сразу ему в плечо вонзилась стрела. Раздался громкий рев и завыванье. Заохотало и захрюкало.

Свидание закончено.

Кирстен схватился за веревку, свисавшую из пробитого самолетом отверстия в скале и, оберегая плечо и, волоча непослушные ноги, начал выбираться из Рая.

Синильга – царица гномов

В студенческие годы я часто ездил в экспедиции, и после третьего курса увлек этим делом Валеру Жукова. К сожалению, мы оказались в разных отрядах: я бродил между Яной и Индигиркой, он - по Таймыру. Для меня это была самая тяжелая экспедиция из всех, случившихся до нее или после. Горела тайга, и мы метались, как загнанные звери: то сплавливались по рекам, то, как орлы, отсиживались на скалах, украшая собой задымленный мир.

Неоднократно погибал, но выжил и, переполненный впечатлениями, летел в Москву.

Погода была плохая, и принимали нас лишь военные аэродромы: Магадан, Тикси, а потом и Хатанга. В Хатанге стоянку сократили, и я не успел сбегать в Управление и навести справки о Валере. С тем большим вниманием я прислушивался к разговорам новых пассажиров. Мне повезло, среди них находился главный геолог Таймыра – степенный бородатый мужик. Он сел рядом, и мы разговорились.

– Случайно не знаете судьбу отряда ИМГРЭ?

-- А где он?

Я назвал цирк в районе гор Путорана.

– О! – сказал он, – район серьезный. Новостей нет, но они не скучают. Это точно.

Я попытался узнать подробности. Геолог усмехался, но не кололся. Собственно меня интересовало одно: когда они вернуться домой. Занятия начались, и можно представить, как лютуют полковники с военной кафедры.

– Все вертолеты сейчас на пожарах, так что придется им ждать до хорошего снега. Но ежели утомят местных, те вышлют их своим транспортом.

Утешил! Ежели на собаках, так Валера аккурат к зимней сессии в МГУ прибудет. Да и какие собаки-олени в безлюдке?!

Тем не менее, Валера появился в Москве в середине сентября. Встречал я его и его отряд в Шереметьеве. Ну, там шутки-прибаутки, приветствия, похлопывания. То - се, нервозность встречи. Где багаж? Как погода? На чем выбирались? На вертолетах? Нет, на облаке, как обычно. Одни? Нет, Вацлав сопровождал. Гномы только грузили.

Я слушал, и челюсть у меня отвисала.

– В чем дело? - спросил я Валерия.

Но тот упорно молчал, глаза бегали, и весь он был какой-то дерганый, что ни как не походило на его обычную деловитую обстоятельность. Лишь через две недели, навестив его в больнице (куда он сходу залетел с воспалением почек), я узнал некоторые подробности.

Это была заурядная экспедиция. Все вполне традиционно: расположились лагерем в бывшем кратере вулкана, на берегу озера и ходили в радиальные маршруты. Приключения, конечно, были. Для начала Валера еще в Москве налил спирт в канистру из-под краски. Естественно, на месте ему пришлось принести себя в жертву и первым употребить ярко синюю

жидкость. Во-вторых, в это время сравнительно недалеко - на Новой Земле - взорвали самую сильную и самую грязную водородную бомбу. Взорвали в крайне неудачных метеоусловиях. Облако высокорadioактивных осадков понесло на материк и накрыло обширную территорию. И их цирк, естественно. Несколько дней шел красный снег. Активность его была, по-видимому, высокой. Мы, например, в это время, будучи на тысячу километров восточней, четко регистрировали аномальное увеличение радиационного фона. У них, впрочем, дозиметра не было. Спасались они тем, что валили оленей, ели сырое мясо и пили свежую кровь. Не забывая о спирте - известном протекторе ионизирующих излучений. Ну, малость, озверели. Однако это вряд ли повлияло на ситуацию. Хотя, кто знает?

В лагере стали происходить странные вещи. То кто-то вылакает бражку из тщательно охраняемого таза, то ночью без всякой видимой причины рвутся растяжки палатки, и мужики долго барахтаются в море брезента, выбираясь наружу, то товарищ, блаженно вытянувшийся в спальнике, вдруг вылетает из него, приобретя импульс от мощного удара под зад. Что за дела? Мужики ходили злые, косо смотрели друг на друга, караулили каждый шаг.

Однажды Боря Золотарев, начальник партии, сидел на валуне в позе мыслителя и смотрел вдаль. Вдруг один конец веревки, на котором сушилось выстиранное белье, сам собой отвязался и начал бегать вокруг дерева. Вмиг Золотарев схватил огромный дрын и запустил его чуть ниже вихляющего кончика веревки.

Ай, ай, ай, сволочь какая!

В воздухе материализовался гном, потирая шишку на затылке. Колпак, делавший его невидимым, улетел в кусты.

– Чего швыряешься?

– А ты чего, старый хрен, хулиганишь?

– Уж пошутить нельзя?!

Старичок сверкнул нахальными глазками и медленно приблизился к начальнику. Протянув руку, представился:

– Вацлав, гном-изгнанник.

Неожиданно гном сиганул в кусты. За колпаком. Золотарев воспарил над ним, и они покатались по мхам - курумникам. Мужик при росте 60 см был примерно в два раза сильнее обычного человека. Но Боря не был обычным человеком: при росте метр девяносто он весил 120 кг и, главное, был действующим мастером спорта по самбо. Народ с интересом наблюдал борьбу престарелого Давида с молодым Голиафом. Долго тузили они друг друга. Наконец, Золотарев сказал:

– Все! Боевая ничья! Пошли чай пить.

С этого момента жизнь в лагере стала веселее. И интереснее...

Гном был импозантным, седобородым, загорелым мужчиной. Лицо, правда, на наш вкус довольно уродливо. Носил высокий красный колпак и синюю подпоясанную ремнем куртку. К поясу привязан мешок с инструментами. Несмотря на свои триста с хвостиком лет ужасно любил по-духариться. Обожал казарменные шутки. Он, например, вцеплялся в чей-то нос, и начинал бешено его крутить. Сам при этом оставался невидимым. Забавно было смотреть на вытаращенные глаза и дикие гримасы, без видимой причины сменяющие друг друга на лице товарища.

Посторонний решил бы, что он рос на конюшне, а не при дворе Рудольфа Второго.

Вечерами (если этот термин применим к легким сумеркам на фоне вечного дня), когда утомленный шурфами народ располагался вокруг костра, Вацлав без усталости травил анекдоты, главным образом из жизни Карла Четвертого и Никиты Хрущева. Говорил он с сильным чешским акцентом. По первичной специальности - астролог, сейчас - спец по нейтринной астрономии. Ему случалось путешествовать по антимирам, но он их не любил. Возможно - из-за отсутствия там пива, квашеной капусты, кнедличков и жареной свинины. Иногда он становился серьезным и тогда проповедовал католицизм, какого-то иезуитского оттенка. Огульно ругал Гуса, чешских братьев и Коменского. Впрочем, дал несколько полезных советов Золотареву по развитию метода математического планирования эксперимента в геологии. В результате удалось резко сократить, как число отбираемых проб, так и их общий вес, при росте информативности мониторинга.

Так что польза от общения все же была.

Дурные примеры - заразительны и, глядя на Вацлава, в лагерь потянулись и другие гномы. Если Вацлав был лесным гномом, то подавляющее большинство остальных относились к горным гномам, т.е. были они еще ниже ростом, безбороды и носили зеленые курточки. Чувствовалось, что в душе они - бабники и хулиганы. Верно, их характеризовал Даль: «В сущности, гномы неплохие ребята, только вот несколько утрюмы и способны порой на злую шутку». Но сейчас они вели себя вежливо и корректно. На то были свои причины. Глобальные, региональные и локальные.

На Таймыр гномы прибыли с Енисея сравнительно недавно. Когда-то они жили в Европе и оставили там заметный след. По уставу общины, если люди к ним хорошо относятся, гномы в благодарность должны им помогать, в первую очередь - по хозяйству. Вот они и встречали в дела людей. Естественно, если ты находишься на существенно более высокой ступени развития,

располагаешь продвинутой техникой и технологией и к тому же умеешь предсказывать будущее, трудно удержаться, чтобы не вмешаться и не попытаться что-то улучшить или чему-то плохому помешать. Однако все попытки сделать добро приводили к противоположному эффекту: зло разрасталось, причем как следствие добрых советов гномов. Постоянно люди платили гномам черной неблагодарностью. Наглядный пример - процесс рыцарей-тамплиеров.

По тому же уставу, если люди предали гномов, они должны уйти из региона. Так постепенно, постепенно они покинули цивилизованные страны и удалились в безлюдные просторы Сибири и Севера. Развитие науки, техники, экономики не привели к перерождению человека в разумное существо. Осталось ждать, пока человек сам дойдет до нужной кондиции и сам установит справедливую социально-экономическую систему, не говоря уж о науке и технике. На совете Верховной Управы было решено прекратить вмешательства в дела человека. Но, как всегда, нашлись диссиденты, типа Вацлава, так и норовящие войти в контакт с кем-либо, хотя бы для того, чтобы покрутить ему нос. Таких гонят из общины, и они живут самостоятельно.

Как в былые времена, смысл общинной жизни - следить, все ли в порядке в их «епархии»: в лесу, на ферме, на мельнице. Обитают под землей, вместе со своими сокровищами - драгоценными камнями и металлами. Как и прежде похищают красивых девушек. А потом сами же бегут к бабкам-повитухам и щедро одаривают их золотом, если исход родов был удачным.

Как известно, до появления гомо сапиенса на Земле уже существовала высокоразвитая цивилизация, которая, в конце концов, сама себя извела. Она уже овладела синтезом белка и прочих нуклеиновых кислот, а также методами расшифровки информационных кодов конкретной личности. Это позволило создать оптимальный для условий Земли организм, названный впоследствии гномом. Это - сильный мужчина с крепко сбитым телом. Невысокого роста, с малыми потребностями в еде и питье. Лицо и одежда стандартные, что делает их весьма похожими друг на друга. Клетки такой системы постоянно обновляются, поэтому тело гнома существует достаточно долго, и он практически бессмертен (Если не считать гибели от внешних причин: пожаров, извержений вулканов, испытаний ядерного оружия и т.п.). Популяция гномов постоянно пополняется, но перенаселения планеты гномами не грозит. Причина - в тщательно разработанной системе отбора. Гномы внимательно следят за живущими людьми. Во всех странах и континентах. Оценивают их интеллект и намечают кандидатов. Кандидатуры обсуждает специальная комиссия. Предпочтение отдается лицам, способным создать нечто принципиально новое (хотя праведников тоже не забывают). Дальнейшее - дело техники: в момент смерти

человека, оказавшийся рядом гном считывает из его мозга всю необходимую информацию и переносит интеллект на новый носитель - в компьютер или заранее приготовленное тело.

При переселении человека из реального мира в компьютерную программу сознание человека и психику полностью, без малейших купюр, записывают на микрочип. Человек начинает жить виртуально. Иногда - вечно, (тогда он живет и общается с себе подобными в компьютерных сетях), иногда - некоторый срок, пока ему подыскивается подходящее биологическое тело. Раньше гномы выполняли индивидуальные заказы - переселяли людей по их просьбе в тела животных, например, волков; теперь это запрещено. Переселение, кстати, может происходить неоднократно - тела можно менять.

Предлагаемое «переселенцу» стандартное тело менее энергоемко и мощнее любого человеческого. Оно способно активно самовосстанавливаться, т.е. травмоустойчиво и практически бессмертно. При необходимости оно становится невидимым. Многие системы детектирования (оптические, звуковые, обонятельные и т.п.) модернизированы с целью расширения диапазона регистрируемых величин. В тело естественным образом встроены дополнительные сенсорные датчики, позволяющие ориентироваться в радиоволнах, полях ионизирующего излучения, биологических полях. Поэтому гномы без особого труда читают мысли людей на расстоянии. Питаются они искусственной пищей (белковыми растворами), но при случае метут все не хуже человека. И водку пьют.

После смерти человек продолжает свое существование, но в ином обличье. Некоторым это даже нравится, хотя большинство поначалу сильно возмущены. Особенно негодуют баскетболисты. Возмущаются и индивидуалисты, не привыкшие жить в общине. Иногда сердятся женщины, неожиданно став мужчинами и перестав рожать. Но постепенно привыкают, вникают в накопленный цивилизацией гномов опыт и начинают создавать новые ценности. Так осуществляется прогресс и развитие. Среди гномов по-прежнему активны Архимед, Аристотель и Пифагор, Леонардо и Босх, Ньютон и Эйнштейн, Мария Кюри и Цветаева, Гете и Окуджава, Бетховен и Моцарт. Недавно прибыл Ландау. Ленину, посоветовавшись, отказали, Сталина - не рассматривали.

Очень важно, что гном снова может стать человеком лишь в том случае, если жена признает его и примет в постель в том виде, в каком он есть теперь.

Уже давно гномы разобрались в законах природы, в которых человек бредет, как в потемках. Овладев антигравитацией, они, оседлав подходящее облако, лихо перемещаются в пространстве, образуя неопознанные летающие объекты. Уфологи приписывают их к космическим пришельцам. Зря! Это все наше, земное. Надев колпак, они становятся невидимыми. Поэтому,

хотя командированные гномы всегда среди людей (одна цивилизация буквально пронизывает другую), мы их не замечаем. А они нас замечают, но не трогают. Иногда, правда, вытворяют с нами дурные шутки, когда им совсем уж скучно в нашем убожестве.

Впрочем, среди людей всегда есть сверхчувствительные натуры, которые ощущают себя под постоянным наблюдением внешней силы. Именно они генерируют идеи Бога, ангелов и чертей, ноосферы. Они знают о гномах, но особо не болтают – запрещено.

Здесь все довольно просто: гномы ждут естественного конца нынешней цивилизации и слегка стимулируют зарождение новой.

Имея гигантские достижения в науке, технике, искусстве, они консервативны в общественном устройстве. Политический строй подчиняется уставу Ордена Тамплиеров. Возглавляет общину Великий Магистр. (Некоторые считают главой гномов Вия, но это они зря). Все они - рьяные католики и ревностно соблюдают христианские ритуалы. Владеют любым языком, но предпочитают общаться по-латыни. Иногда они помогают своим будущим коллегам еще при жизни тех в нашем мире. Так, Коперник написал перед смертью свою известную книгу по материалам, предоставленным ему как раз Вацлавом. Гномы делились информацией с Эйнштейном и Ландау, Центральную Библиотеку Сеттлеров (*settler* – переселенец) посещали такие писатели и поэты: как Одоевский, Гумилев, Фейхтвангер, Окуджава и многие другие.

Не бродяги, не пропойцы.

За столом семи морей,

Вы пропойте, вы пропойте.

Славу женщине моей

И далее:

Просто мы на крыльях носим,

То, что носят на руках.

Таймыр испокон века называли Столом Семи Морей, с подъемом на крыльях тоже ясно, а вот с женщиной - сложнее.

Гномы - интеллектуалы (по крайней мере, считались такими в первой жизни), следовательно - необычайно капризны и требовательны. Мира-согласия между ними нет и быть не может. Поэтому они постоянно нуждаются в сильной руководящей руке, которой могли бы подчиняться с радостью и добровольно. Такой властью никакой Магистр обладать не может. Поклоняются они женщине. Когда жили на Западе - это была Белоснежка, а здесь, в Сибири - Синильга (Этимология та же, но язык тунгусский). Гномы истово служат ей, впрочем, как и многие люди, ибо мало кто может устоять против чар красавицы-шаманки.

Сотрудничество гномов с Синильгой взаимовыгодно. Синильга позволила им обитать под землей (весьма богатой металлами и камнями) на своей территории и, главное, - защитила от троллей - вечных врагов гномов. Тролли - остатки еще более древней цивилизации, чем гномы. Мерзкие твари, доложу я вам: тупые, примитивные, недоверчивые и злобные. Живут, как правило, на севере: в Норвегии, Швеции, Финляндии. В России троллей можно встретить в окрестностях Воркуты. Их отвратительный облик сразу не опишешь: нос огромный, как перезрелый огурец, уши как у летучей мыши, когтистые лапы, волосатое тело, крысиный хвост. Кроме того, они отвратительно пахнут. Тролли невероятно сильны и быстро бегают. Любимое развлечение - наворовать (у людей или у запасливых горных гномов) кучу золота и драгоценных камней и часами перебирать их. Гномы от них сильно страдали, но Синильга наказала троллей, и они теперь опасаются приближаться к ее владениям.

Синильга – баба весьма до секса охочая – также оказалась в выигрыше. Естественно, что недостатка партнеров у нее нет: каждый гном считает за честь удовлетворить ее, но все же они малы. Непростительно малы. Синильга, конечно, при необходимости может увеличивать свой рост (и все другие параметры тела) в три-четыре раза, но уменьшить его меньше роста Венеры не способна. Ну, а гном – треть ее же. Дискомфорт! Поэтому у гномов - постоянная забота: найти подходящих мужиков для удовлетворения любимого идола. В награду они знакомят волонтеров с достижениями своей цивилизации, а некоторым гарантируют превращение в гномов. Многие охотно соглашаются, тем более что Синильга в сексе великолепна, активно использует весь арсенал поз и приемов. Она знает, как мужику сделать хорошо. Но есть проблема. Тело ее холодно, как лед. Температура никогда не поднимается выше нуля (Все же она не Снегурочка, чтобы от любви таять). Многих это сбивает с настроения, а некоторые, успешно преодолевшие психический стресс, гибнут от переохлаждения.

Так что забот у гномов много. Не все так просто с продвинутой Цивилизацией.

Но вернемся к геологам.

Первым на свидание с Синильгой пошел Боря Золотарев. Все ж начальник, да и мужик здоровый. Здоровый- то здоровый, но ведь комплексом Приапа не страдал и постоянной эрекцией, как Казанова, не обладал. А тут такая задача. Вы снежную бабу трахали? То-то же! Хоть и «моржом» был, но на всякий случай подстраховался. Вколлот себе в член простагландин, тот встал во всю мощь и сутки продержался. И какие сутки! Партнеры они достойные: несколько

землетрясений пронеслось по планете, а одно - катастрофическое. Тайга загорелась, и водородная бомба рванула, не долетев до земли. Оргазм мощный, тем более – обоюдный.

В целом, обоим понравилось, и Боря остался на всю неделю. Приспособился без медицинских хитростей. Кайф, как от прыжков после бани в горную речку. Уже сам хотел ее и любил бескорыстно. Но устал и был отпущен.

Провели его по выставке достижений, да по лабораториям. Много чего показали. Например, прозрачный глобус, наглядно отражающий расположение геологических слоев и места залегания полезных ископаемых. Потом он получил много премий, защитил докторскую диссертацию, стал академиком. (Дело было давно, сейчас он уже сам – гном). Очень ему понравился цветной дисплей объемного изображения, на котором упражнялся Ньютон. На экране развивался процесс многомерной миграции какой-то субстанции.

Поговорить, однако, не удалось – Исаак не в духе бродил по лаборатории и напевал:

Трудно жить на свете пионеру Пете:

Бьет его по роже пионер Сережа!

Вторым выбрали Валерия. Синильгу он уже видел: красавица-тунгуска ночью вставала из могилы и пошаливала в тайге. Обожала всех пугать. Вот и Валеру раз пуганула: ночью вокруг него залетали два горячих угля, как пара волчьих глаз. Зато другой раз, ударила ладонь в ладонь - вся в красном, в бисере - извивно закрутилась в удалом танце, так что от ее черной косы вихрь-смерчь образовался и ушел все громить на Дудинку. Да и ночью во сне она к нему являлась вся красная на фоне красной земли и красного неба: «Бойе, друг, обними меня! Ну, крепче, крепче!»

Понравилась ему Синильга: и отдающий слегка синевой белый цвет ее кожи, и густые черные волосы до пят, сами собой собирающиеся в толстую косу и сами собой распускающиеся, и недоступная смертным манера менять цвет глаз. Но вечером, когда за ним подали облако, он вдруг испугался. Как недоучка-студент - экзамена. Стыдно признаться, но он был девственником, смутно представляя устройство женщины и способы обращения с ней. Тем более со зрелой теткой. Холод заранее сковал его тело. Он забился в палатке под кучу пологов-тентов, в надежде, что не заметят. Смешно!

Попытка увильнуть сильно озлила гномов. Валеру вытащили на свет. Затрепал спальник.

– Кастрируй его! – раздался клич.

Гномы, как дикари, размахивая серпами, заплясали вокруг палатки. Раздался пронзительный свист.

Нечеловеческим усилием Валерий вырвался и, в чем мать родила, помчался вверх по стенке кара. На вершине вулкана ему дорогу преградил Великий Магистр. За ним - строй факельщиков. Магистр протянул Пчелкину прозрачную глыбу горного хрусталя. В ней Валера узнал себя. Голова стала стареть, седеть, лысеть и вот остался один череп. Его череп.

– Нет! Нет! -- закричал он, – только не я! Возьмите другого: Борю, Кастыля, любых корректоров. Но не меня, не меня!

Он зашептал молитву «Отче наш». И прочел ее всю, хотя раньше никогда не слышал. Затем рухнул без сознания.

Утром он проснулся в палатке. Больше его не трогали.

Гномы ушли.

После возвращения в Москву он много болел, переживал, но потом зажил обычной жизнью мнс при МГУ. Женился на даме, что поверила в его рассказы. Родил двух сыновей. Зарабатывает на шабашках хорошие деньги. Но что-то не дает ему покоя. Бывает, что среди бела дня он все бросает и куда-то бежит с остекленевшими глазами. Ученого из него не вышло. Пьет все больше и больше. Седой в 40 лет, бродит по факультету в поисках ста граммов спирта. Хочет занять.

И обещает отдать.

КАМЧАТКА

На Камчатке я работал в 1986 и 1992 годах в двух экспедициях, одна от Института вулканологии, другая - международная. В них я уже не был рабочим-коллектором, но не был и начальником. Просто имел собственную научную тему, свою аппаратуру, и свой отряд (кроме меня один человек, но всё же!).

Лучше в нас, чем в таз

Летели мы на Камчатку. Времена суровые – борьба с пьянством. Предреволюционная ситуация.

Как человек запасливый, но простой, я взял плоскую бутылку из-под коньяка, заполнил ее спиртом, заткнул пластмассовой пробкой и засунул во внутренний карман штормовки. Прохожу мимоискатель в аэропорту – все тихо - спокойно. Сзади идет хитроумный Валерий Николаевич. У него на груди специально изготовленная из титана фляжка со спиртом. Большой ученый полагал,

что миноискатель обнаруживает только магнитные материалы, например, железо. А титан, как каждый знает, немагнитен.

Реальность незамедлительно опровергла теорию. Раздался дикий звон и вой сирены. ВН тут же повязали и фляжку отобрали.

Отдавай нам спирт или выливай в унитаз.

Спирт – в унитаз?! Ну, уж нет!

ВН сделал шаг назад, открыл рот и вылил всю жидкость в себя. Все 700 кубиков (три пол-литра водки, если кто не понял). И это без закуски и воды!

Более того, сумел сам дойти до самолета. Но потом!

Вы наверно знаете, аэробус – большой самолет. Весь его облевать трудно.

Но можно!

Петропавловские бдения

Основная забота (можно сказать – работа) в Петропавловске-Камчатском – поиск способа покинуть этот славный город. Если тебе в Москву, то каждый день едешь в Международный аэропорт Елизово и справляешься – ну как? - Керосина нет, отвечают, баржа не пришла. Тот факт, что твой билет на самолет неделю как просрочен, никого не волнует. Наконец, ура!, пришла баржа. Ночуешь уже на полу аэропорта. Утром: баржа-то пришла, но в Охотском море шторм её трепал, керосин воды нахватался. Теперь нужно постоять в тиши, чтобы жидкости на слои разделились. Наконец - посадка. А там, на один борт народ с дюжины просроченных рейсов погрузиться хочет. Так, что иной раз вылетаешь культурно, но в разорванной тельняшке и со скулой подбитой. Особенно, если сезон экспедиций закончен, и домой торопится трудовая интеллигенция....

Но, а если в поле рвёшься, то тоже не просто. Ждать нужно. Каждый день - подъем, завтрак (если есть) и на автобус, что раз в час ходит. На местном аэродроме Халатырка съешь морду в окошко вертолетного диспетчера: - Как сегодня у нас с погодой? – Не знаю, как у вас, – отвечает тот, – а у нас перевал закрыт до 14.00. Болтаемся, время убиваем. Кто как может. Пьём, пока московские запасы спиртного, тайно доставленные на Камчатку, есть. Потом – курим, треплемся, или книжки читаем. Иногда пульку пишем, но карточные игры тут запрещены. В 14 еще один визит к диспетчеру.

– Что там нового у нас с перевалом?

– Не знаю что у вас, а у нас совсем плохо стало, не будет сегодня перевал работать. Отдыхай! И так каждый день две, а то и три недели подряд.

Вечерами – встречи-посиделки с Або. Народ общительный, сходитя быстро. Травит байки.

Наши дороги.

На Камчатке гордятся новой автодорогой от Петропавловска до Елизова и несколько дальше. Семьдесят километров почти настоящего шоссе! Провезли по нему президента Финляндии.

– Ну, как? – спрашивают.

– Говорят на Камчатке плохие дороги. Врут! Их тут вообще нет!!

По заслугам и честь

Камчатка вся и Петропавловск в частности – зона постоянных экспериментов с сухим законом. Климат и работы таковы, что в трезвом виде и месяц не протянешь. Ну и пьют все, от мала до велика. С легко прогнозируемыми последствиями. Власти принимают меры: запрещают продажу спиртного, то навсегда, то на время путины. Вроде – порядок. Но народ отвечает адекватно, сметает с прилавков одеколон, зубной порошок, чай, политуру, жидкость для борьбы с тараканами, клей, керосин. В цистернах сверлятся дырки – не вытечет ли что ценное. Из самолетов выкачивают антифриз. Наносится урон технике и народному хозяйству в целом. Растет аварийность. Главное – работники мрут, как мухи. А новых где взять, лагеря-то подсократили. Не хорошо! Приходится вновь завозить спиртное. Маятник так и колеблется...

Я застал все эпохи: и сухой закон, и частичную продажу и вытеснение спирта пивом. Однажды даже сам принял участие.

В тот раз привезенная из Москвы выпивка быстро кончилась. То ли мы долго ждали погоды, то ли мало взяли, то ли компания вышла большая – не помню. Но надо в поле вылетать, а с собой ничего нет. Речь не об удовольствии, спиртное – валюта. Кто на вас за так работать будет?!

Однажды начальник собрал нас и предупредил: завтра в местном магазине будут продавать (точнее выдавать, ибо не больше двух бутылок в одни руки) спиртное. Начало – в 17⁰⁰. Специально выделенные сотрудники выдвинутся туда к 7 утра, остальным прибыть за два часа до открытия. Не опаздывать – в очередь не пустят. Ну ладно, дело святое. Без десяти три мы стояли у магазина (точнее в 100 метрах от него) и внедрялись на свое место. Собралось нас несколько тысяч человек. Улица и прилегающие дворы представляли собой плотнейшую упаковку мужиков с вкраплениями дам. Некоторые пробирались вперед по гребню забора, других передавали, как бревна, по головам.

Магазин был закрыт, но очередь продвигалась – она сжималась. Кого-то вытаскивали из очереди, кого-то запикивали. Вспыхивали локальные мордобои. Визжали бабы.

Здоровые мужики с красными повязками (бригадмил) пытались упорядочить массив, превратить его в колонну для демонстрации. Помогал высокий сплошной бетонный забор, к которому мы были прижаты. Он хотя бы с одной стороны оборонял нас от страждущих.

Время шло, напряжение росло. Неизвестно было, что завезли и сколько. Может вообще не откроют! Усилился гул, толпа стала раскачиваться. Возникли мысли о Ходынском поле.

Тут прибыл грузовик с солдатами. Внутренние войска, тренированные на борьбу с бунтами уголовников в лагерях. Вооружение – короткоствольные автоматы да ножи. Они уграмбовали голову очереди, отогнали от нее толпу и встали по краям ворот. Торжественная минута: ворота распахнулись. Но не в магазин, а в пустой двор перед магазином. Команда: пошел! Но очередь не рванула вперед. Не пошли даже те, кто стоял первыми. От очереди отделились и покатались на тележках или запрыгали на костылях ветераны. Не просто ветераны – а орденосцы. Они пересекли двор, исчезли в магазине, но вскоре появились. Они сияли, как ордена на груди. В каждой руке было по бутылке. Это были пол-литра питьевого спирта!!! Толпа встретила их радостными воплями, родственники обнимали и плакали.

Дальше пошли инвалиды просто, затем гражданские орденосцы и, наконец, беременные женщины. Дамам спирта не досталась, их удел – водка. Но тоже – радость. Некоторые не могли удержаться и прямо посреди двора глотали ее из горла.

Только потом двинулась очередь. Тем, кто занял до рассвета, достался портвейн: первым – три семерки, остальным дагестанский. Нам же – только вермут. Поглядели мы на него задумчиво, сели в кустах, да все и выпили. В самом деле, не тащить же этот напиток в город, а потом на вертолет, а потом по горкам.

Был бы спирт – другое дело.

Но по заслугам – и честь. Что заслужил в жизни этой, то и пей...

Мутновка и Дачное

Погода в Петропавловске-Камчатском – дождь да туман. Или дождь и туман в месте назначения или они же, но на перевале, что нам никак не миновать. Но скорее – там, там и там тоже. Лето в разгаре, а ты болтаешься на трассе аэропорт-город. Но все кончается на белом свете, кончилась и непогода. Пробудились мы как-то утром – а над всей Камчаткой безоблачное небо! Скорей, скорей - на Халатырку. Там говорят:

-Да, погода – супер, но бортмеханик три дня как в запое, поехали брать. А вы грузитесь пока.

Грузиться, так грузиться. Вьючные ящики, вьючники брезентовые, спальники-палатки, мешки, канистры, ружья-оптика, рация-батареи – все влетело в воздух и осело в брюхе МИ-8. Дождались бортмеханика, уложили его в грузовом отсеке и взлетели.

Кроме нас четверых геохимиков и трех летчиков, был еще пожилой геолог – первооткрыватель мутновских термальных вод и парторг с Дачного. Геолога сопровождала уже довольно старая, но еще сильная и красивая охотничья лайка Радон, а парторга – породистая немецкая овчарка Дик. Собаки располагались в разных концах салона и подчеркнута не замечали друг друга. Как профессор и генерал. Не замечали они у увязавшегося с нами Сэра Антонио Тобиана (в просторечье – Тобика). Но уже с позиций аристократического презрения к беспородной и абсолютно никчемной псине.

Что такое полет на вертолете? Ты – внутри железной бочки, катящейся по наклонной стиральной доске. Со всех четырех сторон работают отбойные молотки, а в центре – машина, что сваи заколачивает. И хорошо еще – если ты в МИ-8, а не в МИ-6. Там прикол – дырка в полу, полметра на полметра, небрежно картонкой прикрытая, сквозь нее трос с крюком опускается, так как. это – летающий кран. Интересно наблюдать физиономию товарища, нечаянно наступившего на ту картонку в полете. Ежели сам туда провалишься, то конечно не смешно...

Но лучше не отвлекаться. Сиди себе на железной скамье и в иллюминатор пейзаж разглядывай. Есть на что посмотреть.

Сначала вам показывают Тихий океан. Не столько тихий, сколько великий. Похоже на Охотское море – мрачные стальные воды. Но валы волн больше, и без барашков. Заливы, фьорды, скалы, пляжи. Песок – иди купайся. Да только, шалишь. Вода летом +5°C. Течение Куро-Сию, надо полагать. Кому не нравится, а кому – в самый раз. Вон сколько морских котиков, моржей и тюленей на камнях блаженствуют. Природа, она ведь не только для человека.

Вертолет огибал Авачинскую губу с Запада, направляясь на Юг. Показалась покрытая березовым лесом и травянистыми полянами излучина реки Паратуньки. Сверху видны все три группы Паратунских горячих источников и поселок Паратунька (30 км от Петропавловска-Камчатского). В 16 км от села вверх по долине (юго-западнее села) на левом берегу реки (2,5 км выше впадения в нее р.Карымшиной) заметны Верхнее-Паратунские источники. Они вытекают небольшими струйками из трещин в скалистой породе на крутом (северо-восточном) склоне горы

Горячей, на высоте примерно 80 м над дном долины. Источники расположены в небольшом перегибе склона сопки.

Когда-то здесь со дна Паратунской депрессии, из недр земли, был выжат купол вязкой раскаленной магмы. Он занимает изолированное положение относительно соседних хребтов и возвышенностей, его легко обойти кругом по ровному подножию. Места выходов термальных вод хорошо заметны издали по клубам пара и характерной смене растительности: среди густого ольхового стланика ярко выделяются светло-зеленые заросли шеломайника. Горячие ключи состоят из двух десятков грифонов и образуют три параллельно текущих теплых ручья. В 70 м от истоков ручья, имеющего довольно крутой уклон, находится теплый водопад. Температура воды в источниках 40-70°C (С вертолета это, конечно, не определишь, но я не однократно бывал в долине, всю ее облазил, и во всё, что жидко искупался. Так что знаю). Общий дебит источников- 70 л/с. Вода хлоридно - сульфатная кальциево - натриевая умеренно кремнистая (содержание кремниевой кислоты - 0,062 г/л) с общей минерализацией 1,32 г/л и содержанием мышьяка около 0,3 миллиграмма на литр. Состав свободно выделяющегося газа на 97% азотный. В стекающем по склону ручью устроены примитивные ванны для купания.

Средне-Паратунская группа расположена в 6 км от села вверх по долине. Горячая вода струйками выходит на левом берегу небольшого притока р.Паратунки, местами она просто сочится сквозь пленку термофильных зеленых водорослей, покрывающих берег. (Теперь, говорят, тут пробурены глубокие скважины, по которым изливается на поверхность горячая вода).

Наконец, Нижне-Паратунская группа находится прямо на территории села на левом берегу реки. Поселок окутан паутиной труб – дома и теплицы обогреваются халявным теплом. Трубы чем-то обмотаны, но все-равно – текут, струи пара бьют во все стороны. Видны обнесенные заборами пруды – в них народ принимает ванны, последнее время уже за плату. Из прудов вытекают ручьи и речки. В них лежат бичи-бомжи (преимущественно – бомжихи). Прямо в одежде. Отдыхают.

Максимальная температура воды в источниках 42 градуса, в скважинах 84-100. (Теперь термальная вода выводится на поверхность многочисленными скважинами и используется в многочисленных санаториях и профилакториях. Лечение стоит приличных денег).

Блеснул сорока метровый водопад и открылся красивый вид на окрестности. Тут тебе и темно-вишневый корпус сопки Бархатной, тут (южнее) скалистый конус вулкана Вилючинский, тут и озеро Зелёное.

Еще немного полета на юг и перед нами новая группа вулканов – небольших, но активных. За конусом Вилючинского вулкана (высота 2137 м, 30 км от Петропавловска) постоянно дымится вулкан Мутновский (2323 м, 80 км от Петропавловска).), а рядом с ним расположились массивы вулканов Горелый и Жировский. Вулканы Вилючинский, Авача, Мутновский Горелый и Жировский образуют целое вулканическое плато, с совершенно необычным ландшафтом. Для нас важно, что вулканы Мутновский и Горелый – самые активные вулканы Камчатки. Вулканическое плато окружают несколько групп термальных источников - Дачные, Вилючинские, Жировские, Опальские и др.

Вообще-то на Камчатке 160 вулканов, 29 из которых - действующие. Пожалуй, самые интересные входят в Ключевскую группу вулканов, что находится на расстоянии 500 километров к северу от Петропавловска. Здесь на компактной территории расположены 12 вулканов, каждый из которых по-своему уникален. «Ключевская сопка» - самый высокий вулкан Евразии (4850 м), поражает величием своих классических форм и огромными вулканическими бомбами, разбросанными на многие километры от кратера. «Камень» – самый непреступный из камчатских вулканов. Взрывное извержение вулкана «Безымянный» в начале 50-х годов прошлого века уменьшило высоту его вершины почти на треть с 3500 до 2650 метров. В настоящее время внутри кратера растет молодой экструзивный конус. Вулкан «Толбачик» известен своим мощнейшим извержением трещинного типа, которое произошло в 1975-76 годах. В результате этого извержения образовались несколько боковых конусов, так называемые «Северные прорывы», и огромные шлаковые поля, похожие на черную пустыню.

Но мы с вами летим на юг. Нам нужен вулкан Мутновский, примечательный мощными фумарольными полями с большими серными образованиями, грязевыми котлами, выбросами пара, кислотным озером и ледником, наползающим на кратер. Коктейль изо льда, пара, серы, цветных грязей и скал создают ощущение нереальности, чего-то неземного. Недаром вулкан Мутновский называют Долиной Гейзеров в миниатюре.

Настоящее чудо света! Пропустить такое было нельзя. Я достал «Зенит» и стал фотографировать. Не тут-то было! Иллюминатору были грязными и желтыми. В объектив ничего не видно. Я перешел к активным действиям открыл дверь вертолета и сделал несколько снимков. Тут вертолет, шедший до этого довольно ровно, сделал вираж, резко наклонившись на левый борт. Незамедлительно я слетел со скамьи и полетел в открытый люк, крепко держась обеими руками за «Зенит». Опора оказалась не слишком прочной. Уже вылетая наружу, я счел за благо бросить фотоаппарат и вцепиться в поручни. Но тут меня догнала дверь и треснула по заду: «Лети уж, раз

собрался!» Но я никуда лететь не собирался, я все же тяжелее воздуха и не птица. Поэтому уперся и впал обратно в вертолет. Снимки, кстати, вышли очень качественными.

Тесный мир и тонкая прослойка

Мир тесен, господа. До противного!

В этой байке – несколько начал, так что не удивляйтесь.

...В Праге у меня как-то сама собой появилась подруга. Пухленькая хохотушка. Вся в чем-то воздушно-прозрачном. Никогда не подумаешь, что способна сутки просидеть за рулем. А это было действительно так: без машины она себя не мыслила. Жила она в узком переулке, прачечная была напротив, но она ехала туда на Шкоде. Иржина любила путешествовать и возила меня по Чехии – Богемии – Моравии, показывая замки. Устройство машины она не знала даже приблизительно, правил тоже. По крайней мере, ей ни разу не удалось сдать экзамен в ГАИ. Права она просто покупала, а машину осматривали на бензозаправках. Она даже не выходила. За рулем она болтала. Пролетев на красный свет, тормозила, и со словами: «Я, кажется, сделала ошибку», сдавала назад через перекресток. Другие водители удивлялись.

Муж у нее был то ли химик, то ли физик, почти гений. После событий 68-го года его начали притеснять, и он перебрался в США. Звал Иржину, но она не поехала, т.к. у нее умирала от рака сестра. Потом сестра умерла, остался племянник, которого она энергично воспитывала, и который обычно сопровождал нас в путешествиях. Кроме того, у нее были здесь земельные владения (в Праге и под Прагой) и она не хотела исполнять роль бездомного скитальца. Сильно переживала, но осталась. Несмотря на феодальные замашки, она была искренней комсомолкой и возглавляла молодежную редакцию Телевидения. Когда муж стал невозвращенцем, ее обвинили в сговоре и пособничестве, выгнали с работы и отобрали дачу в горах. Теперь она трудилась в ресторане: выдавала скатерти-полотенца, иногда мыла посуду. Работа начиналась в 6 утра, зато в 12 заканчивалась. Иржина носилась по городу и окрестностям хлопоча за молодого художника, подрастающего таланта. Устраивала выставки, продавала картины, выбивала студию, стипендию и т.п. Была полноправным членом обширной Пражской богемы. Общалась она много и с русскими: в Ленинграде гостила у приятеля мужа, профессора Игоря Николаевича, с комсомольскими делегациями часто бывала в Москве.

Обо всем этом она рассказывала за рулем. Несколько лет я следил за развитием событий. Вот муж женился на американской манекенщице, вот та обобрала его до нитки, вот он развелся...

Потом Иржина поступила на юридический и ей стало не до меня.

...Андрей приступил к диплому, как раз к смене зав. кафедры. Свалившийся на нашу голову Академик Легасов поменял тему работы. Пришлось отправить Андрюшу в библиотеку изучать новое для нас направление – автоволновые колебания в катализе. Он сидел там долго, но ничего не нашел.

...Отдыхал я в Риге. Жил у Юриса, который тогда преподавал на кафедре радиационной химии Латышского университета. Политикой особо не интересовался, и за самостоятельность еще не воевал. Вечерами мы вели неспешные беседы, оформляли заявки на изобретения, обсуждали наукометрию, которой он увлекался. Утром я отправлялся на Взморье, где валялся весь день с книжкой в руках. Книжки я брал у Юриса, их у него было великое множество. И вот мне попала тонкая монография Таганова. Фамилия мне показалась знакомой. Точно, Иржина его поминала. Я подивился тесноте мира и стал читать. Книжка мне понравилась. Написано четко и по делу, а, главное, по нашей новой теме. Я сделал выписки для Андрюши. Особенно привлекла ссылка на статью какого-то чеха, Главачека. Он предложил теорию автоволновых колебаний в адсорбции и катализе. То, что надо.

Вернувшись в Москву, я снова отправил Андрея в библиотеку. Тот принес ксерокс статьи Главачека, ссылку на которую я нашел у Таганова.

Ну, хорошо, эту статью ты добыл. Но она же старая! Ищи его новые труды.

Андрей снова исчез и через месяц сообщил, что новых трудов нет. Ни по какой теме.

Учись студент, - сказал я.

Тут как раз появился в Москве Зденек, который в Чехословакии знал всех, и все знали его. Зденек, ты знаешь Главачека? Где он у вас работает? Попроси у него новые статьи!

Зденек недоуменно уставился на меня:

Игор – ты с ума сошел! Главачек – муж Иржины! Она тебе уже десять лет объясняет, что он давно в Штатах, преподает и наукой не занимается! Новых статей нет, и не будет.

«Однако! – подумал я, - мир-то тесен! А у Иржины, действительно, фамилия Главачекова. Зденек прав».

...Прислал факс Юра и пригласил в экспедицию на Камчатку. Мерить радиацию на вулканах. Одному ехать не хотелось, и я позвонил в Ленинград Валерию Николаевичу. Он когда-то был моим студентом, а сейчас – заочным аспирантом. Предложил захватить текст его диссертации - посмотрю между приключениями. Но с условием - сходи в Техноложку, найди Таганова, узнай, что нового в адсорбции. И вообще завяжи контакты: мне надо защищать докторскую, вот он и напишет отзыв.

...Мы работали на вулкане Мутновский. Долина вся кипела гейзерами, в некоторых из которых было много (порой даже очень много) радона. Принимали горячие радоновые ванны. Валерий Николаевич помогал отбирать пробы газа, а потом уже в балке измерял его активность. Черновик своей диссертации он принес, но никакого Профессора не нашел. Тот где-то путешествовал. И вообще, говорят, его не поймать...

Ни чего аспиранту поручить нельзя! Все самому делать приходится.

Балок представлял собой горизонтальный цилиндр с матовыми от фтористого водорода окнами. В «комнате» с вогнутыми стенами располагались длинные и узкие консольные столы. В торце находилась счетная аппаратура и вьючники с пробами. А на остальных столах – наши спальники. Мы с Валерой на столах и спали.

По радиации сообщили, что приближается ураган Эльза. Барометр рухнул и показывал полшестого. Балок начало потряхивать. Не хватало, чтобы его сорвало с тросов. То-то славно покатаемся мы по склону. Аттракцион выйдет. Валера пошел проверить крепления, а я улегся читать его дурной Диссер.

Стемнело, начался дождь, пошли первые порывы ветра. В дверь постучали.

Открыто! – сказал я, удивляясь вежливости ВН.

Вошел, однако, не Валера, а мощный бородатый мужик с огромным рюкзаком. Настолько огромным, что он застрял в двери. Пришлось снимать и протискивать боком. Тяжести он был необыкновенной. С первого взгляда я прозвал прибывшего Бывальый. Следом шел тощий мужичонка, но в прекрасно сшитой штормовке. Вся – в карманах, молниях и ремешках. За спиной его был не широкий, но узкий и длинный синий рюкзак. Тоже весь в карманах-молниях, явно сшитый на заказ, вместительный и удобный. Третьим вошел крепко скроенный дядька, в кожаной куртке, с военным планшетом через плечо и детским кожаным рюкзачком за спиной.

Игорь Николаевич, Профессор, - представился он, протягивая мне руку.

О! Вы- то мне и нужны! Проходите!

Палатку их снесло, пришлось искать надежное укрытие. Я его вполне мог предоставить – места на полу под столами-лежаками было достаточно.

Пришедшие развернули спальники, достали тушенку, мы извлекли красную рыбу с крабами. И спирт, естественно. Выпили и стали знакомиться. Каждый рассказывал о себе, в меру своей скромности (незначительной) и фантазии (существенной). Мы с ВН лежали на столах с обеих сторон прохода и слушали истории, всплывавшие откуда-то снизу. Светились концы сигарет. Светопреставление царило за стенами.

Таганов – химик-теоретик, заведующий кафедрой Химической кибернетики, внедрял математику и компьютеры в сознание химиков. Главное направление – синтез новых молекул. Он предсказал возможность существования экстравагантных соединений типа гелий-гелий, неон-неон, аргон-гелий и т.п., т.е. соединений абсолютно невозможных с современной точки зрения. По его мнению, они образуются в недрах Земли и выделяются с вулканическими газами. Теперь он бродил среди гейзеров, пропуская газы через активные фильтры, изготовленные из какого-то супернового адсорбента. Дома с помощью масс-спектрометра он надеялся обнаружить предсказанные соединения легких инертных газов и прославиться.

Одновременно он был профессором-консультантом Эрмитажа. Сам хороший художник, он изобрел способы старения красок, лаков и холста. Никто не мог обнаружить подделку в изготовленных им картинах древних Голландцев. Даже физики-химики с их радиоуглеродным методом датирования. Подаренную им Эрмитажу картину неизвестного голландца признали подлинной. Пришлось показать на часы на руке одного из героев, чтобы доказать ошибки датировки. Да что там Голландцы! Он мог изготовить «подлинные» билеты в Мариинский театр и раздать всей кафедре. У него была хорошая художественная студия на мансарде старого дома. Но работа становилась опасной. Им заинтересовалось КГБ, предлагали сотрудничество в создании старых и новых документов. Он отказался. Мафия, делающая бизнес на подделке раритетов, предлагала финансирование. Он и тут отказался.

В последнее время Игорь Николаевич занялся раскрытием секрета русского булата. И раскрыл его! Небольшой заводик начал выпуск для коллекционеров клинков с неповторимым узором. Практической пользы от них, впрочем, мало – современная сталь прочней булата.

Но прославился Профессор вовсе не этим. Он – чемпион мира по охоте на медведей: во-первых, убил этих зверей больше чем кто-либо из ныне живущих добытчиков, а, во-вторых, завалил самого большого в мире бурого медведя. Чучело мишки стоит теперь в мастерской, пугая гостей. Причем охотится он не с винтовкой-автоматом, а по старинке – с ножом да рогатиной. Вот и сейчас он ищет подходящего мишку, благо на Камчатке водятся самые крупные экземпляры.

Рассказы Профессора были занимательны и поучительны. Я то же не остался в долгу и плесканул пару баек. То же, чай, не лаптем щи хлебаем! Но, конечно, эффект был не тот.

Бывальый (председатель географического общества России) то же особо не блистал. Он рассказывал об охоте на волков, на Чукотке, в которой участвовал на прошлой неделе. Эка невидаль, эти волки! Да я сам на Алтае одного такого ножом зарезал, прыгнув на него с лошади. В степи и на полном галопе! И ножик был перочинным...

Третьим выступал Дрожжевик - сотрудник Института Белка. Он раскрыл нам глаза на туристско - экспедиционное оборудование. Он изобретал, и сам шил штормовки, рюкзаки, палатки. Мы слушали рассеянно – никто не собирался следовать его примеру. Тогда он перешел на новые типы дрожжей. Он принес домой чайную ложку такой закваски и забыл про нее. Как-то жена замесила на ней тесто. Уже через полчаса она звонила мужу в панике: квашня переполнила кастрюлю, растекалась по столу и начала покрывать пол. Он приказал отобрать из квашни чайную ложку, а все остальное собрать и спустить в унитаз. Она так и сделала. Снова замесила тесто. И снова оно побегало через край. Прямо самоварящий горшок из немецкой сказки! Лишь с третьего раза тесто вышло. Но истинная ценность дрожжей в другом. Настоянная на них бражка дает 900 самогон с первого прогона. Почти чистый спирт!

Все время Большой Травли Валерий Николаевич возлежал на спальнике и взирал на потолок. Ни, кибернетика, ни химия инертных газов, ни подделка старины, ни медведи его не интересовали. Но при последних словах он воспарил – как был, горизонтально, оторвался от стола - и возопил:

Как Вас найти в Ленинграде? Дайте телефон!

...Наступала ночь. Эльза делала свое дело, мы свое. Я поднял кружку с остатками спирта:

Мир тесен, господа! Удивительно тесен...

Не так тесен мир, как тонка наша прослойка, - поправили меня снизу.

И то правда!

Подручное средство

На Камчатке в пугину рыба по реке идет сплошным потоком. Не ловит только ленивый. Но один ушлый нашелся. Им оказался здоровый бурый медведь. Он себя не утруждал, а добывал пропитанье с помощью подручных предметов, т.е. меня.

Я балансировал на камне, в метре от берега. Внимательно всматривался в воду, чтобы не схватить какую-либо битую, с черными пятнами. Углядев сквозь сплошной панцирь спин, что-то подходящее, я метал туда багор и вытаскивал рыбину. Потом складывал ее в бочку.

Изредка из кустов раздавалось грозное рычание:

- Рыбы!

Я, не глядя, бросал за спину рыбу. Из кустов высовывалась лапа с когтями и забирала добычу.

Ловили мы весь день. У меня набралась тонна рыбы и у мишки - куча не малая.

Вот так, используя рабский труд, он и обжирался!

Желчь

В экспедиции хорошо быть радистом – всегда в мире новостей. Не мировых, а локальных, в окрестной среде рожденных. Пусть вас на сто квадратных километров пять человек, пусть вы никогда друг друга не видели и не увидите. Но вы – одна шайка. Белая цивилизация. Общаетесь, как на московской кухне, спорите и обогащаетесь знаниями.

Возьмем, например, такую важную тему, как медвежья желчь. Что вы о ней в своей занюханной столице знаете? Ничего! А здесь, на Камчатке нет важнее темы.

Ну, есть у тебя карабин-автомат-пулемет. Ну, завалил ты медведя. Оформил задним числом лицензию, мол, наука без этого жить не может. А дальше что?

Шкуру ты испортил сначала стрельбой, потом неумелым сдираньем. Да и на что тебе эта шкура? На стену ее не повесишь, летом медведь линяет – шерсть вылезает. Пустит тебя жена с ней домой? Никогда в жизни! Ей же пылесос от шерсти пару лет чистить придется. К тому же шкуру дубить надо. А ты умеешь? И реактивы у тебя есть? И корыто большое?! Нет?! Так о шкуре забудь.

Мясо съедобно? А сколько ты его в раз съешь можешь? Во второй не получится – все стухнет. Или ты его коптить-вялить собрался? Печь варганить замашься. Медвежатица, конечно, съедобна, но на любителя. Псиной воняет. Ты собак ел? С большим удовольствием?

Конечно, если ты человек суеверный, склонный к язычеству, то непременно отрежешь медведю лапу. Она тебе пригодится для снятия опухоли с вымени коровы. Ну ту, что после отела возникла. В этом смысле вещь полезная! Проводишь трижды этой самой лапой по вымени коровы (не забудь, обязательно сверху вниз) приговаривая: «Вылечи, не пухни; земля, прими болезнь». Если подходящей коровы под рукой не окажется, то ищи женщину с опухолью на груди или роженицу, у которой молоко пропало. Запросто осчастливишь больных.

Не только лапа обладает особыми магическими свойствами. Повесь череп медведя над дверью московской квартиры (или помести на чердак дачи) – жилище будет защищено от воздействий злых духов (Любых! Даже от правительства исходящих). Но от колдовства череп не защитит. Тут нужна все та же медвежья лапа. Поэтому – череп над дверью, лапы – по косякам, и спи спокойно. Ни что тебя не достанет...

Салом мажь себя при ревматизме, или кожных болезнях. А медвежья яичники – вообще супер. (Смотри только не шлепни медведицу, вместо медведя. Изучи половую принадлежность – потом стреляй). Это – средство от половой слабости.

Но все это мелочи. Главный продукт – медвежья желчь (она же –ундам).

От всех болезней лечит: жаропонижающее, лекарство от стоматита, цинги и глазных болезней, и много еще от чего. Правда, никто точно не знает, от чего именно. Но это-то и интересно.

Радио-диспут начинается с проблемы, где у медведя печень, как она выглядит, и как ее грамотно извлечь. Раздавишь – зря мишку шлепнул. Кроме того, все мясо испортишь, горькое будет, собаки есть не станут.

Дальше – сложнее. Медицинская желчь бывает сушеной, вяленой, жидкой. Какая форма максимально активна? Как ее хранить? Каков срок годности? Вопросы серьезные, это вам не геология-вулканология, о здоровье речь идет.

В целом, рекомендации просты. Когда ловишь медведя, старайся не попасть рогатиной ему в желчный пузырь, затем очень аккуратно (не раздави) вырежь желчный пузырь вместе с желчью, затем суши его в прохладном месте.

Вопрос: сильный ли ундям афродизиак?, т.е. лечит ли он импотенцию. Актуальная тема. Один радист с пеной у рта доказывал, что желчь увеличивает сексуальную потенцию как мужчин, так и женщин. Правда, тетки с метеостанции выступили с опровержением: они с отвращением сжевали несколько желчных пузырей и ничего, буквально ничего, интересного не почувствовали. Дискуссию прекратил один геолог, бурят по происхождению, спец по буддизму. Он авторитетно заявил, что сведений об использовании ундама в качестве афродизиака в китайской медицине нет. И вовремя, а то тут некоторые товарищи под эту идею приступили к ликвидации поголовья камчатского медведя.

Вскоре я уже знал, что желчь медведя используется в тибетской медицине для лечения воспалений и бактериальных инфекций, рака, ожогов, геморроя и нарывных опухолей, конъюнктивита, астмы, а также как общее болеутоляющее средство. Применяется для лечения печени, желчного пузыря, заболеваний уха-горда-носа и как тоник для восстановления функции печени при злоупотреблении алкоголем. Понижает температуру, является прекрасным спазмолитиком, успокаивающим средством, прекращает затяжные месячные. Помогает при инфекционных заболеваниях, сильной простуде, сопровождаемых высокой температурой и судорогами. Ею лечат гастрит, колит, язву желудка. Свежей желчью промывают глаза при воспалениях, ячмене, катаракте, делают компрессы при чирьях, гнойниках, кожных воспалениях и язвах. Ундям успокаивает боли, сопровождающие заболевание желчного пузыря или желчнокаменную болезнь, боли при язве 12-перстной кишки. Он обладает свойством нейтрализовать яды, а также противовоспалительным действием. Ундям используют для лечения сердечных заболеваний, гипертонии, сильной простуды - в таких случаях его полагается растворить в бамбуковом соке и пить. Он способствует выделению желчи, нормализует излишнюю кислотность желудочного сока, помогает усвоению жиров. Лечит боль в мускулах, вызванную переохлаждением, хронический понос, желтуху, нарывы, инфекционные заболевания, боли в груди.

И это только часть информации, плавающей в эфире.

Важнейший вопрос – дозы какие? Сколько этой гадости надо глотать в один раз и как часто повторять? Спорили долго. Постепенно общественное мнение склонилось к порции (на один прием) сушеной желчи размером в одну-две спичечных головки, растворенной в 100 мл воды. Принимать до еды. Два раза в день.

Когда мне пришлось лечить подругу, которую неожиданно прохватил затяжной кашель, я воспользовался именно этим рецептом. К моему удивлению, ундям помог – кашель прошел. Но радовались мы рано. Через неделю он восстановился и продолжался аккуратно до конца поля.

Как объяснил мне потом один спец, удивляться тут нечему. В тибетской медицине медвежья желчь никогда не применяется сама по себе. Она – компонент сложнейшей смеси. Чтобы не быть голословным, приведу пару рецептов из классических трактатов.

1) Сгущенный отвар из мумие, акебии и адатоды, если добавить к нему шафран и медвежью желчь излечивает жар печени.

2) Кардамон настоящий, мумие, можжевельник и миробалан хебула, прибавленные к основному составу, излечивают жар почек, а медвежья желчь, мумие, борец разнолистный и змееголовник сообщают всему составу способность излечивать жар желудка.

Будь у меня миробалан хебула, я бы приготовил снадобье и сходу вылечил бы подругу. Но его у меня не было. Хуже того – я не знал, что это такое!

Подводя итоги медицинской части, скажу так: от медвежьей желчи вреда для организма не отмечалось ни разу, а польза изредка случалась. Помогает тому, кто в это верит.

А вот теперь можно перейти к самой истории.

Первым отрядом в который я попал на Камчатке командовал аспирант Юры. У него, видимо, были имя и фамилия, но все звали его Грицко. И я так называть его буду. Бойкий такой

парень, хозяйственный шибко. Пока мужики проедали-пропивали добро, или бросали его в тайге, унося ноги, Грицко все чего-то добывал и чего-то откладывал про запас. Поэтому отряд был экипирован хорошо, пороха-продуктов хватало. Иногда вдруг возникали деликатесы: красная рыба, крабы, икра – жри от пуза!

Вулканология и геохимия всякая его не особо волновала. Ну, так на то и Юра-шеф. Он направит отряд куда надо, и отчет умно напишет, и диссертацию защитит, тому кто пожелает.

В конце поля, уже в Петропавловске, я случайно попал к нему в гараж. И обомлел. Внешне это был стандартный железный пенал, задом прижатый к скале. Но торцевой стенки не было. Вместо нее в скале был пробит туннель, оканчивающийся залом-пещерой. Эта пещера была снизу доверху набита ящиками, бочками, мешками, выючниками, бутылками, банками и просто всяким хламом. Что там хранилось - не знаю, но это был стратегический запас на случай атомной войны. Особенно впечатляющий в голодную пост-хрущевскую эпоху. И все – из сэкономленных в экспедициях средств.

Не даром народ считал Пилипенко не ученым, а кулак-куркулем.

И вот – конец Застоя. Настала Перестройка, пришли Ускорение и Гласность. Пахнуло капитализмом: НЭП на пороге!

Все рванули кто-куда, Я – в Чехию (временно), Юра – в Мексику (навсегда), Готцко – в бизнес. Экологическую нишу захватывать.

Надо сказать, что в это время в фармакологии случился. Раньше все бегали за химиками и вопили – давай формулу! То есть предлагай новое биологически активное соединение, строение которого ты точно знаешь, которое ты можешь синтезировать, а потом точно охарактеризовать. Так длилось много лет, но постепенно идея выдохлась – новые вещества с полезными свойствами стало изобретать все сложнее и сложнее. Фармакологическая промышленность начала тормозить – миллиардные убытки.

Тут-то и вспомнили о природных продуктах – основе восточной медицины. Той, что лечит не конкретные болезни, а организм в целом. Где в дело идут маральи панты, женьшень, лимонник, Курильский чай и много еще чего полезного. Никто не знает, почему они лечат. Но лечат! Да еще как! Химики попытались выделить действующее начало, но чем чище становились разделенные компоненты, тем хуже была их эффективность. Фармацевты-косметологи плюнули на анализ и стали применять все, как есть. Даже не зная формулы, даже не зная, чистое ли это вещество, или адская смесь. Не умея ничего синтезировать искусственно.

Врубилась реклама: даешь нетрадиционную медицину. И дали!

Вот в эту-то сферу и решил врубиться Грицко. Перспективы есть: тут тебе и лекарственный бум, тут тебе и бардак демократический. Страна рушится – делай, что хочешь. Свобода, блин!

Бывший вулканолог обратился к камчадалам с призывом – бей медведей, добывай желчь, я обеспечу сбыт. Обогатимся!

Куда там обогатиться, нам бы выжить....

Но медвежья страда началась.

Вскоре товар потек к Грицко. Тот подсчитывал возможный доход. Конечно, можно было толкнуть все в Японию. Благо она под боком, и восточную медицину там уважают. Однако, выручишь пару тысяч долларов и что? Даже машину не купишь. Вот Москва – другое дело. Столица Империи, дикий капитализм, эпоха накопления, новые русские. На мировом рынке выходить надо. Там цена на медвежью желчь не опускается ниже 1000\$ за килограмм. А тут вон ее сколько, пуда два – не поднимешь.

Погрузил Валера свое добро на борт и вылетел в Москву.

Местные же охотники остались ждать, пребывая в мечтах. Вернется Начальник, привезет ружья, и не просто ружья, а помповые автоматы 12-го калибра, с оптическим прицелом. А к ним – патроны, опять же, не в картонных пачках и не дымным порохом начиненные, а с закрытыми сильными капсулями "Жевело" (французская идея – мечта поэта), бездымным порошком, и в железных круглых коробках, встроенные в ленты (как для пулемета Максим).

В Москве Грицко развил бурную деятельность. Снял за ВДНХ квартиру, организован склад-офис. Связался с фармацевтическими фирмами, лабораториями, аптеками и даже точками на рынке. Благо тогда многие коллеги-ученые, бросив все науки вместе взятые, ударились в торговлю. Вера в НЭП владела массами.

Москва ту эпоху помешалась на магии, гадании, восточных верованиях и мордобитиях. Плодились спецы по биополям, передаче мыслей на расстоянии, единоборствах, ворожбе и гадании, народной медицине, летающим тарелкам и снежном человеке. Телевизор заполнили экстрасенсы и гипнотизеры. Понятно, что природные лекарства от всех болезней были восприняты москвичами на Ура! Тем более – шли с Востока. Официальная фармакология, да и медицина, особо не препятствовали этим настроениям, и даже поощряли их. Была даже выдвинута теория, что плохая экология городов, снижает иммунный статус населения. А природные физиологически активные вещества (не даром они известны уже тысячелетия) – это как раз иммунно-модуляторы: все параметры человека, которые выше нормы, они уменьшают, а все параметры ниже нормы – повышают. Короче, держат иммунный статус в норме. Здоровый же

организм сам справляется с болячкой. Причем с любой, и без всяких лекарств, выдуманных немцами-фармацевтами. А что немец понимает в человеке, в его карме, в энергетических дырах – да ничего!

Короче, торговля пошла. Медвежья желчь шла нарасхват, так что пришлось отправить заказ на дополнительный отстрел медведей. Рос и капитал.

Тут Грицко сделал ошибку – он запил. Как не запить при таких доходах?! Деньги для того и придуманы, чтоб выпить можно было вволю. Иначе – зачем все это?

Между тем, чем отличается бизнес от научной работы? Тем, что в торговле думать. Крепко и постоянно.

Пока он предавался столичным утехам, конъюнктура начала меняться. Наступала эпоха глобализации – монополист вытеснял с рынка мелочь пузатую. Первым опомнились аптеки – они стали требовать сертификат качества! А где его взять? Покупатель стал привередлив. Кто не поправил, сожрав пару кило ундама, кто отравился первыми же граммами, а кто и вовсе умер, оказавшись от лекарств западных.

В воздухе запахло мордобоем...

Появились конкуренты. Китайцы, естественно. Вместо того, чтобы покупать нашу желчь, они свою выкинули на наш рынок! Эти изуверы стали в неволе разводить медведей. Уже десять тысяч медведей содержатся в тесных клетках, в которых не могут пошевелиться, с катетером, введенным в желчный пузырь. Ну, не гады! Эта жестокая индустрия стала приносить ежегодный доход в \$100 млн. Не слабо! Причем у них и ГОСты – ОСты, и сертификаты качества, и реклама.

А у нас какое качество? Кто как мог, тот так и сушил. Продажи упали, медвежья желчь стала портиться, покрылась плесенью и сгнила. Бизнес упал до нуля.

Между тем, проснулись камчатские охотники. Добытая опасным промыслом медвежья желчь испарилась, как туман. Денег же никто не увидел ни копейки. Обидно!

Мужики стали слать гонцов в Москву. Те доложили, что был такой Грицко, да куда-то сгинул. Нет его, как не бывало. Охотники, хоть и обеднели за времена Перестройки, но карабины и патроны к ним остались. Стрелять же они не разучились, хотя бы и по двуногой дичи. Была объявлена охота на «бизнесмена» по территории всего бывшего СССР. Но безрезультатно. Он исчез, жена и двое уже подросших сыновей терялись в догадках.

...Как то вечером, я ужинал и рассеянно смотрел телевизор. Там шла хроника происшествий. На экране появилась развороченная взрывом машина. Старый Форд- Эскорт, в нем господин Штокман - торговец текстилем и две дамы, широко известные в Саратовских кругах. Я присмотрелся. Грицко, кандидат химических наук, геохимик-вулканолог, лежал на спине, ногами в кабине, головой на асфальте. Живот был вспорот, по груди стекала кровь и желчь.

Его желчь, не медвежья....

Камчатский стриптиз

Нельзя сказать, что наш балок сильно похож на итальянскую виллу в горах. Но визитеры на вулкан Мутновский воспринимали это укрытие как дворец. Располагалось оно на живописном склоне горы, сверху нависали вулканы, со снежными шапками, сквозь которые пробивался дымок; внизу простиралась обширная ядовито-зеленая долина Дачного, местами прорываемая фонтанами пара; прямо перед крыльцом плескался бассейн с горячей радоновой водой. Под торцом виллы журчал-гремел ручей – источник питьевой воды. Имелась буржуйка, консольные столы, радиостанция, кухня с примусом и собственный электрогенератор. Туалета, правда, не было, но зачем он нам?!

Над крышей развевался бывший когда-то красным, но теперь белый флаг.

Хозяева (сотрудники Института Вулканологии) посещали виллу раз в году. Грузили вертолет научно-бытовым скарбом, начальниками-работягами и везли все сюда. Прямо, как москвичи на дачу.

Обустроившись, хозяева принимали гостей. Это были приглашенные профессора МГУ, сотрудники Академии наук, иногда иностранцы (геологи, вулканологи). Но чаще случались незваные визитеры – художники, туристы, охотники и просто бродяги. Люди опасные, но интересные...

Увы! Одни мужики.

Но однажды пришел очередной тайфун, за ним циклон, а за ним дождь. Не среднерусский дождь, мелкий и противный, а дождь-ливень. Как из ведра. Но ведра, выливаемого не сверху, а сбоку. Сильнейший ветер (надо быть не слабым мужиком, чтобы идти против него) нес потоки воды горизонтально. Температура дождичка была где-то на уровне нуля Цельсия. Тут вам не тропики!

Шел этот ливень три дня и три ночи, не переставая и не ослабевая.

На четвертый день в дверь балка кто-то поскребся. Я открыл. Возникшую картину я где-то видел. Помните, у Брейгеля-старшего слепые нищие пересекают пространство. Тот самый случай! К нам в гости брел отряд туристов. Взглянув, сразу понял – немцы. Точно – пленные немцы января 1942-го. Те же оборки, волочащиеся за тяжелыми ботинками, завернутые шарфами рты,

рюкзак-ранцы. Самое смешное, я оказался прав – это действительно были туристы из ГДР. Как они оказались в закрытой для иностранцев зоне, в горах-вулканах, да еще без русских сопровождающих – не известно. Что они тут делали – то же. Тем не менее, это были именно немцы, и они были одни.

Им, конечно, досталось. Сухой нитки не было, дрожь била каждого. С трудом они поднялись по ступеням крыльца и проследовали внутрь помещения. Семь человек. Войдя, они бросили взгляд на лежащих на столах геологов, нашли свободный угол и сели на корточки. Несколько минут никто не шевелился, лишь вода вытекала из прищельцев и стекала сквозь щели пола. Но затем трое немцев вскочили, начали активно раздеваться и в момент достигли состояния «в чем мать родила». К нашему несказанному удивлению они оказались вовсе не немцами, а немками!

Выхватив из полиэтиленовых мешков полотенца, они начали яростно растираться. Замелькали попки, груди, пиписьки. Девки кружились в массовом стриптизе. У нас отвисли челюсти. Оно конечно, здоровье важнее, но как-то... того, у наших дам не принято так резко оголяться. Даже перед угрозой обморожения. Тем более, что можно выйти в соседнюю комнату или попросить мужиков отвернуться. Но немки ничуть не смущались, все у них выходило естественно. Может так и надо – решили мы.

Пришлые дамы не ограничились растиранием. Они достали тюбики с помадой и стали красить губы, соски груди и что, совсем странно – половые губы. Так что все эти места скоро приобрели ярко-красную окраску. Гигиенично и красиво!

Эх! Если бы моя жена до такого додумалась! Но куда ей...

Стриптиз получился художественным и познавательным. Не то, что у теток в Амстердаме-Гамбурге.

Самое интересное, что немцы продолжали неподвижно сидеть у стенки, истекая водами и не реагируя на представление. Девы оделись в сухое-теплое, достали фляжки с чем-то крепким (шнапс – видать), и дали выпить мужчинам. Мы бы и сами налили им спирта (чего уж тут!). Но спирта не было – все выпито давно, давно, давно... Мы только облизнулись.

Дамы на хозяев не реагировали, были заняты – раздевали парней. Каждая – своего.

И только один дрожал в углу. Своей женщины у него не было.

Пёс Иуда

Говорят, что иудин комплекс – удел аспирантов, апостолов и прочих учеников. Нет! Всего живого!

Пример.

Когда я занимался радоновой съемкой Камчатки, был у нас в отряде пес Сэр Антонио Тобиано (в просторечье - Тобик). Имел вид длинного гладкошерстного цилиндра на коротких, кривых, широко расставленных лапах. Проходимостью отличался необычайной: сквозь чертополох лез, как танк, иногда взлетая вверх в попытке поймать куропатку за хвост. По скалам и курумникам лазил, как альпинист. Но водные преграды давались с трудом: сносило, часто - под лед. Поэтому горные речки он форсировал у меня на плечах. А так как гуляли прямо по руслам, наездился он на мне всласть. Так что я в праве был рассчитывать, если и не на взаимность, то, по крайней мере, на отзывчивость.

И что?

Лезли, мы, лезли в гору. По крутым ледникам: с трещинами, промоинами, да еще со снегом-дождем сверху. Залезли. Скатились в кратер, а там тепло! Залегли с Тобиком на россыпи камней, отогреться. Полежали. Пес встал, отряхнулся и пошел куда-то. Я думал - по делам. Мало ли! И тут столб кипятка и пара как даст из-под земли. Мигом промок со всеми вещами. Гейзер! Как потом оказалось, работает по 10 мин 1 раз в сутки. Зараза! А Тобик? Слышал гул, осознал последствия и ушел. Мне слова не сказал!

Ну, не собака он после этого!

Английский компас

На рубеже веков нам удалось организовать международную экспедицию на Камчатку. К этому времени экологические фонды расплодились, как грибы. Денег им девать было некуда, мы написали в один, что, дескать, хотим продвинуть геометрию фракталов. Там ничего не поняли: почему спасение окружающей среды зависит от величины фрактала, причем здесь Камчатка? Деньги, однако, дали. И отряд волонтеров организовали: 13 человек, из 6 стран.

Ну, мы все свои: я с Ириной Михайловной, Николай Николаевич Таранов с сыном Игорем, Валерий Николаевич, подхватились и полетели. Прибыли, стали ждать иностранцев. В те романтические времена мы мало с чужестранцами контактировали, свойств их не знали, и еще верили в капитализм. Например, что если сказано, что рейс из Нью-Йорка вылетает в 18 часов, то так оно и будет. (Иначе компания разорится. Рынок – гарант дисциплины). Жизнь опровергла теорию. Рейсы опаздывали на часы, иногда – на сутки, а то – на трое. Причем застревали они вовсе

не в России, а где-то в остальном пространстве. Что еще интереснее – многие волонтеры прибывали без багажа, т.е. сами они летели по маршруту Нью-Йорк-Амстердам-Москва-Петропавловск, а вещи их летели то в Аргентину, то в Австралию, то в Китай, но никак не в нужную сторону. Веселые волонтеры в майках вываливались из самолета и обнаруживали, что у нас тут зима, снег с дождем. Да и на вулкан в тапочках не пойдешь. Некоторым везло, и через 2-3 дня их вождельные спальники-палатки появлялись. Но некоторые так и остались ни с чем. Поняли мы: у американцев - порядок. Не хуже, чем у нас. Но и не лучше...

Пришлось бегать по всему городу в поисках амуниции. Нашли дамам сапоги 44 размера, да пару противогазов. Пусть заботу чувствуют. Беспокоились о еде: будут ли иностранцы есть нашу пищу? Они, небось, избаловались в своих заграницах. Но начальник наш Таранов успокоил: оголодают – сметут все. Затарились мы мешком пшенки да ящиком тушенки. Чем и ограничились.

Долго ли, коротко ли, но, в конце концов, все собрались, экипировались, вывалились из вахтовок и начали маршрут – полезли на какую-то гору, с целью ее перевалить. Колонну возглавлял знакомый геолог, выписанный нами по случаю из Паратуньки. Единственный из нас он не шел, а ехал. Самодвижущееся устройство было сконструировано и изготовлено им самим. Мировых аналогов не имело. Корпус, кабина отсутствовали. Водитель сидел прямо на моторе - древнем, но сильном двигателе от трактора ДТ-54. Сая рама – центральный элемент самоката - поддерживалась шестью колесами. И какими!!! Диаметр каждого – не менее полутора метров, а ширина шин – более метра. Каждое колесо приводилось в движение независимо от другого, давление в шинах можно менять при движении. Замечательная вещь! Высокоманевренная и высокопроходимая, даже по снегу, даже по крутым склонам и осыпям.

Это в теории.

На практике, когда водила хватался обеими руками за длинный рычаг (придерживая руль ногами) и переключал его, раздавался дикий скрежет, сопровождаемый сменой режима работы колес. Тут торжествовал принцип случайности – бывало, что включались нужные передачи, но чаще – первые попавшиеся. В результате два колеса впадали в ступор и замирали, четыре справа крутились вперёд, зато четыре слева – назад. Тогда вездеход начинал вращаться вокруг собственной оси, причем с ускорением. Иногда ему удавалось прорыть в снегу яму, куда самому и завалиться. Наши вещи, навьюченные на транспортное средство, летели во все стороны и катились по склону. Самокату удавалось скинуть не только чужой груз, но топливные баки и даже важные детали своей конструкции.

Экспедиция останавливалась. Отряд собирал вещи и грузил их обратно. Механик-водитель перемонтировал самокат. Затем движение продолжалось. К машине никто не приближался – изредка она прыгала, как кенгуру. Вверх, вперед, назад, и, что уже странно – вбок. Причем неизвестно, в какой.

Мы преодолели четыре хребта, когда самокат ушёл в самостоятельный полёт и приземлился на пирамиду скалы, которая пронзила всю конструкцию. Рама разошлась, и двигатель с шофером ушли на вершину. Абзац, приехали!

Мы забрали вещи-продукты, взвалили на себя и побрели. Уже с первых шагов мы взгрустнули о потерянном транспортном средстве – оно ведь прокладывало путь, трамбуя снег. Мало того, что теперь каждый тащил тяжелый рюкзак, так стали проваливаться в снег, то по колено, а то – и по грудь. Так себе удовольствие. Движение замедлилось: сто - двести шагов, и привал. Хуже другое. Туман, который было совсем рассеялся, вдруг передумал и стал сгущаться. Через некоторое время, когда мы взобрались на ледник, видимость исчезла. Т.е. можно было видеть спину впереди идущего, но не более того. Как бы кто из бравых экологов не потерялся – международный скандал будет!

Причем не просто не туда, а в прямо противоположную сторону. Никаких поводов для сомнений не было, они возникли сами собой. Наши усилия не просто напрасны, а вредны, поскольку скоро придется рвать когти обратно. Я попытался подавить беспокойство, но оно росло. Наконец, догнал Ирину Михайловну и поделился сомнениями. Та отвечала меланхолично: «Пусть думают вожди». Оно, конечно, так, но отдышка-то у меня... Сунул два пальца в рот и свистнул. Караван остановился. Собрали совет. Оказалось, что никто из нас в этих краях никогда не был, карт нет, спутниковой привязки тоже, и даже компаса – и того нет. Был он у геолога, но он забыл его нам отдать из-за траура по самокату. К счастью у одного англичанина в часы был вмонтирован компас. Предусмотрительный, зараза. Шпион, наверное... Вооружившись прибором, стали думать дальше. Один конец стрелки компаса имел флуоресцирующую нащлепку, и это конец показал то же направление, по которому мы шли.

Шли мы шли, брели мы брели, и стало у меня закрадываться подозрение, что идем мы не туда. – Там север, – констатировал я, но нам туда не надо! Нам – вниз, к океану, т.е. на юг. Пошли обратно.

– Неправильный компас! У буржуев все наоборот! Нашлётка указывает на юг. Пошли прямо, – убеждал ВН, заискивая пред НН.

Долго могли мы дискутировать о свойствах шпионского компаса, но я глянул под ноги. Под разбавленным сапогом льдом возник ручеек. Он тек туда, откуда мы пришли.

<http://profbeckman.narod.ru/>

– Правильный компас, однако, – констатировали мы.
Развернулись кругом и резво покатались к Тихому океану.

Умные животные

Лагерь мы устроили на границе леса, в глубоком распадке на южном склоне вулкана Мутновский. Палатки утвердились на площадке по-над быстрой и шумной речкой, леса много – с примусами можно не затаиваться. Помимо жилых палаток, поставили научную для разбора и анализа образцов (камералку), палатку-столовую и палатку-баню, для мытья дам. Завтрак готовила Ирина Михайловна. В счастливый момент она высовывалась провозглашая:

– Каша рэди!

Лагерь вмиг просыпался и ломился в столовую жрать пшенку. Отстающих не было.

На ужин была та же пшенка, иногда – гречка. Гречневую кашу американцы никогда не ели, она им нравилась. Лишь один сноб однажды заявил: «Хорошая крупа, но с камнями!». Действительно, тогда еще гречка была настоящей.

В торжественных случаях Таранов просил нашу повариху организовать ужин аристократа.

– Как это?

– Крабы и спирт!

А вот обеда не было вовсе.

Спирта у нас было мало (и тот – завезен нелегально), но начальник использовал его широко и изобретательно: то был вечер спирта, то вечер русской водки (спирт разведенный), то вечер грога (спирт кипяченный) и т.п. Иностранцы тащились.

А вот сгущенное молоко (тоже лакомство ими не виданное) они не восприняли. Пили черный чай, без молока и сахара. Фигуру берегли? С удивлением смотрели, как мы черпаем сгущенку ложками и облизываемся. Так мы все запасы ее сами и сожрали.

Весь день доблестные волонтеры ползали по склону горы и искали вулканические бомбы – камни, выброшенные вулканом в период активности. Найдя подходящий камень, они измеряли тряпичным сантиметром длины двух окружностей – экватор и полный меридиан бомбы. Потом, в камералке, по специальной формуле рассчитывали отношение поверхности поверхности камня к его объему, и, следовательно, показатель фрактала. А по величине показателя фрактала можно судить о температуре в жерле вулкана в момент извержения. Как ты ее иначе померишь? То-то...

Это я такую тему придумал....

В некоторый момент раздавался свист, работа по поиску вулканических бомб среди камней прекращалась и отряд кучковался вокруг меня, точнее – вокруг моего мешка. (Надо сказать, американцы оказались ребятами на удивление дисциплинированными: только свистнешь, а они уже строятся. Можно подумать, что это они росли при военном коммунизме, а не мы. Наши на начальство не реагировали. Свисти, не свисти...). Я развязывал мешок и, не глядя, начинал метать банки тушенки. Об их судьбе можно было не беспокоиться – волонтеры, как вратари на мяч, бросались на банку. Ухватив её, счастливец отползал в кусты и, урча, начинал с ней бороться. Тактика была разной. Русские обычно сначала обтирали банку мхом или травой, открывали ее охотничьим ножом, организовывали слой тушенки между хлебцами и кушали полученный бутерброд, запивая спиртом, разведенным болотной водой. Иностранцы воевали с банкой гораздо яростней. Первое время они искали ключи, которыми, по их мнению, должны быть снабжены любые консервы. Наивные люди! Тушенка – стратегический товар, какие еще ключики. Потом уже стали использовать свои ножи. Господи, что же это были за ножи? Уже на третий день ни одного целого ножа у них не осталось – все советская жесть поломала. Поэтому открытие банки для них представляло нетривиальную задачу. Решали они ее, как медведи, т.е. били о камень, скручивали, сплющивали меж валунов, колотили острым осколком кремня. Как ни странно, многим удавалось банку вскрыть и полакомиться содержимым. Многим, но не всем. Некоторые буквально выли от собственного бессилия и голода. Тогда я вставал, в развалку подходил к страдальцу (или страдальце), и, выхватив из ножен нож, одним движением вскрывал истерзанную банку. Знай наших, помни о силе русского оружия (Трофейная финка у меня, правда, изготовлена из золлингенской стали, но зачем немчуре об этом знать?!)

Проблем с аппетитом у членов международной экспедиции не было – мели всё.

Но и у них было в смысле еды нечто ценное – тряпичные мешочки, наполненные чем-то гранулированным. По вкусу – шоколад, изюм, орехи. Необычайно вкусная, сытая и полезная для здоровья смесь. Иногда и нас они этим собачьим кормом угощали...

Запасы этой полезной смеси хранились в хозяйственной палатке. И вот, возвратились мы из маршрута, а там ребята, остававшиеся на дежурстве, горюют:

– Хомяки напали, продукты разорили, вскрыли мешочки и все запасы США сожрали.

– Как! – возмутилась Ирина Михайловна, – всё съели, и нам ничего не оставили?!

Дежурные смутились.

– Вам оставили, – пояснили они.

И протянули нам два мешочка.

– То-то же...

<http://profbeckman.narod.ru/>

И то - правда, не может же хомяк быть таким идиотом, чтоб обидеть власть имущих.
Умное животное, однако!

МОРСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

*А в открытом океане негде
прятаться в кусты.
Ю.Ким.*

Чистое искусство

Великое дело - БМП - большая морская травля. Собачья вахта, четыре часа ночи, торчим на рейде, накат, мутит и к горлу подступает. Сидим и травим речи. Несколько случайных баек и вот центральная тема найдена. Понеслось! Тянуть, путаться в мыслях невозможно. Сразу заткнут. Ведь у каждого - десяток историй. Одна интересней другой. И все по теме. Рассказывать приходится четко, сюжет завивать лихо. По всем правилам гармонии: завязка – кульминация – развязка - эпилог. Все происходит с рассказчиком лично. Он - герой. Было - не было - плевать. Чистое искусство, но без занудства. Не дай заснуть! Бывало, за три минуты излагался весь фильм, включая сюжет, идею, игру актеров и модернизм режиссера. Рассказчик сам и автор, и актер (все изображено в лицах!). Неважно, что среднее образование получить не удалось, мастер, не закрывая рта, продержится весь рейс, не повторившись.

Учись, аспирант, доклады делать.

Ты думаешь, я тебя байками тешу, потому как профессор? Меня методическая комиссия этому учила? Нет!

Я прошёл школу БМП!

Бассейн

Пройдя экватор, мы спустили воду из бассейна, почистили его, смазали автолом и улеглись вокруг глазеть на Южный Крест. На палубу стремительно выпрыгнул Кэп. Уже в плавках. Лихо оттолкнувшись, он воспарил ласточкой и нырнул в бассейн. Мы переглянулись: во дает! Наконец, Старлей поднялся и осторожно заглянул вниз.

– Ну, как там, Ихтиандр вы наш?!

– Засужу, сволочи!

Много морей и океанов проплавал Кэп. На наших судах и ихних. Но везде его звали Ихтиандром.

Романтик

Капитан, в ярко-зелёных семейных трусах с вываливающимся из них пузом, выплывает на палубу и принимает позу Ильи Муромца. Рука над бровями. Внимательный осмотр ровной глади порта и сурового, покрытого барашками моря за пирсом. Задумчивый взгляд на захлебывающийся флюгер и рвущийся вымпел. - Хорошо! - Что хорошо?! - Ветер свищет, на море шторм. А ты стоишь в укрытии и ни \$уя тебя не ебёт!

Универсальное судно

Корабль (или, как теперь принято говорить на флоте, пароход) «Эксперимент» - посудина оригинальная. Бывший черноморский траулер, переделанный под научно-исследовательское судно (НИС). Тип: река-море. Двигатель - от танка Т-34. 13 человек команды и 5 человек - экспедиция. Какой-то большой ум с геофака придумал расположить на нем буровую установку. С этой целью удлинители и расширили корму. При попытке установить буровую, корабль накренился, собираясь перевернуться и затонуть прямо у пирса. От буровой отказались, но остойчивость порушили. Стоит теперь случайной волне дать под зад (имеется в виду - под корму), как корабль зарывается носом. Качка на нем начинается от проходящей весельной шлюпки. Бывало, выходишь на корабельную сторону севастопольской бухты. Вода - как зеркало. Лес мачт. Задача: найти «Эксперимент»? Ерунда! Смотри, какая мачта качается – та и твоя. Удобно! Однако ходить на таком НИСе - удовольствие ниже среднего. Так кидает, что морские волки начинают травить, а из аппаратуры блоки вылетают.

Однако потопить его трудно.

И когда он, беленький, летит по синим волнам, смотреть любо-дорого.

Особенно - с берега.

Сухой закон

В сухопутные экспедиции я обычно прихватывал канистру спирта. Так, литров 8 – 10, не больше. И всегда находил понимание на судне. Так я поступил и в этот раз. Приехали в Севастополь, взошли на борт «Эксперимента». Знакомимся с начальством, обсуждаем маршрут, а заодно и вечер встречи. Тут старпом отводит меня в сторону и говорит: «Конечно, мы проведем в

кают-компания встречу экипажа с экспедицией. Дело нужное, поговорим, поужинаем. Но учтите – на судне сухой закон! Выпивки – ни - ни!»

Ладно, ни – ни, так ни – ни. Их нравы! Разбираю в каюте вещи, заходит боцман:

Хочу вас предупредить, на судне – сухой закон.

– Знаю! И мы не алкоголики.

Но по-настоящему меня удивил палубный матрос, который, ни к селу, ни к городу, то же заговорил о вреде пьянства. Во попал! Заповедник трезвенников какой-то. Не к добру! Чем же теперь стимулировать морских бродяг?!

Настал вечер, собрались мы в кают-компания, обменялись с кэпом приветственными речами, познакомили коллективы, рассказали, куда и зачем плывем. На этом торжественная часть кончилась, сидим, жуем. А ужин: селедка, картошка, огурчики малосольные, помидоры ... И в кают-компания повисает некая эманация, что все хорошо, мужики здоровые, погода теплая, еда вкусная, а вроде чего-то не хватает. И чего-то весьма существенного. Не по-людски как-то, даже как-то не по-украински (я уж не говорю – не по-русски!) С сухомятки ж можно помереть!

Я решил:

– Кэп! Извини, я молодой, в море первый раз. Слышал, однако, что в тропиках каждому члену экипажа положена бутылка сухого вина. А для нас, северян, Крым – как тропики. Разреши по сухонькому.

Логика кэпу показалась железной. Разрешил.

Достали сухонького, народ оживился, пошли разговоры, морская травля. Жизнь встала на место. Вот и спирт сам собой появился. Пошли по восходящей. Где-то в два часа ночи, я удалился на покой, а братанье продолжалось.

...Утром выхожу на палубу. Из кучи концов выползает боцман. На него больно смотреть.

– Начальник! – говорит он мне, – не в шутку, а в дружбу. Плескани сто грамм на опохмелку. Погибаю!

Я спустился в лабораторию, открыл сейф, открыл крышку канистры и аккуратно наклонил ее над кружкой. Вылилось несколько капель...

Считать умеете? 9 литров спирта, это больше 20 литров водки, более 40 пол-литров. Нас – 15 человек; две тетki, старпом и аспирант-язвенник не в счет. Сколько вышло на рыло?

Вот это и есть, сухой закон по-флотски!

Должность женщины

Планируя очередную морскую экспедицию, я составляю штатное расписание. Ну, там начальник рейса, научный сотрудник, радиоинженер, лаборант и женщина. Работать даме не надо: приборы мы таскаем сами, пробы воды сами берем, радиоактивность мерит счетчик, он же отправляет данные в компьютер, еду готовит кок, а белье в стирку сдает боцман. Поэтому обязанность у нее одна – быть женщиной. Должностные инструкции я пишу для всех, кроме нее - сама определяя круг своих обязанностей. Она и определяет. В меру фантазии. И надо сказать за много лет экспедиционные дамы продемонстрировали нам широкий диапазон представлений о том, что это такое – должность женщины...

Комплектуется экспедиция на кафедре радиохимии, где сотрудники – почти одни мужики. Редко какой завлаб обзаведется молодой лаборанткой. Вот и ходишь кругами вокруг удачливого шефа: позволь покатасть сотрудницу. Бесплатный курорт, Черное, Азовское, а то и Эгейское моря, солнце, вино, фрукты. Морские купанья! Да после такого она год бесплатно работать будет. А нам без дамы никак нельзя: без женщины на пароходе воцаряются казарменные нравы, ученые падают в чем мать родила и на палубу писают. И мат-перемат, к тому же. А это не хорошо – марка МГУ страдает.

Хорошо! – говорит Шеф, – но вернете, какую взяли.

Условие, конечно, кабальное. Но что делать? Соглашаемся.

Правда, в последнее время конкурс среди дам возрос, и один начальник уже предложил пространство альтернатив:

Вернете, какую взяли, или довольную!

Вот это - другое дело. Это мы, пожалуй, можем.

НИС «Эксперимент» бодро движется по заданному курсу. Море спокойно, сияет солнце, по громкой связи - Бони Эм. На палубу выходит Ольга. Вся в купальнике, на плечах – полотенце. Вахта и члены экспедиции делают стойку.

– Дед!

Крышка люка приходит в движение и отлетает в сторону. Из преисподней возникает чумазый стармех. Вокруг головы он крутит веревку, с привязанным к ней термометром. Бросок и градусник летит в воду. Через три минуты:

– Плюс девятнадцать!

Дама отрицательно и грустно качает головой.

– Курс зюйд!

И куда бы ни шел пароход, он сворачивает на юг. Ольга снимает полотенце и укладывается в катер загорать. Через пару часов она полностью сгорает, начинает шевелиться и, наконец, встает.

– Дед!

Вновь отлетает крышка люка, вылезает механик, раскручивает лассо и кидает его за борт.

– Плюс двадцать один градус!

Ольга утвердительно кивает.

– Лечь в дрейф!

Корабль останавливается. Счастливый случай. Ведь начальнику рейса остановить пароход трудно, практически невозможно. Команда терпеть не может стопорить движок. Вам тут же покажут тучку на горизонте, предвещающую ураган, механик расскажет сказку о стучащем правом шпинделе, штурман доложит, что мы в зоне, закрытой для судоходства (пора убираться). Но просьба женщины (пусть даже кивок) – закон. Пароход ложится в дрейф. Экспедиция приходит в возбуждение. Летят за борт погружаемые датчики, батометры, дночерпалки.

Пользуйся моментом! Наука не ждет.

С кормы спускают трап. Палубный матрос привязывает спасательный круг к концу и кидает его за борт. Ольга забирается в спассредство и, болтая ногами, плывет в Турцию. Канат кончается, матрос выбирает его. Вновь Ольга у борта и вновь направляется вдаль. Так она осциллирует час. Вахтенный выбирает-гравит канат. Святая обязанность!

Потом, в Москве, я обосновываю выбор именно этих координат для отбора проб и проведения комплексного исследования. Пишу: «в географической точке анализа восходящее течение приводит к смешению вод различной солености, что, в свою очередь, изменяет химическое состояние некоторых радионуклидов, в частности – плутония. Поэтому...». В самом деле, не могу же я написать в научном отчете, что даме здесь и сейчас приспичило купаться!

Наши обязательства

Получив приглашение в рейс, молодая кандидатка долго сомневается. Советуется с подругами. Те пугают: солнечные ожоги, качка, но главное – мужики. Пятнадцать оголтелых матросов, да и наши на воле не лучше. Всего двадцать! Ведь ты же будешь девочкой про все! Не справишься – пропадешь.

Сомнения большие, но и соблазн велик.

Эх, где наша не пропадала? Еду!

Первые впечатления соответствуют прогнозам. Действительно, двадцать здоровых загорелых мужиков балдеют от безделья. В воздухе: «Я сегодня очень, очень сексуально озабочен». Разговоры про баб. Кто, когда и сколько. Трапы крутые, люки тесные. Спокойно не пройдешь, так и норовят помять или потискать. Приходится жаловаться начальнику рейса. Тот наводит порядок. Но дама напряжена. Смотрит внимательно и прикидывает, кто ее первый трахнет. Стоит ли отбиваться, а если стоит, то, как и чем?

Однако проходит неделя и ничего не происходит. Мужики капризы в меру удовлетворяют, слегка кадрятся, прогуливают по базарам, но не более того. Время идет. Дама мается: на палубу нельзя – вся сгорела, тело в волдырях, кефира нет, в кубрике тесно, душно и одиноко (это – в штиль, а в качку все хуже), в кают-компании – пошляки с гнусными анекдотами. Детектив прочитан. Куда податься? Скучно! До берега далеко... Но главное, почему все пассивны? Она что, уродина какая?! Все же двадцать мужиков всех возрастов и темпераментов. Могли бы заинтересоваться. Да, она боевая подруга. Но ведь и женщина же! Девушка про все? Где это все? Ни чего же нет!

На четвертую неделю дама выделяет одного-двух и сама начинает ухаживать. Мужики – в кусты. Какая-то сила отражает ее обратно в центр внимания всего общества. Странно это. Дама теряет сон. Что-то с ней не так!

Бедняжка не врубается в ситуацию. А та предельно проста. Известно - женщина на корабле – опаснейшая вещь. Куда опасней снаряда или там гранаты. Пока она ничья – она общее достояние. Как ваза с цветами в кают-компании. Каждый может любоваться. Но если кто-то уволочет вазу в кубрик, мало ему не покажется. Палуба скользкая, можно и за борт смайнаться. Поэтому мужики внимательно следят друг за другом. Каждый предупрежден о последствиях. Да и виноград зелен.... Не больно-то и хотелось.

Сильные локальные поля нейтрализуют друг друга. Дама в полной безопасности. Могу успокоить ее шефа: вернем какую взяли.

Пусть даже недовольную!

Клевета и наговор

Клевета - страшное дело. Вполне согласен с Дон Базилио.

В Керчи пообщались с Рыбаком. Получили в презент ведро хамсы. Продели лески сквозь жабры и развесили вдоль парохода сушиться. Однако в процессе сушки рыбка стала пропадать.

Сначала незаметно, но потом нас стало много, а ее мало. Причем головы рыб на лесках висят, а остального нет. Откусано! А кто у нас кусается? Барсик!

Утром выползаю на палубу. А там скандал. Пса сослали на корму. Боцман несет его по кочкам, как повар - коту Ваську. Все верно: поймали с поличным (с хвостом в зубах). Не отвертеться! Вот и сиди теперь в катере, как арестант.

Однако подойдем к делу не с юридической, а с физической точки зрения. Рыбы висели на переменной высоте, со средним расстоянием от палубы два метра. Барсик имеет в холке 30 см. На задних лапах - 80 см, ну пусть - метр. А где еще один? Прыгать, конечно, умеет. Но ведь он не артист цирка! Да и где тут возьмешь разбег? Чтобы сожрать сто пятьдесят рыбок - нужно летать как птица. Кусаясь на лету.

Ох, оговорили пса, оговорили. Хорошо, что сейчас не тридцать седьмой год, а то бы вообще за борт выслали.

Трудности роста

Быть длинным неудобно! Бедная голова вечно задевает за козырьки, сосульки, натянутые провода. В машине руль оказывается между ног и при маневрах прочно заклинивает в коленях. На полке вагона спать не дадут: бродячие пассажиры проводят носами по пяткам. Без очереди за бутылкой не проскользнешь. Но, главное, постоянное ощущение риска. Все время настороже, а все равно обо что-нибудь да треснешься. Быть маленьким, незаметным, компактным куда удобней. Однако и у низкорослых свои проблемы. Беспечность расслабляет... .. - Убрать нижнее белье с лееров! Входим в город-курорт Сочи, - раздалось по громкой связи. Мы бросились наводить марафет и были вполне готовы, когда НИС «Эксперимент» миновал маяк и прикрепился к пирсу рядом с каким-то океанским лайнером. Мы выстроились в линию и зашагали в город. Нас было трое: Николай, я и ВН. Мы с Колей (рост у нас под метр девяносто) шли по краям, а в центре - ВН. ВН тогда ещё был относительно молод, но носил густую седую бороду и поэтому казался намного старше нас (Он когда-то был моим студентом и аспирантом, но сейчас все думают почему-то, что, наоборот, я был его студентом-аспирантом). Был он с брюшком, но очень подвижен. Этаким гном из диснеевских фильмов.

На выходе из пирса нас ждала калитка без дверцы. Сверху, где-то на уровне горла, калитку перекрывала узкая полоска железа. С торца она была практически не видна, но мы смотрели сверху и видели её хорошо. Оживленно болтая, и не снижая скорости мы с Колей резко согнулись пополам и нырнули в калитку. ВН, полностью уверенный в своей безнаказанности (он всюду проникал без проблем) продолжал движение с поднятой головой. Раздался мощный удар. Валера отлетел назад, красная полоса пересекла лоб.

Мы его, конечно, откачали, но прогулка в Дендрарий была испорчена. Длинным быть плохо, но и коротким не лучше...

Дорогие гости

Зашли мы как-то на «Эксперименте» в Сочи. Причалы были заняты и мы пришвартовались к борту большого научно-исследовательского судна, идущего под флагом военной гидрографии. Надо сказать, особого внимания мы на этот факт не обратили. Занимаемся своими делами, бреемся, брюки гладим – готовимся к вечерней прогулке по городу-курорту. Тут в каюту стучат и торжественно объявляют:

Делегация с «Виктора Бугаева».

Оказалось – коллеги, тоже меряют радиоактивность, только в дальних морях-океанах. У нас им понравилось: мило и уютно. Все свои, все рядом. Никаких дрызг. Позавидовать можно. Пригласили к себе.

Кто бы спорил!

Стемнело, когда поднялись к ним на борт. Пароход огромный. Большие залы – лаборатории, уставленные анализаторами и прочей радиометрической аппаратурой, мощные передатчики. Более всего поражали две электронно-вычислительные машины БЭСМ-6, размером с дом каждая. Да! Это вам не микрокалькуляторы на борту «Эксперимента». Мне лично приглянулась каюта начальника рейса. Трехкомнатный гостиничный номер, с холодильником, телевизором, туалетом и огромной кроватью (надо говорить – койкой) под балдахином. Как у падишаха: 3х3.

В этой каюте мы и собрались. Хозяева достали ящики с мадерой и началась большая морская травля.

– Что вы делаете в этих краях? – с явным пренебрежением спросил меня местный начальник рейса.

– Вас проверяем!

– Не понял?!

Я объяснил, что их военные методики давно устарели, а у нас современные. Поэтому мы ходим за ними и проверяем ту информацию, которую они докладывают центру. При расхождении

сообщаем куда надо. Сказанное взволновало собравшихся. Возникла бурная дискуссия. Вели они себя агрессивно. Что было смешно: у нас пять сотрудников, у них сто семьдесят. Впрочем, нас мало, но мы в тельняшках. Мы не отступали, а нападали. Постепенно дискуссия перешла в мирное русло и пошла по существу.

Уже начало светать, когда кончились ящики с мадерой. Пора на горшок и в койку. Мы попрощались и начали спускаться. Старпом у трапа смотрел в глаза каждому из гостей, крепко жал руку и говорил прочувствованно:

– Спасибо, что без скандала!

Пожатие руки.

– Спасибо, что без скандала

– Спасибо, что без скандала.

– Спасибо, что без скандала!

Замуровали!

В Севастополь поезд пришел рано утром. Дальше – пешком. Обогнули часть бухты и затащили вещи на НИС «Эксперимент». Оказалось, что выход сегодня. Надо было быстро обустраиваться. Я пошел заниматься лабораторией, а Ирину Михайловну с Валерием Николаевичем отправил на базар, затариться вином и фруктами. ИМ торговалась и платила, а ВН таскал груз. Они закупили все, что нужно, и возвращались на пароход. Шли, болтали. ВН оборвал речь на полуслове. ИМ обернулась. Валерий балансировал на крышке канализационного люка. Но недолго, крышка встала ребром, и ВН рухнул в колодезь. Чтобы спастись, он ударил сеткой, полной винограда, об асфальт, а сам навалился на авоську со сливами. Тщательно отобранные фрукты мигом превратились в компот. Вдали помирали со смеху ребяташки, устраивающие капкан на рассеянных прохожих путем сдвига крышки люка. Шутка у них такая.

ИМ помогла выбраться ВН из люка, но не скрыла своего разочарования в манере его обращения с припасами.

- Да, ты не меня пожалела, - тянул он в каюте, где Ирина Михайловна смазывала ему садины йодом, - Ты фрукты дурные пожалела!

Но правильно говорила моя подруга: «Наступать на канализационные люки – дурная примета».

Мы же монтировали оборудование, крепили датчики, пересчетки и анализаторы. Верхней лабораторией я занимался сам, а в нижнюю назначил старшим аспиранта Колю. Поскольку на море качает, рекомендовал всё самым тщательным образом привязать. Особенно корпуса детекторов, которые мы заключаем в свинцовые оболочки. Поскольку свинцовые домики весят много, мы их с собой в экспедицию не берем. Вместо этого используем высокий металлический стакан, по центру которого размещаем датчик излучений, а все оставшееся пространство засыпаем дробью, желательной мелкой, 7 – 9 номер (бекасинник). Дроби приходится брать килограммов сто, но она расфасована в мешочки по килограмму, и в расчете на студента получается немного. Коля мои рекомендации слушал рассеянно: «Дело Шефа – приставать с глупостями, а наше – пропускать мимо ушей».

Изредка заходил ВН и, делая страшные глаза, пугал ИМ:

– Капитан сказал: будет страшный шторм! Страшный шторм...

Но Ирина Михайловна, хоть и впервые шла в рейс и впервые была на «Эксперименте» шторма особо не боялась. Волновало другое. Ее поселили в небольшой каюте за лабораторией. Чтобы попасть в спальню, надо было пройти две двери: сначала через дверь из коридора в лабораторию, затем, пройдя лабораторию, уже непосредственно в ее каюту. Дверей было две, но ни одна не запиралась. Поскольку она была единственной женщиной на пароходе, а мужиков – 17, то запирающиеся двери она считала полезными. От ее требований я отмахнулся. Не до бабьих капризов...

У меня свои проблемы. Назначили нового капитана. Он на «Эксперименте» еще не был ни в одном рейсе. А наш корабль – творенье университетского ума – имел свой нор. Да еще какой!

Поскольку действительно было штормовое предупреждение, мы приняли меры: привязали все, что можно и плотно задраили иллюминаторы, закрутив гайки разводным ключом. Постояли на палубе, любуясь Севастопольскими фортами, исчезающими вдаль, выпили по стакану и пошли спать. А что еще делать в ночь и в качку?!

Качало сильно. Как я и опасался, новый Кэп, всю жизнь прослуживший на флагмане китобойной флотилии «Слава», не воспринял рекомендации по вождению «Эксперимента» и сейчас срезал угол, держа прямо на устье Дуная. Но наш пароход такого не допускал – он любил придерживаться берега, сканируя бухту за бухтой, украдкой проскакивая мысы. Поэтому, если на килевой качке я просто катался с боку на бок, то при бортовой – регулярно вставал на голову. Плавание в чистом море не выдержала даже тумбочка: на каждый крен она реагировала пушечным ударом дверцы. Очень хотелось встать и уgomонить ее. Но было лень подниматься. Наконец, лежавший (катающийся по...) на верхней койке ВН что-то сделал, тумбочка заткнулась, а я заснул.

Проснулся я от страшного грохота – удар снаружи и серия внутри. Чуть было не слетел с койки. Килевая качка резко сменилась на бортовую. Двигатель недовольно взревел, пароход завибрировал. «Меняем курс» – понял я. Нужно подниматься: во-первых, узнать – куда это мы полетели на всех парусах, а во-вторых, проверить аппаратуру – не каждый анализатор импульсов выдержит такие удары судьбы. Заодно проверить, не хочет ли организм поблевать или как еще опорожниться.

Я протянул руку, но на тумбочке одежды не было. «Смайналась!» – подумал я, – «черт с ней». На дверце тумбочки, однако, что-то висело. В полной темноте нацепил это что-то как штаны и полез по трапу наверх. С трудом справившись с люком, влетел в кают-компанию. Горели аварийные огни. Стеклопанельная банка, недавно наполненная водой и цветами, в виде осколков валялась под столом, а мозаичная картина: «Михайло Ломоносов основывает МГУ» качалась на одном гвозде. Пролетев кают-компанию (частично по полу, частично – по стене), попал в тамбур. Здесь я взвился в воздух, решая две задачи: не наступить на Барсика, спящего вокруг открытого люка в машинное отделение, и не упасть в тот же люк. Маневр удался и, получив люком под зад, я вылетел на палубу. Тут была своя стихия. Для начала я оказался по пояс в воде. Мощная волна врезала в лицо. Только отшатнулся, как получил второй по затылку. Достигнуть гальюна было нельзя, да и ни к чему. Пописав, где стоял, я рванул назад.

В кают-компании осмотрел себя и обомлел. Одет я, оказывается, в свои выходные костюмные брюки. Единственные! Это Валера, чтобы укротить тумбочку, снял с вешалки первое, что попало, метнул вниз и заклинил дверцу. Дрыхнет себе теперь, а в чем я буду гулять по Вилкову, не говоря уж о Стамбуле?!!

Побрел в лабораторию. Однако дверь была заперта. Постучал – никто не ответил. «Во, ушлая тетка» – подумал я, – «Сумела запереться». Полез в нижнюю лабораторию. Там в неверном свете ночника ползал и прыгал аспирант Николай. Датчик, вместе с защитой, слетел со штатива и дробь, натурально, высыпалась. Теперь она с грохотом носилась по полу, как прибор, ударяясь о стены. Николай с ведром прыгал за ней и ловил. «Так, в следующий раз будем слушать советы Шефа», – удовлетворенно констатировал я, поднимаясь в каюту кэпа. К моему удивлению кэп пребывал в позе рака. И ловил осколки. Он был на мостике, когда шальная, неведомо откуда взявшаяся волна, ударила прямо в борт парохода. Все, что могло слететь с насиженных мест – слетело. Упорядочив рубку, кэп побежал к себе. На первый взгляд все было в порядке. Дверцы буфета закрыты. Но на ковре лежал вдребезги разбитый сервиз. Праздничный! Извлекаемый ради именитых гостей. Волна вдарила, дверцы раскрылись, сервиз вылетел, дверцы захлопнулись. Вроде как и не открывались. Теперь надо собирать остатки, пока никто видел. Дело тут не в материальных ценностях. Что это за капитан, у которого сервиз сам собой бьется. Тем более проплававший с нами десяток лет и переживший бури попок. С этого момента Кэп стал что-то понимать в «Эксперименте». Курс сменили на 90° и теперь неслись к берегу, в попытке укрыться в ближайшей бухте.

Я проснулся в полной тиши. Корабль мерно покачивался и скрипел якорной цепью. Подобрал с палубы одежду, пошел осматривать владения. У двери лаборатории возились матросы.

Люк заклинило, – объяснили они мне, – не знаем, что случилось.

За дверью что-то скреблось и попискивало.

Пришлось перейти к решительным действиям. Вылезли на верхнюю палубу, взяли Жеку за ноги и спустили вниз головой вдоль борта. До уровня лабораторного иллюминатора.

Холодильник к люку привалился! – доложил лазутчик.

От удара волны, здоровенный холодильник слетел со своего законного места и обрушился на люк. Фрукты все же донесенные Валерием Николаевичем, высыпались из холодильника, и потекли под его прессом. Вот и посылай сотрудников за закуской!

Теперь стали действовать сообща. Внутри лаборатории Ирина Михайловна подручными средствами пыталась сдвинуть махину с места, а мы уже осознанно напирали снаружи. В конце концов, удалось просунуть гаечный ключ, ИМ отдраила иллюминатор, Жека в него влез и сдвинул холодильник. Путь в лабораторию был открыт.

Ночью же события развивались так. Качка на ИМ особо не подействовала. Но спать не давал постоянный грохот на крыше. Это две двухпудовые гири боцмана, топая, гуляли от борта к борту. ИМ тоже ощутила удар в борт волны и тоже решила посетить лабораторию. Однако не тут-то было. Стул запер дверь из ее спальни в лабораторию. Ирина Михайловна не растерялась: взяла дыхательную трубку для подводного плавания и, действуя ею как фомкой, постепенно выдавила ножку стула из ручки двери. Так удалось попасть в лабораторию. Там все было в порядке, приборы не отвязались, но холодильник встал в распор – верхом упирался в выходную дверь, а дном – в наружную стену. Сдвинула она его лишь частично. Не приди мы на помощь, так бы и сидела в карцере. Без ключа окно не откроешь, а без лома холодильник не сдвинешь.

А мне всю ночь пришлось соображать, как же она сумела запереться?!

Коммерческий детектив

На НИС «Эксперимент», отправляющийся в Турцию, Валерий Николаевич явился с ящиком простых карандашей.

– Бизнес! – объяснил он, – на Западе с руками оторвут. Цена – доллар штука. Дубленки на доходы скупили, в Москве продадим – обогатимся.

– Не уж-то доллар за простой карандаш?! – усомнилась Ирина Михайловна со скепсисом директора ООО.

Тут Валерий Николаевич приоткрыл ноу-хау. Гениальность идеи базировалась на тонком знании особенностей родного производства. В заборных карандашах грифель никакими силами не выдавишь. А в наших – запросто. А если грифель удалить, то получится удобная трубочка, через которую удобно вдыхать наркотик. В том, что турки поголовно наркоманы, он не сомневался.

Перед выходом в рейс, на пароход явились пограничники с таможенниками. Вызывают меня в лабораторию и спрашивают о назначении каждой детали нашей радиометрической аппаратуры. Чувствуется, что им очень хочется все разобрать и залезть внутрь. Но воздерживаются. Наконец, вытаскивают ящик с карандашами.

– А это еще зачем? – спросил таможник.

Я, сам удивленный обилием товара, стал объяснять.

– Наши детекторы регистрируют только тепловые нейтроны. А в природе, в основном – быстрые. Нам их приходится замедлять. Графит – эффективный замедлитель. Вы ведь слышали, что в ядерных реакторах используется графит. Вот и мы его применяем для замедления и последующей регистрации нейтронов. Расход карандашей большой. Ящик в месяц. Поди на рейс не хватит.

Для наглядности, я продемонстрировал, как прекрасно шестигранные карандаши укладываются вокруг цилиндрического детектора и скрепляются резинкой от волос.

– Все понял, – сказал таможник.

Выход разрешил.

В Стамбуле ВН потащил ящик через бухту Золотой Рог на базар, что картинно расположился у входа в Университет. Базар восточный, роскошный. Торгуют всем. Но наши карандаши никто не берет. Нет рекламы! Вечером пришлось тащить карандаши обратно. На следующий день стали предлагать ящик во все встречавшиеся на пути лавочки, торгующие канцелярскими принадлежностями, конфиденциально объясняя всю потенциальную ценность российской продукции. Никто не реагировал.

Уже в конце стоянки, на толкучке перед портовыми воротами один турок предложил обмен: ящик карандашей на дюжину пакетов с женскими трусиками – «недельками». Валерий Николаевич, как человек скептический и недоверчивый, заинтересовался размером.

– На нашу даму пойдут? – предъявил Валера Ирину Михайловну турку.

– Разве это дама! – поразился тот, – вот дама-мадам!

Он показал на десятипудовую тетю.

Чейнж состоялся. Вернулись мы в Москву без дубленок, но с трусами. К сожалению, турок обманул, они годились лишь на девочек не старше двенадцати лет. Долго еще Валерий Николаевич ходил в гости и всем знакомым Лолитам дарил интимный предмет туалета.

Да, ребята, бизнес – не физика. Тут соображать надо!

Везде евреи

Старый моряк (нос сломан, зубы выбиты) выползает из трюма: – Не пароход, а синагога. Одни жида: боцман, лоцман, Бекман (начальник рейса). И двадцать два гурмана.

Кайф

На Азовском море, после съёмки подводных грязевых вулканов, мы на «Эксперименте» зашли в устье Кубани. Кэп отправился в Темрюк повидаться с другом.

– Свою бочку водки я выпил зеленым юнцом. Все. Теперь – в отказе!

Но видать в бочке еще осталось место...

Ждали мы долго. Пришел накат, болтаться на рейде стало скучно. Послали катер и вернули Кэпа. Он был хорош! Для сохранения драгоценной жизни пришлось применить грузовой кран. Кэпа зацепили крюком и подняли на борт. Стрелу выставили точно над трюмом. Майна! Тело упало на груды канатов.

– Поехали!

Он махнул рукой.

Мы пошли. В центр циклона. Шторм крепчал. А волна крутая! Я залез на трубу – высшую отметку судна – и оттуда снимал на кино разбушевавшуюся стихию. Но не долго. Огромные волны пролетали над рубкой и разбивались о корму. На меня обрушился водопад. Еле отдышался. С

поста меня смыло. Спустился на палубу и залез в висячий на тальях катер. В нем было сухо, мягко и тепло. В комфортных условиях халявных качелей тихо заснул.

Члены экспедиции тоже нашли себя. Ольга обняла сливную раковину в душе и была при деле. Костя успел крикнуть Женьке, "Ложись!" (он всегда заботился сначала о других) и упал на стулья, где застыл в позе полутрупа. Женька послушно свалился на шланги и, обняв ножку стола, молча страдал, прислушиваясь к звону летающих колб.

Проснулся я глубокой ночью лежа в луже. Брезент промок, и катер заполнился водой. Дискомфорт! Пришлось вылезать. Шторм не утихал. Лил дождь. Волна гуляла по палубе и валила с ног. (Потом, в Мариуполе, мы беседовали с экипажем обогнавшего нас танкера. "Ну, вы даете! - сказали нам, - По морю на этом не ходят! Вы ж ныряющее блюдо какое-то: то вы есть, то вас нет). Пара синяков и шишек, и я - в кают-компани. Палуба забавно уходила из-под ног. Погрелся чайком. Целый процесс! Стакан, игриво вихляя, бежит от тебя, но, подразнив, скоро - обратно. Поймал, отпил, поставил. Опять побег. Ничего, нам тоже надо успеть подняться с палубы и вновь укрепиться на стуле. А тут и стакан торопится вернуться.

Повеселев, я продолжал свой путь вниз. Сначала зашел в лабораторию. Женька лежал на бухте вакуумных шлангов, зажав в руке стойку лабораторного стола, и вращался вокруг нее, как секундная стрелка. Константин лежал на двух стульях. Длинное тело неудобно провисало. Я взял третий и просунул между имевшимися. Костя кивнул головой. Слов не было - одни чувства.

Кубрик на «Эксперименте» находится на баке (на носу, если кто не понял), причем ниже ватерлинии. Отдраив люк, влетел в каюту. Да! Это надо видеть и чувствовать. Топор можно вешать. Ярко горел свет, матросов не было. На верхней полке, вытянутой вдоль правого борта, лежал Валера. Он спал, зажав в руке подушку. По команде: Раз! начиналось движение по койке назад. Команда: Два! означала стойку на ногах. Команда Три! - нырянье вперед. И, наконец, Четыре! следовал глухой удар о переборку, и Валера вставал на голову. Затем цикл повторялся. Удивительно, но каждый раз в момент удара между головой и переборкой оказывалась подушка. ВН спал сном младенца, причмокивал и тихо улыбался во сне.

Редкий случай – человеку хорошо.

Я погасил свет. Дождь, когда левая верхняя койка окажется подо мной, прыгнул на нее, обо что-то треснулся и заснул.

Наши эксперименты

НИС «Эксперимент» по документам корабль типа река-море. Однако не все так просто. На самом деле – это пароход морской, просто с малой осадкой. Морской он потому, что у него один винт. А у речных - два, что позволяет им удачно маневрировать на течении, тогда как морские с их одиночным винтом периодически устраивают катастрофы в Босфоре, где течение вполне ощутимо.

Как настоящий морской волк, попав на реку, НИС «Эксперимент» тут же норовил кого-нибудь или что-нибудь толкнуть. Помню, покинув Азовское море, мы поднимались вверх по Дону. И со всего маху врубались в опору железнодорожного моста. По мосту как раз шел грузовой поезд с контейнерами. Мы держали пари: свалится ли от удара нам на голову весь состав, или только один контейнер? Ничего не свалилось.

В первом шлюзе мы долго маневрировали в тщетной попытке прицепиться к причальному кольцу. Нас кидало от одного края шлюза к другому, и мы таранили оба. Наконец, по громкоговорителю начальник завопил на подчиненного:

– Да брось им конец, ты видишь – они неуправляемы!

Поэтому, когда мы проходили поворот реки и объявляли, как положено, по рации:

НИС «Эксперимент» вошел в створ, - то после небольшой паузы следовал ответ:

– Не надо нам экспериментов!

Все мели Дона

Николай Бердяев утверждал, что настоящее искусство не может быть реалистичным. Скажем, фильм Волга-Волга – выдумка для смеха. А реальность?

В Ростове мы взяли на борт лоцмана, и пошли вверх по Дону. Лоцман попался важный и капризный. Начальник 1-го отдела Пароходства. Сволочь, первостатейная. Помимо обычного:- Право руля, лево руля! - с мостика неслось: Прекратить разговоры! Не курить! Отставить пререкания! Я здесь все мели знаю!

Впрочем, нас это не касалось. Мы затеяли невиданное дело – варку какао. А то кофе банально. Поскольку никто не знал как, то каждый предлагал свой метод. Наконец, готово. Разливаем по кружкам.

Глухой удар, палуба становится стеной, стена полом. Все летит.

Сели (легли?) на мель. Двумя буксирами стаскивали.

Бердяев не прав. Есть реалистичное искусство. А успел кто сказать: "Вот первая!" – уже мелочь.

Подводная охота

На Цимлянском водохранилище нас посетила свежая идея: добыть раков. Ведь, что за пиво без раков? Все равно, что раки без пива! А эта лужа, небось, ими кишит. Сказано – сделано! Начали меня облачать в водолазный костюм. Сложное дело! Двое тебя одевают, остальные – советы дают. Натянул я гидру, надел свинцовый пояс, ласты, акваланг. Взял подводный компас и водонепроницаемые часы. Не забыл и про нож, завинчивающийся в специальные ножны. Главные спецы уселись в катер, и мы поехали искать заветное место. Нашли.

Жарко светило солнце. Я буквально сварился в закрытой гидре. Сквозь запотевшее стекло ничего не было видно. С вожделием ожидал встречи с холодной пучиной. Наконец, долгожданная команда:

– Пошел!

Я намотал на руку конец, чтобы не идти камнем в глубину, выдохнул от души и спиной упал в воду. Раздался звон костей. Увы! Глубина в заветном месте не превышала 20 см. Катер устойчиво сидел на мели. Долго барахтался я в тине, пытаюсь выдернуть акваланг из осоки. В конце концов, меня подняли на борт.

Но работать водолазом я отказался.

Чехи вообще пиво без закуски пьют, кстати.

В жизни всегда есть место подвигу

НИС «Эксперимент» бодро бежал по каналу Волга-Дон. Кругом жаркая степь, ни ветерка, волн нет, качки нет. Что еще надо?! Я возлежал в своей роскошной, сплошь устланной коврами, каюте и читал эротический рассказ Толстого про баню. Жужжал кондиционер, пытаюсь создать атмосферу погреба. Неожиданно пароход круто свернул вправо и сильно накренился. Меня скинуло с койки. Я глянул в иллюминатор. Рядом с нами возник длиннющий и высоченный борт самоходной баржи Волго-Балт. Мы под прямым углом к нему, на хорошей скорости, шли на таран.

Удар!

И тут я совершил подвиг. Подвиг достойный былинного воспевания.

Нет! Вся жизнь не промелькнула в моем сознании. Я не вспомнил о том, что я начальник рейса и несу какую-то там ответственность за спасение утопающих. Я даже не подумал о студентах, загорающих на баке нашего судна. Нет! Я вспомнил о бутылке сухого вина, хранящейся в холодильнике. Если мы потонем, то потонем. А ежели нет? Что мне скажет коллектив по поводу гибели последней отряды в жарком климате? Отбросив прирожденный флегматизм, я, как Александр Матросов, бросился на амбразуру холодильника. Дверца уже начала открываться, грозя выкинуть содержимое. Я схватил холодильник в тесные объятия и замер. Корабль отлетел, снова треснулся о баржу, снова отлетел. Но я держался, как клещ.

И спас сухенькое!

Штурман

Экспедиция на НИС Эксперимент была в разгаре. Мы отрабатывали юго-восточный угол Каспийского моря, когда что-то стало не так. Суета, придирки и общее неудовольствие. У боцмана вдруг проржавел якорь, а у второго помощника - вообще смигрировал магнитный полюс, изменив привязку. Беспокойство нарастало - пора на берег. И что? Без денег?! Давай Махачкалу с кассиром! Оно, конечно, хорошо, да только, аккуратно, на другом конце лужи.

Наконец Кэп матюгнулся и, преодолев истерику начрейса, двинул в родимый порт. Тут наш "Эксперимент", который не мог пройти 20 миль, не заглянув в укромную бухту, вдруг понесся по главной каспийской диагонали. Целые сутки стоял на мостике Серега - штурман. И мы дошли. И был рекорд. Влетели в порт Махачкалы. Серега, в наглаженных рубаше и брюках, в темных очках и белых туфлях пошел оформлять приход. Команду как ветром сдуло: пароход причалил сам.

Сергей вернулся в приподнятом настроении. Даже убрал заветную (и запретную) "удочку" на осетров. Эта удочка обобщала месячный труд команды. Сложное устройство из капронового фала, от которого отходили концы с крючками на них из гвоздя-сотки, загнутого и заточенного как острога. В деле оно была испытана лишь однажды и с нулевым эффектом.

Подошел портовый буксир и, повздыхав, что место занято, причалил к нашему борту. Начался обмен новостями. Не палуба, а проходной двор. На буксир прошел инспектор рыбнадзора. Скоро пошел назад. И тут прямо ему под ноги проказа-пес Барсик вытащил из тайника удочку. По мере появления крючков, лицо инспектора монотонно краснело до полной черноты, потом бледнело. В конце концов, дар речи вернулся.

– Браконьеры! – обрадовано ужаснулся он, – три года тюрьмы. Штраф пятьсот рублей. Все свидетели. Оформляем акт.

Серега задумчиво посмотрел на всходящее солнце, затем смачно плюнул за борт.

Это придало инспектору сил еще на десять минут ругани.

Серега плюнул второй раз.

<http://profbeckman.narod.ru/>

– Ладно! – сбавил тон инспектор. Он подошел к штурману и доверительно похлопал его по плечу, – гони 100 р. без акта и я покажу, где осетры водятся. Ловить будешь - мои на стреме постоят.

Сергея упер конец локтя в пах и медленно покачал рукой с виртуозно сложенным кукишем.

– Хрен тебе, – пояснил он словами.

– Ах, так? Ну, держись!

Инспектор рысью покинул "Эксперимент".

Сергея тоже подался на берег. Вернулся со справкой. Нахождение орудия лова на борту научного судна не является криминалом, оказывается. Науке можно. Гордясь, штурман крепился бутылкой. Та скоро кончилась. Напевая, он свалил в каюту кайфовать.

На сцене вновь появился инспектор, но уже с милицейским эскортом. Пошел в атаку. Кэп со старпомом - в обороне. Медленно, но дело шло к компромиссу. И тут возник штурман со второй пол-литрой.

– Опять ты, гнида? – удивился он.

Схватив акт, Сергей начал запихивать его в рот инспектора. Тот стеснялся. В бой вступила милиция. Хрясть! Один мент уронил себя за борт. Оставшиеся образовали кучу-малу. Пыхтенье, кряхтенье, мат и вот болезного с заломленными руками повели по трапу.

– Это незаконно! – предупреждал он.

В милиции начальник строго осудил его:

– Ваше поведение недостойно советского моряка!

В ответ Сергей харкнул ему в рожу.

Штурмана забросили в камеру и закрыли засов. На нарах сидел толстый важный мужик - аварец - в стеганом халате и тюрбане. Главный нищий Махачкалы изволил пить чай. Со свитой.

– Твой место там! – показал старик в темный угол.

– К солнцу хочу! – отвечал Сергей, сбрасывая Падишаха с трона.

Мюриды рванули вперед. Вновь образовалась куча - мала. Все же два пол-литра по жару давали себя знать. Кто-то остался цел. На шум ворвались менты и разогнали аборигенов. Днем они бродили по городу, зарабатывая себе и милиции, а ночевать, возвращались в КПЗ. Сергей же улегся в красном углу соснуть.

...На пароходе царил траур. Моряки вскрыли запас антифриза.

– Уезжайте домой, ребята, – Кэп сказал в тоске, – на ремонт становимся.

Старпом материл штурмана за недипломатичность, а боцмана - за разгильдяйство. Вздохнув, он вынул из сейфа свои 200 рублей и пошел выручать узника. Уже темнело, когда они вернулись. Сергей посвежел, только костюм помялся, да глаз до конца не открывался.

Комсостав угрюмо смотрел на дебошира, но команда была в восторге. Сразу все, кто мог ходить, собрались в кают-компания отмечать конец инцидента. Сергей налегал на водочку с маринованным чесночком. Позднее он добрался до старпома, вцепился в грудки и затряс, как грушу:

– Рыбнадзору проданся?! Деньгами соришь, кагебист. Шиш всем! Требую суда!

Наконец, их растащили, и штурман осел в лаборатории. Мы собирали вещи. ВН ушел прощаться.

– Ничего ребята! – шумел Сергей, – отведаем осетринки. Как члены ЦК и завмаги.

– Наверное я не знаю, но вероятно вряд ли, – отвечал я, – в Москву сваливаем.

– Зачем в Москву?

– Кэп сказал: солярки нет.

– Чего?! Вот жаба сухопутная. Сейчас!

Сергей исчез. Над головой послышался топот ног. "Эксперимент", распахив ближайšie суда, и порвав чьи-то швартовые, кормой выскочил в бухту. Затем подал вперед и боднул борт баржи. Ударил струя солярки. Ее удалось направить в нужную дырку.

– На восток! - раздалось с мостика.

"Эксперимент" брал разбег. Я смотрел на удаляющийся причал. Там металась длинная тень.

– Стой! Ученого забыли!

Корабль тормознул. ВН взлетел на борт.

Мы понеслись к Актау.

За молом нас встретил крутой накат. Ветер усиливался. Экспедиция расплзлась травить. Я спустился вниз и начал привязывать аппаратуру. Кидало во всех плоскостях. Необычной была центробежная составляющая: прижимало то к правому, то к левому борту. Казалось, летим по серпантину.

Что за дела?

Я поднялся на мостик. Там было темно. Светилась картушка компаса. За штурвалом стоял Жека. Стройный, с телом культуриста он был очень маленького роста. Лилипут. Штурвал вращался у него над головой. А гирокомпас - вообще за пределами видимости. Обычно он нес вахту на высоком стульчике с запором, в каком младенцев сажают у стола. Только сварен он был из

нержавейки. Но сейчас не достало сил в него забраться. Когда корабль задирает нос, Жека отлетел назад, а когда волна ударяла в стекло рубки, он стремительно падал на штурвал, лихо его закручивая поднятыми руками. Из чувства гармонии, он попеременно падал то на левую, то на правую сторону руля.

Кэп сидел на полу (надо говорить - на палубе!), свесив ноги на трап. Ему было нехорошо. Сжав голову руками, он раскачивался из стороны в сторону.

– Курс? - периодически интересовался Иштиандр.

– Сто двадцать, – отвечал Жека.

– Врешь!

– Смотрите сами!

Кэп удивленно замолчал. Что-то было не так. Это задевало капитана, но об встать не могло быть и речи. И он периодически допрашивал строгим голосом:

– Курс?

– Сто двадцать!

– Врешь!

– Смотрите сами! – падал на штурвал вахтенный. Мы выписывали кренделя. Маяк появлялся то спереди, то сбоку, то в нужном месте – сзади. Рост не позволял Жеке смотреть вперед, но берег удалялся.

Сергея что-то чертил на карте. Он был трезв.

– Эх, жизнь! – разговаривал он с собой, – сколько человеку надо? Двуногий что-то хочет, под себя гребет, куда-то стремится... Вот у пса корабельного – жизнь собачья, а все есть.

– Чего же тебе еще надо? – спросил он Барсика, восседавшего посреди рубки.

Барсик задумался, а затем начал задней лапой активно щелкать по челюсти. То ли блох давил, то ли просил на опохмелку.

– Пошел вон!

И ударом ноги в белом штиблете Барсик был спущен с трапа.

Взятка

Самое чудесное место на Каспийском море - Ленкорань. Субтропики! Пальмы растут, дервиши поют. Пиво есть, рулетка есть, свободная торговля (Речь о советских временах). На рейде нас обступили лодки. Начался натуральный обмен. Впрочем, больше болтали.

На палубу вышел штурман. Сергей был в форме и смотрел сурово.

– Где милиция?

Ему показали на берегу зеленый домик.

– Погранзастава?

Снова показали.

– Горком партии?

Показали.

– А сети чьи? – он ткнул в торчащие по всей округе вешки, мешавшие свободе судоходства.

Народ засмутился и начал постепенно отваливать. Наши замеры тоже шли к концу. Я дал команду поднимать якорь. В этот момент из-за мыса вылетел катер. Красивые необычные обводы. Он шел на двух Вихрях и, казалось, не касался воды. Чуть не врезавшись в нас, катер развернулся, из него вылетела серебристая ракета, и он исчез. Ракета плюхнулась на палубу и обернулась полутораметровым осетром. Взятка!

Мы тут же вышли в море.

Удалось-таки поесть осетринки!

Рачья бухта

На НИСе "Эксперимент" - две лаборатории: одна на главной палубе, а вторая - в трюме. Верхняя расположена по правому борту и отделена стеной от кают-компания, которая аналогична по форме и размерам, но простирается вдоль левого борта. В верхней установлены некоторые навигационные приборы, главный из которых - глубиномер, есть внутренний телефон и главная гордость - кондиционер. Кондиционер постоянно включен на зиму, что обеспечивает перепад температур с наружным воздухом до сорока градусов. Резкий переход с палубы в лабораторию обещает воспаление легких. Во всем флоте такого нет! Экскурсии на пароход ходят. В лаборатории много иллюминаторов и столы, на которых мы размещали счетную аппаратуру и монтировали химическую посуду. Иногда шальная волна била в открытый иллюминатор и разносила все в щепки.

Нижняя лаборатория была небольшой. В ней стоял стол с ручным вакуумным насосом. Имелся карман у борта, куда мы помещали счетчик гамма-излучения, который мерил активность морской воды. Вход в лабораторию закрывался люком и запирался изнутри. Это, а также обилие телогреек обеспечивали удобства для занятий сексом. Но я сейчас не об этом.

Достопримечательность нижней лаборатории была в другом. В корпусе судна было проделано круглое отверстие, закрытое толстым, но вполне прозрачным стеклом. Расположено оно было горизонтально и лежа на нем можно было любоваться морской пучиной и ее обитателями. Прямо как на "Наутилусе" капитана Немо! Наслаждаться, правда, особенно нечем: довольно темно, до дна далеко, а движение и шум парохода распугивают всю живность. Да и вообще в наших водах рыб мало.

Но однажды мы встали на якорь на мелководье в бухте Бекоева-Черкесского, что на Каспийском море. Я решил посмотреть дно. Глянул и обомлел: раки!! Огромные речные раки (это в морской-то воде) покрывали все камни. Как на крыльях любви вылетел я на палубу, схватил помойное ведро, надел акваланг и кувырнулся в воду. Ползая по дну, собирал раков, а коллеги таскали ведро за ведром. Потом спустили катер, рванули в какой-то поселок, привезли пару канистр пива. И начался пир. Можете себе представить: теплый вечер, синее море, красные раки - горами в стиральных тазах, канистры пива, а мы сидим, тянем его лениво, закусываем раковой шейкой и травим байки. Да ребята! Занимайтесь наукой! Кайф от нее обалденный!

И в каких бы экспедициях я не участвовал, какой бы черт не заносил меня на Каспий, я всегда направлял пароход в бухту Бекоева-Черкесского, для исследования этого уникального радиохимического объекта. Заранее брали пиво, заготавливали корзины-ловушки из прутьев. Входили в бухту, вставали на якорь, и вся команда начинала интенсивно натирать горбушки черного хлеба чесноком. Затем, хлеб - в ловушки и за борт. Через час вынимай корзины полные раков. Отработанная технология. Ну, а потом - пир с пивом и раками. Куда там чехам. Пиво у них хорошее, спора нет. А раки?! То-то же...

Кара-Богаз-Гол

Кара-Богаз-Гол (чёрная пасть) – залив Каспийского моря прекрасно описал Паустовский. Настолько прекрасно, что я долго не решался посетить его. Не хотел разочарований. Все же необходимость расчета баланса радионуклидов в Каспии, заставила направить туда экспедицию. НИС «Эксперимент», бодро трусил вдоль берега. Искали начало пролива. На карте он был, в натуре – нет! Каспий мелел, море отступало, и береговая линия непрерывно менялась. Какие-то отмели, банки, бухты, заливычки-проливчики теснились и преграждали путь. Лоции - бесполезны. Походив взад-вперед, легли в дрейф, спустили шлюпку и направились к берегу.

Жара, видимо, стояла страшная, но нами особенно не ощущалась – дул хороший ветер, да и катер шел на приличной скорости. Ярко светило солнце, вода в бухте - как зеркало. На небе – ни облачка. Синее небо, синее море, ветер, альбеда – мы буквально горели. Физиономии наши, и так красные, приобрели цвет тухлой свеклы. Штормовки выцветали на глазах. Быстро приближался берег. Бескрайняя синева сменялась чернотой.

Лодка подпрыгнула и села на мель. Прибыли! Я спрыгнул в воду, подхватил Ольгу на руки (Привилегия начальника рейса) и отнес ее на берег. Матросы легли загорать, а мы, навьючившись детекторами, пробоотборниками, канистрами с водой и рацией, отправились покорять пустыню.

Нас было четверо, я, лаборантка Ольга, аспирант Серега и Васька – сын декана. Таков был его статус, звание и должность. Типичный профессорский сынок. Высокого роста, сильный и красивый, он постоянно всем что-то доказывал. Например, что он не какой-то блатной (а именно по блату он и попал в экспедицию), а сам чего-то стоит. Он был мастером спорта по горнолыжному спорту, автогонщиком и кем-то еще. Почти кандидатом наук. Демонстрировал силу, ум, образование. Но всем было ясно – до отца ему далеко и не стать ему, ни видным спортсменом, ни видным ученым. Впрочем, это – его проблемы. Для нас же хлопотным было его суперменство: он вечно во что-то влезал и вечно получал по шее. А мы расхлебывали.

Сейчас он шел в новых плавках с голым торсом. Мы же парились в штормовках. Пот градом застилал глаза, но я знал, что на борту кефира нет и натирать нас некому и нечем. Лучше уж свои 36,6, чем наружные 45. Васька же ощущал себя покорителем Кара-Кум, то ли бедуином, то ли Скобелевым (те, правда, вряд ли шастали по пустыням в голом виде).

Море исчезло. Нас окружали закрепленные пески, простирающиеся грядами, высотой метров пять, но встречались и высотой метров тридцать. Мы, кряхтя, взбирались на очередной вал, затем спускались во впадину и снова поднимались. «Дюны» покрывала редкая, уже высохшая, растительность. Виднелись заросли кустарников (саксаул, песчаная акация, или как они там называются...). Валы сначала шли более или менее упорядоченно ориентированными рядами, но затем возник некий хаос – «крестовая волна». Ни залива, ни пролива, однако, не было.

Ветер стих, стало и жарко и душно. Где же пролив, не говоря о заливе?

Неожиданно возник звук колокола средних размеров. Церковь в пустыне?! Пошли искать. Церкви не было, зато был верблюд. Двугорбый и большой. Раньше корабль пустыни казался мне гораздо меньше. Где же взять в пустыне лестницу, чтобы на него залезть? Как положено по классике, он рвал какие-то колючки и меланхолично жевал. На шее болтался колокол, размером с ведро.

– Цып, цып, цып – заверещала Ольга, приближаясь к мастодонту и протягивая ему ладонь.

Верблюд никак не реагировал. Я подошел поближе и потянулся за поводком. Но тут в нос ударил запах. Это было нечто! Такого я не нюхал за всю свою химическую жизнь. Да, арабским принцессам не позавидуешь. Чтоб путешествовать в таком амбре нужно обладать недюжинной силой воли. Или привыкать с детства. Я отскочил. Тут возник Васька. Он сунул мне в руки кинокамеру:

– Снимайте шеф! Смертельный номер – джигитовка на верблюде.

Я навел камеру, покрутил трансфокатор и нажал кнопку пуска. В видеоискателе возникла морда верблюда, потом какой-то пылевой вихрь, опять морда верблюда. Я отвлекся от камеры и посмотрел вокруг невооруженным глазом. Верблюд, как прежде, стоял несколько ниже меня, зато Васька – на вершине бархана. Впоследствии, рассматривая фильм, мы поняли, что случилось. Вот Вася стремится к верблюду, тот поднимает голову. Челюсть, как затвор винтовки, резко отходит назад, потом вбок, потом - вперед. Будет смачный плевок! Но реакция у автогонщика есть. Прямо в прыжке, он меняет курс на 120° и взлетает на бархан. Кататься расхотелось, мы обошли верблюда сторонкой и продолжили свой путь.

Наконец показалось широкое, глубокое и извилистое русло. По нему неся поток воды. Кроваво – красного цвета! Кровь вытекала из синего моря и на фоне синего неба и желтых берегов исчезала где-то вдаль. Кровь бурлила и пузырилась. Артерия в аду. Прекрасно и ужасно. Мы пошли по течению. Сила его впечатляла. Казалось, все Каспийское море течет у нас на глазах из одного сосуда в другой. Течет бурно, с порогами и водопадами.

Об купаться не могло быть и речи. На одном из порогов ржавел перевернутый сейнер, свидетельствуя, что по проливу-реке плавать можно, но осторожно.

Мы, увязая в прибрежном песке, долго шли вдоль потока. Понятно, что цвет ему придают какие-то красные микроводоросли, но все равно – жутковато. Поднявшись на какую-то кочку, я увидел нечто не менее удивительное. Огромное небо и плавающие в нем белые клецки – облака – айсберги. Небом было заполнено все пространство: оно простиралось вверх, вширь и, что странно, глубоко вниз. Мы устремились вперед. Постепенно айсберги превратились в ледяные, просвечивающие синевой горы. Откуда здесь лед и эта синева, под – и над ним? Только подойдя вплотную, мы поняли, в чем дело. Всю землю, насколько хватало глаз, покрывала вода. Она отражала синее небо, и сама была синей. На мелководьях высились соляные горы (мирабилит, т.е. глауберова соль, сульфат натрия десяти водный, $\text{Na}_2(\text{SO}_4) \cdot 10\text{H}_2\text{O}$, для любознательных). Именно они и выглядели издали как ледяное торосистое поле.

Вблизи они уже не были так красивы, слои соли чередовались со слоями черного песка. Но красота была в другом. Толщина воды - 20 – 30 см, но на нее смотреть простым глазом невозможно. Все дно сияло алмазами. Они били как прожектора, переливаясь, то синими, то красными, то фиолетовыми оттенками. Все дно, каждый камень были покрыты друзами кристаллов. Каждый размером с грецкий орех. Покрытые тонким слоем воды, они не просто блестели, они сияли, причем сияли сильнее любых бриллиантов. Было на что посмотреть! Ни до, ни после никогда ничего похожего мне не встречалось.

Мы шли по щиколотку в воде, иногда проваливаясь по колено. Искали место поглубже, чтобы отобрать пробы на анализ, а заодно и искупаться. Но по мере продвижения вперед купаться хотелось все меньше и меньше: вода проникла в кеды и сильно разъедала мелкие ранки. А что будет, если окунуть в рассол все тело?! Как и ожидалось, радиоактивность была аномально высокой и возрастала по мере продвижения в залив-лагуну. Понятно, что здесь поступающая из Каспийского моря вода выпаривалась и все соли (в том – числе – радия) осаждались.

Наконец, нашли глубокое место, и Васька поплыл. Отплываваясь, он перевернулся на спину и задрал ноги. Вода легко его держала (Еще бы! Концентрация солей в воде где-то около 300 о/оо. К примеру, в Мертвом Море соленость воды 260-270 о/оо, а шуму – на весь мир). Васька долго плескался. Юмор возник потом. Он попытался встать, достать дна и выйти на берег. Не тут-то было! Вода выталкивала его на поверхность, и достать дна было решительно невозможно. Пришлось ему плыть к нам и выползть на сушу, как крокодилу.

Отобрав пробы, и измерив, что надо, мы собрались домой. Но сначала перекусили стоя, и попили теплой воды из фляжки. Обратились молча. Жара не спадала, а ноги дико чесались от соли. Васька матерился, кислота растеклась по телу, и, видать, достигла критических органов. Рация молчала, но мы довольно легко нашли лодку с матросами, хотя слегка и побродили по каспийскому лукоморью.

На борту парохода меня ждало жесточайшее разочарование. Снятые с камней друзы мирабилита, имевшие вид усыпанных брильянтами шлемов, рассыпались в белую пудру. Об установке их на московском буфете в качестве добытых трофеев не могло быть речи. Вдобавок расхворался Васька: кожа пошла волдырями, зуд, а главное – понос. Наглотался раствора мирабилита, а это – английская соль, сильнейшее слабительное. Пришлось уходить в Махачкалу.

Эти события происходили в 1978 году. Но возник один не в меру ретивый товарищ. (Опаснее врага – дурак с инициативой). Он смотрит – Каспий мелеет. Берега удаляются, дно обнажается, порты нужно переносить дальше в море и т.д. Одно слово – непорядок! А почему? А потому, что есть «Черная пасть» ненасытная. Вон как она заглатывает каспийскую воду. Вывод?

Перекрыть пролив дамбой. Вода уходит не будет, уровень Каспия стабилизируется. Логично? Логично!

Долго товарищ обивал властные пороги - все попусту, посылали куда подальше. Но тут его самого забрали в Москву и сделали крупным начальником. Тогда он и осуществил свою мечту – бросил тяжелую технику на покорение природы. В 1980 году пролив был перекрыт глухой дамбой. Кара-Богаз-Гол предоставили своей судьбе.

Тут-то и началось! Уровень Каспия начал повышаться (не из-за плотины, а в силу известного семидесятилетнего цикла). Порты стало заливать. Нефтяные скважины оказались сначала на островах, потом под водой. Залило сады и нерестилища. Население побережья начали отселять. Караул! Функционировал бы Кара-Богаз-Гол, уровень повышался бы медленнее и не до таких высоких отметок. А тут понеслось!

Между тем, вода в заливе, ставшем озером, интенсивно испаряется, зеркало воды – сокращается. Гидраты сульфата натрия распались и превратились в пудру. Периодически ветер поднимает эту пыль, переносит ее через Каспий и засыпает слабительным виноградники Азербайджана. Тем это не нравится, они гибнут. Озеро засыпают окрестные пески. Химический комбинат, который качал себе рассол, встал. Нужны экскаваторы для добычи сырья. Сырье нужно растворять и отделять от песка. Технологией это не предусмотрено.

Ретивого начальника начали плохо поминать.

В 1982 году мы отправились в новую экспедицию. Она проходила без лишнего романтизма. Быстро нашли дамбу, высадились и пошли по старому руслу. Никакой красной реки не было. Так – отдельные пятна воды. В озере до воды добрались только километров через десять, и то смогли лишь замочить ноги. Никаких айсбергов или соляных гор. Синева есть, но только сверху. Ни самоцветов, ни друз-бриллиантов. Кругом – черная пустыня. Песок, песок, песок. Иногда – вперемешку с солью.

Извели чудо природы!

Вернувшись в Москву, мы разослали полуматерные отчеты во все инстанции. В 1984 для поддержания минимального необходимого уровня рассола в Кара-Богаз-Голе было построено водопропускное сооружение. Но там я больше уже не бывал. Зачем расстраиваться?! Теперь это - дальняя граница. Проще отправиться на Мертвое Море.

Там и красота и соль! И святые места рядом...

Плавучая буровая

Каспий разыгрался не на шутку. Шторм – его стихия, но тут был явный перебор: тяжелое небо давило вниз, солнце куда-то делось, волны запускали «Эксперимент» в космос и роняли обратно. Движок захлебывался, и лайнер превращался в щепку. Катаясь по рубке, мы ловили штурвал, и втроем на нем повисали. Ветер выл, как бык на привязи. Трещали борта, билась аппаратура, пищала Ольга. Холод пробирал до костей...

Ну, просто Балтика какая-то!

Все же НИС мигрировал на восток, и локатор засек туркменский берег. Нас перекинуло через косу, мы очутились в какой-то бухте, огляделись и пошли к рыбацкому причалу. Поселка, однако, не было.

С небес падал колокольный звон. Трам-блям-трам, трам-трам, трам-блям-трам. Я поднял бинокль. Нас догоняла плавучая буровая. Она заходила в бухту, преодолевая накат. Кидало ее сильно, флаг на вышке касался волн то с одного борта, то с другого. Подъемный кран изгибался дугой. Мощный крюк болтался на цепи и бил по стойке. Судно, как клуша, переваливалось с борта на борт, но набат звучал оптимистично: Ни хера! И не такое видали!

Так мы утерли нос судьбе и обзавелись компанией в этом пустынном берегу, где, казалось, не было и не могло быть ничего живого. Подошли к лежащему на боку причалу и встали по обеим сторонам.

Вскоре Буровая пригласила меня вечерять. Взял пузырь и пошел.

В кубрике собралась вся команда – шесть человек. Мест не хватило, кто-то сел на палубу, подсунув под себя бухту канатов. Кэп оказался грузным мужиком, с большими седыми усами, большим пузом и грозными когда-то бицепсами. Красный платок на голове напоминал о пиратстве.

Выпили, закусили, поговорили за жизнь

Не слишком она радостна. На Каспии, как известно из Паустовского, штить – один раз в году, а плавать в шторма на буровой, так себе удовольствие. Да и бурить на ней особо не будешь, все ж таки не платформа – трясет. Толку мало, заработков тоже, а мороки.....

Мужики взгрустнули, приняли на грудь и впали в меланхолию.

Лишь кок, дама бальзаковского возраста, пухленькая хохотушка бодро суетилась между столом и примусом, не закрывая рта поднимая настроение. На меня она особо не реагировала, уделяя внимание кэпу. Тот звал ее дочкой, иногда хлопал по попе, а иногда сажал на колени. Все было ясно.

Что-то повлияло на меня: то ли тяжелый день и болтанка, то ли мрачный Каспий с колокольным звоном, то ли близость блондинки. Не знаю! Но стал я разговорчив, стал шутить и рассказывать анекдоты. Вызвал интерес в классово чуждой мне компании. Посидели хорошо. Я поблагодарил и распрощался. Напоследок попросив Кэпа и Катю заходить.

Ночь, опускаю койку. В люк постучали, я открыл. Катя, перешла порог и оглядела каюту.

– А у вас тут уютно, – сказала она, садясь на диван, – кругом ковры, лампы. Телевизор, вон, приемник, холодильник. Богато живете. Даже телефон есть! Не то, что мы.

– А кэп где? – спросил я.

– На буровой, дрыхнет уже. Ему много не надо.

Она протянула руку и щелкнула дверной задвижкой. Распахнула ресницы и блеснула всей синью глаз:

– Я Вас хочу!

– А кэп? – повторил я тупея.

– Не убудет, не бойсь.

Она подняла руки и начала расстегивать пуговицу на вороте моей рубашки. Вообще-то я не люблю дам с инициативой. И к мысли мне привыкнуть надо. Так сразу – без кайфа. Да и Ольга явится – остатки кудрей выдерет.

Но слово женщины – для меня закон. Я стал ее тоже раздевать.

– Вы такой умный, – говорила она, – ты такой красивый, такой чистый. Я унесу тебя...

Она опустила юбку, сняла с плеч платок. Я глянул, и сердце у меня исчезло.

Все ее горло пересекал широкий шрам. Он полностью охватывал шею, без разрывов. Был он широким и довольно свежим, кое-где еще не зажил – выглядывало красное мясо.

– А! – засмеялась она, увидев мои остекленевшие глаза, – это парень знакомый отрезал мне голову. Я парикмахершей работала в Краснодарске, а он приревновал. Старательный такой, да только нож короткий.

Она хихикнула.

Мигом забыл я о сексе. Я поднял юбку и сам натянул ей через голову. Открыл дверь и показал на выход.

– Извини! – говорил я, мало что соображая, – я забыл, мне надо на мостик, в лаборатории семинар проводить, мы скоро уходим.

Она смотрела на меня грустно и с сожалением. Повернулась и стала подниматься по трапу.

Я не мог лечь и долго шагал взад-вперед по каюте. Иногда смотрел в иллюминатор. На берегу на куче плавника сидела Катя в позе Алёнушки. Светила луна. Тоска, смертная тоска окутывала нас.

Утром раздался скрип сходен, кэп поднял Катю на руки и понес к себе. На меня они не смотрели.

Мы же снялись с якоря, и вышли в море.

Далеко, однако, не ушли. Сплошной туман заставил лечь в дрейф.

Скоро раздался звон. Блям – пауза – блям – пауза – блям. Где-то во мгле шла и несла звон Плавающая Буровая. Звонила сама собой, без расчета на отклик.

Прыжок

Долгое время ходили мы походами на маленьком «Эксперименте». Было уютно, но тряско. Все, однако, меняется. Причем – скачкообразно. Был Советский Союз, скрипел полегоньку, Бац!, сломался. На месте империи возникли удельные княжества. Каждое – со своей дурью, и со своим идиотом вверху. МГУ, естественно, тут же пострадал – все три корабля у него Украина отобрала. Не ради дела – из принципа. Через пару лет они сгнили у пирса.

Не съем яблоко, так хотя бы надкушу...

... Мы не растерялись – стали арендовать у той же Украины большие научно-исследовательские суда: Створ, Донузлав, Беллинсгаузен. Когда-то они ходили в Антарктиду, теперь – вдоль берега Черного моря, и то за акваторию Украины старались не вылезать. Ни топлива, ни работы, ни денег. Рады даже нам. А у нас – своя морока. Тут уж маленьким кафедральным междусобойчиком не обойдешься. Экспедиция – 50 человек – их еще собрать надо. Причем летом, когда студенты, кто – в лагерях, кто – на практике. Пришлось объявлять авральный факультетский сбор, а затем и обще университетский. В результате поехал сводный отряд – с химфака, физфака и геофака. Я стал начальником всего рейса, а заодно – отряда химиков – экологов. Проблемы начались еще в Москве. Севастополь – закрытый город (военная база), чтобы в него попасть нужно разрешение милиции. Обычно это не слишком серьезная проблема – пишем бумагу от факультета, ее визируют в МВД, и порядок. Однако тут забастовал начальник милиции «Кто, мол, я такой, чтобы давать разрешение на въезд в иностранный город, к тому же – военную базу. Тебе, часом, разрешение в Лос-Аломос не надо?!». «Ставь печать, не рассуждай. Чиновник везде бумагу уважит» - посоветовал я ему. Майор послушался и проблема решилась – украинские погранцы, завидев издали печать – дали добро. Но и славный шмон в вагоне учинили – штрафовали за все – даже за ввоз фотоаппаратов и видеокамер, не говоря о бутылках. Хорошо, что мы

основную аппаратуру не взяли, а мелкие дозиметры попрятали по рюкзакам. Видок у славного воинства – вылитые члены банды батьки Махно. И прыгучесть та же...

... Да, понастроили наши демократы (известные борцы за свободу) заборов, есть теперь через чего лазить. Прибыли мы на корабль. По сравнению с «Экспериментом» - дворец на плаву. Три палубы, четыре лаборатории, специальная вертолетная палуба. В трюме – геофизическое оборудование (измерение флуктуаций магнитных, гравитационных и акустических полей) для определения подводных стартов баллистических ракет и локализации ядерных взрывов. Нам оно – ни к чему, а все равно – приятно. Важнее другое – каюты есть. Не кубрики многоярусные, а именно каюты, прямо как купе. Жить можно. А мне так досталась двухкомнатная каюта: гостиная, спальня, душ и туалет. Причем на третьем этаже, прямо над рубкой и каютой капитана. Вид – на все четыре стороны.

Так что и развал СССР кому-то пошёл на пользу....

Собрал я в первый раз членов экспедиции и осмотрел приобретение. Ох-хо-хо! Членов как раз немного, в основном – девицы. По виду не скажешь, что ученые будущие. Очки куда-то делись, мордашки покрыла косметика, джинсы куда-то слиняли – между ног веревочка и всё! Взгляд весел и вызывающ. Парни – аномально волосаты, очки со стелами в 10 диоптрий, из карманов – бутылки. Понял я – толканем мы скоро науку, причем – далеко.

Вам приходилось караулить мешок с блохами? Да! Тогда вам понятны чувства начальника студенческой практики.

... Дали мы гудок, отдали швартовы, прошли ворота Севастопольской бухты и вышли в открытое море. Тут то и выяснилось, что идти нам некуда. Запасов у нас – можно обойти Черное и Средиземное моря по всему периметру, без каких-либо заправок. Но это все – ни к чему. Бродить на разрешено вдоль берега Крыма, да у устьев Днепра и Дуная. Вокруг же иностранные государства – туда нельзя. Свобода, бя! Это при железном занавесе можно было гулять по свету, где пожелаешь, а при торжестве демократии сиди на месте. И радуйся. Только тихо.

Тут же выяснилась другая напасть: интересы у факультетов – существенно разные. Одним надо в чистое море – подальше от берегов, другим, наоборот, как можно ближе к берегу. Одним надо непрерывно идти, другим – неделями стоять на якоре, наплевав на качку. Одни ценят дни в море, другим хочется побродить по городам, посидеть в кафе-ресторане, или поваляться на песочке. Одним - работать, другим купаться. Причем начальники все горластые, все чего-то требуют. Да и экипаж не отстает, весь в претензиях: на камбузе работать не заставишь, лезят и спят, где не попадя, на стенах неприличные слова гвоздем выцарапывают ... Так что первую неделю я был при деле – мирил противоречивые интересы, так что в конце концов со всеми разругался. И уже всерьез подумывал о переходе на мордобой. Среди ученых это принято.

Однако ко второй недели все как-то друг к другу притерлось, я с мог заняться наукой, и, наконец, оглядеться. Студенческие пьянки, весьма интенсивные в первое время, наконец, прекратились. И вовсе не потому, что кто-то завязал. Просто – выпивка кончилась. На «Эксперименте» такого казуса не случилось бы никогда, там члены экспедиции люди опытные и не то, что мало пьющие, а – запасливые. А здесь – зеленая молодежь, затарились каждый по три банки, и думает – хорош! Как бы ни так, они будут выпиты в три дня, а заходы в порты – раз в две недели. Бутылки же не падают с неба посреди моря-океана. Равно, как сигареты. Думать надо! Причем заранее. Студент же думать особо не приучен, вот теперь и виснет уныло на трапе – без вина и курева. Первое время еще можно, что-то выклянчить у экипажа, а потом всё – и у них кончилось. У меня, кстати, все есть. Но не дам – самому надо.

Пьянки – дебоши напасть известная. Известно и как с ней бороться. А вот интенсивное блядство – вещь новая. На малом судне – женщин или нет, или она – в одном экземпляре. Даже если она спит со всеми участниками рейса, и то это дело житейское. По взаимному согласию.

А тут 35 – девок, в практикумах застоявшихся. Когда их видишь на защите курсовых по аналитике, не можешь даже примерно оценить весь потенциал их эрот-накала. Оказывается – он огромен. Гормоны играют. Вопрос, какое мне дело кто с кем, когда и где спит?! В принципе – да, никакого. Но это только – на первый взгляд. Пока все в студенческом кругу, и все по взаимному согласию – пожалуйста, судно от общаги не отличишь. Но ежели – с экипажем, то дело меняется, причем – кардинально. Взрослые дядьки квалифицированно берутся за дело, дарят подарки, ухаживают, и спаивают, спаивают. А уж потом переходят к насилию. На утро тетка удивляется: «Она верила, она думала – все будет хорошо» (Она думала! Как же). А ее обидели. Хорошо, если она не беременна или не заразилась чем. Вот тут-то скандал и возникает. И если он начинается на пароходе, то развивается и достигает кульминации уже на факультете, когда матросов-обидчиков в помине нет. А кто есть? Начальник рейса! Вот он и ответит за сводничество. Девочка молодая, глупая, может ошибиться. А ты, старый осел куда смотрел? Почему не предупредил, не провел беседу воспитательную, презервативами на весь экипаж не запаса, наконец. Так что дело до этого дела у меня есть, да еще какое.

Пришлось поговорить со старпомом (отдельно) и боцманом (отдельно). Огласил июльские тезисы. Народ понял. Девочки потеряли офицерско-матросский корпус, пришлось им переключаться на коллег.

Вот тут я и обнаружил исчезновение Кэпа. Сначала он несомненно был. Обедал с нами в гордом одиночестве. Тут следует пояснить, что на пароходах идущих под флагом военной гидрографии, царят воинские порядки. А на военных судах, офицеру обедают отдельно от матросов. Более того, в кают-компаниях капитан сидит за отдельным столом, и ест в гордом одиночестве. Как палач в Праге. Никто с ним не общается. Замечательное правило! Ведь кэп – абсолютный диктатор на корабле, его приказы не обсуждаются, а выполняются. Он отвечает за все. Причем, только он. Представляете, как за время долгого рейса его рожка надоеет экипажу. Как хочется взять миску горячего борща и надеть ему на голову. Везде не любят начальников, но на флоте капитанов ненавидят так, что от греха подальше выработали порядок: капитан ест отдельно, пребывая наедине с собой. Он, впрочем, обычно не возражает. Так вот, в начале рейса он был на месте. Я его видел издали на обеде. Более того, в Севастополе, я как положено, взял бутылку и пошел к нему в каюту представляться. Он со своей стороны выставил выпивку-закуску, позвал друзей. Мы хорошо посидели. Я говорю об обстановке, а не о содержании беседы. Тематика была беспросветно злобной. Речь шла о развале Союза и о разломе, прошедшем, аккуратно, по их судьбам. Флот делят пополам. Севастополь (равно как весь Крым) – украинский, офицеры – русские. Куда идти, куда податься, кого любить, кому отдаться. Вновь принимать присягу? Как может офицер присягать дважды?! Да еще чужому государству. А если Украина начнет войну с Россией? Даже думать страшно. А этому дело идет. Не уж-то Россия отдаст Крым Украине? Не говоря об Одессе. Споры шли жаркие. Дело не шуточное – ломались судьбы. Причем цельных людей, закоренело цельных. - Понимаешь, - втолковывал мне пожилой кавторанг. Мы не гражданские, мы – военные люди. От быстроты действий, от выполнения приказов и команд командира в море зависит жизнь экипажа и корабля. На борту не нужны рассуждения, это на берегу можно подискутировать. И один из критериев отбора у меня был такой: показываю на белое и говорю: черное. Офицер должен со мной согласиться и сказать: да, черное. И не думать при этом ни о чем! Потому что я один несу ответственность за всех и все. Я – авторитет. Но какой я авторитет, если служу двум государствам, причем одна половина команды – хохлы, а другая – москаля. И если основное занятие тех и других – пьянка да диспут перманентный.

- Украине я не служил и служить не буду, - поворачивал меня к себе другой сосед. – Я это делом доказал. Ты знаешь кем я был год назад? Я был командиром подводной лодки. Единственной подлодке Украины, способной выйти в море, причем – в подводном положении. Ты был на военном параде. Видел подлодки у Графской пристани, видел – они на плаву. А почему? А потому, что они погрузиться боятся. Не всплывут – утонут. Прямо в день Военно-морского флота. Так вот наша лодка умела плавать. Когда Союз треснул, мы легли на дно у входа в Одесский порт, и я объявил – буду топить все, что плавает, пока торпеды не кончатся. Или пока весь флот не вернут России. Тральщиков на меня напустили, идиоты. Но там тоже – наши ребята. Промажнулись. А я ушел в город-герой Севастополь!

- Ну, и дурак! Надо было идти в Новороссийск, Севастополь – украинским будет.

- Не будет!

- Будет!

Назревала привычная драка друзей.

Наш Кэп поднял руку. Все затихли – слушали речь.

- Флот обосран, а мы - на гражданку, шмотками торговать. Челноками!

Народ дружно сплюнул и стал подниматься.

Кэп же впал в запой: долгий и беспросветный.

Рейс, однако, продолжался в обычном ритме – кончалась вторая неделя. Мы шли в Ялту – культурно отдохнуть. Жара стояла страшная – решили лечь в дрейф и искупаться. Процесс пошел. Студенты прыгнули в воду и стали самовыражаться. Кто как может. Кто загребал вдаль, кто приставал к подругам. Те радостно визжали. Я сразу в воду лезть не мог – проверял охрану труда: на месте ли вахтенные со спаскругами на канатах, спущен ли катер и если спущен, есть на нем моторист и не спит ли он, не унесло ли кого сильным течением далеко от парохода и т.д. и т.п. Контроль я осуществлял лениво, так как заранее знал, что на военном судне с этим все в порядке. Опасался я прыжков в воду. И боялся я вовсе не за прыгуна (что с ним будет: расшибет пузо, так в следующий раз осторожней будет). Нет! Боялся я за купающихся. Представьте себе: вы плескаетесь в воде, ныряете по-глубже, а затем активно стремитесь вверх. Всплываете вы с хорошей скоростью, а тут к вам подлетает сверху, причем с еще большей скоростью, чья-то дурная голова. Если ваши головы столкнутся – понравится вам это? То-то и оно!

То чего боишься, то и случается.

Студенты прыгали с фальшборта. Это еще куда не шло – летишь не долго, и видишь куда. Но тут появился экипаж. Ребятам тоже купаться надо. Но не только. Надо также привлечь внимание девиц. А как?! Правильно! Надо прыгать с высоты. Сказано – сделано. Начали с первой палубы, потом перешли на вторую, а некоторые – и на третью (высота четырех этажного дома,

между прочим). Риски возросли. За время полета ситуация внизу может кардинально измениться, и какой-нибудь дурак (или, скорее, дура) вынырнет в точке приводнения. И ничего не попишешь.

Ситуация ухудшилась еще. Без всякой видимой причины усилилось волнение, начинался шторм. Наш корабль, конечно, не щепка, его просто так не побросаешь, но и он стал медленно, но верно совершать колебательные движения: вверх-вниз, вверх-вниз. Трап оказался коротким и при верхней амплитуде из воды его уже не достать, а на нижней он бил по телам купающихся. Привязанный к катер стало сильно бить о борт судна. Не дай Бог, кто сунется меж бортами – раздавит, как таракана. Волны покрылись гребешками, многие купальные шапочки стали неразличимы. Пора завязывать!

Я уже совсем собрался отдать команду: Вира!, когда на палубу вышел Кэп. Собственной персоной. Слегка помятый, но трезвый. Он посмотрел на бульон с клетками, на своих соратников, вразной прыгающих с разных палуб, и с независимым видом полез по трапу наверх. Я с интересом следил, как удаляются красные плавки. Капитан же все лез и лез наверх. Палубы кончились, а он взбирался все выше. Долез до клотика, т.е. достиг высоты семи-восьми этажного дома. Там он осмотрел окрестности, глянул вниз и резко прыгнул. Летел он хорошо, вытягиваясь в струнку, вытягивая руки над головой. Тело описывало плавную кривую, стремясь достигнуть перпендикуляра с водной поверхностью. Но до воды было еще далеко. Тело прошло перпендикуляр раньше времени и стало заваливаться на сторону. Кэп вошел в воду неудачно. Это поняли даже палубные матросы, разом нырнувшие вслед. Им довольно быстро удалось достать капитана и поднять его на борт. Голова свободно болталась.

- Сломал шею, - сказал кто-то.

Мы понеслись к Ялте, заказав по рации такси. Когда доставили Кэпа в больницу, он был еще жив. ... Вот так и закончились наши морские экспедиции, закончилась радиохимия мирового океана и морская экологическая практика. Больше я в рейсы не ходил.

ПОХОДЫ

КАРЕЛИЯ

Волок

Сиеста в Испании, это когда полдень, а ты лежишь себе под балдахином и почиваешь до ужина. А здесь в Карелии жара, как в Сахаре, ни ветерка (это на берегу-то гигантского озера!), валяешься на спальнике с завернутой в штормовку головой и никакого тебе кайфа. Зной, слепни да мухи. Нет отдохновения от трудов праведных. Все руки – в водяных мозолях. Ноют, заразы. Нужно было взять перчатки, а не пижонить.

- Ой, какие красивые лодочки приплыли к нам в гости!

Так, начинается. Черт -таки кого-то принес.

Олег приподнялся и сел. Настоящий эстамп! На фоне ослепительно блестящего озера, между стремительными линиями красных байдарок выгравлена фигура старичка - лесовичка.

И как это вы на такой хлипкой посудине по нашим озерам ходите? В жизни, в такую не сел.

- Что делать? Каждому свое!

- Послушай, дед – очнулся от созерцания себя и природы Евгений, - девчонки наши пошли спросить машину до Паль - озера. Как мыслишь, достанут?

- Чего захотели! Сюда трактор года три не заглядывал.

- Дороги нет?

- Есть дорога, да ездить сюда некому и незачем. Захирел хутор. Весной последнего старика свезли.

Он махнул рукой в сторону крестов на острове. Летом, правда, наезжают с центральной усадьбы, вроде как на дачу, на сенокос, да, бывает, пастухи заходят.

Однако! Из Москвы все казалось проще. На карте дорога - почти шоссе. Кусок километров в пятнадцать. На себе тащить и лодки и груз – работа на любителя. Большого любителя приключений. Нужно привыкнуть к мысли, а тут божий одуванчик мельтешит. Теперь от него не отделаться.

- Помочь, однако, людям надо, - сам себе сказал старик, - ту всю ночь не спал и сегодня в ночное, но ничего не поделаешь.

Ребята молчали.

- Телега у меня есть. Свезу ваши лодки до озера, если просека позволит.

- Ну! – обрадовался Олег, - вы нас спасете, - а дорогу Вы знаете?

- Так ведь это я сейчас конюх в колхозе, а раньше егерем в заповеднике служил.

- Что ж ушли? – из чувства благодарности Женя поддерживал разговор.

- Выгнали! Из-за дружка. Завалил он зимой сохатого. Жить-то надо. Так – ему срок, а меня под зад коленом. За то, что не донес, значит. А просеки почитай, что и нет – заросла вся. Если пожар или еще что – во век не продерешься. Мы-то пройдем как-нибудь. Вы – ребята здоровые.

- Слушай, дед, можно ли на хуторе купить хлеба и картошки?

- Ничего там нет, но я захвачу.

...Когда раздался грохот телеги, байдарки были уже на берегу и даже слегка подсохли. Марьяна сидела на рюкзаке, а Инна в свой еще что-то запихивала.

- Вот, берите, что есть, - старик протянул плетёную корзину, в которой поверх картошки лежал каравай хлеба домашней выпечки.

- Сколько с нас? – спросил Женя, расстегивая пуговицу на заднем кармане брюк.

- Ничего не надо!

Ну, кто бы спорил.... Не спешите платить. Пусть, как следует, попросят. Пусть очень хорошо попросят. И тогда все равно не спешите платить!

Спасибо! И Олегу: Взяли?

Ребята подняли первую байдарку.

- А почему мою вниз? – бросилась к ним Инна.

- Тьфу! Ну, давай нашу.

С чувством полного самопожертвования Олег взялся за свою байдарку.

- Тряпка ты, а не толстовец, - бросила ему жена со своего места, - вечно мы должны уступать.

- Пускай!

После часа возни, удалось, наконец, уложить в узкую, как гроб, телегу две байдарки, одну на другую, засунуть в них вещи и все это стянуть веревками.

- Но, Дума! – старик встряхнул вожжами.

Караван тронулся. Солнце склонилось в Запад и, следовательно, должно стать прохладнее. Однако лапласовский детерминизм помогал мало: пекло продолжалось. Об раздеться не могло быть и речи. Слепни и овода густо покрывали бьющую себя хвостом кобылу. Перспективы прогулок нагишом были понятны. А в штормовке, как в сауне.

Сначала шли через хутор. Вдоль берега разбросан был десяток кубиков – бани. За ними возвышались огромные двухэтажные избы с многочисленными пристройками. Все говорило о былом избытке леса, умелых руках и достатке. Какая здесь была жизнь, когда это строилось,

осваивалось, переделывалось! Кишело людьми, детьми и скотиной. Теперь – тишина кладбищенская.

Конечно, сейчас подобные избы можно посмотреть в Кижях. Однако Кижь – ритуальный, а не жилой остров и собранные со всей Онеги дома, церкви, мельницы, амбары, овины выглядят, как театральные декорации. Неправдоподобно крепкие и красивые. Хутор же представлял собой хорошо сохранившиеся развалины. Некогда величественные, рубленные из толстых стволов сосен, любовно крашенные затейливой резьбой, они почернели и грузно осели, кто вниз, а кто на бок. О бывших огородах можно было судить по кое-где торчащим из кустов плетням.

Наглядная агитация: русские пришли. Коммуняки, к тому же.

- Да, не дают жить мужику, ворчал Иван Фомич. Скоро от хутора следа не останется. Как финны ушли, а колхозы укрупнили – пошло, поехало – не остановишь. Народ все к центральной усадьбе тянется, да в город на заработки.

Ребята слегка посмеивались над старичком-ретроградом, но было грустно.

Сразу за последней избой начинался запущенный лес. Сплошные заросли, но деревья мелкие, сосен нет. Если кто и захотел бы реконструкции, то строить ему все равно не из чего. Бывшая дорога, а теперь неупорядоченная просека перелезала через невысокие холмы, периодически огибая огромные камни – бараньи лбы, оставленные отступающим ледником. Через десять шагов стало ясно, что предстоит. Телега грохнулась в заполненную водой яму. Чертыхаясь, начали вытаскивать, на пару метров продвинулись – завал, потом обвал, потом прижим. Особо не по-философствуешь.

За час прошли километра два и остановились. Только вышли, а уже устали. Жара, впрочем, стала спадать. Слепни-оводы истоцились. Зато появился комарик. Закурили в попытке его отогнать.

- А Вы – карел? – спросил Женя, стараясь сделать старику приятное.

- Да нет, русский. А женат на карелке и болтаю по-ихнему.

- Давно в этих краях?

- С сорок третьего. Воевал неподалеку. Разведчика аккуратно перед окопами ранило. Полез его вытаскивать, да самого подстрелили и серьезно. Разведчик-то как-то оклемался, подполз ко мне, посмотрел рану и говорит:

- Видать конец тебе Ваня пришел.

Снял с меня часы, сапоги хорошие и уполз к своим.

Дед затянулся и покашлял.

- Меня уже потом карелы подобрали. Так и остался...

- А того гада не встречали больше?

- Как не встречать? Он в соседнем совхозе лесопилкой заведует.

Двинулись дальше. Разговаривать стало трудно. Пошли овраги. Свежие, с обрывистыми склонами. Телега то и дело вставала на дыбы. Дума, кряхтя, перелезала через завал, залегая на гребне и болтая ногами. Путь каравану приходилось прокладывать, перерубая, перепиливая и растаскивая стволы упавших деревьев. Солнце садилось, комарик крепчал. В атмосфере стоял непрерывный звон. Путники истоиво хлестали себя по лицу ветками.

- У нас комары недавно теленка съели, - утешал Иван Фомич. – Эх! Встретить бы когда ученого химика, поговорил бы с ним по душам!

Интересная заявка, учитывая, что двое из присутствующих – студенты химфака.

- А что он вам сделал? - осведомился Олег.

- А как же? Почему не придумал, как гнус-мошку извести. Комар что: сложнее человека?! Как народ травить, так нет проблем. Открыл баллон с фосгеном – пара тысяч на том свете. Хороший, плохой – все на том свете.

Он чуть усмехнулся своей горячности и добавил тоном стесняющегося пророка:

- Не может один человек лишать жизни другого! А вот комара – может и должен. Но не лишает. Не может, не хочет?

Ну, Або дает! Олег собрался было рассказать ему про биоразнообразие, которое никак нарушать нельзя. Попугать исчезновением рыб-лягушек. Но тут вышли к ручью и встали.

- Заночевать вам здесь придется, - сказал старик, - завтра вернусь за вами и двинем дальше.

- А много осталось?

- Да километра два-три.

- Так мало?! Тогда давай дед сегодня. Что день терять и зря гонять скотину?

- Мне в ночное. Темнеет, а ночью нам нельзя путешествовать. Лошадь медведя почувствует – понесет.

- Да я провожу вас! – Олег погладил приклад двустволки, которую исправно, но бес толку всегда таскал за собой.

Старик оценивающе посмотрел на него и махнул рукой:

- Поехали!

В час ночи разгрузили телегу на берегу озера. Ясно, что Фомич не успеет в свое ночное. Он не торопясь оправлял сбрую и вздыхал. Попадет от карелки и председателя. Не говоря уж о скотине.

Олег подошел к Жене:

- Отвали ему пятерку.
- Зря мы сразу о цене не договорились. Теперь небось, десятку заломит. Целый день и ночь с нами потерял.
- Жирно будет. Хватит пятерки.
- Что, Иван Фомич, пяти рублей довольно? – спросил Евгений. От неумения улаживать денежные дела фраза прозвучала развязно.
- Ничего мне не надо. Помог вам. Не поминайте карела худым словом. Черте сколько провозился, пора домой.
- Подождите! Все равно опоздали. Давайте выпьем. Инна! Дай фляжку и кружку.
- Марьяна! Достань им.

Марьяна с досадой – на других сваливает, сама не может – принялась распаковывать продуктовый мешок. Достала кружку и протянула ее Олегу. Он зачерпнул воды и долил спирта.

Иван Фомич долго усаживался на свернутом спальнике и долго не мог выпить.

Женя хотел крикнуть дамам, чтобы вскипятили чай, но, подумав, сам пошел за дровами. Повезло с добрым мужиком. Впрочем, сам бы он на его месте поступил также. Но не потому, что доброта – основная черта его характера, а потому, что ежечасно и ежеминутно помнит, что нужно делать добро. Таково его предназначение.

Когда Евгений начал разводить костер, Фомича уже порядком развезло. Подойдя поближе, он протянул ему кружку.

- Ещё нальешь?

Женя было подумал, что он и так пьян и не удержится в телеге, но: на добро – добром. Налил еще.

- Гляди, налил! А я думал: еврей – не нальет. Ну, ваше здоровье!

Начавшийся дождь отвлек внимание ребят. Они бросились переворачивать байдарки, ставить палатки и затаскивать в них рюкзаки. Через некоторое время старик сидел уже спиной в палатке с очередной порцией уже неразведенного спирта. Он что-то непрерывно говорил, путая свои подвиги с чужими. Потом он вдруг заплакал и полез целовать девчонок. Это – уже перебор. Ребята встали, подхватили деда под руки, и повели к телеге. После некоторой борьбы Иван Фомич был уложен в гробик, Олег уселся рядом, свесив наружу ноги.

Телега невыносимо тряслась. Олег иногда слезал с водительского кресла, шел рядом, придерживая норовившего вывалиться старика. Дождь усилился, комар стал энергичней. Все как-то противно. Почему он должен уродоваться с пьяным мужиком, когда остальные почивают в сухих палатках под пологам? Зачем Евгений спойл мужика? Доброхот наш не дорезанный. Если разобраться в обстановке, то кобыла сама домой дорогу найдет. Ночь светлая, рассвет через час, да и под дождем быстро протрезвешь.

Проехав километра три, он хлестнул лошадь, бросил кнут в телегу и зашагал обратно.

Дума некоторое время бежала по просеке, но, заметив полянку со свежей травой, свернула вбок. Ось уперлась в дерево, телега встала. Старик зашевелился, хотел что-то сказать, но лишь тяжело вздохнул и рухнул обратно.

Карельский порог

Carpe diem!

(Пользуйся мгновеньем)

Мы с Лидой путешествовали по Карелии одной байдаркой. Шли обычно ночью – светло, как днем, но тихо, ни ветра, ни волн, ни комаров.

Спустились по Суне и теперь тихо скользили по озеру. Природа таинственно молчала. Лишь с весел падали капли.

Выгребали мы давно. Я сидел сзади, махал веслами, а вытянутыми ногами нажимал петли руля. Члены затекли – меняй позу. Ноги прижались к Лидиной спине. Этого оказалось достаточно. Она обернулась, и мы поцеловались. Тут же я вытащил разделявшую нас спинку. Байдарка раздалась и обмякла, грозя сложиться. Нас это не остановило. Лида повернулась ко мне, я аккуратно уложил ее вдоль лодки, не забыв сначала устроить вдоль бортов длинные двуплошные весла. Она лежала не прямо на дне, а на мешках из детской клеенки, забитых спальниками. Попа покоилась на надувном судне, служившим нам единственным спас-средством. Она расстегнула ремень, я стащил с нее джинсы и отодвинул в сторону полоску трусиков. Сначала пососал ее клитор, потом, целуя тело, стал подниматься все выше, когда добрался до губ, мой Младший Брат начал искать вход в пещерку. Он долго и безуспешно куда-то тыкался. Лида выбросила ноги за борт и приподняла бедра. Наконец, я вошел в нее и стал двигать взад-вперед. Сначала медленно, потом – быстрее, еще быстрее.

Лодка раскачивалась все сильнее. Изредка вода захлестывала через борт и попадала на наши разгоряченные тела. Мы не обращали внимания, целиком поглощенные собой. Лодка не просто качалась, она двигалась вперед, убыстряя ход. Мы тоже ускорились. Лодку тряхнуло всерьез - чуть не слетел с подруги. Я приподнял голову. Мама родная!

Мы были еще на водной глади озера, но обзор уже самолетный. Вся местность впереди была под нами. Из озера вытекала река, ее течение подхватило нас и влекло вниз. Впереди бурлила вода, ревели пенные волны, блестели камни порога с застрявшими на них корягами. Без весел и руля мы сами были бревнами молевого сплава.

Я вновь сосредоточился на сексе, стараясь остаться в байдарке. Лодка прыгала на камнях, иногда вертелась вокруг оси, черпала воду, то одним, то другим бортом. Но мы любили друг друга сильнее и сильнее.

Вот этот миг: оргазм, водопад, свободный полет в Рай.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ

Водопад Большой Шалтан

В 1965 году наша туристский отряд (я да Ида) прибыл в Горный Алтай, и десантировался с байдаркой на берег Телецкого озера. Без всяких проволочек собрали байдарку, расположили вещи, уселись сами и, интенсивно гребя, начали маршрут. За день прошли больше 30 км. Для начала неплохо. Зашли в Камгинский залив. Здесь на крутом берегу стояла изба-зимник, кордон Алтайского заповедника. В те времена Хрущёв его закрыл. Зимник был пуст, двери не заперты. Мы оттащили лодку от воды, перевернули её, на всякий случай отнесли вёсла в дом, раскопегарили печку, помылись, как в бане, позанимались сексом и завалились спать. Поход начался!

Утром нас разбудила ватага студентов-медиков из Омска. В основном - девиц. Они они пришли пешком из Яйлю с целью подняться по долине Камги в верховья, перевалить хребет и спуститься по Абакану. Обнаружив избу занятой, они за ней поставили четыре палатки, натянули тент, разожгли костёр и стали готовить еду. Кстати, воду надо брать из Камги, а к ней просто так не подойдешь - устье сплошь заросло камышом и тальником.

Было солнечно и тепло. Девицы разделись до пределов приличия и в таком виде устремились в тайгу. То ли по ягоды, то ли по каким другим делам.

Никогда я не видел, что бы кто-то так дружно и резко покидал лес. Подумал, что за ними гонится стая волков или, с учётом местных реалий, рысей.

- Клещи! Клещи! - кричали они, - энцефалит!

Общественность сильно взволновалась. Девицы уткнулись в рюкзаки, из них посыпались вещи, появились санитарные сумки с красными крестами, баночки с жидкостями и мазями, шприцы с ампулами. Одна палатка была спешно переоборудована в госпиталь. Там осматривали пациентку и что-то с ней делали. Лагерь был ажиотаже.

Я с интересом наблюдал за процессом. Всё же я несколько лет назад провёл на Алтае четыре месяца, пересёк его и вдоль и поперёк, но ни одного клеща не встретил. Даже не знаю, как он выглядит. В Камге Алтай какой-то другой. Кусачий! Только энцефалита нам с Идой не хватало. Надо было прививку сделать, прежде чем сюда направляться. Девицы, вон, знали и готовились. У каждой санитарная сумка есть. Профессионалки! Но если встретили то, к чему готовились, но чего так волноваться?! Лечитесь себе спокойно.

Группа начала быстро сворачивать палатки и паковать. Мы помогли им съесть их обед - освободили вёдра. По Камге куда-либо двигаться они отказались, вернулись в Яйлу. По хребтику, наверное, в Абакан пойдут.

А мы решили всё же пройти по долине километров двенадцать до водопада Большой Шалтан. После долгого сидения в узкой лодке полезно прошвырнуться туда - сюда. Без рюкзаков сходить в однодневную экскурсию.

Утром оделись по плотнее и пошли. Штормовки не взяли, как оказалось, зря.

По Алтаю без троп ходить нельзя: далеко не уйдешь. Тропы абы где не бывают, они проложены там, где нужны и идут по оптимальному маршруту. Есть две возможности: первая - поверху, по хребтикам, по границе леса и кедрового стланика (если он есть, а если нет, то по границе с курумником, вторая - понизу, т.е. прямо по реке. Во верхней идти легче, но энергетически она более затратная, т.к. нужно вылезти на границу леса и затем брести, ныряя в распадки и вылезая из них. Нижняя проще, тем более, что по реке не заблудишься. Но могут быть сюрпризы. С ними мы немедленно столкнулись.

Тропа от зимника должна была быть хорошей. Сотрудники заповедника, охотники и рыболовы наверняка ей хорошо протоптали. Да и туристы, небось на Саяны толпами ходят. В реальности так и оказалось. Хорошая конная тропа повела нас вперед. Шли, как по дороге, метров пятьсот, потом тропа стала двоиться, троиться, переходить с берега на берег различных протоков причём, без специальных переправ, и наконец, упёрла нас в луг, поросший травой. Но не луг какой-нибудь Оки, а местный, алтайский. Плотная стена травы выше двух метров. Мне отец

рассказывал, что он перемещался по Казахстанскому Алтаю по лугам, скрывающим лошадь вместе с всадником. Вот теперь мы на таком лужке и оказались. Только лошадей под нами не было. И мачете тоже. Пришлось продираться так. А это вам не тайга какая-нибудь, тут приходится попотеть. Скоро стало ясно, что далеко мы не уйдём. Выход один - идти по руслу реки, там трава не растёт. А вы, ребята, пробовали идти по руслу горной реки? Попробуйте! Получите массу впечатлений. Река, хоть и не глубокая, а ямы встречаются метра два глубиной, искупаешься только так. Кеды и брюки мокрые, а вода ледяная, уже пальцев ног не чувствуешь. Течение быстрое, прямо против него не погрёшь, идёшь от дресвы до дресвы, по небольшими углами к берегам, постепенно забирая вверх. Надо ещё жену под руку держать, чтобы не смыло. Мешали заросли кустов, ивняка, или как его тут называют. За час мы преодолели 800 м, но продолжали это дело, надеясь, что выше по реке это безобразие кончится. Увы! Безобразие только началось. Оно приобрело гомерические размеры. Никогда ни до, ни после не встречалось. Всю долину реки преградили завалы. Завалы огромных деревьев. Кедров со стволами в три обхвата, с длинными и толстыми ветвями, с вывороченными корнями, между которыми застряли мощные валуны. Ряд деревьев был не один, на него навалился другой, местами и третий.

Видимо весной (скорее не одной, а нескольких) случились сходы мощных снежных лавин, а затем и сели, снесли всю тайгу в округе и принесли их сюда. Понятно, почему тропа куда-то делась. Никто здесь не ходит.

Вода журчала где-то под завалами, её не было видно. Идти по дну реки стало решительно невозможно. Выбрались на берег, но здесь ситуация ещё хуже (если она вообще может быть хуже). Плотные завалы были с трёхэтажный дом, но они сплошь проросли травой высотой в два метра. Луг и тайга объединили свои усилия против нас. Прямо, как в старой сказке какой-то. Стали мы продираться сквозь новые препятствия: где под завалами, где через, а где - прямо сквозь них. Так себе удовольствие!

За час невероятных усилий мы преодолели сто метров завалов. Этак к вечеру мы пройдем полпути к водопаду, только нам ночевать негде: у нас собой ничего нет, мы ведь гуляем, чтобы на водопад посмотреть!

Ободранные и слегка побитые вышли мы на нечто вроде поляны. Сравнительно свободное пространство. Сели на крутой бережок речки. В реке неподвижно стоял здоровый налим. Но гарпуна не было, а трусами его не поймаешь. В воздухе много пчёл.

Свесили ноги, поболтали ими и осмотрелись. Солнышко светит, погода прекрасная и это хорошо. Но впереди стена завала, а позади такая же. Перспективы туманны. Надо что-то предпринять. Я оставил Иду сидеть здесь, а сам пошёл на разведку. В принципе, так делать нельзя, геологи всегда идут вдвоём: расстанешься, можешь с коллегой больше не встретиться. Пройдёте рядом друг с другом и не заметите. Но тут выхода не было, к тому же река - хороший ориентир, иди по воде, мимо не пройдёшь. Стал выбираться из ущелья, поднялся невысоко, только выше завалов. Склоны крутые, поросли хвойным лесом, идти трудно, но можно. Троп нет. Хуже, что часто путь преграждают отвесные скалы, прижимы и бомы. Сверху их не обойдёшь, приходится опять спускаться и бороться с завалами. В один из таких спусков обнаружил следы чьей-то деятельности. Идентифицировал без труда: медведь завалил марала, закопал его, завалил валежником, пописал и пошёл прогуляться. Ждёт пока мясо протухнет до кондиции. Посмотрел, куда он направился. Медведь не петляет, он идёт напролом, куда ему надо, оставляя за собой не плохую дорогу. Направление его по азимуту было на Иду. Это меня несколько обеспокоило. Пошёл за мишкой. Медведь был большим, но шёл на своих четырёх лапах, т.е. был ниже меня ростом. Существенно ниже. Шёл я сильно пригнувшись, приседая, переползая стволы, а часто семена на четвереньках. Скорость была небольшой, но шёл я куда надо и вышел на Иду. Она по-прежнему сидела на берегу, свесив ноги. Я посмотрел на реку на мели неглубоко под водой на песке был прекрасный отпечаток когтистой лапы мишки. След был свежим: вода размывала его прямо на глазах. Посмотрел на Иду, и понял куда делся медведь. Она его растерзала!

Жена моя в ярости крута, а то, что она не в настроении, сомневаться не приходилось. Снял верх комбинезона, она подняла майку и сосредоточенно рассматривала свой пупок.

- Где медведь? - поинтересовался я?

Она отмахнулась.

- Не шути! Клещ! Меня в пупок укусил клещ.

Я мгновенно забыл про мишку, хрен с ним, тут дела серьезнее.

Мы никогда не видели клеща, но тут поняли - это он. Чёрный, крупный и круглый. Оторвал его аккуратно и выбросил. У Иды в кармане оказался пузырёк с зелёной, ею ранку и помазали. Успокоил, сказав, что энцефалит у клещей только весной, а сейчас - лето. Посидели, встали и двинули по уже проторенной медвежьей тропе.

А что делать, если у тебя заднего хода нет?!

Медведь сильно нам помог - за следующий час продвинулись ещё на 1 км, поднявшись довольно высоко по долине. Здесь завалов по реке было заметно меньше, а вскоре они остались позади. Даже старая тропа появилась, так что началась оздоровительная прогулка (теренкур называется).

Продолжалось это не долго. Выглянув из-за поворота и посмотрев на уходящую вверх сильно сужающуюся долину мы обнаружили, что панорама Абаканского хребта исчезла. Мощная чёрная грозовая туча заслонила нам перспективные виды. То, что туча именно грозовая сомневаться не приходилось: тут и там сверкали молнии. В верховьях Камги шёл дождь, точнее, ливень стоял стеной. У нас светило солнце, но перспектив у него не было. Впрочем, как и у нас. Вода в реке быстро пребывала. О том, чтобы бродить от дресьвы до дресьвы не могло быть и речи. Тропа это учитывала и шла довольно высоко над урезом воды, по хорошей тайге с твёрдой почвой. Мы бодро топали вверх по ущелью, а на встречу нам тоже в хорошем темпе опускалась чёрная туча. Где-то мы должны были встретиться.

Мы и встретились!

Вся округа исчезла, видимость ноль. Туча не над нами, она везде: и сверху, и снизу и с боков. Часть молний бьют сверху, но остальные - с боков и снизу. Вспыхнуло дерево и стало гореть, несмотря на ливень. Если бы мы зазевались, промокли бы до нитки. Но мы ворон не считали, а укрылись в группе кедров. Во время экспедиции, мне на Катунских белках случалось пережидать ливни и ночевать без спальников-палаток. Но там кедров в пять охватов, мощные кроны, в дупле можно разжечь костёр. Здесь иногда встречались высокие кедровые, но в грозу под ними укрываться нельзя - молния ударит. Вот один, как раз, и горит. Укрылись мы к кедровнику - группе небольших кедров. Пока ливень нас не настиг, но это дело времени: вода свою дырочку найдёт, просочится нам за шиворот. Порывы ветра трясли кроны и на нас что-то выливалось порциями. Вода в реке прибывала и весьма энергично. Река стала бурной и широкой. Течение несло не просто валежник, но целые деревья, с ветками и хвоей. Мы находились довольно высоко, но кто его знает? У горной речки хватит ума затопить всё ущелье. Судя по всему, для Камги это обычное дело. Разговаривать было нельзя - грома рвали ушные перепонки. Опершись о ствол, прижавшись к друг к другу, дрожа мелкой дрожью наблюдали мы за случившимся светопредставлением. То ли как первопроходцы, то ли как сиротинушки.

Дуракам, как известно, везёт.

Справедливости просчет –

Дуракам всегда везет –

Часто светит им звезда.

Умным – только иногда.

Повезло и нам.

Оказалось в том же кедровнике затаились два рыбака. Откуда они взялись в полной безлюдке?! Не иначе, как с неба упали. Они перебрались к нам ближе и скорее жестами, чем словами объяснили: пора валить! В принципе, мы тоже так думали. Только куда! Оказалось, недалеко есть зимник. Мы выбрались из-под кедров и шагнули в грозу. С удовольствием бы побежали, но каждый шаг давался с трудом. Тропа превратилась в речку, лужи, глина, мокрая трава и камни. Мы скользили и падали. Не просто падали, а кубарем катились по склону десятки метров. Так не долго руки - ноги переломать! Нужно ещё форсировать притоки Камги, русла которых эффективно пополнялись водой. Ливень лил монотонно. Мог бы хоть не на долго прервать это занятие. Мог бы, но не стал. Лил себе и лил. Вода в реке прибывала и местами уже затопила тропу. Приходилось забираться выше и продирались сквозь чащобу. Неожиданно наши проводники покинули тропу, повернули под прямым углом к реке и стали взбираться по лощине круто вверх. Мы карабкались за ними. К потокам с неба добавились потоки со склонов. Чтобы не высоко падать, встал на четвереньки и продолжил штурм, хватаясь за ветки и корни.

Довольно быстро достигли площадки, поляны в лесу, на которой стоял рубленный дом - зимник. Сами бы никогда его не нашли. Он находился аномально далеко от реки. Его построили не рыболовы и не егеря заповедника, а охотники за соболями, о чём свидетельствовала куча ржавых капканов. В доме сухо. Мы разделись, чуть не догола, выжали одежду и развесили на жердях вокруг печки. Имелся запас сухих дров, коробка спичек и две свечи, одну мы засветили, поскольку пока прогуливались по долине Камги, настала ночь. Затопили печку-буржуйку, имевшей вид вертикально стоящей бочки из-под бензина. Поставили чайник. Рыбаки на небольшой сковородке стали жарить две рыбки - дневной улов. Мы расположились на полатах. Тут нас ждал сюрприз. Полаты были покрыты маральими шкурами, а они - слоями клещей. Живых клещей! Оленья шерсть шевелилась!

Стали бороться с очередной напастью. Трясли шкуры в прихожей, били по ним палкой. Без толку! Клещ он не пыль - держится прочно. Плюнули на это дело. Улеглись на полаты, попили чайку. У нас были две банки со сгущённым молоком, мы их представили обществу. В ответ нас угостили жареным хариусом. Разговаривали. Спать мы не могли. Шла непримиримая борьба с клещами, которые непрерывно ползли по всему телу, подбираясь к самым интимным, и надо полагать, самым желанным для этих паршивцев местам. Свечу мы погасили и изба освещалась вспышками огня в печи при открытии топки. Топили мы непрерывно, плита была раскалена до красна, температура атмосферы - как в бане. Было душно, рыбаки непрерывно курили. В борьбе с клещами реализовались две тактики. Мы с Идой разделись до гола и непрерывно контролировали спины друг друга (за переднюю часть тела каждый отвечал самостоятельно). Снимали клеща и

бросали его на раскалённую плиту. Монотонно, без эмоций, но непрерывно. Один рыбак применил прямо противоположную тактику. Одел на себя всё, что имел (включая сапоги), крепко перетянул запястья и щиколотки, и завалился спать. Тактика ошибочна! Через час он вскочил с душераздирающим воплем и стал носиться по зимнику, сшибая всё на своём пути. Мы бросились его ловить. Клещ, а судя по этажности мата - отряд клещей, впился ему в самое интимное место. Поймали, повалили мужика и стали сдирать с него одежду. Не тут-то было. Он не просто завязал все входы-выходы тесёмками и верёвками, а прочно затянул руки-ноги толстой алюминиевой проволокой, которую снял с капканов на соболей. Концы были отломаны, раскрутить без плоскогубцев невозможно. Их же, естественно, не было. Долго возились с припадочным. Повезло, что у второго рыбака нашёлся треугольный напильник для точки пилы, ножа и каких-то рыболовецких принадлежностей. Распилили проволоку, освободили несчастного. Он занялся выковыриванием остатков клещей. После этого уже все четверо сидели на нарах, снимали с себя и с соседей клещей и бросали на раскалённую плиту. Так до утра и досидели.

Утром попили чайку, собрались домой на озеро, но вспомнили: мы же шли смотреть на водопад Большой Шалтан. Во! Совсем из башки вылетело. Пошли искать. Сильный туман, дождь, не сильный, но моросит противно. Идти скользко, но можно. Есть тропа. За пару часов дошли до левого притока Камги. Проблема в том, что мы стоим на правом берегу, а водопад - он на левом притоке Камги (Большой Шалтан называется). Не каждый доцент бы догадался, но я сразу понял, что нам надо форсировать Камгу. А как?! Перед нами - мощный и глубокий поток воды, несущий кусты и дрова. Если какая переправа и существовала, то её снесло ещё вчера. Сунулись мы туда-сюда, жалобно поскулили и включили-таки задний ход. Всё равно, говорят, его плохо видно. Он весь в извилинах, грохочет в каких-то щелях. Скалы мешают к нему приблизиться. Тут ещё отбойные струи воды мешают подходу. Туман и брызги. Высота у него 8 м, а с учётом каскада 20 м. Но чтобы рассмотреть отойти не куда. И фотоаппарат мой, хорошо вчера искупавшийся, отказался работать. Так что - ну его! Виноград зелен!

Вернулись к зимнику. За ним оказалась тропа. Круто и скользко, но всё лучше, чем продираться по руслу. Поднялись на хребтик и пошли по нему. В одном распадке прислонились к пихте и немного поспал, пока Ида собирала начавшую поспевать чёрную смородину. Тропа явно тянула в Яйлу. Пришлось её бросить. Подсекли спуск к заливу и скатились прямо к нашему зимнику - кордону.

Хорошо прогулялись!

Вытерлись полотенцами, выпили по сто грамм спирта питьевого, закатались в один спальник и заснули.

О сексе никто не подумал...

Проспали до следующего утра. Встали, приготовили завтрак, убрались в зимнике, сели в байдарку и поплыли дальше на юг. Разбушевавшаяся Камга несла свои воды и валежник в озеро. Вынесла и нас. Поплыли мы ходко. Берега илистые, в воде тоже много ила. Шли вдоль левого по ходу берега, подходили у устьям речек Турочок и Аткичу. Последствия вчерашнего потопа ещё имеют место - путные воды с кустами и ветками далеко заходят в воды залива. Много обеспокоенных уток. Достигли мыса Айран - громадная скала, ушедшая в свободный поход. На её вершине - кусты и даже деревья. вышли в основное Телецкое озеро и пошли строго на юг.

Гроза и шторм

В последний день похода по Телецкому озеру судьба послала нам серьёзные испытания. Семьдесят километров преодолеть за один день трудно даже при хорошей погоде. Но вариантов нет: встали на рассвете и пошли. Погода хорошая, в спину дует лёгкая "верховка" с юга, подгоняя нас. Волнения нет. Мы приладилились, и почти не обливало друг друга водой, не стукались вёслами. Лодка шла ходко. Шли мы у подножия вершины Алтынту (2213 м) - сплошные нагромождения скал. Ущелья глубоки и неприступны, реки в них имеют вид водопадов, высота некоторых ступеней 50—60 м. В ущелье Аюкечпес речка падает в озеро каскадом водопадов. Красиво! Почти 20 км нигде не могли пристать к берегу. После трёх часов интенсивной гребли, зашли в бухту реки Большая Чили(окно). Большая, уходящая на запад долина. Остановились, выбрались на берег, перекусили. Через пол-часа пошли снова. Суровый берег - скалы сплошной стеной падают в озеро. Это - склоны горы Каракорум. Можно было бы зайти в устье Малой Чили, но мы не стали. Время уже поджимало и шли в хорошем темпе. Ветер стих, настал полный штиль. Довольно тепло. Лодка скользит по воде. Шумит каскад реки Куркуле (*шумливая*). Идиллия! Так продолжалось до мыса Ижон, на котором есть домик. Кругом - густая тайга. Обогнули далеко выдающийся в море мыс Ижон (громадные вертикальные плиты сланца). Направились к мысу Чедор, тоже из вертикальных плит. Пристать негде. Погода стала портиться, температура резко пошла вниз, давление, надо полагать, ту да же. Облака не успели убежать, как их перекрыли тучи, как им и положено - чёрные. Нам в морду подул северный ветер ("низовка") озеро стало раскачиваться. Когда мы обогнули мыс Куан, после которого озеро поворачивает на запад, чуть ли не под прямым углом, то обнаружили, что находимся в режиме шторма. Удивительно, как быстро и как круто изменилась окружающая среда. Ветер встречный, парусность тормозит движение. Спасает, что

Салют устойчив (остойчив) на волне. Перевернуть его трудно. Хотя в Карелии нам это однажды удалось.

На Телецком озере бывает шторм.

Волна, крутая волна. Ещё не 6 м, как обещано, но прилично. Воды уже перелетают через Иду и выливаются на меня. Постепенно лодка набирает воды и тяжелеет, грести всё труднее. Ветер то в морду, до в бок. Но всё это - семечки. Настала гроза! Всем грозам - гроза. Новое светопреставление. Что-то их много в здешних краях. И все - некстатги. Гром, молнии, не успеваешь считать и глазами моргать. Молнии чертят зигзаги в чёрном небе и эффектно ударяют в воду вокруг нас. Никогда не видел, чтобы гроза так выпенривалась. Опуская один конец дюралевого весла в воду, я второй поднимал к небу. Отличный громоотвод! Слабо молнии в него ударить? А если ударит, мне электрического тока достанется, или всё в воду уйдёт? Вопросы интересные... Пристать некуда, т.е. совсем. Отвесный берег и бьющиеся о него волны. Подойдёшь, лодку разнесёт в щепки. Мы и не подходили, держались мористой. Делать было нечего: гребли, гребли, гребли. Уже тринадцатый час почти без перерыва. Дождь лил, гроза пугала. Стало темно. Мы последовательно проскочили заливы, удобные для стоянки (бухту Идыш и залив Колдор). Боялись приблизиться к берегу. Обогнули мыс Янгзкоч и как-то автоматически влетели в Каменный залив. Гроза ушла, но дождь был сильным. Мешал ставить палатку. А тут ещё порывы ветра... Угомонились в одиннадцатом часу ночи. Устали!

Спуск по Бие

Утром встали поздно, за завтраком у Иды случился сильный приступ астмы, вероятно, после вчерашнего. Она осталась с ним бороться, а я пошёл в посёлок Йогач, осматривать пороги в истоке Бии (не далеко - 4 км). По дороге на берегу заметил палатку, байдарку и двух парней, вытаскивающих её на берег. Оказалось, москвичи, инженеры с Электрозаводской. Разговорились. Они тоже обошли Телецкое озеро и теперь, как и мы, собирались спускаться по Бие. Пошли на экскурсию вместе.

Бия начинается под мостом, течение быстрое, надо быть осторожным. За мостом сразу порог. Всё бурлит, камни, волны. Если это самый простой порог на Бие, то что представляют остальные, категоричность которых существенно выше. Вздыхнул я сокрушённо и пошёл к супруге. Договорились с парнями, что поедём вместе. В компании веселее.

Утром мы все вещи упаковали в оранжевые мешки, спитые и склеенные из детских прорезиненных пелёнок, мешки привязали к деревяшке на дне лодки и уселись на них. Заново надул камеры футбольных мячей и запихнул один в нос лодки, другой в корму. Ида с трудом, но пролезла в детский надувной круг. При аварии он её спасёт. Спас жилетов у нас не было, касок тоже. Не было и фартука на лодке. Вот это зря - лодка заливалась водой при каждом удобном случае. Руль я снял - мешать будет.

Подшли к месту погрузки новых приятелей. У них была маленькая одноместная Прима. Когда Боря, корпулентный мужик, весом явно за 100 кг плюхнулся в лодку, я подумал, что она немедленно ляжет на дно. Но лодка не утонула, только нос у неё задрался, как у скутера. На переднее место (места вообще-то не было, разве что на коленях Бориса) уселся Виктор. И лодка опять не утонула. Но расстояние от бортов стало меньше 10 см. Вот кому надо было волны бояться. Зато они оба были в пробковых спасжилетах. Вёсла замелькали и они рванули вперёд. Издали видны два голых торца, скользящие по глади озера. На чём они располагались видно не было. Просто фокус какой-то. Мы потопали за ними.

Подшли к мосту, соединяющему Артыбаш с Йогач. Он высоко над водой, пригибаться не надо. Нацелились на центр моста, сильно разогнали лодку, сложили вёсла вдоль байдарки и

вошли в пролет. Течение здесь было сильным, нас подхватило и понесло на дальнюю опору, но скорость была большой - мы проскочили. Сразу же на скорости 10 км/час влетели в порог. Широкая река вся кипела, вода холодная и прозрачная. Рокот и грохот. Порог зовут Карлыгач (*первая ласточка* - та ещё птичка). У меня было подробное описание порогов Бии и способов их прохода и в большую и малую воду (сейчас была большая вода, многие камни подтоплены, но зато высокая стоячая волна. Карлыгач надо проходить ближе к левому берегу, но из-за моста мы шли по центру реки. Попытались уйти влево, но волны подхватили наше судёнышко и понесли по основному сливу. Весь пейзаж поплыл, как на экспрессе, входящем в поворот. Мы поняли вёсла на вытянутые руки. Грести бесполезно, да и без вёсел останешься. Я раздвинул ноги и упёрся в борта лодки. Коруго наше волны швыряли во всех плоскостях. Чуть меня не выкинуло за борт. Бия круто повернула влево и мощно кинула нас прямо на скалистый берег. Запутались в водоворотах среди водяных холмов. Река круто повернула вправо и выкинула нас в тихий узкий плёс. Левый берег крутой, скалистый, густо порос кедровой тайгой. Правый берег пологий, лесистый, поляны и каменистые пляжи. На одном из них нас жали коллеги. Мы причалили к ним. Надо было перевести дух. Может это и ерундовый порог, но на нас он произвёл неизгладимое впечатление. Интересно, что мы ничего не делали, река сама нас пронесла.

Впереди шумел порог Юрток, его образовали выносы камня реки Юрток - правого притока Бии. Его не видно, но мы достали шпаргалку и прочитали, как его проходить. Мыс из крупных обкатанных валунов, вдающийся с правого берега, отводит течение и направляет его на скалы левого берега. Длина порога 100 м, 100 м острых ощущений. Входим в порог вдоль правого берега, быстрое течение бросает нас на гребень. Гребень с крутыми волнами высотой под метр образуют струи воды, идущие от правого и левого берегов, которые сталкиваются на середине реки. Пересекли струю, идущую от каменной гряды, оставив гребень слева. Течение прижимает лодку к скалам, но мы проскальзываем мимо них. Далее идут несколько шивер, пытаемся их считать, чтобы определиться, вовремя остановиться и пойти посмотреть на уже вполне серьёзный порог. Но со счёта сблизился и влетели в порог Кобыровский.

- Шпаргалку! - раздалось где-то сзади. Но Ида на ней сидела, достать и прочитать не успела. Порог неожиданно появился после правого поворота. Он оказался длинным, метров 800, с волнами под метр. В начале порога струи воды снижаются грядами камней, отчего образуется высокий гребень, на котором даже большие лодки кидает как щепку. (В этом мы убедились через четыре года, когда сплавливались с плановыми туристами на большом ялике). Мы же не были большой лодкой и нас кидало как ни поймаешь что. На протяжении всего порога мечутся громадные волны. Везде разбросаны огромные серые валуны, через которые вода с шумом перекачивается, образуя пенистые гребни. Берега низкие, покрытые смешанным лесом. Пролетели на одном дыхании.

Дальше опять тихий плёс. Сблизили лодки. Решили, что нам, пожалуй хватит приключений и следующий самый опасный Пыжинский порог протащим по тихой воде вдоль берега. Река тут извилиста, порог не просматривается. Подошли к самому началу, грохот кипящей воды, а мы вылезли из лодок и стали их проводить вблизи берега. Спотыкаясь и падая на камнях. Занимались мы этим с редким упорством, когда увидели как два пацана (видимо из села Усть-Пыжа), стоя на бревне, гребя лопатами, движутся нам на встречу! Вверх по реке поднимаются, против течения. (Здесь, оказывается, есть локальное отражённое течение, направленное против основного течения). Мы устыдились и обрадовались, что пыжинские опасности позади. Прыгнули в лодки и пошли по сливу.

Это была ошибка.

Пыжинский порог состоит из двух частей с двумя поворотами (общая длина 800 м). Мы протащили только часть и теперь влетели в самую пасть. Скорость достигла 40 км/час. Уклон тут знатный. Как на машине. Только машине не надо уворачиваться от камней (кстати, огромных камней) и заливающих лодку волн. После порога хотели тормознуть, но не успели - влетели в порог Косой. Редкая по силе сволочь, хуже пыжинского. Река резко сужается, косые валы до 1 м стоят с обоих берегов на протяжении 100 м, по середине узкий слив, мы чуть не протаранили друг друга. Волны понесли наш Салют, как плот, боком и мы торжественно сели на камень. Лодку немедленно стало разворачивать поперёк течения и переворачивать. Я, как акробат, с несвойственной мне резвостью, выпрыгнул из лодки и встал на камень, байдарка всплыла и попыталась улизнуть. Еле поймал её за хвост и запрыгнул обратно. Слева осталось устье реки Пыжа, несущей свои глинистые воды в чистую Бию. Попрыгали на паре шивер мимо села. Перекаты прижимают нас к крутому скалистому левому берегу. Через полчаса достигли порога Щёки. Та ещё радость! Крутой поворот при встречной скале. Много тут плавсредств было разбито. Высокие бомы над водой с обоих берегов и высокий скалистый остров посередине. Порог находится на протяжении всего острова, река приобретает заметный уклон, участок валов находится на всём протяжении острова в обеих протоках. По какой идти - не ясно. Пошли по левой. Коллеги шли впереди, вдруг они резко, по прямому углом повернули прямо по среди протоки и вылетели на берег. Я решил, что они, как минимум, увидели пред собой водопад. Не раздумывая, тоже свернул влево. Резко ткнулись в берег. Острый камень пробил нос лодки.

Оказалось, что они попали в прижим и валы треснули их о камень, развернули и без лишних эмоций выкинули на берег. Они глазом моргнуть не успели.

Ладно, расположимся здесь. Нам и им надо клеится. Прошли 20 км и основные пороги. Можно отдохнуть и переварить впечатления. Устроили днёвку. Ида собирала жимолость, чёрную и красную смородину. Ягод тут много. С удовольствием съели вместе со стужённой с сахаром. Клеили байдарки. Я свою в Москве тщательно проклеил вдоль стрингеров: и резиной с кордом, а сверху ещё эластичными бинтами. Поэтому хоть шкура во многих местах покарябана, но нигде не пробита. Правда лодка очень тяжёлой стала, на себе таскать её тяжело. Сейчас пробили, но выше ватерлинии и при форсмажорных обстоятельствах. У ребят лодка не проклеена и пробил ее серьезно. Дальше плыть нельзя. Провозились целый день, но всё починили.

На следующий день сплав продолжили. Прошли шиверу длиной 400 м и вошли в порог Кебензенский, он довольно длинный, 700 м и высота стоящих волн большая. Повернули налево и врубилась в порог Сараккокшинский, тоже длинный, с волнами и сливами между ними. Прошли устье реки Сараккокши. Перекаты, шиверы. Особо не реагируем, катимся вниз, прыгая по кочкам. Стоячие волны большие, но камни можно не обращать внимания. Порог Юрок прошли без эмоций, от высокого бома идёт отбойная волна. По ней легче идти. Река течёт быстро, но порогов нет. Горы отступают от реки и становятся заметно ниже. Вскоре после села Тулой и устья одноименной речки, впадающей справа, возник последний большой порог — Кузенский. Длинный: 2,5 км.

Передним - паромная переправа через Бию. Мы на ней уже переправлялись, когда ехали на грузовике на Телецкое озеро. Через четыре года этот паром раздавил наш ялик и пробил мне спину. Паромы опасны тросами, протянутыми поперёк реки. Они плохо видны и в них можно врезаться на большой скорости, с очень неприятными последствиями. На этот раз обошлось. В начале порога посредине реки случился остров из крупных валунов, напоминающий сигару. Растительности на нём нет. Сильным течением нас понесло на него. С огромным усилием ушли под правый берег. Сразу после острова нашу лодку вынесло на середину реки. Так что мы оказались в центре мощного порога. Стоячая волна под два метра. Промокли до костей и пол лодки воды набрали. Бия делает крутые повороты, то влево, то вправо. По берегам - живописные скалы. Течение быстрое, шиверы. Обогнули большой остров и вышли к районному центру - селу Турочак. Река сжата с обеих сторон скалами. Место очень красиво. На отвесной скале, на высоте 40 м, высечен барельеф В.И. Ленина. Здесь последняя гора - Салоп (*распахнутый халат*) и с правого берега в реку вдаётся мощный гранитный мыс. Перед ним - большое кружало, в которое, если какое судно попадает, то долго кружиться в водовороте в тщетных попытках выбраться из него. Течение попыталось вынести нас на скалы левого берега (высокий карниз скал, под который вас влечёт течение с целью об эти скалы и разбить), но мы не дались, прижались к правому берегу, обманули порог и лихо пристали к берегу у магазина. Пока покупали хлеб, сидевшие на брёвнах мужики критиковали наши корабли. "На таких корытах по нашей реке сплавливать нельзя. Никак нельзя! Только самоубийцы могут сесть в такие лодки. Тонкая резина, сидите в воде, так что посудины не видно. Мы вон на каких лодках плаваем, считай, из брёвен сделанных, и то разбиваемся. Ни за какие блага в ваши не сядем! Мы, собственно никому и предлагали. Сели в байдарки и поплыли дальше.

Турочак - порт. Отсюда ходит пассажирская Ракета прямо до Бийска. Мы могли бы воспользоваться, но не стали. Пошли своим ходом.

Думали, пороги кончились, но нет. Остался ещё порог Кипяток. Здесь вода меняет направление и так разбивается о камни и скалы, что создается впечатление кипящей воды. Прошли его без особых проблем, хотя пропороть лодку о камни можно было запросто. Через 8 км прошли устье самого многоводного притока Бии - реки Лебедь. Встали лагерем.

Встали поздно, вышли после 12-ти. Бия расширилась, течение спокойное, скорость пешехода, 5 - км/час. Приходится постоянно грести. По берегам много сёл. Степь кругом. Река разбивается на протоки. Нужно соображать по какому лучше идти. На третий день прибыли в Бийск и поселились в знакомой турбазе. Позади 300 км по Бие и 200 км по Телецкому озеру. Итого: 500! Не плохо для начинающих водников.

Купались в реке, вода тёплая, загорали на песочке. Посетили слияния Бии (*господин*) с Катунью (*жена, барыня*), где образуется великая река Обь (*своенравие*). На базаре купили огромный арбуз, необычайно вкусный. Устроили прощальную пьянку и отправились на поезде домой: в общем вагоне до Барнаула, затем - к купе до Москвы.

Кузенский порог

В 1970 году мы с Идой вновь отправились на Алтай, на этот раз в стиле горного туризма. Преодолев множество хребтов и перевалов, посетив ряд озёр мы прошли от Эдигана, что на Катунь, до Балыкчи, что на Чулышмане. Затем вышли к Телецкому озеру, на теплоходе Пионер Алтая преодолели его и заночевали на турбазе в Артыбаше.

Сразу стало ясно, что из Артыбаша просто так не выбраться. Автобусов нет, грузовиков с туристами их Бийска тоже нет. Решили сплавиться по Бие на огромной лодке с туристами.

Вольшую лодку, ялик, или как её точно назвать, уселось 15 туристов, девица-инструктор на носу и лоцман-алтаец на корме, ну и мы с Идой и с рюкзаками. Поплыли. Я сидел на вёслах пока шли по озеру и потом на первых порогах. Потом уселся на корме и смотрел вперёд. Сплав решительно отличался от того, что испытывали мы четыре года назад, проходя их на байдарке. Теперь нашу лодку ни пороги, ни волны волновали – она лишь качалась и подпрыгивала. Девицы для порядка взвизгивали. Туристам было не хорошо, ночь не спали, плясали и квасили. Все были заторможены и постепенно приходили в себя. Большую часть порогов преодолели. Впереди показался Кузенский и паром перед ним. Паром с двумя грузовиками отделился от левого берега и с хорошей скоростью пересекал нам путь. Надо бы подождать, пока он пройдёт. Но нас несло быстрое течение. Лоцман направил лодку к правому берегу, надеясь проскочить между пристанью и паромом. Ошибочное решение. Я встал и попытался вырвать руль у лоцмана. Но не успел.

- Сейчас разобьёмся! - констатировал я в слух.

Причаливающий паром прижал нас к пристани. Лодка стала подниматься вертикально вверх, борта затрещали и стали сжиматься. Народ кинулся вверх по лодке, работая кулаками, пихаясь, хватаясь за свисающие с парома канаты. Один парень впрыгнул на плечи жены, оттолкнул ее и вскарабкался на паром. Инстинкт обезумевшей толпы во всей красе. Наш "Титаник".

Мне пихаться не захотелось. Я схватил штормовку, на которой сидел, и в которой были все наши деньги, вскочил на борт и рыбкой нырнул в реку в надежде оплыть паром. Куда там! Вода как ртуть, я даже не смог расправить тело. В какой позе нырнул, в такой поток меня и поволок. Понесло между двумя понтонами парома. Сильно било какими-то железными рёбрами по спине, я занырнул. Сквозь слой воды увидел свет в конце туннеля. Вынырнул и обнаружил, что я в кипятке порога. Из кармана выплыл паспорт, из него - фотокарточка и поплыли в Бийск. Я поймал то и другое и засунул обратно. Приподнял голову, чтобы не треснуться о какой камень, и мощно (мешала зажатая в руке штормовка) погрёб к берегу. На глубине выше колена встал. Несмотря на сильное течение стоять было можно. Посмотрел на паром. От туда с большой скоростью вылетали рюкзаки и спас-средства, на которых мы сидели и даже не пытались их как-то применить в деле. По порогу выстроилась цепочка наших шмоток. Из-под парома вылетела какая-то девица, её было пронесло мимо меня, но я быстро пошёл к центру реки, схватил её за куртку и потащил к берегу. Тут появилась вторая, но её до меня не донесло. Она сама встала на ноги и вышла на берег. Там упала и умерла - разрыв сердца на нервной почве. Тут я вспомнил, что у меня есть жена. Не дурно было бы поинтересоваться, что с ней стало. Не успел я сосредоточиться, как из-под парома опять что-то вынырнуло. Вроде Ида и не Ида, у супруги стиль плавания - пароход колёсный, а тут какая-то подводная лодка. Я пошёл на перехват. Это была Ида. Она встала передо мной и протянула мой очечник с очками. Когда она увидела, что я стою и прыгаю в воду, она тоже встала с теми же намерениями. Но стрингера разошлись и она, как гвоздь, ушла в воду. Затянуло её на глубину, так что она в отличие от меня все рёбра понтона пересчитывать не стала. Странно, но запасов воздуха ей хватило на всё подводное путешествие. Когда она вынырнула, то увидела плывущий знакомый очечник. Всё, что осталось от мужа. Она его взяла и теперь вернула мне. Сама отделалась легким испугом.

Появились лодки-моторки, стали вылавливать наши вещи и складировать их на берегу. Группа туристов стала подчитывать убытки. Погибли две девицы, одна, которую я видел, на берегу, вторая по понтоном. Она схватилась за свисающую с понтона верёвку, схватилась мертвой хваткой. Её уволокло под понтон, но она верёвку так и не выпустила (говорят, боялась, т.к. плавать совсем не умела). С огромным трудом её вытащили на понтон, но было уже поздно, она захлебнулась. Ещё несколько человек сильно повредились. Нам порекомендовали отойти подальше: мы в лодке были незаконно. Нас и не было, мы ушли метров за 100. За туристами пришла машина и всех увезла. А мы остались. Мы, вроде, как не причём.

Сели мы среди развала брёвен и стали горевать. Как мокрые курицы. В буквальном смысле. Всё мокрое: и одежда, и спальники. Тяжесть неподъёмная. Но главное - у меня расплосована спина. Кровоточит. Шрам потом остался на всю жизнь. Врачи интересуются: откуда? Я даже на Алтай обиделся, ну опасности, трудности пути, скалы, пороги - это понятно. Меня пугают, мне не страшно. Но калечить то зачем?! Приключения должны быть, но они должны кончаться благополучно, без увечий. А раны - это ни к чему, это не правильно.

Помощи нам оказать никто не подумал: дикари они и в Африке дикари.

Стали мы ставить палатку, развесили на брёвнах шмотки на просушку. Но, как иногда бывает, появился спаситель. В лице молоковоза. Мужик тормознул возле нас и предложил подкинуть до Турочака. Погрузились и поехали. Последовательно посетили несколько ферм, там в кузов нам грузили большие бидоны с молоком. Привёз нас домой, покормил, снабдил йодом и чем-то вроде бинта. Мы у него переночевали. Денег он не взял. Мир не без добрых людей! На том и держимся...

В Турочаке погрузились на "Ракету" с подводными крыльями и полетели в Бийск. На Кипятке и шиверах пассажиров пройти но на нос, то на корму: вывешивали корабль, чтобы не разбиться. В Бийске пошли на вокзал, там билетов на Москву не оказалось. Сели в поезд на

Новосибирск, а там пересели на проходящий поезд. Ехали в общем вагоне, сушили шмотки и лечили мне спину. Ида читала журнал "Новый мир".

Тюнгур

Очередное наше с Идой путешествие по Горному Алтаю состоялось в 1974 году. Маршрут: Горно-Алтайск – р. Катунь в верхнем течении – Тюнгур – Кучерлинское озеро – подножие горы Белухт (Аккемская стена) – Аккемское озеро – Катунь.

На автобусе из Горно-Алтайска сначала по Чуйскому тракту добрались до Усть-Кана, затем, по второстепенному шоссе добрались до Усть Коксы, что в верховьях Катунь. В этих местах художник Рерих когда-то искал страну Шамбалу, но, похоже, не нашёл. Мы перешли по всяческому мосту через Коксу и в березняке заночевали в палатке.

Нам надо двигаться дальше. Дорога есть, но до Тюнгура (64 км) небольшой автобус лишь изредка. На наше счастье утром его подали и мы попытались в него сесть. Не тут-то было. В небольшой и вполне потрёпанный жизнью транспорт ломанулась толпа активных пассажиров. Иду я пропихнул внутрь, но пока возился с рюкзаками, оказалось, что для меня (и дюжины других жаждущих) места нет. Мотор завёлся. Я как-то зацепился за косяк и возопил:

– Жену увозят!

Помогло. Народ врубился в драматизм ситуации и потеснился. Дверь почти закрылась и мы поехали. Дорога грунтовая с зигзагами, трясёт, качает, груз то идёт вперёд, то осаждаёт назад. Утряска и усушка. Смог даже встать на обе ноги и вдохнуть. Местами транспорт застревал, мы вылезали, толкали его. Благодаря биодвигателю мы благополучно достигли Тюнгура. Места примечательного и широко известного. А я о нём ещё в детстве слышал.

Тюнгур – шаманский бубен по-алтайски. Село расположено на левом берегу реки Катунь, напротив устья реки Кучерлы. Турбаз никаких нет – остановиться негде. Моста нет, но есть паром.

Об этих местах слышал с детства. Тут случилась засада крестьян, восставших против большевиков. Именно здесь был полностью вырезан отряд красноармейцев под командованием Сухова. Это в каком-то смысле наша семейная история. Мне об этих местах много рассказывал отец, прививая любовь к Алтаю. Так что я тут оказался во многом из-за его баек. Он – вольноопределяющийся и царский офицер, перешёл на сторону большевиков (на сторону народа, как он полагал), стал красным бароном и с тяжёлой артиллерией отправился бить Колчака (о чём потом жалел всю оставшуюся (85 лет) жизнь). Наступление шло хорошо, Колчак бежал, но крестьяне, не поняв своего счастья, подняли восстание, и красную армию хорошо прошерстили. Включая тот самый отряд, в который входил мой отец

Победоносный отряд Красной гвардии, состоявший в основном из бывших шахтёров Кузбасса, с народом справиться не смог, ушёл в бега, дёрнул к Чуйскому тракту, чтобы по нему свалить в Монголию и там отсидеться. Отец со своей артиллерией перемещался по Иртышу: Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Зыряновск. С Суховым он не пошёл (в воинский талант шахтёра он не верил, с крестьянством воевать не хотел, да и в Монголию не стремился). Он из Чёрного Ануя перебрался на реку Бухтарму, где просидел всё восстание в бане предводителя староверов, под крылышком его дочери, исполнявшей обязанности любовницы красного командира (коса у ней была ниже попы, в руку толщиной). Потом я не особо удивился, когда узнал, что в Сибири много людей с фамилией Бекман! Кстати, предводитель о шалостях дочери ничего не знал (гонялся за большевиками по всей округе), но когда его повязали, то оказалось, что он не так прост: спас красного командира у себя в бане (расстреляли его уже в 30-х годах).

Движению отряда Петра Фёдоровича Сухова (фамилия, как у героя фильма Белое солнце пустыни: случайно или нет?), местные крестьяне оказывали пассивное сопротивление: угоняли скот – преимущественно лошадей. Сам Сухов в своё время был исключён из гимназии за политическую неблагонадёжность, повоевал на фронте с немцами, где вступил в большевистскую партию. В предгорьях Алтая он оказался командиром сводного двухтысячного красногвардейского отряда, который в течение двух месяцев вёл борьбу с кулаками и белогвардейцами. Надо полагать, не слишком удачно. Поскольку число бойцов в отряде уменьшилось на порядок. Отбиваясь от нападавших, красногвардейцы Петра Сухова продвигались по Уймонскому тракту. За неделю преодолели 250 км. Но белогвардейский отряд под командой поручика Любимцева, поддерживаемый местным населением, в 7 километрах ниже с. Тюнгур на обоих берегах Катунь устроил две засады. 10.08.1918 отряд в составе 253 бойцов вышел Тюнгура и двинулся по единственно возможной дороге к Чуйскому тракту. Сухову, конечно, не пришло в голову выслать вперёд разведку. А дорожка была настолько узкой, что красногвардейцы двигались цепочкой, ехали друг за другом по узкой горной тропе. Справа от нее несла свои бурные волны Катунь, слева – нависали скалы горы Бай-Туу. Когда весь отряд въехал в узкое катунское ущелье, спереди и с противоположного правого берега реки обе засады открыли сильный огонь из винтовок и пулеметов. Сжатый со всех сторон отряд Красной гвардии не имел возможности укрыться от губительного огня противника. Отряд понес большие потери. Те, кто повернул назад в Тюнгур, были встречены огнем местных казаков. Красногвардейский отряд Петра Сухова был разбит. Оставшиеся в живых бойцы с наступлением сумерек в одиночку и небольшими группами

взбирались на крутые скалистые склоны горы Байтуу. Однако спастись удалось немногим. Небольшая группа красногвардейцев с помощью пастухов-алтайцев прорвалась к пос. Усть-Иня на Чуйском тракте, но была встречена отрядом Малкина – выходца из нижнеуймонских купцов. На четвёртые сутки местные жители выловили две группы красногвардейцев, потерявших ориентировку в горах. В одной из них находился Сухов. Все красногвардейцы были сданы казакам и немедленно ими расстреляны. Сейчас П.Ф. Сухову и 144 красногвардейцам его отряда в Тюнгуре установлен памятник. Это самая большая братская могила в Горном Алтае.

Дело шло к вечеру, пора было начинать маршрут, для чего следовало преодолеть Катунь. Река тут не слишком бурная, но широкая и с сильным течением. Подошли к парому и пообщались с паромщиком. Тот сообщил нам интересную новость: на Алтае жарко, сухо, дождей нет, тайга горит, туристов запрещено переправлять через реку, особо – диких. А вы, похоже, таковы и есть. Вот тебе бабушка Юрьев день! Надо было срочно принимать меры. Я дал взятку! Первый и последний раз в своей довольно долгой жизни. Сначала хотел отдать ему фляжку с медицинским спиртом. Но пожалел: мало ли что! В тайге деньги мне не нужны, а спирт пригодится, да ещё как! Достал сотню и отдал мужику. Этой суммы должно хватить на пол-литра и небольшую закуску. Подобный поступок прославил меня, если не на всю жизнь, то на много лет. Гуляя по Алтаю я не раз слышал легенду, как один чужак-москвич дал взятку в тысячу рублей за принципиально бесплатную операцию – переправу на пароме. Если её когда услышите, так знайте – это был я. Правда, выше пол-литра водки мы с паромщиком подняться не смогли, тысяча рублей – это легенда.

Теперь пожарную угрозу мы не представляли. Быстро и без потерь мы были переправлены через Катунь. Паром – катамаран с железными гондолами и деревянным настилом. Бодро ходит между берегами без всякого двигателя. Прошли по правому берегу немного вперёд, разбили палатку, развели костёр, и Ида занялась ужином. Я же прогулялся на пару километров вниз и полюбовался рекой. Где-то там километров 15 отсюда (на 5 км ниже Аккема) много лет назад в экспедиции я сидел на камне и фотографировал спуск туристов на плоту по Аккемскому сужению.

Аккемское суженье

Здесь долина широкая, Катунь уже преодолела первые 260 км, теперь монотонно катит свои воды, можно спокойно плыть на лодке и, кажется, ничего тебе не угрожает. Однако, угрожает и ещё как! Ибо там, за поворотом есть каньон, русло сжимается между Катунским и Теректинскими хребтами, река бушует, вода вскипает. Называется порог "Аккемский прорыв" или "Аккемская труба", пятая категория сложности. Тихо-спокойно на байдарке минуете устье Аккема справа и тюркских каменных баб слева, проходите два острова и внимательно (не прозевать!) ищите взглядом избушку-летник с полуразрушенным овином. Всё! Дальше байдарке пути нет. Там крутой поворот реки налево и начало порога. Немедленно к берегу, вытаскивайте лодки, пакуйте, вызывайте лошадей и отправляйтесь домой. Кто советов не слушает, или вообще ворон считает, не обращая внимания на приметы, тот преимущественно гибнет. Много здесь таких умных было... Теперь нет.

Но если плоты десантные, то можно попытаться пройти. При хорошем опыте таких приключений, естественно. Идти приходится сразу, разведка невозможна, на крутой берег не только высадиться трудно, к нему вообще приближаться нельзя – разобьёт. Это порог каньонного типа, с большим уровнем падения воды и валами до трёх метров. Русло сужается до 15 метров. Имеет место пять мощных сливов и на выходе из порога три слива поменьше. Протяженность порога пять километров. На входе в порог, при левом повороте реки, течение наваливается на правый берег, а затем переходит к левому берегу чередой валов высотой 2-3 метра. На переходе – зубы скал при большой глубине (не встать!). Затем участок спокойной воды. На следующем пологом левом повороте почти по середине реки стоит большой камень и делит русло реки на два потока. Основной поток левый. За камнем вдоль левого берега валы высотой до трёх метров. Затем идёт серия валов, пересекающих русло реки справа налево. После этого основная струя с валами до двух метров идёт под левым берегом. Порог заканчивается перед устьем притока.

Обычно тут хоронят незадачливых водников.

Говорят, если срубить ёлку и направить её в Аккемское сужение, то она вылетит без веток и даже без коры. Не знаю, я таких экспериментов не проводил.

Так вот. В давние времена сидел я недалеко от входа в сужение на камне в виде трона, болтал ногами, размышлял о смысле жизни и своём месте в нём. Возник спасательный плот. Многосекционный. Оборудован он был хорошо. Все вещи в клеёнчатых мешках, крепко привязаны канатами, крест-накрест перекрывающими плот. На нём сидели четыре мужика со спас-жилетами и в касках, и активно махали короткими однолопастными вёслами. Мужики довольно старые, лет по сорок; зубы выбиты, опытные, видать. Возле меня они тормознули и протянули мне киноаппарат, чтобы я снял их мастерский проход через порог. Я согласился и побежал вниз по-над речкой, как заправский оператор. Занял позицию и включил камеру. Плот бодро вошёл в порог. Он осмысленно держал путь. Но не долго. Его завертело, треснуло о камень (одна секция лопнула, но остальные устояли) и понесло на скалы. Одна скала имела неизмеримую высоту, и к тому же

отрицательный уклон. На неё и кинуло плот. Он сжался, как мячик, застрял было в щели, но отскочил и перевернулся. Спортсмены, мелькнув в воде, исчезли. Плот запрыгал по волнам, как яркий поплавок. Со всех ног побежал я за ним. После порога, на очередном повороте, песчаная коса. На неё вынесло плот.

Ещё в воде плот зашевелился и оторвался от воды. На берег вышел мужик, шатаясь из стороны в сторону и спотыкаясь. На голове у него, как тюрбан, красовался плот. Плот подскакивал и бил его по каске, которая так низко спустилась на лоб, что казалось – кости сплющились. Когда плот перевернулся, всех снесло, а он остался под плотом, схватился за канаты, и поднимая плот на волны, глотал воздух. Так и прошёл порог.

Я помог ему освободиться от транспортного средства. Постепенно подтянулись пловцы. Некоторых унесло на десяток километров. Все живы и, в каком-то смысле, здоровы. Труден сухопутный маршрут по камням, кустам и осыпям. Обсудили актуальную тему: дадут мастера спорта СССР за проход Аккемского порога или зажмут? Порог пройден? Пройден! Не все остались на плоту, но один с ним. А на плоту или под плотом, о том ничего в спортивных законах не сказано. Моряк и под крейсером моряк! Я уверил их, что зачтут. Если кино получится.

Озеро Кучерла

Вернулся к палатке, поужинали и завалились спать.

Пыхтя и отдуваясь пёр я в гору сорокакилограммовый рюкзак. Пройдя километров 50, с промежуточной ночёвкой, достигли мы Кучерлинского озера. Выбрали симпатичное место, организовали лагерь и начали ходить на экскурсии (в радиальные маршруты). Утром лежал в палатке и размышлял. Всё же странно: мы тут гуляем уже неделю. А не встретили пока ни одного двуногого и ни одного четвероногого. Какая-то абсолютная безлюдка. Всё же я не первый раз на Алтае, можно сказать перечеркнул его во всех направлениях, но так, чтобы никого не встречал несколько дней – такого не было. Тут – заповедник, егеря, лесники должны навещать, тем более сухо, гореть может всё. Пограницы должны документы проверять у всех здесь шатающихся. Всё же Китай и Монголия рядом. Пастухи овец туда-сюда гоняют. Всадники по своим делам куда-то мчатся. Но главное – туристы. Место здесь бойкое, места красивые, довольно доступные. И серьёзные восхождения начинаются отсюда. И никого! С одной стороны это хорошо, можно отдохнуть от шума-суеты и быть естественным на естественной природе. А с другой стороны как-то беспокойно: случись что – никто не поможет.

Не успел я додумать эти мудрые мысли, как раздался шум, смех, свист и на нашу поляну ворвалась группа туристов-альпинистов. Пришлось вылезать и общаться. Они из Свердловска, встали на большой стоянке на севере озера. Собираются на перевал Титова и далее на Белуху. Обменялись картами-схемами. У меня с этим делом плохо, а у них ещё хуже. Куда идут, смутно себе представляют. Тащат они много груза, один – на плечах даже вьючник (роль мерина исполняет, интересно долго он так продержится, на вершину этот ящик ему не поднять). Было у них и ещё много чего. На мой взгляд – лишнего. Например, три мешка воблы. Ценная вещь, деликатес, давно не пробовал. Даже с пивом.

Альпинисты умаялись. Поняли, что с грузом у них перебор. Радостно подарили они нам полмешка воблы. Можно сказать, она на нас с неба вобла упала. Не знаю, как мы её попрём. Бросить, однако, жалко. Пригласили нас отобедать. К вечеру собрались и ушли. Мы опять уселись у костра. Солились воблой. Налетел ветер, вскоре с севера прибыли чёрные тучи. Пошёл дождь, а затем гроза. Классическая. Яркие молнии сверкали в ночи, ударяя, иногда горизонтально в скалы. Обрушился ливень, прямо потоп какой-то. Хорошо тент натянул над палаткой. Но всё равно крыша протекла. Под нами хвоя и песок, так что сразу наш дом не снесёт. Ночью, перекрывая гром, раздался мощный грохот. При свете молний увидел, как с противоположного берега сошла лавина (сель?). Вода в озере закипела. Наш берег довольно плоский, такого катаклизма не ожидается.

Горный туризм

Утром дождь продолжался, мелкий и противный. Довольно холодно. Вылезать из спальника не хотелось, но нужда заставила. Собирались в этот день на Аккем, но отложили. Сырость кругом, тропы размыло, камни скользкие. Устроили ещё одну днёвку. Воблой забавлялись. По погоде, нужно было бы ещё один день посидеть, но время уже поджимало. Продукты, в принципе, ещё есть, но окончание их наметилось. На следующий день собрали вещи и тронулись в путь. В принципе, можно было бы спуститься вниз по Кучерле, потом через перевал Кара-Тюрк перебраться в долину р.Аккем, подняться к озеру Аккем и далее к Аккемской стене Белухи. Но мы решили рвануть прямо по горам. По азимуту, на восток.

Встали довольно рано. Для нас рано: мы встаём довольно поздно, когда палатка прогреется. Но тут ждать тепла не стали. Позавтракали, навьючились и побрели. Погода: переменная облачность и кратковременные дожди. Пространство мокро, ноги скользят, идём в резиновых сапогах. Вошли в лес. Ориентироваться просто – выбирайся из долины стоя к озеру

задом. Какие-то тропы попадались, при случае мы ими пользовались, но без ажиотажа – поднимались по ручьям и распадкам. Тропы сильно забирали к северу, видимо на перевал Кара-Тюрек. Нам туда не надо. Мы – по прямой (в реальности – ломанная кривая).

Лес довольно густой, кедры и лиственница. Захламлён упавшими деревьями, но не сильно. Двигаться можно, местами даже приятно. Хотя, в принципе, тропы Алтая, есть тропы Алтая, без них невозможно. Альпенштоков у нас нет, тростью служил кол от палатки, вещь во всех смыслах полезная. У Иды он имел вид царственного жезла. Иногда нам путь преграждали потоки воды, стремящиеся в долину. Мы шли в резиновых сапогах, от воды это не всегда спасало, но ноги скользили и мозоли на них натирались. Вдали мелькали водопады, но мы их обходили стороной.

Постепенно, постепенно, кряхтя и охая, потев и отдуваясь, выбрались мы на водораздел. Лес кончился, началась берёзка, кедровый стланик, курумники и осыпи. Иногда скалы – останцы. Идти не стало легче, но дорожное покрытие сильно поменялось, потому хромать мы стали по-другому.

Оказавшись на оперативном просторе, я огляделся. Кругом были горы. Реальная горная страна, не хуже страны Черского в Якутии, по которой я долго бродил. Горы высокие, все в снежных шапках, с ледниками и трещинами, а ещё, поди, с ледовыми стенками. С них станется. Встал вопрос: куда нам плыть? Куда конкретно мы движемся?

Тут по Визбору:

Снова нас ведут куда-то

И не ясен нам маршрут

Видно, горы виноваты -

Снова в гору и по тропам

С рюкзаками за спиной.

Груз под силу лишь циклопам!

– Мама, я хочу домой!

Всё правильно, только когда тебя кто-то ведёт куда-то и знает точно куда – это одно, а когда ведёшь ты сам и не знаешь точно куда – совсем другое. Тем более, что ведёшь ни кого-то, а собственную жену: боевую подругу и критика.

В экспедициях я водил отряды, по сложным и длинным маршрутам. Но там у меня были карты любых масштабов и аэрофотоснимки (стереоскопические, у некоторых кружилась голова и тошнило, когда они их рассматривали). Был, наконец, компас и не простой, а с отсчётом азимутальных углов. Здесь у меня ничего такого не было.

Если бы у бабушки колёса, то это была бы не бабушка, а дилижанс.

Если бы у меня были карты и система ориентировки на местности, то я бы был профессионалом, а сейчас я путешественник-любитель. Даже не турист. Туристы регистрируются и идут на разряд: третий, второй или даже первый. Мы и Идой свободные люди – легим, куда хотим. Осталось выяснить, куда конкретно. Понятно, что на восток, только где этот восток? Компаса у меня нет. Есть твёрдые знания, что утром солнце на востоке, днём на юге, а вечером на западе. Первое время это помогало. Поскольку были часы, и они шли. Но потом я с ними искупался и они встали. Страны света определял по высоте солнца над горизонтом (когда оно выглядывало из-за туч): если оно низко, и я, выползая из палатки, не могу глаза продрать, значит оно на востоке, если стало жарко, а моя тень укоротилась – значит оно на юге, а если низко, а я устал и спать хочется – значит на западе. Такие знания позволили мне вести свой небольшой караван куда надо.

Я, конечно, в Москве провёл два дня в турклубе. Читал отчёты туристских спортивных групп, что-то выписывал, и переводил схемы на кальку. Сведения были отрывочными, зарисовки туристы делали примерные, часто они забредали куда-то не туда, а куда – сами не знали. Теперь я разглядывал какие-то чёрточки, изображавшие хребты, точки вершин и пунктир проходов (их проходов, а не тех, по которым надо идти по оптимальному маршруту). Хуже всего, что зарисовки одного и того же района в разных отчётах противоречили друг другу. Решительно противоречили. Ориентация по странам света у них произвольная, нигде не указанная. Ни кому и ни чему верить нельзя. Это – пособие для шпионов – заманить их сюда на верную гибель.

Устроили привал. Перекусили шоколадкой и воблой. Попили горячего чая. Обычно так не делаем, но лес кончается, примуса у нас нет, неизвестно, когда костёр удастся развести.

Теперь я знаю, что в здешних краях есть перевалы: Кара-Тюрек, Рижский, Буревестник, Рига-турист. Но тогда я только предполагал, что они есть, но где они и в каком порядке их следует преодолевать и каким категориям они относятся не имел ни малейшего понятия. Тем более не знал, как они называются. Всё же мы в конце концов перевалили через Катунский хребет, но по каким перевалам?!

Ой, где был я вчера, не найду, хоть убей,

Только помню, что стены с обоями,

Думаю, что места, где мы переваливали нужно назвать перевалами Бекмана. Знать бы только, где они есть.

Где восток я примерно представлял; нельзя валиться ни на север, ни на юг. Особенно на юг. Но туда и не попадёшь: горы под 4000 м. сплошной стеной, ледники. Они нас не пустят. И не

пустили. Я говорю об общем маршруте. В реальности всё сложнее – не по степи на коне скачешь. Всё определяли распадки, ручьи-речки, отроги хребта и сам хребет. Мы сильно петляли, но держали курс на восток. Другое дело, что, не зная где перевалы, часто переваливали, где придётся, штурмом беря преграды (бывало – и через вершины).

Хоть мы и петляли (*бешеной короле семь вёрст - не крюк!*), но добрались до Аккема.

Вы, ребята, так не делайте. Соберётесь гулять по алтайским краям – обзаведитесь картами и компасом. Даже не смотря на то, что теперь там тропы и дороги.

Лес ещё попадался, но на выходе из ущелий (часто, выбравшись из одного, мы проваливались в очередное, теряли высоту и долго выбирались из него, чтобы провалиться в следующее) начались луга. Пастбищ, однако, было мало – заросли кедрового стланика и карликовой берёзки. То и другое – большая гадость. Резко тормозит движение. В полукедах не пойдёшь – все ноги ниже колен будут побиты и поцарапаны. Приходится идти в резиновых сапогах, хотя болот мало и ручьи редко встречаются. Скользишь и ноги преют.

Периодически наш путь пересекали каменные реки – курумники, иногда из небольшого камня, иногда из огромных глыб. Приходилось прыгать с одной на другую. Дело опасное – с тяжёлым рюкзаком можно хорошо навернуться. Однажды резко поднял рюкзак на плечи, а нога застряла меж камней, чудом её не сломал, но она покрылась синяками, пришлось хромать. (Хороши мы были, если бы я сломал себе ногу!).

Мы не столько пересекали курумники, сколько поднимались по ним, набирая высоту. Курумники чередовались с осыпями, местами очень противными: катишься с них и ждёшь лавины – с них станется. На многие локальные перевалы взбираешься именно по таким осыпям. Ну и, естественно, скалы, скалы кругом, чтоб им пусто... Стоят, как драконовы зубы. Щели между ними иной раз такие узкие, что рюкзак застревает.

Высота начала сказываться: что-то около 3000 м. Дышать тяжело, хватаешь воздух ртом, как рыба на суше, сердце бьётся где-то в горле, иногда кажется, что теряешь сознание. Не просто гуляешь, а тяжёлый груз тащишь, как тот грузовик. Растренировался в московской химической жизни, да и акклиматизации не было ни какой. Проблема с Идой, точнее – с её астмой. Перед перевалом она глотает горсть таблеток-порошков и – вперёд. Иногда я взбираюсь наверх, бросаю свой рюкзак, и спускаюсь вниз за рюкзаком подруги. В исключительных случаях переносу Иду через ручьи на руках.

Всю дорогу шёл мелкий дождь, налетал туман, а то и облака-тучи. С ориентацией в пространстве и так было туго, а тут вообще завал. Надо было бы бросить рюкзаки, посадить на них Иду и сходить в разные стороны в разведку. Но так делать нельзя. Категорически нельзя! Опыт предыдущих походов-экспедиций мне это экспериментально доказал. Бросишь что-то у заметного дерева или камня, отойдёшь на километр и всё! Вернёшься и ничего не найдёшь, в 10 м пройдёшь и не заметишь. Местность рельефная, не просматривается, а деревьев целый лес и камней полно, где твоё сокровище не определишь. Расставаться категорически запрещено. Даже по нужде. Всегда должен быть видовой или звуковой контакт. На ледниках лучше вообще связаться верёвкой (если она есть) или навесить перила (если есть из чего и есть настроение этим заняться). Как опытный путешественник отходил я от Иды (она весь маршрут шла впереди меня, чтобы я видел, что она ещё не потерялась) недалеко и оптимальный маршрут проложить не мог.

Лезли и лезли мы вверх, где получится, казалось – вот он перевал, но нет – снова подъём (*эх раз, ещё раз, ещё много, много раз*). Это ещё хорошо, если подъём всё время, это перспективно, а то – как по гладильной доске, поставленной под хорошим углом к полу. То, что преодолел перевал, узнаёшь по крутому спуску, по которому скользишь на полусогнутых, или просто катишься, а потом снова лезь куда-нибудь.

Пошли снежники. По ним идти легко, правда, лучше сменить резиновые сапоги на горные ботинки (Увы! У нас их нет). Хуже, что пошли ледники с трещинами в неожиданных местах. В них падать не хотелось (я уже в ледниковых щелях бывал, мне там не уютно). Лезть по леднику круто вверх тоже неприятно. Однажды врубился в какой-то кулуар. Сели отдохнуть. Пора идти. Я протянул руку и сдёрнул Иду с камня. Тут же на этот камень свалился крупный бульжник. Хотел попасть, но промахнулся. Нам повезло! Когда шли по этому извилистому кулуару с ледяными стенками всё время то впереди, то сзади падали камни, иногда случались осыпи. Опасный проход сквозь ледопад. Когда-нибудь какую-нибудь зазевавшуюся группу здесь засыплет и кого-то побьёт. Лучше сюда не соваться, хотя, в принципе, кулуар ведёт куда надо.

Перевалы, что мы преодолевали, технически не очень сложные. В экспедициях встречались много сложнее, но там была экипировка и хоть и не полное, но всё же альпинистское оборудование. Без него дома сидеть надо.

*Дома все же как-то лучше,
Ну а здесь придется нам
Целый день бродить по кручам,
По ужасным ледникам.
Будем ползать постоянно
По веревке основной*

*И питаться кашей манной,
– Мама, я хочу домой!
Не хочу я каши манной,
– Мама, я хочу домой!*

Манной каши у нас не было – Ида ей объелась в своём военном детстве. Верёвки ни основной, ни какой-либо другой не было, хотя целый день бродили по кручам и ужасным ледникам. Домой пока было рано.

О! Если бы у нас были верёвки, карабины, горные ботинки с кошками, шлемы, альпенштоки, ледорубы, примус с бензином, толстые перчатки (для передвижения по льду на четвереньках)... Мы бы показали класс! *Если бы у бабушки были колеса...*, кажется, я об этом уже вспоминал. Ничего у нас не было. В руках – палки от палатки (при случае – топливо до костра). У Иды – тёмные очки, защита от палящего солнца и альбеда от снежников. Жаль только, что на перевалах всё время дождь шёл, переходящий в снегопад. Солнца нет. Из горного оборудования – это всё. Зато на мне висел фотоаппарат Zenit с мощным объективом, киноаппарат в футляре (фильм склеил, один раз посмотрел, теперь бабины с плёнкой валяются где-то на балконе). Всё это болталось, билось друг о друга и об меня. Мешало идти. Плёнки отсырели, слиплись; фотографий потом получились плохими.

Итак, настало время главного перевала (или перевалов – мы не знали, сколько их впереди, но высота и нехватка воздуха предсказывали что-то серьёзное). Заночевали на грани кержача. Набрал что-то горючее, развёл костерок. Заварили бульонный кубик, вскрыли банку тушёнки, с чаем употребили банку сгущёнки. Груз уменьшился. Тут надо не перестараться: кто знает, сколько дней займёт преодоление Катунского хребта. Тем более – дождь всё время, скользко, палатка мокрая и тяжёлая.

Встали с рассветом и попёрли. Полезли по сыпучей насыпи на провал в хребтике. Ничего особенного, но каждые десять метров приходится останавливаться и отдуваться, рюкзаков не снимаю. Ида идёт впереди, сыпучка сыплется, камни, выбитые её ногами, проносятся мимо. Да они и мелкие. На перевал взобрались и рухнули. Устали: всё же набор высоты с 1200 до 3000 м. После такой тренировки сбегать налегке по ГЗ МГУ с подвала до шпиль и обратно – детский лепет (правда, за 60 лет я так и не собрался это сделать).

Основная неприятность – дождь с порывами ветра, периодически сменяющийся снежными зарядами, клубы облаков и тумана. Катунский хребет возвышается на 1000 м над соседними хребтами, поэтому притягивает тучи со всего Алтая. Дождь – обычное дело, но снег и мороз летом, это – перебор, мы на это не рассчитывали. Нам даже прикрыться нечем.

Мы не просто устали – мы выбились из сил. Рухнули, где стояли. Чуть отдышались, закусили шоколадом с воблой. Задерживаться здесь и приходиться в себя здесь невозможно. Погибнем во цвете лет. Пора валить!

Посмотрел на спуск. Думал – культурно слезем. Ага! Как же... Спуск оказался под снегом. Покров 5-10 см, местами глубже. Вот бы где перила не помешали!

Сделал шаг – полетел, почти как на крыльях любви. Хотя и не совсем. Сначала кубарем, потом на рюкзаке, потом на заднице. Тело моё пострадало, копчик месяц болел. Плохо, что меня не просто снесло вниз, но с сильным загибом вправо, так что Иду я не видел и не мог её предупредить, что бы она так не делала. Как-то затормозив палкой, сбросил рюкзак, пошёл по склону, чтоб увидеть подругу. Правильно сделал. Сверху послышался шум и писк, и возникла подруга с рюкзаком в качестве санок. Она бы пролетела мимо, но я в мощном броске ухватил её за полы штормовки и удержал. Вроде она не сильно побилась, главное – голова цела и переломов нет.

Перевал мы технично взяли. Не каждому такой стиль удастся.

Нужно продолжать спуск дальше, до леса ещё далеко. Видимости почти никакой, но понятно, что везде обрывы. Где спуститься, чтобы остаться в живых не ясно. Забились под нависшую над склоном скалу. Надо подождать, не прояснится ли что, хотя надежды мало: дело, поди, идёт уже к вечеру. Нарубил наши палки-альпинштоки на щепки и соорудил небольшой костерок. Поджёл их таблетками сухого спирта. Палки для палатки из сырого дерева, горят плохо, но всё же горят. Растопили снег и довели воду почти до кипения. Закусили последней шоколадкой и галетой. Воблы уже не было. А дальше что? Никаких перспектив...

Промокли мы полностью. Что-то не припомню, что бы ещё когда так промокал. Даже с трусов вода течёт. Судя по весу, в рюкзаках тоже всё мокро. Уже это не хорошо, но хуже, что стало холодать и мы постепенно покрывались льдом. Последствия ожидаемы. Два варианта: двинуться вперед и полететь вниз, переломав по дороге кости, или сидеть на месте, ожидая, что представление кончится, и ещё до темноты мы увидим свой оптимальный путь. А где гарантия, что не умрём?!

Сегодня мы так наломались, что даже по степи далеко бы не ушли.

Сели мы на рюкзаки, прижались спинами друг к другу и стали ждать решение Судьбы. Шансы погибнуть здесь велики. Зато тогда может кто поставит в нашу память тут крест, или установит дощечку какою, с посвящённой нам надписью. Слава будет. Как всегда надежда на

Авось, знаменитое русское авось, хотя и не понятно, на что тут надеяться. Похоже, к утру мы превратимся в ледяные столпы.

Авось живы будем, авось помрём.

Авось кривая вывезет.

Авось Бог поможет.

Авось — вся надежда наша.

И что ещё такого умного припомнить можно?

Раздался лай собаки. Возникла где-то внизу в снежной пыли. В просветах видно, что лохматая, пастушья овчарка крутится вокруг себя и лает то на нас вверх, то вниз. Через некоторое время чуть ниже её нарисовался человек, алтаец. Он поприветствовал нас и жестами руководил нашим спуском. Мы спускались по осыпям, защищённым скалами от снегопада. Кстати, и осадки здесь уменьшились и порывы ветра ослабли. Шли мы на полусогнутых, приседая и падая, но успешно теряли высоту. Поравнялись сначала с собакой (настоящая альпинистка), а потом и с мужиком. Он пригласил нас следовать за ним. Мы последовали за спасителем.

Преодолели метров 200 по серпантину и обнаружили лошадь на аркане. Парень (при ближайшем рассмотрении это оказался парень призывного возраста) отвязал мерина и уселся на него

– Рюкзак давай, – крикнул он мне.

Поскольку о моём не могло быть и речи, то я схватил Идин и метнул. Парень не ожидал такого подарка, он и представить себе не мог, что дама может таскать такую тяжесть, да ещё по местным горам. Рюкзак, как ядро, ударил парня в грудь и его, с коня, как ветром сдуло. Он закувыркался по карельской берёзке, которая здесь уже появилась. Хорошо, что он ехал без седла и ноги были не в стремях. А то бы он своим телом пересчитал бы все окрестные камни и кочки. Как я в Якутии, да и здесь на Алтае. Лошадь оказалась спокойной, не понесла, продвинулась вперёд и встала. Парень взгромоздился на неё, обняв Идин рюкзак. Мы двинулись дальше. Собака впереди. Где-то через километр появилась тропа и по ней мы пересекали зону курумников. Появились кусты кедрача, и, наконец, небольшие деревья, средь мелкой травы. Погода то ли начала налаживаться, то ли в местной долине она всегда лучше, но осадки кончились. Темнело, появилась луна, большая и мощная, как прожектор. Она изредка выглядывала из-за туч. Слева по ходу возникла высокая пирамидальная гора с висячим ледником. Её высота по моим оценкам где-то 4000 м. Потом исчезла в облаках.

Была уже ночь, когда мы достигли стойбища пастухов: лошади и овцы, возможно, есть маралы и коровы, но сразу не видно. Круглые войлочные юрты. Довольно большие. Алтаец представился:

– Авраам!

– Линкольн?! – поинтересовались мы.

– Да! А откуда вы знаете? Вот какой я известный человек, – похвастался он подошедшим колхозникам, – даже в Москве обо мне знают!

Он ввёл нас в свою семейную юрту, там хлопотали две его жены, одна существенно моложе другой. Вдоль стены – навалы тюфяков и одеял, есть невысокие столы и подушки при них. В центре ярко горел костёр, дыма было мало, он поднимался вертикально вверх и уходил в отверстие юрты. Было тепло. Мы разделись до уровня приличия (никто на нас не обращал внимания, могли бы разоблачиться полностью, что было бы полезно, ибо мы истинно промокли до нитки и сильно озябли). Раскидали спальники, развесили часть шмоток, а что-то актуальное держали в руках, махая над костром, следя, чтобы они не сгорели.

Для начала нас угостили айраном, а потом плотно накормили мясом и толстыми вкусными лепёшками, напоили чаем из местных трав и листьев.

Тут мы обнаружили, что мы больны. Оба! Слабосильная команда.

И у меня и у неё высокая температура (градусника, естественно, нет), трясёт, насморк и кашель. У Иды ещё астма и что-то женское, случающееся регулярно, но всегда не вовремя, мешая семейному сексу. У меня ещё и ухо надуло.

То понос, то золотуха.

Проглотили пол-аптечки, выпили горячего молока с мёдом и какими-то травами, запили спиртом, и остатками его натёрли груди-спины. Завалились спать на хозяйские ложа.

Утром проверил, не отвалился ли часом во вчерашних передрыгах мой член. А то он перед сном был исчезающее малым. Нет, стоит себе во всю мощь, даже на живот лечь нельзя. Это уже кое-что, значит я жив. Секса сегодня не обломится, надо вставать. Кости болят, мышцы страдают. И синяков на теле немеренно. Вывихов и переломов не обнаружено и это замечательно! Штает и температура ещё есть. Посмотрели мы друг на друга и решили – никуда не пойдём. Днёвку заслужили.

В юрте никого нет. Попили лекарства, раскочегарили костёр, Ида приготовила основательный завтрак, поели заодно и то, что оставили нам гостеприимные хозяева. Запили айраном из местной бочки. Снова завалились спать. К обеду вернулись хозяйки с вёдрами: кобылье и коровье молоко. Парное и с пенкой.

После обеда пошли прогуляться. Травы не слишком много, но есть. Много озёр: и выше нас и ниже. Цвет воды в них разный (зависит от подстилающих пород, но и от неба тоже). Некоторые красивые, можно цветные открытки делать. Разноцветные луга украшают цветы: горечанки, жарки, лютики, чабрец, бадан, нечто, похожее на одуванчики и даже венерины башмачки (орхидеи!). Нашёл золотой корень (родиола розовая, алтайский корень). Тут же топором накопал кучу бронзовых корней с перловутовым блеском. Дома настою на спирте – будет лекарство от всех болезней (например, повышает давление, что для меня важно) и от полового бессилия поможет (если такое когда-то случится).

Кто-то из пастухов отвёл нас к зарослям высоких кустов, в среднем высотой в 1 м. Мелкие листочки, белые, жёлтые, оранжевые небольшие цветочки. Аборигены заваривают чай листьями с этих кустов. Мы было решили, что это от того, что у них нет традиционного чая. Оказалось – не так. Местный чай полезен и к тому же довольно вкусный. Мы заинтересовались и уже в Москве узнали, что растение называется могучка (значачее название!), лапчатка кустарниковая, пятилистник. А чай – это курильский чай. Поскольку в Москве Ида занималась поиском иммунорегуляторов, обеспечивающих оптимальный иммунный статус человека, то обнаружила, что курильский чай не просто антибиотик, исцеляющий, например, кишечные инфекции, но и неплохой иммунномодулятор. Кто-то с Байкала прислал ей мешок листьев, она разработала метод экстракции и получила пакет коричневого порошка. Мы долго пили такой чай.

Так что поход оказался полезен и с научной, и с оздоровительной точек зрения.

Посмотрели, как пастухи и собаки скот гоняют. Тут, видимо, раньше был овин, загон для скота, и ограда. Теперь всё разрушилось. Но ворота остались. В виде буквы П. Передняя собака направила барана-предводителя точно в них. Огромное стадо овец ринулось за ним. Они толкались в этих воротах, бились друг о друга и о столбы. Ворота стояли посреди луга, беги куда хочешь, ни что не мешает. Они же все стремились пройти между столбов, ни одна не посмела пробежать мимо. Чем-то это мне напомнило привычки жителей Центральной России.

Пужинали, не торопясь побеседовали с аборигенами-мужчинами, проглотили оставшиеся лекарства и завалились спать.

Аккемское озеро и аккемская стена

Утром определили, что здоровыми нас признать нельзя, но двигаться вперёд можно и нужно. Собрали вещи, поблагодарили гостеприимных хозяев и Авраама, возможно, спасшего нам жизнь, и отправились в поход. Минуя верхние озера, спустились к нижнему, длиной метров 150, обошли его и по долине реки Ак-Юкок начали основной спуск. Речка начиналась, как небольшой ручеёк, но потом превратилась в бурный горный поток, с сорокаметровым водопадом. Часа два шли на полусогнутых, тормозя на склонах. Активно теряли высоту. Спустились к верховью реки Аккем, вытекающей из-под ледника. Пошли по течению по левому берегу, по мосту из двух брёвен преодолели Ак-Юкок, миновали Верхнее Аккемское озеро, напоминавшее скорее болото, достигли основного Аккемского озера (лежит на высоте 2050 м, имеет неправильную эллипсоидную форму и вытянуто по долине на 700 м. ширина местами 560 м.), прошли его, достигли метеостанции. Она старая, работает с тридцатых годов. Поздоровались, никто особо не отреагировал и нам не обрадовался. Предположение, что здесь есть погранзастава и всех проходящих регистрируют, не оправдалось. Журнала с записями почётных посетителей тоже не оказалось. Банька есть, но только для своих: нет дров и с гигиеной проблемы.

Продвинулись дальше. На берегу реки Аккем, вытекающей из озера, стоял столб с надписью «Стоянка запрещена». Мы ему обрадовались, так как у нас был всего один кол для палатки. Столб я использовал в качестве второго кола. Мы живём в свободной стране: одни размещают плакаты с запретами (имеют право), другие на их плюют (имеют право). Кто закон принял, тот пусть его и выполняет.

Разбили палатку, организовали небольшой костёр, поужинали и легли спать.

Конечную цель путешествия мы достигли.

Если идёшь на экскурсию по леднику – вставай рано. Солнце пригреет, снег таять начнёт, пойдут камнепады, речки переполнятся, их не перейдёшь. Вставать надо затемно. Что-то, а это нам не под силу (невпотяг). Рассвет мы проспали. Вышли уже в разгар утра (хорошо, что ни дня). Идём налегке, палатку и вещи бросили. Легко, как бег вприпрыжку (вприпрыжку). Здорово, если рюкзаков нет. Тепло, небо ясное. Прошли метеостанцию и всё озеро, по мостику (пара елей с ветками) переправились через Аккем и уже по его правому берегу стали набирать высоту. Сначала забрались на морену, а потом уже пошли по леднику.

Пейзаж, конечно, замечательный. Не с чем даже сравнить, а я гулял по Верхоянскому хребту, по горной Стране Черского, по Камчатке, Кавказу (включая Казбек и Эльбрус), по Тибету, по Альпам, Татрам, Драконовым горам в ЮАР, но такой красоты и мощи не встречал.

Перед нами предстала гора Белуха. Две вершины в виде неправильных пирамид – остроконечная Восточная Белуха (4509 м – высшая точка Сибири) и Западная Белуха (4435 м), почти отвесно падающие на север к Аккемскому леднику. Понижение между вершинами, (Седло Белухи, 4000 м), также круто обрывается на север к Аккемскому леднику (Аккемская стена). Кто-то

<http://profbeckman.narod.ru/>

скажет: Подумаешь, 4,5 км! Семитысячники есть, не говоря уж об Эвересте. Да, с юга и со стороны Казахстана на Белуху забраться можно без особых проблем. Но не с севера! Аккемскую стену (высота ледовой части 2 км) ещё никто не взял (категория сложности 5Б), уже за частичный её траверс становишься чемпионом СССР по альпинизму. А это что-то значит...

По Аккемскому леднику продвигались мы к Аккемской стене.

К Аккемской стене мы подошли близко и смогли её хорошо рассмотреть.

Аккемский ледник открытый – его трещины видны, ходить по нему также можно без специального снаряжения. Хотя, лучше не в полукедах, как мы (переобулись из резиновых сапог, и то хорошо). Длина ледника 7,8 км, площадь – 10,4 км². Язык ледника заканчивается на высоте 2200 м. на расстоянии более чем двух километров от Верхнего Аккемского озера. Здесь выходит из-под ледника река Аккем, которая собрала свои воды из множества ручейков, текущих по леднику и под ледником. Один поток реки вытекает из большой ледниковой пещеры. До неё не всегда можно добраться – преграждают путь другие бурлящие потоки, бегущие на встречу друг другу. Мы, однако, добрались.

Я шёл, как обычно, в свитере и штормовке. Ида – в открытом купальном костюме. Представляла себя на пляже. В одном из водопадов искупалась. Меня аж в дрожь бросило от такого представления. Ей казалось, что солнце припекает; у меня сложилось другое мнение. Каждую калорию надо беречь.

Шли мы без особых проблем, хотя временами скользили и падали. Ноги были мокрыми. Аккемская стена вблизи впечатляла ещё больше. Ледяной карниз, нависал по её центру и грозил обрушиться. Я всё же мастер спорта СССР, правда, не по альпинизму, а по горному туризму. Смотрел профессионально. Тем более, что в студенческие времена, в экспедиции пересёк Горный Алтай во всех направлениях, а экспедиция и была посвящена описанию ледников. Мне показалось, что, если и не подняться, то пересечь Стену справа налево можно.

Ледник заметно отступает – потепление климата сказывается.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Посидели, отдохнули, пошли назад. День был прекрасным – белый снег, синее небо, зелёное озеро.

Ещё утром, при переправе через Аккем мы встретили отряд из Свердловска, что одарил нас мешком воблы на Кучерле. Они свалились с Аккемского перевала. Теперь, только мы пошли вниз, как нам на встречу попались два знакомца. Повезло: они нас сфотографировали на леднике. Теперь есть доказательства, что мы тут были.

Спускались мы галсами, разглядывая достопримечательности. Обрато через Аккем переправились с трудом: воды заметно прибыло, она хлестала через мост. Ни на что не отвлекаясь, спустились к палатке. Всё в порядке, никто на наше добро не покусился. Не торопясь собрались и пошли по левому берегу вниз, по направлению, к Катуня. Последний раз глянули на озеро. Само оно красотой не блещет, то отражение Аккемской стены в мутно-белых его водах придаёт ему сказочный вид. Из озера, сужающегося к северному краю, река вытекает широким перекатом и далее прокладывает дорогу в широкой заросшей долине.

Не без приключений (в каком-то смысле рутинных), вернулись в Москву.

БРОДЯЧИЙ ПРОФЕССОР

*Скукотища, скукота.
Скука создавала Кука,
Край любезнейший когда
Опротивеет, как сука!
А.Вознесенский.*

АВСТРИЯ

Пиковая дама

Я и ИМ навестили Диму СБ в Вене в конце июня. Прочёл я лекцию в Техническом университете («Фрактальная диффузия и диффузия по фракталам») – подивил австрияков и прочую немчурку, охрип на стадионе (Европейское первенство по футболу – мероприятие занимательное, хоть я – не болельщик), погулял со спутниками по Рингу и со скуки предложил посетить Оперный театр. Правда ли, как утверждают одесситы, их оперный театр – точная копия Венского?

Сначала мы осмотрели театр снаружи. Внешне на Одесский он никак не похож, хотя бы потому, что фронтон Оперы в Одессе полукруглый, а здесь – квадратный.

Сейчас, открытая в 1869 году Венская государственная опера, входит в пятерку лучших оперных театров мира. Архитекторы Август фон Сиккардсбург и Эдвард-ван-дер Нюлл, проектируя здание Wiener Staatsoper черпали свое вдохновение в раннем Возрождении, но современники их не поняли. Постоянные нападки венцев, критика императора Франца Иосифа привели к трагедии: Нюлл (внутренняя отделка принадлежит ему) повесился, а Сиккардсбург – умер от инфаркта два месяца спустя. После этого все поняли, что Опера – лучшее театральное здание мира с великолепной акустикой. А император закаялся кого-либо критиковать. Кстати, здесь любил бывать известный ценитель искусства, художник А.Гитлер. Здание разрушено бомбой англо-американцев в 1945 и восстановлено к 1955. В нём 2200 мест (в Одессе – 1664), первый спектакль на открытии театра – опера Моцарта «Дон Жуан».

Мы купили стоячие билеты (2 евро штука) и вошли в театр. Вход и парадная лестница с колонными и светильниками на высоких подставках, действительно похожа на одесскую – выполнена в стиле венского барокко. (А что вы хотите? Архитекторами Одесской Оперы были венцы: Фердинанд Фельнер и Герман Гельмер). Но – не более того! Разница всё же есть. Зрительный зал здесь больше, традиционной полукруглой формы (в Одессе зал в виде подковы, что обеспечивает ему уникальную акустику – поцелуй на сцене слышен в любом уголке). Здесь – раннее французское барокко, там – позднее французское же рококо. Почувствуйте разницу! Зал в Вене, кстати, выше – шесть ярусов (насколько я помню – в Одессе их три). Так что одесситы насчёт театров-близнецов малость привирают...

Мы взобрались на последний ярус. Билетёрша попыталась отобрать у нас пакет с бутылкой воды, но, оглядев наш прикид, и поняв, что мы русские, махнула рукой. Давали «Пиковую даму» на русском языке. Казалось бы – кому нужно это замшелое произведение искусства, исполняемое на неизвестном тут языке в разгар такого актуального события, как первенство Европы по футболу? Да ещё поставленное болгарской тёткой режиссером, и с оркестром под управлением престарелого японца Сёйджи Озава. Что это за русско-болгаро-австрийско-японская смесь менталитетов?! Театр должен был быть абсолютно пуст, с тем, чтобы мы могли расположиться с полным комфортом. Не тут-то было! Театр полон, людей больше пресловутых 2000 сидящих мест, всё доступное пространство было заполнено, только что на люстрах не висят. Пришлось мне за спинами впереди стоящих сесть на ступеньку, подпереть кулаками челюсть и слушать музыку. Смотреть особо нечего, хоть я и не театрал, но содержание знаю. Да и музыку слушал неоднократно... Продержимся как-то первое действие, а потом слиняем. Мы со Зденеком в Праге всегда так делаем.

Однако то, что мельком удалось увидеть мне на сцене, насторожило. Увертюра звучала нормально, по-русски – расхлябано и душевно. Открылась сцена – ободранные стены, справа – лестница, ведущая в застеклённое помещение на втором этаже, над лестницей – значок «ВЛКСМ».

Модернизм, – догадался я.

Действие оперы началось в детском доме побудкой детишек. Хор мальчиков вопит «Беги иль покорись! Ура! Ура! Ура!», и на призыв командира-девчонки «Будь готов!» отвечает: «Всегда готов!». Подрядчики – Чекалинский и Сурин после появления Томского достали из дипломата сначала флягу, потом большую сельдь и начали её вертеть, не зная, что с ней делать без ножа. Облизнувшись на непотрошеную селедку, Герман впал в истерику и завопил «Я имени её не знаю».

А как бы вы на его месте поступили?

Казалось бы, роль Германа исполняет солидный дядька под 60 лет – можно ждать чего-то консервативно-концептуального, но нет! Истерики попался. Мужик хочет всего сразу, в один замах. Тут он не ленился, энергии ему не занимать, в ход идёт всё – оружие, член и охмурёж...

Как только в детский дом, в норковой шубе прибыла Графиня с Лизой, немедленно пять голосов (каждый сам по себе) затыкнули «Мне страшно!». Лиза всех перекрыла. Она, как Валькирия, срывалась в полет. Девушка, видать, с опытом: Герман у неё не далеко не первый. Мельком взглянув на него, она бросилась на пол, раздвинув ножки. Герман было оторопел от такого напора, но всё же честно её оттрахал. Далее она обращалась с полупомешанным женихом, как опытная медсестра с пациентом психбольницы. Непонятно, зачем потом топиться в Канавке? Она и не стала, скрылась за зонтиком – и всё. Как она Германа заодно не пришила – не ясно. Вовремя мужик слинял в казино...

Пообщавшись, герои затыкнули: «Небес чарующая прелесть...». Естественно, тут же разверзлись хляби небесные, началась гроза. За окнами полил дождь, все вбежали в помещение и раскрыли бесполезные зонты. Сцена «Уж вечер... Облаков померкнули края» прошла за разбором вещевых посылок. Гувернантка, прерывая веселье девушек («Не стыдно ль вам плясать по-русски!»), извлекла из чемодана ярко-красный бюстгальтер в виде сдвоенного сачка для рыб и спрятала себе за пазуху. Лиза бродит в прозрачной ночной рубашке, но поскольку далее следует реплика Маши «Прикажете помочь раздеться?» - Лиза натягивает плащ, потому как без него опасно предлагать раздеться.

Появляется псих Герман. Ему не до лирики. Выяснить с ним отношения Лиза не успевает из-за прибытия Графини. Старая ведьма и притягивает, и отталкивает («Могильным холодом повеяло вокруг!»). Бал начинается с дефиле длинноногих красавиц в меховых шкурах. Распорядитель бала в белом костюме с микрофоном объявляет начало праздничного шоу «Искренность пастушки». На лестнице возникают четыре пары трансвеститов, которые, спустившись, имитируют на стульях половой экстаз; на самой лестнице в педерастическом окружении происходит вакханалия «про пастушку»: Пышнотелая Прилепа выделяет стриптизные па, Миловзор в красной ковбойской шляпе и в кожаных штанах-юбке – подтанцовывает в том же стиле. Златогор одаривает Прилепу долларовыми купюрами. Опять дождь, теперь из долларовых купюр, а сцена с дуэтом Лизы и Германа проходит на фоне совокупающихся в застекленном кабинете Графини мужиков, закутаных в леопардовые шкуры.

Роковая связь между Германом и Графиней показана грубо, но убедительно: здесь и геронтофилия, и некрофилия, и инцест (уж не сын ли к маме пришёл?!). Не раздумывая, Герман бросается на полумертвую Графиню «Старая ведьма! Так я же заставлю тебя отвечать!» – кричит актер в такт своим фрикциям. Затраханная Графиня сдаётся: «Тройка, семерка, туз» и далее - оргазм.

Сцена «Я истомилась, я исстрадалась» после всего пережитого воспринимается как уговоры Лизы самой себя в стиле «Не верь своим глазам!» (в предыдущей сцене Лизонька застаёт Германа как раз поверх Графини). Но факты неумолимы, а на словах Германа «Я только поднял пистолет, и старая колдунья вдруг упала!» русскоязычные зрители начали ржать. В финальной сцене бомжи приносят на драном одеяле тело Лизы в Казино и укладывают на игровой стол, окружённый «однорукими бандитами». Все игроки увешаны девушками лёгкого поведения. Герман играет в русскую рулетку: оставляет в нагане одну пулю и по очереди выстреливает в голову Сурину и Чекалинскому... никто не пытается его остановить... почему – нет? Обычное дело! Наконец, он застрелился (насколько я помню, он должен был заколоться) на теле Лизы. Призрак Графини не появляется: отдыхает старушка от впечатлений.

Крутая вещь!

В результате, мы не только не ушли в антракте, а простояли на ногах всю порно-оперу Чайковского, сочувствуя Герману в его трудовых подвигах.

Слегка прибалдевшие, даже не взглянув на парадную лестницу, покинули мы главную Оперу мира...

АЗЕРБАЙДЖАН

Команда «Хазар»

После четвертого курса, летом, студенты проходили производственную практику на крупнейших химических комбинатах СССР. Преподаватели разных кафедр поочередно возглавляли группы студентов. Я ездил на Чернореченский химкомбинат в г. Дзержинск – на Оке, недалеко от Нижнего Новгорода, и на огромный нефтеперерабатывающий завод в Сумгаите, недалеко от Баку. Там-то и произошла моя встреча с футбольной командой «Хазар».

В Сумгаит мы привезли большую группу студентов, поэтому руководителей было двое: я и Мария Дмитриевна, доцент с органики, дама, намного старше меня. С ней возникли непредвиденные проблемы, одна она не могла идти ужинать в ресторан (не пускали вахтеры!), но и со мной это удавалось с трудом. В ресторан там ходят исключительно мужчины. А у меня, кстати, и денег не было для регулярных ресторанных посиделок. Поэтому ужинали мы дома, причем в мои обязанности входило обеспечение питьем – минеральной водой, да соками.

Вредные производства находятся довольно далеко от города. Они вытянулись вдоль берега Каспийского моря (оно плескалось где-то вдаль, так как в ту эпоху мелело и далеко отступало от

берега). Транспортная связь одна – трамвай, линия которого шла вдоль моря. Общежитие гостиничного типа находилось в равном удалении от города и завода. В тот день жара стояла страшная, где-то под сорок в тени. Я купил трехлитровую банку виноградного сока и поехал домой. Никакой сумки у меня не было, поэтому я заботливо обнимал одной рукой банку, а другой цеплялся за ручку трамвая, одновременно отпихиваясь от него ногой. Трамвай был набит битком, влезть в него не было никакой возможности, так что я полчаса висел на жаре с соком под мышкой, в абсолютно некомфортных условиях.

Жили мы в трехкомнатной квартире, одну маленькую комнату занимала Мария Дмитриевна, другую я, а в большой, аккурат в тот день, поселилась футбольная команда «Хазар» из Дагестана. Придя домой, я засунул банку с соком в холодильник, принял душ, и стал гладить брюки. Утюг был электрическим, но давно перегоревшим. Поэтому я грел его на газовой плите, циркулируя между комнатой и кухней. В один из циклов, решил я побаловаться сочком. Открываю холодильник, а там пустая банка. Абсолютно пустая! Я жил в общежитиях, и знаю, что многие продукты считаются как бы общими. Особенно, если душа болит. Но чтобы ничего не оставить хозяйину?! Такого еще не бывало.

Я поднял глаза и увидел в дверях нечто гориллообразное. Ему было смешно. Он нагло хохотал, вытирая рот. Так что вариантов не было. Я выхватил из газового пламени утюг, и всей силой, на которую был способен, треснул им обидчика по морде. К моему удивлению, он, как подкошенный, рухнул вниз. Перепрыгнув через него, на меня бросились двое. В дверях их заклинило, что позволило мне применить чугунную сковороду. Не знаю почему, но сковорода была доверху заполнена кипящим маслом. Довольно эффективное оружие, доложу я вам, готов продать идею в Голливуд. Враг не прошел. Он даже не был отброшен, а просто лег поперек порога, извиваясь в судорогах. Холодильник, не дававший двери полностью открыться, завал полутрупов, холодное (или все же горячее?) оружие в обеих руках, и сравнительно высокий рост обеспечили мне тактическое преимущество. Команда была велика (ради справедливости, надо отметить, что аборигены в драке участия не принимали, дрались только наши соплеменники), у входа в кухню скопилась толпа желающих меня поколотить. Сзади, подпрыгивая как мячик, скакала Мария Дмитриевна и кричала, пытаясь меня вразумить:

– Игорь! Бекман! Вы же кандидат! Вы же кандидат химических наук!!

Можно подумать, что ученая степень мешает огреть кого надо при случае сковородой, или там утюгом, почти электрическим. Дамская логика, нам не понять... А мне, кстати, что больше делать нечего, как изводить футболистов дружественного Дагестана?!

Прибежали тренера и разогнали команду.

На следующий день по телику показывали матч с их участием. Больно было смотреть. Оператору особо нравилось показывать крупным планом вратаря гостей. Дупераздирающее зрелище. Сказать, что у того был синяк, значит, – ничего не сказать. Третью лица было синевато-фиолетовой, левый глаз не смотрел вовсе, а поперек щеки шел волдырь в форме корабельного носа. Короче, проиграли они со счетом 6:0!

Ну, что можно сказать? Хазары, как были, так и остались неразумными...

Возраст любви

Я любил бывать в советском Азербайджане. Старина там как-то естественно переплеталась с современностью. Средневековые города с узкими улочками, заселены живым народом с не музейной, а вполне реальной жизнью. Причем всех национальностей. Девичья башня в Баку, султанский дворец, храмы огнепоклонников – все в прекрасной сохранности и все функционируют.

Народ тоже интересный, хотя от нас кардинально отличается. Мусульманство сказывается. После поездок сюда, невольно хочется перейти в магометанство. И не только из-за гарема и многоженства (это – само собой). Правила хорошие. В транспорте молодежь уступает тебе место (мне тогда было 28, и чтоб какая-нибудь дама в московском метро уступила мне место – представить нельзя). Женщина никогда не перейдет тебе дорогу (примета плохая). Стоит и терпеливо ждет, пока ты пройдешь. (В Москве дама прет прямо на тебя, как будто ты из воздуха. Она знает, что ты как-нибудь затормозишь и пропустишь ее). В автобус належке всегда сначала садятся мужчины, а уж потом лезут тетки с вещами. В ресторанах и чайханах одни мужики, разговор степенный, ни что не отвлекает. А в Москве спастись от женщин можно только в бане, и то теперь их в сауну пускают. Одно время меня раздражала манера лезть без очереди. Но потом понял правило: подходишь, смотришь. Если все – моложе тебя, можешь брать, что надо без очереди, а если есть старше – становись в хвост. Просто и надежно. Женщины практически все беременны (мы шутили – готовятся к войне. Дошутились - так и вышло!). Семьи большие и многодетные. Все друг другу помогают, а не смотрят, как волки (что характерно для России). Вина, водки не пьют. Если кто-то по жару валяется посреди дороги – 100% русский. В четверг на заводе никого нет (лишь русские мастера дежурят), все на кладбище предков поминают, причем не пьянством. Милиция строгая. Однажды вечером пошел прогуляться по-над морем в парке, так тут же арестовали и отправили в милицию, где нашел свою студенческую группу в полном составе,

арестованную на полчаса ранее (а ведь предупреждал их - сидите в общежитии и не шастайте ночью, где попало!).

Девушки строгого нрава, с мужчинами не разговаривают. Спросишь какую, где улица Комиссаров, та делает совершенно каменное лицо и маршевым шагом молча дует мимо тебя. Как будто ты к стене обращаешься, или предложил ей переспать с тобой, прямо здесь и сейчас. А наша девица, спроси ее прохожий, который час, тут же смотрит на часы и искренне отвечает. И сколько не объясняй ей, что ответ – значит разговор, а если разговор, то она – собственность мужчины, и не имеет право ему ни в чем отказать, - без пользы. У нас в группе было тридцать студентов и две студентки. Так вот мы, преподаватели, занимались только ими, только девиц и охраняли. На остальное не оставалось ни времени, ни сил. Не только постоянно сами с ними ходили, но не отпускали ни на шаг без конвоя из четырех мужиков. И дело не в том, что горячие Або на них нападали. Нет. Девица (под нашим конвоем, естественно) идет по улице. В кильватер подстраивается сначала одна пара мужиков, потом вторая, третья – короче небольшая толпа. Ее никто не трогает. Просто ждут, не уронит ли она чего, платок там или сумочку. Сразу поднимают и возвращают. Дура московская тут же говорит: «Спасибо!». Ну и все, теперь она их, ее тут же пытаются умыкнуть, мат – перемат (это я про нас), мордобой, милиция – по полной программе. Женское общежитие найти просто. За три квартала – гул мужской толпы. Все окружающие дворы заполнены. Мужики частично стоят, переговариваются, частично сидят и играют в нарды. Мирная толпа ждет выхода дамы. Желательно, белокурой. Далее – смотри выше. Кстати, войти мужчине в женское общежитие практически невозможно, даже руководителям практики и даже с бумагой из Обкома. Охране только пулемета Максим не хватает. Я там был всего раз и понял, почему не пускают – бардак в комнатах девочек на порядок выше, чем у мальчиков.

Впрочем, покорность местных женщин только внешняя. Азербайджанские дамы такие же стервы, как наши. Тамошние мужики все делают: и готовят, и стирают, и за детьми приглядывают. А куда денешься, секс – дело такое... Все мы без кнута и пряника идем на этот водопой.

Но народ горячий и подражаться не дурак. Слышу на улице страшный шум и крики. Ну, думаю, битва Або. Театр бесплатный. Вышел на балкон, свесился, смотрю. Кучка мужиков, в центре – некто усатый, машет руками, как мельница и орет во всю глотку. Остальные, то слушают молча, то взрываются эмоциями. Однако, ни мордобоя, ни ножей, ни автомата Калашникова. На смежном балконе появляется сосед. Спрашиваю: что происходит?

Адиль вчера в кино ходил. Фильм смотрел. «Возраст любви» называется. Теперь рассказывает!

Банкет в Баку

Мы с Марией Дмитриевной управлялись в Сумгаите с группой студентов, когда проректор Бакинского университета пригласил нас к себе домой. Подали ЗИМ и мы отправились. Жара страшная, но в тенишке, да на ветерке терпимо. Длинная терраса вмещала не менее длинный стол. Вдоль центральной оси его располагались цветы, а всё остальное пространство занимали яства. Чего только не было! Все богатство восточной кухни. Перечислять не буду – названий не знаю. Но вкусно!

Среди тарелок возвышались хрустальные графинчики с коньяком. И каким!!! Ни до, ни после я такого не пил. Что-то божественное...

Я знал, что мусульмане не пьют, а дамы ведут себя скромно, к мужчинам не выходят, а уж тем более – не пируют с ними за одним столом. Здесь же все было демократично, по-европейски. Видимо сказывалось, что хозяин дома – коммунист, стало быть, атеист, в бога не верит, и обычаи не чтит. Дамы сидели за столом и вели себя вполне непринужденно. Собралось человек сорок. Хозяин попросил всех налить, и сказал первый тост. За победу коммунизма. Мы выпили. Потом – за дружбу между нашими народами. Выпили. Потом – за дружбу между университетами. Выпили. Ну, и так далее. Витиеватые и длинные тосты следовали один за другим. После пятой рюмки я задумался о последствиях. Жара все же... Но, оглядев обильную закуску, и пустеющие графинчики, понял, что в пределах пол-литра мне ничего не грозит, а больше не дадут, и успокоился. Тем более что не было опасности выпасть из коллектива. Все дружно поднимали рюмки и звонко чокались. Даже беременные женщины.

Вечер был в разгаре, когда кто-то наступил мне на ногу. Я решил, что это нечаянно (ноги у меня длинные, по ним вечно кто-то ходит) и поджал ноги под стул. Но и там их нашли. Пришлось врубиться. Оказалось – Мария Дмитриевна. Я нагнул к ней:

- Прекратите пить, - прошептала она мне.
- Почему?! Все пьют!
- Никто не пьет!

Я присмотрелся. Действительно, все с энтузиазмом поднимали рюмки, чокались, подносили ко рту, но не пили, а ставили полными на стол. Среди цветов их не было видно. Причем так поступали все присутствующие. Мусульмане.... Вот уже три часа шел банкет, но пил я один!

Что же это получается?! Раз я русский, значит, пью как свинья, значит, чтобы ублажить, меня надо спаивать?! Значит – они трезвые, а я – пьяная скотина?!!

<http://profbeckman.narod.ru/>

Я так разозлился, что протрезвел. Гордо вышли мы из-за стола и удалились. Больше я на банкетах в Баку не бывал.

АНГЛИЯ

Шутки английские

В Бате - английском городе-курорте множество пабов. Факт важный, поскольку сегодня у меня – день рождения. Счастливые стечение обстоятельств. Мы с коллегой из ИНХС им и воспользовались. Обошли семь штук (или восемь?) этих пабов-пивных. Пиво ихнее, точнее – эль, довольно горькое, с Козлом чешским не сравнить, но после десятой кружки (или одиннадцатой?) втягиваешься, процесс идёт хорошо. В сортир, однако, тянет.

Сосредоточившись, с третьей попытки я выпутался из длинной скамьи, вышел в коридор, где нырнул в дверь за портьеру. Протер глаза: зады и юбки.

– Во, блин, деревня, – врубился я, – сортир женский!

Я развернулся, вылетел в коридор, и вломился в аналогичную дверь за портьерой. Дама, уставив ногу на батарею и задрав юбку, запихивала серебряную столовую ложку себе во влагалище. Зачем это? Украсть хочет, или какие другие заботы девичьи, – установить не успел. Тетка завизжала дурным голосом. Я прыгнул назад.

С английскими шутками пора кончать. Я внимательно осмотрел двери за портьерами. На той, что я сейчас вылетел, треугольник с ножками был вершиной вверх, а на той, что в первый раз – вершиной вниз.

– Мужики, – сообразил я, и решительно толкнул дверь.

Действительно, там толпились рыжебородые мужчины. Все – в юбках.

Болельщики шотландской футбольной команды.

Сохо

Мы бродили по Лондону в поисках чего-то такого. Много нам встречалось интересного, но за душу не брало. Такое, или почти такое можно и у нас встретить. Но забрели в Сохо и остолбенели. Такого у нас нет (тогда не было): публичные дома, секс-шопы, стриптизы – что душа пожелает! Ну, публичные дома – дело индивидуальное, пару секшопов обошли, пора на коллективный просмотр стриптиза. И ни какого-нибудь, английского, а тайландского!

Зашли в очередной паб, приняли по кружке эля и по винтовой лестнице поднялись наверх. Уселась за столики прямо у сцены. Там под музыку переминалась с ноги на ногу девица в одних трусах. Протанцевав минуты две, она стянула с себя трусики и начала с отсутствующим видом вытаскивать из детородного органа цепочку из пятнадцати бритвенных лезвий. Помахав ими, взяла лезвие и демонстративно разрежала лист бумаги. Следующим номером был художественный свист. Две дамы вставили в попки свистки и засвистели что-то свое, тайско-народное, задушевное. В процессе номера появились еще две девушки. Одна, широко раздвинув ноги, уселась на край сцены и зарядила влагалище бананом. Вторая спустилась в зал и стала возле нас, поднеся к моему носу стакан. Выстрел! Банан летит в стакан. 36 попыток – 6 попаданий. Так себе результат, но ведь и расстояние велико! Затем на сцену вынесли праздничный торт со свечками. Тетка вставила во влагалище трубку и задула все свечи. Быстро и без хлопот. Положила на пол пластмассовую доску, заменила трубку на фломастер, и написала каллиграфическим почерком "I LOVE YOU!" Потом стала за отдельную плату писать любое слово по просьбе зрителей. Мы хотели попросить, чтобы она изобразила наше любимое, но постеснялись. Под барабанную дробь был исполнен сложный трюк. Девушка легла на спину, задрав раздвинутые ноги на стену. Влила себе во влагалище пол-литра воды. Встала, взяла пустую бутылку из-под кока-колы, вставила в себя и наполнила чем-то темно-коричневым. По виду – колой. По вкусу – не известно, предлагали попробовать, но мы опять постеснялись.

Представление шло в хорошем темпе. Для каких только полезных целей не использовали девушки свое причинное место: курили, открывали бутылки, выдергивали гвозди из пола. Возможности влагалища безграничны! Одна девушка засунула руку в пипиську другой (вошла вся кисть, и браслет с часами), долго там что-то искала, потом вытащила гирлянду цветов, каковую на себя и повесила.

Мы спускались вниз в недоумении. Век живи, век учишься.... Чего только на старости лет не узнаешь про женщин! Неужели они внутри такие пустые?! Или это – фокус?

АФРИКА

Терренкур

Одиночество бегуна на дальнюю дистанцию.

Проснулся я в час Волка. Прихватило сердце. Спазма сжала грудь, перекрыла дыхание. Замер, как водолаз. Запаса воздуха хватило - живём дальше. Перевернулся на спину и открыл

глаза. Комната заполнена странным мерцающим светом. Светло, как днём. Луна, огромная луна била прожектором мне прямо в лицо. Такого ещё не видел. Даже во времена сталинских салютов, когда прожектора то сходились в небе, высвечивая аэростат с флагом, то расходились в стороны, задевая ненароком балкон, на перилах которого держала меня няня.

Такой луны быть не может....

Лунный свет притягивал, манил в высшие сферы. Бросай этот мир, перебирайся в другой! С гордо поднятой головой. Припозднишься – поползешь туда же.

Жуткий кашель, прямо коклюш какой-то сотряс меня.

Был супермен, да весь вышел! Распался на запчасти.

Возраст уже, на пенсию вышел, бесплатно на метро катаюсь. Много чего достиг: расширение вен, тромбоз, ишемическая болезнь сердца, фарингит и пузо немалое. Есть чем гордиться.

Ну и психологией пенсионера обзавёлся. Приобрел в Африке с подсказки хромой ноги. Выглядит так. Лезешь по скалам, солнце слепит, жара, воды нет. Колочки раздирают тело на части. Вершина! Сидишь выше облаков, любишь далями и гордишься собой. На другой день снова лезешь, а оно не лезется! Еле-еле дополз до границы леса. Сел на камушек, хватаешь ртом воздух, как карась в садке, в себя приходишь. Был бы молодым, огорчился немогице, переживал и, возможно, впал в депрессию. А пенсионер? Пенсионеры сидят и радуются. Вот пригласили в Африку, за всё заплатили. Знать уважают и это - хорошо. В Стелленбош забрался. Аборигены в горы-буши не ходят, а я пошёл. И не просто пошёл, а до колочки дополз. Замечательно! На следующий день добрёл лишь до подножья горы. Что ж, и это хорошо. Ведь не в Переделкино, а в Кейптауне! Могу гулять и радоваться. Ну, а вчера встал и дошёл до сортира, пописал. Прекрасно! Не надо ни утки, ни медсестры. Постоянная радость - удел пенсионера.

Это хорошо, но где предел?! Пора кончать???

Что, собственно, я на этом свете делаю, кому я нужен? Ответ: ничего стоящего не делаю и не сделаю. Нужен, как гудок на бане. Ученики выросли, дети-внуки – тоже. Родителей нет, жене надоел еще сорок лет тому назад, равно, как и другим дамам. Кто пожалеет обо мне? Никто! Забудет мир меня... Так чего тянуть время? Ждать рака, инфаркта, инсульта, или чего-то аналогичного? Валиться в паралич или возлежать на операционном столе? Смотреть в чужие руки (если вообще зрение сохранится)? Хороша перспектива! Реальная и ближайшая.

Я свернулся калачиком, натянув оба одеяла. Здесь климат средиземноморский, в гостиницах выдают два одеяла – толстое пуховое (настоящая перина!) и тонкое шерстяное (типа пледа). Им виднее. Попытался стряхнуть с себя лунный свет и заснуть.

Но лучи проникали сквозь зажмуренные веки. Болело сердце, грудь, нога и поясница. Хорош букет! Некому на чужбине пожаловаться, да и лекарств здесь не найдешь. Ни говоря уж о том, что они бесполезны.

Да, та ещё перспектива! Нужно избежать. Но как? Отравиться, повеситься, застрелиться? Но не в командировке же! В Москве проще и разумнее. Только самоубийство, того... не богоугодное дело. Слабостью духа отдаёт. И жёсткой детерминированностью.

Случайность привлекательней: катастрофа, дуэль, русская рулетка. Вот замечательное изобретение! Слегка поддав, с веселым настроением позабавить друзей, съешь один патрон в барабан, раскручиваешь его, приставляешь револьвер к виску, нажимаешь курок. Жив остался – всем весело, погиб – еще интересней. Всегда выпить можно.

Револьвера здесь, впрочем, нет. Равно, как и компании веселых друзей. Обойдёмся без них – сыграем с природой. Что мы видим в лунном свете? Видим горы, может для кого и не высокие, но крутые – точно. Скал им не занимать. Дикий мир вокруг цивилизованного уголка. Мир, враждебный белым, жёлтым, красным, чёрным, т.е. – мой мир. Что ж - сыграем...

Больной пенсионер пойдёт (поташится, поползет?) на штурм вершин Драконовых гор. Нескольких вершин! Скал, обрывов, пиков, бушей, каньонов. Судьба? Сам Господь Бог решит: пора или не пора покинуть мне этот мир.

Русский я, и играю в русскую рулетку. Право имею!

Луна неподвижно сияла, вибрировала периферия светового столпа.

...Рано утром, взяв апельсин и поместив его в полиэтиленовый пакет с эмблемой северо-западного супермаркета, я отправился в путь. Где-то уже рассвело, но в нашей долине темно. Луна исчезла. Прохлада не напоминала той зверской жары, что царилась здесь вчера днем. Река скрылась в тумане, горы исчезли. Хмурый пейзаж.

Солнце впрыгнуло в долину и все преобразило. Атмосфера стала прозрачной, на расстоянии вытянутой руки возникли горы, округа заперестрела, как мордовский халат. Цветы многообразных видов, (знакомых, типа роз, пионов, мальв и т.п., но в основном – неизвестных), бабочки с широким размерным спектром, бурые белки на заборах, гигантские черепахи, форсирующие каналы-арыки. Крутом жизнь. Людей только нет. По улицам Стелленбоша (несколько десятков тысяч студентов, между прочим, не говоря уж о другом населении, обитающем тут) я шёл один. Как в тайге. Район застроен виллами, об архитектуре которых судить трудно – скрыты за шторами винограда. Над головой висят лимоны. Меня не соблазнишь –

кислятина. На некоторых участках - деревья в виде шаров-аэростатов сине-лилово-фиолетовой окраски – мечта Врубеля. На углу - тощая церковь (кирха?) типа – сарай с колокольней.

Улица уперлась в лес. Не лес, конечно, - парк. Огромные деревья (кедр, сосна?) необыкновенной высоты и ширины стволов. Интересно, зачем первые колонисты сажали такие деревья заморских сортов, чуждых местной почве и климату. Ждать пока они вырастут надо 300, а то и 500 лет, диаметр стволов в несколько раз превышает длину двуручной пилы (как их валить прикажете?), корабли-дома из них строить не будешь, орехов не дают. Только ради тени и здорового воздуха? Чистая эстетика?! Или – генетическая память: предки в Европе обрамляли дороги-аллеи пирамидальными тополями, а мы – развесистыми кедром. Покруче будет.

Думали ли все эти протестанты (публично доказывающие), все эти пуритане (чистые) что трудятся не для своих праправнуков, а для потомков негров, ими же завезенных из Экваториальной Африки. Сейчас их тут нет, но помятая трава, полиэтиленовые пакеты, куски пледов вопят об открытой ночевке. Есть и другие свидетельства конца апартеида и торжества демократии – следы прошлогоднего пожара. Уже в центре парка лес мертв. Подлеска нет вовсе, гигантские черные колонны стволов уходят вдаль. Ни хвои, ни шишек. Только обугленная кора, да просвечивающий сквозь нее труп дерева. Цепочка: негры-костры-пожары выстроилась сама собой. Белые лишь наблюдали, как поджегшие лес негры, заморожено смотрели на раздуваемый ветром огонь и даже не пытались что-то тушить. Чёрная полоса горелого леса, шириной 1,5 – 2 км карабкается на холмы и исчезает в горах. На её пути изредка торчат каменные остовы сгоревших вилл – напоминание бурям о ближайшей судьбе их вилл-усадеб.

Парк, однако, сгорел не весь. Пруды-болота остались. Вокруг них теснится бурная растительность, а зеркало воды покрывают гигантские блюдца листьев лотоса и белые цветы, диаметром в полметра. Но недолго квакать тут лягушкам: лишившись полога леса, пруды высохнут, и местность примет родной вид пустыни. На радость «хозяевам страны». Грустно, как при виде больного раком, ещё румяного и бодрого.....

Я покинул парк, и по небольшому выгнутому по дуге мостику пересек местную речку. Небольшая вода ворчала внизу.

Пора начинать терренкур.

...Помню, в детстве я наблюдал, как по асфальтовой, размеченной белой краской дорожке, по-над Сочи, шли-брели курортники. На «станциях» они садились на лавки и отдыхали, отдуваясь. Тропа имела имя: ТЕРРЕНКУР. Слово занятное своим латино-французско-немецким происхождением. Терра – по латыни земля, террейн – местность (уже – по-французски), ну, а кур – ежу (т.е. немцу) понятно – лечение. Такая вот помесь французского с нижегородским. Российское ли это изобретение, или – международный термин, не знаю. Но смысл понятен – лечение пересеченной местностью (земле-лечение, звучит хуже: вызывает аналогию с водолечением, а она не верна). Так или иначе, но это – лечение, и как всякое лечение – строго регламентировано. Пешие восхождения дозированы по расстоянию, времени и углу подъема.

Пора и мне подлечиться. Нервы сдают. Перемещение - мое лечение. Только вышел, а в рулетки играть расхотелось. (Понятно – луны нет). Пойдем выздоравливать дальше. Неясно, правда, какие расстояния, углы склонов, высоты над уровнем моря и скорости движения будут целительны, но горы впереди обещали широкий спектр параметров.

Глядишь, резонанс случится...

Дорога шла сначала вдоль реки, потом отклонилась вверх по притоку. Он был сух. Распадок начал сужаться и оказался перекрыт плотиной, образовавшей небольшое водохранилище. «Источник питьевой воды. Купаться строго воспрещено» – написано на деревянном щите. В тени щита лежала одежда купальщиков и купальщиц. Сами они плескались в воде. «Как в России», - подумалось мне. Похоже, но не совсем: заливы принадлежали пацанам конкретных рас, они совместно нарушали предписание мэрии, но нарушали отдельно, не вступая в контакт друг с другом. Огибая водохранилище, взобрался на холм. На вершине его стоял большой (высотой с двухэтажный дом), четырехконечный коричневый крест из кедрового бруса. Надписей не было. Он просто парил над Стелленбошем.

Широкая тропа, почти дорога, атаковала гору в лоб. Без всякого серпантина, она тянула вверх, чередуя пологие участки с крутыми и совсем крутыми. Хромая на обе ноги и заливаясь кашлем, тащился я вверх, набирая высоту. Лиственный лес с густым подлеском кончился и неожиданно перешел в эвкалиптовый. Гигантский gum trees - австралийский эвкалипт. У нас каучуковое дерево бесстыдницей называется, из-за голого тела, просвечивающего сквозь рванину коры. Вечнозеленые деревья уходили в высоту тридцатипятиэтажного дома (это вам не кедр внизу, то же не маленький, кстати, – метров 50, но далеко кедр до эвкалипта). Стволы не толстые, годятся для кораблестроения. Не поленился же кто-то привезти саженцы из Австралии, посадить и приучить жить не на каком-нибудь Колхидском болоте, а на горе. Молодец!

Из листьев выделялось эвкалиптовое масло, в тонких лучах солнца шел процесс испарения. Антисептическое и противовоспалительное средство, между прочим.

Баня с эфиром.

Тут опять вспомнилось детство (не часто ли на километр пути?). Я, как всегда, кашляю, и мама лечит меня ингаляцией. В кипящей чайник добавлено эвкалиптовое масло, и я сквозь трубочку – свернутый лист тонкого картона, обжигаясь, дышу лечебной паровой смесью. В местном лесу нет нужды в устройстве чайник-трубка: округа купалась во влажном горячем воздухе. Русская парная: без пива, но с эфирными маслами. Сначала я задышался в такой атмосфере, но потом возник лечебный эффект (вот он – терренкур!) и кашель постепенно стих. Шума от меня стало меньше.

Хорошо бы прихватить с собой ароматных эвкалиптовых ветвей для веничка (а есть ли в городе баня-то), или листьев для подушки лечебной. Но сейчас не до грибов.

Среди стволов располагались термитники – дома общественных насекомых. Настоящие замки! Все как у людей, община разделена на касты. Естественно! А как ещё создашь коммуны? Есть, впрочем, отличия. Здесь каста крылатых живёт с кастой бескрылых. Люди, как их на касты не дели, все бескрылые получают. Рыжие термитники, облепленные плотной глиной, имели разную высоту – от полуметра до 7-8 м. Было заметно, что растительность вблизи них сочная: термиты – важные почвообразователи. Но и древесину разрушают, предпочитая срубы и мебель человека. За что их и уничтожают. Тут, однако, они процветали в симбиозе с лесом.

Тропа сузилась и обнаглела: стала скакать с уступа на уступ, петлять и протискиваться сквозь стволы деревьев или бульжники с меня ростом, но главное – шла вверх все круче и круче. Многие уступы были явно искусственного происхождения – выложены из бревен на манер трамплинов. Зачем? Здесь снега не бывает даже зимой.

Просвещение последовало незамедлительно.

Запахавшись, сел отдохнуть, свесив ноги с уступа. Только увлекся сравнительным анализом одиночества в толпе и в пустыне, как раздалось гиканье со звоном. Боковым зрением увидел нечто летящее на меня с горы, и сиганул в кусты. Правильно сделал! В том месте, где я только что сидел, возник велосипедист, взлетел вверх, пролетел по баллистической кривой, приземлился на камень, вильнул и исчез в щели меж стволами. И как у него руль прошел между ними?! Не успел я осмыслить явление, как появился второй на красном горном велосипеде, с тяжелой, типа мотоциклетной, рамой, и крупными пружинами на вилках колес. Он тоже прыгнул. Затем – третий, четвертый, десятый. Я только успевал вертеть головой.

Бешеные вело-слаломисты исчезли, и все стихло. Может, приснилось?!

Подниматься дальше по этой тропе расхотелось. Кто знает, что может придти в голову студенту-аспиранту? И сколько их там на макушке холма в запасе? Так и буду скакать в кусты при каждом шорохе?!

Я покинул тропу и двинул целиной по азимуту, целясь на хребтик, с которого ожидалась тропа на вершину. Сосновый бор. Воздух сухой, насыщенный ароматом, похожим на подмосковный, но гораздо сильнее. Понятно: такой жары у нас не бывает. Вековые сосны с корой цвета марганцовки обеспечивали глубокую тень. Иногда они перемежались железными деревьями с огромными кронами. Попадались и какие-то другие твердолиственные породы – как их зовут, не знаю: я не биолог, слава Богу!

Ноги утопали в толстом слое хвои, но идти было легко – кусты не мешали. Трудности обеспечивала пересеченная местность. Я то взбирался на водораздел местного масштаба, то спускался в глубокий каньон. Вверх-вниз, вверх-вниз, по зубцам стиральной доски. Огибал гору, постепенно набирая высоту. Чем выше – тем уже распадки и тем круче их стены. Лес разорвал застарелый сель. Полез вверх по нему, твердо ступая по замурованным в глину камням. Движеньё ускорилось, но вскоре путь преградили камнепады – ступени по двадцать-тридцать метров высотой. Лазать по ним несподручно. Бросил сель и вновь побрел по сосновому лесу. Сосна эта не здешнего (и вообще не африканского) происхождения. Кто-то, когда-то, откуда-то завез её сюда, она прижилась и заплонила всю округу. Как сорняк! Теперь правительство ЮАР ежегодно объявляет гранты на способ уничтожения сосны и замены на другие виды. Бесплезно! Но мне сосна нравится, мне - потенциальному туберкулезнику – под ней легче дышится. Да и идти по бору легче, чем по бушу – колючек-то нет!

Случайно схватился рукой за какую-то траву, и почувствовал очень приятный и сильный запах, но так и не нашёл его владельца. А вот куполообразное малиновое соцветие, пахло очень тонко и привлекательно.

Нырнул в очередной овраг и тут же пожалел об этом. До сих пор я удачно обходил лесоповал пожара, начавшегося в парке и охватившего окрестности. Но, видимо, огненная река имела рукава, один из которых и пролетел по этому распадку. Бурелом получился знатный: обугленные брёвна всех размеров громоздились друг на друга. Чёрные, плотно переплетенные ветви преграждали путь. Под этой баррикадой скрывались крупные камни и щели, покрытые головешками, полусгоревшей травой и хвоей. Чтобы преодолеть трудности, их надо сначала создать! Не тривиальная задача. Казавшиеся хрупкими деревья отказывались ломаться, и приходилось проползать по ним техникой ужа; наоборот, казавшиеся незыблемыми, толстые стволы неожиданно ломались, и я летел вниз. Несколько раз на меня падали вертикально стоящие

сосны, причем из-за одного моего присутствия – я их не трогал. Короче, пришлось забыть о терренкуре, лечении местностью, русской рулетке и прочих глупостях. Озлился я и пошёл прямо.

Вылез я на очередной хребтик и провел личный досмотр. Жалкое зрелище! С ног до головы перемазан углем. И белая рубашка и новые синие джинсы, и руки, и, насколько можно судить, вся морда, почернели. Горелые ветки торчали из ушей. Но самое обидное – рубашка порвалась. Да что там рубашка-майка, джинсы, толстые джинсы из плотной ткани, были разорваны в нескольких местах. А ведь второй раз надеты! Восхождение, можно сказать, еще не началось, а такие потери. Джинсы – не жизнь, их жалко....

Уже особо не разбираясь, полез я в гору. То ветроповал, то селевые потоки. Тропы нет. Путепролагатель я. Постепенно лес стал редеть и вскоре кончился. Впереди замаячила стена кустов. И вот тут, на границе леса, меня ждало новое препятствие – колючая проволока. Так мирно выглядевший университетский городок, защищен, как Брестская крепость. На некотором расстоянии от Стелленбоша, по всем горам-долинам построен оборонительный вал. Изгородь без разрывов. Правда, не Великая Китайская стена – на колеснице не поедешь. Дзотов тоже нет. Но есть валы колючей проволоки. Вне зависимости от степени развитости рельефа местности, блестящие валы стальной ленты с торчащими иглами, плотно прижимались к земле. Заграждение состояло из трех гибких и колючих труб ажурного плетения: две лежали на грунте, а третья – сверху, в зазоре. Диаметр труб – около метра, так что в целом забор был с меня ростом. Серьезное препятствие.

Я прошел взад-вперед вдоль барьера, надеясь найти шелку между колючкой и землей, чтоб можно было проползти по-пластунски. Не вышло – сделано на совесть. Пришлось возвращаться в горелую долину. Там нашел относительно толстое, относительно прочное и относительно легкое бревно, почти без веток. Как муравей соломинку, потащил его наверх. Смешно подумать: еще недавно я с трудом уносил отсюда ноги без всякого бревна. Все познается в сравнении... Подтащил бревно к Траянским валам, упер один конец его в валун и перекинул на препятствие. Возник полумостик. Пополз по нему, обдирая кору и пуговицы. В середине бревна колючка подо мной стала сминаться, бревно – врезаться в трубу. Пополз шибче и пересек забор. Бревно наклонилось, но уже во внешнюю область. Получилась горка, по ней я и скатился. Символ дружбы народов остался позади.

Теперь из страны белых я перебрался в страну чёрных – под собственную ответственность. И жители Стелленбоша, и приезжие боятся Або и не высовывают носа. По местным горкам гуляют только немцы, и то – иногда.

Из письма домой: «Бродить по горам ЮАР - удовольствие ниже среднего. Лезешь под палящим солнцем по скалам, да отдираешь одежду с колючек. Поэтому - в горах пусто. Совсем никого.

Лишь мелькнет вдали одинокий немец».

Но негров не стоит бояться. Не в том смысле, что они стесняются грабить и лупить белых – с этим как раз всё в порядке. Спасает то, что Або – мужик ленивый, склонный к сибаритству в тенёчке. Зачем он в такую жару пойдёт в горы? Чего он там не видел? Так что, сколько я ни бродил по местным горам, ни негров, ни буров не встречал. Людей тут нет. Равно, как ядовитых змей, о которых аборигены складывают легенды, одна страшней другой. Не знаю, откуда этот фольклор. Пресмыкающихся не видно - тут всё же не Алтай.

Некоторое время шёл вдоль границы леса, не набирая и не теряя высоты, и подсек-таки тропу, что шла снизу вверх – надо полагать к вершине. Тропа хорошо обозначала себя по щели-туннели в кустарнике. Кустарник густой, как живой забор на дачах, и необычайно колючий. Финбос называется. Даже здесь на тропе, на которой кто-то хорошо поработал мачете, достаточно было сделать шаг в сторону, чтобы оказаться прочно приштиленным тысячами игл-крючков к стенке. Выбраться можно с большими потерями для одежды (если она на тебе ещё осталась). Я шёл вверх по центру тропы, ничего не трогая, и ни к чему не прикасаясь, но через некоторое время оказался расцарапанным с ног до головы. Как будто с кошкой подрался. Невольно будешь мечтать о сосновом боре.

Тропа - моё спасенье. Трудно себе представить, как далеко я бы продвинулся по целине, без мачете или перочинного ножа хотя бы. Тропа знала свое дело – шла оптимальным путем, огибая камни, прижимы, осыпи и другие препятствия. Плохо одно – уж больно круто для такой высоты - дышалка сбилась.

Постепенно кустарник стал уменьшаться ростом (я уже мог осматривать окрестности) и редеть. Хоть и оставался вполне колючим. С трудом выбрался на альпийские луга, довольно пёстренькие – в мелкий цветочек. Растянулся на травке и немного полежал, оправляясь от пережитого. Позагорал на солнышке. Полный штиль, но – высота, жары нет. Да и температура воздуха всего +30, не выше.

Тропа вновь полезла вверх, но засуетилась перед скалами. Хоть я ждал их (как же без останцов – кигияхов?!), но они возникли неожиданно. Так себе удовольствие. Дело пошло к штурму крепости, с отвесными стенами, высотой с 16 – 20-этажный дом. Утёсы ослепительно блестели на солнце (зря тёмные очки не взял). Тропа вклинилась в скалы, дробясь на мелкие

ручейки. Теперь она часто терялась. Я оценивал общее направление и перехватывал её. Терял и перехватывал, терял и перехватывал. Иногда она шла вдоль отвесной стены, так что приходилось далеко отклонять туловище в сторону пропасти, пусть пока не глубокой, но все равно непривлекательной для полетов. Сильно мешали пузо, нос и пакет с апельсином. Иногда тропа принимала вид узкой щели, так что подъём осуществлялся за счёт рук и попы. Местами можно было идти во весь рост, местами – на четвереньках, местами – ползти. В щелях росли кусты и даже деревья, за корни которых удобно хвататься. Но осторожно! Многие легко рвутся, и тело оседает по камню вниз. Но в целом, подъём проходил успешно.

Поднявшись вверх на высоту ГЗ МГУ, тропа вылезла на плоский курумник. Из-за лишайников на камнях ноги скользили, сами камни тоже шатались и иногда перевертывались. Но чувствовалось, что скоро конец. Тропа, однако, шла не на вершину, а на перевал: за горкой, на которую я лез, оказалась другая горка, повыше первой. Тропа вышла на седло между ними и раздвоилась: одна шла на первую горку, видимую из Стелленбоша, другая – на вторую. Я полез на свою вершину. Круто, но несложно. На макушке горы из железобетонных столбов был сооружен триангуляционный знак с красным фонарем на вышке. В его основании находился небольшой, но всё же двухэтажный каменный домик. Оба этажа занимали старые батареи, с окисленными электродами. Новые, видимо, доставляют на вертолете, а старые тут и бросают.

Я обошёл вышку и домик, подошёл к краю пропасти, сел, свесив ноги, на большой плоский камень, выдвинутый далеко вперед в виде балкона. Но без перил. Вид, как с самолета.

И я стою теперь – один, как голый пень среди долин.

Непосредственно подо мной – обрыв метров 800, дальше – распадки, русла рек, сливающиеся в одну, леса, виноградники, фермы, сады и сам Стелленбош с башнями банков, кампусами университета, виллами и фермами, и с неизбежным негритянским городком из бочек-ящиков на окраине. На выходе из долины, далеко-далеко, угадывалось море. Напротив меня тоже громоздились горы. Профиль хребта четко рисовался на фоне синего неба. На спине лежал, сложив руки на груди, святой Симон – основатель и покровитель Стелленбоша. Эректированный его член гордо торчал в виде узкого пика.

Эта местность мне знакома, как окраина Китая.

К вопросу об одиночестве. Где мы более одиноки: в толпе, в семье, в компании друзей, или на лоне природы? Что терпимей: понятное, но враждебное, человеческое общество, или непонятная и безразличная к тебе природа? Ты элемент популяции или экосферы? С какой окружающей средой сливаться: с обществом или с природой? Для меня ответы ясны: люди раздражают – и белые и чёрные, и мужчины и женщины, и дети и взрослые. Одиночество – состояние, которое испытываешь только в большой компании. Но никак не среди дикой природы. Даже африканской. Мораль: избегай людей и живи в горах необитаемых. Это – понятно. Проблема в другом: а примет ли меня Природа, на кой чёрт я ей сдался, какая-то польза ей от меня? Жила она без меня миллиарды лет и дальше проживет, пожалуй...

А одинок ли я сейчас? В примитивном, физическом смысле? Ни в коем случае! Половина Стелленбоша смотрит на меня сквозь очки, бинокли, подзорные трубы и даже телескопы. Я – забавный аттракцион. Меня зовут «Сумасшедший Немец». А как же еще?! Кому придет в голову, что в стане буров завелся русский любитель гор. Да ещё с фамилией Бекман. Нет, это конечно, немец (немцы обожают путешествовать) и, конечно, сумасшедший – ибо кто в здравом уме полезет за колючку, к змеям и неграм?! Они смотрели и гадали: буду карабкаться на триангуляционный знак, или нет.

Не буду! Другие задачи сегодня. Я совершаю терренкур!

Позировать некогда. Покинул балкон и сбежал с вершинки. Как юный пионер. Так легко, что проскочил седловую точку и взлетел слегка на вторую высоту, чуть не сломав ногу, провалившись в какую-то щель. Если первая вершина с трёх сторон имела вид обрыва, а с четвертого – каменного кургана с монотонным подъемом, то вторая – более симметрична. Казалось, какой-то крупный ребенок играл в кубики и насыпал их большую кучу. Кубы разных размеров, но в среднем – в двух-трехэтажный дом. Как сказал П.Валери: «Мир беспорядочно усеян упорядоченными формами». Не все камушки целы – многие с отбитыми краями и в той или иной степени покорежены. Часть из них качалась, но в целом конструкция устойчива. Отдуваясь, хватаясь рукой за сердце, истекая потом, карабкался я по камням, как ящерица. Придерживался теневой стороны, ибо солнце уже превратило мою рожу в медный таз.

В полдень был на вершине.

Вершина являла собой грань куба, на которой кто-то собрал из мелких камней некое подобие тура. Покопавшись, нашел ржавую консервную банку. В ней лежали остатки бумажек, но столь древние, что разобрать ничего не удалось. Сунул туда свою визитку и вернул банку на место.

Любой труд заслуживает награды. Для меня – чудесный вид. Передо мной пространство в чистом виде (И.Бродский). Панорама открывалась во все стороны. И долина реки (сам город не виден, только виллы на противоположной стороне долины), но по-прежнему над царством гор возлежал сексуально озабоченный Симон, а море-океан показало себя во всю ширь. Но особенно впечатлял вид в противоположную сторону – вдаль уходили горы, горы, горы. Хребты теснили

друг друга, как волны прибоя. Были они голы, круты и суровы. Некоторые несли снежные шапки, у большинства вершин кружились облака. Туда и лежал мой путь. Там и ждала меня Рулетка.

Вернемся к терренкуру. Программа-минимум выполнена. Подведем итоги. Кашель перестал, нога разошлась. Болит, но держит. Сердце возмущено, но терпит. Так что последствия длительного авиарейса сходят на нет. У меня был знакомый музыкант, который попал в больницу с тромбозом, слетав в Японию. Я тоже провёл в самолётном кресле 9 часов. Сидел, сидел и повредился. Теперь лечусь.

Я полулежал, прислонившись спиной к туру и рассматривая третью вершину. Она была существенно выше, чем две покоренные мной, но главное – заканчивалась гладкой скалой. Настоящий Белый Клык! Куча приключений на мою бедную задницу....

Пора, однако, на штурм.

Но сначала нужно было позаботиться об обратном пути (в случае выигрыша). В этом плане накоплен негативный опыт. Незадолго до меня здесь бродил профессор Машков. Не знаю точно, куда он взобрался, но только, когда он намылился в обратный путь, тропа исчезла. Обрывы со всех сторон на месте, а тропы нет, как не было! Начало темнеть, и он заночевал на утесе, ввиду огня Стелленбоша. Близок локоть, да не укусишь! Всю ночь он не спал: хотелось пить, мерещились змеи. Утром он нашел-таки тропу и благополучно спустился, хотя и повредился здоровьем, можно сказать – слегка умом тронулся, такое на него произвела незапланированная ночёвка. Однако полечился и все обошлось. Но гулять по местным горкам он уже никому не рекомендовал. Я учел ошибки коллеги. Обернувшись, мысленно сфотографировал местность, нанеся на фото ориентиры тропы. Сделал поправку на ожидавшуюся темноту, а результат запомнил.

Казалось, до третьей вершины рукой подать, но то была оптическая иллюзия. Путь далек. А по короткому пути, туда и вовсе не дойти. Сначала пришлось терять высоту, я спустился ниже курумников, но все же выше скал. Если б с них свалился, то всё – вновь подняться сил нет. Шёл я по гребню узкого хребта, имеющего вид зубчатой пилы. Я то поднимался на зуб, то слезал с него. Иногда, правда, обходил сторонкой. Тропы не было. Понятно, она идёт по перевалам, огибая вершины, а мне же нужны макушки. Я сейчас – альпинист, а не горный турист какой-то. Лечусь от тромбоза, борюсь с инфарктом лёгких и депрессией.

Тропы не было, но был колючий кустарник, иногда – редкий, иногда довольно густой – не продерёшься.

В одном краю такой был случай:

Гуляя как-то раз,

Набрел мудрец на куст колючий

И выцарапал глаз.

Но был на редкость он умён,

И, не сказав ни слова,

Забрел в другой кустарник он

И глаз выцарапал снова.

Глаза были пока целы, но джинсы стали исчезать. Ниже колен они превратились в жалкие отрепья. Но и выше зияли дырами. Рубашка тоже пострадала, её, считай, уже не было. Больше всего, однако, досталось полиэтиленовому пакету с апельсином. Так разодрался, что пришлось выбросить, а апельсин нести в руке.

Но вот начался подъем. Если б не чёртовы кусты, он не представлял проблемы. Я вытаскивал занозы и любовался окрестностями. Цивилизация исчезла. Нигде никаких признаков жилья и вообще существования человека. Ни животных, ни птиц. Сбылась мечта идиота – я достиг одиночества.

Потратив на тягун пару часов, добрался до подножья взлета. Клык имел вид высочайшей крепостной башни, почти круглой. При ближайшем рассмотрении в теле скалы обнаружили многочисленные трещины, в основном идущие вертикально. Но были и горизонтальные. Вопрос заключался в оптимальности маршрута. Сначала путь кажется перспективным, а затем – тупик. После нескольких попыток дело вроде пошло. Цепляясь за всё, что можно, описывая спираль за спиралью, постепенно поднялся на треть пика. И застрял: стою на узком (на ширину ступни) карнизе – ни взад, ни вперед. Вперед, вверх и назад перспектив нет – гладкие стены, а назад – тоже, камень, на который я на миг наступил на пути сюда, обвалился и улетел в пропасть. Так что об вернуться не могло быть и речи.

Брови нависли, душа на мысли.

Стоял я довольно высоко, как отец Василий, но ни орла, ни царица Тамар ко мне не прилетали. Все же хотелось возопить: «Снимите меня – я хороший». Мордой елозил по камню. Что за камень, кстати? Во, брожу по горам и не смотрю из чего они сложены. Понятно, что граниты, а какие? Неужто лейкократовые? Из каких пород сложен Африканский Шит? Не помню! А ведь сказано: «Поднял камень – пойми его».

Если бы у меня был геологический молоток, ледоруб, крючья да веревки....

Ну да! Если бы восхождение вел большой отряд, справа и слева были друзья товарищи со страховкой, натянуты канаты-перила, а на груди застегнут карабин. Если бы у меня были горные

ботинки, перчатки, тёмные очки, да молодое сердце (не говоря уж о руках-ногах). Если бы была фляжка с питьевой водой, ракетница в кармане, передатчик за пазухой. Был бы спальник для аварийной ночёвки и плащ от дождя.

Если б у бабушки были колеса, то это была бы не бабушка, а дилижанс.

Короче, не было у меня ничего, даже документов. Был апельсин, занимавший всю руку. Собирался я его торжественно съесть на последней вершине, перед возвращением домой, но пришлось уничтожить сейчас. Руки освободил. Да и пить хотелось. Жара тут на стенке, страшная, а пил я последней раз в гостинице. Съев апельсин, долька за долькой, и понаблюдав за падением кожуры, стал соображать, что делать. Долго я тут не простою, это точно. Вертолета нет, а из Стеленбоша меня не видно. Ночевать тут скучно - карниз больно узок.

Абзац, бля.

Распластался я, как Христос на кресте, и стал ощупывать окрестности. Пузо мешало, но зато обе руки свободны. Встал на цыпочки и поймал горизонтальную щель меж камнями. Одна рука хваталась свободно, другая – двумя пальцами. Ну, хоть так. Стал я подтягивать на руках свое туловище, елозя ногами по стенке. Надо сказать, я и в детстве-юности не любил таких занятий. Даже на турнике, даже когда лёгким был. А теперь я вешу килограмм 110, если не все 120. Попробуй, подтяни такую тушу, да ещё на пальцах.

Но жить захочешь – подтянешься. Подтянулся и я.

Так и действовал дальше. Находил щель, совал туда пальцы, подтягивался, выползал на карниз, перемещался по нему влево-вправо, опять находил щель.... Если б у меня были крючья и молоток! (Впрочем, я уже об этом вспоминал). Подъём шёл медленно. Солнце палило нещадно. Скала блестела, отражая солнце (альbedo называется). Кожа на мне (езде, ибо я был гол, как эвкалипт) сгорела и покрылась струпами. Все тело - в глубоких царапинах, причём не только на груди-животе, но и на спине-попе, что странно. Руки кровоточили, некоторых ногтей не было вовсе. Надо было, дураку, хоть берет надеть. Теперь же меня хватил удар (то ли солнечный, то ли тепловой, не понял). Голова закружилась, под глазами пошли чёрные круги, меня вырвало. Хорошо бы смочить голову водой (Но о воде я тоже уже вспоминал).

Иногда теряя сознание, иногда приходя в себя, я упрямо полз вверх. Сил не было, но навык оставался. Всё же – не первая эта горка в моей жизни, совсем не первая.

Мастерство не пропьешь!

Не прошло и часа, как я выполз на вершину. Спаси Бо, спас ибо.

Никакого тура тут не было (Дураков всё же мало). Визитку вкладывать было решительно некуда.

Я упал на живот, и отрубился.

Легкий ветерок принес прохладу и привел в чувство. Глянул я: мама! Парю где-то в вышине, а вся местность глубоко внизу. Не разобрать, что там за растительность. Хорошо бы парашют или дельтаплан (Их я еще не поминал?). А так, как прикажете спускаться? Однако будем переживать неприятности по мере их поступления....

Все тот же вопрос: одинок я тут на пике, или нет. Крутом Природа. Неживая, правда. Но приятней живой. Основная жизнь у меня проходит в обществе: я преподаю, и, значит, постоянно общаюсь со студентами, я женат – дочь, зять, внук и прочие родственники, есть друзья, ученики. Откуда же ощущение, что я делаю людям приятное, а они – мне гадость. Ведь я обижен на всех скопом и каждого, в частности. Знакомлюсь с новым человеком, и сразу жду гадостей. Ждать не долго: так и есть. Обидели нагло и целенаправленно. А я утерся и пошел. Переживать. Память хорошая, помню всё – и доброе и плохое. Обиды - всю жизнь. Временной диссипации нет. Уверяю вас, если я сейчас встречу своего детсадовского приятеля Сережку Горшкова, то сразу вспомню, чем и когда он меня обидел. Сначала вспомню обиду, а уж потом всё остальное (а что, собственно, ещё и вспоминать-то?).

Жизнь моя течет в кругу обидчиков. А я – не обращаю внимания. Как будто мы друзья-приятели. Как будто я не присматриваюсь когда и как отомстить за нанесенное оскорбление. Сразу мстить, или ждать повтора? Я беседую с ним, шучу, работаю, занимаюсь сексом (под обидчиком я понимаю как мужчину, так и женщину; в половом смысле – я нормальной ориентации). Тяжело, однако, иногда – невыносимо. Бывает - срываюсь...

Раньше я плохо владел собой, на вечеринках меня часто спрашивали: «Что ты такой сердитый? Чем ты не доволен? Может хозяйка капусту пересолила?» Но потом приспособился – стал веселить общество, рассказывая весёлые истории, в стиле Барона Мюнхгаузена, Д'Артаньяна, да Тартарена из Тараскона. Эффективное оказалось средство с точки зрения сокрытия мыслей и чувств. Становишься душой общества, ненавидя его.

И рассказы я пишу остросюжетные, типа анекдотов. Творческий порыв совпадает с временами депрессии, временами нервного истощения. Если сочинять печальные вещи, вспоминать все обиды, материть подруг-друзей, то точно загремишь в Кащенко. Не говоря уж о том, что эти друзья-подруги быстро рожу начистят, прочтя о себе правду. Неужели все юмористы в быту – мизантропы-меланхолики. Похоже на то...

Но почему на меня накатывает эта мизантропия, т.е. нелюбовь к людям и даже человеконенавистничество? Причем не всегда, а изредка (влияние фаз луны?). Это – генетика, счастливое, поруганное войной, детство, враждебное классово-национальное окружение, усталость от Иуд? Или это - влияние символов моего гороскопа: рак и змея?

Последнее – самое вероятное. Родился я 7-го июля 1941-го года в 11 часов дня. В целом – флегматик. Базовые критерии: медлительность, спокойствие, слабое проявление чувств вовне – все налицо? Откуда же меланхолия (черная желчь), склонность к депрессии, грусти, подавленности, и повышенной впечатлительности? Откуда это тоскливое, подавленное настроение с сознанием собственной никчемности, пессимизмом, с неожиданным переходом в оптимизм-пофигизм? Лунный свет, загнавший на пик да вовлекший в терренкур-рулетку?

Астрологи объясняют: стихия воды, покровительство Луны. Женский знак – смена настроений. «Рак легкомыслен и ненадежен, но чувствителен и верен». Это как понимать? «Внешне он груб и холоден, однако в его мягком любящем сердце всегда найдется место сочувствию. У Рака-мужчины бывают дни такой беспросветной тоски, что не хочется больше жить, но дурное настроение быстро проходит, и вот уже печаль сменяется радостью». Ну, положим, не быстро: печаль исчезла лишь на третьей вершине, а радость пока не пришла. Суицидные грезы испарились: слезать надо. Депрессия была б гармоничней, шаг – и угу...

Рулетка кончилась – я сполз с пика. Вниз ступеней не считают.

Идея воды стала навязчивой. Всё же организм хорошо обезводился и теперь требовал свое. Нужен источник, а где его взять? Разве у меня есть карта, кроки, абрис? Компас, спутниковая привязка? Может я здесь бывал неоднократно, и все ручьи наизусть знаю? Или я догадываюсь, где нахожусь, и где у нас теперь Стелленбош? Нет, я уже давно потерялся, запутал в горах-распадках. Зря, конечно, но что делать?!

Выбор невелик – рвать когти к воде. Я так и сделал. Перевалил на теневой южный склон и стал быстро спускаться, забирая вправо и огибая очередную гору. Нормальные герои всегда идут в обход. Кусты-колючки - не помеха (Эка невидаль!), а вот заросли в каньоне – это да, это препятствие. Сплошной клубок стволов, веток, лиан. Непреодолимое препятствие для двуногого. Так ведь для двуногого! Стал я на четвереньки, сунулся туда-сюда и нашел звериную тропку. Чем я не кабан, в сущности. У человека вообще со свиньей много общего. Тем более, если ему пить захотелось. Бодро засеменял я вниз и нос в нос столкнулся косулей (хорошо – не с носорогом!). У дамы глаза стали квадратными, так она удивилась. Шарахнула в сторону и пошла прокладывать новую тропу. Я же лёгким аллюром продолжил свой путь. Терпкий звериный запах пару раз тормознул меня. Дикобраз? Хорошо бы встретить – было б что вспомнить. Восприятие обострилось, того – гляди собакой стану.

И все же я влетел в речку! Лягушки и зайцы бросились врассыпную, когда я припал к воде. И пил, пил, пил. Чуть отдохнул, и снова пил.

Carpe diem! – пользуйся мгновеньем.

Через некоторое время я лежал на камне над ручьем. Полноводным, до полуметра ширины на плесах. Вода бежала хорошо, была чистой и холодной. Где-то таял снежник. Глубокая тень, тепло. Что человеку надо?! Я расслабился и заснул (Правильно! Хочешь кушать – ложись спать). Не знаю, сколько проспал (часов у меня не было), но дело шло к вечеру. А у меня четыре вершины по плану. Быстро слез с камня и лёг в ручей, образовав запруду. Вращаясь, постепенно смыл запекающуюся кровь. На тело-руки лучше не смотреть, а морду не видно.

В кустах зашуршало-затрещало, и возник бородавочник. Свинья-свиньей, да еще на согнутых коленках. Шея короткая, до корешков не дотянуться (Вся жизнь на четвереньках. Представляете!). Куча выростов на морде усиливала свинское ощущение.

Мы некоторое время рассматривали друг друга.

– Что, козел, уставился, – сказал я кабану, – вали отсюда, пока я из тебя барбекю не сделал!

Тот совету не внял. Воткнув клыки в землю, он стал пахать ими в мою сторону. Ручей, однако, не переходил.

Тогда я встал, отряхнулся, как собака, и полез на свою горку. Не Кастыль, а Гуля Королева – «Четвертая высота». Ручей исчез в камнях. Ущелье стало узким и мрачным. Света не было (И это в Африке). Весной здесь, вероятно, бушевал мощный водопад. Теперь стенка (метров 50) была суха. Препятствие это загнало меня на грань каньона и сильно удлинит путь.

Настал вечер, когда я преодолел лес-кустарник и вышел на пьедестал последней (надеюсь, на сегодня, не навсегда) горы. Она была высока, явно выше ранее мной покоренных, но сравнительно легка для подъема (в том смысле, что особо больших скал-обрывов не наблюдалось). Но я устал, да и повредился слегка (Традиция: лечишься и калечишься). Путь давался с трудом (а когда он легко давался?!). Было тихо. Странно, но за весь день не увидел (и не услышал) ни одной птицы. Ни одной! Даже орла, завалившегося. Они что, в Сибирь улетели?

Стало темнеть, я было подумал о ночи, но нет – то были тучи. Они сгустились, вершина исчезла, облако окутало окрестность. Стало неясно, куда идти. В тумане исчезли ориентиры, а окружающий ландшафт сразу напомнил преисподнюю дьявола.

Подул ветер и слегка проредил туман. Некая видимость восстановилась. Пошёл дождь, сначала слабый, а потом – ливень. И какой! Тот самый водопад. Можно сказать – дождь стоял стеной, если бы он не был горизонтальным. Сильный ветер обмывал мне бок, сдувая с хребта. Не захлебнуться бы. Во! Ещё час назад я мечтал о воде и прохладе. Бог услышал мои молитвы! В избытке и то, и другое. Даже перебор! Потоки воды покрывали щиколотки, я вроде как брел по горной речке, вверх по течению. Зачем я надысь в ручье купался?! Напор возрастал, грозя смыть обратно в каньон. Не пойдут ли сели? А то придется катиться вниз в смеси песка, воды и камней. Так себе удовольствие. Сверкнула молния, грянул гром, в ушах зазвенело. Однако! Я нырнул в щель меж камней, там оказалась пещерка, вполне сухая. Дуракам везет! Вовремя я смылся – пошел град.

Через полчаса туча двинулась дальше, я выполз из укрытия и вновь стал альпинистом. Скользко, очень скользко. Шёл мелкий дождь, дул ветер, не сильный, но противный. И стало мне холодно и мерзко. Вот говорят, что Рак обижается на окружающую действительность. А как на неё не обижаться: бурелом, колючки, жара, холод. То нет воды, то она в избытке. Среда царапается и дерётся. То жара, то стужа. Хаос какой-то. Невольно меланхоликом станешь.

Так и или иначе, но дрожал я, как осиновый лист. Хорошо полечился! Говорить, что промок бессмысленно. Чему промокать-то? Рубашки нет, равно как одного кеда. Тело синее.

Без радости и энтузиазма взошел я на последнюю вершину. Она оказалась выше остальных: на склонах снежники. Но пейзажа не было: мощный слой туч подо мной закрывал все земное. Вверху светило солнце, уже вечернее, но все же – солнце. До неба было недалеко.

Так сошлось: четверг, дождь и Рак. «После дождика в четверг, когда Рак на горе свистнет». Сегодня был четверг, дождь только что прошел. Я вложил два пальца в рот и громко свистнул. Эха не было. Свистнул ещё раз и стал ждать, не произойдет ли чего ценного после дождика в четверг, когда рак на горе свистнет. Но ничего не случилось, видать Рак не тот, или свист не музыкальный. Только тучи распухли, грозя повторить концерт. Пора сваливать.

Погода шепчет, бери расчёт.

...Я вошел в Стелленбош где-то в 2 часа ночи. Кафе покидали последние завсегдатаи. Луны не было, светили фонари. Профессор шлепал босиком по тротуару, с голым торсом, практически без штанов, сияя бронзовой мордой и свежими шрамами. Посторонились парень с девицей.

– Сумасшедший Немец, - повисло в воздухе.

Подвижник

В Кейптауне много музеев. Очень хороших, кстати. Например, морской, где широко представлены обитатели Атлантического и Индийского океанов. Не только широко, но и занимательно. С выдумкой, одним словом. Есть гигантский аквариум. Но этнографический музей превосходит все ожидания. Где еще увидишь такое переплетение рас и народов, причем как ныне живущих, так и давно исчезнувших с лица земли. От обезьяны – до лорда. И обратно! Не формальные экспонаты (какие-то кости, черепки, раскопанные могилы...), а реальные люди, в реальной среде обитания. Точнее, почти реальные. Диорамы, панорамы, как у Рубо «Осада Севастополя». На переднем плане аборигены – в трудах и заботах. Сослепу кажется, что актеры-статисты. Посмотришь внимательнее – все же манекены, а подойдешь поближе – никакие не манекены, а чучела. И птицы, и рыбы, и змеи, и люди – все чучела. Все – в активных позах. Сцены настолько живые, что зритель оказывается участником охоты на носорога, свадьбы, полевых работ на плантациях, войны-драки и т.п. Очень занимательно!

Самое удивительное, но сотворил это чудо один человек! Немецкий ученый Рихард фон Гельфенбейн. Профессор отчетливо понимал, что бушмены, готтентоты, банту, зулу, коса и многие другие народности скоро выродятся, ассимилируют или будут просто уничтожены. Потеряются и для науки, и для любознательных потомков. Нужно было остановить мгновенье. Сначала Гельфенбейн занимался сбором одежды, посуды, оружия и т.п., ну и рисовал, естественно. Но это не то. Это все равно, что вместо фазана, демонстрировать его гнездо. Чучело намного информативнее. Пришлось ученому заняться изготовлением чучел аборигенов. Но вот незадача: для чучел нужны трупы. А где их взять, если царит привычка все кремировать, т.е. публично сжигать на кострах? Да и как создать живую сценку, если умирают старики и калеки, а нужно показать сцену родов? Но Гельфенбейн был не просто ученым, а подвижником, т.е. не только ставил научную задачу, но и решал ее. Он сколотил небольшой отряд и приступил к делу. Например, нужна семейная сценка, типа вождь в кругу семьи. Отряд отправлялся в джунгли-саванны на поиски воинов, старух, молодых, детей, всех компонентов диорамы. Вы даже не представляете, какие трудности пришлось преодолеть! Ведь надо было продрагаться сквозь колючки, без хлеба-воды, выследить нужный объект, потом выкрасть его, аккуратно убить, не повредив шкуру, снять кожу со скальпом, задубить ее, сделать чучело, убрав таксидермические швы, одеть (если надо) и заставить заниматься любимым делом: качаться в люльке, играть с собачкой, ткать-прясть, собирать улитки, заниматься сексом или какой другой работой. Кропотлив труд ученого, требует мужества и выдумки.

Подвижник выполнил задачу!

Теперь многочисленные туристы бродят по залам и восхищаются искусством, дизайном, фантазией. Книжки записи полны благодарностей. Ведь, действительно, удалось сохранить память об исчезнувших племенах и их быте.

У бюста Гельфенбейна при входе музей всегда свежие цветы. Второй век его уважают.

Интересно, однако, жалеет он на том свете, что никто не забил его самого, жену, детей, внуков, не сделал из них чучел и не сотворил живую сценку «Профессор за научным подвигом»?!

Наш бизнес

Бьют барабаны, бьют барабаны. На ум приходит: «Шагают бараны в ряд. Бьют барабаны. Кожу для них дают сами бараны. Мясник зовет...» Но Брехт может отдышать – немцу африканский ритм не выдать. Тут культура нужна. Тысячелетняя. Вестготам не потянуть, а вот готтентотам – запросто. Ведь не музыка здесь, а – язык, способ передачи информации на дальние расстояния. Электронная почта бушменов.

Барабаны бьют для меня. Конечно – это Або, а кто же ещё? Правда он не один – по барабанам шлепает ладонями целое семейство, и не просто так - зовёт меня на встречу, причём не на простую, а деловую. Что-то раздобыли и хотят продать. И не надо быть спецом в койсанском или там бенуэ-конглезском языке, что бы понять призыв. Даже тупому белому, даже профессору.

Пора вставать, иначе музыка будет длиться вечно.

Импровизированный рынок притулился в тенечке. Огромные деревья с гигантскими стволами (не знаю, как зовут) закрывают небо и солнце. На земле разложены шкуры и люди. С одного края – товар, с другого – продавец. Как правило, в спящем виде (продавец, а не товар, кой-какой товар как раз бодрствует и иногда кричит дурным голосом, как тот синюшный попугай, к примеру). Камни, ракушки, кораллы, бусы-чётки, орехи, кое-какая зелень и кое-какая живность. Торговля идет плохо, точнее – стоит. Негритянского населения нет, туристов почти нет, а местные белые отовариваются в универсамах на окраине Кейптауна. Скучно!

Я иду на звук тамтама (или что там звуки издает?) и выхожу на цветастую группу. Картина неизвестного художника: «Або с гаремом делает бизнес». Сам – за ударной установкой – три барабана и бубен, тётка постарше с двух сторон лупит по длинному цилиндру, дама средних лет бьёт деревом по дереву, тогда как самая молодая – торгует. Семейство немцев (а кого же ещё?!) смотрит товар: разборные куклы – мужчины и женщины с гипертрофированными гениталиями, бусы из одного куска дерева, резные погремушки. Суетится японец с видеокамерой – дома ж показать что-то надо!

При виде меня музыка обрывается – телеграф свое дело сделал. Мне все улыбаются и кланяются. Або церемонно подходит ко мне и берёт за руку.

Тут, как опытный путешественник, я должен описать его вид и расу. Ну, вид – это запросто, а вот расу - вряд ли, сам я не спец, а он – не в курсе. То ли он – бушмен (т.е. по-голландски – лесной человек), то ли готтентот (т.е. заяка, тоже по-голландски). А может то и другое одновременно: и лесной человек (прикид – мы из джунглей) и заяка (речь его к соплеменникам – поток щелкающих звуков). Одно другому не противоречит. Сам себя он называет кой-кони. Не знаю, чтобы это значило.

Роста он маленького (мне – по пояс), кожа – светлее, чем у негров, и я бы сказал – краснее. Как у американских индейцев, которых я, правда, никогда не видел. Узкий нос, плоское лицо и уплощенное переносье. Что удивительно, так это монгольская складка у внутреннего угла глаза, образованная кожей верхнего века и прикрывающая слезный бугорок, так хорошо мне известная по сибирским путешествиям (но здесь, вроде, не Якутия?!). Короче, Або – негр, индеец, монгол и австралийский абориген одновременно. Но он не метис – он чистокровный представитель так называемой негро-австралоидной расы, одной из самых больших рас человечества, между прочим. Бушмены когда-то заселяли всю южную Африку (собственно, только их и можно считать коренным населением), но лет 300 назад банту (группа народов, куда входят зулусы, косу, руанда, конго и др.) вытеснили их в пустыни нынешней Намибии, так что лесными людьми их можно звать лишь в насмешку. Болтающийся на груди медно-зеленый крест говорит о его христианстве, а многочисленные жёны и кое-какие ухватки – о склонности к традиционным верованиям (синкретический культ называется). Або, кстати, грамотный полиглот: может писать по-английски, на африканес (по-голландски?) и на своем родном языке. Он мне показывал бумажки – латинский алфавит с таким обилием специальных обозначений для щелкающих звуков, что Даль свихнется.

Главная примечательность экстерьера моего африканского друга – оттопыренная задница. Я сначала считал это его личным достоинством, но увидев его жен, понял, что его филейная часть – далеко не предел. Ребята – любители пышных дамских форм! Что вам Одесса – езжайте в ЮАР (лучше – в пустыню Калахари)! Представьте себе попу, отстоящую от спины на 10 - 15 см и имеющую сверху вид идеально плоской полки, параллельной плоскости земли. Очень удобная вещь: можно поставить кувшин с водой, ребёнка или арбуз и целый день гулять по проспекту. Стеатопия – жирные ягодицы называется. Но что странно: у одесситок сильное развитие жирового

слоя на бедрах и ягодицах связано с обильным питанием, а бушменок – непонятно откуда. Неужто удилки такой эффект дают?!!

Итак, Або взял меня за руку и повел к молодухе. Та, скрестив ноги, сидела на шкуре неизвестного миру животного и держала резное брёвнышко. Отполированное дерево, прочное и тяжелое, маслянисто блестящее. Сплошная многослойная резьба. Нечто подобное везут из Китая: резные шары, один в другом. Но здесь был не шар, а длинное (более метра) полено, в объеме которого паслись жирафы. Необычайно живая сценка: самцы, самки, детёныши щипали траву, рвали мелкие листочки с вершин деревьев. Сделано с выдумкой и вкусом. Верный глаз и твёрдая рука. Вещь стоящая, хотя и громоздкая. Было от чего в тамтамы бить.

Начался торг. Великий торг. Ритуал, между прочим. Я уходил и приходил, вертел полено во всех плоскостях, и даже лизнул. Цена медленно падала, стремясь к половине начальной. Мы ударили по рукам. Лица дам печально вытянулись. И тут я сделал то, что от меня ждали, ради чего подняли шум спозаранку. Достал «Белую головку» (пол-литра, если кто не понял). Публика (включая немцев с японцем) сказала «Ах!». Да, я достал бутылку настоящей русской водки (с Кремлём на этикетке, между прочим) и протянул её Або. Конечно! Все ждали такого поступка! Ожидали. Но все же, как хорошо, когда осуществляются мечты!!!

Вы наверняка читали в Святом Писании про воскрешение Лазаря. А я вот пронаблюдал воскрешение базара. Бутылка ещё переходила из рук в руки, а все продавцы (и дамы, и господа) пробудились от сна и встали за Або. Ударили барабаны.

Я шёл домой, размышляя о поленном искусстве. Бьют барабаны, бьют барабаны... Но эта музыка не для меня. Идет массовое оповещение родственников. О щедрости и (чего уж тут!) глупости Белого Человека, о том, как прекрасна теплая водка в жару....

И как важна международная торговля!

Считанные

*Ему один закон – свобода,
В его свободе есть закон.
Владислав Ходасевич.*

Японцы умеют делать машины. Мотор тихо урчал, даже на подъемах, спусках, виражах, всем своим видом показывая, что наши попытки как-то загнать его – фигня, в худшем случае утружусь на полсилы. А на всю мощь даванёте – ракетой стану.

Бойкая бабенка – Тойота Карина, белая, как мы, катила нас по югу Африки. Пейзаж дикий: горы и скалы. Однако дорога вполне прилична. Асфальт. Мы благополучно переваливали из долины в долину, как в какой-то Чехии. Природа (джунгли-колючки, змеи-слоны-львы, и что там есть местного колорита) была сама по себе, мы - сами по себе. Даже вертикальные лучи солнца не задевали – у нас тонировка. И кондиционер.

Наташа лихо крутила баранку, рассеянно провозжая взглядом камни, вырывающиеся из-под колес и летящие куда-то в пропасть.

Мощная река, гудящая где-то внизу, определяла наш путь.

Лимпопо называется.

«Раскинулось море широко, - несло из динамиков, заполняя звуком салон, - и волны бу-у-шу-юуют вдаль. Т-о-о-варищ, мы едем да-а-ле-оо-ко, подальше от нашей земли».

Моря, положим, не было. Но от Нашей Земли, мы явно удалялись.

Подъем, еще подъем и еще подъем, поворот, подъем, поворот и мы – на каком-то плато. Река исчезла, заросли сгустились, фаллосы пиков, маяки-ориентиры пропали. Асфальт, заодно, тоже. Нас затянул лабиринт каменисто-пыльных дорог, как сеть Соловецких каналов. Мы мчались прямо, сворачивали туда-сюда, сдавали назад, и снова вперед. Просеки прыгали вверх с тем, чтобы тут же спикировать в каньон. Просвет сужался. Буши - колючки цеплялись за зеркала, пытаясь нас тормознуть. Карина прокладывала путь.

Дима водил пальцем по карте (штурман костромской!), я считал повороты. Данные не сходились. Машина встала. Абзац!

С трудом открыв дверь, порвав сеть лиан, я выбрался наружу. На предмет рекогносцировки местности. Сауна ударила по ушам. Жара и влажность. Дыхалка отрубилась. Смрад и тухлятина. Мухи, жучки, слепни, москиты.

Некоторое время мы тряслись у машины, приходя в себя от встречи с реальностью. Прошли немного вперед. Удивительно, но вонь шла не из пространства в целом, а узконаправленным пучком спереди и слева. Как свора собак, мы рванули на запах. Воняло вдоль тропы. Каких-то сто шагов, и мы достигли навеса. Под ним, подпирая коричневый столб, покрытый резьбой, на мой взгляд – вполне неприличной, сидел мужик. Он сам был коричневый, остатки штанов – коричневые и шляпа-горшок, то же коричневая.

Або! – восхитились мы.

Абориген, в позе Мыслителя, погружался в гору костей. С мясом, похоже, уже не свежим. Бьют мерцал в облаке чего-то жужжащего и роящегося.

Предстоял мужской разговор. Проводника следовало заманить на борт Карины. Проблема одна, мы свободно владели обоими русскими языками, но – не более того. Мужской разговор начала Наташа.

Або не отвечал, а только мотал головой. Наташа начала с английского, перешла на древнеголландский (в стиле – африканес) и, наконец, поднялась до высот зулусского. Она говорила убедительно, показывая на себя, на нас, рисуя в воздухе машину и мечту - шоссе-автостраду. Очень наглядно. Даже я понял.

Наконец, мужику надоело. Он вскочил на ноги и разразился гневной тирадой. Крутясь вокруг себя и махая в воздухе руками, изобразил он наш возможный путь отсюда. Затем, как колдун, с воплями «Чур вас, чур вас», предложил нам удалиться.

Мы с достоинством ретировались.

Как ни странно, но Або точно указал путь. Мы довольно быстро выбрались из буша, упали на шоссе, и опять бодро покатали вглубь Африки. С кондиционером и песней «Когда воротимся мы в Портленд».

– А что хотело это Або? Что, собственно, его возмутило? - спросил я у Наташи.

– Он сказал, что не хочет связываться с белыми. Они все - считанные.

Некоторое время мы переваривали информацию.

– Как это – считанные?

– Он – вождь племени людоедов. Говорит здесь – простор, люди–звери-птицы-рыбы размножаются на свободе. По головам не считаны. Проголодался – ешь кого хочешь. Никто слова не скажет, особенно, если скушаешь врага. А белые! А белые - все считаны. Уж сколько раз он таких похищал. Последнее время старался хороших не брать, так – стариков и больных. Все – одно: тут же замечают пропажу, и такой шум поднимают – ноги уноси. Далеко не унесешь, однако, – поймают, отлупят. Потому как считаны они, белые эти. Ну их! Лучше не связываться.

Нам стало грустно. Неужто мы все пересчитаны в своей Европейской тюрьме народов. Похоже на то! У нас нет даже свободы исчезнуть из этого мира, не говоря уж о какой другой. У нас – лишь радио «Свобода». Лишь радио и то, чтоб врать направо. А у этого Людоеда кофейного – есть Свобода, причем без дураков – настоящая. И он волен есть, кого хочет, и его съесть можно. Ограничений нет.

А мы – считаны.

Мало нас - белых.

Усы

В капстранах гордятся своей Свободой. Как же – частная собственность на средства производства. Свобода прессы! Что хочу, то несую. Даже вонючий негр в Кейптауне (вонючий в буквальном смысле, без расизма), сквозь драную набедренную повязку просвечивающий своим пролетарским происхождением и тот приветствовал мое появление, как избавление от русского рабства. Он был снисходителен: это я - недавний раб, только что получивший свободу путем миграции в его благословенную страну, а его предков завезли сюда из экваториальной Африки аж 300 лет назад, так что свобода ему уже успела слегка надоеть.

Не будем рассуждать о положении негров-бушменов в ЮАР. Этим предметом есть кому заняться. Посмотрим, лучше, на свободу белых, и не просто белых, а интеллектуальной элиты.

Когда я в первый раз появился в Стелленбошском университете, то сразу познакомился с профессором из Голландии. (Голландцев там вообще много. Стелленбошский университет, это университет буров, т.е. единственный чисто белый университет в ЮАР, там говорят и преподают исключительно на африканес, а это, как известно – испорченный древнеголландский язык. Голландцы – единственные европейцы, которые на нем могут как-то изъясняться). Бранд был химиком-органиком и одновременно возглавлял секцию горного туризма. Грузный мужчина, лет сорока, с большими «запорожскими» усами и короткой трубкой в зубах.

Однажды, он набрал группу на штурм пика Дьявола, что торчит сбоку от Столовой горы в славном граде Кейптауне. Молодежь - студенты-аспиранты, и один старик, т.е. – я. И, надо такому случиться, что аккурат перед походом у меня отказала правая нога, так что я с трудом перемещался по маршруту диван-сортир. Бабе дорога - от печи до порога...

Но все, же в гору полез. Страшная жара, редкая растительность внизу, повыше - колючие кустарники, быстро лишающие тебя штанов и, частично, кожи, еще выше – крутые склоны (весьма крутые, как стены ГЗ МГУ) – не способствовали моей резвости. Я плелся сзади и Профессор, шедший впереди, даже вынужден был останавливаться, поджидать меня и интересоваться здоровьем. Кончилось тем, что, как истинный Сусанин, Бранд потерял тропу (мы влезли в тучу, внутри которой стеной стоял ливень) и пришлось карабкаться по-черному на стенку. Что ж, бег на четвереньках – мой конек. Дело пошло, и я на руках взгромоздился на пик первым, чем вызвал большое уважение всех участников похода, в том числе – Профессора.

Приезжаю через год и на двери Химфака читаю приказ декана, запрещающий Брандту носить усы. Пошел выяснять детали. Оказывается, студенты выразили неудовольствие произношением Профессора. Декан решил, что плохая дикция вызвана зарослями под носом.

Вывод: немедленно сбрить. Не знаю, насколько улучшилось произношение, но без усов он остался. Жалкое зрелище, однако.

Вот уж, действительно: Университет развивает все качества человека, в том числе и глупость

А теперь вернемся в Россию. Я уже сорок лет преподаю и всю жизнь - с усами. Можешь ли ты, дорогой читатель, представить, что студенты пойдут стучать на меня в учебную часть? Можешь ты себе представить, что декан влезет в разборки и издаст указ, определяющий длину моих усов (и их наличие вообще), форму бороды или бакенбард? И можешь ли ты вообразить, что я подчинюсь приказу и побреюсь? Уверю вас – ничего такого не будет. У нас – полная свобода. Что хочу, то пошу, как хочу, так и говорю, и не ваше это собачье дело!

Интересно, что находясь в дерьме капитализма, крепостные по сути профессора, полны самодовольства, упиваются свободой (не имея ни малейшего представления о том, что это такое) и еще учат нас свободу любить.

Уж чья бы корова мычала.....

Менталитет

Моется тот, кому лень чесаться...

Менталитет – образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе.

Прекрасно!

А как быстро и точно определить духовную установку этой самой группы, не входя в непосредственный контакт с ее представителями?

Ментальность? Это – очень просто! Зайди в ванну и поймешь...

В Германии вас будут окружать многочисленные счетчики воды с указанием как ее расхода, так и стоимости помывки. Вымыл руки, думай – по карману ли тебе мытье ног или какой-иной важной части тела. Если ты человек состоятельный, то вообще весь помыться можешь. Там ты быстро научишься закрывать все краны, и подтирать протечки. Соседи, горничные и просто свободные граждане будут пристально за тобой следить, и доносить, стучать, докладывать (какие тут еще синонимы?) по инстанциям, свой гражданский долг исполняя (ну, и своим духовным установкам подчиняясь, естественно).

Как не стучать, если душа просит?!

В Англии счетчиков нет. Но и смесителей нет. Есть раковина с затычкой и двумя кранами, довольно далеко отстоящими друг от друга. Смешать воду в ладонях даже не пытайтесь: сначала у вас заиндевеют руки в ледяной воде, а затем вы ошпаритесь кипятком. Выход: заткнуть раковину и попеременно заполнять водой из разных кранов, мешая пальцем и методом проб и ошибок стремясь к нужной температуре. Потом уж можете окунать в нее намыленную морду. А если я туда (в раковину!) только что плюнул, или – ноги помыл, да еще не один?!! Да и плавать в дисперсии мыла и отработанной зубной пасты желания нет...

Ясна разность менталитетов?

В ЮАР система, естественно, английская (зря что ли они буров побили?!). По два крана и в раковине, и ванне. Но есть и новации.

По московской привычке, открыл оба крана и заполнил ванну. Правда заполнилась она не до конца, и вода на мой вкус холодновата. Ну, да ладно. Лег я в нее с газеткой и закайфовал. Потом спустил грязную воду, намылился и решил под душем, наконец, помыться. Не тут-то было! Воды нет!!! Как герой «Двенадцати стульев» я отвинтил все краны, сунул палец в трубку, потряс ее. Бесполезно! Засуха. Я не стал выбегать в голом виде с воплями о помощи на лестничную площадку, а завернулся в простыню и стал ждать. В Африке не холодно! И был вознагражден: через три часа пошла вода и через четыре я принял душ.

Утром беседовал с горничной – толстой (толстой!) негритянкой. Она говорила по древнеголландски, я же, видимо, взял еще древнее. Моя твою не понимаю, получилось. Но все же разобрались. Оказывается, каждая квартира имеет право на одну готовую к употреблению бочку воды (объем – 1 баррель?). Вот на это и рассчитывай! Хочешь – принимай ванну, но не мойся, а хочешь – мойся под душем, но без ванны. Можешь, естественно, то и то, но только с трехчасовым перерывом на чаепитие. Легко понять, что за сутки душ могут принять 6 человек (если несколько человек не полезут под душ одновременно, конечно).

А у нас в Москве? Воды – сколько хочешь: и горячей и холодной. Все краны подтекают (круглосуточно и круглогодично). Никто ни на кого по этому поводу не доносит – никого не волнует. И ничего, как-то живем, моемся, кстати, постоянно. Причем – часами. Смесители есть, можно в раковину плевать сколько хочешь.

Нет, положительно, чем больше я сравниваю наш менталитет с западным, тем больше мне нравится российский.

Экология – враг цивилизации

Однажды Фонд Опенгеймера ЮАР объявил конкурс на стипендию Вильсона по экологии. Я подал заявку. Предложил коробочку, которую сам изобрел. Она размером с пачку папирос «Казбек». В ней три патрубка: по одному вытекает вода (любая: хоть морская, хоть из канализации, хоть из болота), а по другому - вытекает. А вот из третьего патрубка капли капая, кап – кап. Не торопясь, но за четверть часа стакан набирается. Дистиллированной воды! Вода никаких примесей не содержит, ее даже пить противно – нужно грязную добавлять для вкуса. А что касается производительности устройства, то при желании я его величиной с дом сделаю, будете бидистилляты ведрами оттаскивать.

Идея южноафриканцам понравилась, прислали 17 тыс. баксов и билет на самолет. Приезжай, мол.

Я и полетел. Сначала до Йоганесбурга, потом до Кейптауна. До Стелленбоша добирался уже на машине. Стелленбош оказался административно-культурным центром буров (Помните Англо-Бурскую войну из песни «Трасвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне»? Так это про них). Буры как придерживались рабовладельческой идеологии, так и придерживаются. Несмотря ни на какие вопли международной общественности. Принимали меня на высшем локальном уровне.

Поехали в деревню на полевые испытания. Хижины на курьих ножках, рахитичные негритята, больные старики-старухи. Кругом болота, болота, болота. Бульон болезнетворных бактерий. Есть где развернуться на ниве экологии, охраны окружающей среды да спасения душ человеческих.

Нашел я ручеек, положил коробочку на камень (чем теплей вода, тем лучше, коробочка заранее покрашена в черный цвет, чтоб грелась на солнце) и пустил самотеком через нее воду. Вскоре накапал стакан первача. Попробовали и одобрили. Особенно порадовались, что все – на халяву: ни насосов для прокачки воды, ни нагревателей, ни химикатов, ничего не надо. Все само работает. Как вечный двигатель!

Бур - начальник, однако, задумался.

– Правильно ли я понял, что если мы внедрим ваше изобретение, то аборигены вместо грязной болотной жижи начнут пить чистую воду и их смертность уменьшится?

– Ну да! – обрадовался я его сообразительности.

– Тогда Вы - наш враг, Вы – наш страшный враг!

– ?!!!

– Врубитесь в ситуацию. Нас белых, т.е. тех, кто поддерживает в этих краях цивилизацию, порядка 300 тыс. А их – 10 миллионов. У нас 1 – 2 ребенка в семье, а у них – 18. Медицина сюда добирается, все больше детей выживает. А ведь местные – не просто дикари, они – людоеды. Сейчас они кушают соседей, а расплодятся – сожрут всю Африку! Если мы начнем воду чистить, то через 20 лет во всей округе не окажется ни одного белого. И от нашей цивилизации (равно, как и от вашей, кстати) останется мокрое место. Нет! Пусть пьют местную водицу, пока мы не придумаем, как законопослушно сократить их поголовье. Давайте так. Мы Ваше устройство утопим в этом болоте. Вам предоставим виллу с садом, бассейном, кондиционером, полную службу, вино, овощи-фрукты. Гуляй себе по горам, Африкой любуйся, вернешься домой - рассказывать будешь. А воду чисть у себя в России. Если кто позволит.

Так и сделали.

Партийная борьба

В ЮАР аборигенов - бушменов никто всерьез не воспринимает. Будто они и не негры вовсе. Борьба идет между двумя племенами: зулусами (Зулу, Амазулу) и косу (Амакоса). Что, кстати, странно уже потому, что тот и другой народ - из группы банту, те и другие христиане. Чего делить-то?

Но Зулу - воинственны. Они гордятся, что обитают на территории, куда не вступала белая нога. Знают, что такое лук и как поймать крокодила. Одним словом - люди 21-го века. А косу - собиратели. Поймает улитку и жует ее в сыром виде. Ни к охоте, ни к войне, ни земледелию не способен. Поэтому было чему удивиться, когда лидер косу - Нельсон Манделла оказался во главе страны, а всю власть захватили его соплеменники. Зулусам это не понравилось. Перед первыми истинно демократическими выборами они обещали: придем к власти – съедим всех косу.

И когда я разглядывал по телевизору председателя партии зулусов, косясь на его зубастую пасть, то осознавал, что такие заявки - не ораторский прием и не пустая угроза. Попадет в парламент - съест оппозицию. В буквальном смысле.

Хулиганка

Обычно я шел из кампуса на химфак стелленбошского университета мимо кокетливой, во всем белом, виллы. По участку бегала обезьяна. Завидев человека, она бросалась к фонтану, набирала в рот воды, подлетала к забору, и, что есть силы, плевала в лицо прохожего.

Буквально с ног до головы обливала, сволочь!

Опасная профессия

По Кейптаунскому телевидению передавали репортаж с фермы. Ведущая бодро трещала о страусе. Тот метнул шеей и одна клипса исчезла. Ведущая недоуменно двинула ушами, но продолжала. Еще бросок - нет и второй. Дама развернулась и свалила с вольера.

Жаль - у нее такой кулон меж грудей болтался!

Реакция

Крокодилы лежали под мостом, как бревна. Мы прошли мимо раз, другой - ноль внимания. Дрыхнут, лентяи. Я взял багор и притронулся к хвосту семиметровой туши. В ту же секунду багор оказался в пасти. Хорошо, что я его не сильно держал, а то бы точно с моста нырнул в болото. Вот это реакция! А ты: "Бревно, бревно"...

Железный занавес

Какие ассоциации вызывают у вас слова: железный занавес, блокада, диктатура меньшинства, апартеид? Наверно – не хорошие. Вот и у меня тоже. Ведь в какой стране я вырос? Островок в море холодной войны, кругом железный занавес, нос не высунешь, внутри – сталинизм, коммунизм, волонтаризм. Да, и экономика, которая должна быть экономной. В том смысле, что ни продуктов, ни товаров. Застой, балет да ракеты. Вот так и в ЮАР, полагал я, там - блокада, в стране – пустота, апартеид, белое меньшинство третирует черное большинство, уставшее государство... И вот радость: занавес рухнул, ворвалась свобода, товары, нефть, демократия. Негр у власти – апартеид в гробу. Возможно, следы бывшего еще остались, да за три года все уйдет, я буду вживаться в страну, а она – расцветать...

В действительности все оказалось наоборот. Совсем наоборот!

Приехал я в современную, процветающую, демократическую страну, а уезжал из разоренного средневекового государства с черным фашизмом у власти.

А что вы хотите? Торжество глобализма! И демократии, в американско-европейском понятии, естественно.

Для страны с хорошими ресурсами, изоляция, блокада, железный занавес – большое благо. Если говорить о развитии науки-техники. До всего надо доходить самому, шевелить мозгами, развивать интеллект. Халявы нет!

Как вы думаете: из-за чего бастуют студенты ЮАР, из-за чего, под гром барабанов, маршируют они по университетским аллеям? Из-за парковок! Машин – видимо-невидимо (у каждого студента-аспиранта, преподавателя, лаборанта), а парковок нет. Точнее, их – море, на каждом шагу. Но все равно – не хватает. Вопрос: а на чем ездит весь этот транспорт (местного производства, кстати). В стране нет месторождений ни нефти, ни газа. Блокада, литр солярки не завезешь. Откуда же бензин? Из угля! Угля в ЮАР много. Немцы (фашисты недобитые) бежали сюда после войны и завезли технологии газификации твердого топлива (мечта Украины!). Простые, дешевые и эффективные. Построили заводы и стали из угля получать углеводы, а из них бензин. Поди, плохо! Но этим они не ограничились: зачем нам шахты, пыль-грязь, гремучий газ, да и сами шахтеры. Они организовали подземную газификацию угля. Представляете! Поджигают с одного конца угольный пласт, а на выходе получают не какой-то там метан, или – не дай Бог – углекислый газ, а бензин. Химики-фокусники!

В ЮАР была сделана первая в мире пересадка сердца, построены атомные электростанции, создана водородная бомба (о ракетах я уж не говорю) и все – оригинальной конструкции, все – по собственным идеям (не как японцы, например). Развитая промышленность обеспечивала всем – от легированной стали до полимеров, от колбас до ботинок, от пятноводителей до спутников. Все было: и институты, и заводы, и ученые, и врачи и профессора.

А что я увидел, появившись в ЮАР вскоре после прихода к власти (с помощью Запада) Нельсона Манделлы, свержения апартеида, снятия блокады и открытия границ? Торжество демократии, либерализма, равенство полов, рас и наций? Может быть, может быть... Но я смотрел с другой точки зрения и видел нечто другое.

Горящие фермы, затопленные говном пляжи, разоренные виллы, брошенные заводы и шахты. Пакующие чемоданы ученые, инженеры, врачи. Массовая распродажа движимости-недвижимости и бегство белых из страны. В Канаду, в Австралию – куда глаза глядят.....

Любое местное производство стало нерентабельным и неэффективным. Ближневосточная нефть хлынула потоком, немедленно уничтожив всю углепереработку, и основанную на ней химию, в том числе – полимерную. Дешевые «япономарки» немедленно вытеснили местные «Жуки». Волна китайского ширпотреба смыла все местные товары. Из продажи исчезли родные овощи-фрукты и даже рыба. Появилась черная икра, селедка и хек. Все привозное. Яблоки, бананы, апельсины и т.п. – все, как одна мать родила, и все, как в Москве, Лондоне и Пекине. Сады ломаются от местных груш, вишен и других плодов, никто их не собирает и не продает. Не выгодно!

Дешевле сгноить. Итог: массовое (здесь – читай полное) закрытие местных заводов и ферм, массовые увольнения, безработица, нищета. Если бы случилась в ЮАР атомная война, то и то последствия были слабее.

А науке вообще пришел конец, равно, как образованию. Зачем учить своих, когда, если что, можно позвать спецов из Германии-Голландии, или там России-Китая, где подешевле. Да и что вы, господа-ученые, изобретать собрались?! Новую коробку передач? Так ее проще у Мерседеса закупить, так она еще, поди, лучше качеством будет. Или, может быть, опреснители? Так их в мире сколько хочешь: и большие и маленькие, и дешевые и дорогие, выбирай по вкусу и по карману. Так что в плане прикладной науки, ваши работы точно никому не нужны, пустая трата средств. А что касается фундаментальной, так если в Штатах кто какой закон откроет, так не удержится – обязательно поделится. В Интернете и прочтем.

Кино, естественно, Голливудское, а новости – по CNN.

Не прошло и десятилетия, как ЮАР потеряла свою самобытность (оставив себе черный фашизм и развитый бандитизм), превратилась в чисто сырьевой придаток Запада и стала медленно впадать в Средневековье. Интеллект покинул страну.

Государства в блокаде! Цените одиночество! Охраняйте Железный Занавес, как зеницу ока. Молитесь, чтоб он где – когда не прохудился!

Их нравы

Когда оправляешься в незнакомую страну, тем более – незнакомый континент всегда волнительно – что там? Какая природа, климат, погода? И, конечно, люди. Какие они, в какие игры играют, а в какие – нет? Вообще – что там за жизнь? Полезно что-то почитать, что-то посмотреть заранее. Вспомнить хотя бы географию. Но куда там! Выдрали меня с дивана, дали под зад, и отправился я в полет куда-то на край земли. Уже в воздухе, имея позади Каир, а впереди далекий Йоганесбург, я, наконец, озабочился вопросом, куда меня черт несет? И углубился в чтение местной прессы, тем более что на борту самолета она присутствовала в избытке. Кое-что мне показалось интересным, я даже сделал выписки. Ознакомьтесь, ежели кому любопытно.

1) Порядок на флоте

– Ситуация полностью под контролем, – сказал министр транспорта Свазиленда Эфраим Магагула на заседании парламента в Мбабане, – Торговый флот нашей страны в полном порядке и в безопасности. Просто мы не знаем, где он, вот и все...

Отвечая на вопросы членов парламента, Магагула признал, что не имеющая выхода к морю страна, утратила следы единственного своего корабля, «Свазимар».

– Мы уверены, что он где-то в море. Мы уже послали экспедицию на его поиски, но из-за проблем с пьянством спасателей, корабль найден не был. Так что, строго говоря, мы действительно его немного потеряли. Но я категорически отвергаю все рассуждения о некомпетентности правительства. «Свазимар» – большой корабль, покрашенный в красивые яркие цвета, его видно даже ночью. Запомните мои слова, он найдется!

2) Скандальные не патриоты

– Из-за чего столько шума? – спросил Весека Самбу на спешно созванной пресс-конференции в международном аэропорту имени Йомо Кеньятта (Кения), – Подобные технические проблемы могут произойти где угодно в мире. Вы не патриоты. Вам просто нравится скандалить!

Самбу, пресс-секретарь авиакомпании Kenya Airways, выступал после отмены рейса из Кисуму через Йомо Кеньятта в Берлин:

– Сорок два пассажира заняли места в самолете, готовом к взлету, но пилот заметил, что одно из колес спустило. К сожалению, азотный баллон в аэропорту был пуст. Пассажиры предложили снять колесо и отвезти его на бензозаправочную станцию, где и накачать, но, к сожалению, домкрат куда-то пропал, и мы не могли снять колесо. Наши инженеры героически пытались накачать колесо при помощи велосипедных насосов, но безуспешно. Пилот, надувавший камеру ртом, потерял сознание. Когда я объявил, что рейс отменяется, один из пассажиров, г-н Муту, ударил меня в лицо свистком от спасательного жилета и сказал, что я – национальный позор. Я ответил, что поведение его смехотворно, ведь всего через две недели будет другой рейс, а пока у него есть возможность наслаждаться пейзажами вокруг Кисуму, за свой счет, правда, но виды того стоят...

3) Находчивость

Водитель автобуса, перевозивший пациентов психиатрической больницы из Хараре в Булавайо (Зимбабве), остановил автобус у придорожного шибины, чтобы выпить пару пив. Когда он вернулся к автобусу, то обнаружил, что тот пуст, а двадцать пациентов бесследно исчезли. Поняв, что ему угрожают серьезные неприятности, водитель доехал до ближайшей автобусной остановки, где и набрал двадцать пассажиров из очереди. После этого он закрыл дверь и отправился прямо в психиатрическую больницу Булавайо, где передал «пациентов» персоналу, предупредив, что некоторые из них – особо буйные. Подозрения у персонала возникли только через три дня – из-за совпадения рассказов всех двадцати. Что касается настоящих пациентов, то

никто больше ничего о них не слышал - думаю, они благополучно вернулись назад в Зимбабвийское общество.

Что-то вспомнила

Вечера в Стелленбоше мы коротали в большой пивной, недалеко от университета. Привлекала нас не сама пивная – там всегда толпится народ, шумно и тесно, а терраса, опоясывающая дом по кругу. Тут хорошо, в теньке днем и в сумерках вечером сидеть, лениво обмениваясь репликами по поводу дефилирующих мимо дам (пока трезвые) и по науке (когда поддавши). Иногда мы пили местное (голландское?) пиво, но больше налегали на яблочный сидр – маленькие бутылочки, из горлышка которых торчит ломтик лимона. Через этот ломтик сидр тянешь. 5-6 бутылочек, и ты – в порядке.

Однажды наше уединение нарушила компания молодых французов – туристов. Все были веселы, довольны собой и пейзажем вокруг. Они, активно жестикулируя, о чем-то болтали, слегка тискали своих дам, поднимали бокалы и чокались. Вино текло рекой. Иногда они подхватывались и исчезали внутри пивной, полагаю, танцевать. Мое внимание привлекла одна дама, бальзаковского возраста, не в джинсах, а в платье, с шалью на плечах и веером, большим и красивым, со слоновой костью в основе. Веер ни минуты не простаивал, он непрерывно трепетал, в разных ритмах, в такт капризов дамы. Женщина была не красива, но пикантна. Можно сказать – центр компании. Она выразительно смеялась, так что иной раз слезы из глаз текли. Глядя на нее, все начинали хохотать. Даже я, сидя от нее за два стола и не понимая по-французски, невольно улыбался.

На какое-то время отвлекся, потом взглянул опять, и обнаружил, что лицо дамы искажает гримаса, причем не смеха, а плача! Дама плакала, причем рыдала, рыдала горько и безысходно, о чем-то безвозвратно ушедшем. Рыдала долго. Это не была бабья истерика. Тоска ее гнобила смертная. Ее утешали, обнимали, вытирали слезы, поили вином и водой, давали что-то нюхать и глотать. Не полегчало! Компания собралась, поднялась и увела ее.

– Что это с ней, – спросил я у ее парня.

– Не знаю, - пожал он плечами, – что-то вспомнила...

Вино Африки (Констанция, Либертас и Пинотаж)

Я не знаток вин. Откуда?! Я химик - на работе спирт пью, в экспедициях – его же, или денатурат, антифриз, одеколон, в той или иной мере очищенные мною, в деревнях – самогонку, а в интеллигентной компании – просто водку. Холодно в России, но скучно. Вино слабовато: героям Хемингуэя для понта и Кальвадоса хватает, а нам нет, нам – надо чего покрепче. Чтоб мордобой в кайф вышел. Поэтому вино особо не употреблял, так – случалось лакернуть в конце попойки, ну и если с дамой сидишь, и до свинячьего визга нажраться стесняешься, тогда да, тогда – вино, шампанское, то, сё. В морских экспедициях – другое дело: каждому матросу положено по бутылке сухонького в день. Питьевая-то стухла! Пьешь его от жажды, без вкуса и удовольствия. Вырви глаз!

Гурманом, короче, не был и Массандру отличить от Абрау Дюрсо точно не мог. Хотя и слышал, что Хванчкара и Кинзмараули – это хорошо, а Солнцедар – так себе.

И только в ЮАР обнаружил, что вино – это наука, это искусство, это технология, это удовольствие.

Жить в Стелленбоше и не озаботиться виноградарством, виноделием и винопитием невозможно. И дело не в вездесущем девизе компании «Стелленбош фармерз уайнери»: ЭКОНОМЬТЕ ВОДУ – ПЕЙТЕ ВИНО! В конце концов, мы на пароходе под таким флагом и ходим. И не в том, что одна из главных улиц Стелленбоша носит имя Адама Таса, напоминая о ферме Либертас и винах с ней связанных. И даже не в том, что приходится часто бывать в институте «Магарач», где тебя давят эрудицией по части алкогольных напитков. (Здесь же находится Исследовательский институт энологии и виноградарства, а также государственная организация, ответственная за качество производимых вин – Департамент Вин и Спиртных Напитков, но я не про них). Просто – виноградники кругом, мимо не пройдешь. Самый большой винный погреб страны, в горе спрятанный, то же здесь. В магазин сунешься – тысячи бутылок, сотни сортов. В любой забегаловке – список на нескольких листах, выбрать невозможно. Народ озабочен, все делятся впечатлениями, где, что и сколько пили. Ученого слова не ввернёшь. Но главное, вкус какой-то немислимый, не на что не похожий (а выпито было не мало), но главное – тот, что надо (К одному философу привели слона и спросили «Что это такое?». «Я не знаю, что это такое, – отвечал философ, – но такое таким и должно быть!» Так вот, я не знаю, что такое – вино, но вино должно таким, как в ЮАР). Невольно гурманом станешь. И снобом, заодно.

К достопримечательностям Стелленбоша (помимо Университета – большого университета, больше МГУ и скалистых гор) относят хранилище вина, самый знаменитый в ЮАР винный погреб – Беркельдер (Bergkelder - «погреб в горе»), построенный в 1967, компанией Distillers Corporation, основанной в 1945 финансовым магнатом Антоном Рупертом. Сегодня - лидирующая корпорация, владеющая лучшими виноградниками и винодельнями Африки, и производящая широкий

ассортимент крепких спиртных напитков. У неё в хозяйстве – «инкубатор» лучших виноградных лоз – материнская плантация из 11 тысяч отобранных, не пораженных филлоксерой лоз, которые используются как генетический фонд и для прививки благородных сортов винограда. Лоза эта высаживается на лучших землях, принадлежащих компании в разных регионах.

Вина компании производятся и хранятся в уникальном погребе, созданном внутри огромной горы в окрестностях Стелленбоша. Штольни-колодцы, настоящий город с улицами, туниками, переулками, кучей отсеков; подземный склад бочек. Здесь под наблюдением Калли ван Никерка по самым современным технологиям производятся известные на весь мир вина. В подземелье постоянно ведется контроль за температурой и влажностью, что позволяет винам достичь совершенства. В 1970-х годах компания сыграла основную роль в поддержке производства вин мирового класса в ЮАР, убедив виноградарей выращивать классические благородные сорта винограда: Шардонне, Совиньон, Каберне и Мерло. В 1979 она начала использовать маленькие бочки из молодого французского дуба для выдержки качественных вин. Только в таких бочках возникает неповторимый фруктовый букет, окрашенный в пряные тона. Но успех дела определяют розовые кусты, обязательно окаймляющие виноградники.

В ассортименте крепких напитков Distillers Co. – сливочный (кремовый) ликер «Амарула», настоянный на диких фруктах, произрастающих только в ЮАР. «Амарула» – мировой лидер продаж среди ликеров. В 1998 году Bergkelder выпустила уникальную коллекцию нефилтрованных красных и белых сортовых вин, выдержанных в бочках 12 - 18 месяцев, под общим названием Fleur du Cap.

История Fleur du Cap началась в 1700 году, когда Fleur du Cap было загородным поместьем Губернатора, где располагался огромный виноградник – 500 тысяч виноградных лоз. Эта территория была выбрана виноградарями компании Bergkelder из-за почвы и климатических условий, оптимально подходящих для требуемых сортов. Умеренный климат с достаточным количеством осадков и почв, варьирующихся от песчаных с примесью глины и мела до гранитных и каменистых, являются идеальной основой для выращивания качественного винограда. Основные вина: Fleur du Cap Merlot, Fleur du Cap Shiraz и Two Oceans (белые и красные вина).

Теперь немного истории. Её можно строить по временам правления королей (типа пронумерованных Жуанов-Хуанов или Луи-Людовиков), можно как историю деяний (историю великих географических открытий, к примеру), а можно, как историю продукта (в нашем случае – вина).

С точки зрения винной темы события развивались так. В 1488 Б. Диас обогнул Африку с юга, открыл мыс Доброй Надежды, в 1500 там же погиб. Васко ди Гамма в 1597-99 гг. совершил плавание из Лиссабона в Индию, обогнув Африку, и обратно, проложил путь из Европы в Индию. Между этими двумя датами в 1492 – Колумб открыл Америку, пообещав прямой путь в Индию, но обманул. В 1521 экспедиция Магеллана (уже под командованием Х.С.Элькано) прошла оконечность Африки с востока на запад.

В 1652 на полуостров высадился бывший корабельный врач, а теперь первый Губернатор голландской Капской колонии Ян ван Рибек и первым делом основал Кейптаун. Он привез с собой виноградные лозы, посадил их в своем поместье (как раз там, где сейчас растет виноград для Fleur du Cap) и 2.02.1659 откушал вино собственного производства. Именно ему принадлежит честь основателя южноафриканского виноделия. «Сегодня, благодарение Господу, вино впервые изготовлено из винограда Кейпа в дубовой бочке», – торжественно объявил он. Успех предприятия послужил сигналом к дальнейшей посадке виноградников в Южной Африке.

Еще до Рибек первые европейские переселенцы, голландские предки буров, выращивали у подножия Столовой горы столовый виноград (для еды, а не вина). Но организацией производства из него вина занялся именно Рибек. Он учредил станцию продовольственного снабжения Ост – Индской компании и заложил первые виноградники в окрестностях поселения. Сразу же предполагалось, что вино с этих виноградников будет использоваться не для «чистого» удовольствия, а как питье для моряков во время «бесконечных» рейсов из Европы в Индию и обратно. Вино – более здоровый и менее скоропортящийся напиток, чем питьевая вода. Прекрасное профилактическое средство против свирепствующих в зоне экватора кишечных инфекций.

Тут важно отметить, что тогда фермерство было развито слабо. Развитию виноделия препятствовало недоверие фермеров к данной отрасли. Кроме того, первое время (и довольно долгое) Голландская Ост-Индийская компания не разрешала фермерам осваивать новые земли и не отдавала землю в частную собственность. Считалось, что обязанность служащих компаний – снабжение заходящих в порт судов. А никак не сельскохозяйственная деятельность с целью личного обогащения. Однако постепенно колония разрослась, у поселенцев появились свои интересы, и такая политика стала вызывать активное недовольство фермеров. Бунт разразился в 80-тых годах XVII при втором губернаторе и связан он, правда, не столько с виноделием, как таковым, сколько с коррупцией (Может ли какая история избежать рассказа о коррупции? Никак не может!)

Второй голландский губернатор (с 1669) Капской провинции Симон фан дер Стел прославился тем, что основал Стелленбош (1679). Но для нас важно, что он, получив в 1685 г. в подарок от все той же Ост-Индийской компании ферму (поблизости от Кейптауна), назвал ее в честь дочери Констанцией, разбил виноградники и стал производить прекрасные сорта белых и красных вин, в том числе – феерические десертные вина, которые, в частности мускат Констанции, стали знамениты в Европе во времена наполеоновских войн. Этот губернатор был не только энтузиастом, но и знатоком виноградарства и производства вин.

Вопрос: Что объединяет Наполеона, Бисмарка, Дюма, Луи – Филиппа, Фридриха Великого, Бодлера и Лонгфелло? Правильный ответ - восхищение вином из Южной Африки, точнее из первого на её нынешней территории виноградника в Констанции. То вино, александрийский мускат с явными отголосками лимона и мёда, слыло одним из лучших в мире на рубеже 18 - 19 веков и было известно в Европе просто как «вино из Констанции», или «горшок мёда». Горшок мёда, «ханепут» на африкаанс, считается наиболее типичным сортом южноафриканского вина и производится поныне, причем из гроздьев лозы, которая приходится дальней родственницей той, что завез из Европы первый губернатор голландской Капской колонии Ян фан Рибек.

Но Стел – не только губернаторство, Стелленбош и мускат Констанция. Это ещё и коррупция (Прямо напасть какая-то: если деловой, значит прохвост).

Некий купец Адам Тас не поленился обвинить в коррупции Второго Губернатора. Дело было так. В те времена поселенцы Капской колонии жили за счёт продажи провианта и вина на корабли Ост-Индской компании, которые заходили в Кейптаун для пополнения запасов. Чтобы известить купцов о том, что корабль бросил якорь и ждет продавцов, палили из орудия на Сигнальном холме Кейптауна. Услышав пальбу, купцы наперегонки устремлялись в порт, пытаясь опередить конкурентов и сбыть свой товар. Так вот, Адам Тас, который жил в Стелленбоше, а это в 40 километрах от Кейптауна, обвинил губернатора в мухлеже, конкретно в том, что Ван дер Стел, не будь дурак, сначала продавал морякам свой товар, а уж затем палил из пушки, открывая забег купцов.

Тасу это не понравилось. Причем своё недовольство он выразил шумно и публично. Даже бунт поднял. А обличение начальства до добра не доводит. Таса закатали в «чёрную дыру» – лишенный окон карцер кейптаунского «Замка Доброй Надежды», первого каменного укрепления города. Кастл – большой каменный форт пятиугольной формы, с довольно мрачными подземельями. В «чёрной дыре» Тас отсидел довольно долго. Настолько долго, что политика Ост-Индийской компании изменилась – фермерам разрешили брать наделы. Выйдя из застенка, где заключенные нередко сходили с ума, Тас так обрадовался, что воскликнул: «Наконец, я свободен!». Тут же купил участок земли и основал винную ферму, назвав её «Либертас», т. е. «Свободный Тас». По иронии судьбы именно он, а не губернатор Ван дер Стел, прославил местное вино. Его ферма функционирует до сих пор – самая старая ферма ЮАР - сейчас полное её название – Oude Libertas (Старый Либертас). При ней имеется большой открытый амфитеатр, где летом регулярно бывают музыкальные представления.

Роль голландцев-буров в развитии местного виноделия существенно, но вклад французов – гугенотов (кальвинистов) весомей. Действительно, первые опыты винотворчества на юге Африки разили дилетантизмом до тех пор, пока французские гугеноты не решили разделить одиночество своих европейских братьев по разуму. Охота к перемене мест у гугенотов возникла во времена королевы Марго (после Варфоломеевской ночи, случившейся 24.08.1572, т.е. еще до плавания Диаса). К концу XVII века бордосские секреты виноделия дали первые плоды на Кейпе. В самое короткое время капские вина стали хорошо известными во всей сети факторий Ост - Индской компании. А началось все в Стелленбоше три века назад, когда тут начали выращивать французские сорта винограда. Именно гугеноты приспособились производить французские вина в Африке (Сейчас истинно французских вин во Франции нет, там секрет утерян. Настоящие (старинные) французские вина производятся в ЮАР. Причем только на Кейпе). Вплоть до XIX века европейские царствующие дворы гордились тем, что потчевали своих августейших гостей редким вином «Констанция». Тяжелое десертное мускатное вино из подвалов «Констанции» вскоре надежно утвердилось на столах тех, кто мог оплатить его доставку в Европу.

Местные потомки французских гугенотов сейчас владеют 4000 поместий, производящих по несколько сортов вина каждое. (Это сколько ж труда нужно, чтоб их все перепробовать? И сколько денег, хоть по 100 гр. каждого?). Я, вот попробовал только Каберне Ланжерак, Мерло, Пинотаж Делхаим, Пино Нуар Хамильтон Рассел, Алто Руж, Мюрати, Шардоне и то чуть не спился. Но подтверждаю: любое из них – лучше французского. (Про грузинские и молдавские я вообще молчу: кто не видел Мерседес, для того и Запорожец машина).

Голландцам-французам повезло – климат Капской провинции уникален. Два океана, холодный Атлантический и теплый Индийский, объединяются у Мыса Доброй Надежды. Это определяет климат прибрежного региона (Coastal Region), делая его умеренным и прохладным с преобладанием морских бризов, что освежает виноградники региона. Поэтому Coastal Region - один из лучших в мире винодельческих районов.

Сейчас виноделие Южной Африки одно самое быстро прогрессирующее в мире. Но так было не всегда. После феноменального взлета на грани 18-го – 19-го веков оно познало долгое увядание, связанное с английским захватом Капской колонии и наплывом европейских вин. Виноградники старели и вырождались, утрачивалась и становилась архаичной технология виноделия. Возрождение наступило в начале 20-го века, когда «Либертас», бывшую ферму Адама Таса, купил энергичный янки Уильям Уиншоу из Кентукки. После первого же посещения района Стелленбоша, его поразила мысль, что неважно, где вино делать, лишь бы были подходящие природные условия. Ферма, которую Уиншоу когда – то арендовал за доллар в месяц, теперь – часть обширного предприятия «Стелленбош фармерз уайнери». На ней трудятся 3,5 тысячи человек. Это пятая в мире по значению винодельческая компания. «Большая Констанция» возродилась лишь в 1975 как крупное винодельческое предприятие. Вскоре на свет появилась ее младшая сестра – «Малая Констанция». Сегодня оба завода – элегантные памятники афро-европейской винодельческой традиции. В начале 21 века в мировом производстве винной продукции лидировала Франция (22% от мирового производства вина), за ней Италия (20%), Испания (13,6%), и Южная Африка (5%).

Рассказ мой будет не полным, если не упомяну особый красный сорт, который не встречается больше нигде в мире, «Пинотаж» – единственный гастрономический символ, по которому ЮАР узнают во всем мире (с той же чёткостью, с какой в общественном сознании ЮАР ассоциируется с алмазами, англо – бурской войной и апартеидом). Пинотаж – результат скрещивания двух французских виноградных сортов: пино нуар (знаменитый как по красным бургундским винам, так и по шампанскому) и сенсо (проявил себя в вине Шатонеф-дю-Пап, виноградники на юге Роны), который в ЮАР был известен под именем «Эрмитаж». Пинотаж вывел в 1926 году профессор И.А.Перольдт в университете города Стелленбош: учёному хотелось совместить выдающиеся качества капризного винограда пино нуар и выносливость неприятельного сенсо-эрмитажа. Правда в то время на этот подвиг селекции не обратили особого внимания, и новый сорт оставался практически в полной неизвестности вплоть до 1961 года. В тот год пинотаж занял первое место на главной выставке страны. Взыскательное жюри и все участники выставки были очарованы этим вином и потрясены качествами не известного до тех пор сорта винограда, так что неудивительно, что сразу после этого в ЮАР случился пинотажный бум. Все виноделы страны, от крупнейших до самых мелких, начали освобождать виноградники под пинотаж, что привело к перепроизводству винограда, а по законам ЮАР в таких случаях урожай идёт на перегонку для изготовления знаменитого южноафриканского бренди. К тому же в те времена вино из пинотажа нередко получалось с неприятным привкусом «ржавых гвоздей» (это когда вино бродит при слишком низкой температуре).

Закономерный, но печальный результат бума: к 1993 году только два процента всех виноградников страны еще оставались под пинотажем. Казалось, катастрофа неминуема и новому виноградному сорту грозит полное исчезновение. К счастью, пинотаж был спасен вовремя проведенным винным конкурсом, на этот раз международным. В 1991 году Бейерс Трутер из винодельческого хозяйства Канонкоп, не изменявшего пинотажу со времен своего основания в 1973 году, своим пинотажем заслужил титул винодела года на конкурсе International Wine and Spirit Competition – самом престижном винном конкурсе в мире. Международная винная общественность немедленно примчалась в ЮАР узнать все про новый сорт и пришла в ужас от его положения на родине. Было создано Общество виноделов пинотажа, пинотажные лозы начали закупать Калифорния, Новая Зеландия, Австралия, Зимбабве, Бразилия и даже Канада. Теперь пинотаж стал признанным во всём мире красным вином, в юности его что – то роднит с молодым лёгким божоле, в зрелости он развивает глубокий плодовой вкус, напоминающий о винах долины Роны, ближе к старости сдержанностью и элегантностью становится похож на бордо. Вкусовые и ароматические оттенки – это богатейшая гамма от тонов ежевики и дубленой кожи до дыма костра и дуба, а также чуть – чуть зажаренной на открытом огне антилопы посреди буша под бездонным южным ночным небом. (Каково сказано, А! Всё, бросаю писать, лучше уже не придумать...) Из него, впрочем, делают еще и розовые, красные игристые и даже крепленые вина типа порто. Теперь в ЮАР он выращивается только на своей родине (зато куда с большим тщанием, чем раньше!) – в районе Стелленбоша.

Надпись на бутылке Pinotage, продающейся в Москве, более скромна: «Вино насыщенного темно-красного цвета. Изготавливается из винограда сорта Пинотаж (100%), выращенного в районе Стелленбош в ЮАР. В аромате вина преобладают тона спелых бананов, гуаны, африканских трав и крыжовника, дополняемые хорошо сбалансированным фруктовым вкусом с сочными нотами красных ягод и длительным послевкусием. Хорошо, но нет, ни дубленой кожи, ни жаренной антилопы, даже про ржавые гвозди – ни слова!

Я появился в Стелленбоше, когда там состоялась первая интернациональная дегустация пинотажей. Были представлены образцы из Бразилии, Калифорнии, Зимбабве, Новой Зеландии и, разумеется, ЮАР. Были тут пинотажи пурпурных, бледно – красных и кирпичных цветов, с различными ароматами и вкусами – от изюма, вымоченного в портвейне с пряностями, до свежих летних фруктов. Каково же было удивление всех, когда после слепой дегустации на первом месте

оказался новозеландский пинотаж (правда, два остальных завоевал южноафриканский)! Сам Бейерс Тругер, который сделал пинотаж знаменитым на весь мир, признал, что вино Babič Winemakers Reserve 1999 - идеальный пинотаж. Пинотажные вина уже отправились в кругосветное путешествие, но они навсегда связаны с именем ЮАР, страны изысканных рислингов и шардонне. Страны, вырастившей самый интересный новый сорт за последние несколько сот лет.

Увы! Дегустации случаются не каждый день. А как жить в суровые будни?

А вот об этом побеспокоился предприимчивый Малан вместе со Спатцем Сперлингом из «Делхейма» и Нейлом Юбером из «Спира» в 1971 создавший СТЕЛЛЕНБОШСКИЙ ВИННЫЙ ПУТЬ – нечто вроде нашего «Золотого кольца», только базирующийся на винодельческих фермах.

Много путешествий совершили мы по кольцам того пути. Вкусных, полезных, хмельных.

Эффективный экзамен

Экзамен на автовождение в Африке сдается не так, как у нас. Двор, посреди – прямоугольный бетонный помост высотой в рост человека. За ним наблюдает мужик с балкона. Он в микрофон произносит твою фамилию. Ты идешь вдоль дюжины различных машин и выбираешь любую. Затем берешь две доски, несешь их к помосту и сооружаешь себе наклонный мостик. Доска упирается одним концом в землю – другим – на плоскость помоста. Расстояние между досками и угол наклона выбираешь себе по вкусу. Заводишь машину, разгоняешься, въезжаешь по шатким доскам на помост, делаешь круг и задом съезжаешь на землю. Все! Экзамен сдан.

Ремонт машины, рухнувшей с «моста», - за твой счет!

Чистота без субботников

«Все - на коммунистический субботник! Все – на борьбу за чистоту наших улиц!»

Я родился и вырос под этими лозунгами. Всегда знал, что это значит. А значит это не просто ударный труд в выходные, а именно уборку улиц. Обычно весной. Тут очень кстати день рождения Ильича случался, так что пик активности приходился на конец апреля, когда в наших краях окончательно сошел снег, высыхала грязь, зимний мусор (включая трупы) вылезал на свет божий и, ежу ясно, пора убираться. Главный субботник так и назывался – Ленинский. Но и осенью тоже случались субботники. А как же?! Листья-то падают, сгребать и сжигать их надо? Надо! Вот и палили костры, сжигая заодно сараи или более важные строения. Субботники происходили не только по субботам – они случались и в воскресенье, праздничные дни, а то и просто в будни. Иногда я отлынивал от них, а иногда выходил с охотой – отчего не поразмяться на свежем воздухе?

Мы всегда твёрдо знали, что без нас (школьников-студентов-интеллигентов-солдат) дворники никогда не уберут мусор во дворах, колхозники не скосят сено и не соберут картошку, строители не сдадут дома. И сколько бы мы не ехидничали по этому поводу (тут и песня Высотского «Товарищи ученые, доценты с кандидатами...», тут и реплика Ильфа, что не надо бороться за чистоту, надо убирать), все равно – без нас никак не обойтись. Хотя бы два раза в году.

Прошли годы, социализм сменился капитализмом, о Ленине и коммунизме никто не вспоминает, а субботники живы до сих пор. И можно утверждать, что все наступившее столетие мы будем слышать призывы «На субботник!!!» и муниципальное начальство (а может и партийное, кто знает) будет подавать пример, позируя перед камерами с граблями, метлами и лопатами. А как иначе навести порядок в российских городах да поселках??? То-то и оно!

В Германии, однако, как-то справляются, улицы блестят чистотой (и в городах, и в поселках), причем во все времена суток и в любые времена года. А субботников нет!

Ну, так то немцы, что с них взять? Несчастный народ..

Да, но и русские в Германии перерождаются. Моя подруга, русская до мозга костей, получила вид на жительство в Нойесхерберге. Через три недели к ней пришли и указали на пыль на тротуаре.

– Я учёный, а не дворник! – сказала дама.

Немцы кивнули и ушли. Тротуар стал мыться сам собой, и пыль исчезла. А еще через месяц пришел счет, равный годовой плате за квартиру. Так что, когда я ее посетил, она чмокнула меня в щеку, и побежала затирать мои следы на асфальте.

Совсем онемечилась баба!

Впрочем, я сейчас об Африке, а не о Германии.

В первый раз я летел туда с ЮМ – научным сотрудником одного института РАН. Он уже бывал в Стелленбоше и делился впечатлениями.

Месяц проходил в одной рубашке! Представляешь! По жаре. Нигде, никакой пыли!

Я ему не очень поверил и несколько рубашек всё же взял.

Стелленбош, конечно, превзошёл все ожидания. Казалось, Германия – предел, но, видать, голландцы упертее немцев будут. Не то, что на дорогах-тротуарах, на машинах ни пылинки не было. Три месяца ботинки не чистил, ноги в присутственных местах аккуратно на стол клал – все

радовались! И это в регионе, соседнем с опустыненными саванами, в регионе, где ветра деревья валят.

Правда, черновой труд – весь на неграх, те утром прорастают в городе сквозь почву, а потом в ней же исчезают. И целый день что-то чистят. Но и буров роль не маленькая – идея, воля, нервы. Но главное – техника. Дорожные пылесосы!

Солнце еще не проникло в долину, а улицы Стелленбоша оглашаются диким грохотом и шумом. На работу вышел пылесос, большой, как комбайн «Нива». Он собирает не только пыль: листья, цветочки, веточки, бумажки – все, что бесхозно валяется на асфальте и травке бульваров, все – его добыча. Заодно, он моет улицу шампунем! А затем подтирают капля.

Поэтому, действительно, пыли нет, одну рубашку можно носить месяц не снимая, можно и самому не мыться.

Но козлом вонять будешь!

«Вика»

*И чего я мечусь в иступленьи
По морям и по всем побережьям?*

Е.Евтушенко

«В Кейптаунском порту, с какао на борту, Жанетта поправляла такелаж»... – весело распевали мы известную нам с российского детства песенку, шагая по этому самому порту. Прохожие недоуменно оглядывались на нас – никто здесь такого никогда не слышал. А мы шагали и искали таверну Кэт (чтоб набить морду и англичанам и французам, одновременно). Но не нашли, ни таверны, ни матросов. Туристы, да обслуга...

Но что-то интересное было. Фрегат Виктория! Элегантность и мужество. Женское, причем. Мимоходный взгляд, и понятно, почему корабль по-английски всегда женского рода, а, по-испански, попутный ветер – ветер в попу. В женскую, естественно, в какую ж еще? Так и хочется овладеть. Кстати, многие реализовали мечты. Переходила Вика из рук в руки с завидной частотой – то пираты, то военморы ее величества, то люди губернатора (пираты-адмиралы, смотря по обстоятельствам). Только не подумайте, что пираты поднимали Веселый Роджер – черный флаг, с черепом и костями. Ни в коем случае! Пираты – народ суеверный и ходить под флагом собственной смерти ни за что не станут. И пираты, и адмиралы изображали на флагах святых-покровителей, может быть – разных, но святых.

Представьте себе – синий корабль (коричневые борта) на синем море, безупречные обводы, три мачты, косой парус на кливере, британский вымпел на гроте, бушприт торчит из форштевня, держа носовые паруса; гигантский якорь рвется клешнями вперед; пушки лыбятся из открытых люков; корма с семью окошками (маленькими!) обведенными кокетливой белой резьбой и многосекционный фонарь сзади на специальной штанге. А дама деревянная! Дама под бушпритом, стоит чуть наклонившись вперед, в темном платье до пят с открытым верхом, с рыжими волосами, развивающимися на ветру, а сзади ниспадающими ниже колен. Руки вдоль боков чуть сданы назад. Купается себе в волнах, блестит на воде, и сам черт ей не брат. Единственная женщина на корабле – секс-символ флота. Залюбуешься! Особенно издали, особенно, когда парусник скользит по волнам при хорошем ветре.

Но вблизи, особенно когда сам на фрегат погрузишься, да выйдешь в море – впечатление другое. Хуже как-то...

Ведь как мы представляем океанское судно? Тем более – военное и тем более – фрегат. Ведь фрегат – второй по величине военный корабль (после линейного). Способен нести до 60 пушек. Но линейный корабль воюет коллективно: выстраивается в линию с себе подобными, и ждёт пока линия противника подойдет и напротив станет. Чтоб удобней было пуляться ядрами. А фрегат одиночек, как борзая. Он занимается крейсерством, рейдерством, «свободной охотой» – называйте, как хотите. Гуляет в одиночку, то прячась в скалах, то океан пересекая. Выслеживает и уничтожает (или захватывает, если нужда припрет) торговые суда или боевые корабли, пиратские бригады – все, что посчитает нужным. Корабль для нарушения морских перевозок, одним словом. Но чтобы ходить далеко в одиночестве, нужны продукты, боезапас не малый, нужно где-то размещать солдат, не говоря уж о свиньях (кушать этим солдатам чего-то надо). В фильмах фрегат кажется большим, есть где разойтись, где подраться.

Все не совсем так. Ширина судна – три шага, с носа по корму – шагов тридцать. Как черноморский траулер. Даже меньше. Пушки не помещаются. Они не могут стоять задом друг к другу – их размещают со сдвигом фазы. Так, чтобы после выстрела орудие могло катиться от борта к борту. Штурвала нет (красивые двойные штурвалы, с загорелыми мужиками при них – выдумка кинематографистов), корабль управляется румпелем, т.е. палкой-шестом, в ось руля воткнутый (правило рычага помните?). Кают нет – один кубрик: матросы – вповалку, офицеры – в гамаках. Кают кампания – на шесть человек. В трюме гравий – балласт. Ветер дунул, и все на бок. По палубе волны ходят. Можно на такой посудине выходить в море, тем более – в океан? Как автономно плавать месяцами? Что кушать, что пить, чем стрелять, чем ремонтировать сломанные снасти? Да при этом нападать на кого-то. Самим бы в живых остаться, с мечтой о суше.

Тем не менее «Виктория» прожила бурную жизнь, неоднократно становясь то пиратским, то антипиратским судном.

В праздник, «Виктория» под восхищенные взгляды публики прошла по бухте и устроила показательные стрельбы. При первом же выстреле одна из пушек рванула назад (эффект отдачи, называется). Причем так активно, что порвала канаты, пролетела палубу, пробила фальшборт, булькнула в воду, и исчезла.

– Однако! – сказала команда, – эдак пушек не напасешься.

А я пожалел, что нет студентов – можно было бы наглядно продемонстрировать, последствия альфа-распада, и показать, как атом отдачи рвет химические связи и вылетает из твердого тела.

Решилась и другая загадка. В трофейных фильмах («Королевские пираты», например), и в наших, снятых М.Ромом про Ушакова, корабли стреляют ядрами, причем не просто ядрами, а бомбами с фитилями. Бомба падает на палубу, вертится, фитиль горит. Бах! Взрывается и в куски разносит округу. Вопрос: где у пиратов заводы по производству оружия массового поражения, откуда спецы. Попробуйте сами изготовить ядро. Хотя бы сплошь чугунное, хотя бы одно и такое, чтоб влезло в вашу же пушку. Найдите месторождение железной руды, постройте шахту, соорудите домну, при ней – литейное производство и ОТКа с лекалами. Найдите месторождение селитры, организуйте производство пороха-динамита. Получится, тогда и о производстве бомб-снарядов думайте. Кто и где видел пиратские мартены! Или морского разбойника за прокатным станом?!

Менталитет не тот!

Кроме того, что такое – Океан? Это – ветер и волна в 12 метров. А вам пришла охота пострелять. Рассчитайте эффективность. Можно – в модельном варианте. Ставим одну пушку на качели с пружинами (чтоб не только вперед-назад колебалась, но и вверх, вниз дергалась) и начинаем пальбу. Думаете первым выстрелом уничтожить противника? Это – вряд ли! А попасть ядром в мачту другого судна, когда вы взлетаете на волнах, а потом в них же проваливаетесь, когда палуба становится перпендикулярной к плоскости моря, когда на вас сверху обрушивается стена воды и вы катаетесь по палубе в поисках запала, легче?! Сомневаюсь, ох, сомневаюсь! Причем ведь и цель мельтешит пред глазами. В кино – да, в кино, где палуба, как стол, там можно. А реальности – нет...

Но тогда как вести морской бой? А очень просто!

Стреляем не ядрами, и уж тем более не бомбами и отнюдь не по людям или там по мачтам. Тащим из трюма гальку, гравий, щебень, или что там еще на пляже насобирали, когда балласт засыпали. Заряжаем пушку и стреляем по парусам. Разлет большой, парус – то же не маленький. Куда-нибудь да попадем. Пара – залпов и у противника парусов нет, скорость он теряет, ложится в дрейф. Мы его настигаем, кидаем кошки-крюки, подтягиваем. На абордаж!!! А там уж – шпаги, ножи, кулаки. У кого задора больше, тот и прав. Драке качка не помеха...

Много таких битв «Вика» повидала и ничего – выжила! За что ей теперь – уважение.

Чистая бомба

Обычно я отправляюсь в путешествие без напутствий от власть имущих. Но перед отъездом в ЮАР, в иностранном отделе ко мне подсел молодой человек, посмотрел анкету, и, узнав из нее, что я радиохимик, посоветовал (настоятельно посоветовал) внимательно отнестись к хранению и утилизации трития. А, заодно, ко всем проблемам с ним связанным.

«Что за черт, – думал я, – причём здесь тритий. Откуда он ЮАР взялся, а если взялся, то что с того! Мягкий бета-излучатель, через 12 лет распадется, и все дела...»

Жизнь, однако, разнообразна. Она же удивительна.

Мир помешан на терроризме. Все боятся, что кто-то украдет ядерные материалы, создаст атомную бомбу, и сбросит ее на ближайшее скопление глобалистов. Но страхи – мнимы: атомную бомбу создать практически невозможно. Из чего ее ни делай, из урана-235 или плутония-239, нужны огромные затраты и изощренные технологии. Производство громоздко – для наработки плутония понадобятся мощные ядерные реакторы, а для разделения изотопов урана – десятки тысяч ультрацентрифуг. Завод, имеющий в поперечнике диаметр с десятков километров, скрыть невозможно. Его неминуемо заметят, и незамедлительно разбомбят международные жандармы. Да и тяжела она, атомная бомба, требует мощных средств доставки. В багаже автобуса ее не провезешь.

Но на свете есть еще термоядерное оружие. Водородная бомба называется. Ее не ждут в руках террористов. Логика проста. Чтобы пошла термоядерная реакция и взорвалась водородная бомба, сначала должна рвануть атомная! А про атомную мы уже все сказали. Если сделать атомную бомбу трудно, то водородную – ещё труднее.

Вот тут Дьявол и замешен... Кто сказал, что атомный запал обязателен?! Нельзя ли так устроить, чтоб взорвалось что-то еще (вполне химическое), да так, чтоб термояд состоялся?!

Вопрос, конечно, интересный...

Если нам удастся заменить ядерную взрывчатку на обычную, то не понадобится ни уран, ни плутоний. Нет нужды в громоздком и дорогостоящем производстве. Единственно, чего не хватит – высококвалифицированного персонала. А люди – дело наживное, плати – и нет проблем. Всех не получишь, но многих. Очень многих...

Сама же термоядерная бомба, хоть и требует дефицитной начинки, но материалы для нее раздобыть проще.

Чем хороша водородная бомба без ядерного запала? Во-первых, она необычайно экономна с точки зрения рабочего вещества. Если заряд атомной бомбы – это десятки килограмм, то водородная начинка – это 0,1 г (100 миллиграмм!) трития в смеси со стабильным дейтерием. При выходе нейтронов порядка 10^{20} , радиус поражения составит сотни метров. Поражение нанесут сверхбыстрые нейтроны. Именно такая бомба и является истинно нейтронной бомбой, а изделие, которое в СМИ называют «нейтронной бомбой» к нейтронной бомбе можно отнести лишь с большой натяжкой. Конечно, такая термоядерная бомба имеет выход нейтронов в тысячу раз меньше, чем стандартная атомная, но и расход дефицитного реакторного материала – в тысячу раз меньше! Во-вторых, термоядерная бомба с безъядерным запалом – «чистая» бомба. В ней нет высокоактивных делящихся материалов, способных загрязнить окружающую местность (как это имеет место при применении атомных зарядов). Да, при взрыве образуется интенсивный поток нейтронов, да, все живое вокруг незамедлительно погибнет, да, нейтроны – продукты термояда, реагируя с некоторыми элементами среды, вызовут ядерные реакции и образование радионуклидов, но! эти радионуклиды – короткоживущие. Уже через 10 минут они полностью распадутся, и вы сможете безбоязненно гулять по эпицентру. В третьих, наработать тритий гораздо легче, чем плутоний или уран-239: возьмите соль лития, положите ее рядом с нейтронным источником (например, рядом с реактором АЭС), через год будете иметь тритий для десятка бомб.

Недостаток такой бомбы тоже известен: пороховой заряд, взрыв которого призван инициировать термоядерную реакцию синтеза дейтерия и трития, должен составлять не менее тонны. Тяжеловато! Так вот: африканские ученые смогли преодолеть этот недостаток. Они предложили новый тип взрывчатки и новый тип конструкции бомбы. В результате вышла не термоядерная бомба, а термоядерный снаряд. Опаснейшая вещь, доложу я вам. Ведь как работает ядерное оружие? По команде Пли! задвижка шахты отъезжает в сторону, из под земли вылетает столб дыма и огня, из него материализуется, как Баба Яга на помеле, гигантская ракета. Сначала она летит вертикально вверх, достигает стратосферы, там разворачивается, ложится на курс и движется к цели десятки минут. Шум, грохот, свет, как при салюте. Такое страшилище немедленно засекают спутники, радары и домохозяйки. Взлетают антиракеты и все! абзац вашему Змею Горынычу! Со снарядом такой фокус не пройдет. Представьте себе: мчится маневрирующий танк и непрерывно палит из пушки. 2 - 5 обычных снарядов, а восьмой – термоядерный. Сможете вы от него защититься? Успеете выпустить антиснаряд? Танк-то бьет прямой наводкой! Снаряд летит долю секунды, да и откуда вам знать, что в нем – водородная бомба?! Эффект же от такого снаряда заметный: стоял стоэтажный небоскреб, а теперь не стоит, все что могло гореть – сгорело, железо и другие металлы испарились, и вместо билдинга имеем яму, диаметром метров 400 и глубиной 50. Покрывающий кратер слой грунта оплавился и зашлоковался на большую глубину.

Стоит озаботиться «малым» термоядерным оружием? Стоит!

Когда Запад вытаскивал из тюрьмы Нельсона Манделлу и затаскивал его на вершину власти, основное условие было – немедленное разоружение. Манделла - не Хусейн, спорить не стал (он вообще ни о чем не имел понятия) и запустил инспекторов, куда им хотелось. Выяснилось, что всего было изготовлено три снаряда: два успешно взорвали еще при апартеиде, а третий публично демонтировали с участием международной комиссии, завод снесли с лица земли, а чертежи торжественно сожгли. Радости было! Но тут поползли слухи, что существовала четвертая бомба (самая совершенная), и имела вид не снаряда, а чемодана. Т.е. легко переносилась с места на место (Думаете она распространяла вокруг себя смертельную радиацию? Ничего подобного! Излучение трития поглощает листик бумаги, а больше ничего излучающего в бомбе нет. Так что такой чемоданчик можете спокойно возить в багаже, а потом разместить в подвале какого-либо дома, раздражающего вас своим видом. Настроение придет – взорвете его по радио, и все дела).

Слухи о четвертом снаряде ЮАР поставили на уши все разведки мира. Чем больше копали, тем больше убеждались, что его таки удалось изготовить. Но кто, где, когда? Где сам снаряд, или хотя бы его чертежи – неизвестно.

Может где лежит, а может где гуляет....

Оконечность

Земля круглая, на краю встретимся

Моё основное занятие в Африке – математическое моделирование. Диффузионных процессов в мембранном абсорбере с подвижным носителем – для любителей точности. Моделировал я по жару, моделировал и слегка припух. Глаза заслезались, пошли синие круги. Контуры экрана ТОШИБЫ расплылись. Кровь застоялась, и пообещала разорвать вены. Мышцы атрофировались. Того гляди – за столом и скончаешься.

Больше всех рискует тот, кто не рискует.

Решили размяться, смотаться на оконечность Африки (мыс Доброй Надежды, как нас в школе учили), заодно искупаться.

Дороги хорошие, машина бежит быстро. За рулем, как всегда, Наташа, слева от нее на переднем сиденье Дима – штурман Сусанин, а сзади уж я, развалившись на всем диване – просто так, зевака.

Выехали мы из Стелленбоша и пересекали провинцию Западный Кейп (*Саре* – мыс, для тех, кто забыл английский, хотя по-русски южную оконечность Африки правильнее назвать полуостровом). Округа изобиловала фруктовыми и виноградными плантациями, фермами (винными, страусовыми и Бог знает еще какими), зарослями диких орхидей и мандариновыми рощами. Мелькали пышные леса с деревьями древних пород, с вековыми дубами и пышными капскими соснами, вечнозеленые кустарники, куски полупустыни, песчаные пляжи, исторические здания, церкви, мечети и Капские горы (довольно высокие – до 2350 м) через отроги которых мы изредка перескакивали.

Местность заселена плотно: смесь культур, религий, традиций, обычаев. Как склад взрывчатки на военном полигоне. Пока тихо, но закуришь – рванет. Польза, однако, есть, особенно для гурманов – хорошо покушать можно. Калейдоскоп различных кухонь: малайские блюда из карри, рыбы и омаров, приготовленные на открытом огне, бараньи ноги или стейки из страуса. Морские деликатесы – лангусты, лобстеры, креветки, кальмары, крабы представлены в изобилии. Местные вина, кстати, – лучшие в мире, а красное вино Pinotage – уникально. Но и без него неплохо, в любой забегаловке обширный набор столовых вин, портвейны, хересы, мускаты, коньяки. Выбирай!

Во всей красе представлена архитектура Кейпа. Побеленные дома в Капско-голландском стиле. Исходно эти дома были рассчитаны на более холодный европейский климат, позднее – адаптированы под особенности местного. Стены стали толще (мне раньше казалось, что на юге дома тонкостенны, оказалось не так), чтобы защищать жильцов от летней жары, хотя конструкция крыши осталась той же. В давние времена путешествия занимали много времени, было много гостей. От того – большие кухни и гостиные. Ну, и бараки для рабов неподалеку, что естественно. Мелькали старинные церкви, краматы (мусульманские храмы) и часовни из песчаника, викторианские бунгало, украшенные венецианским стеклом, огромные поместья страусовых баронов и коттеджи рыбаков на побережье. Иногда встречались гробницы святых мусульман, депортированных из голландских колоний за противостояние властям. Крамат вещь полезная – спиритуально защищает от природных катаклизмов.

По краям дороги периодически возникали продавцы африканских изделий, ракушек, кораллов, шкур, страусиных яиц, оружия, предметов быта и т.д. и т.п. Чего только нет: традиционные фигурки животных из дерева, мыльного камня или малахита, тростниковые плетеные корзины, украшенные бисером, или предметы, имитирующие современные жестяные банки, пластиковые пакеты, и шедевры современного искусства из проволоки.

На дороге установлены указатели, задающие направление на заказники, винные фермы, музеи и даже на наскальную живопись племен Сан – древних охотников. Мы тормознули в городке Мюзенберг, где провел свои последние дни известный деятель Южной Африки Сесиль Джон Родс, потом по его следам попали в ферму "Бошендал", где осмотрели дом-музей (Мэнор Хаус), построенный еще в 1812 году. Здесь, кстати, побывали все крупнейшие деятели Англии, Франции, Германии, посетившие Южную Африку в конце XIX века. Они встречались с ее владельцем, алмазным и золотым магнатом, плантатором - все тем же Сесилем Родсом. Мы же в этом «райском уголке земли» (по словам Р.Киплинга) отдегустировали изысканные вина: не знаю, как в алмазах, а в вине Родс разбирался хорошо.

К морю-океану мы выскочили в районе залива Camps (лагеря), свалившись в живописную бухту Hout Bay. На воде колыхались рыбацкие шхуны. Лобстеров добывают (Экспортный продукт!). Что за зверь такой я, естественно, не знал. Пришлось полюбопытствовать. Здоровый (килограмма на два, не меньше) лангуст, пока живой пребывает в панцире серо-голубого цвета с клешнями и лапами, как сварят – красный, как рак. Но мясо белое, по вкусу – краб, крабом. Но готовят его разнообразней: то варят в соленой воде целиком, то подают кусочками в соусе, то он на гриле, а то вообще фаршируют грибами-галлюциогенами. Мечта!

Словно недремлющий страж охраняет вход в бухту скала Сентинел. Из Хаут Бэй на катерах можно сходить на остров (не знаю, как зовут), где в огромном количестве обитают морские коттики. Прямо Командорские острова в миниатюре. Но нам было некогда, мы по красивой горной дороге рванули на перевал "Чапменз Бей". Остановились, поднялись на пик Chapman. С него открылась захватывающая дух панорама бухты "Хаут Бэй", чья водная гладь искрилась золотом и серебром под лучами солнца.

Дорога шла по заповеднику «Мыс Доброй Надежды». Это один из шести (!) крупнейших в мире ботанических садов – *Fynbos Floral Region* (Капское флористическое царство). Напомню, что все земные растения подразделяются на шесть царств (биогеографических провинций): скажем, Австралия, Америка. Так вот, одно из шести царств уместилось на самом южном конце Африки, на

прибрежной полоске земли от Кейптауна до Гремстауна. Заповедник насчитывает семь тысяч различных видов растений, многие из которых произрастают только в Южной Африке, а некоторые - только в этом заповеднике (4000 эндемиков). Здесь видов растений больше, чем во всей Европе, больше, чем в США! С учетом площади заповедника (7750 гектаров) можно утверждать, что на Капском полуострове сосредоточено наибольшее количество видов флоры в расчете на один гектар площади. Вы, возможно, представляете обилие и разнообразие лесного покрова, скажем, южно-американских джунглей. Так вот, там на каждых 10000 кв. км. можно насчитать около 400 видов растений. В Капском царстве на той же площади их будет 1300. А всего в Южной Африке живут около 10% всех известных на Земле видов растений. Из знакомых заметил вересковые (рододендрон – кустарник, багульник, маральник – привет с Алтая).

Парк внешне напоминал саванну: земля густо покрыта низкорослым кустарником, пробраться сквозь который - большая проблема. Финбос - невысокий кустарник, которого здесь немыслимое число видов, некоторые абсолютно уникальны. Многие из видов финбоса всем знакомы: амариллис, кливия, герани, гладиолусы, ирисы, и др. Эти цветы родились на Кэйпе, потом были одомашнены и распространились по всему свету. Нетронутые заросли дикого финбоса сохранились лишь здесь. Из представителей животного мира тут встречаются бабуины, мартышки, страусы, антилопы, гепарды и др. Полно ящериц.

По парку раскинулась сеть дорог, по которым идут туристы, цивильные пенсионеры, старушки, люди ученого вида вроде меня, и скалолазы со своими крючьями-веревками. Погуляли мы недолго, в машину – и дальше.

В бухте "Боулдерс Бич" расположена главная военная база страны. На фоне Атлантического океана, словно на выставке достижений военной техники, выстроились дредноуты, серые и самодовольные, как стальные крысы – переростки. Смотри, фотографируй. В городке Саймонстаун – главный штаб южноафриканских военно-морских сил, который представлен на дорожных указателях и во всех путеводителях. Чтобы турист не запутался и случайно не просквозил мимо. Побережье занимает торговый центр Ватерфронт (меньший брат Кейптаунского), откуда можно сходить на небольшом теплоходике вокруг мыса Добрая Надежды. А уж у самой морской воды - "Кафе О'Пескадор" (созвучно с бурагиновской харчевней "Три пескаря"), славящийся своей морской кухней. Не зря! Пейзаж симпатичный: террасы вилл, белоснежные песчаные пляжи. Базальтовые скалы заплонили пингвины и котики.

Дорога шла по хребту ящерицы-варана полуострова.

Вдруг прямо перед собой увидел белый крест. В.Dias - было написано на нем. Надпись ничего мне не сказала. Но крест! Он так властно возвышался над местностью, что было ясно: водружен завоевателем. Чтобы закрепить за собой, за королем, за государством новую территорию. Как же такой знак называется? Что-то знакомое с детства, что-то из приключенческих книг вертелось в голове, но не давалось. Наконец щелкнуло: падран! Падран – так назывался памятный знак.

Но кто такой этот В.Dias? Первооткрыватель мыса? Тогда куда Васко де Гамма делся? Ведь это он первым обогнул Африку и нашел путь в Индию...

Я обошел крест, пожал плечами и сел в машину. Деревня, что взять!

Но дома не поленился, залез в книжки, разобрался.

Буквальный текст из Российской энциклопедии: ДИАШ, БАРТОЛОМЕУ Диаш ди НОВАИШ (Dias de Novaes, Bartolomeu) (ок. 1450–1500), португальский мореплаватель. Служил на королевской судовой флоте. Занимался исследованием Африки. В поисках морского пути в Индию первым из европейцев обогнул Африку с юга, открыл мыс Добрая Надежды (1488).

Почему Диаш, а не Диас? Диас мне больше нравится, я так и буду называть его дальше. Получается, что именно он первым обогнул Африку. Врут российские учебники. А случайно, что и Диас и Васко де Гамма – португальцы? Нет! Совсем не случайно.

Вникнете в проблемы Европы 15-го века. Средиземное море прекрасно изучено, корабли есть, казалось бы – плавай и плавай (как деды делали). Ан нет! Везде арабы и пираты. Индия известна, пути туда известны: корабли, да пеший караван. Индийские товары известны (пряности и т.п.), спрос на них в Европе огромен, торгуй - не хочу. А нельзя, все пути перекрыты теми же арабами. Делать нечего – нужно искать морской путь в Индию. Самый естественный - в обход Африки. Не тянется же она до Южного полюса?! Кому удобней: Испании или Португалии? Ясно – Португалии: все порты на побережье Атлантического океана, не надо проходить Гибралтарский пролив, кишащий пиратами.

Вот португальцы и начали искать новые пути и новые земли.

Первым энтузиастом этого дела был Генрих Мореплаватель (1394-1460), португальский принц (сын короля Жуана 1), организовавший морские экспедиции к северо-западным берегам Африки. Кстати, именно он додумался вывозить африканских рабов в Португалию. Флотом у него командовал некий Диас (предок нашего Бартоломея), который открыл мыс Божадор, и Зеленый Мыс, т.е. сумел опуститься до 14°43', с.ш. Но после смерти принца у португальских монархов исчез интерес к этому делу. У них другие проблемы: междоусобные войны, бои с маврами. Только в 1481 году, при короле Жуане 11, африканское побережье опять увидело вереницы португальских судов и

новую плеяду смелых моряков. Самым значительным был Бартоломеу Диас. Все путешественники обладали талантами, помогавшими им в борьбе за расширение мира. Так, Генрих Мореплаватель был ученым и организатором, да Гама и Кабрал – воинами, администраторами и моряками. А Диас - только моряком. Многих он обучил искусству мореплавания. Сам был гением мореходного дела. Впервые его имя упомянуто в документе, освобождающем его от уплаты пошлин на слоновую кость, привезенную с берегов Гвинеи. Получается, что он занимался торговлей со странами, только что открытыми португальцами. В 1481 году он командовал одним из судов, отправленных к Золотому Берегу под общим начальством Диого д'Асамбужа. В экспедиции д'Асамбужа принимал участие и безвестный тогда Христофор Колумб. Через пять лет Диас занимал должность главного инспектора королевских товарных складов в Лиссабоне. В тот же год он получил от короля награду "за **будущие** заслуги". Но когда этот приказ вышел, у Диаса уже были **прошлые** заслуги. В 1487 году он вновь отправился вдоль берегов Африки во главе экспедиции из двух судов. Они были малы (даже для того времени), каждое водоизмещением в 50 тонн, но так устойчивы, что на них поставили тяжелые орудия. Третьим было транспортное судно с припасами. Главным кормчим был назначен опытнейший гвинейский мореход Педру Аленкер. В цели экспедиции Диаса входило не достижение Индии, а дальняя разведка. Под 26° южной широты Диас поставил каменный столб-падран, часть которого уцелела до сих пор. Но Диас решил следовать дальше на юг и, несмотря на бурю, безостановочно плыл тринадцать дней, постепенно уходя от берега. Диас хорошо использовал ветер. Ведь должен же когда-нибудь кончиться этот бесконечный материк! Буря не утихала. Далеко на юге Диас попал в зону западных ветров. Здесь было холодно, со всех сторон - открытое море. Он решил выяснить, тянется ли еще берег на востоке? 3 февраля 1488 года он пришел в залив Моссель. Берег уходил на запад и на восток. Здесь, по-видимому, был конец материка. Диас повернул на восток и дошел до Большой Рыбьей реки (Грэйт-Фиш-Ривер). Он понял, что оказался на восточном берегу Африки (т.е., что он в Индийском океане). Достаточно договориться с местными лодчманами, и можно уверенно плыть в Индию. Но измученному экипажу надоели бесконечные трудности. Пора домой! Диас уготоваривал матросов, угрожал, соблазнял богатствами Индии, – не помогло. С горьким чувством он отдал приказ двинуться в обратный путь. Понял, видимо, что в русских учебниках его поминать не будут.

На обратном пути корабли обогнули острый, далеко вдававшийся в море мыс, за которым берег круто поворачивал на север. Как его назвать, Диас долго не думал: конечно мыс Бурь. Однако король Жуан II переименовал его в мыс Доброй Надежды - надежды на то, что наконец осуществится заветная мечта: будет открыт путь в Индию (Такова официальная версия, но, возможно, все проще: флагман Диаса назывался "Боа эшперанса" ("Добрая надежда"), в честь него и назвали мыс). Диас преодолел труднейшую часть пути в Индию, доказал его осуществимость. Но пошли другие, другим и слава.

Моряки редко получали достойную награду за свои труды. И Диас не получил ничего, хотя король знал, что он – один из лучших моряков Европы. Когда началась подготовка новой экспедиции в Индию, Диасу поручили руководить строительством кораблей. Ожидали, что командовать эскадрой будет он. Но король начальником сделал Васко да Гаму, а Диаса оставил на берегу. Благодаря опыту и знаниям Диаса корабли да Гамы были модернизированы: уменьшена кривизна и облегчена палуба. Советы старого капитана весьма пригодились новому командиру. Диас был к тому времени единственным моряком, который когда-либо огибал мыс Доброй Надежды. Он знал, какие трудности предстояло преодолеть у южного берега Африки. Он дал да Гаме совет, плывя на юг, держаться как можно дальше от берега. Если бы Диас вторично отправился в экспедицию, он и сам повел бы корабли этим путем. Но Диас был назначен командиром португальской крепости, на малярийном гвинейском берегу, и он сопровождал флот только до островов Зеленого Мыса. Здесь Диас проводил корабли, уходившие на юг под предводительством нового командира, отправившегося к успеху и славе по дороге, проложенной им.

В 1500 году Диас участвовал в плавании в Индию экспедиции под началом Кабрала (Это тот самый Кабрал, что первым достиг берегов Бразилии, в результате чего там до сих пор говорят по-португальски. Диас тоже побывал в Восточной Индии). Корабли Кабрала достигли сначала восточной оконечности Южной Африки, а затем мыса Доброй Надежды. В двадцатидневном шторме четыре корабля из десяти потерпели крушение, и на одном из них погиб Диас. Несколько моряков высадились на берег, где соорудили первый в мире почтовый ящик.

И сам Диас и его предки, и его потомки дома не сидели. Так, его внук Паоло Диас Новаис в 1571 году стал губернатором Анголы и основал первый европейский город в Африке – Сан-Пауло де Луанда.

Судьба командора не слишком баловала: много усилий, ноль славы, ноль наград. Но и удовольствия были, кое-что открыть удалось. Правда за что боролись, на то и напоролись! Буквально...

Продвинулись мы недалеко, как увидели второй огромный крест-падран, посвященный уже Васко да Гамма.

Из той же энциклопедии: Васко ди Гамма (1469-1524) португальский мореплаватель. В 1497-99 гг совершил плавание из Лиссабона в Индию, обогнув Африку, и обратно, впервые проложив путь из Европы в Южную Азию. В 1502 и 1524 совершил еще два плавания в Индию. Вот и все! А попал во все учебники. Но мужику тоже не повезло. Путь в Индию открыт, но очень длинный и опасный. Христофор Колумб (1451 –1506), родившийся в Генуе, долгое время служивший португальскому королю и принимавший участие в португальских морских экспедициях (и женатый на дочери португальского капитана), возглавил вражескую испанскую экспедицию, предпринятую для поиска кратчайшего морского пути в Индию. Кстати он возглавил испанскую экспедицию не только из-за интриг и проблем с финансированием. Португалия и Испания давно боролись за новые территории. Наконец, в 1494 году эти страны (по инициативе Жуана II) подписали Тордесильяский договор о разделе сфер влияния в Западном Полушарии. Демаркационная линия прошла через оба полюса, пересекая Атлантический океан. Земли к востоку от линии признавались португальскими, к западу – испанскими. Именно поэтому португалец Васко де Гамма плыл на юг и восток, а новоявленный «испанец» Колумб – на запад. Экспедиция Колумба на трех каравеллах пересекла Атлантический океан, достигнув 12.10.1492 – острова Самана (официальная дата открытия Америки). В последующих экспедициях (1493-96, 1498-1500, 1502-04) исследовали побережье Южной и Центральной Америки и Карибское море. Открыл-то Колумб Америку, а объявил об Индии! Путь короткий и простой. А то, что на берегу не оказалось ни японцев, ни китайцев (не говоря уж об индусах) так это – случайность. Правда Америко Веспуччи заподозрил что-то не то, и даже громко говорил об этом (так громко, что в его честь новый материк и обозвали Америкой), но кто его тогда слушал? Важнее, что в 1520 Магеллан обошел Америку с Юга и вышел в Тихий океан. Доказав, что Америка – не Индия, что Земля круглая, и что плыть в Индию через Америку накладно будет (даже если прорыть Панамский канал). Утешил старика Васко. Но и ему не повезло, погиб в драке с туземцами; плавание завершил Х.С.Элькано, обогнув с юга Африку, помянув добром Диаса.

Подумайте: великие географические открытия XV-XVI веков - важнейшее событие второго тысячелетия. Они дали новое измерение всей жизни европейцев, для которых участие в походе крестоносцев на Святую землю – самое далекое путешествие. Пятьсот лет назад в результате открытия новых земель начали меняться мировоззрение, культура, наука, получила импульс торговля. Начались невиданные миграционные процессы в сторону новых континентов. Возникли новые страны. Человек стал ощущать себя в завершённом планетарном пространстве. А что получили пионеры этого дела? Ничего! Колумба, так вообще от зависти отравили.

Такова селява!

А мы грустим о своей судьбе, судьбе учёных-первооткрывателей. Эх-хе-хе, хе –хе...

Еще рывок, и мы на мысе Доброй Надежды. Осуществляются мечты!

Первым делом оказалось, что мыс Доброй Надежды вовсе не окончательность Африки. (Зачем в школе географию учил, раз учебники врут?). Дальше в море вдается другой мыс – Кейп-Пойнт (т.е. Точечный мыс), до которого, впрочем, легко дойти пешком. Но юмор в том, что на самом деле Африка оканчивается Игольчатым мысом, до которого плыть и плыть. Пешком не пройдешь – скалы.

Но в нашем сознании мыс Доброй Надежды – главный (В России, кстати, недалеко от Сасово есть деревня, которая так и называется «Мыс Доброй Надежды». Старинная и умирающая. Во времена Диаса водился там бандит Филька Корноухий (он без уха был). В месте, где в Мокшу впадает Цна, этот Филька нападал на купцов. А те купцы, которых он не ограбил, добравшись до мыса, считали, что их пронесло. Так Добрая Надежда и получилась. А когда Филька удирал, он в озере Бездонном утопил лодку с награбленным золотом. Многие пытались достать... Даже водолазы. Но дна не достигли... Так что я уже второй раз в месте с таким названием). Сфотографировались под плакатом с надписью *Cape of Good Hope*, координаты 34⁰21' ю.ш., и 18⁰30' в.д. Пусть знают! Место историческое – в памяти всплывают смелые каравеллы, гордые имена - Бартоломео Диас, Васко да Гама, – история европейская в момент становления историей мировой. "Наиболее державный, и наиболее изящный мыс, который мы только видели на земном шаре" – отозвался о нем адмирал-пират Френсис Дрейк, не страдавший от недостатка впечатлений.

Но от скал и грозных валов, налетающих на берег, отвлекали пингины, устроившие на камнях свои гнезда. Большие и ленивые птицы лежали в небольших ямках или бродили по кромке воды. Периодически из кустов доносились звуки каких-то разборок, но на публику их не выносили, публично вели себя чинно-пристойно. Вот кого встретить не ожидал! В Москве думалось: Африка, юг, солнце, жара, вода, как парное молоко. В натуре оказалось: жара градусов 35, если не 40, температура воды 10–12⁰! Разрыв сердца получить можно, если нырнуть, не подумав. А пингинам нравится, самое оно. Так что, если на солнце не смотреть, можно подумать, что ты в Антарктиде и где-то рядом льды. Добравшись сюда, пингины нашли местность привлекательной. Обосновавшись сперва на морском берегу, они на этом не остановились и отправились осваивать усадьбы местных жителей. Там можно найти пищу без особых усилий. Пингины проникали в дома через отверстия для почты, и, пока хозяева находились на работе,

пировали и наводили свой "порядок". Поначалу народ не противился королевским визитам и даже был рад гостям. Однако пингины так часто стали наведываться в жилые дома, что отвели отдельную зону на берегу океана. Пляж Болдер называется (Boulders Beach). Прочем, на мысе Доброй Надежды их все равно много. Гордые, как попы, пингины полагают себя здесь хозяевами и туристов игнорируют.

Кстати, а почему они в Арктике не живут? Не смогли пересечь экватор? А если переселить колонию в Гренландию, поселятся? Расплодятся, как кролики в Новой Зеландии? Надо попробовать...

Холодные воды Атлантики способствуют другой достопримечательности. Кейп - лучшее место в мире для наблюдения за китами. Здесь обитают 29 видов китов, включая кита-убийцу и 8 видов усатых (беззубых) китов. Они ищут приют в заливах. Но не только ради пищи. Не ясно почему, но именно на фоне многолюдного Кейптауна, среди снующих пароходов, под звуки снижающихся самолетов они желают заниматься сексом (Нельзя подалее отойти от берега, что ли? В океане-то легче с подружкой договориться). Так или иначе, но прибрежные скалы города *Hermanus* усыпаны болельщиками, наблюдающими за китовыми брачными играми. Все же интересно, как подлодка к подлодке клеится. Другая часть туристов отправляется на катерах в залив Фальш Бэй для тесного общения с китами (только их китам и не хватало). Зато потом путешественник расскажет, как пересек 300-метровый "китовый барьер" и приблизился к фонтанирующему чудищу почти вплотную. (Подумаешь, я на Белом море киту-белухе на моторке вообще в пасть въехал. И ничего, не хвастаюсь).

Еще одна здешняя достопримечательность – акулы. Говорят, их у мыса много. Но наблюдать их лучше не здесь, а ближе к Кейптауну на островах бухты Гансбей. Там много капских тюленей, пингинов, птиц редких пород. А в узком проливе существует большая вероятность встретить огромную белую акулу. С катера, ставшего на якорь у острова Дайер, спускается специальная клетка. Двух туристов запирают в клетке, которую опускают на метр под воду и пускают в дрейф по бульону из огромных белых чудовищ.

Главная сухопутная примечательность Мыса – почта. Здесь ставят печати на марки, открытки, конверты. Получай доказательство, что был на краю земли (можно и специальным дипломом обзавестись, чтоб дома на стенку повесить. На зависть соседней). Лестно послать другу (приятельнице) открытку с видом Мыса, между прочим заметив: человек я занятой, путешественник-мореплаватель (почти как Васко де Гамма), но помню о ближнем...

Но сейчас ажиотаж был особым: исполнилось 500 лет почтовому ящичку! Его роль на первых порах выполнял башмак. Разбушевавшаяся у берегов Южной Африки в 1500 году стихия отправила на морское дно корабль экспедиции Диаса. Аккурат у мыса Доброй Надежды за двенадцать лет до этого им же и открытого. Погиб и сам Диас. Оставшиеся в живых моряки на уцелевшем судне добрались до суши. Не надеясь на благополучное возвращение домой, они описали случившееся и положили письмо в башмак, который подвесили на прибрежном дереве. В надежде, что тот попадется кому-нибудь на глаза. Так и случилось. Спустя год в эти места занесло Жуана да Нова, направившегося путем Диаса в Индию. Он обнаружил башмак и послание в нем. Отдав почести погибшим, капитан распорядился возвести здесь часовню. Со временем тут выросло поселение (дело было не точно на мысе, а восточнее, уже в Индийском океане, недалеко от нынешнего Гремстауна), а башмак еще долго служил туземцам и морякам почтовым ящичком. Позднее потомки установили на этом месте памятник первому почтовому ящичку. В виде башмака внушительных размеров.

На мыс Кейп-Пойнт мы пошли пешком, вернее – полезли по лестницам-переходам. Мыс - высокий отрог горного хребта, крутыми скалами обрывающийся в режущие волны. В 1860 здесь построен маяк, на нем - смотровая площадка. С нее открылся изумительный вид на огромный залив Фальш-бэй, что буквально означает фальшивый залив - первые мореходы думали, что перевалив через мыс, они уже обогнули Африку. На самом деле, до самой южной оконечности континента - мыса Игольный, - еще плыть и плыть вдоль коварного побережья. Бухта, фальшивая еще и потому, что она открыта южным холодным ветрам, легко выкидывающим корабли на берег. Укрыться от бури тут не удастся. Да и пресной воды нет. Жаль, большая бухта. Синеватый прозрачный воздух разливался сиянием на склонах гор, которые казались совсем рядом. Под ногами 200-метровая отвесная скала обрывается в пучину океана (самые высокие прибрежные скалы в мире!) Валы волн набегают на черные камни и, разбиваясь о них, образуют беснующиеся потоки белоснежной пены. В рекламных проспектах сказано, что можно разглядеть, как сходятся на горизонте воды Индийского и Атлантического океанов («Кейптаун – город двух океанов»). Вранье! Сходятся они у мыса Игольный.

По сравнению с горделивым собратом, мыс Доброй Надежды невысок и скромнен. Но это – Мыс Бурь (*Cado das Tormentas*), как назвал его Диас, собственной смертью доказавший справедливость титула. О скалы и рифы Доброй Надежды разбилась не одна тысяча кораблей. Мыс – ятаган, воткнутый в океан. Воплощенный образ конца земли, конца света. Едешь, едешь, а тут – стоп! Дальше пути нет. (Я уже видел концы Земли. Мыс Челюскина и Мыс Дежнева, к примеру. Но там - снежная пустыня. И до конца Земли (тундра) и после (морские льды). Белое

пространство. И разглядывая холмик не понимаешь, то ли действительно урез берега, то ли просто возвышенность. Нет ощущения конца материка.) Здесь же было ясно: все! Приехали, ребята.

Возможно, если два месяца плывешь вдоль пустынного берега, лишённого воды, но кишящего людоедами, то поворот на Восток дает Надежду, причем вполне Добрую. Но, поглядев на Мыс, любой скажет – это мыс Бурь. Диас был точен. Вертикальная скала высотой с 70-ти этажный дом (у ГЗ МГУ 36 этажей, а высоким кажется), о которую бьются 12-ти метровые волны. И это почти при полном штиле! А если шторм, что будет?! Свежая мысль: океан – не море. И мыс на стыке двух океанов, не утес в Керченском проливе.

Как выразался Федя Тютчев:

Зыбь ты великая, зыбь ты морская!

Чей это праздник так празднуешь ты?

Хорошо, а как купаться? Где здесь пляж, к примеру? Да и вода холодная, ноги сводит. Я все ж не пингвин, не кит и даже – не котик. Опять же прибой мешает...

Это – с одной стороны.

А с другой – сейчас поленишься, не окунешься, вернешься домой грязным. О чем рассказывать будешь? О чем писать мемуары?

Стал искать пути к заплыву. При ближайшем рассмотрении оказалось, что между двумя мысами есть разрыв и даже небольшая бухта. Волны там заметно ниже, вода нудно ходит взад-вперед, ворочая гайку. Пингинов много, туристов нет (даже немцев), ибо прохода туда нет, только – вплавь.

При ещё более детальном анализе выяснилось, что посуху туда пробраться можно, если постараться.

Гамлет (в раздумье): Быть, или не быть? Русский (махнув рукой): Была, не была!

Раздевшись до плавок и оставив спутников сторожить одежду, полез по камням-скалам. Сначала переступал по полке-карнизу, изредка сползал куда-то вниз, карабкался по валунам и снова подтягивался на стенку, а то просто прыгал с камня на камень. Как козочка, точнее – как старый козел с пузом. Не прошло и часа, как оказался в бухте. Пляж – так себе, песочка нет. Из пены торчат гнилые зубы. Да и вода, хоть и теплее, чем на мысу, но все равно – не больше +13°C. И это на юге, летом, в жару! Хамство природы...

Но что зря расстраиваться?

Моменто море, момент – и в море.

Разбежался и нырнул в стиральную машину. Иван-царевич сиганул из кипятка в лед. Сильные ощущения! Паралич сердечной мышцы близок. Ленивым кролем не пойдешь. Чтоб не окоченеть, замахал, как мельница, руками-ногами. Не долго, почувствовал – скорость аномально высока. Открыл глаза и удивился. Берег довольно далеко и, главное, в темпе удаляется. Отлив?! Вода уходит в океан, увлекая меня. Это сразу не понравилось. Что ж мне теперь пахать до Антарктиды? И далеко, и холодно. Я ж посинел. Попытался развернуться и поплыть к берегу. Куда там! Вода превратилась в ртуть. Плотная, непроницаемая субстанция окружала меня. Об повернуть, или вообще как-то поменять конфигурацию тела, не могло быть и речи. Напряг мускулы, без толку...

Тут вода передумала сносить меня в мировой океан. Она пошла назад. Я притворился поплавком. Берег приближался, причем – без моих усилий. Это хорошо! Плохо, однако, что приближался он быстро и с явным ускорением. Причем – не тот берег! Мимо той бухты, где нырнул, давно пронесло. Океан целился мною на скалу с маяком. И стенка и волна, о нее с пушечным гулом разбивающаяся, меня не привлекали. Кинетическая энергия, уже набранная мной (а чувствовалось - не предел), грозила размазать по стенке. Что делать? Тормознуть, или попытаться проплыть вдоль мыса? Может, где какая лагуна встретится. В воде мелькнула чья-то тень. Заметил боковым зрением. Акула! Та самая, белая, знакомая по клетке. Всю жизнь мечтал с ней свидеться! Вот тут-то я и превзошел сам себя. Ноги-руки замелькали, как винт торпедного катера. Я устремился к суше, уже не капризничая. Черт с ней, с кинетической энергией, равно, как с потенциальной. Тут замерзнешь, утонешь, или тебе кой-чего откусят. Пора сваливать!

Берег был близок, когда окружающий флюид вновь уплотнился и сложил меня так, что руки-ноги перепутались, а голова меж коленок зажалась. Кто я: теннисный мяч или перекасти поле? Прыгал вверх-вниз по гребням волн. Но не сказать, что долго. Гигантская катапульта поднатужилась и выстрелила мной. Я взлетел по баллистической кривой, воспарил в невесомости, пролетел щель между Сциллой и Харибдой и шлепнулся в мелкую лужу. Вода что-то прорычала и ушла. Я остался наедине с африканским пеклом.

Поизображав какое-то время распластанную лягушку, собрался с силами и встал. Ну, и каковы перспективы? Даль ясна, будущее туманно. До уреза воды далеко и с акулами купаться стремно. Но и до маяка – не близко. Вертолета нет, скалы скользкие. Даже с веревками-крючьями, пожалуй, не влезть. И плавки не помогут.

Только почесал в затылке, как был придавлен очередным валом. Чуть не захлебнулся. Более того, был сбит с ног. Покатался взад-вперед по луже. Как яйцо в дуршлаке. Что за дела?! Так и буду то сохнуть, то мокнуть?

Бегло осмотрел себя: синяки, ссадины, переломов вроде нет. Ангелу-хранителю отдельное спасибо.

Внимательное исследование окружающего пространства, в том числе – ощупывание скалы, показало, что есть шанс вернуться в исходную бухту. Если ветра не будет!

Методом проб и ошибок, прыжков, ползков, падений и подтягиваний, медленно перемещался по вертикальной стенке. Это она издали вертикальна и гладка, а вблизи так вполне наклонна и рельефна. Опять же не прошло и часа, как финишировал в стартовой бухточке. Чуть отдохнул и двинул дальше к ребятам, туристам, цивилизации, наконец.

Нельзя сказать, что власть поплавал. Но все ж окунулся. И не где-нибудь, а прямо у мыса Доброй Надежды! *Удалось утке перннуть!* Есть теперь о чем вам рассказать, а без купанья, что б я делал!? Кстати толпу туристов позабавил. Вдаль не глазели, болели за меня. Кучу видеофильмов сняли. Так что если где увидите, как один идиот Кейп-Поинт оплывает, так знайте – это я!

На обратной пути вдоль дороги (в кустах и канавах) заметили полчища обезьян. Раньше их не было. Выбрались на закат посмотреть? Лохматые бабуины (из рода павианов). Довольно большие – высотой под метр и с хвостом в полметра. Узконосые, с мордой, похожей на собачью. И на человеческую то же. Мерзкое создание, доложу я вам. Задницы противные. Бегают они на четырех лапах, детеныши снизу держатся за материнские животы, хотя те, что по нахальней просто седлают мамашу. Туристам, однако, нравится. Тормозят машины и суют в окна бананы. Обезьяны бросаются к ним, хватают фрукты, а часто – руки дарителей, носы, уши, волосы, шляпки. За что удастся зацепиться. Машина движется, туристка вопит, бабуин хохочет. Кайф! Вот одна скотина подскочила к девушке, вырвала у нее полиэтиленовый пакет, уселась на задницу и начала неторопливо обследовать его содержимое. Все это, несмотря на робкие попытки девушки вернуть вещи. Появление мужика с внушительной палкой в руках оказалось убедительным аргументом - павиан бросил уже пустой пакет и в пару прыжков скрылся в кустах.

Мы никого ублажать не стали, пусть скажут спасибо, что не передавили.

На обратном пути, поднявшись по горной дороге "Бойес Драйв", полюбовались панорамой пляжей курортного городка Мюзенберг (помните, где Сесиль Родс, скончался) и синеющей на горизонте величественной громадой горного массива Хоттентот-Холландз. Затем уже устремились к мысу Игольчатому (или Игольному?) – истинной оконечности Африки. Абсолютно ничего интересного. Просто песок и металлический указатель. Правда, неподалеку расположен живописный маяк и небольшой музей маяков. Внизу маяка - уютный ресторанчик, с открытой террасы которого хорошо видно, как изумрудно-ультрамариновая зелень Индийского океана встречается со стальным отблеском Атлантики.

Тут мы и покушали. Ужин аристократа: вино и устрицы.

Город - университет

И успокоит душу огонь далеких звезд

Стелленбош расположен в глубокой и довольно разветвленной горной долине. Это в семидесяти милях от Кейптауна. До морского берега – 20 миль (Фальш – Бэй, т.е. фальшивый залив, точнее – фальшивая бухта, фальшивая потому, что пресной воды нет и укрыться невозможно – сильный южный ветер выкидывает корабли на берег). Город вытянулся вдоль бурной речки, довольно полноводной и в сухую погоду, а в дожди превращающуюся в дикого зверя. Город утопает в деревьях чужеземных сортов. Невиданные цветы, сады и парки. Центральную часть занимает огромный Университет, созданный бурами для буров. Университет по числу учащихся сравним с МГУ, но факультетов больше. В его состав входит военная академия, академия живописи, лесоводческая академия, факультет дизайна, консерватория, медицинский факультет, теологический, металлургический, авиационный, сельскохозяйственный, винодельческий, естественные и гуманитарные факультеты – все специальности, специалисты по которым могут понадобиться стране. Но не просто специалисты, а белые, говорящие на африканес (т.е. потомки буров).

Стелленбош со всех сторон окружен горами, может для кого и не высокими, но крутыми – точно. Так же как с предлагаемым разнообразием: леса с огромными деревьями, буреломом и лианами, непроходимые заросли колючек, альпийские луга, курумники, осыпи, и скалы, скалы. Дикий мир вокруг цивильного уголка.

Южный крест – (лат. *CruX*) – созвездие Южного полушария неба, по форме напоминающий крест. Более длинная перекладина креста почти точно указывает на Южный полюс мира.

(Продолжение следует)

По алмазному следу

Однажды я в гордом одиночестве совершил автопробег по ЮАР. С залетом в Намибию. На радон охотился. Я уже, кажется, рассказывал об этом. Попутно знакомился с алмазами. (Здесь без них не обойдешься – от магазинов до телевизора, они – везде). Странно, но время от времени

алмазная тематика врывается в мою жизнь. То в Москве, то в Якутии, то в Африке. В первом рассказе, я не отвлекался от радона на всякие глупости. Но сейчас расскажу об алмазах-брильянтах. Может кому интересно....

Итак, поколесив на своем лендровере по славной пустыне Калахари, я стал из нее выбирать. Пейзаж пошел цивилизный. По-прежнему нестерпимо палило солнце, но уже появились городки. В Курумани удалось пропустить стаканчик местного вина "Коломбар". Виноград, из которого его делают, вопреки всем законам природы, растет прямо среди песчаных дюн. Воды не видно. Зато ее много в местном чуде природы - водном источнике Глаз Курумана. Не поленился - залез в знаменитую пещеру Вондерверк с наскальными рисунками (возраст 8 тысяч лет) и с останками давно исчезнувших животных. Между прочим, Куруман – оплот христианства на Юге Африки. Первые миссионеры появились в 1801 г. В 1821 г. священник Роберт Моффат присоединил эти земли к владениям Лондонского миссионерского общества. Отсюда англиканство начало распространяться по югу континента. Роберт Моффет и его жена были шотландцами. 50 лет они проработали в здании Миссии Моффетов, которое существует и функционирует до сих пор. Именно здесь знаменитый путешественник Давид Ливингстон познакомился с дочерью Моффатов Мэри, которая впоследствии стала его женой.

Уже на краю пустыни, на берегу реки Оранжевая, я обнаружил довольно крупный город Апингтон. Пейзаж тут какой-то египетский. Может быть, потому, что Оранжевая, как и Нил, дает жизнь иссушенной почве, воду и пищу людям и животным. Растут финики и хлопок, разбиты виноградники. Музей Калахари Оранж - несколько аккуратных белых домиков, разбросанных на изумрудной лужайке на берегу реки (бывшая христианская миссия). Издали увидел монумент. Думал он прославляет очередного покорителя Африки (вроде меня). Но нет! Стоит бронзовая статуя осла – памятник всем выючным животным. Ну что ж, справедливо! Только рядом надо поставить памятник автомобилю...

Полупустыня постепенно перешла в саванну. Прерии Стеллалэнд, газетчики зовут африканским Техасом. Мелькнул щит с надписью Ммабато. Именно тут, (а вовсе не в Америке) англичанин Баден Поуэл основал первую организацию бой – скаутов. По краю шоссе пошла ограда Национального парка Калахари Гемсбок. Он был создан в 1931 г. и занимает площадь в 2046103 га (в 4 раза больше Швейцарии) на границе с Ботсваной. Здесь водятся слоны, жирафы, зебры, антилопы, газели, львы, леопарды, гепарды, гиены и шакалы. Растительность есть, но так себе: акации и выющиеся растения.

Парк не привлек моего внимания. Всё же я находился в провинции Северный Кейп, алмазной провинции, как вы понимаете. Любопытно для человека, колесившего в начале 60-х по Виллоуской тайге в поисках кимберлита с алмазами? Любопытно! Машина сама нашла столицу района – город Кимберли, тот, что на рубеже 19-20 веков был алмазной столицей мира. Широкие улицы, великолепные парки, сады, комфортабельные отели, Музей изобразительного искусства Вильяма Хамфриса – самый крупный художественный музей ЮАР. Население города – 200 тысяч человек. В основном это народности зулу, коса, суту, тсвана, а также африканеры и потомки англичан. (Все тихо ненавидят друг друга, но морды пока не бьют). Плакаты утверждают, что уличное электрическое освещение в городах Южного полушария впервые появилось именно здесь. Есть и другие приоритеты: первая в ЮАР автоматическая телефонная станция и первая фондовая биржа. Кимберли – культурный и промышленный центр Северного Кейпа. Это сейчас. А в 1871 году здесь случилась алмазная лихорадка. Тысячи искателей приключений устремились сюда со всего света. Полились кровь, пот, слезы. Кто-то нашел здесь богатство, кто-то – отчаяние, остальные - смерть.

Маленький трамвайчик отвез меня на самый большой в мире рудник Биг Хоул (*Big Hole*, Большой разрез (*культурный перевод*), Большая дыра (*точнее*)). Есть точный, но он неприличен. Были времена, когда в нем одновременно работали 30 тысяч человек. За время своего существования (добыча прекратилась в 1914 году) он дал 2722 кг (14,5 млн. карат) алмазов. Рядом с бывшем рудником расположен музей *Kimberley Mine Museum* (Горнорудный музей). Здесь восстановлены улицы 19-го века: магазины, дома, церковь, таверна старателей, частный вагончик директоров Де Бирс. Из самых неожиданных мест выглядывают восковые манекены старателей и фигуры миллионеров, составивших здесь состояния.

Первые алмазы в этих местах нашли в 1871 году на небольшом холме, прозванном Колсберг. Самым первым был найден алмаз 83,5 карата (1 карат=0,2 г), получивший титул «Звезды Южной Африки». Хлынувшие сюда старатели быстро срыли холм и стали углубляться в землю. Так возникла «Большая дыра». Вокруг ямы появились палаточные поселения, а потом строения из дерева и жести. В 1873 году это был уже город, который назвали в честь британского министра колоний Джона Воудхауса – первого графа Кимберли. Дело в том, что в октябре 1871-го район алмазных копей захватила Великобритания. Операцию провел английский министр колоний лорд Кимберли. По его имени назвали поселок старателей, а потом и возникший на том месте город. С тех пор алмазный бум зовется кимберлийским, а порода, в которой оказались алмазы, – кимберлитом.

Операцию то он провел, но потом пришлось все вернуть бурам, уплатив штраф. Ну а уж затем отбирать повторно в Англо-Бурской войне. Но министр тем не менее прославился.

Чуть-чуть истории не помешает.

Первые же южноафриканские алмазы были открыты не здесь, а возле слияния рек Оранжевой и Вааль. Бурский фермер фан Никерк увидел, как мальчик-готтентот (бушмен) на ферме его друга Якоба играет блестящим камушком. «Если хочешь, забирай его», – сказал ему Якоб. После нескольких перепродаж этот алмаз приобрел за пятьсот фунтов стерлингов тогдашний губернатор Капской колонии. Было это в 1867-м. Через два года фан Никерку снова повезло. Такой же «камушек», только намного большего размера, углядел он у местного знахаря-негра. Тот использовал его для колдовства и хранил в кожаном мешке. Глазастый Фан Никерк и тут не растерялся. В алмазе оказалось восемьдесят три карата. Фан Никерк продал его перекупщику за одиннадцать тысяч фунтов, а тот – лорду Дадли за 25000. Алмаз получил название «Звезда Южной Африки». Алмазы нашли на территории трех бурских ферм: Де Бирс, Дютойтспан, Булфонтейн. Но главный рудник заложили на холме Колсберг, где затем вырос г. Кимберли. В район алмазных месторождений ринулись англичане, американцы, немцы, французы. Африканцы, обитавшие в тех местах, даже представить себе не могли, сколько платили в Европе за мутное стекло. Поэтому в ажиотаже они не участвовали. Да и бурские фермеры не собирались утруждать себя изнурительной старательской работой. Они давно уже оторвались от Европы, от европейских вкусов и ценностей. Говорят, их дети уже давно играли прозрачными камешками. Никого это не волновало. Фан Никерк со своим интересом к алмазам был исключением. Поскольку местные власти ограничились сбором налогов, в дела старателей не вмешивались, то Англии ничего не оставалось, как прихватить район себе. Что лорд Кимберли и сделал.

Надо признать, что ямку мужики вырыли знатную. Со смотровой площадки хорошо виден разрез глубиной 365 метров, (по периметру 1,6 км) покрывающий площадь в 15,5 гектара. В 1871 – 1914 г. г. вручную из него было извлечено 25 млн. тонн грунта. Большая дыра – самый большой в мире котлован, вырытый голыми руками. Стенки отвесные (в Мирном вдоль стены спиралью идет дорога для самосвалов, воронка постепенно сужается), внизу озеро воды. Глянешь – голова кружится. Ребята хорошо потрудились – чего в ажиотаже не сделаешь!

Я же решил воспользоваться случаем и поблагодарить руководство Фонда Оппенгеймера за приглашение меня в Африку. Бросил машину у элегантного двухэтажного здания под номером 36 на улице Стокдейл. Дом хорошо известен во всем мире. Здесь уже 130 лет размещается штаб-квартира южноафриканского алмазного концерна «Де Бирс консолидейтед майнз лтд», на долю которого приходится свыше 60% необработанных алмазов в мире.

Немного истории и о ней.

В разгар алмазного ажиотажа трудяги так мочили друг друга, что это стало мешать. Для порядка нужна твердая рука. И вот тогда в игру вступил прибывший из Англии сын приходского священника Сесиль Джон Родс (1853–1902). Поначалу конкуренцию в борьбе за контроль над всеми алмазными рудниками вокруг Кимберли ему пытался составить другой британец – бывший актёр Барней Барнато. Родс возглавил рудник «Де Бирс». Свое название он получил в честь фермы, а та – по фамилии владельцев, братьев де Бир. Двух дураков. Буры по дешевке избавились от фермы как раз за два месяца до обнаружения на ее территории алмазов. Так что «Де Бирс» – символ человеческого идиотизма. Барней Барнато стал управляющим компании «Кимберли централ майнинг». Она считалась конкурентом Родса, однако недолго. Железную волю и хватку сына священника ощутили не только заметно примирившее племя старателей, но и сам Барнато: в 1888 году он был вынужден продать свое дело более удачливому земляку. После чего компания Сесилия Родса «Де Бирс консолидейтед майнз лтд» монополизировала алмазные рынки мира. Честолюбивому Родсу этого было мало. Он явился главным вдохновителем захвата английскими колонизаторами огромных территорий в Южной и Центральной Африке, в том числе земель, получивших в его честь имя Северной и Южной Родезии. Новый этап в развитии «Де Бирс» наступил в 1929 году, когда во главе компании встал Эрнест Оппенгеймер. В отличие от своего предшественника он оказался «узким» специалистом – сосредоточился на алмазах, перестав заниматься политикой.

Я представился генеральному управляющему алмазными рудниками в ЮАР Робу Смарту. К моему удивлению он приветствовал меня по-русски. Смарт недавно вернулся из Москвы, где три года представлял «Де Бирс». О российском периоде своей работы он вспоминает с удовольствием, подчеркнув, что считал своей задачей расширение прямых связей не только между алмазодобывчиками двух стран, но и представителями науки, образования. Вежливо обсудили обмен студентами горнорудных вузов (жаль – не химических). Оказалось, что сейчас руководит компанией Николас Оппенгеймер (Во! Мне казалось, что все Оппенгеймеры (включая отца американской атомной бомбы) давно на том свете. Оказалось – нет, династия продолжается). Он рассматривает партнерские отношения с алмазной промышленностью России как нужные – они способствуют стабильности. Сейчас «Де Бирс» занят важным делом – стратегическим пересмотром положения в алмазно-бриллиантовой отрасли. Сенсация в том, что компания

отказывается от монополии на алмазном рынке. Она была введена в 1930 году, когда свирепствовала экономическая депрессия. Компания стала жестко контролировать цены на алмазном рынке. Алмазы не выбрасывались сразу на продажу, а складировались, образуя резервные запасы. В результате камни - дороги и редки. Теперь предполагается сократить продажи до 2,5 миллиарда долларов. Раньше «Де Бирс» имел статус «поголовного скупщика алмазов». По новой стратегии концерн становится «предпочитаемым поставщиком», причем сам начнет производить бриллиантовые изделия. Оказывается цена на драгоценные камни должна отныне регулироваться рыночным путем, а дела следует вести более эффективно и с меньшими расходами. Свежая мысль! Новый курс потребовал коренного пересмотра не только традиционной стратегии, но и тактики. Доверие между партнерами, естественно, должно сохраняться. Однако многомиллионные сделки впредь не будут заключаться в прежнем романтическом стиле, когда было достаточно простого рукопожатия и слов: «Удачи и процветания». (Заметим, что эти романтические отношения подкреплялись крепким спецназом, надежно каравшим нарушителей). Пожелание удачи может сохраниться, но должно быть подкреплено подписанием официальных бумаг. Кроме того, клиентам предстоит увеличить свой реальный вклад в развитие отрасли. А это означает, что придется раскошелиться для поддержания спроса на алмазы и бриллианты. Для того, чтобы «рассосались» накопленные резервы алмазов, спрос на продукцию «Де Бирс» должен в перспективе увеличиваться на 5%/год. В рамках празднования нового тысячелетия под девизом: «Алмазы – навсегда» спрос вырос. Но надолго ли?

Увы, меня это мало интересовало. Торговля алмазами – головная боль правителей Якутии, России, ЮАР, Австралии, не знаю еще кого. К счастью, не моя. У меня бриллиантов – ноль каратов. И у жены тоже. Завел я свою шарманку – радон, торон и косолапый мишка. Радиация, безопасность, детекторы... Но начальник слушал рассеянно (как и я его, впрочем). Прервав меня, он сообщил, что «Де Бирс» намерен исключить из мирового оборота так называемые «алмазы войны или конфликтные алмазы» – драгоценные камни сомнительного происхождения, которые используются для финансирования гражданских войн. Так, повстанческая организация УНИТА в Анголе, в 1992 – 98 годах продала в Антверпен (Бельгия) нешлифованных алмазов на сумму 3,7 млрд. долларов. Отныне все камушки будут иметь соответствующие сертификаты, удостоверяющими, что они добыты законно. «Де Бирс» прервет отношения с любой фирмой, имеющей дело с «грязными» алмазами.

Переговоры, известные как "Процесс Кимберли", начались в 2000 г. и привели сначала к недееспособной коалиции мелких и средних продавцов алмазами, активистов борьбы за права человека и руководителей стран, как производящих, так и импортирующих алмазы. Предприниматели осознали, что в их собственных интересах осуществлять самоконтроль, если только они не хотят, чтобы их публично подвергли осуждению за то, что они почти ничего не делают для урегулирования проблемы «конфликтных алмазов». В 2001 г. столице Ботсваны - Габороне состоялась встреча, на которой представители 30 стран-производителей алмазов, договорились о мерах борьбы с торговлей "конфликтными алмазами". Сейчас прибыль от ежегодной продажи южноафриканских алмазов составляет 7,8 млрд. долларов. Поддержка мировой алмазной отраслью "Кимберлийского процесса", обязывающего все страны-производители сертифицировать свою алмазную продукцию, означает изъятие алмазов, добытых в зонах военных конфликтов, из мировой торговли. Это дает возможность ЮАР, как ведущей стране в технологическом плане, стать общеафриканским сертифицированным центром добываемых алмазов и тем самым значительно увеличить экспорт алмазов. Помимо этого, правительство ЮАР намерено увеличить и добычу своих алмазов. В 2000 г. доля ЮАР в общемировом производстве алмазов составила лишь 9,7%, тогда как доля Ботсваны 28%, а Анголы – 14%. Две трети всех обрабатываемых алмазов импортируются в США. По всему миру прибыль от продажи нешлифованных алмазов в 2000 году составила 7,5 млрд. долларов.. Теперь алмазы «в законе».

Все это звучит глобально и прекрасно, но локально (в плане покупки у меня средств мониторинга радона и продления финансирования моей командировки) – так себе. Прямо скажем – никак. Чтоб от меня отделаться Смарт отправил меня на действующую шахту. «Померь, посмотри. Потом обсудим», – напутствовал он меня.

Пришлось ознакомиться с современным состоянием добычи алмазов в здешних краях. Дело обстоит так. В окрестностях Кимберли, где находятся самые старые алмазные рудники в ЮАР, за 130 лет добыто 155 миллионов карат алмазов, для чего пришлось переработать 374 миллиона тонн кимберлита. Но теперь из пяти кимберлитовых трубок осталось три, да и те близки к истощению. Три рудника собирались закрыть к концу 2002 года, но передумали. Поступили так же, как мы на рудниках Сибири. Руда кончилась – не беда: будем перерабатывать отвалы. По новой, более эффективной технологии. Действительно, вокруг рудников – горы отвалов отработанной породы, а в них драгоценные камни. Теперь отходы кимберлита перерабатывают на новом высоко технологическом предприятии. Мелкие алмазы выбирают, а отходы уже навечно отправляют на засыпку заброшенных рудников. Ожидают, что при этом освободится 1800 гектаров земли нужной для строительства жилья, экономических объектов и занятия сельским

хозяйством. Проект позволит двум рудникам продлить добычу до 2009 года, а остальным – до 2030-го.

Алмазному руднику «Бултфонтейн» (5 км от Кимберли) уже исполнилось 130 лет, но внешне признаков дряхления не заметно. Перед тем как спуститься в забой, подписал инструкцию, в том числе пункт, обязывающий не класть в карман алмаз, если мне удастся его обнаружить, а передать компании. Пришлось на это согласиться. (Обязаться можно, почему не обещать, если просят. А найду чего, тогда и решу, что делать. Если что стоящее – то можно и проглотить. Чай не металл – на выходе звенеть не будет). На территории рудника – чистота и порядок. Получил пояс, на котором крепится куча полезных вещей – электробатарей и лампочка, коробка с маской и запасом кислорода. У подъемника прочитал табло с данными о состоянии безопасности. С удовлетворением обнаружил, что в графе «количество жертв» проставлен ноль, так же, как в строке «потерянное рабочее время». А вот рядом с «несчастными случаями» значились единица и дата: сентябрь 1999 г. Надеюсь, что я не умножу статистику.

«Бултфонтейн» относится к безопасным рудникам. Сплошной гранит, при добыче руды метан не выделяется. В забоях даже разрешается курить, за исключением места проведения взрывных работ. Рабочим при отсутствии нарушений правил безопасности в конце месяца полагается 10% надбавка к зарплате. На нужную глубину (845 метров!) подъемник доставил меня за полторы минуты. Никаких неприятных ощущений: просто внизу теплее, чем на поверхности. А там, между прочим, в зимнее время по ночам бывает и минусовая температура. Выйдя из кабины, я услышал глухие раскаты – производственные взрывы в забое. Пришлось переждать минут двадцать в предбаннике, попить чайку с горячками. Перед каждым взрывом персонал из забоя выходит в специально защищенное место, оно же – мини-столовая. Все горняки были чернокожими, в том числе начальник. Он разъяснил, что люди на руднике работают по много лет, до пенсии, и каждый владеет несколькими специальностями. Средняя зарплата – 500 долларов, подрывники получают вдвое больше (Понятно! Они ж не профессора МГУ, тем и 50 баксов хватит). Кроме того, существуют различные премиальные, прежде всего за выполнение плана. (Забота о неграх трогательна. Но она - не от хорошей жизни. «Хозяин страна» скоро бросит горбатиться и возьмет бизнес в свои руки. Мало не покажется. Интересно будет посмотреть как полетят головы самодовольных ныне менеджеров-владельцев Де Бирс. То-то смеху будет!)

Стены и потолки тоннелей покрашены серебристой краской, будто я попал в какое-то сказочное подземное царство. Но оказалось, что эстетика здесь ни при чем, просто на серебряном фоне легче обнаружить новые трещины, да и пыль заметней. Включил дозиметр. Как и положено граниту стены фонили. Гамма-излучение было 2–3 раза выше фонового. Ерунда, в общем. Воздух довольно чист (я имею в виду, отсутствие альфа-излучателей, естественно). Грязнее, чем в Московских домах, но примерно, как в Гатчине. Делать мне тут нечего. Путь шел под уклон: в месте добычи кимберлита. После отгремевшего взрыва руду собирали и грузили на конвейер. Временами я бросал бдительный взгляд вокруг, но ничего хоть сколько-нибудь похожего на алмаз не обнаружил. «Этажом» выше проводится дробление кимберлита, размер которого не должен превышать 50 миллиметров. Затем он поступает на поверхность, где его вновь мельчат. Ежедневно на руднике промывают 10 тонн кимберлита, получая в среднем до 400 граммов алмазов. Половина из них промышленного назначения. Но урана, тория, радия нет. Пустая шахта, с моей точки зрения.

Поехал дальше. Дорога пересекала Национальный парк Валборс. То же не маленький, 23 тыс гектаров. Обитель черных носорогов. На территории парка - 15 видов млекопитающих и 160 видов редких птиц. Из животных здесь можно встретить носорогов, кейп буфало, жирафов, зебр антилоп. Из птиц – редкие виды орлов. Остановился ночевать на ферме Линдберг Лодж, построенной ещё в 1907 году (в 230 километрах к северу от Кимберли). Предложили прогулку верхом и полёт на воздушном шаре. Отказался – предпочел койку. Но не спалось. Думал об алмазах. Забавно, но на ферме, где ночую, они все еще добываются. Завтра в копи полезу. Радон мерить и кимберлит разглядывать. Вообще-то с алмазами у меня связи давние. Везде, где копал шурфы, в долине Вилюя в первую очередь, везде смотрел – нет ли где сине-зеленой породы и вкрапленных в нее алмазов. В начале 60-х бывал на якутских на алмазных приисках (Айхал, Мирный). Тогда они только зарождались. Видел сине-зеленый кимберлит. Был знаком с первооткрывателями сибирских алмазов (Хабардиным, к примеру; лог Хабардина – место открытия первого месторождения), знал в лицо Ларису Попугаеву – первооткрывательницу сибирских трубок. Так что интересовался этим делом. Но никогда не предполагал, что окажусь в их африканском алмазном логове.

Регион, который я сегодня пересек, дал имя голубоватой алмазнесущей породе - особому типу магматических горных пород. По-английски она называется *blue ground or kimberlite* и переводится как кимберлит (иногда – как кимберлиты, в Якутске, например, есть Музей кимберлитов). Кимберлит заполняет так называемую трубку взрыва (кимберлитовая трубка). Сверху она покрыта поверхностной зоной окисления (желтая земля, *yellow ground*). Сам кимберлит – ультраосновная порода. Он не окислен, обычно представляет собой брекчию (т.е. цементированную обломочную горную породу, включающую оливин, флогопит, пироп и др.

минералы), и имеет цвет серо-синий или сине-зеленый (иногда, черный с синеватым и зеленоватым оттенком). Кимберлитами также называют природные сверхглубокие скважины, образовавшиеся при высоких давлениях и температурах в глубинах Земли. Сейчас в мире известно 1500 тел кимберлитов, из которых 8-10% алмазоносны.

В научный обиход термин «кимберлит» ввел в 1887 году геолог К. Льюис, приехавший на недавно открытые алмазоносные прииски Южной Африки. Он назвал так породы, содержащие алмазы и выполняющие округлую депрессию, имеющую форму воронки. Эти породы интересны не только из-за промышленной ценности. Корни кимберлитовых тел уходят далеко в глубь Земли и выносятся на поверхность обломки глубинных пород, слагающих земные недра, недоступные для прямых наблюдений. Дело тут в том, что, несмотря на все достижения научно-технического прогресса, человек так и не смог проникнуть в глубь нашей планеты. О том, чем сложена Земля на больших глубинах, судят только по косвенным геофизическим данным, так как даже самые глубокие шахты не опускаются ниже первых километров, а самая глубокая Кольская сверхглубокая скважина достигла отметки 12262 м. В этих условиях все предположения о строении земных недр оставались бы на уровне гипотез, если бы природа не помогла геологам и не предоставила уникальной возможности изучать глубинные горные породы, обломки которых встречаются в кимберлитах и называются мантийными ксенолитами. Интересны они и с точки зрения радиоактивности, но об этом пока помолчу.

В настоящее время кимберлиты найдены на всех континентах, но наиболее известны алмазоносные кимберлиты Африки и России. Кимберлиты имеют возраст от 70 до 1200 млн лет; большинство из них приурочено к особым геологическим структурам - древним платформам или кратонам. В строении всех древних кратонов геологи выделяют два этажа: нижний - складчатый фундамент, сложенный древними (архейскими) породами с возрастом более 1,5 млрд лет, и верхний - осадочный чехол, сложенный более молодыми пологозалегающими породами. Кимберлитовые тела прорывают оба типа пород и выносятся их обломки на поверхность. Обломки пород, встреченные в кимберлитах, являются фрагментами еще более глубоких зон земной коры. Большинство кимберлитовых тел имеет сложное строение. За свою форму они получили название трубок. Верхняя часть напоминает бокал - это вулканический кратер, который заполнен мелкообломочными породами - кимберлитовыми туфами. Сужаясь кратер переходит в воронкообразную часть, сложенную крупнообломочными породами - кимберлитовыми брекчиями. Самая нижняя корневая часть трубок (подводящий канал) сложена массивным кимберлитом. Подводящий канал часто разделяется на несколько частей, каждая из которых с глубиной переходит в дайку - вертикально стоящую плитообразную структуру. Размеры кимберлитовых тел различны - от 146 га (трубка "Мвадуи", Танзания) до 0,4 га (трубка "Робертс Виктор" в ЮАР). Трубка "Зарница" (Россия) имела размер 32 га.

Практическое значение кимберлитов определяется тем, что с этими породами связаны первичные (коренные) месторождения алмаза - алмазоносные кимберлитовые трубки. За счёт их разрушения (размытия и выветривания) образуются вторичные (россыпные) месторождения. Алмазоносные россыпи - это песчаные речные или прибрежно-морские отложения, в которых алмазы сохраняются и накапливаются благодаря своей механической и химической стойкости, тогда как другие минералы, слагающие кимберлиты, разрушаются. До 1960 года основная добыча алмазов (80%) приходилась на россыпные месторождения. Их гораздо легче искать. Блестящие кристаллы в речной гальке привлекают внимание не только специалистов-геологов, многие россыпные месторождения были найдены детьми. Например, первый уральский алмаз нашел 4 июля 1829 года 14-летний крепостной Павел Попов, а дети фермеров-буров и их рабов обнаружили первые камни на берегах рек Оранжевой и Вааль в ЮАР. Россыпные месторождения быстро вырабатываются. Поэтому главная задача геологов - найти коренной источник россыпей. Эта трудная задача успешно решена, и после 1990 года более 75% мировой добычи алмазов приходится на долю коренных месторождений. Разрабатываются трубки, в которых содержание алмазов составляет от 0,5 до 6 карат на 1 т породы. В 1990 году из восьми коренных месторождений (Аргайл, Орапа, Летлхакане, Джваненг, Мир, Удачная, Финш, Премьер) было добыто 66 млн карат алмазов. Добыча ведется двумя способами: открытым (экскаваторы роют огромные карьеры, из которых руду вывозят на самосвалах) и закрытым (строят подземные шахты). Одна из самых глубоких шахт в мире построена для добычи алмазов на кимберлитовой трубке «Де-Бирс», о посещении которой я уже вам рассказывал. Ее глубина больше 1 км, и до закрытия рудника здесь добывали около 380 тыс. карат алмазов в год. Не слабо!

Увы! Алмазы присутствуют не во всех кимберлитах. В настоящее время известно 1000 кимберлитовых тел, но алмазы есть только в 200 трубках, а эксплуатируемых месторождений лишь 23. Чтобы понять, почему не все кимберлитовые трубки алмазоносны, ученые изучают условия образования кимберлитов.

Согласно современной точки зрения, алмазы зарождаются в мантии Земли, кристаллизуясь в восстановительной атмосфере при давлениях выше 40 кбар и температурах порядка 1000°C (т.е. под платформами на глубинах от 200 до 100 км), выносятся на поверхность магматическими породами щелочно-ультраосновного состава - кимберлитами. Источником

углерода для кристаллизации алмазов могут быть мантийные флюиды, из которых углерод выделяется за счет окисления CH_4 или восстановления CO_2 . Большую роль при этом играют сульфиды железа (FeS), которые постоянно встречаются как включения в алмазах и алмазоносных ксенолитах. Алмазы – древние минералы, они существенно старше вмещающих их кимберлитов. Их возраст (более 3 млрд лет) соответствует возрасту пород, слагающих фундамент континентальных кратонов.

Отдали честь геологии, и хватит. Поговорим лучше об алмазах – бриллиантах. Древние греки называли этот камень "адамас" – несокрушимый, непобедимый.

(Скукотища! Не продолжать).

Родс, Крюгер и англо-бурская война

Мой Родс

Когда гуляешь по заграницам, постоянно натыкаешься на какие-то памятники: кто-то куда-то скачет, сидит в кресле или указывает путь. Но кто это? За какие заслуги его затащили на пьедестал, за какие теперь стаскивают и волокут на свалку? Ты, конечно, читаешь табличку, тебе рассказывает экскурсовод, подсказывают путеводители. Но – не врубаешься! Используешь их как ориентир, назначаешь при них свидания, но – не более того. Уедешь – не вспомнишь.

Вот так получилось у меня с Крюгером и Родсом. На севере ЮАР Крюгер – на каждом шагу: деньги, поселки, заповедники – все его имени. А на юге – все о Родсе. Просто шагу ступить без него нелбзя. В какой музей не зайдешь – это либо его вилла, либо ферма, либо подарок науке. Университет Кейптауна (тот самый – с территории которого начинается путь на пик Дьявола) построен на деньги Родса, на территории ему же когда-то принадлежавшей, а потом подаренной. Идучи в этот университет и сосредотачиваясь на теме своей лекции, я рассеянно смотрел на памятник Сесилю Родсу (бабье имя какое-то). Тот на меня не реагировал – сидел себе, задумчиво устремив взгляд на север. Понятно! Там страны, носившие когда-то его имя: Южная и Северная Родезия. Гордится мужик, что присоединил три миллиона квадратных километров к Британской империи. Ну, присоединил. А толку что? Где теперь эта Британская империя, и обе Родезии, кстати, то же?! А вот с алмазной монополией повезло больше: Де Бирс и сейчас цветет и пахнет.

В центре университета – здание, где проводятся официальные церемонии, концерты, многолюдные собрания. Это Джемсон-холл, по имени доктора Джемсона, ближайшего друга и единомышленника Сесилия Родса. А чуть поодаль, на высоком склоне горы, – огромный мраморный памятник: "Мемориал Родса". На мраморе выбита строфа из киплингского «Надгробного слова» Сесилю Родсу.

В центре Кейптауна – красивый белый дом. Родс велел построить его для писателей и поэтов. Все тот же Киплинг успел им попользоваться – сбегал сюда от хмурых лондонских зим, тут написал многое из того, что его прославило. Здесь раз в месяц собирается Клуб совы – старейший клуб Кейптауна. (Сова – символ мудрости). Здесь выступали Марк Твен, Киплинг, да кто только ни выступал из знаменитостей, бывавших на Юге Африки. В клубе до сих пор царствуют традиции викторианской Англии. Только мужчины. Только черный костюм. И не галстук, а бабочка. Члены клуба – кейптаунская интеллигенция. При входе в клуб, в вестибюле – большой портрет Сесилия Родса, по-соседству с мраморным бюстом королевы Виктории.

Так что от Родса в этих краях никуда не деться. Даже стипендия, по которой я оказался в ЮАР и та как-то с ним связана.

Все это я знал, и все это меня никак не трогало.

Но однажды, валялся я на койке в своей вилле и игрался с телевизором, перескакивая с канала на канал. И как-то так получилось, что сюжеты из разных стран подобрались на одну тему. Сначала по CNN показали, как скидывают памятник Ермаку в освобожденном от русского ига Казахстане, потом (уже по местному каналу) забавные сюжеты из бывших Родезий. И в Зимбабве (бывшая Южная Родезия) и в Замбии (б. Северная Родезия) от памятников Родсу остались одни пьедесталы (их труднее снести, или их сохранили для монументов нынешних вождей?). На экране полыхали пожары – негры жгли виллы и фермы белых, уничтожая и самих белых и их цивилизацию (Борьба за национальное освобождение – дело святое). Опять же борцы за свободу при деле...

Впрочем, я им не завидую. Байрон предупреждал: «Ты топчешь прах империи – смотри!». Прав был старик, только многие не понимают.

На третей программе новыми лидерами ЮАР обсуждалась идея сноса всех памятников Родсу уже в Кейптауне. Свежая мысль...

Вспомнил я по ассоциации рассказы отца, как памятник Скобелеву у Моссовета скидывали.

И вот тут что-то включилось в сознании. Я вдруг проснулся! Оказывается, Родса-то я знаю с детства, я же жил историями и о нем и об англо-бурской войне. Можно сказать – все детство-отрочество. Во! Жил... и забыл. Забыл полностью. Память девичья...

Вспомнил я наш старый князьминский дом, точнее – чердак. О – это цело царство. Мое царство. Попасть в него было трудно, для простого человека – невозможно. Да, был люк в потолке в сенях. Ну и что? До него не допрыгнешь, а лестницы нет! Я карабкался по стенам, хватаясь за

какие-то крючки для одежды, опираясь на остатки штукатурки. Потом, как муха полз вниз головой по потолку, отгалкивал крышку и проникал на чердак. Никто из жителей дома такой фокус проделать не мог. Так что на чердаке я был один, и ни домработница, ни друзья, ни родители стащить меня оттуда не могли. Там на чердаке (а летом – на сосне) и провел я свое счастливое, поруганное войной детство...

Чердак был не прост. Он имел свою архитектуру. Сложную архитектуру пустоты под железной крышей: закоулки, переходы, тайники. Все было покрыто толстым слоем пыли и завалено хламом. Чего там не накопилось за сто лет! Ломбертные столы, канделябры, сундуки с сюртуками, лампы, керосинки-керогазы, кой-какое оружие. Но главное – книги и журналы. Все, что избежало карающей десницы восставшего народа. Там я изучал химию и историю по царским учебникам для гимназий, там по старой анатомии я впервые осознал коренное отличие мальчика от девочки, а по глобусу отследил плаванье Магеллана. Но самое интересное – были небольшие книжки с картинками – комиксы, приключения сыщиков, похождения Мурзилки, записки натуралистов. Все они были весьма потрепаны, многие не имели ни начала, ни конца. Часто не хватало страниц. Но все равно – интересно! Был и другой источник информации – журнал «Нива». Он сохранился лучше (некоторые подшивки были собраны в тома с твердым переплетом). Очень интересный источник, особенно про войну. Не про текущую войну, с которой я был знаком и без всяких журналов, а про старые заварухи – англо – бурскую, русско-японскую, первую мировую...

Читал я там (как я теперь вспомнил) в том числе про Африку, про алмазы, про буров и про Сесиль Родса. Ну, и про Крюгера, естественно, хотя о нем существенно меньше.

Попались мне там растрепанные книжки: «Роза Бургер, бурская героиня, или золотоискатели в Трансваале. Роман из англо-бурской войны». Одним из героев там был Сесиль Родс. Чего только о нем ни говорилось! Английский лорд, красавец, в центре светского общества, в окружении прекрасных дам. Некоронованный король Кейптауна. Злой гений Южной Африки. Зачинщик и вдохновитель войны англичан с бурами. А Роза Бургер, героиня буров в той войне, – его падчерица, дочь его жены. Есть в романе и своя «миледи». Она соблазняет Родса, уводит его от жены. Действие разворачивается на фоне «бриллиантовых копеей», сражений с бурами, схваток с зулусами... Выпусков было много – я раскопал и рассортировал штук 30. Как вам заголовки: "Остров смерти", "Тайна мумии", "Человек-зверь", "Вдова мертвеца", "Драма под землей", "Береговой шинок под Капштадтом". В выпуске "Король Капштадта в опасности" буры взрывают поезд, на котором Родс едет со своей возлюбленной. Ему приходится драться, в буквальном смысле, кулаками, то с зулусами, то со своим соотечественником, англичанином. И не где-нибудь, а возле своих сундуков с сокровищами. Даже сейчас слюнки текут. Это вам не интеллектуальная проза, тут – интрига. Жаль, не помню, кто автор шедевра.

Много лет я провел под впечатлением от этой книжки (равно как от гротеска Марка Твена, опубликованного в журнале «Нива» за 1902 год «Как разбогател Сесиль Родс», из книги «По экватору»).

Все оказалось враньем. Жаль!

Шла вторая мировая война, война с немцами, отец, гасил керосиновую лампу и рассказывал мне на ночь всякие истории из англо-бурской войны (это - война его детства, ему было 12 лет, когда она кончилась). Первая серьезная война 20-го века. С нее-то все и началось, а вовсе не с Японской, как некоторые думают. «Трансвааль, Трансвааль – страна моя, ты вся горишь в огне». То ли я слышу это от шарманки, то ли от отца, то ли в фильме «Кортик». Все спуталось...

Помнятся мне фотографии бородатых буров и карикатуры на Сесиль Родса. Почему в сознании россиян, расист Крюгер, первым напавший на англичан (причем – без объявления войны) считался пострадавшей стороной, а англичане – агрессорами; почему рабовладельцы буры, уничтожавшие и порабощающие все черное население Африки, оказались демократами и мужественными борцами за свободу, а англичане, уничтожившие всякое рабство, – ретроградами; почему плантаторы вызвали у нас сочувствие, а горнопромышленники, покрывшие Африку железными дорогами, – редкими по силе гадами. Трудно сказать.

Но понял я, почему неодобрительно косился на сидящего в задумчивости Родса: в подсознании всплыли детские представления: Родс - враг буров. А значит – плохой человек. Чудеса! Сам Родс вылетел из головы, а ненависть к нему осталась. Все – по Фрейдю.

Так кем же был Родс на самом деле?

(С начала, рассказ слегка оригинален, а потом – общеизвестные факты. Стоит ли продолжать?)

Деловой

*Уже изготовлены пули,
что мимо тебя пролетят*

О том, что на свете существует Михаил Михайлович, я, конечно, знал. Но – заочно. Читал его статьи, изредка появлявшиеся в журналах «Высокомолекулярные соединения», «Пластмассы», да «Физическая химия». По статьям чувствовалось, что он хороший

экспериментатор. В смысле – руки хорошие, аппаратуру, видимо, изобретал и налаживал сам. Техника была оригинальной, а остальное – так себе. Живьем же его я увидел в очереди в посольстве ЮАР, где и выяснилось, что нам вместе добираться до Стелленбоша, а потом вместе жить и трудиться. Дима нас пригласил для создания мембранного озонатора. Нужен был ему тандем теоретик-экспериментатор. Ну, раз нужен – получай.

Бывают такие моторные люди, на месте сидеть не могут. Маленький, поджарый, он как начал заниматься легкой атлетикой на первом курсе, так уже сорок лет и бежит куда-то. С ним куда-то идти по городу – все равно, что охотиться в тайге со спаниелем: все живое поднимает на крыло – от куропатки до медведя, все обнюхивает, все облаивает, в любую нору сует свой нос. И не только, чтоб чем-то поживиться (это – само собой), а просто так – из любопытства. Работал он в солидном НИИ, тема своя и небольшой коллектив, но окружающая жизнь его как-то отвлекала, от прямого пути. Всегда казалось, что хорошо там, где его нет. Вот он и струился по всем направлениям сразу.

Уже на отрезке Москва-Каир он просветил меня о перспективах научно-комерческой деятельности. Речь не шла о госзаказе, договорах или там грантах Института или Лаборатории (в приличном обществе такое не обсуждается). Нет! Речь шла о личной инициативе. Когда началась Перестройка и помещения Института стали сдавать банкам да ООО по производству пуговиц, Михаил Михайлович приступил к сбору остатков аппаратуры и реактивов, выбрасываемых Новыми Русскими прямо из окон. Свои две маленькие комнатки – остаток большой лаборатории – он забил приборами и прочим металлоломом (вакуумными насосами, трансформаторами, ускорителями и т.п.) до потолка. Все это никому было не нужно и нигде не числилось, все перешло в его собственность. Он все тщательно сортировал, если была возможность, восстанавливал и менял где-то на что-то полезное (почему-то обычно – на мед), иногда – продавал. Но больше сдавал в утиль: цветные металлы – отдельно, черные – отдельно. Были времена, когда хорошо шли реактивы, особенно – соли редкоземельных металлов и серебра, яды типа цианистого калия, реагенты для производства наркотиков и взрывчатки, электроды из платины, палладиевые катализаторы, интегральные схемы (не сами по себе, конечно, а золото из них выделенное – пришлось отладить методику) и, конечно, ртуть. Как вы знаете в любом вакуумной диффузионном насосе этой ртути не меньше пуда, а сколько таких насосов стояло в Институте до Перестройки и Ускорения?!

С гордостью коллекции – радиоактивными изотопами, однако, возникли проблемы. С частью запасов пришлось сразу расстаться – ни с того, ни с сего возникла борьба с международным терроризмом. Хранить материалы для атомных и термоядерных зарядов стало опасно – могли не правильно понять. И торговать ими опасно, и в милицию не сдашь – посадят, не разобравшись. Долго бы маялся с ними Михаил Михайлович, если бы не обнаружил недалеко от дачи старый коровник, без стен и крыши, но с навозом. Пришлось самому вырыть там шурфик и захоронить все богатство на глубине двух метров. Гамма – излучение слой говна не пробьет, так что радионуклиды тут будут храниться вечно. То – то потомок через 20 тысяч лет удивится: зачем неандертальцы берегли оружейный плутоний в коровнике. Может диссертацию какую напишет...

Другая подянка с изотопами связана с их спонтанным распадом. Химический реактив хранится себе и хранится, ежели он в банке с притертой пробкой и в темноте – что с ним будет?! А радиоактивная зараза распадается, причем иной раз довольно быстро. Так что через три года от доброй половины запасов не осталось и следа. МихМих, правда, и тут не растерялся, переплавил свинцовые контейнеры, в которых хранились изотопы, и отлил грузила, для удочек и браконьерских сетей, а также удобные кастеты на потребу новым хозяевам жизни. Удачно удалось толкануть какой-то фирме с бальнеологическим уклоном радий. Он живет 1600 лет, так что радоновые ванны принимать можно еще долго. А остальные изотопы Михаил Михайлович хранит до сих пор: кто знает, может на что сгодятся...

В здание института вселились многочисленные конторы, что обеспечило стабильный приработорок. На помойку массовым потоком пошли картриджи от ксероксов, принтеров и от чего-то еще. ММ их подбирал, перебирал, ремонтировал, заряжал и продавал обратно. Но золотым дном оказался старый станок для резки стекла. Немецкий ветеран довоенной сборки мог резать стекло любой толщины, причем – фигурно! Можно было выделывать любые кренделя, хоть кружевную салфетку. И началось производство зеркал: от простого сверления дырок под крепежные болты, до создания дворцовых раритетов. Заказы шли валом: гостиницы, казино, рестораны, даже туалеты требовали зеркал. Сначала он только резал, а потом перешел на полный цикл, включая серебрение и позолоту. Благо халявных реактивов было навалом, того и гляди взлетишь на воздух, вместе со всем Институтом, естественно.

Вы, небось, подумали, что с таких доходов МихМих стал олигархом, науку бросив. Ничего подобного, все эти годы он как мерил селективную проницаемость, так и мерил. К докторской готовился.

Рассказывал о своей жизни он занимательно, так что хотелось все бросить и заняться производством каких-нибудь невидимых чернил или фейерверков, благо я спец в этом деле. Но была одна странность – он вел бурный образ жизни, трудился, как пчелка, и изобретатель и

бизнесмен в одном лице. Но ютился в маленькой квартирке-хрущевке, дачка маленькая, машины нет. А я в это время переехал в центр Москвы в большую квартиру, поимел две дачи, три машины. Но у меня все возникло само собой. Никуда я не бегал, по помойкам не шатался, шмотками не торговал, взятки не брал (никто и не давал, кстати). Возился со студентами-аспирантами-докторантами, читал лекции, да рассказы писал, лежа на диване. Как обычно, что при Брежнев, что при Ельцине, что при Путине. Пребывал в Застое. Вот и получается, одни суетятся, а и им – ничего, другие дурака валяют, а им все. Нет в Мире справедливости!

То, что МихМих человек хозяйственный и запасливый и что с ним не пропадешь, я понял еще в Шереметьеве. Он погрузился в самолет с авоськой, а в ней – связка бананов. Вы когда-нибудь возили бананы из Москвы в Африку? Нет?! Не деловой вы какой-то. Правда перед вылетом мы с ним успели хорошо подкрепиться, да и в самолете кормили хорошо, так что бананы уцелели. Высадились мы в Каире в 4 часа ночи и, пошатываясь, пошли регистрироваться. В аэропорту таможник долго вертел мой чемодан, потом громко спросил:

– Нож?!

Я с спросонья решил, что он видит нож на рентгене, закивал, открыл чемодан, и протянул ему свой туристский складной ножик с ложкой, вилок и штопором. Таможник сделал большие глаза, затряс головой, схватил ножик и бросил его в ящик под столом.

– Нельзя! Терроризм!!

Я внимательно на него посмотрел, думаю довольно выразительно, то что я мысленно ему произнес было сильно матерно. Он ни одного русского языка не знал, но идею уловил верно. Когда я встал в очередную очередь, он подбежал ко мне сзади и вручил мне мой ножик. То-то же!

Уже на выходе из аэропорта Михаил Михайлович издал горький стон: исчезла авоська с бананами. Сумки-чемоданы есть, а авоськи нет. Спёрли! Безнаказанно такое оставлять нельзя. МихМих бросился обратно. Я же с его и своими вещами (а так же Димиными – гостинцы родителей) организовал волок к автостанции. В разгар этой деятельности ко мне подошел араб и осведомился: нужно ли мне такси?

– Нет!, – отвечал я, не отвлекаясь.

– С Вас – доллар, - вежливо, но твердо сказал он.

– За что?!

– Ну, как же! Я к Вам подошел? Подошел! Я Вас спросил – Вы ответили. Следовательно, мы разговаривали. Я потерял время, а время – деньги! Так что надо платить!

Во! Еще один деловой! Отдал я ему доллар и потащился дальше. Навалил кучу вещей у нужного столба, и стал ждать. Ни автобуса, ни ММ. Несколько раз ко мне обращались владельцы мелких частных автобусов с предложением подкинуть к гостинице, но я с ними не разговаривал, только отрицательно мотал головой – на всех денег не напасешься. Время шло, и что-то нужно было предпринимать. Задача у МихМиха сложная,

Нужно сначала найти властимущего, затем объяснить ему и что такое – авоська, и откуда продукт и кто когда его в последний раз видел. Даже в Москве – не просто, а тут – абзац. Дело в том, что ММ не владел никаким языком мира, не только не владел никаким языком, кроме русского, но вообще не знал ни одного иностранного слова. Кроме, разве, коммунизм, но это сейчас как-то не в моде. И уж точно – не по делу. Так что задача сложная, надо объективно признать, можно сказать – проблема. Но, видимо, она как-то продвигалась, в корпусе массово зажигались и заглили огни, несколько раз выбегала охрана с автоматами и, ошалело оглядев окрестности, исчезала вновь. Что-то постоянно объявляли по громкой связи.

Тут, как на грех, пришел нужный автобус. Что делать? Еще два часа ждать?! Я стал грузить вещи, еще не кончил, как автобус поехал. Тут я вспомнил все истории о местных привычках, когда подходит автобус якобы от твоей гостиницы, ты грузишь вещи, автобус, не дожидаясь тебя смывается, и все – ходи в чем одет. Тот самый случай! Шмоток особо не жалко, но там же – приборы. Я рванул, как на сдаче норм на значок ГТО, обогнал машину и остановил ее широко раскрыв руки. Оказалось – зря старался, это он просто маневрировал. У страха глаза велики! Я же твердо решил дожидаться коллеги, уселся на ступеньку, дверь открыл, ноги упер в землю.

Ждать пришлось не долго. Из автоматических дверей вылетел Михаил Михайлович, и у него в руках была авоська с бананами.

– Знатный шухер поднял! Все службы задействовал!

– У кого отобрали?

– Ни у кого, я сам авоську на крюк в сортире повесил, да забыл!

Глянули мы на те бананы – грустное зрелище – чёрные, помятые, какой-то слизью покрытые. ММ взмахнул авоськой над головой и запустил ее вдаль. Бананы пошли по крутой траектории и исчезли в пасти урны. Спортсмен, однако...

На следующий день мы наняли такси и поехали осматривать достопримечательности Каира. Схлопотали кой-какие приключения. Обо всех не расскажешь, ограничусь одним.

Осмотрев Цитадель, сокровища Тутатхомона, древний копский храм, пару мечетей, музеи папируса, ковров и духов, мы проскочили мост через Нил и оказались в Гизе. В царстве Великих Пирамид, Сфинкса, пыли и верблюдов.

(Здесь было бы уместно описать виденное, тем более – свежим взглядом, но тогда я, пожалуй, этот рассказ не кончу во век.)

Вся окрестность кишела людьми: туристами и арабами. К нам немедленно приклеился один египтянин и предложил услуги гида. То же, видать, деловой. Отвязаться от него не было никакой возможности. Мы махнули рукой – валяй! Он стал водить по округе. Мы то опускались в какие-то карьеры-раскопки, то поднимались на холмы, что при ближайшем рассмотрении оказывались малыми старыми пирамидками, в которых, собственно и хоронили фараонов. Нас подстерегали открытые бездонные колодцы – ловушки туристов. Иногда мы вползали в какие-то пещеры с урнами, из которых потом долго выбирались по наклонным доскам. В Великие пирамиды нас не пустили, штурмовать их тоже не дали – все окрестности покрыты бдительными автоматчиками.

Гид наш что-то такое нам объяснял, на каком языке – непонятно, он утверждал – на русском, но в это верилось с трудом. Честно говоря – вообще не верилось. Но, в сущности, это было не важно. Откуда взялись эти пирамиды, кто в них похоронен и похоронен ли вообще, что означают иероглифы на свисающих тут и там картушах – он не имел ни малейшего понятия. Тот еще просветитель!

Но на чём он настоятельно настаивал и рекомендовал – это посетить некий подземный храм, где насладиться благовониями, музыкой, пением и главное медитацией. Медитация, так медитация, я лично не возражал. Мало я в жизни промедитировал, глядя в потолок своей квартиры, а то и просто в чистое небо?! Но ММ как-то мялся, хотя тоже вроде соглашался. Но когда мы приблизились в выходу с территории пирамид (она окружена забором) и направлялись к храму, он повел себя странно – стал постепенно удаляться от нас. И пока я рассчитывался с гидом: тот поднял страшный шум, что мы договаривались на 10 фунтов, а никак не на 10 долларов (фунт дороже доллара). Как ни пытался я объяснить ему, что у нас родная валюта – зелёная, а что такое фунт, тем более египетский, я знать не знаю, и знать не хочу. Он стоял, точнее прыгал, махая руками, на своем. На шум к нам направились двое друзей с автоматами и дюжина халатов с верблюдами. Лично я подражаться всегда не дурак, но смотрю ММ куда-то делся, враги идут косяком, да и не удобно как-то в чужой стране мордобой устраивать, в первый день к тому же. Короче, отдал я ему 12 долларов, глядишь не обеднею, а ему семью кормить надо...

Да, но где мой спутник?! Спутник же был далеко: со всей прытью легкоатлета он взбирался на какой-то холм между пирамидами, явно желая перевалить на сторону, противоположную входу-выходу. Действия его показались мне нелогичными: если он испугался активности гида, то бежать от него смысла нет, во время экскурсии я уже заметил, что те погонщики верблюдов, что сажают и катают туристов (в основном – туристок) здесь – лишь небольшая часть сообщества. А основной табор находится аккурат за тем холмом, куда устремился ММ. Бежать от одного араба, чтобы попасть в лапы сотни его сородичей не представлялось мне верным. И вообще не понятно, чего он так резво стартовал, бросив меня на разборке.

Делать нечего – стартовал и я. Спортом я, естественно, никогда не занимался, но коли ноги длинные, и цель определена... Короче, догнал я его на перевале, вернул на землю. Он мне стыдливо объяснил, что испугался. Но не гида, его друзей и автоматчиков. Испугался он медитации!

– Нас окурят благовоньями, загнипнотизируют, усыпят! И ограбят!!!

Трудно мне это представить! Я, конечно, одет: китайские кроссовки почти новые, шорты, тенниска. Есть часы, двадцать лет, а хорошо ходят, и кошелек с 22-мя долларами. Стоит ли трудиться бандитам-грабителям! А если не усну, и разнесу их клоповник? Послевоенную безотцовщину вспомню. И тут МихМих раскололся, оказывается он богат, почти как буржуй, в его рубашке есть тайный карман, а там 300 долларов!!! Зачем он с ними таскается, ведь по прилете в Кейптаун ему дадут банковскую карточку, а там 17 тысяч баксов. Триста-то зачем, с таким риском к тому же. Оказывается банк – это банк, а наличка – это наличка. Святая заначка! Вдруг в пути какое дело подвернется, а денег нет!

Деловым быть трудно и опасно...

Перелёт Каир-Йоганесбург длительный – 9 часов – и вполне утомительный. Всю ночь на кресле вертишься, пытаешься заснуть. Михаил Михайлович развлекал меня исповедью. Активная деятельность имеет свои издержки. Трудно сосредоточиться, внимание рассеивается. Однажды ему хорошо заплатили Солнцевские за что-то химическое, полезное в их блатной жизни, причем баксами. Было это во времена, когда на доллар запрет сняли, но в нашу жизнь он еще не вошел. ММ очень возгордился и пошел по Березкам искать себе мебель. Наметил кое-что, вышел, а денег нет. Украли! Год работы – псу под хвост. С машиной тоже облом вышел, купил у коллеги Жигули – единичку. 18 лет, а как новая. Поставили во дворе, поднялись к себе обмыть, выпили, вернулись, а колес нет. Увели! Пришлось бегать, докупать, ставить секретки. Права он так и не получил (не смог в гараж въехать), зато их получила жена. Дама решительная и активная. Она смело села на руль и нажала на газ. К ее изумлению машина прыгнула, как лягушка, но не вперед, а назад! Там стояла столетняя липа, ее и снесли. И хорошо, что там липа стояла, ибо в полуметре за ней располагался

сам ММ. Не будь липы, что бы было? Убийство и тюрьма! Но машина развалилась и восстановлению не подлежала. Так МихМих и не стал автолюбителем, о чем до сих пор жалеет.

Но все это – семечки, гримасы судьбы. Серьезное происшествие случилось недавно. Начиналось все мирно. Как вы знаете, картошка осенью стоит гораздо дешевле, чем весной. Особенно, если приобретать ее оптом. Вот в октябре ММ и запасал картофель на весь год, покупая несколько мешков сразу. А как ее хранить? Хитроумный изобретатель решил задачу. Он построил воздушный термостат. Взял большой ящик, обил его пенопластом, смонтировал нагреватель с открытой спиралью, вставил контактный термометр и реле. Какую температуру тебе надо, та и держится. Хранилище не хуже погреба!

Всё шло хорошо, пока не занялись ремонтом квартиры. Ремонт шел долго и трудно, один паркет чего стоит. Для его очистки ММ принес бутылку бензина, чтоб старый лак удалить. Бензин, однако, не понадобился, и 15-ти литровая бутылка забытой стояла на термостате. Ремонт, наконец, кончился, похолодало, ММ включил термостат. Несколько дней все шло штатно, но потом крышка просела под тяжестью бутылки, пенопласт коснулся раскаленной спирали и загорелся. Крышка прогорела, бутылка упала вниз, треснула, бензин пролился и вспыхнул. Не просто вспыхнул, бутылка рванула, что вакуумная бомба, содержимое расплескалась и вся округа вспыхнула ясным огнем. Короче, сгорел балкон ММ, балкон над ним, и, балкон(этот – не совсем) под ним, в его квартире одна комната выгорела полностью, вторая – частично, да у соседа сгорело окно, стол и диван. Немного – успели потушить. Хорошее еще, что ММ мебель не купил, ибо, как я упоминал, деньги украли. А то, как жалко бы было!

Теперь он ехал в ЮАР зарабатывать деньги на ликвидацию последствий.

В Стелленбоше жили мы на одной вилле. Он сразу взял на себя все хозяйство, мы периодически скидывались, и я – горя не знал. Он покупал продукты и готовил еду (посещать студенческую столовую, как я было намылился, он запретил). Вполне вкусно, даже украинский борщ бывал на столе. Случались проколы. Один раз мы купили авокадо (О! Авокадо! Одно название чего стоит). Очистили, как картошку, налили по стопке водки (московской, кстати). Тяпнули и попытались закусить. Как бы не так! Вы когда-нибудь поленом закусывали? Эффект тот же. Редкая по силе гадость, эта авакада, доложу я вам. Прошло много времени, пока мы навестились добавлять его понемногу в салаты, тогда ничего, вполне сносно и даже пикантно.

Второй прокол случился с высокочастотной печью. Тогда их в Москве не было, и для нас она – новинка. Пиццу хорошо греет, но и то тарелка с золотой каймой вспыхивает в ней синим огнем. Но однажды я застал нашего повара в расстройстве чувств: тихо ругаясь, он отмывал печку, вся внутренность которой оказалась покрытой какой-то бурой массой. Оказалось, по какой-то надобности, МихМих поместил в печь помидор. И он взорвался! Как граната! Мы с Димой сразу заинтересовались эффектом и попытались представить, что будет, если в высокочастотную печь запихнуть арбуз. Побежали на рынок, купили самых малых, что нашли и принесли. Увы, ни один в печь не влез. Пришлось ограничиться небольшой дынькой. Эксперимент удался! Но печь нам с Димой пришлось мыть самим.

Работа наша в Университете протекала споро, и скоро прототип озонатора был смонтирован и испытан. В мембранный модуль на вход подается обычный воздух, а на выходе – озон. Генератор можно использовать для очистки воды, можно в больницах-моргах, везде, где нужно микробов уничтожить. Дешево и сердито, в других устройствах из воздуха нужно извлечь и очистить кислород, а это – большая канитель, дорогая к тому же. А тут воздух и все. Его даже чистить не надо. (Кому интересно, могу как-нибудь рассказать подробнее). Руки у ММ действительно по локоть золотые. Без дураков...

Но любознательность и деловитость Михаил Михайловича не давала покоя ни ему, ни мне. С ним невозможно было ходить по Стелленбошу. Он хватался, например, за прут забора и пытался его отогнуть в попытке определить из какого металла он сделан, он обязательно открывал-закрывал шлюз местного арыка, чтобы узнать его конструкцию и оценить эффективность. Однажды он, нарушая частную собственность (а по местным законам владелец виллы, заставший незнакомца на своем участке имеет право безнаказанно застрелить его; оружие, кстати, есть у каждого белого, и он не слишком стесняется в его применении), проник в сад и открутил наконечник поливайки: интересно ведь как это он бешено крутится и разбрызгивает воду во все стороны. Наконечник он утащил в Москву, может удастся наладить его производство. На вкус он пробовал все подряд: подпрыгивал, срывал с веток заборных деревьев неизвестные миру плоды. Потом долго плевался, если вкус его не удовлетворял. То же самое происходило с листьями, грибами, цветами и шишками – все было надкусано и облизано. В рамках познания окружающей среды...

Занимал нас вопрос об одной таинственной вилле, пожалуй самой нарядной в Стелленбоше. Все дома вокруг были обнесены хорошими заборами, кое-где – крепостными стенами. А здесь – дом и лужайка. В центре – одно дерево, с плодами неясной природы. Прямо Эдем с древом познания. И никаких заборов, гуляй – не хоч.

Однако странно! Мы регулярно проходили мимо (тротуаров тут не держат, так что движемся по мостовой, как машины). Часто нам хотелось срезать угол по этой зеленой лужайке, но

мы не решались. В Москве бы – запросто и не мы одни, а тут – частная собственность, черт бы ее подрал. Но однажды ММ не выдержал

- Посмотрю, что за фрукт там вызревает, а то спать не могу – любопытно.
- А вдруг – это Древо Познания, выгонят к чертовой матери, как Адама из Рая.
- Ну, так ведь ни змея, ни Евы. Никто не соблазняет, я сам. Да и познаюем я сыт...
- Иди, коли так, я на атасе постою.

В принципе, я не трус. Но есть игры, в которые я не играю. Да и не любопытен я как-то. Михаил Михайлович бодро двинул к дереву.

- Мандарины! – крикнул он мне, – зелёные, заразы.

И тут начался фильм ужасов. Много чего повидал я в жизни, но такого ещё не было. Это точно!

В траве раздался шелест, не громкий, но такой, какой я всегда услышу на фоне любых помех. Так шипит бикфордов шнур, когда огонь приближается к взрывателю. Неоднократно слышал я его на прииске Кёстёр, что в славном Верхоянском крае. Там я взрывал и меня взрывали. Приготовился плюхнуться пузом на землю, а зря. Это – не бикфордов шнур, это – змея. Сказано ведь, не поминай Дьявола к ночи. Из травы появилась змея, точнее не змея а Змей. Может и не Змей Горыныч, но что-то вроде. Где-то на высоте метра двигалась голова, типа: снаряд гаубицы. Пасть вроде была закрыта, но из нее каким-то таинственным образом вылетал и тут же убирался обратно узкий язык. Голова сидела на столбе, который плавно переходил в тело, диаметром с хорошее бревно. Тело, видать, было немалой длины, ибо волны в траве стихали вдаль.

ММ обернулся:

- А вот и Змей, – констатировал он, Ветхий Завет вспомнив.

Змей пристально глянул на него, и МихМих превратился в соляной столб.

Тут же раздался свист, и в воздухе, как мощный бич появился хвост (откуда он взялся, ведь по идее он должен быть где-то далеко). Раз и он многократно обвился кольцами вокруг тела ученого, два – и кольца начали медленно сжиматься. Где-то я такое видел, на древнегреческую скульптуру похоже. Там для троих товарищей дело плохо кончилось. Медлить было нельзя, я бросился спасать делового. А как спасать-то? Скотина эта, пожалуй, десяток гомо-сапиенсов раздавит и не чихнет. И любимого дроба нет, а был бы – куда стрелять? Споткнулся я о какой-то шланг, видать для полива. Поднял, а у него железный наконечник, как у пожарного брандспойта. Открыл я кран и направил струю в пасть змеюки. Струя выдалась знатной, не меньше чем у нас на пароходе, атмосфер пять наверное. Голову Змея отбросило назад, он раскрыл пасть, что было явной ошибкой. Пасть немедленно заполнилась водой, Змей стал задыхаться и тонуть. Кольца стали ослабляться, и ММ выскользнул из них.

Сквозь стену воды, я увидел, как кто-то бежит к нам от виллы.

- Не уж-то Ева! - подумал я.

Это была ни Ева, и ни Адам, а скорее Бог Саваоф, коротконогий бородатый старикашка. Он что-то крикнул, раз, другой и змеюка уползла прочь. Бог резким движением руки предложил нам покинуть территорию. Мы, сохраняя достоинство, удалились.

Отдышавшись, пошли жаловаться Диме-Наташе.

– Ха! – сказали они, весь Стелленбош знает, а скоро будет знать вся ЮАР, что господин Фурье завел для охраны виллы питона. Вот, читайте заметку в газете:

Сторожевой питон гостей не кусает. В городе Стелленбош (ЮАР) лучшими сторожами домов считают... питонов и африканских гадюк. «Осторожно – питон». Табличка с таким предупреждением висит и на входной двери виллы бизнесмена Лума Фурье. О своем друге-питоне Монти он говорит только восторженно. Вот уже больше 5 лет не было даже попыток ограбить дом. Одна проблема – трудно найти желающих убираться. Монти – не только сторож. В свободное время хозяин играет с ним, выпуская из клетки. Лума считает, что Монти просто влюблен в него, а потому и не опасен. По крайней мере, на друзей не нападает. Когда приходят гости с детьми, то питон даже плавает с ними в бассейне. Монти, правда, дважды кусал хозяина, но это только для того, полагает Фурье, чтобы напомнить о времени кормления. Лишь однажды Монти пересек границу своих владений; встревоженный сосед прибежал к Фурье и сообщил, что питон греется на солнце на его лужайке. Недалеко от Фурье живет Дени Малерб, который работает в Центре по изучению змей. Его дом сторожит ядовитая африканская гадюка. И об этом он оповестил соотечественников с помощью надписей на 11 официальных языках ЮАР, которые помещены на окнах, стенах дома и на заборе. Рядом с ними висят устрашающие рисунки с изображением рептилии.

Какие-такие объявления?! Мы ничего не видели – к вилле не приближались. Или русский не входит в 11 языков ЮАР, или нас за гостей не приняли? Хорошо, однако, что эта Монти не ядовитой гадюкой оказалась...

Не знаю! Конечно, в либерально-свободной стране каждый может охранять свою собственность, как хочет, но в авторитарно-тоталитарном государстве за такие шутки морду бьют!

Прикладная физика

Серьёзный вопрос: есть ли связь между ядерной физикой, порнухой и проституцией. И, если есть, то какая? Ведь странно: если встретишь где Институт ядерной физики, не сомневайся – на его периферии, или прямо напротив входа, есть Публичный Дом. С чего бы это?

Так – в Германии, так – в ЮАР, стране пуританской!

А если такого дома нет, то весь ученый коллектив в нерабочее время (часто – в рабочее) смотрит порнуху. Им что общей теории поля мало?! Или классификация элементарных частиц не удовлетворяет? Считаешь себе процессы в бомбах, ну и считай! На секс не отвлекаясь...

Помню, когда я впервые приехал в Чехословакию Зденек, работавший тогда в Институте ядерных исследований, пригласил к себе на работу. Я отказывался, хоть Ржеж и недалеко от Праги (17 км), но чехи ведь сумасшедшие, у них в Институтах рабочий день начинается в 7 утра!!! Это значит в 5 вставай, и тащишь в темноту?! Зденек обещал мне показать реактор, ускоритель, даже свою новую эманационную установку. Я был непреклонен – в гробу я видал это дерьмо. И тут он предложил мне посетить фотолабораторию – там порнофильм можно увидеть. Это решило дело – мы поехали.

Фотолаборатория – маленькая душная комната, пропахнувшая фиксажом и еще какой-то кислой дрянью, с красным фонарем (Я бывал во многих – везде одно и то же, даже в Дубне, солидном вроде центре), оборудованием для автордиографии, проектором и набором документальных фильмов на 8 мм кассетах. Среди них как-то сами собой возникают порнофильмы. Такой фильм я смотрел в первый раз: много нового, интересного и необычного. Позы – не только МНС, но и гимнаст цирка, пожалуй, не выполнит. И приспособления всякие, механизмы, бичи-наручники, то – сё, садо-мазо какое-то... Хоть и был женат к тому моменту лет десять, но все равно расширил кругозор. Но к четвертому часу просмотра, стал уставать, голова заболела – всё как-то механистично – поршень в цилиндре ходит туда-сюда, туда-сюда, как кривошипно-шатунный механизм в паровозе. Сколько можно, без фантазии...

Теперь, конечно, лафа, тащиться куда-то и париться там не надо, включаешь Интернет прямо на рабочем месте и смотри, что хочешь и сколько хочешь. В Мюнхене меня предупредили, чтобы я при входе в лабораторию, особенно теоретическую, сначала стучал, а потом долго вытирал ноги при входе. Не для того, чтобы потом их на стол класть (мы не в Америке), а чтобы дать возможность убрать голых баб с дисплея и заменить их на уравнение Шредингера с начальными и граничными условиями. Это время требует...

Ну, это я так – для разгона, вспомнилось что-то.

Гуляли мы по Африканским фирмам, думали, думали и надумали заняться нанохимией. Благое дело, не так ли? Сказано – сделано.

Но нанохимия, это не просто химия. Тут без циклотронов, ионных источников, атомных реакторов, ускорителей протонов и прочего физического барахла не обойтись. Никак не обойтись. Пришлось ехать в Институт ядерной физики, что где-то в окрестностях Кейптауна обитает.

Дорога для здешних краев типична – холмы-горы, покрытые виноградниками, деревья на обочине шоссе, да одинокие фермы вдали.

Мы поняли, что Институт близко по смене декораций: по обеим сторонам дороги стояли женщины, всех возрастов – от детей до пенсионерок, всех цветов и оттенков – белые, коричневые, красные, черные, толстые и тонкие, блондинки, шатенки, брюнетки. Не то, что Ленинградское шоссе, Париж отдыхает. Они стояли на асфальте, кучками, или порознь, но именно стояли, никто не лежал и не сидел. Все одеты – ни голых, ни полуголых. Даже животы не светились. Они предлагали секс, профессорам ясно, но где?! Ни машин, ни домов видно не было, вообще – никакой цивилизации – ни уж-то в буше, в кустах колючек, не знаю, как они называются? Там же термиты!!!

Дамы призывно махали руками, голосуя, тормозили машину. Но, увидев, что за рулем Наташа, тут же теряли интерес – ездай, чужак, в Тулу со своим самоваром.

Оказалось, что до Института не так уж и близко. Дамы тянулись долго. Это какая же потребность должна быть, если такое ее удовлетворение намечается?!

Сам Институт я сейчас описывать не буду, территория большая, это понятно, селиться рядом с реактором дураков нет, удивляло обилие зебр пасущихся на свободе, с крепкими крупами, как у местных даме. Оборудования много. Нержавейка блестит, азот дымится, осциллографы пляшут, самописцы скрипят, мудаков-журналистов и домохозяйек впечатлит, а так – говно говном, естественно. Аборигены-ученые оказались почему-то поляками, что странно. И нехорошо, ибо славянам друг с дружкой не договориться, ревность мешает и исторический груз гнетет.

С легким минором покидали мы Институт по главной аллее.

– Слева – Отдел фундаментальной физики, – сказал наш Гид, – а справа – Отдел прикладной физики, точнее – прикладной физиологии.

– Это как?! – заинтересовались мы

– Спецлаборатория, слева физики, справа – «физички».

Приглядевшись, мы увидели красный фонарь над входом и до нас начало доходить.

Ну что ж, прикладная физика, так прикладная, с фундаментальной знакомы, пошли прикладывать. Мы отправили заскучавшую от наших постных научных рож Наташу домой, а сами бодро двинули на экскурсию в спецлабораторию. В холле стандартной для научных организаций архитектуры нас встретили белые женщины в строгих деловых костюмах. В возрасте, но симпатичные, как билетеры в Консерватории. Нас трое – и их трое. Взяли нас за руки и повели по парадной лестнице вниз. Свет погас. Стало темно, причем – абсолютно. Если бы на голову надели мешок, эффект был бы тем же. Тьма, совершенно непроницаемая тьма окружала нас. Только по сопеню Михаил Михайловича я ощущал присутствие коллег. Мы опустились еще на один этаж и немного прошли вперед. Пахло старыми коврами, шкурами и благовоньями.

Дама отпустила меня и исчезла. Но не долго стоял я одиноко. Десятки, сотни пальцем притронулись ко мне, стали меня раздевать, гладить и массировать. Как только я превратился в голыша, меня уронили. Упал я на тройку дам, еще несколько легли рядом, а остальные – сверху. Меня мяли, терли, ласкали, лизали, целовали, сосали. Как они управлялись в темноте? Приборами ночного виденья, думаю, пользовались, не иначе. «Физички» все же. Интересно, негритянки или белые. Все же на ощупь, а на ощупь цвет не определишь, я не Роза Кулешова. В ход пошли какие-то мази. Минет и массаж уретры одновременно. При таком обращении встанет все, что сто лет не стояло. Встало и у меня. Кто-то вертелся на члене, периодически крепко сжимая его. Оргазм приближался, я отбросил остальных, и прочно ухватился за одну, пухленькую, с большими крепкими грудями и торчащими сосками. В моем вкусе. Она сидела ко мне спиной, но разворачивать её времени не было. Настал оргазм, одновременный: и у меня и у неё (а говорят проститутки оргазм не имеют!) – влагалище её стало ритмично сокращаться, волна сжатий побежала по члену. Да, ребята, это вам не скудный секс с женой! Тут впечатлений больше.

Меня отпустили, обтерли, погладили, но вскоре ласки возобновились, кто-то массировал меня низом живота, жесткой сеткой. И Он опять встал! Кто взял его в рот и слегка покусал, затем мы вошли куда-то в горло и там кончили. Пора бы отдохнуть. Меня подняли, немного понесли и опустили в воду. В теплую, приятную воду, кипящую от газовых пузырьков. Здесь меня начали мыть, губками и мочалками, изредка стегая веничком. Потом вытерли и вернули народу.

Говорят, у мусульман есть поверье, что если погибнешь за веру, то окажешься в раю, где тебя будут улаживать 50 девственниц. Я не мусульманин и не умер, меня пятьдесят ни пятьдесят, а десяток дам обслуживает. Они, похоже, не девственницы, но, может, оно и к лучшему? Мусульманин их, вероятно, видит, а я нет, но и это – к лучшему, к чему отвлекаться, может у ней рожа корявая? Была бы дырка. Ключу не важно как дырка выглядит, и из какого она материала. Тут же отверстий было много, и все разные. Вот и анальный секс случился, первый раз в жизни, кстати.

Проявил я аномальную резвость и стал уставать. Пора заняться дамами, стал я в свою очередь гладить, целовать и массировать (как снаружи, так внутри). Дамы отвечали тяжелым дыханием, стонами и вскриками. Иногда – оргазмами. На член надели кольцо, он снова взбодрился. Потом стали перетягивать основанье. Вот это я уже не люблю, это – насилье. Пора выбираться, пополз я куда-то, пытаюсь найти лестницу. Поймали, понесли, окунули в воду. Помыли, вытерли, одели.

Когда вспыхнул свет, мы стояли в фойе, рожи красные, глаза безумные. Белые женщины в деловых костюмах взяли нас за руки и отвели к машинам, каждому – своя. Ехал я домой в разобранном состоянии, каждая клеточка болела и ликовала. Понял я тогда, что это такое ПЕРЕТРАХ.

А нанохимия? Что нанохимия? Накрылась медным тазом, естественно.

*Слаба у нас наука,
И толку мало в ней...*

ГЕРМАНИЯ

Чужие ритмы

В Праге мы всегда ходим в тихие пивные. Тянем деситко, кружка за кружкой (без закуски!), беседуем о дамах (пока трезвые) и о науке (когда выпивши). Разложим бумаги и статьи пишем. Ни шума, ни драк. Да и какие могут быть драки с полным мочевым пузырем? Тут бы до сортира успеть добежать. Недаром к ночи все пражские стены описаны. Не только нами, естественно.

В Баварии, в их Beer garten (которые часто вовсе и не сады) - не так. Народ развязен, шум, гам, хохот. Музыканты, пьяные в жопу, наяривают музыку. Марши и вальсы. Пиво грубое, на подвиги тянет. Кружки литровые (mass – называются). Стянутое корсетом создание, с аппетитно подпертыми снизу грудками, продирается сквозь толпу с шестью полными кружками в каждой руке! Сама пья-на-я. Только пена летит. Женщины, дети, собаки - все при деле.

Но главное удовольствие - попеть хором. Орут что-то бодрое, раскачиваясь и махая в такт кружками. Взбадриваются. Раз! и вскочили на лавки. Так поют, качаясь. Два! - и они на столе. И там поют.

Статью здесь не напишешь.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Иду по Мюнхену. Из окон шум и музыка. Резкая и ритмичная. Так и хочется поднять факел и маршировать куда-то вдаль. Можно, конечно, дранг нах остен, но, нам, лучше на вест. Чеканю шаг, но не идетя. В чем дело? Врубился! Оказывается - вальс. Счёт на три, а ноги - две.

Вот почему мне с немцами трудно...

Хотя я и сам немец, в каком-то смысле. Меньше, чем Лев Толстой, но всё же.

Немецкая бюрократия

Отец скрывал свое знание немецкого языка. Время такое было. Я же могу прочесть химический текст и получить зарплату. Не более того. Поэтому, когда мы со Зденеком появились в Институте экологической химии под Мюнхеном, то всю бюрократию: заполнение анкет, получение пропусков, поселение и т.п. Зденек взял на себя. Но разорваться он не мог. Решал стратегическую задачу – где пожрать. Меня же отправил записываться в библиотеку.

Дама у конторки вручила мне анкету. Всего каких-то шесть листов. За четверть часа справился почти со всеми пунктами. Кроме одного: полстраницы непонятного текста. И так вертел и смяк – абракадабра какая-то.

– Тётка! – сказал я библиотекарше, - дай Немецко-Русский словарь, не понимаю я что-то в твоей анкете.

– Запишись в библиотеку, тогда словарь и получишь.

– Дура! Как же я запишусь, если что писать не знаю?!

– Через час влетел гневный Зденек:

– Что ты застрял здесь? Записался?

– Я грустно показал злополучный пункт.

– Зденек прочёл и подозрительно уставился на меня:

– Ты беременный?

– Нет! – отвечал я уверенно.

– Тогда ставь прочерк.

Я поставил прочерк, получил словарь и пошёл ужинать.

Век воли не видать

В отрочестве я, сквозь треск и завыванья, слушал радио «Свобода». Проникался свободой бизнеса, свободой творчества, свободой передвижения и т.д. и т.п. Слушал о западной свободе, и просто слюнки текли, так хотелось на волю в пампасы. И вот случилась перестройка, железный занавес упал, и свобода ворвалась к нам на крыльях демократии. И что же ?!

Студентом, я свободно передвигался по огромному евроазиатскому региону. Как в эпоху тоталитаризма, так и в эпоху волонтаризма. Ни виз, ни загранпаспорта мне было не надо. Я просто покупал билет, и ехал, куда хотел: Рига, Тбилиси, Жмеринка, Хива, Алма-Ата, далее везде. Проблема была с капстранами. А они заманивали - из Америки, Германии, Израиля шли сигналы: приезжай, примем, устроим, обогатим. США приняли специальные законы, стимулирующие удаление народов из СССР. Давили, давили и давили: пустите к себе нашу свободу, а мы пустим вас. Примем без ограничений и виз: и ученых, и бандитов. Только поднимите железный занавес.

Подняли! И что получили?

Первое, что сделали любители свободы, это перегородили всю территорию Азеопы заборами, с колючей проволокой и крепкими замками на воротах. Теперь уже ни в Туркмению, ни в Молдавию просто так не сунешься, в Латвию или в какое-нибудь недоразумение типа Эстонии – виза треба (постояй-ка пару суток в очереди в Посольстве и заплати пачку долларов, а то не искупаться тебе в ледяной балтийской воде в канализационных стоках). А как же! Свобода требует жертв. У вас дети в США или в Израиле? Родителей не пустим ни под каким видом. Ну и что, что еврей?! А вдруг останутся? Нет, пусть уж наслаждаются нашей свободой у себя на родине. Вам захотелось по Лондону прогуляться? Докажи, что богат, покажи-ка пару тысячёнок долларов. Не можешь? Профессор ты? Нищий, стало быть. Ну, так и сиди дома! Англичане без тебя обойдутся. Не угнетённый ты интеллигент, как сгоряча казалось в бытность Холодной Войны, а бандит-мафиози. Всю демократию нам испакостишь..

Лучший сосед – это сосед за высоким забором...

Вот и вся идея, что стояла за радио Свобода, за идеями демократизма и западного либерализма.

Но поговорим о Германии. Вот, где, наверно, истинная свобода. Оплот демократии всё же.

После длительной и унижительной процедуры оформления виз в немецком посольстве (как-то сразу пахло национал-социализмом и фашизмом в одном флаконе), приехал я поработать и лекции почитать в Центр Экологии и Здоровья. Иду по славному граду Обершляйххайму, что под Мюнхеном. Никого нет, ни на улицах, ни в домах. Наконец, нахожу какую-то бабку в инвалидном кресле и интересуюсь: у вас здесь атомная война в разгаре, или как? Все в бомбоубежищах?! Оказывается, войны пока нет, но есть воскресенье. А раз воскресенье, то все население должно быть в кирхе. То есть веришь, не веришь, а сиди в церкви. Свобода -

осознанная необходимость. Соборность по-нашему. После молитв, всей общиной обсуждаются животрепещущие темы: в одном доме повесили зелёные занавески (Представляете – у всех жёлтые, а у них – зелёные. Постановили: снять немедленно!), в другом - не так постригли газон, а третьи вообще асфальт перед домом без шампуня мыли! Я живо представил перспективы переноса немецкой свободы в Россию. Допустим, сижу я на даче, кто-то приходит и говорит, что по мнению общества у меня занавески не того оттенка. Бедолага незамедлительно окажется без нескольких зубов и с переломанными ребрами. Указывать другому соседу, как ему стричь газон, он уже отправится на скорой помощи.

Почему Россия (в отличие от Германии) свободная страна? Потому, что у представителя общественности всегда есть свобода сделать мне замечание, а у меня – всегда есть свобода послать его подальше!

А доносительство?! Немцы доносят всегда, везде, на всех и каждого.

Живу один в однокомнатной квартире. На двери приказ – уходя из дома, запирай вентиля на всех батареях! Как же, разбежался. Вместо научных размышлений, я должен постоянно помнить о каких-то батареях?! Должен бегать в поисках этих вентилях, закручивать их, после работы возвращаться в холодную квартиру, бежать отвинчивать вентиля и ждать пока батареи прогреются?! Фиг вам! Я, конечно, проигнорировал приказ. Так тут же донесли! Как узнали, непонятно, наблюдали в подзорную трубу из дома напротив, что ли? Написали докладную, пришлось с начальством разбираться. Невольно взгрустнешь о московской свободе: краны на батареях я там не закрывал ни разу в жизни, по телефону, говорю, сколько хочу, воду-газ трачу вволю, ни перед кем не отчитываюсь, разрешений не спрашиваю. Вот это и есть – Свобода, немцам не понять, тем не менее, вякают что-то... Раньше из Мюнхена, теперь из Праги.

Раскрываемость преступлений в Германии удивительна: не успел убийца поставить перед домом машину, как его тут же повязали. А как иначе: он еще парковался, как двадцать жильцов из разных квартир бросились звонить в полицию: незнакомая машина под окнами! Да если я, сидя на балконе замоскворецкой квартиры, стану звонить в милицию по поводу каждой машины, въезжающей во двор, я вообще на работу не уйду. Даже если буду точно знать, что там киллер, - все одно не позвоню: с милицией связываться – себе дороже.

Мчимся по автостраде, догоняет нас мерседес и слегка подрезает. Так водиле не лень вытащить мобильник и позвонить гаишнику, чтобы оштрафовал нарушителя. Я же, когда еду по родному шоссе, и вижу притаившегося в кустах мента с радаром, тут же начинаю сигнализировать встречным: поберегись! А стучать на своих - извини...

Свобода немца – свобода донести на ближнего! Нужна нам такая свобода?!

Вы можете представить себе немца, въезжающего под знак кирпич. Нет! Такого вы представить не можете. И правильно – такого нет на свете. А я уже 7 лет, ежедневно проезжаю под кирпич. Почему?! А потому, что у нас Свобода. Да гаишник имеет право вешать любой знак в любом месте – это его свобода, но и я могу ездить, где угодно и как угодно – это моя свобода. Наплевав на дорожные знаки с высокой колокольни. Равно как на все законы российские: не я их принимал, не мне их и выполнять...

Сообщение из гранта Вильсона от фонда Опенгеймера, приглашающее меня на работу в ЮАР, состояло из трёх строчек. (Три года, сумма \$30000). Зато стипендия ДААД (2 месяца, \$1500) сопровождалась инструкцией на шестидесяти страницах немецкого. Чего там только не было: я не могу заходить в смежные лаборатории, беременеть и делать аборт, вставлять зубы, заезжать на газоны и чинить там машину, сливая масло на травку... Зато точно оговорено, как и когда мой труп (если мне удастся в него превратиться за время стажировки) будет доставлен на родину. К радости родственников.

В первый день работы разместился я в отдельной лаборатории. Однако забыл спросить, где столовая. Теперь придётся тупо бродить по гигантской территории (Бывшее лётное поле, на котором когда-то тренировались немецкие асы, Геринг, например) в поисках, где бы пожрать. Да и время обеда узнать бы не плохо. Но я зря беспокоился: об обеде узнал просто. С пушечным выстрелом одновременно (!) распахнулись все двери и народ высыпал в пустынный до того коридор. Столовую искать не пришлось – туда пёрла толпа стройными рядами. Так что осталось только слиться в едином экстазе. С едой справился за 20 мин, но на работу нельзя: отпущен на обеденный перерыв час, вот час и гуляй. Особо впечатляет немецкое единство в начале работы. Представьте – длинный коридор, двери слева, двери справа, и во все двери одновременно вставляются и поворачиваются ключи. За пятьдесят лет работы в МГУ (а коридоры у нас куда как длиннее) я ничего подобного не видел и даже не представлял, что такая синхронность возможна. В 5 часов кончается рабочий день, и именно в 5 уходит последний автобус: задержишься на работе, шпашь пешком до дома. И это свобода?!

А у нас? Приходим мы, когда хотим, уходим тоже. Нужно тебе остаться на ночь (подежурить на ускорителе, трахнуть лаборантку или спокойно выпить) – пожалуйста. Никто слова не скажет. Делай, что хочешь. Хочешь титровать – титруй, хочешь чинить машину – чини, хочешь играть в подвале в пинг-понг – играй, хочешь проспиртоваться – спируйся. На обед

можешь идти в любой момент и на любой срок. Нет аппетита – кофе пей в лаборатории. Так, где свободы больше? А?!

Куратор-немец к концу недели забеспокоился: ему нужно на субботу-воскресенье в Лейпциг навестить семью.

– Так в чем проблема? – спрашиваю.

Нужно разрешение лично от директора института, а он задерживается в командировке.

– А ты разве должен работать в эти дни?

– Нет!

– Ну, так езжай, куда хочешь!

– Ни в коем случае, нужно разрешение, причём дать его может только директор.

Вспомнил я ситуацию на родном химфаке. У нас, конечно, есть начальник-декан, но я его лет двадцать не видел (Зачем он мне сдался?!), и вряд ли при встрече узнаю. Важнее, что у него пять заместителей. Я профессор, читаю лекции, и по идее должен отпрашиваться у замдекана по учебной работе. Но он может спросить: «А вместо тебя кто лекции читать будет? Я что-ли?!». Поэтому он не годится. Но есть ещё замдекана по науке, по иностранным делам, по хозяйству и еще кто-то. Кто-нибудь да подпишет. Но самый юмор в том, что я как-то не собрался пойти к кому-нибудь за разрешением. Просто встал и поехал на пару месяцев по Германии-Франции прогуляться. А кто меня схватится? Я ж – не уборщица! Жене сказал и хватит.

В Германии первым делом поехал в Мюнхенский технический университет, знакомится с кафедрой Экологической химии. У нас на кафедре 87 человек. Думаете там больше? Нет! Штатное расписание немецкой кафедры – два с половиной человека (заведующий кафедрой, заведующий практикумом и инженер по технике безопасности – один на две кафедры, отсюда половинка). Остальных набирают по конкурсу на один семестр. Чтобы тебе разрешили читать курс лекций, ты должен представить полный текст лекций. Назначаются два оппонента, докладывающих о качестве материала методической комиссии. Более того, одну лекцию ты читаешь публично (не иначе – дикцию проверяют). Думаешь, если прорвался, и тебя в доценты-профессора на семестр взяли, так можешь жить спокойно?! Как бы ни так! Студент деньги заплатил? Заплатил. Теперь он хочет что-то иметь, на каждый затраченный пфенниг. Трясет тебя, как грушу, в попытке выбить знания. Запланировано семь лекций, попробуй прочитать шесть. Подсудное дело! Все равно, что колбасой обвесить в магазине. На преподавателей сыпятся доносы, угрозы, жалобы. Методические комиссии их разбирают. Большое разнообразие: то прибор в практикуме устарел, то преподаватель шепелявит, то (о ужас!) семинар был короче, чем ждали, то профессор не так одет и вообще стоит задом к аудитории, так что мысль ускользает. И весь этот маразм обсуждается, меры принимаются. А как выставлять студентам оценки. Если в семестре строго спрашивать, то – ты враг народа. Студент пишет донос, что из-за плохого подчерка доцента, он не понял закона Ома, потому и завалил контрольную. Виноват не он, а доцент. Доцент, в свою очередь пишет докладные на студента: грубит, кадрится к студенткам, списывает и т.д. и т.п. Комиссия заседает, обсуждает, решает. Перманентная склока. А если ставить в семестре всем одни пятерки, думаете, полегчает?! Нет! Лекции читает Профессор №1, а экзамены принимает другой (Профессор №2). А у него задача – побольше завалить. Почему? Да потому, что если он поставит хорошие оценки, то попечители будут довольны: профессор 1 хорошо подготовил студентов, все проявили прекрасные знания. Так в следующий раз кого возьмут преподавать. Конечно профессора 1. Профессору 2 это надо?! Он что – мазохист, чтобы собственноручно плодить себе конкурентов? Он и заваливает всех, причём тем более легко, чем больше вы ставили отличных оценок в семестре, создавая иллюзию благополучия. Чтобы студенты в конце семестра что-то знали, с ними надо строго обращаться, ставить плохие оценки. Тогда на вас пойдут жалобы, что из-за усов плохо слышно и вообще немецкий в Казахстане учили. Издержки платного образования!

А у нас? За сорок лет моей преподавательской деятельности никто (никто и никогда!) из руководства кафедры-факультета не поинтересовался, что же я, собственно говоря, излагаю студентам. Текстов лекций я не писал ни разу, ни разу не выступал на методической комиссии, ни разу никто из начальства не присутствовал ни на одной моей лекции. Читай, что хочешь, сколько хочешь и когда хочешь (с учётом других предметов, естественно, но не более того). Полная Свобода! Если отменю какое занятие, то студенты плакать и писать докладные не будут. Наоборот, они будут рады (Училка заболела!). Образование бесплатно: мы делаем вид, что учим, они – что учатся. Все довольны, и все свободны. Никаких уголовных дел. Немцам – не понять!

Подведем итоги, так кто из нас свободней: я или Бёддекер? Двух мнений быть не может – конечно, я. На Западе не только нет никакой свободы, но тамошние аборигены вообще не представляют себе, что такое – свобода. (Как городской житель не представляет себе, что такое мошка или там корабельная качка. Хотя и слышал что-то об этом). Не знает, не понимает, но рассуждает. И не просто рассуждает, а самодовольно учит нас воле-вольной. Учит нас, привыкших ходить на работу, когда нам хочется, и делать там, что хочется. Нас, привыкших плевать на все законы и уголовный кодекс («Суровость законов российских, смягчается необязательностью их исполнения»). О Свободе рассуждает человек, переходящий улицу только на зелёный свет! Человек, привыкший смиренно стоять на красном светофоре, объясняет москвичу, как свободно

бегать по улицам, перед носом несущегося транспорта?! (Он бы еще начал учить свободолюбивых грузин соблюдать правила дорожного движения в Тбилиси!). Западная свобода – это учёба и экзамены на права, это прохождение техосмотра, это длительные судебные тяжбы. Нужны нам такие вольности? Нет! У нас права, техосмотр, судья – все покупается. И дешево. Свобода – пространство доступных альтернатив: хочешь переходить только на зеленый – ходи, никто тебя не ограничивает, я же хожу на все три света (на светофор вообще не гляжу за ненадобностью). Поэтому у меня свободы в три раза больше, чем у тебя, немец. У меня воля-вольная, а у тебя – рабство. Ну и молчи в тряпочку...

А радио Свобода я уже давно не слушаю. Мнение наглых дилетантов не интересно. Опыт жизнь на Западе показал: там есть всё. Кроме свободы.

Приезжайте к нам – научим свободу любить!

Наше преимущество

Немцы, как химики – на голову выше российских. Впрочем, и других наций тоже. Против фактов не попрешь. (Когда аспиранты-немцы, бывшие выпускники МГУ, приезжали к нам погостить, они всегда говорили: «Какая у вас замечательная теория катализа, как всё подробно рассмотрено, реакции расписаны, то, да сё. Но катализаторов у вас нет, и никогда не будет!» Чистая правда – все заводы в России работают исключительно на немецких катализаторах). Вообще в мире вся химия держится на тандеме немцы-китайцы. Немец говорит, что делать надо, а сто китайцев набрасываются на идею, и доводят до ума.

Зная все это, я с особым пристрастием знакомился с системой химического образования в Германии. Многое мне нравилось: хорошее оборудование в практикумах (студенты-радиохимики работают на реакторах и ускорителях. Наши могут только мечтать. Хорошо, если их раз в жизни свозят на экскурсию), студенты – люди взрослые (кончают Университет в 28-30 лет, не то, что наш молодняк – в 22 уже с дипломом), знают, что от жизни хотят. Мальчики уже отслужили в армии, отработали в фирмах, присмотрелись, знают что – почему, специальность выбрали сознательно (а не просто – училка хорошая, или мама хотела). Заработали на учебу (или на часть учебы: поучатся – деньги кончились – идут работать, заработали – опять учиться). А если ты сам за учёбу платишь, то, наверное, будешь по-иному относиться к источнику знаний, не так, как в России, где всё – на халяву. Часто за их учебу платят фирмы, и тогда студент знает, что если он станет хорошим специалистом, пройдет интервью, то фирма к себе возьмет и плату скостит. Будешь лениться – за все заплатишь. Так что прыгучесть у немца заметно выше, чем у русского балбеса. Сказывается и семейная преемственность. Семейная династия – прадедушка алхимиком был. А откуда славянскому хлеборобу химии набраться?! Ежели все его предки, не отвлекаясь, землю пахали? В крепостной зависимости. Отсюда и результат.

Немец появился, наш может отдыхать.

Однако, при непосредственном знакомстве с учебным процессом (начитав им лекции и приняв многочисленные экзамены) я стал замечать и недостатки. Немцы прекрасно знают практическую химию. На вопросы о цвете, плотности, вкусе любого вещества отвечают, не задумываясь, приборы монтируют-демонтируют автоматически (как наши – автомат Калашникова). Но квантовой химии не знают вовсе, фракталами у них увлекаются художники, количественной химией (термодинамикой или кинетикой) владеют слабо. Вообще по всем предметам, где есть математика, немецкие химики плывут. Наши, пожалуй, здесь сильнее будут. Но особо плачевно дело обстоит с компьютеризацией, с применением ЭВМ для обработки и интерпретации результатов экспериментов. О матстатистике они что-то слышали, но так – абстрактно. Наши, все же в силах посчитать ошибку, с учетом типа распределения к тому же.

Как же так? Ведь на Западе компьютеры широко распространены. Все ими вроде владеют – посмотри, как лихо тексты набирают, только пальцы мелькают. А считать не могут, нет у них стандартных пакетов математических программ. Сначала я думал, что дело в том, что все базовое программное обеспечение у немцев – на немецком, тогда как спецпрограммы, естественно, на английском. Но оказалось, что дело не в этом: большинство англоязычных программ переведено на немецкий. Бери – не хочу!

Прошло время, пока допер, где собака зарыта.

Приехал в Институт знакомиться. Водят по этажам, оборудование демонстрируют. Хорошее оборудование, у нас такого нет. В каждой лаборатории с гордостью подводят к ЭВМ. Ну, этим нас не удивишь, в МГУ – везде так. Начинают знакомить к компьютеризацией. И тут выясняются забавные вещи. Оказывается – в институте компьютер один. То, что я принимал за ЭВМ в лабораториях, оказалось просто дисплеем, подсоединенным к единому компьютеру. Представляете, как он работает, если на нём висят две дюжины дисплеев! Никак он не работает, уверяю вас. Может пару цифр он и перемножит, но запускать на нём серьезный счёт – Боже упаси! Все зависнет. «А компьютер у нас, - говорят они с гордостью, - Пентиум». Ждут, что я буду пищать от восторга. Ха! Да я держу в руке дипломат, в нем НОУТБУК, который, между прочим, - Пентиум 4, в 10 раз мощнее вашей доходяги, и память у него в 4 раза больше, и никаких лишних дисплеев. А дома стационарные компьютеры, еще на порядок быстрее. И таких компьютеров у нас в корпусе

отнодь не один, только у меня таких – девять. Причем каждый компьютер укомплектован принтерами, сканерами и много еще чем. А здесь? На весь институт – один принтер!!! За ним – очередь, человек двадцать (самая большая очередь, встретившаяся мне в Германии). Стоят, ждут – пока вылезет нужная бумага. Хватают и деру. И еще мужик поставлен, следит, чтобы кто ненароком, голую бабу не распечатал, картридж не посадил.

Ладно, бедность, не порок (хотя – и большое свинство). Компьютеры у них дороги (Магазины платят за землю в центре города, а она стоит не мало. Отсюда и цена). Не то, что у нас, особенно – красной сборки. В Германии везде запреты: свою программу поставить не можешь, выйти в Интернет с походом по порнухе – думать не моги, даже налево работать – и то нельзя. Все под контролем!

Мы же в МГУ власть бродим по Интернету, интересуясь ценами на авто и на девочек. Дошло до того, что никто (даже постучав) сразу не входит в чужую лабораторию. Постучи, постой немного, а потом уж входи. Дай ученому время закрыть все порно-сайты. А то он стесняться будет. Считаем, что хотим (кому какое дело?), распечатываем, что хотим (хоть в цвете!). Сразу и на рабочем месте. Никаких ограничений, за всё уплочено кем-то. Хоть весь день сиди в Интернете, культурный уровень повышай. Вот что такое – жить в свободном мире, а не в немецком рабстве. Недаром они – узкие спецы, ни в математике, ни в жизни ничего не смыслящие. Тёток только дома и видят...

Что с нищими разговаривать, развернулся да пошёл. Нельзя! Мне работать здесь надо. Поинтересовался пакетами вычислительных программ. Ничего нет. Почему? Очень дорого – полторы-две тысячи долларов за штуку. Институт такого себе позволить не может, хорошо хоть графические программы приобрел. (А у нас? Да я все расчетные программы, что в Германии тянут на тысяч восемь зелёных, покупаю дома на одном диске, за 2 (два!) доллара). Потому, что у нас – всё ворованное. И в свободе воровать никто не ограничен...

Всё понял. Нужные программы у меня с собой, давайте - охотливо, поставлю вам. Бесплатно, в ресторан разик сводите, и ладно.

И думать не моги! – отвечают, - у нас каждую неделю – контроль, засекут нелицензионный диск - Институт лег десять штраф выплачивать будет. И со своим компьютером у нас не броди, тоже неприятности возможны. Сядь в гостинице, и считай. (Я так и сделал, кстати).

Вот так наши студенты получили неоспоримое преимущество перед немецкими в плане математики, теории, статистической обработки результатов, компьютеризации в целом. А благодаря чему? Благодаря ворованным дискам! Дай им Бог здоровья!

Если кто, сдуру, наведет у нас порядок - всё! - конец Цивилизации! Мигом одичаем...

Россия может существовать только в режиме свободы, в бардаке, то есть!

Наши менталитеты

Поэзию Цветаевой я плохо воспринимаю: чужды мне тёток страдания... Но проза Марины мне нравится: есть в ней определенный смысл. Я даже со многим согласен. Но однажды вычитал я у неё мысль, что из всех народов, ближе всего к русскому по менталитету - немцы. Сильно подивился этой идее. Я сам частично немец, ещё больше немка – моя мать, а бабушка, та вообще наполовину. Жизнь немецкой родни в России я имел возможность наблюдать вблизи довольно долго. Равно, как и русских родственников. И я сам, и немцы и русские всегда сходились в одном: наши нации – антагонисты. Что может быть общего между пьяным, ленивым, тёмным русским, и образованным, педантичным, работающим немцем?! Смешно сравнивать, глянь на русские и немецкие деревни в Казахстане и найди семь отличий ...

Но потом, я обнаружил подобную мысль у Мандельштама. Это – уже система!

Стал я наблюдать, и немцев в родной среде (Германии) и русских в разных средах, и другие народы. И вот мой вывод: поэты правы. Немцы – ближайшая нация к русским.

Невероятно, но факт!

Русско-немецкий симбиоз

На всё – воля божья.

Устроился я работать в должности приглашенного профессора в мюнхенском техническом университете и стал ждать гостей: Зденека из Чехии, а бывшего аспиранта Андрея – из Гамбурга. Собрал для Зденека кучу книг диссертаций, обзавелся пятью литрами вина, и стал ждать. Никто не приехал: Зденек просквозил мимо, а Андрея выгнали с работы и он, наоборот, попросил меня приехать к нему, помочь с трудоустройством. Ну, бешеной собаке – семь верст – не крюк. Все равно в Россию возвращаться. Другой бы рванул по прямой – Мюнхен-Москва аэрофлотом, а я – по кривой Мюнхен-Бремен-Берлин-Прага-Москва...

Путешествие началось с билетной кассы. Долго я пытался объяснить, что мне нужно (кассир хотел спрямить мне путь). Наконец, он воскликнул:

– Понял! Вам нужно дешево!

– Да! – сказал я почти по-немецки.

Получил пачку билетов, навьючился, как ишак, книгами, оттисками, запасенным вином и пивом (рюкзак не было, пришлось все упаковать в дипломаты, связки, пакеты, тот еще видок, как у челнока) и отправился в путь.

Размеры Германии оказались несколько большими, чем я ожидал. А путь кривоват. Ехать пришлось долго, со многими пересадками и сменами сверхскоростных поездов на тихоходные. Весь в мыле перелетал я с перрона на перрон (на некоторых вокзалах путей – штук двадцать, поди за пять минут разберись, куда бечь). Стемнело, когда прибыл в Бремен. Не поленился потащиться на площадь и обойти памятник бременским музыкантам. Ничего, похож на памятник Крылову. Вернулся на вокзал, нужно было четыре часа ждать поезда на Гамбург. Сесть негде. С большим трудом устроился на каменной тумбе. Соснуть не удастся – того гляди смайнаешься на асфальт. Уюта – никакого. Сначала вокзал был пуст и я даже заскучал из-за недостатка впечатлений. Но, когда настала глубокая ночь, стало веселее. Начала собираться молодежь. Поначалу думал – пьянь обычная. Нет, под кайфом. Они производили страшный шум, обнимаясь, хохоча, целуясь. Полицию, как ветром сдуло. Только что было взвод, и вот – никого.

В наркоманах трудно было признать степенных бургеров. По развязанности и распушенности эти представители немецкой нации сто очков дадут нашим. Особенно активны девицы. Именно они пристали ко мне первыми. Отбиваясь от них, выдал себя. Русским уже заинтересовались и парни. Вокруг замелькали стеклянные глаза. Круг начал сужаться. Пришлось лезть в пакет и доставать бутылку. Пиво у меня было в банках, но зато нашлась бутылка с Гамзой. Узкое горло, круглая широкая колба. Удобная вещь. В критический момент, ударил бутылкой по косяку, дно отскочило, получилась хорошая «розочка». Совсем уж собрался воткнуть ее в горло предводителя, как объявили посадку. Толпа рванула в вокзал (оказывается, куча народу наблюдала битву снаружи, не вмешиваясь), снесла наркоманов и бросилась по вагонам. Пошел и я.

Поезд мчал в ночи. Было нестерпимо душно: сверхскоростные поезда должны вести специальный локомотив – управитель кондиционеров. Но тут поставили обычный (о менталитете немцев, их склонности к бардаку, мы поговорим как-нибудь отдельно) и герметично замкнутые вагоны превратились в душегубки. Спасенье было только в сортире, где я и провел пол-дороги. Почти сутки я не спал. И неожиданно заснул, буквально отключился, как в обморок упал. На несколько минут. Открываю глаза – поезд стоит, на перроне надпись «Гамбург», в вагоне никого. «Приехали», - решил я, подхватился и пулей вылетел из вагона. Поезд немедленно удалился. Куда бы это? На платформе никого не было, ни пассажиров, ни встречающих, ни железнодорожников, ни полицейских. Полная безлюдка! Как в пустыне. Может это и Гамбург, да не тот. Поплелся вниз по лестницам переходам. Набрел на метро, кассы закрыты, но вход свободен. Посмотрел на табло, нашел Главный вокзал и поехал без билета.

Около пяти утра вылез я на поверхность нужного вокзала. Интересное кино, адреса Андрея я не знаю (он живёт где-то за городом), поезд мой давно пришел и Андрей, естественно, никого не встретил. Я даже не знаю на каком пути мой поезд стоял. Куда бедному профессору податься? Через все пути (штук тридцать, конца края не видно) тянулся пешеходный мост. Взобрался на него и стал прогуливаться взад-вперед, смотря сверху на увеличивающуюся толпу. Продвинулся мне, однако, далеко не дали. Подскочила ладная девица-студентка-спортсменка, хорошо одетая, и стала объяснять, как она хочет увидеть маму, а денег на билет нет. Выпросила десять марок, с женщинами я слаб, да и не привык к подобному нищенству. Как только я дал денег, мой авторитет в обществе сразу возрос. Ко мне бросились, какие-то бабки с детьми, безногие и безрукие. Но тут я уже чувствовал себя уверенно, таких и в Москве пруд-пруди. Мафии я не подаю. Возникла заваруха, из которой я ловко выкрутился и даже книг-пакетов не растерял. Тут-то меня и нашел Андрей. Не помню, чтоб когда я так радовался, встретив аспиранта.

Мы спустились с моста, прошли сквозь плотную, многолюдную и шумную толпу наркоманов-педерастов и сели в «Гольф-2». Андрюша лихо маневрировал. По улицам Гамбурга мы двигались в плотном потоке машин и на довольно больших скоростях. Вдруг Андрей бросил руль и начал истоиво креститься и класть поклоны. Машина летела сама по себе, что не могло не волновать. Я вытаращил глаза на бывшего главу «Комсомольского Проектора» и отличника ленинских зачетов.

– Слушай! – сказал я ему, - чай, не дрова везешь, а хоть и бывшего, но шефа! Мне, в сущности, все равно, но в Москве осталась неостепененная молодежь, гибели моей не поймут.

– Бог не допустит, - отвечал Андрей тоном проповедника, - а не креститься нельзя – мимо церкви ехали!

Однако! Я почесал в затылке. Эволюция, с революцией!

Мы выбрались за город. Зацвели сады, в воздухе висел аэростат, призывающий голосовать за фашистов, а Андрей вводил в курс дела.

История началась четыре года назад, когда на конференции по мембранам его стендом заинтересовался Бёдеккер. Поговорили, и Андрея пригласили на работу в Мембранный центр под Гамбургом. Положили очень хорошую, даже по немецким меркам, зарплату. Занимался он действием ультразвука на диффузию. Тема, на мой взгляд, бесперспективная (я еще лет за пятнадцать до того провел подобные эксперименты и никаких заметных эффектов не обнаружил),

но ему нравилось и он работал с энтузиазмом (в своем духе, конечно, но все же..). Проработал год, контракт продлили и он продержался второй. Сдал экзамены по немецкому языку. Но финансирование кончилось, и он оказался на улице. В буквальном смысле. Домой он уже вернуться не мог: жена успела выйти замуж за другого и родить ребенка.

В России – ни жилья, ни работы.

Он оказался в глубоком кризисе и обратился к Богу. Отыскал в Гамбурге православную церковь и стал в ней молиться. Постепенно вошел в интересы общины. (Тогда шла интенсивная борьба российско-ориентированной церкви с зарубежной). И Бог помог!

Он познакомился с коренной немкой, большой любительницей русского языка (говорит на нем вполне, вполне прилично) и культуры. К тому же православного вероисповедания! Они поженились, и Андрей получил право на постоянное проживание и работу в Германии и почти готового сына в придачу. Живет он с новой семьей под Гамбургом в отдельном доме (комнат пять) с открытой террасой, гаражом и маленьким ухоженным садом. Иконостасы в красных углах с горящими лампадами. Мощный компьютер, подключенный к Интернет и электронной почте. Есть факс – все как у людей. Не смотря на то, что они оба безработные уже два года, ничего кроме явного благополучия не ощущалось.

Прежде, чем начать есть, Андрей крестился и читал молитву. Впрочем, религиозные познания его были не слишком велики. Как профессиональный преподаватель, я не преминул устроить микро экзамен. По мнению вновь обращенного, апостол Павел внимательно слушал Христа и вдохновлялся, хотя известно, что они никогда не встречались. Но знания в религии – не главное. Куда важнее религиозное чувство, а оно было.

Но не эта перемена в мировоззрении бывшего Комсомольского Прожектора удивила меня. Больше всего поразила домовитость, чистоплотность и старательность Андрея. Он непрерывно мыл пол!!! Я прошел по каменной дорожке от автомобиля до крыльца. Он тут же бросился к тазу и тряпке и все замыл (хотя следов не было!). Непрерывно стирал пыль и мыл посуду. Все-таки, как-никак, а я знал его лет пятнадцать. Уверяю вас: никаких задатков идеальной горничной он в России не проявлял.

Посмотришь, на порядок кругом – ну чистые немцы, а посидишь на кухне, послушаешь разговоры о политике, поношение правителей (наших отдельно, их – отдельно), послушаешь русскую речь – ну точно московские интеллигенты.

Симбиоз получился.

Стриптиз: мечты и реальность

Андрей повез меня на своей машине под Гамбург в очередной научно-исследовательский центр. Центр этот, между прочим, занимается ядерными ректорами для сухогрузов. Рядом находится атомная электростанция. Как наш ящик: огромный участок леса огорожен бетонным забором с колючей проволокой. Потом – второй забор, между ними – овчарки. Строения от входа не видны. Но мы явились с мирными намерениями – в мембранную лабораторию. Нужно было уговорить немцев взять Андрея на работу. Первое, что бросилось в глаза при входе – объявление о концерте оркестра, в котором Бёдеккер играл на флейте.

Бёдеккер встретил нас радушно. Позвал еще троих и начал семинар. Здесь мы сделали ошибку: вместо того, чтобы расспросить, чем они занимаются и будут заниматься, стали рассказывать о своих возможностях и идеях. Делали это интенсивно и долго. Андрей переводил. Не сговариваясь, мы образовали эффективный тандем: если один выдавал какой-то тезис, то другой тут же подхватывал его и развивал. Ошарашенный Бёдеккер только моргал. Но, в конце - концов, подивил он нас. Оказывается, он в этом году уходит на пенсию, лабораторию закрывают и мембранные работы прекращают. Вот те на! Не мог сразу сказать. Зря старались!

Грустно возвращались обратно.

– Мы с тобой, хоть и известные ученые, – рассуждал я, но, в сущности – проститутки. Так же продаем себя и мечтаем, чтоб сняли и заплатили. Они продают тело, а мы – мозги. Еще не известно, что омерзительней...

– Кстати о проститутках, – оживился было Андрей, – в Гамбурге их целый квартал.

Но, вспомнив, что он теперь глубоко верующий человек, снова загрустил. Грешить нельзя!

– Не согрешив – не покаешься, – остроумно прокомментировал я, – нужно посмотреть и пообщаться. В Москве очередным аспирантам рассказывать буду. Их тоже просвещать надо.

– Едем, - решил Андрей.

В Гамбурге мы долго колесили по берегам то ли рек, то ли каналов. В центральной части среди старых домов располагалась узкая улочка. На входе в нее сияла предупреждающая надпись – «Женщинам и собакам вход запрещен». Сквозь огромные окна можно было рассматривать женщин. Толстые, тонкие, высокие, маленькие – на любой вкус. Одни одеты в бальные платья, другие – в гимназическую форму, но превалировали в той или иной степени раздетые. Полностью обнаженной была только одна. Некоторые делали нам призывные жесты, другие сидели полуобернувшись, курили и не обращали никакого внимания на толпу фланирующих мужчин. Интересно, что в некоторых окнах девочки собирались в компании, пили кофе и жили

собственной жизнью. Время от времени какой-нибудь мужчина приближался к окну, форточка открывалась и через нее шли долгие переговоры. В случае успешного их завершения щелкал автоматический замок на двери, мужчина входил, в окне падала штора (ставня?) и оно становилось черным. Мы походили-походили, но ничего подходящего не нашли. Даже теоретически. Сунулись было в аппендикс, где в окнах виднелись здоровые мужики в кожаной амуниции, но с отворачиванием выскочили обратно.

На выходе из улочки нас ждала толпа молодых женщин. Пришлось продирааться сквозь строй. Именно продирааться, так как некоторые вели себя активно и, выпятив живот, преграждали путь. Рукоприкладства, однако, не было. Многие дамы - вульгарно одеты и раскрашены. Но в основном были студентки местных университетов. Они держались группами и курсами. Дополнительный заработок. Все лучше, чем пахать в стройотрядах и на целине. Наши пока не додумались. Андрей затеял торг с одной студенткой-спортсменкой. Дама предлагала по быстрому за 50 марок, но Андрей хотел все. Долго выясняли, что такое «все», пришли к согласию за 200 марок. Были обещаны ощущения, которые с гарантией от жены не получишь. Выяснив все детали, Андрей отказался и мы пошли, провожаемые грустным взглядом.
– 200 марок! – ворчал Андрей, - самому они позарез нужны.

И, может быть, впервые пожалел, что он не женщина.

Пошли в стриптиз-бар. Их много, но отправились в тот, в котором мой Сусанин как-то видел даму, засовывающую себе во влагалище бутылку, причем из-под шампанского. Верилось в это с трудом, нужно проверить экспериментально. В баре уселись за столик, прижатый к сцене, взяли по пиву и во все глаза уставились на стриптизершу. Та в основном сидела на стуле и тоже пила пиво. Иногда она вставала, подходила к шесту и начинала вокруг него вертеться. Повертевшись кое как, она вновь садилась. Ленивая попалась. Впрочем, ко второй кружке она сумела раздеться и осталась в трусиках. Дальше дело окончательно застопорилось. Мы уже были на пятой кружке, а дама как вертелась в одних трусах, так и продолжала вертеться. Пошли на принцип: не уйдем, пока процесс не кончится. Демонстративно перестали заказывать пиво. Нагло, без всякой пользы для заведения, занимали приоритетные места. Это подействовало. Девушка сняла трусы. И тут нас ждало величайшее разочарование. Между ног у нее оказалась густая заросль волос. Ничего интересного не было видно. Буквально ничего! Казалось, она просто сменила шелковое белье на меховое. Дурят нашего брата, халтурщицы! Про бутылку из-под шампанского вообще мечтать не приходится.

Пришлось вернуться к грустной реальности.

Халтура, она и в Германии халтура.

ФРАНЦИЯ

*Французские бесы -
Такие балбесы,
Но тоже умеют кружить.
В.Высоцкий.*

Добро пожаловать!

*Ой, ты участь корабля:
скажешь «Пли!» – ответят «Бля!».
Иосиф Бродский.*

В экспрессе Мюнхен-Париж поспать не удалось. И дело не в том, что мне в сидячке всегда сон не в радость. Это – само собой: шея длинная, голова болтается, на пол соскальзывает. А поперек ряда не ляжешь – ряда нет! Одиночные стулья у стен (стулья, а не самолетные кресла), да широкий проход. По этому проходу все время кто-то шастает: туда-сюда, туда - сюда. И грозные полицейские, как павлины разодетые, группами бродят, кой у кого документы спрашивают. Ко мне, впрочем, ни разу не пристали – возраст не криминальный, видать. Но всю ночь беспокоили...

Не спал я по собственной воле. Мистика «Увидеть Париж и умереть» преследовала. Удастся ль увидеть и удастся ль умереть?

Ночь промаялся, к утру уж совсем решил кинуть на пол спальник и соснуть чуток, но, во-первых, в этой тухлой Европе свободы делать, что хочешь, нет - неправильно поймут, во-вторых, от себя не уйдешь, в мандраже на собственной перине не уснешь (была ль когда у меня эта перина?!), в-третьих, негоже профессору МГУ, прибывающему в Париж для чтения курса лекций в Сорбонне, на полу валяться. Застеснялся я, и не стал.

Вышел на перрон с тяжелой головой и нервной дрожью.

Перрон, как перрон, вонь горелой солянки, но это Париж!

Восточный вокзал, он же Аустерлицкий. Почему Восточный – понятно: на Запад мы прибыли с Востока. Но в Париже есть другой вокзал - Аустерлицкий?! С чего вдруг такой почёт чешской деревне, что под боком у славного Брно? Да и нет никакого Аустерлица ни на чешских картах, ни в чешском сознании. Есть город Славков. Случилась там однажды какая-то драка меж пришельцев, бились славно, друг друга истребляя. Часть похоронили (Могила Мира называется),

часть убралась, откуда пришла. Зачем приходили, чего дрались – нам не ведомо. И я там был, на траве валялся, в небо глядел как Болконский. Знаем, слышали про Аустерлиц, в школе «Войну и мир» проходили. А так, кто бы у нас знал этот населённый пункт на австрийских картах?

А во Франции знают и назвали вокзал не в честь каких-то там пунктов назначения типа Берлин, Москва, Владивосток или хотя бы Бородино-Березина (раз уж память о Наполеоне не даёт покоя). Нет! Они вспомнили Аустерлиц, как символ победы французского оружия, победы над русскими, немцами, австрияками и кто там ещё попался им под руку.

А вот в Москве нет Полтавского вокзала. Как хорошо было бы, беря билет до Рассудово, смотреть на грязный киоск, и вспоминать о победе над шведами, о Петре Великом - императоре, о силе русского оружия, да заряжаться патриотизмом. А так что? На дачу едешь с Киевского вокзала. Никакого тебе кайфа...

Я прошёл перрон, достиг стеклянной стены вокзала и вошёл внутрь. В зал ожидания. Меня там ждали: прямо в меня целилась здоровенная (крепостная) пушка. В дуло, может быть, я сам бы и не влез, но наш кокер- спаниель Ролик – запросто. За пушкой стояли пятеро бойцов-маникенов. Один наводил орудие, другой запирает замок казенной части. Третий пытался оторвать от земли здоровенный снаряд. Четвёртый, видать, командир всматривался вдаль (целил в Германию) с рукой, поднятой для команды «Пли!». Пятый охранял всю компанию.

Ну, хорошо, ребята, - думал я, - Аустерлиц – куда ни шло, битву вы выиграли, не спорю. Но Прусско-французскую войну в далеком 1870 вы проиграли, и проиграли вчистую. Что ж вы теперь так грозитесь?

Но французы продолжали грозно смотреть на Восток. Сунься – сразу по соплям.

А над всем этим великолепием висел плакат, написанный по-немецки:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Борец за справедливость

В Париже мы со Зденеком пошли ночевать к Эжену. Тем более что он жил на Рио де Револи, т.е. на прямой, соединяющей Площадь Бастилии с Нотр-Дамом, - в самом центре. Эжен оказался плохо сохранившимся мужчиной, где-то под бо. Он сильно хромал, опираясь на трость, но в целом был весьма подвижен. Выпить тоже не дурак, с явным уклоном в алкоголизм. Достал я, считавшийся тогда у нас лучшим, армянский коньяк. К сожалению, он хозяину активно не понравился и был обозван немецким самогоном. Однако общими усилиями раздавили одну бутылку, потом вторую. Поначалу некоторая трудность была в том, что Эжен не говорит ни на одном языке, кроме французского, я тоже – ни на одном, кроме русского. Зденек же переводил с пятого на десятое, а затем вообще отключился. Тут я достал бутылку Столичной, и мы с Эженом стали понимать друг друга без посредников.

Он показал мне пару своих научно-популярных фильмов для школьников. Некоторые кадры висели на стене. Рассматривая их, я обнаружил в углу комнаты свернутое знамя. Развернул полюбопытствовать. Знамя было большим и изготовлено из плотной материи. Красное и чёрное – символ анархо-коммунизма (Сам я – идеолог партии анархо-монархистов, о чём не стал ставить в известность француза. Обидно упоминать партию из одного человека – самого себя).

– Пойдем завтра с нами на демонстрацию – предложил мне Эжен.

– Зачем?

– Будем бороться за победу коммунизма во Франции и во всем мире!

– Я крикнул, вспомнив судьбу СССР, а заодно - свою ненависть ко всем демонстрациям.

– «С жиру бесятся», - думал я, - «не знаю, как анархо-коммунизм, а социализм у вас уже есть. По крайней мере, так утверждают по телевизору...»

– Всё же взял знамя в руки и прошелся по комнате. Оно оказалось тяжёлым. Древко было толстым и изготовлено из какого-то прочного дерева, бука, как минимум. Древко венчала острая пика, то же - не бутафория.

– А это зачем? – поинтересовался я.

– Этим мы с тобой будем лупить полицию!

Я живо представил, как русский профессор мочит дубиной с пикой французских полицейских и даже протрезвел. Пришлось отказать хозяину, сославшись на свое иноземное происхождение и принцип невмешательства.

А с другой стороны, ежели Эжен не драл бы глотку на митингах и не колотил полицейских, мог бы Жак беззаботно предаваться научным утехам?! То-то и оно....

Социализм

Во Францию я перебрался из Германии. Месяц выдался тяжелый, сначала подавал заявки на гранты в Москве, потом в Праге, потом в Мюнхене. Везде был ажиотаж поиска денег. Гуляю по Сорбонне, осматриваю лаборатории в новом корпусе. Наконец говорю Жаку: погуляли по Парижу – пора писать заявку на грант. «Нет!» – отвечает тот. Я думаю, что он не уполномочен, поэтому предлагаю пойти поговорить с зав. кафедрой или даже с их деканом. «Нет!» – опять говорит

приятель, - «никто никаких грантов писать не будет». «А как же деньги?» «Деньги – не наша проблема». «А чья?» «Миттерана» (президента)! «Он обязан найти средства и на аппаратуру и на зарплату. Вот пусть и ищет. Не найдет – я работать не стану».

Подивился я на местный социализм и позавидовал.

Севастопольский бульвар

Париж – это всё, что ты захочешь!

Фредерик Шопен

В Париж я прибыл рано утром, часов в 5. Сделал несколько кругов по восточному вокзалу: хотел карту города купить и поесть-попить. Бесполезно, все закрыто. Решил сдать рюкзак, чтоб гулять налегке. То же – облом. Камера хранения ("Care est" – по ихнему) нашлась, но на её решетке белел плакат – багажное отделение ликвидировано в интересах пассажиров, поскольку администрация не в силах гарантировать сохранность личных вещей. Ну, если в наших интересах, то - другое дело...

Подошёл я к стеклянной двери, она распахнулась ипустила меня в Париж. Город поэтов и художников (Как в скорее оказалось - не только!)

Довольно мрачная, слабо освещенная улица. Дома – как в Питере скучные, серые и грязные. Район бедноты, говорят. Темно, легкий туман, но звезды видны. Впереди высится холм, не иначе – Монмартр. Справа алеет восход, стало быть, мне – налево. На востоке я уже бывал, теперь – на запад (точнее – на юго запад, мне нужен Нотр-Дам-де-Пари).

Улица эта вовсе не улица, и не проспект. Бульвар! Севастопольский бульвар, если быть точным. Вовсе – не в честь России (в нашу честь – метро Сталинград, да Московская улица). А – в честь победы французского оружия. 1856 год, Крымская война, господство над Чёрным морем (подпорченное Англией, однако). Правда, в результате сражений, грохнулась Турция, а не Россия, но это – мелочь. Всё равно факт приятный, можно и увековечить (В Париже даже Малахов район есть, не знаю уж – с курганом или без).

Встряхнул я рюкзак, поправил лямки и строевым шагом двинул к центру.

Замелькали запертые газетные стенды, закрытые кафе со сложными внутри стульями в виде пирамид. Машин практически нет, изредка догоняют такси, вопросительно притормаживая. Я не реагирую.

Дома – типичной ленинградской застройки начала века, но с длинными курортного типа балконами по фасадам. Поэт (А.Белый) как-то высказался:

*Дом каменный ком,
Дом за домом – ком комом,
Фасад за фасадом – ад адом,
А двери как трещины:
Выйдут из трещин уроды...
Свисает фасад за фасадом
Над пламенным Тартаром
Жаль дальше не помню....*

Париж не был моим кумиром. Везде люди живут. Знал, что есть такой город, но особо не мечтал. Вероятность попасть сюда – близка к нулю, что зря расстраиваться. Но все же Париж вошёл в меня, окопался в подкорке. Даже в чисто географическом смысле. Карты-схемы его с собой не было, но я точно знал, что иду к реке Сене, и что точно выйду на Собор Парижской Богоматери. *Все дороги ведут в Рим...*

Попалась старинная церковь. Чёрная, рельефов не видать. Со средних веков немые стены, закоптелые окна, штукатурка сыплется, носы у святых отбиты. Точно – Питер! Только здесь граффити на стенах больше. Улица постепенно стала расширяться, появились платаны. Осень, а они вполне зелёные. Регулярно встречались туалеты, напоминающие своим видом рекламные тумбы из матового металла. Меня они не привлекали, франков у меня не было. На каждом углу - парикмахерские. Тоже – не для меня. Попадались редкие прохожие. Исключительно арабы и негры. Французов, по крайней мере лиц, соответствующих моему представлению об этой нации, не было. Да и не прохожие это вовсе, а рабочие, убиравшие мешки с мусором. Полимерные мешки баррикадами покрывали тротуар, некоторые были разорваны (Жители их из окон метают, что ли?!).

Слева в проулке, ведущем к параллельной Сан-Дени, мелькнул силуэт какой-то забавной башни. Захотелось рассмотреть, и я свернул в переулок. Сразу за туалетом-тумбой, какой-то мужик писал на стену, стараясь попасть на ствол вьющегося по стене винограда. Меня он не соблазнил, я пошел дальше и обогнул кучу мешков с мусором. Там оказались большие мусорные баки, как в Москве, а я уж думал, что таких здесь не водится.

Я всматривался во всё еще далекую башню, когда из-за баков вышли два товарища, вполне однозначного (на мой вкус – арабского) вида. Один держал нечто короткое и блестящее, второй – довольно длинную железную трубу.

– Мани! – сказал передний.

Как будто я и тупой, и без слов не понимаю тезис: «Жизнь или кошелек».

Отлично понимаю! Все же я – дитя войны, безотцовства и послесталинской амнистии. К тому же с Клязьмы-Малаховки мы. Не говоря уж о Марьиной роще.

@уй вам, – сказал я, для наглядности сложив кукиш и покачав рукой, упёртой в пах.

Мужики оказались сообразительными – всё поняли.

Началась битва космополита с интернационалистами.

Первый не поленился вскочить на бак и прыгнуть на меня. Это – ошибка! Никогда так не делайте. Если в тебе 45 кг, и росту 160 см, не прыгай, не подумав, на мирного прохожего. Он хоть и интеллигент, но ростом под два метра и весом под 120 кг. Пролетарий не смог воспарить ввысь, но я ему помог. Без особого напряжения, схватил болезного за талию и кинул ещё выше, придав ускорение на заданном курсе. Грабитель пролетел у меня над головой, и круто пошёл в пике. С ускорением в несколько g (же) он врезался бритой головой в асфальт. Конечно, голова – не самое слабое его место, но высота большая...

Прыгнул, шерсть на носу, больше прыгать не будет.

На месте второго я бы быстро смотал удочки. Но мужик не врубился... Он кинулся вперед. Я успел поддеть ногой пакет с мусором, он увернулся. Тоже – ошибка. Надо было отбить рукой. Увернувшись, он потерял координацию. Да и труба была длинновата, она перекручивала ему руку и цеплялась за посторонние предметы. Тесно тут между баками. Он рванул на сближение и к большому своему удивлению наткнулся на резко выдвинутый вперед мой левый кулак. Произошло сложение сил, причём в районе печени. Его печени. Хрустнули ломающиеся рёбра. Мужик охнул и сложился пополам. Задняя часть его пошла назад, но голова летела по прежней траектории на меня. И была встречена хуком справа. Кулак, размером с голову младенца, под прямым углом (чуть сбоку и снизу) врезался в челюсть. Снова раздался хруст: то вылетали зубы, ломалась челюсть. Я шагнул в бок, чтобы дать возможность противнику беспрепятственно прилечь.

Однако! То же мне – город художников! От слова – худо....

Осмотрелся – тихо кругом. Как на сопках Манчжурии. Оттащил ещё дышащие, но уже недвижимые тела, засунул их между баками и закидал мешками с мусором. Пусть отдохнут, лечиться им ещё долго.

Костюм мой пострадал не сильно. Стряхнул пыль – хоть сейчас на лекцию. Левый кулак слегка опух, чем и ограничился. Но правый пострадал сильнее, костяшки пальцев сбиты и кровоточат. Всё же впопыхах я взял слишком высоко, и часть кулака наткнулась на зубы. Растренировался профессор к старости. Я пососал раны и сплюнул. К счастью, подвернулся водопроводный кран с коротким шлангом. Открыл воду и помылся: и руки вымыл и морду лица. Вытерся носовым платком и вновь зашагал по Севастопольскому бульвару.

Париж пока не слишком гостеприимен...

...а нужен другой, настоящий Париж, который нам снится и грезится лишь. (Овсей Дриз)

Русские в Париже

– Ну, и пьют во Франции!

– Кто? Французы?

– Нет, мы!

Ещё в Москве я решил, что один вечер проведу во французском ресторане. Средств на регулярный процесс не хватит, но на раз деньги есть. Однако найти французский ресторан в Париже оказалось не тривиальной задачей. Совсем не тривиальной! Каких только нет: китайские, турецкие, греческие, русские, еврейские, арабские, любые, кроме французских. Добрел таки на один аж у Булонского Леса. Спускаюсь в полуподвал, толкаю дверь и оказываюсь в узком коридорчике. Первого кого вижу – натурального француза в форме официанта. Поднос с посудой - на ковре, сам стоит на коленях, вода пальцем по стене. Один круг, второй, третий. Он сосредоточен и деловит.

– На работе нажрался, зараза – сказал я ему, осуждающе, - Францию позоришь!

Он не обратил на меня внимания, задумчиво вода пальцем по штукатурке.

Я обошел его сторонкой и попал в зал. Там дым стоял коромыслом.

Приглядевшись (и приняхавшись) я разобрал знакомый силуэт: Николаев, московский художник, почти приятель. За длинным столом с ним сидела группа товарищей, двоих из которых я где-то видел. Вспомнил! Партбюро Союза художников в полном составе. Вот так встреча!

Ранее я полагал, что во французском ресторане ужинают французы. Наивняк! Французы конечно пьют и немало (по крайней мере - они так считают), но в основном в кафе (или в китайском ресторане, где подешевле), наши – пьют много (немало и много - вещи разные) и, конечно, во французском ресторане. А где ж еще? Не в парижской же чайхане сидеть! Да и дешево получается: закажи бутылку вина на всех, а потом из-за пазухи (не вынимая!) заливай фужеры припасенной водкой, подкрашивай ее вином и пей, смакуя. А просто так ставить Белую Головку на стол нельзя – вышибут. Понимать надо. Странно другое: из СССР никого не выпускают (сам еле выбрался), а все рестораны заполнены русскими. Откуда берутся?!

После приветствий, поцелуев и похлопываний, я хлебнул ерша (коктейль, называется) и поинтересовался:

– Официант в коридоре – ваша работа?

– Наша!

– Уберите с прохода, а то скандал будет, мужик работы лишится.

Сглазил! Так и получилось. Из коридора донеслись шум и крики. Тут Николаев вскочил, и исчез. Через минуту он появился с отдувающимся толстяком, с руками, как мельница. Подтащил поближе и представил меня:

– Знаменитый ученый, сверхсекретный инженер. Изобретатель атомной и водородной бомб, а заодно стратегических ракет для дальнего космоса. Первый (и последний?) раз за границей. Вам дико повезло, светило науки приветствует вас!

Я скромно потупился, достал из-за пазухи бутылку Столичной (не волнуйтесь и не жалейте – во второй пазухе у меня была еще одна), разлил в стаканы для минералки.

– Выпьем на брудершафт! – провозгласил я.

Владелец не знал ни немецкого, ни понятия братства. Ему объяснили.

– Я не могу, – струсил француз.

Ему ещё раз объяснили, что такое смертельная обида, и что значит: «Ты меня уважаешь?!»

Мы перекрестили руки, поцеловались и хватили по стакану.

Через три минуты хозяин стоял на коленях в коридоре рядом с официантом и задумчиво водил пальцем по стене.

Мы же продолжали пир. Надо отдать должное толстяку. Через час он слегка очухался, и прислал нам бочонок вина. Ответный презент, так сказать. Француз, видимо, полагал, что нам бочонка на долго хватит: и тут попьем и в гостиницу утащим. Но мы не стали откладывать вдаль и надолго – буль, буль и бочонок пуст. Тут-то нас и потянуло по местам бордельной славы.

Отважные исследователи ночного Парижа двинулись в путь.

Я уже знал, что в отличие от Амстердама, секс-туров и секс-экскурсий в Париже не проводят, и в поисках плотских наслаждений каждый предоставлен сам себе. Куда податься жаждущим вкусить запретный плод? Мы обратились к вышибале. Тот развил необычайную энергию и тут же предложил на выбор несколько адресов «массажных салонов», пообещав (за небольшое вознаграждение, разумеется) обо всём самолично договориться с "хозяйкой". Заведение, куда мы прибыли, располагалось на улице Сен-Дени в квартале Бобур. После условного стука (как в настоящем детективе!) дверь открыла немолодая дородная женщина. С невозмутимым видом она поинтересовалась: "Что господам угодно в столь поздний час?". Несмотря на конспирацию, было заметно, что вышибалу она видит не первый раз. Удостоверившись, что наши намерения вполне серьезны, она предложила "посмотреть товар". На крик хозяйки "Анита! Натали! Жанет! Бали!" из боковой двери выплыли четыре "грации". Две худощавых брюнетки, крашенная блондинка с пышными формами и одна негритянка - стандартный набор борделя средней руки. На лицах девушек читалась нескрываемая скука. Хозяйка включила магнитофон. Под звуки французского шансона "гетеры", натянув на лица соблазнительные улыбки, призывно покачивали бёдрами и поводили плечами. Николаев остановил свой выбор на негритянке, показав на нее пальцем. Я польстился на пухленькую блондинку, груди которой выпадали из бюстгалтера. Хозяйка тут же выключила магнитофон и потребовала денег. Мы расплатились и разошлись по комнатам. 1 тайм – 30 минут.

В комнате никакой кровати не оказалось – стоял только узкий длинный стол, похожий на хирургический. Сверху обит дерматином, как в спальном купе. Девица помогла мне снять штаны, уложила на спину и удалилась. Не успел я рассмотреть потолок, как она вернулась. Глянул я и обомлел: она была одета с ног до головы. Комбинезон (как сухой гидрокостюм!) скрывал и груди и бедра. Вообще ни одного открытого кусочка кожи. Вот это защита! Первым делом она заложила мои руки мне же за голову и наказала их оттуда не вынимать. Я думал процесс начнется с минета (все же французская любовь – именно французская, и где же ею заняться, как не во Франции?!). Но девица отстегнула у себя между ног полоску ткани, образовав небольшую форточку в районе пиписьки), после чего уселась на меня, оседлав, как лошадь. Понял я, почему стол должен быть узким. Улыбаясь чему-то своему, она стала елозить на мне вперед – назад, иногда подпрыгивая вверх-вниз. Как только член стал проявлять какие-то признаки жизни, она легким движением упаковала его в презерватив. Теперь можно было ускорить процесс. Схватив свисающий кончик презерватива, девица стала резко трясти его во все стороны. И без того смущенный необычностью обстановки, мой бедный крантик, потерял всякую ориентировку в пространстве-времени и категорически отказался участвовать в чем-либо. Он печально сник. Дама скупаяще посмотрела на него и слезла.

– Ну, ничего! Бывает! Приходите ещё!

Весь процесс занял 7 минут. Умеет же кто-то зарабатывать деньги. Но фига с два я еще раз к вам забреду!

Я подождал художников, которые тоже аномально быстро покидали комнатки. Все были задумчивы и смущены. Но мы хлебнули водяры и продолжили путь.

Вокруг площади Пигаль ожидали клиентов яркораскрашенные жрицы любви, буквально набрасывающиеся на прохожих. У большинства из них вид был... Одним словом, не красавицы. Тетки назойливы до предела, буквально за грудки берут. Отделаться от них можно только показав пустые карманы. Неожиданно на авеню Фош мы обнаружили настоящих богинь. Красивые, высокие, ухоженные! Язык не повернется назвать таких проститутками. Товар для богатеньких Буратин.

После опасных "экспедиций" мы вновь оказались на площади Пигаль, где что ни дверь, то вход в стриптиз-клуб, стриптиз-бар, варьете. На входе владельцы: арабы или негры. Яркие огни, музыка и вопящие во всю глотку зазывалы: "Лучшие парижские красавицы, настоящий французский стриптиз и прочие радости жизни!". Но нас не купишь! Мы заскользили мимо. Но тут был брошен главный козырь: "Всё, абсолютно все бесплатно! Просто зайдите внутрь – посмотрите представление, а еду можно не заказывать". А вот это выше нас. Как пройти мимо "халявы"?! Мы двинули по винтовой лестнице...

Действительность оказалась прозаичной. Полупустое помещение, две-три потрепанные девицы – жалкая пародия на стриптиз. Каждые три минуты к нам приставал официант: "Не желает ли мсье что-нибудь заказать?". Не желаем! Пятнадцати минут пребывания в подобном заведении (а раньше уйти не дали) с лихвой хватило, чтобы пресытиться ночной парижской жизнью и попроситься наружу. Вот тут-то громадный месье, как говорится, "негритянской национальности" и объявил: "Пардон, но вы не оплатили счет". Счет вручили каждому. 50 франков за бокал шампанского (которого мы и в глаза не видели). Крупно повезло, могло быть хуже. Жаловаться в полицию нам и в голову не пришло. Стражи порядка ситуацию секут: сам виноват – не глотай блесну. А разорение на 50–100 франков, по их меркам (да и по нашим, кстати тоже) – не повод, чтобы поднимать бучу...

Так что ребята, будете когда гулять по ночному Парижу – берегите силы и кошельки.

Парижский сувенир

Николаев – известный художник (в смысле – секретарь парткома Союза Художников), встретив меня в Париже, немедленно потребовал, чтобы я помог ему купить балалайку. Я не стал спрашивать зачем ему этот музыкальный инструмент, и так понятно – вещь полезная, но удивился, зачем ее приобретать во Франции, да еще на валюту, да еще таскаться с ней с угрозой раздавить по пьянке. Их в Москве сколько хочешь, причем за наши, деревянные. Николаев незамедлительно объяснил мне, что я не прав. Совсем не прав. В России продается ширпотреб, а за границу идет качественный проверенный товар («на экспорт» называется). Хорошо! Стали искать балалайку. Но сколько не бродили по Елисейским Полям, сколько не рассматривали витрины, сколько не расспрашивали – без толку. Нет в Париже балалайки!

Ладно – Бог с ней! Может оно и к лучшему. Николаев смирился и решил употребить деньги с пользой – купить жене сувенир. Но не тривиальный, типа модели Эйфелевой башни, а оригинальный. Снова стали мы ходить, приглядываться. Но все было как-то не то, а если то, то по цене на порядок выше балалайки. Наконец, что надо. Набор ложечек, блестящих, разных размеров, и с разными ручками – плоскими, витыми, с прорезями. Очень оригинально! И коробочка хорошая, внизу бархат, сверху стекло. А главное стоит ровно столько, сколько у Николаева было денег. Он и купил.

Через пару лет зашел к нему в гости. Я совсем забыл про эти ложки, но вспомнил, увидев их в серванте, на парадном месте. Лежат, как Ленин в гробу.

– А почему ты их взаперти держишь?

– Да не пригодны они к использованию, у них острые края, чай пьешь – губы режет. Несчастные случаи были. Французские приборы не для нас деланы. Пусть в серванте лежат: вещь красивая, хоть и бесполезная.

Я опять забыл о ложках. Но однажды шел по Дому Литераторов. Смотрю – выставка картин развернута. Автор – Николаев! Картины есть, а художника нет. Поискав – нашёл-таки. Тот мялся в тени, в дали от людей-репортеров. Странно! Не похоже на общественного деятеля. Присмотрелся – не то, что б у него синяк был под глазом, но морда в целом помята, да и царапины сквозь пудру проступают.

– Парижский сувенир, что б ему пусто было! Балалайку лучше б купил! – пояснил он с вселенской грустью.

Оказалась, вчера их навестила подруга, гинеколог по профессии. Глянула на сервант и аж затрепыхала.

– Откуда у вас эти ложки? Я за такими много лет гоняюсь! Это же – хирургическое оборудование: аборт делать, матки выскабливать. Ценнейшая вещь!

Мы ей эту вещь, конечно, тут же подарили. Но Светка осталась без парижского сувенира, а мне на людях показаться стыдно...

Испытанный маршрут

Художники, которых я случайно встретил в Париже, пригласили меня прокатиться по Франции. Кто бы спорил!

Ночью мы катили в автобусе, днем ходили на экскурсии. Довольно утомительно. Решили сделать дневку, отдохнуть, помыться, побриться, ну и выпить спокойно, естественно. В нашем распоряжении оказался загородный отель, бывший замок, по-видимому. День мы приходили в себя, бродили по залам, гуляли в осеннем саду. А вечером собрались отметить чей-то день рождения. Собрались в «номере» Инессы. Три комнаты и каких! Постель по площади равна моей московской квартире. Очень хотелось использовать ее по назначению, но сразу неудобно. Кругом зеркала, даже на потолке. Специально для извращенцев.

Тут мы и загуляли. В гостинице, конечно, был ресторан, да кто туда пойдет. Дорого, и от души не развернешься. А у нас с собою было: водки заначка, пара бочонок местного вина, консервы российские. Кружки, фляги, кипятильники – все, что нужно россиянину за границей. И начался пир.

Пили, мы пили, сбегали за добавкой, и опять пили. Дамы притомились, но чай сварганили. Схватили роскошную хрустальную вазу (богемский кристалл, не иначе), налили в нее воды, всунули в нее кипятильники, да и забыли. (Я уже кажется упоминал, что утомлены были). Короче, в разгар веселья, когда мы уж за грудки друг друга брать стали, Бах!!!, ваза взорвалась, осколки полетели, как шрапнель, зеркало лопнуло, кипяток отслоил фанеровку.

Абзац!

Утром стали думать, что делать. Расплачиваться ведь надо. Попытались было скинуться – куда там. На чашку не хватит, не то, что на вазу хрустальную. Не говоря уж о резном трюмо красного дерева. Решили звонить в посольство. Форс-мажорное обстоятельство, пусть заплатят, потом спишем за счёт членских взносов Союза Художников. Было, однако, грустно.

Но тут вовремя появилась переводчица из эмигрантов, пообещала поговорить с владельцем и все устроить. И действительно, нас вежливо проводили из гостиницы, посадили в автобус, пригласили приезжать еще.

Отъехав на знатное расстояние, мы поинтересовалась, как она загладила грехи наши. Оказалось – просто. Она сказала, что мы готовы за все заплатить, уже все согласовали с посольством. Но! Если, какие-то деньги будут потрачены, но русские туристы меняют маршрут и больше никто из наших никогда сюда не явится. Хозяин быстро просчитал последствия. Ремонт за его счет, лишь бы русские гостили тут и впредь.

Так владелец замка лишился сверхприбыли, ограничившись доходом и перспективой. А мы еще раз осознали, как важно правильно вести себя за границей.

А ты тетка, суй кипятильник в дюралевую кружку, а не в хрустальную вазу! Даже, если устала...

ЧЕХИЯ

Полиглот

Приехав в Прагу, я первым делом купил учебник чешского языка и честно приступил к его изучению.

– Брось! - сказал многоопытный Зденек, - иностранный язык можно выучить только с женщиной и только в постели. Вот, например, я - восемь языков знаю!

Маленький лев

Удивительно, как иногда просто разрешаются недоумения, которые тебя довольно долго занимали.

На старом еврейском кладбище в Праге есть могила-дом Йегуды Бен Бецалеля или рабби Лёва. Того самого высокого раввина, что изготовил и оживил первого робота - Голема. Вопрос: почему один и тот же человек имел столь различные имена? Это как Ибн-Сина и Авиценна?

Параллельно и независимо меня всегда интересовало, почему у евреев так широко распространено имя Иуда. В России много имен с библейскими корнями, но Иуды среди них нет. И это понятно: кому захочется, чтобы его сын носил имя предателя. А в Библии Иуд много, особенно среди царей. Неожиданно все прояснилось. Иуда - это сокращение от Иегуды (вроде как Саша от Александра). А в той же Библии говорится: Иуда - это молодой лев. Поэтому Иегуда и Лева - одно и то же, но на разных языках. Так, что никаких противоречий с Бен Бецалелем нет! Понятно, почему имя Иуда так распространено у евреев: кому не хочется: что бы твой потомок был Львом? А то, что Лев Николаевич, в подлиннике Иуда Николаевич, то об этом можно и забыть.

Нечто общее

Нации часто квалифицируют по привычкам, человеческим качествам, способностям и т.п. Общечеловеки такой подход резко критикуют. «В каждой нации есть хорошие и плохие люди», -

говорят они, - «Нельзя нацию стричь под гребенку». Пусть так! Но специфика есть. Менталитет называется.

Еду в первый раз за границу. Правил не знаю, чистая доска.

В Бресте при смене колес проходят погранцы, паспорта отбирая, потом – таможенники с обысками. Думаем – все. Но нет! Появляется дама в форме и представляется карантинной службой.

– Есть у кого овощи – фрукты?

Я и русский сосед по купе – не сговариваясь, дуэтом:

– Нет!

Третий сосед, чех, достает сумку и показывает апельсины. Представитель доблестной санэпидемслужбы, раскрывает свой мешок и пересыпает туда фрукты. Не положено вывозить! Посмотрев на осунувшееся лицо чеха, тетка проявила сочувствие, вынула один апельсин и положила на стол:

– Угощайтесь!

– После чего удалилась.

Проявили все свои менталитеты.

Но мужика надо утешить. Мы с соседом порылись в своих вещах и подарили ему по паре апельсинов.

То же менталитет, между прочим.

Как развестись с чешкой

Одно время Зденек работал в Министерстве образования и науки Чехословакии. Иногда ему в Национальном театре предоставляли отдельную ложу. Тогда мы надевали костюмы и отправлялись слушать оперу. Нас всегда было трое – третьей была любовница Зденека, миниатюрная Юдита. Чинно садимся, осматриваем зал, зал осматривает нас.

– Слушай, Зденек! – говорю я ему, - как ты, осторожный (чтобы не сказать – трусливый) чиновник, не боишься ходить с любовницей в Театр. Я, например, в Москве ничего похожего себе позволить не могу. Если я пойду в Большой с Ольгой, то еще до моего прибытия домой жена будет знать об этом факте и сопутствующих деталях (чем угощал подругу в буфете). А как ты разбираешься с Иванкой?

– Во-первых, известно – Москва – большая деревня и сплетни – ее стихия. У нас такого нет: приучены держать язык за зубами. Во-вторых, мы друг к другу не ходим, и встреча жены с моим коллегой-доброжелателем практически невозможна. В-третьих, Иванка занята домом, работой, ребенком. Она знает, что я никуда не денусь. Поэтому на мои проделки смотрит сквозь пальцы. По этому поводу разводиться она не станет.

– А что же ты должен сделать, чтобы она с гарантией развелась?

– Ну, например, гуляем мы с тобой по Праге, и вдруг зайдем к нам. Вот этого она не переживет!

– Вспомнил я свою московскую квартиру: то ли проходной двор, то ли вокзал. И тихо вздохнул.

У голой бабы

В Праге пивных много. После рабочего дня (который заканчивается довольно рано, поскольку рано и начинается) народ собирается в них компаниями, некоторые – со школьных лет. Традиция такая – каждый вечер проводить вместе в пивной. Как правило, без дам. (В принципе, походы дамам в пивные отнюдь не заказаны. Все тихо - культурно. С глупостями никто не пристает. Но им, видимо, не до этого). Около Университета тоже есть пивная. Называется Четыре Богатыря, хотя оформлена в рыбацком стиле, а во всю стену – картина, на которой обнаженная русалка соблазняет молодого. Поэтому пивную зовем «У голой бабы». Мы там сживали. И не раз. В отличие от нас, чехи пьют пиво, ничем не закусывая. О вобле не может быть и речи. Пиво – чешский хлеб – и так сытен. За неспешным разговором, а то и за написанием статей, потягивали пиво. В итоге 10-12 кружек. Объемы большие, на мочевого пузырь нагрузка серьезная. Поначалу я удивлялся, почему чехи не дерутся. Когда входил в пивную, по московской привычке притирался к стене, пил и озирался, крепко сжимая кружку и прикидывая с чей головой ее нужно будет знакомить в первую очередь. Но ничего не происходило! Непонятно, зачем тогда вообще в пивную ходить, если не разминаться. А потом понял: какая может быть драка, если в животе – ведро жидкости. Одна мысль – как добежать до сортира!

Посидев три – четыре часа в пивной, мужики бредут домой, описывая в темноте пражские стены. Дома сходу заваливаются спать – утром вставать рано.

Позиция мужиков понятна, непонятна позиция их жен. Попробуй я дома ходить каждый день в пивную и возвращаться поддатым на ночь глядя! Супруга быстро научит свободу любить. «У всех мужья, как мужья, все по дому делают, один мой уют починить не может». (Сама сожгла, а я чини?). Пожалуй, в таком виде и в постель не пустит. А чешки – пожалуйста!

Проблемы чужого менталитета всегда меня интересовали. Я неоднократно по этому вопросу расспрашивал жен приятелей. Объяснение такое:

– Я прихожу с работы уже уставшая, а тут дом – три этажа надо пропылесосить, ребенка помыть-накормить, с садом повозиться. Не хватает еще, чтобы муж под ногами путался. Ужин ему готовь, ублажай, а он еще будет кочевряжиться и срывать злобу. Уж лучше я сама все сделаю. Глядишь, время на телевизор останется. И не на какой-нибудь хоккей - теннис. Пусть в пивной сидит. Зато приходит тихий, сытый, довольный. Ничего не требует. Можно и в постельку.

В Чехии пиво активно содействует семейному счастью. Русским бабам не понять.

Трудное счастье

Первые поездки за границу были сплошной мукой: нужно было думать не о науке, а о сувенирах-подарках, которые повезешь домой. Ситуация, воспетая Высоцким. Список на восемь листов – отнюдь не преувеличение. Никого и ничто нельзя было забыть. Ошалевшие русские мотались по универсамгам Праги, меряя бюстгальтеры на собственные кулаки. Вечерами я наматывал километры, пытаясь по освещенным витринам сориентироваться в ценах-товарах. Ситуация осложнялась тем, что я и в России в магазинах не бывал. Размеров не знал. Не только - жены, дочери и других близких родственников, но и своих собственных. Одежду мне всегда покупала мама, а затем – жена. А тут такая номенклатура!

Проблемы начались с колготок.

– Зденек! – спросил я у многоопытного приятеля, знатока женщин и иностранных языков, - ты знаешь, что такое колготки?

– Такого нет на этом свете! – отвечал он задумчиво.

Но я твердо знал, что есть, и пошел искать самостоятельно. В новом универсамге Котва (якорь, в смысле – кошка) обошел все пять этажей. Термин КОЛГОТЫ мне попался, но, то были штаны (пански колготы, для мужиков, и дамски колготы – для баб). Колготок не было. Наконец, нашел подходящую секцию – на полках лежали целлофановые пакеты с полуголыми красавицами. От попок рябило в глазах. Над всей этой роскошью сияла надпись: ПУНЧА-ХАЧА. Подобное название меня несколько смутило: что за пунча-хача такая?! Но вокруг суетились тетки, вертели-рассматривали пакеты и бросали их в корзинки. Вещь, видимо, стоящая. Я на пробу взял пакет с левой стойки, но потом заметил, что на пакетах с правой изображены не только попки, но и ноги. Довольно длинные. Больше всего меня поразило, что пунча-хача была разного цвета. О цвете в Шпаргалке указаний не было. Моего интеллекта хватило, чтобы предпочесть коричневое. Но тут меня ждал другой неприятный сюрприз. По верху пакета шли три цифры, все трехзначные и разделены черточками. Что они значили: рост – вес дамы, размер ноги, окружность щиколотки? Бог весь! Думать было некогда, я отобрал самые большие цифры и купил пакет – на пробу.

В гостинице разодрал пакеты. В том, что я взял слева, оказались трусы, на мой взгляд, довольно большие. А в пакете справа, находилось нечто похожее на колготки, но длина их не превышала 40 см. Колготки на куклу! Я сильно расстроился, но, попив чай, сел думать: зачем же взрослые тетki их покупали? Ведь не играют же они все в куклы? Опять же цифры на них большие... Как всякий теоретик, я верю только в эксперимент (любую теорию я сам могу придумать). Все-таки я - ученый. Раздевшись догола, я решительно напялил покупку на себя. К моему огромному удивлению колготки наделись, причем резинка оказалась у меня под горлом (В зеркале я, кстати, выглядел эффектно)!

Так была определена верхняя граница размеров.

Другая проблема возникла с батиком. Даже Иванка, жена Зденека, не знала, что это такое. Пришлось послать домой входящий тогда в моду факс. Ответ: батник – рубашка с коротким рукавом, но с застежкой на левую сторону (Все как не у людей!). Долго после этого бродил я по городу, подходил к витринам с одетыми в рубашки манекенами и, повернувшись к ним задом, по собственной рубашке пытался определить, где левая, где правая застежка.

Позже я приспособился ходить за покупками со Зденеком. Его размеры достаточно хорошо подходили к параметрам изрядно подростевшей дочери. Примеряли на нем, что он делал охотно, смеша заодно продавщиц и посетительниц магазинов. Как-то мы пошли за пиджаком для ребенка. Я выдвигал требования, а Зденек переводил.

– Длина руки, - неожиданно спросил он.

– Метр пятьдесят, - отвечал я мгновенно.

Зденек перевел. В ответ продавщица что-то недовольно заворчала. Зденек недоуменно слушал, потом повернулся ко мне:

– Профессор! Метр пятьдесят – это у орангутанга, у дочки сколько?

Утомленный последним случаем, он решил поучить меня жизни. Полез в портфель и достал блокнот. Там были чертежи дам. Самые настоящие чертежи: со всеми размерами: высота, ширина, диаметр, посадки. Легенда содержала имя, степень близости, вес, цвет волос, основные капризы. Каждой даме была посвящена отдельная страница: мать, жена, дочь, любовница 1, любовница 2, любовница 3, секретарша директора и т.д.

– Видел? Вот и ты так должен заботиться о своих дамах, а не пускать все на самотек.

Я восхитился. Сам взялся за чертежи, но грянула перестройка, и колготки появились в московских магазинах. Ездить за границу стало решительно незачем.

Традиции

В Карловом университете меня принимали хорошо и селили в ректорском номере гостиницы: две комнаты, кухня, прихожая. Решил я как-то использовать вторую комнату и пригласил дочь погостить в Праге. Наталья тогда была молодая, но взрослая (сама уже имела сына). Она приехала, и тут возникли проблемы с пропуском и вторым ключом от номера.

– Зденек! – попросил я, – сходи к коменданту и организуй ей беспрепятственный проход. Объясни, что она – моя дочь.

– Ты с ума сошел! Какая у профессора может быть дочь?! У профессора может быть только любовница!

На том и порешили.

Дом, как крепость

Зденек женился поздно – все никак не мог подобрать кандидатуру. Однажды его поразил вид дамы, сидевшей в кабине строительного крана и воздвигавшей себе самой дом. Вот на Иванке он и женился: ибо сам в домашних делах вполне беспомощен. Она потом была менеджером крупной электротехнической компании и хорошо сочетала семейные и служебные обязанности. Но я сейчас не о ней, а о доме.

Строивший дом тесть в советские времена сильно пострадал, его всего лишили, русских он не любил, поэтому мы не общались, а жаль. До выхода Иванки замуж они жили вдвоем в одной комнате, в сильно стесненных обстоятельствах, но тесть время даром не терял и всю жизнь собирал всякие редкости (картины, хрусталь, мебель и т.п.), скупая их по дешевке на рынках. В конце концов, это все себя оправдало. Он воздвиг настоящий дворец на склоне холма над Влтавой. Четыре этажа, если считать гараж внизу и мансарду наверху.

– Вот видишь, – говорил Зденек, – жить тебе у нас совершенно негде.

И действительно, где в таком доме разместить гостя, если самих четверо? Ведь на каждом этаже уже есть один человек (на этаже – четыре помещения), второго – селить некуда.

Я соглашался.

В доме на каждом этаже свой камин, своя ванная комната и свой туалет. Огромная гостиная располагалась на втором этаже. Из нее выход на веранду. Комната разделена на две части раздвижной дверью. В одной части – пианино, буфет, обеденный стол, в другой камин, шкафы, телевизор, книги. В нишах – статуи апостолов из знаменитых часов на Ратуше. Кругом цветы. Дверь в гостиную знаменита – через нее ходил Эйнштейн (Раньше она располагалась в Немецком университете, в котором преподавал Эйнштейн). Однажды я сидел у камина, когда раздался голос Рихарда Тетнера (мы с ним и Зденеком когда-то были аспирантами МГУ, а сейчас он тоже гостил в Чехии):

– Смотри – машина под потолком.

Я с удивлением обернулся, поскольку много раз бывал в доме, но никаких машин не видел. Их и не было – под потолком висела огромная хрустальная люстра. Рихард просто имел в виду, что она стоит, как хорошая машина.

Сидим мы так у камина, пьем пиво, беседуем. Тут звонок. Это сосед узнал, что я приехал и решил зайти повидаться. Зденек подхватился и поволок меня в выходу:

– Ты куда? – возопил я, – хорошо сидим!

– Нет! Мы должны встретить его за калиткой

Мы встретили приятеля за калиткой и пошли в пивную, где и общались

Дочь Зденека всегда была в доме одна. Я никогда не видел, чтобы к ней приходили играть друзья-подруги.

Вот уж действительно: МОЙ ДОМ – МОЯ КРЕПОСТЬ

Пражский концерт духового оркестра немецких полицейских

Мы покинули Институт Ядерных Исследования сразу после обеда – Зденек торопился в президиум Академии Наук Чехословакии. Меня с Ириной Михайловной он прихватил за компанию, пообещав показать отремонтированный интерьер старинной библиотеки. В электричке было жарко, жарко было и в Праге, где мы пешком направились с вокзала в сторону Президиума. Поэтому, преодолев первые сто метров, мы заскочили в пивную, и выпили по паре кружек. Поговорили за жизнь, и пошли дальше. По ходу Зденек исполнял роль гида. Вдруг от резко тормознул: «Видели Вы каплю (часовню) 12-го века? Нет! Пошли!» Капля, однако, куда-то потерялась. Мы довольно долго кружили по переулкам. Но не нашли. Пришлось снова зайти в пивную и принять еще по кружке. Вышли – а вот она! Стоит себе восьмое столетие и хоть бы что! Обошли ее, осмотрели. Поговорили о романской архитектуре. Это нас так взволновало, что опять

зашли в пивную. Тут просидели дольше: во-первых, разговор за жизнь вышел длиннее, а, во-вторых, нас обсчитали на две корунки и Зденек затеял долгое препирательство.

Опять легли на курс. Подошли к какому-то длинному зданию. Это и был искомый Президиум Академии. Вид сзади. А нам нужен перёд. Попытались обойти слева – прохода нет. Пошли справа – то же нет. Замуровали! Наконец, в каком-то доме нашли спуск в подвал. Подвал перешел в туннель, мы пошли по нему и куда-то вышли. Я осмотрелся: мы находились опять сзади, теперь уже Национального театра, прямо на берегу Влтавы и прямо перед тумбой с афишами. Зденек что-то прочел, махнул рукой и почти побежал. Мы за ним. Преодолели мостик и встали перед дворцом на острове.

– Куда это мы?

– Халява!

На ступенях толпились какие-то люди. Мы гордо прошли мимо них и вошли в огромный зал, полный народа. Все дефилировали, беседовали, подходили к столам и брали микроскопические бутербродики, аккуратно извлекая их за воткнутые зубочистки.

– Где это мы?

– Концерт в Праге духового оркестра немецких полицейских.

– Понял! Не турнут?

– Нет, нас примут за сотрудников КГБ.

Зденек кинул толстый портфель на подоконник: «Смотри, чтоб полицейские не сп\$здили!» и побежал дальше. Вернулся с подносом, уставленными бокалами с белым вином.

– Почему белое, – капризно сказал я, – хочу красного!

Зденек вручил Ирине Михайловне поднос и вскоре появился снова уже с красным. Мы как раз успели с ним справиться, как грянула музыка. Настоящий духовой оркестр! Музыка гремела вовсю. Толстые мужики на сцене раздували щеки. Публика танцевала. Мужчины все в однообразных черных костюмах, зато дамы – разодеты в пух и прах. В глазах рябило, как на Нижегородской ярмарке. Танцевали вальсы (что понятно) и марши (что не понятно). Я не танцую, поэтому нашел стул у стены и сел отдохнуть. Рядом располагались пожилые матроны, обмахивающиеся веерами. Ну, прямо как на балу у Болконских! Тут, однако, интересней: грянул канкан из Сильвы! Что началось! Даже не скажешь, что в коммунистической стране сидишь. Тетки задрали юбки и начали ими трясти, а заодно – волосами-грудями. Мои соседки самовыражались не покидая кресел. Я смотрел, открыв рот. Тут появилась Ирина Михайловна (она принимала участие, да, видать, притомилась) и потянула за руку. Я подумал, приглашает Шефа в канкан. Но нет! Оказалось, у старушки справа упала сумочка, я поставил на нее кресло, и весь танец бедняга тянула за ручку, пытаясь выдернуть из-под меня свою собственность.

Не знаю, как эти полицейские обеспечивают порядок в Германии, но трубят они здорово! И подруги у них заводные. Если разрешают...

Диксиленд в доме Фауста

19-го мая 2009 отправились мы с ИМ в Прагу. Добрались благополучно, особенно понравился экспресс до Шереметьева – раньше была проблема добираться до этого порта: многие (очень многие) так и не добирались до него, по крайней мере – вовремя... Встретили нас Владо и Михаил, отвезли в Ржеж и поселили как всегда (в этом номер я живу уже четверть века) в гостинице Влтава, что на берегу одноимённой реки в ста метрах от Института ядерных исследований, куда мы прибыли в командировку.

На следующий день прошли с Владо по делам в Министерство. Опыт такого похода по Праге у нас был: как-то мы шли в Академию Наук, а попали на концерт духового оркестра немецких пожарных. В этот раз получилось что-то аналогичное. Сначала зашли во Французский центр, посмотрели фотовыставку о Париже, потом в костёле Игната послушали орган, а уже затем обнаружили, что в доме Фауста будет концерт диксиленда. Естественно, мы плюнули на все министерства вместе взятые, и пошли слушать музыку.

Небольшое помещение со сводчатыми потолками – типа Грановитой палаты, узорчатые решётки на окнах, на стенах – знаки каббалы (здесь жил и работал знаменитый алхимик-маг из Персии, тут он превратил свинец в золото и создал эликсир молодости, жил бы долго, да голову отрубили за некачественный всеобщий растворитель – царскую рубашку растворил, а пятно на ней – нет). В наличии большое деревянное кресло-трон Фауста и большая дыра в потолке, сквозь которую дьявол унёс Фауста. Это, конечно, враньё. Фауст с Мефистофелем улетели вдвоём без всяких проблем согласно договору, когда Фауст достиг прекрасного мгновенья. А дыру оставил много позже студент, который ради сессии продал душу дьяволу. Потом, однако, передумал, стал брыкаться-сопротивляться, когда чёрт потащил его в преисподнюю. Вот дыра и образовалась...

Слушатели – старики и старушки чинно сидели за круглыми столиками на стульях с высокими спинками. В руках у них были стаканы (довольно вместительные) с красным вином. Места мало, но Владо достал три стула, мы втиснулись. ИМ и нам добыла по стакану с сухеньким. Вы выпили и приготовились слушать.

Оркестр – 9 мужиков (средний возраст – 75 лет) и молодой парень – саксофонист. Все в чёрных теннисках с белой круглой эмблемой Карлового университета на груди. Они – бывшие студенты медицинского факультета Университета (госпиталь и сам факультет примыкают к дому Фауста). Уже 40 лет они играют тут американский джаз. Вы думаете: «Диксиленд! Подумаешь диксиленд! Музыка, да и всё, некий вариант джаза». Нет, ребята, всё не так просто. Это – философия, политика, диссидентство прошлое. Диксиленд ведь исторически революционен, именно так белые музыканты противостояли чёрным с их новоорлеанским стилем. Именно так осуществлялась противостояние неграм, да и всему джазу тоже. Расизм – разновидность национализма, а уж с чем, с чем, а с национализмом у чехов всегда всё было в порядке. Тут важнее другое, эти бывшие студенты, будучи молодыми, ненавидели существующий строй и боролись с тоталитаризмом, советским, считай, российским, тоталитаризмом. Боролись, как могли. Так, чтобы и карьеру сделать, и возмущенье выказать. Опровергнуть-отринуть все эти катюши-калинки-подмосковные вечера, навязываемые с востока. Приобщиться к американской культуре, прислониться к мощи США – к единственной стране, способной прогнать коммунистическую саранчу. Они играли американский джаз, громко распевали американские песни на непонятном английском, с тем, чтобы в ушах не звучала старая немецкая и новая русская музыка. И они победили! США выиграли холодную войну. Мощным ударом под зад, русский медведь выброшен из страны, валяется теперь где-то в кустах и лечит сломанный копчик.

А мы, как пели, так и поём!

Правда, это иногда музыка больше похожа на «Прощай, прощай Одесса-мама». Но – неважно.

Управлял всем и играл на небольшой, свёрнутой в пару колец, трубе профессор-нейрохирург, тот самый, который лечил Вlado, когда тот год валялся в университетском госпитале. Профессор – заведующий клиникой – (ему 78 лет) вышел на костылях и объявил, что ему сегодня будет трудно играть и петь, т.к. он забыл дома челюсть. Поэтому сначала играли другие, а он руководил – на кого показывал пальцем, тот играл соло. Но потом профессор раздухарился, костыли куда-то делись, его труба вступила в единоборство с саксом, и он победил – виртуозно выдал партию. Профессор – он и в Африке (на пенсии) профессор!

Все аплодировали, некоторые дамы – истерично. Чувствовалось, что здесь не только любовь к музыке. С профессора не сводила глаз высохшая женщина, сидящая на стуле у окна. По грустному взгляду понятно – жена. Моложе его, но не намного. Ясно: аспирант женился на студентке. Он при успешных пассажах всегда бросал взгляд на неё, а она отвечала ему одобрительной улыбкой: «Милый, ты как всегда, великолепен! Но, Боже мой, как я от тебя устала. Сорок лет эти концерты и всегда эти «Когда святые маршируют». А здоровья давно уж нет. Вон, все сидят, пьют вино, расслабляются, один ты по сцене скачешь. Козлик престарелый. Скорую-то уже вызывать, или ещё погодить. Я же тебя три дня буду приводить в чувство: компрессы, массажи, уколы, таблетки. У тебя ведь инфаркт, инсульт, диабет, простатит и кто знает, что ещё. Ноги не держат. А ты всё в дудку дуешь».

Как же я устала....

Появилась абсолютно рыжая дама, в длинной юбке, с весом пудов на 10, но подвижная и игривая. Голос низкий и сильный. Жонглируя микрофоном и помахивая свободной рукой, она завела зал, и публика (средний возраст 70 лет), не слезая со стульев, в едином порыве оторвала чарльстон.

Фантастическое зрелище!

Мы, однако, остались без ужина.

Уроки русского

Зденек очень гордится знанием многих иностранных языков. Особенно – сленгов. Естественно, что его разговор по-русски – сплошной мат. Но довольно однообразный. В сущности – одно слово из трех букв. Мне тоже приходится с ним говорить на том же наречии, поэтому наши обсуждения проблем радиохимии всегда эмоционально окрашены. Мы не ругались матом, мы на нем разговаривали. От нас бросались в рассыпную русские туристки. Но однажды наоборот – девицы бросились на шею: они заблудились в Старом Граде и идентификация соотечественников пришлась кстати. Но мне стало неудобно.

Долго преимущество русского мата было неоспоримым. Но Зденек съездил в Испанию, где очередной профессор обозвал коллегу – разьебаем (Гран Ходидо, по ихнему). Т.е. от важнейшего глагола «ебля» в испанском оказалось возможным произвести важное прилагательное. Возникла угроза падения русского авторитета.

– А большой разьебай можно сказать!

– Нет!

– А у нас можно.

Производные от важнейшего термина «хуй» он так же употреблял не верно. Он, например, проведя с удовольствием время в пивной, мог выходя из нее залепить:

– Хуевый вечер!

<http://profbeckman.narod.ru/>

– Не хуевый, а охуительный! – учил я его.

Прошло время пока он усвоил разницу между терминами: хуево, хуевато и охуительно. А то все путал. Но, когда он спрашивал у Ирины Михайловны:

– Правда, я ругаюсь, как русский мужик?

Та отвечала:

– Нет! Русские мужики так не ругаются.

Что было верно.

Предпоследний шанс

Зденек долго крутился перед зеркалом, менял костюмы, душился и глотал таблетки. На вопрос, чего это вдруг, он отвечал:

– В нашем возрасте, Игорь, на каждую палку нужно идти, как на последнюю!

Я призадумался: неужто и вправду пора?! Подумал и решил: Нет, пока – на предпоследнюю! Вот так сейчас и существую: к каждому делу, к каждому событию отношусь, как к предпоследнему в этой жизни. Понимаю – последний раз, но надеюсь на повтор. Однократный...

Чешско-русский словарь

Блато – грязь, вонявка – духи, рыхло – быстро, позор – осторожно, трезор – звонок, младенец – холостяк, стол – стул, ягода – клубника, парник – пароход, крепкий – хрупкий, воня – запах, овощи – фрукты, черствый – свежий, пунча – хача – колготки, змерзлинка – мороженное, ржепа – репа, червона ржепа – свекла, тискаря – принтер, почитач – компьютер, списыватель – писатель, сбор беспечности – полиция, выпинач – выключатель, выскочил – вышел, око – глаз, знак – герб, знамка – марка, влак – поезд, колей – общежитие, прачка – стиральная машина, жегличка – утюг, кат – палач, секира – топор, ледничка – холодильник, маска – грим, крупы – град, горливый працовник – труженик, баллон – воздушный шар, яма – шахта, подводник – шарлатан, жид – еврей, душик – азот, ков – металл, стежка – тропа, заграда – сад, поток – ручей, дите – ребенок, манжелка – жена, честователь – путешественник, жито – рожь, мгла – туман, обход – магазин, заход – туалет, ташка – сумка, барак – дом, беда – увы, батог – рюкзак, балван – большой камень, райское яблоко (райка) – помидор, райчата – помидоры, худебник – музыкант, херец – актер, сукно – юбка, балик – паркет, пиксля – коробка

Этикет

На этом дурном Западе – все как не у людей. В левой руке вилка, в правой – нож. Попробуйте левой рукой попасть себе в рот! Кроме того, у меня левая всегда занята – в ней кусок хлеба, которым поправляю мясо, а заодно и закусываю. Как же я буду держать в одной руке вилку и хлеб!! Хорошо чехам – они хлеб не едят. У них все и получается. А у меня никак.

Долго мучился, в решительный момент забывая правила хорошего тона. Зденек делал замечания.

Обычно мы обедали в министерской столовой, то тут оказались в каком-то общепите. Народу много, кто-то ест за столами, а остальные – стоя вдоль стен, поставив тарелки на мраморный карниз. Взяли мы роскошное блюдо – мослы. Дешево и сердито. Круглые кости со слоями мяса. Но начались страдания: как не тыкай вилкой, кость ускользает и бежит по тарелке. А жрать сильно хочется. Пришлось пренебречь условностями: схватил кость рукой и стал обгладывать. Как Гаргантюа. Зденек недовольно хмурился и качал головой. Демонстрируя ловкость он всадил вилку в мосол. Тот взвился в воздух, пролетел трех соседей и плюхнулся в полевку какой-то деве.

Вот и соблюдай этикет! Точно голодным останешься.

Столкновение

Хобби Зденека – иностранные языки. Он непрерывно учится на всяких курсах, сдает экзамены, листает рекламки, газеты, а иногда и книжки на основных европейских языках, а то и по-японски. На улицах заговаривает с иностранками, работает в оргкомитетах конференций, делает научные доклады, с последующими обширными дискуссиями. Но столбовая дорога – в сфере туризма и постели. На первой взгляд это разные службы – гид и Казанова, но Зденек их объединил.

От чего ж не объединить, коль здоровье позволяет?!

Хобби полезно: изредка меня присоединяют к тур-группе и на халяву таскают по градам-замкам, да пивным-ресторанам. Кем я только при этом не был. И музыкальным критиком (прорыв на оперу Иисус Христос – супер стар), и журналистом (Латерна Магика), и хоккейным тренером (матч Спартак-Спарта), и депутатом Госдумы от фракции анархо-монархистов (Парламент) и даже главным раввином Ленинграда (Старо-новая синагога).

Но группе гречек Зденек представил меня просто: майор КГБ.

– Аахх! – прокатилось по рядам с пониманием.

Мы погрузились в Икарус и покатали в Карловы Вары.

За окном мелькали холмы с венчавшими их замками, поля с высоченным хмелем, заводы с трубами, да градирнями, виллы, серые домики с красными крышами в клубах черного дыма, но больше впечатляли долины горных речек, устремленные в далекую Германию. По берегу одной из них мы сейчас и катились. Зденек, сидел впереди у водителя и, прижав к уголку рта палочку микрофона, что-то вещал по-английски, изредка вставляя греческие слова. Гречки хихикали и шептались. Я полулежал сзади на широком сиденье, прямо напротив прохода, так что имел хороший обзор во все стороны.

Дорога хорошая, автобус ускорился до 130 км/час. Тут я увидел, что шедший впереди пластмассовый драндулет (гордость ГДР – Трабант) проскочил поворот на право, затормозил и двинул задним ходом по своей полосе. Наш водитель обнаружил это поздно. Произошло сложение сил, не в пользу Трабанта. Мы дали нарушителю под зад, тот сменил задний ход на передний и как стрела устремился вперед, пересек шоссе, перевернулся на крышу, заскользил по лотку придорожной канавы, выскочил из нее и завис над водой. Я скомпоновался, так шеф ударил по тормозам, и все, что было в автобусе, рвануло вперед. Не знаю, как гречки, но я пролетел весь автобус по проходу и упал на шофера. Тот открыл дверь. Перескочив через распростертого Зденека, я выскочил наружу и кинулся к Трабанту. Из багажника активно вытекала жидкость. «Бензин! – подумал я, - сейчас рванет». Но оказалось – пиво.

Когда достиг места аварии, изрядно помятый немец уже самостоятельно выбрался из машины и ошалело вертел головой – был еще не в себе. Я забежал с другой стороны и вытянул немку. Она была в полном порядке. Пышная прическа, тщательно уложенная в сложное сооружение, никак не пострадала. Как это объяснить физически?! Ведь тетка только что стояла на голове. Сам видел!

Дам нам не понять, ни физически, ни психологически. Лучше и не пытаться.

Шоссе было пустынно, но набежала толпа любопытных, подтянулись прибалдевшие гречки, приковылял израненный Зденек. Не прошло и часа, как прибыла полиция. Начался разноязычный гомон и маханье руками. Кто виноват и что делать? – не только русские вопросы. Немец не говорил по чешски, полицейские – по-немецки. Соответственно, никто не знал ни английского, ни русского (кроме майора КГБ, но он помалкивал). Во тут-то ситуацию разрешил хромой Зденек. Он объяснил, что это - не месть чехов за злодеяния фашистов при оккупации. И не продолжение партизанской войны с ними. Просто – несчастный случай. Протоколы на двух языках были составлены и всех отпустили.

Автобус наш, хоть и не катался на крыше по канаве, но радиатор-таки себе пробил. Поэтому о Карловых Варах пришлось забыть. Мы возвращались в Прагу.

– Гляди, как немцам повезло! – говорил мне Зденек, потирая ушибленное колено, - как им повезло, что именно мы на них наехали. Тресни их неучи – пара суток в полиции гарантирована. С международным скандалом, в придачу. Языки учи, пригодится, когда на кого в одиночку наезжать будешь...

Автобус ковылял в столицу, где нас ждал ресторан и тяжелая ночная смена.

Чешские зарисовки

В Институте ядерных исследований завели черных кошек. Сотрудник, пройдя сторожевые автоматы и увидав, кто перебежал ему дорогу, естественно тормозит. Ожидает, не пройдет ли кто другой и возьмет ли на себя дурную примету. Поэтому расплодившихся здесь котов называют «естественным замедлителем». В отличие от техногенного, реакторного.

В Институте ядерных исследований случился юбилей: 45 лет. Устроили банкет на свежем воздухе у гостиницы «Влтава» прямо на берегу одноименной речки. Были речи, пиво, музыка, танцы, копченый поросенок. В общем, оттянулись хорошо. Понравилось и такие праздники стали регулярными.

На первом юбилее с солидным номером выступили девочки – дети сотрудников – делали вольные упражнения под музыку. Ради такого случая им сшили специальные майки с эмблемой Института (естественно, электроны, крутящиеся вокруг чего-то). На следующий год решили повторить номер. Но дамы подросли, подразвились не слабо. Майки не лезли. Пришлось их снизу под грудями завязать узлом, оголив животы.

– Да! – размечтались научные сотрудники, – в следующем году уже топ-лесс будет...

Ждём-с.

Гуляем в воскресенье по пустынному Ржежу. Навстречу пьяный прохожий. Заводит с ИМ беседу. «Я – русская» – пытается она его обойти. «А где работаете?». «В ядерном уставе» – отвечает она. «Красите, ремонтируете?». «Нет! Я - научный сотрудник». «А когда же устроите нам Чернобыль?». «Боже упаси!». «Не верю! Ох, не верю»

Владо, набрав продукты, достал 1000 крон и протянул кассирше. Та взяла и долго смотрела на просвет, сосредоточенно изучая. Дала сдачи 50 крон. Владо взял купюру и тоже подозрительно посмотрел на просвет. Уж не фальшивка ли...

К воротам станции подъезжает огромный грузовик. Вылезает пузатый Водитель в красном комбинезоне и начинает спорить со сторожем. Мол – открывай. Тот отрицательно качает головой, показывая рукой – сюда нельзя. Езжай себе своей дорогой. Водила горячится. Появляется второй сторож, наглядно демонстрируя, что ворота заперты на замок, а ключа нет. Водитель чем-то угрожает. Появляется третий сторож. С ключом. Ворота отпирают, и сторожа широко разводят створки ворот. Добро пожаловать! Водитель пожимает плечами, садится в кабину, сдаёт назад и уезжает прочь. Сторожа вновь запирают ворота.

Едем на машине с Профессором. Дорогу перебегают заяц. «Ох, не к добру» – думаю я, вспоминая Пушкина и Декабристов. Точная примета!. Ровно через километр нас тормозит ГАИ. Штраф – 2000 крон (это 50 долларов!). Профессор достает бумажник и показывает, что у него только тысяча. «Годится!» – говорят полицейские, берут деньги и отпускают. Оказывается здесь такой промысел. В самом неожиданном месте (в данном случае – на спуске и повороте) выставляют знак «Стоп» - восьмиугольник, не имеющий аналогов в мире. А сами ставят две машины на 100 метров дальше и ждут. Не долго. Водители, регулярно мотающие по этому маршруту и точно знающие, что тут никаких знаков нет, естественно не тормозят. Тогда тормозят их и собирают деньги. Практически с каждой машины. Просят много, но берут, сколько дают. Потом знак перевешивают в другое место. Тест на внимательность!

После знаменитого теракта в Нью-Йорке американцы потребовали от радиостанции Свободная Европа открыть новый отдел и начать вещание на Афганистан. А там талибы: война с мусульманами – опасное занятие. Чешское правительство тут же отреагировало. Вызвали из провинции три бронетранспортера в Прагу. Дошли только два (проверили готовность чехов к войне, вышло – на 2/3). Начали патрулировать. На следующей же день с бронетранспортеров сняли и украли задние фонари.
– Мы же не свои зады охраняем! И не красные фонари! Мы радиостанцию караулим! – заявил военный министр.

Победившая вельветовая революция сделала военным министром новой Чехии сугубо штатского человека. Редкого по силе краснбая. Однажды в самолете, он выстрелом из пистолета пробил обшивку. Нечаянно: не знал, что пистолет стреляет. Боинг чудом не рухнул: охранник пальцем поборол вакуум. Выгнали. Теперь он составляет гороскопы. И иногда с ними выступает по телевидению.

Чехию посетили два космонавта: чех и американец. Принимали их на высшем уровне. Отправили в экскурсию по стране на президентском (единственном?) военном вертолете. Для надежности. Полет прошел успешно, но на аэродроме с высоты восьми метров он неожиданно рухнул на землю. Так летчик погиб, охрана переломала себе кости, а космонавтам хоть бы что. Целы и невредимы. Тренировка!

Из разговора в поезде Кошице-Братислава (Словакия):

– Свадьба была хорошая... Даже невеста дралась!

Читаем на коробке с молоком: Южно Чешское.

– О! – удивился Кастыль, – у них что: есть ещё и север и запад?!

Всё же на всех чехах лежит лёгкий налёт швейковского идиотизма.

Словацкие тосты

А) К прекрасному замку подходят три женщины. Заполненный водой ров, однако, мешает им пройти. Появившийся волшебник спрашивает у первой женщины: скольких мужчин имела она в жизни. «Двести», – отвечает она. В воде возникают двести столбов, и первая женщина легко перебирается по ним в замок. Мост тут же разрушается. А у тебя сколько? – спрашивает волшебник вторую. «Сто», – отвечает она. Тут же возникают сто столбов, и вторая женщина переходит в замок. «А у тебя сколько», – спрашивает волшебник третью. «Один!» – восклицает женщина и горько плачет.

Так выпьем за то, чтобы женщины никогда не огорчались!

Б) Если будет хорошо моей жене, то будет хорошо всем мужчинам в деревне. Если будет хорошо мужчинам, то будет хорошо всем женщинам нашей деревни. Если будет хорошо всем женщинам деревни, то будет хорошо и мне. Так выпьем же за здоровье моей жены!

Всё – в сравнении

- Владо, как по-чешски свекла?
- Ржепа!
- Тоже красиво...

Эталон

Калерия Борисовна (наш со Зденеком общий шеф в МГУ) возилась с иностранными аспирантами не только потому, что партбюро поручило, но и по душевной склонности тоже. Тянуло её к незнакомому, заграничному. Вот и к чеху Зденеку она относилась вполне дружелюбно и сквозь пальцы смотрела на его шутки с дамами, на гастроли по СССР с ансамблем классического танца, на статьи в газетах, которые он плодил во множестве. Научными подвигами он себя особо не утруждал, но все же он изредка забегал на кафедру, и что-то делал с установкой. Так продолжалось лет пять, дело катилось к защите.

И тут настал 1968 год. Дубчек, сам от себя не ожидая, стал реформатором и чуть не увел чехов в НАТО. Терпеть было нельзя, танки взяли Прагу. Идеологические бои докатились до Москвы. КБ насторожилась. Надзор над Зденеком был усилен. И тут выяснились страшные вещи: Зарова и Ширанова из Химфизики опубликовали статьи по эманационно-термическому анализу катализаторов. Но не так была страшна тематика, как то, что они измерили абсолютную эманационную способность. А вот этого они сделать никак не могли. Для этого нужен эталон. Эталон на торон в России – один, хранится у нас – личная гордость КБ. Кислый раствор радиотория в кварцевом барботере, изготовленный собственноручно Хлопиным и с его автографом на этикетке.

Что ж такое получается: враги коммунизма прям среди нас? И еще эталоны воруют? И не просто воруют, а конкурентов плодят, среди шизоидных любовниц?

КБ взлетела над стулом и рванула в эманационную, где не была лет тридцать. На миг задержалась, открыла дверь, и как в воду...

Не было ее минуты три. Выскочила вся красная, судорожно глотая воздух. Она долго и шумно дышала, думали – помрет от удушья. Опасаясь радона (нам было смешно – мы в нем купались ежедневно), она в ходе следствия не дышала, а операций много: поднять тягу, открыть сейф, извлечь эталон, запутанный в трубках, измерить уровень жидкости, потом – все обратно. Работа трудоемкая, не грохнуть бы самой эталон...

Чуть не погибла в борьбе за коммунизм и науку.

Избирательный склероз

Гуляли мы как-то по Градчанам в Праге. Подошла пожилая женщина и спросила что-то по-немецки. Мы не поняли. Она повторила вопрос по-английски. Оказалось - у нее склероз и она забыла, какой сегодня день недели и число. Мы, естественно, по-русски стали интересоваться, кто из нас знает, как будет вторник по-английски. Тетка не дала нам кончить:

– Я прекрасно вас поняла. Спасибо за помощь, – сказала она на чистом русском.

Вот это склероз! Дня не помнит, числа не помнит, а все языки знает! А у нас – ни склероза, ни языков...

Кто виноват?

Летом 2002 года в Праге случилось наводнение. Самое сильное за последние 500 лет. Смыло мосты, дома, дороги, зоопарк, химзаводы. Залило метро и центральное бомбоубежище. Из Ядерного института вымыло радионуклиды. Все это Влтава сбросила на немцев – пусть отмываются...

Почему катаклизм стал возможен?

Чехи заслуженно гордятся своей ирригационной системой. Стандарт экскурсовода: «Кажется, что мы находимся на первом этаже дома ремесленника. На самом деле – это третий этаж. Два других расположены ниже уровня грунта. Они занесены илом, отлагавшимся в ходе регулярных наводнений. Именно по этому многие пивные у нас расположены глубоко под землей. Но теперь разливы Влтавы невозможны. На реке выше Праги построена высокая плотина, образовалось водохранилище, способное поглотить огромное количество воды».

Потоп, однако, случился. Причем с катастрофическими последствиями.

Вопрос: Кто виноват?

Варианты ответа: Господь Бог, потепление климата, муссоны.

Никто не виноват!

Между тем виновные есть и именно они должны ответить за гигантские убытки, гибель людей, уничтожение флоры-фауны. Кто они?

Ответ очевиден – юристы, правоведы, пишущие законы и инструкции для инженерно-технического персонала, деятельность которого касается окружающей среды. А кто такой юрист?

Это человек с детства ненавидящий физику, химию, биологию и вообще всяческое естествознание. Знания его в области экологии, географии, климатологии, гидрографии тождественно равны нулю. Собственно он и подался в гуманитарии, чтобы с какой-нибудь математикой к нему не пристали. Ничего не понимая в природных процессах, он тем не менее пишет законы.

Результаты на лицо!

Ведь как развивались события «стихийной» катастрофы на Влтаве?

Сидит на плотине Начальник и горюет. Уже месяц, как в Чехии жара и засуха. Ни одного дождика. Запас воды в водохранилище тает на глазах. Дело идет к ограничению подачи воды горожанам. А за это по головке не погладят. Совсем наоборот! Штрафные санкции, выговора и т.п. Вообще погнать могут. И тут неожиданная радость: в горах пошли дожди. Счастье привалило – водохранилище стало наполняться.

Проходит время, уровень воды растет. Начальнику докладывают:

– Воды много, дожди продолжаются, надо малость приоткрыть плотину.

– За идиота держите? Я воду спущу, а дождь перестанет, наступит засуха, и опять штрафы платить?! Да я каждому кубу рад. Капля к капле – нам доход и процветание!

Капать продолжало и запасы воды достигли проектного уровня.

– Начальник, открывай шлюзы!

– Без паники! Читай инструкцию. Большие умы писали. Если кто откроет шлюза, так что по реке пойдет волна, смоев катера, причалы и чью-то дачку, ответит автор идей, причём уголовно-финансово.

– Так ведь катастрофа будет!

– А за стихийное бедствие мы ответственности не несём. Форс-мажорные обстоятельства.

Даже если смоев все живое и неживое вплоть до Гамбурга. Впрочем, Бог милостив – дожди вечными не бывают. Завтра прекратятся.

Ливни, однако, продолжались. Вода пошла через верх, плотина затрещала, грозясь развалиться. Шлюзы открыли по максимуму, по реке пошел водяной вал высотой 45 м., сметая все на своём пути. В Европе случился Великий Потоп.

Но никто за это не ответил!

За что штрафуете?!

В Институте Ядерных исследований (Ржеж, Чехия) работают два ядерных реактора. Они охлаждаются водой из Влтавы. Соответственно, Институт платит большие штрафы за загрязнение окружающей среды.

– За что?! – возмущаются ядерщики, – Мы берем из реки грязную воду (после Праги, сами понимаете), очищаем от всех примесей, подаем на реактор, а потом сбрасываем ее в реку. После нас вода чище в тысячу раз, радиоактивность – ниже нормы. За что штрафы – то?!

Лингвистические казусы

Иностранные языки, я осваиваю с трудом. Точнее – никак не осваиваю. Вот и с чешским возникают трудности.

Ну, еще один заход! – призвал я компанию еще раз выпить. Меня не поняли – заход по-чешски – туалет. Никто не понял, зачем я всех туда завлекаю.

Хотел заказать яйцо с майонезом, а вышло – яйцо с penisом. Официантка поняла, но обиделась.

ИМ пришла и похвасталась: «Я уже знаю чешский. Сегодня сказала продавщице: «Торбу, просим вас» и та дала сумку. – Полиглотка! – восхитился я, – ведь по-чешски сумка – ташка!

В гостинице не было холодильника. Но ИМ нашла выход, она складывала провизию в пластмассовую коробку с крышечкой, относила привратнице и отдавала ей на хранение в холодильник, стоявший в рецепшине. При этом она произносила: «Просим Вас, нашу кладницу – в вашу хладницу». Но однажды у нее получилось: «Нашу кладницу – в вашу задницу». Я лег. Привратница же взяла коробку и недоуменно покосилась на меня: что с профессором?

РАССКАЗЫ О ХУДОЖНИКАХ

Образ

К старости бабка Матрена осталась одна. Было у неё когда-то три сына, но двух забрала война, а третий в возрасте 15-ти лет сгорел вместе с избой. Матрена его особенно отличала и очень убивалась, что не может на него посмотреть, с ним поговорить-пообщаться. Даже карточки не осталось.

И вот однажды в деревню приехал художник. Московский, Овсеенко фамилия. Он бродил по округе с плоским ящиком, иногда открывал его и, присев на ближайшую кочку, рисовал покосившуюся скирду. Выходило очень похоже, но бесполезно. Мужичку явно нечем было заняться.

Тут-то бабка и догадалась. Она собрала десяток яиц, творог, сметану и, прихватив крынку молока, отправилась к москвичу. Там, низко поклонившись, она подошла к столу, разложила на столе снедь, и предложила:

- Нарисуй мне погибшего сына.
- Фотокарточка есть?
- Нет! Ничего нет!
- Как же я его нарисую?! Я же его никогда не видел.
- Ты – художник? – спросила Матрена.
- Да!
- Тогда рисуй!

Художник задумался.

– Хорошо! Но расскажи мне, какой он был, как выглядел, что носил.
– Рыжий он был, обожал красные рубашки, играл на гармошке. Особых примет нет, а может и были, забыла я. Но ты рисуй, раз ты художник.

Проводив бабку, Овсеенко нервно походил по зале, потом подошел к мольберту, установил кусок картона и стал быстро писать. Через некоторое время материализовался кусок избы, завалинка, на которой сидел рыжий кудрявый парень с гармошкой в руках. Садилось солнце, лениво текла мелодия, привлекая девок, и всё ещё было впереди.

Утром Матрёна глянула, и упала на колени.

– Он! – только и сказала.

Теперь красный угол её избы получил завершение: два ряда икон, а под ними, на столе, обернутый полотенцем портрет. Всем им и молилась бабка. Перед сном, закрыв глаза, она видела как живых Иисуса Христа, Деву Марию, апостола Николая и Василия – сына своего третьего.

Остановись мгновенье!

Газик бодро бежал по Чуйскому тракту. Конечно, бывали эксцессы: то в немислимом прыжке через колдобину он вырывал из рук руль, то не давал включить передачу, то распахивал дверь на повороте и она царапала асфальт, то зависал над пропастью, то прижимал к скалам, грозил отпустить тормоза, и т.п., но, в целом, вёл себя вполне, вполне прилично. Майма была далеко.

Мы шли на Мультийский перевал. Внизу, в щели пропасти, блестела Катунь. На противоположной стороне – стена гор с острыми заснеженными вершинами. Закат, смена красок. Колорит запыленной дороги, грязно-зелёной тайги с бурными проплетинами превратился в волшебное фэнтези. Все вокруг фосфоресцировало в лилово-фиолетово-малиновых тонах, приглушенных дымкой. Рерих-Кэнт – в одной экспозиции.

Реальный мир в нереальном обличи.

Я остановил машину, сел на подножку и окунулся в тишину засыпающего мира.

Солнце опустилось и стало сканировать хребет. С удивительной скоростью срезало оно одну вершину за другой. Лазерный луч иногда исчезал за горкой, освещение гасло, но затем свет бил в глаза и всё вокруг вспыхивало золотом, расплавленным золотом, выплескиваемым из ковша мартеновской печи. Прикольно! Не уж-то, Господь сотворил все это ради меня одного?! Я выхватил из планшета походный дневник, и стал авторучкой фиксировать пейзаж. Мгновенье прекрасно, остановим его, сохраним, поделимся...

Я быстро рисовал, фиксируя чудо. Ручка, как шальная, бегала по бумаге, кадр наползал на кадр, менялась среда, менялась и картинка. В потном валу вдохновенья, я рисовал, черкал, штриховал. Торопился за солнцем.

Светило упало за гору. Стало темно, в кабине засветилась приборная доска. Я посмотрел на вырванный листок. Серая бумага в простую линейку вся вкривь и вкось исчёркана синими чернилами. Паутина линий покрывала кляксы с разводьями. Мазня трёхлетнего ребенка. Где запечатленное чудо природы, где мастерство, где вдохновенье?

Я скомкал листок и запустил комком в ближайший кедр. Сжал руль, выжал газ. Джип брезентовый взвыл, мы понеслись.

Нас ждала Ташанга.

Отображение реальности

Художник Женя – коренастый, широкоплечий еврей. Одесский

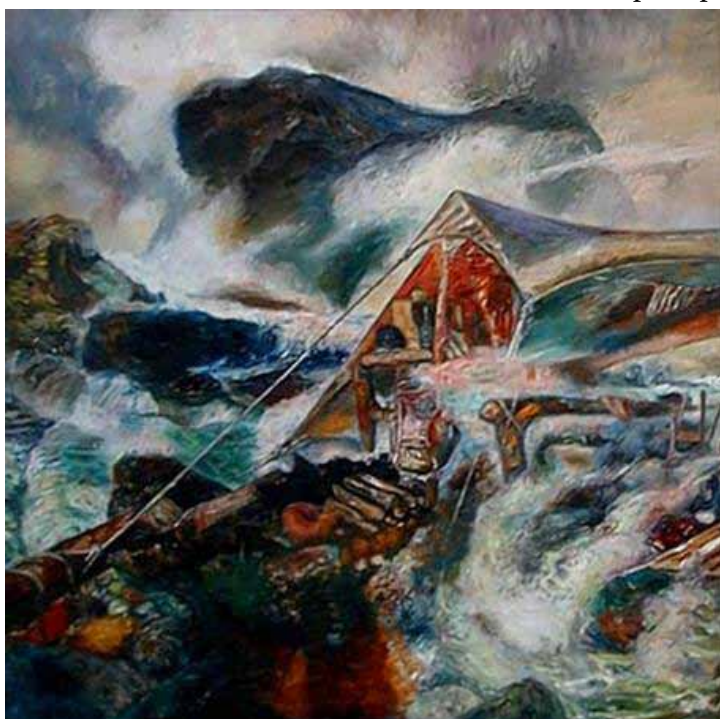
биндюжник по Бабелю. Рожа в густой чёрной бороде. В Питере он известен хорошо. Я бывал у него в мастерской, занимавшей весь последний этаж большого дома, в центре города. Картины у него огромные – метров по шесть, если не ошибаюсь. Даже не понятно, как их вести на выставки. Изображали они вулканы, в разгар яростных извержений. Веяло от них какой-то революционной силой...

Мы познакомились с ним в камчатской экспедиции. По снежному склону гуськом пробирался отряд, замыкаемый мужиком со здоровым рюкзаком (полтора пуда красок) и огромным холстом на подрамнике. Издали – вылитый дельтоплан. Ветер трепал полиэтиленовую упаковку и пытался вместе с владельцем скинуть в пропасть.

С его творчеством я познакомился раньше. В зимнике на склоне вулкана Мутновского висит картина. Написана на деревянном щите маслом по всем правилам искусства (Дождь стеной, задержавший здесь экспедицию на месяц, – хороший стимул для творчества). «Ебля единорога с медведем» называется. Сильная вещь!

Его Картины о буйстве стихии, на мой взгляд, вполне фантастические. В жизни такого не видел. На вопрос: зачем тащиться на Камчатку и преодолевать трудности, варя похлебки трудягам, если всё одно фантазируешь? Он назидательно отвечал: «Работать надо на пленэре!». Выглядело это так.

Дождавшись перерыва в дожде-тумане, он устанавливал этюдник на склоне горы и предавался вдохновению. Постепенно появлялся пейзаж. Симпатичный, но ничего общего не имеющий с действительностью. Работа была в разгаре, когда к Жене подходил начальник партии

Юра (Сын известного художника и сам неплохо рисующий). Оглядев этюд, он задумчиво констатировал:

– Да, похоже!

– Что – похоже? -- обеспокоено спрашивал Женья.

– Сопочка удалась, да и водопадик, как в натуре.

Вглядевшись в дело рук своих, художник хватал широкий скребок и в ярости, стирал нарисованное. Потом начинал снова. До тех пор, пока уже и ехидна Юра не мог не признать, что картина с природы и сама натура ничего общего друг с другом не имеют. Дописывалось произведение искусства на базе в вагончиках, в плане изображавших букву Г. В одном торце коптила свечка, в торце за углом – писалась картина. И там, в темноте продукт доводился до кондиции.

Вот это и есть – этюд на пленэре.

Миниатюра

Однажды в наш балок, расположенный над Дачном (вулкан Мутновский, Камчатка), вселился художник. В облике от широкого и пузатого Жени, Славский – сухой старичок, одетый в нечто полувоенное (полу в том смысле, что на нём – военная гимнастерка, офицерские штаны, но телогрейка, валенки и ушанка вполне штатские). На гимнастерке был приколот орден Боевого Красного Знамени (орден серьезный, если кто понимает, это вам не орден Красной Звезды, или там Знак Почета). Когда-то – высшая награда СССР. Такой орден за здорово живешь не получишь – заслужить надо.

Мужик скромный, о войне и тем более о своих подвигах не вспоминает.

Он был занят другим.

Целыми днями и в солнечную погоду, и в дождь, и в туман ползал он по склонам гор и собирал цветочки. Мелкие-мелкие, размером не выше спичечного коробка, с бутонами – булавочными головками. Это была настоящая охота. Иногда неделю ничего не попадалось. Удаче он радовался, как ребенок.

– Орхидея, – протягивал он мне что-то мелкотравчатое, без лупы неразличимое.

Добыв богатство, он начинал колдовать на столе. Игрался с цветком, вертя его так и сяк, то раскладывая на чистом листе бумаги, то ставя в патрон из-под мелкашки (вазы не было), то вешая вниз головой на гвоздь, то приближая к пыльному оконцу, то удаляя. Маленьким пинцетом расправлял тычинки-пестики. Иногда комбинировал несколько цветков, составляя икебану. Названий растений он не знал – ничто биологическое его не интересовало. Он ощущал биополе, испускаемое цветком. В видимом спектре, естественно. После многочасовых усилий, расположив

объект нужным образом, он доставал мольберт, размером с большую открытку, коробку с красками и кисти, с кончиками острыми, как у китайских писцов.

Думаете, после этого он приступал к работе? Нет!

Подготовив всё, Славский выбирался на волю, садился на крыльцо и смотрел на зелёный склон и вообще на природу. Полировал взгляд. Важнейший момент творчества. Не дай бог, если сейчас в поле зрения попадет буровая, трактор, рация, или какая иная гадость, типа человек. Всё! Работать он не может: взгляд отравлен. Начинай всё сначала: утром отправляйся за новыми цветами, вновь отбирай, располагай и т.п. Мы знали это и старались не попадаться ему на глаза. Чтобы не оскормить своим видом. Довольно паскудным, надо сказать.

Только впитав в себя природу, художник возвращался в полутемную комнату, и начинал быстро писать красками на дощечке.

Не всегда, но иногда случалось чудо. Возникла объёмная картина, буквально излучающая свет, полная динамики и борьбы – мировая война цветов. Ни извержений, ни взрывов, а дух захватывает. Последний день Помпеи биоты...

В случае удачи, Славский давал нам посмотреть натюрморт. Мы молчали. Даже Барский, даже Юра.

На утро художник смывал скипидаром картину (этюдики-то один) и уходил на новый поиск.

Ню

Умей мечтать, не став рабом мечтанья

Р. Киплинг

После лекции (я читал, Балек переводил) мы покинули старое здание Карлова университета и пошли по Железной улочке к Ратуше. Разговаривали мы о науке и, естественно, матом. Во-первых, потому что мы радиохимики, учились и теперь работаем без женского общества, привыкли выражать мысли чётко, кратко и образно, а, во-вторых, полиглот Балек всегда считал, что знать язык – знать сленг и уметь на нём выражаться. Да и, вообще, за границей русских всегда на мат тянет. Всё же я употреблял неформальную лексику редко и к месту, а Владо постоянно, но часто не в складушки, не в ладушки.

– Правда, я как русский мужик ругаюсь? – спрашивал он иногда.

Я кивал, хотя это было неправда: русские мужики так не выражаются.

Несколько раздражало, что из всего мата (а это десяток слов на каждую букву алфавита!) он знал 2–3 слова, которые и употреблял. Однообразно! Повторенье – смерть художника! Иногда он вообще не правильно употреблял определения.

– Хуёво! – восклицал он, – мы выиграли большой грант.

Я ему объяснял, что это не хуёво, а охуительно. Хуёво, если проиграли. А если бы выиграли, но маленький и короткий, то это было бы хуевато. Он учился, но был слаб, особенно, в многоэтажном мате; не то что 12 этажей (как наш боцман на паруснике "Товарищ"), 6 этажей не освоил. Троешник...

Кругом было много народа, можно сказать – толпа, но мы не опасались – японцы, американцы, итальянцы и прочая немчуря нормального языка не знают.

Дошли до Ратуши и вместе с народом посмотрели средневековое представление – шествие апостолов под бой часов. Прокричал петух, объявив, что мы смертны, народ засмеялся и стал расходиться. Пошли и мы, возобновив беседу. Только мы поравнялись с крестами в честь казнённых австрийцами чешских аристократов, как нам на перерез бросилась девица.

– Русские! Как я рада! Выручайте!

Оказалось, что она второй час бродит по сети улочек старой Праги и не может выбраться. А хочет на Пороховую башню посмотреть.

Мне было несколько неловко, что слышала балеков мат, но, с другой стороны, как бы она узнала что мы русские?! Спасители потенциальные...

Отвели её к Пороховой башне, по дороге продемонстрировали доску с Эйнштейном, памятник Яну Гусу и гранаты в витрине.

Девушка мне понравилась: маленькая, пухленькая и смешливая. Но не просто хохотушка, а с чувством юмора. Хоть и инженер - силикатчик.

Нужно было её как-то закадрить. Но опыта у меня в этом деле мало, считай нет. В отличии от Балека, которому девки на шею сами вешаются. Вот и сейчас он соловьём заливался. Не иначе, как с дурными намерениями. Я лишь изредка успевал слово вставить. К моему удивлению, она постепенно стала проявлять интерес скорее ко мне, чем к Владо. Однажды, поскользнувшись, она взяла меня по руку.

Ей надо в гостиницу на Каетанку. Пошли к Масарикову Надражи, чтобы посадить её на трамвай, идущий в далёкие Градчаны и даже дальше.

Надо было что-то срочно придумать. Пивная "У двух кошек" – это понятно. А дальше что? Проблема дивана встала во весь рост. Не вести же её в Ржеж! Далеко, да к тому же там есть кое-кто, кто при виде гостей огреет меня скалкой промеж ушей.

Но делать что-то надо.

Мы миновали собор Святого Николая, где висит гигантская люстра, подаренная Екатериной Второй и пошли по Французской улице, что рассекала бывший еврейский город. И тут я вспомнил. Здесь в доме прямо напротив Старо-Новой Синагоги в мансарде есть мастерская Ярослава Клата. Родилась идея, достойная профессора. Предложили даме ознакомиться с творчеством восходящей звезды. Она не возражала. Поднялись. Художник был дома. Торопился куда-то, но некоторые картины показал.

Были пейзажи Майорки, но основной сюжет – теплица, в которой бурно расцёл тропический лес. Потолки стеклянные, на них снег и ясно, что снаружи сильный мороз. Малейшая трещина, холод ворвётся и рай погибнет. Понятно: хрупкая действительность, близкий апокалипсис.

На мольберте удачно стоял холст, лежали краски. Я предложил Клату написать портрет дамы. Той идея понравилась. Но Ярослав отказался ибо портреты – это не его, да и спешит он. Пришлось мне взяться самому. Что-то такое я маслом уже писал, но такой задачи ещё не было. Ну, да не боги горшки обжигают...

Клат и Балек ушли и я стал думать о картине. Что, собственно, нужно изобразить? Рисовать одну голову на весь холст? Так, поди, навру, черты искажу, дама расстроится. Надо всю её писать, вместе с мебелью. Между тем Анна сняла кофту и села на стул, как в фотоателье. Не, ну, это банально! Я ведь не фотограф, в конце концов. Я художник. От слова "худо", конечно, но всё же... Стал я перемещать её по мебели, меняя позы и даже причёску. Не помню когда и как, но она оказалась без платья. Позировала в белье, но не долго. Собственное бельё ей не нравилось. Такого на картине не должно быть. Она его и сбросила. Легла на диван в позе Венеры. Довольно развратной: ноги разведены и ладошка срам не прикрывает. В воздухе возникла идея секса. К чему стремились, то и вышло. Но, от натурщицы повеяло холодом. Она искала куда деть руки, принимала эффектный вид и явно хотела картину, а не секс. А я тоже увлёкся (не дамой, а картиной). Твори, не отвлекайся! На спине ей лежать не стоит: груди и так маленькие, а такой позе они полностью исчезают. Девочка-подросток выйдет, что противоречит действительности. После часа перестановок усадил её лицом к окну, к себе спиной и чуть боком, так что видна часть груди, одна отставленная в сторону нога и одна рука на колене. Волосы распушены и свободно ниспадают с плеч. Раз лицо писать не надо, то с картиной как-то справлюсь.

Работа у художника долгая, натурщица должна сидеть смирно. Анне это периодически надоедало, она вставала и разминалась, довольно вольно, то ли играла, то ли соблазняла, не понял, не хотел от дела отрываться. Стало темнеть, похолодало и она стала замерзла. Наконец закончил абрис и приступил к раскраске. Натура особо не нужна. Она подошла, встала сзади и смотрела, как я рисую. Потом обняла за шею, прижала к груди и поцеловала в затылок. В другое время я немедленно бы обернулся, подхватил бы Анну на руки и понёс к дивану. Но не сейчас! Беда: не могу адекватно передать белую кожу питерской аристократки с сине-голубыми венами (голубая кровь). То нога выглядела, как у трупа, то вдруг расцветивалась розовыми пятнами и бликами света, причём блики затмевали пятна. С тёплыми цветами ничего не вышло – всё мертвенно бело. Теперь-то я знаю, что использовал мало красок, брал за основу один цвет и применял тёмную светлую вариацию того же цвета нанося тени и светлые пятна. Так делать нельзя! Нужно смешивать цвета, менять насыщенность, тени должны быть цветными! Тогда я этого не подозревал и впал в депрессию. От мира отключился.

Между тем Анна оделась, я проводил её до метро Мустик. Рассталась она со мной холодно. Зашёл в Коруну, получил в автомате кружку пива и сардельку со вкусной горчицей, сел перекусить у хвоста коня Вацлава и стал думать.

С колоритом надо что-то делать. Что-то делать надо...

Картины моей души

Сегодня я наломался прилично, а утомиться негде. В этих скалах приткнуться негде. Пытался пробиться к реке – не вышло. Вертикальные обрывы, столбы, бомы – парашют нужен. Его у меня нет. Пришлось разбить лагерь в метрах ста над водой. Близок локоть, а не укусишь. Воды нет, дров нет и, что особо грустно – продуктов нет. Палатка стоит косо, того и гляди из неё выползешь и уйдёшь в свободный полёт. Лапника нет, камни в бок впиваются. Где отдохнуть уставшему геологу?!

Целый день пробивался я сквозь каменные джунгли с тяжёлым рюкзаком. Утром перекусил, а потом всё: продукты кончились. Перспективы туманны. Пара патронов у меня есть, так стрелять не в кого: и живность и птицы куда-то слиняли. Можно насадить нож на палку и поохотиться гарпуном на рыбу. Только её тут нет. Воды внизу много и не так уж она далеко, но недоступна. Мощна река Лена, течёт по плёсам-перекатам. Только по берегу не пройдёшь – скалы, скалы и скалы. Чёрт бы их подрал.

Проблема с локализацией – не знаю, где нахожусь. Конечно, большая река – ориентир прекрасный. Не заблудишься. Иди по течению, куда-нибудь дойдёшь. На больших реках поселений много. Там и накормят. Но только как далеко до ближайшего дома и как труден путь?

Выйду я к людям завтра, или послезавтра или послепослезавтра? Это разница. Большая разница, доложу я вам. Ибо силы мои на исходе и пополнить их нечем.

Ленские столбы: спуститься к воде не удалось.

Вдохнул я горько и кряхтя и стена заползла в палатку, улёгся спиной на спальник, раскинул ноги-руки в стороны. Всё болело и чесалось от комаров. Раздеваться не стал, но сапоги снял.

Настала ночь. Темень абсолютная. Открыл глаза, закрыл – разницы нет. И тишина. Тоже полная. Река несёт свои воды бесшумно. Темнота, безмолвие (по Джек Лондону, только у него - белое, а у меня – чёрное), одиночество. И тоска. Не только от того, что поесть-попить не удалось, и все члены ломит. Жить скучно...

Глаза мои закрылись и пошло кино.

Рисую я картину, огромную картину, в три этажа высотой и длиной немереной. Простор во все стороны, синие воды Лены, один плоский берег весь в зелёной тайге – второй – высокая красно-жёлто-фиолетовая стена с отблесками заката и мрачные тучи, наползающие с севера. Чёрные тучи. Грядёт светопреставление. Исчезнет этот, пусть и не слишком, но всё же упорядоченный мир. Настанет хаос. И что потом? Возникнет новый порядок из хаоса? Бог весть. Но Вселенная напряглась. Ждёт свою судьбу. Такой как сейчас она уже не будет. Хотя совсем не исчезнет.

Перебивка. Я сижу на корточках, маленький этюдник на пне, рисую с натуры лесные цветочки. Жарки! Купальница, по-нашему, семейство лютиковых. Символ Сибири и, конкретно, Норильска. Любимый цветок Троллей. Туман поднялся и поляна пошла огоньками. Я тонкой кисточкой выписываю отдельный цветок – сибирскую розу. Потом натюрморт будет.

Снова перебивка. Широко размахивая кистью пишу картину "Русалка". Молодая девушка, почти девочка, хрупкого сложения, с аномально большими грудями и длинными руками качается на большой ветки ивы довольно высоко над водой. Лохматые густые спутанные зелёные волосы пытается расчесать гребнем из рыбьей кости. Полностью нагая, голова не прикрыта, но припасён веночек из цветов и осоки, который она, видимо, водрузит на себя, если удастся причесаться. Издали кажется, что вместо ног – рыбий хвост в чешуе, но на самом деле две ноги, со всем тем между ними, что положено быть у женщин. Так что вполне можно и сексом нормальным заняться и родить при случае. А не только французской любовью приманивать. Широко открытые глаза сканируют окрестности: кого бы защекотать и утопить.

Глаза излучают тьму.

Дальше пошли какие-то абстракции, пятна цвета, геометрические узоры, фракталы.

Последнее, что явилось – музей-галерея, анфилада комнат, стены увешаны моими картинами, брожу между ними, жду экскурсантов. Хочется показать своё творчество, слегка попендриваться, по-гордиться, по-пиариться. Это с одной стороны. А с другой – кому их показывать и зачем? Народ не поймёт (не тот у нас народ, ох, не тот), а коллеги завидовать будут, сожрут. А если кто купить захочет, выпрашивать начнёт, или я кому сам подарить намерюсь? Как я могу с картиной расстаться?! Это всё равно, что сына или внука лишиться! Нет, нет и нет! Никому не отдам и никому не покажу.

Посетители, однако, идут. Напрягся, а зря. У всех завязаны глаза. Они медленно проходят из зала в зал, принохиваются, реагируют на эманации, от картин исходящие. У некоторых на лице восторг. Но не у всех...

Я провалился в бездну.

*_*_*_*_*

Герой этого рассказа погиб на следующий день. Со скал сорвался, от голода ослабев. Геолог был так себе, знания средние, интуиции нет, на месте не ориентируется, ни рыбак, ни охотник. Камни зря тащил – ничего в них интересного нет. Зачем его понесло на Ленские останцы – не ясно. Делать ему там было нечего, вполне мог обойти. Коллеги его помнят как любителя иллюстраций в книгах. В живописи он не разбирался, ни с какими художниками знаком не был, сам никогда ничего не рисовал. Даже не представлял себе, как это делается.

Но человек был не плохой.

Царство ему Небесное...

СМАЛЬТА (этюды на пленере)

По мотивам «Ионыча»

Митя попал в моё поле зрения, как приятель дочери. Угрозу нужно знать в лицо, пришлось знакомиться ближе. Был он большой и в смысле роста и в смысле веса. По гороскопу – рыба, стало быть, не закрывая рта охмурял девиц. Всегда с гитарой, в кругу друзей. Память у него – феноменальная, один раз прочёл – и наизусть шпарит десятки страниц прозаического текста. Сильный, добрый, умный. Как даме устоять?

Но удивительное дело: с ним вечно случались неприятности, он регулярно получал увечья, красиво болел, и подруги исходили состраданьем. На вечеринке у нас дома, он продемонстрировал сидящему в кресле приятелю эффектный удар карате. Удар пришелся об угол дубового шкафа – палец на ноге тут же был сломан. Когда я приехал на картошку проведать дочь, то в лагере никого не было (все – на полях) лишь Митя с перевязанной щечкой страдал в одиночестве. На военных сборах он с бригадой собирал щитовые домики. Ребята крикнули «бросай», он не расслышал. Результат – перелом позвоночника.

В ту эпоху было модно ездить на ББС (беломорская биологическая станция МГУ). Перцев играл одной (левой) рукой на перевернутом баяне, а заезжие учёные вели вольные разговоры, фрондируя пред молодежью. Студенты и школьники там чего-то строили. Отряд коммунистического труда назывался. В отличие от целины и прочих стройотрядов, им ничего не платили. Коммунизм обеспечивали состоятельные родители, которые оплачивали дорогу в оба конца и несли все остальные расходы. Другим (не комтруда) нашим студентам было не до коммунизма – летом приходилось зарабатывать на жизнь. На ББС ехали интеллигенты – в основном выпускники физмат школ. Имея стройотрядовский опыт, я сильно удивился, увидев «коммунистов» на Ленинградском вокзале. В вагоне нечто призрачное, почти прозрачное, блестя аномально выпуклыми стеклами очков, галантно сняло с Наташи рюкзак, и попыталось закинуть его на верхнюю полку. Не тут-то было. Рюкзак перевесил, и они залегли. Тогда я одной рукой схватил рюкзак и кинул его на третью полку. Рюкзак мне показался тяжеловатым. Оказалось, что метнул Наташин рюкзак, самого парня и его рюкзак в придачу! Пришлось спускать товарища на пол. «Да! Думал я, они там настроят! Хорошо, если сами вернутся». (Подводя теперь итоги поездок, в которых, наверное, приняло участие ни одна сотня школьников-студентов (интеллектуальная элита страны и её надежда), можно подивиться странному влиянию коммунистических идей на молодые души: спев песни под баян, гитару и дудочку, они эмигрировали из страны, и теперь укрепляют капитализм в Штатах).

Митя же на фоне подобных строителей-математиков смотрелся эффектно. Но судьба и здесь не обошла его стороной. Зимой, в страшный мороз на складе ББС случился пожар. Отряд бросился тушить и вытаскивать спальники-матрацы. Все отделались лёгким испугом, и только Митя угорел и обгорел.

Однажды, когда Наташа с Митей учились на втором курсе, в Москве в январе не было снега. Каникулы есть, а снега нет! Предложил сопроводить их в Кандалакшу, где по опыту знал, что уж чего – чего, а снега не занимать. Ну, поехали: студентов пятеро и я. В дороге инструктировал их по основам подлёдных погружений. Нас встретил Алик и повёл в свой водолазный клуб – трёхкомнатную квартиру на первом этаже пятиэтажного дома. Холодно, внешние стекла выбиты. Пошли смотреть, что можно сделать. Но консилиум не состоялся. Митя вырвался вперёд и дёрнул раму. Узкий и длинный осколок стекла оторвался, полетел вниз и вонзился Мите в лицо. Буквально в 2 мм от глаза. Девочки захопотали, бросились перевязывать. «Однако!» – подумал я.

Дальше всё шло по намеченной программе. Расположились на ночлег в спальниках и на диванах. Прямо в лыжных костюмах. Только Митя разделся до плавок, завернулся в пологичёк и улёгся на пол. Естественно, на утро у него была температура под сорок и паралич-радикулит. Мы

катались на лыжах по беговым трассам и по горкам, испытывали дельтоплан, а Митя болел. Начал он выздоравливать и кто-то из девиц, хлопотавших на кухне, попросил его вынести помой. Имелось ввиду, что он их попросту выплеснет с крыльца. Митя выскочил в чем был, лишь надвинув шапку. И исчез! Нет его и нет. Мы уже собрались на поиски, когда он вернулся. Оказывается, он искал помойку! Но проблема оказалась в другом: отмерзли и почернели руки, причём одна намертво примерзла к ведру. Бывал я на Северах, но ничего подобного не видел. И даже не предполагал таких эффектов. В конце срока он, наконец, пришёл в себя, встал на трассу и пошёл. Трасса эта имела всесоюзное значение, была электрически освещена, укатана спортсменами до твёрдости асфальта. Но Мите это не помогло – на третьем шагу лопнула и развалилась на части лыжа.

Все подводные купанья пришлось отменить. При такой прыгучести, нырянье под лёд Мите не пережить. А у него родители – интеллигентные люди, за потерю сына могут и разорвать. Мне это надо?!

Окончив МГУ, он уехал в Израиль, потом в Америку и сгинул.

Теперь, размышляя о вариантах, я думаю: «А, хорошо, что он на ней не женился!».

Спецшкола

Где-то в девятом классе дочь Наташа поступила в химическую школу при МГУ. Там оказалось много знакомых – детей наших сотрудников. Но и был еще один: Иван – сын паркетчика, с которым мы исхитрились поменяться квартирами. Оказывается, Ваня тоже любит химичить.

Однажды часть класса собралась у нас отмечать какой-то праздник. Первое время я был с ними: раздвигал столы, таскал стулья и вообще знакомился с ситуацией. Ребята же ждали, пока девчонки причешутся, приготовят закуску, и развлекали себя сами. Заодно и знакомились, т.к. ещё недавно учились в разных школах и плохо друг друга знали. Поскольку в этой квартире Иван когда-то жил, он уверенно перемещался по прекрасному, изготовленному его отцом, паркету и разъяснял, где что находится. Вот он вошёл в кабинет, открыл крышку пианино и попытался изобразить Чижика-Пыжика. Мало, что получилось. Тогда он стал подбираться к Собачьему вальсу. Тут от стены отделилось нечто мрачное и молча скинуло Ивана с вертящейся табуретки. Раздались мощные аккорды Патетической сонаты. Десять классов музыкальной школы, как минимум. Плюс домашнее репетиторство. Вторую часть, однако, сыграть не дали. Ворвались две девицы, завладели табуретом и вдарили в четыре руки рок-энд-ролл. Попурри из Пристли. Вполне профессионально. Иван посмотрел на это дело и пошёл в другую комнату. Там девочки чинно рассматривали фотоальбомы, а ребята – мою коллекцию оружия.

– У меня тоже самодельный нож есть, – начал Иван, – летом в деревне кузнец сделал. Я им прекрасные удочки строгаю. Однажды в пруду....

– А у меня стреляющий нож есть, настоящий, диверсионный, – перебил его верзила.

– А у меня помповое ружье, – солидно пробасил кто-то, – мы с отцом летом в Гималаях на кабанов охотились.

– Я тоже был в Намибии на сафари, на джипе баранку крутил.

Девочки оторвались от альбомов и стали с интересом прислушиваться к разговору.

Иван вздохнул и пошёл в третью комнату.

Там собравшиеся глазели на библиотеку. Иван вытащил книжку потолка. «Неорганическая химия» Некрасова.

– Я такую видел в районной библиотеке. Читал, как из квасцов кристаллы выращивать, – начал он. Но Очкарик продолжил свою мысль.

– В реакции Белоусова – Жаботинского важна кислотность раствора. Первостепенное значение играет рН.

– Для этого электронный рН-метр нужен, – подсказал маленький шкет.

– У меня есть на даче, – продолжал очкарик.

– И хороший микроскоп, – выпендривался шкет.

– У меня есть на даче, – успокоил его Очкарик, – у меня лаборатория – не хуже МГУ.

Иван прошёл коридор, открыл наружную дверь и вышел во двор. Там он схватил булыжник и запустил его в фонарь. Осколки осыпали Мерседес. Сынок хозяина бросился на Ивана. Завязалась драка. Одноклассники высыпали наружу и разняли их. Какая-то девочка приложила к подбитому глазу Ивана холодную серебряную ложку.

Всё ж удалось ему привлечь внимание к себе!

Завтра лекция

Почти не коснувшись стремени, уже в седле и понеслись. Единая страсть седока и коня. Страсть преследования. Слаженный механизм летит по раскаленной долине, догоняя табун и отрезая его от распадка. Цокот копыт, столбы пыли, мелькающие кусты, канавы, камни,

встречный ветер, развивающиеся хвосты-гривы, страх падения, радость намёта. Неужто это моя собственная рука крутит бешено аркан над головой?! Бросок!

Теперь рассмотрим систему частиц с f степенями свободы, которую можно описать, задавая значения координат $q_1, \dots, q_f$ и f сопряженных им импульсов $p_1, \dots, p_f$ в данный момент времени t . Необходимы постулаты, которые не доказываются, но из которых будет следовать вся теория, и мы придём к выводам, которые могут быть экспериментально проверены. В зависимости от результатов этой проверки теория должна быть принята или отвергнута.

Если Олег и удержится от вопросов на самой лекции, то уж после нее – наверняка. Почему не доказываем постулаты? Отражают ли они реальную действительность или просто спекуляции ума? Позитивист стихийный. Придётся что-нибудь плести о сложном пути приближения познания к абсолютной истине. Вечные вопросы. Как и звонки из комитета комсомола, с требованиями регулярного посещения общежития. Выяснить и доложить, что вечерами делают студенты: нет ли аморалки, пьянок, прослушиваний «Свободы» и т.п. Нашли осведомителя! Бесплатного к тому же.

Постулат 1: Любое состояние системы полностью описывается функцией $\Psi(q_1, \dots, q_f, t)$ класса Q . Эта функция называется функцией состояния системы и обладает тем свойством, что переменные в момент времени t находятся в элементе объёма dt , так что:

$$\int \Psi^*(q_1, \dots, q_f, t) \Psi(q_1, \dots, q_f, t) dt = 1$$

где интеграл берется по всем возможным значениям q .

Дроб качался и плясал в руках киргиза. Он был пьян и никак не мог прицелиться. Я иду к нему и не отрываю глаз от качающегося кружка. Абсолютно чёрное тело. Не так уж и страшно: вся жизнь не проходит пред глазами. Только нож кажется бесконечным, пока вытягиваешь его из бесконечных ножен. А вот и выстрел.

Постулат 2: Каждой динамической переменной M можно привести в соответствие линейный оператор m . Так как мы интересуемся только величинами, доступными наблюдению, т.е. действительными, то можем ограничиться случаем, когда эти линейные операторы являются эрмитовыми.

А в общежитии на этой неделе побывать придется. Но до этого на Бюро – дела об отчислении. Опять с Пашкой подерёмся. Любит при случае позверствовать. Как же, начальство! К тому же, гад, забрал свой редуктор с моей установки. Прямо в разгар работы.

Постулат 3: Функция состояния $\Psi(q, t)$ удовлетворяет уравнению:

$$H(q, t) \Psi(q, t) = E \Psi(q, t)$$

где $H(q, \frac{\hbar}{2\pi i} \nabla_q, t)$ – оператор Гамильтона для данной системы. Это уравнение Шредингера, включающее время.

А на Алтае нас называли братья-химики (Кастыль и Пупочек). В принципе, и сейчас дружим. Но в горах – активней.

Постулат 4: Если функция состояния $\Psi(q, t)$ является собственной функцией оператора m соответствующего динамической переменной M , т.е. если имеет место

$$m \Psi(q, t) = M \Psi(q, t),$$

то в этом состоянии переменная M имеет точно постоянное значение m .

Из ЦЕРНа сообщение: получена плазма с температурой в 20 миллионов градусов. Если б подольше горела – был бы термояд. К концу года обещают управляемый термоядерный синтез. Как же! Не будет вам термояда в 20-ом веке, может быть – в 21-ом. Да и то – в конце. Не доживем.

А поясница-то болит. Нефрит. Отъездился я, похоже, по Тяньшаням – Алтайм. Примерный семьянин – летом на дачу.

Что-то никак не сосредоточусь. А ведь завтра – лекция.

Профессор Сизиф

Сизиф – в греческой мифологии дориец, царь Коринфа; перехитрив богов, дважды сумел избежать смерти, и был приговорён за это ими вечно вкатывать в подземном мире на гору камень, который, достигнув вершины, скатывался обратно.

Профессор по должности тоже приговорен к трудоёмкой, бессмысленной и однообразной и монотонной работе. Но у него ситуация хуже. Сизиф знал, за что наказание и что оно справедливо. Он трудился в аду, где всем не сладко. Он занимался своим делом, никто не приставал к нему с глупостями и не заставлял по ходу дела отвлекаться. Профессор же окружен народом и его одиночество – одиночество в толпе, т.е. худший вид одиночества. Никто не понимает, зачем он катает камень – ведь ни удовольствия, ни пользы! Ни ему, ни людям. Обсуждать с ним профессиональные вопросы (как лучше камень катить в гору) никто не хочет – что зря интеллект напрягать. Никто ему не помогает и не сочувствует. Но не просто не помогает, а возмущается его

эгоизмом и себялюбием. Ведь у них столько проблем! А Сизифу хоть бы что, катает себе камень и катает. Живёт в свое удовольствие.

Сволочь, однако.

Обманула

Дипломную практику я проходил в Архангельске. Прибыл туда в начале лета. Еще в поезде познакомился с аборигенкой. Дело пошло, договорился о свидании.

– Приходи, – говорит – к маяку, когда стемнеет.

Вечером пришёл, брожу по косе. Час, другой. Солнце по горизонту ходит. Стал задумываться. Сидит рыбак, спрашиваю у него:

– Когда у вас темнеть начнёт?

– Да через полгода!

Надёжность

– Шеф! – ворвался в лабораторию Саня, Уф! Все сделал, завтра принесу...

– Что сделал?

– Всё, что просили!

– А результат видел?

– Зачем!! Бросил на счёт и сюда.

– А она посчитает?

– Куда денется? Я ведь в систему кое-чего своего добавил. Для гарантии.

И вспомнил я долину Адычи. Шли караваном по кромке лес – плавни. Вдруг – стая уток налетела и в камыш на озеро села.

– Ужин! – воскликнул Пупочек, и мы ринулись в атаку. Первым же дуплетом я уложил двух уток, да потом добил подранка. Вернулся к Сатэре, завалился в седло, как в кресло, сижу, жду.

Казалось, где-то взвод штурмует Гуниб. Дробь сыпалась с неба. Пальба затихла, подождал пол часа, пошёл выручать.

Вдали от берегов на кочке балансировал Пупочек. Упасть боялся. Почему – не понятно, так как из-за ушей торчала осока. Уже купался.

– Утку убил, обрадовал он меня, – запропастилась куда-то.

Мы принялись усердно искать, раздвигая камыши и осоку. В третий раз, нырнув с головой, я поинтересовался:

– Точно убил? Видел, куда падала?

– Точно! Стрельнул и аж повёл!

Прям садовник со шлангом.

Плюнул я и пошёл вылезать из болота.

Пари

Когда денег нет, прибегаю к пари: если погашу сигарету о денежную купюру на твоей ладони – десятка твоя, нет – моя. Многие прельщаются, только никто не выдерживает – деньги мне достаются.

Кастыль:

– Спорим на сотенную!

Изобретатель поэзии

Ну, что ты, Гин, мараешь бумагу стихами? Разве ты можешь изобрести в этом деле что-то новое? Ведь, что бы ты ни сочинял, всё равно будешь рифмовать концы строф. Вот если бы ты смог написать стих с рифмованными началами строф, вот это было б дело. Был бы ты новатор. А за поэму с рифмованными и началами и концами строф, вообще можно нобелевку получить. Независимо от содержания.

Туфельки

Вале надоели Севера, и она рванула в Москву - без родственников, без прописки, без работы. В столице устроиться не удалось, но зато в ближнем Подмосковье её взяли в домработницы. Зарплата – не акхти, но зато крыша есть, и работа не пыльная. К тому же повезло – сразу отправили в Сочи: за Олегом приглядывать. Ну, и самой прошвырнуться, естественно...

Вернулась, однако, недовольная. Сами, девочки, рассудите.

Думала в Сочи отдохну, но не вышло. Уже год спать не могу. Каждую ночь Маша снится. Мы с ней на Кольском руднике работали. Из поселка в карьер пешком ходили. И был там один шофер, веселый и бесшабашный. Шутка у него была такая - давить девчат бензовозом. То грязью обрызгает, то в лужу загонит. Мы визжим, а он доволен. Ну вот. Шли мы с Машей однажды утром, а навстречу Ваня и на полном ходу на нас. Загнал меня на сопку. Маша тоже отскочила, но обернулась и что-то закричала. Шланг от бензовоза ее зацепил и под колеса. Тормознул он,

вышел. Я ему: «Идиот! Кретин! Что ты наделал?!». Достали мы её, посадили в кабину, отвезли в поселок. Да что? Уже не дышит. Схоронили в Мурманске. А дело замяли. Автоколонна была коммунистического труда, и вообще многим грозили неприятности. На суде только я и выступала. Никто связываться не хотел. Его оправдали.

И вот теперь каждую ночь она мне снится. Садится в гробу и говорит: «Зачем не одели вы мне коричневые туфельки? Мне так их хотелось!»

А мы надели её лучшие туфли по 30 рублей. Коричневые – те за 15. Но, видно, они ей больше нравились. Мне не сказала. На Севере знаете как: дождь, снег. Тем более - весной. Она их почти не носила, вот я и не знала. Вообще-то я в морг обе пары принесла: какие подойдут. Ну и одели чёрные. Я ведь не знала, что они ей меньше нравятся.

И вот она мне каждую ночь снится.

Я уж эти туфли её родителям в Мурманск отослала – пусть на могилку положат.

Не помогло.

Каждую ночь снится...

Письмо

Сегодня тетя Лида, приходящая домработница Кирстенов, встала рано: тащиться через пол-Клязьмы, будить барчука в школу. Она уже закрывала за собой калитку, когда к ней подошла почтальёнша, протянула письмо и потребовала 3 рубля за марку. Пришлось возвращаться назад, брать деньги и расплачиваться. Только потом она посмотрела на конверт. Конверт был сложен военным треугольником, хотя Эва! война, почитай, четыре года, как кончилась. Марки не было, что уже странно, но удивительней был адрес: Московская обл., пос. Клязьма, Лиде. Ни улицы, ни номера дома, ни фамилии. К тому же Лиде! А сколько лет все её кличут Лидией Ивановной?!

Письмо, тем не менее, дошло. В том, что оно именно ей, она не сомневалась. Хотя подчерк был незнакомым.

Читать она сразу не стала – пошла, куда шла.

Растолкав Олега, накормив и снарядив его в школу, она, нарубив дров и принеся ведро угля, села растапливать печь. И только когда печь добродушно загудела, распечатала конверт и стала медленно, по складам, читать.

Здравствуйте доч Лида и зять Володя и внучичка Наташа каторая я ищо ниведал. Разрешите Вас поздравить сновым Годом сновым счастьем и самое главное сновым хорошим здоровьем. Лида я ждал от вас хотябы написалабы нам письмо. Но я не мог дожидаться. Я прошу вас с Володей приедте к нам во Льгов в гости к Новому Году. Мы теперь живем здесь в городе Льгове. Мой дом рядом с вакзалом.

Дочичка Лида я низнаю почему ты нанас абидилась и миня нипризнаешь за отца. Я нивчом нивяноват что наши жызня так создалась что тибя забрала тетя Шура и так внушила тибе чтобы звала миня дядя а ни папа. Я приезжал к вам Москву и хател тибя забрать, но Шура рассоветовала. Говорит люди едут в Город а ты бирешь в деревню. Мне тебя жаль, что выросла у тети Шуры. Когда балела твоя мама, она все это говорила чтобы я отдал тебя тети Шуре. Было очень трудно жить нам одним без матери.

Доч Лида я ищо работаю стал уже старый напенсии. Мне 69 лет скоро умерать. Приятно мне с вами повидаться. Мы вас встретим и проводим.

Привет зятю Володе и внучечке Наташы и теты Шуры.

Жду отвас ответа.

Перепелкин, Иван Фомич

Лидия Ивановна прочла письмо, немного посидела, взглядываясь в наступающее утро, затем ещё раз прочла. Потом открыла дверцу печи и бросила туда письмо. Бумага вспыхнула, вспорхнула и улетела в трубу.

Плохая специальность

Я гостил на даче у знакомого. В одной из комнат местный мужик складывал печь. Мы разговорились. "Я профессор из Москвы, радиохимик". Мужик некоторое время обдумывал ситуацию, потом сказал, вздохнув: "Да, плохо в наше время без специальности!"

Постепенные реформы

После развала соц. лагеря все бросились в перестройку. Но каждый выгробал, как мог. Некоторые страны сразу перестроились, другие (чтобы, не дай бог, не вызвать народные бунты и не расстроить коммунистических функционеров) растянули удовольствие на десятилетия.

Здесь возможна аналогия.

Представим себе, что дурное правительство одной страны или одно правительство дурной страны (выбирайте сами) приняло решение на переход с левостороннего на правостороннее движение автотранспорта. Но, опасаясь мощной оппозиции, стала действовать постепенно: в первые месяцы правостороннее движение было введено только для грузовиков и автобусов.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Эффект потрясающий!
Именно такой у нас и вышел...

Свободу людоедам!

Некоторые полагают, что такие понятия, как свобода, равенство, братство (ну и демократия в купе с либерализмом, естественно) имеют абсолютное значение и могут быть внедрены в любое общество.

Но что такое свобода в обществе людоедов, как не свобода кушать ближнего с удвоенной энергией?!

Жил был поп

Клязьминский поп Никон был забойный мужик. Голосом стаканы бил. Как дьякон у Толстого. Интересно, что тонкие круглые не колются, а толстые, граненные – запросто. Берет в руку и басит, как в микрофон:

– Господи помилуй!

Негромко вроде, а стакана нет.

Бывало стою с отцом в церкви на поминках, держу в руке свечу, воск стекает, руку жжет. Поп, шествуя мимо, не прекращая службы:

– Свечу наклониинииии

Хор вторит. Служка шепотом:

– Покойник распух, крышка не закрывается!

Поп во весь могучий голос:

– Хуууй сыым!

Хор:

– Аллиллуйя! Аллиллуйя!

Выпить тоже не дурак. Однажды перебрал, упал в могилу и лежит. Бабы сверху

– Вылезай, батюшка!

А из могилки:

– Ему не к спеху, а я отдохну.

Оскорбление личности (за гуманизм!)

Работали мы монтажниками и гоняли нас по всей стране. Холод в теплушках страшный. Все в куцых телогрейках маются, один Начальник в тулупе до пят. Ребята тёртые попались, решили подшутить. На остановке Начальник по большой нужде под вагон лезет. Только кончил, как ребята шахтеркой, раз!, и выкинули все, что он наделал. Начальник вылезает и, естественно, на результат смотрит. А его нету. Он туда-сюда. Нет! Полы тулупа поднимает, осматривает тщательно. Ничего нет.

Ребята по всей дороге предупредили, и розыгрыш продолжался. На станции все бегут греться. Ну и Начальник, конечно. Только войдёт, кто-то носом тянет: "Граждане! Что-то не то! Откуда воню пахнуло? Начальник тихо выходит, вновь тулуп осматривает. Замерз окончательно, озлился. Даже в суд подал. Судья признал нас виновными и оштрафовал.

По статье: за оскорбление личности...

Сказать правду?

Я как-то в театр попал. Он сам к нам приехал. В Старые Черёмушки. Стоим мы раз на остановке. Той, что между керамическим заводом и реактором. Ну, рядом с институтом по глистам. Поддали, естественно. Соображаем: по домам, или ещё по маленькой? А трамваи полные, трезвым не влезть. Смотрим: изредка из них вываливают кадры. Одни тёлки в штанах, метут грязь клёшами, другие – в пальто до пят. На прорезь смотришь: что там? А там сапоги выше колен и более ничего, пиписька прикрыта и ладно. Выйдут, оглянутся и на завод к клубу тянутся. "Эге! – говорит Вася, – Иностранцы!" Мы за ними. Они в клуб и мы туда. Билеты купили, все чин чином. Разделись, по фойе гуляем. Там лозунг: "Искусство принадлежит народу". Ну: конечно, и я – народ, и они – народ и даже Вася, хоть он и слесарь, все равно – народ. А народ (тот, что фойе заполнил) частично уже в уголке скопился вокруг хипового Ломоносова с гитарой. Поют (порусски, между прочим). А песни всё хорошие: про тайгу, тундру, горы. Как с их помощью из подонков людей делать. Что-то типа:

Люди идут по свету

Им вроде немного надо

Была бы крепка палатка

Да был бы не скучен путь

– Была бы квартирка лучше! – пропел Васька, как всегда всё опошлив.

Не для него народное искусство...

А народу всё прибывает и прибывает. И что удивительно: все друг друга знают. Как на семейном вечере. Нам (хоть мы и тутошние) даже как-то неуютно стало: не с кем словом перекинуться, буфета нет, с собой не взяли. Ходим – плакаты смотрим. "Свободу Чили!"

– Во! – сказал Васька, – и меня Гондурас беспокоит. Чили – это где? Если в Австралии, то там завсегда со свободой плохо.

Наконец, народ в зал потянулся. Рассаживается, стульями хлопает. Передние газетками для друзей позанимали. Ну да ничего, нам очков не надо. Кое-как устроились сзади (стулья тут скрипучие, шевельнуться нельзя), сцену рассматриваем. Занавеса нет. Новаторство! По краям кресты прибиты, на них пиджак наброшен. Символ, конечно. Кого-то распяли.

Действие началось само собой. Подождав, пока отпоют девицы, появился Сам: парень с брюхом и лысиной на темечке.

– Сказать правду? – кинул он в зал. Зал испуганно заёрзал.

– Сказать и умереть...

И пошёл. Монолог минут на тридцать. Всё как-то слилось, только угрозы ляпнуть правду и выделялись.

А Вася оживился:

– Давай! – шепчет, давай, Лохматый, скажи им правду. Пусть знают, иностранцы – засранцы. Врежь, как следует, по-рабочему. Разгулялись дармоеды.

Но Лохматый свалил, появились девицы, одна – в роли мужчины, зато другая – в купальнике. Они швырялись тарелками и в кого попадали – тот начинал говорить. Впрочем, часто промахивались. И пошло и поехало. Что-то из французско-японской жизни. Точно не скажу: не понял. Действие нарастало, актёры входили в раж. Один так хрястнул топором по полу, что потом вдвоём выдирали обратно. Дюжие мужики громоздили огромные кубы, изредка роняя их в зал. Хорошо – мы в двадцатом ряду сидели – нас не достали.

– Во дают, во дают! – восхищался Вася, буйно сопереживая. На него шикали, одергивали

– Здесь не хлопают, – увещевали его по-хорошему.

Но куда там! И когда здоровенный детина в кирзе сиганул на рояль, пробежался по клавиатуре и заплясал канкан на крышке, Вася потерял контроль.

– Bravo! Bravo! Бис!! – голос его затих в фойе, куда отволокли его энергичные зрители.

А действие развивалось. Вот тапёр жалеет, что жизни не вышло, а профессор, что – удалась. Жаль того и другого. Куда ни кинь, всюду клин. Актеры старались. Было видно, но не слышно, а если слышно, то невнятно, а если внятно, то непонятно.

– Какой энтузиазм, – шептал сидевший передо мной очкарик, – настоящая СИСТЕМА.

– Причём здесь Станиславский? Это Брехт! Видите – маски!

Действительно, Лохматый уже намазался чем-то белым и снова надирался: Сказать правду?

Его не слушали.

Он закатил монолог, блистая пыльным задом.

– Какая пластика! – шептали вокруг.

Тут он уронил котлету, поднял, повертел и бросил обратно в кастрюлю. Зал задрожал, пронизанный символизмом. Монолог продолжался. Пляска света отбрасывала чудовищные тени. Это один из осветителей – пигалица – пыталась повернуть прожектор. Ее коллега светил и на сцену и себе на текст роли. Универсал!

– Сказать правду? – всё приставал Лохматый.

Но он уже был не один – появились феи. Сначала одна, потом другая, третья. Наконец, одна плюхнулась поперёк сцены и закатила истерику. Пыль столбом.

– Ну, сейчас встанет, вот видок будет! – затаил я дыхание.

Встала и ничего. Ни одной пылинки. Вот, что значит владеть телом! Её окружили ведьмы. Они что-то кричали, мяукали, а порой сладострастно визжали. Примадонна завертелась в снежной вьюге. Девицы с вениками двинулись на неё, искренне желая сбросить со сцены.

...Под хороший апрельский вальс покидали мы клуб. Кто хлопал в ладоши, кто убирал аппаратуру, кто скидывался по рублику (кто – на пьянку, кто – в пользу Чили), а я медленно пробирался к выходу.

Так и не сказал Лохматый правду!

Структурная лингвистика

Филологическая проблема: известно, что испанское ХОДИДО переводится, как разъебай. А как перевести на русский более широко распространенный ГРАН ХОДИДО? Можно ли в живой русской речи пользоваться определением большой гранходидо??

Новые города

Возможен ли в России город Рабинович, с площадью Бермана и с памятником Абрамовичу на ней?

Куплю печку!

Одно время мы работали в Клязьме. Как-то смотрим – объявление: Продаем участок и дом с печкой. Кастыль начертал на нем: Куплю печку. Объявление сняли, но потом повесили снова. С тем же текстом. Кастыль вновь подтвердил свое предложение. Так они игрались с месяц. Наконец, появилось объявление: Продам дом.

– А печку?? – написал Кастыль.

Восьмой ребёнок

Неля – разговор особый! Нелька – она из интересной семьи. Ее родители – старые большевики. У них как получилось? Сначала они вместе воевали в 19-ом году. Потом пораскидала их гражданская. Прошли годы и через 20 лет они встретились в Москве на каком-то юбилее. У него уже было четыре сына, у нее – три дочери. Они сразу сошлись, бросили своих супругов, забрали дочерей, так что никого не утрудили, и уехали в Нижний жить вместе. А Нелька – их восьмой, единственно общий ребёнок. Самый любимый, естественно. Живут в хрущевской трехкомнатной квартире. Ничего, помещаются.

Воспитанием Нели они мало занимались. Некогда. Всё время – на общественной работе.

Дурной сон

Ой, девочки, какой мне сон приснился! Будто в гости пришла Светка Соловьева и гуляет по комнате вся голая, а мой мужик её ласкает. Проснулась и ну Петьку дубасить! Тот со сна ворчит: "Дура! Какой же мужик от бабы откажется?!"

Вдрызг разругались. Надо же, сволочь какая!

Доверчивость

Бывало идём с родителями по лесу. Канючу: "Мам! Посидим, я устала! А она мне: "Мы с папой медленно идём, беги вперёд, сиди там, пока мы подойдем, вот и отдохнешь". И я, как угорелая, бежала вперёд.

С тех пор так и бегаю: меня легко подначить. Доверчивая я.

Клинический случай

Студенткой я подрабатывала в горьковской больнице, в хирургическом отделении. В тот год Пасха совпала с Первомаем, и всю ночь везли раненных и битых. Так что хирург с ног валился. К утру выдалась передышка и он прилёг. Тут снизу прибегают: "Давай хирурга!" Я, было, запротестовала, да куда там. Пришлось будить.

Через некоторое время возвращается веселый.

– Спустись, полюбуйся.

Пошла вниз. Смотрю сидит какая-то женщина в цветастом халате, а рядом с ней то ли мужик, то ли баба – не поймешь кто. Обошла кругом, пригляделась – всё же мужик, но с горшком на голове! Выпили, повздорили. Жена ему детский горшок на голову и одела. Да так прочно, что никакими силами не стянешь.

А хирург? Причём здесь хирург? Он их к слесарю послал: пусть пилит.

Интеллигент

Из нашего общежития девочки постепенно переселяются в собственные квартиры. Однако много ещё осталось. Вася как-то болезненно это переживал. Однажды он пришёл и начал расхваливать своего приятеля. Какой он интеллигентный, обаятельный и умный.

– Приводи, – согласились мы.

На восьмое марта Вася привёл Интеллигента. Метр с кепкой. И с ранней лысиной. Двух слов связать не может, но что пошляк – сразу видно. Он последовательно стал приставать к каждой из нас. Я его как-то лениво отшила. Он занялся Машей – девушкой спокойной и невозмутимой. Танцуют они, танцуют. Он ей что-то шепчет на ушко. Вдруг Маша остановилась, взяла Интеллигента за руку и повела к двери. Поставила уже изрядно поддавшего товарища на порог, раскрыла дверь, чуть отошла, высоко задрала свою длинную праздничную юбку и ударом под зад вышвырнула из квартиры.

На лестнице раздался звон костей.

Вася сильно огорчился.

– Дуры вы закостенелые, – сказал он и ушёл, хлопнув дверью.

Одесса

а) Вас здесь не стояло!

б) К прилавку подходит интеллигентная старушка. По виду – бывшая учительница.

– Почём рыба!

– Десять рублей.

– И вы довольны своим ответом?!

в) За прилавком пышная хохлушка. Торгует большими красными яблоками.

Покупательница осматривает товар.

– Почём ваши гнилые?

– У-у-у!

г) На Соборке два пикейных жилета обсуждают актуальные проблемы быстротекущей реальности.

Один вздыхает: «Ох-хо-хо...»

Другой: «Ты мне будешь рассказывать...»

Объективные законы

В искусстве законы более жёсткие, чем в науке. Отклонения в законе, скажем, Ома всегда найти можно. Нет проблем! А законы гармонии не знают исключений.

Основной закон гармонии: кончай, чем начал. Если, скажем, в музыке твоей первой оказалась нота «ре», то и кончить ты должен на ноте «ре». В середине – пиши, что хочешь, хоть вальс, хоть марш хоть симфонию, но кончишь на ноте «ре»! Тут нет свободы...

Вот так и в жизни: кончай, чем начал.

Рондо, называется.

Арык

В Москве ещё была зима, а в Алма-Ате цвели вишни, журчали ручьи. Тепло! Женщины одеты в лёгкие платья. Вот мать и дочь приоделись, и спешат в театр. На девочке широкое с оборками платье, на голове – огромный бант. На минуту она задержалась. По полноводному, но узкому арыку, заключенному в бетонное ложе, плыл спущенный с горы кораблик под парусами. Девочка остановилась и наклонилась в попытке поймать его. Однако поскользнулась и рухнула в арык. Поток подхватил её и понес вперед ногами. Я бросился следом. С трудом, но догнал и выхватил из воды.

Жалкое зрелище! В грязи, в тине, платье обвисло, бант потерялся. На полных парах к нам стремилась вся в ярости мамаша.

Как всё же быстро и необратимо гибнут наши мечты!

Арбуз

Сейчас я равнодушен к арбузам и даже насторожен: уж больно все они одинаково красные – не иначе, как нашпигованы нитратами. А раньше! Впервые я увидел арбуз в возрасте 8 лет в туберкулезном санатории в Анапе. Его давали на обед, как сладкое. Для детей войны это было чудо. Пусть даже и малость зелёное. Всё равно чудо!

Но теперь при виде арбуза у меня неприятное чувство.

Дело было на Камчатке. Пошёл на местный рынок. Хрущевские времена. Достаточно голодные, если кто помнит. Но базар был людный: рыбы, крабов – навалом. Толпа месила грязь, ворота нос от даров моря и ища что-нибудь такое... И такое было: прямо верхом на прилавке сидел кавказец и продавал арбузы. Бог весть, как они могли попасть сюда и что они перенесли по дороге. Тем не менее, это были настоящие арбузы! Кавказец резал их виртуозно. Огромным ножом он срезал слой за слоем. Эти прозрачные ломтики толщиной в картон стоили баснословные деньги. Мало кто мог позволить себе или ребёнку такую роскошь. Пацану повезло, отец вздохнул, достал пачку рублей и рассчитался. Парень, светясь радостью, взял ломтик наклонил его горизонтально и тут! Ломтик обломился прямо у корки, рухнул в грязь и исчез под чьем-то неосторожным сапогом.

Вот тут-то я и увидел что такое настоящее горе. Как краток миг между мечтой и крушением. И как выглядит смертная тоска во взгляде.

Обсерватория

Чуть слышно шумел мотор и щель в куполе медленно сканировала небо. Собственно, смотреть было не на что. Плотные тучи низко повисли над городом. Для ноября было слишком холодно, но уходить не хотелось. Сейчас только здесь можно укрыться от праздничного банкета. Тишина располагала на философский лад.

Отсюда, с Ленинских гор хорошо видна огромная чаша Москвы. Беспредельное пространство азиатского города, поразившее некогда Наполеона, было, несмотря на праздник, почти черно. Светились только ленты проспектов, да коробки повышенной этажности. Купол повернулся ещё на некоторый угол, и в чёрном его просвете засветились звезды Кремля.

Пятьдесят лет назад, почти с этого же места, в полевой бинокль рассматривал двуглавые орлы Штернберг. В утренней дымке они смотрелись призрачно и нереально. Недолго им осталось висеть. Приближался тот момент, к которому так долго готовились и о котором столько мечтали в тюрмах, да ссылки. Династия Романовых кончилась, но дворянские, купеческие сынки, да

буржуи-юнкера – все эти заносчивые бездари – пытались удержать власть. Врёшь! Не видать вам её. Народ поднялся, теперь всё, теперь топиться в море, господа хорошие. Пусть мои друзья-коллеги, интеллигенты паршивые, «дерьмо нации», сидят по служебным квартирам и морщатся брезгливо. Если так пойдёт, то, пожалуй, профессора, все эти крысы науки, далекие от жизни, не будут подавать руки. Чёрт с ними! Применим наши знания в политике. Интеллигенция поможет народу.

Красногвардейцы заканчивали возню с пушками. Небольшие полосатые орудия, казалось, сами готовы прыгнуть с крутого откоса в город. Несложные расчёты (не даром он астроном-математик). Пора. Огонь! Разрывы за клубились на территории Кремля. Осколки кирпичей брызнули в разные стороны, поражая защитников. Закачалась Спасская башня. Куранты в последний раз пропели «Боже царя храни» и вылетели с насиженного места. Пли! Кремль, творение Ивана III, итальянских зодчих и бесчисленных поколений россиян превращался в груды развалин.

На другом конце города, с Лефортовской колокольни, за Кремлём следил мой отец. Он хорошо видел, как маленькие фигурки, перебегая, приближались к Никольским воротам. Очевидно, Кремль долго не продержится. Он, несомненно падёт, восставшие ворвутся во внутрь, тогда можно будет дать залп. Стволы тяжёлых крепостных орудий, смотрели в небо. Батарея готова к бою и ждёт команды. Его команды. Один залп и не будет ни Кремля, ни Московской Думы, ни дворянского собрания. Лишь храм Христа Спасителя, возможно, устоит. Один залп и с большевиками покончено. Сейчас защищает Кремль Сергей Краснов, с которым проучились все годы в одной группе, Дмитрий Мещерский, с которым два года вместе воевали и только что вернулись с фронта отдохнуть. Да и остальные – один к одному, дворяне, цвет нации. Им всем конец. Но взбунтовавшая чернь, ослепленная дурными посулами, дорого заплатит. Открыть фронт немцам, сдать Россию, кухарку – к власти?! Ну, нет! Посмотрим кто кого. Страшен русский бунт, но и конец его известен.

По полювому телефону требовали координат. Барон Бекман тщательно осматривал город, выбирая объект для каждого орудия. Прекрасный город лежал перед ним. Баррикады, дымки оружейной стрельбы, разрывы снарядов и даже отдельные пожары не затронули этой красоты. Безумные варвары и немецкие диверсанты смогли поднять руку на этот город. Лупят из своих рахитичных пущёнок. Один снаряд и их не станет. Место очистится. Один сюда, один туда. Как мало и как много!

Что делать, если он родился и вырос в этой застывшей музыке? Если ходил по этим переулкам в гимназию, целовался с подружкой на колокольне Ивана Великого, митинговал на Моховой. И теперь самому разрушить этот мир? Превратить в пыль крепостные стены, белокаменные соборы, фрески Рублева, спалить книги-рукописи и много, много еще чего?

Медленно, понуро спускался он по винтовой лестнице. Лезли в голову тяжёлые мысли о бегстве, вечном страхе, о жалком существовании мелкого служащего. Жить ещё долго, но жизнь кончилась тотчас, как не дал команды: “Пли!” Короткой команды.

Портрет Штернберга, висевший на стене Института его имени, чуть иронически улыбался. Казалось, он слышал слова, сказанные мне состарившимся отцом: Войны, революции приходят и уходят, жизнь слабо, но меняется, лишь овеществленный гений человека остаётся неизменным.

Кладбище Мечты

Так получилось, что я часто бывал в командировках. В том числе, в таких городах и населённых пунктах, как Маркс, Энгельс, Мечта, Милая. Эти названия всегда были у нас предметом шуток.

- Привет марксистам, – говорили мы, встретив жителя города Маркса. Или:
- Здорово, мечтатели – это уже в поселке Мечта.

Много было у меня друзей в этих городах. Увы, часть их теперь перебралась на кладбища, где я их и посещаю. Марксистское кладбище, милое кладбище и т.п.

А сам думаю «Хорошо быть похороненным на кладбище Мечты!»

Тяжкий труд теоретика

Говорят: «Работать, не рассуждая, легче, чем работать и рассуждать». Согласен. Многие занимаются наукой, не затрудняя себя рассуждениями. Главное – факты.

Работать и рассуждать, естественно, труднее. Теоретик и экспериментатор редко совмещаются в одном лице.

Вопрос: что труднее – работать, не рассуждая, или рассуждать, не работая?!

Мой опыт доказал – второе труднее. Причём намного. Не даром теоретики практически всегда – альпинисты да водолазы.

Проблемы систематики

Прискорбный факт непонимания женщин, я обнаружил в старшей группе детского сада. Мужиков понимаю, можно сказать – вижу насквозь, а женщин – нет. Хоть застрелись! В жизни я их встречал много, но отгадать, кто что хочет от меня и от жизни в целом не удалось ни разу.

Позднее мой друг, профессор-биолог, вывел концепцию, что мужчина и женщина – разные животные. Вот, кот и кошка, конечно, ведут себя по-разному, но любой скажет: кошачьи – семейство млекопитающих отряда хищных. Тоже: кобель и сука. Но с мужчиной и женщиной этого нет. Животные они разные.

Приятель попросил поискать примеры, я легко нашёл.

Где-то на втором курсе сидели мы на семинаре, скучали, играли в крестики-нолики, грызли науку. Звонок! Народ рванул в коридор, Инга впереди. За ней в след летит растрёпанный блокнот. Бросаюсь за ним, и, выбираясь из заклинившей парты, читаю:

Уломай меня на опасный секс. Расстели меня на кровати, чтоб я металась, чтобы ты видел, как я кончаю, как я схожу с ума. Уломай меня на опасный секс. И войди в меня, и заставь меня умирать, и жить, и любить, и знать, что сейчас близки мы, как никогда. И потом, возможно, закурив, смогу я тебе сказать, как ты был хорош. Или нет, скорее, я промолчу. Потому что в памяти будет свеж полукрик, застывший в моей груди, когда ты меня заставлял опять испытать блаженство, которым я упивалась, тихо сходя с ума. Уломай меня на опасный секс. Я хочу услышать, как ты рычишь, отдавая семя своё в меня. Я хочу увидеть твои зрачки, я хочу уйти с головою в них. Я хочу – и желание пусть моё разрушит последние острова, где остались благоразумия сны. Уломай меня на опасный секс. И пускай потом две недели буду я мрачна и все ждать тех симптомов, что так знакомы и так просты. И пускай потом я раскаюсь, хотя... Сомневаюсь я, чтобы каяться я смогла. Я хочу, чтобы ты жил мгновением тем, когда дрожь трясла нас, когда наш крик заглушал всё вокруг. И я хочу, чтобы ты точно так же, как я, знал, что нет ничего сильнее и прекрасней, чем наша страсть. Я хочу. Я хочу тебя.

Уломай меня на опасный секс!

Догнал Ингу, отдал блокнот. Идём, болтаем что-то псевдонаучное. Поравнялись с тиром. Дверь открыта. Подхватываю даму на руки, ногой захлопываю дверь, бросаю Ингу на мат, хватаюсь за застёжку на поясе.

Получаю сумкою (с книгами) по башке.

– С ума сошёл!!! Дурак!

– Так ты ж сама...

– Что сама?! Сама! Это ж мечта! Несбыточная! Сказано было: уломай! А ты как бык на корову. Тьфу на тебя!

Повертел я головой, сидя на мате.

За всё человечество не скажу.

Но с Ингой мы точно – животные разных семейств и видов...

Секс богов

Когда читаешь религиозные мифы, то задаешься вопросом: почему всемогущие боги занимались с земными дамами сексом в каком угодно виде, но только не в виде нормального мужика?

Бог-Отец явился в Деве Марии в виде Святого Духа. Не хотел нарушать её девственность? Но что от неё останется после родов?! Боялся ревности Иосифа? Хотел доставить даме приятное?

Индийская царица Майя, долгое время остававшаяся бездетной, зачала, увидев во сне белого слона, который вошел в её чрево. Рожденный ею принц Сиддхарта в возрасте семи лет заметил птицу, схватившую земляного червя. «Увы, неужели все живые существа убивают друг друга?» – подумал принц. С этого момента началось его духовное просвещение и превращение в Будду. Прекрасно! Именно так и становятся экологами. Но почему Майе приснился слон, а не прекрасный юноша. Откуда эти фантазии со слонем во влагилице?!

Неутомимый Зевс являлся дамам в облике то быка, то лебедя, то золотого дождя. Ему что – трудно было принять облик Геракла или какого другого мужика? Он сам был извращенцем, или удовлетворял девичьи мечты? Ну, положим, в плане добычи подруги и её умыкания в этом какой-то смысл есть. Так к Данайе в виде дождя он явился правильно, иначе в её медную башню не проникнешь. Но зачем в виде золотых монет, а не как вода родниковая? Что это за новации в сексе?! Даме, однако, понравилось, родила Персея, который потом уколошил собственного дедушку, аргосского царя Акрисия. По нечаянности, правда. Под видом быка было удобнее плыть с Европой на Крит? Допустим! Но когда дело дошло до постели, почему он не стал человеком? Ведь в результате всё равно человек родился – Минос – царь Кноса, создатель могущественной морской державы. Этот Минос – легендарный правитель, первый на Крите законодатель и что? Жена его вступила в половую связь со священным быком бога Посейдона (коровой себя почувствовала?) и родила Минотавра. Минос не растерялся, заключил этого полубыка-

получеловека в лабиринт и обязал Афины доставлять для его кормления по семь девушек и юношей (этот полубык – хищником оказался?). Так это и продолжалось пока Тесей не убил Минотавра. Но зачем Зевс явился к законной жене спартанского царя Тиндарея в виде Лебеда? И почему Леда не возражала, а родила затем Елену? Ту самую Прекрасную Елену – жену юного царя Спарты Менелая, которую похитил Парис (наконец, нашёлся кто-то в мужском обличье!), из-за чего и началась Троянская война.

Дальше всех пошёл скандинавский бог Локи, который, превратившись в кобылу, сам себе родил замечательного жеребца!

А почему героев вскармливают грудным молоком не родившие их матери, а чёрте кто? Зевса – коза, Ромула и Рема – волчица. Лучшим воспитателем детей стал кентавр Херон.

На эти вопросы наши философы отвечают: всё просто, тотемная стадия развития, культ природы, мифологическая эволюция божеств. Вот и вполне человекообразным богам приходилось – явная дань тотемизму – превращаться в животных, чтобы зачать полубога или героя. То есть жрецы, древние философы и поэты шли на всякие выдумки, чтобы совместить духовный мир человека с окружающей его природной средой. А не слишком ли много берут на себя эти толкователи в своем мужском эгоизме? Не являются ли все эти мифы просто облагороженной мечтой женщин о зверином или нестандартном сексе? О сексе – без границ и без правил? О сексе на лоне природы и с самой природой? Не говоря уж о сексе с золотом или духом....

Жертвоприношение

Финикийские боги имели свирепый вид и жестокий характер. Они требовали жертв и в этом вопросе не шли ни на какие уступки. Наиболее действенным и надёжным средством задобрить богов были человеческие жертвоприношения. И не только каких-то там животных. Жертвовалось то, что всего дороже: первенцы, дети. (Особенно жестокие жертвоприношения детей совершались в честь солнечного божества Мелека, олицетворяющего собою губительный летний зной). При очень большой опасности обыкновенно приносился в жертву член общины, занимающий видное положение. Человеческой жертвой – самым красивым пленником – выражалась благодарность за оказанную помощь. Главным двигателем, заставляющим человека приноситься богам человеческие жертвы, является, с одной стороны, чувство зависимости от могущественных и страшных божеств, с другой стороны – чрезвычайная, безграничная преданность божеству.

Но в обычных, некритических ситуациях царствовала идея, что можно искупить свою виновность, принеся вместо жизни часть своего тела. Вместо воина – его член, вместо члена – крайнюю плоть. Сюда же относится обычай обстригать себе в честь богов волосы на голове и приносить их в жертву взамен собственной жизни: по воззрению семитов в волосах сокрыта жизненная сила, так же как в крови – душа. Отсюда – такие обычаи, как бритые головы и обрезание.

Богов солнца было несколько. Адонис (Адон, т.е. господь) был богом весеннего солнца и богом плодородия. Естественно, он периодически умирал. В культе Адониса лежит любовь чудно-прекрасного юного бога к богине любви, его внезапная смерть и печаль безутешной богини (Астарты) об этой потере. Главным местом совершения культа финикийского Адониса был остров Кипр. Ежегодно в день его смерти (Адон был смертельно ранен кабаном) происходил праздник Адониса, сопровождаемый оргиями в честь его. В знак печали женщины приносили в жертву богине свои волосы и/или свое целомудрие (видно было, что терять, раз такая глобальная жертва!). Плату же, полученную за это от чужеземных посетителей праздника, отдавали в дар богине Астарте. По окончании траура, с радостным торжеством, праздновалось воскресение Адониса. Адон есть весенний бог, который, с исчезновением весенней красоты, скоро умирает от действия знойного летнего солнца; кабан и служит олицетворением этого внезапно наступающего летнего зноя, а садики Адониса служат наглядным выражением быстрого увядания.

В тесной связи с культом Адониса находился культ Астарты. Истар-Астарта – богиня чувственной любви, материнства производительной силы и плодородия. (Астральное божество, олицетворение планеты Венера). Имя ее принято толковать, как «Пышная». Символически она изображалась в виде коровы, с полной луной между рогами. Поклонение ей происходило на зеленых холмах и в священных рощах. Служение ей отличалось уникальной безнравственностью (Вот бы поучаствовать!).

Шлягер

Всегда хочется сотворить нетленку. Что-то типа «Войны и мира», Героической симфонии, Последнего дня Помпеи или открытия радиоактивности. Это – вершины. Но на вершины хорошо смотреть издали, жить при них не уютно. Часто ли вы напевае куски симфоний, или что-то подобное? Сосчитайте песни, в которых Вы знаете три куплета. Две-три набралось? Это хорошо! А вот какую песню Вы в силах спеть целиком, с начала до конца, и не только Вы сами, но и ваши

дедушка-бабушка, внучка-правнучка и все приятели-подруги, буквально все россияне, без исключения? Не знаете?!

Знаете! Это – «В лесу родилась елочка». А! Вспомнили? То-то и оно...

Гениальный примитив! Примитив (ни в музыке, ни в тексте ничего ценного нет), но гениальный (знают же все поголовно, значит, чем-то цепляет). Гениальный, но примитив.

Кто дал русскому народу его песню? Иван Иванович Иванов из Владимира? Нет! Леонид Карлович Бекман (мой двоюродный дед, между прочим), немец, инженер, кандидат естественных наук. То, что немец запел про елку, понятно: украшение ели на Новый Год к нам пришло из Германии. Немецкий языческий обычай. Но как он нашёл мелодию России? Чем вмастил скивскому менталитету незатейливой песенкой? Ей 100 лет, а кажется – была всегда. И будет всегда, ибо бессмертна. Это сразу понял Рахманинов («Почему Вы так мало пишете», – спросил он как-то Бекмана).

И если первым словом нашего ребенка является «мама», то первой песней, конечно же, та, где – зимой и летом зеленеет ёлочка, лошадка везёт дровенки (что такое дровенки?) с мужичком, который срубил стройную красавицу (с экологией здесь как-то туго) и она в нарядном уборе придёт к нам на праздник.

Интересно: мужик занимался всю жизнь чем-то техническим, пахал, пахал, никто не ценил, а сочинил между делом (на слова неведомой учительницы младших классов, тоже немки, кстати) для своих малых дочек песенку – и остался в памяти потомков. Но помнит ли кто о нём? Нет, песня – народная, а у народных песен авторов не бывает. Тем более – немцев.

«В лесу родилась елочка», конечно, не одинока. «Варяг» (тётка-полька отличилась», «Ой, полным полно коробочка» (Некрасов), «Катюша» (Исаковский), «Очи чёрные» – все гениальные примитивы и народные песни, к тому же. Казалось бы, раз есть шедевр, любимый всеми во все времена, то и автор их должен быть известен и почитаем всеми во все времена (Мы говорим Гамлет, вспоминаем – Шекспир, хотя его как раз, похоже, никогда и не было). Но нет, чем круче примитив, тем меньше мы помним его автора...

Почему?!

Может плюнуть на химию физику, вместе с математикой и сочинить шлагер какой?

А то гены шевелятся....

Обрезание

Обрезание – обряд удаления крайней плоти полового органа у мальчиков (реже у девочек) – очень древний. Назначение его очевидно: замена жертвоприношения богам, составная часть инициации. Для здоровья и плодовитости, говорят, полезно. Не даром, ещё недавно в США повально обрезали всех мальчиков. В настоящее время обрезание сохранилось в ритуале иудаизма и ислама.

Но что интересно! Ритуалы обрезания у разных народов проводятся в разном возрасте и разными способами. Евреи обрезают младенцев (на восьмой день), а арабы – мальчиков 7–10 лет. Поэтому, по виду члена легко различить еврея, араба, американца или представителя какой-либо иной общины.

Так вот, когда испанцы проникли в Мексику, они обнаружили, что все мужчины-ацтеки – обрезаны. Но не просто обрезаны, а точно (вплоть до мельчайших нюансов), как евреи.

Правильно поют антисемиты и семиты: «Евреи, евреи, везде одни евреи».

Джордано Бруно

Особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать для того, чтобы он мог потом долго размышлять и многое понять.

Джордано Бруно.

В Чехии с именем Ян Амос Коменский встречаешься на каждом шагу. Академия Коменского, колей Коменского, пивная – т.п. Столбы и стены метро пестрят его портретами.

Коменский – знаменитый чешский педагог, учитель, просветитель, мыслитель, епископ евангелистской церкви (17 век). Правда, он в Чехии не жил и учил кого угодно (поляков, шведов, венгров, голландцев), только не чехов. Но это – другой вопрос. Книг он написал великое множество, в основном – по педагогике. Есть и на чешском. Одна «Путь к свету» чего стоит. Учил он учил, но никого не выучил. Был у него один ученик, да и тот предал. В конце жизни Ян Амос только с ним и боролся. Иных врагов у него не было...

Но я сейчас не об этом.

Просто хочу сказать, что быть в Чехии и не читать что-либо о Яне Коменском не возможно. Читал и я. И вот в одной книжке, посвященной Педагогу встретил некое отвлечение на Джордано Бруно. С какой стати автор вспомнил о нём – не ясно. Так, показал эрудицию. Он пишет:

«...С затаенным дыханием он (Коменский) слушал об открытиях астронома Вессалуса и о судьбе Джордано Бруно, который был сожжён на инквизиторском костре за то, что хотел открыть людям глаза на Вселенную. Телескопы подтверждали правоту этого учёного».

Какую правоту?!!

Хотел ли Бруно открыть людям глаза на Вселенную? Хотел! Но на какую Вселенную? У него были две навязчивые идеи: 1) На всех планетах существуют миры типа земного, т.е. растения, животные, люди. 2) Каждое общество имеет своего собственного бога. Обществ много и богов много.

Ну, и какой из этих тезисов подтвердили телескопы времен Коменского? Какую—такую правоту учёного Бруно обнаружили астрономы? Где???

Богов они видеть не могли, так что вторую идею откинем сразу. А лунатиков, марсиан, сатурнитян они видели??? Они, что, наблюдали строительство публичных домов на Венере, или променад по каналам Марса жигало – гондольеров с дамами?

Сомневаюсь как-то! Ничего эти астрономы-астрологи не видели в свою подзорные трубы. Ничего! И подтвердить правоту (точнее – завихренья мысли) Бруно никак не могли.

Хорошо! Тогда было тёмное средневековье, а сейчас наука подтвердила тезисы Дж. Бруно? Его идеи торжествуют? Не, ребята, все – наоборот. Опять же не берусь судить о богах (думаю всё же что Бог, если и есть, то – один), но никаких цивилизаций в безграничном Космосе не обнаружено. Вообще ни одной! Никаких следов разумного. Мы – в абсолютном одиночестве. И Бог один. Грустно, но факт....

А теперь представим, что Бруно не сожгли. Фанатик получил полную свободу проповеди. Он стал Великим Инквизитором, римским папой, императором. Объездил весь мир, добром и пытками, внедряя в сознание людей идеи множества цивилизаций, религий и богов. Появились многочисленные последователи, созданы священные ордена, пошли крестовые походы во славу лунатиков. Нерадивых гимназистов порют по субботам за неверное толкование Учения. Идеи стали всеобщими, народ уверовал в справедливость правды Бруно. Но! Появились диссиденты (всегда найдётся сволочь, думающая не так, как все). Вот уже над ними вершится суд, и они – идут на костры. А как же?! Одни – за свою правду, другие – за свою. Ура! Бунт подавлен! Удалось-таки открыть людям глаза на Вселенную.

Но! Не прошло и четырех веков, как человечество с удивлением узнало, что на Луне нет атмосферы, на Марсе – холодно, на Венере – жарко. И нигде – не то что цивилизаций, бактерий нет. Так, аминокислоты какие-то.

Богов тоже нет.

Представляете силу разочарования? Верили, верили этому Бруно, а он наврал с три короба и сгинул. Вот и вся правда... Никаких телескопов не надо...

Да, жаль мужика. Ни с того, ни с сего, повязали – и на костёр.

А, может, правильно сделали?!

Реформация

Говорят, что правильный выбор философии обеспечивает научно-технические достижения и процветание народов. Не знаю, не уверен. Материализм, скорее оказался тормозом, чем двигателем прогресса.

А вот правильный выбор религии, действительно оказывает первостепенное влияние на наше развитие. И правильно поставленное образование, кстати, то же.

Возьмем протестантизм. Перестав принимать труд в качестве «божьего наказания» и связав с личным трудовым успехом представление об избранности и спасении, Реформация открыла новый источник человеческой энергии и предприимчивости. Именно труд сделался одной из причин быстрого развития капитализма в протестантских странах, обеспечил успехи Англии, США, а затем и Германии в промышленном развитии и их преимущество по сравнению с католическими странами, которые однажды были вынуждены за ними последовать. Возникшая в рамках протестантской доктрины система воспитания и образования перестроила не только менталитет наций, принявших идеи Реформации, но и изменила весь ход исторического процесса.

Только один пример.

В 1860 году вспыхнула война между протестантской Пруссией и католической Австрией, тогда еще могущественной империей. Она закончилась быстрым и полным разгромом Австрии, который открыл путь к превращению Пруссии в Германскую империю. Когда генерал Мольтке, командующий прусской армией, докладывал о своих успехах королю Вильгельму, то Бисмарк произнес знаменитую фразу о том, что это не прусская армия победила австрийскую, а прусский учитель победил австрийского.

Старый канцлер был прав. За два столетия, которые прошли после Реформации и утверждения новой системы ценностей, благодаря прежде всего прусскому учителю изменился весь образ жизни народа: повысилась его целеустремленность, возросло чувство ответственности за мастерство во всех его проявлениях. Только теперь немец стал тем немцем, которого мы знаем – стойким и дисциплинированным мастером и солдатом.

Сейчас говорят, что Россию нельзя поднять без реанимации религии, понимая под ней православие. Но, если без религии ни как не обойтись, то, может, все рванем в лютеране.

С учётом мирового опыта...

Призрак единенья

Призрак бродит по Вселенной – призрак единенья. Призраки греческого единства мира восстали из гробов и бродят среди нас – раздробленных и разобщённых. Они призывают прекратить делить каждую встреченную систему на отдельные части с изучением этой части отдельно от целого. Хватит разбрасывать камни, пора собирать их в кучки и строить единое здание, будь то общество, наука, экономика или религия.

В Библии изложено отношение Бога к единению людей. Сначала он за нравственное падение человечества истребил людей, настав на них Всемирный Потоп. В живых оставил лишь благочестивого Ноя и его семью (жена, три сына: Сим, Хам и Иафет и жёны сыновей), которое перебрались на корабль (*ковчег — корабль без мачт*), построенный по проекту Всевышнего, и тем спаслись. Ной взял с собой по паре от каждого вида животных, живущих на земле. Так возникло первое (и, возможно, единственное) экологическое единение людей и зверей. Оно было вынужденным: потоп кончился и все разбежались. Потомки Ноя постепенно стали заселять землю. Иафет стал родоначальником северных народов, от Хама произошли народы Африки, а от Сима — семиты, жившие в Азии. Так возникли разные народы, говорящие на разных языках. Однажды семиты решили подстраховаться от всяких неожиданностей типа потопа, для чего в Вавилоне начали строить высочайшую башню. Столп должен был достигать неба. В принципе, небо — прочное твёрдое тело, но оно периодически прорывается, в результате идут дожди, кончающиеся наводнениями и потопами. Поэтому нужно добраться до неба, заштопать его и подпереть. Кроме того, башня прославит имя строителей и будет служить ориентиром для путников. Стоили они не из природных камней, как раньше, а из нового материала — кирпича из обожженной глины, изобретение технологии производства которого произвела революцию в строительном деле. Говорили они на разных языках, но у них был и общий язык общения, что и позволяло осуществлять коллективные мероприятия. Идея эта Богу не понравилась. По нескольким причинам. Где гарантия, что люди, взобравшись на небо, не натворят что-то непотребное в его собственном жилище? К тому же строители особой нравственностью не отличались: на этой стройке, когда с лесов падал кирпич, строители горевали, потому что новый нужно было сделать и тащить наверх. А когда срылся человек, никто не переживал: новый сам поднимался на стройплощадку. Если бы людям удалось достроить башню, это стало бы доказательством их силы. Тогда ничто уже не остановило бы их на пути к осуществлению любых намерений. А ведь они были язычниками, что исключало стремление познать Творца. Тогда как бы они поняли, что только Он один управляет вселенной? К тому же руководителем проекта был Нимрод (герой, воитель-охотник и царь, внук Хама, пытался сжечь Авраама (правнук Сима, родоначальник еврейского народа, первый пророк, предвестник единобожия) в печи) — личность темная, с далеко идущими помыслами: он хотел собрать под своей властью всё человечество. Однако, если этот царь Нимрод будет держать под контролем всё человечество, то не остается места для инакомыслящего. Куда диссиденту податься? Но самое главное — люди строили город и башню, чтобы не быть рассеянными по всей земле. Вот это уже криминал, ибо Бог ясно сказал: *"Наполняйте землю"*, т.е. расселяйтесь всюду. А вы решили собраться здесь в кучку? Не пойдёт! Бог наслал бурю, смешал языки и рассеял род человеческий. Всё — для блага людей, естественно. Он, правда, оговорился, что в будущем наказание за вавилонское столпотворение будет аннулировано, но при определённых условиях: *"Ибо тогда изменю Я язык народов и сделаю его чистым. Чтобы все призывали Имя Всевышнего, и служили Ему"*. Так что, если верить Библии, то человечество, изначально бывшее одной семьёй, может ей однажды снова стать.

Смешение языков, рассеяние народов, привело к созданию множества языков, культур, религий, сект, партий, наук и т.п., что, в принципе, хорошо. Но раз начавшись, дробление уже не могло остановиться. Частного стало столько, что невозможно понять, где общее. Пора нам заняться обратной задачей: восстановление общего из частного. Тем более, что и Бог сам это понял и давно имеет занятие вновь и вновь связывать рассыпающуюся Вселенную. Галактики разбегаются, но мир, в целом, не подчиняется законам термодинамики — тепловая смерть ему не грозит. Природа призывает нас к объединению всего и вся.

Очевидно, что, создание разных народов, стран, культур, расселение народов по всей Земле, явилось благом, спасло от застоя и упадка. Но! Теперь нам расселяться больше некуда (заселять водные просторы, земные недра, атмосферу и ближайший Космос Бог не требовал). И, вообще, развитие в сторону "дробности" слишком далеко зашло, пора, как сказал Сент-Экзюпери, связать рассыпанные пруттики "божественным узлом". Похоже, что наступило время поворота от центробежного к центростремительному. Попытки единения велись и ведутся. Это — глобализм в экономике, идея ноосферы (сфера разума — попытка объединения науки и религии), создание единой (глобальной) религии — религии личности и свободы, попытка формулировки в физике объединительной теории, описывающей все силы природы, разработка единого языка общения (*"ключ к всечеловеческому языку, потерянный в вавилонской башне, должен быть вновь искусственно выкован при помощи эсперанто"*, писал Жюль Верн).

<http://profbeckman.narod.ru/>

Пока существенных успехов ни в одном из этих направлений достигнуть не удалось. Проект культурного мира, как хора самостоятельных голосов не состоялся. Однако и нет экспериментальных доказательств, что это невозможно. Поэтому попытки продолжаются.

Уж больно дробление достало...

Занялся было я созданием междисциплинарных наук, т.е. попытался перекрыть пропасти, разделяющие современные классические науки и продвинуть разработку междисциплинарного мышления. Создал для этого Междисциплинарный университет профессора Бекмана <http://beckuniver.ucoz.ru/>.

Однако ничего из этого не вышло. Время ещё не пришло.

Призрак всё ещё бродит.

Пусть себе....

Холизм

*Целое это больше, чем сумма его частей
Аристотель «Метафизика»*

*Любая наука системна. Системность – это научный способ упрощать.
У. Эшби "Введение в кибернетику".*

Древние натурфилософы рассматривали мир, как единое целое. Это было правильно, но не практично. Науки стали возникать и развиваться только после вооружения естествоиспытателей аналитическим подходом. Нельзя объять необъятное, но можно расчленить это необъятное и изучить каждую часть в отдельности, т.е. провести анализ. Применение анализа называется редукцией, под которой понимают упрощение, сведение сложного к более простому, обозримому, более доступному для анализа и управления. Редуктивизм привёл к успеху, возникли науки: математика, физика, химия, биология.... Были решены конкретные проблемы, например, создана модель атома. Появился соблазн объяснения сложных явлений, основываясь на законах, полученных при изучении простых систем. Давайте сведём биологические явления к химическим и физическим законам, или социологически — к биологическим.

Дело, однако, не пошло. Прогресс застыл.

Учёные с удивлением обнаружили, что и природа и общество сложны, а механистическая картина мира, которой они так долго и с таким успехом придерживались, отражает лишь жёсткие причинно-следственные связи и линейный характер зависимостей. Между тем, в нас и вокруг нас царит детерминированный, динамический по своей природе, хаос, управляемый к тому же нелинейными законами. Мало изучить влияние внешних сил на сложные системы, отработать способы управления ими, но и следует сформулировать законы организации внутренней структуры этих систем, законы их самоорганизации, саморазвития и самоуправления.

Требования века заставляют перейти от анализа и редуктивизма к холизму, т.е. к философии цельности. Конечно, следует развивать междисциплинарные направления в науке, междисциплинарное образование и междисциплинарное мышление. Но этого мало! Объединение разных наук приводит к эффектам синергизма, т.е. к ситуациям, когда целое больше, чем простая сумма его частей. Следовательно, развитие наук следует вести в рамках синергетики, с учётом идей фрактальной геометрии (самоподобия), автоволновых процессов, случайностей и детерминированного хаоса.

Холизм (от *ἅλος Holos*, целое, всё, всего) — учение о целостности нашего мира, о том, что все его элементы, живая и неживая природа — связаны как части единой большой системы — Бога, Мира, Вселенной. Все свойства некоей системы, будь то (физическая, биологическая, химическая, социальная, экономическая, психическая, языковая или любая другая система.) не могут быть определены или объяснены по свойствам отдельных составных частей. Вместо этого, наоборот, система как целое, определяет способ поведения своих частей.

Идеи холизма появились давно ещё Аристотель в своей "Метафизике" утверждал, что целое больше, чем сумма его частей. Г.Гегель был последовательным холистом. К холистам можно отнести Г.В.Лейбница с его философской системой монадология. Но сам термин предложен Яном Смэтсом.

В первой половине 20-го века на юге Африки процветал один политик (бравый вояка, к тому же), который бы, наверное, сильно бы удивился, если кто-то назвал бы его философом (как сейчас делают все энциклопедии). Звали его Ян Смэтс (Jan Christiaan Smuts, 1870 – 1950). Довольно долго он был премьер-министром Южно-Африканского союза (того, что после 1961 года называют ЮАР). Командовал отрядами во время Англо-бурской войны (1899-1902) в Трансваале, был её активным участником, командовал крупным партизанским соединением буров. Во время Первой мировой войны он руководил армией Южной Африки против Германии, захватив Германскую Юго-Западную Африку. Успел побывать командующим британской армии в Восточной Африке. Во время второй мировой войны – британский фельдмаршал. Деятельность его, впрочем, распространялась не только на юг Африки, но и на весь мир – он, например, соавтор устава Лиги Наций (выдвинул идею мандатной системы). Расист, проводил активную политику апартеида. Тот ещё философ!

<http://profbeckman.narod.ru/>

– Ну и что? – спросите вы, – какое нам дело до африканских фашистов?! Своих что ли мало? Мы ведь вроде о философских аспектах размышляем ...

– А то, что он изобрёл холизм!

– Ну и что? К чему нам идеи доморощенного философа?

– Очень даже к чему! Возможно, скоро вся наука и все образование встанет на рельсы холизма. И покатысь шибко...

Объясняю!

В чем особенность нынешней цивилизации? В том, что её сотрясают многочисленные кризисы. В чем их фундаментальная причина? Как в чем?! – отвечают философы, – конечно в редуктивизме, в аналитическом подходе к действительности.

Вот те на! Мы анализу только что не молимся, а он, говорят, во всем виноват. Редукция – упрощение, сведение сложного к более простому, более доступному для анализа или решения. Она полагает, что сложные явления могут быть объяснены на основе законов, свойственных более простым системам. Сводя сложное к более простому, анализ игнорирует специфику более высоких уровней организации.

Древние натурфилософы анализ игнорировали – они рассматривали мир, как единое целое. Наивные люди! С таким мировоззрением науку не создашь. Поэтому 300 лет тому назад, ученые вооружились аналитическим подходом. Дело пошло! Новый подход показал свою эффективность при решении чуть ли не любых задач теории и практики. Так что повседневная жизнь каждого человека изменилась (говорят, в лучшую сторону). Но чем глубже внедряли аналитику, тем больше усиливались технические науки и хирели гуманитарные. А это уже не хорошо – равновесие между физиками и лириками нарушилось. В точные науки потекли финансовые и технические ресурсы, молодежь и т.п., т.е. включилась положительная обратная связь. Думать о смысле жизни стало некому. Технический прогресс рванул куда-то не туда. Вот и влетели в тупик. Начались кризисы: политические, экономические, экологические и т.п.

Тут-то и вспомнили о холизме. Холизм – философия цельности – философское учение, рассматривающее мир как результат творческой эволюции, которая направляется нематериальным «фактором цельности». Основоположник – Ян Смэтс, студентом написавший книгу "Эволюция личности", которую, правда, не опубликовал. Но в 1926 у него вышла книга "Холизм и эволюция". Когда Альберт Эйнштейн прочитал эту книгу, он сделал следующий прогноз: **в грядущем тысячелетии** холизм, – раньше или позже, – станет главной концепцией естествознания.

Но сначала – несколько слов о развитии идей редуктивизма в прошлом веке. Уже в начале 20-го века обнаружилось дурные последствия гуманитарно-технической асимметрии. Происходящий тогда пересмотр понятий «бог», «вера» («*Бог умер*», – заявил Ф. Ницше в конце 19-го века) привёл к пересмотру бытовой парадигмы. Распалась система связей. Целостную систему сменило хаотическое движение нескоррелированных элементов. Это нашло отражение в искусстве: возникли аналитические расчленяющие концепции кубизма. Человека попытались разложить на составные. части, на первичные элементарные формы. На аналитической стадии развития кубизма изображение предметов дробилось мелкими гранями. Человек, как индивидуальное существо перестал быть темой искусства.

Три столетия научной революции качественно изменили картину окружающего нас мира, привели к доминированию аналитического подхода во всех областях человеческой деятельности: науке, технике, искусстве, морали. Целостный, гармоничный мир исчез. Его место занял дисгармоничный и антигуманистический мир машин и техносферы. В середине 20-го века маятник пошел в обратную сторону. Развитие общей теории систем потребовало создания методологии рассмотрения сложных природных и общественных систем во всей их взаимосвязи. Началось движение от анализа к синтезу. В методологию науки вошел системный анализ, в котором важное место занял синтез. Синтез – соединение различных элементов объекта в единое целое (систему). Система – множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство. Системный подход – направление методологии научного познания, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем в целостности выявленных в нем многообразных типов связей. Новые тенденции отразились, кстати, и в живописи. Так, второй стадией кубизма явился синтетический кубизм, тяготеющий к гармоничным декоративно красочным композициям. Увы! Для понимания и тем более управления современными эволюционными процессами в природе и обществе одного системного подхода мало. Надежды сейчас возлагаются на развитие идей холизма, как философии цельности. А кто такой «фактор цельности» и как он связан с мыслящей оболочкой земли (ноосферой) покажет будущее.

Так или иначе, но мы еще не раз вспомним расистского фельдмаршала Яна Смэтса, давшего надежду на избавление от всевозможных кризисов и заложившего основу всего современного естествознания (и будущей системы образования, возможно).

Теперь несколько слов о частном случае холизма – синергетике.

Автором термина **синергетика** является Ричард Бакминстер Фуллер (*Richard Buckminster Fuller*; 1895-1983) — дизайнер, архитектор и изобретатель из США. Личность уникальная, не хуже Яна Смэтса. В своём роде, конечно... Например, не имея законченного образования, он в конце жизни получил множество почётных докторских научных степеней и полсотни международных премий. Основным его изобретением является лёгкий и прочный «геодезический купол» — пространственная стальная сетчатая оболочка из прямых стержней. Геодезические сферы (структуры из треугольных компонентов, покрывающих поверхность сферы) позволяют строить сферы практически неограниченных размеров. Он предложил идею "девятого неба", т.е. воздушного жилища, изготовленного из гигантских геодезических сфер, которые способны парить за счёт слегка нагретого воздуха. Такой шар поднимает существенную массу, что позволяет строить летающие мини-города с населением в несколько тысяч человек. Подобные «девятое небо» могли бы стоять на привязи, или быть свободно парящими, или мигрировать в зависимости от климатических условий. (Напомним, что новая аллотропная форма углерода была названа в честь Фуллера фуллереном). Информацию он рассматривал, как отрицательную энтропию. Фуллер опубликовал две книги: "Синергетика: исследование: исследование геометрии мышления" (в соавт. с Е. Эпплуайт, (1975) и "Синергетика 2: дальнейшие исследования геометрии мышления" ((в соавт. с Е. Эпплуайт, 1979), в которой высказана идея об упаковке шарами как основе организации пространства. Под синергетикой Фуллер имел ввиду геодезическую синергию, т.е. новую векторную геометрию, следствием которой и являются геодезические купола.

Определение термина «синергетика», близкое к современному пониманию (междисциплинарное научное направление, задачей которого является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем), ввёл немецкий физик-теоретик Герман Хакен в 1977 в своей книге «Тайны природы. Синергетика - учение о взаимодействии». Именно он считается основателем науки синергетика. Согласно Хакену синергетика относится к направлению универсализма, занимающего промежуточное место между редукционизмом и холизмом. Синергетика не сводит поведение системы ни к её поведению на микроскопическом уровне (редукционизм), ни к её макроскопическому поведению (холизм), она пытается понять, как устанавливается и функционирует связь между этими двумя уровнями. Это удается ей благодаря понятию параметров порядка и принципу подчинения.

Фуллер мечтал об эре "всеуспешного образования и обеспеченности человечества".
Мечтать не вредно!

Защитники России

Акерман, Бархман, Бертман, Берхман, Гартман, Глейцман, Горман, Зальцман, Кауфман, Кетерман, Кильдерман, Лохман, Нейман, Опперман, Остерман, Фельдман, Фолькман, Хошман, Цедельман, Циндельман, Циммерман, Ширман, Штегельман, Штегман; Штрэндман, Шулман

Как ты думаешь, дорогой читатель, что за список пред тобой? Захоронения на Востряковском кладбище? Жертвы Холокоста? Список депутатов израильского Кнессета? Нет, нет и нет! Ты не поверишь, но тут вообще ни одного еврея нет. А Остерман, так тот вообще граф. Не понял?! Тогда другой список:

Адамович, Андропов, Баятинский, Бауман, Белинский, Белингсгаузен, Бенкендорф, Бердяев, Бородин, Буковский, Булгаков, Вагнер, Вейсман, Вознесенский, Воинович, Войнич, Врангель, Гессе, Глинка, Гогель, Голенищев-Кутузов, Гофман, Дельвиц, Зиновьев, Казакевич, Калашников, Каменев, Качалов, Керн, Козловский, Корнилов, Корчагин, Кошка, Крыжановский, Крылов, Лермонтов, Макаренко, Малевич, Мичурин, Миткевич, Набоков, Некрасов, Павлов, Писарев, Плеханов, Потемкин (полковник), Пушкин, Ребиндер, Рихтер, Сахаров, Станиславский, Суворов (прапорщик), Сулов, Сухово-Кобылин, Остерман-Толстой, Третьяков, Тургенев, Тухачевский, Уваров, Ульянов, Ушаков, Фигнер, Хлебников, Поручик Хрущев, Чаплин, Чадаев, Чичерин, Шварц, Шемякин, Шмидт, Шуберт, Эмануэль, Янковский

Знаменитые деятели науки и культуры России и некоторых других стран? Нет! Это — однофамильцы. Просто дворяне. Суворов здесь — прапорщик, а Хрущёв — поручик. Толстой не просто Толстой, а Остерман-Толстой. Так как же эти два списка соогласовать? Кто и зачем объединил их в один? Теряешься в догадках? Тогда читай дальше:

Баумгартен, Беккер, Берг, Борграф, Бринкен, Будберг, Веймарн, Витгенштейн, Галлер, Гейденрейх, Гейс, Гельфрейх, Герштенцвейг, Гиммельштерн, Кипенау, Клейст, Клейнмихель, Кнобель, Корф, Крейц, Ламздорф, Ландингсгаузен; Левенштерн, Либштейн, Людвигсгаузен, Мантейфель, Мейендорф, Мейнбаум, Миллер, Мильфельд, Ольденбергер, Оффенберг, Рейзберг, Рейхмейстер, Розенфельд, Рот, Торнау, Унгерниттернберг, Филенберг, Фитингоф, Фок, Фохт, Фридберг, Фурх, Шаренберг, Шлиппенбах, Шмидт, Штакельберг, Штоф, Штейнгель, Эльфельд
Немцы, погребенные под Сталинградом? Ошибаешься!

Фон-Белли; фон-дер-Бриген, фон-Галлер, фон-Гун, фон-Дезен, фон-Димар, фон-Нагель, фон-Надвоен, фон-дер-Пален, фон-Паткуль, фон-Сидель Корф, фон-Татден, фон-Тольсдорф, Телль-фон-Сераскерн фон-Торнау, фон-Штаден, Эйзен-фон-Шварценберг.

Бароны? Но чьи?!

Анжу, Маркиз де-Боасезон, де-Броглио-Ревель, Граф де Витт, Жомини, Жофруа, Мими, Пети, Девель-де-Русси, Месонье, Ренни, Граф Сен-При, Граф Толь, Рогатейн де-Граве, де-Витте, Де ла-Мезондор, Граф Сивере, Торнезие.

Французы? Отчасти! Ладно – томить не буду. На тебе родное:

Иванов, Петров, Сидоров, Бирюков, Смирнов, Соколов

Ну, сложил все списки в один? И что получилось? Глупость какая-то?! Нет! Никакая не глупость, а важнейшая вещь. Раскрываю карты – слушаю внимательно. Это список Героев Русской Славы. Да, да, да! «Богатыри – не вы». Список участников войны 1812-го года. И не просто участников, а дворян-офицеров, раненных, убитых или награжденных. Знаменитая Галерея воинской славы из Храма Христа Спасителя, главного храма православия.

Сейчас мы с вами посетим нижний коридор Храма Христа Спасителя, предназначенный для крестных ходов. Одновременно он служит наглядным памятником славных событий Отечественной войны 1812 г. Если мы войдем в Храм через западные двери, то налево от входа на стене коридора увидим на белых мраморных досках Высочайший манифест от 13 июня 1812 года о вступлении французской армии в пределы России, а затем Воззвание от 6-го июля к народу Русскому об ополчении. Дальше с двух сторон коридора помещены в хронологическом порядке на мраморных досках описание 71 сражения, прошедшего на территории России в 1812 году. В таком виде: сражение такое-то, год, месяц и число, командующий войсками такой-то, участвовавшие войска и орудия, имена убитых и раненых в этом сражении офицеров и общее число выбывших из строя нижних чинов. Наконец, какие награды были получены за это сражение. Надписи расположены так, что заканчиваются на восточной стороне Храма, где помещены манифесты: об изгнании Наполеона из пределов России 25 декабря 1812 года, два благодарственных манифеста – один к Русскому народу, а другой – к Русскому дворянству за их усилия и жертвенность во время опасности для отечества; напротив горнего места – манифест о построении Храма Христа Спасителя в Москве в благодарность Богу и в память на века. По сторонам – манифест городу Москве и об учреждении медали в память 1812 года. По южной и западной сторонам, в хронологическом порядке и по тому же типу, расположены доски с описаниями 87 заграничных сражений, заканчивающиеся у западных дверей манифестами: о взятии Парижа, низложении Наполеона и о восстановлении мира в Европе. Над каждой доской, описывающей сражения, находятся величания Святым, память которых празднуется в день того или иного сражения.

Ну хорошо, герои, так герои. Но Боже мой, что же мы читаем?!

Агранович, Адамович, Альбрехович, Анкудович, Базилевич, Бакуревич, Бартошевич, Богданович, Бункевич, Бутович, Буцевич, Ваготкович, Володкович, Гудович, Дазаревич, Делевич, Денисевич, Дойнатович, Душенкевич, Ефимович, Зинкевич, Игнатович, Кабитович, Казанович, Кантович, Капцевич, Каркузович, Кафтанович, Киркович, Концевич, Кононович, Криштофович, Кубитович, Кунцевич, Люткевич, Лясотович, Майдакоич, Милович, Пацукевич, Пашкевич, Петрашкевич, Плотиневич, Пухович, Равич, Романович, Рынкевич, Силинович, Стахович, Стефанович, Урбанович, Федорович, Филипкович, Хребтович, Цитович, Чехович, Чишкевич, Шевич, Шастичевич, Якубович, Янкевич, Янович, Ясолевич.

«Белоруссы» какие-то, а то и поляки:

Бржезовский, Войцеховский, Гржегоржевский, Дерожинский, Доброшольский, Егуцевский, Залощевский, Засецкий, Желвинский, Кержнинский, Кражновский, Крыжановский, Маньковский, Масальский, Мацкевич, Моцинский, Оган-Догоновский, Пенхержевский, Плескачевский, Подвыкоцкий, Подъяпольский, Полтарацкий, Потоцкий, Пржишевский, Пыпинский, Пуцьловский, Ржепецкий, Ржечиховский, Ружевский, Скарульский, Скугаревский, Спадовский, Сташевский, Хмелевский, Хржановский Цыбульский, Шестаковский, Шимановский, Шкляревский, Шляхта, Юзефович, Яновский, Яцковский

А может, украинцы:

Брайко, Гаркушенко, Ловейко, Непейвода, Терещенко, Филипченко

Нет, всё же итальянцы:

Броглио, Гизетти, Дементоза-Ботелло, Кампиони, Козелло, Паули, Поццо-ди-Борго, Поццо, Савоини, Сесаротти, Синодино

Это что же получается, господа хорошие?! Великими трудами мы восстановили храм, взорванный большевиками. Восстановили во славу русского народа, восстановили ради патриотического воспитания молодежи, чтоб она помнила героев-предков, чтоб она знала, что русские сильнее всех, именно русская нация победила французов и побьет всех, кто сунется. Но что же мы читаем на досках?! Я вам цитировал. И это – русское дворянство?! Это русские витязи?!

Хотя, пардон, пардон. Вот и Россия, вот и славяне:

Безумов, Белкин, Бобылев, Бык, Буренков, Воинов, Гнилосыров, Горихвостов, Горбунов, Горшков, Гусев, Дуб, Дубина, Дураков, Евреинов, Един, Емкин, Зайцев, Желтобрюхов, Живоглазов, Жук, Карасев, Кишкин, Котельников, Кувшинников, Кривицкий, Куроедов, Локтев, Лопата, Лубков, Медведев, Миляков, Монахов, Мотылев, Мордарьев, Пауков, Пересудов, Печкин,

Писанка, Полуграбликов, Пышка, Рубцов, Рыбкин, Сарафанчиков, Скребков, Спиглазов, Телегин, Трубников, Трусов, Туманов, Урусов, Худолей.

Ну и фамилии, прости Господи, неужто для офицеров не нашлось чего-либо благороднее.

На досках – не только вояки, есть и жертвователи на войну:

купчиха Бородина, графиня Зубова, майорша Карамытева, прапорщик Зидербан, купцы: Абрамов, Андронов, лейб-медик Лодер, доктор Альбини, академик Ухтомский, профессор Лерхе, девица Извекова, жена балетмейстера Пик, вице-адмирал Вильсон, лакей Иванов и даже еврей Бармин (Один! И тот со славянской фамилией). Тоже – не поймешь кто. Ладно, идём дальше.

Альбрехт, Астермейер, Бак, Балк, Балла, Балгорн, Барклай-де-Толли, Бартош, Баумгартен, Бейгул, Бенардос, Беренс, Билерт, Бистром, Бицали, Бицаллий, Боден, Боллен, Ботвиг, Бреверн, Бриммер, Брикот, Броун, Буксгевден, Бухгольц, Веймарн, Вигант, Винценгероде Вольф, Вульф, Гагемейстер, Гальберг, Гамен, Ганфт, Гарбуз-Барзиловский, Гартунг, Гедгафт, Гейдройц, Гербель, Гернет, Гириш, Глазенап, Грамбер, Гранберг, Гейсмер Гейнинг, Губерик, Губерт, Девент, Дейч, Делазгар, Делефлер, Дибич, Довре, Ивелич, Кантакузен, Кемферт, Керк, Киркор, Клемент, Клепус, Кнорринг, Колманд, Котлубай, Кох, Коцебу, Кохиус, Крейтер, Крейц, Крон, Крутголер, Купфер, Ламберт, Леблэ, Майдель, Меккер, Метерних, Мецгер, Миллер, Михельсон, Модерах, Нарбут; Нейдгарт, Нестелей, Ниссер, Ольдекоп, Ореус, Остен-Сакен, Пален, Панцербитер, Паткуль, Пезаровиус, Перрен, Перрот, Петерсен, Пиллар, Принц Карл Мекленбургский, Прушан, Ралль, Рашич, Реган, Реймер, Рейхмар, Ридигер, Риттер, Рихарт, Рогаль, Рот, Руммель, Сакен, Свиверс, Сивсей, Скалон, Скриба Станкер, Стеллих, Стессель, Тандефельд, Тилен, Трейша, Турней, Фанден, Фессер, Фольтмейер, Франк, Фрейтаг, Фрицериц, Фрейнт, Фридрихе, Хитрово, Цитович, Чаплиц, Шевич, Шенк, Шлиттер, Шредер, Шрейдер, Штерц, Энгфельди, Ябшанский.

И это русские воины, русские офицеры, русский народ?! Да, как ни печально, похоже на то. Смесь мы взрывоопасная. Придётся смириться, но – скорей на воздух. А то везде:

Абер, Аврахапуло, Адлерберг, Ампах, Андрэ, Арабс-Говен, Арауджио, Арловани, Арнольд, Арнольди, Ахте, Багч, Баговут, Балан, Бебе, Бем, Бенардос, Бенигсен, Бенкер, Бехтер, Биль, Бинерт, Блофиельд, Бодде, Борн, Бордухало, Борш, Борщевский, Брандт, Брангаузен, Бренер, Брун, Будлер, Будьерг, Бутлер, Бутошал, Бухмейер, Ваддер, Вальмоден – Витт, Вейер, Вейс, Вейсе, Венер, Верю, Визенг, Викемеран, Винерт, Винстар, Винтер, Витт, Влодек, Вольфрамздорф, Вреде, Вуич, Гаган, Гамрат, Гарпе, Гебель, Гегеритет, Гейсмар, Гельфрейх, Гениг, Гернгеросс, Герцог Виртембергский, Гинглад, Гиндлинс, Гине, Гинтофт, Глазенап, Гольц, Горнберг, Граф Де-Литта – Перетц, Грабе, Гревенец, Грейг, Грот, Гротгус, Гун, Гуналий, Гундиус, Гюбер, Дамич, Данненберг, Дебональ, Дебрюкс, Дебрюнольд, Деграве, Делакаст, Дельсаль, Демич, Деммах, Демор, Демотре, Дендорф, Депертес, Дернберг, Детерикс, Дидрихс, Дитт, Диттерихс, Дривич, Дрейслер, Дрентельн, Дризен, Дубельт, Енгельгардт, Жерве, Засс, Зауер, Зедделер, Зейдлер, Зирх, Изгельштром, Изарн, Изенбек, Ипсиланти, Йогель, Катаржи, Кветка, Келлен, Керп, Киммель, Кирдан, Кирод, Клайпелос, Клейгельс, Клинберг, Книппер, Князь Гельфрейх, Князь Ипсиланти, Козен, Колен, Конче, Копп, Корнант, Корнер, Краммер, Крауз, Кригер, Кроссард, Круз, Крузе, Кун, Курсель, Кюперель, Ларме, Левиз, Ленгольд, Лесли, Левенштерн, Левиз, Лехнер, Либен, Лидере, Линдфорс, Липранди, Литке, Литта, Малюга, Манжурнет, Менден, Миллер, Миллер-Закомельский, Мейер, Меландер, Меларт, Мерлин, Моллер, Мортус, Мюхель, Набель, Немич, Нессельроде, Неубен, Нольде, Нотара, Нюбек, Около-Кулак, Олифор, Оуррк, Пассек, Петип, Пеше, Пешель, Пирх, Пихлер, Понсет, Преис, Принц Евгений Виртембергский, Принц Павел Ольденбургский, Принц Филистальский, Поль, Предимати, Прендель, Претр, Пфейшер, Радт, Рамштейн Рапател, Реад, Ревен, Рейбниц, Рейс, Рейтерн, Рененкамф, Ренни, Ретинг, Рикард, Рисе, Розен, Савич, Саддам, Сасно, Сесемон, Сиверс, Силмаран, Стессель, Стиббе, Стоша, Стюллер, Сулима, Супберг, Сухтелен, Таубе, Тейгерт, Тимрот, Титенборн, Толь, Удом, Фалк, Фелд, Фермер, Фольц, Фонден, Фох, Франк, Фредберг, Фриде, Фридерикс, Фризе, Фрикен, Ценкер, Шевич, Шепинг, Шкамерда, Шкляр, Штаден, Штевен, Штемпель, Штиф, Штрэнге, Штруф, Шульц, Эбелинг, Эллерц, Эмме, Эренстольн, Эртель, Эсмойт, Эссен, Эхимзен, Якимах, Якобе, Ямниц, Янкай, Яшивиль,

Заколебали! Одна радость: фашизм не пройдет!

Суть и название

Философский вопрос: меняется ли суть вещи от её названия? Или судьба человека от того, на каком языке значима записанная в паспорте фамилия?

Возьмём пары: Кузнецов–Шмит, Сапожников–Шумахер, Абрамов–Абрамович, Ключевской–Бекман. И так далее...

Ну а теперь паре близнецов присваиваем одну фамилию, но одному значимую на одном языке, другому – на другом. И выпускаем жить в Россию. Будет ли отличаться их судьба и, если будет, то чем?

Что есть эксперимент?

У знаменитого химика был старый лаборант, с которым он проводил эксперименты. Журналисты как-то заловили его и спрашивают:

– Расскажи, каким образом Берцелиусу удастся делать великие открытия? Как он ставит эксперимент?

– Ну, – отвечает лаборант, – прежде всего, Шеф сам никогда никаких экспериментов не проводит. Он только рассуждает, а всё делаю я. Обычно он приходит утром в лабораторию и говорит: возьми соль из коричневой банки и раствори в воде. Ну, я растворяю. Потом он говорит: долей синий раствор и помешай. Я наливаю и мешаю.

– А дальше?

– Дальше он берёт в руки колбу и смотрит её на просвет.

– А дальше?

– А дальше он говорит: всё – в помойное ведро. Я выливаю.

– А дальше?

– Дальше всё. Эксперимент окончен!

Рассказ – чемпион

Господи, сколько же вранья я выслушал и вычитал в своей жизни! Охотничьи рассказы, сказки-байки, фантастика, научные статьи, речи политиков-экономистов, ответы студентов на экзаменах – и т.д. и т.п. Чего только не придумают в момент вдохновенья! А ведь рассказ – чемпион вранья очень прост:

Бродим по лесу, дичь ищем, устали, сели отдохнуть, достали бутылку портвейна, а штопора нет!!! Ну, бросили её в кусты, пошли дальше...

Традиционные тосты

Водолазный тост: постукивал пальцем по стакану сверху вниз (чтоб погрузиться) и удар большого пальца снизу (за всплытие).

Морской тост: чтоб не высохло (чтоб не усох Великий Океан и было, где плавать).

Мужской тост: Чтоб едалось и пилось, чтоб хотелось и моглось!

Тост 1

"Свобода – осознанная необходимость". Так нас учили когда-то. Так завещал Ленин. Оказалось – списал у Маркса, Маркс – у Гегеля, а Гегель – у Спинозы. И то правда – лишь в воспаленном мозгу, утомленном талмудом, такое могло явиться. Смысла тезиса я никогда не понимал. Получалось, что если я не осознаю чего-то, то это чего-то для меня – обязаловка, а раз худо-бедно осознал, то – гуляй на свободе? А как, интересно, Спиноза определил бы понятие воли? Воли–вольной. В смысле желанья левой ноги...

Более разумное определение: "Свобода – пространство доступных альтернатив". Вроде всё правильно: одно дело, если Витязь катится по рельсам, другое – стоит на перекрёстке трёх дорог с туманными перспективами и третье – если дорог двадцать, да у него еще и вертолёт наготове. Опять же, одно дело, если он на коне и все пути ему доступны, и другое, если он пребывает в состоянии отрубленной головы. Ситуация рассмотрена в известной поэме. А у меня и дорог много и идти могу по любой. А не иду. Не хочу! Плевать я хотел на любое пространство. Пусть даже альтернатив.

Свободен я или нет???

Но не надо о грустном.

Как вы понимаете, поток торона из образца определяется числом транспортных путей, которое по мере нагрева, как правило, уменьшается (отжиг неравновесных дефектов), и доступностью этих путей для миграции (определяется коэффициентом диффузии, увеличивающимся при увеличении температуры по закону Аррениуса). Поскольку одна функция растёт, а другая падает, то политерама эманирования имеет форму пика (пик Бекмана). Свобода радона-220 определяется наличием диффузионных путей и и трудностями перемещения по ним. Свобода – величина переменная: и число путей и их доступность меняются по мере жизни твёрдого тела...

Таким образом, эманационно-термический анализ по своей сути есть отражение принципа свободы и инструмент измерения динамики её изменений.

И поднимая сегодня тост за процветание ЭТА, я пью за свободу. За свободу в макро смысле полной воли и за свободу в микро смысле диффузионного материаловедения. Стремитесь к подъёму, но помните о падении.

Икар то же был свободен.

Тост 2

Как известно, апостол Павел никогда не видел Христа. Однако, временно ослепнув в пустыне, весьма проникся его идеями. И, прозрев, стал по всему свету распространять ученье, основав христианство. Убеждал всех, читая проповеди. И видать занимательно.

В Деяниях Апостолов описан случай.

Во время его лекции один слушатель заснул, свалился с балкона и сломал себе шею. Умер! Павел не растерялся, бросился к нему и оживил. Явив, заодно, чудо. Воспользовался случаем продемонстрировать близость к Богу.

Я предлагаю тост за учителей, читающих лекции без выпадений учеников в окна. Я предлагаю тост за учеников, способных воспринять учение без членовредительства. Я предлагаю тост за учителей, способных оживлять учеников, ломающих себе шеи на пути к Истине!

Тост 3

На нашей конференции мы прослушали серию докладов по диффузионным явлениям в полимерах. Была наглядно продемонстрирована роль дефектов, как ловушек, способных захватывать и объединять бродивший в одиночку диффузانت. Понятно, что в монотонно-однородном течении конференции такой ловушкой является банкет. Мы заметно сконцентрировались здесь, причём совместно с дамами. На секциях их как-то не было видно. И надо сказать, что присутствие подруг заметно оживило окружающую среду. Поэтому мой тост естественен:

За прекрасных дам!

Тост 4

Как известно, домарксистская философия утверждала, что развитие цивилизации определяется климатом. В тропической жаре работать трудно и не нужно. Бананы-кокосы сами сверху падают – только рот разевай. Без работы же общество не развивается и члены его, как были дикарями, так дикарями и остаются. На севере климат суровый. Нужно всё время думать о выживании. Не до изысков типа литературы или галантности к дамам. Снова общество не развивается.

Прогресс возможен только в умеренном климате.

Мы с вами не первый раз в экспедициях. Бывали в жаре и в холоде, но только здесь, под Ельней, в центре умеренного климата России, можем подумать о своём развитии. Тем более, что удалось избежать как панибратства, так и диктатуры.

Поэтому мой тост – За умеренный климат!

Тост 5

Если мы и дальше будем вместо выпивки говорить о науке, то посуда высохнет.

За что же стоит поднять наши бокалы? За шефов, учеников, финансирование, аппаратуру, удачную идею, смелый эксперимент? За большую зарплату? Всё это важно, но не главное!

Однажды, мы так на пароходе пили за новое судно, за хорошего капитана, за удачную рыбалку, удачный поход. Но старый радист сказал: «Не это главное ребята! Главное, чтоб не высохло!!!». И действительно, зачем нам эта посудина, зачем хорошая погода, зачем трал и детекторы радиации, если Море высохнет?! Если по дну Тихого Океана на джипе ездить будем? Как по Аральскому морю....

Так и у нас: не важна конкретика, важна наука, как поле деятельности. Поэтому выпьем:

Чтоб не высохло!

СТИХИ

Татьяне Дорошенко

*Я буду жить!
Пройдут и дни и ночи,
Но я не буду слезы лить
И постараюсь позабыть
Твои обманчивые очи.*

Исповедь Кастыля

*Когда я в детстве был балбесом,
Хотелось стать мне Радомесом,
С народом вражеским подраться,
Добыть рабынь и наслаждаться
(Имея на Амнерис виды)
Любовью преданной Аиды.*

***

*Забылись арии "Аиды"
Покорный раб теперь я Иды!
Увы! Не стать мне Радомесом.
Так и окончу жизнь Балбесом...*

Жене

*Друг мой!
Мы не способны к состраданию...
В азарте призрачной борьбы
Пылает пламя и сжигает
Несчастливых узников судьбы
Добра хотим, но лишь страданье
Дарим всем спутниками своим
Поэт не даром восклицает
"Мы за ценой не постоим".
Нам не нести успокоенья
Забота, нежности, тепла
Броня надёжная скрывает
Сердца сгоревшие дотла.*

*В нас нет таланта утешенья
Что нам своя, чужая боль
Любовь послушно затухает
Не до неё – идём на бой
Мы заложили в Мира зданье
Литературную мораль
Но та, с косою, вопрошает:
Не засиделись? Не пора ль?
Что ж, смерть - основа мирозданья
Пройдём свой путь, ну а потом,
Не зря Кассандра прорицает,
Все будем съедены клопом*

Стихи ЗэКа

*Среди друзей надравшись чинно,
От пошлой брани приустав,
Я вспоминаю, беспричинно,
Когда-то принятый Устав
Был текст его не очень длинен:
Блюсти мурло в любых местах -
Хоть на кобыле, хоть в машине
На всех работах и постах
И тост поднимем мы старинный:
За тех, кто в поле иль в морях,
За тех, с кем быть не можем ныне,
За всех растерянных в боях!*

И.Бекману

Знаток известный всяких химий
И где-то физик сверх того,
Ему подвластны все стихии,
Страх не доступен для него.
    Как лучший в области строитель,
    Возводит сам себе обитель.
    Вершин суровых покоритель
    И фото- и кинолюбитель.
Несчастливых женщин соблазнитель,
Он самый лучший рисовальщик,
А также под паром ныряльщик,
Библиофил, филателист,
Непревзойденный эгоист.
    Шурфы копает, как геолог,
    Рассказы пишет, как филолог.
    Он супермен, сверхчеловек
    Не ошибается во век.
Все может с ним произойти
На бурном жизненном пути,
Но не грозит ему напасть
От лишней скромности пропасть!

И.Бекману

Задумал Кастылек раз защититься, боже ж мой,
И начал диссертацию писать.
Вперед неумолимо время мчится,
А соискатель и не думает кончать.
Хоть трудится бедняга без устали, боже ж мой,
Конца работе этой не видать.
Учти, Кастыль, что все уже устали
Банкета месяцами поджидать!

И.Бекману

Свои рога украсил пышно.
Ох, как бы вдруг чего не вышло.

Э.Бекман

Дел у ней повсюду масса,
Как изюм в бутылке кваса,
Или пива – все равно –
Вышибает к черту дно.
    Только лишь она захочет,
    Все мужчины враз хлопчут,
    Петь, плясать они спешат,
    Мышей линейных потрошат.
Так бывает не всегда:
Очень здесь важна среда!

Э.Бекман

Люблю научную работу,
Люблю в горах я походить,
Люблю понянчить я ребенка
И мужу кашу отварить.
Но что вам надо?! Я устала!
Отстатьте Вы! Мне недосуг:
Весь день я с книжкой пролежала,
Пускай работает супруг.

М.Онищенко

Алтай красив и решено!
Его покажет Свете, но...
Шагнув теперь в аристократы
Зимую ездит на Карпаты.

С.Онищенко

*Из России в «заграницу»
Там Алеппо, здесь Москва.
Жить в них, в общем, не годится,
Но дорога какова!*

Е.Румянцеву

*О летнем отдыхе мечтая,
Красоты Горного Алтая
За рюмкой водки прославлял.
Дороги юности? Прекрасно!
Душой я там.
Но вот окончилось томленье,
Пора вкусить и проключенье
Вперед! Вперед!*

* * *

*Диктатор снова на Алтае?
Да нет, теперь он на Валдае!
Таков уж рок...*

Е.Румянцеву

*Стояла в Индии жара и было душно.
Взглянул Румянцев на слона и стало скучно.
О! Где ядреная зима, мороз и стужа.
Поля, весенняя капель, родные лужи?
Мне б по осеннему леску пройтись с лукошком
Иль по Алтайским по горам скользить, как кошка.*

* * *

*Стояла в Адлере жара и было душно.
Взглянул Румянцев на жену и стало скучно.*

М.Шамилевичу

*Всегда спокоен, флегматичен,
Теперь он песен не поет
На наших пьянках жарит дичь он
Гитару ж в руки не берёт.*

А. Ерофееву
Кот и диффузия (Басня)

*Однажды где-то некий Кот
Весной окончил институт
Едва окончил он и тут
Распределен был на завод
Герою нашему Коту
Совсем не нравился завод,
Ничуть не нравился, и вот
Решил покинуть он завод.
Какой-то дядя из МИЭМа
Решил помочь уйти с завода
Хоть не трубил там Кот три года,
Он взял его в свою систему.
Но Кот был наш, как колобок,
Он сделал дяде быстро ручкой.
Да, сделал дяде вскоре ручкой
И из МИЭМа он убег.
Теперь Кот трудится у Димы
Доволен он своей судьбой
Всем, всем: и шефом и собой.
Но помнить надо тому Диме:
Беречь котов необходимо.*

* * *

*Понятна даже для ежей
Мораль истории сией:*

<http://profbeckman.narod.ru/>

*Наш Кот с диффузией на «ты».
Такие сейчас пошли коты.*

Е. Анисимовой

*Мы знаем: права независимого
Елена Батьковна Анисимова.
Известна, верно, всей вселенной
Спец. корр. Анисимова Лена.
И «Комсомолец» с «Пионеркой»
И «Клуб» и «Сельское жительство»
Сбиваясь с ног, уж ты поверь-ка,
Все разом хочут в штат ее.
Она не любит демагогии
На пошлость смотрит свысока.
Ее влечет социология
(и социологи, слегка).*

С.Смирновой

*Сigaretой описав колечко
Ты невала часто под фоно
Ах, как жаль, что впрямь ничто не вечно
Под банальной круглою луной.
Нам судьба давно вручила роли
Прочь о сцене дерзкие мечты
И теперь (ведь так?) Покой и Волю
Всем благам предпочитаешь ты.*

С.Кургина

*Поставив голос (приседая)
Теперь уроки сам даёт
И буквы "л" не избегая
По кухням Галича поет.
Театр создал (тут страсть повинна)
Со Святою Верою в крови
Нам Маша есть, Армида, Инна,
Но нет Надежды и Любви.
Улучшив Чехова Анцум
Заморскую поставил "Рать"
Но Евтушенко вытер хуем
Пришлось на оного насрать
Презрев устойчивость Лапласа
Он Пуассона полюбил
И некорректно, без компаса
В научных дебрях заблудил
Есть много разных муз на свете
Отдаться каждой бы успеть
Пусть спектр талантов ярче светит
Мы ж дифирамбы будем петь!*

И.Баруховской-Бергер

*Футбольный счет, хоккейный счет,
Что будет завтра, через год,
Весь ваш несложный гороскоп
Интуитивно угадает.
И если скажет, что супруг
Не будет нынче на Алтае,
То будь уверен близкий друг,
Что коли говорит, то знает.*

Е.Бергеру

*Ругаешь ты тестя
И грабишь немножко
(Ведь это не кража,
а просто дележка)*

<http://profbeckman.narod.ru/>

...Но время прошло
И вот дочь уже в теле
И держит зятек
Твою ж.. на прицеле

Е.Бергеру

Об Ясной Поляне мечтая,
Он в поисках нового рая
Скитался по тропам Алтая,
Но цели своей не достиг.

Лишь милая женщина Веста
Нашла ему райское место,
Его полюбил, как невесту,
И творчества радость постиг.

С тех пор от тоски погибая,
Деньгу по грошам собирая
Эстонских полей предвкушая.
Он раб добровольных вериг.

Эпитафия одной компании

Сначала было все прекрасно,
Окутано романтикой слегка
Десяток ребятишек разных
Создали общество "ЗэКа"

Устав был принят, и вердиктом
По вкусам розданы посты:
"Мальш" отныне будет Диком
Отделом Третьим зав. – Кастыль.

Зэк Бергер с медициной связан,
Он врач-общественник, пострел,
А Серый Волк - по внешним связям –
Министр иностранных дел.

Они носились по Алтаю
Галопом, рысью и пешком,
Штаны карманами латая,
Им пессимизм был не знаком.

Потерян первым был Зэк Мастер
Он настоящим стал ЗэКа.
Кинжал с наганом взяли власти.
Как жизнь опасна и зыбка!

Прошел совсем недолгий срок
Отпали те, кто был послабже,
Осталось крепкое ядро,
Что зэков дух блюло отважно

В четвертке той актив хороший:
Алтай, Смоленск и Таймура,
Походы, пьянки и дебоши,
И так лет восемь – не мура

Потом порядком зажирели
И в заграницы подались
И в суете той просмотрели,
Что все давно уж разбрелись

Зэковский дух, как дым растаял:
Десятилетний юбилей
Отметил скромно на Алтае
Кастыль с Кастылихой своей

Презренья полные к металлам,
На серых в яблоках конях,
Они гонялись за туманом
В алтайских призрачных краях.

Теперь, подрастеряв уж жен,
ЗК не лезут на рожон.
И уезжают за границу,
И продаются за пятак,

<http://profbeckman.narod.ru/>

*И счастья верткую синицу,
Сжимают в скряжеских руках.*

Надпись на графине
*Не выпускайте джинов из графинов
Инструкция*

*Мы пили водку и вино,
Ректификат, чифир и чачу,
Из кружек, ведер – из всего,
Что Бог послал нам наудачу.
    Те времена прошли давно,
    Мы стали старше и богаче
    Имеем мебель и авто,
    Квартиры, степени и дачи.
Пусть сквозь хрустальное стекло
Глядим на жизнь теперь иначе,
Мы все ж запрятали на дно
Стремленья к мелочным задачам.
    И находясь в графине сем
    Наживы джин в неволе плачет.
    Пока мы пьем кубинский ром,
    Ректификат, токай и чачу.*

Надпись на черпаке.

*И в глубь науки
    И в компот,
        В ведро,
            В кувшин
                И в колбу
Ты с ним проникнешь,
    А припрет –
        То можешь дать
            И по лбу.*

*Люблю чеканку по металлу,
По меди, стали, серебру,
Что гений автора впитала,
Взывая к сердцу и уму.*

*Пришлось изгнать фашиста-гниду
Затем: чтоб в солнечную Ниду
Впустить заморенную Иду!*

*Скажи: скажи ты мне Нида
Ведь где-то есть моя звезда?
Молчит Нида, ни нет, ни да
Ни нет, ни да. Молчит Нида
    И потому с такой обидой
    Зову ее я просто Нидой!*

Шла Кача по Каче и качала качку.

*Весь год решали мы задачу,
В каких краях искать удачу,
И вот совсем забыв про дачу
Явились мы в поселок Качу.
    И окочурившись от плача,
    Качая истово права,
    Теперь кочуем мы по Каче
    И все на свете – трын-трава.*

*И раздался божий глас:
Надо ехать на Кавказ!*

Ача

<http://profbeckman.narod.ru/>

Там горы водят хороводы,
Там Терек замедляет бег,
Там ледники рождают воды,
Как белый клык торчит Казбег.

И собрав за год доход,
Мы отправились в поход.

Курумника крутые сбросы,
Луга альпийские средь скал,
Снегов серебряные косы,
Пещер чернеющих оскал.

И сердце бьет в виски кувалдой,
Когда мы прем на перевалы.

Грозит гром водопадов небу,
Вдали клубится шлейф лесов,
И горный тур трубит победу
И башни следуют без слов.

И удаляясь в бодром марше,
Поем мы гимн туритской Арше.

Сбросив прочь похода путы
Мы явились в Гудауты
Огляделись, видим: Ух-ты!
Есть вино, шашлык и фрукты
Но кричим мы: Уты! Уты!
Денег нету, Гудауты!

В Гудауте лаваша
Очень даже хороши!
Но достать их нету сил,
Белый свет мне стал не мил.

Три часа стоим за ачей,
Я давно уж чуть не плачу.

И отоварясь лавашем
Лежим на пляже гольшом

Ставит жизнь свою на карту
Тот, кто ходит в акрыфарту

Если ты стоишь за ачей
Знай, что ты уже не в Каче.

Кольшется морская зыбь
У акрыфарты Бзыбь

Ахьсырта - это тир
Мы ж подумали - сортир

Если в Гудауте
Встретишь безобразия,
Знай, что акомпартия
Держит власть в Абхазии

Поздравление Е.Бергера с Новым (1975) Годом

Фонари качаются,
Снег идет,
Старый год кончается,
Новый настает.
Пусть он будет ярок
И от зла храним...
Новый год – подарок.
Дорожите им.
Дорожите светом,

<http://profbeckman.narod.ru/>

Дорожите сном.
Дорожите летом
Ливнем и теплом.
    Со временем построже
    Будьте с каждым днем
    Нет его дороже!
    Главное – живем!
Главное, что любим,
Что неправду бьем,
Главное, что рубим
Связи со старьем.
    Главное, что пишем,
    Пашем, строим, пьем,
    Главное, что дышим,
    Действуем, поём!
Главное не просим
У прохожих есть,
Но высоко носим
Голову и честь,
    Главное, пощады
    От врага не ждём,
    И не на парады,
    А на бой идём.
Фонари качаются,
Снег да лед.
Старый год кончается,
Новый – настает.
    Будь красив и ярок
    День его и час!
    Новый год – подарок
    Каждому из нас!

Замечание автора: 1975 год оказался для Бергера (Гинеколога) действительно ярким. В феврале он отравился – попытка самоубийства. Неудачно. Откачали и отправили в сумасшедший дом (Больницу Кашенко), от которого он так и не выбрался.

Обмен любезностями
Бергер – Ида

Ида! Я не только жид,
Я еще и инвалид.
И жалеет инвалида
(И жиды) Одна лишь Ида!

Реакция Кастыля:

Буть ты русским, будь евреем,
Если пинешь ты хореем,
Или ямбом – всё равно-
Не поэт ты, а говно!

Гинеколог - Кастылю с Кастылихой

Игорь Бекман и Эдит!
Я – несчастный инвалид
Все жалеют инвалида,
Но не Игорь! Но не Ида!

Ответ

Если некий Индивид
Взял кликуху Инвалид,
Сделал он большой скачок:
Быдлом был, теперь – сачок
    Что за диво? Что за бред?
    Инвалидом стал поэт?
    Все не просто в деле этом:
    Инвалид здесь стал поэтом!
Все жалеют инвалида:
Кукин, Муза и Фемида,

<http://profbeckman.narod.ru/>

Тая лишь, Кастыль и Ида
Уважают Индивида.

Е.Бергер: отрывок из поэмы "Жизнь
и приключения ЗэКа Кастыля"

Сон ЗэКа Кастыля
Как-то раз Кастыль уснул.
Снится ЗэКу Барнаул.
Чуйский тракт, алтайцы, реки...
Кош-Агач, ружье и ЗэКи!
    Говорит один ЗэКа:
    Жизнь у ЗэКа нелегка.
    Сколько лет одни обиды
    Терпит ЗэК Кастыль от Иды.
    И от этих от обид
    Кто страдальцы исцелит?

Говорит один, вздыхая:
Кроме Иды есть и Тая
Страждет ЗэК Кастыль вдвойне
Исцеление – в вине!
    – Нелегка задача наша, –
    Поразмыслив, молвил Паша.
    – Не годится здесь вино...
    Впрочем, средство есть одно!

Путь к спасению не долог!
Жив пока что Гинеколог.
Он стреляет, он рулит,
Значит, справится с Эдит,
    Он бродил в горах Алтая –
    И ему не страшна Тая!
    Он поможет Кастылю!
    Верно, ЗэКи говорю?

Игорь Бекман поднял веки:
Ида рядом. Где же ЗэКи?

Гинеколог - Кастылю

Игорь Бекман! Я филолог.
Я филолог – гинеколог.
Если ты родить не прочь,
Позвони приду помочь.

Реплика Кастыля

Раз один поэт-филолог
Стал поэму вдруг рожать
Схватка следует за схваткой
Плод не лезет, что за блядь?
    Возопил тогда филолог:
    Или я не Гинеколог?!
    Применил к себе наркоз
    Крякнул, ойкнул – сдвинул воз.
И теперь в селе Отрадном
На одном большом парадном
Укреплен поэмы том
Озаглавленный «Роддом».

Бергер-Тая

Беспощаднейшая Тая!
Хуже нет икры минтая.
Но скажу Вам, не тая,
Тая хуже минтая.

От восторга весь растаю,
Стоит мне увидеть Таю,
Не могу восторг сдержать!
Я б за Вас в горах Алтая

<http://profbeckman.narod.ru/>

Симпатичнейшая Тая,
Отдал пятьдесят телят!
(Я б отдал и поросят,
Только там, в горах Алтая,
Кровожаднейшая Тая,
Поросятки не едят).

Кастыль – Гинекологу
...Проникнутый тицеславием...

*..И нарекли его Евгений...
Все знали – будет гений
Поэмы складывать за миг,
Где Тая связана с Минтаем,*)
А с инвалидом – индивид
    В селе Отрадном приняв схизму
    Слагает гимны сионизму
    И проповедует добро
    (Сторонкой обойдя метро).
Назло проклятым технократам
Жене, мамаше, друзьям-катам
Не скажет слова в простоте
И Гамлета зовет Гамлетом**)
Чтоб быть с Шекспиром наравне
    Он ВУЗ окончил, как филолог,
    У муз служил, как гинеколог,
    А в данный кризисный момент -
    Простой советский диссидент
*) Синаем, чаем и Алтаем...
**) Принц датский не терпел котлеты,
По сто яиц съедал омлеты
За что и прозван был Гамлетом.*

*Да! Сомнений больше нет!
Он ни Амлет, ни Омлет
И не Гамлет, а Гамлет*

Начальник 3-го отдела – врачу-общественнику
Я чувствую себя телеграфным столбом, который
вверху пронизан молниями эпохи, а внизу
облит подтеками собачьей мочи.
И. Сельвинский

*Чу! Машинка застучала –
Душе послала весть,
Ну, так и есть!
Опять взыграло
Гуманитарное начало,
Ни сесть, ни лечь.
    Что ж! Начнем себе во вред,
    Каждый ведь в душе поэт,
    А так трудно быть поэтом,
    Гордым, добрым и "с приветом":
    Нужно где-то взять язык,
    Я пока что не привык
    К идиш, хинди и ивриту,
    Мату, сленгу и санскриту
    (Мы в России ведь стареем)
    Ямбом, дактилем, хореем
    Выражаем лесть и спесь –
    В душу к нам не стоит лезть –
    Боль и злость мы там храним
    И правительство браним
Впрочем, все мы импотенты,
Ну, куда нам в диссиденты, *)
То ли дело, видит Бог!*

<http://profbeckman.narod.ru/>

Песни петь про Новый Год.

*) Частушка:

Пред людьми, пред Богом чист

Едет по Москве таксист

Взор и ясен и лучист –

Он теперь поэт-марксист.

Письмо ЗэКа Гинеколога ЗэКу Кастылю

*Гуманитарное начало,
Как видим, восторжествовало
В конце концов, и в Кастыле,
(Хоть одного начала мало,
Хотя бы даже и стояла
Уже машинка на столе.)*

*Теперь Кастыль слагает оды
Они вынашивались годы,
О том, что друг его, филолог,
(Клихука ЗэКа — Гинеколог)
Простой советский*) диссидент.*

*) а не советский: как у ЗэКа Кастыля: недостаток образования.

*Однако это – заблужденье
У Кукина такое мнение,
(А Кукин перед правдой чист),
Что все, что ни писал филолог,
(Тот, чья кликуха – Гинеколог)
Мог написать один марксист.*

*Приняв в селе Отрадном схизму,
Я отдал дань не сионизму
(Я сионизма не терплю)
Но по тропам идя избитым,
Я просто стал антисемитом –
В угоду ЗэКу Кастылю.*

*Намотал я ус на пальчик
и уехал в город Нальчик*

*Дура Дорра – марш на гору!
В эту пору – все в Андорру!
Тетя Дора в эту пору
Никогда не лезет в гору.
Тетя Дора хочет моря
Хочет моря с дядей Борей
Но в Андорре нету моря
Нету моря – вот ведь горе
Боря ж бросив свою музу
Укатил к друзьям в Тулузу
Кто в Тулузе, кто в Андорре
Все друзья теперь в раздоре.*

НЕМОЩЬ СУПЕРМЕНА

Обет

Однажды у Кастыля заболел зуб. Дело нешуточное. Развился флюс, воспалилась надкостница – процесс пошёл. Жена устроила его по благу в специализированный госпиталь на Пироговке. Здание новое – башня, стекло, бетон. Особенность – отсутствие в палатах батарей отопления. Согласно прогрессивной технологии, тёплый воздух должен был поступать от централизованного кондиционера. Он, однако, сгорел при пуске – в палатах царил могильный холод. Кирстена раздели и бросили на голый матрас, обоссанный, облёванный, а местами и обосранный. Больные были в тон: бомжи да бандиты с разбитыми в драках челюстями.

Олег заложил руки за голову, уставился в потолок и приготовился умирать.

Публика, однако, отнеслась к нему душевно.

– Выпей водочки, – сказал мужичёк с забинтованной мордой, – а то заморозка не подействует. Драть зубы будут – на стену полезешь!

Кастыль хватанул гранёный стакан водки и впал в забытье. И было ему виденье. Он – шофёр, ведёт большую машину по пустынному шоссе, легко маневрируя. Машина мощная, играет музыка, а рядом сидит подруга. И понял он, что что-то важное в жизни упустил, что-то такое не доделал. И он дал обет...

К вечеру о нём, наконец, вспомнили. Поволокли к хирургу, тот выдрал зуб и в тот же миг выкинул из больницы.

– Остальное лечи у протезиста!

Отправление на тот свет было отложено на неопределённый срок.

Но Обет остался. Ранее Кирстен был абсолютно равнодушен к машинам, не мог отличить Мерседес от Москвича, не представлял, как можно в них копать и, тем более, как самому рулить по московским улицам, где любой водитель не знает правил движения, а если знает, то не соблюдает. Но делать нечего: Обет нужно выполнять. Окончил курсы водителей, купил сначала права за 300 баксов, а потом и старую Вольву. В возрасте 56 лет сел за руль. Потихоньку, потихоньку стал кататься, чинить машину, возить на техосмотр. И так втянулся, что в гостях кроме автомобильных дел ни о чем говорить не мог.

Сидит он за рулем, ловит кайф и думает: «А что было бы, не заболи зуб и не явись Виденье? От скуки бы помер!»

Амнезия

День накануне Октябрьских праздников прошел тяжело. Олег Кирстен давно был простужен и, форсируя на лекциях голос, кашлял, кашлял, кашлял. Температура колебалась вокруг 37,3 – ни то, ни сё, а неприятно. Болела голова. Короче, он решил сачкануть и на работу не ходить. Не тут-то было! Позвонил зять и сообщил, что попал в аварию, нужно 600 баксов и трос. Пришлось заводить машину и выезжать. В Москве слякоть и пробки. Еле пробился сквозь заторы и нашёл Евгения где-то на Яузской набережной. Обстановка нервная: участники, болельщики, ГАИ деньги вымогает. Все орут благим матом. Утомился врубаться. Профинансировал зятя и свалил.

Но уж если выбрался в город, то поехал в МГУ. И опять пробки, скользкие подьёмы-спуски, ремонт дорог с объездами. Еле добрался. Руки дрожат от впечатлений, а тут студенты, аспиранты, завкафедрой, методическая комиссия. И все чего-то хотят и чего-то требуют. Освободился где-то к 10 ночи в разобранном виде.

Кирстен хорошо помнит, как вышел из корпуса, подошёл к машине, сел в неё, включил двигатель и обогрев салона. Показалось неудобным вести машину в куртке. Он вышел из машины, разделся и снова сел за руль. Включил дальний свет. Ярко высветился ряд кустов, покрытых снежной шкурой. Но это – всё! Когда он очнулся, машина стояла перед подъездом его дома, припаркованная в узком зазоре между иномарками. Все огни погашены, кондиционер отключен. Как он попал сюда? По каким улицам ехал, где разворачивался, кого обгонял? Он ничего не помнил. Машина доехала до дому сама! Как лошадь с пьяным извозчиком до пивной!

– Однако, – подумал Кастыль, – дело плохо.

И действительно, температура у него оказалась за 39⁰, утром вызвали Скорую, и она отвезла его прямо на операционный стол.

Первая смерть

Чтоб кровь моя остыть не успела,

Я умирал не раз.

Н.Заболотский

Кирстен не знал, почему у него случилось расширение вен и развился тромбоз. То ли генетика роль сыграла (и у отца, и у матери было что-то подобное) или тяжесть рюкзаков сказались, но ноги болели, иногда сильно, иногда слабо, но всегда. Он, однако, не обращал

вниманья. Тем более не реагировал на предложения сделать операцию и удалить вены. Но однажды правая нога зачесалась, местами покраснела и заболела с удвоенной силой. Пришлось идти к врачу. Тот прописал какую-то мазь и посоветовал бинтовать. Олег так и сделал – стал крепко бинтовать ногу эластичным бинтом. Но при беготне по лестницам верх – вниз бинт сползал, собирался в складки и сдавливал местами ногу так, что шагу шагнуть было нельзя. Ситуация ухудшилась, желваки поползли по ноге все выше и выше. Болезнь стала хронической.

Но у Кирстена была и вторая хроническая болезнь – фарингит. Весной и осенью, как переставали топить и в помещениях устанавливался холод, Олег, читая лекции и форсируя голос (и непрерывно треплясь весь день), начинал кашлять. Кашлял он месяцами. Проходило, когда наступало тепло, и он добирался до моря.

Вот и теперь, начиная с середины октября, он кашлял. К 7-му ноября кашель усилился, повысилась температура, которую не сбивали антибиотики. Вызвали врача. Тётка послушала, высказала предположение о начале воспаления лёгких и посоветовала лечь в больницу. Кастыль отказался. Но кашель продолжался, а нога все болела. Две хронические болячки сошлись вместе. Утром Кирстен встал с постели, а нога не ходит. Т.е. вообще не держит! Возникла отдышка, он стал хватать воздух, как рыба на льду, холодный озноб бил тело. Он упал обратно на диван умирать. Жена накрыла пледом и вызвала Скорую.

Скорая приехала скоро. Вошел молодой фельдшер-рэкетиер. Короткая стрижка, широкие плечи бывшего боксера, квадратная челюсть да тупой взгляд.

– Чем болеем? На что жалуемся?

– Хорош подход! Как в анекдоте. «Приходит ветеринар к доктору. Тот его спрашивает, какие проблемы. Во! – удивился ветеринар. Я ведь не спрашиваю корову, на что она жалуется. Сам смотрю, сам лечу. Вот и ты давай»

– Я доктор, а не ветеринар! – процедил сквозь зубы браток, – колись!

– Кашляю я, участковый врач нашёл воспаление лёгких, но еще нога болит, расширение вен и тромбофлебит.

– Слушай, мужик, ты как-нибудь определись: или у тебя что-то с лёгкими – тогда едем в пульмонологию, или – с ногой, тогда – в сосудистую хирургию. Ты ж понимаешь, что нога и лёгкое – вещи разные.

Кастыль понимал. Рэкетиер все же решил сам послушать больного и осмотреть ногу.

– Да ты симулянт! В лёгких я ничего не слышу (как потом выяснилось потому, что они вообще отключились), нога у тебя хроническая, небось лет 20 в таком виде. Лечи её амбулаторно. Причём здесь госпитализация?! Сегодня первый день после праздников, больницы переполнены, мест нет. Мы тебя сейчас завезём на другой конец Москвы, тебя из больницы выкинут, домой будешь добираться своим ходом. Тебе это надо?!

Олегу этого не было надо, он и сам не хотел в больницу. Но вмешалась жена и сказала братку такое, что тот стал согласен. На всё!

Встал вопрос куда везти. Олег показал направление в 1-ую градскую больницу на консультацию и попросил везти туда, тем более, что она ближе к дому. Но Скорая категорически отказалась. «Туда не госпитализируем». Знающие люди потом говорили, что фельдшер попросту хотел денег и за 500 рублей отвез бы куда надо.

Доблестные эскулапы заставили Олега пешком спуститься с четвёртого этажа (уже потом выяснилось, что его нужно было нести на носилках) и взобраться в машину. Долго кружили по Москве, потом затормозили перед входом в 7-ю градскую, где-то на Каширке. Дежурный врач, недовольный послепраздничным наплывом больных, взглянул на синюшный нос Кастыля и засуетился.

– Молодец! – сказал он рэкетиру, – хорошим врачом будешь. Сразу понял, что пред тобой смертельно больной. Как ты сумел его сюда живым доставить?

Браток, потупившись, скромно розовел от похвал.

А вокруг Кирстена забурлила жизнь. Его посадили в кресло-каталку, взяли пробу крови и покатали по разным диагностическим центрам. Сняли рентген, кардиограмму и три раза завозили-отвозили на компьютерную ультразвуковую томографию. Кастыль выразил неудовольствие такой атакой.

– Не возникай! – сказал ему доктор, – не только некоторые, но большинство с таким диагнозом не живут. Ты ж пока не труп, так скажи спасибо.

Кастыль сказал.

Целый час вокруг Кирстена царил суеда, ахи и охи. Но потом всё стихло. Его выкатили в коридор и забыли среди каталок, на которых мирно почивали порезанные бомжи и другие обитатели Москвы с выбитыми челюстями и поломанными ребрами. Час шёл за часом – о нём не вспоминали. Даже, несмотря на активность жены, пытающейся привлечь внимание пробегающих мимо сестер-санитарок. Сам факт признания его смертельно больным оказался достаточным, он не предполагал каких-либо действий. Это в Америке есть Скорая Помощь, а у нас она Замедленная Помощь.

Время шло, а Кастыль всё сидел в коридоре под охраной жены. Вечером врач, сдавая дежурство, вспомнил о нём.

– Вам надо тромбы в сосудах пробивать и фильтр ставить. Первое мы делать не умеем, а второго у нас просто нет. Зря вы сюда заехали, надо было – в 1-ую градскую сразу. Впрочем, я позвонил туда, они обещали приехать. Может, согласятся к себе забрать. Хорошо бы! А то помрёшь здесь в коридоре, подпортив статистику.

С тем и удалился.

Опять пошли томительные часы. Но, как ни странно, из 1-ой градской прибыли двое в штатском, посмотрели на синюшный нос Кастыля, на рентгеновский снимок с отсутствующими лёгкими, сказали довольно: «Наш клиент!», и скрылись. Настала ночь, а Кирстен всё сидел в кресле-каталке. Мимо него проплывали всё новые и новые страдальцы праздничных гуляний, а он сидел. Не было перевозки. Но если всё в мире имеет начало, то оно же имеет конец. Подали машину, Олега уложили, жена села в ноги, и они поехали.

В полночь они причалили к старинному зданию с колоннами. Через узкую боковую дверь Кастыля вкатили в приёмное отделение. Древняя дама взяла толстую тетрадь и начала записывать всю историю его жизни, начиная с зачатия. Писала она, не торопясь. На просьбу отправить его скорей в койку, она резонно заметила, что ей спешить некуда, дежурство только началось, а до утра далеко. Посоветовала ещё разик сходить на рентген, вызвала сестер, те в очередной раз сняли кардиограмму и взяли кровь из вены.

Тут-то Кастыль и умер. Тромб, что был в ноге, наконец, оторвался и попал в сердце. Оно и остановилось. Но ненадолго. Не зря Кастыль заставлял свое сердце биться в истерике на ледяных стенках, да на дне морском. Сверхнагрузки на него – дело житейское. Натренировано оно на такие пакости. Сердце поднатужилось и пропихнуло пробку сквозь себя. Не прошло и двух минут, как он воскрес. (Христу на это дело понадобилось три дня. Так у него и пиаровская акция получилась круче. Смерти Кастыля никто не заметил, кроме жены и дежурной, которые вместе издали такой визг, что Олег мигом оказался в голом виде на носилках).

Тромб же продолжил свой путь и попал в лёгкие, отключив оба сразу. Тоже – не подарок. Диагноз: инфаркт обоих легких (Кирстен никогда не слышал, что с лёгкими инфаркт может случиться. Теперь узнал). Оказалось, что многие мелкие тромбы уже неоднократно отрывались и бомбили лёгкие. В результате они оказались серьёзно расстрелянными. То-то Кастыль удивлялся, чего он кашляет.

Итак, Олега укрыли коротким одеялом и с грохотом покатали по длинным коридорам. Каталку толкала санитарка с отдышкой. Она торопилась. Но пришлось тормознуть. Лифт не откликался. Санитарка жала на кнопки, трясла дверь – ноль внимания. Выматерившись, она бросила голого профессора и побежала по лестнице вниз. Там стоял лифт. Тётка, поминая всех святых, стала колотить по нему ногами. Это возымело эффект. Дверь открылась и высунулась пьяная рожа лифтера.

– Уже! Ночь только началась, а ты нажравшись?! Тут тяжело больной, а ты дрыхнешь?!

Лифтер не возражал, он только улыбался. Но лифт поднял, забрал каталку и спустил вниз. Санитарка вновь стала толкать её Кирстен головой вперед (он уже (или ещё?!) не был трупом) пролетел один коридор, потом другой, затем третий. Видимо, больничные корпуса соединялись друг с другом подземными туннелями. Стены-двери мелькали, прям, как в американской «Скорой помощи». Только вряд ли в их Америке так холодно, как в наших подвалах.

Наконец, Олега вкатили в операционную, обвешанную знаками радиационной опасности. Профессора уложили на узкую доску под толстым металлическим диском. Рентгеновский аппарат, видать. Слева от ложа горел дисплей компьютера с дрожащей цветной картинкой. Голову Кирстена повернули вправо и накрыли платком. Так что он ничего видеть не мог, а только чувствовал. В плечо сделали укол. Наркоз тем и ограничился. Где-то вверху груди пробили дырку, пришили патрубок и стали сквозь него пропихивать что-то длинное. Трос шёл туго, и хирург пихал его двумя руками, сотрясая всё тело больного. Было не столько больно, сколь неприятно. Изредка вводили рентгено-контрастное вещество, отчего по телу шла волна тепла. Удивительно, как быстро распространяется вещество от плеча до пятки. Иногда командовали не дышать – делали снимок. Время от времени какая-то сила сильно сжимала правое предплечье – автоматически измерялось давление. Хирург комментировал действия: проходим сердце, проходим лёгкое и т.д. Тело Кирстена оказалось пустым, легко преодолимым от края до края. Оказывается сердце можно насквозь безнаказанно проткнуть гибким прутом!

– А, вот он где! Нашел я флатирующий тромб! От меня не спрячешься, – радостно провозгласил врач.

Чему он рад – непонятно. Ведь флатирующий, т.е. трясущийся (как самолёт, проходящий звуковой барьер) тромб, прикрепленный к сосуду только в одной точке, – мина замедленного действия. В любой момент может сорваться и опять устремиться в сердце. Так что хорошего в открытии?! Не то хорошо, сообразил Кастыль, что тромб есть, а то, что он обнаружен, локализован, и с ним теперь можно бороться.

Операция близилась к концу, когда возникли неполадки. Кран подачи какого-то вещества выбило и Кирстена окатило вонючкой. Хирург выругался, вызвал сестру, и они начали чинить. Но не тут-то было. Кран выбивало с удивительным постоянством, и Олега окатывала одна порция жидкости за другой. Наконец, сестра выхватила их рук хирурга устройство, выкинула кран и соединила всё напрямую. Дело наладилось. Но хирург торопился, по-быстрому и, видимо, некачественно зашил шов. Это потом сыграло свою роль.

Профессора отвязали, он вновь перебрался на каталку, и его уже не торопясь покатали по туннелям-переходам да лифтам. Скоро он очутился в реанимации. Санитарка уложила его на высокую кровать, накрыла одеялом и надела кислородную маску. Кастыль лежал на спине и смотрел в потолок. Бог не взял его к себе (Почему?!), а вернул к жизни (Зачем?!)

Договор

*Умер я не совсем, но почти.
Я не чувствую больше страдания,
И во взгляде врачи не прочли
Что-то очень пугающе дальнее.
Е.Евтушенко*

Кастыль вынырнул из забытья. Он был в кислородной маске, лежал на спине, накрытый одеялом, а через патрубков в него вливалась какая-то жидкость. Это мешало маневру, но голова вертелась, и он огляделся.

– *Krankenhaus*, – констатировал он вслух.

Почему он не сказал по-русски «больница», или хотя бы по-чешски «nemocnice», всё же в этой самой немощнице он бывал неоднократно, навещая то одного приятеля, то другого, немощь испытывавшего. В немецких же больницах не только бывать, приближаться к ним не приходилось. С другой стороны, а почему А.П.Чехов, умирая, пояснил:

– *Ich sterbe!*

Казалось, мог бы сказать по-русски: «Я умираю!», как писатель и гражданин России, или по-латыни, как бывший врач.

Что-то стимулировало их высказаться в суровую минуту именно по-немецки. Но что? Бог весть...

.... За бортом светало, горели фонари, освещая колонны классического стиля. Здесь электричество не экономили – мощные лампы дневного света трудились под потолком. Четыре койки: на двух – женщины, на двух – мужчины. Простота нравов! На кровати справа лежала старушка, монотонно гнусавившая: «Отвяжите меня! Девочка, зачем ты меня привязала? Отвяжи меня». Никто не откликнулся – за большим столом-стойкой было пусто, медперсонал спал в ординаторской. На койке напротив лежала женщина, она была молода, но груди свисали куда-то подмышки. Слева у окна располагался паренёк, в той же позе, что Кирстен. В него тоже что-то вливали. Компания на ближайшие дни определена.

Началась невесёлая жизнь в реанимации. Она была суетна – всё время что-то происходило. Больные спали, срали, писали и ели одновременно. Молоденькие нянечки, некоторые – буквально дети, драили полы, перестилали постели, таскали судна, приносили казённую еду. У Олега не было своей ложки и кружки, поэтому пришлось попоститься. Впрочем, есть не больно-то и хотелось. Стоило только задремать, как подлетал кто-то в белом халате и отбирал-надевал кислородную маску, делал укол, брал кровь на анализ, снимал кардиограмму, заставлял глотать таблетки. Но наибольшее беспокойство доставляли налёты врачей. То врач-одиночка, то старший по реанимации, то зав.отделением, то слушатели курсов повышения квалификации, то сам профессор со свитой. Они бесцеремонно стягивали с болезного одеяло и полчаса читали лекцию о доставшемся им уникаме. Кастыль при этом дрожал от холода и стыда.

Всё вместе и создавало впечатление ада.

Но ко всему привыкаешь, и Кастыль приспособился к ситуации. Он раздобыл казенную книгу о несчастной участи немецкого врача-барона при Иване-III и стал её изучать, отключившись от окружающей действительности. Жена передала ему дорожный нож с ложкой, вилкой и штопором, несколько кружек, мыло и даже полотенце. Она же приносила ему домашнюю еду. Он освоил манипуляции с судном и мог теперь незаметно писать в толпе экскурсантов. Короче, он приготовился провести в реанимации остаток жизни. С этим он, однако, поторопился. Пару дней ему химикатами разжижали кровь, давали какой-то фермент, превращавший кровь в воду и растворявший тромбы. После чего выкинули в общую палату.

Мечта Кастыля об отдельной палате, удобной кровати, меняющей по желанию конфигурацию, о пульте с кнопками вызова врачей-санитарок оказалась фантазией. В реальности он лежал на старинной койке с колесиками, покрытой рваным бельем с подозрительными пятнами. В палате он был не один. Зала, с большими венецианскими окнами, смотревшая на Ленинский проспект, вмещала тринадцать коек, и все были заняты. К счастью – мужиками. Палата была большой – потолок терялся вдали. Это было весьма кстати, т.к. кондиционеры отсутствовали, все щели по случаю приближения зимы были заклеены, форточек не было и

помещение проветривалось путём открывания одной гигантской створки окна. При этом по палате прокатывался холодный вихрь, и температуращие больные спешно натягивали свитера и ныряли под одеяло. Среди больных постоянно шла борьба противоположностей: одним было душно, другим – холодно. Соответственно окно то распахивалось, то закрывалось. Но ночью борьба прекращалась, и помещение закупоривалось. Храп, разнобойный, но громкий, иногда с присвистом сотрясал стены, ему вторил не менее громкий пердёж. В атмосфере можно было повесить топор – он бы плавал, как аэростат.

Короче, обстановка ничем не отличалась от 1-й мировой войны. Такой она была и в 1916-м году, когда в госпитале лежал отец. От мысли, что может быть отец выздоравливал именно в этой больнице, в этом корпусе и именно в этой койке, что именно здесь он познакомился с медсестрой Ксенией, будущей матерью сестры Олега, ему стало тепло. Как и сто лет назад, санитарками здесь были монашки, по вечерам какие-то личности бесплатно раздавали Евангелие и Псалтырь. Да и лечили здесь старинными методами – кровопускание да клизма.

Но всё это Кирстен освоил несколько позже. Сейчас было не до того. Разжиженная кровь потекла из плохо зашитого шва. Сначала он прикладывал к ране салфетки и туалетную бумагу. Подождав, пока они насытятся кровью, он скидывал их на пол и прикладывал следующий тампон. Но запасы кончились. Кровь просочилась на простыни, подушки, одеяло, потом потекла с постели ручьем. Это привлекло внимание ходячих больных – они бросились на поиски медперсонала. Его не было. Олег потерял много крови, когда удалось заловить и доставить в палату дежурного врача. Дама уселась на стул и начала рассказывать, как трудна её жизнь, как 200 больных одновременно пристают к ней с глупостями, как трудно мотаться по двум этажам с больными ногами. Короче, не может она сломя голову бежать к каждому капризуле.

Кирстен некоторое время слушал и сочувствовал её тяжёлой доле. Потом превратился в Кастыля и понёс по кочкам: её саму, вместе с Гиппократом, госпиталь со средневековыми порядками и всю русскую медицину в целом. Он пригрозил судом и доносом начальству. Сослался на профессорскую мафию, не прощающую ошибок. Это подействовало. Врачиха достала мобильник и вызвала сестру с санитаркой. Вскоре они сидели вокруг Олега и совещались. Для начала оказалось, что нет стерильных салфеток. Завтра они будут, но клиент не ждёт. Сбежали в реанимацию – одолжили. Оказалось, что нет пластыря, чтобы их прикрепить. Их достали в женском отделении. Тут оказалось – нет ножниц. И это не проблема: Кирстен достал нож и сам накромсал пластырь на кусочки. В итоге повязка была водружена на место. Медперсонал удалился, погасив свет. Было 23 часа.

Олег собрался заснуть, когда обнаружил что что-то теплое и липкое течёт по груди и боку. Кровь! Течёт, как из царевича Алексея. Но Распутина для заговора рядом нет. Рассчитывать надо на себя. У него в распоряжении было два полотенца: одно личное, второе банное. Он сложил их в гармошку и стал аккуратно прикладывать к ране сначала одной стороной, потом другой. Медленно, но верно первое полотенце пропиталось кровью. Он сбросил его на пол. Пропитка банного полотенца заняла больше времени, но и на нём живого места не осталось. И оно полетело на пол.

Рассчитывать больше не на что. Есть повесть Василия Быкова «Дожить до рассвета». Тот самый случай!

Они остались вдвоём: он и Бог. Врачи, семья, друзья-подруги исчезли. Пропало и православие, с его патриархами, митрополитами и прочими попами, размахивающими кадилами под заунывное песнопение. Религиозное чувство исчезло. Вся жизнь перед ним не мелькала. Даже идеи и деянья Христа, так волновавшие его до болезни, стали неинтересны. Он вспомнил пару своих грехов, но понял, что не раскаивается. Хуже того: если выживет – будет грешить дальше. Молиться, просить об оставлении в живых, о выздоровлении не было ни малейшего желания. Ему – всё равно: смерть, так смерть, а жизнь, так жизнь. Пусть думают вожди!

Они были вдвоём: он и Бог. Не христианский Бог, а вселенский, ноосферный. Посланник всемирного разума. Кирстен внимательно, но равнодушно следил за его действиями. Вот Бог повернул краник, и кровь потекла сильнее, вот он его прикрыл, кровь почти остановилась. Олег пытался понять, что хочет Бог? Если бы он собирался взять его к себе, то мог осуществить это прямо сейчас. Но Бог лишь задумчиво крутил краник, туда-сюда, туда-сюда. Кровь выходила импульсами, она стекала по телу Кастыля, забиралась в трусы, пропитывала подушки-матрацы и стекала на пол. Было холодно. В луже остывшей крови он не мог заснуть.

В пять утра дежурная врач вспомнила о нём, ворвалась с каталкой в палату, включила общий свет, ойкнула и потащила болезного обратно в реанимацию. Там дали кислород, поставили капельницу, остановили кровотечение. Девочка в платочке с крестом вымыла его тело мочалкой и даже протерла спину спиртом. Утром пришел врач. Сказал, что кровопускание – полезная вещь, со средних веков известная, и велел поставить клизму. Кастыля лечили, как храброго солдата Швейка от радикулита. Тому это пошло на пользу: он вылечился, провоевал всю Мировую войну, и Российскую Гражданскую в придачу. Тут Олег понял: из больницы выйдет, и будет жить дальше. Но зачем?!

Впереди ещё много чего было: очередное зондирование с установкой серебряного фильтра, многочисленные анализы, глотание пилюль, поглощение больничной баланды (по калорийности и качеству приготовления за последние 150 лет не изменившейся; манная каша, она и в Африке манная каша), уколы (в живот, что ещё терпимо, и в зад, что не очень) случайные разговоры со случайными соседями. Однако, в конце концов его действительно выписали, он взял под руку свою старушку и побрёл домой.

Но вопрос остался: почему Бог вернул ему жизнь? Если Кастыль что-то не доделал на Земле, то что именно? Кирстен ждал знаменья (типа того, что было, когда он готовился к смерти с большим зубом), но на этот раз никаких намёков не было. Ни во сне, ни наяву. Возможно, Бог просто решил, что внезапная смерть – это слишком просто. Олег много грешил и самое время его наказать, подвинув болезнями и страданиями к покаянию, к вере. Либо от него ждут деяний. Но каких?! Ведь не для того ему вернули жизнь, чтоб он обрабатывал дурные эманационные кривые или сочинял не менее дурные рассказы. Должен ли он писать учебники-монографии, идти в академики, воспитывать внука, или просто отремонтировать дачу и прибить соседа Ваську? Небеса хранили молчанье. Похоже, Бог сказал:

– Живи, как хочешь! Поступай, как знаешь. Но учти: время придёт – ответишь за все.

На том и порешили.

Растянуть бы мне по тормозам

Лет на двадцать роскошества грешности,

Но уже проступает в глазах

Превосходство спокойной нездешности.

Врачу: исцелися сам

*Чересчур обезболенная жизнь
становится лишена значительности
С.Аверинцев*

Кирстен лежал в палате и корявым подчерком писал рассказы. Появился новый сосед. Уверенный в себе сорокалетний мужчина, с чёрной тщательно постриженной бородкой. Всем сообщил, что сам он врач, сейчас у него проблема – забился фильтр, трудно дышать, а вообще у него диабет, язва желудка, и удалена почка. На вопрос, если что сломанное, он отвечал, что ничего особенного, только ключица, да два ребра.

Сосед оказался находкой. Он подробно рассказал Олегу об его болезни и мрачных перспективах на будущее. Так что приободрившийся было Кастыль снова впал в уныние. Мужик был необычайно словоохотлив, и непрерывно раскрывал врачебные тайны. Он непрерывно давал советы и учил правильной жизни.

– Принимаемые Вами (и, кстати, мной) лекарства не совместимы с кофе, – говорил он, вынимая кипяtilьник и заваривая себе полную кружку крепчайшего кофе.

Или минуту спустя:

– Вот, если Вам хочется есть, а на столе есть рыба, мясо, овощи, творог, то что Вы будете есть?

– Мясо, – не задумываясь отвечал Кастыль.

– Это верно, отчасти. Можно мясо, но только не жирное и только свежее, телятинку например. И ни в коем случае – копченую колбасу.

Через некоторое время он забывал о проповеди, лез в тумбочку, доставал толстый батон копченой колбасы с кружочками жира, тонко её нарезал и закусывал.

Кирстен лишний раз убедился, что теория – это одно, а практика – совершенно другое. Одно дело – нравственная проповедь, а другое – нравственная жизнь. Одно дело – лечить других, а другое – себя. Одно с другим не совпадает, хоть плачь!

СКАЗКИ БЕКМАНА

*На каждый звук есть эхо на земле
Арсений Тарковский*

Сцены из научной жизни

*Мне надо на кого-нибудь молиться
Б.Окуджава*

Прага, 1609 год, правое крыло Карлова Университета времён Рудольфа второго, высокая, но узкая комната в готическом стиле. Горит камин, перед ним в кресле утонул профессор.

Распахивается тяжёлая дверь и на пороге появляется Астроном.

Астроном Добрый день, Учитель! Наконец-то добрался до Вас. Теперь Вы Декан. Поздравляю! Новый пост – новые возможности. Набираете новых людей. Слышал, сейчас королевским математиком назначен Иоганн Кеплер. О! Вот и его новые книги: "Тайна Вселенной", "Новая астрономия", "Гармония мира". Я их не читал, но хорошо сказано! Гармония и Простота. Как у Аристотеля: всё бесконечно во времени, но ограничено в пространстве. В центре Вселенной – Земля, вокруг неё ходят планеты, Луна, Солнце. Тела подлунного мира состоят из четырёх элементов: огня, воздуха, воды и земли. Они способны переходить друг в друга! Тела надлунного мира – звезды – построены из эфира. Как просто и как прекрасно! Всё ясно и нет вопросов. Все подчинено целесообразности. И всё в руках Бога! Материя – тело, форма – душа. В Университете я выучил это формально, но только теперь, в провинции, проникся духом идеи... Прекрасна модель Птолемея!

Профессор Она ложна! В центре нашей системы Солнце. Кеплер вывел новые законы движения небесных тел. Птолемей посрамлён, да и Аристотель... Он теперь здесь, в Праге. Поговори с ним – он объяснит.

Астроном, живо бегавший вокруг стола, останавливается, как вкопанный. Некоторое время рассматривает Профессора, в надежде, что он шутит.

Астроном Учитель, Вы это серьёзно! Не надо так со мной... я слишком Вас уважаю, чтобы допустить, что Вы верите в подобный бред. Бросьте! Глазом видно, как Солнце ходит вокруг нас. Разве в "Альмагесте" не было рассчитаны положения небесных тел, которые мы сейчас наблюдаем? А ведь практика – критерий истины. Или кто-то опроверг таблицы синусов Птолемея, или каталог его звезд? Может быть это сделал Коперник, выживший из ума старик. Но и у него звезды неподвижны. Галилей? Но он недавно сам от всего отказался. Бруно? Этот монахоборец, проповедник множества миров с собственным богом в каждом. Вселенная бесконечна! Природа – Бог в вещах! Бррр... Бывают же убудки! Этого хоть сожгли. Десять лет уж прошло. Вас это не волнует?

Профессор Увы!

Астроном Посмотрите! Ваш кабинет уставлен трудами по системе Птолемея. Вы по ним читали лекции. А теперь их – в камин?!

Профессор брезгливо машет рукой.

Астроном Вы не признаёте честной полемики? Кому вы верите – залетному немцу? Но мы – чехи и у нас своя голова на плечах.

Профессор Но Кеплер прав: каждая планета движется по эллипсу, в одном из фокусов которого находится Солнце.

Астроном Как это – по эллипсу! Как и зачем она покинула окружность? Что стало с принципом экономии мышления – основным принципом философии? Если верить немцу, то радиус – вектор, проведенный от Солнца к планете, в равные промежутки времени будет описывать равные площади. Как это? "Квадраты времен обращений планет вокруг Солнца относятся, как кубы средних расстояний до Солнца". А он их мерил? Нагородил... Где здесь гармония? Хотите, я вам в рамках классики рассчитаю все, что надо? Да, у Птолемея есть ошибки, я прибыл их исправить, это просто...

Профессор Увы!

Астроном Ну хорошо! А где Бог!! И как на это смотрит церковь? Она-то прочно стоит на доктрине Аристотеля.

Профессор Увы...

Астроном (пытаясь пасть на колени) Учитель! Не подрывайте моей веры! Это – катастрофа! Вернитесь к истине!

Профессор молча смотрит на него. Потом привстает, пытаясь что-то сказать.

Астроном Нет! Лучше молчите. Эх, учитель... Я сознательно пошёл к вам в ученики. Шёл долго и трудно... Благодаря вам я осознал свое место в мире. Вы все рушите: и мою любовь, и мирозданье и Бога... Уничтожаете Красоту, Веру... Я не могу противостоять Вам. Вы гипнотизируете меня... Я буду сломлен. Забудьте о новых ересях, гоните Кеплера. Я буду с Вами.

Профессор молча слушает.

<http://profbeckman.narod.ru/>

Астроном Ну что ж, прощайте!
Выбегает. Грохочет цепной мост.
Профессор. Увы!

Внешняя сила

*От чэфира не пьянеют,
От него балдеют*

Облокотившись на свёрнутый спальник, задрал ноги к потолку юрты, я развалился на парах. Блаженство ещё не наступило, но его приближение чувствовалось во всём. Ныли мускулы, постепенно расслабляясь, оттаивала сбитая седлом задница, иголочные уколы забегали по пальцам рук, снова заныла венозная нога и живот напомнил о привычном недоедании. Хорошо! Чертовски хорошо ощущать, что ты жив. В последнее время случился перебор с приключениями. Нужно трошки охолонуть. Управлением риска заняться, говоря по научному. Зато голова пуста. Выдуло из неё все запасы. Только в глазах крутятся яркие видеоклипы.

Прошло время и сознание вернулось к действительности.

Однородно гудела яранга, изредка озаряя нас светом. Тогда всё в юрте окрашивалось в красный и чёрный цвета без каких-либо полутонов. Снаружи остался непроницаемый туман, мелкий дождь, идущий второй месяц, мошка и прочие мерзости. Сама юрта мало чем отличалась от её подобных. Строенная из тонких, отесанных топором листовенниц, поставленных вертикально с небольшим наклоном внутрь, с глино – деревянной ярангой (помесь печи с камином), с обитой оленьей шкурой дверью-лазом, обнесённая снаружи завалинкой она, как колпак дервиша, торчала на краю террасы над Туастахом. Внутри стол и двухэтажные нары с настилом из круглых брёвнышек. При шевелении верхнего квартиранта, на нижнего сыпется труха. Чёрные от копоти балки хранят записи своей двадцатилетней истории. Ножами здесь расписывались, а иногда и оставляли целые послания охотники, геологи, геодезисты, беглые заключенные и, почему-то, Екатерина Жданова, внучка Сталина. Белели кресты: православные, католические, староверческие. Над входом – звезда Давида со свастикой. Единственная полка сплошь заставлена пузырьками из-под одеколлона, иногда довольно фривольной формы. Не страсть к гигиене и ароматизации заставила бродяг доставить сюда парфюмерию. Просто пить здесь больше нечего.

Напротив меня сидел на полене широкоплечий мужик. Его достопримечательностью была огромная голова – сплошной волосяной шар – из одной точки которого непрерывно валил густой чёрный дым. Как человек постоянного одиночества он разговаривал сам с собой вслух, путая русские и якутские слова. Сейчас он мне что-то рассказывал. Я рассеянно слушал, и смысл ускользал от меня. Странно, но по мере изложения якутские слова исчезали, и язык все более приближался к московско -угро-финскому аканью. Сосланный в Северную Якутию лет тридцать назад за дела, он давно уже жил охотой и рыбой. Знал, что была война с немцами, но не знал, чем кончилась. «Мы победили» – обрадовал я его.

Сейчас он химичил – готовил чэфир. В узкий высокий медный кофейник арабского вида, неизвестно как попавший сюда, он высыпал две пачки индийского чая со слонем, добавил полпачки прессованного китайского и кинул щепотку магической смеси (махорка, мухомор, спец.травки). Залив все кипятком, он поставил сосуд на угли и глубоко задумался, дожидаясь кипения.

Содержимого кофейника как раз хватило на две наши пол-литровые кружки.

– Умаялся? Вышей – как рукой снимет.

Я отхлебнул обжигающей терпко-горькой пахнущей багульником жидкости. Сразу стало жарко. Боли исчезли. Суета прошедшего, экзотика настоящего, страх будущего отступили на задний план. Захотелось поговорить.

– А что Афонас Николаевич, не надоело по тайге в одиночку шататься? На материк не тянет?

– Одиночество? Материк?

– Ну! Вон волка и то к себе подобным тянет, а человек так вообще стадное животное. Он должен с кем-то дружить, кого-то любить и быть любимым, бороться за прогресс и счастье народа, участвовать в общем деле страны, да и всего человечества. Да мало ли чего ещё должен делать человек, чтоб отличаться от скотины... Есть же социальные и этические законы. Они объективны и им надо подчиняться.

– Объективные законы?! – встрепенулся Афонас. Из клубка волос выстрелили в меня голубые молнии, – их нет! В том смысле, что их нельзя постигнуть. Законами вы называете плоды сознания. Жалкая попытка осмыслить непонятные случайности, понять, что творится на вашем клочке мироздания. Человек сам создал свои законы, и сам их обожествил, он постиг физиологию и опозитизировал сношенья. Законов у вас много, но истина здесь близко не лежала. Цели и методы высшего разума постигнуть вам не дано!

– Вы верите в Бога!

– В творца и внешнюю силу? Смотри!

Быстрым движением он выхватил из кармана моей штормовки карандаш и ткнул им мне в лицо. Я отпрянул.

– Смотри!

Разноцветные круги поплыли перед глазами. Карандаш неумолимо приближался, увеличиваясь в размерах. Сначала неясно, но потом отчетливее проступало его строение. Лак – краска – дерево. И вот я внутри. Ну и хаос! Летай, куда хочешь. Большие молекулы древесины лениво ворочались, дрыгая боковыми цепями, пытаюсь освободиться от паразитов – молекул воды. Всюду летали с молекулы азота и кислорода. Изредка просвистывал небольшой атом гелия. Приглядевшись, я обнаружил в этом бардаке некоторый порядок, детерминированный хаос. Сначала долго летел вдоль молекул, затем повернул и скоро попал в грифель. Здесь молекулы поменьше, но порядка больше. Однако досаждали москиты – электроны и я предпочел древесину.

Оказалось, что частицы суетятся не просто так. Они постоянно находятся в сложных взаимоотношениях. В мозгу настало просветление. Общество! Со всеми его прибабасами. Я влетел в залу собранья. Сидел президиум, и слушалось какое-то дело. Обвиняемый заканчивал речь:

– Мои постулаты:

1. Наша галактика КАРАНДАШ – конечная система.
2. За пределами её находится принципиально иной вид материи – воздух.
3. Карандашом, как целым, руководит неведомая нам сила.
4. Эта сила создала карандаш, сейчас управляет им и способна его уничтожить.

Он сел.

Трибунал ушёл на совещанье. Через некоторое время был оглашён приговор. «Подсудимый – опасный диссидент. Идеалист и метафизик. Он пытается протащить в материализм идею Бога! Бога, управляющего галактикой и нами. Если это так, то наши рабочие и инженеры не должны совершенствовать технику, политики не должны улучшать существующий строй, философы и социологи искать пути смягчения нравов. Зачем? Все сделает внешняя сила. Зачем, если нашей галактике скоро конец?! В сущности, он отрицает материализм и диалектику – основные завоевания нашей революции. Он подрывает веру народа в свои собственные силы. Мы должны поставить пределы распространению этой вреднейшей идеологии. Подсудимый приговаривается к смерти!»

Зал разразился овациями.

– Смерть изменнику!

– Слава материализму и атеизму!

– Слава трудовому народу!

Подсудимого отвели на плаху.

– Нет! Нет! Не надо, – закричал я.

Сверкнул топор палача. Карандаш описал кривую в воздухе и вонзился в стол. Грифель отлетел в сторону.

– Нет! Он прав!

Дикий хохот потряс юрту. Афонас ржал, откинувшись к стене. Вдруг он воспарил, и широкая тень нависла надо мной.

– Видел? Чувства, эмоции, стремления частичек, что это для меня? Я могу заточить, испилать, сломать карандаш. Я – его Бог. Частицы-молекулы внутри него не могут ни доказать, ни опровергнуть моего существования. Я управляю их галактикой, как целой структурой. Мне не дано направить конкретную корпускулу на путь истинный. Мне не превратить карандаш в лазер.

Вот так и людской Бог. Он есть и крутит вашей системой, но кто он? Каковы его намеренья – вам знать не дано. Одни верят в «объективные» законы, другие – Бога, третьи – ни во что. Каждый думает, что живёт для себя: любит, страдает, борется. Но он – маленькая частица структуры Всемирного Разума.

Он заметался по юрте. Сквозь заросли волос, и бороды вдруг проступило худое лицо фаната – аскета.

– Ты ищешь общества? Лети!

Ударом ноги он вышиб дверь, и я вылетел наружу. Со скоростью равной скорости света покидал я Землю. «Материальное тело не может двигаться со скоростью света. Похоже, я не материален» – думалось мне. Было холодно. Солнце превратилось в искорку, когда я пролетел двенадцати рукавную Галактику, зачем-то закрученную Разумом, и внедрился в четырёхмерное пространство.

– Бог там был, но знал ли он, что где-то есть планета Земля, рождаются, суетятся и умирают люди и храпит Афонас на берегу Туастаха?

Чешский лев

У Чешского геральдического льва два хвоста. Мутант какой-то. Как и двуглавый орёл, впрочем. В Праге эти львы на каждом шагу. Особенно впечатляет тройца перед ректоратом

Карлового университета. Но поражает то, что никто из встреченных мною чехов не знал, почему их лев такой хвостатый. И гиды об этом помалкивают.

А дело было так.

Князь Вацлав участвовал в третьем крестовом походе. В битве с сарацинами он храбро дрался. Так, что деревянный щит раскололся. А на щите был нарисован лев с торчащим вертикально хвостом. И надо так случиться, что трещина прошла точно по оси симметрии хвоста. Части щита разошлись, и хвостов стало два. Командующий походом Ричард Львиное Сердце в качестве награды за активность повелел создать новый герб с двуххвостным львом. Вацлав вернулся домой, стал королем Чехии и свой герб утвердил, как герб страны.

А ты говоришь: хвосты – символы Чехии и Словакии. Если б так, то льва б не стало. Вельветовые революционеры его пополам бы разорвали!

Идол

*От веянья чудес земля сойдёт с ума,
И будут многие распяты*

В.Набоков

Своя рука – владыка, я выбрал старый У-2 – им можно управлять с закрытыми глазами – и вылетел прогуляться. Внизу тянулось унылое редколесье и болота, болота, болота, ртуть озер, разводья рек – весь ассортимент сибирского Севера. Холодная сырость вечной мерзлоты. Постепенно набрал высоту, пересёк Обь и пошёл над недостроенной трассой Салехард – Дудинка. Вот уж где лежат косточки русские и нерусские, что там дорога Петербург-Москва, товарищ Некрасов. Погулял бы ты по здешнему кладбищу! Земля вон не принимает, раздулась, выпихивает из себя инородное – рельсы, шпалы, скелеты и недурно сохранившиеся трупы.

Бесплодная страна с промороженной душой.

Да, но здесь – огромные запасы нефти, газа, драг. металлов, алмазов и много чего ещё. Мне как-то гномы продемонстрировали их залежи на объёмном макете. Скоро начну об этом рассказывать. Сейчас рано – никто не поверит. Однако верят – не верят, а все здесь будут. Начнут, урча, вгрызаться в мерзлоту. ЗэКа будут гнить во имя светлого будущего и проклянут первооткрывателя – меня.

Я взял круче к северу и пересёк долину Енисея. Вдали за пеленой тумана проступал демонический пейзаж плато Путорана. Завораживающая картина первобытной красоты неприступных базальтовых обрывов. Полная изоляция от мира. Рыжеватая отвесная горная стена высотой почти километр тянулась до горизонта, лишь в некоторых местах расступаясь, чтобы дать поместиться в своей гигантской утробе большому озеру или выпустить на равнину могучий полноводный речной поток. Ущелья, каньоны, водопады. Да десять тысяч озер в придачу, некоторые – глубиной метров 500. Узкие, как фиорды, в безлесных столовых горах. Самолёт прошёл над гигантским водопадом, высотой больше ста метров, окружённым сейчас непередаваемой красоты ледяными стенами. Кое-где виднелись гнёзда чёрного журавля и розовой чайки. В небе парили кречеты и орланы – белохвосты. В других местах их уж не встретишь.

Мы шли над долиной Иркинды, когда машину повело влево, и она стала падать. Даванул на газ – ноль эффекта, перекрыл бензин – то же. Мотор работал ровно и на мои действия не реагировал. Забавно! Самолет падал. Кто-то включил таинственный автопилот, запрограммированный на катастрофу. Прошли облака. Появилась земля и начала плавно приближаться. Самолёт падал.

Стало грустно. Всегда так: только стал мастером своего дела, только на что-то решился, как вмешивается потусторонняя сила и абзац! Бодливой корове Бог рог не даёт.

По крутой траектории шли мы вниз. Я машинально отмечал места, удобные для посадки. Они пролетали мимо. Мелькнули верховья Сольвы, Берува, Домадана и каких-то других речек, бегущих к устью Оби. А вот и развалы скал, с возвышающейся над ними горой Камень Большого Пояса. Мы на большой скорости врезались в её северный склон.

ВСЁ!

...Тьма постепенно рассеивалась, сознание, не торопясь, возвращалось. Вылезти из кресла не удалось – нижнюю часть тела парализовало. Я поднял голову. Отовсюду на меня смотрели страшные морды языческих богов. Примитивные рожи, искренние в своей тупой свирепости. Скалящиеся лосиные головы, меж зубов которых торчат настороженные самострелы.

И тут я увидел её.

Погружённая в лёгкую задумчивость, склонив голову и улыбаясь застенчивой улыбкой невинного дитя, придерживая рукой струящиеся вдоль обнажённого тела тяжёлые волосы, она скользила над землей, едва прикасаясь к ней. Тонкое одухотворенное лицо было полно затаённой печали. Созданная для радости, она горела каким-то болезненным внутренним огнем, надломленностью. Сияние любви покоряло неуютный мир холодной жестокости и тем спасало его.

Вот она – Сорни Эква, Золотая Баба – древнее божество вогулов. Угры похитили её из горячего Рима в 410 году и привезли к себе на Север. Вот уже тысячелетие поклоняются ей манси. Сначала она гордо стояла на горе каменных идолов Маньпупнер, затем, спасая от православных

проповедников, её перевезли на Двину, создав капище Юмалы, изнутри и снаружи выложенное золотом и алмазами. В конце концов, волхвы спрятали её здесь, на правом берегу Оби, а, схоронив, убили себя.

Многие пытались познать её: и империалист Ермак, и викинг Торир Хунд, и святой Стефан Великопермский, и комсомольские активисты – никому не далась.

Мессия любви – сильнее Христа.

Тёплое её тело манило. Хотелось прильнуть к нему и забыться в море добра и утешения. Для такой женщины можно сделать всё.

Она и отвечала за все: за прошлое, настоящее, будущее. В её утробе был ясно виден мальчик – её сын, в нём – ещё мальчик – её внук, в нём – девочка и т.д. и т.п. Уменьшающиеся люди парили друг в друге. Все разные: мальчики и девочки, белые и чёрные, умные и глупые – весь генофонд Земли, готовый к действию.

Гигантская матрешка – ты бессмертна!

Я протянул руку, чтобы погреться в золотых лучах и сразу мне в плечо вонзилась стрела. Раздался громкий рев и завыванье. Захотело и захрюкало.

Свидание закончено.

Я ухватился за верёвку, свисавшую из пробитого самолетом отверстия в скале и, оберегая плечо и, волоча непослушные ноги, начал подниматься в Рай.

Гномы

В студенческие годы я часто ездил в экспедиции, и после третьего курса увлек этим делом Валеру. К сожалению, мы оказались в разных отрядах: я бродил между Яной и Индигиркой, он – по Таймыру. Для меня это была самая тяжёлая экспедиция из всех, случившихся до неё или после. Горела тайга, и мы метались, как загнанные звери: то сплавлялись по рекам, то, как орлы, отсиживались на скалах, украшая собой вздыбленный пейзаж. Неоднократно погибал, но выжил и, переполненный впечатлениями, летел в Москву.

Погода была плохая, и принимали нас лишь военные аэродромы: Магадан, Тикси, а потом и Хатанга. В Хатанге стоянку сократили, и я не успел сбежать в Управление и навести справки о Валере. С тем большим вниманием я прислушивался к разговорам новых пассажиров. Мне повезло, среди них находился главный геолог Таймыра – степенный бородатый мужик. Он сел рядом, и мы разговорились.

– Случайно не знаете судьбу отряда ИМГРЭ?

– А где он?

Я назвал цирк в районе гор Путорана.

– О! – сказал он, – район серьёзный. Новостей нет, но они не скучают. Это точно.

Я попытался узнать подробности. Геолог посмеивался, но не раскалывался. Собственно меня интересовало одно: когда они вернуться домой. Занятия начались и можно представить, как лютуют полковники с военной кафедры.

– Все вертолеты сейчас на пожарах, так что придётся им ждать до хорошего снега. Но ежели утомят местных, те вышлют их своим транспортом.

Утешил! Ежели на собаках, так Валера аккурат к зимней сессии в МГУ прибудет. Да и какие собаки-олени в безлюдке?!

Тем не менее, Валера появился в Москве в середине сентября. Встречал я его в Шереметьеве. Ну, там шутки-прибаутки, приветствия, похлопывания. То – сё, нервозность встречи. Где багаж? Как погода? На чём выбирались? На вертолетах? Нет, на облаке, как обычно. Одни? Нет, Вацлав сопровождал. Гномы только грузили.

Я слушал, и челюсть у меня отвисала.

– В чём дело? – спросил я Валерия.

Но тот упорно молчал, глаза бегали, и весь он был какой-то дерганый, что ни как не походило на его обычную деловитую обстоятельность. Лишь через две недели, навестив его в больнице (куда он сходу залетел с воспалением почек), я узнал некоторые подробности.

Это была заурядная экспедиция. Всё вполне традиционно: расположились лагерем в бывшем кратере вулкана, на берегу озера и ходили в радиальные маршруты. Приключения, конечно, были. Для начала Валера ещё в Москве налил спирт в канистру из-под краски. Естественно, на месте ему пришлось принести себя в жертву и первым употребить ярко синюю жидкость. Во-вторых, в это время сравнительно недалеко – на Новой Земле – взорвали самую сильную и самую грязную водородную бомбу. Взорвали в крайне неудачных метеоусловиях. Облако высокорadioактивных осадков понесло на материк и накрыло обширную территорию. И их цирк, естественно. Несколько дней шёл красный снег. Активность его была, по-видимому, высокой. Мы, например, в это время, будучи на тысячу километров дальше, чётко регистрировали аномальное увеличение радиационного фона. Спасались они тем, что валили оленей, ели сырое мясо и пили свежую кровь. Не забывая о спирте – известном протекторе ионизирующих излучений. Ну, и малость озверели. Однако это вряд ли повлияло на ситуацию. Хотя, кто знает?

В лагере стали происходить странные вещи. То кто-то вылежит бдительно охраняемый тазик с бражкой, то ночью без всякой видимой причины рвутся растяжки палатки, и мужики долго барахтаются в море брезента, выбираясь наружу, то товарищ, блаженно вытянувшийся в спальнике, вдруг вылетает из него, приобретя импульс от мощного удара под зад. Что за дела? Мужики ходили злые, косо смотрели друг на друга, караулили каждый шаг.

Однажды Боря Золотарев, начальник партии, сидел на валуне в позе мыслителя и смотрел вдаль. Вдруг один конец верёвки, на котором сушилось выстиранное бельё, сам собой отвязался и начал бегать вокруг дерева. Вмиг Золотарев схватил огромный дырн и запустил его чуть ниже вихляющего кончика веревки.

– Ай, ай, ай, сволочь какая!

В воздухе материализовался гном, потирая шишку на затылке. Колпак, делавший его невидимым, улетел в кусты.

– Чего швыряешься?

– А ты чего, старый хрен, хулиганишь?

– Уж и пошутить нельзя?!

Старичок сверкнул нахальными глазками и медленно приблизился к начальнику. Протянув руку, представился:

– Вацлав, гном-изгнанник.

Неожиданно гном сиганул в кусты. За колпаком. Золотарев воспарил над ним, и они покатались по мхам – курумникам. Мужик при росте 60 см был примерно в два раза сильнее обычного человека. Но Боря не был обычным человеком: при росте метр девяносто он весил 120 кг и, главное, был действующим мастером спорта по самбо. Народ с интересом наблюдал борьбу престарелого Давида с молодым Голиафом. Долго тузили они друг друга. Наконец, Золотарев сказал:

– Всё! Боевая ничья! Пошли чай пить.

С этого момента жизнь в лагере стала веселее.

Гном был импозантным, седобородым, загорелым мужчиной. Лицо, правда, на наш вкус довольно уродливо. Носил высокий красный колпак и синюю подпоясанную ремнем куртку. К поясу привязан мешок с инструментами. Несмотря на свои триста с хвостиком лет ужасно любил по-духариться. Обожал казарменные шутки. Он, например, вцеплялся в чей-то нос, и начинал бешено его крутить. Сам при этом оставался невидимым. Забавно было смотреть на вытаращенные глаза и дикие гримасы, без видимой причины сменяющие друг друга на лице товарища. Посторонний решил бы, что он рос на конюшне, а не при дворе Рудольфа Второго.

Вечерами (если этот термин применим к лёгким сумеркам на фоне вечного дня), когда утомленный шурфами – расчистками народ располагался вокруг костра, Вацлав без устали травил анекдоты, главным образом из жизни Карла Четвертого и Никиты Хрущёва. Говорил он с сильным чешским акцентом. По первичной специальности – астролог, сейчас – спец по нейтринной астрономии. Ему случалось путешествовать по антимирам, но он не любил вспоминать об этом. Возможно – из-за отсутствия там пива, квашеной капусты и жареной свинины. Иногда он становился серьёзным и тогда проповедовал католицизм, какого-то иезуитского оттенка. Впрочем, между делом он дал несколько полезных советов Золотареву по развитию метода математического планирования эксперимента в геологии. В результате удалось резко сократить, как число отбираемых проб, так и их общий вес, при росте информативности анализа.

Так что польза от общения всё же была.

Дурные примеры заразительны и, глядя на Вацлава, в лагерь потянулись и другие гномы. Если Вацлав был лесным гномом, то подавляющее большинство остальных относились к горным гномам, т.е. были ниже ростом, безбороды и носили зелёные курточки. Чувствовалось, что в душе они – бабники и хулиганы. Верно, их характеризовал Даль: *«В сущности, гномы неплохие ребята, только вот несколько угрюмы и способны порой на злую шутку»*. Но сейчас они вели себя вежливо и корректно. На то были свои причины. Глобальные, региональные и локальные.

На Таймыр гномы прибыли с Енисея сравнительно недавно. Когда-то они жили в Европе и оставили там заметный след. По уставу общины, если люди к ним хорошо относятся, гномы в благодарность, должны им помогать, в первую очередь – по хозяйству. Вот они и встречали в дела людей. Естественно, если ты находишься на существенно более высокой ступени развития, располагаешь продвинутой техникой и технологией и, к тому же умеешь предсказывать будущее, трудно удержаться, чтобы не вмешаться и не попытаться что-то улучшить или чему-то помешать. Однако все попытки сделать добро приводили к противоположному эффекту: зло разрасталось, причём как следствие советов гномов. Постоянно люди платили гномам черной неблагодарностью. Наглядный пример – процесс рыцарей-тамплиеров.

По тому же уставу, если люди предали гномов, они должны уйти из региона. Так постепенно, постепенно они покинули цивилизованные страны и удалились в безлюдные просторы Сибири и Севера. Развитие науки, техники, экономики не привели к перерождению человека в разумное существо. Осталось ждать пока человек сам дойдёт до нужной кондиции, и

сам установит справедливую социально-экономическую систему, не говоря уж о науке и технике. На совете Верховной Управы было решено прекратить вмешательства в дела человека. Но, как всегда, нашлись диссиденты, типа Вацлава, так и норовящие войти в контакт с кем-либо, хотя бы для того, чтобы покрутить ему нос. Таких гонят из общины, и они живут самостоятельно.

Как в былые времена, смысл общинной жизни – следить, всё ли в порядке в их "епархии": в лесу, на ферме, на мельнице. Обитают под землей, вместе со своими сокровищами – драгоценными камнями и металлами. Как и прежде похищают красивых девушек. А потом сами же бегут к бабкам-повитухам и щедро одаривают их золотом, если исход родов был удачным.

Как известно, до появления гомо сапиенса на Земле уже существовала высокоразвитая цивилизация, которая, в конце концов, сама себя извела. Она уже овладела синтезом белка и прочих нуклеиновых кислот, а так же методами расшифровки информационных кодов конкретной личности. Это позволило создать оптимальный для условий Земли организм, названный впоследствии гномом. Это – сильный мужчина с крепко сбитым телом. Не высокого роста, однако. Лицо и одежда стандартные, что делает их весьма похожими друг на друга. Клетки такой системы постоянно обновляются, поэтому тело гнома существует достаточно долго, и он практически бессмертен (Если не считать гибели от внешних причин: пожаров, извержений вулканов, испытаний ядерного оружия и т.п.). Популяция гномов постоянно пополняется, но перенаселения планеты гномами не происходит. Причина – в тщательно разработанной системе отбора. Гномы внимательно следят за живущими людьми. Во всех странах и континентах. Оценивают их интеллект и намечают кандидатов. Кандидатуры обсуждает специальная комиссия. Предпочтение отдается лицам, способным создать нечто принципиально новое (хотя праведников тоже не забывают). Дальнейшее – дело техники: в момент смерти человека, оказавшийся рядом гном, считывает из его мозга всю необходимую информацию и переносит на новый носитель – в компьютер или заранее приготовленное тело.

При переселении человека из реального мира в компьютерную программу, сознание человека и психику полностью, без малейших купюр, записывают на микрочип. Человек начинает жить в компьютерной программе. Иногда – вечно, (тогда он живёт и общается с себе подобными в компьютерных сетях), иногда – некоторый срок, пока ему подыскивается подходящее биологическое тело. Раньше гномы выполняли индивидуальные заказы – переселяли людей по их просьбе в тела животных, например, волков; теперь это запрещено. Переселение, кстати, может происходить неоднократно – тела можно менять.

Предлагаемое «переселенцу» стандартное тело менее энергоемко и мощнее любого человеческого. Оно способно активно самовосстанавливающееся, т.е. травмоустойчиво и практически бессмертно. При необходимости оно становится невидимым. Многие системы детектирования (оптические, звуковые, обонятельные и т.п.) модернизированы с целью расширения диапазона регистрируемых величин. В тела-носители естественным образом встроены дополнительные сенсорные датчики, позволяющие ориентироваться в радиоволнах, полях рентгеновского или гамма-излучения, биологических полях. Поэтому гномы без особого труда читают мысли людей на расстоянии. Питаются они искусственной пищей (как правило – белковыми растворами), но при случае метут всё не хуже человека. И водку пьют.

После смерти человек продолжает свое существование, но в ином обличье. Некоторым это даже нравится, хотя большинство поначалу сильно возмущены. Особенно негодуют баскетболисты. Возмущаются и индивидуалисты, не привыкшие жить в общине. Иногда сердятся женщины, неожиданно став мужчинами и перестав рожать. Но постепенно привыкают, вникают в накопленный цивилизацией гномов опыт и начинают создавать новые ценности. Так осуществляется прогресс и развитие. Среди гномов по-прежнему активны Архимед, Аристотель и Пифагор, Леонардо и Босх, Ньютон и Эйнштейн, Мария Кюри и Цветаева, Гете и Окуджава, Бетховен и Моцарт. Недавно прибыл Ландау. Ленину, посоветовавшись, отказали.

Очень важно, что гном снова может стать человеком. Но только в том случае, если жена признает его и примет в постель в том виде, в каком он есть теперь.

Уже давно гномы разобрались в законах природы, в которых человек бредёт, как в потемках. Овладев антигравитацией, они, оседлав подходящее облако, лихо перемещаются в пространстве, образуя неопознанные летающие объекты. Уфологи приписывают их космическим пришельцам. Зря! Это всё наше, земное. Надев колпак, они становятся невидимыми. Поэтому, хотя командированные гномы всегда среди людей (одна цивилизация буквально пронизывает другую), мы их не замечаем. А они нас замечают, но не трогают. Иногда, правда, вытворяют с нами дурные шутки, когда им совсем уж скучно в нашем убожестве.

Впрочем, среди людей всегда есть сверхчувствительные натуры, которые ощущают себя под постоянным наблюдением внешней силы. Именно они генерируют идеи Бога, ангелов и чертей, ноосферы. Однако все гораздо проще: гномы ждут естественного конца нынешней цивилизации и слегка стимулируют зарождение новой.

Имея гигантские достижения в науке, технике, искусстве, они консервативны в общественном устройстве. Политический строй подчиняется уставу Ордена Тамплиеров. Возглавляет общину Великий Магистр. (некоторые люди видят главой гномов Вия, но это –

неправда). Все они – рьяные католики и ревностно соблюдают христианские ритуалы. Владеют любым языком, но предпочитают общаться по-латыни. Иногда они помогают своим будущим коллегам ещё при жизни тех в нашем мире. Так, Коперник написал перед смертью свою известную книгу по материалам, предоставленным ему как раз Вацлавом. Гномы делились информацией с Эйнштейном и Ландау, Центральную Библиотеку Сеттлеров (*settler* – переселенец) посещали такие писатели и поэты: как Одоевский, Гумилев, Фейхтвангер, Окуджава и многие другие.

Не бродяги, не пропойцы.

За столом семи морей,

Вы пропойте, вы пропойте.

Славу женщине моей"

И далее:

"Просто мы на крыльях носим,

То, что носят на руках

Таймыр испокон века называли Столом Семи Морей, с подъемом на крыльях тоже ясно, а вот с женщиной – сложнее.

Гномы – интеллектуалы (по крайней мере, считались такими в первой жизни), следовательно – необычайно капризны и требовательны. Мира-согласия между ними нет и быть не может. Поэтому они постоянно нуждаются в сильной руководящей руке, которой могли бы подчиняться с радостью и добровольно. Такой властью никакой Магистр обладать не может. Поклоняются они женщине. Когда жили на Западе – это была Белоснежка, а здесь, в Сибири – Синильга (Этимология та же, но язык тунгусский). Гномы истово служат ей, впрочем, как и многие люди, ибо мало кто может устоять против чар красавицы-шаманки.

Сотрудничество гномов с Синильгой взаимовыгодно. Синильга позволила им обитать под землей (весьма богатой металлами и камнями) на своей территории и главное – защитила от троллей – вечных врагов гномов. Тролли – остатки ещё более древней цивилизации, чем гномы. Мерзкие твари, доложу я вам: тупые, примитивные, недоверчивые и злобные. Живут, как правило, на севере: в Норвегии, Швеции, Финляндии. В России троллей можно встретить в Сибири. Их отвратительный облик не описать словами: нос огромный, как перезревший огурец, уши как у летучей мыши, когтистые лапы, волосатое тело, крысиный хвост. Кроме того, они отвратительно пахнут. Тролли невероятно сильны и быстро бегают. Любимое развлечение – наворовать (у людей или у запасливых горных гномов) кучу золота и драгоценных камней и часами перебирать их. Гномы от них сильно страдали, но Синильга наказала троллей, и они теперь опасаются приближаться к её владениям.

Синильга – баба весьма до секса охочая – также оказалась в выигрыше. Естественно, что недостатка партнеров у неё нет: каждый гном считает за честь удовлетворить её, но размеры членов у них все же непростительно малы. (Как бы не утверждали сексологи, что размер члена на сексуальное удовлетворение женщины не влияет, на практике это не так. Синильга, конечно, при необходимости может увеличивать свой рост (и все другие параметры тела) в три-четыре раза, но уменьшить его меньше роста Венеры не способна. Ну, а гном – треть той же Венеры. Вот и возникает несоответствие ключа с замком. Поэтому у гномов – постоянная забота: найти подходящих мужиков для удовлетворения любимого идола. В награду, они знакомят волонтеров с достижениями своей цивилизации, а некоторым гарантируют превращение в гномов. Многие охотно соглашаются, тем более что Синильга в сексе великолепна, активно использует весь арсенал поз и приёмов. Она знает, как мужику сделать хорошо. Но есть проблема. Тело её холодно, как лёд. Температура никогда не поднимается выше 0°C (Все же она не Снегурочка, чтобы от любви таять). Многих это сбивает с настроения, а некоторые, успешно преодолевшие первый барьер, гибнут от переохлаждения.

Так что забот у гномов много. Не все так просто с Цивилизацией.

Но вернемся к геологам.

Первым на свидание с Синильгой пошёл Боря Золотарев. Всё ж начальник, да и мужик здоровый. Здоровый то здоровой, но ведь комплексом Приапа не страдал и постоянной эрекцией, как Казанова, не обладал. А тут такая задача. Вы снежную бабу трахали? То-то же! Хоть и «моржом» был, но на всякий случай подстраховался. Вколлот себе в член простагландин, тот встал во всю мощь и сутки продержался. И какие сутки! Партнеры они достойные: несколько землетрясений пронеслось по планете, а одно – катастрофическое. Тайга загорелась, и водородная бомба рванула, недолетя до земли.

В целом, обоим понравилось, и Боря остался с ней на всю неделю. Приспособился без медицинских хитростей. Кайф, как от прыжков после бани в горную речку. Уже сам хотел её, и любил бескорыстно. Но устал и был отпущен.

Провели его по выставке достижений, да по лабораториям. Много чего показали. Например, прозрачный глобус, наглядно отражающий расположение геологических слоёв и места залегания полезных ископаемых. Недаром он потом получил все возможные премии, защитил докторскую диссертацию, стал академиком. (Дело было давно, сейчас он уже сам – гном). Очень

ему понравился цветной дисплей объёмного изображения, в который пялился Исаак Ньютон. На экране развивался процесс многомерной миграции какой-то субстанции.

Вторым выбрали Валерия. Синильгу он уже видел: красавица-тунгуска ночью вставала из могилы и пошаливала в тайге. Обожала всех пугать. Вот и Валеру раз пуганула: ночью вокруг него залетали два горячих угля, как пара волчьих глаз. Зато другой раз, ударила ладонь в ладонь – вся в красном, в бисере – извивно закрутилась в удалом танце, так что от её чёрной косы вихрь-смерч образовался и ушёл рушить природу на Дудинку. Да и ночью во сне она к нему являлась вся красная на фоне красной земли и красного неба: «Бойе, друг, обними меня! Ну, крепче, крепче!»

Понравилась ему Синильга: и отдающий слегка синевой белый цвет её кожи, и густые черные волосы до пят, сами собой собирающиеся в толстою косу и сами собой распускающиеся, и недоступная смертным манера менять цвет глаз. Но вечером, когда за ним подали облако, он вдруг испугался. Как недоучка-студент экзамена. Стыдно признаться, но он был девственником, смутно представляя устройство женщины и способы обращения с ней. Тем более со зрелой тёткой. Холод заранее сковал его тело. Он забился в палатке под кучу пологов-тентов, в надежде, что не заметят. Смешно!

Попытка увильнуть сильно озлила гномов. Валеру вытащили на свет. Затрещал спальник.

– Кастрируй его! – раздался клич.

Гномы, как дикари, размахивая кривыми ножами, заплясали вокруг палатки. Раздался пронзительный свист.

Нечеловеческим усилием Валерий вырвался и, в чём мать родила, помчался вверх по стенке кара. На вершине вулкана ему дорогу преградил Великий Магистр. За ним – строй факельщиков. Магистр протянул Муравьеву прозрачную глыбу горного хрусталя. В ней Валера узнал себя. Голова стала стареть, седеть, лысеть и вот остался один череп. Его череп.

– Нет! Нет! – закричал он, – только не я! Возьмите другого: Борю, Кастыля, любых корректоров. Но не меня, не меня!

Он зашептал молитву «Отче наш». И прочел её всю, хотя раньше никогда не слышал. Затем рухнул без сознания.

Утром он проснулся в палатке. Больше его не трогали.

Гномы ушли.

После возвращения в Москву он много болел, переживал, но потом зажил обычной жизнью МНСа при МГУ. Женился на даме, что поверила в его рассказы. Родил двух сыновей. Зарабатывает на шашках хорошие деньги. Но что-то не дает ему покоя. Бывает, что среди бела дня он всё бросает и куда-то бежит с остекленелыми глазами. Ученого из него не вышло. Пьёт всё больше и больше. Седой в 40 лет бродит по факультету в поисках ста грамм спирта.

И обещает отдать.

Иконика

Авторрадиография – довольно занудное дело. Требуется большой аккуратности и терпения. Сначала нужно приготовить образец с абсолютно гладкой поверхностью, приготовить ровный и толстый слой фотоэмульсии на стеклянной пластинке, в вести в образец радионуклид, в абсолютной темноте меченый образец привести в контакт с фотопластинкой, закрепить сэндвич в специальном устройстве и, наконец, поместить всё это в ящик – термостат. Экспозиция занимает несколько дней или недель. Надо ждать. Потом следует длительный и сложный процесс проявления фотоматериала. Проявленную и высушенную пластинку помещают под объектив микроскопа, рассматривают при большом увеличении различные участки изображения, пытаются понять характер распределения радионуклида по поверхности исследуемого материала. Понравившиеся изображения вводят в компьютер, где уже анализируют с использованием программных и математических средств.

Со времен Беккереля многие занимались авторрадиографией, но быстро бросали: получить нечто путное удаётся крайне редко.

Но Виктор любил это дело и всё аспирантское время посвятил его развитию. Тем более, что с детства был педантом. Любил продвигаться вперёд, медленно, но дотошно, копаясь во всём, что встречается на пути. Авторрадиография давалась легко. По крайней мере, ванночки с проявителем и закрепителем он в темноте не путал. Впрочем, АРГ не была самоцелью. Его интересовали случайные процессы: флуктуации радиоактивного распада или космического излучения, вариации рельефа поверхности материала, случайности процесса миграции токсичного вещества в окружающей среде. Он не верил в случайности и везде искал порядок, некоторую закономерность, гармонию. Он считал, что абсолютного хаоса не бывает. Если что-то выглядит для нас хаотичным, то это – поверхностное впечатление. Детальный анализ легко выявит закономерность. Он отстаивал концепцию детерминированного хаоса.

Как известно, учёные любят порядок. Изучить нечто хорошо упорядоченное, часто появляющееся, записать некоторую формулу из нескольких букв и цифр, ввести в научный обиход некоторый закон, который тебя обессмертит, для них – милое дело. Так появились законы Ньютона, Ома, Фарадея и многих других. На этом пути возможны и законы Иванова, Петрова,

Сидорова. Почему нет?! Встретив же беспорядок, неупорядоченные, редко или вообще однократно встречающиеся события, такие учёные смущаются, стесняются и сворачивают в сторону. Виктор же, наоборот, любил браться за неупорядоченные, незарегулированные события. Он исследовал полностью свободные системы, не ограниченные какими-либо закономерностями, правилами или законами. Его привлекал бардак во всех его проявлениях. Но он исследовал хаос не потому, что его любил. Нет! Он старался смирить свободу, покорить волю природы, внести в неё Закон.

Вот и сейчас, он взял методику введения радиоактивных газов в металлы, как утверждалось, гарантирующую случайное распределение меченых атомов по объёму и поверхности образца. Перепробовал десяток режимов введения и, рассматривая сейчас на дисплее компьютера отдельные участки сильно увеличенных автордиограмм, убеждался в полной хаотичности изображения. Никакого порядка найти не удалось. Он сутками не отходил от компьютера, сдвигая картинку курсором и пристально вглядываясь в неё. Перед его взором представляли тёмные пятна, различных размеров, формы и степени черноты. Они менялись, как хотели. Закономерностей не было.

Он приступил к обработке результатов. Запустил сначала стандартные программы. Затем – изошрённые военного назначения. Наконец – свои. Перешёл на мощный компьютер в знакомом космическом ящике. Кое-что начало проясняться. Появились сначала автокорреляции, затем – взаимокорреляции. Стал проступать закон. Виктор собрал воедино интуицию, моделирование, результаты обработки эксперимента и победил! Появилась некоторая формула, описывающая распределение примеси по поверхности автордиограммы. По данным одного участка изображения он рассчитал другой участок изображения. Проверил, совпало! Он занялся всей совокупностью автордиограмм. Через два месяца справился и с этим.

Он упорядочил хаос! Записал закон. Быть может – общий закон Всемирного Бардака. Он ограничил Волю, придав ей статус Свободы. Как осознанной необходимости. Серьёзное дело. Нобелевкой пахнет...

Вне себя от счастья он помчался домой. На эскалаторе, сбежавший сверху парень стукнул его по руке. Дипломат вырвался, полетел вниз и раскрылся. Посыпались стеклянные пластинки. Сердобольные пассажиры стали их собирать и возвращать хозяину. Некоторые при этом удивленно смотрели то на пластинки, то на Виктора. Случайно Виктор посмотрел одну на просвет.

И обмер!

На фотоснимке был его портрет!

Виктор уселся на полу, прямо под эскалатором. Стал перебирать снимок за снимком. Да это он. Вот он в детской коляске, вот в песочнице, вот на байдарке. Детские снимки сменились юношескими, потом взрослыми. Но на этом дело не кончилось. Он стал стареть: появились морщины, седина, лысина. На него глядел изможденный старик с бегающими глазками закоренелого маразматика. Веяло беспомощностью и стариковской дурью. Но, наконец, он в гробу в кругу не очень обеспокоенных родственников. А вот и череп, трудно понять чей, но, похоже, его.

Виктору стало смешно: он нашёл закон эволюции. Эволюции самого себя. И этот закон показался ему глубоко не симпатичным. Он захохотал и принялся бить пластинки. Потом заплакал, потом опять засмеялся. Так он продолжал какое-то время, потом дежурная вызвала милиционера, и тот куда-то его повёл.

Мораль: за деревьями лес видеть нужно...

Мировоззрение кота Юриуса

«– Прежде всего, – начал профессор очень серьёзным, раздумчивым тоном, – прежде всего, скажите, любезный маэстро, согласны ли вы с утверждением, будто из любого ребенка, который не блещет ни выдающимися способностями, ни талантом, ни гениальностью, а обладает лишь телесным здоровьем, можно путём одного только весьма тщательного воспитания и образования, особенно в детском возрасте, сделать светило науки или искусства ?

– Э, – возразил маэстро, – я могу только сказать, что такое утверждение – нелепица и глупость.»

Кот Юриус, оторвал взгляд от толстого фолианта, поднял свою начинающую сесть голову и посмотрел в окно. На улице подморозило. Низ окна прикрывал снег, ледяной узор полз по стеклу. Отсюда, с восьмого этажа флигеля главного здания МГУ, Москва не так отчетливо просматривалась, как, например, из окон Музея, но всё же часть огромного азиатского города, простирающегося внизу в излучине реки, была видна. Точнее была бы видна, если бы не испарения, её окутывающие.

Вопросы, затронутые его учёным предком, котом Мурром, и не совсем адекватно изложенные Эрнстом Теодором Амадеем Гофманом в известном трактате «Житейские воззрения кота Мурра», волновали и его. Что есть студент? Чистая доска, на которой можно написать всё, что угодно? Чёрный ящик, воздействуя на вход которого можно добиться нужного эффекта. По принципу: пхни кобылу в нос – она махнёт хвостом. Если так, то задача преподавателя состоит в подборе способа пихания, обеспечивающего максимальное отклонение злополучного хвоста. Или студент котом Мурр – сложившаяся личность, и заложенного воспитания никакими

воздействиями уже не преодолеть? К тому же тупой детина со знаниями – это и есть ученый?! А если он не тупой, то как он позволит впустить в себя всякую дурь?

Что есть методология Учителя?

В чём состоит мыследеятельностное содержание образования? Достаточно ли нам четырёх метапредметов: Знак, Знание, Задача и Проблема? В чём состоит позиционно-мыследеятельностная структура с точки зрения соорганизации разных предметностей и языков? Сможем ли мы обеспечить студентов интегративными метаучебниками сквозного применения на занятиях по выражению нового мировоззрения в общностях? Кто в МГУ способен обеспечить инструкционный дизайн? Как осуществить самоопределение учащегося по гиду и построению учебной магистрали? Кто будет внедрять управленческую позицию проектирования социально-культурных мегамашин и нормирования систем социальных действий с точки зрения их последствий?

Кто?

Кот Юриус нервно прошёл по подоконнику, подняв вертикально хвост.

Он посмотрел на своё отражение в окне. Всё-таки он породист. Чувствуется западный аристократизм. Одно родство с котом Мурром чего стоит. Ведь этот предок вёл свою линию прямо от Кота В Сапогах. По женской части дело обстояло несколько хуже: тут больше предков по местной университетской достаточно интернациональной линии. Мама упоминала кота Базилио. Точно известно о русском коте Ваське. То, что такой предок у него был, кот Юриус осознавал по некоторым чертам своего характера. Хотелось бы вписать в родословную Кота Учёного, бродившего некогда по цепи вокруг дуба, но, похоже, у того вообще не было потомства. Неужто он был кастрирован? Слегка ощущались примеси персов и сибирской породы, но это его не портило. Совершенно чёрный, с белым кончиком хвоста, как у чернобурой лисицы, с синими глазами он был велик и красив.

Кот Юриус ощущал себя профессором, и, в сущности, был им. Он родился и вырос в МГУ, прошёл полный курс философского факультета и аспирантуры. Постоянное посещение занятий со студентами и Учёных Советов, на которых он часто дремал, забравшись на книжный шкаф, превратили его сначала в аспиранта, потом – в кандидата, потом – доктора наук и, наконец, в профессора. Он пользовался большим авторитетом не только у людей, но и в Университетском животном мире. В первую очередь у котов, естественно, но не только.... Хозяином его был проректор МГУ и относился к нему, как к равному.

– Почему, собственно, я заикнулся на инструкционном дизайне МГУ? Если уж заниматься «чистой доской», то с раннего возраста. Профессор у Гофмана прав, заниматься образованием и воспитанием надо с детского возраста. Жаль, официальный МГУ не подбит на занятия с детьми. Он слишком консервативен для этого. А вот подростковым возрастом вполне можно заняться.

Юриус снова прошел по подоконнику. Ещё раз задумчиво посмотрел на Москву и вернулся в комнату. Легко перепрыгнул на стол и улёлся на тёплый системный блок компьютера. Он начал задремывать, когда его осенила мысль: Подростковый Университет.

Он вскочил, потянулся, сильно выгнув спину, и спрыгнул к клавиатуре. Открыв свой файл, он, работая двумя лапами, одним когтем в каждой, быстро напечатал:

«Подростковый Университет»

затем подумал, посмотрел на потолок и уточнил:

«Международная подростковая школа-университет»

Да! Это – то, что надо! Этим он займётся немедленно. Сначала – Концепция.

На экране появилось:

«Замысел и основания»

Дальше бодро заскакали буквы, складываясь в слова:

«Отрочество – есть «точка» между (метаксю) детством и взрослостью (созданием семьи и общины), есть сдвиг и переход».

За окном что-то зашевелилось, зашебуршилось, замахало крыльями. Голуби!

Профессор стартовал без подготовки. Мощный толчок, и он прямо от компьютера взлетел воздух, пролетел расстояние между столом и окном и, лишь царапнув лапами по форточке, вылетел наружу. Опаснейший маневр! Всё же восьмой этаж, за окном балкона нет, а есть лишь узкий карниз, наклонный, покрытый железом, а теперь обледенелый и заснеженный. Но Юриус недаром с детства занимался спортом. Он уже стар, но ещё в форме. Голуби не ожидали такой наглости. Двое успели рвануть в сторону, но третий затрепыхал в острых и длинных когтях.

Кот был доволен. Всё же он что-то может. Цель достигнута, пора домой к тепленькому компьютеру. Он уже собрался убрать когти и выпустить добычу, как с соседнего балкона раздалось:

– Мяу! Привет Юриус!

На перилах сидела соседка, кошка Марфа. Как всегда слегка растрепанная и взвинченная. Когда-то он за ней ухаживал и, как говорится, у них всё было. Даже дети. Но было давно и как бы не было вовсе.

– Брось нам голубя. У меня новый выводок подрос, но на охоту пока не пускаю, тем более – на карниз. Брось – пусть потешатся живой игрушке с теплой кровушкой. Заодно потренируются.

Кот двинул лапой и метнул полуживого голубя на балкон.

– Вот спасибо! Как поживаешь? Смотрю, ты всё такой же охотник.

– Ах, Марфа! Разве это жизнь? Я тоскую по тебе. Ты где-то скрываешься, где-то бродишь. Меня забыла.

– Господь с тобой! Я нигде не скрываюсь. У меня куча дел и куча забот. Дети, муж, хозяйка... Да и общественных дел не впрокорот. Ты же знаешь – я отвечаю за подростковое воспитание и член кошачье – собачье общества дружбы. Кстати, загляни к нам на Совет сегодня вечером. В зал заседаний. Ну, ты знаешь – под радарам.

– Возможно, возможно приду. И воспитанье и интернациональная дружба меня волнуют. Но до вечера далеко. Иди ко мне. Сметанку покушаем, сливок попьём.

– Знаю я твою сметанку, – засмеялась Марфа, – Казанова старей. Последствия я буду расхлебывать. Стара я и глупостями не озабочена. Да, слыхала, ты теперь с Нимфой. Вот с ней и пей сливки на досуге. Лучше помоги советом, я вся исстрадаюсь.

– В чём дело?

– Ужас! Мой старший сын из прошлогоднего помёта стал наркоманом! Шатается по комнате, глаза тупые, мычит что-то нечленораздельное. Под кайфом! В гнездышке его я нашла крышки от флаконов из-под валерьянки. Хозяйка пьёт, флаконы выбрасывает, а он таскает. Пока в квартире. Но, что будет, когда выйдет в свет? Он станет преступником!

– Это проблема! Я как раз пишу об этом. Что такое отрочество? В определенном смысле здесь ничего не предопределено и не задано, не складывается, не пригоняется. Возникает сильнейшее движение, серии движений души на преодоление разрывов через идеальное, через идеально-проектные структуры и через ИНИЦИАТИВУ, как лично-коллективную форму реализации замысла и решимости по преобразованию формы общения (формы общественной жизни) и построению новой.

– Ах, Профессор, Вы ухватили суть. Такой умный! Спасибо за совет. До вечера!

Махнув пушистым хвостом, она исчезла.

Юриус подобрался и рванул вверх. Цепляясь за деревянную раму, выступы, шпингалеты, он достиг форточки и нырнул вниз. Тепло! Он стряхнул снег и некоторое время, сидя на принтере, умывался, натирая лапой нос. Интересно всё складывается. Вовремя он придумал Подростковый Университет. Он поможет Марфе, поможет их сыну, поможет молодежи (Благо, по общественному мнению, в ГЗ МГУ – половина кошачьей популяции – его дети. В биологическом смысле). Воспитанье – важнейшая вещь.

Профессор вновь подошёл к компьютеру. Прочёл начало, подумал и застучал по клавиатуре:

«Назначение подростковости, как срединного периода отрочества – разработать и определить целеобразы своей взрослости, и, соответственно, для этого интенсивно экспериментировать с возрастным нормированием, как процессами выработки (порождения) и опробования истинно-абсолютных норм: тех НОРМ-ПРИНЦИПОВ, которые на деле и способны порождать культурные и социальные «нормы».

Кот чувствовал вдохновенье. Мысли чёткие и ясные, легко трансформировались в письменный текст. Никогда ранее не удавалось ему так просто изложить сложную идею. Идею об образовании и воспитании отроков. Он продолжал:

«Взрослость есть интегральное выражение комплекса орг-управленческих (оргтехнических?) способностей, где орг-техническое отношение (а также понятие управления, как деятельности над деятельностью) выступает в качестве родового и исходного. Основным кумулятивным результатом Подростковой школы-университета должно быть формирование рефлексии и рефлексив....».

Однако судьбе было не угодно, чтобы в тот день Концепция была закончена. С треском распахнулась дверь, свалив попутно торшер, который в свою очередь с шумом покотился по паркету. В комнату влетел коккер-спаниель Роллик (Ролердром, Роллер, Ролл, для своих – Роллик). Не теряя время на оценку обстановки, пес бросился к креслу у стола, вскочил на него, затем – на стол и молча кинулся на Юриуса. Кот взлетел вертикально вверх, перелетел на стул, опрокинув его, затем – на диван. Роллик, скользя по паркету, бросился за ним. На диване они встретились.

– Пшшш! – зашипел Профессор и взвыл дурным голосом. Резко затормозив, он повернулся на 180 градусов, и поднял лапу. Блеснули когти.

Роллик был в прыжке. Уже в воздухе пёс немыслимым маневром под прямым углом сменил курс и слетел с дивана. Распластав лапы на все четыре стороны, он притворился ковриком.

Юриус залёг среди диванных подушек и, не мигая, смотрел на обидчика.

Роллик сначала тоже смотрел на него, но долго игру в гляделки не выдержал. Он отвернулся, пошевелил отдельными частями тела, помотал обрубок хвоста, встал и с независимым видом и не торопясь пошёл к мискам кота. Там были гранулы Китти-Кета, корытце

со сметаной и мисочка с молоком. Пес всё слопал и тщательно, до блеска вылизал посуду. Затем похлебал чистой водицы и вернулся на исходное место. Кот продолжал тяжело и неподвижно глядеть на него.

– Ну, чего уставился? – начал Роллик, снова превращаясь в плюшевый коврик, – хорошо поразмялись? Тебе полезно, Профессор. Ученый муж! Посмотри на себя: дрыхнешь целыми днями, во дворе с хозяином не гуляешь, ни на охоте, ни в горах тебя нет. Изысканную пищу лопаешь, живёшь на всём готовом, причём не известно за какие заслуги. Ты скоро мхом порастёшь, растолстеешь так, что в дверь не пролезешь – прорубать придётся. Ха! Ха!

– Профессора каждый обидеть может. Запросто! Идешь, что-то валяется, так пхни его. Отчего ж не пхнуть, это ж профессор.

– Кто тебя обижает? Правда глаза колет? Тебя все уважают: как же, учёный. А в сущности ты – раб. Нет у тебя никакой свободы, кроме как свободы спать, жрать и глазеть в окно на птичек, что в небе летают.

– Ну, положим я свободней тебя. Я гуляю по крышам, и иду куда хочу. Слышал притчу о коте, который гулял сам по себе. Так вот – это я. А хозяину я просто разрешаю меня кормить и гладить. И он очень благодарен мне за это. Привязан я не к нему (мы равноправные коллеги, я осознаю его недостатки), а к дому, к месту. А ты хоть и гуляешь по двору зоны Б, да всегда на поводке. Твоя свобода – поднять ножку у столба и его же описать, да большие дела делать посреди газона на глазах всего МГУ. Та ещё свобода!

– Тогда определим понятия!

– Начинай!

– Ну, свобода – это очень просто. Владимир Ильич завещал. «Свобода – осознанная необходимость».

– Да! Это – любимый лозунг Ленина. Но придумал эту глупость не он. Он просто списал у Маркса, Маркс – у Гегеля, а уж тот – у Спинозы. Крик души прожженного талмудиста.

– Почему, глупость? Нормальная вещь. Как иначе отличить свободу с её ограничениями от российской воли-вольной?

– Глупость! В своем анализе единства и борьбы противоположностей, Гегель обращает в тождество два очень различных и даже противоположных понятия. Этого делать нельзя, т.к. тогда наши понятия теряют определенность, открывая возможность объяснить всё, что угодно. Если свобода тоже самое, что и необходимость (обязательность), то свободы вовсе не существует, есть только необходимость. Можешь утешить себя, что свободен всегда, даже когда вынужден действовать по воле другого, стоит только понять необходимость этого. Сталин уже показал, какие возможности содержит такая демагогия.

– Не надо о культуре! Свобода – отсутствие гнёта, принуждения или ограничения жизненных возможностей.

– Запомни Роллик, отрицательное определение всегда недостаточно! Настоящей симметрии положительных и отрицательных фактов нет! Знать, что нельзя считать свободой, не значит определить понятие самой свободы.

– Последняя попытка. По энциклопедии. Свобода – способность человека (пардон, собаки) поступать в соответствии со своими желаниями, интересами и целями на основе знания объективной действительности.

– Теплее! Свобода – пространство доступных альтернатив. Свобода – возможность действовать (Или не действовать! Самым свободным был Обломов). Свобода – возможность осуществить свою волю и одновременно – возможность выбора.

– Каких-таких альтернатив? Кому это доступных?

Пёс сел, задрал нос и завыл дурным голосом:

Лежит камень в степи, а под него вода течёт

И на камне написано слово:

Кто направо пойдёт – ничего не найдёт,

А кто прямо пойдёт – никуда не придёт,

Кто налево пойдёт – ничего не поймёт

И ни за грош пропадёт.

Хороша перспектива! Дорог много, а идти некуда! Лучше сразу под камнем заснуть! Хлопот меньше. Доступных, в смысле существующих, или тех, что я сам создать смогу? Вокруг МГУ сплошные заборы. Для кого-то путей может и нет, но ты перепрыгиваешь через них, а я подкапываюсь. Беда в другом: в жизни много путей, но только один паровоз.

– У свободы два условия – внутренняя воля и возможность её осуществления. Они крепко связаны. Воля не может осуществляться и даже исчезает, если существует только одна возможность (например, спать под батареей) или нет ни одной (батарею не включили). Наоборот, если нет воли, возможность теряют свою определенность, не говоря уже о том, что новая не создаётся.

– Свобода – возможность действий, а не бесконечной сиесты, как у некоторых. Дремота на принтере не жизнь – пустота. Смерть Вселенной!

– Пустота несёт страшную разрушительную энергию, энергию Кун. Пустота – это прокладка между мирами, основа всего и вся. Это пауза, поскольку пауза придает смысл всему сущему. Без паузы нет ни речи, ни музыки, ни танца – ничего нет. Напиши слова слитно – что получишь? Бесмыслицу. Пауза является самым главным в пространстве развития. Именно к паузе, а не к действию призывает нас Свобода. Это и есть знаменитое «недеяние», которое китайцы возводят в канон наивысшей мудрости. Недеяние – это не беспробудная лень, а способность управлять любым процессом, обладая максимальным объемом информации.

– Давай, профессор, чеши языком, подводи философию под свою лень! Интеллигент потому и интеллигент, что всегда обоснует любое свое действие, тем более – бездействие.

(На этом месте сказителя погрузили в самолёт и вывезли из Африки, а без Африки сказка не получится)

Вера, наука и скептецизм

Тайга, юрта, темнеет, моросит дождь, шумит река, гудит яранга. Костыль полулежит, голова на притоке, ноги – на противоположных нарах. На них – дрожащий гинеколог: чёрный дым из рыжего клубка шерсти. Сверху свешивается сияющий Пупочек.

Копсе – разговор "за жизнь"

Гинеколог долго пытается встрять, наконец, его прорывает:

ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ

ВЕРА, НАУКА, СКЕПТИЦИЗМ

ВЕРА ИСККУСТВА и ИСККУСТВО ВЕРЫ

Слушаю вас, мудаков, слушаю: верю в нашу любовь, наши силы и будущее; верю в науку, экономику, политику; верю в Бога и верю людям; верю в материю, в идею, в причинность; верю себе, верю тебе, верю ему; верю в гуманизм, в черта и °К...

ВЕРЮ В ХРАМЕ И БЕЗ

А если усомниться?

Нет, нет! Нам надо верить.

Что мы без веры? Пустота!

Зачем наука, коли мир непознаваем?

Зачем борьба, коль царства света нет,

Зачем я глотку рву в борьбе с пороком,

Зачем я здесь?

ВЕРА – ОСНОВА СОЗИДАНИЯ

Вавилонская башня и ядерный реактор, "Мёртвые души" и "Мёртвый сезон", целина и бунт, орнамент и чеканка, Ян Гус, Булгаков и Дзержинский...

Кто это? Что это?

Нужно ведь кому-то это.

Ведь кто-то лучше станет,

Что-то изменит.

Возьмем Евангелие. Маленькая Большая Книга. Любовь к ближнему, добро за зло, нравственное самоусовершенствование, победа души над телом, идеи над богатством, пуританина над эпикурейцем...

"Много званых, да мало избранных"

Написали два Апостола и два ученика их свои четыре почти одинаковых книжки, и мир изменился, какие люди появились, сколько совершено добра, какое искусство возникло, какие ожили силы! А что было бы без?

В А Р В А Р С Т В О

Вот былинный богатырь:

Я здоров, чего скрывать,

Я пятаки могу ломать,

А недавно головой быка убил...

Идеал народа: здоровый, смелый, умелый. Встретил животное – все головы долой, встретил Кощея – дави его до смерти. Собственная дочь? Ничего! На одну ножку наступил, за другую дернул. Пополам разорвал. Нормально!

И вот уже поет былина

Сила! Сила! Сила!

СЛАВА ГЕРОЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ!

Но присмотритесь: Илья Муромец 30 лет сиднем сидел, не владея ни руками, ни ногами, но сходу вылечился, как напоил двух жаждущих странников. Алеша Попович победил довольно прожорливого и весьма грязного Тугарина Змеевича с помощью Бога, подмочившего супостату крылья.

"Без Бога ни до порога"

ВЕРА В СИЛУ И СИЛА ВЕРЫ

Дальше, больше. Вот простой любечанин Антип стал иноком Антонием, засел в пещере под Киевом и подаётся подвижничеству. А вот уже с ним и Феодосий: богатство обрело, одет, ест и работает, как раб. К ним народ стекается. И вот, слава нищим и хилым, слава обездоленным, слава отшельникам, юродивым ясновидцам, слава ушедшим от Мира и истязующих себя веригами и кузнечиками!

СЛАВА ГЕРОЯМ НРАВСТВЕННОЙ СИЛЫ!

Так давайте же верить! Не в Бога, зачем? Будем верить в людей, в дружбу, в разум.

А здравый смысл шевелится

Ирония язвит

И ржавчина сомнения

Уж божий храм точит

Верить? Хорошо, будем верить. Но ведь уже до нас верили многие и во многое. И что же? Созданы справедливые государства, справедливая религия, законы? Долго ли может просуществовать компания, семья, община? Я должен любить своего друга и мне с ним хорошо, но утомительно: несёт ахинею, то женится, то разводится, нарожал детей, нянчится с ними. Скучно! Я люблю весь мир, но ломаю ветки, ем мясо, давлю комаров и распахиваю людей. Я верил, что тропа ведёт к перевалу, а она завела в пропасть.

А вдруг мир идей развивается сам по себе, материальный – сам по себе и они никогда не пересекутся? Тогда что?

Кипенье в действии пустом?

Чур, меня, чур, меня! Долой сомненья.

Если бога нет, его надо выдумать!

Да, да, я верю, я сомневаюсь, мне хочется проверить, обосновать, доказать. Сделать я этого не могу и поэтому я должен верить, должен. Иначе – пустота, иначе – я конченный человек...

МНЕ СТРАШНО!

И я верю, верю, верю!

А может быть:

Взять боженьку за ноженьку, да об пол?!

Вера – синоним лжи. Правда не нуждается в вере. Глупо верить, что Москва – столица нашей родины. Это так и есть. Вера исключает терпимость, культивирует фанатизм. Вера берёт города, но уничтожает жителей. Кроме того, она может истощиться. Что тогда? Самоубийство.

Иди один и исцеляй слепых,

Чтобы узнать в тяжёлый час сомненья

Учеников злорадное глумленье

И равнодушие толпы.

Я не могу верить один. Я кричу соседу:

– *Если не поёшь ты с нами – знай, молчишь ты против нас.*

И вот верующие товарищи уже в деле, Петя служит в инквизиции, Жора горит на костре, Эдик плюёт на семью в экстазе эксперимента. Идут священные войны, стоит на собственном горле поэт. Ему – Хорошо.

ТАК НАДО ДЛЯ ЛЮДЕЙ, ТАК НАДО ДЛЯ ОБЩЕСТВА

Источник нашей мудрости - наш опыт,

источник нашего опыта – наша глупость

А если перестать верить? Это так страшно?

Вот она – суровая реальность:

Справедливого строя нет, не было и не будет.

Революции меняют общественные формации, но не дают равенства.

Человек – вырождающийся вид животного.

Человек хуже животного: секс его основа

он убивает себе подобных, ему нужны жертвы

придумал веру для оправдания своей подлости

Человек не родил ни одной стоящей идеи.

Вера не уничтожает, а утончает варварство.

Человек глуп: смотрясь в зеркало, себя не узнает. НЕ ХОЧЕТ. Взятчик из зала смотрит на взяточника на сцене и думает: "Славно Петра Ивановича прохватили".

Румянец воли побледнел под гнётом размышлений.

У вас, наверное...

Если мир на самом деле, или это моё воображение – не важно. Плох он или хорош – дело вкуса. Станет ли лучше – наверное я не знаю, но, вероятно, вряд ли.

Вот у дверей сидит собака. Злая? Не верю! Проверь! О-о-о! Эксперимент закончен, штанов нет.

В вероятностном мире нет места вере. Живи на флуктуации и смотри.

ПОДВЕРГАЙ ВСЁ СОМНЕНЬЮ!

Коль любопытен ты – иди в науку

Коль мысли есть – так говори
Пером владеешь – пиши книгу
    А коль ланцетом – так лечи
    Работай просто для утехи
    Шедевры духа создавай
    В искусстве думай об искусстве
    И вере воли не давай

И:

- Не строй из себя праведника
- Не учи людей жить
- Не говори им правду. Правды нет
- Воспринимай мир таким, как есть и тогда, может быть, он станет лучше.

ТО, ЧТО ДЕЛЕШЬ ВО ИМЯ ВЕРЫ, ДЕЛАЙ ПРОСТО ТАК!

Делай, что нравится, не насилуй себя.

Не важно, чему равна сумма углов в треугольнике – цифра может быть любой. Стол можно описать художественно, можно – на языке материи, а можно – как волну. Стол для меня столом быть не перестанет. А для вас он все равно – другой!

– Во! Верно, Гин! – захихикал Пупочек, – возьми Кастыля: в нем добра и зла по половине. Можно принять, что он – ангел, а можно – что подонок. Дуализм!

Кастыль зашевелился, чуть приподнялся, выпростал руку, схватил высунувшегося оратора за грудки и рванул вниз. Тело глухо плюхнулось на полуметровый слой ореховой шелухи.

Гинеколог приоткрыл один глаз:

- Карюзный, ты не прав! Без рукоприкладства!
- А что он тянет?

Кастыль вернулся на место.

- Он мыслит в слух, и ты себе мысли. Ложь в зад!

Кастыль крикнул, снова выпростал руку, схватил уже поднявшегося на колени и отряхивающегося, как собака, Пупочка за штаны и штормовку, рывком поднял и кинул на верхние нары. Посыпалась труха.

- Опасно!
- Дурак ты, Кастыль! И шутки и тебя казарменные.
- А ты личность не трогай!
- А ты, разъебай, лучше за печкой смотри!

Кастыль выдернул из-под себя бревнышко и бросил его на угли. По полену забегали синие огоньки, потом исчезли, дерево как бы засветилось изнутри и сразу вспыхнуло. Юрта наполнилась светом. Чёрные с коричневым отливом её стены, составленные из тонких стволов лиственницы, уходили вверх, заваливаясь к центру. С потолка к поду печи опускались деревянные крючья с остатками сухого мяса. В углу мерцали скованные цепью капканы. На единственном гвозде висело четыре карабина, все со штычками. На нарах из круглых тесин с остатками коры валялись облезлые олени шкуры. Сейчас поверх них были расстелены сизые от грязи ватные спальные. Лаз в юрту, обшитый заячьими шкурами, отвис и теперь поразительно напоминал помпезные двери Большого театра, оборванные с петель пуантами балерин.

В "красном" углу юрты располагалось чудо якутской инженерной мысли – печь яранга типа камин. Казалось, огромная задница в рваных колготках в мотушей потуге нависала над подом-горшком. Огонь с бешеным гулом обвивал стоящие вертикально поленья и увлекал дым в задний проход. Глиняные ляжки матово отсвечивали. Кое-где глина отвалилась, демонстрируя деревянное исподнее. Изредка с резким треском из печи в горшок сыпались угли, охватывая стоящий там чайник с длинным, как у арабского кофейника, носиком. На эти ласки тот, впрочем, никак не реагировал. Стены юрты покрывала резьба по дереву – творенье безвестных мастеров ножа и стамески. Чего здесь только не было: числа и годы, политические лозунги и ругательства, похабные картинки и пейзажи, звезды, свастики, гербы и фамилии, фамилии, фамилии. Поперёк стены протянулась надпись, вырубленная уже топором:

СТАЛИН – Х@Й

Ебнулся кто-то от хорошей жизни.

– Ну что ты сейчас нес, Гинеколог, – прохрипел Кастыль, – Не голова у тебя – а помойка. Все-то ты знаешь, и всё – неточно. Что ты понимаешь в вере? Не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение посему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо? Скептик ты, ну и хорошо. Держи при себе. Да и не такой уж ты Фома-не-верящий, как представляешься. Верить и ты понемногу. Слишком сложно всё подвергать сомнению. Замучаешься!

– Верить – полезно для здоровья, – подал голос Пупочек, – Разбирали мы тещину дачу, а мороз за тридцать. Погреться надо? Надо! Говорю Сереге: не пей из кружки. Давай из пузырька, к стеклу не касаясь. Тот не поверил и лизнул алюминий. Язык и прилип. Еле отодрали. Неделю помалкивал, привыкал верить...

– Отсутствие веры – уже вера, – меланхолично провозгласил Кастыль, – а при проверке гипотез нужна осторожность.

– Я говорю о вере, как сущности человека, – сел на любимого конька Гинеколог. Может ли человек без веры быть добрым?

– Определяй понятия. Если без религиозной веры, так запросто. Не верь в Бога, а верь в добро.

– Ты, Кастыль, испорчен Университетом и женой! Христианин или какой-то там толстовец старается делать добро из принципа. Но не может! Ибо по натуре зол. И каждый раз себя преодолевает. Людей он любит вообще, а конкретные рожи терпеть не может. Что и выпирает, естественно.

– Заткни фонтан на минутку! Пупочек, мать твою, чай заваривай!

– Если есть у Бени мать, значит есть куда послать, – отозвался Пупочек, на этот раз самостоятельно скатываясь с нар. Сунув руку по нары, он вытянул длинный мешок, сшитой из оранжевой детской клеенки.

– Чифирнем? – поинтересовался Кастыль.

– Не исключено!

Посыпались полиэтиленовые мешочки со специями и остатками провизии. Наконец, вывалился кусочек плиточного чая, завернутый, как шоколадка.

– Маловато! И без чифиренья до Кербо не дотянем.

– До Кербо, однако, дотянем. Впрочем, давай обычный.

Кастыль ловким движением метнул заварку в чайник и тут же снял его с жара. Все протянули кружки с плескавшимися в них остатками спирта. Кастыль, прежде всего, заполнил свою огромную, почти литровую кружку с клубничкой, а затем – остальные.

Гинеколог охватил кружку руками и прижал к груди, пытаясь согреться.

Было тихо и уютно.

Восходит дым от древнего костра.

Окончен день. Есть на ночь кров и пища,

И сладостны простые вечера

С певцом, сидящем около жилища.

Дочь старика Гомера! Это ты....

– Помолчи «Гомер». Подожди, пока будешь вне жилища, – прервал его Олег – мои вирши лучше подходят:

Мы пили водку и вино,

Ректификат, чифир и чачу

Из кружек, ведер – из всего,

Что Бог послал нам наудачу.

Кастыль выхватил немецкий штык и тупым ребром стукнул по ладони. Посыпались искры. Глыбка сахара раскололась. Кусок побольше Кастыль зажал зубами, поменьше – протянул Гинекологу.

– Пей чай, не отвлекайся!

Однако Евгения остановить было не просто:

Взбодрить себя стаканом чая,

И не значай, и невзначай,

На тайный голос отвечая,

В стихи переиначить чай.

Гряди минута просветленья,

Пусть ясной будет голова,

Пусть мысль, разбив слова на звенья,

В стихи объединит слова!

Тут он хлебнул из алюминиевой кружки, обжегся, дернул рукой, пролил себе на ногу и ошпарился. Поэтому какое-то время в зимнике царила тещина и сосредоточенность,

Затем Гинеколог вернулся к заявленной теме вечера:

Меня пугали "Тигром" и "Пантерой",

Я ж доказал (хоть это и старо)

Не только техникой – железной верой,

Что существует на земле добро.

– Брось, врач-общественник. Не ломись в открытую дверь и не задирай ногу, где нет ступеньки. Цитатами ты нашипован, как курица Шимилевича чесноком. Ты ж утверждаешь, что в добро не верить надо, а делать его. Добро делать и правду говорить, хоть её, как ты справедливо отметил, и нет.

– А может и есть, – подал голос Пупочек. – Существует же объективная истина. Скажем ты, Гин, человек и даже мужчина, зачат в 1942 году, когда отец на неделю вернулся с фронта в Москву на побывку. Судя по носу – ты сын своего отца и к тому же еврей. Всё это – правда. Против неё не попрешь.

– Ха! Какая это правда? Это правда факта, даже фактика. Есть правда более высокого порядка – истина.

– Истина! Как же! Вот ты, Гинеколог, описал в рассказе, как у каюра палец оторвали. Цитирую: "Каюр рассеянно наматывал аркан на палец. Лошадь рванула – пальца нет". Капроновый фал имел диаметр 5 см. Ты пробовал его на палец намотать? Ты случайно аркан со шнурком от ботинка не спутал? А рассеянного каюра ты когда-нибудь встречал? Пьяного – неоднократно, рассеянного – нет. Тем более – при ловле диких лошадей. А ведь ты сам арканами ловил этих лошадей и лично ему палец перевязывал. Знаешь, что из-за узла петля не затянулась. Так зачем же ты врешь?! Ведь ты с нами специально ходишь, чтоб жизнь изучать!

– Я не вру – я так вижу! Объективная истина – цель, а не свершенье. Транзит, а не конец. Познание вечно отстаёт по фазе. Только познал что-то общее, глядишь, а оно – частное. Мир сдвинулся – всё надо по новой. Да и неизвестно, способен ли человек познать вселенную. Хватит ли, например, для этого мозговых клеток.

– Твоих нет! Опять тебя куда-то понесло. При чём здесь вселенная, объективная истина, материальная правда? Правду ты понимаешь в идеалистическом смысле. Как своё восприятие мира. Проблема в том, что правда есть, да сказать её нельзя, ибо свихнешься. И понять её нельзя, пока не свихнешься. Что есть правда? Правда в том, что мы смертны и скоро умрем. Понимаешь? Умрём! Всё исчезнет. Весь твой мир, все твои стремленья, все чувства. А Вселенная останется и пойдёт своей дорогой, не замечая ни тебя, ни твоего отсутствия. Смерть-то и вокруг и внутри нас...

Ты все равно придешь – зачем же не теперь?

Я жду тебя – мне очень трудно.

Я потушила свет и отворила дверь

Тебе, такой простой и чудной.

– Ну, вот и хорошо, вот и ладушки. Сон – репетиция смерти. Давайте: на горшок – и в койку.

Они бросили кружки в ведро и дружно встали.

Выходит барин на крыльцо;

Его довольное лицо

Приятной важностью сияет.

Три струи ударили вверх, создавая арочный фонтан.

Залётный волк издали наблюдал за ними, потом сплюнул и потрусил своей дорогой.

Вельветовая революция

Однажды в Центрально-Тьмутараканской Республике случилась Великая Болоньевая Революция.

Старший брат с Восточного Дивана стал старым, впал маразм, да и отдал концы. Молодой (Ново-Старший) брат осмотрел подгнившее царство, влез на Иван-колокольню и вывесил стяг «Ампет и Клюква». Ампет означал рывок и импульс (переименованный на финско-скифский манер, чтоб не подражать Могикано-Саксам), а клюква означала отказ от забугорной картошки в деле самогоноварения и переход на старо-новый национальный напиток – клюковку. Клюквенный морс придал Диванцам ампет небывалой силы. Рвануло так, что взвилась пыль столбом, а Диван раскололся на части, которые на радость стран Великой Табуретки растащили аборигены. Возникло Сообщество Новых Сатрапий во главе со Старыми Паханами – триумф демократии. Демос вылез из всех щелей и захлебнулся в Свободе. Масс-медиа ушло в Гуляй-поле – мат повис на воротах. Можно стало всё. Почти! Хотели повсеместно ввести милое сердцу народа людоедство, но Запада постеснялись. Короче, хотел починить свой дом Ново-Старший брат, потянул за нижний венец, пятистенка и рухнула, придавив, заодно, реставратора.

В Центрально-Тьмутараканской республике с них удивлялись. Здесь уж была перестройка, так ос налетело столько, что пчёлы без меда остались. Дупло – дуплом, а дуб-то трухлявый! Но стены рушились, пришлось дать отмашку – летите голуби! Голуби и ломонулись, да так, что передавали друг друга в узких столичных закоулках. Но главное – продрали плащи болоньевые – красу и гордость тьмутараканцев. Поэтому и прозвали путч Великой Болоньевой Революцией.

Собрались тьмутараканцы на Князьем погосте и первым делом, скинули штаны и показали Новому Старшему Брату и всему Восточную Дивану голую задницу – зарю новой жизни. Вторым делом лизнули зады послам стран Конфедерации Великой Табуретки и пали перед Новейшим Старшим Братом, правящим в далекой Могикании, – выручай мол. Один брат сволочью оказался – давай другого. А без братанов не жить нам! Трудно пришлось вождям могиканских племён, но нашли они хартийца одного, угоревшего в кочегарке. И назначили Поэта тираном. Народ восхитился, обоссал Замок Предков и благословил Поэта на Подвиг.

На троне Поэт первым делом Расколол Царство, повертел куски, один по-больше себе взял, а остальное выкинул за ненадобностью. Страна стала Центральной Тараканью (ЦТ). Матерый борец за Свободу обнёс Удел бетонным валом-забором с колючей проволокой, чтобы Восточно-Диванцы не шастали зря. Для надёжности, перевёл к себе радиостанцию «Вольница», открыл при

<http://profbeckman.narod.ru/>

ней Центр Помоев, собирает их со всего света, да и поливает ими диванцев. Для их же блага. Со стороны ж Табуретки ворота оставил, да и распахнул по-шире.

Затем издал свои вирши, повелев их считать гениальными, устроил театр «У Котельной», срубил все надписи на финско-скифском языке, да назначил правительство – людей новых, во власти не замеченных и ей непривычных. Поэты да поэтессы. Маршальский жезл вручил певице варьете, тут же отдавшейся Капралу Великой Табуретки, да с такой страстью, что в соседней Славии крысоборенье выиграло. Министр Кошелька и Сейфа воздвиг на Княжьей площади свою коленопреклоненную статую с задранной попой. Теперь все проходящие суют ей в задний проход по монете, а интуристы – две. Доход пустили на стрелецкую роту для утренних побудок.

Перестройка пошла быстро – замуровали все окна, смотревшие на восток, и прорубили окна на запад. Настала эра Вечернего Звона.

Поэт лоббировал лирику, да давил физику. Науку он упразднил – оставил пару алхимиков для растворения философского камня в Алкаджесте, а остальных направил в переплетчики. Что зря реактивы тратить? А если изобретет кто что в Галактике, так всё-равно не удержится, бреханёт. Мы и узнаем! Ну, и ежели вещь полезная...

И живут теперь Центрально-Тараканцы под сенью Зеленого Заката на зависть Восточно-Диванцам и на радость Великой Табуретке: стихи читают, да песни поют.

Чего и нам желают.

А у нас ещё пыль не села, и квас не взбродил. С изюмом плохо!